Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

НАРОДНОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ

ВОПРОСЫ
ПОЛИТИКИ И
ОРГАНИЗАЦИИ
НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ

ЯНВАРЬ

№ 1

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ НАРКОМПРОСА РСФСР

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — 1928 — ЛЕНИНГРАД

СОДЕРЖАНИЕ

Портрет В. И. Ленина.

XV СЪЕЗД ВКП(б). *Стр.*

А. Подземский. Вопросы народного просвещения на XV Всесоюзном съезде ВКП(б) 3

СОСТОЯНИЕ АППАРАТОВ ОТДЕЛОВ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ.

Постановление коллегии Наркомпроса об итогах обследования инспекцией НКП состояния аппаратов ОНО 31

А. Г. Вигдоров. Состояние аппаратов и бюджета по народному образованию в 1927/28 г. 33

К ПАРТСОВЕЩАНИЮ ПО ВОПРОСАМ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ.

П. Каган. К вопросу о пересмотре нашей системы народного образования . 44

БОРЬБА С БЕСПРИЗОРНОСТЬЮ.

А. Луначарский. О детдомах и беспризорности 51

М. Эпштейн. Состояние детской беспризорности и очередные задачи борьбы с ней 54

МАССОВАЯ ШКОЛА.

С. Т. Шацкий. О текущих задачах в работе массовой школы 64

ПЛАНИРОВАНИЕ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ.

П. Григорьев. Условия и перспективы введения всеобщего начального обучения в автономных республиках РСФСР 68

П. Григорьев. Методы исчисления некоторых основных показателей по начальному образованию 76

ШКОЛА И ОБОРОНА СССР.

Р. Герчиков. О подготовке к опасности войны в школах повышенного типа 84

Н. Петров. О работе среди детей в связи с опасностью войны 89

ПРОБЛЕМА ПЕДАГОГА.

С. Фридман. К вопросу об изучении педагогического персонала 90

ОРГАНИЗАЦИЯ МЕТОДИЧЕСКОЙ РАБОТЫ

А. Подгорненская. Место кабинетов в методической политпросветработе . . 97

РАБОЧЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ.

Б. Маковский. Рационализация промышленности и фабрично-заводское ученичество 104

ИТОГИ ОКТЯБРЯ.

С. Т. Шацкий. Пути массовой педагогической работы за 10 лет 116

ПО ПРОСВЕЩЕНСКИМ ЦЕХАМ.

В. Енютин. У начала нового этапа 127

А. Муравлевский. Школьные ухабы 134

СЪЕЗДЫ И КОНФЕРЕНЦИИ.

Н. Преображенский. Итоги III Всероссийской конференции по краеведению . 139

ЗА ГРАНИЦЕЙ.

И. Перель. По германским школам 143

М. Штейнгауз. Система готовых норм в применении к ручному труду . . 150

БИБЛИОГРАФИЯ.

М. Ш. Обзор иностранной литературы 153

В. Чарнолуский. Новые книги по народному образованию 155

L51
N3

Напечатано в типографии Госиздата
„Красный Пролетарий". Москва,
Пименовская улица, 16,
в колич. 3500 экз.
Главлит № А—6348
Гиз П. 11 № 25038.

LIBRARY OF CONGRESS
APR 27 1928
DOCUMENTS DIVISION

1-18330 XII 30

XV СЪЕЗД ВКП (б)

ВОПРОСЫ НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ НА XV ВСЕСОЮЗНОМ СЪЕЗДЕ ВКП(б).

Вопросы культурного строительства все более привлекают внимание широких партийных кругов. Лучшим показателем является состоявшийся в декабре 1927 г. XV Съезд Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Во всех основных докладах, в прениях по ним, наконец, в постановлениях партсъезда вопросы народного просвещения получили достаточно широкое и яркое отражение.

Учитывая тот огромный интерес, который представляют для деятелей народного образования выступления по вопросам просвещения с трибуны партсъезда, определяющего основные линии нашего социалистического строительства, мы помещаем здесь выдержки * из речей участников съезда, группируя их по основным проблемам культурного строительства.

I. О КУЛЬТУРНОЙ РЕВОЛЮЦИИ.

И. В. СТАЛИН.

Вернейшим средством против бюрократизма является поднятие культурного уровня рабочих и крестьян. Можно ругать и поносить бюрократизм в государственном аппарате, можно шельмовать и пригвождать к позорному столбу бюрократизм в нашей практике, но если нет известного уровня культурности среди широких рабочих масс, создающего возможность, желание, умение контролировать государственный аппарат снизу, силами самих рабочих масс, бюрократизм будет жить, несмотря ни на что. Поэтому культурное развитие рабочего класса и трудящихся масс крестьянства, не только в смысле развития грамотности, хотя грамотность является основой всякой культурности, но прежде всего в смысле приобретения навыков и умения войти в дело управления страной,—является основным рычагом улучшения государственного и всякого иного аппарата. В этом смысле и значение ленинского лозунга о культурной революции. Вот что говорил на этот счет Ленин в марте 1922 г. перед открытием XI съезда нашей партии в своем письме в ЦК на имя т. Молотова:

«Главное, чего нам нехватает,—культурности, уменья управлять. Экономически и политически нэп вполне обеспечивает нам возможность постройки фундамента социалистической экономики. Дело «только» в культурных силах пролетариата и его авангарда».

Этих слов Ленина нельзя забывать, товарищи, отсюда задача партии: усилить борьбу за культурный подъем рабочего класса и трудящихся слоев крестьянства.

...У нас имеются некоторые ростки антисемитизма не только в известных кругах средних слоев, но и среди известной части рабочих и даже среди некоторых

* Выдержки заимствованы из отчета о работе съезда, напечатанного в „Правде" за декабрь 1927 г.

звеньев нашей партии. С этим злом надо бороться, товарищи, со всей беспощадностью.

У нас имеется, наконец, страшная культурная отсталость не только в широком смысле этого слова, но и в узком его смысле, в смысле элементарной грамоты, ибо процент неграмотности в СССР все еще не мал. Все эти и подобные им минусы должны быть ликвидированы, если мы хотим двигаться вперед более или менее ускоренным темпом. (Из доклада «Политический отчет ЦК ВКП(б)».)

СТ. В. КОССИОР.

За последние 2-3 года культработа профсоюзов стала крепко на ноги, и она сейчас имеет огромнейшее значение в жизни рабочего класса. За этот период мы имеем рост членства в клубах, правда, небольшой—с 900 тысяч до миллиона. Но при этом необходимо учесть переход клубов на добровольное членство и улучшение качества их работы. Самое характерное—это то, что за это время выросло количество красных уголков на предприятиях—с 7 000 до 42 000. Красные уголки на предприятиях являются теми общезаводскими и цеховыми клубами, где ведется настоящее политическая, общественная работа. Это в большинстве случаев клуб, куда стекаются рабочие, где проводят каждую свободную минуту. В дальнейшем необходимо больше использовать в работе клубов, в том числе и в клубах предприятий, кино и радио, чтобы в большей степени приблизить их к рабочим массам. За это же время выросло и количество газет, которые читают рабочие. Если к XIV съезду, по тем данным, которые приводил в своем докладе т. Молотов, 10 газет приходилось на 27 рабочих, то сейчас десяток газет приходится на 21 рабочего. В заключение я должен отметить необычайную тягу рабочих к учобе. Растет число вечерних школ, университетов, кружков при клубах и т. д. и т. п. (Из доклада: «Организационный отчет ЦК ВКП(б)».)

Л. М. КАГАНОВИЧ.

Вопросы рационализации и поднятия культурности масс в нынешних наших условиях являются решающими; именно в последние дни своей жизни Ленин и выдвигал вопрос поднятия культурности масс в центр внимания нашей партии. Построить социализм мы можем, только всемерно поднимая культуру нашей страны.

Беспощадно высмеивая филистеров, мелкобуржуазных демократов из II Интернационала, на все лады твердящих о нашей некультурности и отсюда делающих вывод о невозможности для нас построения социализма, Ленин в своих «Страничках из дневника» (по поводу записок Суханова) писал:

> «Если для создания социализма требуется определенный уровень культуры (хотя никто не может сказать, каков этот определенный «уровень» культуры»), то почему нам нельзя начать с начала, с завоевания революционным путем предпосылок для этого определенного уровня, а потом уже на основе рабоче-крестьянской власти и советского строя двинуться догонять другие народы».

Величайшее недомыслие оппозиции как раз заключается в том, что она этого важнейшего вопроса не понимает. Вместо помощи партии в деле всестороннего развития культурности масс «на основе рабоче-крестьянской власти и советского строя», вместо того, чтобы продолжительной, повседневной, кропотливой работой помогать партии культурно подымать нашу страну, чтобы «двинуться догонять другие (т. е. буржуазных государств) народы» и потом обогнать их, оппозиция пытается опорочить, сорвать эту нашу важнейшую работу. (Из прений по отчетным докладам ЦК ВКП(б).)

Н. К. КРУПСКАЯ.

Я хотела бы остановиться на одной из тех проблем, которые сейчас стоят перед партией и которые без активной работы партии не могут быть разрешены. Тут многие выступавшие говорили о том, какой замечается громадный культурный рост в массах, тяга к знаниям. Это знает каждый из нас, и это вполне понятно.

В области хозяйственной мы подошли к такому уровню развития, когда дальнейшее хозяйственное строительство, строительство с участием масс, вопросы рационализации,—все это требует от масс гораздо большего уровня знаний, чем у масс есть. Поэтому мы видим как раз в рабочей среде стремление к учобе.

Если мы возьмем сельское хозяйство, новые методы ведения сельского хозяйства,—все это требует также гораздо более высокого уровня знаний.

Наконец советское строительство, углубление работы советов, организация масс через советы,—все это требует от членов советов знания. Все это, вместе взятое, вызывает ту тягу, которая заставляет говорить, что мы стоим на пороге культурной революции. Однако мы не можем думать, что культурная революция может совершиться помимо советской власти, что масса без помощи советского государства может получить те знания, которые ей нужны, которые она может применить в деле строительства социализма. Тут помощь советского государства нужна чрезвычайно большая, а между тем, если мы посмотрим на то, как дело обстоит в действительности, то увидим, что часто тут очень неблагополучно.

У нас чрезвычайно болезненно обстоит дело с сетью политпросветучреждений. Мы знаем, что даже в таких губерниях, как Псковская—пограничная губерния,—вдруг является мысль сократить все библиотеки, что постоянно мы натыкаемся по ряду губерний на сокращение сети школ, что иногда сокращают даже сеть школ первой ступени; мы знаем, что наше школьное строительство идет медленным темпом, а жизнь требует от нас другого. Мы очень много поработали над сокращением аппарата, хотели приблизить через инспектуру руководство к массам, но пока инспектура остается еще неорганизованной—и того коммунистического влияния на работу, которое должно итти через просвещенский аппарат, у нас нет. Наше коммунистическое партийное влияние по отношению к учительству должно быть в гораздо большей мере усилено. Тут нужна большая работа, нужно то, о чем говорил Владимир Ильич,—зажечь учительство нашим энтузиазмом, а мы над этим не работаем.

И мы видим известное снижение настроений среди учительства. Тут нужно упорно работать. Когда мы говорим про хозяйственное строительство, всякий понимает необходимость капитальных затрат. Точно так же наше культурное строительство не может развиваться без капитальных затрат. Экономия на этом деле, особенно экономия на первоначальных формах народного образования является недопустимой. С этим каждый партиец должен всячески бороться. Мы также не можем итти тем медленным темпом, которым идем в деле школьного строительства. Нужно в области культурного строительства выдвигать четкие очередные задачи, которые проводить в жизнь силами партии с участием самых широких масс. Скажем так: у нас призыв 1905 г. оказывается менее грамотным, чем предыдущие призывы. Тут товарищи военные скажут, правильно ли это или неправильно. (Голоса: «Правильно!» Дегтярев: «Неправильно!»). Но дело в том, что это заставляет нас задуматься над тем, чтобы всех неграмотных подростков от 11 до 18 лет пропустить через годичные школы грамоты. Сейчас и в материальном отношении и в смысле сил это возможно сделать. Но тут должно быть ясное задание, которое силами партии, силами советского аппарата, при участии широких масс населения может быть проведено.

Есть еще целый ряд задач. Например вопрос о школах в фабрично-заводских районах. В этом отношении в целом ряде районов совершенно неблагополучно. Ряд рабочих районов не имеет даже школ I ступени, не говоря уже о школах-семилетках. а между тем школа-семилетка является тем, на чем сейчас мы можем и должны строить школу фабзавуча. Школа фабзавуча, построенная на более низком уровне,

не дает тех результатов, которые должна дать, не дает квалифицированных рабочих, которые требуются современной промышленностью. И вот целый ряд таких задач нужно всесторонне обдумать.

На февраль предполагается созыв партсовещания по вопросам просвещения. Я думаю, что к этому партсовещанию надо серьезнейшим образом подготовиться. Нельзя, чтобы это партсовещание выродилось в препирательства между РСФСР и УССР о том, когда должно начинаться профессиональное образование, а надо, чтобы это партсовещание поставило с полной ясностью все боевые вопросы в области просвещения.

Вопросы культурной революции, вопросы вооружения масс знаниями являются одними из насущнейших вопросов социалистического строительства. Вот то, что я хотела сказать по той области, которую ближе всего знаю. (Аплодисменты.) (Из прений по отчетным докладам ЦК ВКП(б).)

Р. И. ЭЙХЕ.

Задача культурной революции настолько велика, что требует крупных вложений и не может ориентироваться только на те средства, которые могут быть уделены государственным или местным бюджетом. Здесь нужно ставить вопрос о привлечении средств населения. Без этого мы быстро не построим широкой сети школ, не сможем провести всеобщего обучения, не сможем вообще разрешить те вопросы культурной революции, которые перед нами стоят. Сейчас нельзя привлечь население исключительно самодеятельным путем к постройке школ в деревне, так как достаточно в деревне двум-трем крестьянам выразить нежелание или сопротивление отчислениям на постройку школьных зданий, как соответствующее решение схода становится уже необязательным ни для кого. (Из прений по докладам о директивах по составлению перспективного плана развития народного хозяйства.)

II. ВОПРОСЫ КУЛЬТУРНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА И ОППОЗИЦИЯ.

Ю. ЛАРИН.

В чем заключается превращение оппозиции в орудие буржуазии на культурном фронте? Вы помните, как Ленин говорил о том, что мы имеем в нашей стране достаточно данных для того, чтобы достичь наших целей, но что нам нужно для этого поднять себя на более высокую культурную ступень. Подняться на более высокую культурную ступень—это не значит просто научиться грамоте, а это значит научиться так относиться к своему делу, к нашему хозяйству, к управлению нашей страной, чтобы изжить все пережитки, которые сохранились у нас от старого, дореволюционного, буржуазного времени. Ведь до революции у пролетариата отношение к хозяйству было отношением наемника, отношением, как к чему-то чужому, за что он не отвечает, до чего ему нет дела. Его дело—бороться за улучшение своего положения, и кончено. Теперь в СССР, достигнув власти, пролетариат должен был воспитать в себе хозяйское отношение ко всему нашему строительству, должен был улучшить свое отношение к труду. Ибо каково наше положение?

В нашей стране ежегодно накопляется теперь около 3 миллиардов рублей добавочных ценностей, которые сосредоточиваются в руках государства. В государстве власть принадлежит пролетариату; можно эти 3 миллиарда рублей взять и поделить между собой: на нос придется сразу ежемесячно рублей 30—очень чувствительная прибавка зарплаты. А вместо этого можно пойти другим путем: зарплату поднимать пока медленнее, для того чтобы зато на остальное накопление быстрее развернуть наше хозяйство и этим сделать тот очаг мировой революции, каким является наша страна, более крепким против всех нападений, создать возможность легче вести за собой крестьян, создать возможность впоследствии прочнее улучшить положение и самих рабочих и т. д. Партия должна была избрать

именно этот второй путь. И вот оппозиция выступила с проповедью как раз по этому самому пункту. Она шла вразрез с работой партии в деле культурно-общественного перевоспитания нас самих, самого пролетариата, в смысле перехода от буржуазных навыков наемника в чужом деле к навыкам пролетарского хозяина в своей стране. Оппозиция подняла агитацию против партии и советской власти о якобы недостаточном росте зарплаты, и эта агитация в наших условиях была не чем иным, как борьбой против роста общественной культуры пролетариата. Это было попыткой свою идейную капитуляцию перед буржуазным хозяйством, свою объективную роль по психологической подготовке буржуазной интервенции опереть еще на пробуждение и раздувание недовольства в наиболее отсталых и наименее сознательных слоях трудящихся нашей страны. Это было проповедью того отношения к использованию нашего накопления, которое можно сравнить только с ответом того анекдотического цыгана, о котором вы, вероятно, слышали. Сказали одному цыгану: «Цыган, а цыган, что бы ты сделал, если бы тебя сделали царем?» Он отвечает: «Я бы украл сто рублей и убежал». Так вот совет такой же ценности оппозиция подавала своей агитацией о темпе роста зарплаты и нашему пролетариату. Мы говорим: нет, нам не нужна такая оппозиционно-цыганская тактика (смех), а нам нужно, чтобы пролетариат сознательно, несмотря на все недостатки и тяжесть своего положения, замедляя улучшение своего положения для того, чтобы мы быстрее подняли свое хозяйство, чтобы этим сделать наш первый очаг мировой революции крепче перед лицом буржуазной заграницы и притягательным для крестьян.

Таким образом в процессе двухлетней борьбы оппозиция из группы с социал-демократическим уклоном обратилась в группу, являющуюся объективно прямым орудием буржуазии для разложения настроения заграничных рабочих, для психологической подготовки военной интервенции против нас и для торможения нашего общественно-культурного роста. (Из прений по отчетным докладам ЦК ВКП(б).)

III. НАРОДНОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ И ЗАДАЧИ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ СТРАНЫ.

А. И. РЫКОВ.

Без технических сил и воспитания новых кадров инженеров и техников, занятых непосредственно на фабриках, на заводах, участвующих в самом производственном процессе, без увеличения их веса и их значения в работе промышленности мы никогда не рационализируем нашей индустрии. (Голоса: «Правильно!»)

В теснейшей связи с этим стоят вопросы культуры, которых я коснусь совсем бегло. Во-первых, я считаю совершенно несомненным, что у нас культурное развитие значительно отстает от нашего хозяйственного развития и повышения жизненного уровня рабочих и крестьян. (Голоса: «Правильно!») Во-вторых, я считаю, что осуществление индустриализации и подъем хозяйства в дальнейшем не может происходить без параллельного подъема культурного уровня страны.

В-третьих, я считаю, что культурные потребности в бюджете рабочих и крестьян занимают недостаточное место не потому, что у них нет культурных потребностей, но потому, что мы с вами не научились еще как следует эти потребности удовлетворять.

И в-четвертых, я считаю, что при дальнейшем росте нашего бюджета, наших средств, начиная уже с ближайшего года, мы должны давать на культурное развитие относительно больше, чем даже на восстановление хозяйства. Нельзя отделять хозяйственную революцию от культурной. Ножницы в этой области могут обойтись очень дорого. (Голоса: «Правильно!») И если при подъеме материального положения рабочих и крестьянских масс мы не сумеем использовать их тяги к знанию, к культуре, то это будет самым болезненным образом сказываться на всей нашей работе, на всей жизни страны, на всем строительстве социалистического общества. Отставать на культурном фронте едва ли на много безопаснее, чем отста-

вать в восстановлении той или другой отдельной отрасли нашего хозяйства или нашей промышленности. Необходимо, чтобы всем стало абсолютно ясно, что культура на данном этапе нашего развития является для успешного хозяйственного строительства тем же, что и боевое снаряжение во время войны. Без быстрого культурного роста мы не сможем понастоящему переконструировать наше хозяйство. (Из доклада «О директивах по составлению пятилетнего плана развития народного хозяйства».)

Г. М. КРЖИЖАНОВСКИЙ.

Если мы хотим поднять продукцию планируемой промышленности в ближайшее пятилетие в пределах от 92 до 108% и если мы должны рассчитывать на большой подъем капитального строительства и крупные вложения по линии транспорта, то все это возможно при одном условии. Условие это—действительная единодушная поддержка громадной части сознательных масс трудящихся. Для того чтобы выковать эту сознательность, для того чтобы подготовить надлежащих квалифицированных работников, нам нужно сделать громадное напряжение в области культурно-социальной. В проектах пятилетки на культурное строительство в общем за пять лет нами намечается расход в 13 миллиардов. Вам покажется, что эта ассигновка достаточно велика. Но когда вы начнете детально разбирать отдельные статьи, то вас поразит наша отсталость. Беру самые элементарные вопросы технического образования. Оказывается, что мы на одного инженера сейчас подготовляем в среднетехнических школах меньше целого техника, а к концу пятилетия—при общем расходе по социально-культурным надобностям в 13 миллиардов—все же будем иметь на одного инженера меньше трех техников-специалистов.

Можно ясно представить себе, что тут есть громадная диспропорция. Если дальше пойти по линии школ, скажем таких, как сельская четырехлетка, то вы увидите, что процент оканчивающих эти четырехлетки равен всего 27. Здесь перед нами колоссально важная задача создать в деревенской школе такую обстановку, чтобы быстро ликвидировать это выбрасывание $^3/_4$ общего контингента учеников до окончания. Тема чрезвычайно велика. Я только позволю себе выставить основной лозунг: не может быть в стране такой диспропорции расходов по капитальному строительству и по культурно-социальному фронту, когда последние расходы составляют 0,025% от капитальных затрат. (Голоса: «Правильно!») Решающий лозунг таков: мы должны выравнять наш социально-культурный фронт по фронту нашей индустриализации. (Голоса: «Правильно!») (Из содоклада «О директивах по составлению пятилетнего плана развития народного хозяйства».)

А. В. ЛУНАЧАРСКИЙ.

Мы, работники Наркомпроса, давно указывали на абсолютную неразрывность культурного развития и развития хозяйственного, и с тех пор, как провозглашен был лозунг индустриализации, ускорения темпа развития нашего хозяйства, вплоть до того, чтобы мы начали обгонять и перегонять Западную Европу,—мы стали указывать на опасность отставания культурного развития, которое в какой-то момент могло этот высокий темп задержать общей ли неподготовленностью массы, что подчеркивал много раз т. Ленин, или недостаточной и несвоевременной доставкой промышленности подходящего, достаточно технически образованного персонала, т. е. рабочей силы.

На последней сессии ЦИК была вынесена весьма серьезная и продуманная резолюция, которая была плодом долгой работы. Эта резолюция отмечает несомненность наших успехов. Я даже решусь сказать, что в общем и по линии культурной восстановительный период в сущности приходит к концу. Мы всюду подошли к довоенному уровню в количественном отношении, а формально—и в качественном, не говоря уже о социалистическом характере нашего образования; во многих местах мы даже перешагнули эту линию. Но ЦИК был совершенно прав, указав, что этого далеко не достаточно. Если мы сравним достигнутые нами результаты

с тем, к чему обязывает нас взятый нами быстрый темп хозяйственного развития, то мы заметим, что во многих отношениях у нас наблюдается, несомненно, отставание. Точно так же, если мы сравним с другой величиной, с огромным, потрясающим ростом жажды знаний и технических умений, которую проявляет население, то и здесь мы увидим, что мы не даем ему удовлетворения в должной пропорции. Самым тревожным фактом в этом отношении, который послужит между прочим и предметом рассмотрения особого совещания при ЦК, является состояние нашей сети массовых школ.

Мы еще недавно могли с некоторой уверенностью говорить о нормальном росте сети перед лицом той задачи, которую партия поставила перед нами, которую поставила советская власть,—относительно всеобщего обучения к 1932 г. Сейчас мы должны сигнализировать здесь тревожные явления. Количественный рост наших школ-четырехлеток был таков, что по отношению к 1923/24 г. 1924/25 г. знаменовал собою рост на 12,5%, последующий год—почти на 8%, прошлый год уже только на $4^1/_2$%, а в этом году мы имеем симптомы полной приостановки роста школьной сети на местах. Рост сети на местах зависит от двух очень родственных факторов—от заботы о нем местного бюджета, потому что эти школы находятся на местном бюджете, и от самостоятельного строительства населения. Нельзя объяснить себе эту резкую приостановку роста сети при всех обязательствах, которые со стороны партии и центральной власти возложны на места, ни чем другим, как неожиданным действием, рикошетом тех самых прибавок к заработку учителей, которых мы в этом году достигли. Получается такая вещь: когда центральная власть принимает повышенный минимум заработка учителей, места отвечают на это параллельной приостановкой школьного строительства. Что это значит? Это значит, что места исходят всегда из приблизительно одинаковой пропорции в распределении своих средств.

Если же даже не говорить об отношении количества учеников, которое мы имеем в школах, к общему количеству детей школьного возраста, а говорить только о тех детях, которые стучатся в двери нашей школы, то, по самым оптимистическим расчетам, оказывается, что мы в школах первой ступени отказываем 25% всех желающих туда проникнуть, а в школах второй ступени—около 20%.

Мы отказывали в последний год приблизительно половине тех, которые стучатся в двери рабфака. Конечно, здесь была большая часть невыдержавших соответственного испытания, но это другая сторона. Важен самый факт отказа массе желающих в приеме по недохватке места.

Это совсем не поверхностное явление, это трагедия, что часть нашей молодежи, которая не останавливается перед самыми страшными затратами сил, перед риском своей жизнью, не говоря уже о здоровьи, идет куда-то за знаниями и не получает их.

Особенно важны в связи с пятилетним планом вопросы, непосредственно связывающие нас с хозяйством, потому, что мы должны поставить хозяйственного человека. Важны, велики вопросы о сырье, о топливе, об оборотных средствах, но не менее велик вопрос о человеке, начиная с инженера и кончая сколько-нибудь подготовленным для своих функций рабочим. Здесь накопились проблемы чисто теоретического характера, в которых мы, несомненно, отстали от ваших успехов. Рабфак должен дать в будущем руководящую политическую прослойку пролетариата. Это будет та часть пролетариата, которая наилучше подготовлена для роли гегемона в стране и вместе с тем является наиболее солидной прослойкой квалифицированных рабочих на заводах и фабриках. Мы все время до самого последнего момента готовим необходимую смену рабочих, считаясь лишь с тем опытом, с той техникой, тем уровнем, тем оборудованием, той номенклатурой всей иерархии рабочих, которая существовала в прежних заводах, которые не были рационализированы, перестроены на новый лад. И тут перед нами, перед комсомолом, перед хозяйственниками встает огромный вопрос, как перестроить настоящую сеть рабфаков, чтобы не дать десятков тысяч молодежи, которую придется переучивать

на стандартизованных, на рационализированных заводах, на заводах с конвейером, с чрезвычайной специализацией всех трудовых манипуляций. Эти вопросы заставляют нас думать о том, как нам действительно приспособить подготовку рабочей силы к быстрому бегу индустрии вперед. Когда была созвана,—и мы этому очень рады,—первая конференция по техническому образованию, хозяйственники жаловались, что Наркомпрос недостаточно считается с особенностями хозяйства и дает не те количества и не того качества работников разной квалификации, которые нужны для хозяйства. Мы в свою очередь должны были заявить, что мы ни разу не получали никакого сколько-нибудь определенного заказа от хозяйственников. Было очень курьезно слышать, когда один из работников ВСНХ, который стоит у этого дела, говорил нам: «Вы от нас этого требовать не можете, мы этого не знаем, но вы должны вынюхивать из воздуха, приспособляться к ходу дела, угадывать его». Прежде это называлось «списывать с потолка», а теперь это называется более живописно—«вынюхивать из воздуха». До тех пор, пока вы не дадите нам заказа, не может быть соответствующего исполнения. Мы с хозяйственниками договоримся, но тут нужна тесная увязка, которая должна найти свое отражение в пятилетнем плане.

В заявлениях оппозиции было между прочим сказано, что в смысле классового состава рабочих на рабфаках и в высших учебных заведениях рабочего бьет всякий служащий и вообще разные «прочие». Это абсолютная ложь. По московским вузам (цифры проверенные, точные) рабочие и дети рабочих составляют 41,9%, в то время как в прошлом году было 34,2%, крестьяне составляют 22,4%, в прошлом году было 19,6%. В ленинградских вузах рабоче-крестьянская группа возросла на 4,9%. Провинциальные вузы дали увеличение на 14,3%. Это улучшение качества в смысле классовом получается по двум причинам: вопервых, очень велика была забота наша о том, чтобы ставить такие фильтры, которые пропускали бы более, так сказать, снисходительно именно элементы, в классовом отношении являющиеся более желательными. Вовторых, сказался усилившийся напор рабоче-крестьянской молодежи, молодежи, которая оказывается по квалификации лучшей и все более многочисленной.

Под председательством т. Рыкова была собрана особая комиссия при Совнаркоме при проверке квалификации наших выпускников, и мы очень беспокоились, как обстоит в этом отношении дело. Мы имеем теперь бесспорные документы, которые показывают, что достижения здесь очень большие. Вот, например, в отделе экономики и труда Сев.-зап. промбюро целый ряд комиссий и весьма компетентных специалистов дал отзывы о выпускниках по Политехническому институту. Вот кораблестроительный факультет.

Представитель Сев.-зап. промбюро в квалификационной комиссии кораблестроительного факультета т. Костенко, член правления Судотреста, отмечает, что:

> «а) Все кончающие институт кораблестроители обладают обширной научно-технической подготовкой, нисколько не уступающей по ее уровню прежним выпускам дореволюционного времени;
>
> б) все студенты наряду с проектами представляют исследовательскую теоретическую работу по какому-либо избранному вопросу».

Тов. Куйбышев здесь сказал,—и правильно сказал,—что нам надо следить за пятилетним планом, чтобы мы по всем отраслям промышленности и хозяйства не отставали от Запада. Будем делать так, чтобы не отставать от Запада и в деле подготовки нашего командного состава в промышленности. Посмотрим, что на самом деле есть.

Нам по РСФСР студент стоит 345 руб., считая все затраты в год на все его потребности учебного порядка, в то время как в Германии тот же самый студент стоит 725 р., а для втузов—до 900 р. (это—принимая паритет с маркой, который не соответствует; наша жизнь несколько дороже, чем там). Вот это обстоятельство приводит меня еще к одному очень важному моменту. Мы будем теперь затрачивать—и мы уже затрачиваем—значительные суммы на наше капитальное строительство. Капитальное строительство в области просвещения, действительно, формально не отстает от строительства индустриального, т. е. составляет все время приблизительно $^1/_{20}$ часть той суммы, которая идет только на индустриализацию, не говоря еще о более чем 100 млн., которые мы в этом году отпустили только на строительство по сельскому хозяйству. Рост таков, что все время остается приблизительно $^1/_{20}$ часть. Но так как мы исходили первоначально из сумм совершенно ничтожных, то это, конечно, никуда не годится. Если не будет сделано огромное героическое усилие, о котором говорил т. Кржижановский, в ближайшее время в этом смысле, в смысле переброски некоторой части сумм, назначенных на общее капитальное строительство, на капитальный ремонт и переоборудование наших вузов прежде всего,—то я думаю, что дело никак не пойдет. У нас удесятерилось количество студентов в Тимирязевке, они живут в тех же условиях. Я говорю, что если наши студенты достигают таких результатов, что и промышленники, и самые строгие экзаменаторы-профессора говорят, что они не хуже, а, пожалуй, лучше довоенных, то в этом просто надо видеть какое-то чудо, потому что оборудование у нас устарело, в смысле постановки дела с материальной стороны между нами и Германией расстояние огромное. Германия тратит в год 200 рублей на каждого студента на новое строительство, мы—90 руб.!

Тов. Микоян говорил здесь, я вполне ему сочувствую, что нужно квалифицированных работников труда и промышленности приглашать из-за границы. Правильно,—нужно, и, разумеется, это будет очень полезно. Но мы не можем вступить на этот путь, как на путь всерешающий. Не станет Советская страна, как древняя Русь, итти к варягам и говорить: земля наша велика и обильна, но порядка в ней нет, приходите в качестве руководителей нашей промышленности. На это, разумеется, мы не пойдем. И здесь нужны действительно значительные затраты.

У меня был один французский журналист, который говорил, что он поражен жаждой знаний, которую видит со всех сторон, самообучением, напором на школу, интересом ко всякому печатному слову. Он выразился так: «Если вы подниметесь хотя бы приблизительно до уровня нашего народного образования, то кто сможет вам противостоять?»

Я, чтобы сказать правду, а не для того, чтобы его пугать, сказал, что если-де мы приблизимся с точки зрения технической и формальной к вашему уровню образования, то мы превзойдем вас далеко, потому что у вас хотя и более образованные граждане, но они все-таки рассеяны в хаотическом строе вашего общества, а у нас они собраны в одно гармоническое усилие. Поэтому заверяю вас, что до того, как мы добьемся вашего уровня образования, мы уже обгоним вас во всех отношениях.

Еще более курьезный разговор был у меня в Женеве с одним американским журналистом. Я приведу этот факт, чтобы подчеркнуть, как они там расценивают наше культурное строительство.

Когда я сказал журналисту, что у нас технических учебников и научно-технических книг в этом году было издано в 10 раз больше, чем в 1913 году, когда я сказал, что в этом году мы в смысле книг (не говоря, конечно, о газетах и журналах) обогнали Соединенные штаты, то он развел руками и сказал:

«А не думаете ли вы, что это также есть своего рода вооружение, которое становится опасным для ваших соседей?» Я на это предложил ему внести предложение в Лигу наций о том, чтобы разоружить нас в смысле книг и знаний. (Смех.)

Думая об обороне от наших врагов, о готовящейся борьбе, думая о конкурирующих с нами соседях в области хозяйства, нам нужно твердо помнить, что культура есть весьма эффективное, весьма содержательное, весьма грозное для наших недругов и приветствуемое всеми нашими друзьями вооружение. (Продолжительные аплодисменты.) (Из прений по докладам о директивах по составлению пятилетнего плана народного хозяйства.)

В. В. КУЙБЫШЕВ.

Вопрос о профтехническом образовании, в частности о высшем техническом образовании, становится одним из важнейших вопросов развития промышленности. Я считаю план профессионально-технического образования важнейшим элементом пятилетнего плана. Каждая отрасль промышленности, каждый трест должны позаботиться не только о том, сколько в их производство будет вложено капиталов, но и о том, какое количество свежих технических сил, воспитанных в нашем социалистическом духе, зараженных энтузиазмом строительства, сколько этих новых технических сил вместе с опытными специалистами, доказавшими свою преданность советской власти,—сколько их вольется в производство, чтобы добиться тех производственных результатов, которые поставлены пятилеткой.

Поэтому техническому персоналу, поднятию технической культуры вообще и профтехнического образования должно быть придано большое значение. Этот вопрос должен рассматриваться как один из элементов пятилетнего плана развития промышленности. (Из прений по докладам о директивах по составлению пятилетнего плана народного хозяйства.)

А. И. ДОГАДОВ.

В вопросах о пятилетке, о капитальном строительстве, культурное строительство должно составлять часть этого плана. Вы сами, вероятно, лучше меня знаете, что клубная сеть совершенно недостаточна для тех культурных запросов, которые мы имеем со стороны рабочего класса. Поэтому было бы необходимо и вполне целесообразно вместе с оборудованием фабрик и заводов предусмотреть также культурные учреждения, которые должны существовать на территории данного завода.

Мне могут возразить, что все эти вопросы упираются в вопрос финансовый, в вопрос о ресурсах. Это совершенно правильно. Из ресурсов, которыми располагает государство, никуда не выскочишь, но все-таки в этом отношении можно было бы больше сделать, чем до сих пор делается. (Из прений по докладам о директивах по составлению пятилетнего плана народного хозяйства.)

И. И. ЛЕПСЕ.

Индустриализация страны, рационализация нашей промышленности требуют от нас проведения большой культурно-просветительной работы. Мы должны поднять общий культурный уровень самых широких рабочих масс, добиться того, чтобы все рабочие в промышленности были грамотны; надо также дать им больше технических познаний. В этом отношении наши инженеры должны оказать колоссальнейшую помощь. Для проведения этой колоссальной работы должны учиться не только рабочие массы, но и наше инженерство должно сделать очень многое для пополнения своих знаний, для расширения своего опыта. Необходимо расширить и улучшить работу рабочих техникумов, вечерних курсов и т. п. Нам нужно также предусмотреть, чтобы наша высшая школа более тесно увязывала свою работу с заводом, с трестом и т. д., чтобы пролетарское студенчество получало максимум того, что оно может получить во время учобы в высшей школе, а также находясь на практике в заводе. Необходима более тесная связь между вузами и хозяйственными организациями. Эту работу мы, несомненно, должны провести. (Из прений по докладам о директивах по составлению пятилетнего плана народного хозяйства.)

т. МУРАЛОВ.

О культурном секторе. Мы должны сейчас подойти таким образом, чтобы наряду с проектированием промышленного строительства сейчас уже учитывались и отпускались средства на все культурно-бытовые, социально-культурные потребности новых рабочих районов.

Быстрый рост промышленных предприятий мы своими собственными источниками, из местного бюджета, не можем обеспечить в смысле рабочего жилищного, больничного, школьного, клубного и кооперативного строительства. (Из прений по докладам о директивах по составлению пятилетнего плана народного хозяйства.)

IV. КУЛЬТРАБОТА В ДЕРЕВНЕ.

В. М. МОЛОТОВ.

Чего не хватает нам в настоящее время в деревне, особенно в связи с новыми задачами?

Культуры, еще и еще раз культуры!

Буквально все в настоящее время упирается в деревне в недостаток культуры. К любой отрасли подойдите: наша некультурность, отсталость, а порой прямо дикость не дают нам развернуть то новое, что имеется в деревне.

Ленин говорил, что теперь культурная революция для нас—основа. Он говорил: «Для нас достаточно теперь этой культурной революции, чтобы оказаться вполне социалистической страной». Правильно ли это? Абсолютно правильно! Теперь это ясно нам больше, чем когда бы то ни было. Без действительного поднятия культуры мы быстро двигаться вперед не можем, а между тем теперь мы имеем серьезные экономические основания и действительно многочисленные предпосылки, именно быстро двигаться по пути, по которому мы двигались до сих пор еще сравнительно медленно.

Ни о каких легких перескоках от индивидуального к крупному хозяйству не может быть и речи. Дело может итти только путем постепенного развития крупных коллективных хозяйств. Только такой путь—правильный путь. Никаких фантазий, никакого принуждения в отношении крестьянина при переходе к крупному хозяйству мы не можем допустить. Но этот переход уже рвется из всех пор социально-экономического развития деревни.

Нам надо понять самим и перейти к широко развернутой пропаганде крупного коллективного хозяйства в деревне, как единственного верного выхода деревни на путь подлинного подъема производительных сил сельского хозяйства, и всячески поощрять развитие элементов коллективного хозяйства в деревне. Между тем, бюрократизм и некультурность советских, кооперативных, а также и партийных органов является теперь важнейшим препятствием во всем этом деле. На каждом шагу сказывающиеся бюрократизм и некультурность наших органов настолько мешают, настолько задерживают развитие этого дела, что то новое, социалистическое, что теперь растет в нашей деревне, мы зачастую не можем в достаточной мере поддержать, усилить и развернуть дальше.

Теперь, как никогда, ясно, что некультурность масс является тем, на чем держатся многочисленные недостатки нашей работы в деревне, что является основным препятствием для лучшего развития деревни.

Однако было бы нелепостью говорить: мы некультурны, поэтому мы не можем переходить к крупным коллективным хозяйствам. Это нелепость, это меньшевизм, это буржуазная идеология, враждебная рабочему классу и крестьянству.

Наша культурность будет подниматься вместе с проведением экономического переустройства деревни на основе ее массового кооперирования, вместе с улучшением работы органов управления, вместе с вовлечением масс в это дело. Культура и умение управлять, если взять их в отношении широких масс, неразрывно, теснейшим образом связаны друг с другом.

А что мы имеем в настоящее время в этой области?

Если привести хоть некоторые данные о культурном положении нашей деревни, то эти данные будут ужасающими. До сих пор 43% мужчин у нас неграмотны. Таким образом около половины мужчин у нас неграмотны. Кроме того целых две трети женщин также неграмотны в Советской республике. План ликвидации неграмотности к десятилетию Октябрьской революции выполнен только на 20%. Чет-

вертый год в сельских школах заканчивают только 14% начавших учиться детей, причем обслуживание бедноты—наихудшее. Обслуживание школой и культурной помощью маломощных слоев крестьянства недопустимо отстает.

С политико-просветительной работой в деревне дело хромает на обе ноги. Послушайте только хотя бы жалобы политпросветработников на отношение к их работе в деревне!

У нас до сих пор такое положение, что крестьянская литература не увеличивается по своему количеству, а за последние три года уменьшается. Невероятно, но факт, что выпуск крестьянской литературы по сравнению с 1925 г. в Госиздате ныне сократился в три с половиной раза, повидимому, по случаю того, что мы особенно занимаемся «развитием культуры» в деревне!

У нас тираж крестьянских газет и количество крестьянских газет сокращается. По сравнению с 1925 г. количество крестьянских газет сократилось на 25%, а тираж крестьянских газет сократился на 11%. (Голоса: «Тогда давали бесплатно».) И раньше мы давали не только бесплатно. Но во всяком случае при переходе от бесплатного снабжения масс литературой к платному снабжению пора нам добиваться не ухудшения, а улучшения в этом деле. (Голос: «Правильно!»)

Я не могу иначе подчеркнуть важность развития культуры в нашей деревне в настоящее время, как одним практическим предложением, которое я высказываю в качестве отдельного предположения.

У нас имеется сельскохозяйственный налог—около 300 миллионов рублей. Мы освобождаем от этого налога 35% крестьян совершенно. Я думаю, что мы должны это сохранить полностью, т. е. сохранить освобождение не менее 35% крестьян от налога и на будущий год. Но мы ничего не проиграем, а только выиграем в глазах середняцкой и бедняцкой массы, т. е. 95% крестьянства, если мы прибавим к этим 300 миллионам налога, ну, скажем, дополнительно 100 млн. рублей, обложив приэтом особенно зажиточный элемент деревни, и все эти 100 миллионов целиком отдадим на школы и на развитие культуры в деревне. (Аплодисменты.)

Я думаю, что мы должны поставить и более общий вопрос,—не пора ли немного перераспределить наши государственные средства вообще, перераспределить их в сторону большего обслуживания культурных нужд. (Аплодисменты. Бухарин: «Правильно!») Я целиком поддерживаю т. Рыкова, который говорил в докладе о пятилетке, что это необходимо. Делать это необходимо в первую очередь за счет административных расходов. Но не только, так как этого недостаточно. Нужно некоторое перераспределение наших государственных средств и за счет хозяйственных расходов, для того чтобы немедленно добиться решительного усиления культурной работы. Школа и учитель в деревне, вся культурная работа в крестьянских массах являются теперь настолько боевой и неотложной задачей, что за это мы должны взяться более, чем где бы то ни было, дружно и настойчиво. Об этом мы не только должны много говорить и выносить хорошие резолюции, но приступить немедленно и в отношении государственных и в отношении местных средств к некоторому перераспределению наших средств в интересах усиления широкого культурного строительства. (Из доклада о работе в деревне.)

СТ. В. КОССИОР.

Культурная работа на ближайший период должна, очевидно, привлечь наше особое внимание. Мы не можем похвалиться в этом отношении особенно большими успехами. Количество изб-читален у нас несколько выросло, улучшилась их работа: избы-читальни начали обрастать кружками, красными уголками, увеличилось количество библиотек. Однако всего этого сравнительно мало, если иметь в виду те задачи, которые перед нами стоят.

Вопрос о кино и радио для деревни. У нас имеется в деревне всего 1 593 кинопередвижки и киноустановки. Это чрезвычайно ничтожная, совершенно никчемная цифра, и нам нужно будет добиться решительного перелома. Нужно сказать, что нашими киноорганизациями очень мало сделано также для того, чтобы дать деревне

хорошие, более или менее для нее подходящие фильмы. То же самое в отношении радио. Сейчас у нас имеется всего по СССР 157 тысяч радиоустановок, из них на деревню падает всего 14 тысяч, т. е. меньше 10%. Это тоже чрезвычайно ничтожное количество, которое не может нас ни в коей мере удовлетворить. (Из доклада «Организационный отчет ЦК ВКП(б)».)

Н. К. КРУПСКАЯ.

Когда мы оглядываемся назад,—говорит встреченная продолжительными аплодисментами тов. Н. К. Крупская,—то видим, что первые годы после революции были годами ломки, и эти годы военного коммунизма, несмотря на всю их неизбежность, на то, что они были предпосылкой социалистического строительства, внесли известное недоверие в отношения между рабочим классом и крестьянством.

Переход к нэпу вызывался страшным разорением страны, тем, что надо было хотя бы на базе старых отношений, на базе мелкого и мельчайшего индивидуального хозяйства все же как-то экономически продвинуться вперед. Надо было культурно поднять хотя бы на основе этой старой экономической базы массы, втянуть их в строительство.

Когда возвращаешься мыслью назад, к первым годам нэпа, вспоминаешь, какое было тогда недоверие между рабочим классом и крестьянством,—мне вспоминается одно заседание по производственной пропаганде в Доме союзов, где выступал рабочий и говорил, что надо улучшить производство, а после этого выступил крестьянин с Северного Кавказа и говорил: «Удивительное дело: рабочие думают о том, чтобы поднять производство. А мы, крестьяне, думали, что рабочие только разрушают, а нет того, чтобы строить».

Мы знаем, в каких условиях были вынуждены работать продотряды, как их работа создавала в ряде районов недоверие. Все это нужно было изжить.

Что касается культурного уровня крестьянских масс, то он был крайне низок. По нашей просветительной линии это приходилось наблюдать ежечасно.

Теперь мы говорим, что совхозы должны быть показательными. Мне вспоминается, как в 1921 г. Владимир Ильич на Рождество ездил в деревню «Горки» и как ему там один крестьянин говорил: «Да,—говорит,—совхозы... мы бы все на крупное хозяйство перешли, если бы мы видели, что там какое-нибудь хозяйство ведется, а если там к весне подвешивают лошадей, чтобы они не падали от голода, так ничем такое хозяйство нашего не лучше».

Такое жалкое состояние совхозов не позволяло превратить их в показательные хозяйства. Не было с.-х. машин. Свои агрономы представляли исключение. И так было во всем.

Сейчас же мы подходим уже к совершенно другому моменту, к тому моменту, когда действительно можно строить новые социалистические порядки. XV Съезд—первый съезд после десятилетнего существования советской власти; и не случайно, что докладчики—и т. Сталин, и т. Рыков, и т. Кржижановский, и т. Молотов—говорили так много о кооперировании, об объединении мелких индивидуальных крестьянских хозяйств в крупные плановые хозяйства. Этот вопрос выдвигается сейчас со всей настоятельностью самой жизнью, никогда он не стоял так остро, как он стал сейчас.

К вопросу кооперирования деревни мы подошли сейчас вплотную. Но надо отдать себе отчет в том, что этот вопрос не осознан еще широкими массами крестьянства, и тут предстоит огромная работа в деле пропаганды словом и показом, в деле популяризации идеи кооперирования.

Основная группа, на которую в деле кооперирования можно опереться в деревне,—это бедняк и маломощный середняк, которые на каждом шагу убеждаются, что улучшение их мелкого хозяйствования не дает им выхода, не выводит их на широкую дорогу новой жизни. Эти слои бедноты и беднейшей части середняков, которые чувствуют всю непрочность частичных улучшений в их хозяй-

стве, которые чувствуют, что постарому жить нельзя, являются той базой, на которую можно опереться в деле пропаганды кооперирования деревни.

Но про бедняцкие, батрацкие слои и про часть более бедных середняков надо сказать, что они в культурном отношении являются наиболее отсталыми. В старые времена середнячество и беднячество вовсе не учило своих ребят. В старые времена для беднячества в культурном отношении создавался тупик.

В первые годы существования советской власти бедняк также не мог уделять достаточно времени поднятию своего культурного уровня. Даже и сейчас он не может ни газеты выписывать, ни книжки в индивидуальное пользование купить. И поэтому долгое время бедняки на культурном фронте отставали. Мы видели в первые годы нэпа, что в наших избах-читальнях, в наших библиотеках, в наших школах, в наших рабфаках преобладала не беднота, а выдвигалась активная часть из более зажиточного слоя, не из кулацкой, конечно, а из более зажиточной части, продвигались в деле учобы наиболее талантливые, а беднота оставалась в тени. И вот только в самые последние годы мы начинаем видеть активность на культурном фронте со стороны бедняков и менее достаточных слоев середняков. Кто посещает сейчас наши избы-читальни? Сейчас избы-читальни посещают взрослые бедняки и середняцкая молодежь главным образом. Более зажиточная часть покупает в свою собственность книжки и газеты себе выписывает, а в избы-читальни не ходит. Мы видим такое же положение и в области обучения на ликбезах. Как сейчас реагирует беднота на то, что, например, закрывают ликпункты? Более зажиточная часть к этому делу относится равнодушно, а более бедная часть, та, которой нужны ликпункты, чрезвычайно остро переживает закрытие каждого ликпункта. Но мы знаем точно также, что сейчас в общем деревня у нас обслужена чрезвычайно плохо в отношении книги и в отношении возможности цикольной учобы. Конечно, сейчас культурный уровень в деревне совершенно другой, чем был еще несколько лет назад. Тут сказывается ряд влияний—и через Красную армию, и через шефство, через множество других путей деревня становится культурней. Но вот в смысле овладения практическими знаниями, которые так нужны деревне,—в этом отношении дело обстоит еще очень плохо. Вот агитпроп ЦК произвел обследование нескольких волостей. Возьмем одну из этих обследованных волостей в Воронежской губернии. Сколько там селений? 144 селения. А учреждениями политпросвета сколько обслужено? Не обслужено 131,—значит, только 13 селений обслужено учреждениями политпросвета, и притом какими? Не только избами-читальнями, но и красными уголками, т. е. самой первоначальной формой политпросветучреждений.

И такое положение дел—не просто печальное исключение, это скорее правило.

Как оборудованы наши политпросветучреждения? Возьмем, например, сельские библиотеки. Если мы посмотрим статистику, как будто выходит, что число книг в деревне довольно велико. Взяли ведь помещичьи библиотеки. Но если мы возьмем состав этих библиотек, то увидим, что многие из них совсем никуда не годятся. Если говорят о «моральном изнашивании» машин, о «моральном изнашивании» оборудования, то еще в большей мере приходится нам говорить о «моральном изнашивании» библиотек. Никто не читает эти старые книги, взятые из помещичьих библиотек. Сейчас мы видим такую картину: в библиотеку приходит посылка в 50 книжек и брошюр, и вся деревня набрасывается, все начинают читать, не остается ни одного человека, который бы не перечитал присланные книги. Но прочитают новинки и перестают ходить в библиотеку до присылки новых книг. Понятно, старья, даже политической литературы 1918—1919 г. теперь никто не хочет читать.

В Ленинградской губернии произведено было очень интересное обследование читательских интересов бедноты. Выяснилось, что беднота читает, какие книги она спрашивает. Оказывается, приходится отметить очень пониженный интерес бедноты к беллетристике. В городах жалуются, что мало беллетристики в библиотеках, а деревенская беднота эту беллетристику не берет, ей некогда ее читать.

Больше всего спрашивают книжки практического характера: по сельскому хозяйству, по ремеслу и т. д. На втором месте стоит политическая литература. Но тут надо отметить ту характерную черту, что бедняки больше спрашивают и берут читать политическую литературу, чем беднячки. Это объясняется тем, что по линии женотделов созданы специальные библиотечки, которые включают в себя ряд злободневных вопросов, а если мы посмотрим на политические отделы наших библиотек и изб-читален, то увидим, что там есть политические брошюры по вопросам марксизма, даже анархизма, но нет совершенно почти книжек о работе советов, нет совершенно книжек о кооперации. Например, одна группа бедняков взяла 250 книжек, и из этих 250 книжек о работе советов было только две, и не было ни одной книжки о кооперации. Не потому, что не было интереса к этой области работы, а потому, что нет такой литературы в природе, нет поэтому и в библиотеках. У нас иногда библиотеки снабжают литературой шефы, и вот шефы снабжают тоже не всегда тем, что надо. Например, в сельской библиотеке имеются политические книжки, но нет Ленина. Из Ленина имеется одна единственная книжка—«Профсоюзы и ошибки т. Троцкого».

Снабдить библиотеки нужной для бедноты книжкой политпросветы не могут—нет денег. Таким образом приходится библиотекам в буквальном смысле побираться и получать ту литературу, которую дают добровольные даятели.

А оплата работников политпросветучреждений? Возьмем оплату избачей. Так ничтожна эта оплата, что часто нельзя найти избача, и есть избы-читальни, которые по 5 месяцев не работают потому лишь, что за такую заработную плату, которая дается в некоторых губерниях избачу, работать никто не идет, не может итти. Вот какую картину мы видим!

Затем относительно школ. У нас нет еще школьного фонда помощи ребятам. У нас еще поставлена очень плохо охрана детского труда. Мы исходим из того, что у нас вообще нет наемного детского труда, а фактически он есть в деревне, и он есть, но не охраняется. Позвольте прочитать одно письмишко, которое на-днях пришло от мальчонки-пастушонка. Он как раз по этому вопросу высказывается; он пишет:

> «Вы говорите, что все дети бедняков и батраков должны получать одежду и книги бесплатно, нам только выдают книги без денег, а одежды не дают. Почему вы с т. Луначарским не сделали приказания, чтобы дети школьного возраста, нанимающиеся в пастухи по договору, освобождались к началу учебного года, а то дети бедняков работают до зимы, и их уже не принимают в школы, говорят: «опоздали, раньше бы приходили».

И дальше он продолжает:

> «Я свою неграмотную мать выучил читать. Выписал себе журнал «Дружные ребята», не знаю, будут ли там картинки. Напишите мне ответ и передайте привет Анатолию Васильевичу, жду от вас ответа на мои вопросы.
>
> Ваш друг Федор Белопузов».

Вот видите, письма ребят-бедняков, вот это письмо подчеркивает один из самых важных вопросов—вопрос об охране труда.

Другие ребята тоже пишут, пишут, например, по поводу 15 миллионов, отпущенных по Манифесту на школьное строительство. Целая школа пишет, просит передать на XV съезде привет вождям и сказать, чтобы из этих 15 миллионов рублей им уделили на школу, потому что они в халупе занимаются. Активность этого бедняцкого слоя ребят весьма велика, и указывают они на самую насущную нужду. Необходимо, конечно, создание школьного фонда помощи бедноте, необходимо также внимательно просмотреть законодательство по охране детского труда.

Мне вспоминается, что однажды говорил Владимир Ильич. Он говорил, что мы бываем очень революционны, когда дело касается международных отношений, революционной борьбы и т. д., но когда надо принять какую-нибудь меру, даже

самую элементарную, так часто мы проявляем тут крайнюю нерешительность. Например, обязательности обучения там, где есть школы в достаточном количестве, мы не проводим,—у нас по Москве и Ленинграду нет еще обязательного обучения. У нас нет обязательного обучения в тех местах, где его проводить можно, где школы имеются налицо. А его проводить надо, иначе дети бедноты, девочки особенно, долго будут оставаться вне школы.

Если мы всерьез говорим о поднятии культурного уровня, то необходимо принять ряд мер и по линии школьной и по линии политпросветской в направлении помощи делу. А что мы видим? Тов. Луначарский рассказывал уже, что приостановилось развитие сети школ I ступени, которая необходима, чтобы осуществить всеобщее обучение. По политпросвету можем показать еще более неприглядные картины, как вопрос идет часто о рублях, о сотне рублей на просветительную работу, которая могла бы помочь и кооперированию и всей хозяйственной работе в значительной мере. А у нас на этом-то именно и экономят. Доля политпросвета все снижается и снижается. А между тем все выступавшие докладчики говорили о расхождении ножниц, говорили о том, что наше хозяйственное развитие требует совершенно другого уровня культурного развития.

Вот мы говорим, например, о кооперировании. Мне один товарищ недавно рассказывал: у них трактором «Фордзоном» перепахали все межи, распахали землю, а крестьяне втыкают белые палочки, чтобы каждому отгородить свой кусок. Товарищ говорит, зачем же вы палочки-то втыкаете, можно было бы сообща обработать землю, а потом поделить урожай пропорционально затратам каждого. Крестьяне говорят, а как это рассчитать, ведь тут удобрение... Товарищ стал объяснять, как это высчитать можно, подсчитать, они говорят: «кабы мы расчеты знали»... Вот это незнание расчетов, незнание часто грамоты, неумение записать и т. д.—все это страшно мешает и кооперированию и всему нашему строительству. Мы видим, какие у нас имеются препятствия в поднятии культурного уровня, и само население чрезвычайно их остро сознает. Сейчас на любом собрании крестьянин будет говорить о необходимости поднятия культурного уровня, о школе, о ликбезе, об избе-читальне, и особо много говорит об этом беднота.

Надо провести целый ряд мероприятий, и мы сейчас располагаем такими возможностями к этому, которыми не располагает ни одно государство, но мы не умеем еще в достаточной мере их использовать. Наша Красная армия превращается все больше и больше в культурный центр, а мы ее недостаточно используем для того, чтобы через Красную армию влиять на деревню в деле кооперирования. За время пребывания в армии молодой крестьянин превращается из крестьянина с психологией мелкого собственника часто в крестьянина-общественника, и ему надо выяснить вопрос о необходимости кооперирования мелких хозяйств.

Затем другое—влияние рабочих. Вот сейчас мы видим, что в ряды рабочего класса вливаются новые кадры из деревни. Мы видим сейчас по целому ряду союзов сильнейший приток из деревни. Эти новые влившиеся кадры рабочих сохраняют связь с деревней. Но через профсоюзы влияние рабочих на деревню не проводится. А между тем мы—политпросветы и профсоюзы—разгородились. Культотделы работают сами по себе, политпросветы—сами по себе.

Мне недавно пришлось присутствовать в Брянской губернии на конференции АПО, политпросветов и культотделов, которые работают объединенно. Но, к сожалению, Брянская губерния пока-что является счастливым еще исключением, а в больших городах вроде Москвы мы видим разгороженную работу. Договариваются люди до того, что библиотекари культотделов должны работать якобы обособленно от библиотекарей политпросветов. А в результате получается что? Что библиотеки культотделов не содержат книжек по деревне, по кооперированию, сельскому хозяйству и т. д. И новые кадры рабочих, через которые можно было бы крепче установить еще большую связь с деревней, еще больше усилить влияние рабочего класса на деревню, эти кадры не знают, как, откуда взять литературу, чтобы познакомиться с тем, как деревню кооперировать, как ее преобразовывать

в социалистическом направлении. Точно рабочему классу нет дела до деревни до ее кооперирования. В этом отношении необходим сдвиг. Это вопрос не ведомственный, это вопрос усиления влияния рабочего класса на деревню, а сейчас, в момент, когда перед нами стоит такой большой вопрос, как вопрос кооперирования деревни, перевода всей деревенской работы на новую базу—на базу крупного хозяйства, тут влияние рабочего класса особенно важно, потому что у крестьянина, даже у мелкого, у бедняка, психология еще до сих пор мелкого собственника, и тут влияние рабочего имеет чрезвычайно большое значение. Поэтому надо культотделам вместе с АПО и политпросветами обдумать пути усиления этого влияния.

Вот ряд таких вопросов становится перед нами сейчас с особенно большой настоятельностью. Эти вопросы выдвинуты жизнью, их нельзя отодвигать, от них нельзя отмахиваться, и тут нужна помощь партии, необходимо громаднейшее внимание со стороны партии. И в этом отношении, конечно, постановления партийного съезда имеют громадное значение. (Продолжительные аплодисменты.) (Из прений по докладу о работе в деревне.)

А. И. КРИНИЦКИЙ.

Решения XV Съезда по вопросу о работе в деревне займут значительное место в истории партии, в истории нашего строительства. Они отмечают новую полосу в нашей работе. Мы приступаем к социалистическому переустройству деревни. Тов. Ленин говорил о том, что необходимо нам для «построения полного социалистического общества»:

> «Собственно говоря, нам осталось «т о л ь к о» одно: сделать наше население настолько «цивилизованным», чтобы оно поняло все выгоды от поголовного участия в кооперации и наладило это участие. «Т о л ь к о» это. Никакие другие премудрости нам не нужны теперь для того чтобы перейти к социализму. Но для того, чтобы совершить это «только», нужен целый переворот, целая полоса культурного развития всей народной массы...
>
> ...Но чтобы достигнуть через нэп участия в кооперации поголовно всего населения,—вот для того требуется целая историческая эпоха. Мы можем пройти на хороший конец эту эпоху в одно-два десятилетия... Без этой исторической эпохи, без поголовной грамотности, без достаточной степени толковости, без достаточной степени приучения населения к тому, чтобы пользоваться книжками, и без материальной основы этого, без известной обеспеченности, скажем, от неурожая, от голода и т. д.,—без этого нам своей цели не достигнуть». (Л е н и н. Собр. соч., том XVIII, ч. 2, стр. 141—142.)

XV Съезд ставит перед страной новые задачи, присущие этому периоду в области экономического строительства, в области всей работы в деревне. Несомненно, что и во всей работе по культурному строительству нужно поставить ряд новых задач, нужно кардинально пересмотреть и проверить целый ряд участков нашей культурной работы.

Каково содержание той культурной работы, культурной революции, о которой мы говорим? Вспомним, что Ленин говорил в 1923 г. о нашем культурном развитии: «Нам бы для начала достаточно настоящей буржуазной культуры». Он говорил: «Нам... не хватает цивилизации для того чтобы перейти непосредственно к социализму»...

Другими словами, в первую очередь содержанием нашей культурной работы, той культурной революции, которая сейчас развертывается на наших глазах, являются задачи, которые начинает, но не может довершить буржуазно-демократическая революция. И здесь, как в целом ряде областей общественной жизни и борьбы, пролетарская революция последовательно доводит до конца «недоделенное буржуазно-демократической революцией».

Огромное значение имеет сумеем ли мы сейчас развивать м а с с о в ы е ф о р м ы н а ш е й к у л ь т у р н о й р а б о т ы, добиться того, чтобы массы все больше

и больше осваивали то культурное наследство, которое нам осталось от предыдущего строя. Я подчеркиваю такие вещи, как книга: если учесть возрастающие потребности, то по существу удовлетворительной массовой книги у нас нет. Театр: через московские академические театры проходят примерно 3 миллиона зрителей за год; в деревне (только по РСФСР) мы за год пропускаем примерно 25—30 млн. зрителей,—сопоставьте эти две цифры: 3 млн. и 25 млн. Надо подчеркнуть, что внимания партии к массовой сцене, которая организует и культурно обслуживает десятки миллионов зрителей за год, к деревенской сцене (так же, как к клубной сцене в городе),—этого внимания непомерно мало.

Если говорить о кино как о важнейшем массовом искусстве, то надо отметить, что и здесь мы также очень отстали. Тут нужны люди, нужны деньги, нужно огромное внимание партии. У нас нет должной классовой линии на деле, нет правильной установки во всей этой работе, не выполняются важнейшие политические и культурные задачи кино.

То же нужно сказать о важности работы радио, относительно деревенских газет и журналов, о профессионально-техническом, ремесленном образовании и т. д. Другими словами, массовые формы культурной работы—это важнейшее дело, к которому партия должна приковать свое внимание. Мы должны заняться проверкой этой работы через читателя, через зрителя, через слушателя, чего сейчас почти еще совсем не делается. Приэтом мы должны приспособить культурную работу к местным условиям.

Содержание нашей культурной работы не определяется только тем, что мы работаем над освоением старого культурного наследства. Мы его переделываем, мы его подвергаем социалистической переплавке, мы начинаем строить новую культуру, мы все дальше и больше на почве осваивания старой культуры взращиваем элементы новой социалистической культуры. Пролетарская революция несет с собой и политический, и экономический, и культурный переворот. В переходный период огромное значение получает вопрос, в какой мере мы сумеем увязать всю нашу культурную работу с коренными задачами пролетарской революции, специфическими, ей свойственными, как мы сумеем в области культуры не только довершить до конца то, что начала и чего не довершила буржуазно-демократическая революция, но и совершить «культурный переворот», победить в «культурной революции», связав всю работу по строительству культуры с задачами пролетарской революции,—с задачами социалистической перестройки общества. Ясное дело, что не может и не должно быть противопоставления этих двух сторон нашего культурного строительства: освоения культурного старого наследства и развития новых социалистических элементов культуры. Но в нашей культурной работе мы будем сползать на путь культурничества, если мы забудем о том, что наша культурная работа является одной из сторон социалистического строительства. Она должна развиваться в переходный период со все большим усилением социалистических элементов, подчиняясь общим задачам пролетариата, реорганизующего весь общественный строй.

Если во всех отраслях мы приступаем к непосредственному созданию элементов нового социалистического строя, то и все культурное строительство должно служить задачам воспитания, организации масс в деле строительства социализма. Это относится и к школе, и к политико-просветительной сети, и к литературе, к театру, кино и т. д. Это относится также ко всей политической массовой работе партии в деревне.

В 1923 г., когда Ленин говорил о задачах коммунистической пропаганды в деревне, они, конечно, не могли быть так актуальны, насколько актуальными они делаются сейчас. Теперь, употребляя выражение Энгельса, можно в большей мере сказать относительно мелкого и мельчайшего крестьянина СССР, что он «с готовностью открывает уши для социалистической пропаганды». Эта социалистическая пропаганда имеет сейчас большую почву и больше условий для успеха, ибо теперь имеется ряд материальных предпосылок к тому.

Удастся ли нам сейчас это социалистическое содержание вносить во всю культурную работу? Во многом еще нет, во многом мы еще значительно отстаем. В школе II ступени, например, такой вопрос, как вопрос кооперирования, т. е. вопрос практической трактовки задачи социалистической перестройки деревни, не имеет четкой перспективной установки. В вузах проблема кооперирования деревни, даже в сельскохозяйственных и педагогических вузах, совершенно не находит достаточного отражения. В педтехникумах, в Тимирязевской сельскохозяйственной академии—та же самая картина.

Если говорить об агропропаганде, то тут такая же картина. Как правило, работа с.-х. кружков, курсов агропропаганды и т. д. ориентируется главным образом на единоличное, а не на коллективное хозяйство. С точки зрения задач коллективизации деревни вся эта работа должна быть проверена так же, как и вся работа с учителем, с агрономом, работа по подготовке и переподготовке этих кадров, вся наша литература, идущая в деревню, и т. п. Мы должны увязать эти задачи с задачами социалистической перестройки деревни.

Какими силами мы сможем проделать эту огромную работу, пройти большой важности полосу широкого, массового культурного развития деревни? Большая часть организаций, вовлекающих массы в культурную работу (культурно-социальные секции советов, волполитпросветкомы, школьные советы, советы изб-читален, ячейки добровольных обществ, различные кружки), почти бездействует. Крупнейшей задачей партии является, на основе решений XV съезда, развить и поднять советскую общественность вокруг вопросов культурного строительства, проверить и оживить всю сеть организаций, ведущих и направляющих культурную работу.

О кадрах культурных работников. По пятилетнему перспективному плану Наркомпроса к концу пятилетия мы будем иметь дефицит в культурных работниках (для деревни главным образом). Так, например, вместо нужных 78 000 педагогов, мы подготовим только 38 000—огромный дефицит! Необходимо привлечь внимание партии к вопросу о подготовке культурных кадров для деревни. При настоящем темпе подготовки мы можем остаться без достаточных культурных кадров для нашей деревни. Необходимо также усилить подготовку в лице деревенских работников (учитель, агроном, мелиоратор и т. д.) не только узких специалистов своего дела, а и организаторов социалистической перестройки деревни.

О работе партийных организаций в культурном строительстве. Требуется решительный поворот партии к вопросам культурной работы. Всю работу по культурному строительству необходимо вывести из ведомственных рамок, сделать важнейшей работой всей партии. Мы должны поставить партийные организации деревни во главе культурного строительства. С этой задачей связана работа не только по подъему культурного уровня деревенских коммунистов, но мы, очевидно, в ближайшее время должны будем перебросить немалое количество достаточно квалифицированных коммунистов в деревню, должны будем усилить деревню работниками из города—коммунистами и комсомольцами. (Голос: «Правильно!»)

Даже при всех недостатках и недочетах в нашей культурной работе можем ли мы говорить о «кризисе советской культуры»? Об этом кризисе говорит оппозиция. Преображенский на дискуссии о есенинщине в Коммунистической академии заявил «о кризисе советской культуры». Лелевич в одном из саратовских журналов продолжил эту мысль и рассказал о том, что этот кризис сказывается «в диспропорции между техническим и культурным уровнем нашей страны и гигантскими задачами социалистического строительства». Лелевич говорил о «кризисе классового содержания советской культуры», и он давал примерно такое же определение положения на культурном фронте, какое давала оппозиция в вопросах экономики. Он говорил: «Буржуазное наступление на культурном фронте развертывается полным ходом, притом сплошь и рядом под прикрытием советской и даже партийной марки».

Конечно, это все ерунда. Вздор говорить о кризисе советской культуры. Есть большие трудности культурного развития нашей отсталой страны. Отстала

сравнительно культурная работа, поскольку партия свои силы должна была бросить на самые основные участки фронта строительства. Но, разумеется, никакого кризиса в советской культуре нет. Наоборот, мы вступаем в полосу величайшего культурного подъема нашей страны. Есть сейчас мощные предпосылки для широчайшего культурного развития и роста и в городе и в деревне. В деревне партия берется за огромную исторического значения задачу—социалистическую перестройку мелких и мельчайших хозяйств. Партия вступила в полосу, связанную с широким строительством и на культурном фронте, в эпоху культурной революции. Раз вся партия за это дело берется вплотную, засучив рукава, мы имеем обеспеченный успех, мы успешно пройдем величайшую историческую полосу дальнейшего культурного развития по социалистическому пути. (Аплодисменты.) (Из прений по докладу о работе в деревне.)

ЗИМИН.

Я считаю нужным сделать еще следующую поправку к тезисам ЦК: выделяя бедноту при проведении землеустройства в лучшие условия, выделяя в оптимальные поселки, выселки и т. д., мы часто ее ставим в тяжелое положение в смысле культурного обслуживания. Необходимо, чтобы мероприятия в области культурной, в области образования, здравоохранения и т. д. шли в уровень с нашими мероприятиями по землеустройству, по созданию новых форм землепользования. (Из прений по докладу о работе в деревне.)

В. В. ОСИНСКИЙ.

Для того чтобы осуществить намеченный большой поворот в нашей работе, очевидно, нужно будет готовить кадры и бросать их в большом количестве в деревню. Если мы этого не сделаем, то у нас вряд ли что из всех наших хороших затей, о которых говорим, выйдет. Я нынешней весной в апреле провел месяц на статистическом обследовании в Воронежской губ. Я тогда же пришел к глубокому убеждению, что у нас сейчас дело обстоит так, что деревня буквально требует организатора. И прежде всего этого организатора ждет бедняк.

Из-за отсутствия организаторов распадаются часто те новшества (или обращаются в другую сторону), которые можно было бы использовать для построения социалистических элементов в нашем хозяйстве.

Деревня, низы ее, хотят итти по новому пути, но она нуждается в людях, которые могли бы помочь бедняцкой и середняцкой части деревни сорганизоваться.

Это самое первое, что нужно сейчас деревне. Надо, конечно, не наводнять деревню городскими болтунами, которые бы стали командовать и разговаривать не о том, что нужно, но нужно послать туда людей, способных действительно помогать в проведении этой организационной работы.

По данным ЦСУ, учащиеся в наших вузах исчисляются сотнями тысяч. В учебных заведениях, которые раньше назывались средними,—многими сотнями тысяч. Сколько из них возвращается в деревню? Они совершенно не возвращаются в деревню. (Голос: «Правильно!») Некоторые, правда, и не из деревни пришли. Но что еще происходит? Учиться идут лучшие люди и из деревни, а затем оседают в городе. Нам угрожает в ближайшее время, может быть, перепроизводство этой технической интеллигенции в городах, а деревня в это время не имеет в буквальном смысле ни одного грамотного человека, который мог бы показать, как приняться за дело, мог бы поддержать спайку между теми бедняками и середняками, которые пытаются пойти вместе по пути к социализму. Это некому сделать, некому показать.

Я считаю крайне важным, чтобы для тех лиц, которые получают у нас образование, было введено в обязательном порядке, в порядке стажа, отправляться в деревню, работать там несколько лет и отдавать крестьянству часть своего времени в виде платы за то обучение, которое они получили.

Нам нужно и по партийной и по комсомольской линии принять самые энергичные меры в этом отношении. Если мы хотим этот поворот сделать, без такого нового «похода» в деревню мы не обойдемся. Это вопрос существенный. (Из прений по докладу о работе в деревне.)

V. О РАБОТЕ НАУЧНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ.

М. Н. ПОКРОВСКИЙ

Товарищи, если я не ошибаюсь, XV Съезд нашей партии—это первый съезд, в тезисах которого фигурирует наука, научно-исследовательская, научно-творческая работа как таковая. На всех наших съездах говорилось о вопросах культуры и просвещения, но о вопросах науки говорилось, насколько я помню, только на XII съезде, и то не на пленуме, а в агитпропкомиссии. Таким образом первый раз мы, научные работники-коммунисты, являемся именинниками. (Смех, аплодисменты.) В ряде выступлений вы слышали намеки на науку, как на необходимую базу социалистического строительства. Позвольте мне не развивать здесь той мысли, что ни о какой индустриализации, и тем паче ни о какой социалистической индустриализации без науки, без научного базиса и речи быть не может. Это все мы отчетливо сознаем. Но любопытная вещь: когда вы просмотрите плановые материалы, которые были розданы Съезду, вы там тоже на каждом шагу чувствуете науку, на каждом шагу вы видите ссылку на науку; но я тщательно искал там раздела, посвященного научному строительству, и не нашел. Вся наша пятилетка подбита научной работой совершенно так, как зимнее пальто бывает подбито ватой. Но в то время как портной, создавая план зимнего пальто, учитывает эту вату и в издержках, и в размерах, и т. д.,—тут, в наших плановых предположениях, вы не найдете, сколько научных учреждений предполагается вновь создать за пятилетний период, как предполагается развивать те учреждения, которые уже созданы, как предполагается их переоборудовать. А ведь все это денег стоит, все это должно найти себе какой-то денежный эквивалент. Но этого нет.

Я все это говорю не для того, чтобы критиковать наши плановые органы. Я привожу эти факты именно потому, что они подчеркивают совершенно ненормальное явление: в то время как без науки мы не можем построить нашего социалистического хозяйства, плана строительства самой науки мы дать не можем. Ни в одной области у нас нет большей стихийности и большего хаоса, нежели именно в области организации научной работы. Вы можете встретить крупнейшие научные учреждения, которые вместо плана со всей наивностью преподносят вам написанный на полустраничке перечень текущих вопросов, которыми они занимаются. И если вы спросите, а почему у вас именно эти вопросы поставлены, а не другие, какова целевая установка вашей работы и т. д.?—то на вас посмотрят как на варвара, изверга, который просто не понимает, как в научном мире работают. Ведь наши предки и отцы именно так работали,—какой же вам еще нужен план? И крупнейшие ученые с мировой репутацией сердятся, что их беспокоят этими плановыми требованиями. Что же касается плана научной деятельности всей страны, всего Союза в целом, то—повторяю еще раз—даже материалов для его построения пока нет. По разным уголкам ведется плановая работа. Например, сейчас как раз в нашем секторе, коммунистическом, в Коммунистической академии и в других партийных научных учреждениях типа Института Ленина, Института Маркса и Энгельса и т. д., начинают вырабатывать общий план работ, но только еще начинают, так что и тут положение достаточно отсталое. Наше научное строительство отстало от всех других областей нашего строительства.

Позвольте на двух-трех примерах иллюстрировать сказанное. Вот тут говорили, что наша промышленность на Урале—скажем металлургия—работает приемами Петра Первого. А наша наука? Походите по великолепнейшим, в смысле богатства коллекций, собраниям крупнейших наших всесоюзных учреждений,—что вы там найдете? Разросшуюся в гигантских размерах кунсткамеру Петра Великого. И для

того, чтобы это было более наглядно, там сама эта кунсткамера и поставлена, как одна из составных частей, и сам Петр Великий, которого я по привычке, как и многие члены съезда, называю великим, хотя проще было бы называть его первым (смех),—там сам Петр сидит. Это—богатейшая коллекция, единственная в мире, но расположенная по принципу кунсткамеры; никакого плана, никакой связи с нашим хозяйственным строительством, даже с научно-теоретическими проблемами вы часто там не найдете.

Но чтобы быть справедливым, я не стану останавливаться только на старых учреждениях. Вы скажете: они старые, у них традиции и т. д. Все это прекрасно, но некоторые из этих учреждений гордятся тем, что они живут традициями, созданными в 1834 г. (смех), созданными почти сто лет назад. Должно быть, тогда, в 1834 г., был план этих учреждений. Я воображаю себе картину, если бы создателей этого плана 1834 г., современников этого дворца, который построен в 30-х годах XIX века, привести сюда, в Андреевский зал, на наш Съезд, я убежден, что они моментально сошли бы с ума. (Смех.) До такой степени картина, которую они увидели бы в этом зале, превосходила бы всякое воображение этих людей. Традиции до сих пор свято хранятся и по ним живут.

Возьмите учреждения, созданные нами в советское время. У нас есть для изучения такой колоссальной важности проблемы, как Восток, два учреждения: Ассоциация востоковедения и Институт этнических культур народов Востока. Вы думаете, у них есть общий план работы? Ничего подобного. У них есть некоторые общие работники и на этом основании есть бытовой контакт; во все моменты своего бытия, когда некоторые из этих работников кушают, спят, разговаривают, курят (смех), они состоят в контакте с работниками другого учреждения, но кроме этого бытового контакта никакой связи между работниками этих двух учреждений нет.

Позвольте вам еще на одном примере иллюстрировать, к каким диспропорциям приводит это отсутствие плана. У нас есть физико-математическое отделение Всесоюзной академии наук и есть физико-математическая ассоциация при I МГУ. Состав этих двух комплексов учреждений, задачи их примерно тождественны. Что у них нет общего плана, об этом после того, что я сказал, не приходится говорить. Конечно, нет общего плана. Всесоюзная академия наук отправляет в тот край, от которого здесь выступал т. Чуцкаев, экспедицию для ловли жуков. Там,— это, может быть, т. Чуцкаеву неизвестно, но Академии наук это хорошо известно,— есть такая разновидность жуков, которые вымерли везде уже на всем земном шаре, очень редкие жуки. (Смех.) Я к этому отношусь не комически, по моему мнению, спасать остатки так называемой реликтовой фауны, которые сохранились на территории нашего Союза,—это прямая задача научных учреждений. Стоит эта ловля жуков по производственному плану Академии наук 1½—2 тыс. рублей. Жуки чрезвычайно редкие, по случаю этих жуков все иностранцы нам завидуют, и нужно их спасти.

И вот вам другой случай, относящийся к совершенно аналогичному по задачам учреждению—физико-математической ассоциации при I МГУ. Там тоже существует Зоологический институт, и в этом Зоологическом институте известный вам зоолог-дарвинист профессор Мензбир готовит аспирантов по зоологии,—и между прочим готовит очень хорошо, с очень блестящими результатами. Ему для работы с этими аспирантами нужна птица, одна птица. Когда я услышал об этом, я сказал: пойдите на рынок и купите курицу; это простое дело. А деньги кто на эту курицу даст? (Смех.) И вот Зоологический институт I МГУ должен был дожидаться, пока от естественной смерти не скончается фазан в Зоопарке. И когда это счастливое для Зоологического института и несчастливое для самого фазана событие произошло, то на этого фазана не только все аспиранты профессора Мензбира накинулись, но к этому фазану присоединился и еще один профессор, который также не мог достать птицы для лабораторной работы.

Вот вам два случая: с одной стороны, экспедиция для ловли жуков, на которую тратится 1½ тыс. руб., с другой стороны, нет двух рублей для покупки курицы.

Так вот, когда вы сравните, то увидите, что есть какая-то чудовищная диспропорция, которую можно устранить только одним путем—расположением всех этих задач в плане; в таком плане и все эти жуки и курица, наверное, найдут себе место. Но я сильно боюсь, что это будет десятилетний план, а не пятилетний, авось, не вымрут еще так скоро эти жуки.

В области нашей научной работы у нас есть один угол, где уже есть план, и притом план, утвержденный ЦК партии. Сама идея этого плана зародилась в стенах ЦК. Одна из комиссий ЦК пришла к убеждению, что пора нам бросить кустарный способ подготовки научных работников вразброд, по разным институтам и кафедрам, и пора это объединить в одном общегосударственном плане, хотя бы в пределах РСФСР, в пределах РСФСР-овского Наркомпроса. Нами был представлен этот план ЦК, им просмотрен и одобрен. По этому плану мы должны были получить втечение трех лет 2 000 аспирантских стипендий для подготовки научных работников,—стипендии очень скромные, по 80 рублей, но все-таки они возможность существовать молодым научным работникам дают. Использование этих стипендий предполагалось в таком порядке: 800 стипендий в 1925 г., 600 стипендий в 1926 г. и 600 стипендий в 1927 г. Такой план был утвержден, и работа кое-как наладилась.

Ко всем учреждениям, которые мне приходилось ставить, как, например, Институт красной профессуры, который оправдал теперь себя на 100%, я всегда подходил с некоторым скептицизмом. Не потому, чтобы я был пораженцем в этом отношении, а потому, что всегда нужно учитывать возможность поражений. И всякий раз меня действительность била, била радостно для меня. Институт красной профессуры удался, работа аспирантов тоже очень удалась. Год от году мы получали все лучший в качественном отношении подбор и в смысле социального состава и в смысле академической подготовки. В первый год мы имели только 17,3% рабочих и крестьян в этом подборе, во второй год мы имеем уже 33,4%, за нынешний год я еще не имею данных, потому что прием у нас еще не закончен, но можно быть уверенным, что состав будет еще лучше. Теперь уже начинают попадаться рабфаковцы, те, которые прошли рабфак, потом вуз и теперь представляются уже кафедрами и вузами как кандидаты в аспиранты. Улучшается и партийный состав: в 1925 г. было 11% партийцев и комсомольцев, в 1926 г.— 21,5%, а сейчас опять-таки это дело еще лучше стоит, так что, например, в институтах общественных наук, в так называемом РАНИОНЕ, мы имеем уже большинство партийцев и меньшинство беспартийных. Словом, с этой стороны—душа радуется. С академической стороны то же самое. В 1925 г. мы принимали иногда по рекомендациям, без всяких научных работ; в 1926 г. мы уже без работ не принимали; в нынешнем 1927 г. мы отказываем даже имеющим печатные работы. Институт зоологии, историю которого с фазаном я вам описал, представил 21 кандидата, все—с печатными работами, напечатанными часто в заграничных журналах. т. е. признанными европейской наукой. Мы могли зачислить только 8 человек.

Мы зачислили на стипендии 203 человека, без стипендий—292. Это, конечно, страшно портит социальный состав, потому что рабочего или крестьянина без стипендии зачислять,—это же воздушную операцию совершать. Как он будет существовать без стипендии? Без стипендии можно зачислять только молодого человека из более или менее обеспеченной семьи. И отказали мы 544 человекам, причем отказали мы таким, которых принимали 2 года назад. Что нас заставляет делать такую странную вещь? А то, что план-то, о котором я вам рассказывал, сорвался во всем, кроме самой подготовки этих аспирантов. В первый год, когда план был очень свеж, когда свежи были чернила, которыми было написано постановление ЦК, нам дали 800 стипендий; на следующий год дали не 600, а 450, а теперь уже нам дают не то 200, не то 250, добраться не могу. В будущем году, пожалуй, не дадут ничего.

Аргумент, который приэтом приводят, такого свойства, что я не могу не потратить полсекунды на то, чтобы привести вам его. Говорят: в царское же

время было всего 300 государственных стипендий. Дорогие товарищи, царь ведь не строил социализма, но пытался его разрушать! (Аплодисменты.) Царь не имел пролетарского студенчества, а, наоборот, кухаркиных детей даже в гимназию не пускал.

Заканчиваю. Нам безусловно необходим орган, планирующий научно-исследовательскую работу в масштабе всего Союза. Это совершенно необходимая вещь. В план нашей пятилетки обязательно должна быть введена и научная пятилетка, ибо она подбивает весь этот план и без нее обойтись нельзя—это вопервых. И вовторых, правда, т. Ленин нам говорил, что мы должны привыкать строить коммунизм и руками не-коммунистов, но, конечно, если бы т. Ленину предложили выбрать—строить коммунизм руками коммунистов или не-коммунистов, он бы, вероятно, обозвал нехорошо человека, предлагающего такой выбор. Так вот позвольте вам напомнить, что у нас есть полная возможность иметь свою научную смену, вышедшую из таких общественных классов, которые тесно связаны с Октябрьской революцией, которые ее делали и защищали ее во время гражданской войны. Это—вполне наши по своему настроению люди, ибо у нас даже беспартийные аспиранты обязательно проходят марксистский стаж и марксистскую выучку. Замедлять этот процесс было бы совершенно нежелательно, в этом нет никакой необходимости. (Продолжительные аплодисменты.) (Из прений по докладам о директивах по составлению пятилетнего плана народного хозяйства.)

В. Я. ЧУБАРЬ.

О роли научных институтов в деле развития нашего хозяйства. Нам нужно наши научно-исследовательские институты, связанные с промышленностью, связанные с сельским хозяйством, приблизить к производственной базе. Мы можем и должны всякие институты, относящиеся к земле, насаждать на той земле, с которой они должны иметь знакомство, а не отрывать их от земли и от тех органов, которые непосредственно руководят работой. (Из прений по докладам о директивах по составлению пятилетнего плана народного хозяйства.)

VI. ОБ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ.

И. В. СТАЛИН.

Наряду с ростом недовольства в недрах новой буржуазии мы имеем факт диференциации интеллигенции, факт отхода от сменовеховства, отхода сотен и тысяч трудовой интеллигенции в сторону советской власти. Этот факт является благодетельным фактом, который должен быть отмечен. Застрельщиком является здесь техническая интеллигенция, ибо она, будучи тесно связана с процессом производства, не может не видеть, что большевики ведут дело нашей страны вперед, к лучшему. Такие гигантские предприятия, как Волховстрой, Днепрострой, Свирьстрой, Туркестанская дорога, Волго-Дон, целый ряд новых гигантов-заводов, с судьбой которых связана судьба целых слоев технической интеллигенции, не могут пройти без известного благотворного влияния на эти слои. Это есть не только вопрос о куске хлеба для них. Это есть вместе с тем дело чести, дело творчества, естественно сближающее их с рабочим классом, с советской властью. Я уже не говорю о сельской трудовой интеллигенции, особенно о сельском учительстве, которое давно повернулось в сторону советской власти и которое не может не приветствовать развития школьного дела в деревне. Поэтому наряду с ростом недовольства среди известных слоев интеллигенции мы имеем факт смычки трудовой интеллигенции с рабочим классом. Задача партии состоит в том, чтобы продолжать линию на изоляцию новой буржуазии и укрепить смычку рабочего класса с трудовой советской интеллигенцией города и деревни. (Из доклада «Политический отчет ЦК ВКП(б)».)

VII. КОМСОМОЛ И КУЛЬТРАБОТА СРЕДИ МОЛОДЕЖИ.

Н. П. ЧАПЛИН.

В деле культурной революции, в деле подъема культурного уровня рабоче-крестьянских масс Комсомол может и должен быть орудием, важнейшим рычагом в руках нашей партии. Ведь именно на его плечи партия возлагает переделку подрастающего поколения, воспитание из него новых строителей социалистического общества. И здесь,—и в области подготовки нового поколения цивилизованных кооператоров в деревне, и в области подготовки из рабочей молодежи нового поколения сознательных социалистических работников в городе, и в области борьбы за новый быт,—перед Комсомолом стоят огромнейшие задачи. Роль Комсомола в культурной революции будет заключаться в том, что он должен явиться застрельщиком, инициатором в борьбе со старым и отмирающим за новое, социалистическое общество. В первую очередь встает вопрос о рабочей молодежи. Наша партия впервые в истории проделала опыт создания новой социалистической школы на наших фабриках и заводах, школы, подчиняющей труд рабочей молодежи задачам воспитания и образования. Нам, членам партии, работающим в Комсомоле, кажется, что и в условиях рационализации принцип социалистической организации труда молодежи должен быть сохранен, что школы фабзавуча должны и в дальнейшем укрепляться и расширяться. Практические задачи в этой области должны состоять в том, чтобы в ближайшие годы всю броню рабочих-подростков, приспособленную к потребностям промышленности, охватить организованным фабрично-заводским ученичеством—школами фабзавуча.

Нам кажется, что сейчас, в связи с переходом к 7-часовому рабочему дню, нужно поставить и разрешить вопрос о возможности сокращения рабочего дня подростков с 6 до 5 часов, с тем чтобы подчинить труд рабочей молодежи задачам обучения еще в большей степени, чем это есть сейчас. (Из прений по отчетным докладам ЦК ВКП(б).)

М. С. СОБОЛЕВ.

Но вместе с дальнейшим ростом экономического и культурного благосостояния рабочих, партия, профсоюзы, хозяйственные органы должны систематически работать по все большему улучшению экономического положения рабочей молодежи и поднятию культурного и политического уровня подрастающих кадров пролетариата. В директивах по составлению пятилетки должны быть отмечены следующие вопросы, волнующие рабочую молодежь нашей страны.

Первый вопрос—необходимость энергичного проведения работы по организации труда молодежи на таких началах, которые предполагают подчинение труда молодежи задачам обучения, подготовку таких кадров пролетариев, которые были бы в техническом, культурном и политическом отношениях в полном смысле слова передовыми. Мы имеем в виду поставить вопрос о школах ФЗУ.

Это вопрос не новый, но приходится его снова поднимать, поскольку директивы партийных съездов и правительства не полностью проводятся в жизнь теми, по адресу которых эти директивы направлены. Осенью этого года отдельные хозяйственные органы закрывали двери школ ФЗУ для молодых рабочих, и только после вмешательства местных партийных организаций и директивы т. Куйбышева нам удалось изжить эти ненормальности. Нужно будет пойти на то, чтобы школы фабзавуча расширять, совершенствовать, особенно в техническом отношении, не подходя к ним только с точки зрения хозрасчета сегодняшнего дня. В пятилетнем плане народного хозяйства должен быть предусмотрен вопрос о том, что нужно всю броню подростков, приведенную в соответствие с нуждами и потребностями промышленности, охватить школами ФЗУ, этой организованной формой производственного обучения рабочей молодежи.

Необходимо также поставить вопрос относительно организации в промышлен-

ных районах сети школ-семилеток, которые должны быть общеобразовательной базой для школы ФЗУ. Кроме школ ФЗУ развернуть достаточную сеть профессионально-технического образования: курсов, вечерних рабфаков, техникумов, профтехкружков и т. д., где бы молодежь могла получать необходимую квалификацию. (Из прений по докладам о директивах по составлению пятилетнего плана народного хозяйства.)

А. И. МИЛЬЧАКОВ.

Вопрос о подготовке молодежи, о ее правильном коммунистическом воспитании целиком упирается в те трудности и препятствия, которые стоят на нашей дороге: проявление самодурства в среде некоторых администраторов, случаи преследования разоблачителей, в частности из молодежи, явления круговой поруки—«не выносить сор из избы», когда, например, срывают стенную газету, где проходятся по адресу того или другого администратора, чинопочитание, низкопоклонство. Ничто так не гадит нашу молодежь, как проявление этих безобразий. Нам нужно видеть стоящую перед нами задачу правильного воспитания молодежи, задачу преодоления отмеченных отрицательных явлений и безобразий, задачу воспитания молодежи в духе беспощадной борьбы с этими безобразиями, используя бьющую ключом энергию нашей молодежи путем включения ее в работу по переделке госаппарата.

Нам здесь хочется заявить о том, чтобы тех или иных товарищей, которые могут иной раз по горячности сболтнуть что-нибудь лишнее, допустить ошибку и потом «упасть духом», чтобы их не оставляли без поддержки, и не давать в обиду толковых разоблачителей, брать их под защиту. Это будет воспитывать нашу молодежь в духе смелой и беспощадной борьбы с бюрократическими извращениями.

Мы хотим, чтобы молодежь не только училась делу рационализации соваппарата, но чтобы она искореняла волокиту, чтобы она воспитывала в каждом работающем в советском аппарате культурное, человеческое отношение к тому, кто туда обращается. (Из прений по докладу ЦКК—НКРКИ.)

VIII. ПРОСВЕТИТЕЛЬНАЯ РАБОТА В НАЦИОНАЛЬНЫХ РЕСПУБЛИКАХ.

т. КАРАЕВ.

Я должен констатировать колоссальный рост наших национальных республик, но у нас имеются и очень большие недостатки. Я знаком с тюрко-татарскими республиками и должен сказать, что в этих республиках мы имеем на идеологическом фронте большие пробелы. Мы попа выгнали из нашей школы через дверь, а он через трубу опять полез в нашу школу при помощи наших же рук. Вот простая штука—задачник, в котором написано: «Бог послал Ахмеду 5 кур. Каждая курица несет по 10 яиц в месяц. Сколько Ахмед получил яиц в месяц?» В другой республике в учебнике политграмоты для школы II ступени сказано: «Ленин вступил в партию в 1900 году. В 1903 году совместно с Плехановым, Аксельродом и Мартовым организовал большевистскую фракцию...» В другом учебнике написано: «Любите правду, любите справедливость, потому что бог является сторонником справедливости и правды». И т. д. Это показывает, что издательский аппарат нами недостаточно завоеван.

Другой вопрос—относительно языка в школах тюрко-татарских республик. У нас, в тюрко-татарских республиках, своей рабоче-крестьянской интеллигенции нет. И вот мелкобуржуазная, кулацкая интеллигенция, которая засела в наших аппаратах, проводит свои идеи монопольно в Наркомпросе под тем или другим соусом. «Османизация» наших учебных заведений имеется в тюрко-татарских республиках, «османизация» имеется в Дагестане, Туркменистане, Узбекистане и по другим республикам. Эта «османизация» означает, что мелкобуржуазная интеллигенция, которая сейчас находится в наших учебных заведениях и издательских аппаратах, подсовывает нам тюркофильские идеи. Наша задача—изучить этот вопрос и принять необходимые меры. (Из прений по докладу ЦКК—НКРКИ.)

При царизме мы в Башкирии школ не имели; если были школы, то только—для татар, и то частные. Если открывались башкирские школы, то урядники их обязательно закрывали. А теперь у нас в Башкирии имеется 2340 школ, в этих школах обучается 35% всех башкирских детей. Безусловно этого недостаточно. Нам нужно так поставить дело, чтобы наши башкирские школы охватили все 100% детей. Мы имеем больше двух тысяч школ, но если посмотреть на качественную сторону, то приходишь к очень печальным выводам. У нас очень мало специальных зданий, учебников, пособий слишком мало, мебели, оборудования почти нет, хорошо подготовленных учителей мало, особенно знающих башкирский язык. (Из прений по отчетным докладам ЦК ВКП(б).)

Г. МУСАБЕКОВ.

Относительно культурной отсталости. Вся наша работа, все достижения в конечном итоге упираются в нашу некультурность. Особенно резко чувствуем это мы, работающие в отсталых национальных республиках, получивших в культурном отношении слишком тяжелое наследие. До советской власти в Азербайджане грамотность едва доходила до 5%. При последней переписи выяснилось, что процент грамотных увеличился до 20, но все же мы слишком еще отстали. Необходимо уделить максимум внимания поднятию культурности отсталых районов. (Из прений по отчетным докладам ЦК ВКП(б).)

т. КРАСОВСКАЯ.

Я хочу остановиться теперь на некоторых вопросах, которые непременно нужно было бы отметить.

Плохо то, что литературы на национальных языках очень мало, а зачастую ее не бывает совсем.

Здесь говорили о сети учебных заведений. У нас, в Крымской республике, национальности охвачены сетью низших учебных заведений достаточно, учебные заведения высшего типа сосредоточены только в центральных городах РСФСР, а в крупнейших автономных республиках их нет. Например, у нас в Крыму имеется только один педфак. Между тем можно было бы открыть и медицинский факультет. Имеются для этого возможности: имеются кабинеты, природные условия хороши для учащихся и т. д. Мы говорим на партийных съездах, мы говорим и на советских съездах об этом факультете, а все-таки открыть его мы не можем, потому что у нас нет денег. На это необходимо будет обратить внимание центральных организаций. (Из прений по докладу ЦКК—НКРКИ.)

iX. ВЫСТУПЛЕНИЯ ПО ОТДЕЛЬНЫМ ВОПРОСАМ ПРОСВЕЩЕНСКОЙ РАБОТЫ.

т. КРАСОВСКАЯ.

1. О борьбе с детской беспризорностью.

Я хотела бы остановиться еще на вопросе о беспризорности. До сих пор у нас беспризорность не изжита. Это зло нужно изжить, нужно найти какие-то действенные методы борьбы с беспризорностью. Особенно к нам в Крым, в теплые края, съезжаются со всех сторон беспризорные, и не успеешь подобрать одних, как «подплывают» другие. Мне кажется, что если бы беспризорных распределять по известному количеству по всем нашим республикам и городам, чтобы каждый город, каждая республика знали, какое количество беспризорных приходится на них, с тем чтобы они приняли на себя заботу об их воспитании, не давая им дальше

шататься, тогда мы скорее победили бы эту беспризорность. Сколько бы мы в Крыму ни боролись, сколько бы ни затрачивали денег и сил, все равно одни мы беспомощны.

Нужно основательно поработать над этим делом и деньги, которые затрачиваются, распределять правильно. (Из прений по докладу ЦКК—НКРКИ.)

В. А. КОТОВ.

2. О литературе и учебниках.

Я хочу обратить внимание на вопрос, на котором т. Орджоникидзе не остановился. Мы сейчас имеем огромнейший спрос на литературу во всей нашей стране. Тяга к знанию огромная, каждый хочет читать. Но выпускаемая литература абсолютно недоступна рядовому читателю. (Тов. Котов демонстрирует съезду несколько книжек, рассчитанных на молодежь и рабочего читателя, стоимостью от 1 р. 60 к. до 2 р. 25 к.)

Кто может купить такую книгу? Молодой рабочий, комсомолец, работающий на фабрике,—разве они могут купить книгу за такую высокую цену? Особое внимание нужно обратить на учебники. Учебники—это самое необходимое пособие для школы. Раньше задачник стоил 15 к., теперь он стоит 65 к. Кроме того нельзя же не только каждый год, но в году по несколько раз менять учебники. Рабочий, получающий 50—60 руб., не в состоянии покупать для своих детей эти учебники. Мы пока в этом деле учимся и, конечно, научимся, но дорого нам это обходится. Органам Наркомпроса необходимо обратить на это самое серьезное внимание и упорядочить это дело. РКИ—ЦКК и всем нашим партийным организациям нужно заняться этим вопросом. (Из прений по докладу ЦКК—НКРКИ.)

С. Е. ЧУЦКАЕВ.

3. О просветительной работе среди переселенцев.

Переселенные в Дальневосточный край 43 тысячи переселенцев требуют не только хозяйственного устройства, но и культурного обслуживания. Необходимо открыть несколько десятков школ для этих переселенцев. Но мы не можем этого сделать, потому что до настоящего времени смета Переселенческим управлением не рассмотрена, кредиты не отпускаются, и мы даже не можем определить, сколько нам будет на это отпущено. При таких условиях говорить и о культурном обслуживании переселенцев, конечно, нет возможности. Я думаю, товарищи, партия не может терпеть такого положения. (Из прений по докладам о директивах по составлению пятилетнего плана народного хозяйства.)

А. ПОДЗЕМСКИЙ.

„НАРОДНЫЙ УЧИТЕЛЬ ДОЛЖЕН У НАС БЫТЬ ПОСТАВЛЕН НА ТАКУЮ ВЫСОТУ, НА КАКОЙ ОН НИКОГДА НЕ СТОЯЛ, И НЕ СТОИТ, И НЕ МОЖЕТ СТОЯТЬ В БУРЖУАЗНОМ ОБЩЕСТВЕ. ЭТО — ИСТИНА, НЕ ТРЕБУЮЩАЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ. К ЭТОМУ ПОЛОЖЕНИЮ ДЕЛ МЫ ДОЛЖНЫ ИТТИ СИСТЕМАТИЧЕСКОЙ, НЕУКЛОННОЙ, НАСТОЙЧИВОЙ РАБОТОЙ И НАД ЕГО ДУХОВНЫМ ПОДЪЕМОМ, И НАД ЕГО ВСЕСТОРОННЕЙ ПОДГОТОВКОЙ К ЕГО ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ВЫСОКОМУ ЗВАНИЮ И, ГЛАВНОЕ, ГЛАВНОЕ И ГЛАВНОЕ — НАД ПОДНЯТИЕМ ЕГО МАТЕРИАЛЬНОГО ПОЛОЖЕНИЯ.

НАДО СИСТЕМАТИЧЕСКИ УСИЛИТЬ РАБОТУ ПО ОРГАНИЗАЦИИ НАРОДНЫХ УЧИТЕЛЕЙ, ЧТОБЫ СДЕЛАТЬ ИХ ИЗ ОПОРЫ БУРЖУАЗНОГО СТРОЯ, КОТОРОЙ ОНИ ЯВЛЯЮТСЯ ДО СИХ ПОР ВО ВСЕХ, БЕЗ ИСКЛЮЧЕНИЯ, КАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАНАХ, ОПОРОЙ СОВЕТСКОГО СТРОЯ, ЧТОБЫ ОТВЛЕЧЬ ЧЕРЕЗ НИХ КРЕСТЬЯНСТВО ОТ СОЮЗА С БУРЖУАЗИЕЙ И ПРИВЛЕЧЬ ИХ К СОЮЗУ С ПРОЛЕТАРИАТОМ.“

Н. ЛЕНИН.

СОСТОЯНИЕ АППАРАТОВ ОТДЕЛОВ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

ПОСТАНОВЛЕНИЕ КОЛЛЕГИИ НКП ОБ ИТОГАХ ОБСЛЕДОВАНИЯ ИНСПЕКЦИЕЙ СОСТОЯНИЯ АППАРАТОВ ОНО

1. Заслушав доклад т. Вигдорова о результатах обследования местных аппаратов ОНО, проведенного инспекцией НКП, коллегия считает, что обследование с достаточной полнотой выявило состояние аппарата ОНО по линии реорганизации и состояния бюджета народного образования.

Коллегия констатирует, что:

1. В связи с задержкой разрешения в директивных органах вопросов реорганизации аппаратов ОНО, Наркомпрос не мог дать своевременно достаточно четких директив по этому вопросу. Это, в свою очередь, лишило возможности губ- и край- (обл-) ОНО планомерно руководить реорганизацией низовых аппаратов.

2. Вследствие совпадения реорганизации ОНО с общим сокращением аппаратов и административно-управленческих расходов, основные цели реорганизации были отодвинуты на второй план и сокращение аппаратов ОНО настолько вышло за пределы директив высших органов, а низовые ячейки, непосредственно соприкасающиеся с массовыми учреждениями (участковая инспекция, гороно), настолько ослаблены или даже не созданы вовсе, что обнаружилась реальная угроза ослабления руководства делом народного образования.

3. Сильно пострадали ассигнования на инспекторские поездки (по сравнению с 1926/27 годом сокращение доходит до 50—60%), что противоречит директивам партии.

4. Тяжелое материальное положение инспектуры вызывает стремление к уходу ее из аппаратов на непосредственную педагогическую работу.

5. Для завершения работы по реорганизации требуется детальная проработка вопросов содержания, форм и методов работы аппаратов ОНО в новых условиях.

6. Постепенно начинает изживаться имевшее до последнего года место недовыполнение бюджетов ОНО.

7. Выполнение местами директив о минимальных ставках зарплаты и проведение мероприятий по введению всеобщего обучения—подняли удельный вес ОНО в бюджетах исполкомов и удельный вес начального обучения в бюджетах ОНО.

Почти весь прирост ассигнований на народное образование поглощается ростом зарплаты и мероприятиями по всеобщему обучению. Что касается норм учебных и хозяйственных расходов, то отмечается чрезвычайно слабый их рост.

В частности, в целом ряде административных единиц (Вот-область, Ульяновская губ. и т. д.) бюджет по народному образованию настолько напряжен, что прироста всего бюджета не хватает даже на повышение зарплаты и на осуществление мероприятий по всеобщему обучению.

8. Отмечается тенденция к уменьшению веса политпросветработы, а по ликвидации неграмотности и снабжению библиотек местами констатируется и абсолютное снижение ассигнований.

Отмечается также некоторое дальнейшее сжатие сети массового профтехнического образования и снижение удельного веса профобра в бюджете ОНО.

9. В ОНО не налажен учет общественной инициативы в деле строительства просветительных учреждений и отсутствует плановость в школьном строительстве, что ведет к распылению средств и расходованию их на строительство мелких нетиповых школ и к удорожанию самого строительства.

Исходя из вышеизложенного, коллегия Наркомпроса постановляет:

1. Созвать в марте-апреле 1928 г. очередной съезд зав. край- и губ-ОНО в целях детальной проработки вопросов, связанных с реорганизацией аппаратов, и для установления линии в отношении бюджета 1928/29 года. Орг.-плановому управлению разработать повестку и план подготовительных к съезду мероприятий и внести в коллегию не позднее 1 января.

2. Войти с докладом в СНК о состоянии аппаратов ОНО, с целью получения директив правительства по вопросам:

а) об установлении в центре типовых штатов ОНО, обеспечивающих возможность нормальной работы;

б) об улучшении материального положения инспектуры;

в) об усилении внимания к участковой инспектуре и установлении ее в законодательном порядке;

г) об изъятии расходов на методическую работу и нужды инспектирования из общей группы административных расходов.

3. Предложить всем управлениям Наркомпроса не позднее 15 января закончить составление инструкций для местной инспектуры.

4. Предложить ОНО ускорить выполнение указаний правительства и Наркомпроса по вопросу о расширении прав местных органов и проведение в жизнь указания правительства о передаче учреждениям прав третьестепенных распорядителей кредитов. Завершить в ближайшее время выделение городских отделений по народному образованию, согласно указаний правительства.

5. Орг.-плановому управлению к 15 февраля разработать схему составления операционных планов ОНО в связи с изменившимися формами и методами работы ОНО.

6. Предложить ОНО принять меры к повышению квалификации организационно-плановой инспектуры и закончить работу по составлению перспективных планов не позднее 1 февраля 1928 г.

7. В дополнение к имеющимся уже указаниям—Организационно-плановому управлению в месячный срок, по согласованию с Главсоцвосом, дать директивы ОНО по вопросу о формах поддержки общественной инициативы и учета ее роли в деле школьного строительства, упорядочения строительства вообще и организации надзора за ним.

8. Предложить ОНО, в порядке исправления и уточнения смет

1926/27 г., добиваться увеличения ассигнований на разъезды инспектуры в размерах не ниже ассигнований 1926/27 г.

9. Дать директивы ОНО о недопустимости, в порядке исполнения бюджета, снижения ассигнований на политпросветработу. В частности добиваться выполнения директив зампред СНК по вопросу о неснижении ассигнований на ликвидацию неграмотности.

10. Дать указания ОНО о необходимости следить за выполнением бюджета и отдельных его статей, особенно в последних кварталах и, в частности, в отношении тех административных единиц, где отставание в исполнении бюджета по народному образованию все еще имеет место.

11. Предложить Оргплану на основе настоящего доклада и постановления коллегии по нему составить информационно-инструктивное письмо ОНО.

12. Считать необходимым усилить освещение работы ОНО в новых условиях на страницах «Народного Просвещения».

СОСТОЯНИЕ АППАРАТОВ И БЮДЖЕТА ПО НАРОДНОМУ ОБРАЗОВАНИЮ В 1927/28 г.[1]

(По материалам инспекторского обследования.)

Обследование было проведено между 10 октября и 10 ноября 1927 г. Им было охвачено:

а) три края (Сибирский, Северокавказский, Далькрай), б) четыре области (Вотобласть, Калмобласть, Северо-западная, Уралобласть), в) шесть губерний (Рязанская, Тульская, Орловская, Курская, Вятская, Ульяновская), г) шесть округов (Кузнецкий, Барнаульский, Иркутский, Кубанский, Адыгейский, Златоустинский) и д) шесть уездов.

Хотя к этому времени бюджеты еще не были утверждены, реорганизация аппаратов не вполне закончена и местные руководящие органы по народному образованию вообще не были в достаточной мере осведомлены о состоянии работы на периферии, тем не менее добытые инспекцией материалы позволяют сделать заключение, что выявленная при обследовании вышеуказанных объектов картина в основном типична для всей республики.

РЕОРГАНИЗАЦИЯ АППАРАТОВ.

1. Условия реорганизации.

Вплотную к реорганизации аппаратов отделы народного образования подошли только с 1 октября, когда в основном вопрос о штатах определился. Подготовиться к реорганизации в смысле предварительной проработки вопросов изменения содержания, форм и методов работы аппаратов в новых условиях отделы народного образования лишены были возможности по следующим причинам:

а) внимание ОНО было отвлечено борьбой за бюджет и подготовкой к новому учебному году; б) запоздание и нечеткость директив НКП о самой реорганизации; в) неопределенность вопроса об инсти-

[1] Переработанный доклад в коллегии НКП.

туте участковой инспектуры вообще и политпросветинспектуре в частности.

Места в значительной мере были предоставлены сами себе в разрешении целого ряда чрезвычайно трудных и сложных вопросов, связанных с реорганизацией и содержанием работы в новых условиях.

Для иллюстрации считаю необходимым привести отдельные выдержки из инспекторских докладов:

«Целый ряд общих неясностей в организации диференцированной работы, отсутствие ясных директив по этим вопросам из центра пока не позволили четко оформить работу» (т. Просвирнин, Ульяновск).

«Не имея инструкций по разным разделам работы из центра, губоно пытался создать их своими силами, но инструкции содержат ряд недостатков» (т. Еголин, Тульская губ.).

По Северному Кавказу отмечастся «запоздалость и спешность реорганизации»:

«Крайоно сначала задержал реорганизацию, а потом изменил структуру и штаты под давлением извне» (т. Розин, Северный Кавказ).

«У некоторых работников аппарата,—пишет т. Бронин, инспектор по Вотобласти,—имелось не вполне верное понимание задач и роли инспектора в реорганизованном аппарате». Эти мысли проходят через все доклады обследователя.

В итоге учебный год начался при сломанном старом и неоформившемся новом аппарате, что должно было повлечь за собою ослабление руководства просветительной сетью по крайней мере втечение первого триместра. Одновременное совпадение сокращения аппаратов с их реорганизацией со стороны НКП создало такое положение, когда ОНО совершенно не руководили нижестоящими органами. Большая часть обследованных губ-, край- и облоно не были знакомы с состоянием низовых аппаратов в штатном, бюджетном и сетевом отношениях.

2. Исходный момент реорганизации.

Приведем несколько мыслей инспекторов, определяющих основные начала реорганизации, которыми руководились отделы народного образования.

«Каждый округ к реорганизации аппарата подходил посвоему, преследуя лишь общую цель максимального сокращения» (т. Абрамов, Урал).

«В реорганизации исходным моментом было сокращение штатов» (т. Еголин; Рязань).

Таким образом общий вывод всех обследователей таков, что исходным моментом реорганизации аппаратов явилась не столько рационализация, улучшение качества работы руководства, сколько, и главным образом, максимальное сокращение штатов. Исключительно под этим углом зрения проводилась реорганизация. Вопросы реорганизации аппаратов по существу являются лишь производными их сокращения. Объясняется это тем, что директивы правительства о сокращении аппаратов местными руководящими органами не были выполнены к сроку, вследствие чего одновременное совпадение сокращения и реорганизации стушевало последнее. Поскольку штатные вопросы зависят исключительно от местных исполкомов, не введенных в рамки минимальных штатных показателей, постольку создалась пестрая и даже хаотическая картина состояния штатов после сокращения. Пестрота сокращений, отражая бывшую и раньше штатную пестроту местных

ОНО, ни в какой мере не может быть обоснована соображениями той или иной мощности сети, объема работы и т. д. Более или менее правильную пропорцию между оставленными штатами и действительным объемом работы установить в большинстве случаев невозможно. Здесь была полная зависимость от степени нажима местных РКИ и интенсивности отстаивания штатов отделами народного образования.

3. Результаты сокращений.

Сказанное подтверждают резкие колебания процента сокращения штатов ОНО в целом (от 19 до 46%) и по отдельным разделам работы (по соцвосу от 14 до 71%; по политпросвету и профобру от 33 до 50%). Хотя средний процент сокращений равняется 29,9 по аппарату в целом, 30,6 по соцвосу, 29 по профобру и 27 по политпросвету, он, однако, не отражает действительного положения вещей, так как сокращения в обследованных территориальных единицах сильно варируются. Не представляется возможным вследствие неутверждения еще бюджетов дать денежное выражение сокращения аппаратов. Судя по отдельным губерниям, в денежной форме сокращения колеблются между 25,8% (Рязанская губ.) и 37% (Тульская губ.).

Для большей наглядности приведем несколько цифр по отдельным объектам обследования, иллюстрирующих чрезвычайную пестроту картины сокращения в процентах:

Объекты обследования	По аппарату в целом	Технических работ.	По соцвосу	По политпросв.	По профобру	Денежн. процент сокращ.
Ульяновская губ.	31,5	50	25	25	50	27,9
Орловская „	36,5	39	71,3	33	33	Неизв.
Сев. Кавказ	30,5	53	25	40	Неизв.	Неизв.
Тульская губ.	30,5	44	Нет	33	50	37
Рязанская „	38	33,3	Нет	50	33	25,8
Вотобласть	30,9	25	60	Нет	50	Неизв.

Такая же пестрая картина и в остальных губерниях и областях.

Еще более резкую картину дают сокращения окружных (на 39,3%), уездных (49%) отделов народного образования. Разделы работ в округах дают 43,5% сокращения по соцвосу и 43,7% по политпросвету. В уездах же по соцвосу сокращение равно 43% и по политпросвету—31%. Общий вывод таков, что максимальный процент сокращения падает на соцвос. Меньший процент сокращения по политпросвету объясняется не столько благожелательным отношением к нему (за небольшим исключением), сколько невозможностью его дальнейшего сокращения без ликвидации политпросвета вообще. Процент сокращения нацмен колеблется от 50 (Уралоно), до 75 (Северокавказский крайоно) и даже до 100 (отдельные округа Сибири). Характерно, что это сокращение падает на наиболее насыщенные нацменаселения территории. Штатные единицы окрлито в подавляющем числе обследованных местах сокращены полностью.

Вот несколько более подробных данных о проценте сокращений отдельных окружных аппаратов.

Процент сокращений окружных аппаратов.

Округа	По всему аппарату	По соцвосу	По политпросвету	По профобру
Шахты	28,5	33	Неизвестно	
Армавир	31,9	50	50	50
Адыгея	59,3	66,6	Неизвестно	
Кузнецкий окр.	42	Неизв.	50	100
Барнаульский окр.	39,3	25	50	Неизв.
Округа Урала	35	Нет	25	25

Процент сокращений уездных аппаратов.

Уезды Вятской губ.	40	50	50	Не было
„ Орловской „	42,6	35,1	44,5	Не было
Вотобласти	37,5	50	Не было	
Рязанской губ.	50	Неизвестно		

Цифры, правда, не полные, но для освещения картины сокращений они являются достаточно показательными.

Аналогична картина и в отношении участковой инспектуры. Установить какое бы то ни было единообразие не представляется возможным. Обследованные территориальные единицы могут быть разделены на следующие 5 групп:

а) создана участковая инспектура по соцвосу, а также участковая или районная инспектура по политпросвету (Урал, Тульская губерния);

б) создана участковая инспектура по народному образованию (интегральная) с сохранением политпросветорганизаторов (Сибирь, и то не по всем округам);

в) создана участковая инспектура по соцвосу и политпросвету с соответствующими сокращениями райполитпросветорганизаторов (Орловская губ., Северный Кавказ);

г) оставлено прежнее положение—волполитпросветорганизаторы без создания участковой инспектуры по соцвосу;

д) низовой аппарат, поскольку он вообще существовал, просто разгромлен. Совмещены должности политпросветорганизаторов с волизбачами. Сокращены частично райволбиблиотекари и т. д. (Ульяновская губ., Вотобласть), не создано инспектуры по соцвосу. В общей сложности каждая территориальная единица имеет свою линию, ничем не обоснованную, разве только максимальным сокращением штатов.

Вывод: Сокращены вышестоящие аппараты, не укреплены соответственно низовые, непосредственно соприкасающиеся с массовыми учреждениями. Если принять во внимание, что во многих районах и волостях сокращено число постоянных работников в исполкомах, то фактически отсутствуют лица, несущие ответственность за дело народного образования в районах и волостях. Вопрос о создании района и укреплении участковой инспектуры становится актуальным.

4. Положение городских аппаратов.

В совершенно неопределенном положении находится вопрос о выделении гороно или горчасти. В тех местах, где таковые существовали до реорганизации, они и после соответствующего сокращения

продолжают существовать. Там, где гороно должны быть выделены за счет штатных единиц сокращенного аппарата, гораппараты просто не выделены (даже в таких важных центрах, как, напр. г. Тула). Выделение специальных единиц для горработы упирается в дальнейшее сокращение аппаратов. Здесь необходимо внести максимальную ясность, дав директиву о создании небольших ячеек для ведения городской работы в форме самостоятельных гороно, в целях выполнения директив об оживлении местных советов.

Подводя итоги сокращений, обследователи приходят к крайне печальному выводу.

Вот что пишет т. Еголин (обследователь Казанской губ.):

«Ввиду ограниченности штатов инспекторов строгой диференциации работы не проведено: а) один инспектор по школам повышенного типа и педагогическому образованию; б) по ШКМ и сельскохозяйственного образования; в) по школам I ступени и дошкольному воспитанию».

«В работе инспектора попрежнему превалируют бюджетные, сетевые и организационные вопросы» (т. Бронин, Вотобласть).

Характерна оценка, данная инспектором по Северному Кавказу: «При переходе на новые штаты не удалось избежать совмещения в одном лице инспектирования таких отраслей работы, как педагогическая и промышленно-экономическая, индустриальная и медицинская. Оргплановая работа падала прежде на трех работников, а сейчас только на одного. Часть этих функций решено возложить на секретаря отдела».

Следовательно значительное сокращение штатных единиц функциональных работников усложняет работу оставшихся, на которых падает большее число обязанностей, чем до сих пор. Работа не столько диференцируется, сколько, наоборот, обобщается. Начинает создаваться тип инспектора, обслуживающего школы повышенного образования и профтехнические учебные заведения, школы I ступени, методическую, оргплановую и нацменработу (Рязанская, Орловская губ., Северный Кавказ, некоторые округа Сибири). Не освободились инспектора отдельных разделов работы и от организационных и плановых функций, ибо оргплановые инспектора созданы только в части обследованных мест, более крупных. Не созданы они совершенно в округах. Там же, где они созданы, они являются бывшими секретарями отделов, информаторами, статистиками, не квалифицированными настолько, чтобы выполнить оргплановые функции, как это мыслится НКП. Обследователи по Северному Кавказу, Ульяновской губ., Вотобласти особенно подчеркивают наличие признаков ухудшения качества работы ввиду указанных выше обстоятельств.

5. Выполнение постановления СНК и ЦИКа о расширении прав местных органов.

Постановление ЦИКа и СНК «О расширении прав исполкомов» проведено в жизнь не всюду и не полностью.

В большей мере это коснулось городских учреждений, коим предоставлено право третьестепенных распорядителей кредитов, и в меньшей мере окружных и уездных ОНО, которым втечение текущего года придется нести хозяйственные функции, имея в штатах бухгалтеров, счетоводов, за счет которых можно было бы увеличить число функциональных работников.

Вот что об этом говорят обследователи:

«Передача этих прав проведена лишь отчасти. Школы не имеют своей индивидуальной сметы, и все расходные финансовые операции проводятся еще в аппарате обоно, в котором имеется завхоз» (Вотобласть).

«Передача учреждений нижестоящим органам не проводилась» (Тульская губ.).

«Четкого разграничения прав и обязанностей в отношении просветительных учреждений между волоно, уоно и обоно пока еще не проведено» (Вотская область).

Несмотря, следовательно, на то, что постановление правительства о расширении прав было вынесено в начале лета, места почему-то проведение его приурочили ко времени реорганизации аппаратов и тем самым усложнили это проведение.

6. Плановая работа.

Ломка старого аппарата, неоформленность нового, отвлечение внимания ОНО на борьбу за бюджет, за штаты, на реорганизацию,—все это ухудшило плановую работу, которая в последние годы стала улучшаться. Почти все ОНО вступили в новый учебный год без операционных и даже рабочих планов, не зная, как эти операционные планы должны составляться в условиях реорганизованного аппарата, не имея на то указаний вышестоящих органов. Там, где она вообще была начата, приостановилась работа по составлению перспективных планов. Уменьшилось число и ухудшилось качество плановых работников вообще. К требуемым НКП срокам планы представлены не будут, и сроки их проработки затянутся. Дальше края или губернии перспективно-плановая работа вообще не идет. Существуют расхождения между сроками и плановыми схемами НКП и плановых органов. Нет еще пока результатов в смысле уменьшения числа входящих и исходящих бумаг. Если в отдельных местах имеется уменьшение таковых на 25 и даже 50%, то в других, наоборот, отмечается увеличение их.

Вот характеристики, данные инспекцией плановой работе местных ОНО:

«Операционный план до сих пор еще не составлен. Работа по пятилетнему плану идет медленным темпом. Рассматривают вообще перспективно-плановую работу как мало реальную и нужную только центру» (Тульская губ.).

«Вопросам планирования губоно не уделил должного внимания. К проработке пятилетнего плана еще не приступили. Невнимательное отношение губоно к плановой работе и отсутствие опыта в построении ее задержало составление операционного плана» (Ульяновская губ.).

«В отношении плановой работы в Сибкрайоно дело обстоит слабо. Годового операционного плана до сего времени нет. Нет и перспективного плана развития дела народного образования в крае» (Сибирь).

7. Состояние инспекции.

Совершенно неблагоприятным следует признать положение с отпуском средств на разъезды и командировки для инспектуры: процент сокращения доходит до 71 (в среднем 30—40). Директивы партии о внимании к этим нуждам ОНО просто обойдены. Это уже в значительной мере предопределяет деятельность инспектуры и степень осуществления живого руководства—одного из важнейших принципов

реорганизации. В новый учебный год аппараты ОНО вступили с меньшим количеством функциональных работников и меньшими возможностями по инспектированию. В силу этого возникает опасение, насколько достигнута цель рационализации аппаратов.

Нижеследующая табличка наглядно рисует процент сокращений сумм на нужды инспекции:

1. Вятская губ.	50%	сокр.
2. Вотобласть	54 „	„
3. Сев. Кавказ	30 „	„
4. Таганрогский окр.	60 „	„
5. Тульская губ.	71 „	„
6. Донской округ	48 „	„

Зарплата инспектора колеблется в областях и краях от 120 до 125 р., в губерниях и округах от 80 до 125 р., в уездах и районах от 60 до 100 р., причем в последних в большинстве случаев в зарплату входят командировочные и разъездные. Ставка рай- и волполитпросвет-инспектора колеблется между 37 и 50 р. В общем инспектор зарабатывает значительно меньше квалифицированного педагога соответствующего типа учреждений.

Обследователи констатируют понижение настроения инспектуры и стремление к уходу на педагогическую работу, чему содействуют и постоянные опасения очутиться без работы в связи с беспрерывными сокращениями аппарата. Если паническое настроение еще не перешло в паническое бегство, то это объясняется выполнением партийного и общественного долга. И если вопрос об инспекторе не будет разрешен в ближайшее время в положительном смысле, то НКП станет перед фактом понижения квалификации работников местных аппаратов. К такому выводу приходят все обследователи.

Вот некоторые выдержки из докладов обследователей:

«Слабо обстоит дело с инспекторскими выездами на места. Средства составляют только 46% прошлого года» (Вотобласть).

«Расходы на командировки губинспекции снижены с 9 000 до 2 600 р. Перенесение центра внимания на живые формы связи и руководства затруднено ограниченностью средств на выезды и командировки (Тульская губ.). Характеризуя настроение инспекции при таких условиях, обследователи пишут: «Самое содержание работы для инспекторов практически еще не ясно, так как использование их не по прямой работе и нагрузка путают все принципы. Инспектура губоно чувствует себя на бивуачном положении» (Ульяновская губ.).

«Материальную обеспеченность окружной районной инспекции следует признать крайне низкой. Фактически ставки на 50—80% ниже ставок заведующих школами» (Сибирь).

В отдельных губерниях фактически началось бегство более квалифицированных работников. В Вотобласти до реорганизации ОНО работников с высшим образованием было 34,6%, стало 31,1%.

Все вышесказанное позволяет сделать тот общий вывод, что цель реорганизации—диференциация руководства и инструктирования, усиление методической работы, живой связи и т. д.—не может быть достигнута по причинам: а) усложнения функций работников в связи со сжатием аппарата при одновременном отсутствии руководящих работников в районах и волостях; б) уменьшения сумм на инспектирование; в) слабой материальной обеспеченности инспектуры; г) недостаточного усвоения смысла реорганизации местными ОНО.

Вот некоторые выводы обследователей:

«Достигнутая экономия на содержании аппарата не сопровождается никакими его улучшениями. Наоборот, крайоно начинает терять завоеванное НКП положение сильного планового и методического центра. Месяц-полтора работы реорганизованного аппарата позволяет сделать предварительную оценку, что аппарат в целом понизил свою квалификацию» (т. Розин, Сев. Кавказ).

«Поставленная цель по реорганизации аппарата не достигнута» (Рязанская губ.).

«Есть большая опасность, что реорганизация может свестись в конечном итоге к сокращению штатов и к смене названий, а самая работа при таком сжатии может даже снизиться» (Ульяновск).

«Смысл самой реорганизации недостаточно уяснен работниками округа, и если где и была попытка к реорганизации, то она вылилась в формальное переименование должностей» (Сибирь).

Несмотря, однако, на чрезвычайно сложную обстановку, в которой начали новый учебный год местные ОНО, они проделывают большую работу в целях достижения максимальной четкости в работе, какая только возможна в условиях сжатого аппарата: распределяются функции между работниками, вырабатываются инструкции о взаимоотношениях между отдельными категориями работников и т. д. Запоздание и нечеткость указаний в этом направлении затрудняют работу и создают пестроту. Часть ОНО создает должности старших инспекторов, часть от них отказывается. В одних случаях старшим инспекторам предоставляется больше прав, в других меньше. Существует опасение, что старшие инспектора в измененном виде сохранят лицо бывших заведующих подотделами. Мнение обследователей, что от установления должностей старших инспекторов следует отказаться.

СОСТОЯНИЕ БЮДЖЕТОВ И МАТЕРИАЛЬНОЙ БАЗЫ.

1. Рост бюджета.

Данные о бюджете еще в значительной мере ориентировочны, неокончательны. В большинстве обследованных мест бюджеты еще не утверждены. Неизбежен целый ряд колебаний в сторону повышения и понижения и, следовательно, соответствующего влияния на сеть, штаты и т. д. Наконец вышестоящие органы по народному образованию не могли предоставить в распоряжение обследователей сколько-нибудь исчерпывающих и точных данных. Однако добытый обследователями материал с достаточной наглядностью выявляет общее направление бюджета и вообще материальной базы всей просвещенской сети.

За отдельными исключениями отмечается абсолютный и относительный рост бюджета по народному образованию в общих бюджетах исполкомов.

Удельный вес увеличился на 4,8% и составляет в текущем бюджетном году в среднем 37,4%.

В денежном выражении бюджеты ОНО дали прирост в среднем на 19,6% при росте бюджета исполкомов всего на 10,6%. Это объясняется выполнением директив советских и партийных органов о повышении внимания к удовлетворению культурных потребностей населения. С другой стороны, на рост бюджета повлияли декретированные ставки зарплаты и необходимость выполнения плана всеобщего обучения. Имеются отдельные колебания в сторону понижения удельного веса бюджета ОНО (Ленинградская область, Вотобласть, Сев. Кавказ), но общей картины это не нарушает.

В этих местах бюджет чрезвычайно напряжен и нуждается в помощи центра. Прирост бюджета на Северном Кавказе не покрыл прирост зарплаты. В Вотобласти весь прирост бюджета исполкома поглощен бюджетом ОНО. Ульяновская губерния недовыполняет плана всеобщего обучения, соответственно росту бюджета, растут душевые затраты на культурные нужды, давшие прирост в 21,4%.

Для большей наглядности приведем подробную табличку нескольких территориальных единиц, из которой видны как общий рост и удельный вес ОНО в бюджете исполкомов, так и рост расходов на душу населения.

Губернии и области.	Процент прироста бюджета		Удельный вес бюд. ОНО		Расход на душу населения		Процент прироста
	Общ.	По нар. обр.	1926/27	19.7/28	1926/27	1927/28	
Орловская губ.	11,8	29,75	34,4	39,8	2—01	2—66	32,5
Ульяновская губ.	11,2	25,5	23,7	25,0	2—21	2—75	24
Уралобласть	13,9	19,3	31,6	33,1	2—78	3—32	19,4
Вятская губ.	7,8	17,8	34,5	35,5	3	4	33,3
Вотобласть	—	—	38,3	37,1	3—23	3—37	0,3
Ленинград. обл.	—	—	—	28,9	—	—	—
Лужский округ	10	17,6	35,4	34,4	3—81	4—72	24,01
Сев. Кавказ	6—4	9	26	27,5	—	—	—
Курская губ.	13,7	20	31,9	34,5	1—81	2—21	22
Тульская губ.	11	18	37,5	41,5	2—95	3—40	26

2. Удельный вес бюджетов отдельных разделов и видов работы в бюджете ОНО.

Рост зарплаты работникам соцвоса и ассигнования на мероприятия по всеобщему обучению поднимают удельный вес по разделу соцвоса на 7,9% (79,6% против 72,4 в 1926/27 г.) при росте ассигнований на начальное образование на 5,2% и на повышенное образование—на 2,8%; ШКМ дают прирост на 1,4%. Ассигнования на начальное образование доходят до 60—61% бюджета ОНО. Соответствующие изменения в сторону понижения дают политпросвет и профобр.

Процент снижения политпросвета колеблется между 0,5 и 2. Профобр снижается с 5,6% бюджета ОНО до 5,2% с колебаниями в сторону понижения и стабилизации. В частности ликбез дает снижение на 5—7%, что частично объясняется передачей части сумм на ликвидацию неграмотности среди переростков соцвосу. В отдельных местах имеет место снижение процента на начальное образование из-за напряженности бюджета (Вотобласть, Ульяновская губ.).

Для иллюстрации приведенных выше цифровых данных приводим более подробные таблицы, рисующие положение в отдельных обследованных территориальных единицах.

Примерная таблица распределения бюджета ОНО по разделам работ (в процентах)

Губернии и области	Соцвос		Профобр		Политпросвет		Примечание
	1926/27	1927/28	1926/27	1927/28	1926/27	1927/28	
Ульяновская губ.	72,3	77,19	10,8	7,6	14,0	12,0	Отношения 25/26 г. и 26/27 г.
Урал	75,7	78	6,0	6,1	12,2	10,9	
Вятская губ. . .	71,9	75,6	4,2	4,8	19.4	14,7	
Вотообласт . .	75	79,2	8,5	6,6	11,3	10,3	
Орловская губ. .	80,4	81,2	неиз.	3,25	неиз.	12,5	Данные относятся к 1925/26 г. 26/27 г., по п/п. и профобру резкое понижение
Курская губ. . .	85,5	86	3,6	3,5	8,3	8,3	
Тульская губ. . .	79,1	81,2	1,8	2,7	12	9,6	

Примерная таблица распределения бюджета ОНО по отдельным видам работы (в процентах).

Губернии и области	Начальное образование			Школа пов. типа			ШКМ			Ликбез			Примечание
	1925/26, 1927/28	1926/27,		1925/26, 1927/28	1926/2		1925/26, 1927/28	19 6/27,		1925/26, 1927/28	1926/2		
Ульяновск. губ. . . .	61,3	56,8	—	5,4	8,1	—	1,4	2,5	—	19,5	19,1	—	По ликбезу % указан. к суммам пол. просв.
Урал	33,1	50,5	55,2	9,6	9,5	9,6	—	—	—	1,8	1.5	1,5	К общем. бюдж.
Вятская губ.	—	9,4	67,8	—	14,1	17,2	—	2 3	3,4	—	12,7	6,7	К бюдж. просв.
Вотообласть	—	60,3	57,5	—	17,3	18,5	—	2,2	4	—	20	17,6	К общ. бюдж.
Курская губ.	—	53,5	58,7										

Исполнение бюджета за три квартала 1926/27 г. по народному образованию идет в общем нормально, давая превышение над исполнением расходной части общего бюджета в 1,7%. Имеются колебания в ту или иную сторону, особенно внутри областей и губерний, но общая картина не меняется. Недовыполнение, где оно имеет место, идет за счет хозяйственных сумм и оборудования.

Вот несколько более подробных данных:

Примерная таблица процентного выполнения местного и по народному образованию бюджета

Губернии и области	Процент выполнения бюджет. исполк.	Процент выполнения бюджета ОНО	Примечание
1. Орловская губ.	67	71	
2. Ульяновская губ.	68,8	68,4	За три квартала
3. Урал	75,6	73,7	
4. Вятская губ.	66,5	72,1	1926/27 г.
5. Вотобласть	67,8	67	
6. Сев. Кавказ	70,7	72,0	
7. Тульская губ.	57	52	За два квартала
8. Курская „	46,3	49	1926/27 г.

2. Распределение прироста бюджета.

Рост бюджета не дает почти эффекта в смысле повышения норм хозяйственно-учебных расходов. Прирост бюджета в максимальной части поглощается зарплатой и мероприятиями по всеобщему обучению. Имеется группа губерний, где прирост ниже прироста зарплаты (по Сев. Кавказу) или целиком поглощается зарплатой (Вотобласть—на 100%, Курская губ.—на 86%). Другая группа дает более нормальное распределение бюджета (40—42% на зарплату, 32—40% на новую сеть).

Даже в этой группе прирост хозяйственно-учебных расходов дает повышение на 9—10%.

Для большей наглядности приведем примерную таблицу по отдельным ОНО.

Примерная таблица распределения прироста бюджета ОНО на 1927/28 г. по отдельным статьям расходов.

Губернии, области и округа	Процент из зарплату	На нов. комп.	На нов. стр.	На прочие расх.	Из них на хоз. расход.
Орловская губ. .	40	22	10	28	неизвестно
Ульяновская . .	42	20	10	28	10,5
Урал	41	26	19	14	9%
Вотобласть . . .	100	Разное понижение			
Севкавказ	100				
Курская губ. . . .	83,5	—	—	—	—
Лужский окр. . .	40	42,5	—	17,5	—

Вывод: а) Удельный вес бюджета дошел до предела своего роста; б) местные руководящие органы относятся к делу просвещения с достаточным вниманием; в) в будущем году должен быть увеличен решительно весь хозяйственно-учебный расход.

МЕРОПРИЯТИЯ ПО ВСЕОБЩЕМУ ОБУЧЕНИЮ.

1. Рост сети.

Анализ состояния сети в задачи обследования не входил. К моменту обследования местные ОНО не были в курсе дела состояния низовой сети. Однако по отдельным, правда, немногочисленным данным, но вполне совпадающим, можно сделать заключение, что сеть начальных школ выросла на 8—9% и число учащихся на 10—11%, тем не менее во многих местах развертывание сети отстает от плановых предположений на 8—12%. Приведенные мною данные о сети нуждаются в специальной проверке через отдельные обследования, включенные в этом году в план инспекторской работы. Все же сопоставление данных по нескольким обследованным объектам с особенной наглядностью подтверждает выведенные мною средние данные роста сети и учащихся в текущем учебном году.

Губ., окр., области и уезды	Число школ		Процент прироста	Число учащихся		Процент прироста	Примечание
	1926/27	1927/28		1926/27	1927/28		
1. Ряжский у. . .	229	249	8,7	4 975	24 507	11.3	В комплектах тоже
2. Урал. обл. . . .	4 945	5 426	9,7	375 447	415 087	10,5	
3. Орловск. губ. .	1 319	1 500	8	121 036	129 920	7,3	
4. Кузнецк. район	587	648	10,4	18 002	20 000	11	
5. Барнаульск. . .	877	983	22,8	34 417	39 493	14,5	
6. Вятская губ. . .	1 276	1 433	12,2	109 743	123 348	12,4	

2. Школьное строительство.

Тревожным следует считать положение со школьным строительством. Ассигнования на эти нужды в текущем году еще не выполнены по причинам запоздания утверждения бюджета. Однако обследователи в большинстве случаев делают следующие тревожные заключения:

а) строительство в общем идет без плана и активного руководства со стороны ОНО;

б) общественная инициатива совершенно не учитывается, хотя она довольно значительна;

в) строительные суммы часто распыляются небольшими частями по отдельным волостям, районам и селениям и используются на ремонт и постройку мелких нетиповых зданий;

г) имеются случаи бесхозяйственного расходования средств—в смысле дороговизны содержания техников, десятников, больших накладных расходов и т. д.

Вывод: Необходимы дополнительные категорические директивы и строгий надзор в целях упорядочения строительного дела.

А. Г. ВИГДОРОВ.

„НАМ НАДО ВО ЧТО БЫ ТО НИ СТАЛО ПОСТАВИТЬ СЕБЕ ЗАДАЧЕЙ ДЛЯ ОБНОВЛЕНИЯ НАШЕГО ГОСАППАРАТА: ВОПЕРВЫХ — УЧИТЬСЯ, ВОВТОРЫХ — УЧИТЬСЯ И, ВТРЕТЬИХ — УЧИТЬСЯ И ЗАТЕМ ПРОВЕРЯТЬ ТО, ЧТОБЫ НАУКА У НАС НЕ ОСТАВАЛАСЬ МЕРТВОЙ БУКВОЙ ИЛИ МОДНОЙ ФРАЗОЙ (А ЭТО, НЕЧЕГО ГРЕХА ТАИТЬ, У НАС ОСОБЕННО ЧАСТО БЫВАЕТ), ЧТОБЫ НАУКА ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ВХОДИЛА В ПЛОТЬ И КРОВЬ, ПРЕВРАЩАЛАСЬ В СОСТАВНОЙ ЭЛЕМЕНТ БЫТА ВПОЛНЕ И НАСТОЯЩИМ ОБРАЗОМ. ОДНИМ СЛОВОМ, НАМ НАДО ПРЕДЪЯВЛЯТЬ НЕ ТЕ ТРЕБОВАНИЯ, ЧТО ПРЕДЪЯВЛЯЛ БУРЖУАЗИЯ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ, А ТЕ, КОТОРЫЕ ДОСТОЙНО И ПРИЛИЧНО ПРЕДЪЯВЛЯТЬ СТРАНЕ, СТАВЯЩЕЙ СВОЕЙ ЗАДАЧЕЙ РАЗВИТЬСЯ В СОЦИАЛИСТИЧЕСКУЮ СТРАНУ".

Н. ЛЕНИН.

К ПАРТСОВЕЩАНИЮ ПО ВОПРОСАМ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

К ВОПРОСУ О ПЕРЕСМОТРЕ НАШЕЙ СИСТЕМЫ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ[1].

В настоящее время, после истечения десятилетия существования советской власти и девятилетия существования советской системы народного образования, мы можем утверждать, что эта система в основном и в целом утвердилась в жизни и что основные принципы этой системы вполне оправдались.

Сущность нашей системы заключается в том,

1) что она не знает, в отличие от состояния народного образования в дореволюционной России и во многих современных западноевропейских странах, отдельных, разрозненных, между собою не связанных типов учебных заведений, а представляет именно «систему», где каждый отдельный тип учебного заведения занимает вполне определенное место по отношению к другим, и все вместе объединяются в одно стройное, законченное целое, и

2) что вся эта система отличается в принципе резко выраженным единством, начиная от школы I ступени и кончая высшим учебным заведением.

Основными принципами при построении отдельных частей этой системы, при сохранении указанного нами единства целого, являются следующие:

1) не однотипность, а многотипность учебных заведений, входящих в состав системы, причем каждый отдельный тип, сохраняя свое место отдельного звена в общей связной цепи, имеет в то же самое время вполне отчетливое, самостоятельное значение, что выражается в ясно выраженной целевой установке, определяющей место учебного заведения данного типа в общей системе народного хозяйства, и

2) полное отсутствие так называемых тупиков, т. е. учебных заведений, не имеющих непосредственного перехода в учебные заведения следующего, высшего типа.

Итак, если мы утверждаем, что наша система и формулированные принципы в основном остаются незыблемыми, то нам приходится все же констатировать, что требования о пересмотре нашей ныне действую-

---

[1] От редакции.

Вопросы системы народного образования все больше занимают внимание советской общественности. Особенную важность приобретают сейчас эти вопросы в условиях необходимости максимальной увязки системы народного образования с задачами социалистического строительства. Помещая в порядке обсуждения статью т. П. И Кагана, редакция в настоящем номере открывает специальную дискуссию по вопросам системы народного образования в СССР.

щей системы становятся все чаще и настойчивее как со стороны отдельных педагогов, так и со стороны коллективов учебных заведений, учительских организаций и даже высших плановых органов.

Задачей нашей настоящей заметки является показать, являются ли эти требования вообще и в какой степени правильными, и в чем такой пересмотр может заключаться.

Мы отметим прежде всего, что пересмотр фактического выражения советской системы народного образования, т. е. установления основных типов учебных заведений и их взаимоотношения, при сохранении невыблемыми формулированных выше начал, является принципиально возможным, и в действительности такие пересмотры неоднократно имели место в истории развития системы народного образования в РСФСР, не говоря уже об Украине и других союзных и автономных распубликах.

Впервые советская система получила оформление в Положении о единой трудовой школе 16 октября 1918 года.

Общим базисом всей системы была прокламирована девятилетняя общеобязательная трудовая школа, разделявшаяся на две ступени не по существу, а только формально, так как по закону обучение в обеих ступенях должно было быть одинаково обязательным, и по отношению к другим типам учебных заведений вся девятилетняя школа играла роль единого, неделимого звена, так как построение всякого вида профессиональных учебных заведений мыслилось лишь на законченном курсе девятилетки, а не на каких-либо отдельных ее частях.

Как известно, это построение оказалось несостоятельным и фактически осуществлено быть не могло. Особенно резко не соответствовало фактическому положению народного образования в стране и действительным перспективам его развития прокламирование общеобязательности II ступени трудовой школы: через пять лет после издания этого закона, в 1923 году, было принято в качестве плановой директивы постановление о том, чтобы втечение ближайших десяти лет, к 1933/34 году, т. е. через пятнадцать лет после издания Положения 1918 года, число учащихся в школах II ступени достигло бы 5% числа учащихся в I ступени, между тем как при полном проведении закона 1918 года число учащихся во II ступени должно было бы составлять 80—60% того же числа.

Несостоятельность принятого построения объяснялась недостаточным учетом действительного положения народного образования в стране, возможных путей его развития и связи с другими отраслями народного хозяйства, а также случайностью принятого за основной типа учебного заведения. Как легко можно усмотреть из заключительных постановлений Положения о единой трудовой школе 1918 года, в основание системы положена была существовавшая тогда в городах, особенно в столицах, средняя школа типа семиклассного реального училища с двумя приготовительными классами, причем приготовительные классы с тремя младшими основными классами должны были образовать I ступень, а старшие четыре класса—II ступень. И это построение, легко осуществимое в городах, предлагалось осуществить без каких-либо особых отступлений повсеместно, даже в деревнях, где громадное преобладание имел тип трехлетней начальной школы с одним учителем.

Это построение, основным недостатком которого была схематичная однотипность, как следствие недоучета действительного состояния народного образования в стране, сменилось в 1923 году другой, более диференцированной системой, в основном действующей до настоящего времени.

Стержнем ныне действующей системы является, как известно, единая девятилетняя трудовая школа, разделяющаяся на три концентра—четырехлетку, семилетку и девятилетку, каждый из которых является основанием, с одной стороны, для следующего концентра трудовой школы, а с другой стороны—для профшколы соответствующего типа; так, четырехлетка является основанием для семилетки и для профессионально-технических школ низшего типа (профшкола, фабзавуч, кустарные мастерские и т. п.), семилетка является основанием для девятилетки и для профессионально-технических школ среднего типа (техникумы разных наименований) и, наконец, девятилетка является основанием для вузов.

Это построение имеет несомненно большие преимущества перед построением 1918 года, как в отношении диференцированности основного стержня, так и в отношении большей разветвленности типов и ступеней учебных заведений.

Однако, как показала проверка этой системы в жизни, она страдает значительными дефектами, следствием чего и явились все более громко и настойчиво выражаемые требования об ее пересмотре.

Недостатки нашей действующей системы наиболее ярко проявляются в следующем:

1) ни один тип учебного заведения не довольствуется указанной ему в системе базой, так вуз не считает достаточным подготовку, даваемую в девятилетке, техникум—подготовку семилетки, а фабзавуч—подготовку четырехлетки;

2) вследствие стремления профтехнических учебных заведений иметь под собою более высокую базу, мы получаем как бы налегание одних частей системы на другие: фабзавуч стремится занять базу техникума и строиться на семилетке, а техникум стремится занять базу вуза и строиться на девятилетке;

3) другим следствием недовольства профтехнических учебных заведений своими базами и недостаточности получаемой в подготовительных учебных заведениях предварительной подготовки является тенденция всех этих учебных заведений—вуза, техникума, фабзавуча—чрезмерно удлинить сроки обучения в них, что является безусловно вредным и обременительным для народного хозяйства. Особенно резко это проявилось в отношении фабзавуча, существующего целиком на средства промышленности: специальными директивами предписано курс фабзавуча сократить, не навязывая ему выполнения таких задач, которые ему непосредственно чужды и должны быть выполнены подготовительной школой;

4) введение во всех профтехнических учебных заведениях приемных испытаний, не для отбора наиболее способных и лучше подготовленных, а для проверки элементарной подготовленности кандидатов, приходящих из соответствующих подготовительных школ; общеизвестный факт относительно низких результатов этих испытаний может свидетельствовать не столько о слабой постановке этих подготовительных школ и недостаточной квалификации их учителей,—так как ведь не все школы слабо поставлены и обслуживаются плохими учителями,—сколько о несогласованности требований профессионально-технических школ соответствующих ступеней с возможною качественною производительностью соответствующих подготовительных школ; мы уже не считаем нужным подчеркивать того обстоятельства, что самый факт установления экзаменов противоречит идее «единой» школы и свидетельствует о том, что в нашей «единой» системе далеко не все благополучно;

5) стремление с своей стороны подготовительных школ поднять свою качественную продукцию до максимального уровня, увеличивая для этого свою таблицу числа недельных часов занятий сверх всякого допустимого с педагогическо-гигиенической точки зрения предела— до 36 и даже до 40 часов в неделю;

6) перегруженность школьных программ, даже вновь изданных и даже в сравнительно расширенных таблицах недельных часов.

Все указанные нами общеизвестные факты с необходимостью заставляют признать, что в нашей системе народного образования нет достаточной согласованности и отдельные части ее плохо между собой увязаны.

Если мы недостаток построения 1918 года видели в однотипности основного стержня системы, то недостатком ныне действующей системы мы должны признать недостаточную диференцированность этого основного стержня. Кстати, если мы раньше показали случайное появление в качестве основного стержня девятилетней школы, то мы со всей резкостью должны подчеркнуть, что еще меньше обоснованности имеет так называемая «семилетка», появившаяся совершенно случайно на Украине, при стремлении наркома по просвещению Украины т. Гринько по возможности сократить общеобразовательный курс трудовой школы и не нашедшего другого выхода, как разделить четырехлетний курс II ступени пополам, причем старшие два класса образовали так называемую «профшколу», а младшие два вместе с пятилетней школой I ступени образовали так называемую «семилетку», не имеющую оправдания ни в педагогической теории, ни в педагогической практике как в России, так и на Западе.

И мы, переходя к проектированию нового построения нашей системы народного образования с устранением отмеченных нами недостатков, должны подвергнуть рассмотрению и основной стержень нашей системы и его диференцирование.

Практика нашей системы втечение 9 лет показала с очевидностью недостаточность девятилетнего курса трудовой школы. Эта школа, как и всякое иное звено нашей системы, имеет две задачи: с одной стороны, подготовку к вышестоящему звену, в данном случае к вузу, с другой стороны, подготовку к определенной практической деятельности в жизни, для чего служат так называемые «профуклоны» второго концентра II ступени.

Ни с той ни с другой задачей наша школа при девятилетнем курсе обучения справиться не может.

Приемные испытания доказывают неподготовленность кончающих девятилетку, не столько в смысле недостатка суммы знаний, приобретаемых учащимися девятилетки в ее стенах, сколько в смысле недостаточного усвоения этих знаний, недостаточно углубленной их проработки, что объясняется единственно малой продолжительностью курса, отводимого для так называемого «среднего» образования,— в пять лет.

В то же время не может быть и достигнута подготовка к практической деятельности, несмотря на крайнюю перегрузку учебного плана доведением его почти до 40 часов в неделю.

Единственным выходом из создавшегося положения является удлинение курса единой трудовой школы до д е с я т и лет.

Не лишним будет упомянуть, что общий курс начальной и средней школы, необходимый для поступления в вуз, охватывает в большинстве западно-европейских стран (Германия, Австрия, Соединенные штаты Северной Америки) не менее 12 лет, у нас в дореволюционный

России продолжался не менее 10 лет, а ведь мы возлагаем на единую трудовую школу гораздо более серьезные задачи, и программа нашей школы отнюдь не проще, а гораздо сложнее.

Можно также указать, что окончание курса средней школы в 18 лет не может считаться запоздалым как для вступления в практическую жизнь, так и для поступления в высшее учебное заведение.

Таким образом основным положением нашего проекта является установление в качестве основного стержня десятилетней единой трудовой школы, вместо ныне существующей девятилетки.

Переходя к рассмотрению вопроса о возможном диференцировании этого основого стержня, мы должны прежде всего установить, что принятая четырехлетняя продолжительность курса школы I ступени должна быть на ряд ближайших лет сохранена и пересмотру не подлежит.

Основания для этого положения следующие:

1) действительная продолжительность школы I ступени в четыре года является еще далеко недостигнутым идеалом; о ней можно будет говорить как о жизненном факте только через несколько лет после введения всеобщего обучения, издания и проведения в жизнь закона об обязательности посещения школы, что может осуществиться никак не ранее 1935 или 1936 года, т. е., примерно, лет через 8—10.

2) как мы в другом месте показали, при введении всеобщего обязательного обучения и при установлении действительной общедоступности школы, резко преобладающими типами нашей сельской школы будут одно- и двухкомплектные школы, в которых на одного учителя будет приходиться одновременно не менее двух групп; удлинение при таких условиях курса школы I ступени хотя бы до пяти лет привело бы неизбежно к необходимости занятия одному учителю с тремя группами.

При сохранении четырехлетнего курса школы I ступени, мы предпочитаем сохранить и нынешний школьный возраст от 8 до 12 лет; так как огромное большинство детей, особенно деревенских, еще долго будут заканчивать свое школьное образование в I ступени, то является более правильным и более желательным, чтобы они кончали эту школу возможно более старшими, более сознательными, но, конечно, не старше 12 лет.

Хотя надо отметить, что с точки зрения педагогической не могло бы быть никаких возражений против установления возраста школы I ступени с 7 до 11 лет.

На этой четырехлетней школе I ступени должны базироваться, как и ныне, II ступень трудовой школы и некоторые низшие типы профшколы, преимущественно обслуживающие деревню, как то: учебно-производственные мастерские, кустарные мастерские, сельхозуч, а также профшколы и фабзавуч простейших производств.

В вопросе диференцирования шестилетней трудовой школы II ступени мы естественно наталкиваемся на необходимость установления трех концентров: первого—служащего подготовительной школой для фабзавуча и профшколы, второго—служащего базой для техникума, и третьего—подготовляющего в вуз.

Как показала практика прошлых лет, семилетка является недостаточной базой для техникума, с другой стороны, нельзя признать необходимым повышение этой базы до девяти лет, так как программа общеобразовательных предметов техникума по существу является несколько сокращенным и несколько измененным содержанием курса старших групп II ступени.

И если мы выше высказывались против чрезмерного удлинения

высших ступеней учебных заведений за счет сокращения нормального курса подготовительных школ, то мы должны также высказаться против предложения, если бы таковое было сделано, чрезмерного сокращения длительности курса высших ступеней школы, в данном случае техникума, за счет чрезмерного удлинения курса подготовительной базы.

Таким образом мы приходим к необходимости построения техникума на восьмилетке.

Что касается фабзавуча (и профшколы), то мы уже выше указали на признанную недостаточность для фабзавуча во многих производствах, особенно сложных, подготовительной базы в виде четырехлетней школы, и стремление построить фабзавуч на семилетке. То, что семилетка взята как тип существующей школы, ясно само собой, но необходимо ли действительно строить фабзавуч на семилетке, этого еще никто нигде не доказал; наоборот, целый ряд соображений говорит против чрезмерного удлинения подготовительной к фабзавучу школы: как известно, чем длиннее курс подготовительной школы, тем меньшее число детей ее оканчивают, и особенно уменьшается число детей рабочих и малообеспеченных слоев крестьянства, которые являются наиболее желательным контингентом для фабзавуча.

С этой точки зрения необходимо стремиться к возможному уменьшению курса подготовительной школы.

С другой стороны, было бы желательно сближение возраста поступления в фабзавуч с возрастом, допускающим, с точки зрения нашего кодекса законов о труде, вступление подростка в производство.

Всем этим требованиям могла бы удовлетворить шестилетняя школа, которая могла бы дать вполне достаточную подготовку для фабзавуча и которую учащиеся могли бы кончать к 14 годам, вступая одновременно в производство, и эта школа является с нашей точки зрения наиболее правильной, наиболее желательной и наиболее осуществимой подготовительной школой для фабзавуча.

Подводя итоги всему вышесказанному, мы приходим к следующим выводам:

1) основным стержнем нашей школьной системы должна быть десятилетняя трудовая школа;

2) I ступенью единой трудовой школы должна оставаться, как и ныне, четырехлетняя школа (четырехлетка);

3) II ступень единой трудовой школы с общим шестилетним курсом должна делиться на три концентра по два года в каждом, причем на первом концентре—шестилетке—должен строиться фабзавуч и профшкола, на втором—восьмилетке—техникум, и на третьем—десятилетке—вуз.

Раньше мы уже упоминали о том, что и на I ступени могут строиться простейшие типы профшколы и фабзавуча, преимущественно обслуживающие деревню; что же касается школы крестьянской молодежи, то мы полагаем, что она должна сохранить свое место в системе, но может быть двух типов—двухлетняя (шестилетка) и четырехлетняя (восьмилетка).

Заканчивая на этом нашу статью, мы оставляем за собой право вернуться к рассмотрению взаимоотношений между различными типами профессионально-технических школ, а также к рассмотрению вопроса о двух типах школы крестьянской молодежи.

П. КАГАН.

БОРЬБА С БЕСПРИЗОРНОСТЬЮ

О ДЕТДОМАХ И БЕСПРИЗОРНОСТИ[1].

В предисловии к брошюре т. Богуславского, посвященной вопросам, непосредственно соприкасающимся с нашей деятельностью, я разъясняю, что довольно часто встречаются разного рода нарекания, недовольства на ход работы в области борьбы с беспризорностью и в области воспитания государственных детей. Я указываю на то, что в огромном, подавляющем большинстве случаев здесь имеется не вина учреждений или непосредственных работников, а их беда—отсутствие средств, стесненное положение со штатами, трудности самой работы. Но и в тех случаях, когда это не беда, а вина тех или иных работников, никоим образом нельзя вину эту принимать за какое-то темное пятно, которое может омрачить доверие нашей республики к тем самоотверженным работникам, которые посвятили себя этому труднейшему делу и которые при невыносимо тяжких условиях справляются с ним весьма и весьма удовлетворительно.

Я считаю себя в полной мере вправе выразить благодарность работникам, которые на этом труднейшем участке нашего просвещенческого фронта борются за достижение больших результатов.

Сама по себе беспризорность, которая все еще имеется, и некоторая недоустроенность в вопросе воспитания государственных детей, являются в высшей степени болезненной язвой.

В последнее время я довольно часто бываю за границей, и каждый раз враждебные нам силы стараются демонстрировать против меня по этой линии.

Когда я приехал в первый раз за время Октябрьской революции в Германию, один немецкий педагогический журнал протестантско-религиозного оттенка напечатал раздутые сведения о беспризорности (2 года назад мы, правда, были в довольно плохом положении) и постарался разослать этот номер в редакции разных газет, и с разных сторон ко мне посыпались всякого рода встревоженные, отчасти неблагожелательные запросы.

В предпоследний раз, когда я был во Франции, в одной газете, которая издается не кем иным, как хорошо известным вам Керенским, появилась статья пасквильного характера, в которой утверждалось, вопреки тому, что вы слышали на конференции в докладе «Об участии советской общественности в борьбе с беспризорностью», и тому, что вы сами знаете, что наша советская общественность не принимает участия в таком деле, как борьба с беспризорностью.

Вот почему я особенно был рад появлению отличной брошюры т. Богуславского, который за всем большим количеством возложенных

[1] Речь на Всероссийской конференции детдомов 15—20 ноября 1927 г.

МАССОВАЯ ШКОЛА

О ТЕКУЩИХ ЗАДАЧАХ В РАБОТЕ МАССОВОЙ ШКОЛЫ.

Мы имеем разработанную программу начальной школы. Разработка эта в настоящее время затрагивает все основные занятия в трудовой школе и дает широкую возможность продолжать проводить в жизнь планы широкого строительства трудовой школы.

Если же мы оглянемся на нашу педагогическую действительность и спросим себя, имеем ли мы ту трудовую школу, идею которой мы с таким напряжением разрабатываем, имеем ли мы ту школу, которая нужна нашей стране, то в общем мы должны признать, что пока этой школы у нас нет. Да это и неудивительно, потому что та глубина педагогических проблем, которые стоят перед нами, та новизна постановки дела, которая является существенным отличием от знакомых уже нам образцов школьной работы в нашей стране и за границей, те трудности, которые связаны с задачами подготовки педагога к работе в трудовой школе, а также вся та сумма общественных интересов и поддержка школьной работы, которая пока еще недостаточно проявляется в широких массах,—все это создает огромные трудности на нашем педагогическом пути, и поэтому мы должны представить себе те постепенные шаги, благодаря которым мы можем, так сказать, завоевать нашу советскую трудовую школу. Это с одной стороны, а с другой стороны, если мы серьезно ознакомимся с тем материалом, который вырабатывается отдельными школами, центральными и местными, то мы должны признать, что в этих материалах есть уже очень много ценного, могущего стать достоянием массовой школы. Поэтому одна из серьезнейших наших задач состоит в том, чтобы те достижения, которые имеются в ряде отдельных учреждений, могли быть так обработаны и представлены в таком простом конкретном виде, чтобы ими могла воспользоваться массовая школа с ее пока еще весьма плохими материальными средствами и недостаточно подготовленным педагогическим кадром.

Эту задачу должны взять на себя методические советы, организованные в наших губернских и районных центрах. Я думаю, что такого рода материал имеется уже в достаточном количестве. Отчасти он опубликован в текущей педагогической литературе и целом ряде специальных изданий, но еще большая часть лежит нетронутой, непроработанной и несистематизированной в тех отчетах школьной работы, которые в большом количестве имеются и на местах и в центре. До сих пор у нас еще нет такого учреждения, где бы все материалы такого характера могли быть собраны, где над ними могла бы производиться серьезная работа, педагогический анализ и куда всякий товарищ, интересующийся практикой нашего педагогического дела, мог бы притти и изучить разнообразные подходы к трудовой школе в различных условиях ее социального и бытового окружения. Но если бы у нас и имелся

такой систематизированный педагогический материал, если бы мы уже разработали конкретно возможности проведения в жизнь того материала, который уже проверен на практике отдельными школами, то тогда перед нами встанет еще один вопрос: в какой последовательности рекомендовать нашим школам проводить эти планы в жизнь; как выработать продуманную последовательность введения в жизнь практики трудовой школы; как сделать школьную работу массовой.

Я полагаю, что мы уже почти вплотную подошли к тому периоду, когда можем себе совершенно конкретно представить это массовое завоевание трудовой школы организованным путем. Мне эта работа, этот план представляется в таком виде: методические советы вырабатывают небольшое количество тем, вводя в эту разработку те организационные методические подходы, которые характеризуют работу трудовой советской школы. Эти проекты не должны быть сложны, они должны быть проработаны вполне конкретно, детально с целым рядом инструктирующих указаний, как проводить их в жизнь, и с ясным организационным планом, который непременно должен быть осуществлен для успеха проведения той или другой темы, того или другого проекта в жизнь школы. Эти проекты разрабатываются для каждой возрастной группы—1-й, 2-й, 3-й, 4-й. Повторяю, они должны отличаться несложностью своей постановки и тщательностью в разработке. Все практические затруднения в проведении темы должны быть заранее предусмотрены. Например, если мы будем считать необходимым провести в жизнь массовых школ охрану детского здоровья и санитарные проекты, то для того, чтобы провести в жизнь и установить в работе школы хотя бы регулярный гигиенический осмотр всех школьников, надо предусмотреть, что реальные достижения, успех в этой области зависит не только от школьного учителя или его учеников, но в огромной степени связаны с тем отношением местного населения к вопросам детского здоровья и санитарии, которые имеются налицо среди окружающей среды. Поэтому недостаточно тему разработать так, чтобы дети вполне сознательно относились к целому ряду элементарных гигиенических мер, которые рекомендуются школой, а надо, чтобы дети получали соответствующие практические навыки, а это можно достигнуть лишь тогда, когда школа не только теми или иными способами привлечет семью и окружающее население, но и местный здравотдел и врача, к совместной с собой работе.

Следовательно—проведение практических мер в жизнь влечет за собой целый ряд организационных мероприятий, и нужно, чтобы среди наших педагогических работников воспитывались известные умения, серьезные навыки, чтобы такую организационную работу, не отрываясь от занятий в школе, провести в жизнь. Поэтому разработка темы по всем тем сторонам, по всем тем областям жизни, которые должны быть в том или ином виде затронуты в связи с работой, явится делом весьма серьезным и далеко не легким, которое потребует значительных усилий и известного периода для своей проработки.

Если мы возьмемся за проекты, связанные с темами, которые говорят о благоустройстве окружающей среды, или о регулировании детского труда в городе или в деревне, или об охране домов от пожаров, или о борьбе с вредителями полей, садов и огородов,—везде мы должны наметить те пункты нашей программы, с которыми естественно связываются эти проекты, наметить весь организационный путь проведения такой темы, такого проекта в жизнь. Если в результате такой работы методических советов явится возможность провести

втечение года несколько таких тем, хотя бы по одной для каждой группы, то и то работы на первых порах будет немало.

Тут можно обдуманно, не торопясь, основательно проверить целый ряд педагогических проблем. Например: о связи занятий в школе с жизнью и бытом детей вне школы; об участии тех или других кругов населения в помощи школе для проведения школьных проектов; о связи между ясным пониманием детей того или другого вопроса и их деятельностью; о значении стимулов в организации детской работы; об интересах детей к ряду жизненных тем и т. д.

Было бы очень хорошо, если бы на первых порах неторопливая, но серьезная работа массовой школы дала бы основной методический материал для того, чтобы в следующем году можно было бы с большим успехом подойти к разработке ряда новых тем.

Задачу проведения трудовой школы в жизнь мы должны представить непременно таким образом, что в этой области работают не только учреждения по народному образованию, но в проведении наших трудовых проектов принимают участие и другие организации, с которыми надо заранее столковаться. Например орган здравоохранения: какое участие принимают врачи, амбулатории, больницы, санитарные врачи в проведении в жизнь гигиенических и санитарных проектов? Возьмем орган Наркомзема, который мог бы помочь школам провести в жизнь проекты агрономического характера, например, снабжение школ семенами, рассадой, дичками и простейшими огородными, садовыми инструментами, а также материалом для борьбы с вредителями. Общественные органы благоустройства, как, например, пожарные организации, могли бы принять участие в проведении в жизнь простейших мер для охраны жилищ от пожаров.

Для нас должно быть ясно, что широкая организация трудовой школы означает и мобилизацию всех наших сил и возможностей, что совместная деятельность и взаимопомощь в деле проведения наших жизненных проектов в быт детей, в их семью всецело зависит от того плана, по которому будет работать не только наша школа, но и другие общественные организации.

В связи с такого рода планом очень большое значение имеют те практические способы, которыми наше учительство должно подготавливаться к их выполнению. Мне кажется, что практическая подготовка нашего учительства является самым необходимым и неотложным делом. Если мы говорим о том, что наша подрастающая молодежь должна широко интересоваться вопросами технической культуры; если мы создаем для этого огромное общество «Техника массам»; если мы говорим, что наша молодежь должна принимать участие в распространении знаний по Авиахиму; если мы стоим перед колоссальной задачей массовой организации детских трудовых кружков,—то мы не можем рассчитывать на создание серьезного движения в этих областях, если наш учитель не будет сам в достаточной мере ориентирован в этих вопросах. Чтобы не делать эту подготовку слишком сложной, можно было бы рекомендовать нашему учительству вести подготовку именно к тем проектам, которые в широком масштабе в каждой губернии могли бы быть намечены на год, и эта подготовка в значительной степени могла быть произведена и силами самого учительства, если бы он только знал, над чем в этом году ему предстоит работать. Мне кажется, что каждая губерния или район, выработавши нужные для себя конкретные планы проведения школой в жизнь некоторых проектов, могли бы обдумать и те материальные средства, которые для этого нужны, могли бы обдумать организационный план этого проведения в жизнь и создать правильно поставленный инструктаж по этим работам.

Таким образом мне кажется, что обычная работа наших школ может быть рассматриваема с двух сторон: вопервых, это та работа школы, которую она ведет обычным способом, по мере своих сил и возможностей, стараясь провести в жизнь нашу программу, заранее зная, что для учителя это означает лишь все более и более серьезное практическое знакомство с основными жизненными положительными сторонами нашей программы и с ее недостатками, но что реально его работа не может быть названа работой в области трудовой школы. С другой стороны, необходимо, чтобы часть школьной работы была представлена в виде ряда проектов трудовой школы, связанных не со всеми, а с самым небольшим количеством тем нашей программы хотя бы только одной в году, если нет средств на большее. Эти, так сказать, трудовые периоды школьной работы дадут в основном тот методический и организационный план, те умения, те навыки, которыми учитель должен быть вооружен для проведения жизненных начал нашей программы в жизнь.

По окончании года собирается массовый материал, обрисовывающий действительные условия, в которых протекала работа, выявляющий достижения этой работы и ошибки в ней. Серьезный анализ проделанной работы, произведенный местными методическими центрами, должен лечь в основу разработки дальнейших проектов трудовой школы, которые входят в план следующего года.

Таким образом, как мне кажется, нам предстоит постепенное планомерное завоевание массовой трудовой школы. Из года в год количество участков работы трудовой школы будет увеличиваться; из года в год будет расти основная сумма трудовых проектов для нашей школы. Я думаю, что благодаря такого рода планам будут создаваться и укрепляться методические и организационные навыки нашего массового учительства.

Повторяю, эту работу можно бы было осуществлять в самом простом, доступном для сил и средств массовой школы виде, но самая массовость проведения этого проекта в жизнь, возможность удачи в этом направлении, возможность конкретной проверки тех достижений и затруднений, которые всегда должны быть в новом жизненном деле, окажут весьма сильное влияние на повышение уровня нашей педагогической работы и вызовут заметное оживление интересов трудящегося населения к нашей трудовой школе.

С. Т. ШАЦКИЙ.

ской, Казакской, Крымской и немцев Поволжья в общем подтверждает эти соображения. Так, по Казакской республике местный бюджет сможет покрыть всего лишь около 40% потребных на осуществление всеобщего обучения средств, а по Крыму—около 60%.

Уточнение планов введения всеобщего обучения на основе данных демографической и школьной переписей и тех положений, которые будут намечены предстоящим совещанием, более детально выявит для всех автономных республик положение и перспективы данного дела первостепенного государственного значения.

П. ГРИГОРЬЕВ.

МЕТОДЫ ИСЧИСЛЕНИЯ НЕКОТОРЫХ ОСНОВНЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ПО НАЧАЛЬНОМУ ОБРАЗОВАНИЮ.

I. Значение показателей.

Получение точных научно обоснованных показателей, которые характеризовали бы современное состояние той или иной отрасли народного хозяйства или развитие ее за тот или иной период, имеет весьма важное значение для всякого центрального и местного учреждения, ведущего работу в этой отрасли. Если такими показателями пользуются в своей деятельности учреждения и организации капиталистических стран, вся жизнь которых построена на частно-хозяйственной основе, то в несравненно большей степени необходимы означенные показатели в стране обобществленного хозяйства, где организованность и плановое начало являются стержнем хозяйственной и культурно-социальной жизни как в отдельных ее отраслях, так и во всей их совокупности.

За последнее время, по мере того, как государственный и хозяйственный аппарат нашего Союза в центре и на местах все более и более овладевает развитием различных отраслей хозяйства и управления в сторону социализма,—спрос на означенные показатели все более и более возрастает. Это же явление во всей своей силе наблюдается и в области работы по народному образованию, и особенно—по начальному обучению. В этой последней отрасли народного образования, при сравнительной однородности учреждений и массовом характере их имеется возможность путем ежегодного статистического наблюдения со значительной точностью выявлять тенденции развития отдельных сторон дела и воздействовать на них в желательном направлении.

Область применения показателей по начальному образованию чрезвычайно велика. К ним прибегают во всевозможных отчетах, обзорах, докладах, статьях, в выступлениях на бесчисленных съездах, совещаниях и конференциях. Эти показатели постоянно фигурируют в диаграммах, картограммах и различных таблицах, помещаемых на выставках и в изданиях по вопросам народного образования. На этих же показателях в значительной мере строятся сметно-бюджетные расчеты и расчеты по разассигнованиям пособий на те или иные нужды начального образования. Не могут, наконец, ни в коей мере обойтись без этих показателей ни ежегодные производственные, ни тем более перспективные планы по начальному образованию и по введению всеобщего начального обучения.

Таким образом значение показателей по начальному обучению отнюдь не является академическим; на них теперь все больше и больше строится практическая работа, и они часто оказывают свою долю влияния на принятие весьма ответственных решений. Тем с большим сожалением приходится констатировать, что методология получения этих показателей разработана еще весьма слабо и что не только в способах исчисления их, но и в самой терминологии показателей существует большая неопределенность. Существенными моментами в этой области являются также устарелость и неполнота некоторых статистических данных, необходимых для вычисления показателей, и трудность поправок на территориальные изменения. В силу таких обстоятельств, к показателям, которые встречаются в различных печатных материалах и изданиях, диаграммах и т. п., приходится поневоле относиться с большой осторожностью и иногда воздерживаться от пользования ими, как искажающими действительное положение дела или заведомо несравнимыми между собою, заведомо неоднородными, благодаря различию в методах их вычисления или неправильности самих методов. Можно даже прямо сказать, что случаи явно неправильного вычисления показателей становятся все более частыми, и это наблюдается не только в повседневной текущей работе, но и в различных публикациях. Вопрос о скорейшей разработке методологии исчисления показателей по начальному образованию и по народному образованию вообще становится таким образом вопросом дня. Наряду с этим возникает и уже ставится на очередь вопрос о проработке определенной системы показателей, которые характеризовали бы состояние и развитие отдельных сторон дела народного образования, и об организации в едином центре исчисления этих показателей, с регулярным опубликованием их во всеобщее сведение, что, при достаточной компетентности и авторитетности этого центра, освободило бы работников по народному образованию от массы излишней работы по кустарному вычислению показателей, ежегодно давая им в руки все необходимые основные показатели в готовом и доброкачественном виде.

Не ставя себе задачей исчерпывающее исследование вопроса, мы имеем в виду в настоящей статье продемонстрировать сложность и неясность вопроса о методах исчисления двух важнейших основных показателей начального образования: вопервых—показателя обеспеченности начальным обучением и, вовторых—показателя средней его продолжительности. Быть может, эта работа предостережет товарищей, недостаточно учитывающих значение правильного определения показателей, от слишком упрощенного к ним отношения, и побудит как к более критической оценке уже имеющихся в тех или иных материалах готовых показателей, так и к более точному вычислению новых [1]).

II. Показатель обеспеченности начальным обучением.

Показатель обеспеченности начальным обучением может быть выведен путем сопоставления двух величин, из которых одна должна выражать размер потребности в начальном обучении, а другая—достигнутый уровень удовлетворения этой потребности на данной территории в тот или иной момент. Такова та самая общая формула, без применения которой показатель не может быть получен.

[1]) Конечно, всякий показатель является условным и лишь относительно точным, тем не менее совершенно очевидно, что применением более правильных методов исчисления достигается ограничение этой условности и неточности до пределов, вообще неизбежных при статистическом изучении явлений.

Дальнейшим развитием этой общей формулы является выбор означенных двух величин, подвергаемых сопоставлению. И вот здесь-то и выступает на сцену вся та сложность вопроса, которая при отсутствии твердо установленных теорией и практикой методов, порождает самые разнообразные приемы исчисления названного показателя.

Разберем последовательно эти приемы один за другим, выясняя также и степень пригодности получаемых на основе их показателей.

Метод № 1: сопоставление числа грамотных с общей численностью населения. Получаемый применением этого метода показатель выражается обычно числом грамотных на 1 000 жителей. Поскольку элементарная грамотность дается в большинстве случаев именно начальной школой, постольку число грамотных на 1 000 жителей, конечно, характеризует обеспеченность населения начальным обучением. Однако, чем большее число лиц в стране получает грамотность внешкольным путем, в более старшем возрасте, тем менее показатель, полученный указанным методом, пригоден для характеристики обеспеченности начальным обучением, понимаемым как обучение детей в начальной школе. Поэтому данный метод, употребляемый обычно для сравнительной характеристики грамотности населения в различных странах,—для целей определения обеспеченности детей начальным школьным обучением, должен быть заменен другим методом, при котором в расчет вводились бы данные, относящиеся к начальной школе.

Метод № 2: сопоставление числа учащихся начальных школ с общей численностью населения. Если при этом методе вычисления показателя, выражаемого числом учащихся на 1 000 душ населения, первый элемент расчета (число учащихся) своей абсолютной величиной выражает удовлетворение потребности детей в начальном обучении, то второй элемент (число жителей) не говорит непосредственно об общих размерах этой потребности, почему, в свою очередь, требует соответствующей замены. Ввиду этого значение исчисленного данным методом показателя для суждения о степени обеспеченности детской части населения начальным обучением невелико. Он может характеризовать лишь сравнительную степень обеспеченности населения школой, когда рассматривается одновременно ряд таких показателей по нескольким территориальным единицам или за несколько лет.

Метод № 3: сопоставление числа учащихся с числом детей школьного возраста. Здесь мы подходим к методу, при котором оба элемента расчета имеют непосредственное отношение к размерам потребности и размерам ее удовлетворения; сопоставление этих двух величин и должно дать искомый показатель. Но здесь же особенно многочисленны и затруднения, связанные с применением этого метода.

Очевидно, что для получения доброкачественного показателя мы должны оперировать при его вычислении достаточно достоверными абсолютными данными о числе учащихся и числе детей школьного возраста.

При определении числа учащихся часто упускается из виду (это относится и к предыдущему методу), что в нашем Союзе начальная школа I ступени существует не только как самостоятельное учреждение, но и как первый концентр школ 7- и 9-леток, школ крестьянской молодежи (ШКМ) и фабрично-заводских семилеток (ФЗС). Два последние типа школ еще не получили большого развития, и непринятие в расчет их первых концентров (которые к тому же имеются не при всех ШКМ) не оказывает еще большого влияния на величину показателя обеспеченности детей начальным обучением, но сеть школ 7- и 9-леток уже настолько значительна, что не вводить их в расчет—значит допускать большую ошибку. Поскольку данные об учащихся школ всех типов в ежегодных публикациях ЦСУ подразделяются по группам обучения, постольку, казалось бы, достаточно прибавить число учащихся в I—IV группах повышенных школ к числу учащихся в самостоятельных школах I ступени, чтобы оперировать полученной суммой при вычислении показателя. Однако погрупповые данные о числе учащихся печатаются ЦСУ не в интерполированных цифрах, а лишь по школам, давшим сведения. Поэтому на их основе можно вывести лишь процентное распределение учащихся повышенных школ по группам и уже при помощи этих вспомогательных показателей, приложивши их к интерполированным данным об общем числе учащихся в повышенных школах (имеющих в своем составе группы I ступени), определить то число учащихся, которое надо прибавить к интерполированным же данным о числе учащихся в самостоятельных школах I ступени. Мы подчеркиваем здесь, что и по I ступени следует брать интерполированные данные, отсутствующие в «предварительных» данных текущей статистики и публикуемые лишь гораздо позднее этих предварительных данных. Конечно, если особенно большой разницы между теми и другими данными нет, то этой разницей можно и пренебречь, но беда в том, что при неравномерности развития сети повышенных школ (особенно в городе и в деревне), а также при неодинаковости процента неполученных и дефектных статистических бланок по различным частям Союза, неточности в числе учащихся на I ступени обучения могут оказаться довольно значительными. Так, разница между предварительными и интерполированными данными ЦСУ о числе школ и учащихся по школам I ступени на 1 января 1925 г. составляла 4,7%, а по отдельным губерниям недобор сведений достигал 10, 15 и даже 20%.

Что касается, далее, определения второго элемента расчета—размеров потребности в начальном обучении, то она, очевидно, должна соответствовать общей численности детей определенных возрастных групп, проживающих на данной территории. Нельзя брать, однако, в расчет все возрасты детей, встречающиеся среди учащихся начальной школы, как это было ошибочно сделано в одном из министерских проектов введения всеобщего обучения в 70-х годах прошлого столетия [1]). Число возрастов должно соответствовать нормальному курсу начальной школы, нормальному числу ее групп [2]). Такими нормальными школьными возрастами в РСФСР считаются, по декрету от 31 августа 1925 г., четыре возраста—от 8 до 11 лет; с числом детей этих четырех возрастов и сопоставляется число учащихся на I ступени обучения.

В отдельных республиках и областях Союза, где нормальной начальной школой является школа 3-летка или 5-летка. рекомендуется при исчислении показателя обеспеченности принимать в расчет в первом случае три, во втором пять возрастных групп.

Описанный здесь метод на первый взгляд кажется вполне удовлетворительным, особенно если при исчислении показателя по этому методу принимаются в расчет и соответствующие начальной школе

---

[1]) Проект, разработанный членом Совета министра народного просвещения Вороновым в 1874 г., брал в расчет всех детей от 7 до 14 лет.

[2]) На это указывал еще покойный Ф. Ф. Ольденбург в докладе общеземскому съезду по статистике народного образования состоявшемуся в г. Харькове в 1913 году.

младшие группы школ повышенного типа. Однако, при ближайшем рассмотрении сопоставляемые по этому методу величины оказались неоднородными (см. ниже), что обнаружило непригодность и самого метода.

Метод № 4: введение в расчет поправки на второгодников. Неоднородность величин, сопоставляемых по предъидущему методу, заключается в том, что в число учащихся всегда входит известный процент второгодников, т. е. детей, оставленных в данной группе на повторительный курс. Чем выше этот процент, тем ниже действительная степень обеспеченности детей школьного возраста начальным обучением против той, которая получается от сопоставления общего числа учащихся с общим числом детей нормальных школьных возрастов. Для достижения однородности элементов расчета и получения более правильного показателя, очевидно, предварительно необходимо одно из двух: а) или очистить общую цифру учащихся от второгодников, или б) сделать на общее число детей нормальных школьных возрастов надбавку, соответствующую проценту второгодников в общем числе учащихся. Необходимость этой поправки была признана еще в 1913 г. общеземским съездом по статистике народного образования [1]), и она практикуется и в современных расчетах по введению всеобщего обучения, в виде надбавки на общее число детей школьного возраста.

Таким образом, в окончательном виде по данному методу показатель обеспеченности детей начальным обучением получается из сопоставления интерполированного числа учащихся на I ступени обучения (т. е. в школах I ступени и в соответствующих группах повышенных школ) с общим числом проживающих на данной территории детей нормальных школьных возрастов, увеличенным надбавкой в размере процента, равного проценту второгодников среди учащихся.

Настоящий показатель является одним из наиболее ценных. При исчислении его следует, однако, иметь в виду одно обстоятельство: так как процент «второгодников» исчисляется не по отношению к «первогодникам», а ко всему числу учащихся, то есть включая и самих второгодников, то определение второго члена отношения должно вестись по формуле: $x = \frac{a.100}{100-p}$, где **x**—общая потребность в школьных местах, **a**—общая численность детей школьного возраста, **p**—% второгодников.

Метод № 5: введение надбавки на переростков. Другого рода неоднородность, на которую было обращено внимание, состоит в том, что, как уже указывалось выше, возрастной состав учащихся начальной школы является крайне пестрым и далеко не соответствует тем четырем нормальным школьным возрастам, с которыми, обычно, делается сопоставление. Отсюда за последнее время возникло стремление, кроме надбавки на второгодников (метод № 4), делать еще некоторую надбавку к числу детей школьного возраста на переростков, благодаря чему по некоторым губерниям и областям размер надбавки достиг до 30% и выше.

Однако названная неоднородность на поверку является лишь кажущейся. Возникшей вокруг этого вопроса дискуссией [2]) вопрос был, как нам кажется, достаточно выяснен в том смысле, что надбавка на

[1]) Труды съезда, стр. 174.
[2]) См. „Народное Просвещение" за 1927 г. №№ 2 и 8—9.

переростков является излишней. Поступление большого количества детей в школу в более позднем возрасте создает иллюзорное представление о каких-то новых детских контингентах, вторгающихся в начальную школу, между тем как это часть тех же самых контингентов 8—11 лет, в свое время замедлившая поступлением в школу, а теперь, уже в более позднем возрасте, осуществляющая желание учиться и своим поступлением отодвигающая на такой же срок возможность своевременного поступления в школу равному числу детей 8-летнего возраста. Таким образом, в 1926 и 27 годах повторяется, но только в несколько иной форме, ошибка 1874 года.

В связи с начавшимся уже местами введением обязательности обучения возрастной состав учащихся начальной школы постепенно будет упорядочиваться, и вопрос о переростках в этих районах через несколько лет потеряет свое актуальное значение. Отрицая необходимость надбавки на переростков, мы считаем описываемый здесь метод исчисления показателя неудовлетворительным.

Метод № 6: сопоставление числа учащихся нормальных школьных возрастов с общим числом детей тех же возрастов. Пестрота возрастного состава учащихся, побуждающая некоторых работников к применению неправильного метода исчисления показателя обеспеченности детей начальным обучением, заставила другую часть работников выдвинуть настоящий (№ 6) метод, с внешней стороны представляющийся логически правильным.

По этому методу с числом детей школьного возраста сопоставляется не все число учащихся, а только учащихся тех же самых возрастов. Настоящий метод является по существу только разновидностью метода № 5, так как если там, в целях устранения кажущейся неоднородности сопоставляемых данных, увеличивался последующий член отношения, то здесь, в тех же целях, уменьшается его предъидущий член. Будучи совершенно непригодным для исчисления показателя степени обеспеченности детей школьного возраста начальным обучением, этот показатель отвечает на другой специальный вопрос: каково отношение числа учащихся определенных нормальных возрастов к общему числу детских контингентов этих же возрастов, или, как еще говорят, каков фактический охват школой детей определенного школьного возраста. Следует попутно отметить, что на деле эта на первый взгляд не совсем ясная терминология часто приводит к смешению обоих показателей. Однако следовало бы настаивать на четком разграничении приведенных понятий. Понятие обеспеченности начальным обучением детей школьного возраста имеет в виду, собственно говоря, обеспеченность школьными местами детей нормального школьного возраста, безотносительно к тому, в каком именно возрасте они фактически воспользовались этими местами. Отчетливое представление о таком содержании трактуемого понятия исключает возможность смешения его с понятием фактического охвата школой только тех детей, возраст которых в момент их пребывания в школе не выходил за пределы нормального.

Метод № 7: повозрастное сопоставление числа учащихся с общим числом детей того же возраста. Исчисленные по этому методу показатели являются расчлененными показателями, полученными предыдущим методом (№ 6) и дают представление о фактическом охвате школой отдельно детей 8 лет, детей 9 лет и т. д. До сих пор практического значения этот показатель не имел, но с начавшимся проведением в ряде местностей обязательности

начального обучения, которое должно будет сопровождаться быстрым урегулированием возрастного состава учащихся, данный показатель может оказаться весьма полезным для контроля за фактическим осуществлением обязательности, хотя и тогда нельзя будет ограничиваться одним этим показателем: наряду с ним, втечение довольно долгого ряда лет необходим будет и показатель обеспеченности школьными местами (по методу № 4).

Нужно, впрочем, отметить, что возможности получения рассматриваемого показателя (как и предыдущего) в настоящее время весьма ограничены, так как возрастный состав учащихся подвергается статистическому изучению не ежегодно, а лишь через более длительные промежутки времени. В связи с указанной ценностью данного показателя для целей наблюдения за проведением обязательности обучения, быть может, следовало бы перейти к практике ежегодного собирания сведений о повозрастном составе учащихся на I ступени обучения.

Метод № 8: исчисление показателя с учетом средней фактической продолжительности обучения. Четыре из описанных выше методов (№№ 3, 4, 5 и 6) имеют в виду нормальную (в РСФСР—четырехлетнюю) продолжительность начального обучения. Но так как общеизвестное явление массового выбытия учащихся из начальной школы ранее окончания ее курса весьма сокращает общее число потребных для них школьных мест, увеличивая тем самым пропускную способность школы, то возникла мысль о введении в методы исчисления показателя обеспеченности детей начальным обучением поправки на фактическую продолжительность обучения, по формуле: $x = \frac{100a.m}{b.n.}$, где **x**—искомый показатель обеспеченности, **a**—число учащихся на I ступени, **b**—число потребных мест при нормальном 4-летнем обучении (с надбавкой на второгодников), **n**—число лет, показывающее среднюю фактическую продолжительность пребывания детей в школе и **m**—число лет нормального курса школы I ступени [1].

Изменение средней фактической продолжительности обучения детей в начальной школе точно также не подвергается у нас ежегодному статистическому изучению, ввиду довольно значительной ее устойчивости (в связи с начавшимся переходом к обязательности обучения, эта средняя должна будет теперь год от году заметно возрастать). Поэтому, если не будет введен в практику ежегодный учет изменения средней продолжительности обучения, то пределы возможного применения описанного здесь метода останутся весьма незначительными. Кроме того, следует отметить, что введение в расчет при исчислении показателя по данному методу, кроме абсолютных величин, еще и одной средней, делает показатель слишком теоретичным, отвлеченным, в особенности если принять во внимание: 1) что в одну из абсолютных величин, участвующих в его определении (число потребных школьных мест), уже в свою очередь была внесена поправка путем применения еще одного показателя (надбавка на второгодников), 2) что практикующийся метод определения средней фактической продолжительности обучения, особенно для настоящего времени, неудовлетворителен (об этом будет сказано ниже) и 3) что увеличение пропускной способности школы при неполном прохождении курса учащимися, а следовательно, и повышение процента обеспеченности начальным обучением, фактически в губерниях с высоко развитой школьной сетью не может достигать величины, получаемой в результате применения приведенной выше формулы, так как места, освобождающиеся за выходом учащихся из II, III и IV групп школы, могут быть используемы лишь поступающими в I группу, а таковых в действительности во многих школьных районах в достаточном количестве не имеется и следовательно часть освобождающихся мест, которые при определении данным методом показателя обеспеченности теоретически считаются как могущие быть использованными, на самом деле не могут быть заняты [1].

По изложенным здесь соображениям, рассматриваемый метод (№ 8) едва ли можно признать имеющим сколько-нибудь существенное значение.

Метод № 9: введение поправки на дефективных детей школьного возраста. Приведенные выше методы, в которых при исчислении показателя участвует общее число детей школьного возраста, не учитывают наличия в этом числе известного процента детей, не могущих посещать нормальной школы I ступени в силу тех или иных физических недостатков (слепые, немые, глухие, калеки, дети с значительными недостатками речи, хронически больные и т. п.) или по причине своей умственной отсталости. Поскольку эти дети подлежат обучению в особых специальных для них учреждениях, является совершенно необходимым исчислять отдельный показатель степени обеспеченности детей этой категории обучением в таких специальных учреждениях. Однако обычно эти дети учитываются в общей массе детей школьного возраста, при исчислении же показателя обеспеченности начальным обучением, с этим общим числом сопоставляется лишь число учащихся в нормальной школе I ступени, что методологически, конечно, является неправильным. Численность дефективных детей школьного возраста может быть установлена с надлежащей точностью по данным демографической переписи 1926 г. (число их составляет, как полагают, не менее 5%), и таким образом станет возможным при определении показателя обеспеченности детей начальным обучением в нормальной школе I ступени дефективную часть детей из расчета исключить. Это тем более необходимо, что иначе, при обычных практикующихся способах, показатель (процент) обеспеченности начальным обучением никогда не сможет достичь цифры 100, даже при полном осуществлении обязательности обучения, что будет давать искаженное представление о действительном положении вещей и вызывать сомнения в правильности расчетов.

П. ГРИГОРЬЕВ.

(Продолжение следует).

[1] Этот метод не является новым: еще в 1913 году идея его выдвигалась Ф. Ф. Ольденбургом на общеземском Харьковском съезде по статистике народного образования (см. „Доклады" съезду, стр. 464—465), причем выводимый на основе этого метода показатель назывался „показателем посещаемости школ".

[1] Этих пустующих мест в действительности, конечно, нет; они существуют лишь в теоретическом расчете. Размеры школьного помещения, пределы возможной нагрузки учителя и фактическое число детей в школьном районе — эти факторы порознь или в своей совокупности и определяют в конце концов число мест в каждой данной школе.

ИТОГИ ОКТЯБРЯ

ПУТИ МАССОВОЙ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ РАБОТЫ ЗА 10 ЛЕТ.

I.

Для того чтобы объективно оценить наш педагогический путь социалистического строительства школы за 10 лет, очень важно оглянуться назад и представить себе, что дала нам предшествующая эпоха.

Надо отметить, что мы под влиянием бурных требований жизни, которые властно осаждали нас со всех сторон, не имели достаточно времени, чтобы оглянуться назад на наше прошлое и, таким образом, не могли в нужной степени воспользоваться тем ценным материалом, который имелся в прошлой педагогической работе. Материалов, которые давали бы нам возможность оценить эту работу прошлого, конечно, огромное количество, но в этой статье мы имеем возможность остановиться только на немногих из них, хотя все же и они достаточно полно характеризуют те пути, по которым шла теория и практика минувшей эпохи.

Сейчас передо мною большая статья журнала «Народный учитель» за январь 1917 г. «Истекший год культурного строительства». Вот что там говорится:

> «Чувство глубокой общественной тревоги за судьбу народной школы оставил по себе истекший 1916 г. Никогда жизнь еще так резко не ставила перед лицом русской общественности несоответствия действительных средств и сил нашего культурного строительства с требованиями момента, т. е. небывалым подъемом духовных запросов населения. По злой иронии судьбы народная школа оказалась в трагическом положении; наша общая неурядица и неустройство жизни зло отразились на школе, и изо дня в день растущая дороговизна жизни прежде всего больно ударила народного учителя; началось бегство учителей; бежали не только семейные, но и одинокие, не только равнодушные к судьбам школы, но и отдавшие ей свои лучшие годы жизни, свои силы, положившие в дело любовь и священное призвание. В школу в качестве заместителей влилось много совершенно случайного элемента, полуголодного, без интереса к делу и понимания своей роли. Ко всему этому прибавьте и другое зло, обрушившееся на школу,—вздорожание бумаги, учебников и учебных пособий, карандашей, перьев, чернил. Начальная школа осталась вовсе без учебников и письменных принадлежностей. О надвигающейся школьной разрухе заговорила печать, педагогическая и общая; было адресовано обращение под названием: «Угроза культуре», обошедшая многие газеты; создалось некоторое благоприятное общественное движение в пользу школы; получилась прибавка к учительскому жалованью на дороговизну, но все эти частные поправки—заплата на изодранном костюме голодающего—не привели к цели. Народный учитель голодает духовно и физически.
>
> Иная картина наблюдалась в истекшем году в деле внешкольного образования. Здесь нет разрухи в том смысле, как мы это видели в народной школе, наоборот, здесь наблюдается оживление внимания к деятельности в направлении создания культурных центров для взрослого населения. Как в 1915 г., так и в этом шла работа по устройству народных чтений, лекций, спектаклей, библиотек, выставок, книжной торговли и снабжению населения народными газетами, избами-читальнями и клубами под одной общей кровлей народных домов».

Мы должны считать весьма вероятным, что материальные условия школы за весь последующий период не могли улучшиться, так как и революция и гражданская война требовали значительных затрат народных сил и средств. Через год, в январе 1918 г., в том же журнале помещено открытое письмо народного учителя к товарищам. Статья озаглавлена: «Что же делать?» Привожу из нее следующую выдержку.

> «Мы очутились в крайне тяжелых условиях, и выхода из этих условий как будто не видно. С каждым годом между нами, учителем и народом, растет какая-то разъединяющая грань. Мы хотим стереть эту грань, мы еще стоим на своих постах, мы еще верим и любим наше дело, исхудалыми руками держим светильники, поддерживаем их нашей любовью. Те, которые не любили своего дела, которые перестали верить в торжество света и разума, которые пали духом,—те уже ушли. На месте остались только верящие и те, которые не могут итти другой дорогой. Светильники гаснут; тьма нависает над страной; кошмар давит, и все слабее, все неувереннее звучит голос: «Не уходите». Нас могут утешить и ободрить только слова того народа, которому мы служим, но народ нам, вероятно, не скажет: «Не уходите». Наши принципы, нашу веру, наши знания н а р о д н е о ц е н и л, и м ы з а б о р т о м, без куска хлеба, без крова, без сил на поддержку. Что же делать, куда итти?»

Самым серьезным в этом письме является указание на то, что между школой и населением выросла какая-то грань, какое-то взаимное непонимание и, пожалуй, можно сказать, что это явное непонимание населением школы является характерным не только для этой эпохи. Надо вспомнить, что на это указывал еще Лев Николаевич Толстой в 1862 г., в своей первой педагогической статье: «О народном образовании».

> «Народное образование,—говорит он,—всегда и везде представляло и представляет одно непонятное для меня явление. Народ хочет образования, и каждая отдельная личность бессознательно стремится к образованию. Более образованный класс людей—общества, правительства—стремится передать свои знания. Но выходит наоборот. Народ постоянно противодействует тем усилиям, которые употребляет для его образования общество или правительство, и усилия эти, большей частью, остаются безуспешными. Потребность образования лежит в каждом человеке; народ любит и ищет образования, как любит и ищет воздуха для дыхания. Правительство и общество сгорают желанием образовать народ, и, несмотря на все насилие, хитрость и упорство правительства и общества, народ постоянно заявляет свое недовольство предлагаемым ему образованием и, шаг за шагом, сдается только силе».
>
> «Ребенок впродолжение ежедневных долгих часов занятий, одуряемый школьной жизнью, оторван на все это самое драгоценное по возрасту время от тех необходимых условий развития, которые поставила для него сама природа. Весьма обыкновенно слышать и читать мнение, что домашние условия, грубость родителей, полевые работы, деревенские игры и т. п. суть главные помехи школьному образованию,—может быть, они, точно, мешают тому школьному образованию, которое разумеют педагоги, но пора убедиться, что все эти условия суть главные основания всякого образования, что не только они не враги и не помехи школе, но первые и главные деятели ее».
>
> «А всякое учение должно быть только ответом на вопрос, возбужденный жизнью. Но школа не только не возбуждает вопросов, она даже не отвечает на те, которые возбуждены жизнью».
>
> «Школа учреждается не так, чтобы детям было удобно учиться, но так, чтобы учителям было удобно учить».
>
> «То странное психологическое состояние, которое я назову школьным состоянием души, которое мы все, к несчастью, так хорошо знаем, состоит в том, что все высшие способности—воображение, творчество, соображение—уступают место каким-то другим полуживотным способностям произносить звуки независимо от воображения, считать числа сряду—1, 2, 3, 4, 5, воспринимать слова, не допуская воображению подставлять под них какие-нибудь образы,—одним словом, способность подавлять в себе все высшие способности для развития только тех, которые совпадают со школьным состоянием,—страх, напряжение памяти и внимания».
>
> «Для земледельца ничем невозможно заменить тех условий работы, жизни в поле, разговоров старших и т. п., которые окружают его; точно то же для ремесленника, вообще для городского жителя. Не случайно, а целесообразно окружила природа земледельца земледельческими условиями, горожанина—

городскими. Эти условия в высшей степени поучительны, и только в них может образоваться тот и другой; школа же первым условием своего образования кладет отчуждение от этих условий».

«Школа, нам бы казалось, должна быть и орудием образования и вместе с тем опытом над молодым поколением, дающим постоянно новые выводы. Только когда опыт будет основанием школы, только тогда, когда каждая школа будет, так сказать, педагогической лабораторией, только тогда школа не отстанет от всеобщего прогресса и опять будет в состоянии положить твердые основания для науки образования».

То, что говорил гениальный Толстой еще в 1862 г., было глубоко проницательно, и, пожалуй, за все время существования нашей народной школы наиболее передовые деятели по нар. образованию больше думали о том, чтобы насадить образование, чем о том, чтобы строить такую школу, которая действительно нужна широким трудящимся массам. Потрачено много сил и средств на создание «привилегированной школы», потрачено много сил—сознательно и бессознательно—на то, чтобы создать почти полную невозможность перехода от нашей народной школы к высшим ступеням образования. Эти явления, конечно, не могли не учитываться, и задачи, о которых говорил 60 лет тому назад Лев Николаевич Толстой, выполняются теперь революционной эпохой и становятся ее главнейшим педагогическим заданием.

Есть еще один авторитетный документ, который оценивает общее положение народной школы в 1914 г. [1].

«Учат в школах постарому, без достаточной подготовки и навыков, схоластика заедает попрежнему школу, учащиеся быстро забывают по окончании все, чему их учили, здания остаются без присмотра, учитель является гораздо более чем прежде лишь гостем в деревне, экзамены своей нелепостью поражают каждого свежего человека и мертвят порывы молодых учительских сил».

«При таких условиях (наблюдающийся повсеместно) количественный рост теряет свой смысл и значение. Получается главным образом улучшение статистических данных».

«Строятся прекрасные школьные здания, а преподавание в них ведется по правилам педагогики средних веков. Основываются библиотеки, а книги спокойно лежат на полках, так как или некому пустить их в ход, или выбор оказался неудачным».

«Приглашают учительниц с полным гимназическим образованием и оставляют их с первых же шагов без помощи и руководства».

«Таких примеров можно привести десятки».

Весьма характерным является и письмо одного учителя, помещенное в «Бюллетене литературы и жизни» за 1917 г., в котором он оценивает весьма пессимистически направление работы в начальной школе.

«Если мы познакомимся с программой начальной школы и ее многочисленными учебниками, т. е. с теми рамками, в которые втиснута и которыми ограничена школьная деятельность, то увидим, что последняя не может оказывать никакого влияния на проведение в народ тех крайне полезных производительных знаний, в которых так нуждаются забитые бедностью темные массы сельского населения».

«Вот почему школа все свои средства, всю энергию, всю изобретательность употребляет не на то, что может поднять нравственный и культурный уровень народа, а на изучение орфографии».

«Отвечая на властный зов жизни, школа должна немедленно пересмотреть свою программу, продезинфицировать необходимое, выбросить все ненужное, вредное и, в первую голову, очистить орфографию. Не мертвые знания нужно преподавать в школе, а те, которые вызываются потребностями жизни и ростом культуры».

Конечно, одним из интереснейших вопросов, который мы можем поставить, оценивая предшествующую педагогическую работу, является

[1] Сборник — „Народное образование в земствах", М. Задруга.

вопрос о том, насколько идея трудовой школы в прежнее время возбуждала внимание широких педагогических кругов. С этой точки зрения следует признать, что здесь дело ограничивалось лишь переводом американской, немецкой и французской литературы, посвященной вопросам трудового воспитания, самоуправления и новым методам преподавания. Литература эта издавалась журналом «Свободное воспитание» и журналом «Школа и жизнь». Практически в области трудовой школы самостоятельных работ почти совершенно не было. Уровень, до которого дошла начальная школа,—и то только в лучших и редких случаях,—это введение иллюстративного метода. Гораздо больше нового и свежего материала в программно-методическом отношении давала средняя школа, в особенности частная. Здесь мы видим введение лабораторного метода преподавания, что в особенности касалось частных и коммерческих училищ, а также мастерских ручного труда, где мы видим некоторые зачатки самоуправления.

Во внешкольной работе с детьми наблюдается начало работы детских клубов; довольно большое распространение получают экскурсии и многочисленные выставки детских работ. Это, конечно, касается только организации трудовой школы. Но вообще мы имеем в прошлом таких замечательных педагогов, имевших огромное значение для нашей педагогики—как Л. Н. Толстой, К. Д. Ушинский и, к сожалению, забытый П. Ф. Лесгафт.

Среди попыток социального воспитания, начиная с 1905 г., мы можем отметить попытку организации «потешных отрядов», бой-скаутов в крупных городах, а в последующие годы войны—общественные дружины учащихся средних школ. Возникло некоторое количество оазисов новой педагогической работы, которая не находила себе никакой поддержки—ни общественной, ни тем более государственной—и с величайшим трудом пробивала себе дорогу.

Таким образом, в общем, мы могли бы сказать, что предвестник наступления новой педагогической эры имелся еще в предшествующем периоде, что в этом периоде, как мы видим из примера Л. Н. Толстого, был выдвинут ряд проблем, имеющих жизненное значение и в настоящее время. Мы можем указать на то, что огромное количество учительских сил было затрачено на насаждение элементарной грамотности, а принципиальные вопросы школьной программы, вопросы о целях и смысле того воспитания, в котором нуждаются наши трудовые массы,—эти вопросы для массовой школы были почти не разработаны.

Конечно, в огромном большинстве случаев все это придавленное, полузадушенное движение педагогической работы нужно отнести за счет гигантских усилий царского правительства, насаждавшего религиозные школы и чрезвычайно ограничивавшего все жизненные стороны программы.

II.

1917 г., до Октябрьского переворота, внес очень немногое в нашу педагогическую работу. Этот год дал нам реформу правописания, смену командного состава нашей школы и обнаружил огромное стремление учащихся средних школ к организации своей жизни; мы имеем в виду союзы учащихся средних школ, которые бурно стали развиваться в 1917 г.

В 1917 же году появился чрезвычайно любопытный документ, который является откликом на то подпольное, но мощное движение молодежи, которое наблюдалось тогда в наших средних школах. Я говорю о брошюрке «Конституция республики учащихся» К. Корнилова.

«Составители конституции преследовали следующую цель: дабы внедрить в сознание учащихся мысль о их правовом положении, к конституции приложена декларация прав учащихся, которая провозглашает общие собрания депутатов, избранных от всех классов. Дабы учащиеся впитали в плоть и кровь основы прав демократического строя, большинство статей заимствовано из целого ряда передовых конституций современных республик Старого и Нового Света. Предлагаемый проект есть лишь один из наиболее подходящих к школьным условиям вариантов. Авторы хотели лишь дать схему, дабы учащиеся своим творчеством, инициативой сами наполнили ее жизненным содержанием.

Закон о выборе членов учредительного собрания. Общие собрания всех учащихся постановили:

Статья первая. Создать коллектив учащихся на основе точно выработанной конституции.

Статья вторая. Для выработки, принятия такой конституции созвать учредительное собрание, послав на него по 5 представителей от каждого класса.

Статья пятая. Избирательным правом пользуются все без исключения учащиеся данного учебного заведения.

Статья шестая. Выборы происходят на основе всеобщего, прямого, тайного, равного голосования. По выработке и принятии конституции учредительное собрание расходится и передает свою власть парламенту, избранному на основе принятой конституции.

Декларация прав учащихся.

Статья первая. Все учащиеся—независимо от национальности, вероисповедания, пола, возраста и социального положения—объявляются свободными и равными в своих правах.

Статья вторая. Цель всякого союза учащихся есть прежде всего охранение неотъемлемых прав учащегося как человека. Эти права суть: свобода, равенство, товарищеская солидарность, взаимопомощь, совершенствование человеческой личности и сопротивление всякому нарушению этих основных прав учащегося.

Статья четвертая. Свобода учащегося состоит в возможности делать все, что не вредит другим.

Статья седьмая. Ни один из учащихся не может быть подвергнут обвинению иначе как в определенных в законе случаях и согласно предписанным им формам. Кто испрашивает, изготовляет, исполняет или заставляет исполнять произвольные приказы, подлежит наказанию.

Статья девятая. Всякий из учащихся предполагается невинным до тех пор, пока он не объявлен виновным.

Статья одиннадцатая. Свободная передача другим своих мыслей и мнений есть одно из драгоценнейших прав учащегося как человека, почему всякий из учащихся может свободно говорить, писать под строгой ответственностью за злоупотребление этой свободой в случаях, определенных законом.

Статья пятнадцатая. Каждый коллектив имеет право требовать у всякого члена коллектива, облеченного властью, отчета в его управлении.

Конституция республики учащихся. О школьной власти.

Статья третья. Органы власти каждого коллектива следующие: власть законодательная, власть исполнительная и власть судебная—независимые одна от другой, но внутренне связанные. Законодательная власть осуществляется парламентом, состоящим из одной палаты депутатов, избираемых от каждого класса прямым, всеобщим, равным, тайным голосованием. Палата депутатов избирает из своей среды председателя, товарища председателя, секретарей.

О компетенции палаты депутатов.

Попечение об общем благосостоянии учащихся; забота о материальной обеспеченности учащихся; забота о здоровьи и физическом развитии; забота об умственном развитии; забота о нравственном совершенствовании учащегося путем организации судебной власти для устранения конфликтов,—с этой целью учреждаются министерства: финансов, здравия, просвещения, юстиции. Забота о внутреннем распорядке, дисциплинировании жизни,—для чего учреждается министерство внутренних дел,—и забота об установлении контакта с самоуправлением учащихся других учебных заведений,—для чего учреждается министерство внешних дел.

Исполнительная власть осуществляется советом министров, в числе 7 человек. Один из министров избирается парламентом в министры-президенты. В случае недоверия, высказанного большинством парламента, по отношению политики или отдельного министра или общей политики совета министров в первом случае выходит в отставку тот министр, которому выражено недоверие, во втором случае выходит в отставку все министерство в целом его составе.

О судебной власти. Судебная власть школьной республики сосредоточивается в товарищеских судах. Товарищеский суд может наложить следующие наказания: возмещение убытков, публичное извинение, выговор в суде, оставление после класса, лишение гражданских прав на известное время.

Статья сорок шестая. Охрана настоящей конституции вверяется всем гражданам республики учащихся».

III.

Переходим теперь к революционной эпохе. Несмотря на огромные потрясения, которые переживала страна, несмотря на продолжающееся разрушение материальных сил ее, несмотря на то, что последние материальные ресурсы школы стали исчезать с катастрофической быстротой, все же все материалы того времени рисуют огромный взрыв энтузиазма, являющийся самым характерным явлением первых годов революции. В задачу дня были поставлены две проблемы. Первая проблема—это разрушение старой школы; вторая—создание основных черт строительства новой школы.

Первые годы нашей революции своеобразно отразились на педагогической работе; они явились периодом гигантского расцвета индивидуальных и коллективных исканий, чрезвычайно разнообразных, иногда неумелых, почти фантастических, иногда глубоко жизненных, но в большинстве случаев смелых и весьма сложных, требовавших большого подъема, больших физических сил и значительных материальных средств. Это было горячее время, время ожесточеннейших споров, платформ, широчайших планов. Никого, повидимому, не смущало, что работа сопровождалась огромными материальными лишениями. Все надеялись на то, что трудности скоро будут преодолены, а пока надо работать вовсю, и поэтому лихорадочно старались закрепить, отразить в жизни мощный напор идей, планов, программ и педагогических форм, которым стало тесно в головах и которые искали своего применения. Это был стихийный героический период нашей педагогики—и не только теоретический, но и практический. В разнообразных местах—как в крупных центрах, так и в далеких глухих уголках—всюду возникали гнезда интереснейшей работы. Обыкновенно бывало так: у небольшого кружка, не имеющего ни опыта, ни средств, вспыхивает яркий образ педагогического дела, собирается быстро кучка ребят, которых время в огромном количестве выбросило, так сказать, на «педагогический рынок». Таким образом организовывается группа взрослых и детей, зараженных одной в высшей степени привлекательной идеей, хотя осуществление ее в более или менее удовлетворительной степени и могло им рисоваться только в далеком будущем. Все торопятся, надо действовать как можно скорее, не обращая внимания на препятствия. Начинаются хождения, отыскивания мест, где бы можно было жить, идут невероятные хлопоты по ремонту домов на скорую руку, откуда-то неизвестными путями появляется мебель, одежда, утварь, случайные животные, случайные люди, и место педагогической работы напоминает не то какой-то бивуак, не то переселенческий пункт. Препятствия громоздятся отовсюду; окружающие мало понимают, что собственно происходит в нарождающейся детской коммуне, создается крайне неустойчивое положение, и поэтому приходится проявлять необыкновенную изворотливость, преодолевая голод, холод, сырость, грязь, болезни, мирясь с отсутствием элементарных жизненных

удобств. Все это было и все это пронеслось, как своего рода педагогический ураган.

В то время каждому хотелось сказать свое слово, не похожее на все другие слова, каждому хотелось внести в педагогику новые идеи, новые методы, небывалые формы общения с детьми.

Несмотря на огромное разнообразие всевозможных практических и теоретических исканий, все они в конце концов принимали одну общую форму—создание детской коммуны, создание ячейки будущего коммунистического общества, и, таким образом, разнообразие было лишь чисто внешним, внутренне же все эти попытки отражали те идеи, которые носились в горячей атмосфере того времени. Разумеется, в руководящих педагогических кругах того времени быстро явилась потребность оформить те идеи, которые носились в воздухе.

Совершенно естественно, что это могло быть сделано лишь в 1918 г., который начинает собой серию организованной работы в области нашей педагогической мысли.

В первоначальном проекте единой трудовой школы и отразились те основные идеи, которыми была полна педагогическая действительность, т. е. разрушение старой школы и строительство новой школы в очень сильной степени было отражено в этих первоначальных документах.

Что же было разрушено?

Было уничтожено религиозное преподавание в школах; был объявлен поход на учебу; были уничтожены привилегированные школы; отменены все экзамены; внешний авторитет учителя подвергся огромной критике; уничтожены были наказания в школах. Каждый из этих вопросов, если перенести его в плоскость той педагогики, которая развивалась в иностранных государствах, звучал как своего рода набат, означал полную революцию воззрений на школу, революцию в укладе школьной работы.

Целый ряд документов говорит о том, что во многих случаях мысли о разрушении старой школы были доведены до крайних пределов. Многие товарищи были серьезно убеждены в том, что обучение грамоте является очень большим пережитком старой школы, что из школы должно быть выброшено все то, что даже внешним образом напоминает ее старую установку. Таким образом кое-где сокрушались парты; иногда считалось большим недостатком пользование школьными зданиями, и масса занятий при первой возможности производилась на открытом воздухе, а дети в гораздо большей степени занимались экскурсиями, чем находились в школе. В это же время создавались проекты школ-дворцов, и фактически под школы занимались настоящие дворцы, совершенно не приспособленные для школьных занятий.

Мы уже говорили выше, что в предшествующий педагогический период были нащупаны некоторые элементы, которыми бы можно было воспользоваться при строительстве новой школы. Но мы говорили и о том, что трудовая школа и в теории и на практике была еще очень мало распространена среди широких педагогических масс, и фактического опыта, которым можно было бы воспользоваться, было очень мало. Тем не менее то, что могло быть лишь пробой, было смело провозглашено как система. Значительная часть новых руководящих проектов говорила о том, что нужно вместо инспекторов дать инструкторов, что нужно взывать к творчеству учителя, что нужно ввести самое широкое самоуправление в школах и связать школы с общественным воспитанием. Говорилось также о том, что необходимо наметить лишь самые общие очертания программы, а в остальном она должна быть гибкой местной программой, связанной с творчеством

учителя; было введено широкое совместное воспитание, и производительный труд был провозглашен главнейшей основой строительства новой школы.

Все то лучшее, что имелось в педагогике предшествующей эпохи,—не только нашей, но и заграничной главным образом,—все это в переработанном виде вошло в первые проекты новой системы. Все же реальный путь был только один, а именно: на основании хотя бы этих широких и сложных педагогических идей нужно было надеяться на возникновение практических работ, которые должны были быть учтены и проверены, и уже на основании их должно было возникнуть новое оформление педагогических идей и практических указаний, как строить новую школу.

Таким образом вопрос о более или менее проработанной программе был, естественно, отложен, и декларативная часть доминировала над всеми практическими попытками, которых тем не менее было чрезвычайно много.

В общем мы тут имеем двух родов материалы: с одной стороны, руководящие материалы и материалы, связанные с теми планами и теми инструкциями для работы воспитательных учреждений, которые более или менее отчетливо рисовались их авторам, с другой стороны, мы имеем огромное количество попыток провести эту идею в жизнь. Последний материал, к сожалению, чрезвычайно трудно в настоящее время собрать и проанализировать,—он как-то распылился, исчез,—а в нем-то и заключается наибольший интерес; этот материал мог бы помочь нам с достаточной глубиной оценить педагогику революционной эпохи.

Интересно отметить и то, что в этих первых руководящих материалах, в первых докладах на конференциях, съездах,—всюду в разнообразных видах варьировалась идея свободного воспитания.

Такие термины, как «свободное развитие души ребенка», «детское творчество», «создание учреждений, в которых дети могли бы развиваться свободно и широко, обходясь лишь только помощью взрослых», «построение педагогической работы исключительно на детских интересах», «создание свободных детских коммун»—такого рода терминами пестрят все те материалы, которые производила революционная эпоха.

В докладе Познера на I Съезде по просвещению тезисы единой трудовой школы рисуются в таком виде:

> 1. Преобразование школы в период социалистического переустройства общества представляет собой школьную революцию.
> 2. Школьная революция означает полное разрушение старой школьной системы.
> 3. Новая школа-коммуна представляет собой зародышевую ячейку будущего коммунистического общества.
> 4. Создать новую школу-коммуну может лишь стихийный процесс социалистического переустройства всей жизни.
> 5. Задача сознательных зодчих нового общества—развязать и углубить процесс стихийного преобразования школы.
> 6. Орудием, средством и основным методом этого преобразования является введение производительного труда в школу (преимущественно I ступень) и введения школы в производственный труд (преимущественно II ступень).

На этом же съезде, как известно, был доложен и горячо обсуждался «Проект положения о единой трудовой школе» в ее московском и петроградском вариантах.

Надо отметить, что идеалы школы-коммуны встретили возражения со стороны председателя Народного комиссариата просвещения. Тов.

Луначарский указывал на то, что эта идея выдвинута Москвой, что в ней пришлось долго и серьезно разбираться, что в общем российском масштабе этот лозунг является слишком ко многому обязывающим, что он может дать право подозревать, что преобразование школы может пойти в сторону утопизма и анархического коммунизма. На практике ярких примеров строительства детских коммун, как создание отдельных трудовых мирков, видна тенденция уйти от машины и городской индустрии, стремление заменить настоящий жизненный социализм лживым и худосочным коммунизмом, а поэтому Наркомпрос и должен был отказаться от этой идеи, все же признав ее допустимой в применении к большим городам. Указывалось, «что не в названии здесь дело, что в будущем советская трудовая школа будет в сущности своей коммуной». (Протоколы I Всероссийского съезда по просвещению.)

У нас имеется два типичных плана того времени. Один план напечатан в органе Наркомпроса «Народное просвещение» от 13 ноября 1918 г. под названием «Школьный городок».

«Лишь с властью рабочего класса и освобождением труда, а следовательно с уничтожением деления общества на классы, станет возможной попытка педагогических, а не классовых целей воспитания, целей создания гармонически развитого человека, или творческой личности. Творческой личностью мы будем называть человека, овладевшего методами техники во всех главнейших областях.

Надо строить не школу, а школьную детскую общинную жизнь, которая возбуждала бы творческие силы развивающегося индивидуума.

На вопрос, что же нужно и чего не нужно новому воспитанию, я скажу: ничего из старой школы и все из новой жизни общества. Так школьная обстановка и работа, начиная с парт, классов, уроков, предметов, учебников, обязательной для всех программы, учебных планов, и наконец само понятие «учитель и школа» должны приобрести новый смысл.

Наиболее культурным типом общежития является в наше время жизнь большого города; она же должна быть прототипом школьной общины. Жизнь школьного города и общины слагается из тех элементов и форм, из которых слагается и вся общественная жизнь.

Если правильно классифицировать органы управления общественной жизнью (бывшие министерства и управления, ныне—комиссариаты и советы), то они распределяются на три группы отделов: управление хозяйством, отдел прав, т. е. благоустройства, порядка, судов, или общественных репрессий, и отдел просвещения. Все эти органы самоуправления должны существовать.

В «Школьном городке» для осуществления идей новой школы, помимо живой силы школьных работников и школьников, необходимы три вещи: территория, постройка и инвентарь. Свойства территории как элемента природы имеют главнейшее значение; их могут дать лишь условия сельской, не городской постановки.

Создать школу в деревне—это значит насадить туда интеллигентных работников—врачей, инженеров, агрономов и других—и обязать их войти в состав школьных работников. В городе же наибольшей трудностью на пути к делу является преодоление инертности уклада городской жизни; следует призвать и отделы народного образования и общественных деятелей к выполнению самого главного—приисканию и предоставлению подходящей территории с тем расчетом, чтобы самые удобные пригородные районы могли быть использованы для нужд всего школьного населения, т. е. одной пятой части всех жителей. Эта задача должна лечь на самих школьников, и мы призываем их при выполнении этой главной задачи не останавливаться перед самыми решительными революционными методами действий. «Освобождение школьников»,—перефразируем мы Маркса,—«есть дело рук самих школьников». Пусть будет предоставлено: территория, помещение и средства, а остальное дадут сами школьники.

Для образовательных работ следует оборудовать дома научными кабинетами по областям знаний—не менее восьми, т. е.: физический, физико-технический, биологический, био-технический, социально-исторический, социально-политический, психологический и психо-технический. Нужно помещение с наглядными пособиями по изучению абстрактных теоретических наук, помещение для специальной библиотеки-читальни, для аудиторных работ; для производительных работ необходимо оборудовать дома школьными мастерскими: по обработке металла, дерева, кожи, глины, стекла, бумаги; нужна мастерская шитья и вязания, типография, дома хозяйственных служб: кухня, столовая, прачечная, парикмахерская и баня; дома общественных учреждений: дом советов, школьный клуб, дом искусства, дом спорта, дом игр, театр, кинематограф, музей; при сельскохозяйственной ферме необходимо иметь: сады фруктовый, ягодный, ботанический, зоологический, огород, дворы: скотный и птичный, пасеку, молочные, сыроваренные, консервные мастерские.

Несомненно, что на почве разрешения как организационных школьных, так и продовольственно-хозяйственных вопросов школьный коллектив получает богатый материал для научных, образовательных работ.

Все это придает школьному движению, самоуправлению и самоопределению естественный и всеобъемлющий рост. Если до сих пор общество было прототипом школы, то отныне школа должна быть эмбрионом нового общества».

«Какая огромная, неизмеримо важная и тяжелая работа выпала на нашу долю: создать новую школу, с новыми методами, на новых принципах! Дух замирает, когда подумаешь, какие необъятные, широкие перспективы открываются нам, учителям, в деле освежения школы! Раскрепостился народ, раскрепостились школы, раскрепощается душа ребенка!»

«Полное и широкое осуществление трудовой школы-коммуны может быть только п р и и н т е р н а т е, где дети свободно отдаются своим любимым работам, когда они принадлежат только самим себе. Если невозможно сразу открыть интернаты и тем вырвать ребенка из мещанской среды, создать из него гражданина-коммуниста в полном смысле этого слова, то создать школьные клубы вполне возможно и должно. Нам мыслится, что все школы немедленно должны превратиться в школьные клубы; школа превращается в клуб для этих же детей. В своем клубе дети группируются по своим личным симпатиям и влечениям, и занятиям, предметам и ремеслам. Конечно, занимается каждый чем ему угодно. Не беспокойтесь, что дети одно выучат, а другое нет. Дети без принуждения изучат все ремесла. Они это любят, и стремление познать «все» крепко живет в душе каждого из нас, особенно ребенка. Первое время работа происходит под руководством учителей, изъявивших на то свое согласие, а потом дети сами передают друг другу свои познания. Если надо пригласить специалиста—пригласить его на время необходимо,—он выучит, покажет новые, лучшие методы, а об остальном не беспокойтесь. Дети сами организуются и смогут вполне обходиться без учителя».

«На лето школы и группы школ соединяются вместе и выезжают в деревню на сельскохозяйственные работы для изучения природы вообще и сельского хозяйства в частности: 1) дети должны изучать природу и 2) серьезно заниматься сельским хозяйством. Дети должны изучать природу. В этом направлении очень желательно, чтобы дети составили:

1. Коллекцию камней. 2. Коллекцию корешков разных трав, коллекцию листьев, цветов для маленьких. 3. Настоящий гербарий. 4. Очень интересны коллекции камней по внешнему их сходству с чем-нибудь другим, например есть камни, очень похожие на куски мяса, конфеты, яйца, грибы, какие-нибудь предметы и т. д. 5. Коллекцию окаменелостей. 6. Коллекцию медоносных трав. 7. Коллекцию почвы земли: а) песок, б) глина, в) суглинок, г) чернозем, д) торф и т. д. 8. Коллекцию кусочков коры различных деревьев. 9. Коллекцию всевозможных мхов. 10. Коллекцию грибов. 11. Коллекцию хлебных злаков».

«З а н я т и я п о с е л ь с к о м у х о з я й с т в у. Мы самым категорическим образом протестуем против игрушечных огородиков и садиков».

«План полевых работ.

1. В первую очередь надо вспахать и засеять поле хлебами. 2. Разделать огород. 3. Надо разделать сад. 4. Обязательно сорганизовать пчельник, так как пчелы не требуют никакого почти за собой ухода и только три раза в лето требуют к себе внимания. 5. Чтобы улучшить стол работникам-детям, надо завести коров, овец, свиней, за которыми самим и ухаживать, а в связи с этим вытекает само собой: 6. Луговодство. 7. Убирать сено, обрабатывать поля, необходимо иметь лошадей. 8. Надо развести кур, гусей и индеек, завести кроликов, собак, кошек и коз. 9. Может быть, удастся поставить хорошо молочное хозяйство, чем можно помочь государству и оказать материальную помощь общине. 10. Если позволяет возможность, развить и рыбоводство. 11. Конечно, нельзя забывать и художественно-эстетической стороны и необходимо разбить хотя бы небольшой цветник».

«Таким образом получается не только школа-коммуна, где вырабатываются всесторонне образованные сельскохозяйственные работники, но создается образцовая ферма, где не только все работы производятся самими детьми, но получается маленькое образцово-показательное хозяйство для всего окружающего земледельческого населения».

«Но, проживши лето одной тесной семьей, трудно и тяжело опять зимой

расходиться по своим семьям, да это вредно и ненужно. Вывод ясен: при школах необходимы общежития или интернаты».

«В «дом ребенка» должны войти все возрасты, начиная с колыбели и кончая 15—16 летами. В такие дома нужно перенести все учительские семинарии, ученики которых будут изучать жизнь школы и в то же время будут главными помощниками».

«Но, создавши такой громоздкий «городок ребенка», его трудно перевозить из города в деревню и обратно в город. И, конечно, лучше не перевозить, оставить детей в деревне, в сельскохозяйственной коммуне, и там оборудовать школы, интернаты, мастерские по последнему слову техники и искусства, сосредоточить такие уголки в лучших помещичьих экономиях, подальше от сутолоки шумного, делового города. Но одного такого «дома» мало,—вырастает целый поселок, «детский городок», где идет глубоко интересная работа подготовки будущих работников-коммунистов. А город, с его музеями и редкостями, не уйдет: всегда можно совершить экскурсию и увидеть все необходимое. Город останется один—чисто деловым, рабочим и культурным центром, а «городок ребенка» будет процветать под городом».

«Переходя к учителям, руководителям «дома-городка», нужно сказать, что на это дело нужны люди, кладущие «душу свою за други свои». Надо совершенно всеми фибрами души, всеми мыслями отдаться этой идее, отдать всего себя—в жертву ребенка».

«Здесь учителя: а) делятся своими психологическими и педагогическими наблюдениями; б) делают сводку своих психологических и педагогических опытов; в) ведут строгую запись или журнал таким опытам и экспериментам; г) сводят детские дневники, дневник «дома-городка» и пополняют его; д) ставят большие научные психологические опыты; е) таким образом это будет комната, где сосредоточится вся высшая работа «дома»; там будут храниться приборы для психологических экспериментов; ж) здесь учителя должны вычерчивать кривые на всякого ребенка».

Эти планы чрезвычайно ярко отражают весь тот грандиозный напор идей, которые не могли для себя найти достаточно вместительных форм, а поэтому явилась необходимость в создании такого крупного детского воспитательного массива, который рисуется этими проектами. Если подумать о том, что они потребуют для своего исполнения колоссальное количество средств и в высшей степени хорошо подготовленный педагогический персонал, то будет совершенно естественным считать их утопичными. Тем не менее эти проекты и печатались и обсуждались в руководящих кругах того времени. Все же надо определенно сказать, что эта бурная эпоха педагогического строительства, эти широчайшие планы, этот могучий напор педагогических идей были чрезвычайно плодотворны для нашей педагогической действительности.

Да ведь и в самом деле прекрасно, что первые шаги педагогической работы сопровождались таким энтузиазмом.

Если бы в настоящее время мы имели хотя бы одну десятую тех порывов, тех надежд, той огромной заинтересованности педагогическим делом, которая характеризует первые годы нашей революции, то при наших средствах, при нашем организационном умении, при уже устоявшихся педагогических идеях, при определенной отчетливости взгляда на ту школу, которая нужна нашей стране, при наличии всего этого мы могли бы достигнуть величайших педагогических результатов.

Надо указать еще и на то, что в эту же эпоху зародились наши новые педагогические ячейки. Ведь не все же они разрушились, многие из них—как в крупных городах и около них, так и в далеких провинциях, в глухих уголках нашей обширной страны—остались. Они собрали вокруг себя педагогические коллективы и создали те основные базы новой педагогической работы, в которой всегда чувствовалась и чувствуется огромная нужда.

В этом мы видим большие серьезные достижения первых бурных лет педагогической революции.

(Продолжение следует.) *С. Т. ШАЦКИЙ.*

ПО ПРОСВЕЩЕНСКИМ ЦЕХАМ

У НАЧАЛА НОВОГО ЭТАПА.

(Из заметок центрального инспектора.)

„Служебная обязанность" и „общественный долг".

Текущий учебный год войдет в историю строительства советской трудовой школы не только как итог и завершение предыдущего, но и как начало нового этапа на путях этого строительства.

В предыдущие годы, начиная с 1922/23 учебного года, когда появились схемы и первые варианты программ Гуса, были сделаны первые, так сказать, попытки конкретных определений того, какой же по содержанию должна быть новая трудовая школа в стране, осуществляющей диктатуры пролетариата. В основном предыдущие годы были периодом своеобразной рекогносцировки, периодом предварительной пробы и самых программ, и сил учителя, и тех условий и обстановки, в которых должна была начинаться жизнь новой школы.

Текущий 1927/28 учебный год в результате этой рекогносцировки и предварительной пробы получил вновь прокорректированные программы, подытоживая, таким образом, предыдущий период. Но, поскольку эти программы на ближайшие годы стабилизируются и устанавливают определенный объем знаний и навыков, которые должны по ним даваться, поскольку, говоря иначе, выполнение «социального заказа», сформулированного более точно и более определенно, становится «для учительства и его служебной обязанностью и его общественным долгом»,—постольку текущий год с несомненностью открывает начало нового этапа, не говоря уже о том, что он предполагает общий и полный переход массовой школы на программы Гуса.

Поэтому тем большее значение будут иметь вопросы организации, планомерного и систематического руководства этим переходом, который займет, конечно, ряд лет, потребных не для одного «программного оборота».

Начало нового этапа, несомненно, несет с собой широкую и глубокую творческую работу, энтузиазм и пафос строительства не только отдельных работников, не только отдельных групп, но и всей массы работников школы...

„Мы не „переключились" еще".

Вспоминается беседа, которая была у меня прошлым летом во время поездки в Новгородскую губернию с заведующим одной из школ Боровичского уезда. По словам моего собеседника, беседа дала

ему возможность «наконец-то высказаться о том, о чем ему давно хотелось поговорить с кем-нибудь из центральных работников».

— Вы, вот, выразили сожаление,—говорил он, между прочим,—что недостаточное и неправильное подчас овладение и усвоение нами принципов новой школы затрудняет и тормозит нашу работу. Это, конечно, имеет место. Но что в конце концов мешает деревенскому работнику правильно овладевать и усваивать сущность новой школы? Ему мешает—я утверждаю это—то мировосприятие, которое господствует в нем до сих пор... Ведь в массе своей он выходец из деревни. Он рос и воспитывался в среде раздробленного и разобщенного деревенского населения, в обстановке индивидуалистической обособленности и, понятно, в атмосфере мелкособственнической идеологии, пронизывающей деревенскую жизнь во всех ее порах. Естественно, что и его мировосприятие складывалось в унисон деревенскому мировосприятию. Иначе и не могло быть... Под воздействием почти той же обстановки, в атмосфере почти той же идеологии он продолжает жить и работать и в настоящее время... И он далек еще от полного, так сказать, «переключения»—от восприятий всего деревенского в свете пролетарского коллективизма и диалектического динамизма, которые кладутся в основу строительства новой школы... Да вот, передо мной как раз протоколы нашей весенней волостной конференции, на которой мы заслушивали доклад о международном положении и приняли соответствующую резолюцию. Нас, школьных работников, присутствовало на этой конференции больше 40 человек. Постановка доклада о международном положении на волостной конференции—это несомненный, помоему, показатель того, что «переключение», о котором я сказал, или попросту «пролетаризирование» нашего деревенского школьного работника в какой-то степени уже имеется. Но резолюция, которую мы приняли по докладу, является в то же время типичным документом, характеризующим господствующее в нашей среде мировосприятие. Вот эта резолюция:

«Заслушав доклад о международном положении, конференция учащих Н-ской волости со всеми трудящимися массами нашего огромного СССР с чувством глубокого негодования протестует против грубого, бандитского налета правительства Болдуина на наше торгпредство и против наглого провоцирования твердолобых консерваторов новой страшной войны-бойни. Хищники из Сити при помощи агентов Хикса из Скотланд-ярда на весь земной шар раскинули свои грабительские сети. Им не спится, они наяву видят мощный рост нашего хозяйства, рост строительства социализма. Рабочий класс всего мира с затаенным дыханием следит за развертывающимися событиями, рабочий класс с горячим сочувствием наблюдает за нашим строительством и в тот решительный час, когда зарвавшиеся консерваторы выпустят последнюю громовую стрелу войны, он мощной рабочей рукой сорвет войну, ибо он уже не тот, кем был в 1914 году. Он все отдаст для защиты общего всем пролетариям мира оплота своего класса—СССР. Долой войну, долой провокаторов из Вестминстерского аббатства и Сити. Да здравствует наш мирный труд социалистического строительства! Все на защиту алого знамени великой Октябрьской революции!..»

Как в капле росы отражается мир, так в этой резолюции ярко и отчетливо отобразилось это самое мировосприятие... Конференция «со всеми трудящимися массами нашего огромного СССР с чувством глубокого негодования протестует»... И только! И про себя мы не сказали больше ни слова! Наоборот, мы говорим, что... рабочий класс всего мира «с затаенным дыханием следит за развертывающимися событиями», что... рабочий класс всего мира «с горячим сочувствием наблюдает за нашим строительством». Рабочий же класс всего мира,—утверждаем мы в своей резолюции,—«все отдаст для защиты общего всем пролетариям мира оплота своего класса—СССР»... Спрашивается: а мы, школьные работники Н-ской волости, мы-то как собираемся на это реагировать? Оказывается, что мы ко всему этому не причастны... Мы даже не нашли нужным, хотя бы одним словом, обмолвиться на призыв докладчика «провести все идеи и лозунги социалистического строительства в жизнь крестьянских масс»... А ведь этот призыв, как нарочно, записан в протокол... В нас все еще гнездится какая-то обособленность, от нас все еще отдает «интеллигентщиной»... Отсюда—преобладание красивой громкой фразы и несомненная никчемная претенциозность... Мы не «переключились» еще. В этом—наша беда. И я сказал бы—беда деревенского учительства в целом...

В ответ на эту горячую и строгую критику резолюции конференции, в которой мой собеседник принимал участие, и вместе с тем на такую бичующую, в сущности, характеристику своих товарищей по работе я мог только заметить, что его пожелание «не предъявлять к деревенским школьным работникам слишком больших требований», обращенное ко мне во время беседы, необходимо, повидимому, переадресовать в обратном направлении, так как оказывается, что он сам склонен давать чрезмерно повышенную расценку существующему положению вещей, излишне заостряя отрицательный анализ резолюции как живого человеческого документа. Прежде всего ее нельзя, помоему, так огульно распространять на все деревенское учительство, а потом я сомневаюсь и в ее полном, так сказать, соответствии действительному настроению Н-ских школьных работников.

Интересным подтверждением последнего для меня явился, между прочим, и сам собеседник мой, настроение которого вырисовывалось довольно определенно.

Как я узнал потом, он тоже «выходец из деревни», но лет 10 служил в армии—сначала в царской, а потом в Красной. Будучи учителем, он выполнял в армии главным образом просветительную работу. Только два года тому назад он демобилизовался и вот с того времени заведует школой Н-ской волости.

Претензии к центру.

— Зная хорошо всех работников своей волости (и не только этой волости),—продолжал мой собеседник,—я буквально ощущаю, как у многих из них школьная работа не клеится именно потому, что в них сильно еще антипролетарское мировосприятие. Возьмем программы Гуса. Что дело с ними не ладится,—это факт. И не ладится, помоему, с самого начала. Когда перед школьными работниками встала конкретная задача перехода на работу по этим программам, для чего необходимо было организовать прежде всего выявление и использование данных и материалов, касающихся, вскрывающих и говорящих об этих фактах и явлениях, превращая то и другое в предметы работы и занятий, в исходные моменты работы школы вообще, то эта конкретная задача большинством наших деревенских школьных работников просто не была воспринята в ее сущности, в ее содержании, а главное в формах и методах ее разрешения. Оговариваюсь,—разрешение ее приэтом я разумею, понятно, не в смысле перехода на программы в целом сразу, «за один прием»,—завершение этой задачи должно явиться в результате длительного процесса,—а в смысле только начала перехода, начала непременно организованного и более или менее планомерного. Для меня ясно, что со своим мировосприятием, не «переключившись»,

большинство деревенских школьных работников собственно и не могло приступить к ее разрешению... А так как пролетарское мировосприятие не овладело ими и в настоящее время, то они до сих пор продолжают относиться к программам Гуса так же, как относились к программам когда-то, в старой школе, утверждавшей незыблемость существующего порядка вещей: как к перечислению того, что из года в год надо было без каких бы то ни было изменений «проходить», или «выучивать» с учениками, как к фиксированным определенным «попредметным» требованиям, которые очень часто заменялись попросту соответствующим подбором учебников... Когда не требовалось ни локализации, ни конкретизации, предполагающих определенное восприятие окружающего. Когда не требовалось отражения в работе школы динамики жизни, что немыслимо вне сознательного отношения и активного творческого участия в самой жизни. Когда не требовалось никакого коллективизма...

— А что же,—спросил я его,—конкретно и применительно к сегодняшнему дню, по вашему, помогло бы и ускорило бы вот то «переключение» деревенского школьного работника, о котором вы говорите, а также переход его на программы Гуса?

— Чтобы переход деревенских школьных работников на программы Гуса был ускорен и облегчен,—ответил он,—необходимо организовать среди них коллективную работу по их локализации и конкретизации. Это я считаю сейчас самым главным и самым неотложным. Четкие организационные указания в этом отношении облегчили бы и ускорили бы, по моему, не только переход на программы Гуса. Практическая, правильно организованная коллективная работа в данном направлении незаметно для школьных работников содействовала бы и их «переключению», т. е. восприятию всего окружающего по новому, попролетарски... Отсутствие таких указаний я считаю большим и непонятным упущением нашего центра... Попытку же нашего губернского методического центра развернуть эту работу в форме краеведческой организации я считаю не вполне удавшейся, потому что она не имела, вопервых, твердых, определенных организационных форм, особенно на местах, вовторых, не был уточнен с самого начала характер итогов самой работы по изучению района. Но задумано было интересное и нужное дело...

Меня, естественно, заинтересовала школа моего собеседника. С «живой» работой непосредственно ознакомиться я, понятно, не мог: были каникулы. Но представление о ней я все же постарался получить: я ознакомился с учетными и отчетными материалами, с ученическими работами, слушал самого учителя, наконец, кое-что видел почти «на ходу».

Видел, например, пришкольный участок, на котором школою под инструктивным руководством местного агронома была развернута интересная показательная сельскохозяйственная работа. Тут были опыты с различными удобрениями, различными посевами и посадками и т. д.

Такая же показательная работа велась через учеников и на некоторых крестьянских участках.

О том, какова собственно школьная работа, лучше всего говорили такие факты: в школе проводились «практикумы» школьных работников, имеет место «паломничество» отдельных школьных работников из соседних школ.

Словом, эта школа, увязанная в своей работе с обслуживаемым районом, становящаяся центром, организующим и инструктирующим в том же направлении работу окружающих школ, превращается—и, повидимому, не без оснований—в подлинную опорную школу.

— Мы, вот, получили теперь твердые программы,—говорил на прощание мой собеседник.—И нам теперь особенно нужны четкие и определенные организационные указания, которые объединили бы разрозненные доныне искания и некоторые уже достижения отдельных работников и оформили бы коллективную работу всей массы школьных работников, вне которой нам будет затруднительно выполнять и нашу «служебную обязанность» и наш «общественный долг»...

О коллективной локализации и конкретизации программ Гуса.

В издании Ленинградского губоно приложением к № 9 журнала «Просвещение» за текущий год дан интересный сборник (№ 1) «В помощь сельскому учителю».

Он интересен, вопервых, потому, что представляет «собрание основных материалов по работе, проделанной на курсах-конференциях сельских учителей, проведенных Ленинградским губоно летом 1927 г.».

Основная задача, стоявшая перед курсами, сводилась к тому, «чтобы дать возможность широкому слою сельских учителей проработать более или менее полный практический план своей дальнейшей работы».

Чтобы дать представление о содержании материалов, помещенных в сборнике, и о полноте того «практического плана», с которым сельские учителя Ленинградской губернии готовились начинать текущий учебный год, помоему, достаточно назвать только те вопросы, по которым имеется материал в этом сборнике. Вопросы эти следующие:

1. Общественно-полезная работа сельской школы.
2. Работа на пришкольном участке.
3. Вопросы самоуправления.
4. Учет работы в школе.
5. Участие учителя в политико-просветительной работе в волости.
6. О самообразовательной работе учительства в волостях.
7. Краеведческая работа учительства в деревне.
8. Об осуществлении программ Гуса в сельской школе.

Сборник интересен, вовторых, тем, «что он представляет собою первое и далеко не полное отражение коллективной творческой работы сельского учительства Ленинградской губернии».

С моей точки зрения, эта вторая особенность сборника представляет наибольший интерес.

Не ставя сейчас своей задачей разбор и оценку содержания сборника по существу, я останавливаю свое внимание на материалах по краеведческой работе учителя в деревне.

В материалах этих устанавливаются, между прочим, такие основные положения:

«Для успешного проведения школьной работы учитель должен приобрести некоторую краеведческую подготовку... Для этого нужна некоторая коллективная работа учительства по изучению своего края (деревни, волости или района)».

«Круг явлений местной жизни, подлежащий изучению учителя, определяется темами школьной работы».

«Самая трудная задача в предварительном сборе краеведческих сведений о своем крае самим учительством с целью создания для себя местного краеведческого справочника физической и экономической географии заключается не с точки зрения техники ее выполнения, а с

точки зрения организации всей работы, ибо опыта в этом направлении выявлено мало».

«Коллективная работа учительства по предварительному сбору краеведческих сведений о волости проводится под руководством опорной школы».

«Работа ведется по определенным программам».

Материалы самым детальным образом вскрывают технику работы на всех ее ступенях и во всех формах и дают программы и схемы...

О ТЮЗЕ, наших школьниках и американке-учительнице.

Во время последней поездки в Ленинградскую область в Ленинградском театре юных зрителей (ТЮЗ) на спектакле «Хижина дяди Тома», вызвавшем, к слову сказать, интересную дискуссию в местных руководящих педагогических кругах, в числе «гостей», знакомившихся с театром, пришлось встретить американку-учительницу, которая приехала в СССР с делегацией и задержалась, чтобы «детальнее» изучить работу советской школы.

Мы вместе осматривали помещение театра, его мастерские, знакомились с методами и состоянием работы по изучению театром своей «клиентуры».

ТЮЗ вырисовывался как захватывающая и увлекающая, интереснейшая работа—одна из многих работ той гигантской, невиданной миром величественной стройки, которая все больше и больше развертывается в нашей стране, как работа, которая все шире распространяет свое воспитывающее и организующее влияние в «молодежной» среде...

О ТЮЗе, понятно, есть что сказать. И о нем надо говорить. Я сейчас говорю только в связи с ТЮЗом больше, так сказать, «по поводу».

Иностранка-учительница свободно объяснялась порусски и охотно делилась своими впечатлениями о виденном и слышанном.

— Что сильнее всего бросалось мне в глаза,—говорила она,—это уменье ваших детей держать себя в театре, как настоящие зрители. Зал ТЮЗа в этот раз наполнен был школьниками средних возрастов. «Хижина дяди Тома» поставлена именно для них.

— Они аплодируют, вызывают...—объясняла американка-учительница.—Они устраивают настоящие овации.

Ленинградский школьник средних возрастов, имеющий в театре регулярные делегатские собрания с целью постоянного осведомления о его работе и повышения своей театральной грамотности, с целью организованного и систематического посещения его, принимающий наряду с педагогами театра участие в дежурствах во время спектаклей, издающий в нем свою стенную газету,—школьник, который, не переставая быть школьником своего возраста, доподлинно «учится быть гражданином» великой страны и в своем театре,—он, очевидно, непонятен для нее, он «бросается ей в глаза» только тем, что он умеет «держать себя в театре»...

Ей, приехавшей из «Нового света» к нам, строящим новый мир,—ей, понятно, трудно воспринять наш ТЮЗ так, как воспринимаем его мы. Для нас ТЮЗ—не только театр, который удовлетворяет потребность своего зрителя в театре,—он воспитывает и организует его, формируя его восприятия, определяя его волевую направленность...

Когда на сцене в конце спектакля подросток-негр убивает из пистолета «господина», по приказанию которого запороли «дядю Тома»,

и школьник-зритель собирается у площадки толпой, заполняющей почти всю орхестру, без конца вызывая артистов и действительно устраивая им овацию, ни у кого из взрослых, кто захватывается этой толпой, не может быть никаких сомнений, что она, эта толпа, как один человек, готова проделать с настоящим насильником и эксплоататором то же самое... и, понятно, не «играя»...

В той дискуссии, которая развернулась об этом спектакле, повидимому, надо согласиться с теми, кто подчеркивал положение, что пьеса в книжке и та же пьеса на сцене—это не одно и то же; что пьесу, поставленную на сцене, нельзя оценивать исключительно по тексту в книжке. Чтобы выносить приговор о пьесе, ее непременно надо видеть на сцене; надо видеть точно так же, какую эмоциональную зарядку она оставляет у своего зрителя... Это, однако, к слову...

Американка-учительница «своеобразно» отозвалась и о нашем школьнике старших возрастов. Спустя несколько дней я встретил ее в отделе народного образования. Она делилась впечатлениями, которые оставили у нее некоторые Ленинградские школы II ступени. И вот она рассказала, между прочим, о том, как в одной из этих школ к ней подошла группа учеников, повидимому, комсомольцев, и попросила разрешения задать несколько вопросов. Были формулированы такие вопросы: О политических партиях в Североамериканских соединенных штатах, почему были казнены Сакко и Ванцети, о кредитах СССР и другие в том же роде. И свой рассказ она закончила следующим откровенным резюме:

— Я не допускаю, понятно, чтобы эти вопросы были подготовлены самими учениками. Но необходимо признать, что вся беседа со мною была разыграна (!?) ими великолепно...

Таким образом, наши школьники-комсомольцы оказались в таком несоответствии с имеющимся у нее представлением о школьной молодежи, что ей легче было отвергнуть у них наличие общественно-политического развития, такого необычного, просто невероятного для нее, совершенно естественного, столь обычного для нас,—и признать, наоборот, не больше не меньше, как наличие у них... артистических талантов...

Для нас подобный «американский реактив» дает, конечно, возможность лишний раз с большей объективностью подойти к оценке нашего основного, «энергетического фонда»,—нашей школьной молодежи,—той силы, которая растет и развивается, крепнет и воспитывается в процессе участия в строительстве не только советской трудовой школы, но и социалистической жизни в целом и которая призвана гарантировать незыблемость этого строительства...

В. ЕНЮТИН.

ШКОЛЬНЫЕ УХАБЫ.

Хорошая, хорошая школа... Уютная, теплая, светлая; где груды разных учебников для всех возрастов и всех групп; где стопы хорошей бумаги, ручек и карандашей; где на полках библиотечных шкафов пестрят разноцветные красивые обложки детских книг, таких интересных и нужных для комплекса; где за стеклянными дверцами—наглядные пособия: весы, пробирки, метры...

Именно такой «полной чашей» видит в грезах своих советский учитель советскую школу. Он знает, что добиться этого трудно. Он понимает, что молодое пролетарское государство еще очень бедно, чтобы осуществить его мечту и мечту всего пролетариата. Поэтому он терпеливо переносит все нехватки, все лишения, все невзгоды и ждет. Но разве от этого легче?..

Конечно, нет. И когда суровая школьная действительность столкнется с радужной мечтой, делается особенно тяжело. И хочется поделиться с кем-нибудь своей тревожной думой.

* *
*

«Перед началом учебного года нам, школьным работникам, много обещали для улучшения работы: и пособий на 100%, и топлива. Но уже конец октября, а ничего нет. Между тем наступили морозы, дети зябнут, да и учителю нет возможности работать в холодной квартире. Правда, вик отпустил за 20 верст гнилого торфа по одному километру на топку, но за ним граждане не едут, так как он плохой.

С такими тревожными мыслями приходится сейчас заниматься, а уоно отписывается бумажками. Когда же будет положен всему этому конец и когда можно будет заниматься в теплой уютной школе?».

Вот о чем беспокоятся просвещенцы Курской губернии.

Больше всего допекает худое, холодное здание школы. Когда зябнут дети и учитель, тогда не до работы. Когда куда ни взглянешь—всюду валится, рушится, гниет,—руки отваливаются и пропадает всякая энергия.

«В Азербайджане имеется Кублисский уезд, а в нем ОНО, которое спит непробудно и видит приятные сны. Наступил 1927/28 учебный год, а здание школы не отремонтировано. В классе печки не держат тепла; в дверях, в потолке, в полу, в окнах—щели, через которые дует во время зимних холодных ветров и проходят дождевые капли. От этого в классе зимой невозможный холод, который препятствует правильному ходу школьных занятий. Крыльцо сгнило, сарай развалился,

у подвала нет дверей. Скоро ватер-клозет свалится. В школе нет ни веников, ни тряпок, ни мелу, ни ведра с кружкой для питья ученикам». (Закаменный.)

Или еще.

«Болдыревская школа Родино-несветаевского сельсовета, Черкасского рика, в которой обучается до 100 детей, помещается в глинобитном хлеву с маленькими окошечками, прогнутым потолком, подпертым тремя столбиками, и с земляным полом. Пол два раза в неделю смазывается коровьим навозом, смешанным с глиной. После перемен класс наполняется зеленою пылью. И вот в такой атмосфере-тумане необходимо вести работу втечение 6 часов, да еще по комплексам. Действительно, здесь наглядный, живой уголок природы. Мыслимо ли в такой атмосфере пробыть ребенку восьми—девяти лет долго? Конечно, он зачахнет. Учителя в этой школе ежегодно меняются». (Можейко.)

А бывает еще хуже—и здание есть, да не возьмешь его.

«Осень. Начинаются занятия. Школы должны работать, проводить комплексы, метод целых слов и т. д. Много говорили на конференциях просвещенцев, много слышали мы, и много надо делать. У всех полно энергии, желания работать. Но... нет помещения для школы. На бумаге школа как будто существует, в ней должны работать 8 учителей и 320 учеников. Учителя налицо, дети тоже, а здания нет. Здание под школой было частное, муниципализированное, а в июле 1927 г. постановлением КазЦИКа отдано хозяйке дома. Начинаются занятия во всех школах, а наша не работает, потому что хозяйка самовольно вошла в помещение и заняла два класса и сторожку, выселив оттуда сторожа в учительскую. Завшколой бегает, хлопочет в президиуме горсовета, уика, укома, а толку нет. Хозяйку не выселяют и помещения для школы не дают. Занятия всецело зависят от каприза хозяйки. Она закрывает школу на замок, дети приходят и толкутся у стен и под забором. Дело доходит до прокурора и милиции, замок, наконец, снимают, и школа работает. Но через несколько дней история повторяется сначала. Во второй раз, пока завшколой бегал хлопотать о снятии замка, хозяйка избила детей, которые пришли раньше 9 часов. Никаких мер не принято. Хозяйка попрежнему распоряжается, школа занимается в ужасных условиях, а работу с нее спрашивают». (Учитель.)

На отсутствие школьных зданий жалуются и из Воронежской губернии.

«В Новомеловатской волости детей школьного возраста не обслуживается и 60%. В огромной слободе с 8-тысячным населением имеется только 3 школы. Обслужить, конечно, большего процента детей они не могут. Точно такая же картина в слободе Семеновке. То же и в других волостях Воронежской губернии. А в огромных хуторах даже и ни одной школы нет. Например на хуторе Репяховка. Здания для школ имеются, имеется также школьный инвентарь и пр., но население тщетно просит вик об открытии школы. Дети в этих хуторах пребывают в темноте и невежестве, даже ликпунктов нет там. Только дети зажиточных крестьян ходят в соседнюю школу за 4 версты. Итти приходится через степь, овраги и леса».

Отсюда перегрузка.

«В имеющихся школах всегда детей больше, чем свободных мест. Вместо 40 человек в первую группу принимается 90. Брать приходится, потому что все равно для лишних школы не откроют. К тому же почти во всех школах имеется в большинстве случаев по одному и редко по два учителя. И приходится возиться одному с четырьмя группами в 200 человек. Нужно построить новые школы в районе,

нужно увеличить количество учителей, иначе дети останутся неграмотными». (Служащий.)

Часто на помощь учителю приходит школьный совет. Но обычно и он бьется напрасно, ибо денег нет. Товарищи из Костромской губернии рассказывают длинную историю хлопот, беготни и сутолоки. А в результате:

«Начался новый 1927/28 учебный год, а ремонта не сделано. Второго октября приехала вновь назначенная учительница, семейная. До нее была одинокая барышня, но от холода в школе сбежала. Сбежит, вероятно, и вторая. Невольно задумаешься, как же в этой школе будут заниматься». (Фотейкин.)

* *
*

Если так плохо обстоит дело со школьными зданиями, то еще хуже—с дровами. Казалось бы, не такое уж хитрое дело достать сейчас топлива для школ. Не 19-й год. Лесное хозяйство наладилось. Каждую весну пилят дрова, есть и лошади. Вози только. Но не тут-то было. Бывает и так, что вокруг школы леса дремучие, неуемные, а дети все-таки мерзнут.

Причины здесь разные: то вик не позаботился своевременно о дровах, то крестьяне волынку тянут с доставкой.

«Очень уж запаздывают с выдачей лесорубочных билетов»,—сокрушенно констатируют белорусские просвещенцы.

Жалуются и из других районов.

«Зима не ждет,—пишут Тюкалинские учителя,—уже на двор забежала, а у школы еще окна не все учинены, да и двери тоже. А тут и дров полена нет. Замерзаем. А в сельсовете ответ: «рик денег не дает; подождите, сбор сделаем дров—по возу со двора». И вот уже вторая неделя, как собирают, но воз и ныне там. А школы холодные. Мерзнут дети и учительницы. Нечего делать, прикрыли пока школы до подвоза дров. А дети этой школы—пролетарии, дети крестьян-бедняков. И все хлопоты школьного совета остаются без всяких результатов. Скажите же нам, сидящие здесь, в углу, как бороться за удлинение учебного года?»

Новомеловатские учителя всю вину взваливают исключительно на крестьян.

«Погода сейчас установилась хорошая, крестьяне освободились от работ—ехать бы можно за дровами для школы, но не хотят: «Чего так рано беспокоиться? И зимой по первопутку привезем»,—говорят крестьяне. И хотя бы бесплатно везти дрова, а то заработает каждый по 15 к. на пуде, и все никто не хочет. Разбогатели крестьяне, не нуждаются в копейках, а по сознательности обеспечить школу своевременно топливом никто не догадается. Убеждения школьного совета тоже не имеют результатов. Школа у крестьян Новомеловатской волости—на последнем плане. Не стыдно ли относиться так к школе и к своим детям, которые мерзнут в ней?» (Пешков.)

* *
*

Плохо работать в худой, разбитой школе, без ремонта, без дров. Не клеится как-то работа. Но не лучше бывает и тогда, когда нет под руками самых необходимых вещей, когда не знаешь, на чем писать, когда нет учебников, нет в школе никаких пособий.

«Неблагополучно в нашем районе с учебниками. В прошлые годы

недостаток этот объяснялся перегруженностью типографии Чувашгиза, а теперь творится что-то невообразимое. Чувашнаркомпрос сообщает, что первая партия книг передана для распределения Чебоксарскому уоно еще 11 июля, а вторая партия была отпущена отдельным уоно, согласно количества их школ. Но вот уже ноябрь, а книг этих ни одна школа района не получила. Волей-неволей приходится учить детей грамоте без букваря. Каждый день и час ждем приглашения райкультотдела для получения книг школе. Кто тут виноват, чья здесь халатность? А книги нужны дозарезу, ибо без книг с двумя группами заниматься совсем невозможно». (Акромавский.)

Но больше всего нервирует учителя несвоевременная доставка пособий для школ. Знаешь, что кто-то где-то заготовляет все необходимое, заботится, хлопочет, а ты никак не получишь вовремя. И только когда занятия развернутся вовсю, когда школа начинает приспосабливаться работать безо всего—являются пособия.

«Во многих районах Полоцкого округа все необходимое для школ заготовляют не в каникулярное время, а тогда, когда занятия уже начинаются. До настоящего времени почти ни одна из сельских школ округа не получила полностью того, что ей полагается по смете, и учителям по несколько раз приходится ездить в район за свой счет за мелом, карандашами, тетрадями, учебниками—и не получать их. Дают всего очень мало, и на всех учеников не хватает». (Ий.)

То же и в Брянской губернии.

«До сих пор Клинцовское уоно не научилось своевременно полностью доставлять учебники и пособия в школы. Еще 10 сентября на волконференции представитель уоно заверял честно: «Все учебники и пособия будут к 15 сентября. Открывайте занятия». В некоторых школах открыли, а тетрадей (про учебники пока и не мечтай!) нет как нет. Наконец 15 октября выдали по 2 тетради на ученика и по ½ карандаша. Хватило на две недели. А где же остальные? Кто виноват, кто прав—судить не нам, но видно и нынче получим мы учебники и пособия не раньше нового года. Впрочем, лучше поздно, чем никогда». (Просвещенка.)

Так же и во многих других губерниях и округах.

«Относительно учебных пособий тоже неважно,—пишут из других мест. В особенности для 3-й группы. Нет пособий и учебников, имеется только «Наш край» 8 книг и Шапошникова «Задачи по правописанию» 4 экз. Это на 32 ученика. Пособий для учителя тоже нет, нет и программ. Информируйте, как поступать в таких случаях». (Дильдина.)

* *
*

Ясно, что если школа не всегда вовремя и в достаточном количестве получает бумагу и книги, то еще хуже обстоит дело с необходимейшим школьным инвентарем. Где там думать о баках, топорах и лопатах, когда нет еще в школе карандаша! А эти «мелочи» тоже нужны для школы, и отсутствие их опять-таки тормозит работу и беспокоит всех, кто стоит близко к школе, кто знает, какую цену представляет для школы какое-нибудь несчастное ведро.

«Неужели Высоковский вик Угличского уезда, Ярославской губернии, не может озаботиться приобретением баков для кипячения воды для школ волости?—спрашивает т. Н. З.—В массах школ нашей волости нет еще баков, и ученики пьют холодную воду. Санитарные комиссии при осмотре школ указывают первым делом на этот недостаток и всю

нужно увеличить количество учителей, иначе дети останутся неграмотными». (Служащий.)

Часто на помощь учителю приходит школьный совет. Но обычно и он бьется напрасно, ибо денег нет. Товарищи из Костромской губернии рассказывают длинную историю хлопот, беготни и сутолоки. А в результате:

«Начался новый 1927/28 учебный год, а ремонта не сделано. Второго октября приехала вновь назначенная учительница, семейная. До нее была одинокая барышня, но от холода в школе сбежала. Сбежит, вероятно, и вторая. Невольно задумаешься, как же в этой школе будут заниматься». (Фотейкин.)

* *
*

Если так плохо обстоит дело со школьными зданиями, то еще хуже—с дровами. Казалось бы, не такое уж хитрое дело достать сейчас топлива для школ. Не 19-й год. Лесное хозяйство наладилось. Каждую весну пилят дрова, есть и лошади. Вози только. Но не тут-то было. Бывает и так, что вокруг школы леса дремучие, неуемные, а дети все-таки мерзнут.

Причины здесь разные: то вик не позаботился своевременно о дровах, то крестьяне волынку тянут с доставкой.

«Очень уж запаздывают с выдачей лесорубочных билетов»,—сокрушенно констатируют белорусские просвещенцы.

Жалуются и из других районов.

«Зима не ждет,—пишут Тюкалинские учителя,—уже на двор забежала, а у школы еще окна не все учинены, да и двери тоже. А тут и дров полена нет. Замерзаем. А в сельсовете ответ: «рик денег не дает; подождите, сбор сделаем дров—по возу со двора». И вот уже вторая неделя, как собирают, но воз и ныне там. А школы холодные. Мерзнут дети и учительницы. Нечего делать, прикрыли пока школы до подвоза дров. А дети этой школы—пролетарии, дети крестьян-бедняков. И все хлопоты школьного совета остаются без всяких результатов. Скажите же нам, сидящие здесь, в углу, как бороться за удлинение учебного года?»

Новомеловатские учителя всю вину взваливают исключительно на крестьян.

«Погода сейчас установилась хорошая, крестьяне освободились от работ—ехать бы можно за дровами для школы, но не хотят: «Чего так рано беспокоиться? И зимой по первопутку привезем»,—говорят крестьяне. И хотя бы бесплатно везти дрова, а то заработает каждый по 15 к. на пуде, и все никто не хочет. Разбогатели крестьяне, не нуждаются в копейках, а по сознательности обеспечить школу своевременно топливом никто не догадается. Убеждения школьного совета тоже не имеют результатов. Школа у крестьян Новомеловатской волости—на последнем плане. Не стыдно ли относиться так к школе и к своим детям, которые мерзнут в ней?» (Пешков.)

* *
*

Плохо работать в худой, разбитой школе, без ремонта, без дров. Не клеится как-то работа. Но не лучше бывает и тогда, когда нет под руками самых необходимых вещей, когда не знаешь, на чем писать, когда нет учебников, нет в школе никаких пособий.

«Неблагополучно в нашем районе с учебниками. В прошлые годы недостаток этот объяснялся перегруженностью типографии Чувашгиза, а теперь творится что-то невообразимое. Чувашнаркомпрос сообщает, что первая партия книг передана для распределения Чебоксарскому уоно еще 11 июля, а вторая партия была отпущена отдельным уоно, согласно количества их школ. Но вот уже ноябрь, а книг этих ни одна школа района не получила. Волей-неволей приходится учить детей грамоте без букваря. Каждый день и час ждем приглашения райкультотдела для получения книг школе. Кто тут виноват, чья здесь халатность? А книги нужны дозарезу, ибо без книг с двумя группами заниматься совсем невозможно». (Акромавский.)

Но больше всего нервирует учителя несвоевременная доставка пособий для школ. Знаешь, что кто-то где-то заготовляет все необходимое, заботится, хлопочет, а ты никак не получишь вовремя. И только когда занятия развернутся вовсю, когда школа начинает приспосабливаться работать безо всего—являются пособия.

«Во многих районах Полоцкого округа все необходимое для школ заготовляют не в каникулярное время, а тогда, когда занятия уже начинаются. До настоящего времени почти ни одна из сельских школ округа не получила полностью того, что ей полагается по смете, и учителям по несколько раз приходится ездить в район за свой счет за мелом, карандашами, тетрадями, учебниками—и не получать их. Дают всего очень мало, и на всех учеников не хватает». (Ий.)

То же и в Брянской губернии.

«До сих пор Клинцовское уоно не научилось своевременно полностью доставлять учебники и пособия в школы. Еще 10 сентября на волконференции представитель уоно заверял честно: «Все учебники и пособия будут к 15 сентября. Открывайте занятия». В некоторых школах открыли, а тетрадей (про учебники пока и не мечтай!) нет как нет. Наконец 15 октября выдали по 2 тетради на ученика и по ½ карандаша. Хватило на две недели. А где же остальные? Кто виноват, кто прав—судить не нам, но видно и нынче получим мы учебники и пособия не раньше нового года. Впрочем, лучше поздно, чем никогда». (Просвещенка.)

Так же и во многих других губерниях и округах.

«Относительно учебных пособий тоже неважно,—пишут из других мест. В особенности для 3-й группы. Нет пособий и учебников, имеется только «Наш край» 8 книг и Шапошникова «Задачи по правописанию» 4 экз. Это на 32 ученика. Пособий для учителя тоже нет, нет и программ. Информируйте, как поступать в таких случаях». (Дильдина.)

* *
*

Ясно, что если школа не всегда вовремя и в достаточном количестве получает бумагу и книги, то еще хуже обстоит дело с необходимейшим школьным инвентарем. Где там думать о баках, топорах и лопатах, когда нет еще в школе карандаша! А эти «мелочи» тоже нужны для школы, и отсутствие их опять-таки тормозит работу и беспокоит всех, кто стоит близко к школе, кто знает, какую цену представляет для школы какое-нибудь несчастное ведро.

«Неужели Высоковский вик Угличского уезда, Ярославской губернии, не может озаботиться приобретением баков для кипячения воды для школ волости?—спрашивает т. Н. З.—В массах школ нашей волости нет еще баков, и ученики пьют холодную воду. Санитарные комиссии при осмотре школ указывают первым делом на этот недостаток и всю

вину сваливают на завшколой. Но причем же тут завшколой? Ему уже надоело говорить об этом вику, а вик и в ус не дует».

Приходится изощряться и здесь и искать средства в самой школе и около нее.

«Нет посуды для воды. Просим в рике отпустить во временное поддержание самовар и чугун (у них на складе имеется 3 самовара и 5 чугунов, оставшиеся после ликвидации детского дома). Не дают, хотят с торгов продать. Учительница делает сбор среди учеников и набрали 2 р. 60 к., да сельский совет раздобрился на 10 р. Теперь есть ведро, бак и вешалка». (Н.)

Хорошая, хорошая школа. Светлая, уютная, теплая, богатая. И днем и ночью грезится она непоседливому советскому учителю. Но суровая действительность нет-нет да и обдаст его холодной водой. Не вяжутся грезы с фактами, не быстро налаживается жизнь, нет еще хорошей, уютной школы.

Но учитель не унывает. Верит он, что придет время—и разбогатеет его школа. Очистится она от грязи, заштопает старые дыры, веселей взглянет на деревню. Придут уют и тепло, появятся книги и пособия, весело и легко будет работать тогда.

Учитель верит. И не только верит, а сам изо всех сил старается приблизить это время. Суетится, бегает, хлопочет, просит, ругается, уговаривает...

И камень за камнем кладется новое здание. Крепнет школьное дело. Понемножку побеждается разруха, с каждым годом богатеет и наливается силами трудовая советская школа.

Мечта постепенно претворяется в жизнь.

А. МУРАВЛЕВСКИЙ.

„СТАРАЯ ШКОЛА БЫЛА ШКОЛОЙ УЧЕБЫ, ОНА ЗАСТАВЛЯЛА ЛЮДЕЙ УСВАИВАТЬ МАССУ НЕНУЖНЫХ, ЛИШНИХ, МЕРТВЫХ ЗНАНИЙ, КОТОРЫЕ ЗАБИВАЛИ ГОЛОВЫ И ПРЕВРАЩАЛИ МОЛОДОЕ ПОКОЛЕНИЕ В ПОДОГНАННЫХ ПОД ОБЩИЙ РАНЖИР ЧИНОВНИКОВ. НО ВЫ СДЕЛАЛИ БЫ ОГРОМНУЮ ОШИБКУ, ЕСЛИ БЫ ПОПРОБОВАЛИ СДЕЛАТЬ ТОТ ВЫВОД, ЧТО МОЖНО СТАТЬ КОММУНИСТОМ, НЕ УСВОИВ ТОГО, ЧТО НАКОПЛЕНО ЧЕЛОВЕЧЕСКИМ ЗНАНИЕМ. БЫЛО БЫ ОШИБОЧНО ДУМАТЬ ТАК, ЧТО ДОСТАТОЧНО УСВОИТЬ КОММУНИСТИЧЕСКИЕ ЛОЗУНГИ, ВЫВОДЫ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ НАУКИ, НЕ УСВОИВ СЕБЕ ТОЙ СУММЫ ЗНАНИЙ, ПОСЛЕДСТВИЕМ КОТОРЫХ ЯВЛЯЕТСЯ САМ КОММУНИЗМ“.

Н. ЛЕНИН.

СЪЕЗДЫ И КОНФЕРЕНЦИИ

ИТОГИ III ВСЕРОССИЙСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ ПО КРАЕВЕДЕНИЮ.

Если проследить рост обществ и кружков по краеведению и одновременно рост краеведных учреждений, среди которых музеи занимают одно из первых мест, то получится такая картина (ее ЦБК установило по анкетам):

За время	Обществ и кружков	Музеев
До революции	61	94
1917—1921 гг.	73	158
1922—1924 гг.	195	42
1925 г.	114	17
1026/27 г.	75	13
Итого	518	324

Отсюда можно сделать один из основных выводов, который сделала и III конференция по краеведению, согласившаяся с выводом Центрального бюро:

«Констатируя третью фазу развития краеведения СССР, т. е. переход от полосы стихийного роста краеведных организаций к укреплению уже возникших, от полосы организаций, мало связанных с практическими задачами местного государственного строительства и руководства, к более тесному объединению краеведческих организаций и учреждений с местными органами советского управления (губпланы, ОНО и отчасти профсоюзы) вплоть до получения от них некоторых средств из местного бюджета,— мы должны развернуть научно-методическую и организационно-инструкторскую работу в области краеведения»...

Как видно из приведенной выше таблицы, рост краеведных обществ и учреждений, достигнув в своем развитии ко II конференции (9—14 декабря 1924 г.) наивысшей цифры, начал все время уменьшаться. Вместо стихийного роста мы уже наблюдаем улучшение качества работы ранее созданных организаций и учреждений, а новые создаются там, где к этому имеются обоснованные данные.

В то же время III конференция должна была подчеркнуть и ту основную мысль, что краеведение после II конференции значительно приблизилось к практическим задачам мест в деле социалистического

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

НАРОДНОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ

ВОПРОСЫ
ПОЛИТИКИ И
ОРГАНИЗАЦИИ
НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ

ФЕВРАЛЬ

№ 2

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ НАРКОМПРОСА РСФСР

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — 1928 — ЛЕНИНГРАД

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

Ленинизм и проблема культурной революции (Речь тов. Бухарина на траурном заседании памяти В. И. Ленина) 3

ДЕСЯТИЛЕТИЕ КРАСНОЙ АРМИИ.

Р. Герчиков. **Красная армия — орудие просвещения** 21

З. Лилина. **К десятилетию Красной армии** 27

К СЪЕЗДУ ЗАВОНО.

В. Касаткин. **Организационные вопросы** 33

ПЛАНИРОВАНИЕ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ.

П. Григорьев. **Проблема всеобщего начального обучения** 38

И. Смирнов. **Народное образование в местных бюджетах автономных республик и областей РСФСР** 51

ПЕДОЛОГИЧЕСКИЙ СЪЕЗД.

Л. С. Выготский. **Итоги съезда** 56

Памяти В. М. Бехтерева *Л. С. Выготский* 68

ШКОЛА В ДЕРЕВНЕ.

С. Шацкий. **О работе деревенского учителя** 71

ШКОЛА ПОДРОСТКОВ.

Я. Акодис. **О работе с деревенскими подростками в 1926/27 г.** 82

КОНКУРС НА ЛУЧШУЮ СЕКЦИЮ СОВЕТА.

А. Просвирнин. **К конкурсу на лучшую культурно-просветительную секцию** 87

Б. Туманский. **Секция Моссовета** 89

ПО ПРОСВЕЩЕНСКИМ ЦЕХАМ.

В. Енютин. **На фронтах культурной революции** 95

А. Муравлевский. **Октябрьские сдвиги** 102

Школьная перепись 106

Мих. Бойцов. **На Дальнем Востоке** 111

В. Касаткин. **II Уральский областной съезд по народному образованию** . . 119

П. Мазуров. **О работе Ермолинской школы I ступени** 121

ЗА ГРАНИЦЕЙ.

П. Каган. **Системы народного образования Германии, Австрии и Франции** . 126

И. Перель. **По германским школам** 132

Н. Ильин. **Школьная политика и администрирование в Северо-Американских Соединенных Штатах** 140

БИБЛИОГРАФИЯ.

В. Чарнолуский. **Новые книги по народному образованию** 148

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

НАРОДНОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ

ВОПРОСЫ
ПОЛИТИКИ И
ОРГАНИЗАЦИИ
НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ

ФЕВРАЛЬ

№ 2

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ НАРКОМПРОСА РСФСР

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — 1928 — ЛЕНИНГРАД

ЛЕНИНИЗМ И ПРОБЛЕМА КУЛЬТУРНОЙ РЕВОЛЮЦИИ.

РЕЧЬ ТОВ. БУХАРИНА НА ТРАУРНОМ ЗАСЕДАНИИ ПАМЯТИ ЛЕНИНА.

— Товарищи! На сегодняшнем траурном заседании я хотел бы взять одну лишь тему: л е н и н и з м и п р о б л е м а к у л ь т у р н о й р е в о л ю ц и и. Я ее беру потому, что в настоящее время этот вопрос является одной из центральных, одной из главнейших проблем, которые стоят перед советской властью и перед нашей партией. Лучшим почитанием нашего великого учителя будет, если мы в день памяти о нем, от нас ушедшем, будем снова и снова приходить к нему для того, чтобы вновь и вновь почерпнуть силы из того учения, которое Владимир Ильич нам оставил. Ибо наша задача есть задача «изменения мира», задача, которая теоретически была сформулирована гениальным основоположником научного коммунизма Марксом. Нам приходится сейчас бороться и преодолевать трудности совершенно исключительного порядка, нам приходится жить и бороться в капиталистическом окружении. Это—противник, который, по сути дела, объявил нам войну не на живот, а на смерть. Это—враг сильный, уже вооруженный до зубов и все более вооружающийся. Буржуазно-капиталистическая наука и техника, организация капиталистического труда в настоящее время растут. Серийное и стандартизованное производство, электрификация, целый ряд новейших технических изобретений, жидкий уголь, улучшенное производство и подача газа, выделка искусственного волокна, которая занимает все большее и большее место в капиталистическом производстве и которая может быть по мановению правительственного жезла превращена в изготовку взрывчатых веществ; наконец, крупнейшие военные изобретения, самоуправляющиеся моторы на земле, под водой, на воде и в воздухе,—все это знаменует собою такое техническое «переоборудование» капитализма, при помощи которого наш капиталистический противник плотнее усаживается на свой трон. Военный и послевоенный кризис нанес ему глубокие кровоточащие раны; этот кризис еще не изжит; на горизонте вырисовываются буревестники новых катастроф. Но п о к а ч т о, в рамках еще неизжитого кризиса, наш противник укрепляется в основных центрах своей силы и своего могущества. Нам нужно совершенно отчетливо понять, что мы переживаем время состязания с этим еще могучим империалистическим противником. Ни на одну минуту, ни на одну секунду мы не должны упускать этого из виду. Нам суждено еще долгое время жить в кольце империалистских мечей. Нам суждена длительная борьба с этим «священным союзом» буржуазной контрреволюции, который не хочет и не может оставить нас в покое, ибо наш покой, наше строительство, наш мирный труд, наш рост нарушают «покой» империалистических царств.

Поэтому наше строительство и те задачи, которые мы решаем внутри страны, так тесно увязаны с вопросами «большой» международной политики и реально от этих вопросов неотделимы.

Наш противник борется с нами всеми родами оружия, наш противник борется с нами и на идеологическом фронте. Одним из важнейших орудий на этом последнем фронте является спекуляция на нашей технико-экономической отсталости, на нашей некультурности, на нашей еще неизжитой нищете. Все заправилы империализма и его певцы, все враги строящегося социализма, все ненавистники железа пролетарской диктатуры, все циники социал-демократии, все путаники мелкой буржуазии, все разъеденные сомнениями и скептицизмом и кукующие о нашей гибели,—все они спекулируют на нашей отсталости. На крайнем фланге стоят матерые вожди международного капитализма, а на другом конце этой цепочки—наши всевозможные «друго-враги», которые,—увы!—нередко заимствуют свое оружие из идеологического арсенала открытых противников социализма. Часто можно наблюдать, как какой-нибудь прожженный делец и идеолог капитала не без фальшивого пафоса вещает, что большевизм, это—«великая чума», великая азиатская болезнь, которая грозит хлынуть на Европу. Истошными голосами кликуш вопят о том, что большевизм несет с собой «гибель всей цивилизации и культуры». Некоторые из особенно ретивых, особенно усердных и особенно лицемерных империалистских крикунов, в первую очередь бывшие «властители дум» императорской России, перейдя все грани зоологического бешенства, договариваются до того, что считают советскую власть воплощением царства «диавола», «сатанократией». Так, распаляясь контрреволюционной злобой, пишет трубадур аристократии г-н Бердяев. Наши социал-демократические противники с усердием, достойным лучшей участи, распространяют злостную басню, будто мы, в полуазиатской стране, издревле привыкшей к восточному типу деспотии, создали режим, который ни капельки не отличается от режима Хорти и Муссолини. (В скобках замечу: когда некоторые молодые люди из троцкистской оппозиции ругают нас фашистами, они заимствуют целиком это отравленное оружие у своих социал-демократических единомышленников.) Вся социал-демократия утверждает, что мы, большевики, взялись за утопическое дело построения социализма, предполагающего большую культурность масс, и поэтому все наши «затеи» заранее обречены на неизбежный крах, на неизбежную гибель, как бы мы ни суетились и какие бы прекрасные лозунги мы ни придумывали. В великой исторической книге судеб предначертана наша гибель, ибо мы де пошли против железных законов истории. И отошедшие от нашей партии оппозиционные осколочки точно так же идут по этой же линии, когда утверждают, что гибель наша, если только нас не спасет немедленный взрыв в Западной Европе и власть пролетариата там, почти «предрешена». Так, нажимая на различные клавиши, люди разыгрывают одну и ту же мелодию.

Характерным является тот факт, что довод от отсталости, от некультурности приводится не только против нас, большевиков СССР, когда наша революция делает один успех за другим и одерживает одну победу за другой. Чрезвычайно характерно то, что примерно этот же довод приводился очень и очень давно противниками рабочего коммунистического движения вообще, которые критиковали самую цель коммунизма, «доказывая», что не может осуществить ничего хорошего класс некультурный, класс придавленный, класс-пария, который способен только разрушать, разнуздывать дикую стихию и который неизбежно возвратит общество чуть ли не к доисторическим временам.

Характерным является то, что даже полудрузья коммунистического движения не раз и не два, с самого зарождения коммунизма, в страхе отступали перед теми, которых они иногда сами же призывали в качестве спасителей от пороков современной капиталистической цивилизации. Такой крупный человек, такой великий поэт, как Гейне, человек, которого Маркс называл своим «другом», и который действительно находился в самых дружеских и интимно-близких отношениях с основоположниками научного коммунизма, писал о коммунистах и коммунизме незадолго до своей смерти (в 1854 г.):

> «Нет, меня одолевает внутренний страх художника и ученого, когда мы видим, что с победой коммунизма ставится под угрозу вся наша современная цивилизация, добытые с трудом завоевания стольких столетий, плоды благороднейших трудов наших предшественников».

И в следующем, 1855, году этот друг Маркса, революционный поэт Германии, одна из самых радикальных фигур германской общественности, совсем на пороге своей личной смерти, писал о коммунистах и коммунизме:

> «Со страхом и ужасом думаю я о той поре, когда эти мрачные иконоборцы станут у власти. Своими мозолистыми руками они без сожаления разобьют мраморные статуи красоты, столь дорогие моему сердцу. Они уничтожат все те безделушки и мишуру искусства, которые были так милы поэту. Они вырубят мою лавровую рощу и на ее место посадят картофель. Лилии, которые не сеяли и не жали и все же были так же великолепно одеты, как царь Соломон во всем его блеске, будут повыдерганы из общественной почвы. Розы, праздничные невесты соловьев, подвергнутся той же участи. Соловьи, эти бесполезные певцы, будут разогнаны, и—увы!—из моей «Книги песен» лавочник наделает мешочков и будет в них развешивать кофе или табак для старушек будущего».

Интересно отметить, что такая крупная фигура нашей общественности, впоследствии ставший членом нашей партии, как Валерий Брюсов, в 1904/05 г. написал очень красивое само по себе стихотворение, которое он назвал «Грядущие гунны», взяв эпиграфом лозунг: «Топчи их рай, Аттила!» «Аттила»—здесь псевдоним коммунизма; «рай»—буржуазный рай. Здесь мы читаем такие строфы:

> «Где вы, грядущие гунны,
> Что тучей нависли над миром!
> Слышу ваш топот чугунный
> По еще не открытым Памирам.
> На нас ордой опьянелой
> Рухнете с темных становий—
> Оживить одряхлевшее тело
> Волной пылающей крови.
> . . . . . .
> . . . . . .
> Бесследно все сгибнет, быть может,
> Что ведомо было одним нам,
> Но вас, кто меня уничтожит,
> Встречаю приветственным гимном».

Валерий Брюсов тех времен пел нам и нашему классу «приветственный гимн». Но оценивал наш класс, как «грядущих гуннов».

Вот эти настроения были чрезвычайно характерны не только для мелкобуржуазных филистеров, но и для лучших голов буржуазно-капиталистического мира, даже для тех, которые, в силу своих исключительных личных свойств, пытались выпрыгнуть из сетки буржуазно-капиталистической идеологии. Даже те, кто в коммунистическом рабочем движении предчувствовал нечто новое, исторически великое, что должно «волной пылающей крови» оживить «одряхлевшее тело» буржуазной культуры и цивилизации,—даже они видели в рабочем классе новых «гуннов», которые разнесут все в щепки, отдадут на слом все великолепные создания человеческого гения, засеют «элементарной» рожью новые поля, стерев предварительно с лица земли все наследие старой докапиталистической и капиталистической культуры.

С тех пор, как это писалось, прошло довольно изрядное количество времени. Утекло много воды и, пожалуй, еще больше крови. Это время, однако, своим железным языком сказало нам целый ряд истин, которые вряд ли подлежат сейчас сомнению для всякого мало-мальски мыслящего человека.

Оказалось, что цивилизацию и культуру, все завоевания ее и все ее ценности, которые напластовались втечение веков, ставят под нож, ставят под топор, ставят под угрозу гибели не мрачные коммунистические «иконоборцы», не гунноподобные воители коммунистического рабочего движения, а очень изящно одетые, «блестящие» и «великолепные» лейтенанты и генералы империалистских армий, вооруженных всеми приобретениями этой же цивилизации; еще более изящно одетые и лощеные дипломатические деятели христианнейших государств, с их утонченным языком, с их лайковыми перчатками, с их «благородными» заботами о боге и культуре, с их «благочестивыми» мыслями об убиении коммунизма; тузы банка и биржи, со всеми своими нежными и одетыми, подобно царю Соломону, «лилиями» как женского, так и мужского пола; их ученые, которые изощряют свой ум, свои знания, свои таланты, чтобы изобретать на потребу капитала наиболее смертоносные орудия разрушения материальных и духовных ценностей современной цивилизации; священнослужители, художники, литераторы и певцы, которые всеми способами, на разных языках обслуживают истребительную политику империализма.

В стальных осколках, в ядовитых газах, во вшах, в человеческом кале и крови грозит задохнуться «благородная» культура капитализма, готовая пожрать самое себя. И не мы, «мрачные иконоборцы» (как это к нам подходит!), несем эту гибель. Мы спасаем все, что есть ценного в этой культуре. Ее ставят под удар наши капиталистические противники. Это против них должен точить нож каждый честный человек, который способен размышлять над великими вопросами нашего времени.

Выяснилось и другое. Наша эпоха, наше время открыло всем и другую истину: выяснилось, что после периода временной разрухи мрачные «коммунистические иконоборцы» не только спасают все ценное, что остается от старого, но самым быстрым образом, быстрее, чем кто-либо, ведут огромную человеческую массу вперед по культурной дороге, создают великое массовое культурное движение, перепахивают трактором культуры вдоль и поперек огромную страну, вызывают к жизни не отдельные бриллиантовые ручеечки культуры, а громадный, широкий и глубокий поток массового культурного строительства.

И, наконец, третья истина раскрылась втечение этого времени. Перед нами распахнулись широчайшие перспективы творческого, строительного труда, перспективы, которых не знал и не мог знать капиталистический мир. В области хозяйства, в области работы среди масс, в области научного творчества, в области культуры вообще мы стали уже на пороге задач грандиозного масштаба, из маленьких комнатушек «камерной» культуры мы выходим на городские улицы и площади и шлем вестников культуры в села и деревни, во все медвежьи закоулки и уголки. Наша наука начинает все больше приводить в движение маховое колесо нашей практики. Она перестает быть занятием парочки кабинетных ученых; она уже непосредственно соприкасается с великими задачами хозяйственного строительства, от которого она—прямо или косвенно—получает свои теоретические задания. Рабочий класс лихорадочно быстро расширяет круг своей работы. Он поднимает к исторической жизни задавленные и замученные национальности, помогает братской рукой развитию их культуры, он ставит поэтому и перед наукой новые задачи. Он увязывает в одну огромную организованную систему хозяйственное строительство, объединяя все большую и большую часть народного хозяйства своим государственным планом и единством плановой цели. Эти задачи точно так же ставят перед наукой интереснейшие проблемы, совершенно неведомые для науки буржуазного мира. Рабочий класс, наконец, обращает сугубое внимание на самого человека, на его труд, на его здоровье. Это в свою очередь вызывает к жизни молодые побеги новых отраслей знания, ставит новые задачи, по новым направлениям сближает теорию и практику, науку и жизнь.

Так все более властно механика рабочей диктатуры вовлекает культуру в массовый всеобщий жизненный оборот, подчиняя обогащающуюся науку новым потребностям жизни и приводя в соответствие ритм ее развития с биением пульса всего великого исторического процесса. Все это весьма далеко от тех мрачных пророчеств, которыми занимались даже лучшие умы буржуазно-капиталистического мира, и от того унылого, соединенного с злорадством нытья, которым занимаются социал-демократствующие «критики», визгливыми голосами подлаивающие против пролетарской диктатуры. Правда, за период революционных битв очень много «лилий» было пообщипано. Но еще больше «лилий» было пообщипано и еще больше «соловьев» было разогнано под грохот пушек империалистической войны. Важно то, что если мы будем сравнивать разрушительную работу, которую обнаружил сам капитализм, с разрушительными сторонами революционного процесса, то мы можем с чистой совестью сказать, что мы с меньшими издержками творим дело, которое до конца подорвет возможность разрушительной работы лощеных варваров капиталистической цивилизации.

На первый план, с точки зрения культурной работы, рабочий класс и его партия поставили массу; не отдельных жрецов, не отдельные экзотические тепличные растения. Масса стоит у нас в фокусе нашей культурной работы, и центр тяжести ее лежит именно здесь.

Как смешны, жалки и неумны обвинения, выдвигаемые против победоносного коммунизма, все эти «аргументы от культуры»!

Не кто иной, как Владимир Ильич, этот бешеный революционер, этот великий разрушитель, этот полководец рабочего класса, ведший его на штурм капиталистических крепостей, дворцов и особняков, в своих последних статьях самым резким образом поставил культурную проблему, как центральную проблему нашей партийной и советской работы. Тов. Ленин с полным правом заявил, что после завоевания

и укрепления рабочей диктатуры коренным образом изменяется наша точка зрения на социализм. Он писал:

> «Эта коренная перемена состоит в том, что раньше мы центр тяжести клали и должны были класть на политическую борьбу, революцию, завоевание власти и т. д. Теперь же центр тяжести меняется до того, что переносится на мирную организационную, «культурную» работу. Я готов сказать, что центр тяжести для нас переносится на культурничество, если бы не международные отношения, не обязанность бороться за нашу позицию в международном масштабе. Но если оставить это в стороне и ограничиться внутренними экономическими отношениями, то у нас действительно теперь центр тяжести работы сводится к культурничеству».

Эту мысль во всей ее глубине и во всем ее историческом масштабе должен понять каждый член нашей партии, каждый рабочий, который хочет ясно усвоить цели своего класса и его исторического движения. В основных чертах эта мысль была намечена еще Марксом. Период рабочей диктатуры, период перехода от капиталистического строя к строю социалистическому и—далее—строю коммунистическому, может быть рассматриваем с особой точки зрения, а именно с точки зрения переделки самого руководящего класса, рабочего класса. В самом деле, мы можем процесс рабочей диктатуры рассматривать с точки зрения укрепления рабочей власти, мы можем его рассматривать с точки зрения развития хозяйственного базиса социализма, т. е. с точки зрения роста нашей социалистической промышленности, транспорта, того, что мы называем пролетарскими «командными высотами» или «социалистическим сектором» нашего хозяйства. Мы можем, однако, весь этот процесс рассматривать с точки зрения изменения природы рабочего класса. Мы можем рассматривать, другими словами, весь этот огромный всемирно-исторический процесс с точки зрения переделки масс, изменения их природы, и в первую очередь с точки зрения переделки самого пролетариата.

Маркс, как известно, писал, что в великих гражданских битвах, в битвах народов, наполняющих тот бурный период, который отделяет капиталистическое общество от коммунизма, рабочий класс переделывает свою собственную природу. Ленин, который ни на одну иоту не отступал никогда от марксистского учения, а лишь развивал и углублял его, рассматривал эту проблему «переделки масс» в качестве важнейшей, труднейшей и существеннейшей проблемы, которая стоит перед нашей партией.

Как ставил вопрос Владимир Ильич, когда он подходил к расшифровке понятия культурной революции?

Он говорил:

> «Перед нами являются две главные задачи, составляющие эпоху. Это—задача переделки нашего аппарата, который ровно никуда не годится и который перенят нами целиком от прежней эпохи; переделать тут серьезно мы ничего за пять лет борьбы не успели и не могли успеть. Вторая наша задача состоит в культурной работе для крестьянства. А эта культурная работа в крестьянстве, как экономическая цель, преследует именно кооперирование. При условии полного кооперирования мы бы уже стояли обеими ногами на социалистической почве. Но это условие полного кооперирования включает в себе такую культурность крестьянства (именно крестьянства, как громадной массы), что это полное кооперирование невозможно без целой культурной революции».

Когда мы читаем снова и снова эти строки, то невольно прежде всего набегает мысль: куда же девался во всей этой установке т. Ленина рабочий класс? Выдвинуты на целую эпоху (это нужно подчеркнуть: речь у Владимира Ильича идет именно об эпохе) две задачи: переделка госаппарата и поголовное кооперирование крестьянства. Для поверхностного «критика», всюду выискивающего «национальную ограниченность» и «крестьянский уклон», ничего бы не стоило объявить эти задачи эпохи выражением какого-нибудь «сподзания». Как же решается, однако, вопрос по существу? Когда т. Ленин говорит о переделке нашего государственного аппарата, то он этот вопрос берет в неразрывной связи с вопросом о культурном подъеме самого рабочего класса. Ибо что такое в самом деле государственный аппарат в СССР? Это—остов государственной власти. А что такое государственная власть в нашей стране? Это есть, говоря языком Маркса, рабочий класс, «конституированный, как государственная власть». Государство у нас—это есть самая широкая организация рабочего класса. Следовательно, переделка государственного аппарата—задача, которую т. Ленин устанавливал на эпоху,—является одной—и важнейшей—стороной нашей работы среди рабочего класса. По какой линии надо переделывать наш государственный аппарат? По линии борьбы с бюрократизмом, по линии воспитания рабочих масс, по линии обучения рабочих масс искусству управления. Переделка госаппарата—это есть в огромной степени культурная проблема. В своей речи о программе партии (VIII съезд) т. Ленин говорил:

> «Мы отлично знаем, как эта некультурность принижает советскую власть и воссоздает бюрократию. Советский аппарат на словах доступен всем трудящимся, на деле же он далеко не всем им доступен. И вовсе не потому, чтобы этому мешали законы, как это было при буржуазии: наши законы, наоборот, этому помогают. Но одних законов тут мало, необходима масса воспитательной работы,—чего нельзя сделать быстро законом, что требует громадного длительного труда».

Лишь понемногу рабочий класс «вызревает» в культурном отношении; он «вызревает» не сразу; он «вызревает» не всеми своими пластами одинаково, он «вызревает», если так можно выразиться, «по частям»: не все рабочие проходят через рабфаки и вузы; не все рабочие становятся красными директорами или советскими администраторами; не все в одинаковой степени близки органам советской власти и т. д. и т. п. Но, хотя по частям, все же рабочий класс поднимается со ступеньки на ступеньку. Когда его подавляющая масса будет прочно сидеть у рычажков управления, тогда бюрократия и бюрократизм умрут естественной смертью. Повышение культурного уровня рабочих есть поэтому предпосылка действительного улучшения нашего госаппарата.

Итак, весь огромный план Владимира Ильича, который беглыми, но очень четкими штрихами намечен в цитируемой статье, распадается на две огромных проблемы: первая—кооперирование крестьянских масс,

для чего нужна целая культурная революция; вторая—переделка нашего государственного аппарата и заполнение всех его пор культурно выросшими рабочими. Смычка между поголовно кооперированным крестьянством и костяком государственной власти, избавленным от ее бюрократических зол, костяком, представляющим собой действительно «конституированный, как государственная власть, рабочий класс», это и есть великая организационно-культурная задача эпохи. Для Ленина в центре всего, повторяю, стоит масса. У нас много лет тому назад (и в самой нашей партии, и около партии) была целая полемика по поводу культурных задач. Владимир Ильич выступал тогда со всем своим темпераментом, со всей революционной страстью и со всеми тяжелыми булыжниками своей подавляющей логики против ошибок, намечавшихся в наших рядах. Многие после Октября сразу хотели взвиться на пролетарские небеса, слишком увлекались, яростно и горячо дебатировали вопросы пролетарской культуры, готовили немедленную революцию во всех сферах науки и техники; некоторые мечтали создать пролетарскую культуру чуть ли не опытно-лабораторным путем. Владимир Ильич громил всеми родами оружия такую постановку вопроса. Почему? Теперь это более чем ясно. Он поступал, как дальновидный стратег. Он справедливо опасался, что люди увлекутся надуманными, лабораторно-узкими тепличными проблемами, отвернутся от массовых, неизмеримо более элементарных, но абсолютно насущных в своей элементарности культурных нужд. Вот почему «болтовне», «фразам» о пролетарской культуре он противопоставлял борьбу с такими вещами, как взятки, комчванство, безграмотность. Вот враг,—говорил он,—нужно бить по нему, сосредоточить таран ваших усилий именно здесь, и тогда что-нибудь да выйдет. Если мы будем замыкаться, если мы будем отъединять рабочий класс от массы или часть класса от всего класса, или какую-нибудь маленькую группировочку из пролетариата от ее социальной пуповины, то мы сделаем огромную и непростительную ошибку. Не в том дело, чтобы сразу же перевернуть все науки, а дело в том, чтобы взять на мушку элементарнейших врагов грамотности и культуры и их подвергнуть наиболее быстрому разгрому, эти задачи поставить на первый план, на этом концентрировать все внимание нашей партии и этого врага смертным боем бить.

В связи с этим Владимир Ильич ставил вторую задачу, а именно задачу взять все, что можно, от капитализма. Нельзя говорить «б», не сказав «а», нельзя переносить центр тяжести на революцию в области математики, биологии, физики, не решивши хотя бы на известный процент задач предварительных, элементарных, тех, которые вопиют к небу, тех, без решения которых можно свалиться и погибнуть. Вот почему Ленин с такой сокрушительной настойчивостью ставил задачу взять от капитализма все, что можно взять. На митинге в Ленинграде (в марте 1919 года) Ленин говорил:

> «Масса его (т. е. капитализм.—**Н. Б.**) раздавила, но от раздавленного капитализма сыт не будешь; нужно взять всю его культуру, которую капитализм оставил, и построить социализм; нужно взять всю технику, науку, знание, искусство,—без этого жизнь социалистического общества невозможно построить. А эта наука, техника, искусство в руках специалистов и в их головах».

Нужно вспомнить, что в то время значительная часть рабочих—да и членов нашей партии в том числе—не понимала всей необходимости этого, и нужна была железная воля и железная логика Ленина,

чтобы не дать «левой фразе» заесть живое дело правильной революционной политики, через сложнейшие зигзаги исторического пути выводившей пролетариат из лабиринта величайших опасностей.

Однако было бы абсолютно неправильным изображать дело так, будто бы Ленин считал необходимым простой перенос буржуазной культуры к нам во всей ее целости и неприкосновенности. Такой установки у него не было. Ленин неоднократно говорил, что надо заимствовать то, что полезно пролетариату, решительно отметая все вредное. Достаточно известно его отношение к религии, философскому идеализму, буржуазной общественной науке и т. д. Он неоднократно выступал против людей, у которых весь их головной зарядный ящик начинен буржуазными традициями. В частности есть даже его выступления, где он говорит, что в области искусства у нас оказалось много выходцев из буржуазного мира, которые под видом пролетарского искусства преподносят нам нечто «совершенно несуразное». Но Владимир Ильич, как гениальнейший полководец, умел распределять силы в зависимости от важности того или другого участка культурного фронта. А это есть одно из главнейших условий правильной политики вообще, культурной политики в частности. Ибо—по Ленину—наша «мирно-организаторская», «культурническая» и пр. работа не есть какая-то мирная идиллия, а есть особая форма классовой борьбы пролетариата за социализм. Даже тогда, когда Ленин говорил, что «коммунизм мы должны строить руками врагов» или что «хороший буржуазный специалист лучше десяти плохих коммунистов», он говорил не о чем другом, как об этой, особыми методами ведущейся, классовой борьбе.

С тех пор, как Ленин писал свои последние статьи, прошло уже изрядное количество времени. Каждый грядущий год будет говорить нам со все возрастающей ясностью, что у Владимира Ильича по каждому отдельному случаю будет оказываться все менее готовых рецептов. Ленинизм, однако, заключается отнюдь не в этих готовых рецептах. Владимир Ильич требовал от нас изучения того, что есть, во всей его конкретности, во всех особенностях. Владимир Ильич был чрезвычайно далек от мысли, что можно лозунги и мероприятия, которые мы предпринимали 2, 3 и 4 года назад, переносить на любое время. И если мы хотим действовать в духе Владимира Ильича, то мы должны отдать себе отчет во всех изменениях, которые произошли с тех пор, мы должны учесть, часть каких задач мы уже выполнили, часть каких задач нужно еще выполнить, как эти задачи расставить подругому, взять в иной пропорции, какие совершенно новые проблемы стали перед нами и т. д. Только так должны ставить вопрос ученики Ленина.

В цитировавшейся уже статье о кооперации т. Ленин писал:

> «Для нас достаточно теперь этой культурной революции для того, чтобы оказаться вполне социалистической страной, но для нас эта культурная революция представляет неимоверные трудности и чисто культурного свойства (ибо мы безграмотны), и свойства материального (ибо для того, чтобы быть культурными, нужно известное развитие материальных средств производства, нужна известная материальная база)».

Верными остаются эти положения? Конечно, верными. Но кое-какие количественные изменения все-таки с тех пор произошли. Мы сейчас не переживаем периода голодовки; мы, несмотря на чрезвы-

чайное напряжение нашего государственного бюджета и ряд крупнейших хозяйственных затруднений, все-таки всю нашу экономику и весь наш бюджет безусловно перевели с тех пор на гораздо более высокую ступень. То, что тогда могло звучать в значительной мере, как благое пожелание (увеличение материальных средств на культуру), сейчас становится для нас не только необходимостью, но и—в известной мере—такою необходимостью, которую мы, несмотря на целый ряд затруднений на других фронтах, все же должны удовлетворить. Если Владимир Ильич в одной из своих речей говорил о том, что нам нельзя скаредничать в деле просвещения, то это нужно повторить сейчас с гораздо большим заострением, ибо даже целый ряд вопросов хозяйственного строительства упирается сейчас в проблему культуры. Всем известно, например, что у нас есть целый ряд крупных недостатков в нашей работе по капитальному строительству: и просчетов, и халатности, и достаточного количества плохих проектов и т. д. и т. п. В конечном счете это есть вопрос нашей культуры; мы страдаем даже по непосредственно производственной линии оттого, что мы не всегда достаточно следим за западно-европейским и американским опытом; что мы желаем нередко открывать Америки, которые давным-давно уже открыты; что мы не научились еще достаточно хорошо считать, хотя это нам важнее, чем для капиталиста, потому что у нас хозяйство большего масштаба. Мы слишком дорого строим и потому, что у нас очень дорог материал, и потому, что мы применяем устарелые технические приемы, тогда как объективно возможна другая строительная техника. Но это только одна из очень многих сторон дела. Разве рационализация производства не упирается в проблему большей культурности нашего рабочего, нашего служащего, нашего инженера, нашего администратора? Разве плохая работа нашего аппарата и в городе и в деревне не связана с этим? Разве мы не подняли бы темпа увеличения мелких сбережений при более культурных привычках масс? Разве не шла бы успешнее борьба с бюрократизмом, который есть не только социальное зло, но и тормоз развития производительных сил нашего хозяйства? и т. д. и т. п. Словом, мы страдаем по непосредственной линии производства очень часто потому, что мы недостаточно еще культурны. Как-никак, однако, средства у нас в известном количестве теперь появились, и это есть очень крупное завоевание. Вспомните о том положении вещей, когда Владимир Ильич говорил, как о крупном успехе, о 20 млн., которые мы накопили. Теперь мы имеем дело с шестимиллиардным бюджетом. В этом отражается огромный прогресс, который совершило наше советское строительство.

Вовторых, мы разбудили и подняли активность народа в высочайшей степени—и пролетариата и крестьянства. Мы подняли и культурные запросы масс. Наш крестьянин и наш рабочий, это уже не крестьянин и не рабочий дореволюционного времени. Более того,—мы даже за четыре последних года видим огромнейший рост культурности нашего рабочего класса, культурности нашего крестьянина, повышения культурных потребностей масс. Один из деятелей среди крестьян и педагог, теперь член нашей партии, т. Шацкий, рассказывал мне, что даже в такой отсталой губернии, как Калужская, в деревнях у отдельных крестьян можно встретить свои библиотечки по 400—500 томов. Иногда «мужички» рассуждают о Толстом, Тургеневе и т. д. Разве было что-либо подобное до октябрьского пришествия коммунистических «гуннов»? Мы настолько расшевелили сейчас культурные потребности масс, что нам трудненько становится уже платить по векселям, которые мы выдали по этой линии. Поэтому совершенно естественно,

что наша партия, актив рабочего класса, наиболее передовые слои крестьянства должны изо всех сил подтянуться, чтобы этот растущий спрос широких масс удовлетворять.

Культурность масс поднялась и по линии элементарной грамотности. Культурность масс поднялась и потому, что страшно расширился кругозор масс вообще. Культурность масс небывало поднялась и по линии политического просвещения.

Если мы говорим о наших завоеваниях, то, я думаю, мы можем сказать, не погрешая против действительности, что в области политической сознательности, классовой сознательности такого пролетариата, как наш пролетариат, нет во всем мире. Пожалуй, даже можно сказать, что по политическому кругозору, который имеется и у нашего крестьянина, т. е. по степени его политической осведомленности в больших вопросах мировой политики, вряд ли он стоит ниже, чем гораздо более культурный в смысле своего хозяйства и пр. западно-европейский крестьянин.

Если мы возьмем эту область культуры, то мы можем сказать, что великая переделка масс, которая произошла за время революции (отчасти стихийно, отчасти сознательно через Красную армию, нашу политпросветительную работу, через весь механизм рабочей диктатуры) поставила эти массы политически в авангарде всех трудящихся мира.

Огромнейшая работа проведена среди рабочего класса, среди крестьянства. Огромнейшая работа проведена среди народов, которые раньше считались «инородцами». Этой стороной дела ни в коем случае нельзя пренебрегать. Она имеет значение гораздо большее, чем мы обычно думаем. Мы провели также значительную воспитательную работу среди наиболее отсталых слоев трудящихся, в первую очередь среди женщин. Всего этого нельзя было бы ни в коем случае достигнуть без диктатуры рабочего класса. Предварительным условием успеха был тот язык железа и стали, которым говорила рабочая диктатура в период гражданской войны.

Следовательно, мы можем сказать, что мы сделали очень значительные завоевания в работе среди масс. Мы сделали, однако, значительные завоевания и в работе над кадровым составом наших работников. Мы приобрели большие организационные навыки; мы приобрели большие знания; мы приобрели большой опыт. Разве мы теперь уже не выдвинули значительного количества наших собственных военных кадров? Выдвинули. Командный состав Красной армии, это—уже в значительной мере не старые специалисты, а квалифицированные силы, выдвинутые из социальных «низов». Костяк, скрепляющий всю армию, состоит уже из своего социального материала, из элементов, обработанных той великой политической машиной, имя которой есть рабочая диктатура. Мы уже начинаем выдвигать кадр наших техников. Мы по всей стране имеем кадр наших, уже сравнительно опытных администраторов, в первую голову из рабочих, прошедших суровую школу гражданской войны, борьбы с голодом, борьбы с нищетой. Эти люди сделаны из очень крепкого, очень добротного материала. Это—рабочие кряжистые передовики, в огне революции получившие не только великолепную закалку «плеч и рук, и голов», но и приобретшие огромнейший опыт, соединенный с известной теоретической выучкой. Они-то непосредственно и держат различные, большие и маленькие, рычажки нашего огромнейшего механизма: хозяйственного и политического, советского и партийного. Все они по своей административной культурности, по своему опыту, по своим знаниям, по своим навыкам, по своим культурным запросам

весьма далеко стоят от тех очень революционных, но мало опытных людей, которыми они вошли в период гражданской войны. Так обстоит в общем дело с нашими кадрами.

Но за последнее время мы начали ставить (и решать) также и те задачи, которые отодвигались В. И. на неопределенное будущее, ибо в то время их действительно нельзя было ставить. Таковы задачи, которые суммарно можно было бы назвать задачами научной революции, революции в науке, в ее методе, в ее системе. Несколько лет назад этого еще не было и не могло быть. А теперь эта задача не только ставится, но уже частично решается. В целом ряде наук, не только общественных, где марксизм давно уже имеет свою прочную гегемонию, но и в области естественных, происходит глубокая переделка: марксизм нащупывает свои позиции и там, запускает и туда свои щупальцы. Это чрезвычайно интересное явление, которое, к сожалению, чрезвычайно мало освещается в печати. У нас есть уже крупные биологи из старых ученых, которые с азартом обсуждают вопрос о марксистской диалектике в области биологии. Физика, химия, физиология захвачены тем же потоком. То же нужно сказать о рефлексологии, психологии, педагогике. Есть даже общество математиков, которые обсуждают вопрос о методах марксизма в математике. Все это показывает, что наш культурный рост добирается до самых высоких областей культуры, что марксизм, который орудовал винтовкой, политической пропагандой, хозяйственной борьбой, развернул свою работу решительно по всему фронту культуры, забрался во все этажи культурного здания, проник до самых «святая святых» прежней культуры, переделывая ее по своему образу и подобию. То же самое происходит и в области искусства. Не моя задача перечислять все новые и новые завоевания в этой области, но всякому беспристрастному человеку ясно, что новая литература, очень близко к нам стоящая, у нас в значительной степени уже народилась. Все могут отметить также, что текущий год есть год решительного перелома в нашем театре. Такие постановки, как «Мятеж», «Бронепоезд», «Любовь Яровая», «Разлом», совсем не случайны.

Разумеется, все это имеет огромное практическое значение. Если искусство начинает говорить более или менее нашим языком, и притом не заикаясь, не сюсюкая и не оглядываясь по сторонам, это означает, что значительные массы людей «заряжаются», «настраиваются» на революционный лад. Если естественные науки, не говоря уже об общественных, начинают переживать свою революцию, это значит, что они гораздо скорее станут орудием культурной и хозяйственной революции. Если широкие круги педагогов будут стоять на нашей точке зрения не «страха ради иудейска», а по убеждению, не формально, а по существу,—это значит, что новое поколение смелее пойдет за нами и скорее будет расти к социализму.

Таковы наши успехи и наши завоевания:

по линии переделки масс;

по линии переделки и выработки кадров;

по линии революции в науке и искусстве.

Выполнена ли тем самым наша «историческая миссия»? Конечно, нет. Мы сделали только первые шажки. Мы плаваем еще по горло в целом океане нищеты и бескультурья. И работы перед нами, работы бешеной и страстной, целые горы.

Правда, некоторые «культурные» наши враги, осененные все благодатью старого мира, предвещают нам быстрый конец за нашей, так сказать, «исторической ненадобностью». Так, например, пресловутый профессор Устрялов считает, что мы победили, потому что мы были по сравнению со всеми «белыми» людьми много более энергичными. Однако нам все же предстоит погибнуть по всем правилам устряловского гороскопа. Г-н Устрялов пишет про нас:

> «Железные чудища с чугунными сердцами, машинными душами, с канатами нервов... Куда же против них дяде Ване или трем сестрам?
>
> Куда уж нашим «военным» фронтам против них, против их страшных рефлекторов, жгучих конденсированной энергией!
>
> Разрушат культуру упадка, напоят землю новой волей,— и, миссию свою исполнив, погибнут от микробов своей опустошенности».

Г-н Устрялов предвидел, правда, кое-каких нытиков, начавших «внутренне опустошаться», в своей «опустошенности» начавших даже атаку против всего нашего дела. Но эти «микробы» были передвинуты на более северную зону. (Смех, бурные аплодисменты.)

Что же касается нашей «опустошенности», «опустошенности» нашей партии, то г-н Устрялов оказался пророком, поистине никудышным. Партия настолько «опустошилась», что рабочий класс на попытку «микробов» погомозиться в порах партийного организма ответил посылкой армии в сто тысяч бойцов, которые влились прямо от станка в коммунистические ряды. «Железные чудища» разгромили белых вовсе не потому, что Колчаки и Деникины были воплощением трех сестер (то, что они тоже кричали «В Москву! В Москву!», делало их мало похожими на провинциальных барышень: профессиональные вешатели, они имели и пушки, и иностранное золото!). «Железные чудища» разгромили их потому, что вели за собою массы, что опирались на пролетариат. И эти «железные чудища» не только не собираются помирать от каких-то дрянных микробов, а смело и твердо стоят и бьются с еще более возросшей энергией, с полным сознанием своей творческой миссии, на всех фронтах культуры, ведя массы к новым и новым победам и преодолевая со зверским упорством отчаянные трудности на своем пути.

Если мы сейчас спросим себя, что же нам нужно делать и какие главнейшие задачи на этом культурном фронте борьбы стоят в настоящее время перед нами, то мне кажется, на этот вопрос следовало бы ответить таким образом: в области культурного строительства нам нужно скорее изживать период, когда «старое» разбито, а «новое» еще не построено. Есть известная закономерность во всей нашей великой революции: и в области хозяйства, и в области политики, и в области культуры. Было время, когда мы разворотили старый хозяйственный аппарат, разбили его, когда старая дисциплина труда покачнулась. Мы разрушили эту старую дисциплину труда, но не сразу наладили новую. Мы разрушили старую систему хозяйства, старую систему управления, но не сразу построили новую. Так было и в области армии, в области военного дела. Старую армию мы разложили, и это нужно было сделать: нельзя ведь изготовить яичницу, не разбив яйца. Но не сразу мы добились организации Красной армии.

Так было в области государственного аппарата. Так сейчас происходит, еще происходит, в области культуры. Мы, например, буржуазно-мещанскую мораль уничтожили, мы ее по косточкам разложили, она сгнила у нас под руками, но сказать, что мы уже

построили собственные нормы поведения, такие, которые бы соответствовали нашим задачам, еще нельзя. Многие с презрением относятся к старой морали (и это хорошо), но своих норм еще не имеют, болтаются в каком-то безвоздушном пространстве без узды. Это—очень плохо, и от этого мы терпим величайший урон.

В области быта, в области норм, регулирующих отношения между людьми, в области искусства и в целом ряде других областей, которые по существу дела и составляют то, что называется «духовной культурой», мы еще не «построились», а в некоторых областях у нас нет еще и чернового чертежа постройки. Это имеет часто весьма крупное отрицательное значение. Всем известны соответствующие примеры из самых различных сфер быта и общественной жизни вообще: разрушенная (и поделом разрушенная) старая семейно-половая «мораль», но еще очень слабое воздействие вырабатывающихся новых норм поведения в этой области; отсюда, из такого промежуточного положения, вытекают некоторые уродливые и в высокой степени отрицательные черты нашего быта; разрушенная старая идеология «двадцатого числа» у служащих и чиновников, но отнюдь не вколоченная еще со всей необходимой силой идеология работы для трудящихся, уважения к «просителю», особливого уважения к трудящемуся «просителю», бережливого отношения к государственным средствам и т. д. и т. п.; прежний «идеал» послушного начальству подданного мы разнесли в щепки, но сказать, чтобы в жизни—и в массовом масштабе—мы воспитали уже тип сознательного общественника, борца на всех фронтах строительства, преследующего и шкурника и подхалима,—этого сказать еще нельзя. Мы только идем к этому, но сделали лишь первые шаги. Вся проблема рационализации не только производства, но и быта стоит перед нами именно как проблема, как задача, которую еще только нужно решать, или, вернее, начать решать. Здесь нам нужно подтянуться, идет ли речь о массах или о кадровом составе, или даже о «верхушечных» руководителях. Здесь мы не только не доделали еще нашего дела: мы еще часто не заложили даже фундамента. Таким образом, если мы говорим о некоторых общих задачах, которые перед нами стоят в этой области, то мы можем сформулировать их так: мы должны скорее изживать остатки промежуточного положения, когда старое разрушено, а новое еще не построено. Исходя из этой установки, мы должны поставить перед собою целый ряд задач по отношению к массе—вопервых, по отношению к кадровому составу, который является передовым слоем этой массы,—вовторых, даже по отношению к самым квалифицированным руководящим слоям—втретьих. Если речь идет о массе, разумеется, перед нами стоит еще в качестве основной задачи задача возможно быстрее итти вперед по линии элементарной грамотности. В высокой степени неправильно,—а это иногда бывает,—когда «сокращают» избы-читальни, библиотеки, даже школы. «Скаредничать» здесь теперь прямо недопустимо; воспитывать «цивилизованных кооператоров» без расширения сети образовательных учреждений нельзя. Возможно шире мы должны поставить и заботу о здоровьи массы, в частности развернуть борьбу с алкоголизмом и сифилисом. Только безграмотные и действительно некультурные люди могут проходить мимо этих задач. Недавно я просматривал книгу одного немецкого профессора, Бумке, под названием «Культура и вырождение», появившуюся и на русском языке. Бумке целым рядом данных доказывает, что в послевоенный период особенно подрывают дееспособность масс именно алкоголь и сифилис, а у нас это особенно сильно чувствуется. Борьба с алкоголизмом, организация действительно разумных развлечений, надлежащая постановка кино и радио, всемерное развитие физкультуры,—все это должно быть нашей задачей.

Нам необходимо далее из всех сил учить широкие народные массы рационализации хозяйства и уменью правильно считать. Это годится не только для рабочего класса, но и для крестьянства. Тов. Шацкий провел, например, обследование целого ряда крестьянских дворов и пришел к совершенно неоспоримому выводу, что, несмотря на низкий уровень бюджета, можно было бы—даже в рамках этого бюджета—достигнуть много большего производственного эффекта. Приводились примеры точных обследований крестьянских бюджетов и соответствующих расчетов, которые были через школьников розданы крестьянам и произвели сильное впечатление. Эти расчеты наглядно показывают, как даже в рамках обычных бюджетов крестьянское хозяйство может прыгнуть на ряд ступенек выше. Далее следовало бы подумать о целом ряде мероприятий, которые помогли бы крестьянину заботиться не только о его дворе, а, скажем, о целой волости, волостном бюджете, т. е. о хозяйстве «общественном». Мы ведь должны держать курс на то, чтобы эти волости превращались в составные части того, что Ленин называл «государство-коммуна». Вопрос о бюджете рабочего, о его семейном бюджете, вопрос об участии его в производстве, о более прочной заинтересованности в ходе производства, о более сознательном и социалистически-культурном отношении к этому производству есть один из крупнейших вопросов нашего хозяйства. Но нужно двинуть и дело рационализации быта. Нужно сказать, что мы еще в высокой степени некультурны, в особенности по сравнению с теми задачами, которые стоят перед нами. Мы иногда пальцем о палец не можем ударить, чтобы исправить мелочи, от которых многое зависит. Вопрос о развлечениях, клубах, радио, кино; вопрос о банях, прачечных, хлебопекарнях, школах и библиотеках; целый ряд других «житейских», «бытовых» вопросов нередко «решается» так, что мы нарисуем хорошую картину общих «заданий», «планов», «установок», а приведение всех этих пожеланий «во исполнение» двигается чрезвычайно медленно. Между тем еще Ленин отмечал, что наша пропаганда должна быть пропагандой показа, примера, делового выполнения, а не той «политической трескотней», которая в свое время была полезна, а теперь в значительной мере устарела. Есть целый ряд указаний на то, что наша работа весьма бы выиграла, если бы мы формы теперешних ревизий и бумажной отчетности заменили хорошим инструктажем. Реальная практическая помощь не разочаровывала бы ни крестьянина, ни рабочего, ни трудящегося вообще, тут чувствовалось бы настоящее, живое дело, а не бюрократическая волокита. Вот, примерно, главные задачи, которые стоят перед нами, поскольку речь идет о массах.

Эти задачи не могут быть, однако, решены, если мы не подтянем наш кадровый состав. Один крестьянин дал весьма выпуклую формулировку наших недостатков, когда сказал: «Стремительных людей у вас, коммунистов, много, а делопроизводительных людей мало». (Смех.) Это в значительной степени правильно. «Стремительность» заключается в том, что мы с большой быстротой что угодно «намечаем» и «планируем». Но проверки исполнения (а сколько раз эту задачу подчеркивал Владимир Ильич!) у нас еще нет. Между тем именно практическое выполнение принятых хороших решений есть наилучший способ пропаганды примером. Внимание к практическим вопросам хозяйства и куль-

туры в деревне, помощь на практике даже в мельчайшем «вопросике»—убедительнее, лучше, чем целые горы «политической трескотни». Вот этот вид пропаганды и этот вид работы необходимо выдвигать на первый план. Но есть также многие элементарнейшие «добродетели», которые нашему кадровому составу практически мало известны, очень мало еще въелись в плоть и кровь. Весьма и весьма полезно напоминать те простые лозунги, которые Владимир Ильич ставил во главу угла для строительного периода: знай счет деньгам, веди экономно хозяйство и т. д. Этого в значительной мере у нас еще нет. Если бы эти необходимейшие свойства действительно были усвоены нашими кадрами, разве были бы у нас такие просчеты, какие есть теперь? Их не было бы. «Будь аккуратен», это—тоже весьма и весьма элементарное правило. Но разве можно сказать, что наш кадровый состав усвоил себе это правило, что наш кадровый состав на сто процентов аккуратен? Этого сказать никак нельзя: еще до сих пор сидят в нас остатки истинно-русской растяпистости. Нужно учиться еще большей быстроте ориентации, еще большей исполнительности, еще большей деловитости. Нужно воспитывать в себе чувство массы, чувство связи с массами, чувство постоянной и непрерывной заботы об этой массе, всюду и везде, сидишь ли ты в кабинете треста, синдиката, профсоюза, горсовета, губкома или укома. Необходимо воспитывать еще и еще чувство ответственности: у нас нередко бывает, что в силу нашей организационной неразберихи совершенно неизвестно, кто и за что отвечает. Воспитание этого чувства ответственности, ответственности перед нашим классом, ответственности перед нашим государством, ответственности перед самим собой, это—тоже одна из культурных задач. В некоторых прослойках нашей партии имеются некоторые тенденции самодовольного почивания на лаврах: из голода, мол, вылезли—и слава богу! Это бюрократическое самодовольство нужно всячески громить, ибо психология самодовольства есть небольшевистская, некоммунистическая психология. С ней мы далеко не уедем. Нужно со всей энергией поставить перед каждым работником, перед каждым настоящим, верным солдатом нашей партии этот вопрос. Пока мы живем,—никакого успокоения, никакого душевного «жирка»!

Нам необходим, далее, подъем специальных знаний в нашем кадровом составе. Мы имеем тут целый ряд прорех. Например, у нас очень мало средних техников, наши новые инженеры недостаточно квалифицированы. Средних техников, средних агрономов—вот этого персонала у нас чрезвычайно мало. Очень часто наши партийные работники, которые незнакомы с целым рядом конкретных практических вопросов, требующих специальных знаний, не могут выполнять теперь и своих партийно-политических функций, ибо теперь ни крестьяне, ни рабочие не могут удовлетвориться такого рода политическим руководителем, который говорит о Чемберлене, но не понимает ничего ни в крестьянском хозяйстве, ни в агрономии, ни в технике. Члены нашей партии не только правят, но и управляют, не только намечают «линию», но и практически ее проводят: они являются не только «политиками вообще», но и администраторами. Раз этот так, то эти работники должны обладать с каждым годом все большими и большими знаниями по целому ряду вопросов. И здесь нужно наряду с подъемом этих знаний, с возрастанием чувства ответственности перед массой обратить особое внимание на так называемую проблему «мелочей».

Попробуем произвести такой опыт: вырезываем из отделов «рабочей жизни», из соответствующих корреспонденций с фабрик, заводов и т. д.,—корреспонденций, помещенных в «Экономической жизни», в

«Труде», в «Гудке», в «Правде», «Рабочей газете» и т. д.,—замечания относительно всяких недостатков и безобразий. Попробуйте теперь проанализировать эти различные недостатки, и вы придете к заключению, что $^{9}/_{10}$ различных безобразий не вытекает из «объективных условий», а могут быть устранены при внимательном отношении к делу. Если среди рабочей массы есть значительные остатки несознательного отношения к государственным интересам, то, с другой стороны, мы имеем дело с некультурностью наших управляющих кадров, в том числе партийцев. Если у рабочего, который работает непосредственно на производстве, бывает иногда психология халатности, то у кадровиков частенько встречается желание «как-нибудь» обойтись («живали и хуже, как-нибудь проживем и теперь», «не так уж все плохо» и т. д.). Это—гнилая психология. Каждый руководитель—и в первую голову коммунист—должен быть примером пионера культуры, самым внимательным образом вылавливающего все недостатки и решительным образом их исправляющего. Ни одна мелочь не должна считаться мелочью, которая лежит вне сферы нашего внимания. Таких «мелочей» не должно быть. Из этих мелочей составляется «быт». Эти мелочи могут стать даже политическим фактором. Сонливое, обломовское отношение к этим «мелким» недостаткам есть чума, которую мы должны раздавить и уничтожить. Мы должны изо всех сил нажать на всех наших работников, профсоюзных, советских, партийных, которые имеют непосредственную связь с массами. Тот не коммунист, кто относится к этим вопросам «спустя рукава». Эта халатность, это невнимание к непосредственным нуждам масс легко перерастает в гнусный бюрократизм, в самодовольство чиновника. Это есть варварство, которое мы должны уничтожать всеми средствами. Нужно сказать всем нашим работникам, что нельзя воспитывать массу, нельзя требовать от массы, чтобы она поднималась на все более и более высокую ступеньку трудовой культуры, если ты сам подаешь пример бюрократической самовлюбленности и самодовольства. Необходимо прислушиваться к каждому критическому замечанию со стороны массы, а не объявлять всякую критику антисоветским выступлением, как иногда делают злостные дураки или бюрократические самодуры.

Что касается еще более «высоких», руководящих кадров, то здесь нужно выдвинуть, примерно, такие задачи: большее знакомство с опытом Запада и Америки, большее продумывание наших крупных хозяйственных и всяких иных планов и маневров, разработка целого ряда научных вопросов по специальным линиям, периодические объезды СССР. Мы говорили неоднократно, что задачей коммунистов является революционность и деловитость, революционность и американизм. Но что такое революционность? Революционность, это есть соподчинение каждого шага основной революционной идее, в наших условиях—идее международной революции, с одной стороны, строительства социализма,—с другой. Революционность предполагает не только такую умственную, интеллектуальную, установку. Революционность предполагает и определенную настроенность, революционную страсть, революционный оптимизм. Революционность предполагает определенную веру в свое дело, революционность предполагает отрицание нытья, пессимизма, уныния и всякого гнилья. Это гнилье в корне противоречит всякой понастоящему революционной установке. Класс восходящий не может сочувствовать или быть связанным так или иначе с гнилой упадочной психологией. Наш оптимизм нельзя, конечно, смешивать с глупым оптимизмом, который утверждает, что все на свете есть благо: у Вольтера был такой герой, Панглос, который

и в случае землетрясения и в случае весьма неприятной болезни утверждал, что «все к лучшему в этом лучшем из миров». Мы не можем стать и на точку зрения какого-нибудь блаженного Августина, который утверждал, что господь-бог создал «зло» только для того, чтобы лучше оттенять «добро». Мы—не Панглосы и не блаженные Августины. Но мы должны решительно бороться со всякими проявлениями перерождения, упадка, разложения, проявляются ли они в литературе (есенинщина), в политике, в быту,—где угодно. Естественно, что класс восходящий только тогда может выполнять стоящие перед ним задачи, творить свое великое дело, когда он полон веры в свои собственные силы и в то дело, которое он делает. Бывали в истории нашей революции очень тяжелые времена. Но наша партия потому и вышла победоносно из этих тяжелых времен, что она была несгибаемой партией и никогда, ни при каких условиях не теряла веры в свое великое дело. В этом отношении ее вождь, Владимир Ильич, был образцом нового человека-борца. У одного из величайших поэтов, у бельгийского поэта Верхарна, есть замечательное стихотворение, которое называется «Трибун», где почти каждое слово может быть отнесено к Владимиру Ильичу, этому железному вождю пролетарских масс:

Что смерть ему? Свое предназначенье
Он выполнил—земное свершено...
. . . . . .
И покидая жизненную сцену,
Он знает: кто-нибудь придет ему на смену.
Он юных духом вел с собой
Завесу поднимать над будущим счастливым.
Не он смутится временным отливом,
Всегда сменяющим стремительный прибой.
Его душа жила в грядущем так далеко,
Как только мог проникнуть взор
В его неведомый простор.
Не всем дано вместить крылатый жест пророка;
И все же мысль его оделась в кровь и плоть;
Он жизнь сумел согнуть и побороть.
Он выпрямил ее в порыве к формам новым,
Открытым в первый раз умом его суровым.

Владимир Ильич «умом своим суровым» открыл «новые формы» нашего общественного бытия. Это закреплено в лозунге, ставшем лозунгом всемирной революции: власть советам! Владимир Ильич поднял перед всеми нами завесу нашего будущего, и Владимир Ильич показал в то же время образец человека, который, несмотря ни на какие препятствия, ни на какую даже самую тяжелую обстановку, не выпускал революционного знамени и, как вылитый из стали, шел к своей цели. Мы ясно видим, какие громадные всемирно-исторические перспективы раскрываются перед нами. Земля дрожит уже отдаленными гулами великих революций, которые превзойдут по своему размаху даже то, что мы пережили и перечувствовали. Гигантские массы приходят в движение, все больше и больше в нашей стране распахиваются ворота к дальнейшему великому творчеству. Когда мы читаем глупые строки, продиктованные страхом перед «дикими гуннами», когда «цивилизованные» мясники международной буржуазии обвиняют нас, строителей новой жизни, в «варварстве», мы можем с полной совестью сказать: мы создаем и мы создадим такую цивилизацию, перед которой капиталистическая цивилизация будет выглядеть так же, как выглядит «собачий вальс» перед героическими симфониями Бетховена. (Бурные, продолжительные аплодисменты.)

„Известия ЦИК СССР и ВЦИК".

ДЕСЯТИЛЕТИЕ КРАСНОЙ АРМИИ

КРАСНАЯ АРМИЯ—ОРУДИЕ ПРОСВЕЩЕНИЯ.

„Старая армия служила орудием классового угнетения трудящихся буржуазией. С переходом власти к трудящимся и эксплоатируемым классам возникла необходимость создания новой армии, которая явится оплотом советской власти в настоящем, фундаментом для замены постоянной армии всенародным вооружением в ближайшем будущем и послужит поддержкой для грядущей социальной революции в Европе".

(Из декрета о создании Красной армии, опубликованного 23 февраля 1918 года.)

На полях сражений, под пушечный гул, в кровавых схватках с многочисленными врагами родилась, росла и крепла Красная армия. Этапы исторического развития Красной армии—это этапы борьбы революционного пролетариата с царем, капиталистами и помещиками. Еще в 1902 году вождь нашей партии т. Ленин в своей работе «Две тактики» писал о том, что на очереди дня стоит вопрос о вооруженном восстании, к которому надо практически готовиться. В 1905 году начинают создаваться первые вооруженные силы революции—рабочие боевые дружины и революционные ячейки в войсках царской армии. Впервые рабочий класс приобретает опыт вооруженной борьбы. На основе этого опыта рабочий класс организует после Февральской революции 1917 года свои отряды и дружины—Красную гвардию.

К великим дням Октября вооруженные отряды пролетарской Красной гвардии насчитывают несколько десятков тысяч рабочих. Одновременно кое-где организуются вооруженные отряды батраков и деревенской бедноты. Благодаря энергичной работе коммунистической партии создается значительная большевистская прослойка среди солдат старой армии. Крестьяне, одетые в серые шинели, вовлекаются в союз с рабочим классом. Вот такова была та вооруженная сила, на которую опиралась наша партия в дни Октябрьского переворота. С ней она пошла в бой с армией Керенского и его генералами.

15 января 1918 года издается декрет о создании Красной армии. Впервые в истории человечества создается новая армия—армия борьбы за социализм, армия—щит трудящихся и меч угнетенных. В борьбе с российской контрреволюцией и иностранными интер-

Выяснить и, если можно, представить в диаграмме, сколько красноармейцев в вашем селе и в соседних селах состоят членами советов, членами кооперации, комитетов взаимопомощи, членами школьных советов, членами Осоавиахима, членами ВКП(б) и ВЛКСМ, выяснить, являются ли красноармейцы агитаторами за многополье, за отбор семян, за введение сельскохозяйственных машин, за трактор и т. п.

Пункт седьмой — проведение праздника — заключается: а) в подготовке выставки, б) в убранстве школы или здания, в котором будет происходить празднование десятилетия Красной армии, в) в подготовке к докладам, г) в привлечении солдат царской армии и красноармейцев, участвовавших в гражданской войне, к празднику своими рассказами о жизни в армии и воспоминаниями о боях, д) в организации хора, декламации, организации спектакля или чтения отрывков из художественной литературы о войне империалистической и гражданской.

Нами уже было указано, что доклады о Красной армии должны чередоваться с номерами пения, декламации, художественного чтения или художественного рассказа.

Для более подробного ознакомления с историей Красной армии указываем следующие книги.

Что читать о Красной армии и гражданской войне

Анашев, Повесть о Красной армии, Гиз. Таль, История Красной армии. Гиз, 1 р. Платонов, Пороховые погреба (террор Врангеля), изд. „Мол. гвардия". Фурманов, Чапаев, Гиз. Фурманов, Красный десант, Гиз. Федорченко, Народ на войне. Либединский, Неделя, Гиз. Бабаев, Красные орлы. Демьян Бедный, Стихотворения о войне, Гиз. Григорьев, Тонькин танк, Гиз. Григорьев, Паровоз Э-т 5324, Гиз. Григорьев, Красный бакен, Гиз. Кравченко, Как Саша стал красноармейцем, Гиз. Владимиров, Шахта изумруд; Гиз. Громов, За крестами. Гиз.

Старая армия в литературе.

Куприн, Поединок. Гаршин, Денщик и офицер. Станюкович, Морские рассказы. Барбюс, В огне. Барбюс, Свет. Барбюс, Песня. Гаршин, Из записок рядового Иванова. Гаршин, Трус. Семенов, Порт-Артур. Вересаев, На войне. Засодимский, От сохи к ружью. Гаршин, Черные дни.

З. ЛИЛИНА.

„МЫ ГОВОРИМ СЕБЕ: ВЗЯВШИСЬ ЗА НАШЕ МИРНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО, МЫ ПРИЛОЖИМ ВСЕ СИЛЫ, ЧТОБЫ ЕГО ПРОДОЛЖАТЬ БЕСПРЕРЫВНО. В ТО ЖЕ ВРЕМЯ, ТОВАРИЩИ, БУДЬТЕ НА ЧЕКУ, БЕРЕГИТЕ ОБОРОНОСПОСОБНОСТЬ НАШЕЙ СТРАНЫ И НАШЕЙ КРАСНОЙ АРМИИ".

В. И. ЛЕНИН.

К СЪЕЗДУ ЗАВОНО

ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ВОПРОСЫ [1]

Коллегия НКП постановила созвать 5 апреля 1928 г. съезд заведующих краевыми и губернскими отделами народного образования. Чем вызвано это решение? Есть ли необходимость в таком съезде в 1928 г.?

Практика работы и развитие дела народного образования, в особенности за последний год, выдвинули ряд неотложных проблем, по которым нужна полная договоренность центральных и местных руководителей просветительной работой.

Если брать вопросы в порядке их принципиальной политической важности, то на первом месте нужно поставить организационный вопрос. Реорганизация аппаратов ОНО поставила его со всей остротой. Острота этого вопроса еще усилена методом проведения реорганизации и ее результатами. Календарное совпадение реорганизации и осеннего общего сокращения штатов и административных расходов (по существу они могли бы и не совпадать) привело к искажению правильной идеи. Мыслилось, что экономия, полученная от некоторого (разумного) сжатия аппаратов краевых, губернских, окружных и уездных ОНО и числа волполитпросветорганизаторов, вся будет брошена на организацию участковой (районной) инспектуры соцвоса (1 инспектор на 60 учреждений) и политпросвета (1 инспектор на 2 волости) и на увеличение командировочных сумм. Этим достигнуто было бы усиление низового руководящего аппарата, приближение его к массовым учреждениям и фактический (а не бумажный, не номенклатурный) перевод всех аппаратов ОНО на инспекторские рельсы. Такова была установка для реорганизации. Практика исказила ее до неузнаваемости. Аппараты ОНО сжали в среднем на 29,9% (колебания от 19 до 46%). По соцвосу сокращение достигает в среднем 30,6%, по профобру—29% и по политпросвету—27%. А если принять во внимание, что и существовавшие до реорганизации штаты не были чрезмерными, то станет ясным, что здесь, что называется, хватили через край. В качестве прискорбных курьезов приведем два только факта: Рязанский губоно сокращали два раза и дошли до 23 человек. В декабре ГИК решил сократить его в третий раз—уже до 17 человек. До такого «рекорда» не дошла, к счастью, ни одна другая губерния, но многие близки к нему. В Орловской губернии в двух уездах уоно сократили до 2 человек и, так как очевидна бессмысленность существования двухчеловечных отделов, их решили (вопреки постановлению ВЦИК) слить с аппаратом уиков. Это тоже единственный в своем роде случай, но на грани такого же почти сокращения уоно стоят многие губернии. Вывод: в погоне за сокращением не только забыли

[1] В порядке дискуссии.

смысл реорганизации, но и перешли пределы, за которыми начинается разложение аппарата (ведь ясно, что два человека, сидящие в уоно Орловской губ., не могут руководить и будут даром есть советский хлеб. Проще было бы ликвидировать их вовсе, а не возлагать на них бремя неудобоносимое).

Но, может быть, выполнена другая важнейшая задача—создана участковая инспектура? Лишь ничтожное число губерний выполнило директивы партии, НК РКИ и НКП в этом отношении. Большинство поспешило сэкономить и здесь, давая участковым инспекторам нагрузку до 200 учреждений, и, тем самым, не улучшило, а ухудшило руководство. Часть же губерний просто разгромила низовой аппарат, не создав ничего взамен.

Командировочные расходы в аппаратах урезаны до 70%, участковой инспектуре кое-где не дают денег на разъезды вовсе или дают явно недостаточные суммы. Ставки инспектуры везде крайне низки и, как правило, ниже ставок заведующих инспектируемых просветительных учреждений. Квалифицированное ядро инспектуры начало таять, уходя на работу в учреждения, или отходя от просветительной работы вовсе. В аппаратах кое-где попахивает пессимизмом и даже паническими настроениями.

Не подлежит сомнению, что уже в 1927/28 г. часть сократительных уродливостей усилиями НКП, РКИ и самих исполкомов и ОНО будет ликвидирована, но, за всем тем, остается в силе вопрос о том, как при сокращении аппарата справиться с теми же примерно, а правильнее говоря—все усложняющимися, задачами и объемом работы? По старинке работать нельзя, нужно искать новых форм и методов работы. О них нужно договориться на съезде, тщательно учтя тот опыт, который накопится у ОНО до апреля месяца.

Высказывая ниже некоторые соображения по этому вопросу, я должен предупредить, что они являются пока только моими личными взглядами, не апробированными Наркомпросом.

Основным дефектом теперешнего, пока еще в значительной мере только внешне реорганизованного аппарата я лично считаю: 1) многоответственность и 2) типовую инспектуру. За все просветительные учреждения формально отвечают все звенья аппарата. Это неверно и формально, а сейчас уже ненужно и по существу. Инспектура ОНО строится по типам учреждений: инспектор школ I ступени, школ повышенного типа, ликнеграмотности, техникумов, низших профучебных заведений и т. д. Такой инспектор неизбежно будет только инспектором-организатором. Методическое инспектирование и инструктирование ему будет не под силу. Такое построение инспектуры сводит на-нет всю целевую установку реорганизации.

Как же устранить эти дефекты? Как должна быть построена инспектура народного образования? Внизу—районный (в нерайонированных местностях—участковый) инспектор народного образования (политпросветчик и соцвосник), инспектирующий и инструктирующий во всех отношениях сеть массовых просветительных учреждений (школы 1 ступени, школы переростков, дошкольные учреждения, ликпункты, избы-читальни, крестьянские курсы, школы малограмотных и т. п.). Инспектура окроно (уоно), руководящая участковой инспектурой и непосредственно инспектирующая повышенные школы соцвоса и политпросвета и профтехнические учебные заведения только в административно-организационном отношении. Инспектура край-, губоно, руководящая инспектурой окр-, уоно и инспектирующая те же учреждения, что и окр-, уоно, но в методическом отношении. В край-, губоно

должны быть инспектора по разделам—гуманитарному, математическому и естествоведческому. Они должны инспектировать все повышенные школы соцвоса, политпросвета и все учреждения профобра (за исключением вузов) в части общеобразовательных дисциплин. Профтехнические инспектора по соответственной специальности (педагогической, индустриальной и сельскохозяйственной) инспектируют не только учреждения профобра, но и школы крестьянской молодежи, фабрично-заводские семилетки, уклоны школ II ступени и девятилеток. Такое распределение работы между ОНО и между инспекторами: 1) точнее распределит труд и ответственность между выше и ниже стоящими ОНО, 2) позволит равномернее распределить работу между работниками, 3) усилит дифференциацию работников.

В каждой край- и губоно должна быть создана сильная организационно-плановая ячейка, ведущая работу по бюджету, сети, планам, информации и учету работников. В частности, в этой ячейке обязательно должен быть специалист по строительству (по планированию его и надзору за качеством построек).

К этой ячейке должны полностью отойти все организационно-плановые функции, которые пока все еще остаются раздробленными между всеми работниками ОНО, к явному ущербу для этого важного сектора просветительной работы.

Проведение этой схемы в чистом виде требует, конечно, очень большой стандартизации работы просветительных учреждений во всех отношениях (бюджетном, программном, организационном) и очень крепкого, хорошо подобранного кадра заведующих учреждениями. Наличие этих фактов позволило бы: 1) усилить инспекторские и несколько ослабить инструкторские функции, а это значительно облегчило бы работу, 2) сократило бы число обследований и время на каждое из них, 3) позволило бы перенести большую часть методической работы на учреждения и привлекать их к делу инспектирования. Этого пока еще нет в таких размерах, какие нужны, но мы к этому идем довольно быстро (устойчивость нашей системы народного образования, относительная стабилизация программ и учебников и т. п.). Углубляя начатую работу по реорганизации, допуская от идеальной схемы известные отступления, мы всегда, однако, должны ясно видеть цель, к которой идем, и пределы отклонений от правильной линии. При этих условиях временные отступления не страшны.

Против нашей системы построения инспектуры выдвигаются, обычно, два основных возражения. Первое сводится к тому, что раз каждое звено нашей административной системы отвечает за все разделы просветительной работы—в каждом ОНО должен быть человек, наблюдающий за этим разделом работы. Прежде всего, это неверно фактически: рабфаки, вузы и научные учреждения и сейчас изъяты из непосредственного ведения ОНО. Значит, духу и форме нашей системы управления не противоречит даже полное изъятие из ведения ОНО ряда учреждений, но я и не предлагаю этого. Вышестоящий ОНО при построении управления по предлагаемой мною схеме отнюдь не освобождается от ответственности за все типы учреждений, подведомственных ОНО нижестоящим, и от руководства ими. Все дело в том, как осуществлять это руководство—непосредственно или через посредство аппаратов ниже стоящих ОНО. Мне кажется, что это руководство крайоно, например, должно осуществлять через аппараты окроно.

Наконец, возможность и целесообразность разделения труда между губ- и уоно по указанной мною линии предусмотрена Совнар-

комом, возложившим непосредственное методическое руководство школами повышенного типа соцвоса на губоно, оставив за уоно только административно-организационное руководство этими школами.

Второе возражение заключается в том, что ограниченная в числе инспектура край- и губоно физически не сможет инспектировать и инструктировать все повышенные школы края или губернии даже только в методическом отношении. Все зависит от метода инспектирования и инструктирования. Если гнаться за индивидуальным инструктированием каждого отдельного преподавателя или учреждения—задача будет неразрешимой, но не только при моей схеме построения инспектуры, а и при существующей. Решение вопроса лежит по линии, с одной стороны, массового инструктажа (через съезды, конференции, курсы, метод. письма), с другой—по линии выборочного инспектирования как типичных, так и резко отклоняющихся от стандарта учреждений. Кроме того значительную помощь по этой линии могли бы оказать инспектуре наилучше поставленные просветительные учреждения.

При всякой системе разделения труда между ОНО и внутри них удельный вес инспектуры должен необычайно возрасти. Должно резко улучшиться и ее материальное положение. Это заставляет ставить вопрос о системе специальной подготовки инспектуры. Участковый инспектор и инспектор окр- и уоно по квалификации (в идеале) должны быть равны заведующему или преподавателю педтехникума со стажем практической работы в учреждении от 3 до 5 лет. Инспектор край- и губоно должен обладать высшим образованием и обладать педагогическим стажем от 5 до 10 лет. Этих лиц нужно пропускать через специальные одно- или двухгодичные курсы при лучших педтехникумах и педвузах республики, а по линии профобра и политпросвета—через курсы при ВПК и политпросветинститутах. Возрастает и удельный вес заведующих просветительными учреждениями (хотя бы в связи с передачей учреждениям прав самостоятельных распорядителей кредитов). В отношении этой категории работников также встает вопрос о систематической подготовке и переподготовке.

В группе организационных вопросов съезду придется остановиться также на вопросах организации статистического учета, который целиком нужно сосредоточить в органах ЦСУ, и на проблеме распределения оканчивающих педагогические учебные заведения, которое, наоборот, нужно сконцентрировать в ОНО и НКП и тем положить предел хаотическому использованию квалифицированных работников и огромному их отходу от работы по специальности после окончания педагогического учебного заведения.

Съезд должен со всем вниманием остановиться на вопросе организации плановой работы. На этом участке у нас было неблагополучно и до реорганизации, стало совсем скверно после нее. Я объясняю это тем, что жизнь и плановые органы, до сих пор далеко стоявшие от дела просвещения, мало нас дергали по этой линии. То значение, которое придает сейчас партия вопросам культуры и, в особенности, их увязке с экономикой, должно заставить нас вплотную взяться за это дело и покончить с плановым нигилизмом.

Большим и до сих пор не изученным вопросом является вопрос о привлечении (и учете) общественной инициативы к делу развития народного образования. А без нее мы, очевидно, не в состоянии будем поднять в это трудное пятилетие целый ряд отраслей нашей работы (дошкольное дело, ликвидация неграмотности, общедоступность школы, школьное строительство и т. п.). Учет роли общественной инициативы теперь несколько облегчается, и сама инициатива вводится в определенные рамки вследствие издания закона о самообложении населения.

Дальше идут вопросы планирования и бюджетной политики. В 1927/28 г. доля бюджета народного образования в общем бюджете выросла. Вопросом является, выросла ли бы она в такой мере без декретирования ставок в центре в тех размерах, в каких они утверждены на 1927/28 г.? Нужно ли и дальше вести ту же политику в течение ближайших лет, хотя бы и ценою задержки в росте сети и норм текущих расходов, или следует наметить более или менее равномерное продвижение по обеим этим линиям. Это большой политический вопрос, и ответственность за то или иное его решение должны взять на себя и места.

С этим связан вопрос о доле различных разделов просветительной работы в бюджете ОНО. Доля политпросвета, например, в прошлом году осталась на уровне 1925/26 г. (11,5—12%), а в 1927/28 г. она обнаруживает тенденцию к снижению. Ничтожно низкой остается доля профобра.

Встанут также вопросы о построении годовых контрольных цифр в районном разрезе, о доле капитальных затрат, о процентах прироста по разным отраслям работы, иначе говоря, о некоторых контрольных лимитах на 1928/29 г. Предположения НКП в этой области должны быть также тщательно обсуждены съездом, поскольку контрольные цифры по местному бюджету, начиная с 1927/28 г., утверждаются СНК.

В. КАСАТКИН.

ПЛАНИРОВАНИЕ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

ПРОБЛЕМА ВСЕОБЩЕГО НАЧАЛЬНОГО ОБУЧЕНИЯ В РСФСР

I. ДООКТЯБРЬСКИЙ ПЕРИОД.

Задача введения всеобщего обязательного начального обучения не является для нас новой проблемой, возникшей в результате Октябрьской революции. Она относится к числу тех исторических проблем, которые настойчиво выдвигались на очередь потребностями хозяйственного, культурного и политического развития страны еще во второй половине прошлого столетия и в начале нынешнего и с особенной силой—после революции 1905 г. Искусственно задерживавшаяся, оставшаяся неразрешенной при царизме и перешедшая в наследство к советскому строю, эта проблема, вместе со всем другим наследством в области народного образования, должна была подвергнуться пересмотру и получить свою новую установку как органическая часть проблемы индустриализации страны и как необходимая предпосылка скорейшего и успешного строительства социализма.

На всем протяжении XVIII и XIX веков и в начале XX вплоть до падения старого строя политика царской власти в области начального образования носила ярко выраженный характер оберегания и обслуживания интересов господствовавших классов.

До падения крепостной зависимости фактически развитие массовой начальной, особенно сельской, школы не включалось в число органических задач государства. Правительство видело в начальной школе лишь средство к обслуживанию нужд духовенства и помещичье-чиновничьего дворянства путем подготовки некоторого ограниченного числа еле грамотных лиц для занятия тех или иных низших должностей в церкви, в помещичьих имениях и в казенных учреждениях, проводя приэтом в школе так называемые религиозно-нравственные начала, сводившиеся ко внедрению в учащихся духа рабского подчинения власти и церкви.

После падения крепостной зависимости, при развитии в стране революционного и оппозиционного движения и при расширении работы земских и городских самоуправлений, школьная политика царского правительства являлась политикой непрерывной борьбы с передовыми общественными силами за ускользавшее от власти влияние на начальную школу, за руководство направлением школьного дела, а в отношении местностей с нерусским населением и в особенности окраин—политикой руссификации и подавления всяких проявлений национальной культуры.

Несмотря на это, дело начальной школы хотя и медленно, но неуклонно развивалось и всем ходом хозяйственно-политического развития страны было наконец после революции 1905 г. поставлено как практическая очередная государственная задача введения всеобщего начального обучения. Однако, будучи вынужденной допустить количественный рост школьной сети, царская власть до конца своего существования в общем сумела выдержать свою линию, не допустив коренной реформы дела народного образования. Этот коренной пересмотр всей системы просвещения смогла осуществить лишь новая власть, выдвинутая Октябрьской революцией.

История народного образования в России знает целый ряд проектов введения всеобщего обучения, наиболее ранние из которых восходят еще к временам крепостной зависимости. Когда всеобщее обязательное начальное обучение станет у нас совершившимся фактом и придет время писать его историю, из библиотек и архивов, несомненно, будет извлечен интереснейший материал, по которому легко можно будет проследить главнейшие этапы общественной борьбы за поднятие культурного уровня страны. Нам же пока достаточно ограничиться для общей ориентировки читателя хотя бы перечнем проектов введения всеобщего обучения и краткими историческими справками.

Вот перечень, не претендующий на исчерпывающую полноту:

1) Проект 1770 г.—о введении обязательного обучения грамоте всего мужского населения, при 8-месячной продолжительности обучения; 2) проект члена Имп. московского о-ва сел. хозяйства С. А. Маслова, относящийся к 40-м гг. прошлого столетия, «о всенародном распространении грамотности в России на религиозно-нравственной основе»; 3) проект Главного комитета по крестьянскому делу 1861 г.; 4) проект Рогачева, внесенный в 1861 г. в СПБ. Комитет грамотности, о введении обязательного обучения; 5) проект кн. Васильчикова конца 60-х гг.; 6) серия земских проектов конца 60-х и начала 70-х гг.; 7) разработанный в 1874 г. в ответ на ходатайства земств членом совета министра народного просвещения А. С. Вороновым проект введения обязательного обучения, с продолжительностью обучения в 7 месяцев; 8) проект А. В. Дубровина первой половины 80-х гг.; 9) земские проекты 80-х гг. (Московского, Тверского, Херсонского и др. земств); 10) проект Страннолюбского, относящийся к 1885 г.; 11) проект Песковского—1894 г.; 12) нашумевший в свое время реферат педагога В. П. Вахтерова, прочитанный им в 1894 г. в Московском комитете грамотности; 13) целый поток земских проектов 1893—1896 и последующих лет; 14 и 15) проекты чиновников Фармаковского (1903) и Куломзина (1904 г.), подвергшиеся в свое время жестокой общественной критике.

Это все—до революции 1905 г. Большинство проектов осталось на бумаге, и лишь некоторые отдельные земства, как Московское, Тверское, Весьегонское, Олонецкое и др., сумели встать на путь практического их осуществления.

После революции 1905 г. вопрос о введении всеобщего обучения был поднят I Государственной думой, но она ничего не успела сделать в этом отношении, так как была распущена. Тогда Министерство народного просвещения представило в 1907 г. во 2-ю Государственную думу свой проект закона о введении всеобщего обучения, разработанный на основах, большая часть которых уже была намечена в земских проектах, а именно: 4-летний тип начальной школы, школьный возраст—от 8 до 11 лет, размер школьного комплекта (число учащихся на одного учителя)—50 человек, нормальный радиус школьного района—3 версты, бесплатность обучения, срок осуществления всеобщего обучения для всех местностей России—10-летний. Проектом предполагалось

оказывать органам местного самоуправления пособия от казны на введение всеобщего обучения—на зарплату учителю 360 р. и «законоучителю»—60 р. (последняя сумма—на 100 учащихся) [1].

За роспуском и 2-й Государственной думы Министерство народного просвещения 1 ноября 1907 г. внесло свой проект в 3-ю Государственную думу, с тем добавлением, что часть испрашивавшейся на введение всеобщего обучения суммы предназначалась на учреждение школьно-строительного фонда. Проект этот был передан Думой в комиссию («комиссия Е. П. Ковалевского»), которая разработала общеимперский перспективный план введения всеобщего обучения в нескольких вариантах, причем срок введения всеобщего обучения определяла в 10 лет, считая с 1 января 1910 г., а план школьного строительства и оборудования рассчитывала на 15-летний срок.

Проект комиссии не получил силы закона, а тем временем, пока он разрабатывался, 3 июня 1908 г. был утвержден закон об отпуске 6 900 000 р. «на нужды начального образования», вслед за которым последовал ряд ежегодных законов о дополнительных ассигнованиях на тот же предмет. Этими ассигнованиями было положено начало регулярному субсидированию земств и городов на введение всеобщего обучения, причем отпуск пособий был обусловлен, между прочим, составлением школьной сети на указанных министерством основаниях.

Небезинтересно отметить, что проект министерства 1907 г. был подвергнут радикальной переработке специальной комиссией при Лиге образования [2] и в таком виде предназначался ко внесению во 2-ю Государственную думу, но, как и проект министерства, за роспуском думы остался нерассмотренным.

К тому же времени относится и проект введения всеобщего обучения, составленный одним из членов Государственной думы—фон-Анрепом, принадлежавшим к составу фракции «союза 17 октября».

За период с 1908 по 1914 гг. разработали школьные сети и воспользовались пособиями от казны на введение всеобщего обучения 412 уездных земств (95% общего числа их) и 251 городское самоуправление (44%), и кроме того, в неземских губерниях—34 города [3]. Сумма ежегодных ассигнований казны на расходы, связанные с введением всеобщего обучения, начавшись в 1908 г. с 6 900 000 р. и, из года в год быстро возрастая, достигла в 1913 г. 62 900 000 р., а за весь этот период—довольно внушительной цифры—199 400 тысяч рублей [4].

По утверждению историка земства Б. Б. Веселовского, к 1913 г. всеобщее обучение в 9 уездах уже стало совершившимся фактом [5].

II. СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД.

В советский период дореволюционная сеть начальных земских, казенных, церковно-приходских и частных школ вошла с жестокими ранами, нанесенными ей войной 1914—1918 гг. и разрухой.

После коренной внутренней перестройки начальной школы,—над чем работало истекшее десятилетие,—сеть этих оставшихся от дореволюционного периода школ явилась той основой, на которой строятся и современные расчеты по введению всеобщего обучения.

[1] Записка м. н. пр. по вопросу о всеобщем начальном обучении. СПБ., 1906 г.

[2] Подробное изложение проекта Лиги образования см. в книге: Г. А. Фальборк, Всеобщее образование в России. М., 1908 г.

[3] Б. Б. Веселовский. Календарь-справочник земского деятеля на 1916 г., стр. 105.

[4] Подсчет ассигнований сделан на основании документов, собранных К. Денисовым в книге „Всеобщее обучение за 1907—1913 гг.“, вып. I, СПБ., 1913.

[5] „Юбилейный земский сборник“, СПБ, 1914, стр. 393.

В результате всех перипетий истекших с начала войны 13 лет страна имеет количественно в общем примерно ту же самую сеть начальных школ, какая существовала в 1914 г. Правда, емкость этой сети по числу учащихся возросла больше чем на 25%, число же ячеек сети остается пока еще прежним.

Вот общие цифровые данные о происшедших в сети начальных школ изменениях втечение последних 7 лет, в сопоставлении с данными за 1914/15 уч. год, по исчислениям И. М. Богданова:

Годы:	В процентах к 1914/15 уч. году, принятому за 100. Число школ	Число учащихся
1914/15 . .	100,0	100,0
1920/21 . .	117,5	141,9
1921/22 . .	97,5	115,5
1922/23 . .	84,3	92,7
1923/24 . .	85,6	96,4
1924/25 . .	85,1	110,6
1925/26 . .	93,3	122,5
1926/27 . .	98,7	125,5

В текущем 1927/28 уч. году число школ, надо думать, превысит довоенный уровень,—восстановительный период будет закончен и на этом участке.

Неоднократные попытки Наркомпроса РСФСР организовать систематическую работу по составлению плана введения всеобщего обучения имели место еще в 1918—1921 гг. Однако тягчайшие условия тех лет не дали возможности их осуществить.

Только к концу 1922 г., после X Съезда советов, вынесшего по докладу А. В. Луначарского знаменитое постановление о «прекращении отступления на третьем фронте», наметился окончательный поворот в данном деле. В результате новой основательной проработки вопроса специальной комиссией СНК и Наркомпросом был опубликован декрет СНК от 20 августа 1923 г. «О сети учреждений Наркомпроса РСФСР», в котором признавалось необходимым немедленно приступить к разработке 10-летнего плана введения всеобщего обучения. Разработанный проект [1] имел, однако, сугубо ориентировочное предварительное значение; его целью было дать ответ на вопрос, возможно ли введение всеобщего обучения на территории всей РСФСР в целом в 10-летний срок, считая таковой с 1924/25 по 1933/34 гг. Ответ был дан утвердительный, и в результате 31 августа 1925 г. состоялось известное постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О введении в РСФСР всеобщего начального обучения и построении школьной сети».

Декрет 31/VIII 1925 г. прежде всего установил, что предельным сроком для введения всеобщего обязательного обучения на всей территории РСФСР должен считаться 1933/34 учебный год. Далее декрет наметил основы для построения местных школьных сетей и планов введения всеобщего обучения, возложив составление этих сетей и планов на губернские (областные) исполнительные комитеты.

Нормальным типом школы для осуществления всеобщего обязательного обучения декрет считает 4-комплектную трудовую школу I ступени, с 4-мя последовательными группами, допуская, однако, и

[1] Напечатан в журнале „Плановое хозяйство“ за 1925 г., № 8.

2-комплектную и однокомплектную школы, но с тем, чтобы на одного учащего ни в коем случае не приходилось больше двух групп. Школьный возраст считается от 8 до 11 лет. Предельный радиус школьног орайона определяется в 3 версты, а нормальный школьный комплект в 40 чел., с уменьшением его для редконаселенных местностей до 30 чел. при радиусе района свыше 3 верст. Школа I ступени должна быть, по декрету, действительно общедоступной и бесплатной.

На основе изданной согласно названного декрета инструкции Наркомпроса и Наркомфина РСФСР от 4 ноября 1926 г. на местах были составлены перспективные планы введения всеобщего начального обучения и к средине прошлого 1927 г. присланы в Наркомпрос. Планы поступили по всем административно-территориальным единицам основной территории РСФСР, кроме одной лишь Мурманской губернии. Кроме того составило такие же планы и прислало их Наркомпросу РСФСР также и большинство автономных республик (9 из 11; не получены по Карельской и Якутской республикам).

Перед Наркомпросом РСФСР стояла задача просмотра и сводки полученных планов в единый общереспубликанский перспективный план введения всеобщего начального обучения. К ноябрю прошлого года составление сводного плана было закончено, план затем был принят коллегией Наркомпроса и по отпечатании отдельной брошюрой представлен в январе текущего года на утверждение СНК РСФСР.

Обратимся теперь к рассмотрению главнейших данных этого плана, характеризующих условия и возможности успешного разрешения задачи введения всеобщего обучения.

III. УСЛОВИЯ РАЗВИТИЯ НАЧАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РСФСР.

Для правильной установки перспектив возможного расширения сети начальных школ и исчисления связанных с этим расходов обязательно изучение тех условий, в которых развивается начальное образование, и той финансовой базы, на которую оно опирается.

Огромная по пространству РСФСР представляет собой картину крайнего разнообразия климатических, топографических, экономических, национальных, бытовых и прочих условий, поразному воздействующих на развитие начального образования. Особое значение имеют здесь характер расселения жителей и их национальный состав. Низкая плотность населения при малом размере селений и плохих путях сообщения предопределяет малую комплектность школы («карликовые» школы) и создает во многих частях республики огромные препятствия в деле достижения полного охвата детей школой и аккуратной посещаемости последней, в особенности для детей деревенской бедноты. Преодолеть эти препятствия возможно лишь широкой системой вспомогательных мероприятий, в виде устройства при школах интернатов, ночлежек, организации регулярного подвоза детей в школы из наиболее удаленных селений, помощи учащимся детям бедноты одеждой и обувью, организации горячих завтраков и т. п. Весьма серьезным препятствием в том же отношении является также и занятость детей в крестьянском хозяйстве и на домашней работе. Благодаря указанным обстоятельствам, дети крестьянской бедноты, как правило, не оканчивают полного курса начальной школы, выходя из нее после 1—2—3 лет обучения. Это обстоятельство особенно дает себя чувствовать при начинающемся уже в некоторых местностях переходе к обязательному 4-летнему обучению, осуществить которое возможно будет только при непременной организации всех указанных выше вспомогательных мероприятий, а быть может, и еще некоторых других, которые в своей совокупности повысили бы в глазах рядового и беднейшего крестьянства притягательную силу старших групп начальной школы. Вопрос осуществления обязательности прохождения детьми полного курса начальной школы является, таким образом, вопросом улучшения социального состава ее учащихся и в особенности оканчивающих ее курс, а отсюда—и состава учащихся повышенной школы.

Не меньшие, если не большие затруднения ставятся делу всеобщего обучения и чрезвычайной пестротой национального состава населения. Для старого режима национальный вопрос сводился к подавлению национальных культурных стремлений, к руссификации «инородцев». Для нового строя здесь возникает ряд специфических задач, разрешение которых требует длительных и настойчивых усилий по созданию национальной школы с преподаванием на родном языке учащихся, по подготовке национальных учителей, учебников и научно-популярной литературы, а для некоторых мелких народностей, не имеющих своей письменности,—и по созданию таковой.

Помимо сказанного, различные части республики чрезвычайно разнятся между собой и по своей экономической мощности, и по мощности бюджетов, и по высоте затрат на народное образование, и, наконец, по уровню грамотности населения, в значительной степени обусловленному просветительной политикой дореволюционного периода.

В самом общем своем виде различия условий отдельных частей РСФСР могут быть выражены следующими показателями (за недостатком места показатели приводятся лишь в районном разрезе, причем по районам, имеющим губернское деление, приводятся колебания показателей по отдельным губерниям) (см. табл. на стр. 44).

Данные последних трех граф этой таблицы служат ярким показателем необходимости подтягивания экономически и культурно отсталых народностей и районов к уровню более мощных и передовых. Политика советской власти стремится осуществить на деле этот принцип в частности своей системой регулирования местных бюджетов. Как увидим ниже, такое подтягивание отсталых местностей в деле введения всеобщего обучения должно сыграть особенно значительную роль.

IV. БЮДЖЕТ НАЧАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ.

На какой материальной основе происходит у нас развитие сети начальных школ?

Приводим основные цифры, характеризующие рост местных расходов на начальное образование и его удельный вес в расходах на народное образование в целом и во всем местном бюджете за 1924/25—1926/27 гг. [1] (см. таблицу на стр. 45).

Эти данные показывают, что расходы на начальное обучение из года в год повышаются, и довольно значительно, особенно по автономным республикам, и что повышается также и удельный вес их в расходах на народное образование в целом, но что в 1926/27 г. удельный вес их во всем местном бюджете-нетто значительно снизился, сигнализируя оттеснение народного образования другими отраслями местного хозяйства.

---

[1] Расходы на начальное обучение слагаются из расходов на школы I ступени и из расходов на I—IV группы повышенных школ, причем расходы по этим группам условно приняты в размере 50% от расходов по школам 7-и 9-леткам.

Районы	Средняя плотность сельского населения по переписи 1926 г. на 1 кв. км	Среднее число жителей на одно селение	Процент городского населения по переписи 1926 г.	Процент нерусского населения по переписи 1920 г.	Процент грамотного населения по переписи 1920 г.	Расход по местному бюджету 1926—1927 г. на душу населения, с учетом эффективности затрат: Всего (в рублях)	В том числе на народное образование (в рублях)
1. Центрально-промышленный [1]	21,8—88,0	93— 505	8,6—59,0	0— 8	35—58	5,18—16,00	1,73—4,88
2. Центрально-черноземный	48,0—59,0	342— 839	8,0—12,1	1—36	26—29	4,54— 5,22	1,42—1,73
3. Северо-западный [1]	0,1—34,6	65— 124	7,2—66,3	2—58	29—65	5,06—27,65	1,56—7,39
4. Северо-восточный	0,6— 9,9	98— 194	3,4—22,6	1—94	31—42	5,46— 9,75	1,80—3,04
5. Вятско-ветлужский	20,3—24,9	109— 195	4,1—10,2	8—60	23—30	5,34— 6,84	1,87—2,53
6. Средне-волжский	9,5—47,5	369—1 007	5,6—22,4	17—89	22—29	4,59— 6,74	0,92—2,13
7. Нижне-волжский	1,9—27,9	524— 840	0—40,0	20—98	7—45	6,75—10,03	1,91—4,47
8. Западный	37,2—43,3	123— 450	9,0—14,3	1— 5	27—34	4,75— 6,18	1,47—2,08
9. Сев. Кавказ	25,3	732	19,6	23	30	10,0	2,65
10. Дагестанская АССР	13,2	404	10,8	сведений	нет	6,31	1,68
11. Крымская АССР	15,4	224	45,6	56	51	16,87	3,55
12. Уральская обл.	4,6	249	15,4	9	34	6,69	2,25
13. Башкирская АССР	18,0	323	8,5	63	16	4,68	1,53
14. Сибирь	2,7	503	13,0	18	22	5,49	1,91
15. Казакская АССР	2,1	734	12,6	70	5	3,52	1,03
16. Киргизская АССР	3,7	754	12,3	83	9	3,58	1,04
17. Бурято-монгольская АССР	1,5	190	8,4	сведений	нет	6,32	2,35
18. Дальневосточный край	6,0	430	24,4	сведений	нет	10,62	3,00
19. Якутская АССР	0,1	172	7,5	91	св. нет	6,98	2,34

[1] В последних двух графах расходы на душу населения показаны по Центрально-промышленному району без Московской, а по Северо-западному — без Ленинградской губ.

Более детальный анализ бюджетных данных за истекшие 3 года выявляет для начального образования, а следовательно и для перспектив всеобщего обучения, целый ряд других тревожных признаков. Вопервых, по РСФСР в целом (не считая Московской и Ленинградской губерний) расходы на народное образование по местному бюджету в 1926/27 г., при общем росте местного бюджета-нетто на 37,3%, возросли лишь на 27,1%, что повлекло за собою падение удельного веса народного образования в местном бюджете-нетто с 32,8 до 30,4%. Вовторых, из общей суммы прироста расходов по местному бюджету-нетто (без Московской и Ленинградской губерний) в 215,4 млн. р. на народное образование вообще падает в 1926/27 г. 51,3 млн. р., т. е. около 24%, тогда как в 1925/26 г. из прироста в 184 млн. р. на народное образование приходилось 58 млн. р., т. е. около 32%. Втретьих, по данным Наркомфина в 1924/25 и 1925/26 гг. исполнение расходов по народному образованию значительно отстает от исполнения всех расходов по местному бюджету-нетто (100,9% против 116,4% в 1924/25 г. и 96,7% против 105,2% в 1925/26 г.), в результате чего удельный вес расходов на народное образование еще более снижается по сравнению с назначением (в 1924/25 г.—с 32,1% до 27,8% и в 1925/26 г.—с 32,8 до 30,2%), а также недовыполняется и намеченное развертывание сети школ I ступени.

По какой территории	1924/25 г. (по исполнению)			1925/26 г. (принято Бюдж. комис.)				1926/27 г. (по назначению)			
	Расход на начальное образование (в тыс. рублей)	Удельный вес: В расходах на народное образование в целом	Удельный вес: Во всем местном бюджете-нетто	Расход на начальное образование (в тыс. рублей)	Процент прироста	Удельный вес: В расходах на народное образование в целом	Удельный вес: Во всем местном бюджете-нетто	Расход на начальное образование (в тыс. рублей)	Процент прироста	Удельный вес: В расходах на народное образование в целом	Удельный вес: Во всем местном бюджете-нетто
РСФСР без автономных республик	64 626	42,2	11,6	98 863	53,0	46,2	14,3	129 270	30,8	47,2	13,4
Автономные республики	8 207	45,8	13,4	13 812	68,3	52,1	15,8	19 076	38,1	53,7	15,1
Итого по РСФСР в целом	72 833	42,5	11,7	112 675	54,7	46,8	14,5	148 346	31,7	47,9	13,6
РСФСР без Московской и Ленинградской губ.	59 806	46,1	13,8	95 870	60,3	50,6	16,6	123 816	29,1	51,4	15,6

Рассмотрение погубернских данных об удельном весе расходов на начальное образование в общей сумме расходов по народному образованию показывает, что в пределах каждого года колебания удельного веса по отдельным административным единицам весьма велики [1]:

в 1924/25 г. — от 25,3% (Мурманская губ.) до 62,0% (Якутская АССР).
„ 1925/26 „ — „ 26,3% (Мурманская губ.) „ 67,1% (Калмыцкая авт. обл.).
„ 1926/27 „ — „ 36,7% (Оренбургская губ.) „ 66,1% (Немцев Поволжья АССР).

Погубернские данные о средней годовой стоимости содержания одного учащегося школы I ступени показывают, что в подавляющем большинстве административных единиц этот показа-

[1] Московскую и Ленинградскую губернию мы в расчет не принимаем.

тель из года в год неуклонно—и иногда весьма стремительно—возрастает. Погодные колебания средней стоимости содержания одного учащегося также чрезвычайно велики:

в 1924/25 г. от 5 р. 87 к. (Орловская губ.) до 30 р. 59 к. (Якутская АССР).
„ 1925/26 „ „ 9 „ 19 „ (Орловская губ.) „ 79 „ 94 „ (Калмыцкая авт. обл.).
„ 1926/27 „ „ 13 „ 74 „ (Рязанская губ.) „ 66 „ 69 „ (Мурманская губ.).

Минимальный уровень расходов на одного учащегося, как видно из этих данных, из года в год значительно повышается.

Однако быстрый темп роста средней стоимости содержания учащегося не должен вводить нас в заблуждение. Если мы сопоставим среднюю стоимость содержания одного учащегося начальной школы по РСФСР за 1926/27 г.—18 р. 18 к. с таковой же за 1913 год—около 20 р. золотом [1], то станет ясным, что, несмотря на указанный быстрый рост средней стоимости содержания, предстоит пройти еще очень большое расстояние, чтобы достигнуть даже совсем не идеальных довоенных норм.

Особенно же далеко мы отстаем от уровня довоенных расходов в отношении ассигнований из местного бюджета на школьное строительство и капитальный ремонт. В последние два года эти расходы в процентах по отношению к расходам на школы I ступени составляли (вместе с субвенцией):

	в 1925/26 г.	в 1926/27 г.
По РСФСР без автономных республик . . .	10,3	11,3
„ автономным республикам	7,4	13,3
„ РСФСР в целом	9,9	11,6
„ РСФСР без Московск. и Ленинградск. губ.	10,3	11,1

Абсолютная сумма этих расходов по РСФСР в целом составляла в 1925/26 г. 9 578,8 тыс. р., а в 1926/27 г.—15 059,4 тыс. р.

В 1913 г., по данным департамента окладных сборов Министерства финансов, по 40 земским губерниям ассигнования на новое школьное строительство и капитальный ремонт исчислялись в сумме около 26 млн. зол. р., что составляло 28,8% всех земских ассигнований за этот год на народное образование.

Что касается расходов на начальное образование из средств госбюджета, то здесь первое место занимает субвенция. Размер субвенции за последние 3 года по РСФСР в целом составлял;

Годы	Сумма субвенции (в тыс. рублей)		Итого	Удельный вес субвенции в расходах из местного бюджета на начальное обучение	Процент по отношению к предыдущему году
	На зарплату учащим	На школьное строительство			
1924/25 (по исполнению) . . .	12 450,0	1 550,0	14 000,0	19,2	—
1925/26 (по назначению) . . .	17 000,0	5 400,0	22 400,0	19,9	160,0
1926/27 (по назначению) . . .	9 823,8	3 750,0	13 573,8	9,2	60,6

[1] См. брошюру: „Всеобщее начальное обучение", под ред. М. С. Эпштейна. М., 1926 г., стр. 61.

Как видим, размер субвенции в 1926/27 г. сильно сократился. По сравнению с довоенным временем субвенция весьма невелика: в 1913 г. размер ассигнований казны для выдачи пособий местам на введение всеобщего обучения составлял 62 900 тыс. зол. р.

Прямые ассигнования по смете Наркомпроса РСФСР на массовое начальное обучение также незначительны: в 1924/25 г.—около 1 438 тыс. р., в 1925/26 г.—4 929,8 тыс. р. и в 1926/27 г.—4 403 тыс. р. (по автономным республикам данных не имеется).

Обращает на себя внимание тот факт, что 1926/27 г. дал понижение против 1925/26 г. как по субвенции, так и по прямым ассигнованиям из госбюджета на начальное образование. Это обстоятельство в свою очередь подтверждает высказанные выше опасения за срок осуществления всеобщего обучения.

К специальным и внебюджетным средствам начального образования можно отнести: ссудные школьно-строительные фонды, целевой сбор на транспорте на содержание школ НКПС и натуральное и денежное участие населения и различных организаций и предприятий в расходах на начальную школу.

Центральный ссудный школьно-строительный фонд РСФСР учрежден с 1926/27 бюдж. года, на каковой год в него ассигновано из средств госбюджета 6 267 тыс. р. и из средств Центрального коммунального банка 1 000 тыс. р., а всего 7 267 тыс. р. Перспективы дальнейшего ежегодного пополнения этого фонда еще не определились. Местные ссудные школьно-строительные фонды лишь теперь начинают возникать в отдельных автономных республиках, областях и губерниях, на основе постановления СНК РСФСР от 10 января 1927 г. В общем следует отметить, что размеры фондов пока еще весьма незначительны по сравнению с той огромной, исчисляемой сотнями миллионов рублей, потребностью в средствах, которая имеется в связи с задачей введения всеобщего начального обучения.

Что касается целевого сбора на содержание школ транспорта, то, имея своим специальным назначением содержание строго определенной небольшой части общей школьной сети, этот источник лишь в незначительной степени может влиять на укрепление материальной базы всеобщего обучения. По расчетам Цутранпроса намеченная на этот предмет на 1927/28 г. сумма составляет по РСФСР примерно 13 млн. р.

Участие населения и различных организаций и предприятий в содержании начальных школ и в школьном строительстве и ремонте выражается в разных формах: постройка и наем помещения, капитальный и текущий ремонт его, отопление, содержание сторожа, рубка и вывоз леса на постройку или дров для отопления школы, помощь беднейшим учащимся на одежду и обувь, общественный подвоз детей в школу и т. п. При отсутствии систематического учета участия населения в расходах на начальную школу размер этого источника остается невыясненным, но можно сказать, что в общем размеры его еще не очень значительны. Несколько более благоприятные перспективы в данном отношении складываются в связи с постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 7 января 1928 г. о самообложении сельского населения на местные культурные и хозяйственные нужды.

В заключение следует сказать, что с точки зрения скорейшего введения всеобщего обучения современное положение бюджета начального образования представляется весьма неудовлетворительным. К этому вопросу нам придется еще вернуться при рассмотрении финансового плана введения всеобщего обучения.

V. СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ШКОЛЬНОЙ СЕТИ.

Обрисовав общие условия развития начального образования в РСФСР и его материальную базу, остановимся на данных, характеризующих фактическое развитие сети за последние 3 года и современное ее состояние.

Число школ I ступени еще не дает вполне точного представления о величине сети, так как такие школы существуют еще и в качества I концентра школ 7- и 9-леток. Соединяя поэтому число школ I ступени с числом первых концентров повышенных школ, получим следующие цифры для РСФСР в целом [1]:

Годы:	Школ I ст.	I конц. семилеток	I конц. девятилеток	Итого
1924/25	64 532	1 487	644	66 663
1925/26	69 796	1 865	617	72 278
1926/27	74 586	2 206	669	77 461

Прирост числа самостоятельных школ I ступени за 1925/26 г. составляет 8,2% и за 1926/27 г.—6,9%, а взятых вместе с I концентрами повышенных школ—за 1925/26 г.—8,4% и за 1926/27 г.—7,2%.

Число учащихся в школах I ступени и в I—IV группах школ 7- и 9-леток и темп его роста выражаются в следующих величинах [2]:

1924/25 г. . . .	5 800 157 чел.,	прирост	12,4%
1925/26 „ . . .	6 251 437 „	„	7,8%
1926/27 „ . . .	6 531 287 „	„	4,5%

Темп роста числа учащихся на 1-й ступени обучения за последнее время весьма сильно снижается,—в силу завершения «восстановительного» периода, с одной стороны, а с другой—по причине понижения общей численности детей школьного возраста, дата рождения которых приходится на годы войны и голода.

Типы начальных школ, по продолжительности их курса, выявляются из следующих цифр, относящихся к самостоятельным школам I ступени (в процентах):

Годы	Школ 3-леток	4-леток	5-леток	Итого
1923/24 . . .	28,7	65,7	5,6	100
1924/25 . . .	31,6	66,1	2,3	100
1925/26 . . .	53,2	45,2	1,6	100

Число школ 3-леток за последние годы сильно возросло за счет относительного сокращения сети школ с 4- и 5-летним курсом обучения, и к 1926/27 г. школа 3-летка получила преобладающее место, как и в 1914/15 г.

Объясняется это малой комплектностью нашей сельской начальной школы: в 1925/26 г. школы с одним учителем составляли 56,7% общего числа школ I ступени, т. е. почти столько же, сколько и школы 3-летки, а школа 3-летка это и есть, за малыми исключениями, именно школа с одним учителем. Следует, однако, отметить, что в школах с одним учителем, несмотря на их численное преобладание, обучается всего лишь около трети общего числа учащихся на 1-й ступени, именно около 35%.

[1] Цифры за 1924/25 г. взяты из книги „Народное образование в СССР в 1925/26 г.“, изд. ЦСУ, стр. 58—59, а за 1925/26 г. и 1926/27 г.—из книги „Народное образование в СССР в 1926/27 г. (краткие итоги)“, изд. ЦСУ, стр. 15—16.

[2] В приводимые здесь данные о числе учащихся вошли также и учащиеся по школам подростков (число их, однако, менее 50 000 чел. за каждый год).

Малокомплектная начальная школа имеет особое распространение, с одной стороны, в районах с мелкими размерами селений, а с другой—в отсталых местностях (главным образом в автономиях), находясь здесь в связи с кратковременностью пребывания детей в школах.

Фактическая же продолжительность обучения детей в школах I ступени, обнаруживающая весьма большую устойчивость, по данным ЦСУ, для последних лет составляет (в годах):

	Мальчиков	Девочек	Обоего пола
в городах	3,0	3,1	3,1
„ сельских местностях .	2,4	2,1	2,3
средняя	2,5	2,3	2,4

Весьма ярко иллюстрируются эти показатели данными о выбытии учащихся из начальной школы ранее окончания курса (в процентах по отношению к I группе) [1]:

В городах:	I группа	II группа	III группа	IV группа
процент учащихся	100	99,8	83,3	69,2
„ выбывших	—	0,2	16,7	30,8
В сел. местностях:				
процент учащихся	100	67,2	37,0	14,4
„ выбывших	—	32,8	63,0	85,6

Борьба с преждевременным оставлением детьми школы в связи с начинающимся уже местами проведением обязательности 4-летнего обучения становится одной из актуальнейших задач сегодняшнего и завтрашнего дня. Совершенно прав был т. Кржижановский, когда в своей речи на XV Партсъезде о пятилетнем плане народного хозяйства указал, что «здесь перед нами колоссально важная задача—создать в деревенской школе такую обстановку, чтобы быстро ликвидировать это выбрасывание $^3/_4$ общего контингента учеников до окончания курса».

Наряду с весьма низкой в среднем продолжительностью пребывания детей в начальной школе, мы находим в последней еще значительный процент второгодников, составлявший для РСФСР в целом по данным за 1925/26 г. около 14,8%, с колебаниями от 9,5% (по Северодвинской губ.) до 24,3% (по республике немцев Поволжья). Таким образом, если учесть это явление, то средняя продолжительность пребывания детей в школе, не остающихся в той или иной группе на повторительный курс, будет еще меньше, чем указано выше. Это еще более подчеркивает необходимость принятия таких мер, которые способствовали бы повышению фактической продолжительности обучения, и в частности—мер к повышению притягательной силы старших групп начальной школы в глазах крестьянства.

Возрастной состав учащихся является крайне пестрым, охватывая возрасты от 7 до 15 лет. Главную массу учащихся составляют дети от 8 до 13 лет; число их составляло в 1925/26 г. 93,4%, т. е. почти то же самое, что и в 1911 г. (93,8%). По сравнению с 1911 г. в общей массе учащихся заметна передвижка в направлении к

[1] Данные взяты из брошюры: „Всеобщее начальное обучение“, под ред. М. С. Эпштейна, М.—Л., 1926 г., стр. 48.

более старшим возрастам. Учащиеся старше 11 лет составляют 30,5% (в 1911 г.—25,1%); часть их составляют второгодники, большая же часть этой величины есть результат позднего поступления детей в школу.

Состав учащихся по полу весьма неравномерен: мальчики составляют, по данным за 1925/26 г., 64,4%, а девочки—всего лишь 35,6%; в городах число девочек составляет уже около 48%, т. е. почти достигло нормы, в сельских же местностях оно падает до 33,6%. Цифры—не требующие пояснений.

Сведения о школьных зданиях весьма скудны. По неполным данным ЦСУ за 1925/26 г., 58,4% школ имеют специально выстроенные здания и 22,8%—приспособленные. В РСФСР без автономных республик специальных зданий 59,9%, а в автономных республиках—только 49,3%. Наиболее обеспеченными школьными зданиями являются центральные районы РСФСР: Центрально-черноземный—73,5% и Центрально-промышленный—68,0%. Слабее других обеспечены автономные республики, Северозападный район, Северовосточный и Сибирь—около 40—50%.

Состояние школьных зданий в общем следует признать крайне неудовлетворительным. Новое строительство весьма недостаточно. Обеспечение школ надлежащими помещениями является одной из самых трудных задач в проблеме введения всеобщего обучения.

Основательное изучение состояния школьных помещений возможно будет лишь с окончанием разработки данных текущего обследования ЦСУ на 1 декабря 1926 г. и особенно—данных школьной переписи, произведенной 15 декабря 1927 г.

Резюмируя сказанное выше о развитии и современном состоянии сети начальных школ РСФСР, следует признать: вопервых, что наблюдающееся замедление темпа роста числа учащихся, лишая органы народного образования возможности добиваться кредитов на заблаговременное усиление развертывания сети, создает опасность очутиться перед трудно преодолимыми препятствиями в годы интенсивного роста детских контингентов школьного возраста, т. е. опасность срыва планов по всеобщему обучению, и, вовторых,—что по своему качеству, по наличию ряда диспропорций, сеть начальных школ мало отвечает тем требованиям, каким она должна бы отвечать с точки зрения задачи введения всеобщего обязательного 4-летнего обучения к такому уже совсем недалекому сроку, как намеченный декретом 31 августа 1925 г. предельный срок—1933/34 учебный год. Нужна крайне напряженная, упорная, широко поставленная работа и органов народного образования и советской общественности, чтобы искоренить недуги начальной школы и тем обеспечить скорейшее осуществление доставшейся в наследие от старого строя исторической задачи—введения всеобщего обязательного обучения.

(Окончание в следующем номере).

П. ГРИГОРЬЕВ.

Народное образование в местных бюджетах автономных республик и областей РСФСР

Развитие дела народного образования в национальных республиках и областях ввиду культурной отсталости населения этих административно-территориальных единиц имеет исключительно важное значение. Подъем до среднерусского культурного уровня отсталых масс трудящегося населения советских автономий не может быть произведен иначе, как путем усиленного развертывания учреждений народного образования и напряжения материальных ресурсов. Крайняя отсталость национального населения требует такого темпа роста ассигнований, который бы позволял сжимать раствор «культурных ножниц» между русским и национальным населением. Материалы местных бюджетов автономных республик и областей показывают, что втечение последних лет правительствами республик и областей был принят ряд мер, направленных к разрешению задач культурного подъема своего населения. Ассигнования на дело народного образования в целом по автономным республикам и областям (без автономных областей, Северокавказского и Сибирского края) за время с 1923/24 г. по 1926/27 г. выразились:

		Абс. сумма	Рост (в % к 1923/24 г.)	На душу	Уд. вес
1923/24 г.	исполнение	11 662,7	—	0,67	28,1
1924/25 г.	исполнение	19 573,0	69,4	1,10	30.0
1925/26 г.	исполнение	29 060,3	149,2	1,60	29,2
1926/27 г.	назначение	41 151,4	256,3	2,25	28,8

Несмотря на повышающийся из года в год темп прироста средств на просвещение и рост расхода на душу населения, удельный вес расходов на народное образование в 1926/27 г. упал в сравнении с двумя предшествующими годами. Правда, удельный вес наробраза в общем расходном бюджете-нетто в 1926/27 г. несколько выше 1923/24 г. Передвижка в удельном весе народного образования в направлении снижения его против 1924/25 и 1925/26 гг.—явление общее не только для местных бюджетов автономных единиц, но и для всего местного бюджета в целом и объясняется тем, что, начиная с 1926/27 г., по местным бюджетам проходят крупные ассигнования на хозяйственно-производственные мероприятия, главным образом по линии капитальных вложений в промышленность и жилищное строительство. Важно отметить, что темп притока средств в народное образование за весь рассматриваемый период был все время выше общего темпа прироста средств по бюджету, в то время как задача финансирования народного образования ограничивалась директивой о сохранении одинакового с общим ростом бюджета роста ассигнований на просвещение. Сопоставление процента роста расходов на народное образование и общего роста расходного бюджета-нетто автономий наглядно подтверждает это. Так,

	% роста расходов народного образования по отношению к 1923/24 г.	% роста бюджета - нетто по отношению к 1923/24 году
1924/25 год	69,4	59,1
1925/26	149,2	140,0
1926/27	256,3	248,4

Падение удельного веса расходов на народное образование явилось, таким образом, следствием перераспределения средств внутри бюджета. Расход на душу населения по народному образованию все еще отстает от среднего уровня по РСФСР (без Московской и Ленинградской губерний), причем разница в душевом расходе между автономиями и средним уровнем по РСФСР оставалась почти неизменной. Так, расход на душу в автономиях и в РСФСР составлял:

	По автон. респ. и обл.	По РСФСР (без Моск. и Лен. губ.)
в 1923/24 г.	0,67	0,91
„ 1924/25 „	1,10	1,44
„ 1925/26 „	1,60	2,00
„ 1926/27 „	2,25	2,61

Эти цифры свидетельствуют о том, что все указанное выше напряжение ресурсов оказалось недостаточным для окончательного сжатия раствора «культурных ножниц» и что задача форсирования темпа роста ассигнований на народное образование по бюджетам автономий остается существенной задачей на ближайшее время. Культурная отсталость населения автономных областей и республик выражается и в том, что обеспеченность школьными местами детей от 8 до 11 лет в автономиях ниже, чем в среднем по республике. Процент обеспеченности школьными местами в среднем по РСФСР составляет 63,1, в среднем по всем автономиям—51,2, причем в ряде автономий, как Казакская, Киргизская, Дагестанская, этот процент колеблется от 32 до 38. Количество школ I ступени за время с 1924/25 г. по 1926/27 г. увеличилось на 20,2% и учащихся в них на 22,0%, в то время как по РСФСР (без Московской и Ленинградской губерний) соответствующие показатели составляют 27,6 и 26,3%.

Общее количество в 15 автономиях (11 республиках и 4 областях) школ, учащихся и педагогов составляет:

	Школ	Учащихся	Педагогов
в 1924/25 г.	10 600	682 466	17 275
„ 1925/26 „	11 800	756 721	19 387
„ 1926/27 „	12 743	832 329	21 119

Замедленный в сравнении со средним по РСФСР темп роста сети школ I ступени и учащихся при высоком притоке средств в народное образование объясняется тем, что одинаковый размер затрат в автономиях и губерниях дает неодинаковый эффект в развитии сети учреждений, так как особенности национальных окраин вызывают такие расходы, которых не знает обыкновенная губерния. Эти особенности сказываются на повышении стоимости культурных учреждений в республиках и областях и уменьшают, следовательно, размер тех средств, которые в других условиях могли бы быть направлены на развитие сети. Так, при средней стоимости одного ученика в автономиях в 1924/25 г. 11 руб. 88 коп., эта стоимость по РСФСР (без Московской и Ленинградской губерний) составляла 11 руб. 87 коп., в 1925/26 г. в автономиях—16 руб. 41 коп., в РСФСР—14 руб. 75 коп., в 1926/27 г. в автономиях—20 руб. 52 коп. при средней по РСФСР—18 руб. 95 коп. Более высокая стоимость содержания учреждений еще не означает лучшего в сравнении с русскими школами материального обеспечения школ. Национальная школа наряду с учебником на русском языке должна быть обеспечена национальной литературой и учебником, стоимость которого обыкновенно, в силу ряда причин, очень высокая; в ряде районов национальная школа вынуждена нести расходы по устройству интернатов и т. п.

От этой общей характеристики расходов на дело народного образования в бюджете автономных республик и областей перейдем к характеристике по отдельным автономиям. Общий анализ по республикам и областям в целом, хотя и дает сравнительную оценку народного образования в национальных объединениях и в целом по РСФСР, но страдает тем весьма существенным недостатком, что не позволяет выявить степень различия самых автономий, выделить наиболее отсталые из них. Расход на просвещение (в рублях) в расчете на душу населения за годы с 1923/24 по 1926/27 изменился по отдельным автономиям следующим образом [1]:

Автономии:	1923/24	1924/25	1925/26	1926/27
Карельская	3,67	4,20	5,92	8,14
Калмыцкая	0,61	2,39	4,46	6,59
Коми-зырянская	2,40	3,35	4,53	5,40
Крымская	3,58	4,07	4,29	5,15
Якутская	1,44	1,96	3,69	4,24
Марийская	0,77	1,60	2,49	3,62
Бурято-монгольская	0,94	1,83	2,36	3,20
Вотская	0,98	1,35	2,37	3,19
Чувашская	0,70	1,50	1,93	2,73
Немцев Поволжья	0,69	1,36	1,97	2,72
Дагестанская	0,48	0,86	1,70	2,33
Татарская	0,62	1,13	1,54	2,08
Башкирская	0,62	1,01	1,29	1,85
Киргизская	0,22	0,38	1,20	1,66
Казакская		0,50	0,83	1,38
В среднем по автономиям	0,67	1,10	1,60	2,25
В среднем по РСФСР (без Московской и Ленинградской губерний)	0,91	1,44	2,00	2,61

По размеру душевого расхода на народное образование на первом месте все время стоит Карельская АССР; к 1926/27 г. на второе и третье место выходят Калмыцкая и Коми-зырянская области, оттесняя Крымскую АССР на четвертое место. На последних местах стоят Татария, Башкирия, Киргизия и Казакстан. Последние автономии имеют расход на душу ниже среднего по автономиям, все же остальные автономии имеют более высокий расход на душу, чем в среднем по автономным республикам и областям. Несомненно, что именно эти четыре автономных республики понижающе влияют на средний душевой расход по автономиям, в результате чего все автономии в среднем все время имеют более низкий расход на душу, чем по РСФСР без Московской и Ленинградской губерний. В 1923/24 г. по пяти автономным объединениям расход на душу населения был ниже среднего по автономиям и по восьми единицам—ниже среднего по федерации; в 1924/25 и 1925/26 гг. первых было четыре, вторых—семь единиц; в 1926/27 г. расход на душу был в четырех республиках ниже среднего по автономным республикам и областям и в пяти—ниже среднего по РСФСР.

[1] Душевой доход всюду взят по бюджетным материалам без поправки на плотность населения, что делает приводимые показатели до известной степени условными.

В отношении уровня удовлетворения потребностей населения положение в отдельных автономных административных единицах рисуется следующими показателями:

Обеспеченность школьными местами детей от 8 до 11 лет (в процентах):

	1925/26 г. (по исполнению)	1926/27 г. (по назначению)	Прирост
Коми-зырянская область	92,7	94,3	1,6
Крымская республика	75,5	85,7	10,2
Немцев Поволжья	74,3	73,2	—1,1
Карельская республика	63,3	68,5	5,2
Вотская область	59,6	66,5	6,9
Чувашская республика	62,6	65,0	2,4
Марийская область	62,2	64,1	1,9
Татарская республика	55,2	64,0	8,8
Калмыцкая область	43,3	56,8	13,5
Бурято-Монгольская республика	48,6	53,7	5,1
Башкирская республика	45,2	48,3	3,1
Киргизская	43,3	38,7	—4,6
Казакская	30.4	36,4	6,0
Дагестанская	27,2	32,7	5,5
В среднем по автон. респ. и обл.	46,1	51,2	5,1
В среднем по РСФСР (без Московской и Ленинградской губерний)	57,6	63,1	5,5

Из приведенной таблицы прежде всего усматривается, что темп прироста процента обеспеченности детского населения школьными местами в автономиях в целом ниже среднего прироста по РСФСР. В Киргизской республике и республике Немцев Поволжья, в отличие от всех прочих автономий, произошло снижение процента обеспеченности. Наиболее высокое возрастание удовлетворения детского населения школьными местами имеет место в Калмыцкой области, Крымской и Татарской республиках, наименьший прирост, за исключением Киргизии и Немцев Поволжья, где произошло снижение, в Коми-зырянской и Марийской областях.

Что касается годовой стоимости ученика школы I ступени (в рублях), то она по отдельным автономным единицам выражается в следующих суммах:

	1924/25 г. (по исполнению).	1925/26 г. (по исполнению).	1926/27 г. (по назначению).
Калмыцкая область	25,70	79,94	52,91
Карельская республика	28,74	36,50	43,92
Дагестанская	18,36	22,33	28,79
Бурято-монгольская республика	20,27	21,61	27,75
Коми-зырянская область	22,83	21,02	25,27
Марийская	16,59	16,90	24.57
Киргизская республика	6,26	14,79	23.98
Крымская	17.99	19,54	22,59
Башкирская	12,12	15,96	20,55
Немцев Поволжья	8.36	13,27	20,00
Вотская область	10.53	15,10	19.58
Чувашская республика	13,85	15.94	19,27
Казакская	8,74	14.80	18,50
Татарская	9,08	12,11	14,70
В среднем по автономиям	11,88	16,41	20,52
В среднем по РСФСР (без Московской и Ленинградской губерний)	11,87	14,75	18,95

Стоимость ученика в подавляющем большинстве автономий все время выше среднего по РСФСР, что объясняется, как указано выше, специфическими особенностями автономий и не всегда означает качественно лучшее состояние учреждений народного образования в национально-административных единицах. В 1924/25 г. в пяти, в 1925/26 г.—в трех и в 1926/27 г.—в двух автономиях стоимость ученика школы I ступени ниже средней стоимости его по РСФСР. Менее всего обеспечено качественное состояние учреждений в Казакской и Татарской республиках, и если первая постепенно приближается к среднему по РСФСР уровню, то последняя все время значительно отстает.

Приведенные материалы свидетельствуют о том, что задача культурного подъема отсталых автономных областей и республик требует и в дальнейшем организационных усилий и напряжения материальных средств, что наличие значительного расстояния в уровне удовлетворения потребностей населения автономных объединений со средним уровнем по федерации обязывает к более интенсивному темпу роста сетевых учреждений по народному образованию.

И. СМИРНОВ.

ПЕДОЛОГИЧЕСКИЙ СЪЕЗД

ИТОГИ СЪЕЗДА.

1.

Первый всесоюзный педологический съезд, происходивший в Москве с 27/XII 1927 по 4/I 1928, многие называли еще до его открытия учредительным съездом. Этим названием выражали ту основную задачу, которая стояла перед съездом и для осуществления которой был он созван. На самом съезде прекрасно сформулировал эту задачу проф. П. П. Блонский; он со всей справедливостью указал на то, что теперешнее состояние советской педологии напоминает «догусовский» период советской педагогики. Тогда было много отдельных советских педагогов, искавших пути к новой школе, отдельных направлений, но не было советской педагогики как единого целого, органическими частями которого могла бы явиться работа каждого отдельного педагога. У нас есть много педологов, много различных педологических групп, школ, течений, направлений, институтов, но нет еще советской педологии. Мы стоим у порога единой советской педологии, и первая и главная задача съезда заключалась в том, чтобы помочь нашей педологии перешагнуть за этот порог, чтобы заложить основы единой советской педологии.

Эта основная—историческая—задача определила весь характер работы съезда и прежде всего ее охват, ее объем, ее содержание. Этот охват должен был быть очень велик, программа съезда чрезвычайно широка, чтобы вместить все те основные элементы, которые должны лечь в основу единой советской педологии. Поэтому на съезде были представлены все научные течения, направления, школы. Поэтому принципиально-философские проблемы были поставлены наряду с практическими и организационными вопросами.

Хотя это был первый педологический съезд за все время революции, однако эта историческая задача оформления—принципиального и организационного—единой советской педологии оказалась вполне возможной, объективно оправданной и в большой мере осуществленной. Это надо объяснить тем, что съезд явился—в известной части—завершением большой работы, проделанной на многих предшествовавших педагогических, психо-неврологических и других съездах, в литературной полемике, внутри научно-исследовательских учреждений. «Глубокая ревизия всех старых сведений о человеке и методах его изучения», по выражению проф. А. Залкинда, составила основное содержание этой работы. Именно поэтому «многочисленные научные школы и группы нашли на съезде в основных своих работах общий язык, и этим языком

был язык диалектического материализма. Именно в области педологии, как со всей справедливостью указывает проф. А. Залкинд, кризис принципиального самоопределения развертывался особенно болезненно, особенно сложно. Съезд оказался, таким образом, исторически вполне своевременным, так как был созван к концу критического периода, когда основные разногласия уже были сглажены и создалась возможность сконструировать единую марксистскую платформу по главным педологическим вопросам».

Доклад Н. И. Бухарина «Педология и марксизм», заслушанный съездом перед самым закрытием, явился в этом смысле пробным камнем исторической зрелости нашей педологии, ее внутренней подготовленности к решению той задачи, которая стояла перед съездом. В этом докладе, посвященном рассмотрению наиболее важных, принципиальных философских положений педологии в свете марксизма, Н. И. Бухарин не столько отстаивал марксистскую линию в педологии перед съездом, сколько закреплял, выверял и с возможной четкостью вычерчивал эту линию. Съезд, слушая этот доклад, как бы проверял себя, свою девятидневную работу, ее направление, наметившиеся в ее процессе формы приложения марксистского метода к проблемам педологии, свои уже созревшие, только не проголосованные постановления и резолюции.

И вот, ясным доказательством правильности и своевременности постановки перед съездом задачи создания единой советской педологии, лучшим свидетельством исторической зрелости этой задачи явилось то обстоятельство, которое не закреплено голосованием съезда и не вписано в его постановление, но которое сознавалось всеми,—именно то, что линия работы съезда и линия, которую вычерчивал в своем докладе Н. И. Бухарин, не разошлись, но в основном совпали, наметивши единую линию советской педологии.

2.

Перед съездом стояли три основные задачи. Выработать принципиально методологические основы педологии и дать им систематическое оформление. Подытожить десятилетнюю работу по педологии, ведущуюся во всех частях Союза, и наметить задания и план этой работы на ряд ближайших лет. Наконец,—третье—найти линию максимального сближения педологии с педагогической практикой.

Эта последняя задача не была последней по значению. Она проходила через всю работу съезда. И когда в своем докладе Н. И. Бухарин назвал педологию—в этом смысле—служанкой педагогики, он дал образное выражение этой тенденции—поставить педологическое исследование на службу педагогической практики.

Поэтому основные проблемы педагогической практики были вместе с тем и основными проблемами педологического съезда. Проблемы детского труда, детского коллектива, детского движения составили содержание важнейших, центральных заданий на будущее, выработанных съездом. Во всех этих вопросах съезд наметил принципиальные отправные точки для разработки каждой проблемы.

Изучение детского коллектива, говорит резолюция съезда, как могучего, нового, классового фактора воспитания, должно итти по линии учета социальных свойств ребенка на каждой возрастной ступени его развития, учета новых качеств, приобретаемых в коллективе каждым индивидуумом, входящим в него. Разработка методов организа-

ции и использования детского коллектива должна составить одну из важнейших задач нашей практической педологии.

В этой области, как и во многих других, практика опередила теорию; педагогика ушла вперед, педология отстала. Подвести педологическую базу под уже широко развернутую педагогическую работу, выверить педологическим компасом уже пройденный путь, наверстать упущенное—такова первая задача педологии. Пока на съезде сделан только первый шаг в этом направлении: педологически выверена и оправдана принципиальная основа, на которой строится практическая работа. Так обстоит дело в области детского коллектива, так же обстоит и в области труда.

Труд не должен превращаться только в приобретение трудовых навыков, говорится в постановлении съезда по этому вопросу. Вопрос должен быть поставлен и о целях, о выработке социально ценной целеустремленности, о развитии сознательности в труде, умении обдумать и планировать трудовой процесс, о приобретении в трудовых процессах знаний по технологии материала и инструментов, правильном применении рабочих движений и самоучете результатов успешности трудовых усилий; должен быть поставлен и изучен вопрос о коллективном труде, о взаимопомощи и кооперации в труде; о высших (с социальной точки зрения) типах труда. Поэтому организация труда в школах соцвоса и профобра является основной частью организации педагогического процесса.

Ту же работу—проверку принципиальной педологической линии—успел проделать съезд в отношении проблемы детского движения. И здесь он подтвердил правильность того основного педологического пути, которым идет практика.

Свое практическое и организационное выражение идея «единой советской педологии» нашла в трех новых начинаниях, которые органически вытекли из всей работы съезда. Первое—и самое важное из них—это планирование исследовательской работы в СССР, выдвинутое в докладе проф. А. Б. Залкинда. Съезд присоединился к основным положениям, выдвинутым докладчиком, суть которых сводится к тому, что в исследовательскую работу по педологии следует внести плановое начало, что педология уже переросла ту стадию, когда резкая диспропорция частей, параллелизм и повторение, неорганизованность и «самотек» могли не причинять особого вреда. Создание комиссии по планированию исследовательской работы по педологии является той конкретной формой, в которой задание это может быть осуществлено.

Создание педологического общества, бюро которого было избрано на съезде и которое должно поставить своей задачей объединение всех работников советской педологии, вместе с изданием центрального педологического журнала, преследующего те же цели, составляют второе и третье начинания съезда в области практического осуществления и проведения в жизнь идеи «единой советской педологии».

3.

Стыком между чисто философскими проблемами, занимавшими съезд, и чисто практическими задачами, которые пришлось ему решать,—этим стыком оказалась проблема методов, над которой работала особая секция съезда. Здесь—в вопросе о методах—философско-принципиальные предпосылки перестают быть абстрактными, они непосредственно соприкасаются с глубоко практическими выводами, перерастают в них, наполняются конкретным содержанием Об этой теснейшей связи теории с практикой справедливо говорит проф. А. Залкинд: «Именно педология, синтезирующая в себе знание о человеке в его развитии, не может разрешить своих непосредственно практических вопросов, не уяснив своего отношения к философским общим вопросам. Вопрос о взаимоотношении «души и тела» для педологии—не абстрактно философский вопрос, а проблема ежедневной практики, так как при разном разрешении этого вопроса человек поиному изучается, поиному истолковываются его возможности, поразному строятся и методы воздействия на него. Дарвинизм вместе с учением о рефлексах для педологии—не только общетеоретический вопрос, а конкретно деловой вопрос, так как лишь при диалектическом применении материала этих учений можно развернуть действительно богатые, совершенно неожиданные возможности воспитания в условиях растущей социалистической среды. Соотношение социальных и биологических влияний на человека, вопрос о месте социологии и биологии в педологии—это вопросы о педологических пределах и возможностях воспитания в СССР».

Исходя из принципиальных и практических соображений, съезд стал на точку зрения «диалектического синтеза методов педологии». Педологический съезд убедительно показал, гласит резолюция, что советская педология располагает целым рядом таких отдельных методов исследования и обследования, каждый из которых может при целесообразном и правильном его применении, в соответствующих природе и возможностям данного метода областях, дать полезные для педологии и педагогики результаты. Это положение стоит в полном соответствии с основной принципиальной установкой, которая красной нитью проходит через всю работу съезда и которая выражена в постановлениях съезда: для осуществления своих задач педология должна учесть все материалистические достижения в области общественных наук и естествознания (общая биология, анатомия, общая физиология, эндокринология, учение об условных и сочетательных рефлексах, марксистская психология и социология), диалектически связывая их в цельное учение о развивающейся человеческой личности.

Съезд сделал глубоко важную попытку наметить значение и место, область применения каждого метода в той комбинированной методике, использующей целый ряд методов, которая наметилась на съезде. Признавая огромное значение физиологического метода, метода условных рефлексов, который дает материалистическое объяснение поведению ребенка, съезд указал на то, что этот метод не может охватить всего поведения, а именно, части, касающейся содержания сознания и социально-идеологической направленности, где необходимо применение рефлексологического, психологического и социологического методов. На огромную высоту поднимает эта же оценка съезда экспериментальные методы, которые «смогут подвести действительно точную и объективную базу под нашу молодую науку». Отмечен значительный шаг вперед, сделанный советской педологией в разработке метода систематического наблюдения. Углубление, уточнение, объективность самого наблюдения, четкость целевых установок, углубленный анализ форм детского поведения—все это завоевание последнего десятилетия, плод долгой и кропотливой работы.

Съезд призывал всех педологов к большой осторожности при использовании тестов, средства изучения детской одаренности. Признавая значение этих методов, съезд предостерегает против опасности применения непроверенных или механически перенесенных из зарубежной педологии тестовых испытаний. Съезд приветствовал вводимые

в самое последнее время школьные тесты, измеряющие школьную успешность и школьное продвижение. Предъявленные съезду материалы, говорится в резолюции по этому поводу, убедительно показали, что в лице этих тестов учета успешности школа действительно может получить достаточно объективный, наглядный и точный метод учета школьной работы. Правда, мы еще не располагаем в настоящее время той системой школьных тестов, которые полностью и в совершенстве учитывали бы работу нашей школы, и создание такой системы является актуальной задачей нашей педологии.

4.

Учредительный характер педологического съезда сказался главным образом в том, что наряду с оформлением принципиальной платформы съезд поставил на очередь и в самых общих чертах разрешил вопросы практические и организационные. До сих пор у педологии была голова, но не было рук. Научно-исследовательские институты, университетские кафедры, особые отделения в педвузах разрабатывали педологию сверху, но не было кадров педологов, которые проводили бы практическую педологическую работу снизу—в массовую школу. Педологическая работа в массовых учреждениях соцвоса до сих пор совершенно организационно не оформлена. В результате—на местах ряд неплановых, случайных мероприятий, иногда кустарного характера. Окончившие педологические отделения наших педвузов в большинстве не используются по специальности, а на местах педологическую работу ведут большей частью или лица с узко психологической, гуманитарной подготовкой, ограничивающиеся изучением отдельных частностей педагогического процесса (одаренность, успешность), без достаточного охвата этого процесса в целом, без педологической установки в собственном смысле слова; или врачи с узко гигиеническим подходом, не обслуживающие самых насущных нужд педагогической практики.

«Съезд признает существующее положение исключительно ненормальным,—говорится в резолюции съезда по организационно-программным вопросам,—и считает срочно необходимым установить четкую организационную структуру педологической работы, для чего необходимы в первую очередь соответствующие твердые директивы со стороны Главсоцвоса НКП местным органам народного образования». Далее резолюция съезда намечает следующие нормальные организационные формы педологического обслуживания массовой школы: в аппарате губ- и уоно создается специальная должность инструктора-педолога; специалист-педолог вводится в штаты опорных и опытно-показательных учреждений соцвоса, которые на местах являются центрами массовой методической и педолого-просветительной работы учительства; постепенно при этих учреждениях должна развертываться сеть педологических кабинетов как местного, так и районного значения, в которую должны быть включены существующие уже педологические кабинеты, перестроенные по общеплановому типу. На ближайший год съезд наметил три основных организационных задания: 1) комплектование преподавателей педологии и общепедагогических дисциплин из числа педологов, окончивших специальные отделения педвузов, 2) комплектование работников кабинетов, лабораторий и т. п. из педологов-педагогов, 3) учреждение в каждой губернии по крайней мере по две штатных должности педологов, которые образуют ядро будущей педологической сети.

Совершенно ясно разрешается резолюцией вопрос о типе работника будущей педологической сети и о содержании массовой педологической практической работы. «Основными работниками педологических учреждений и штатными педологами в учреждениях ссоцвоса могут быть только лица, получившие специальную подготовку на соответствующих отделениях педвузов». Содержание работы педолога-практика должно складываться из трех основных элементов: 1) непосредственного участия в массовой методической работе, проведения в жизнь школы педологического подхода к ребенку и к педологическому процессу, 2) педолого-просветительной работы с учительством, 3) массовой обследовательской работы (комплектование школы, группировка детей, отбор отсталых и т. п.) совместно с врачами ОЗД. Вся педологическая работа должна протекать в тесном контакте и в организационной связи с органами НКЗ, ведущими работу по линии ОЗД.

Съезд признал необходимым созыв специального совещания, посвященного вопросу о должной организации преподавания педологических предметов в педвузах, педтехникумах и во втором концентре школ второй ступени с педагогическим уклоном. Это специальное совещание должно внести окончательную ясность в вопросы педологической подготовки как специалиста, так и рядового педагога.

Проведение в жизнь намеченного съездом организационного плана будет иметь огромное значение. Это будет реализацией той связи между педагогической практикой и педологической работой, которая была признана съездом основной предпосылкой плодотворного развития нашей педологии. Создание сети практически-педологических учреждений будет означать введение в нашу культурную практику нового и чрезвычайно важного фактора. Это будет началом огромного дела—рационализации педагогической работы массовой школы на научных педологических основах.

5.

Педология преддошкольного возраста заняла в работах съезда большое место. В этой области в нашей педологии наметился коренной пересмотр традиционных теоретических воззрений на этот возраст и практических педагогических систем ясельного воспитания. Большая научная работа, ведущаяся в этом направлении школой генетической рефлексологии, украинской школой, институтом охраны материнства и младенчества и др., как и педологический учет результатов педагогической работы, приводят к одному выводу, который красной нитью проходил через все доклады, посвященные этой теме.

Есть все основания утверждать, гласит этот вывод, что уже к самому раннему возрасту вполне приложимы те основные целевые установки социального воспитания, которые пронизывают всю нашу педагогическую практику. Ранний возраст, который недавно еще и в теории и в практике рассматривался как объект исключительно медико-гигиенического воздействия, в свете новых исследований оказывается чрезвычайно богатым в смысле воспитательных возможностей. Пересмотр педологии этого возраста и проходит под знаком педологизации и педагогизации раннего детства.

«Ценнейшие достижения в области генетической рефлексологии,—говорится в резолюции съезда,—строго обоснованные данные о путях развития нервной системы детей до 1 года, неоспоримо доминирующая зависимость этого развития от факторов социальной среды являются огромной значимости источником создания марксистски обоснованной педологии раннего детства. Эти данные о чрезвычайной гибкости, пластичности и изменчивости этого возраста, подкрепленные исследо-

ваниями детей первых трех лет жизни и учетом возможностей этого возраста, дотоле неизвестных в западной литературе, дают нам все основания того большого педологического оптимизма, которым проникнута советская педология в целом».

Социальные проявления детей раннего возраста, особенное значение социально-контактных раздражителей в развитии поведения этих детей, положительная роль общения этих детей между собой только в самое последнее время становится предметом изучения за границей. Традиционная педология раннего детства ставила под сомнение самую возможность существования в преддошкольном возрасте хотя бы зачаточных социальных и коллективных взаимоотношений в настоящем смысле (за исключением «стадного инстинкта»). Наша педагогическая практика, а теперь и педологическая теория окончательно разрушают это в корне неверное представление о ребенке раннего возраста как о прирожденном индивидуалисте, и резолюция съезда говорит о закладывании уже в этом возрасте основ «будущего строителя социалистического общества».

6.

Область дошкольной педологии, пожалуй,—самая разработанная у нас часть педологии. Здесь много ценного дал метод объективного систематического наблюдения. Разработанная методика этих наблюдений, говорится в постановлениях дошкольной секции съезда, и положенные в ее основу схемы анализа детского поведения оправдали себя в конкретной работе, что и было выявлено в докладах по игре, по труду, по изучению восприятия детей, по навыкам, по коллективу. Педагоги-практики подчеркнули актуальность и значимость для методики педагогической работы тех выводов, которые получены на основе систематического планового наблюдения.

Наш дошкольник, как показали материалы съезда, часто приобретает социальные установки и навыки, не всегда идущие по линии наших воспитательных задач. Поэтому съезд выдвинул как одну из основных задач дошкольной педологии изучение детского коллектива. Это изучение должно явиться главной предпосылкой к созданию педагогическими средствами такого детского коллектива, который явился бы объединением детей, согласованно осуществляющих общие цели, идущих в направлении задач коммунистического воспитания, в результате чего дети приобретают коллективистические установки и навыки.

Основные проблемы этого возраста—игра, труд и приобретение навыков—получают свое разрешение только в связи с этой основной задачей—изучением и созданием детского коллектива. Основные практические выводы, к которым пришел съезд на основании представленных результатов исследования детской игры, формулируются так: необходима организация среды внутри педагогического учреждения, стимулирующая как содержание, так и формы детской игры, так как игровая деятельность ребенка как в своей структуре, так и в своем содержании всегда обусловливается окружающей средой, а процесс игры в свою очередь способствует расширению и укреплению связей детей с окружающей средой; далее, необходима методическая увязка игровой деятельности детей с общей педагогической работой учреждения, и наряду с этой увязкой необходимо и разграничение игры и труда в плане и методах работы, как процессов различных по своей установке, а отсюда—и по многим моментам воспитательного и образовательного характера.

Изучение трудовой деятельности дошкольника показало, что труд представляет своеобразную форму, особый вид детской активности как по своей установке, так и по структуре процесса. Все наблюдения подтверждают огромную воспитательную и образовательную ценность труда в этом возрасте, если понимать труд в том его широком педагогическом аспекте, который намечен нами выше. Произведенные исследования подтверждают, говорит резолюция по этому вопросу, что целевая работа с установкой на жизненно используемый результат является в дошкольном возрасте вполне жизненной и педологически оправдываемой, повышая интенсивность, организованность и устойчивость всех детских реакций.

Проблема навыков является одной из основных проблем педагогической практики. Методика воспитания навыков должна ориентироваться «на целостность детского поведения, на наличие закономерных связей в общей системе навыков и на принцип динамичности приспособительных реакций ребенка». В тесной связи с проблемой навыков находится вопрос о дидактическом материале. Опыт работы показал возможность использования дидактических моментов и в качестве стимулов организации детского коллектива. Анализ развития восприятий у дошкольников выяснил обусловленность этого процесса средой и установил огромное значение детских садов для правильного развития восприятий детей из пролетарской среды.

Физическое развитие массового дошкольника обнаруживает сдвиг в благоприятную сторону. Съезд признал необходимым, чтобы массовое дошкольное учреждение стало основной базой оздоровительной работы и широкой гигиенической культуры «дошкольного населения». При относительно благополучных показателях физического развития, массовый дошкольник оказывается неустойчивым в функциональном отношении, что выдвигает на первый план вопросы о нагрузке, о физической культуре и дозировке работы.

Вопрос о трудновоспитуемом дошкольнике получил на съезде также свое разрешение. Признано практически необходимым развертывание врачебно-педологических консультаций для педагогически трудных детей и создание в общей сети дошкольных учреждений системы вспомогательных учреждений лечебно-воспитательного характера. Отбор особо трудных детей в эти учреждения должен производиться в процессе педагогической работы. Однако центр тяжести в разрешении этой проблемы лежит не в создании вспомогательных учреждений, а в «полноценной реализации в практической работе основных принципов советской системы воспитания», говоря языком резолюции съезда.

7.

Проблема педологии первого школьного возраста практически является наиболее центральной и важной из всех возрастных проблем. Около 80% всей детской массы, охватываемой учреждениями социального воспитания, т. е. огромное большинство ($^4/_5$) всех воспитываемых в Союзе детей, падает именно на этот возраст. Понятно, что каждая ошибка в этой области воспитания, помноженная на огромную детскую массу, практически приносит колоссальный вред, ущерб, и обратно: даже небольшое положительное завоевание педологии, позволяющее внести какое-либо небольшое улучшение в практику массовой школы, опять-таки благодаря массовому множителю, приобретает огромное значение, приносит в итоге колоссальную пользу. Съезд констатировал, что, несмотря на многие значительные и ценные резуль-

таты, достигнутые педологией в этой области, педологическая работа по изучению этого основного контингента массового советского школьника в настоящее время недостаточно развернута по сравнению с теми колоссальными задачами, которые стоят перед педологией первого школьного возраста.

Выдвигая основные проблемы в этой области—как проблема детского труда и коллектива, педологическое обоснование программ Гуса и методов школьной работы, изучение крестьянского подростка,—съезд указал те практические задачи, которые стоят перед нашей педологией, тот путь ближайшего ее развития, по которому она должна пойти.

Материалы педологического изучения массового советского школьника позволили нарисовать довольно полный портрет современного ребенка школьного возраста. С радостью прочитываешь в этих материалах, что изучение устанавливает сравнительно благополучное состояние общего физического развития массового школьника. Вес, рост и объем груди не внушают опасений, но меньшее благополучие отмечается в области функционирования сердечно-сосудистой системы и нервной системы нашего школьника. Винить здесь приходится в первую очередь неблагоприятную семейно-бытовую обстановку и плохие еще санитарно-гигиенические условия нашей массовой школы. Те же материалы рисуют нам коренную и глубокую перестройку всей идеологии современного школьника на новых началах. Это с убедительной ясностью показывает, что основная общественно-политическая установка нашей школы дает реальные результаты, усилия направлены в основном верно и не бьют мимо цели. Создается в новом поколении новая идеология, растет новый человек, с повышенным чувством собственного достоинства и сознанием своих прав, с критической мыслью, без предрассудков, с пролетарской идеологией.

Наиболее разработанным—с педологической стороны—оказался вопрос о физическом воспитании в школе I ступени. Система физического воспитания, принятая в программах Гуса, «безусловно педологически обоснована и педагогически целесообразна», говорится в постановлениях* съезда. Разработка вопроса о месте физкультуры в комплексе, связь моторной части системы с разработкой комплексных тем образовательной программы является очередной задачей педологии этого вопроса. Это стоит в непосредственной связи с принципиальной установкой, из которой исходит педология физического воспитания: физическое воспитание должно стать столь же важным фактором в педагогическом процессе, как и остальные отрасли работы; оно не может исчерпываться отдельными часами, выделяемыми на физвоспитание, а должно пронизывать все моменты педагогического процесса и особенно трудовую и исследовательскую деятельность школы.

Чрезвычайной важности педологическую проблему представляет изучение неуспевающего школьника I ступени. Педологическую характеристику такого школьника сделал на основании сопоставления «первых» и «последних» учеников 30 школьных групп проф. П. П. Блонский. Неуспевающий школьник в массе—это ребенок с худшей наследственностью, с худшим утробным детством, физически отсталый, с замедленным темпом умственного развития. «Он плохо усваивает новое и плохо ориентируется в новых условиях, невнимателен, медленно работает, пассивен, не пользуется авторитетом у товарищей; учителю и школе он менее известен, нежели другие ученики, однако учиться он может больше «первых», хотя интеллектуальные интересы у него гораздо слабее. В то же время у него ярко выявлены художественные интересы (рисование, музыка, кинотеатр)». Основной вывод, к которому приводит изучение неуспевающего школьника, заключается в том, что школа должна создать для него возможно лучшие условия работы, соответственным образом приспособляя организацию групповых занятий.

8.

Секция второго школьного возраста вынуждена была констатировать, что, несмотря на всю важность изучения подростка, работа эта у нас только начинается—и главным образом по изучению рабочего подростка. Крестьянский же подросток остается до сих пор совершенно неизученным. Советские педологи должны уделить больше внимания изучению подростка вообще и крестьянского подростка в частности—таково основное требование съезда в этой области.

Важность изучения этого возраста не исчерпывается тем, что это—возраст переходный, трудный, критический, т. е. требующий наиболее тонкого педологического обоснования всей воспитательной работы. «Переходный возраст является особенно ответственным в деле нашей воспитательной работы,—говорится в резолюции съезда по этому вопросу,—потому что это—период вступления в самостоятельную профессиональную и общественную работу и одновременного оформления общественно-политического мировоззрения».

Основные выводы, намечающиеся в результате научных исследований современного советского рабочего подростка, представленные съезду, сводятся к тому, что общая, абстрактная педологическая схема подростка, его возрастная характеристика—«вне времени и пространства», сделавшаяся шаблоном при рассмотрении этого возраста в традиционной педологии, заполняется конкретным содержанием, не умещающимся в рамки этой схемы. Это содержание ломает рамки традиционной возрастной характеристики и требует настойчиво ее пересмотра. Приэтом выясняется глубокая зависимость этой схемы от особенностей того социального материала, на основании которого она была выработана. Изучение нового социального слоя, нового класса приводит к неожиданным и противоречащим этой схеме выводам. Научная работа по изучению подростка и идет в основном по руслу заполнения и пересмотра этой схемы; общей, чрезвычайно важной задачей всех работников в этой области является установить, как общие черты возраста находят свое конкретное выражение в социально-классовом типе подростка, как социально-типические черты подростка преломляются через призму его возрастного своеобразия.

«Установившийся в педологии взгляд на подростка, как на астеника, по преимуществу,—суммирует резолюция итог этих исследований,—не соответствует действительности. Новейшие исследования приводят к выводу, что астенический тип складывается довольно рано и равномерно распределяется по возрастам. Также не подтверждается и установившийся в педологии взгляд на подростка, как на шизотимика со всеми присущими ему особенностями (эгоцентризм, негативизм, склонность к уединению и мечтам, несоответствие поведения настроению и т. п.). По последним исследованиям советский (главным образом рабочий) подросток в большинстве случаев является общительным коллективистом с реалистической целеустремленностью и общей оптимистически-творческой установкой».

Съезд отметил на основании представленных материалов и тревожные явления в развитии нашего подростка, которые требуют немедленного и решительного воздействия. Советский подросток, давая из года в год улучшение внешних показателей физического развития

(рост, вес и т. д.), в то же время не отличается крепостью здоровья, причем процент болезненных расстройств растет параллельно времени пребывания в школе. При общей ослабленности организма у нашего подростка отмечается повышенная ранимость центральной нервной системы с значительным процентом различных форм нервных расстройств.

Из частных вопросов, связанных с проблемой переходного возраста и послуживших предметом обсуждения на съезде, отметим только те два, особенную важность которых подчеркнул съезд: вопрос о профконсультации и о половом воспитании. Работа по установлению профпригодности подростков должна ставиться на серьезной педологической базе с учетом биологических особенностей, влияния социально-бытовых условий при длительном объективном наблюдении и повторных психотехнических испытаниях. Эта работа должна вестись, как устанавливает решение съезда, согласованно органами Наркомпроса, Наркомздрава, Наркомтруда и ВСНХ.

В отношении полового воспитания съезд еще раз подтвердил основное положение, что лучшее половое воспитание—это правильная организация общего воспитания, всего воспитания в целом, организация детей вне школы и в школьной работе—«при использовании всего общеобразовательного комплекса особенно по линии обществоведения и естествознания».

9.

Проблема трудновоспитуемого и дефективного детства заняла большое место в работах съезда. Съезд констатировал на основании представленных ему материалов, что педагогическая работа с трудновоспитуемыми детьми, развернутая за протекшее десятилетие, и педологическое изучение показали правильность и плодотворность той новой точки зрения на происхождение и природу детской трудновоспитуемости, которая была положена в основу пересмотра теории и практики этого вопроса. Эта последовательно марксистская точка зрения рассматривает детскую беспризорность и трудновоспитуемость как результат социально-экономических факторов в первую очередь, за исключением известного процента случаев биологической недостаточности, явившейся причиной «трудности» детей в педагогическом отношении, а также смешанных форм. Ряд ценных исследований социально-экономических факторов трудновоспитуемости показал, что в значительном числе случаев именно эти условия являются основной причиной детской «трудности», и что с устранением этого источника устраняются и самые трудности. Эти исследования открыли широкие возможности для перевоспитания, для педагогического воздействия на трудного ребенка и легли в основу всей воспитательной практики. Биологические исследования дали в свою очередь ценный материал для борьбы с теми формами детской трудновоспитуемости, которые имели под собой биологическую почву.

В силу целого ряда объективных условий педологией трудного детства накоплен еще недостаточно большой с в о й материал, собранный и обработанный с новой точки зрения, и педагогике приходится опираться лишь на общепедологические положения и методы. Дальнейшее продвижение в этой области, серьезную постановку научно-исследовательской работы, разработку достаточно глубокой методики исследования трудного ребенка и социальных корней его «трудности» съезд признал насущно необходимыми задачами неотложного характера. Съезд наметил ряд конкретных проблем, которые должны составить предмет тщательной научной разработки. Таковы проблемы трудновоспитуемого ребенка и работы с ним в пределах нормальной школы, труда и организации коллектива в учреждениях для трудновоспитуемых, методики изучения трудного ребенка.

В области педологии умственной отсталости и физической дефективности за протекшее десятилетие была развернута широкая научная и практическая работа. Принципиальный пересмотр основных проблем в этой области выдвинул в противовес прежней—узко биологической трактовке дефекта—принцип социально-биологической обусловленности всего развития умственно отсталого и физически дефективного ребенка.

В результате большой работы, проделанной в этой области, нашу специальную школу удалось поднять на такую высоту, на которой она, по общему мнению всех работающих в данной области, не стояла до революции. Результаты разработки педологических проблем умственной отсталости и физической дефективности с этой точки зрения дали базу для коренного пересмотра основ педагогической практики в специальной школе. Изолированность от окружающей жизни, установка всей педагогической работы исключительно на дефект, имевшие место в дореволюционной специальной школе, были отвергнуты. Специальная школа была введена в общее русло советской педагогики, перестроена на основе общих принципов специального воспитания. Специальная школа тесно связалась с жизнью, детская самоорганизация, пионерработа, трудовая подготовка сделались основой ее работы.

Однако и здесь, как и во всех остальных областях, внимание съезда, центр тяжести его решений падает не на итоги, а на перспективы, скорее на будущее, чем на прошлое, на то, что еще предстоит сделать, а не на то, что уже сделано. Вопросы «профилактики трудновоспитуемости», т. е. предупреждение ее, и педагогического оздоровления всей воспитательной работы, обстановки и быта, окружающего детей; вопросы «диспансеризации» умственно отсталых и физически дефективных детей; установление принципов и методов стандартизации и диагностики трудного детства; введение педологов-специалистов в работу крупных учреждений по воспитанию трудных детей; подведение педологической основы под педагогическую и лечебно-педагогическую практику воспитания трудного ребенка—таков сжатый перечень заданий на будущее, данных съездом нашей педологии. По сравнению с огромностью этих задач то, что уже сделано, кажется малым отрезком того пути, большая часть которого лежит в будущем. Но и во всей нашей педологической работе, как ее расценил съезд, все прошлое имеет значение только подступов к огромному будущему.

Л. С. ВЫГОТСКИЙ.

ние в деле Бейлиса, направленное против кровавого навета, созданного царским правительством, ясно указывает на эту связь его научной работы с общественной жизнью, которая проходит через всю его жизнь. Он был воспитателем многих поколений врачей, учившихся у него; основателем и редактором многих научных журналов; ученым, который стремился нести научное знание в народные массы; основателем Психо-неврологического института и Института мозга. С первых дней Октябрьской революции он связал с ней свою научную работу, поставил ее на службу революции, влил ее в общее русло революционного строительства. Он перебросил мост между наукой и трудящимися, по справедливому выражению т. М. И. Калинина. Он был одним из немногих ученых, не испугавшихся, не растерявшихся, не выжидавших, но сразу примкнувших к революции и понявших связь между наукой и Октябрем.

Наконец, огромное значение работ В. М. Бехтерева для педагогики заставляет всех работников просвещения, всех строителей новой культуры ощутить, что в его лице они потеряли большого ученого, который только в последние годы вплотную подошел к проблемам педагогики и который мог дать еще многое для научного обоснования их практической работы. Общая рефлексология человека, несомненно, составляет уже одну из основных дисциплин, на которые опирается наша педология, т. е. наука о ребенке, о развивающемся человеке. Знание человека есть основа для знания о ребенке. В частности, чрезвычайно много рефлексология дала для научного, объективного обоснования самого педагогического процесса. Генетическая рефлексология, начало которой было заложено всего несколько лет тому назад, успевшая захватить только раннее детство; изучение рефлексологии школьного возраста и трудного детства, ведущееся в Институте мозга, были представлены—уже после смерти В. М. Бехтерева—на педологическом съезде в прекрасных докладах, которые показали, как много ценного материала для педологии и педагогики может дать рефлексологическая школа, школа В. М. Бехтерева.

Работа В. М. Бехтерева не оборвалась вместе с его смертью. Его ученики и сотрудники, продолжатели его дела, потеряли с его смертью очень много, но не все. Созданное им переживет его. «Нет, весь я не умру»,—может сказать про себя вслед за поэтом всякий творец—ученый, как и художник,—и Владимир Михайлович Бехтерев тоже «весь не умрет», но будет жить в своих учениках, в своих книгах, в своих идеях.

Л. С. ВЫГОТСКИЙ.

ШКОЛА В ДЕРЕВНЕ

О РАБОТЕ ДЕРЕВЕНСКОГО УЧИТЕЛЯ.

Тем молодым товарищам, которым придется работать в деревне, нужно представить себе те условия, в которых им придется работать. Это—с одной стороны, а с другой стороны, исходя из этих условий, им придется подумать и о том, что можно сделать в деревне и в каком направлении можно вести там работу, имея в виду то общее направление, в котором движется сейчас вся наша современная жизнь; этого направления—нашего социалистического строительства—упускать никак нельзя.

Все те вопросы, которые поставлены сейчас перед нашим советским государством, все те требования, которые предъявляются современному советскому строительству, вся та политика, которая должна проводиться партией и всеми нашими общественными силами в деревне,—все это должно быть учтено для того, чтобы работа в деревне была разумной и плодотворной. Конечно, для того чтобы осуществить в деревне эту разумную работу, надо прежде всего знать деревню.

Следовательно, нам нужно знать: 1) общее направление нашего советского строительства и 2) то направление, которого нужно держаться в деревенской работе, т. е. попросту надо знать деревню и надо знать, что в ней делать, пользуясь теми средствами, которые будут у вас в руках, а средства эти: голова учителя, его руки, его предварительная выучка, ребята, школьное здание, все пособия, учебники, книги, перья, бумага, карандаши. Вот те средства, которыми учитель должен уметь пользоваться.

Надо иметь в виду и то обстоятельство, что учителю придется иметь дело не только с теми детьми, которые будут приходить в школу, но сталкиваться и с той жизнью, которую эти дети ведут в окружающих их условиях. Значит, тут нужно говорить не только об изучении деревни и о том, что там надо делать, но говорить об изучении жизни детей, о том, как разумно организовать детскую жизнь.

Конечно, сказать это просто, а сделать далеко не так просто.

Когда мы говорим о выполнении этой работы, то знаем, что нам нужно прежде всего изучить наше собственное дело, т. е. то содержание, которое мы вкладываем в нашу работу, значит, программу, те методы, которыми мы будем работать, и школьную организацию. Все это должно быть приспособлено к одной цели: воспитывать детей в том направлении, в котором движется наша советская страна. Теперь мы уже можем с некоторым основанием говорить о том, что мы должны давать нашим детям в деревенских условиях социалистическое воспитание. Трудно ли это выполнить или легко? Очень трудно, и обыкновенно бывает так, что молодой человек, попавший первый раз в деревню, под влиянием этих серьезных глубоких идей хватается за все, видит, что и то нужно и другое нужно, и то висит над головой и

другое висит. Он хватается за все дела, переходит от одного дела к другому и часто выбивается из сил, у него опускаются руки, и он начинает говорить о том, что он не годится для этой работы, он проклинает деревню и говорит, что надо уйти в другое место. Такие вопросы всегда возникают перед начинающим учителем.

Я хотел бы здесь вкратце обрисовать все те условия, в которых протекает эта работа, очертить самые основания этой работы.

Здесь надо иметь в виду, что хотя мы и ставим вопрос о социалистическом воспитании, но мы воспитываем не одни, а в гораздо большей степени воспитывает наших детей окружающая среда как в городе, так и в деревне. В различных слоях, классах, на которые в силу известных исторических условий еще делится население, везде идет воспитание детей по известным путям и довольно определенным. Так, например, если перед вами незнакомый ученик, то, посмотрев, как он ходит, как выглядит, какие у него движения, поговорив с ним, вы, пожалуй, быстро определите, городской это мальчик или деревенский. Таким образом, человеку, более или менее внимательно приглядывающемуся к тому, что перед ним происходит, по выражению лица этого мальчика, по его навыкам, привычкам, повадке нетрудно определить ту среду, откуда он вышел. Ребенок получает известные навыки, вкусы, привычки в окружающей среде. Мы в нашей школе также стремимся привить детям те навыки, те привычки, которые выдвигает наша программа, и изобретаем для этого всевозможные средства. Таким образом мы видим, что педагогическая работа происходит в окружающей среде. Следовательно, ребенок воспитывается, если он учится в школе, в двух средах, в двух направлениях. В одну сторону его может тянуть школа, а в другую—окружающая среда, так как эти два направления могут не совпадать. В школе мы учим его одному, а среда может учить совсем другому. Тогда, конечно, благотворных результатов ждать нельзя.

Надо сказать, что перед нами слишком сложные, большие задачи, которые, пожалуй, мы одни своими силами не выполним и не то что пожалуй, а наверняка не выполним. Но представим себе, что вдруг все школы закрылись. Как с процессом воспитания—все кончится? Нет. Процесс воспитания и образования будет происходить силами самого населения. Если же в это дело внедрится школа, если она будет действовать разумно, то этот процесс воспитания может быть организован гораздо более целесообразно для достижения тех целей, которые широкие массы населения себе ставят. Значит можно сделать такой вывод: для того чтобы разобраться в том, как воспитывать наших детей, надо изучить это дело в окружающей среде, и такое изучение должно привести к тому, что мы, разобравшись в нем, увидим, что плохо, что хорошо в воспитании, которое дается средой. Ведь не все же там плохо. Далеко не все. И в деревне, и в городе, и в семье рабочего, и в семье крестьянина—везде есть положительные, хорошие черты наряду с чертами отсталыми, вредными.

Мы много думаем и говорим о трудовой школе, о трудовом воспитании. Проводится ли в деревне трудовое воспитание? Проводится. Результаты крепкие. Ведь в деревне мальчик или девочка—это уже почти сформировавшийся человек, и всю ту нехитрую сумму работ, которые они могут делать, они и делают. Часто мы видим, что пятнадцатилетний подросток становится после смерти отца хозяином дома, членом сельского схода. Нам надо в этих явлениях основательно разобраться, надо присмотреться к тому трудовому воспитанию, которое здесь происходит, и к тому способу, которым трудовая семья воспитывает своих детей: как ни как, а ребята воспитываются в процессе самой работы. Всякий взрослый заставляет детей делать ту или другую работу. Он словами не ограничивается, а прямо говорит—делай то-то. Мы можем заметить даже некоторую постепенность: ведь в самом деле, в трудовой семье детская работа усложняется по мере того как ребенок растет. А чего мы всегда добиваемся в процессе трудового воспитания, мы, педагоги? Мы всегда считали, что говорить с детьми о воспитании мало, надо воспитывать в процессе дела. Об этом говорит и вся новая педагогика. Вот если бы мы с этим способом трудового воспитания заключили союз, то от этого только бы выиграли. Но надо сказать, что тут могут быть и отрицательные явления, а именно, недопустимо, чтобы работа превышала силы ребенка. Часто мы видим, например, что маленькие дети ходят за водой, берут одно-два ведра, что для них слишком тяжело и вредно. Значит, здесь нужно ослабить нагрузку, исправить. Но в основном трудовой процесс остается для наших воспитательных требований весьма подходящим. Можно еще назвать целый ряд таких случаев, когда педагогика окружающей деревенской среды является весьма и весьма целесообразной. Например в деревне все приучаются к тому, чтобы не верить словам, а верить делам. Это—хороший принцип, потому что мы, в особенности если обучаемся в столице, склонны гордиться полученными нами сведениями, мы склонны обучать других уму-разуму, склонны весьма свысока говорить о таких предметах, которые недоступны окружающей малокультурной среде, и т. п. А что нам в деревне в этом отношении верят? Нет, не верят,—хотят, чтобы мы показали на деле свою работу, а это не плохо, это хорошо, и хорошо, если бы мы сами прониклись таким убеждением, что недостаточно сказать много красивых слов, а надо еще уметь работать.

Есть еще одно обстоятельство, которое можно сейчас отметить в связи с введением новой программы. Дело в следующем: мы вводим новую программу, хотим обучать ребят хорошему делу, собираемся многое им дать, но часто бывает, что мы забываем о том, что нужно ребят обучить грамоте.

Однажды т. Луначарский говорил с В. И. Лениным. Он говорил ему о том, что мы строим новую школу, говорил художественно, горячо, убедительно, увлекался темой. Тов. Ленин слушал его внимательно и после полуторачасовой беседы спросил: «А грамоте вы ребят учите?» Вот такой вопрос задают часто и нам. В первые периоды нашей трудовой школы, когда образ ее стал для нас более или менее ясен и многие товарищи начали проводить эту школу в жизнь, нас встретили довольно враждебно. Мы говорили, что среда, мол, некультурна, что она не понимает настоящей постановки школьной работы и тормозит проведение ее. Мне самому приходилось объясняться в деревне по этому поводу. Я спрашивал крестьян, в чем дело, а мне говорят: «Ваша школа никуда не годится—вы только пляшете, поете да гуляете». Даже сторож говорил об этом, т. е. что школа ничему не учит. «Только,—говорил он,—успеют сесть, взяться за дело и уже, смотришь, идут гулять, смотреть лягушек на болоте. Разве это настоящее учение?»

Было такое время, лет пять тому назад, когда хорошие учителя увлекались новой школьной работой, хотели, чтобы в школе было весело, приятно, чисто, чтобы дети играли, пели, веселились, чтобы ребенок шел в школу не так, как прежде, из-под палки, со страхом и трепетом. Крестьяне говорили: «Разве нас так учили. Мне, скажем, в школу итти, а я не хочу, мать меня тащит, я плачу и иду. Вот это настоящая школа, а вы только ду, да ду, так и продудите всю школу».

После того как мы выслушали такие заявления, я собрал своих товарищей учителей и заявил, что мы сделали ошибку, что нам надо обучать наших ребят грамоте, что мы это дело запустили. Так давайте, предложил я, не будем говорить о новой школе, пока не научим ребят грамоте. Взялись мы за это дело, одолели.

Через полгода после этого крестьяне уже говорили: «Да, теперь ничего, школа учит, как надо». Мы спрашиваем, можно ли теперь ходить на болото лягушек смотреть. «Пожалуйста,—говорят,—ходите, это полезно для головы».

Значит, в чем же дело? Дело в том, что предъявляется счет на грамотность, и если учитель ведет работу разумно, то он это и сделает. Но, конечно, грамота не является главной задачей школы, это только техника, и учитель должен укреплять этот технический базис и на нем уже строить ту работу, которую он хочет проводить.

Таким образом, я хочу указать на то, что в той обстановке, которой окружена школа в деревне, не все плохо, что там многому можно поучиться, например, как строить трудовую школу. Но вот в настоящее же время, когда мы с нашими учителями много поработали в деревне и хорошо поставили нашу школу, крестьяне опять говорят: «Никуда ваша школа не годится, потому что ничему не учат». Как ничему? А грамоте? На это говорят: «Грамоте обучают, да вот мастерству не обучают, надо детей обучать труду».

Вот нам опять урок трудовой школы, и это очень хорошо. Мы теперь стали энергично работать и по этому пути и теперь организуем трудовые уголки, начинаем нашего учителя обучать ручному труду.

Таким образом мой маленький «теоретический» очерк сводится к тому, что не мы одни воспитываем наших детей, а воспитывает их и окружающая среда, что в ней есть целый ряд положительных черт, которые могут нам помочь вести нашу работу, но есть в ней и отрицательные явления, с которыми надо бороться. При таких условиях мы работаем над воспитанием детей не изолированно, а вместе с той средой, которая вокруг школы имеется. Вот эта совместная работа и есть новый признак нашей общественной школы, это есть здоровое явление, которое должно в дальнейшем развиваться и способствовать развитию нашей школьной системы.

Наша программа является программой местной. Сюда вводится много материалов, над которыми школа должна работать. Эти материалы характеризуют жизнь семьи, деревни, волости, жизнь более крупного района, чем волость, и поэтому вопросы изучения окружающих социальных условий входят в работу нашей школы и называются краеведением.

Спрашивается: для чего же надо изучать?

Можно изучать для двух целей. Вопервых, чтобы лучше знать, что делается вокруг нас, и, вовторых, мы это делаем для того, чтобы вмешиваться в эту окружающую жизнь. Мы рассматриваем разнообразные явления, и должны задать вопрос, для чего мы это делаем? Для того, чтобы разобраться, что хорошо, что плохо, и тогда тот материал, который мы изучаем, уже будет приобретать другое значение—значение действенное. Мы наблюдаем различные явления и разбираемся в них, находим, что в них хорошо и чего не хватает, что нам нужно изменить в нашей жизни, чтобы устранить ее недостатки. Таким образом, мы должны вводить в нашу работу критику всего того, что мы видим. Мы должны привлекать ребят к оценке всего окружающего, свидетелями которого они являются. Например, если дети описывают деревню, то они не должны просто описать деревню, но должны прибавить, что нужно делать, чтобы устранить недостатки. Например, описывается праздник, который в нашей деревне всегда связан с пьянством. Вот тут надо не только описывать праздник, но надо прибавить некоторые соображения, как бороться с самогоном.

Одна девочка пишет: «В нашей деревне много пьют, а пьют оттого много, что сам председатель пьет. Бороться с этим очень просто, надо только, чтобы председатель перестал пить».

Вот это сочинение включается в доклад, который делается сельсовету, и из этой невинной вещи получается большое дело, председатель должен все это выслушать и протестовать, ему стыдно.

В старой школе вопрос ставился так, что школе вмешиваться в окружающую жизнь—дело лишнее, учиться мешает, а теперь мы говорим, что следует воспитывать детей так, чтобы им до всего было дело в деревне, и, поскольку школа может выразить реальное, активное участие, она должна это сделать. Значит, чем больше учатся наши школьники по этому способу в школе, тем больше меняется их собственная жизнь; их отношение к окружающему не безразлично, а действенно. Они привыкают рассматривать целый ряд явлений с такой точки зрения, что можно здесь сделать, что может сделать наша школа, что могут сделать другие. Таким образом, мы не только изучаем детскую жизнь, детский быт, но мы изучаем те отношения, которые складываются в жизни детей и взрослых. Если мы говорим, что детская масса придавлена, то вывод такой, что надо сделать ребят более деловыми, надо дать им возможность во всем разбираться, надо участвовать в критике нашего деревенского строя, потому что недостатков еще много и работы—непочатый угол. Каждый гражданин, имеющий ребенка, школьника современной школы, чувствует, что он связан с нею, что отдельная его жизнь начинает выходить на свет божий, и таким образом устанавливаются новые отношения между школой и окружающим населением.

У меня имеется много материала, который характеризует работу деревенской школы, и на некоторых характерных черточках я бы хотел остановиться.

Я указал уже, что учителю приходится изучать детей самому. Это не значит, что надо бросить школьную работу и заняться только обследованием деревни. Понятно, поскольку учитель работает в деревне не месяц, не год, а продолжительное время, он может хорошо знать эту деревню и хорошо представлять себе, что в ней надо делать. С другой стороны, у него есть и свои средства изучать деревню—через детей: в наших детях интересы, вкусы, которые они проявляют, навеяны часто этой окружающей средой, и в том, что они свободно высказывают, можно видеть отражение окружающей среды, а это помогает учителю разобраться в среде, т. е. изучать деревню сквозь детскую призму. Поэтому в нашей школьной работе нужно обращать очень большое внимание на все детские высказывания, детские рисунки, которые характеризуют жизнь окружающей среды. Тут наблюдается масса весьма тонких вещей, которые ребята подмечают и на основании которых можно построить даже некоторый план работы.

Кроме того, нам приходится изучать не только жизнь детей как отражение окружающей среды, но нам надо знакомиться с самими ребятами, с их интересами, чтобы придать более свежий колорит нашей работе. Вот несколько примеров.

Мы знаем, что большое впечатление на наших детей производит природа.

Вот детское сочинение под названием «Весна»:

«Сейчас мы в школу не ходим потому, что некогда. Приходится много работать: сажать картошку, делать гряды, скородить, приучать телят в стадо, скотину стеречь первые дни, когда только ее выгонят в поле после долгой зимы. Весной хочется бегать, прыгать, барахтаться в воде, ловить рыбу, лазить по деревьям и буграм. Да как-то чувствуешь поособому, легко, хорошо. В природе весной все живет, цветет, растет, и нам, ребятам, также жить хочется. Ух, как хорошо на улице во время и после дождя! Солнышко сильнее греет, травка зеленее становится, а уж птички поют, так нам и не описать!»

Тут мы видим целую программу, что нужно делать весной вместо того, чтобы засаживать наших детей за скучную работу.

Теперь сочинение о скворцах:

«Скворцы прилетели. Все стали ставить скворечники, а один мальчик сделал скворечник такой расписной, что скворцы за него подрались, а мальчик стоял и думал: «В другой раз еще сделаю, опять скворцы подерутся».

Вот что пишет еще один мальчик:

«Мы ловили жуков. Палкой кинем на березу, и они, как град, посыпятся наземь, положили их в карман, а жуки выползли. Коля положил жуков в шапку, а жуки заползли за пазуху. Коля рубаху снял и их выбрасывал. Еще много наловили и людям за шею клали—подкрадемся и накладем, а они кричат: ой, ой, и нас догоняют».

Дальше:

«Уж ты, грязь, грязь, надоела ты нам, словно горькая редька. Скорей бы мороз морозил бы канавы и пруды, хоть хорошо кататься на льду. Вдруг тут яма, так прямо и упадешь сразу в воду. Вся мокрая, словно гуща, придешь домой, а дома говорят: «Чего же ты такая мокрая. Купалась что ли?»—«Да, купалась. В прорубь упала». А мать скажет: «Хорошо хоть не головой, ну и ладно, так пройдет».

В этом сочинении видны отношения матери и девочки в деревенской семье.

Вот сочинение о трудовом летнем дне:

«Рано утром встанешь, бывало, проводишь скотину, позавтракаешь и идешь со своими на гумно. Там я расстанавливаю снопы ржи по всему гумну, чтобы красное солнышко обсушило их, и тоже будет рожь легко обмолачиваться. Становится жарко, и на гумне быть не хочется. На лице выступает пот. Себя чувствуешь неловко. Тогда попросишься у родителей сходить на речку покупаться; они отпустят меня и скажут: «Ну ладно, иди уж, только смотри, приходи к обеду—после обеда мы будем молотить».—«Ладно». И я бегу к своим товарищам и вместе с ними на речку. Вот и речка. Мы раздеваемся и с разбегу с крутого берега прыгаем в воду. В воде плаваем, ныряем, бегаем, валяемся, брызгаемся, смеемся и т. п. Скоро обед, и я на речке все. Я уж позабыл, что мне наказывали, да и уходить не хочется оттуда. Накупаешься досыта, вылезаем из воды, посидим на горячем песочке, поговорим. Глядь, приходит новая толпа ребят. И мы вместе с ними опять начинаем купаться. Обед прошел. Я вспоминаю о приказании родителей и бегу домой. Дома меня только ругают, да и только и всего. Я иду прямо на гумно. Наши уже молотят. Я беру свой цеп и вместе со своими начинаю молотить в четыре цепа, только и слышишь—та-ты-латы.

Дело подходит к вечеру. Солнышко садится, стало свежо. Мы начинаем убирать обмолоченную солому и рожь. Потом я бегу встречать скотину, а то после не найдешь ее. Пригоню всю скотину, попью чай и уже вечером бегу по улице к ребятам. Мы собираемся большой толпой и ходим и поем песни, играем и т. д., часов в 11 расходимся по домам».

Вот еще одно сочинение, где мы видим жанровую картинку:

«Летом в самый покос уже поспевают яблоки. Вот раз мне и говорит товарищ: «Ты, брат, пойдем-ка нынче в саду постережем яблоки, а то очень обрывают». Я согласен. «Ну, так, значит, пойдем?»—«Пойдем».—«Ну, так давай пять». Я дал пять, трепнули ладонь о ладонь и пошли по домам. К вечеру мы собрались, сговорились в какие часы итти. Сходили домой, после пошли сад стеречь. Вот сидим час, другой, третий, лежим, шептушком говорим. Вдруг по траве шуршит. Я глянул в окошко. Гляжу: идет под яблоньку Тимошка. Я и говорю: «Погоди, сейчас получишь рычага. Ну-ка ты, Колька, приготовь какое половчее поленце. Мы сейчас с тобой его отучим от яблок, чтобы он больше не ходил сюда». Только он подошел, яблоню стал трясти, мы взяли по полену и вылезли из шалаша, стали подкрадываться, уже близко подошли, а я как крикну: «Кот-яблочник Тимошка!» Он и убежал. Меня товарищ ругал, зачем я говорил, да мне его жалко стало. «Если тебя так сдвоить в два полена, станет больно, так и ему станет больно».

Мы с ним ругались, ругались, до того добранились, что он меня ударил, а я ему сдачи, так и пошла драка, до того надрались, что встали, посмотрели друг на друга—у того синяк и у другого синяк. «Ну,—я говорю,—помиримся, брат, не все сердитым ходить». Помирились. Он и говорит: «Все-таки ты мне товарищем в страже не годишься, кота-Ваську упустили, Тимошку-яблочника».

Весь этот материал должен учителем заботливо собираться, и тогда он может достигнуть того, что вся детская жизнь из детских сочинений будет ему ясна, и он подойдет к тем интересам детей, которые должны быть ему близки. В нашей школе такого материала очень много, мы его собираем, печатаем, наклеиваем, известным образом классифицируем, и таким образом в руках учителя накапливается огромный материал по изучению ребенка по детским высказываниям. Такого рода приемы являются в высшей степени целесообразными.

Вот что пишет девочка о своем отношении к труду:

«Я люблю делать дома—кур кормить; они клюют, тоточут, а петух все поет. Он поет, это весну почуял, и куры тоже почуяли весну. Вот я и люблю их кормить. И еще работа легкая, не замучаешься. И другие дела я тоже делаю, но только тяжелее. Еще более люблю сажать рассаду, если поутру—полоть: сидишь, полешь и слушаешь, как соловьи поют и всякие птички порхают и туман по речке стелется, как белая пелена, и ложится по всяким цветам и травам. Солнышко всходит, туман пропадает, и трава блестит, как алмазные камни, и все подругому станет. Потом соберется грозовая туча и прольется частым дождиком, а тут и день пройдет, и станет прохладно, и станет тоже туман подниматься, и соловей засвищет и запоет, и лягушки закричат, и так станет хорошо, не знаю, как сказать. Вот почему я люблю это дело делать. Весело и хорошо».

В этом сочинении обрисовывается проблема детского труда, что нужно делать, чтобы действительно правильно поставить детский труд. Почему девочка любит кур кормить? Потому что они тоточут, а ей весело и хорошо. Почему она любит полоть? Потому что в это время много переживает. Отсюда ясно, что детский труд должен быть эмоциональным.

Вот любопытное сочинение о том, как дети собираются на игры:

«Одна я не пошла,—пишет Таня Тихонова,—пошла за Полей.

Поля говорит: «Ступай за Ксюней, покамест мы соберемся. Я пошла за Ксюней. Ксюня собиралась долго. Поля, Параша, Шура уже ушли, а мы с Ксюней кричим: «Погоди», а Поля говорит: «А ну, скорей».

Таким образом, получается та же самая картина, как собираются в деревне на сход крестьяне: один зовет другого, а тот говорит «погоди».

Вот о чем мечтает девочка, когда она будет большой:

«Я хочу быть портнихой и вязальщицей,—пишет одиннадцатилетняя девочка,—у меня бы была изба большая, в избе у меня было бы хорошо все убрано, окна большие, пыли бы не было. Когда положено, буду шить, немного пошью, пойду на улицу отдохнуть, раскрывши и раздевши, стану румяной. Когда положусь спать, то стелю простыню с кружевами, подушки были бы пуховые. Сплю я 8 часов, встану, уберу постель и стану шить. Придут за платьем, говорят: «Как хорошо у тебя в избе. Чисто, постель убрана». Взяли платье, говорят: «Как хорошо сшила» и ушли».

Тут тоже чувствуется влияние школы, т. е. что не надо закрываться, не надо кутаться.

Дальше такое сочинение: «Вот что бы я хотел: чтобы у нас в деревне была большая-пребольшущая библиотека, чтобы книги были все, которые есть на свете. И книги выдавал бы я. Спать не очень мягко, есть не очень сладко, но чисто. Читать и писать сколько хочешь.

Сделать изгородки надо бы. Освещение было бы электрическое. Землю пахать бы трактором и хорошо. Купили бы мы косилку, молотилку, ну, просто сказать, все, что нужно для хозяйства, тогда время на обработку пойдет мало. В селе крестьяне ни на что не согласны и ничего не могут сделать вместе, и еще они очень бедны».

Вот как школа влияет на современного ученика:

«Раньше я,—пишет ученик, кончающий школу,—не замечал, что одежда валяется, а теперь, ежели одежда валяется, вроде как нехорошо. Я совсем ухожу из школы, но мне не хочется. Со школой буду иметь дружбу, брать цветы, буду в какой-нибудь комиссии и в общественных делах и буду брать книги».

Вот письмо на сход:

«Почему у колодца должен быть общественный черпак? К колодцу нужно относиться хорошо. У колодца должен быть общий черпак. А то придет кто-нибудь за водой со своим ведром, а у них в доме есть хворый человек. К ведру пристанут мелкие, невидимые червячки, которые бывают в заразных больных. Червячки эти смоются с ведра и будут плавать в воде. Из другого двора придут здоровые люди и зачерпнут с водой заразных червячков. Здоровый человек выпьет сырой воды и сам захворает. И так может захворать вся деревня, особенно летом. Черпак сделать недорого, копеек 60. Если разложить на 20 дворов, то на двор выйдет 3 копейки или можно сделать за подводу».

Я уже говорил, что надо привлекать детей к оценке окружающей обстановки.

Такое сочинение: «Уж ты грязь, грязь... надоела ты нам, как горькая редька.

...На деревне грязь. Мужики не согласны. Была деревня большая, было лучше, а как разделились, стало хуже. Мужики озорные, все время пьянствуют, почти каждый день дерутся, но есть и хорошие—мельница и народный дом.

Нам не хочется, чтобы было много грязи, но наши мужики никак не могут одумать, как улучшить эту грязь. Надо прокопать по всей деревне каналы, и тогда не будет грязи, вся вода будет сходить

в каналы, а каналы пропрудить в реку. А потом нашим мужикам не нравится, что в нашей деревне много сору, но как это сделать, они еще не могут одумать. А выход есть. Надо поменьше напиваться пьяными и поменьше ругаться друг с другом из-за пустяков; так вот надо исполнить».

Описание схода в деревне: 1. Извещают о сходе. 2. Собираются на сход. 3. Обсуждают дела. 4. Принимаются за дела. 5. Расходятся домой.

Это план, а теперь послушайте описание схода.

«Председатель набирает разные дела, посылает десятскому на сход. Пешого гонца посылают на хутора с запиской о сходе.

Идет десятский по деревне, стучит в окно, зовет на сход, не сразу идут домохозяева: «Подожду немного, еще сосед не идет»,—говорит каждый. Спустя полчаса, не спеша, по паре, по тройке, бабы с бабами, мужики с мужиками, идут к десятскому в избу. Еще до сходки сидят мужики, разговаривают и курят. Дымно, душно в избе станет от табака, бабы ругаются на мужиков: «Будет вам сосать-то, голова уж болит».

Приходит председатель, садится за стол и говорит: «Тише, граждане». Все замолчат, и председатель начинает читать бумагу—заявление или постановление, присланное из волости. Не послушают путем, и подымается шум, все орут, ничего не разберешь. Одни хотят слушать, а другие перебивают, мешают. Председатель кричит: «Тише, тише». Бабы не слушаются, а потом станут спрашивать, что, чего. Долго не могут решить делов своих и, бывает, откладывают до другого схода».

В раньше изображенной картине сбора на игру многое отразилось из сборов на сходку.

Вот еще маленькое сочинение относительно Ленина:

«Он шел за свободу, он шел за правду. А его не любили за то, что он шел так. Ему не давали жить на одном месте. Его отыскивали. А он гримировался и надевал парик и носил разные фамилии. Владимир Ильич Ленин, что ты рано так умер? Надо бы тебе еще годика три пожить, может быть, установилась жизнь лучше».

Таким образом, если такой материал собрать, то можно видеть, что он отражает деревню в передаче первой, второй, третьей, четвертой группы школьников и дает нам возможность вести нашу работу с открытыми глазами, дает возможность видеть, как чутко, образно, художественно отзываются дети на всевозможные события. Значит эту деятельность надо организовать, направить и на этом построить значительную часть своей работы.

Уже из этих сочинений видно, что школа должна так заниматься с ребятами, чтобы они могли оценивать окружающую жизнь, строить маленькие проекты ее улучшения.

Возьмем теперь вопрос о здоровье. Уже говорилось, чтобы в школу ребята приходили чистыми, что они должны мыть руки, шею. А кто в семье готовит им мыло, полотенце? Семья. Значит, нам надо сговориться с семьей.

Возьмем другую тему, например благоустройство в деревне, или вопросы хозяйства, например, пропаганда посадки новых овощей или кампания по распространению новых сортов картошки. Каждая школа на участке посадила новые сорта картошки, рекомендованные местным кооперативом, и они оказались выгодными. Когда крестьяне увидали, что картошка дает хороший урожай, то они сами стали запасаться этими новыми сортами картошки. Ведь школ много, и таким

образом получается известный отклик школы на целый ряд хозяйственных забот, которыми полна деревня. Если таким образом поставить дело, то понятно—школьная работа явится жизненной работой, и мы начнем понимать, каким образом язык, математику, естествознание и т. д., каким образом их можно вести так, чтобы работа школы была откликом на целый ряд нужд деревни. Нужно бороться с суеверием, нужно говорить о деревенских непорядках, нужно на все давать определенный ответ, что создает новые отношения с окружающей средой. Такая работа явится настоящей работой трудовой школы, которая вся строится на организации целого ряда маленьких жизненных проектов, которые при помощи детей должны входить в жизнь и иметь с жизнью детей тесное соприкосновение. Вот это и есть основная работа, которую должен вести учитель, и тогда это будет действительно работа трудовой школы. Работа эта не хитрая, но она зависит от того, как учитель разбирается в жизни детей.

Учитель не может работать в одиночестве, а поэтому он должен заботиться о том, чтобы была построена педагогическая организация, чтобы учителя школы собирались вместе и обсуждали те задачи, которые они должны проводить в жизнь, а также обсуждали бы способы выполнения этих задач.

Таким образом работа над школой, сравнение своей работы с работами товарищей, взаимное посещение школ—все это сильно продвигает нашу школьную работу.

Но надо иметь в виду, что при посещении друг друга условия сообщения крайне затруднительны. Иногда приходится 20 километров итти пешком, что зимой и осенью является в особенности трудным. Таким образом мы имеем целый ряд стихийных, весьма серьезных препятствий, мешающих нашей работе быстро двигаться вперед. Обмен между культурной жизнью города и деревни связан с большими затруднениями так же, как обмен материалами, опытом и т. п. Нашему учителю трудно работать потому, что он оторван от культурной жизни, в то время как он должен бы чаще встречаться с людьми из культурного центра, которые привозили бы ему свежий материал. Надо подумать о том, чтобы учителя могли периодически отрываться от деревни и приобщаться к городской культуре, что является чрезвычайно трудно выполнимым.

Что касается проведения общественной роли школы в окружающей среде, то в этом отношении деревенская школа идет значительно впереди городской. Казалось бы, что в городе это сделать легче, а тем не менее, когда мы говорим о постановке трудовой школы, то надо отдать справедливость деревне—здесь она впереди, школа в городе более отстала в области общественной работы.

А деревенские условия? Возьмем хотя бы жизнь учителя. Мы знаем, что сельский учитель живет в ужасных условиях, в холодной комнатушке, в избе, где-то за перегородкой, и, бывает, тут же помещается поросенок. В комнате душно, отсутствие всяких удобств, иногда окно разбито, и из него дует. Вот все эти материальные условия весьма и весьма трудны в деревне.

То обстоятельство, что деревенский учитель является почти единственным культурным человеком, это—очень почетно, т. е. то, что он единственный культурный человек и к нему относятся с уважением, но зато с него много и требуют, его отрывают на другие работы, а своя, школьная, сильно страдает.

Вот в силу этих тяжелых условий учителя и наблюдается такое явление, что нет желающих ехать работать в деревню. Мы до сих

пор не имеем хотя бы мало-мальски значительного процента деревенских учителей, окончивших наш педтехникум. До сих пор масса не окончивших школу учителей работает в деревне, и первый попавшийся человек в глухих уголках становится учителем.

Перед нами стоит огромная социальная задача, которая заставляет нас весьма серьезно подумать о том, как улучшить материальное и общественное положение учителя.

Поскольку возникает вопрос о строительстве школьных зданий, можно сказать, что учитель будет снабжен квартирой и будет материально более обеспечен, чем это было до сих пор.

Что касается того лозунга, который выставил Владимир Ильич, т. е. что мы должны поставить учителя на такую высоту, на которую не ставит его ни одна буржуазная страна, этот лозунг остается пока директивой. Но мы все больше и больше приближаемся к такому положению, когда учитель станет весьма серьезным элементом нашего социалистического строительства, потому что, представьте себе, что если учитель правильно работает, то наши дети будут иметь чистые уши, руки, в голове не будет насекомых, будет чистое белье, будут открываться форточки, они не будут кутаться. Вот если перенести все это на всю массу ребят, то мы будем иметь огромный шаг вперед, а кроме того, если эта миллионная масса детей будет интересоваться общественными делами, изучать их, поскольку она это может, и будет строить свой нехитрый план улучшения жизни, если эта работа будет в массовом масштабе, то, согласитесь, это—огромное дело. Если мы будем возбуждать интересы детей к культурной жизни, к технике, к новой организации жизни, будем стремиться к тому, чтобы не было таких явлений, которые показывают, как слабо идет крестьянин на путь устроения лучшего будущего, если мы поставим серьезно работу в школе, у детей будут соответствующие навыки, и вся масса наших школьников будет этим делом заражена, то это очень большое дело. Тогда мы будем иметь гарантию, что те колоссальные средства, которые мы затрачиваем на индустриализацию, сельское хозяйство, на нашу культурную работу, что все это в дальнейшем будет поддерживаться иначе воспитанной массой, так как наша школа дает уже не того ребенка, который был раньше, а свободного, с расширившимся горизонтом, ребенка, который строит проекты улучшения жизни, который интересуется такими вещами, о которых раньше и не думали.

Я считаю, что эта задача, которая должна лечь на плечи нашего учительства, это есть почетная задача и одна из самых благодарных задач.

Поскольку мы начинаем думать, что является вполне возможным приступить к осуществлению целого ряда культурных задач, поскольку у нас скапливаются местные средства, мы видим, что роль учителя будет расти все больше и больше, что он будет одним из почетных лиц нашей работы, так как с его работой связано все будущее нашей жизни. То, что вы имеете, это только ростки, которые будут укрепляться вашими усилиями, и таким образом будет создаваться будущее нашей страны.

Строительство нашей страны и участие в нем школы—огромная задача, которую нужно выполнить, за которую наша молодежь будет бороться с величайшей энергией. Только таким путем, обратив все внимание на то, чтобы наша школа шла по этому правильному пути, мы сумеем поставить и нашего учителя на ту высоту, о которой говорил Владимир Ильич.

С. ШАЦКИЙ.

циплины учащихся, сказывающийся в наличии азартных игр, выпивках, в опаздывании и прогуле занятий. Кроме того обращает на себя внимание недопустимая при режиме экономии дороговизна и неэкономность дела подготовки квалифицированной рабочей силы. По вечерним рабочим школам выявлена большая текучесть и утечка учащихся среди года—от 25 до 64%, слабая посещаемость и недостаточное внимание работе школ со стороны администрации предприятий, недостаточная увязка с производством учебных предметов и слабое участие в общественно-практической работе. Подсекция вынесла постановление об устранении всех этих недостатков. Подсекция отметила также значительные ненормальности в работе учреждений ОХОБР; обратила внимание на несоответствие сети художественных учебных заведений потребности в этой категории работников. Раздутие сети и излишнее количество частных курсов вызывает необходимость сокращения сети и пересмотра частных курсов, что при участии подсекции и проводится Москпрофобром. Далее отмечается тяжелое материальное положение учащихся курсов художественного образования, перегрузка общеобразовательной части программ в ущерб специальности, что создает параллелизм в работе курсов с общеобразовательной школой соцвоса. Все эти недостатки должны быть устранены в последующей работе.

Помимо этого подсекцией проработаны вопросы устройства учащихся техникумов на производственную практику летом.

Работа подсекций и их пожелания нашли свое отражение в производственном плане МОНО на будущий учебный год. Проработка производственного плана шла в подсекциях по разделам работы МОНО, далее производственный план прорабатывался на бюро и пленуме секции.

Как работают секции.

Формы работы. Прикрепление, обследование, целевое прикрепление, проработка, бюро и пленум.

Методы. Член секции изучает учреждение, или отдельный вопрос работы, или часть аппарата и раз в три месяца делает отчет о работе. Регулярно проводятся совещания членов секции по видам работы, на которых заслушивают отчеты членов подсекций и прорабатываются основные вопросы раздела. Особо важные вопросы выносятся на бюро и пленум, и выделяется докладчик или содокладчик из активных членов секции.

Все предложения членов секции в форме сводок и служебных записок передаются в аппарат, и выполнение их проверяется комиссией контроля.

Работа секций в общем новая для громадного большинства членов. Ясно, что недостатки неизбежны. Для их устранения требуется большая организационная и воспитательная работа внутри самих секций.

Из недостатков работ секций можно указать на недостаточную связь с избирателями, хотя отчеты перед ними ставились. Этим, возможно, объясняется малое количество вовлеченных, а отсюда значительный процент неохваченных учреждений.

Недостаточна также связь с ОДН и др. и с советами содействия.

Слаба также связь секций с печатью. Секция в своих отчетах сама признает эти недостатки.

Нет еще достаточного опыта и нужного количества людей, но формы и методы уточняются. Опыт накопляется.

Пройдет еще некоторое время, и секция станет незаменимым фактором в деле просвещения трудящихся масс.

Б. ТУМАНСКИЙ.

ПО ПРОСВЕЩЕНСКИМ Ц Е Х А М

На фронтах культурной революции.

(Из заметок центрального инспектора.)

„Проблемы культуры" и „социальный заказ".

В конце ноября прошлого года в Ленинграде состоялись два всесоюзных совещания: по сельскохозяйственной метеорологии и климатологии.

Не ошибаясь, можно сказать, что широкие массы читателей не были осведомлены (понятно, в самом главном, основном) ни о тех вопросах, которыми занимались эти совещания, ни о тех решениях, которые были ими приняты.

Однако с точки зрения разрешения «проблемы культуры» или развертывания революции на культурных фронтах настоящие совещания представляли несомненный интерес: они являлись одним из ярких свидетельств того, что культурная революция шаг за шагом совершает свое победоносное движение...

Мы только, к сожалению, до сих пор не научились своевременно и правильно выявлять эти шаги ее, чтобы увеличивать, ускорять и укреплять их...

О том новом, революционном, что было в этих совещаниях, выразительно сказал, помоему, один из участников обоих совещаний—бывший педагог, теперь «опытник».

— Без каких бы то ни было политических соображений,— говорил он,— совершенно объективно приходится констатировать, что только в условиях нашей страны возможны такие огромные, прямо неоглядные перспективы для метеорологии, какие открываются перед нами в настоящее время... Именно плановостью своей, плановостью в области хозяйственной, плановостью во всех областях строительства жизни СССР объединяет и нашу научную работу в области метеорологии и климатологии. И не только объединяет,—он создает предпосылки для более интенсивного ее развития... Он определенно стимулирует ее предъявлением конкретных заданий со стороны руководящих хозяйственных организаций и других государственных учреждений... «Даешь то-то и то-то!»,—предъявляет нам жизнь свои требования...

Ярко и, повидимому, не без удовлетворения он рассказывал о стоящих у нас в порядке социалистического строительства заданиях, которые перед ними, людьми науки, формулировали «представители жизни». Тут были задания по линии Наркомзема и Наркомпочтеля, по линии Наркомпути и ВСНХ, по линии Осоавиахима и Наркомздрава.

Когда он говорил, невольно думалось: а ведь в самом деле, какая огромная перемена совершается в жизни и работе этих «опытников»! Некоторые из них долгие годы сидели на своих станциях, наблюдали, фиксировали, составляли сводки, направляли эти сводки в центры... Многие, возможно, не всегда учитывали, что результаты их наблюдений когда-либо найдут какое-либо практическое применение: так далеки они были от жизненного утилитаризма. Преобладал главным образом

теоретический интерес... И вот вся работа их буквально преображается: она получает жизненную установку, она включается как одно из звеньев в единую цепь целевых усилий в общем планомерном строительстве жизни.

— И надо признаться,—говорил он, как бы подхватывая и продолжая мои мысли,—что требования эти как будто вырывают нас из нашей замкнутой, ограниченной до сих пор работы и выводят на большую столбовую дорогу более сложной, быть может, более ответственной, но и более интересной и увлекательной работы...

Формула «социальный заказ» в настоящее время, очевидно, с наибольшей полнотой отражает в себе то, что сопровождает победы культурной революции.

Вместе с тем эта формула также с наибольшей очевидностью вскрывает «соотношение сил» на том участке культурных фронтов, где победа еще не вполне обеспечена.

В этом отношении не менее характерно как раз следующее заявление:

— Краеведение изучает производственные силы. Изучение это, так сказать, «эндогенно»... определяется и направляется «изнутри» носителями и представителями краеведения. Изучается не только то, что в настоящее время имеет утилитарное значение. Практическое применение научных достижений вообще может иметь место с течением времени, впоследствии. Они могут быть использованы, скажем, при составлении хозяйственных планов... Свобода краеведческой работы и принцип добровольности краеведческой организации—основные предпосылки для краеведческой работы как работы научной...

Это слова одного местного видного краеведа. И в них сразу можно уловить, что точка зрения, которую он представляет, лежит несколько в иной плоскости, нежели точка зрения формулы «социальный заказ».

Борьба на этом участке культурной революции, повидимому, еще не закончена...

„Социальный заказ" и перестройка жизни через школу.

В N-ской районной опорной школе вечером собралась группа школьных работников из ближайших школ. Кто приехал, кто просто добрался «пехтурой». Последних, конечно, было больше, несмотря на то, что на дворе в этот вечер падал густой снег, который мело и несло сильным холодным ветром...

Видно, наши бесконечные «проселки» и в осеннюю слякоть, туманную и дождливую, и в полую воду весной, и в «погоду» зимою суровою, снежною, долго еще будут иметь своим постоянным «клиентом» деревенского школьного работника-пешехода...

Собрались они высказать «больные» вопросы, которые накопились у них в работе, с надеждой получить на них ответы, обменяться мыслями и опытом, наконец,—посмотреть и послушать... Приехали ведь инспектора...

В общей комнате работников опорной школы, теплой, с хорошей керосиновой лампой (во всей школе и в деревне, правда, имеется электрическая проводка от местной мельницы, но с электричеством дело почему-то тормозится), за большим столом, на котором уютно шумел самовар, в товарищеской беседе, длившейся с сумерок и чуть ли не до полночи, каких только вопросов они не касались! Были здесь вопросы о партийном съезде и об оппозиции (прочитана была, между прочим, «отповедь» А. И. Рыкова на выступление Каменева). Больше всего говорилось, понятно, по основным вопросам школьной работы—о принципиальных установках в переходе на программы Гуса. Немало было, наконец, и частных методических вопросов: как исправлять письменные работы, о рисовании и т. д.

Вопросы, связанные с принципиальными установками в работе, с несомненностью свидетельствовали о том, что текущий учебный год развертывается безусловно под знаком наибольшей четкости в восприятии со стороны школьных работников как самого существа новых программ, так и практических путей их осуществления.

Вопрос об общей направленности в работе трактовался, например, в таком виде:

— Мы, конечно, улавливаем, что в этом отношении имеются две принципиально различные точки зрения,—подытоживали свои мысли и наблюдения деревенские просвещенцы.—Одна точка зрения, или установка, что ли, пытается оформлять и направлять нашу работу с тем осознанием, что школа-де наряду с ближайшими задачами—обучением и воспитанием детей—должна разрешать задачу совершенствования жизни, в данном случае жизни деревни. Эта точка зрения как бы возлагает на школу в порядке какого-то мессианского служения огромную задачу—переделку жизни... Другая точка зрения, наоборот, устанавливает, что школа—только часть единого производственного процесса того района, в котором она находится. Как часть районного комплекса жизни во всем ее многообразии она призывается к выполнению лишь тех задач, которые стоят перед нею именно как частью этого целого. Подготовка подрастающих поколений к сознательной борьбе за социализм и сознательному социалистическому строительству—эта частная задача не может быть ею разрешена вне понимания и посильного участия как школьных работников, так и учеников в этом самом социалистическом строительстве и в самой борьбе за социализм. Иначе говоря, она не может быть разрешена вне понимания и какого-то посильного участия в разрешении тех задач, которые стоят перед СССР в целом, перед районом школы как частью этого большого целого и перед школою в свою очередь как частью последнего...

— Первая точка зрения, которая ставит нашу школу над жизнью,—определяли они свои позиции,—по нашему мнению, неправильна, потому что она отрывает школу от жизни, предполагает, что жизнь наша «беспризорна» и что за нее-де должна взяться школа, должна, дескать, подумать о ее совершенствовании... будто не мы переживаем великую эпоху, открывающую в массах трудящихся неистощимые родники творческих сил и способностей, которые сливаются уже в грандиозные потоки систематического и планомерного строительства, все больше и больше покрывающего нашу страну... Мы считаем правильной вторую точку зрения, а ее установку—жизненной. Те же общие задачи, которые стоят сейчас перед нашей страной, настолько велики и всеобъемлющи, настолько новы и захватывающи, что нам и школам нашим в п о р у б ы только не отставать от их разрешения в целом жизнью, успевать вовремя ввязываться в это разрешение, своевременно осмысливая и осознавая самые задачи, посильно помогая и содействуя их разрешению... «Мессианство» школы, понашему, определенно угрожает нам дезориентировкой в жизни, эта же точка зрения, наоборот, утверждает нас в ней и вместе с программами Гуса может только содействовать успешности строительства новой школы...

Так устанавливали курс своей работы скромные, почти заброшенные и нередко одинокие деревенские школьные работники, эти подчас сами недостаточно еще сильные, недостаточно вооруженные бойцы на фронтах культурной революции, собравшись в районной опорной школе—в своем боевом штабе...

«Демаркационная» линия, идущая от «свободного» и «добровольного» краеведения к «мессианству» школы здесь, на деревенской периферии, в среде этих школьных работников будет, очевидно, прервана...

На путях разрешения общих задач социалистического строительства.

Одна из школьных работниц ставила, между прочим, такой вопрос:

— Мне, вот, хотелось бы отучить ребят есть на каждой перемене. Некоторые из них потихоньку жуют даже во время уроков. И мне не удается это сделать...

«Обмен мнений» представлял собою в конце концов интересную «боевую схватку».

Когда некоторые из школьных работников, отвечая на этот вопрос, пытались давать чисто школьные, специфически педагогические рецепты перевоспитания ребят вне той среды, из которой они идут в школу, эти попытки сейчас же встретили дружный отпор со стороны большинства. Посыпались замечания, что во всех этих рецептах дает о себе знать именно «мессианская» теория, что это она как раз отводит от истинных, единственно правильных путей...

Рассмотрение вопроса было перенесено в иную плоскость.

Другие школьные работники заговорили о том, что указанная привычка ребят связана с существующим укладом крестьянской жизни, что когда ребята находятся дома, они тоже едят «походя». Стало быть, чтобы изменить даже эту привычку ребят, надо школе ввязаться в разрешение тех общих задач, которые направляются на изменение и быта деревни вообще и той привычки ребят, о которой поставлен вопрос в частности.

— Я не склонен, конечно, выделять этот вопрос как самостоятельный,—говорил один.—Помоему,—это частный вопрос, который подчинен другим, более общим и действительно принципиальным вопросам. Но все же мне ясно представляется его разрешение, только другими «педагогическими» путями. Я нахожу, что разрешение его целиком покрывается разрешением задачи об организации питания ребят в школе. И нами в этом направлении кое-что уже сделано. Школа наша почти рядом с чайной кооператива. Я повел с кооперативом соответствующие переговоры. К той же мысли подошли и ребята: они тоже вступили с ним в переговоры. И в результате мы скоро организуем чай сначала для дальних и нуждающихся ребят, а потом и для остальных. Ребята сейчас загорелись, заседают, обсуждают, ходят в кооператив и чайную. Они организуются на этом деле, живом и захватившем их... А начнут пить чай и есть в чайной—вот и перестанут жевать на переменах и на уроках. И школа приэтом никакой отсебятиной не будет совершенствовать жизнь, потому что и помощь нуждающимся ребятам и организация питания ребят в школе—это общие задачи, которые стоят перед нами всеми. Стоят они и перед кооперативом. Стоят они и перед сельсоветами и риком... Если они сегодня не подошли к их разрешению, то это не значит, что они не подойдут к их разрешению завтра. Каждый гражданин обязан напомнить об этих задачах...

— А мне, вот,—говорил другой,—попало в руки интересное «информационное письмо» Шадринского окроно (Уральской области) «о достижениях в работе отдельных школ», из которого видно, что некоторые школы этого округа пошли теми же путями еще в прошлом учебном году.—И он прочитал два действительно интересных отрывка.

«С целью привлечения в школу детей бедняков, не имеющих возможности посещать школу из-за отсутствия одежды и обуви, а также для детей, вынужденных зарабатывать себе на пропитание,—говорилось в одном,—в Боевской школе Багарякского района организовано общежитие и столовая. К разрешению данного вопроса школа подошла следующим образом: основательно обсудив вопрос о непосещаемости школы детьми бедняков и придя к заключению о необходимости организации общежития и столовой при школе, учащиеся поручили своему учкому совместно с заведующим школой обратиться в ККОВ с просьбой об оказании материальной помощи. Результат этого ходатайства выразился в 100 пудах муки.

Подбодренные первой удачей, ребята задались боевой задачей: привлечь к этому делу внимание всего общества. С этой целью устраивается литературный вечер для взрослых, содержание которого носит агитационный характер за горячие завтраки для детей бедняков. Убедившись в произведенном впечатлении своей агитации, ребята на следующий день организуют сбор по селу, в результате чего получается: 70 пудов картофеля, 40 вилков капусты, 2 корзины луку и 4 р. 16 к. денег. Прибавив ко всему этому 50 пудов картофеля, собранного со школьного огорода, ребята совместно с педколлективом открывают общежитие при школе с питанием для 30 детей бедняков. Помещением для общежития пока служит кухня, но школьный совет, захваченный настроением детей, в ближайшем будущем приступает к ремонту одного из классов под общежитие. Деловая товарищеская работа, проявившаяся по отношению детей бедняков, вызывает отзывчивость среди населения и близлежащих деревень, выносящих на общегражданских собраниях постановления: «помочь ребятишкам».

Организация общежития и столовой внесла жизнь в работу детских организаций... Поле деятельности теперь у ребят огромно: берут на учет полученные продукты, производят ежедневно выдачу их дежурным ребятам и сторожихе для приготовления обеда, ведут приходо-расходную книгу и продуктовую тетрадь, устанавливают дежурства на кухне и столовой, следят за систематическим учетом израсходованного...»

«Ученики с. Огневского того же района,—говорилось во втором отрывке,—как дети всякой другой школы, имели обыкновение в перемены, иногда даже во время уроков, уничтожать принесенный с собой несложный завтрак. Сухой кусок хлеба натолкнул одного из детей подойти к выводу: «Надоело есть в сухомятку—давайте, ребята, кусочки в воду макать».Брошенная мысль производит действие: на следующий день чуть не в каждой сумке появились кружки, и ребята, наэлектризованные новинкой, еле дождались окончания 1-го урока и побежали к крану за водой. Через несколько минут все, даже еще и не проголодавшиеся, с необыкновенным аппетитом ели размоченный в воде хлеб. Через некоторое время одному из участников этого примитивного завтрака приходит более рациональный вывод: «Хорошо есть хлеб с водой, только холодно. Давайте, ребята, чай в школе пить». Поднялись разноголосые мнения. Решили устроить собрание, чтобы обсудить организованно это более сложное предложение. Постановили: «Просить сторожиху кипятить воду, а из дома носить хлеб, молоко, сахар. Установить организованный завтрак в большую перемену, до которой куска не таскать». На первых порах не все учащиеся приняли участие в этом завтраке по простой причине: «Мамка говорит: ишь, что выдумали». Но через некоторое время эта же самая «мамка» завертывала сыну кусок хлеба, кусок сахару, а иногда и изюмину...»

Решение поставленного вопроса на путях выполнения общих задач открывало перед школьными работниками перспективы разрешения и других, более важных вопросов на тех же путях.

— У меня же в школе,—рассказывал третий, переходя, собственно, к новому вопросу,—ребята на родительском собрании выступили с предложением организовать подвоз учеников в школу в порядке очереди, за которой они брались сами наблюдать. В первый раз предложение их не было принято: оно было как-то замято собранием. Но потом они, видимо, поагитировали, поддержал и я их, и следующее родительское собрание согласилось с ними. Теперь возят...

Заведующему районной школой оставалось только лишний раз подчеркнуть, что, развертывая работу по этим путям, школа будет более правильно разрешать не только свою частную задачу. Она явится таким образом соучастницей, правда, медленного на первых шагах, возможно, долго еще срывающегося, но несомненного создания нового быта в окружающей крестьянской среде на общественных и коллективистических основах,—соучастницей культурно-бытовой революции, не менее великой и не менее славной, чем та, которую мы уже пережили...

О краеведении строящегося социализма.

Говорили, понятно, и о самом главном пути; о самом, казалось бы, близком, начинающемся вот тут, прямо у порога школы; о таком широком просторном пути, с такими, казалось бы, обещающими перспективами, в действительности же, отнявшем столько времени и сил у школьных работников, пока они как следует не разглядели его и не подошли к нему, собираясь двинуться в никем и никогда еще неизведанную, но манящую дорогу: говорили о работе школы на местном материале...

Устанавливалось, что материал этот использовывается в школах. Он вносится в работу учениками в порядке выполнения ими заданий или просто потому, что

они естественно осведомлены в тех или иных фактах и явлениях окружающей обстановки и жизни. Вносится он и самим учителем, поскольку он также бывает осведомлен о районе, в котором работает. Наконец, школьные работники берут некоторые данные о районе из доклада председателя рика на районной производственной конференции просвещенцев.

Материалы эти использовываются в беседах, письменных работах, диаграммируются.

Но, по признанию самих работников, этой проработке не дается четкой и определенной установки, она не завершается «необходимым концом», не сопровождается никакими выводами.

Происходит это потому, что школьные работники предварительно не выявляют и не подбирают нужного материала и предварительно не прорабатывают его. Не производят этой работы ни каждый в отдельности, ни коллективно, собирая и обрабатывая нужные материалы в масштабе кружкового объединения или в масштабе административной районной единицы, увязывая их в части выводов не только с общерайонными производственно-плановыми установками, не только с окружными, но и областными, даже с общими задачами и установками всего нашего Союза.

Так как этой работы школьные работники до сих пор не производили, то неизбежны были, например, такие случаи, об одном из которых рассказывал инспектор окроно:

— Со мною в одной школе был местный агроном. Мы попали на урок в старшую группу. Шла проработка собранных учениками данных о состоянии хозяйства в школьном районе. Видно было, что учитель к беседе подготовился: собранные учениками данные он корректировал и дополнял... Надо сказать, что учитель этот считается общественником. Он популярен и пользуется авторитетом среди населения. Он попытался закончить урок определенными выводами, попытался дать ученикам перспективную установку в хозяйстве района... Но когда агроном услышал об этих выводах, об этой самой установке, он буквально ахнул: «Откуда вы взяли такие выводы? Как можно говорить о таких перспективах?—накинулся он на него, когда мы вышли из класса.—Вы просто не знаете даже той точки зрения, которая существует в этом отношении у нас в районе!..».

По той же причине местный конкретный материал не включался и в разрабатываемые школьными работниками различные планы, при развертывании комплексов или тем.

— Но теперь для нас ясно,—говорили школьные работники,—что более или менее правильное начало перехода на программы Гуса невозможно, пока мы коллективно, при участии агронома, врача, кооператора и т. д., не сорганизуем предварительного подбора местного материала в определенных, понятно, объеме, формах, количестве и качестве. Пока этот основной материал, характеризующий природу нашего района, хозяйственно-экономические, общественные и культурно-бытовые особенности его, с правильными выводами, увязанными с очередными задачами района, не будет у нас под руками в виде районного справочного сборника с картами района, цифрами и фактами о нашем районе.

— Не менее ясно мы теперь понимаем, что собирание основного местного материала для сборника, а в дальнейшем—собирание новых материалов в соответствии с изменениями жизни административного района и района школы, сопровождаемое правильными выводами и производимое в порядке увязки работы школы с разрешением общих задач, является новой краеведческой работой, возможной только в СССР...

— Наконец, мы теперь все прочнее утверждаемся в том, что только на путях такого краеведения, которое не теоретически лишь связывается со строительством социализма (результаты его, мол, когда-нибудь найдут практическое применение), а такого именно, которое будет развертываться, выполняя современный «социальный заказ»,—мы сможем выполнить и свое призвание: создать подлинную советскую

трудовую школу... Этот же «социальный заказ» настолько всеобъемлющ, что, по нашему мнению, исключает всякую «эндогенность» краеведения...

— Мы сейчас вплотную подошли к необходимости организации этой краеведческой работы... И мы готовы ее начать...

Это тоже победа. Победа...—краеведения строящегося социализма...

Собирание проработанных материалов и... быт школьных работников.

— Есть и еще одно дело, к началу которого мы решили подойти в текущем году,—говорил заведующий опорной школой.—Мы убедились не только в его необходимости для нас самих и для нашей работы вообще, но и в его неизбежности... Не начнем в текущем году—придется начинать его в будущем...

Дело, о котором он говорил,—это подбор прорабатываемых по программам Гуса материалов по группам в порядке проработки комплексов и тем, от урока к уроку, во всех видах и формах работы. Если в какой-нибудь группе при проработке такой-то темы из очередного комплекса когда-то на первом уроке ученики, например, по данным предварительного обследования или по данным из районного краеведческого сборника, производили арифметические расчеты в виде конкретных задач, то копируются и эти данные (из сборника) и самые задачи, составленные и разрешенные во время урока (последние просто можно вырывать из ученической тетради); если на втором уроке читалась статья или заучивалось стихотворение, то берется в печатном или переписанном виде эта статья или это стихотворение, но непременно целиком; если на третьем уроке производилась письменная работа, например, составлялся коллективный рассказ, то отбирается из ученической тетради этот рассказ; если на четвертом уроке ученики что-нибудь рисовали или диаграммировали, то берется или этот рисунок или сделанная диаграмма; если, наконец, на пятом уроке учитель проводит беседу, то основные ее вопросы, записанные на бумажке, также откладываются. Словом, должно подбираться все, что так или иначе прорабатывается учениками или в порядке работы по программам Гуса, или в порядке занятий по техническим навыкам. Все это должно подбираться в папки в той последовательности, в которой прорабатывалось, в том виде, какой все это приняло при проработке, с обозначением, конечно, времени и теми замечаниями, которые учитель найдет нужным сделать.

— В этих папках,—дополняли школьные работники,—должна получиться полная картина нашей работы со всеми ее достоинствами и недостатками.

— И для нас это дело необходимо, потому что, проработав год и собрав в этих папках материалы, нам несравненно легче будет работать в следующем году: комплексы и темы в основном будут уже разработаны, материал, в том числе местный,—подобран: бери папку и занимайся... Придется только дорабатывать—улучшать, пополнять, изменять.

— Необходимо оно и потому, что это наиболее совершенная, по нашему мнению, форма учета нашей работы: перехода на программы Гуса, увязки этого перехода с техническими навыками, использования местного материала и т. д.

— Поскольку же необходимость этого дела нами осознана, оно теперь для нас и неизбежно...

— Но мы должны признаться, что это дело, которое, казалось бы, не могло представить для нас больших затруднений, потому что не требовало по существу как будто бы ничего нового и особенного, когда мы заговорили о практическом его осуществлении, вскрыло перед нами ряд таких затруднений, которые не имеют к нему собственно никакого непосредственного касательства...

Оказалось вот что. Они не могли, конечно, остановиться на том, чтобы каждый из них, работая с двумя и даже тремя группами, подбирал материал по каждой группе целиком втечение всего года: это было бы и трудно, а главное, поскольку они готовятся к своей работе—планируют и подбирают материалы—

коллективно, они не мыслят и этой работы вне коллективных форм. Договариваясь о том, что работающие в одних группах будут распределять эту работу между собою по триместрам или помесячно, по комплексам или по темам, они не могли, понятно, не говорить о совместной коллективной обработке и доработке, о сводке и систематизации подобранных уже материалов. И вот тут-то неожиданно и выплыли характерные затруднения.

Некоторым из школьных работников решиться, так сказать, самим «выкладывать» свою работу перед другими, хотя бы и товарищами по работе, оказалось не так-то легко и просто.

Оказалось не так-то легко и просто решиться общественную, по существу, работу свою самому, по доброй воле, представлять на «суд» общественный.

Между прочим являлась мысль и о таких товарищах, которые почему-либо будут уклоняться от этого дела,—о том, как относиться к таким товарищам...

Словом, осознанная необходимость дела, к осуществлению которого школьные работники решили приступить, приступят, конечно, и безусловно осуществят, вступает в столкновение с господствующей еще в них определенной идеологической установкой. Не только идеологической, но и бытовой...

Выдвинутые по своему положению на «передовые позиции» культурной революции деревенские школьные работники неизбежным ходом вещей будут лично свидетельствовать о победоносности культурно-бытовой революции...

В. ЕНЮТИН.

Октябрьские сдвиги [1]

Есть что вспомнить.

Уже давно закончились октябрьские торжества. Отзвучали пролетарские гимны, погасли звучные огненные лозунги, красные полотнища знамен уже не реют в воздухе. После радостно-веселого, праздничного подъема Союз советских республик снова, с еще большим азартом, взялся за работу. Упорную, настойчивую и творческую.

Праздники кончились. Но не кончились подсчеты наших побед за 10 лет революции.

Что было и что стало!

От нуля, от отрицательных величин, поставивших страну на край гибели, до крепких, прочных, устойчивых завоеваний! Политических, хозяйственных и культурных. Таков наш путь.

А наше будущее—бесконечное движение вперед по пути социалистического строительства к коммунизму.

Так рассуждает советский пролетариат.

Об этом же мечтает и советский учитель. Поэтому он, в годину великих торжеств, тоже подсчитывает свои достижения, тоже гордится победами на своем культурном фронте.

Миллионы искр,
Машин гул.
Через десятый Октябрь
Рабочий шагнул.
Серых развалин
Забыт вид,
Новых заводов
Труба дымит.

[1] По письмам в «Учительскую газету».

Завод...
Рядом с ним
Школа кует
Смену отцам,
Всем, уставшим в труде,
И мыслит НОТ
Провести в стране.

(Г. Д.—Уральская область.)

Школа—это завод. А раз так, то могли ли учитель и школа остаться в стороне в те дни, когда ликовала вся страна? Могли ли они не принять активнейшего участия в общенародном празднике? И не слить своих рядов в общую колонну трудящихся? Конечно, нет.

«Хоть и хмур сегодня день, а в школе светло и радостно. По деревенской улице, сырой от тумана и дождя, перебегают из одного помещения школы в другое ученики. В руках красные флажки, на груди красные бантики.

— Куда бежишь?

— В школу! У нас сегодня праздник!

— Какой?—проверяет крестьянин.

— А ты разве не знаешь?! День Октябрьской революции! 10 лет советам!..

И девочка, размахивая флажком, бежит дальше». (Р. Р.—Тульская губ.)

Ярко разукрасились школы в эти дни. Их двери гостеприимно открыты для всех, кто хочет отметить день великой годовщины, кто желает принять участие в общей радости. Плакаты, лозунги, портреты, зелень. Детские работы—диаграммы и рисунки, иллюстрирующие жизнь школы. И торжественные заседания, где в центре—дети, где внимательно выслушиваются их доклады и приветствия. И спектакли, где дружно аплодируют маленьким артистам.

«—Собрание родителей, учащихся и общественных организаций в день десятой годовщины считаю открытым!..

Четко и уверенно звучит голос девочки—председателя учкома, открывающей собрание.

Докладчик—ребенок. Подетски просто рассказывает он о том, что дала советская власть детям. Рассказывает о своей школе, о школьном участке, где они дружной семьей работают и учатся. Рассказывает о том, что только советская школа может воспитать таких ребят, которые в будущем будут хорошо строить государство так же, как они строят теперь новую школу».

А после—своя, детская вечеринка.

«За общим столом уселись ребята. Хлопочет хозяйственная комиссия, оделяет подарками, поит чаем. Сами хозяева, сами и распоряжаются. Все до мелочей предусмотрено заранее. За столом шутки и смех.

— Вот у нас какая семья, большая да дружная!»

И не только в центральных районах было так. На далеких окраинах, в песках Туркестана, в глубоких снежных сугробах севера, всюду школы торжественно праздновали великий день.

«К 4 часам дня в школу набилось народу полным-полно. Некоторые приехали за 20 верст, а кое-кто и из промысловых избушек. Каждому хотелось посмотреть, как будет справляться советский праздник—первый революционный праздник в Пеше.

Самоеды уселись сплошной массой, плечо к плечу. Красиво убранная, освещенная разноцветными фонариками школа произвела на них огромное впечатление. Никогда они не видали еще такого украшения, не видали и русского населения.

Когда раздались первые звуки пролетарского гимна, стали добросовестно подтягивать. Во время же доклада о значении праздника не заметили, что почти одни спели похоронный гимн.

После туманных картин роздали всем детям угощение, а взрослым объявили,

что праздник закончен. Учитель самоедской школы собрал своих ребят в уголок, под портрет Михаила Ивановича Калинина.

— Может быть, и мы попробуем спеть?

— А что?

— Что лучше знаете.

Мнутся, глаза в пол.

— Давай «Мы кузнецы»,—несмело предложил один.

— Вот-вот, давайте! Споем, ведь, а? Ну, начинаем!..

И полились бодрящие звуки, поползли по людской толпе, доплыли до углов.

Собравшиеся уходить замерли после первого же аккорда. Незнакомые, но близкие и бодрящие слова песни, звучная мелодия, чистые детские голоса зачаровали. Не верили, не хотели верить, что это поют те самые самоеды, которых привыкли видеть грязными, вшивыми, безграмотными. Напряженные лица вытягивались, каждому хотелось увидеть поющих, убедиться, не обман ли какой. Впечатление было так неожиданно, так сильно, что никто не мог удержаться от рукоплесканий. А аплодисменты в Пеше—новинка, как и весь праздник.

Аплодисменты окрылили самоедов. Загорелись глазенки. Начали тормошить учителя.

— Давай еще! «Мы маленькие дети свободной страны».

От песен перешли к играм, потом опять к песням. Только поздно вечером, когда весь репертуар был исчерпан, улеглись с заведующим спать на оленьих шкурах. И долго еще шептались ребята, мешая русские слова с самоедскими и зырянскими и посасывая леденцы. Мечтали о том, как они устроят праздник в своей самоедской школе». (Т. Синицын.)

Так проводили школьники Октябрь. И не только так. В избах-читальнях, в деревенских душных клубах, в хибарках, гордо именуемых «красный уголок», на фабриках и заводах,—всюду мелькали веселые детские лица, звучали приветствия, читались стихи. Для родителей и для взрослых.

Ибо таков советский ребенок, бойкий общественник и лихой культурник.

Блещут напряженно глазки-светлячки.
Это уж не прежние хмурые дички,
Что сидели тихо, чинно пред тобой,
Робко поднимая сонный взор, тупой.
Сильно изменились эти ребятенки,
Ярче засветились тусклые глазенки,
Жадно ловят слово, и открыт роток,
Будто влаги жаждет красненький цветок.

(П. Л. Д.—Стан. Калачинская.)

Подарки Октября.

Учитель праздновал. И отмечал новые успехи просвещения—культурные подарки в юбилейный год.

«В день празднования октябрьских торжеств Орловским губоно открыто по губернии 208 новых комплектов. Большинство этих школ приступило к занятиям еще в сентябре. Все школы укомплектованы педагогическим персоналом и снабжены некоторым количеством учебных пособий». (Н. Стальной.)

Или еще:

«Граждане хутора Болдырево Родионово-несветаевского сельсовета, Черкасского рика, в ознаменование X годовщины Октябрьской революции, 7 ноября с. г. постановили: открыть в хуторе потребительское общество, организовать свой сельсовет и ассигновать на постройку школы 1 000 рублей, вырученных от сдачи в аренду запасного общественного земельного фонда. А также принять на себя и доставку строительного материала». (Можейко.)

Или так:

«В ознаменование X годовщины великой Октябрьской революции по инициативе Главполитпросвета Грузии 8 ноября в здании государственного университета состоялось торжественное открытие двух рабочих университетов. Один для грузин и другой для русских. В оба университета подано свыше 600 прошений на 150 вакансий». (N.)

Таких писем горы. Не может учитель молчать об успехах культурного строительства и спешит поделиться своей радостью. А эти успехи не маленькие.

От нуля к бесконечности.

Но больше всего в эти юбилейные дни хочется учителю провести историческую параллель между той школой, что осталась нам от царской России, и школой 1927/28 учебного года.

Никакого сравнения! Церковно-приходская школа, выполняющая функции часовни, построенная на «доброхотные отчисления», разукрашенная строгими ликами святых угодников и закопченная дымом неугасимых лампад,—таков идеал царских приспешников. Где он? Прошло всего 10 лет—и нет икон. Погасли лампады, и новым духом повеяло в закопченых углах. Горячей радостью загорелись угрюмые стены, украсились красными полотнищами, новые пролетарские лозунги заняли место непререкаемых евангельских истин.

Изменился и школьник. Не приниженным, забитым и испуганным зверьком, каким он был в старое время, является сейчас он в школу. Советская школа—его школа. Он в ней хозяин.

И не «божественные глаголы» ветхозаветных пророков изучает он там. Он читает новые книги, он следит за жизнью по печатным строчкам пахнущих свежей краской советских газет, он в курсе всех начинаний советской власти, которые касаются не только его.

Вот, полюбуйтесь.

«Урок кончился. Дети выбежали на перемену. Несколько ребят очутились на крыльце подле старика-нищего. Они слушают его рассказ—простую, безотрадную повесть о длинной 70-летней жизни, полной труда и лишений. Смерть унесла в могилу жену и сыновей. Невестка попрекает каждым куском—ей трудно кормить своих детей.

— Дедушка, а ведь ты не знаешь, какую радость принес тебе праздник десятилетия Октябрьской революции?

Бегут ко мне и просят неотступно дать им газету. Сначала я слышу ясное, раздельное чтение манифеста, а затем горячее толкование. У крыльца останавливаются несколько прохожих и принимают участие в разговоре. Особенно горячатся бабы: пенсия престарелым крестьянам кажется им неосуществимой мечтой.

Старик смотрит недоумевающими старческими глазами, затем, вдруг поняв, приходит в невыразимый восторг. Быстро собирается в обратный путь поделиться радостной вестью с внучатами.

— Теперь меня уж никто из дому не выгонит. Буду сидеть в теплой избе да внучат няньчить,—шамкает беззубый рот». (Н. Первова.)

Да, таковы советский школьник и советская школа на одиннадцатом году революции.

Огромными скачками.

Нелегко прошли они этот путь. Не сразу выбрались на хорошую дорогу. Много пришлось перетерпеть им в годы тяжелой разрухи, нищеты и голода. Только сейчас развертывает школа свои крылья понастоящему. И тем удивительнее, тем разительнее гигантский скачок, проделанный ею.

Судите сами.

«Вот как сейчас помню: полуразрушенное здание с облезлыми стенами, вывалившимися кирпичами, дырявой крышей. Рамы чуть держатся, наводя тоску обес-

стекленными впадинами и приколоченной грязной фанерой и картоном. На воротах уныло свесилась набок дощечка-вывеска «Бугурусланские профессиональные курсы». Курсы!.. Это было что-то нелепое, жалкое!.. Где-то набрали обломков железа, чугуна, заржавленных молотков, подпилков, утерявших давно насечку. Зубила без «зубов», рваные, хриплые мехи в кузнице на один горн и старчески кашляющие токарные станки, измызганные до неузнаваемости. Вот и все оборудование. Время было такое—собирали по крохам. Теоретические занятия в холодном, грозившем рухнуть здании велись «эпизодически», поскольку учащиеся были способны работать при 10—15° ниже нуля... В худых валенках, в измызганных до рванья каких-то кацавейках... Руки и ноги коченели. Учитель, закутанный во что попало, как эскимос, сидит за столом и уныло смотрит на голые, грязные стены и весело впархивающий в окна снег. В мастерских... о, там тоже был полярный холод, и руки пристывали к железу. 5 ревматических тисок на 80—90 человек. Беззубые подпилки напрасно старались глодать железо,—это была бесполезная затея. Мучительно ныли руки у курсантов. Холодный пот выступал на лбу, а железо попрежнему краснело мертвой ржавчиной.

Это было в 1920—1923 гг. И все-таки... все-таки желание работать не остывало. Упорное, революционное, октябрьское. И оно победило.

Сентябрь 1927 г. Дивная погода, как в июле. День блещет всеми красками. Так хорошо, так радостно! Чу! Что это застучало, запыхтело? Со двора, весело отдуваясь и упираясь цепкими огромными лапами, выполз «красный путиловец». За ним толпа подростков, некоторые в рабочих блузах, с запачканными рожицами. Смех, крик.

— Колька, смотри, на столб не наткнись!.. Не упади, держи вправо!

Колька—рулевой, серьезный малый. Ему не до шуток. Он переводит трактор на большую скорость и обдает ребят струей газа.

— Ребята, звонок в мастерские!

Большое здание имеет 5 отделений: токарное с 6 станками по металлу, слесарное с 60 тисками, инструментальное, помещение для двигателя и кузница на 4 горна. Пыхтит 8-сильный движок, курлыкают шестеренки станков и летят, покрывая станину и пол, металлические стружки. Десятки молотков и пил оглушают стуком и визгом. Пыхтят новенькие мехи в кузнице, рой блестящих искр летит кверху, и ухает послушная кувалда под задорный выстук молотка. Это—рабочий муравейник.

Рядом с мастерскими гараж. Здесь производится сборка и разборка сельскохозяйственных машин и практическое ознакомление с конструкцией трактора, с системой управления. Рядом высится двухэтажное здание. Внизу столярная—18 верстаков; вверху классы-кабинеты с библиотеками в каждом. Чисто, уютно и зимою тепло. Диаграммы, карты; в большинстве вместо парт столы.

Заглянем на вывеску: «Школа сельскохозяйственного машиноведения и ремонта». Это—бывшие профкурсы. Это—результат упорного труда коллектива.

Полчаса седьмого. И столярная, и кабинеты, и слесарная освещены. Электричество. На улице темно... Нет, не темно, а светло, радостно! В десятилетие Октября школа может гордиться своими достижениями за эти годы. Она—дитя Октября». (В. Смагин.)

Таковы сдвиги советской школы за последние годы. Такова она сейчас, на пороге второго десятилетия Октября.

Школьная перепись.

Наивные.

Всесоюзная школьная перепись!.. Эти три слова целиком захватили советского учителя в последние месяцы прошлого года. Как-то она пройдет? Сумеет ли провести ее он, учитель? Трудна ли она и кто поможет ему справиться с ней?..

Учитель радовался и... волновался. Он радовался тому, что советская власть с каждым годом все больше и больше обращает внимания на дело народного просвещения. Он отлично понимал, что проведение школьной переписи означает дальнейший шаг вперед, новую победу на фронте просвещения.

И радовался. И спешил поделиться своей радостью прежде всего с «Учительской газетой».

«Дорогие товарищи. Знаете ли вы, что 15 декабря в Орловской губернии будет произведена однодневная школьная перепись в школах I и II ст. и в школах профобра? Перепись будут производить учащиеся старших групп под руководством работников губстатотдела. Цель переписи—выяснить, в каких условиях протекает работа наших школ, а также познакомиться с материальным положением учащихся и учителей». (Иг. Зубковский.)

Наивный!.. Он думает, что в ноябре мы еще не слышали о переписи. Он спешит поделиться своей радостью и сообщить, что и его Орловская губерния не забыта, что и сам он вместе со своими учениками примет непосредственное участие в переписи и будет разрешать большие вопросы, поставленные ею.

Учитель радовался.

Статистическая неразбериха.

Но и беспокоился. Перепись—штука большая, сложная и хитрая. Там много бланков, параграфов, пунктов и мудрых «с подходцем» вопросов. Как ответишь на них?.. Вон «Учительская газета» уже намекает насчет потолка... и недаром—школьная статистика—ах, как хворает!

Действительность оправдала беспокойство. Иногда не хватало самых необходимых элементарнейших сведений по школе. Не научились мы еще измерять школьную жизнь цифрами, отливать ее в четкие формы статистических таблиц. Не умеем хранить школьных архивов и частенько разбазариваем их на цыгарки школьному совету. А когда грянет гром, оторопело крестимся. Да уж поздно.

«Предстоит провести школьную перепись. Ответственность за правильность сведений ложится на завшколами. Требуются сведения за прошлый год, а в школах при перемене учительского персонала не передается и даже не сохраняется никаких журналов за прошлые годы. Поэтому требуемых переписью сведений взять негде. Как быть?

С осени нынешнего учебного года я заняла место завшколой с. Темновского. Старый заведующий не передал мне никаких дел, освещающих работу школы. На мой вопрос, есть ли у вас дневники занятий и списки учеников, зав ответил, что ничего не имеется, кроме списка детей, переведенных из группы в группу. Да и тот висит в сельском совете. Я попросила хотя бы этот список. Зав сходил в сельсовет и принес его мне, сняв со стенки.

Вот и все, чем я располагаю при даче сведений за прошлый год». (Топоркова.)

Да, с такими данными далеко не уедешь.

Туго обстоит дело и в Сталинградской губернии.

«Встречаются некоторые затруднения в отношении сведений по школе. Причина этому та, что учет имущества (инвентарь, учебники, пособия и т. д.) и средств велся слабо.

После переписи нужно добиться того, чтобы все данные в школе имелись. До сего времени на эту сторону мало обращалось внимания, между тем в жизни школы это имеет большое значение.

Органам народного образования следует поставить перед хозорганами вопрос о необходимости снабжать школы всеми нужными книгами и делами. Где строгий и точный учет, там и бережливость». (Майков.)

Светлана Петрова отмечает тот же недостаток—нехватку некоторых данных—по Мелитопольскому округу.

«Критический день всесоюзной школьной переписи прошел. Будем ждать ре-

зультатов. Каррикатура, помещенная в № 49 «Учительской газеты», как нельзя лучше подходит к моменту переписи. Действительно, что бы делал статистик без потолка?

Возьмем наше село (Спасское Терпеньевского р-на). Еще с 1922 или 1923 года при слиянии нашего района с Пришибским были утеряны все метрические книги, и теперь нет никакой возможности точно определить года ученикам. Родители часто сами не помнят, когда родился ребенок, и говорят, как им кажется лучше: то убавят, то прибавят. Хорошо, у кого еще сохранилась выписка о крещении, но таких мало. Вот и приходится обращаться за помощью к потолку.

Впрочем, это и есть только одна отрицательная сторона в нашей работе. Все же остальные данные обоснованы и добросовестно продуманы. Потонет и наша работа в общей всесоюзной, сольется, с нею и даст ей то маленькое, незаметное, но нужное, без чего все-таки перепись была бы неполной».

А т. Е. из Вятской губернии, жалуется на вик.

«К проведению всесоюзной переписи учительство нашей волости было подготовлено, и 17 декабря все школы результаты переписи представили волинструктору. Особенных затруднений приэтом не встретилось, за исключением раздела о бюджете. Вик к переписи оказался не вполне подготовленным, и завшколами были в затруднении: не могли дать точной картины бюджета своей школы по причине недостаточно правильного учета расходов по отдельным школам. В расходах вика выведено на учебники для всех школ 200 р., а сколько на каждую школу в отдельности—никому неизвестно. Отпущено на хозяйственные нужды школ 30 р., а каким—неизвестно. Приходилось по памяти и своим записям устанавливать тот или иной расход. Оказалось, что завшколами не всем расходам ведут учет, потому что вик сам закупает топливо, учебники, канцелярские принадлежности. Хотя, правда, здесь со стороны вика нет злоупотреблений, но если бы нам захотелось иметь данные не за один, а за несколько лет, то не обошлось бы без потолка, товарищи».

Впрочем, не так уже много этих писем о недостатках школьного механизма в области статистики. Они наблюдались кое-где и не испортят, конечно, переписи. Но вывод отсюда, который делают некоторые товарищи, запомнить не мешает: наша школьная статистика должна быть поставлена основательно.

Переписные минусы.

Больше, чем эти недочеты, путали учителей неясности самой переписи, нечеткая постановка некоторых вопросов. Если прибавить сюда слабое инструктирование, проводимое часто наспех, лицом не всегда компетентным,—понятными станут жалобы учителей на затруднения по этой линии.

Вот что пишет, например, т. Г. из Костромской губернии.

«Школьная перепись прошла у нас с некоторыми затруднениями. Когда участковые инструктора разбирались с формулярами и инструкциями на уездном совещании, то все было понятно и ясно. Практическая же работа на местах столкнула их со многими неясностями. Инструкции сами по себе оказались непонятными, не охватывающими всех пунктов, а разными работниками разные вопросы понимаются поразному. И действительно, один и тот же вопрос без соответствующего разъяснения можно толковать поразному. Неясными были следующие вопросы: 1) Как регистрировать арендованное здание по п. 5 раздела VI? 2) Регистрируется или нет обстановка учительской квартиры при школе, по п. 11 раздела VII? 3) Какие книги относить в графу 12, п. 12 раздела VII? 4) Куда относить дни, в которые школа не занималась в начале года по причинам, не зависящим от школьного работника?..

Были и другие неясности. Однако все они благодаря согласной работе работников нашей волости были устранены, и результаты переписи должны быть удовлетворительными».

Когда же эти недочеты и неясности самой переписи переплетаются со школьной статистической неразберихой, получается совсем скверно. Тут уж, действительно, без потолка не обойтись. На это и жалуется т. Зыкин из Омского округа.

«7 декабря у нас переписью и не пахло. Но вот через день или два привезли бланки, наскоро проинструктировали—и катись по отнесенному тебе району. Съехались все в одну школу. Вечер. Начинается знакомство с переписью. Основная задача ясна, переходим к деталям, и тут приходится становиться втупик. При инструктировании понималось так, а сейчас выплывает еще и другая сторона. И обе верны. Которой отдать предпочтение—Аллах ведает!

Целевая установка отдельных моментов переписи неизвестна. И каждый думает заполнить так, как ему кажется правильней.

В скверном положении очутились школы, в которых новые учителя: у них данные почти отсутствуют. Риком разослан по школам бюджет прошлого года. По графам разнесено 3 цифры, ничего не дающие. Слишком обще: неизвестно, сколько на отопление, сколько на канцелярию и пр. Масса сомнений, а инструкции нет—она пришла лишь через два дня по окончании переписи.

Не хватило личных карточек, не говоря уже о замене испорченных. И их пришлось восстанавливать от руки. Осталась незанесенной в бланки школа при детдоме ввиду отсутствия указаний на этот счет.

Сейчас идет проверка, но сколько ошибок по небрежности! Здесь неверен итог, там неправильны вычисления. Эта графа прямо противоречит другой. Сразу видно, что отчетность наших школ поставлена очень плохо. Учителя сознают, что перепись толкнула их в этом отношении далеко вперед, и в ближайшем будущем ненормальности по школьной статистике будут убавлены».

А все-таки сделали.

Но, несмотря на эти отдельные промахи и ошибки, в общем перепись прошла хорошо. Не легко досталась она учителю. Не одну бессонную ночь просидел он, склонившись над бланками, роясь в шкафах, разрывая архивные залежи. Последнее свободное время отдал он ей.

«Вот уже 20 декабря, а мы еще не распустили школу—помешала перепись. Все дни перед отпуском были заняты ею. Потому что хорошо понимали, что это большое и сложное дело». (N.)

Да, дело большое и ответственное, имеющее огромное значение для всей страны. И сделано оно хорошо, благодаря усилиям учительства.

«23 декабря перепись по волости была уже закончена, и материал сдан в уезд. Учителя отнеслись серьезно к этой работе, точно, в срок привозили заполненные бланки в райшколу. Некоторым приходилось приезжать за 15—20 верст, почти безо всякой оплаты. На все школы (19) было израсходовано 32 рубля. Быстрое и аккуратное выполнение работ по переписи, помимо сознательного отношения учителей, объясняется сделующим: 1) ученики заблаговременно были информированы и поэтому давали ответы без всяких затруднений; 2) вик дал на каждую школу выборки из бюджета; 3) уже с прошлого года все школы ведут удовлетворительную отчетность.

Благодаря этому таких картин, как в Бронницком уезде («Учительская газета» № 52) у нас не наблюдалось. Работа прошла четко, быстро. Занятия в школах не прерывались. Райшкола сделала поволостную сводку из собранных данных, так как это даст богатый математический материал для 3-й и 4-й групп». (Кутубов, Смоленск. губ.)

И смех и слезы.

Сейчас, когда перепись закончена и сдана в руки инструктора, гора свалилась с плеч. Трудности остались позади, бессонные ночи забыты, и вспоминаются лишь иногда курьезы, маленькие приключения в процессе большой работы. Теперь можно и посмеяться.

И учителя, вспоминая, смеются.

«Несчастья с бланками начались тут же, как только они попали в руки владельцев. У одной, пока она ехала, перевернулись сани, и злосчастный сверток покатился по прихоти бурана. Ищи его ночью в степи! У другого чистоплотная сторожиха взяла показавшиеся ей почему-то ненужными бумажки и вытерла ими таз для мытья пола. А затем они попали в помойку, где и нашел их примерзшими учитель, сбившийся с ног в поисках». (Г. Калачинск.)

Иногда этот смех выходит немножко погоголевски—«смех сквозь слезы». Ничего не поделаешь—досадно. Ты рвешься изо всех сил, стараешься сделать получше, поточнее, а тут тебе ножку подставляют. Горько делается.

Этой горечью наполнено письмо т. Н. из Лабинского района Сев.-кавказского края.

«Получили мы бланки, инструкции и начали работать. Работа пошла дружно, скоро. Печатных бланков не хватило, пришлось от руки графить, но закончили во-время.

Повезли сдавать инспектору ОНО—районному инструктору по переписи.

Оказалось, не все ладно. Инспектор, инструктируя при начале работы, упустил из виду указать на некоторые неточности бюджета. И в переписанных уже набело сведениях пришлось подчищать цифры и переправлять. У некоторых после этого перепись получилась неказистой, пришлось графить бланки и все снова переписывать. Целые сутки просидели.

Повезли снова к инспектору—и снова неладно. Учителя старших групп, сообразуясь с программами Гуса и с фактической работой по школе, поставили в карточках учащихся по 30 часов в неделю. А завы школ прибавили к своей основной работе еще 6 часов в неделю за заведывание, так что и у них вышло 30 часов. Инспектор требовал, чтобы у всех было 24 часа в неделю, не больше.

Напрасно учителя ссылались на программы и на то, что они каждый день делают по 5 уроков,—инспектор был неумолим.

— Ставь 24 недельных часа—и больше ни минуты! А если не укладываешься в эти часы, значит—квалификация слаба. Приеду, увижу и уволю!

Завы школ доказывали «режимному» начальству, что приходится, ведь, тратить на заведывание по меньшей мере час в день.

— Вы за это получаете!—грозно отвечал начальник.—На, бери резинку и стирай свои 30 часов, а пиши 24!

Инспектор вынимал резинку. Подчинялись. Часы переделывались—все на 24. Стирали инспекторской резинкой и сами провинившиеся, стирал за отсутствующих инспектор, стирали у своих коллег товарищи, привезшие перепись. Стирали все! Не считаясь ни с группой, ни с работой, ни с тем, можно ли подчищать чужую карточку без ведома владельца.

И вот, во всем районе, где больше 120 учителей I ст., а из них несколько десятков завов и учителей старших групп, у всех сплошь 24 часа в неделю. Ни часу больше. Инспекторская резинка уничтожила всю учительскую нагрузку сверх «24».

Да, в газетах пишут о нормах труда учителя. Пишут, что учитель бывает перегружен, а зав в особенности. А вот вам простой способ уничтожить перегрузку и всех сравнять. Надо взять резинку, стереть и поставить законные 24 часа, не считаясь ни с работой в старших группах, ни с заведыванием.

К сожалению, кое-где «жив еще ты, головотяпский курилка»!

Этой же горечью до краев наполнена большая корреспонденция т. Грабилина, учителя-пенсионера из с. Брасова Брянской губернии. Он дает своей работе модный заголовок: «Оппозиция в среде учительства». И в самом же начале предупреждает, что отвечает за действительность фактов. «А если у товарища редактора явится сомнение в доставленных мною сведениях,—добавляет он,—то прошу выслать вашего агента для проверки—спросим учителей Брасовской школы». Тов. Грабилин начинает корреспонденцию с утверждения, что «всесоюзная перепись имеет своим заданием выявление тех основных элементов, кои необходимы в построении всего школьного обучения и воспроизводства квалифицированной рабочей силы». Перечислив дальше все необходимые сведения по переписи (сколько миллионов учеников будет переписано, сколько тысяч карточек надо заполнить и т. п.) и установив таким образом огромное значение переписи, т. Грабилин переходит к характеристике действий учителя Платоненко. Последний своими «бестактными и дерзкими» выступлениями против инструктора, выражавшимися вопросами о том, будут ли оплачены проездные по переписи и кем именно,—«явно старался сорвать собрание». Впрочем, эта попытка «оппозиции» тоже сорвалась, и перепись по Севскому уезду закончилась вполне благополучно.

«... Потому, что народный учитель за выключением «Платоненковых» остается верным и добросовестным работником на «ниве народного просвещения».

Это—тоже ирония, хотя немножко с другого конца. Невольная ирония над самим собой.

Но она характерна, как критерий отношений учительства к переписи. Даже старых учителей-пенсионеров, даже тех, кто уже отработал свое, у кого «все—в прошлом» и для кого перепись не имеет никакого значения,—даже их, ветеранов, захватили магические слова:

— Всесоюзная школьная перепись!

А. МУРАВЛЕВСКИЙ.

На Дальнем Востоке.

(Записки инспектора.)

После семисуточного пребывания в вагоне, после того, как начинает надоедать буквально все: шум вагонных колес, свистки паровозов, станционные звонки, наконец,—твои соседи, с которыми переговорил уже обо всем, начиная с обычных вопросов «куда едете» и кончая самой «высокой» материей; после того, когда ожидаешь с нетерпением остановки, для того чтобы выйти подышать свежим воздухом и отдохнуть от специфической вагонной атмосферы; после долгих и томительных мучений,—появляется красавец Байкал.

Я не знаю, есть ли у нас в Союзе более красивая, более привлекательная картина, чем та, которая представляется твоим взорам при приближении к Байкалу. Я знаю только, что муки и лишения, связанные с передвижением втечение семи суток, сторицей окупаются при виде величественной, грандиозной, бесподобной панорамы, открывающейся с приближением к «славному морю—священному Байкалу».

Здесь все исключительно красиво: каменные громады, окружающие со всех сторон водный бассейн, кажущиеся безбрежными водные пространства, бесчисленные железнодорожные тоннели, наконец—полотно железной дороги, узкой лентой извивающееся по высоким обрывам. На протяжении сотни верст эта картина не прерывается, и ты забываешь, что сидишь в опостылевшем вагоне. Теперь уже хочется ехать, ехать без конца...

Байкал—это еще преддверие Дальнего Востока. А там, дальше, на протяжении 4 с лишним тысяч километров тянется собственно Дальневосточный край—самая далекая окраина Советского союза.

* * *

Итак—девять тысяч километров от Москвы.

Столица края—Хабаровск. Обычное для всех краевых городов движение, обычный шум. Разницы между пульсом жизни большого российского города и Хабаровска почти не замечаешь. Во всяком случае «окраиной» в примитивном смысле этого слова, названием, характеризовавшим ранее нечто заброшенное, отставшее от жизни по крайней мере на полвека, не пахнет. Необычным кажется лишь большое количество китайского и корейского населения. Представители желтой расы напоми-

нают, с одной стороны, удаленность от центра и, с другой—близость китайской границы.

Город живет почти европейской жизнью: громадное количество клубов, кино, широковещательная радиостанция, прекрасная опера, значительное количество прочих просветительных учреждений. Все это, вместе взятое, служит ярким доказательством того, что, несмотря на исключительную удаленность от центра, темп жизни края, его культурные завоевания отнюдь не меньшие, чем где бы то ни было. Территориальная оторванность от центра ни в какой мере не влияет на степень культурной отсталости. Это положение верно не только по отношению к краевому центру, но и к периферии.

* * *

В 1913 г. министр народного просвещения командировал попечителя Харьковского учебного округа, некоего Соколовского, для обследования состояния народного образования в Восточной Сибири. В результате этого обследования появился печатный труд размером страниц на 300 с лишним. В этом труде нет общекультурного абриса Дальнего Востока. Имея, очевидно, специфические задания, Соколовский максимум внимания уделил характеристике отдельных учреждений, преимущественно повышенного типа. Тем не менее исследователь особо остановился на двух общих проблемах, которые, как ему казалось, являлись кардинальными. Первая из них касалась вопроса религиозно-нравственного воспитания и вторая—классического образования в школах повышенного типа. Соколовский приходил в ужас от того, что народная школа в Восточной Сибири почти потеряла свой христианский облик. Он писал: «Правильно поставленное религиозное воспитание, находя почву в душе ребенка, вместе с тем подымает его внутреннюю жизнь до высшего предела достигнутого ему понимания. Дети переносятся в другой мир, и я не знаю ничего более трогательного и торжественного, как передачу Евангелия детскими устами. Слова нагорной проповеди, молитвы господней или какого-либо события, переданные детьми по тексту Евангелия, получают какой-то особый смысл величия и глубокой правдивости... но... восточносибирская школа почти лишена своего религиозного основания»... Отсюда следствие: надо принимать решительные меры к улучшению преподавания закона божия, ибо в этом вся суть. Это коренная проблема для просветительной работы на Дальнем Востоке.

Вторая проблема: «Если мы хотим воспитывать в гимназиях людей зрелых, мы прежде всего должны усилить в школе элементы культурно-исторические... Учащиеся раньше всего должны знать, откуда они получили свое нравственное развитие и из каких культурных источников они питаются». Жалуясь на то, что из школы совершенно изгнан греческий язык—«элемент, связующий нас с умственной жизнью средних веков», автор сетует и на то, что латинский язык в школах Восточной Сибири не имеет надлежащего применения. Отсюда и вторая кардинальная проблема: «Надо заставить среднюю школу уважать латинский язык, надо преподавать латинский язык даже с первого класса». В этом вся соль. Таковы в сущности две проблемы, породившие «глубокомысленный» труд.

Для чего понадобились воспоминания об этом «труде» царского знатного чиновника? Мне думается, вспомнить о нем нелишне при анализе просветительной работы на Дальнем Востоке в настоящее время. В самом деле, Соколовского отнюдь не интересовали вопросы состояния грамотности на Дальнем Востоке, практические мероприятия по развертыванию сети учреждений низшего и повышенного типа, вопросы улучшения материального положения учреждений и пр. и т. п. Он чрезвычайно брезгливо относился к стремлению молодежи получить высшее образование, считая, что каждое поползновение в этом смысле может принести «сугубый вред» всей системе царского управления. Для него важно было одно: всемерно и возможно быстрее предотвратить некий либеральный дух, успевший проникнуть быстрее, чем куда бы то ни было, в ничтожное количество просветительных учреждений, уже существовавших. Такова его основная задача.

Времена меняются. Теперь уже основные рассуждения и выводы Соколовского кажутся безобразно смешными. Прошло каких-нибудь 14 лет. На крамольном Дальнем Востоке имеется многотысячная пионерская организация. Я видел во Владивостоке 7 ноября грандиозное шествие китайских пионеров и октябрят,—и мне почему-то вспомнились тогда рассуждения Соколовского. Мне представилось, что вот теперь каждый из гордо шествующих красных китайчат под шумный треск пионерского барабана при встрече с важным царским просветителем обязательно назвал бы его исключительным идиотом.

* * *

Несколько цифр и справок. В 1915 г. количество учащихся в школах I ступени на Дальнем Востоке равнялось 84 тысячам. В текущем году это количество возросло вдвое. Средний процент обеспеченности детей 8—11 лет школьными местами приближен к республиканской норме. Грамотность населения выше среднереспубликанской нормы.

И дальше: согласно постановлению Далькрайисполкома, постановлению, в реальности которого нельзя сомневаться, к концу пятилетия в крае будет введено всеобщее обучение, среди основных масс неграмотных будет завершена работа по ликвидации неграмотности.

Согласно декрету ВЦИК и СНК соотношение комплектов школ повышенного образования к начальной школе должно равняться 1 : 8. На Дальнем Востоке уже теперь это соотношение равно 1 : 6,36. Показательно, далее, что в Дальневосточном крае уже нет школ без четырехлетнего курса обучения. У меня нет под руками цифр, характеризующих развитие сети низшего и среднего профессионального образования. Однако и в этой области дело обстоит не хуже, чем в отношении социального воспитания. Характерно, что с каждым годом появляются новые средние профессиональные учебные заведения, вызываемые потребностью местного хозяйства, как мелиоративный техникум, рыбопромышленный техникум и др. Растет и развивается детище Октября—Дальневосточный университет. Количество политпросветучреждений увеличивается с каждым годом. Показательно, что количество так называемых «мягких» изб-читален превышает количество бюджетных учреждений. Это обстоятельство свидетельствует о величайшей заинтересованности самого населения в развитии сети просветительных учреждений.

Рост ассигнований на народное образование из местного бюджета значителен. Достаточно указать на то, что в текущем году общая сумма средств, отпускаемых на народное образование из местного бюджета, увеличилась вдвое (8 миллионов против 4) по сравнению с 1925/26 учебным годом.

Небезынтересно привести еще несколько цифр. В вышеприводимом труде Соколовского все расходы по народному просвещению в 1913 г. по Владивостоку были равны 174 738 р. В настоящем году только по местному бюджету отпускается по тому же городу 950 000 р. Если присовокупить сюда расходы, отпускаемые по госбюджету (техникумы, университет и др.), то, очевидно, никаких сравнений между этими двумя датами приводить нельзя.

О чем свидетельствуют все эти цифры и факты?

Они говорят прежде всего о бурном развитии дела народного образования на дальней окраине. Они свидетельствуют о колоссальной заинтересованности всей советской общественности в деле развития народного просвещения. Они воочию убеждают в том, что не только на словах, но и на деле советская власть обращает сугубое внимание на вопросы подлинного просвещения там, где раньше полагали возможным заботиться о религиозно-нравственном воспитании. Эти факты и цифры выявляют величайшие достижения на культурном фронте. Они, эти факты и цифры, становятся еще разительнее, еще убедительнее, если принять во внимание то, что Дальневосточный край только пять лет назад получил возможность работать в нормальных условиях. Годы интервенции, годы гражданской войны, затянувшиеся

на Дальнем Востоке значительно дольше, чем в других частях Советской республики, безусловно замедлили темп развития народного образования, как и развитие всего народного хозяйства края.

* * *

Штаб культурного фронта Дальнего Востока—крайоно.

30 человек делают большое культурное дело.

Вечером, в 7-8-9 часов, в аппарате вы можете застать группу сотрудников, оживленно беседующих об очередных вопросах или прорабатывающих тот или другой вопрос в одиночку. Заведующего до глубокой ночи вы можете застать в его кабинете. Здесь нет «чиновного» отношения к делу—«до 3 часов и баста!». Без всякого принуждения, сознавая лишь громадную ответственность за порученную им работу, они работают не покладая рук. А ответственность действительно большая. Не надо забывать того, что Дальневосточный край является форпостом всего Советского союза на Востоке. Надо помнить также и то, что целая серия вопросов народного образования, не имеющая большой остроты в пределах европейской России, является особо актуальной для Дальнего Востока. Взять хотя бы вопросы всеобщего обучения, профессионального образования, подготовки педагогической силы и т. п.

К чести аппарата прежде всего следует отнести то, что он достаточно уделил внимания нормализации своей работы. Не останавливаясь только на формальной реорганизации, построении аппарата на инспекторских рельсах, руководители аппарата подошли к вопросу гораздо глубже и попытались сделать все возможное для действительной рационализации работы каждого сотрудника в отдельности. В результате мы уже имеем четкую регламентацию функций каждого сотрудника, правильное распределение обязанностей между личным составом аппарата и, что самое главное,—повышение активности в среде работников.

Принципы децернации, покоящиеся, в сущности говоря, на двух основах—точном распределении функций каждого сотрудника и его максимальной ответственности за поручаемое ему дело—в основном Далькрайоно разрешены.

Каждый инспектор, занятый определенной работой (и только ею), в полном смысле слова о т в е ч а е т за свою работу перед заведующим крайоно и пользуется его большим доверием. Каждый инспектор работает по индивидуальному плану, вырабатываемому на основе общих директив заведующего и планового совещания. Все децерненты периодически отчитываются в своей работе перед заведующим крайоно. При такой постановке вопроса заведующий имеет возможность контролировать деятельность каждого сотрудника и во-время давать надлежащее направление его деятельности. Заведующий не вмешивается в каждый шаг практической каждодневной работы сотрудника, не опекает его и этим, конечно, повышает его работоспособность. Без всякой опеки у децернента повышается чувство ответственности за работу. Ответственность налагает значительно большую сумму, так сказать, нравственных обязательств. Что же касается возможных вывихов, недоделок и пр., то все эти элементы слишком хорошо и быстро улавливаются при наличии правильного руководства заведующего. При данной системе работы заведующий должен представлять собой опытного шофера, который очень искусно должен маневрировать поворотами машины. Объективные наблюдения за работой аппарата говорят о том, что руководство протекает в общем умело.

Попутно с реконструкцией функционального аппарата Далькрайоно принял и новую систему делопроизводства. Взамен существовавшей ранее принята так называемая безрегистрационная система. Эта последняя, как показал опыт, является лучшим средством борьбы с присущей всем аппаратам канцелярской волокитой.

Безрегистрационная система делопроизводства покоится на глубоком доверии к сотрудникам-исполнителям. Всякая бумага, поступающая в ОНО, без предварительных и последующих регистраций, через заведующего канцелярией поступает к сотруднику-исполнителю. Последний, если бумага не имеет сугубо принципиальных

запросов, только за своей подписью дает надлежащий ответ, храня поступившее отношение у себя в «наряде». Количество нарядов для каждого сотрудника строго ограничено (от 3 до 5). Увеличить количество нарядов можно лишь с санкции заведующего крайоно в исключительных случаях. Благодаря такой постановке дела в Далькрайоно легко и быстро можно найти всякую справку, легко и быстро можно ориентироваться в деятельности каждого децернента. Канцелярский бюрократизм сведен до минимума. Возможность контроля за исполнителями обеспечена. «Входящие» и «выходящие» вышли из употребления.

* * *

На одном авторитетном заседании между ответственными руководителями края и просвещенцем произошел примерно следующий диалог. Речь шла относительно слабой работы школ повышенного типа и о причинах этой слабой работы.

Просвещенец, обращаясь к председательствующему, заявил: «Вот все вы толкуете о том, что дело у нас с повышенной школой обстоит плохо. Это верно. Где же следует искать причины? Разрешите привести некоторую, кажущуюся на первый взгляд вздорной, аналогию. Вот вы, например, ежели прикинуть на старую мерку, являетесь «ваше высокопревосходительство». Рядом с помещением, где мы сейчас заседаем, находится громадная школа-девятилетка, бывшая гимназия. Раньше, управляло этой школой лицо по чину не меньше, чем «ваше превосходительство». Раньше «ваше высокопревосходительство» великолепно знало «ваше превосходительство», запросто у него бывало, крестило у него детей, знало всю подноготную его домашнего обихода. Это обстоятельство имело, помимо всего прочего, некоторый глубокий психологический смысл. Общение двух «превосходительств», если угодно, создавало известный авторитет школе. Школа пользовалась известным доверием и уважением, школу знали.

Разрешите теперь спросить: «Как фамилия нынешнего заведующего девятилеткой, нашего, так сказать, ближайшего соседа?». Никто из присутствующих не мог назвать фамилию.

Просвещенец продолжал: «Ваше молчание свидетельствует вот о чем: назначая иногда на пост заведующего крупным просветительным учреждением того или иного товарища—партийца, или преданного советской власти специалиста, мы не только не помогаем ему приобрести известный авторитет, не создаем нужной атмосферы к нему доверия, не окружаем соответствующим вниманием, но подчас даже не знаем его, не следим за его работой. И в результате: учреждение работает, скрипит, как говорят, понемногу—и ладно; нам до этого будто бы никакого дела нет. Мы заняты более высокими делами. А в итоге учреждение незаметно разваливается, у руководителя опускаются руки. Можно ли так работать?—Да, конечно,—нет. Надо в процессе работы помогать этому человеку, надо привлекать к его работе общественное внимание, создавать должный авторитет и, что самое главное,—о к а з ы в а т ь е м у м а к с и м а л ь н о е д о в е р и е. Тогда только мы добьемся нужных результатов».

Совершенно бесспорно, что д о в е р и е—это основное условие, без которого трудно заинтересовать работой. В нашей просветительной практике этого фактора, стимулирующего инициативу рядовых работников, повышающего их активность,—почти нет. Мы привыкли к каждому работнику относиться с некоторым, как бы сказать, подозрением. Уделяем много внимания контролю, а помощь, т. е. то, без чего вообще трудно работать, отодвигается на задний план. Это обстоятельство помимо того, что оно само по себе плохо сказывается на работе учреждений, скверно влияет и на работу самого аппарата. Этот последний в большей мере приспособлен к контролю, чем к оказанию помощи.

Далькрайоно ставит перед собой вопрос о том, чтобы эта система была коренным образом изменена. Идя по линии дальнейшего упрощения аппарата, он стремится к тому, чтобы, вопервых,—внедрить в сознание массовых работников

налагаемую на них ответственность и, вовторых,—приспособить свой аппарат к действительному обслуживанию основных нужд учреждений и работников.

Проведенное в текущем году сокращение аппаратов (краевого и окружных), как оно ни казалось жестким вначале, крайоно ни в какой мере не беспокоит. Больше того, в личной беседе некоторые работники высказывались в том смысле, чтобы и в дальнейшем итти по линии сокращения как краевого, так и особенно окружных аппаратов. Практика показывает, что громоздкие окружные аппараты, не располагающие достаточными данными для ведения плодотворной работы (отсутствие средств, работников и т. д.), являют собой в конечном счете лишнее звено в системе нашего управления. Центр тяжести должен быть перенесен на низовой инспекторский аппарат (в районах), на создание для райсного инспекторского аппарата возможности работать (улучшение материального положения инспектуры, разъездные средства и т. д.). Имея в виду, что до сего времени в крае совершенно не было районного инспекторского аппарата, крайоно уже предпринял конкретные шаги для его создания. Далькрайоно уже решил за счет штатных единиц окроно выделить по 5—6 районных инспекторов на округ. Это мероприятие, если его удастся провести полностью, безусловно будет иметь положительное значение для всей культурно-просветительной работы в крае.

В нашей практической работе мы очень часто не можем давать конкретных руководящих указаний массовым учреждениям, потому что плохо эти учреждения знаем. Есть у нас, положим, энное количество учреждений соцвоса или политпросвета, мы это количество фиксируем в очередном отчете и стрижем все под одну гребенку. Что представляет собой каждое учреждение в отдельности, чем оно дышит, чем располагает,—эти конкретные данные не только в крае или округе, но и в самом рике отсутствуют. Для практической работы в этом заключается большой вред. Этот вред усугубляется в особенности теперь, когда мы везде и всюду твердим о плановости в работе, фиксируем внимание на сугубо плановом подходе к работе. Далькрайоно попытался этот дефект изжить. Вместе со статуправлением, на основании самых последних данных, он отпечатал поименный список всех своих учреждений с отметкой в нем основных показателей каждого конкретного учреждения в отдельности. Этот сборник, хоть и не без недостатков, представляет собой большое достижение. Он является настольной книгой крайоно, окроно и риков.

Достаточно изучив каждое учреждение в отдельности, можно ставить всерьез и вопрос о конкретном руководстве. Далькрайоно, надо думать, усовершенствует этот «справочник» и тем самым облегчит свою работу в будущем.

* * *

Работа окружных ОНО еще не может считаться в полной мере налаженной. Поздняя реорганизация ОНО в связи с поздним утверждением смет безусловно дает себя чувствовать. Самое главное, чем страдают окроно,—это отсутствие внутренней упорядоченности, загрузка городской работой, хозяйственно-материальными вопросами. В связи с решением крайоно о создании районной испекции и соответственной урезке штатов окроно, очевидно, вопрос о структуре последних и их функциях будет заново пересмотрен.

Что касается деятельности районных уполномоченных при риках, то тут представляется совершенно иная картина. То, что мне пришлось встретить в Читинском и Владивостокском округах, представляет собой сугубо отрадное явление. Каждый уполномоченный рика, несмотря на то, что он загружен работой по другой линии, уделяет исключительное внимание школе. Безупречное знание каждого учреждения в отдельности, максимальная забота о каждом из них, внимательное, можно сказать, отеческое отношение к учительству, забота об их насущных нуждах и пр.—все это создает исключительно отрадную картину. Особо приятное впечатление произвел уполномоченный Шкотовского района Владивостокского округа т. Лян (кореец), который с исключительной преданностью, не считаясь ни с какими нормами труда, выполняет свое большое дело.

В моей испекторской практике первый раз пришлось встретить такой исключительно работоспособный аппарат райуполномоченных. Практика Дальнего Востока показывает, что наше обычное представление об уполномоченных в районах, как аппарате малоподвижном, в значительной мере бездеятельном,—совершенно не соответствует действительности.

Мне представляется, что деятельность районных уполномоченных в значительной мере зависит от степени внимания к ним отделов народного образования. Надо суметь разбудить в них активность, надо также их надлежащим образом и инструктировать. Далькрайоно проделал в этом направлении большую работу: издал специальный справочник для районных работников, систематически снабжает их всеми руководящими материалами, создает для них периодически примерные планы работы и, наконец, уделяет достаточное внимание устному инструктажу через краевых и окружных инспекторов. Результаты заботливого отношения к уполномоченным со стороны ОНО уже совершенно очевидны.

* * *

Нельзя не отметить еще чрезвычайно интересного опыта, проведенного в текущем году крайоно. Этот вопрос касается командирования сотрудников аппарата, рядового учительства и профессуры в Японию для ознакомления с состоянием народного образования за рубежом.

Как первый опыт, он, может быть, прошел недостаточно удачно. Тем не менее эта попытка имеет целый ряд положительных сторон. Данные, заполученные делегацией просвещенцев в Японии, заставили и критически отнестись к нашей советской работе и воспользоваться интересным опытом в кое-каких отраслях работы по просвещению.

Далькрайоно рассматривает эту попытку как первый шаг для установления систематической связи с заграницей. Поскольку руководящие советские органы края отнеслись в высшей степени сочувственно к данному мероприятию, надо надеяться, что деловая связь с Японией будет действительно продолжаться.

Весьма возможно, что Далькрайоно станет базой для установления связи Наркомпроса и его местных органов с рядом восточных государств. Этот вопрос должно надлежащим образом изучить.

* * *

Когда беседуешь с отдельными работниками аппарата или массовых учреждений на Дальнем Востоке, очень нередко слышишь из их уст такие слова: «Вы уж нас строго не судите, конечно, мы поотстали, ведь как ни говорите—десяток тысяч верст от Москвы» и пр. Стараешься очень внимательно вникнуть во всю суть работы, ищешь эту отсталость в школе, избе-читальне, в окроно—и к великому изумлению не находишь каких бы то ни было ярких моментов, которые подтверждали бы слова необычайно скромных работников. Перед вами школа: неплохое здание, с нехудшим чем в центральной части СССР оборудованием, чистенько, хорошо, уютно. По стенам школы развешены «комплексы», может быть, в большем количестве, чем это следовало бы. В районной школе педагогической литературы—хоть пруд пруди. Один очень скромный учитель попросил даже вот о чем: «Нельзя ли похлопотать, чтобы поменьше выпускалось этой литературы, а то всего не прочтешь, неловко делается как-то, а начнешь все читать—много макулатуры попадается. Писателей у вас развелось чересчур много».

Трудно согласиться с этим учителем, но нельзя и не прислушаться к его словам. Может быть, в самом деле хватаем в этом отношении через край?

Учитель-первоступенец—общественник, пожалуй, в большей мере, чем у нас под Москвой. Очень нередко можно встретить учителя на административном посту в районе.

В одном из районов пришлось даже столкнуться с буквальным учительским засильем: председатель и два члена рика, агитпропорганизатор, зав. женотделом,

политпросветорганизатор—все бывшие учителя, преимущественно бывшие партизаны. Это ли не засилье?

С учителями-второступенцами мне пришлось мало сталкиваться, но данные ОНО и профсоюзов выявляют почти аналогичную картину.

В Дальневосточном крае, как и во всяком ином месте, в нашей работе имеется целый ряд недомоганий, целый ряд промахов. Взять хотя бы недостаточно налаженную методическую работу, отсутствие достаточных успехов по обслуживанию нацмен населения (в особенности корейского населения, часто переселяющегося с одного места на другое), слабое в общем методическое инструктирование деревенских удаленных школ, по отдельным округам—бюджетное недомогание и т. д. и т. д. И тем не менее общий рабочий темп, отдельные достижения, стремление все к большему и большему упорядочению работы,—все эти факты ни в какой мере не позволяют соглашаться с мнением отдельных работников по поводу их будто бы отсталости. Объективные наблюдения, отдельные беседы с местными старожилами заставляют быть уверенным в том, что в буквальном смысле «дальний» Восток очень близок к средней общереспубликанской рабочей норме и что в некоторых случаях он уже имеет громаднейшие достижения. Если взять поправку на расстояние, на удаленность от центра, то всю культурную работу, ведущуюся сейчас, можно было бы оценить в высшей степени удовлетворительным баллом.

* * *

В заключение хочется сказать несколько слов о театральной работе в крае, в частности о китайском театре.

Во всем крае работают три основных русских труппы: оперная, опереточная и драматическая. Согласно договору, заключенному с указанными коллективами, они обязаны проработать в каждом городе не меньше трех месяцев, с тем чтобы все крупные города имели возможность втечение года менять труппы. Необходимость такого именно подхода диктуется финансовыми соображениями, а также требованиями рабочего зрителя.

Благодаря удачно сформированным труппам работа в таких крупных городах, как Хабаровск и Владивосток, протекает в высшей степени удачно. Театры переполнены, все крупные театральные новинки смотрятся на Дальнем Востоке, пожалуй, одновременно с Москвой.

Профсоюзы раз, а то и два в неделю имеют возможность закупать спектакли исключительно для рабочего зрителя. В общем постановку театрального дела надо признать удачной.

Особняком стоит китайский театр. Это предприятие находится в частных руках и работает совершенно бесконтрольно. Говорят, что самая последняя «новинка», ставящаяся в громадном владивостокском театре, написана в 1800 г. Вместе с заместителем заведующего крайоно т. Пономаревым мы посетили этот спектакль. Зрелище действительно необычайное.

Представьте себе огромное здание, вмещающее до тысячи человек. Места почти все заняты. Партер уставлен сплошь столиками, за которыми сидят отдельные группы китайцев, распивающих чай, обязательно щелкающих семячки и раскуривающих смрадные папиросы. Балкон занят публикой побогаче: здесь купцы, именитые граждане... Сцена открыта совершенно. Гремит музыка: два национальных инструмента (род виолончели с одной струной) и затем две медных чашки. Нужно иметь колоссальное терпение, чтобы высидеть в театре час-другой. Артисты в богатейших национальных костюмах выходят группами, о чем-то говорят, поют, занимаются физкультурой. В чем сущность пьесы—никто нам не смог разъяснить. Мне думается, что даже китайцы не все понимают. Каждый из них занят своей беседой, на сцену глядят между прочим. Говорят, что одна пьеса идет втечение недели (ежедневно с 7 часов вечера до часа ночи). Говорят также, что китайцы до безумия любят свой театр и отдают ему все вечера. Что же в общем хорошего в этом театре? Помоему, прекрасная сторона его заключается в том, что китайский рабочий имеет место, куда он идет запросто за самую дешевую плату (15 к.) потолковать, отдохнуть, попить чайку, поделиться своими радостями и горестями с товарищами. Китайский театр—место действительного отдыха (надо только привыкнуть к музыке!). У нас, вообще говоря, такого места отдыха, куда действительно бы стекался и стар и млад по вечерам,—нет. Скверная сторона театра: бесконтрольный репертуар. Люди, понимающие кое-что в китайском языке, определенно заявляют, что в идеологическом отношении китайский театр—сплошной разврат. И будто бы никто не может с этим злом бороться, вследствие незнания языка. А надо бы, ох как надо бы этим вопросом заняться!

МИХ. БОЙЦОВ.

II Уральский областной съезд по народному образованию

С 6 по 13 января происходил II Уральский областной съезд по народному образованию.

Съезд собрал 712 участников (из них 422 с решающим голосом). Состав участников был довольно разнообразен: от заведующего окроно до учителей школ I ступени. Этот состав внушал некоторые опасения в отношении своей работоспособности. Казалось, что в лучшем случае он поможет установлению связей Уралоно с периферией и будет иметь некоторое агитационное значение.

Но совпадение съезда с окончанием работ партсъезда, участие т. Луначарского и большая подготовительная работа Уралоно, как и умелое руководство съездом, устранили всякие центробежные тенденции и позволили очень хорошо сочетать деловое и политическое значение съезда, большие проблемы с самыми мелкими вопросами и соединить в общей работе организаторов-аппаратчиков с просвещенскими «работниками от станка». В итоге съезд дал всем участникам полное удовлетворение и своими практическими результатами и той большой политической зарядкой, которую они от него, несомненно, получили. Он концентрировал внимание к вопросам народного образования со стороны местных партийных и советских органов. Он, наконец, демонстрировал единство просвещенского фронта в понимании целей и тактики.

Активность участников и на пленуме и на секциях была очень велика. Высказалось около 400 человек, очень многие из записавшихся не получили слова по недостатку времени. Работоспособность участников съезда была также очень велика. Съезд, кроме того, позволяет констатировать и вполне здоровые настроения у учительства, несмотря на очень тяжелые объективные условия, в которых протекает работа просвещенцев в Уральской области.

В докладах тт. Луначарского («Основные задачи народного образования»), Касаткина («Организационные вопросы») и Пистрака («Методические вопросы») перед участниками съезда были развернуты широкие перспективы просветительной работы и намечены наиболее актуальные проблемы.

Какие выводы позволяет сделать общение с массой участников съезда и какие вопросы являются сейчас актуальными с их точки зрения?

1. Вера в то, что вексель под культурную революцию, выданный партией, будет оплачен и что первый существенный взнос по этому векселю будет сделан уже в 1928/29 г. (в виде целевого школьного налога, например, и повышения удельного веса народного образования в общем бюджете).

2. Тоска по качеству работы. Ставка на качество, на повышение норм снабжения (и декретирование их), хотя бы даже путем задержки количественного роста сети—общее требование. В связи с этим настойчиво выдвигается требование 10-летней повышенной школы.

3. Курс на НКП, честный отказ от попыток дублировать его работу, желание лойяльно выполнять все директивы НКП. Просьба—и НКП—не запаздывать с этими директивами, не отставать от темпа жизни.

4. Вопрос о кадрах. Нужна новая кровь, приток новых людей (Уральская область очень нуждается в них и не только по линии просвещения). Старые кадры нужно систематически «заряжать» путем плановой переподготовки в центре. Особенно остро выдвигается вопрос о повышении квалификации части кадра—заведующих учреждениями, роль которых сейчас возрастает в связи с передачей просветительным учреждениям прав самостоятельных распорядителей кредитов.

5. Констатируется в связи с резким курсом на учобу, на качество работы некоторый отход от общественной работы городских просвещенцев.

6. Настойчиво выдвигается требование общедоступности семилетки для детей рабочих.

7. Требование усилить воспитательные моменты в работе школы; об этом говорили все без исключения.

8. Резкое недовольство низкими ставками зарплаты для политпросветработников (избачи, библиотекари, политпросветинспектора). Повышение качества работы политпросветучреждений и стабилизация кадра политпросветработников ставятся в прямую зависимость от подтягивания их зарплаты к уровню ставок основных групп просвещенцев. Не особенно веря в возможность своими силами сжать существующие по этой линии «ножницы», политпросветработники настаивают на декретировании этих ставок в центре.

9. Плановая организация строительства и тщательный контроль за качеством его.

10. Резко ставится ставка на районного инспектора соцвоса и политпросвета, чего пока еще в большинстве округов Урала нет, есть участковые инспектора (1 на 2—3 района). Но и там, где рики идут на районную инспектуру, они обесценивают ее значение, превращая инспектора в аппаратного работника с хозяйственно-административным уклоном и загружая его множеством других обязанностей по рику.

11. Рики сопротивляются передаче просветительным учреждениям прав самостоятельных распорядителей кредитов, боясь лишиться свободы маневрирования своими фондами.

12. В некоторых округах имеется тенденция—превратить окроно в инспекцию при окрисполкоме (Ишимский округ).

13. Поругивают НКП за позднее распределение студентов педвузов, за еще более позднее разассигнование строительных сумм и сумм на оборудование и за медленную работу в области создания программ и учебников по ФЗУ и стандартных строительных планов по просветительным учреждениям повышенного типа.

14. Выдвигается вопрос о разработке санкций при проведении всеобщего обязательного обучения.

15. Срочным является вопрос о включении школьного строительства в фабрично-заводских районах в план (и в счет, конечно) промышленного строительства. Общее убеждение, что таких крупных расходов НКП не поднять ни при каких условиях.

16. Имеется сомнение в целесообразности школ для переростков ввиду крайней распыленности этой клиентуры на Урале в крестьянских округах. Эти школы должны или работать с ничтожной нагрузкой (что обойдется очень дорого), или работать на очень большом радиусе. Для Урала и Сибири этот вопрос, видимо, нельзя решать по общему рецепту, как и вопрос о превращении 3-летки в 4-летку, ибо 4-я группа будет крайне мала. Выдвигается идея создания сводных четвертых групп при некоторых школах, с подвозом учащихся и интернатами.

17. Как и везде, больной вопрос о работе 1 учителя с 3 группами, но не столько с методической стороны, сколько со стороны организационной (как быть с второгодниками, если прием устраивать через год).

18. Требуют программы для безуклонной 9-летки, так как на Урале далеко не везде можно организовать профуклоны из-за отсутствия сил и оборудования.

Состояние народного образования в Уралобласти нужно признать очень тяжелым почти по всем линиям, в особенности же по линии ликвидации неграмотности (очень велик процент неграмотных) и беспризорности (крайне низки нормы снабжения детдомов). Нужны поистине героические усилия для поднятия его на должную высоту.

Съезд, несомненно, сыграет крупную роль в стимулировании работы просвещенцев Урала и в привлечении к просветительной работе внимания партии и советской общественности. Перед Уралоно он развернул картину просвещения, как оно есть, и связал его с периферией крепкими узами единства целей и методов работы.

В. КАСАТКИН.

О работе Ермолинской школы I ст. по садоводству-лесоводству.

(Школа деревенская, сельская.)

По сельскому хозяйству (садоводству-лесоводству, охране природы, животноводству, птицеводству-куроводству, цветоводству) школа ведет работу с 1923/24 г. 21 марта 1926 г. школой был организован Контрольный союз по птицеводству-куроводству имени «8 марта» из населения деревень района, главным образом из женщин. В данное время в нем насчитывается 93 члена. Подробно о том, как провела школа эту работу, было напечатано в «Методическом путеводителе»—приложении к «Учительской газете» за 1927 г. В настоящей статье коснемся работы школы по садоводству-лесоводству. В этом направлении школа работает 4-й год. На проведение указанной работы школу натолкнуло изучение природных условий и то, что садоводство в нашем школьном районе занимает весьма видное место. Были обследованы сады у крестьян и определены их главные недостатки. Яблочный год в 1923 г. для нашей местности также способствовал развитию

З А Г Р А Н И Ц Е Й

Системы народного образования Германии, Австрии и Франции.

Сословно-классовый характер школы в Средней и Западной Европе отмечался прогрессивной политической и педагогической мыслью еще задолго до империалистической войны, но как в монархической Германии, так и в республиканской Франции идея единой школы не встречала сочувствия среди безраздельно господствовавшей буржуазии, наоборот, идеологи буржуазной педагогики обосновывали существование различных школьных систем существующим классовым разделением общества [1].

Империалистическая война, произведшая до некоторой степени уравнение всех классов в окопах, дала основание демократическим элементам потребовать уравнения прав всех классов и на школу.

После войны вопрос о единой школе ставится на очередь дня во всех государствах, особенно в Германии и Австрии, где революция привела к власти социал-демократию.

Задача настоящей работы вскрыть современное состояние системы народного образования в вышеуказанных странах и проследить, насколько идея единой школы действительно проведена в жизнь, и насколько современная школа в них освободилась от того сословно-классового характера, которым она отличалась до войны.

А. Германия.

Система народного образования Германии представляется в настоящее время в следующем виде:

I. Народная школа (Volksschule) с восьмилетним курсом обучения, посещение которой обязательно для всех детей от 6 до 14 лет; обучение в этой школе бесплатное для всех, а в силу конституции дети должны снабжаться также бесплатно и учебными пособиями [2].

Народная германская школа по своей организации разделяется на школы одноклассные, двухклассные (с одним или двумя учителями), трехклассные, четырехклассные, пятиклассные, шестиклассные, семиклассные, восьмиклассные и девятиклассные.

Как велико было общее число народных школ различных типов в Германии и число учащихся в них, видно из следующей таблицы, содержащей [3] итоги школьной переписи 1921/1922 года:

---

[1] Рейн, Педагогика.

[2] По общегерманскому бюджету 1923 года в единовременные расходы была включена сумма в 300 000 000 марок (по курсу января 1923 это было около 9 000 золотых марок) на проведение бесплатности учебных пособий; этот расход больше не повторялся, постановление конституции, очевидно, считается выполненным.

[3] В Германии школьная перепись производится один раз в 5 лет; таковые были произведены в 1921 и в 1926 годах, данные последней переписи еще не опубликованы.

(Примеч. автора.)

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАРОДНЫЕ ШКОЛЫ ГЕРМАНИИ

Наименование школ	Число школ	В них учащихся		
		Мальчиков	Девочек	Всего
Одноклассные	17 902	413 516	406 951	820 467
Двухклассные с одним учителем	4 889	160 481	158 466	318 947
Двухклассные с двумя учителями	8 527	451 746	426 174	857 920
Трехклассные	7 608	493 111	486 721	979 832
Четырехклассные	3 841	345 205	342 517	687 722
Пятиклассные	1 265	156 023	154 085	310 108
Шестиклассные	1 670	270 649	265 079	535 728
Семиклассные	3 388	923 950	910 989	1 834 939
Восьмиклассные	3 284	1 121 124	1 115 456	2 236 580
Девятиклассные	389	149 378	162 865	312 243
Всего	52 763	4 465 183	4 429 303	8 894 486

Из этой таблицы можно сделать следующие интересные выводы:

1) Общее число учащихся в народной школе в 8 894 486 детей составляет 15% всего населения Германии.

2) Число учащихся девочек почти равно числу мальчиков; некоторая довольно устойчивая разница, при очень жестком проведении в Германии закона об обязательном обучении в начальной школе, объясняется вообще наблюдающимся в Европе наличием меньшего числа девочек соответственных возрастных групп (до двадцатилетнего возраста) [1] и лишь в очень небольшой степени преобладанием девочек в частных начальных школах: в 675 частных школах обучалось 14 986 мальчиков и 20 598 девочек.

3) Из общего количества 52 763 школ 42 767, или 80%, составляли школы одно-, четырехклассные, причем число учащихся в них составляло 3 664 888, что равняется 40% всего числа учащихся в начальных общественных школах; так как эти школы главным образом приходились на сельские местности, то мы можем констатировать, что основными типами сельской школы в Германии являются школы мало расчлененные, с числом групп на учителя от 2 до 8; число школ последнего типа—одноклассных с 8 группами на одного учителя—составляло $^1/_3$ всего числа школ; если такая организация школы весьма затрудняет ведение педагогической работы для учителя, то, с другой стороны, этим достигается максимальное приближение школы к населению и фактическая возможность проведения всеобщего обязательного обучения в пределах законом установленного школьного возраста.

Кончающие полный курс народной школы не имеют возможности перейти в следующие, повышенные типы учебных заведений, но после революции были все-таки проведены кой-какие реформы, которые до некоторой степени связывают на-

---

[1] Войтинский, Весь мир в цифрах, книга I.

родную школу с другими типами учебных заведений в различных пунктах курса народной школы и дают возможность учащимся последней переходить в повышенные и средние школы.

Самая важная из этих реформ проведена еще учредительным национальным собранием в Веймаре как постановлениями конституции, так и специальным законом 1920 года.

В силу этого закона 4 младшие года обучения народной школы образуют общую для всех остальных типов учебных заведений основную школу (Grundschule). Эти основные годы обучения народной школы, сохраняя в полной мере свое значение неотделимой части народной школы, должны в то же время давать достаточную подготовку для непосредственного перехода в повышенные и средние школы.

В силу этого же закона все другие виды подготовительных для средних учебных заведений школ, конкурирующие с основной школой и имеющие целью облегчить детям состоятельных классов поступление в среднее учебное заведение помимо основных классов народной школы, как то: специальные приготовительные школы при средних учебных заведениях (Vorschule) и приготовительные классы частных школ должны были быть закрыты.

Но последующими законодательными новеллами в апреле 1925 года (о возможности перехода в средние и повышенные школы уже после трехлетнего посещения основных классов народной школы) [1] и в феврале 1927 года (о сохранении существующих частных школ до возмещения государством всех убытков, связанных с их закрытием как для собственников этих школ, так и для работающих в них учителей) эта органическая связь народной школы со следующими высшими типами учебных заведений и значение «основной школы» как единой школы для всех классов населения были значительно ослаблены.

II. Средняя школа (Höhere Schule) с девятилетним курсом обучения, охватывающая детей в возрасте от 9—10 до 18—19 лет.

Средняя школа в Германии в настоящее время представляет собою очень много типов [2] и резко разделяется на учебные заведения для мальчиков и учебные заведения для девочек.

Основными типами средних учебных заведений для мальчиков являются следующие:

1) гимназия (Gymnasium), в которой основными предметами преподавания являются древние языки (латинский и греческий);

2) реальная гимназия (Realgymnasium), в которой основными предметами преподавания являются латинский и один новый язык и несколько, по сравнению с гимназией, увеличено преподавание математики и естествознания;

3) высшее реальное училище (Oberrealschule), в котором особое внимание уделяется преподаванию двух новых языков, математики и естествознания;

4) высшее немецкое училище (Deutsche Oberschule), тип учебного заведения, возникший после революции, в котором основными предметами являются немецкий язык и немецкая культура; этот тип пока еще мало распространен, а в Южной Германии, в частности в Баварии, совершенно отвергнут;

5 и 6) первые два типа—гимназия и реальная гимназия,—кроме обычных, наиболее распространенных типов, встречаются еще в виде так называемых «реформированных» учебных заведений (Reformgymnasium и Reformrealgymnasium), существенное отличие которых от основных типов состоит в том, что в них несколько позже начинается изучение древних языков.

Таким образом мы видим, что в Германии имеется 6 основных типов развернутых полноклассных средних мужских учебных заведений.

[1] Собрание законов и правительственных распоряжений по основной школе дано у Lahmeyer, Die Reichsgrundschulgesetze.

[2] По недавно опубликованной статистике одного берлинского школьного инспектора, в Берлине насчитывается 40 различных типов средних учебных заведений.

Учебные заведения типа гимназий и реального училища могут быть еще и в неразвернутом виде, неполноклассные, в составе первых шести классов, называясь тогда прогимназией или реальным училищем (Progymnasium, Reformprogymnasium, Realprogymnasium, Reformrealprogymnasium, Realschule).

Кроме этих типов, существовавших, за исключением Deutsche Oberschule, до революции, с 1919 года прибавился новый тип, представляющий послереволюционное социальное завоевание, это так называемая «школа-надстройка» (Aufbauschule), строящаяся над седьмым годом народной школы; Aufbauschule соответствует шести старшим классам других средних учебных заведений и встречается в виде двух основных типов—типа Oberrealschule и типа Deutsche Oberschule.

Эти Aufbauschule, несмотря на свое недавнее существование, развиваются очень быстро, и в 1926 году число их в одной только Пруссии достигло 112 при 10 053 учащихся.

Итак, мы видим, что в Германии число только основных типов мужских средних общеобразовательных заведений доходит до 13; но этот перечень не может считаться исчерпывающим, так как встречаются еще многочисленные подтипы, в частности вследствие допущения так называемых фуркаций (разветвлений) в старших трех классах учебных заведений типа гимназий; подробное рассмотрение всех возможных подтипов и их сущности выходит за рамки настоящей статьи.

Не менее разнообразны типы и женских средних учебных заведений. В общем можно сказать, что в последние годы, особенно после революции, женские учебные заведения и по числу лет обучения и по своей программе в основном сильно приблизились к одноименным типам мужских средних учебных заведений, хотя еще сохранились некоторые специфические программные отклонения и даже особые специальные «женские» учебные заведения.

Основными типами женских учебных заведений являются следующие:

1—3) учебные заведения, приближающиеся по своей программе к соответствующим типам мужских учебных заведений: гимназическое учебное заведение (Gymnasiale Studienanstalt), реально-гимназические учебные заведения (Realgymnasiale Studienanstalt и высшее немецкое училище (Deutsche Oberschule);

4) первые три класса всех этих учебных заведений имеют одинаковый учебный план и образуют так называемый трехклассный лицей (Lyzeum);

5) наряду с трехклассным лицеем имеется также шестиклассный лицей, своего рода женское реальное училище;

6—8) над шестиклассным лицеем строится высший лицей (Oberlyzeum), встречающийся в виде двух направлений: высшего лицея в собственном смысле слова и высшего люцея направления высшего реального училища (Oberlyzeum der Oberrealschulrientung) и так называемая «женская школа» (Frauenschule), встречающаяся в виде двух типов с одногодичным и двухгодичным курсом;

9—10) кроме вышерассмотренных типов, имеются такие же женские, как и мужские, Aufbauschule тех же двух направлений.

Общая численность средних школ и учащихся в них, по данным 1921 года, видна из следующей таблицы; числа по Aufbauschule даны за 1926 год по одной Пруссии.

Рассматривая всю группу германских средних учебных заведений в целом и положение их в общей системе народного образования, мы можем установить следующее:

1) Все вышерассмотренные типы германской средней школы, за исключением «женской школы» (Frauenschule), имеют основной целью подготовку к высшему научному образованию; абитуриенты (и абитуриентки) всех этих школ, кроме Frauenschule, и только они имеют право непосредственного свободного перехода во все высшие учебные заведения, как в университеты, так и в высшие технические учебные заведения; право поступления дается особым аттестатом зрелости (Reifezeugnis), получаемым после выпускных испытаний в полноклассной средней школе (девятилетней), а также Aufbauschule;

Приводимые здесь числа заимствованы из „Vierteljahrshefte zur Statistik des Deutschen Reiches", 1924 г., тетрадь III.

СРЕДНИЕ ШКОЛЫ ГЕРМАНИИ [1].

	Число школ		Число классов	Число учащихся	Число полностью занятых учителей	Выступили по окончании 6-го класса и выше	Окончили курс с аттестатом зрелости
	всего	из них за счет гос.					
Гимназии и реформ. гимназии	470	293	5 887	147 315	9 695	1 909	8 187
Реальные и реформ. реальная гимназия	275	65	3 975	108 050	6 232	2 789	4 302
Высшие реальные училища	201	22	3 447	99 718	5 301	2 972	4 271
Прочие учебные заведения	26	7	197	3 581	300	160	63
Всего полноклассных заведений	972	387	13 406	358 664	21 528	7 830	1 623
Прогимназии	45	2	281	5 052	356	428	
Реальные прогимназии	47	6	310	7 565	446	532	
Реальные училища	305	30	2 906	84 457	4 103	6 467	
Прочие учебные заведения	222	2	916	19 309	1 031	987	
Всего неполноклассных учебных заведений	619	40	4 413	116 383	5 936	8 414	3 119 и
Женские средние учебные заведения (полноклассные и неполноклассные)	824	31	3 955	299 285	14 852	18 964	3 456 (без атт. зрелости)
Школы-надстройки	112	97	439	10 053	644		6 575

2) поступление в среднюю школу, как полноклассную, так и «школу-надстройку», во всех случаях даже нормального перехода, т. е. при переходе из основной школы (Grundschule) в первый младший класс средней школы и из седьмого года обучения народной школы в первый младший класс Aufbauschule, допускается не иначе, как по приемному экзамену, проводимому в средней школе ее же преподавателями (в приемных испытаниях учеников Grundschule участвуют также учителя соответствующей народной школы);

3) переход из одной средней школы в соответствующий класс другой школы такого же типа совершается свободно, по свидетельству оставляемого учебного заведения, без всяких приемных испытаний в принимающей школе;

4) обучение во всех средних учебных заведениях всех типов—платное, причем в мужских учебных заведениях Пруссии размер платы за учение установлен распоряжением правительства одинаково для всех учеников в 200 марок в год (около 100 рублей), причем администрация учебного заведения имеет право предоставлять отдельным ученикам льготы в виде полного или частичного освобождения от взноса платы за учение, но этот льготный фонд не может превышать 20% общей суммы

[1] Число учащихся показано вместе с приготовительными классами.

сбора платы за учение и служит «планомерному отбору одаренных», а льготы могут делаться только таким ученикам, личность и успехи которых вполне оправдывают трату на них общественных средств» [1].

Из предыдущего уже можно a priori прийти к заключению, что средняя германская школа, несмотря на все разговоры о «единой» школе, продолжает оставаться школой классовой, почти закрытой для малосостоятельных классов населения, и действительно, по переписи 1921 года дети рабочих и низших служащих составляли в Пруссии 9,88% общего числа учащихся в мужских и 6,37%—в женских учебных заведениях [2].

Несколько иное положение наблюдается в «школах-надстройках», в которых в 1926 году дети одних только рабочих составляли 17,6% общего числа учащихся, следовательно, мы можем согласиться с тем, что эти «школы-надстройки» несколько изменяют социальный состав всей массы учащихся средней школы и до некоторой степени облегчают детям рабочих переход через среднюю школу к высшим ступеням образования; но если мы сравним процентное отношение числа учащихся в средних учебных заведениях детей рабочих к общему числу учащихся в них с соотношением числа рабочих к общему населению Германии [3], то мы легко придем к заключению, насколько это несоответствие велико и насколько оно резко нарушает интересы рабочего класса.

Как вообще развита сеть средних учебных заведений и как она при этих условиях может обслужить население, легко видеть из следующего:

1 мужское полноклассное учебн. зав. приходилось на 54 нар. школ и на 61 000 насел.
1 мужская прогимназия и реальн. уч. „ „ 85 „ „ „ „ 96 000 „
1 мужское среднее учебное заведение „ „ 33 „ „ „ „ 37 000 „
1 женское „ „ „ „ „ 64 „ „ „ „ 72 000 „

Общее число учащихся в мужских средних учебных заведениях составляло только 10% числа мальчиков, учащихся в народной школе, а общее число учащихся в женских средних учебных заведениях составляло лишь 6,7% числа девочек, учащихся в народной школе.

Число всех учащихся—мальчиков и девочек, обучавшихся в средней школе, составляло 8,7% всего числа учащихся обоего пола в народной школе и 1,27% по отношению ко всему населению.

Из предыдущих данных можно также с несомненностью установить, насколько неодинаково обслуживаются средней школой мужское и женское подрастающее поколение, несмотря на установленное законом «равноправие» женщин.

Это неравноправие становится еще очевиднее, если принять во внимание два факта:

1) ничтожное число полноклассных женских средних учебных заведений и проистекающее отсюда в сьма незначительное количество женской молодежи, получающей право поступления в высшие учебные заведения: в то время как в мужских учебных заведениях число абитуриентов, получивших аттестат зрелости, достигло 16 823 число женщин, получивших такой же аттестат, составляло всего 3 119;

2) весьма небольшое, по сравнению с мужскими, число женских учебных заведений, содержимых за счет государства: из общего числа мужских полноклассных учебных заведений в 972 за счет государства полностью содержалось 887, из общего числа мужских прогимназий и реальных училищ в 619 государственных было 40, а из 824 женских полноклассных и неполноклассных средних школ на государственный счет существовало только 31.

Последний отмеченный нами факт приобретает особо важное социальное значение, если мы примем во внимание, что в четыре слишком раза большее число школ (139) содержалось монашескими, преимущественно католическими, орденами.

[1] Trieb e, Schulgeld.

[2] Дети только рабочих составляли соответственно 5,47% и 3,47%.

[3] По переписи 1925 года в Германии при общем населении в 62 410 619 душ рабочие и их семьи составляли 26 573 806, или 42,6%.

Интересно отметить, что в последнее время замечается некоторая брешь в тех стенах, которые до сих пор отделяют в Германии мужскую и женскую молодежь, учащуюся в средних учебных заведениях: в 1921 году в мужских средних учебных заведениях обучалось 14 056 девочек, а в женских учебных заведениях обучалось 3 510 мальчиков.

Хотя эти числа сами по себе, по сравнению с общим числом учащихся, ничтожны, и допущение девочек в мужские учебные заведения и мальчиков в женские обставлено очень большими трудностями (не иначе как с разрешения министра!), тем не менее они как бы принципиально разрешают в положительном смысле вопрос о совместном обучении в средней школе.

(Продолжение следует).

П. КАГАН.

По германским школам [1].

Опытная школа в Дрездене.

Более отрадное впечатление производят опытные школы, с которыми мне удалось бегло ознакомиться. В Дрездене я посетил опытную—народную школу, руководимую Швенцером. Школа имеет 16 классов, 550 учеников и 20 учителей. В общем школа ставит себе те же цели, что и все народные школы Саксонии и, пожалуй, всей Германии, но выделяется она методами своей работы. Прежде всего бросается в глаза то обстоятельство, что в школе солидное место занимает труд. При школе имеются три мастерские: столярная, слесарная, переплетная. Посещение этих мастерских обязательно для всех ребят. За весь учебный период каждый ребенок обязательно должен пройти через все мастерские. Руководит мастерскими один из педагогов школы, получивший специальную подготовку по труду на соответствующих курсах. Кроме ручного труда, увязанного с общей программой школьной работы, серьезное место в педагогическом процессе занимают экскурсии. Последние широко практикуются всеми местными школами, но здесь экскурсия не является, как в других школах, самоцелью или подсобным элементом школьной работы,—она является базой для исследовательской работы. Об этом говорят те материалы, которые иллюстрируют результаты экскурсионной работы учеников. Здесь имеются и диаграммы, изображающие экономическое положение обследованного района. Надо кстати сказать, что экскурсии в германских школах устраиваются часто в довольно отдаленные районы на продолжительное время. Некоторые экскурсионные работы говорят о серьезных для школьного возраста опытах проработки целых комплексов. В процессе этой работы закрепляются различные навыки у ребят,—тут и краеведческий материал, тут и фольклор, и математика, и интересные зарисовки и т. п. Чувствуется искание педагогов; конечно, и здесь нет увязки проделанной работы с производительным трудом обследованных местностей, нет и намека на то, что мы называем общественно-полезным трудом. Но и то, что школа проявила в своей экскурсионной работе, все же говорит о серьезных педагогических сдвигах по сравнению с казенной массовой школой. Чрезвычайно отрадное впечатление произвела на меня первая группа школы. Учитель в «прозодежде», с засученными рукавами, помогает ребятам иллюстрировать какую-то сказку. В классе стоит жужжание пчел, серьезно занятых своим трудом. Нет и тени казенной дисциплины, но нет и хаоса и бессмысленного шума. Хозяином класса является учитель, который, не подавляя инициативы ребят, все время направляет эту инициативу в соответствующее русло. Состав учеников школы самый разнообразный. Он, повидимому, вербуется из всех слоев населения: здесь и дети рабочих, и интеллигенции, и городского мещанства. После четырех первых лет обучения дети могут из этой школы перейти в повышенную школу; число таких учеников составляет приблизительно 25% общего количества

[1] См. „Народное просвещение" № 1

детей школы; для остающихся в школе учеников, обладающих выдающейся способностью в какой-либо области, устраиваются при школе специальные курсы. Эти курсы получают поддержку из государственного бюджета. Основные расходы на содержание школы покрываются городом. Государство оказывает помощь школе специальными ассигнованиями на ремонт и на некоторые специальные нужды. Дети в школе получают горячую пищу, доставляемую в школу из городских кухонь, за что каждый ребенок вносит 15 пфенигов в день. Дети неимущих родителей получают питание бесплатно. При школе существует родительский комитет, который принимает активное участие в хозяйственной жизни школы. Родительский комитет широко практикует самообложение, которое дает в год около 1 600 марок. Эти деньги расходуются на специальное оборудование, связанное с опытной работой школы, а также на обогащение школьного инвентаря. Заведующий школой Швенцер счел своим долгом подчеркнуть, что предыдущий школьный совет слишком много занимался в школе политикой, что вносило в школьную жизнь чрезвычайно много дрязг. Это заставило школу ликвидировать школьный совет прежнего вида и создать родительский комитет, который сейчас работает мирно и достаточно активно, несмотря на то, что в нем находятся представители различных политических партий. Общими силами, сказал г. Швенцер, мы стараемся устранить всякие политические моменты из школьного обихода. В старших классах школы существует что-то вроде школьного самоуправления—школьный комитет. Этот комитет собирается каждое воскресенье со всеми учителями и обсуждает важнейшие вопросы, касающиеся жизни школы. Этот ученический комитет составляется из представителей всех классов, которые информируют своих избирателей о работе школьного комитета. Самоуправление учащихся призвано здесь прежде всего содействовать поддержанию школьной дисциплины. В школе существует детский суд. Дети сами определяют наказания за соответствующие проступки и следят за их выполнением. Суд состоит из трех членов, избираемых ребятами. Состав суда, по словам заведующего школой, подбирается с таким расчетом, чтобы в него вошел один ребенок, самый умный в классе, другой самый справедливый, а третий самый спокойный и объективный. Члены ученического комитета привлекаются также для наблюдения за поведением ребят в младших классах.

Каждый учитель имеет в школе обязательных 26 учебных часов вместо установленных для рядовой школы 30 часов. Норма педагогического труда у заведующего на 10 часов меньше.

Результаты школьных опытов публикуются часто в педагогической прессе. Школа, руководимая г. Швенцером, далеко ушла вперед от рядовой немецкой школы. Здесь безусловно имеются элементы активизации педагогического процесса, самоуправления учащихся, здесь чувствуется искание новых форм работы, но и здесь крайне мало отзвуков общественной жизни. Школа аполитична. Трудовые элементы школьной работы здесь тоже довольно ограничены. С производительным трудом школа никакой связи не имеет, если не считать спорадических экскурсий, но, повторяю, общий тон школьной работы заслуживает здесь безусловного внимания. Опытная школа в Дрездене пытается сказать новое слово немецкому консервативному учительству.

Сельская двухклассная школа оберварта.

(Саксония,— около Дрездена.)

Просторная светлая классная комната. Парты двухместные, стоят в три ряда, в двух—мальчики, в третьем—девочки. На стенах картины, несколько пейзажей. Одна картина посвящена «героям, павшим во всемирной войне», другая—на религиозную тему. В классе 4 доски, из них две—раздвижные, могут быть использованы с обеих сторон, что дает чрезвычайно большую площадь для классных письменных упражнений. В школе имеется фисгармония, которую учитель исполь-

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

НАРОДНОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ

ВОПРОСЫ
ПОЛИТИКИ И
ОРГАНИЗАЦИИ
НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ

МАРТ
№ 3

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ НАРКОМПРОСА РСФСР

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — 1928 — ЛЕНИНГРАД

1925 г., во всех учреждениях профессионального образования было охвачено 2 120 950 человек, т. е. более 3% всего населения. По данным 1914 г., в Германии было более 5 000 профессиональных школ, в числе которых более 4 200 профессиональных дополнительных школ. В настоящее время число этих школ значительно увеличилось. При общем числе населения в 63 миллиона одна профессиональная школа приходится на 12 000 человек, что показывает обеспеченность населения в специальном образовании.

Германское министерство торговли и промышленности, приняв в 1884 г. в свое ведение все промышленное образование, потратило очень много труда и времени на составление плана развития профессионального образования, на разработку типов школ. Особенно внимательно оно отнеслось к вопросу о подготовке и назначению преподавательского персонала, для чего помимо вопросов учебно-программного характера были разработаны условия вознаграждения, права и обязанности службы и пр.

Труд и затрата материальных средств окупились: промышленность, по общему признанию, получила и получает полезных для дела специалистов разных квалификаций, а государство возвращает расходы путем общего подъема промышленности и хозяйства, отражающихся на размере государственного дохода.

Подъем общего народного образования и расцвет и развитие профессионально-технически-специального образования увеличивают производительность труда всего занятого в производстве и хозяйстве населения, улучшаются технические приемы труда,—все вместе способствует росту производительных сил страны и развитию промышленности.

И не случайно в 1891 г. Английская королевская комиссия по техническому образованию, обследовав германские технические школы, отметила тесную связь и зависимость между быстрым ростом германской промышленности и подъемом общего и профессионального образования. И нам не следует забывать вывода этой комиссии, что «в борьбе за индустриализацию можно устоять лишь путем прогресса общего и промышленно-технического профессионального образования».

Мы полагаем, что в деле правильной и целесообразной организации и дальнейшего развития профессионального образования у нас следует и даже неизбежно придется воспользоваться опытом Германии. Учесть его и разумно применить—неотложная задача.

Государственное Издательство

Ответственный редактор **М. С. Эпштейн**
Зам. отв. редактора **Э. Б. Лунин**

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

К СЪЕЗДУ ЗАВОНО.

Н. Костромин. Невыполненное решение 3
Н. К. Что может дать самообложение сельского населения 7
В. Ениютин. Основной капитал просветительных учреждений 9
Шарапов. О переподготовке руководящих кадров ОНО 17
Н. Иорданский. К вопросу об административных и инструктивных функциях инспекции 20
И. Заколодкин. Организационные проблемы народного просвещения и их место в работах Института научной педагогики при 2 МГУ 25

ПЛАНИРОВАНИЕ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ.

П. Григорьев. Проблема всеобщего начального обучения в РСФСР 34
Г. В. Гасилов. Всеобщее обучение среди нацмен 47
П. Григорьев. Методы исчисления некоторых основных показателей по народному образованию 53
В. Аристов. Планирование школьной работы 60

ШКОЛА И ОБОРОНА СССР.

Г. Гирс. Работа школы в связи с задачами подготовки к обороне 67

ФИЗИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ.

Е. Радин. Цифры — упрямая вещь 73
Н. Петров. Физическая культура в школе и охрана здоровья детей 80

СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ.

Р. И. Берзин. Очередные вопросы строительства низшей сельскохозяйственной школы 84

К ЮБИЛЕЮ Л. Н. ТОЛСТОГО. *А. Луначарский.* 90

НА ПУТЯХ КУЛЬТУРНОЙ РЕВОЛЮЦИИ

С. Шацкий. Дорожные мысли 97

ВОПРОСЫ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ.

Э. Лунин. К совещанию редакторов педагогических журналов 102

ТЕХНИКА МАССАМ.

Ольга Аникст. „Техмасс" и просвещенцы 107

СЪЕЗДЫ И КОНФЕРЕНЦИИ.

Н. Замков. Совещание наркомпросов автономных республик РСФСР по вопросам всеобщего обучения 109
И. Векслер. Итоги конференции преподавателей русского языка и литературы 111

ОБЗОРЫ.

Ю. Менжинская. Кино и дети 114

ПО ПРОСВЕЩЕНСКИМ ЦЕХАМ.

Б. Есипов. По татарским школам 120
П. Мазуров. Работа по животноводству Ермолинской школы I ступени . . 125
А. Муравлевский. Вокруг программ (по учительским письмам) 131

ЗА ГРАНИЦЕЙ.

П. Каган. Общегерманские органы управления народным образованием и школьное законодательство после революции 137
А. Пескин. Профессиональное образование в Германии 145

При таком структурном, штатном и правовом разнообразии гороотделений почти невозможно дать какой-либо общей оценки их деятельности. Инспектора НКП, обследовавшие состояние 12 аппаратов губ- и окроно, выражаются по этому вопросу чрезвычайно сдержанно.

Одно совершенно несомненно: вопрос о городском аппарате по народному образованию остается почти столь же спорным и неясным, как и два года тому назад.

А решить его до крайности необходимо, и это должен сделать VI съезд завоно.

Первый вопрос, подлежащий решению, заключается в том—быть ли отделу по народному образованию при горсовете или отделению при ОНО? Практика говорит о медленном, но упорном стремлении мест к образованию самостоятельных гороотделов по народному образованию.

Между тем и положение о горсоветах и новое лишь недавно утвержденное СНК РСФСР «Положение о съездах советов и их исполкомах» (вносятся на утверждение ВЦИК) говорят об обратном. В них говорится, что непосредственное осуществление работы по обслуживанию города возлагается на соответствующий отдел исполкома (кроме коммунхоза), а «для технического выполнения» работы по городу в отделах выделяются особые части с отдельным делопроизводством, учетом и отчетностью непосредственно городского характера. Для заведывания этими частями горсоветом, по соглашению с исполкомами, назначаются заведующие.

Таким образом, законопроект определенно решает вопрос о том, что гороно—это «часть» и выделяется «для технического выполнения» работы ОНО по городу. Идейно и организационно руководит просветительной работой губ- (окр-) ОНО, ответственным лицом за нее продолжает быть завоно, а горчасть (отделение) существует на правах бывшего подотдела.

Мы полагаем, что это—наиболее правильное решение вопроса, и что VI съезд положит конец отдельным попыткам организационного отрыва городской просветительной работы от губ- (окр-) ОНО.

В самом деле, Ярославский гороно, называясь отделом, не нашел никакой иной формы, как самый обычный старый соцвос со штатом в 17 человек, т. е. равным $^2/_3$ среднего губоно. Если бы он взял на себя руководство всеми видами просветительной работы, то сделался бы равновеликим губоно.

Не говоря уже о принципиальной нежелательности отрыва губоно от непосредственного соприкосновения и влияния на него широких рабочих масс города, и практической целесообразности в выделении гороотделов по народному образованию, очевидно, нет.

Н. КОСТРОМИН.

ЧТО МОЖЕТ ДАТЬ САМООБЛОЖЕНИЕ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ.

Мы еще не располагаем достаточными данными о ходе кампании по самообложению, проводимой на основании закона от 7/I 1928 г. Но одно несомненно: она идет неровно и не с той интенсивностью, которую должны были бы проявить в этом деле местные органы и в частности отделы народного образования. Уже в начале февраля с. г. в Оренбургской губ. в этом отношении не предпринято ничего, в Тульской губ. вопрос тоже всерьез еще не ставился, Брянская, Московская, Владимирская губ. только-только раскачиваются.

А между тем привлечение сверхбюджетных средств для просвещения является вопросом, от которого зависит проведение многих наших плановых предположений.

VI съезду завоно предстоит принять основы перспективного плана народного образования, а вместе с тем определить, в какой мере можно рассчитывать при практическом проведении его на общественную инициативу. Данные о ходе выполнения наших плановых предположений по введению всеобщего обучения говорят о том, что они систематически недовыполняются. В Иваново-вознесенской губ., одной из наиболее мощных в бюджетном отношении за 1926/27 г., плановая строительная программа выполнена только на 53%, по Череповецкому округу Ленинградской области по плану на 1927/28 г. надо затратить на постройку деревенских школ I ступени 252 000 р., фактически же имеется 100 000 р., или 42%; по Уралу бюджетные средства обеспечивают на 1927/28 г. только 47% выполнения строительной программы.

Если дело пойдет так и дальше, то план будет сорван. Ясно, что при всем напряжении бюджета государство не сможет в срок ввести всеобщее обучение, если не придет к нему на помощь широкая волна общественной инициативы.

На что же, однако, мы можем здесь реально рассчитывать? Вот что говорят за прошлые годы по этому вопросу данные январского инспекторского обследования НКП по 4 губерниям и 1 округу.

Из 5 001 деревенского здания школ I ступени, существующих по указанным губерниям, за период 1917—1927 года построено вновь 423, и приспособлено из других зданий 331, т. е. общий рост сети был 15%. Если принять во внимание, что по бюджету на строительство стали отпускаться средства только в последние 2—3 года, то станет ясно, что только участию крестьянства мы обязаны этим ростом за прошлые годы.

Из указанных 423 школ обследовано 18 построенных в последнее трехлетие. Общая стоимость их постройки равна 122 550 р. (в среднем 6 808 р. одна школа), население дало на это 43 535 р. (в среднем 2 407 р. 50 к. на школу), или 35,3%. Причем 6 школ построены целиком на средства населения, которое вложило в них своих средств и труда на 19 600 р.

Двоевская школа I ступени Вяземского уезда с огромным трудом выстроилась втечение 3 лет. Самообложением—по 8 р. с двора—собрали с 150 домохозяев 1 200 р., на 1 200 подводах за 23 километра вывезли б. помещичий дом, что стоит не менее 3 600 р., своими руками собрали и построили школу, получив от вика всего 550 р. на все

расходы. В Шадринском округе, д. Камышное (Урал), крестьяне получили лес на школу за 136 километров, провели самообложение по 60 к. с гектара, отдали деньги за аренду общественной земли и к зиме 1928 года достраивают свою школу.

По Ишимскому округу (Урал) школы в деревнях—Савино, Мизенке, Орловке обошлись в 7 000 р., рик же дал всего 550 р.; Банниковская школа стоила 1 100 р., рик дал только лес; на Ощеповскую школу население затратило 1 120 р., рик дал хлебный амбар и т. д. На школу идет страховая премия за сгоревшую церковь 5 000 р. (Сибирь), сборы льном (Юхновский уезд Калужской губ.), сено с общественного луга, сборы со спектаклей, киносеансов и т. д. и т. п.

К слову сказать, учет материальной помощи населения делу народного образования на местах поставлен вообще очень плохо. Но даже и эти отрывочные факты и цифры дают полную уверенность в том, что при умелом подходе население даст нам по меньшей мере 20—25% средств, необходимых для введения всеобщего обучения. Тульская губерния, например, за прошлые годы имеет 25% общественной помощи.

Не менее активно участвует население в ремонте школьных зданий. Крестьянство Новосельского уезда Орловской губ. дало за 1926/27 г. 9 000 р., при затрате из бюджета ОНО на те же цели до 5 000 р.; по 2-му Донскому округу (Сталинградской губ.) на ремонт 62 школ население дало 9 300 р., при ничтожной помощи из бюджета; в Терском округе (Кавказ) за прошлый год на эти цели населением затрачено 38 000 р. В итоге участие населения в ремонте—от 40 до 100%.

Стали традиционными заботы населения об отоплении школ, о содержании их в чистоте, об учебниках и т. п. В 12 из 24 обследованных школ за прошлый год учтено таких расходов на 1 400 р.

Не меньший в общем интерес проявляет крестьянство и к другим видам просветительных учреждений. Огромная сеть не состоящих на бюджете красных уголков, изб-читален говорит сама за себя. Однако материальные затраты на них значительно меньше. В Митьковской избе-читальне (Вяземского уезда) крестьяне второй год «собираются» переложить печку. А между тем из 92 зданий изб-читален (по 5 уездам) 47 зданий признаны непригодными. Было бы, однако, большой ошибкой считать, что в деле помощи населения народному образованию все крестьянство единодушно. Классовое расслоение деревни, уравнительная политика, практиковавшаяся до последнего времени при раскладках самообложения, все это нередко порождает и обратные явления. В Рославльском уезде из построенной вновь школы в первую же ночь повырезали стекла; в с. Воронцове (Саратовская губ.) крестьяне затратили на постройку школы до 5 000 р., но когда узнали, что за постройку больницы в соседнем селе (с. Радищево) за все работы платят, отказались поехать за дровами для новой школы, и занятия были сорваны. Сильна еще старая закваска смотреть на общественную постройку, как на «казенную», от которой можно заработать. И нередки случаи, когда выносятся приговоры и обещается максимальная помощь, а начнется стройка—и норовят взять за работу вдвое. В значительной мере эти недостатки объясняются и тем, что до закона о самообложении это дело протекало кустарно, без стимулирования и контроля. Вот почему законодательное оформление этого дела чрезвычайно важно. Если при отсутствии специального закона мы имели помощь местного населения местами в 20—25% к бюджетным вложениям на проведение всеобщего обучения (в 8—10% ко всему бюджету ОНО), то можно с уверенностью сказать, что теперь она должна удвоиться.

Надо признать, что развертывание кампании по самообложению несколько отодвинуто назад одновременно проводимыми кампаниями хлебозаготовок, распространения займа укрепления сельского хозяйства, ликвидации сбора сельскохозяйственного налога и возврата семенной ссуды.

Однако все говорит за то, что ближайшие весенние месяцы дадут в этом отношении гораздо большие результаты.

Дело местных органов—найти целесообразные формы стимулирования общественной инициативы крестьянства и принять меры к действительно экономному их использованию. В этом отношении не все обстоит благополучно. Отсутствует учет материальной помощи населения и действительный общественный контроль за его расходованием; отсутствует внимательное отношение со стороны советских органов к крестьянским приговорам об отпуске бесплатного леса, содействие в приобретении строительных материалов и т. п. По вопросу, например, о небольшом ремонте Ермолинской школы, Вяземского уезда, прошло через ОНО 46 бумажек. Слаб технический надзор за строительством. В упомянутой ранее вновь построенной Двоевской школе печи оказываются негодными; Архангельская школа крестьянской молодежи (Терский округ), на постройку которой с участием населения затрачено 32 000 р. построена без всякой вентиляции.

VI съезду завоно предстоит, таким образом, не только определить долю населения в общих вложениях на предстоящие годы в дело строительства народного просвещения, но также определить и формы стимулирования и учета общественной инициативы.

Н. К.

Основной капитал просветительных учреждений и его учет.

(По материалам обследований инспекторов Организационно-планового управления НКП.)

Последняя очередная работа инспекторов ОПУ, выполненная ими в декабре прошлого года, имела основной целью выявить в порядке выборочного обследования состояние основного капитала просветительных учреждений и его учет.

Обследованы были Уральский облоно, 4 губоно (Вологодский, Иваново-вознесенский, Смоленский и Саратовский), 4 окроно (Свердловский, Ишимский, Терский и Череповецкий), 5 уоно (Тотемский, Кадниковский, Середский, Тейковский и Вольский) и 3 рика (Прикумский, Горячеводский и Петриневский).

Кроме того непосредственно были обследованы учреждения: 21 школа I ступени в деревне, 2 семилетки, 10 школ крестьянской молодежи, 4 девятилетки, 9 школ II ступени, 7 изб-читален, 8 техникумов разных специальностей и 6 профшкол, тоже разных специальностей.

I. СОСТОЯНИЕ УЧЕТА ОСНОВНОГО КАПИТАЛА.

Результаты обследования вынуждают прежде всего формулировать следующие положения в отношении учета основного капитала как в отдельных учреждениях, так и в ОНО.

1. Об учете в учреждениях.

В школах повышенного типа и в учреждениях профобра учет основного капитала находится в общем в удовлетворительном состоянии: налицо инвентарные книги, оформленные и правильно ведущиеся, имеются данные первичной регистрации, дополненные проведенной по инициативе исполкомов инвентаризацией зданий и имущества (последнее, правда, не везде).

Указанное состояние учета во всех этих учреждениях находится в прямой связи с их все возрастающей хозяйственной самостоятельностью: одни пользуются авансированием, другие—правом распорядителей кредитов и т. д.

Однако молодые школы крестьянской молодежи наряду с этим только начинают ставить учет своего имущества, нередко ограничиваясь простым описанием зданий и оборудования, и такая элементарность учета в значительной степени может быть объяснена именно тем, что с них еще не снята хозяйственная опека. Некоторые из обследованных ШКМ до сих пор не пользуются правами распорядителей кредитов.

Между прочим, в ШКМ и ряде других учреждений встречаются предметы учебного оборудования без оценки, вследствие получения их из НКП и ОНО без накладных и соответствующих списков.

В деревенских школах I ступени с учетом основного капитала обстоит значительно хуже. Имеющиеся в них описи имущества или инвентарные книги составляются и ведутся неудовлетворительно: описи часто не оформлены, имущество в инвентарные книги заносится несвоевременно, отсутствуют даты поступления или приобретения, не указывается оценка; в описях и книгах не выдержаны или вовсе отсутствуют основные разделы, без чего собственно невозможен самый учет.

Заведующие часто не знают расходных смет по своим школам, что также не может не отражаться на правильности и систематичности учета имущества.

Приемка и учет новых зданий почти везде задерживается или вовсе не производится.

Как предыдущими, так и данным обследованием обнаруживается почти сплошное отсутствие учета основного капитала в избах-читальнях.

Исключение составляют обследованные избы-читальни Иваново-вознесенской губернии, в которых избачами случайно оказались лица со средним сельскохозяйственным образованием.

2. Об учете в аппаратах.

В аппаратах виков и риков итогового учета основного капитала просветительных учреждений, находящихся в их ведении, не оказалось. Имеется только неполный материал по отдельным учреждениям, который не без труда приходилось сводить во время данного обследования.

При всех попытках вышестоящих исполкомов учесть основной капитал по народному образованию—в аппаратах виков и риков не оставалось никакого материала по этому учету, и для них не делалось также соответствующих сводок (поволостных или порайонных).

В результате указанных попыток учета ряд уоно и окроно имеют сырой первичный материал по инвентаризации и статистическому учету просветительных учреждений. Но материал этот за редкими исключениями (Боровичский уезд Новгородской губ., Середский и Тейковский уезды Иваново-вознесенской губ.) остался или совсем без обработки, или обрабатывался только частично.

К данному обследованию некоторые уоно и окроно сумели без особых затруднений дать сведения главным образом о зданиях.

В Уралоно и почти во всех обследованных губоно имеются только частичные данные об основном капитале в народном образовании, поэтому в аппаратах их при настоящем обследовании не удалось получить почти никаких сведений.

Необходимо отметить приэтом, что некоторые губоно считают вообще нецелесообразным и невозможным ввести и сосредоточивать у себя погубернский учет основного капитала просветительных учреждений.

В частности, Ленинградский облоно, существующий с 1 октября прошлого года, пообластного учета, естественно, не имеет. Не имеет его и Уралоно. Уральская областная комиссия по инвентаризации, организованная в 1925 г., приступила к работе только весной прошлого года. Северокавказский крайоно в текущем году опубликовывает результаты инвентаризации, произведенной в крае два года тому назад.

Таким образом состояние на местах учета основного капитала просветительных учреждений требует формулировки таких общих положений:

а) инвентаризация и правильный учет основного капитала в области народного образования не стоит еще перед местными ОНО, как актуальная задача;

б) вместе с этим для них неясен вопрос, в каких же местных ОНО должен сосредоточиваться учет основного капитала;

в) отсюда слабость или полное отсутствие руководства в отношении инвентаризации и учета имущества отдельными просветительными учреждениями.

II. ЗДАНИЯ, НОВОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО, КАПИТАЛЬНЫЙ и ТЕКУЩИЙ РЕМОНТ.

1. Здания школ I ступени в городе и деревне.

Суммарные данные в основном по 5 уоно и 3 рикам дают следующую характеристику «собственным» зданиям школ I ступени.

Из 32 зданий городских школ—20 специальных, построенных до 1917 г., и 1 специальное, построенное в годы революции. Иначе говоря, из 32 городских зданий—21 здание специальное, т. е. 65,5% всех зданий. Остальные 11 зданий—приспособленные, в меньшей части (2) до революции, в большинстве (9)—в годы революции.

То же соотношение специальных и приспособленных зданий подтверждают суммарные данные по 4 губоно и 1 окроно: из 308 городских зданий специально построенных оказывается 202 (до 1917 г.—191, после—11), т. е. 66%.

Из 23 городских зданий (данные по 5 уоно и 2 рикам) 12—деревянных и 11—каменных. Таким образом, деревянные здания составляют 52,17%.

По данным 2 губоно и 2 окроно из 125 городских зданий деревянные здания составляют 34,4%, каменные—50,4%, смешанные и из других материалов—15,2%.

Собранные данные говорят о некоторой устойчивости числа каменных зданий для городских школ: от 48 до 50%.

Из 32 городских зданий—31 считается пригодным, т. е. 96,87%.

По данным 3 уоно и 3 риков 22 здания городских школ по оценке Госстраха представляют стоимость в 473 825 р., откуда одно здание в среднем расценивается в 21 535,7 р.

Средняя площадь на 1 ученика, по данным 4 уоно и 3 риков, в классных комнатах городских зданий определяется в 1 кв. м. (норма НКП—1,5 кв. м). В действительности она варьирует от 0,8 до 1,2 кв. м. Кубатура же, варируя от 3,5 до 4,5 куб. м., определяется в 4 куб. м. (норма НКП—5,4 куб. м.).

Из 716 деревенских зданий специально построенных—518 (построенных до революции—462 и в годы революции—56). Это составляет 72,3%. Остальные 198 зданий—приспособленные: 54 приспособлено до 1917 г., 144—в годы революции.

Почти то же соотношение между специальными и приспособленными устанавливают данные по 4 губоно и 1 окроно: из 5 001 деревенского здания специально построенных насчитывается 3 835 (до 1917 г.—3 412, после—423), т. е. 77%. Остальные 1 168 зданий—приспособленные (до 1917 г.—837 зданий, после—331 здание).

Из 695 деревенских зданий (данные по 4 уоно и 2 рикам) 564—деревянных, 94—каменных, 18—смешанных и 19—из других материалов.

Деревянные здания составляют 81,24%, каменные—13,53% и остальные—5,23%.

По данным же 2 губоно и 2 окроно, из 2 691 деревенского здания деревянных—2 360, или 87,69%, каменных—214, или 7,95%, смешанных и из других материалов—127, или 4,36%.

Таким образом, деревенская школа имеет, повидимому, в среднем не менее 80% деревянных зданий.

Во всяком случае, результаты обследования говорят о том, что у школы I ступени в городе почти половина зданий каменные, а в деревне большинство—деревяные.

Из 716 деревенских зданий 651, или 90,9%, считаются пригодными.

По данным 2 уоно и 3 риков, 165 зданий деревенских школ (в значительном проценте однокомплектки) Госстрахом оценены в 847 404 р., или здание в среднем—5 100 р.

По мнению местных работников, оценка Госстраха всегда бывает ниже фактической стоимости постройки. Мнение это подтверждается как раз данными непосредственного обследования 21 деревенской школы I ступени, здания которых построены в последние 2—3 года. По сметной оценке 21 здание с расчетом на 45 комплектов (классных комнат) стоит 621 393,3 р., откуда стоимость каждого здания в 2 комплекта в среднем определяется в 12 447,3 р.

Средняя площадь на 1 ученика, по данным 4 уоно и 3 риков, в классных комнатах деревенских зданий, варьируя от 0,93 до 1,16 кв. м, определяется в 1,04 кв. м. Кубатура же при вариации от 2,6 до 5,6 куб. м. определяется в 3,74 куб. м.

Увеличенная площадь сравнительно с городской школой и уменьшенная кубатура находит естественное объяснение, повидимому, в том, что деревенская школа чаще всего не бывает нормально насыщена учениками, здания же ее чаще всего бывают ниже городских зданий.

Обследованная 21 школа, при вариациях от 0,56 до 1,95 кв. м. дает среднюю площадь классных комнат тоже в 1,15 кв. м. на 1 ученика, приближающуюся к общей средней.

Среднюю же кубатуру на 1 ученика школы эти дают в значительно повышенном виде—4,03 куб. м.

Новые здания, возможно, строятся более нормальной высоты.

Однако ни в городских, ни в деревенских зданиях, ни средняя площадь, ни кубатура их не достигают норм НКП.

2. Здания школ повышенного типа в городе и деревне.

Те же основные данные—по 5 уоно и 3 рикам—рисуют здания семилеток таким образом:

Из 10 зданий городских школ 7—специальных (70%). Все они построены до революции. Приспособленных—3 (после 1917 г.).

Из 10 зданий каменных—7, деревянных—2 и смешанных—1.

Все считаются пригодными.

Средняя площадь на 1 учащегося в классных комнатах—0,9 кв. м. (от 0,78 до 1,01 кв. м.). Кубатура—2,9 куб. м. (от 2,87 до 3,00 куб. м.).

Из 15 зданий деревенских школ 12—специальных (73,3%): 11—построено до революции, 1—после 1917 г. Приспособленных (после 1917 г.)—3.

Из 15 зданий каменных—2, деревянных—12 и смешанных—1.

Одно здание считается непригодным.

Средняя площадь на 1 учащегося—1,2 кв. м. (от 1,1 до 1,3 кв. м.). Кубатура—4,39 куб. м. (от 3,00 до 6,4 куб. м.).

Само собой понятно, что большая площадь и кубатура деревенских зданий (они все же ниже норм НКП) не являются свидетельством лучшего их качества сравнительно с городскими зданиями.

В обследованных ОНО исчерпывающих данных о зданиях ШКМ не оказалось, поэтому характеризуются здания только обследованных ШКМ. Из 10 зданий обследованных ШКМ имеется только 1 специальное школьное здание, построенное в 1927 г. Остальные приспособлены из бывших помещичьих домов в годы революции. Деревянных—4, каменных—6.

Процент изношенности колеблется от 10 до 75. Здание, имеющее изношенность в 75%, считается непригодным. Остальные технически пригодны и в большинстве соответствуют требованиям ШКМ.

Стоимость всех 10 зданий определяется приблизительно в 346 945 р., откуда средняя стоимость одного здания будет—34 694,5 рублей.

Средняя площадь пола на 1 учащегося в классных комнатах колеблется от 1,05 до 6,7 кв. м., или в среднем—2,23 кв. м. Кубатура колеблется от 3,4 до 9,6 куб. м., или в среднем на 1 учащегося приходится 5,19 куб. м.

На размерах средней площади и кубатуры с несомненностью сказывается тот факт, что почти все здания ШКМ приспособленные: площадью они могут обеспечить в нормальных размерах, но кубатурой нет.

Здания школ II ступени тоже приходится характеризовать только по данным непосредственно обследованных учреждений. И по тем же причинам.

Из 9 зданий школ II ступени 6—специальных, построенных до революции. Остальные—приспособленные. В большинстве каменные.

Средняя площадь пола классных комнат на 1 учащегося—1,33 кв. м. Кубатура—5,2 куб. м.

Здания остальных групп просветительных учреждений соцвоса характеризовать совсем не представляется возможным и потому, что в ОНО не оказалось необходимых данных, и потому, что количество обследованных учреждений слишком незначительно, чтобы по ним представлять общую характеристику их зданий.

В таком же положении—учреждения профобра.

3. Здания изб-читален.

По данным 5 уоно и 3 риков, избы-читальни имеют 98 зданий: 92 здания в деревне и 6 зданий в городе.

Специальных зданий нет. Все приспособленные.

В числе деревенских зданий: деревянных—77, каменных—8 и из других материалов—7.

Пригодными из них считаются 45 и непригодными—47 зданий.

Городские здания считаются все пригодными.

Обследованные избы-читальни дают такие данные: из 7 зданий 5 зданий имеют изношенность от 40 до 75%. Только 1—специально построенное для избы-читальни в 1925 году. 1—старое школьное здание.

4. Новое строительство, капитальный и текущий ремонт.

По данным 1 уоно и 2 риков, за время с 1925 по 1927 г. в 15 городских школах I ступени было произведено 23 текущих ремонта на сумму 7 227 р., откуда средняя стоимость одного ремонта определяется в 314,2 р.

По данным того же уоно и 3 риков, за то же время в 102 деревенских школах I ступени было произведено 104 текущих ремонта стоимостью в 9 110 р., откуда на один ремонт в среднем приходилось 83,7 р.

По данным 2 уоно и 2 риков за время с 1923 по 1925 г. в зданиях деревенских школ I ступени было произведено 20 капитальных ремонтов, стоимостью в 8 552 р., что дает среднюю стоимость одного ремонта в 427,6 р.

За время же с 1925 по 1927 г., по данным уже 5 уоно и 3 риков, в зданиях городских школ I ступени было произведено 14, а в зданиях деревенских школ 93 капитальных ремонта. Причем ремонты в городских зданиях обошлись в 27 443 р., ремонты в деревенских зданиях—в 150 886 р. Откуда средняя стоимость одного капитального ремонта в городском здании определяется в 1 960,2 р., а в деревенском—в 1 622,4 р.

По данным 3 уоно и 3 риков, в сметах текущего года на капитальный ремонт зданий деревенских школ I ступени, находящихся на их территории, предусмотрено 40 884 р. На какое количество ремонтов, неизвестно. Но если из вышеуказанных 93 капитальных ремонтов один ремонт приходился приблизительно на 7—8 зданий, а в данном случае речь идет о 367 зданиях, то в текущем году средняя стоимость одного капитального ремонта деревенского здания приблизительно будет обходиться от 850 до 900 р.

Таким образом, затраты на один капитальный ремонт деревенского здания будто бы имеют тенденцию к возрастанию.

Так как здания 21 обследованной школы исключительно новые, материалы по их обследованию не могли дать конкретных иллюстраций по вопросу о ремонтах.

По данным 2 уоно и 1 рика, за время с 1925 по 1927 г., в городских зданиях семилеток было произведено 6 текущих ремонтов стоимостью в 236 р., откуда средняя стоимость одного текущего ремонта—39,3 р.

За то же время, по данным 3 уоно и 1 рика, 3 капитальных ремонта зданий городских 5 семилеток обошлись в 5 029 р., или один ремонт в среднем—в 1 676,3 р., 4 же капитальных ремонта в зданиях деревенских семилеток стоили 4 620 р., или один ремонт в среднем стоил 1 155 р.

Нетрудно заметить, что средняя стоимость капитального ремонта не только деревенских зданий школ I ступени и семилеток, но и городских зданий тех и других школ обнаруживает тенденцию группироваться в среднем около 1 000 р.

Таковы собственно те данные о текущих и капитальных ремонтах, которые дало обследование и на основе которых можно было формулировать изложенные скромные обобщенные выводы.

Однако наряду с этим результаты обследования требуют подчеркнуть:

а) что до 1924/25 г. систематических капитальных ремонтов зданий просветительных учреждений не было;

б) что на местах отсутствует единое понимание различия между капитальным и текущим ремонтом. Чаще всего в соответствии с расходной номенклатурой НКФ все ремонты рассматриваются как капитальные, оплата же мелких работ—как хозяйственные расходы;

в) что поэтому текущий ремонт проходит по общей группе хозяйственных расходов и его трудно, таким образом, выделять и учитывать;

г) что учет капитальных ремонтов не занимает еще соответствующего места в плановой работе местных ОНО;

д) что, наконец, местные ОНО не знают, кому из них надлежит вести этот учет,—когда все же ремонты проходят по сметам риков и виков и фактически ими осуществляются.

Дело с учетом нового строительства в области народного образования обстоит не лучше, чем с учетом ремонтов. Общие итожные данные на местах крайне ограничены. То, что удалось получить, сводится к следующему:

По данным 4 уоно и 2 риков, перспективные планы, имеющиеся в этих центрах, предусматривали затраты на деревенское школьное строительство в текущем году в сумме 182 800 р. Фактической же сметой этого года предположено истратить всего лишь 72 532 р. Имеется недовыполнение строительных планов на 60%.

В частности, в Иваново-вознесенской губ. «программа строительства на 1926/27 г. была выполнена в размере 53%; на 1927/28 г. реально выполнимым губоно считает возможность достройки по запроектированной программе на предыду-

щий год, т. е. выстроить 27 школ на 63 комплекта в сельских местностях и 3 школы повышенного типа на 32 классных комнаты».

«На 1927/28 г. по смете губбюджета намечено 879 626 р. (10,16% сметы на народное образование)».

«Как видно из сказанного, налицо и за 1926/27 г. и за 1927/28 г. отставание от программы строительства. Отставание становится особенно заметно, когда мы примем во внимание, что по плану всеобщего обучения за восьмилетие с 1926/27 по 1933/34 г. необходимо построить 443 школьных здания; кроме того предположено произвести капитальный ремонт, соединенный с переустройством в 346 школах» (из доклада инспектора).

В Череповецком округе по смете текущего года исключительно на строительство по соцвосу предусмотрена затрата в 129 000 р. (по городу—29 000, по деревне—100 000 р.). По перспективному же плану в этом году требовались затраты: в деревне в 252 000 р., в городе в 50 000 р. Иначе говоря, в первом случае получается недовыполнение почти в 60%, во втором—в 42% (без учета участия населения и бесплатного получения древесины).

В докладе по Смоленской губернии отмечается, что рост ассигнований на капитальное строительство в связи с необходимостью расширения сети и восстановления разрушенных школ лишь в слабой степени удовлетворяет потребность в капитальном ремонте, средства поглощались главным образом новым строительством... что период восстановления народного хозяйства весьма слабо отразился на восстановлении основного капитала народного образования, особенно по сельским школам, и что темп восстановления зданий отстает от темпа разрушения.

По перспективному плану Уралоно в текущем году необходимы затраты в 5 524 334 р. Местный бюджет фактически обеспечивает только 30% этой суммы. На 17% предполагается реализация центральными средствами, на 30%—общественной инициативой и за счет бесплатного получения древесины. И все же в результате ожидается недовыполнение плана на 23%.

Наконец в докладе по Саратовской губернии отмечается, что «со стороны бюджетных ассигнований на капитальное строительство в текущем году в Саратовском губоно дело будет обстоять сравнительно удовлетворительно. Но неудовлетворительно обстоит дело с составлением плана этого строительства. В прошлом строительном сезоне план был составлен только на год, и притом наспех».

Итак, в отношении состояния нового строительства на местах приходится констатировать:

а) что фактическое строительство, осуществляемое в рамках операционных планов ОНО, отстает от перспективных планов. Недовыполнение достигает 60%. Центральные средства, ссуды, общественная инициатива и бесплатное получение древесины только снижают этот процент, но не могут покрыть совершенно (на Урале могут снизить только до 23%);

б) что выявляется необходимость установления какого-то определенного соотношения между затратами на новое строительство и восстановление уже имеющегося основного капитала;

в) что конкретное новое строительство развертывается вне определенной системы, вне строго проработанных планов и при почти полном отсутствии учета.

Организация строительных и ремонтных работ, как правило, проводится через комхозы. Для характеристики того, как фактически обстоит дело с этой организацией, можно ограничиться выводом, к которому пришел обследователь на Урале:

«Суммируя все изложенное об организации строительных работ,—пишет он в докладе,—приходится сделать вывод, что школьное строительство является беспризорным. Ведется оно без достаточной плановости, без надлежащего технического надзора и руководства. Роль Оно, комхозов и риков не определена, и ни у кого не чувствуется ответственности за школьное строительство».

Стоимость кубо-метра деревянной постройки определяется от 6 до 20 р. (чаще всего от 8,5 до 9 р.).

Стоимость кубо-метра каменной постройки—25 р.

5. О капитальных вложениях в строительство народного образования сравнительно с такими же вложениями по другим областям строительства.

По этому вопросу в результате обследования имеются следующие данные:

В Саратовской губернии по смете губисполкома в 1926/27 г. все капитальные вложения исчислялись в 3 675 858 р. По народному же образованию—в 336 167 р. Это составляло 9,2%.

В 1927/28 г. все вложения составляют 4 580 070 р., в народном же образовании—556 099 р., т. е. 12,1%.

По Терскому округу на промышленное, коммунальное, дорожное, жилищное и школьное строительство в 1926/27 году было истрачено 4 470 000 р. Отдельно на школьное строительство было истрачено 220 000 р., что составляло 5%.

В текущем же году из общей суммы вложений в 3 760 000 р. вложения по народному образованию составляли 295 000 р., или 7,8%.

За последнее трехлетие в Череповецком округе (губернии) все капитальные вложения исчисляются в 1 595 689 р. Вложения же в школьное строительство—в 135 700 р., или 8,6%.

По материалам Тотемского уоно ассигнования на школьное строительство в текущем году составляют 17,7% от общих ассигнований.

Наконец, в Уральской области в 1926/27 гг. все капитальные вложения выражались в 7 791 700 р. Вложения в строительство по народному образованию составляют 20,7% и выражались в сумме 1 616 200 р.

В текущем же году по Уральской области капитальные вложения достигают уже суммы в 10 933 300 р., при долевом участии в этой сумме народного образования в 23,3% (2 549 000 р.).

Приведенные данные позволяют устанавливать, вопервых, что затраты на школьное строительство в обследованных районах из года в год увеличиваются, вовторых, что затраты эти в текущем году колеблются от 7,8 до 23,3% всех капитальных вложений и, втретьих, исходя из факта недовыполнения перспективных планов в отношении развертывания строительства, что процент этот недостаточен, несмотря на его сравнительную высоту.

IV. УЧЕБНОЕ И ХОЗЯЙСТВЕННОЕ ОБОРУДОВАНИЕ [1])

1. В школах I ступени.

Собранные материалы о состоянии оборудования школ I ступени с полной определенностью свидетельствуют о крайней бедности, почти катастрофичности (в количественном и качественном отношении) состояния учебного и хозяйственного оборудования школ.

Если не говорить о некоторых благоприятных исключениях, которые представляют школы, получившие оборудование в наследство от прошлого, то возможно будет признать, что школы почти не имеют сколько-нибудь сносного оборудования.

Так, по данным обследованных 22 школ вместе со школами, имеющими наследство, средняя стоимость всего оборудования школ определяется в 415 р. 39 к., т. е. около 16,2% стоимости его, принятой по нормативным показателям НКП.

Одна из обследованных школ имеет всего оборудования на 80 к., выражающегося в 5 старых учебниках. До 45% всех обследованных школ не имеют наглядных пособий по физике, естествознанию, географии.

Средние показатели означенного оборудования там, где оно имеется, далеко уступают нормам НКП и по количеству и по стоимости (последнее определяет качество). Так, приборы по естествознанию, физике и вообще наглядные пособия количественно составляют около 46% норм НКП, а по стоимости—только 15,4% цен нормативных показателей. Даже специальное оборудование, куда входят парты, учебные столы, классные доски, счеты и наглядные пособия по обществоведению, составляют в школах только 31,6% по количеству и 8,2% по стоимости против показателей НКП.

Библиотеки школ (наиболее пополняемая часть школьного оборудования) количественно ничтожны (до 221 названия), при средней стоимости их в 222 р. 30 к., т. е. 49% стоимости, принятой в нормативных показателях.

Хозяйственный инвентарь школы, куда входит все, начиная от лопаты и кончая часами и лампами, т. е. предметы исключительной необходимости, количественно составляет 17,5% и по стоимости—20,8% соответствующих данных нормативных показателей НКП.

Наконец, мастерские и какой-либо сельскохозяйственный инвентарь, т. е. то самое оборудование, которое должно обеспечить осуществление принципа трудовой деятельности школы, совершенно в школах отсутствует. Качество (техническая изношенность и производственная ценность) учебного и хозяйственного оборудования (не исключая и библиотек) в свою очередь чрезвычайно низко оценивается обследователями, что фактически сводит на-нет вообще все оборудование школ (не только качественно, но и количественно).

«Не соответствует задачам школы», «примитивно», «производственная ценность не высока», «оборудование убого», «учебное оборудование школа и не думает

[1]) Материалы, касающиеся учебного и хозяйственного оборудования, прорабатывались т. Брониным, им же написана настоящая глава.

заводить», «копеечных изданий имеется до 50 экземпляров», «учебный инвентарь чрезвычайно ветхий и недостаточен количественно», «изношенность инвентаря до 70%»—вот оценивающие выводы об учебном и хозяйственном инвентаре школ, взятые из отдельных отчетов инспекторов НКП.

Подтверждение правильности сделанных выводов в отношении учебно-хозяйственного оборудования школ I ступени имеем в сводных материалах уездов, где средняя стоимость учебного оборудования школы I ступени (наглядных таблиц по физике и естествознанию) определяется в 40,6 р., т. е. 39% принятой в нормативных показателях НКП, и специальное оборудование школ определяется стоимостью в 140,1 р., или 9,3% нормативных показателей.

1. В школах II ступени.

Состояние учебного и хозяйственного оборудования школ II ступени по данным обследования предоставляется в значительной степени благоприятным, правда, более количественно, чем качественно. Средняя стоимость всего оборудования школы II ступени определяется в 15 330 р., т. е. 99,8% стоимости его, принятой по нормативным показателям. Фактически в отношении учебного инвентаря (физических кабинетов, оборудования по естествознанию, химии) школы находятся даже в лучших условиях, чем то предполагают нормативные показатели. Так, физические кабинеты школ при средней стоимости их в 4 108 р. (около 80% стоимости по нормативным показателям) имеют до 200 названий (свыше 130% нормативных показателей) при 321 отдельных предметах. Диапазон стоимости — 266,5 — 17 722,35 р. — свидетельствует, однако, о неравномерном распределении оборудования между школами. Одни из них, имея прекрасное наследство от прошлого, оборудованы исключительно хорошо, другие довольно бедны.

Оборудование химического кабинета и кабинета естествознания, по данным обследования, представляется насравненно лучшим, чем то предусмотрено нормативными показателями. Подтверждением этого является фактическая стоимость этих кабинетов: 4 175 р. против 1 613 р. 70 к. по нормативным показателям (250%). Наиболее бедно обставленные кабинеты стоят 557 р. 50 к., т. е. около 33% нормы.

Специальное оборудование школ II ступени, разумея под этим термином парты, учебные столы, шкафы и пр., также находится в удовлетворительном состоянии, давая диапазон по стоимости оборудования в 1 335—5 734 р., чаще отличающийся от других нормативных показателей лишь в стороны повышения.

Школьные библиотеки по количеству книг и стоимости самых библиотек также очень часто превышают данные нормативных показателей. Средняя стоимость библиотек обследованных школ (3 822 р.) составляет 450% стоимости их указаний в нормах НКП.

Вполне удовлетворительно обстоит дело и с хозяйственным оборудованием школ. Средняя стоимость его в обследованных школах (1 349 р.) значительно превышает таковую же в нормированных показателях.

Однако наряду с отмеченным благополучием в части учебно-хозяйственного оборудования школы II ступени имеют огромный недостаток, выражающийся почти в полном отсутствии в них оборудования для мастерских.

Мастерские в школах—явление исключительно редкое. Там же, где мастерские имеются, стоимость их определяется чрезвычайно низко,—от 175 до 200 р., т. е. 8—10% стоимости, предусмотренной нормативными показателями НКП.

Качественная оценка имеющегося в школах II ступени учебно-хозяйственного оборудования значительно уступает оценке, сделанной в отношении его количества.

Техническое состояние многих предметов, по причине долгих сроков службы, неумелого пользования, отсутствия ремонта и т. д., настолько ухудшилось, что их пригодность понизилась на 30—40—50%.

Моральная их изношенность (особенно в отношении специального оборудования, кабинетов обществоведения и библиотек) в некоторых случаях также довольно значительна. Однако, видимо, соответствующими мероприятиями (организация ремонта лабораторного оборудования, изъятие из библиотек неподходящих книг и т. д.) учебно-хозяйственное оборудование школ можно было бы привести в полное соответствие с требованиями современной школы.

Почти ту же оценку оборудования, какая была дана в отношении школ II ступени можно отнести и к школам девятилеткам, и особенно, если они имеют достаточное наследство от школ прошлого. Школы-семилетки, наоборот, по своему оборудованию ближе примыкают к школам I ступени, где наличие удовлетворительного оборудования является сравнительной редкостью. К сожалению, незначительное количество обследованных семилеток и девятилеток не позволяет сделать более полные выводы о состоянии их оборудования.

3. В школах крестьянской молодежи.

Ввиду того, что в нормативных показателях НКП данных об оборудовании ШКМ не приведено, сравнительная оценка оборудования обследованных ШКМ проводится в отношении школ-семилеток.

Материалы о состоянии оборудования ШКМ свидетельствуют нижеследующее: учебное оборудование ШКМ по стоимости составляет только 25,4% стоимости учебного оборудования, принятого в нормальных показателях.

Этот недостаток в части оборудования физического кабинета определяется в 18,5% нормы. В части кабинетов естествознания, географии и сельского хозяйства—в 32% нормы и в отношении специального оборудования до 12,15%. В отдельных ШКМ совершенно отсутствует оборудование физических кабинетов, в других нет кабинетов естествознания, химии и сельского хозяйства. По стоимости кабинеты отдельных школ колеблются от 58 до 916 р. для физического кабинета и от 40 до 420 р.—для кабинетов естествознания, химии и сельского хозяйства. Пределы колебания для специального оборудования—139—532 р.

Значительно лучше в ШКМ обстоит вопрос с оборудованием библиотек. Последние по стоимости составляют 170% (1 705 р.) стоимости, определенной нормативными показателями, при диапазоне стоимости в 862—3198 р.

Хозяйственное оборудование школ достаточно удовлетворительно, составляет среднюю стоимость в 635 р. при 325 предметах оборудования.

Очень плохо обстоит вопрос с оборудованием в мастерских при ШКМ. Последние в ШКМ очень редки, а имеющиеся как по количеству станков и инструментов, так и по общей их стоимости, определяющей их качество, крайне ничтожны. Однако наиболее плохо обстоит вопрос с оборудованием ШКМ сельскохозяйственным инвентарем: 20% школ совершенно не имеют сельскохозяйственного инвентаря, 20% имеют крайне ничтожное количество его (на сумму 7—47 р.), 40% имеют оборудование общей стоимостью 155—478 р. (с количеством инвентаря от 4 до 25 названий), и, наконец, только 10% хорошо обеспечены сельскохозяйственным инвентарем (стоимостью в 2 582,7 р. при 19 предметах оборудования).

Средняя цифра, характеризующая состояние сельскохозяйственного оборудованная ШКМ—7 названий, 22 предмета 409 р. стоимостью также о недостатках оборудования ШКМ инвентарем, наличие которого должно наиболее обеспечить специфическую особенность школы.

В анализе оборудования школ повышенного типа использованы по преимуществу материалы обследования непосредственно самих школ, так как сводные материалы уездов недостаточно полно отображают действительное положение вещей.

В. ЕНЮТИН.

О переподготовке руководящих кадров ОНО.

Прежде всего оговариваемся, что вопрос поставлен нами в сознательно суженных рамках—только по отношению к заведующим и заместителям заведующих краевых, губернских и окружных отделов народного образования.

В отношении переподготовки руководящего состава по отдельным линиям просвещенской работы дело обстоит, по нашему мнению, более благоприятно, нежели в отношении кадров заведующих ОНО. И если в области переподготовки работников политпросвета, соцвоса, профобра еще не все сделано, нет определившейся системы, то все же каждый год работа здесь расширяется.

В частности в 1928 г. ГСВ проводит трехнедельные курсы-конференции для уездных инспекторов соцвоса, то же для губернских, ГПП—курсы для районных и участковых инспекторов политпросвета, то же для уездных и окружных и трехмесячную учебную командировку для старших инспекторов политпросвета губ-, край- и облоно.

Насколько нам известно, в планах некоторых краевых ОНО (Сев.

Кавказ, Сибирь, Ленинград) намечены областные курсы-конференции для окружных и районных инспекторов по соцвосу и политпросвету.

При рассмотрении кадров заведующих отделами народного образования прежде всего отмечается их сильная текучесть. Следует принять во внимание и то обстоятельство, что в прошлом многие из них не имели отношения к народному образованию, которым ныне призваны руководить.

С этим явлением, безусловно, придется считаться и в будущем, исходя из существа советской власти (выборность, выдвижение), но все же в известной степени создалась некоторая устойчивость основного кадра.

Со стороны полученного образования у руководящего кадра работников дело обстоит не так уже плохо. Приводим таблицу, характеризующую образовательную подготовку руководителей отделами народного образования на 1 апреля 1926 г. (в основном она и теперь такова же).

	С общим образованием					Со специальн. педаг. образованием				
	Высшее		Среднее		Ниже средн.	Высшее		Среднее		Ниже средн.
	Закон.	Незаконч.	Закон.	Не законч.		Закон.	Не законч.	Закон.	Не законч.	
Зав. губ., облоно.	11,4	8,6	11,4	2,8	11,4	25,9	2,8	22,9	—	2,8
Зам. зав. губ., облоно	10,3	10,3	13,8	31,3	17,2	—	—	10,3	3,4	3,4
Зав. окр. и уоно.	9,3	5,9	29,1	6,4	8,4	5,9	5,4	23,2	1,5	4,9

Несмотря, повторяем, на известные благоприятные данные со стороны образовательной подготовки, все же, по данным инспекторских обследований, в ряде губерний выявился недостаток руководства методической, чисто педагогической работой ОНО со стороны заведующих ОНО.

Мы имеем, с одной стороны, работников узких областей по различным отраслям народного образования, во многих случаях более подкованных по части теоретической, использовавших возможности переподготовки, и, с другой—руководителей, силою обстановки тратящих большинство времени и энергии на обеспечение финансово-материальной базы народного просвещения.

Отсюда и вытекает отмеченный недостаток руководства «теоретической» стороной дела, своего рода разрыв.

Нет особых оснований думать, что этот разрыв будет уменьшаться, а не увеличиваться с течением времени. А отсюда в перспективе следует ряд неприятных выводов (например угроза того, что руководители отделов народного образования через два-три года окажутся ниже руководимых ими масс просвещенцев).

Можно ли предоставить дело естественному течению событий в ожидании и в расчете на то, что имеются достаточные контингенты для замены морально устаревающих кадров руководящего состава?

Можно ли, считая, что наличный руководящий кадр представляет известную ценность, заранее предрешить, что он должен, так сказать, «отмереть» и сойти со сцены, будучи списан в счет «издержек революции»?

Конечно, принципиально такая постановка немыслима (в практике пока что вопрос обстоит именно так), и громадный политический опыт, революционная закалка наличного кадра руководящих работников должны быть систематизированы, подкреплены научным обоснованием. Этот кадр стоит того и должен быть морально перевооружен.

В аналогичном положении находится руководящий состав смежных с нами областей советского строительства—Наркомюст, ВСНХ и другие наркоматы, в которых делу переподготовки уделяют серьезное внимание.

В Наркомпросе, по нашему мнению, в отношении переподготовки административно-руководящего состава сделано недостаточно. А это в свою очередь еще более способствует рассеиванию и без того узкого кадра руководящих работников, который Наркомпрос имеет.

Какие формы и методы будут наиболее целесообразными для переподготовки—вопрос, подлежащий обсуждению.

Но во всяком случае совет Плеханова Бернштейну: «Цурюк ин штудирциммер»—«назад в учебную комнату»—является жизненно необходимым для нашего основного кадра работников. Мы предлагаем для обсуждения следующие конкретные меры:

1) признать необходимым с 1928/29 г. приступить к плановому и систематическому повышению квалификации заведующих отделами народного образования и их заместителей;

2) установить, что для ближайших лет формами этой работы должны быть: для заведующих областными и краевыми ОНО—заграничные и внутрисоюзные командировки длительностью один-два месяца; для заведующих губ- и окроно, а также для заведующих ОНО автономных областей РСФСР—трех-четырехмесячные центральные курсы, соединенные с учебно-научными экскурсиями внутри РСФСР.

Мы полагаем, что наиболее удобным периодом является январь—апрель месяцы.

Этот вопрос окончательно надо решить в связи с выработкой программы курсов. Не предрешая деталей учебного плана, полагаем, что в основном он должен включать три цикла вопросов:

1) организации народного образования;
2) общественно-политический;
3) организационно-методический.

В отношении стоимости такого рода курсов, беря примерную норму расходов на одного студента комвуза с дополнительными затратами на оборудование, а также необходимость выплаты стипендий (предположительно 175 рублей в месяц) за время пребывания на курсах, по приблизительным расчетам понадобится сумма до 60 000 рублей на 4 месяца.

Полагая, что требования к курсам, учитывая состав, будут довольно серьезные, считаем, что наиболее целесообразно будет использовать опыт и силы Организационно-инспекторского факультета АКВ, на который и возложить все дело организации и проведения курсов.

Все эти вопросы чрезвычайно желательно обсудить на предстоящем VI съезде заведующих отделами народного образования.

ШАРАПОВ.

К вопросу об административных и инструктивных функциях инспекций.

Принципиальная и юридическая установка этого вопроса не вызывает сомнений. Инспектор как представитель органов власти не может быть устранен от административных функций; ему также присущи по характеру и содержанию его работы функции инструктирования. Государственный контроль в области просвещения объединяет их между собою в единый цельный процесс руководства школой и другими просветительными учреждениями и контроля над деятельностью работников просвещения.

Нормальный государственный школьный контроль должен мыслиться как постоянная функция государства, логически вытекающая из определения его прав и обязательств по отношению ко всем гражданам в совокупности и к каждой отдельной личности в частности. В советском государственном праве эта точка зрения еще более усиливается тем, что каждый гражданин в нем, имеющий избирательные права, в то же время—полноправный участник в строительстве государства не только с демократической общественной стороны, но и как участник в подборе государственных органов власти снизу доверху, в том числе и контролирующих органов.

Иногда административные функции инспектора мотивируются идеей классовой борьбы. «Поскольку классовая борьба продолжается, правда, в других формах, поскольку неизбежны попытки враждебных идее диктатуры пролетариата групп и классов влиять на идеологический фронт, на народное просвещение, хотя бы даже с «скромной» целью нейтрализовать, то влияние пролетариата на крестьянство и на промежуточные слои, которое оказывает пролетариат всей системой народного просвещения, постольку необходим, важен и нужен постоянный бдительный контроль государства на идеологическом фронте» [1]. Это совершенно верно, но вообще, такова логика и требования всякой государственности: неизбежность принудительных форм и норм, которые проистекают из принудительных форм, характеризующих всякую государственность как господство одного класса над другим. «Государство есть особая сила для подавления» (Энгельс).

Но государственная инспекция одновременно с государственными функциями администрирования несет на себе и другие обязанности, не всегда совпадающие с элементами принудительности, а иногда и противоречащие им. Советский инспектор одновременно—инспектор-инструктор и администратор. Такое совмещение имеет отчасти некоторое идеологическое обоснование. Государственная власть диктатуры пролетариата, являясь классовой, опирается на широкие массы пролетариата, участвующие непосредственно в органах управления и одновременно привлекаемые к общественной работе при органах управления и к советской общественности. Средостение между властью и ее принудительным воздействием на массы отчасти сглаживается и компенсируется этой демократизацией управления.

Необходимость совмещения двух функций инспекцией в значительной степени объясняется экономическими причинами: освобождение хозяйственно-управленческого и административного аппарата исполкомов от учебно-воспитательной работы требует приглашения отдельных лиц для выполнения узко-хозяйственных распорядительных заданий и отдельных инструкторов-педагогов. На это не хватает пока ни сил, ни средств. Нет для этого времени у заведующего ОНО. Слаб у него обычно и технический аппарат. Инспектор является прибавочной силой, которая выполняет все эти хозяйственно-административные распоряжения ОНО, в особенности требующие разъездов и превращающие инспектора в то, что характерно отмечено в одной корреспонденции «Учительской газеты»: «Инструктор—и швец, и жнец, и в дуду игрец».

Наибольшие споры и суждения вызывает практическое применение этих положений в жизни. Острота практической постановки этого вопроса приводила в прежнее время—а иногда и теперь приводит—к отрицанию важности и необходимости основной функции инспекции—ее административной роли. Исторически такой взгляд сложился давно, под влиянием старой инспекции, роль которой весьма часто сводилась исключительно к администрированию школ и учителя, причем это администрирование сводилось к роли педагогической полиции и политического сыска с точки зрения политической благонадежности учителя. Создавался тип инспектора-чиновника, педагогического исполнителя распоряжений власти, без всякой педагогической окраски этих распоряжений. В истории нашей русской инспекции в прошлом нередко бывали случаи, когда инспектором становился исправник, отставной моряк, офицер, чиновник министерства народного просвещения. Иногда инспектура служила последним прибежищем выгнанных со службы недоучившихся дворян, которым было некуда деться, и т. п. Для выполнения административно-полицейских функций не требовалось особых познаний и особого педагогического опыта.

Но были и существуют причины более глубокого свойства, которые и сейчас обусловливают необходимость изучения и освещения сложного вопроса о взаимоотношении в работе инспектора его административных и педагогических обязанностей.

Каковы чисто административные права инспектора?

Обязанности инспекции в настоящее время официально определяются в области администрирования как «контроль за выполнением постановлений и распоряжений по вопросам народного образования, исходящих от органов народного образования; контроль над постановкой учета работы и отчетности в учреждениях по народному образованию».

Этот административный контроль выливается в следующие правовые нормы и формы инспектирования. Инспектору предоставляется право: «а) делать указания, имеющие целью исправление ошибок и недочетов, допущенных учреждениями народного образования; б) требовать отмены незаконных действий и распоряжений, доводя об этом до сведения уоно; в) входить с представлением в уоно о назначении, отводе или перемещении работников просвещения; г) сноситься по вопросам народного образования непосредственно с местными руководящими органами и присутствовать на их заседаниях при обсуждении вопросов народного образования; д) возбуждать в соответствующих инстанциях вопросы о назначении ревизий просветительных органов и учреждений, а в особо важных случаях—непосредственно производить таковую; е) обращаться в местные отделы народного образования с представлением о привлечении к суду должностных лиц, уличенных в незаконных действиях или бесхозяйственном ведении дела».

[1] Векслер. И., Формы и методы работы инспектора народного просвещения. Статья из сборника „В помощь организатору народного просвещения", М., 1926, стр. 79—80

Довольно широкие права. Но указания к ним сопровождаются важным ограничительным положением: «Свои предложения уинспектор проводит через местные и центральные органы. В случаях же не терпящих никакого отлагательства (грубое нарушение закона, распоряжения, резко расходящиеся с политикой центра и пр.), инспектору предоставляется право приостанавливать незаконные действия и распоряжения, доводя об этом немедленно до сведения вышестоящего органа. Однако правом непосредственного администрирования по отношению к личному составу работников просвещения (назначение, перемещение, увольнение) уинспектор ни в каком случае не пользуется» [1].

Это ограничение предопределяет собой всю тактику и поведение инспектора в сфере администрирования школы.

Мне лично кажется, что инспектор, не уклоняясь от этих функций, должен бы до минимума свести, смягчить, ослабить все эти формы администрирования. Пусть каждый работник просвещения при всех этих расследованиях почувствует, что не этот следователь и администратор решает его судьбу, а тот же отдел народного образования, которому инспектор только обязан объективно доложить результаты обследования. Пусть к этому обследованию инспектор привлечет товарищей, союзные органы, разделяя с ними общую ответственность. Пусть он не увлекается призрачной привлекательностью власти начальствования, верховенства. Он найдет больше удовлетворения своему честолюбию, когда приобретет моральный авторитет и влияние. А разве это так трудно? Ведь так дорожит в особенности провинциальный работник этим дружеским участием к себе работников из центра. Исключительное администрирование, по моему глубокому убеждению, наиболее роняет, буквально обесценивает и во всяком случае ослабляет влияние и работу инспектора. Функции административные всегда носят в себе элементы принудительности—один из стимулов всякой власти, а принуждение, проявление власти, привнесение элемента подчиненности и подвластности в личные сношения инспектора с работниками просвещения—самая благоприятная почва к утере нормальной взаимной связи его с теми лицами, которых он инструктирует.

Опытный специалист в области инспектирования т. И. Перель справедливо утверждает, что с момента реорганизации инспектуры «административные права ее были ограничены до минимума. Здесь была положена резкая грань между старым инспектором министерства народного просвещения и красным советским инспектором. Он—агент пролетарской власти, подчиненный и подконтрольный трудящимся массам и в том числе просвещенцам, стоящим у своего педагогического станка; он—старший товарищ, способный помочь, посоветовать, будить и крепить инициативу, вывести на широкую дорогу коммунистического просвещения». Но «минимумом административных прав инспектор обладать должен. Делить сейчас резко функции инструкторские и собственно инспекторские, т. е. контрольные, чрезвычайно трудно. Но это отнюдь не значит, что инспектор держит в своих руках бразды правления, что он вершит судьбы просвещенцев, увольняет, перебрасывает, привлекает к ответственности и т. п. Для этого существует завоно, соответствующие органы исполкома, союза». «Всякий вопрос, требующий в работе инспектора административного вмешательства, должен быть по представлению инспектора разрешен соответствующим органом власти. Только при этих условиях инспектор встретит товарищескую атмосферу в школе и сможет в максимальной степени использовать свой авторитет и свои знания в интересах школы» [1].

[1] Инструкция уездному инспектору народного просвещения, из сборника Чарнолусского и Львова. Справочник народного учителя, М., 1925, стр. 38.

Во всех этих случаях желательно, чтобы он твердо держался принципа быть только информатором, ставить себе информационные цели, а не стремиться играть первую скрипку. Опасность такого «почетного» положения для него очень велика: он, входя в постоянное общение со школой, более чем какой-либо другой член коллегии осведомлен об ее положении, и потому на него могут рассчитывать его товарищи в осуществлении тех или иных распорядительных действий.

Когда-то известные педагоги, объединявшие учительство (Дистервег, Ушинский, Бунаков), получили почетное имя «учителя учителей». Это имя должны завоевать себе инспектора.

Инспектор, администрируя, должен суметь внести педагогически приемлемые оттенки в понимание положения о своей административно-распорядительской деятельности. Выполнение методическо-инструктивных функций в этом случае нисколько не будет противоречить процессу наблюдения административного характера.

Надо прежде всего приучить учительство чувствовать себя ответственным за направление, характер, организацию и результаты работы школы. Только при этом сознании административные функции инспектора не будут смущать и пугать учителя. Приэтом учитель сознает, что инспектор лишь направляет и освещает этот элемент личной и коллективной ответственности, а не заменяет или устраняет его. Поэтому правильно положение, что «советский инспектор, если и причастен косвенно к администрированию школой, то это не зло, а благо, ибо не кто иной как инспектор может правильно осветить работу школы перед соответствующими органами власти» [2].

Именно косвенное, а не прямое администрирование должно входить в прямую задачу инспектора. Эта особенность функций очень важна. Она дает новую окраску оценке учителем инспектора как педагога-инструктора, помогает последнему завоевать доверие учителя, если только инспектор обладает тактом и хорошо подготовлен. Между тем мы иногда прямо сталкиваемся с вмешательством инспекторов в назначение, переброску и увольнение учителей. Разве это их дело?

Надо ли инспектору реагировать на подбор учительства. Это не его прямая задача, но он может быть очень полезен органам управления в этом деле в силу широкой связи с местами. При посещении школ он столкнется с практикой учащихся педтехникума. Он знает их и ту школу, откуда они идут. Но, повторяю, пусть это будет тоже косвенное участие инспектора в этом деле, а не будет входить в его основные функции. Правильно поэтому утверждение, что «пользующийся авторитетом инспектор безболезненно может выполнять и административные функции».

Надо иметь приэтом в виду и интересы школьника.

«Инспектор как администратор должен иметь в виду прежде всего, конечно, детские коллективы, для которых и строится вся педагогическая жизнь. Но для того, чтобы жизнь у них протекала безболезненно и без перебоя вовсе не необходимы и не улучшают дела нетактичные выходки, замечания, да еще в грубой форме, неожиданные

[1] „Учительская газета", 1925 г., № 18.

[2] Перель, И., Учительство об инспекторе, Статья из сборника „В помощь организатору народного просвещения", 1926 г., стр. 107.

распоряжения всякого рода, на основании одного-двух заездов, об удалении педагога, о переброске его и т. п. Вот тут-то и требуется определенно администраторский талант: предпринять такие меры, которые действительно выявили бы недостатки организации и оздоровили ее, улучшили ее жизнь, не нарушая нормального хода учебно-воспитательной работы. Но, во всяком случае, умение администрировать менее необходимо, чем умение организовывать, и, наконец, и то и другое будет достигать действительной цели только в том случае, если будет проводиться марксистом-методистом, умеющим подойти к педагогу [1]. Кроме того навсегда отделить административные функции от инструктирования нельзя, как нельзя их разрывать друг от друга в жизни школы как цельного единого организма. Но выделять из администрирования все, что может вредить инструктированию,—благодарная организационная задача, дающая возможность диференцировать отдельные стороны работы инспектора в разных направлениях.

По этому пути, не исключая административных функций, идет инструктивно-руководящая работа инспектора.

Инспектор-инструктор руководит педагогическим делом школы и отдельным учителем. Он входит с этой целью в самое тесное соприкосновение с каждой школой, с каждым учителем. Это руководство учителем и эта непосредственная помощь ему построена исключительно на почве взаимного доверия и товарищеских отношений друг к другу. Инструктор—не начальник, а старший, более опытный товарищ, который всегда готов подать совет менее опытному педагогу, сам в то же время учась и развиваясь под влиянием индивидуального и коллективного опыта серьезного и талантливого учителя школы. Изучая опыт обследуемых школ, перенося опыт одного учителя к другому, инспектор пополняет свой педагогический багаж ценным материалом, получаемым от учителей в процессе своей работы с ними. Идея подчиненности глубоко чужда инструктору, работающему в сфере живого общения с учительством.

«Всякое посещение инспектором сельской школы должно быть праздником для школы, посещением друга ее, появляющегося для того, чтобы внести луч света и жизни в школу» [1]. Он не навязывает своей системы преподавания, он может только рекомендовать ее, изложить учителю свое мнение о ведении им дела и об успехах учеников. Если инспектор сумел завоевать доверие учащих, если приезд его приветствуется, как приезд опытного специалиста, который может правильно оценить работу учителя, и не только заметить важнейшие недостатки преподавания, но и сейчас же указать, как их исправить, то рамки его педагогического влияния на школу могут расширяться до бесконечности.

На почве таких взаимоотношений строится вся практическая работа инспектора с учителем, все его педагогическое руководство его работой. Такое сочетание административных и инструктивных функций находит лучшее выражение в понятии инспектора-организатора. Если «единая школа,—по словам Ленина,—в центре своего внимания ставит трудовую деятельность и ее организацию», если она «готовит строителя новой жизни», имеющего «ясное понимание связей и соотношение разных форм трудовой деятельности», то, соприкасаясь с школой, инспектор неизбежно становится ее организатором,

[1] „Просвещение на транспорте" 1925 г., № 5—6, стр. 23. „Учительская газета", 1925 г., № 12 и 13, „Справочник народного учителя", стр. 38.
[2] Корф. Русская народная школа, стр. 232.

сближаясь с учителем, он организует его педагогическую работу, входя вместе с ним в жизнь населения, он тоже организует ее.

В эти постоянные приемы организации входят, естественно, и приемы администрирования, причем последнее является тоже путем к организации жизни школы, содействует устранению недочетов в ее организации, недочетов организации работы учителя. Инспектор—организатор людей, чутко прислушивающийся к нуждам, а иногда и к слабостям человеческим» [1].

Н. ИОРДАНСКИЙ.

Организационные проблемы народного просвещения и их место в работах Института научной педагогики при 2 МГУ.

I. НЕОБХОДИМОСТЬ ПЛАНОМЕРНОЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ РАБОТЫ ПО ВОПРОСАМ ОРГАНИЗАЦИИ НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ.

Вопросы организации народного просвещения до последнего времени составляли предмет, которого в крайне слабой степени касалось научное исследование. Научно-педагогическая мысль захватывала по преимуществу лишь те организационные проблемы просветработы, которые непосредственно увязаны с педагогическим процессом. Остальное обширнейшее поле практического опыта народного просвещения оставалось вне серьезного научного анализа, в то время как вопросы организации, относящиеся к другим областям советского строительства, уже не один год занимают значительное место в системе исследовательской работы. А интересы просвещения не менее, чем интересы другой какой-либо сферы советского строительства, требуют развертывания планомерной научной работы не только по линии чисто производственных задач, охватывающих внутреннее содержание просветительной работы, но и по линии организации народного просвещения, охватывающей общие вопросы системы образовательно-воспитательных учреждений и мероприятий, управления и руководства делом народного образования, вопросы материальной базы, планирования, обеспечения просветительной работы педагогическим персоналом необходимой квалификации, организационной структуры просветительных учреждений, учета работы и отчетности, постановки статистики народного образования, вопросы законодательства и пр.

Необходимость развертывания научно-исследовательской работы по вопросам организации народного просвещения прежде всего вытекает из потребности учесть, проявить, систематизировать и изучить тот богатейший опыт практического строительства просвещения, который накопился в послеоктябрьский период. Исключительное богатство содержания первого революционного десятилетия в области культурного (и хозяйственного) строительства бесспорно. Разрушение старой, дореволюционной системы народного образования, ликвидация остатков разбитого Октябрьской революцией министерского и земско-городского аппарата, собирание оставленного в области просвещения наследства, борьба с саботажем педагогического персонала и вовлечение просвещенцев в активное строительство социалистической школы, упорная работа по выработке основ новой образовательно-воспитательской системы и пропаганда идей трудовой школы,—все, что характеризует первый этап советского просвещения и что оставило в революционной истории неизгладимые штрихи, достойно самого глубокого изучения. Не меньшую ценность в качестве объекта научного исследования имеют и последующие этапы советской работы по народному просве-

[1] Перель И., Статья в сборнике „В помощь организатору просвещения", стр. 106.

ПЛАНИРОВАНИЕ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

ПРОБЛЕМА ВСЕОБЩЕГО НАЧАЛЬНОГО ОБУЧЕНИЯ В РСФСР.

(*Окончание* [1]).

VI. УСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ.

Говоря о всеобщем обучении, обычно мало задумываются над содержанием этого понятия. Еще совсем недавно нам приходилось, например, встречаться с представлением, отождествлявшим задачу всеобщего начального школьного обучения детей с задачей ликвидации неграмотности на ликпунктах для взрослых. Можно определенно сказать, что если у работников в области народного образования имеется более или менее правильное представление о задачах всеобщего обучения, то вне круга просвещенцев это понятие многим представляется неясным и требует еще широкой своей популяризации.

В вопросе об общей установке проблемы, как мы уже отметили в начале настоящей статьи, по сравнению с дооктябрьским периодом произошли коренные изменения. Если тогда задача всеобщего обучения для царского правительства являлась лишь вынужденной уступкой требованиям масс, земских самоуправлений и общественных организаций, а для Государственной думы (ее центра) диктовалась более или менее либеральными соображениями о необходимости «прогресса», «подъема культурного уровня населения» и т. п.,—то в послеоктябрьский период, и особенно за последние годы, проблема эта трактуется уже в плане строительства социализма и—что характерно для современного момента—в плане индустриализации как неотъемлемая, органическая часть последней. Все более и более отчетливо вырисовывается огромное хозяйственное значение проблемы. Успешное разрешение задачи всеобщего и непременно обязательного начального обучения должно дать базу подготовке необходимой для развития промышленности квалифицированной рабочей силы и создать культурно-техническую базу для скорейшей замены архаических форм сельского хозяйства более высокими в техническом и социальном отношении формами. Вопрос о хозяйственной эффективности начального образования становится предметом изучения и обсуждения.

Одним из основных моментов рассматриваемой нами проблемы является тип школы, объем того начального обучения, которое предполагается сделать обязательным для всех детей определенных школьных возрастов.

По земским проектам 90-х и 900-х годов и по министерским «Основным положениям для введения всеобщего начального обучения в Российской империи» от 1 ноября 1907 г., основой для введения всеобщего обучения считалась начальная школа с четырехлетним курсом, причем вопрос об обязательности обучения разрешался обычно отрицательно.

Комиссия III Государственной думы, разработавшая в 1910 г. на той же

[1] См. „Народное просвещение", № 2.

основе в нескольких вариантах свой перспективный план введения всеобщего обучения [1], высказалась за введение обязательности обучения.

Состоявшийся в 1911 г. в городе Москве первый общеземский съезд по народному образованию в свою очередь постановил, что расчеты по введению всеобщего обучения должны основываться на школе с четырехлетним курсом, и признал желательным принцип обязательного обучения, но оговорился, что применение закона об обязательности начального обучения должно быть для земств и городов факультативным.

Проекты, разработанные Государственным комитетом по народному образованию при Временном правительстве 1917 г., предусматривали введение втечение пятилетнего срока—к 1 января 1923 г.—общедоступности начального обучения на основе школы с четырехлетним курсом, а также и введение в тот же срок обязательности обучения. По проекту комитета, родители обязаны были посылать детей в школу в возрасте от 8 до 11 лет включительно, причем если данная местность была обеспечена и школой высшего типа, то обязательность обучения могла быть распространена и на детей до 13 и даже до 15 лет включительно, в зависимости от наличия в этой местности тех или иных типов школы [2].

После Октябрьской революции всеобщность и обязательность обучения были провозглашены в первом же обращении Народного комиссара по просвещению к гражданам России от 29 октября 1917 г. [3]. Опубликованное же в октябре 1918 г. Положение о единой трудовой школе говорит об обязательности посещения не только школы I ступени, но и школы II ступени [4].

В последующие годы, когда пределы осуществимых возможностей стали более ясными, задача была ограничена лишь школой I ступени, нормальный курс которой считался в то время в пять лет [5].

Окончательную установку по вопросу об объеме всеобщего обучения должно было дать постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 31 августа 1925 г. «О введении в РСФСР всеобщего начального обучения и построении школьной сети» [6]. Однако в нем нет еще необходимой четкости по данному вопросу. Это постановление говорит о всеобщем обязательном начальном обучении детей в школах I ступени, устанавливая как нормальный тип такой школы—четырехкомплектную школу с четырьмя последовательными группами и принимая для нее школьный возраст от 8 до 11 лет.

Но постановление это не говорит об обязательности прохождения каждым учащимся полного курса школы I ступени. Оно требует лишь принятия мер к тому, чтобы к десятилетию Октябрьской революции была обеспечена общедоступность школ I ступени при условии добровольного посещения ее и чтобы в следующие годы было осуществлено всеобщее обучение, очевидно, подразумевая под всеобщностью—обязательность обучения. Предельным сроком для введения всеобщего обязательного обучения на всей территории РСФСР постановление назначает 1933/34 учебный год, но и в этом случае не указывает обязательного объема обучения.

[1] См. „Приложения к стенографическим отчетам Госуд. думы третьего созыва 4-й сесии 1910 г.", т. 1.

[2] „Бюллетень Гос. комитета по народному образованию при министерстве народного просвещения" от 28 сентября 1917 г., № 2—3, стр. 25—28.

[3] „Народное просвещение", январь 1918 г., № 1—2, стр. 3.

[4] Тогда же Наркомпросом намечалась обязательность посещения также и дошкольных и внешкольно-просветительных учреждений.

[5] См. выработанное в 1921 г. Положение о сетевой подкомиссии Главсоцвоса.

[6] Опубликовано в „Собрании узаконений" 1925 г., № 69, стр. 543, и в „Известиях ЦИК СССР и ВЦИК" от 16 октября 1925 г., а также напечатано в 3-м вып. сборника Наркомпроса: „Подготовительные работы по введению всеобщего школьного обучения в РСФСР", М., 1926 г.

Значительное уточнение в данный вопрос было внесено постановлением Совнаркома от 22 апреля 1927 г. «О порядке введения обязательности начального обучения» [1]. Согласно этому постановлению «обязательность обучения устанавливается на первый год лишь для детей 8-летнего возраста и затем, на основе нормального четырехгодичного курса начальной школы, последовательно из года в год распространяется на другие возрасты детей школьного возраста». Однако и здесь мы не находим указаний на обязательность посещения школы до окончания ее курса. А между тем совершенно очевидно, что для значительного количества детей, как малоуспевающих (второгодников), прохождение полного курса школы I ступени будет требовать не четырех, а пяти или даже шести лет.

Некоторую неясность в декрете от 31 августа 1925 г. усматривают также и в вопросе о том, должно ли быть осуществлено всеобщее обязательное обучение к 1933/34 г. полностью для всех четырех лет обучения или же декрет требует к этому сроку лишь приступа к введению обязательности. Поскольку ориентировочные расчеты Наркомпроса и Госплана СССР, предшествовавшие изданию декрета 31 августа 1925 г., имели в виду достижение к 1933/34 г. полного четырехлетнего обучения для всех детей школьного возраста,—можно предполагать, что и этот декрет исходил из такой же концепции.

Рассмотрение инструктивных материалов, относящихся к периоду, предшествовавшему составлению в истекшем году сводного общереспубликанского перспективного плана введения всеобщего обучения, показывает, что ни у Наркомпроса, ни у других, соприкасавшихся с ним в этом деле центральных органов не возникало сомнений в том, что упомянутый выше декрет 31 августа 1925 г. имел в виду 1933/34 г. именно как год осуществления полного четырехлетнего обязательного обучения и что эта обязательность должна трактоваться не в узком смысле обучения лишь втечение четырех лет и лишь до 11-летнего возраста, а именно в смысле обучения до окончания полного четырехлетнего курса школы I ступени.

На такой основе и построен названный план, к элементам которого мы сейчас и перейдем.

VII. ОСНОВНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ И ЦИФРЫ ПЕРСПЕКТИВНОГО ПЛАНА.

Как уже было сказано выше, основы для перспективных расчетов по введению всеобщего начального обучения были даны в постановлении ВЦИК и СНК РСФСР от 31 августа 1925 г. Исходным моментом этих расчетов является численность детей школьного возраста.

По министерским инструкциям 1907 г., расчеты по введению всеобщего обучения должны были основываться на данных всероссийской переписи населения 1897 г. или на данных местных переписей, с поправкой на прирост населения к моменту составления проекта школьной сети по местным данным или по среднему для бывшей империи коэффициенту 1,49% в год, а количество детского населения школьных возрастов (8—11 лет) должно было исчисляться или по определенному, установленному для данной местности коэффициенту, или тоже по среднему для всей бывшей империи—для городов 7% и для сельских местностей 9% [2].

Более или менее устойчивые состав и прирост населения того времени давали возможность пользоваться этими коэффициентами. Но за период войны 1914—1918 гг. и затем периоды гражданской войны и голода в численности, составе и рождаемости населения произошли весьма значительные изменения, произошла своего рода «демографическая катастрофа». Перепись населения 1920 г. выявила изменения в повозрастных соотношениях численности детей, дававшие основание для заключений о том, что вместо обычного прироста происходит и будет еще примерно до 1929 г.

[1] Опубликовано в „Известиях ЦИК СССР и ВЦИК" от 12 мая 1927 г.

[2] См. Инструкцию для заполнения таблиц школьной сети, приложенную к циркуляру министерства народного просвещения от 11 декабря 1907 г., № 28184.

происходить снижение числа детей школьного возраста, после чего уже начнется их прирост.

Преподавая в начале 1925 г. свои указания местам по построению проектов всеобщего обучения [1], Наркомпрос предлагал основываться в них на данных переписи 1920 г., произведя соответствующую передвижку возрастов с поправками на дожитие по таблицам смертности Новосельского, относящимся к 1896—1897 гг. и опубликованным в 1916 г.,—за неимением более поздних работ в этой области. Здесь, однако, встретилось одно весьма существенное затруднение: так как с момента переписи прошло уже к тому времени четыре года, то передвижка младших возрастных групп на основе переписи 1920 г. могла быть произведена лишь для периода с 1924/25 по 1928/29 г. Возник вопрос о том, как исчислять детские контингенты школьного возраста на дальнейшие годы, вплоть до 1933/34 учебного года, намеченного конечным годом осуществления всеобщего обучения.

Центральной сетевой комиссией Наркомпроса выход из затруднения был найден в гипотезе о возрастании с 1929/30 г. численности детей школьного возраста в пропорции, обратной уменьшению числа детей в период с 1924/25 по 1928/29 г. Само собою разумеется, что этот способ являлся весьма грубым и пригодным лишь для первоначальных ориентировочных расчетов.

В чистом своем виде описанный метод был применен лишь в составленном в 1924/25 г. Наркомпросом, совместно с Госпланом СССР [2], предварительном ориентировочном финансовом плане введения всеобщего обучения. Что же касается сводного общереспубликанского плана, составленного в 1927 г. Наркомпросом на основе местных планов, то сопоставление его с первым показывает довольно значительные расхождения, объясняющиеся тем, что на местах были сделаны попытки определения численности детей всякими иными методами, вплоть до производства в некоторых местностях специальных переписей детского населения.

Произведенная в 1926 г. всесоюзная демографическая перепись дает возможность уточнить эти расчеты. Данные переписи еще не вполне разработаны, но и по тем коэффициентам, которые сейчас уже имеются, можно сделать заключение, что численность детских контингентов по сводному плану 1927 г. стоит ближе к действительности, нежели расчеты 1924/25 гг.

Из других моментов перспективных плановых расчетов остановимся здесь вкратце, за недостатком места, лишь на двух, наиболее существенных: на нормах текущего содержания развертываемой школьной сети и на школьном строительстве.

В отношении норм содержания наибольшие трудности для расчетов представляет вопрос о темпе роста учительской зарплаты, составляющей свыше 80% всех расходов по школам I ступени. Отсутствие какой-либо, хотя бы самой приблизительной наметки темпа роста зарплаты поставило места в очень затруднительное положение, и их прогнозы в этом отношении оказались весьма различными. В общем же из рассмотрения большинства местных планов получается вывод о значительной связанности мест в данном вопросе, несомненно обусловливавшейся неясностью финансовой стороны проблемы и опасениями за реальность плановых расчетов. В этой части плановые расчеты потребуют своего уточнения в направлении достижения известной взаимной согласованности динамики норм по отдельным административно территориальным единицам.

Что касается школьного строительства, являющегося самым больным местом проблемы всеобщего обучения и в то же время самой дорогой ее частью, то в этом отношении, помимо пестроты строительных норм по различным районам, местные планы показали крайне неодинаковый подход к вопросу о сроке осуществления школьно-строительной программы в зависимости опять-таки от финансовых соображений. Здесь Наркомпросу при сводке местных планов пришлось применить пере-

[1] См. „Подготовительные работы по введению всеобщего школьного обучения в РСФСР", вып., изд. НКПроса, М., 1925 г.

[2] Госплан РСФСР был образован позднее.

разверстку общих итогов школьно-строительных программ между периодами до и после 1933/34 г., в результате чего им было намечено к выполнению на 1927/28—1933/34 гг. и включено в сводный план около половины всей потребной на новое школьное строительство и на капитальный ремонт суммы (47,4%).

Теперь приведем главнейшие цифры расчетов по введению в РСФСР всеобщего обязательного начального обучения, как они выразились в сводном плане Наркомпроса, и сделаем по поводу их некоторые необходимые пояснения.

Развертывание сети начальных школ, выраженное в ежегодном приросте числа учащихся, намечено по перспективному плану для территории РСФСР со включением автономных республик [1] в следующих цифрах:

	По РСФСР в целом	То же — без Московской и Ленингр. губерн.
На 1927/28 г. . .	2,9	3,1
„ 1928/29 г. . .	7,1	7,4
„ 1929/30 г. . .	5,6	5,7
„ 1930/31 г. . .	7,5	7,6
„ 1931/32 г. . .	7,9	7,8
„ 1932/33 г. . .	9.8	10,0
„ 1933/34 г. . .	10,5	10,8

Если мы сопоставим намеченный темп развертывания школьной сети с тем, какой по приводившимся нами выше данным фактически имеет место за последние три года (в 1924/25 г.—12,4%, в 1925/26 г.—7,8% и в 1926/27 г.—4,6%), то увидим, что на 1927/28 г. план продолжает понижательную тенденцию этих лет, для дальнейших же лет намечает все усиливающееся повышение процента прироста числа учащихся.

Несомненно, что на наметку темпа развертывания сети в данном случае оказали свое влияние как, вопервых, имеющее сейчас место понижение численности детских контингентов, благодаря которому по целому ряду районов наполнение существующей сети учащимися весьма ослабляется и возможности быстрого расширения сети уменьшаются, так, вовторых, и ожидаемый в последние годы планового периода весьма интенсивный прирост детских контингентов, совпадающий с периодом введения обязательности обучения, втечение которого и без того потребуется большое число дополнительных школьных мест.

Таким образом выясняется, что осуществление всеобщего обучения к 1933/34 г. сопряжено с необходимостью приостановить с ближайшего же учебного года наблюдающееся сейчас падение темпа роста числа учащихся и перейти к весьма значительному усилению развертывания школьной сети. Это, несомненно, сулит нам большие трудности—и план Наркомпроса их подчеркивает—как в отношении обеспечения расширения сети необходимым количеством достаточно подготовленных учителей, так, в особенности, и в финансовом отношении.

Детальный расчет подготовки педперсонала для нужд всеобщего обучения пока еще не разработан, но уже первоначальный ориентировочный подсчет, данный в плане,—в полном соответствии с общеизвестными фактами недокомплекта и огромного отсева учащихся и оканчивающих курс педтехникумов и педуклонов,—говорит, что перспективы в этом отношении далеко не блестящи и возможно, что осуществление проблемы во многих местах столкнется с острым недостатком в учителях,

[1]) Как было выше упомянуто, местные планы поступили в Наркомпрос не по всем административно-территориальным единицам (по 42 из общего числа 51). Ввиду этого сводные цифры по 42 административно-территориальным единицам были соответственно увеличены.

ощущаемым, кстати сказать, в некоторых районах (Сибирь, Дагестан) уже и в настоящее время.

Средний размер школьного комплекса, колеблющийся в настоящее время по данным за 1926/27 г., от 25 человек—по Калмыцкой автономной области—до 54 человек—по Тамбовской губернии—и совпадающий для РСФСР в целом с нормой в 40 человек,—местными планами намечено постепенно выравнять и привести к величине, не превышающей эту норму, что в перспективе по РСФСР в целом дает снижение этой средней до 39, а затем—даже до 38 человек. Однако недостаток в педперсонале и в средствах легко может опрокинуть эти расчеты и повести к сохранению высокой нагрузки учителя там, где она высока и сейчас, или к повышению ее там, где сейчас она ниже нормальной,—с этой опасностью придется особенно столкнуться в годы интенсивного прироста детей, совпадающие, как уже упоминалось, с намеченным периодом осуществления обязательности обучения.

В соответствии с намеченным по плану развертыванием школьной сети запроектировано для РСФСР в целом следующее повышение процента обеспеченности детского населения школьными местами при расчете на полную четырехлетнюю посещаемость школы (для 1926/27 г. этот процент равен 67,0):

На 1927/28 г. . . . до 72,5%
„ 1928/29 г. . . . „ 81,4%
„ 1929/30 г. . . . „ 84,9%
„ 1930/31 г. . . . „ 88,6%
„ 1931/32 г. . . . „ 91,5%
„ 1932/33 г. . . . „ 94,2%
„ 1933/34 г. . . . „ 97,2%

То обстоятельство, что к 1933/34 г. процент обеспеченности не достигает полных 100%, объясняется более поздними сроками осуществления полного обязательного обучения, намеченными некоторыми местными планами (например по Дагестанской АССР). Следует, однако, заметить, что стопроцентный охват детей школой можно мыслить только условно, так как в общей массе детей школьного возраста всегда будет некоторый процент дефективных и хронически больных, не могущих посещать школу.

Общий размер средств, необходимых на ближайшие семь лет—с 1927/28 по 1933/34 г.—на расходы, связанные со введением всеобщего обязательного начального обучения, не считая подготовки педперсонала, проходящей по особому разделу бюджета, исчислен по плану в следующих цифрах (в тысячах рублей):

Годы	Для РСФСР в целом	То же — без Московской и Ленингр. губерний
1927/28	243 213	211 258
1928/29	284 909	248 205
1929/30	328 983	286 867
1930/31	383 965	333 891
1931/32	437 315	381 459
1932/33	503 525	442 266
1933/34	576 580	509 862
Итого	2 758 492	2 413 812

Кроме того свыше 600 млн. руб. расходов по школьному строительству,—что составляет свыше 50% всей исчисленной на этот предмет суммы,—намечено по плану отложить исполнением на период после 1933/34 г.

Наибольшую долю приведенных сумм составляют расходы по текущему со-

держанию и оборудованию школьной сети—около 77—78%, остальные 22—23% падают на капитальный ремонт и строительство новых школьных зданий.

Приведенный подсчет потребных на введение всеобщего обучения средств, как уже отмечалось, является ориентировочным, но он впервые учитывает местные условия, а также дополняет и уточняет многое в первоначальных расчетах, почему и может считаться более полным и правильным, нежели грубо ориентировочный суммарный расчет, сделанный Госпланом и Центральной сетевой комиссией в 1925 г. Подсчет 1925 г. определял общую цифру потребных на введение всеобщего обучения средств за семилетний период с 1927/28 по 1933/34 г. для РСФСР без Московской и Ленинградской губерний (за вычетом подготовки педперсонала) в сумме 1 200 000 р. Превышение этой цифры новым подсчетом в два с лишним раза объясняется, вопервых, преуменьшенностью детских контингентов 8—11-летнего возраста в прежних исчислениях и непринятием в расчет поправки на второгодников; вовторых—быстрым увеличением с 1924/25 г. учительской зарплаты и наметившимся более или менее вероятным темпом ее дальнейшего роста; втретьих—введением в новый расчет ряда расходов, не предусмотренных в первоначальном расчете 1925 г.; вчетвертых—весьма значительным превышением по многим губерниям средней стоимости одного кубического метра постройки против средней для всей РСФСР цифры, принимавшейся в расчете 1925 г.; и, наконец, впятых—включением в новый расчет на период до 1933/34 г. значительно большего процента всей школьно-строительной программы, нежели по проекту 1925 г. (47,4% против 29,7%).

Таковы общие итоги перспективного плана 1927 г. по введению в РСФСР всеобщего обязательного начального обучения.

Следует сказать, что в органической связи с проблемой введения всеобщего начального обучения находится ряд других, смежных проблем. Таковы: вопервых, проблема обучения переростков, остающихся вне начальной школы, и, вовторых—проблема развития сети повышенных школ. Кроме того, в деле введения всеобщего начального обучения имеет чрезвычайно существенное значение вопрос о предоставлении детям нацменьшинств возможности получать обучение на родном языке.

Все эти вопросы требуют специальной разработки, к которой Наркомпрос уже и приступил.

Не имея, однако, возможности останавливаться здесь на указанных вопросах, перейдем к рассмотрению того, какими примерно средствами мы будем располагать втечение ближайших лет на покрытие расходов, исчисленных по плану введения всеобщего начального обучения.

VIII. ФИНАНСОВАЯ СТОРОНА ПРОБЛЕМЫ.

Сеть начальных школ содержится в РСФСР за счет местного бюджета, и он должен поэтому являться основным источником покрытия необходимых на всеобщее обучение средств. Возможный на период 1927/28—1933/34 гг. темп роста местного бюджета, рост удельного веса в нем расходов на народное образование в целом и рост доли начального образования в этих расходах, а отсюда—и обсолютная величина ожидаемых ассигнований по местному бюджету на начальное обучение по перспективному плану Наркомпроса ориентировочно намечаются для РСФСР в целом в следующих цифрах (см. верхнюю таблицу на стр. 41).

Сопоставляя итог последней графы с размером исчисленной по плану потребности, получаем первый, надо признать—не очень утешительный вывод, что основной источник средств на введение всеобщего обучения сможет покрыть менее двух третей (63,6%) нужной суммы (а без Московской и Ленинградской губерний—60,4%). Приэтом если произвести расчет по годам, то обнаруживается, что процент покрытия из года в год неуклонно падает; это означает, что темп роста потребности все время будет обгонять темп роста возможных ассигнований из местного бюджета на ее покрытие.

ГОДЫ	Процент роста всего местного бюджета	Удельный вес народного образования в местном бюджете	Доля начального образования в расходах на народное образование вообще	Сумма ассигнований из местного бюджета на начальное образование (в тыс. руб.)
1927/28	11,5	25,9	49,0	168 707
1928/29	11,3	26,3	50,8	197 083
1929/30	9,0	26,6	51,8	221 956
1930/31	8,3	26,8	53,1	248 031
1931/32	8,2	26,9	54,3	276 353
1932/33	8,1	27,2	55,0	305 448
1933/34	8,0	27,3	56,0	337 594
Итого	9,2	26,8	53,3	1 755 172
То же—без Московской и Ленинградской губ.	8,3	32,4	53,0	1 457 662

Учитывая же все другие, имеющиеся в настоящее время источники средств на начальное обучение (участие самого населения и различных организаций, целевой сбор на просвещение на транспорте, субвенцию, прямые ассигнования по смете Наркомпроса и кредиты из школьно-строительных фондов), план дает в итоге следующую картину покрытия потребных расходов (не считая подготовки педперсонала):

Годы	По РСФСР в целом [1]			То же — без Московской и Ленинградской губерний		
	Процент покрытия	Дефицит		Процент покрытия	Дефицит	
		В процентах	В тыс. руб.		В процентах	В тыс. руб.
1927/28	91,8	8,2	20 000	90,5	9,5	20 000
1928/29	91,1	8,9	25 300	90,0	10,0	25 000
1929/30	89,1	10,9	35 800	87,9	12,1	34 800
1930/31	85,6	14,4	55 300	84,0	16,0	53 200
1931/32	83,6	16,4	71 600	82,2	17,8	67 800
1932/33	80,3	19,7	99 300	78,8	21,2	94 000
1933/34	77,3	22,7	130 800	75,8	24,2	123 700
Итого	84,1	15,9	438 100	82,7	17,3	418 500

Отсюда видно, что даже при намеченном в плане отнесении свыше 50% школьно-строительной программы на период после 1933/34 г. современные источники средств на начальное обучение смогут покрыть примерно лишь 84% расходов, необходимых на введение всеобщего обучения до 1933/34 г.; остальные 16%, что составляет свыше 400 млн. руб.,—являются дефицитом.

Следует еще отметить, что план не доучитывает амортизацию вновь возводимых зданий, а также дополнительные расходы, вызываемые особенностями введения всеобщего обучения среди национальных меньшинств. Поэтому и в связи с некоторой

[1] Без школьного строительства по городам Москве и Ленинграду.

недостаточностью намеченного темпа роста учительской зарплаты более правильным будет считать дефицит за семь лет в сумме около 500 млн. руб.

Анализ бюджетно-экономических и культурных показателей по отдельным губерниям, областям и автономным республикам РСФСР дает основания к выводу, что только несколько наиболее передовых и в то же время наиболее мощных по своему финансово-экономическому положению единиц смогут обойтись в деле введения всеобщего начального обучения без помощи со стороны государства. Таковы губернии: Владимирская, Иваново-вознесенская, Ярославская и автономная область Коми. Сюда же должны быть отнесены и губернии Московская и Ленинградская.

Все остальные административно-территориальные единицы РСФСР могут осуществить намеченные планы по введению не позже 1933/34 г. всеобщего обязательного начального обучения на указанных в декрете 31 августа 1925 г. основаниях лишь при той или иной поддержке со стороны госбюджета.

Наибольшие же трудности в данной области предстоят для административных единиц с низкими показателями их финансового положения, главным образом—для культурно отсталых. Сюда относится ряд автономных республик: Казакская, Киргизская, Башкирская, Татарская, Чувашская и Дагестанская и губернии: Вятская, Ульяновская, Тамбовская, Воронежская, Псковская, Пензенская, Самарская, Орловская, Курская, Рязанская, Вологодская и Сибирь.

Таким образом, общая картина рисуется в довольно мрачных красках. Какие бы «уточнения» ни были в дальнейшем внесены в план, они не смогут поколебать основного вывода о неизбежности дефицита при существующих источниках финансирования начального обучения и о необходимости изыскания добавочных средств.

В специальной докладной записке Наркомпрос ставит этот вопрос перед правительством РСФСР, предлагая установить такую систему финансирования дела всеобщего обучения, которая обеспечивала бы успешное осуществление проблемы в предуказанный декретом 31 августа 1925 г. срок. В целях покрытия дефицита Наркомпрос считает необходимым усилить помощь местам на введение всеобщего обучения из общефедеративных средств, а также—ввиду общесоюзного значения проблемы—привлечь и средства общесоюзного бюджета в виде учреждения особого всесоюзного школьно-строительного фонда.

За последние два года вопрос о введении всеобщего обучения неоднократно был предметом обсуждения наших высших законодательных и партийных органов (3-й сессии ВЦИК двенадцатого созыва, XIII Всесоюзного съезда советов, юбилейной сессии ЦИК СССР, VI пленума ЦКК, XV Партийного съезда и т. д.). Все вынесенные по этому вопросу резолюции неизменно говорят о необходимости скорейшего осуществления всеобщего обучения, а большинство—также и об усилении отпуска необходимых для этого ассигнований из средств бюджета.

Однако госбюджеты 1926/27 и текущего 1927/28 гг. не отразили в себе этих директив, что неизбежно скажется увеличением трудностей в деле введения всеобщего обучения для последующих лет. При краткости остающегося до 1933/34 г. срока такое положение вещей не может не внушать самых серьезных опасений за возможность его соблюдения для большей части территории РСФСР.

Проблема введения всеобщего обучения стоит перед нами во весь свой рост, и, может быть, никогда еще со времени падения крепостной зависимости противоречие между потребностями общественно-экономического развития страны и ее культурной отсталостью не ощущалось с такой остротой, как теперь, в эпоху падения капитализма и перехода к строительству социализма.

ВЫВОДЫ.

Главнейшие общие выводы, к которым приводит анализ условий развития начального образования в РСФСР, бюджета его, развития и современного состояния школьной сети и, наконец, данных местных и сводного общереспубликанского перспективных планов введения всеобщего обучения—заключаются в следующем.

1. Развитие начального образования в стране за последние годы, после периода разрухи, шло настолько быстрым темпом, что по числу учащихся довоенный уровень уже далеко остался позади, и теперь скорейшее введение всеобщего обязательного начального обучения, в связи с потребностями социалистического строительства стало одной из важнейших неотложных задач, стоящих перед населением и органами советской власти.

2. Втечение двух-трех ближайших лет в городах и в фабрично-заводских поселках большей части РСФСР уже возможно и целесообразно приступить к осуществлению обязательности начального обучения.

3. Крайнее разнообразие местных хозяйственно-экономических, географических, национальных и бытовых условий на территории РСФСР и входящих в ее состав автономных республик в ряде случаев создает особые трудности для скорейшего осуществления означенной задачи. Учитывая эти особые условия и затруднения, необходимо при сохранении в качестве общей ориентировки установленных норм построения планов введения всеобщего обучения допускать для отдельных районов федерации и некоторые неизбежные отступления от этих норм.

4. Основной источник средств на начальное обучение—местный бюджет—в общем сможет покрыть за плановый период (с 1927/28 по 1933/34 г.) примерно всего лишь около 60% потребных затрат; в силу этого общереспубликанский план, при данных источниках финансирования начального обучения, неизбежно является дефицитным.

5. Дефицитность плана ставит дилемму: или пересмотреть установленные декретом 31 августа 1925 г. основы разрешения задачи всеобщего обучения в направлении, дающем возможность значительного снижения предстоящих затрат, или изыскать новые источники средств для покрытия дефицита. Интересы социалистического строительства не допускают изменения основ декрета 31 августа 1925 г., а всесоюзное значение проблемы всеобщего обучения подсказывает, что было бы естественным и целесообразным привлечь к расходам на ее осуществление также и средства общесоюзного бюджета.

6. В целях максимального увеличения средств на дело всеобщего обучения необходимо также самым широким образом использовать возможность привлечения к этому делу натуральной и денежной помощи со стороны самого местного населения в порядке декрета о самообложении на хозяйственные и культурные нужды деревни.

7. Одним из важнейших условий действительного достижения общедоступности обучения и успешного перехода ко введению его обязательности является организация вспомогательных мероприятий по оказанию помощи детям деревенской и городской бедноты в деле поступления в начальную школу и аккуратного ее посещения, как то: снабжения их учебными пособиями, одеждой, обувью, подвоза в школу учащихся из отдаленных от школы селений, организации общежитий в районах с мелкими разбросанными селениями и т. п.

8. В целях усиления подготовки новых кадров учащих и полного использования на школьной работе всех окончивших курс школьных отделений педтехникумов и школьных педуклонов необходимо расширение сети этих учебных заведений вести более ускоренным темпом, улучшая стипендиальное обеспечение учащихся педтехникумов, и обратить особенное внимание на проведение и дальнейшее развитие мероприятий по улучшению положения учительского персонала школ I ступени.

9. Успешное разрешение задачи введения всеобщего обязательного обучения мыслимо и возможно лишь при самой активной поддержке передовой части рабочих и

крестьянских масс и при широчайшем содействии партии, советской общественности, учительства, печати и соответствующих центральных и местных органов советской власти. Необходимо преодолеть наблюдающийся кое-где скептицизм в этом отношении и добиться решительного перелома в направлении всемерного идейного и материального содействия возможно полному осуществлению стоящей перед страной задачи в намеченный декретом 31 августа 1925 г. срок.

П. ГРИГОРЬЕВ.

Приложение

ПЕРСПЕКТИВНЫЕ ПЛАНЫ ВВЕДЕНИЯ ВСЕОБЩЕГО НАЧАЛЬНОГО ОБУЧЕНИЯ.

План, разработанный Комиссией по народному образованию II Государствен. думы в 1910 г. для территории бывшей Российской империи.

Годы	Общее число детей 8—11 лет (в тысячах)	Развертывание школьной сети: Общие число учащихся	Прирост к предыдущему году: В тысяч. человек	Прирост к предыдущему году: В процентах	Процент обеспеченности детей начальным обучением	Потребно средств (в тыс. руб.): На текущее содержание сети	На постройку и оборудование школ	На подготовку педперсонала (дополнительно)	Итого
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1910 .	13 852	6 115,5	859,6	16,3	44,2	28 100	14 571	520	43 191
1911 .	13 852	6 975,1	859,6	14,1	50,4	42 343	17 000	1 040	60 383
1912 .	13 852	7 834,7	859,6	12,3	56,6	56 586	19 428	1 560	77 574
1913 .	13 852	8 694,3	859,6	11,0	62,8	70 829	21 857	2 080	94 766
1914 .	13 852	9 553,9	859,6	9,9	69,0	85 072	24 285	2 600	111 957
1915 .	13 852	10 413,5	859,6	9,0	75,2	99 315	26 714	3 120	129 149
1916 .	13 852	11 273,1	859,6	8,3	81,4	113 558	29 142	3 640	146 340
1917 .	13 852	12 132,7	859,6	7,6	87,6	127 801	31 571	4 160	163 532
1918 .	13 852	12 992,3	859,5	7,1	93,8	142 043	33 999	4 680	180 722
1919 .	13 852	13 851,8	859,5	6,6	100	156 285	36 428	5 200	197 913
Итого .	—	—	8 595,8	—	—	921 932	254 995	28 600	1 205 527

Пояснения:

1. Эта табличка сконструирована на основе данных минимального варианта (360 руб. учителю и 30 руб. «законоучителю» на комплект в 50 человек учащихся). См. «Приложение к стенографическим отчетам Гос. думы третьего созыва 4-й сессии 1910 г.», том I.

2. Ежегодный прирост детей школьного возраста и надбавка на второгодников комиссией в расчет не принимались.

3. Процент обеспеченности представляет здесь отношение графы 3-й к графе 2-й.

4. Сверх указанной в графе 8 суммы в 254 995 тыс. руб., комиссией откладывалось на пятилетие с 1920 г. по 1924 г. еще 183 393 тыс. руб. расходов на школьное строительство.

5. По графе 9 показаны только «дополнительные» ассигнования к уже отпускавшимся, а сколько отпускалось—не указано.

6. Сверх 1 205 527 тыс. руб. на период 1910—1919 гг. комиссией было исчислено еще 14 912 тыс. руб. на расширение инспекции народных училищ.

II. План, разработанный в 1924/25 г. Центральной сетевой комиссией и Госпланом СССР для территории РСФСР (включая автономные республики, но без Московской и Ленинградской губерний)

Годы	Общее число детей 8—11 лет (в тысячах)	Развертывание школьной сети: Общие число учащихся (в тысячах)	Прирост к предыдущему году: В тысячах человек	Прирост к предыдущему году: В процентах	Процент обеспечен. детей начальным обучением	Потребно средств (в тыс. руб.): На текущее содержание сети	На оборудование новых комплектов	На школьное строительство	На подготовку педперсонала	Итого
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
1924/25	9 251	4 624	—	—	50	60 100	—	—	5 200	65 300
1925/26	8 247	4 704	80	1,7	57	65 800	600	9 500	11 200	87 100
1926/27	7 759	4 812	108	2,3	62	72 200	800	18 100	13 300	104 400
1927/28	6 931	4 992	180	3,7	72	79 800	1 400	22 200	14 000	117 400
1928/29	6 508	5 336	344	6,9	82	90 700	2 600	21 700	16 100	135 100
1929/30	6 508	5 792	456	8,5	89	104 300	3 400	28 000	18 900	154 600
1930/31	6 931	6 584	792	13,7	95	125 100	5 900	33 400	20 900	185 300
1931/32	7 759	7 604	1 020	15,5	98	152 100	7 700	45 500	23 100	228 400
1932/33	8 247	8 168	564	7,4	99	163 400	4 200	52 100	26 100	245 800
1933/34	9 251	9 252	1 084	13,3	100	185 000	8 100	59 400	21 400	273 900
Итого. .	—	—	4 628	—	—	1 098 500	34 700	293 900	170 200	1 597 300

Пояснения:

1. Эта табличка сконструирована на основании плана, напечатанного в журнале «Плановое хозяйство» за 1925 г., № 8.

2. Процент обеспеченности представляет отношение графы 3 к графе 2.

3. Кроме указанной в графе 9 суммы в 293 900 тыс. руб. исчислено на школьное строительство еще 695 648 тыс. руб., которые по плану откладывались на период после 1933/34 г.

4. Комплект учащихся на одного учащего принят в 40 человек, месячная ставка одного учащего—в 30 руб.

III. План, составленный в 1927 г. Наркомпросом, на основе местных планов, для территории РСФСР (включая автономные республики, но без Московской и Ленинградской губерний).

ГОДЫ	Общее число детей 8—11 лет (в тысячах)	Процент охвата детей второгодников и переростков	Общее число потребных школьных мест (в тысячах)	Развертывание школьной сети: Общее число учащихся (в тысячах)	Прирост к предыдущему году: В тысячах детях	Прирост к предыдущему году: В процентах	Процент обеспеченности детей школьным обучением	Потребно средств (в тыс. руб.): На текущее содержание сети и вспомогательные мероприятия	На оборудование и дооборудование	На школьное строительство	На подготовку педперсонала	Итого
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
1927/28	7 361	14,8	8 642	6 145	186	3,1	71,1	144 185	4 981	62 093	14 469	225 728
1928/29	7 107	13,4	8 210	6 598	453	7,4	80,4	176 693	4 904	66 608	20 062	268 267
1929/30	7 240	12,6	8 280	6 973	375	5,7	84,2	210 765	4 979	71 124	26 497	313 365
1930/31	7 566	11,2	8 526	7 506	533	7,6	88,0	250 566	5 427	77 898	37 534	371 425
1931/32	8 038	9,6	8 890	8 095	589	7,8	90,9	290 417	5 806	85 236	41 886	423 345
1932/33	8 749	7,7	9 482	8 903	808	10,0	93,9	339 336	7 534	95 397	44 018	485 285
1933/34	9 527	6,2	10 158	9 862	959	10,8	97,1	395 190	8 551	106 122	44 783	554 646
Итого . .	—	—	—	—	3 903	—	—	1 807 152	42 182	564 478	229 249	2 643 061

Пояснения.

1. Эта табличка сконструирована по данным, помещенным на стр. 68, 137, 138 и 139 „Сводного ориентировочного перспективного плана введения всеобщего начального обучения в РСФСР", изд. Наркомпроса РСФСР, М.—Л., 1928 г.
2. В плане Наркомпроса имеются данные и для всей территории РСФСР в целом, но здесь приведены цифры, за вычетом Московской и Ленинградской губерний, для получения возможности сопоставлений с предыдущей табличкой (II).
3. Указанный в графе 3 процент надбавки исчислен не по отношению к графе 2, а по отношению к графе 4, принимаемой за 100.
4. Указанный в графе 8 процент обеспеченности понимается как процент обеспеченности школьными местами и представляет собою отношение графы 5 к графе 4. То обстоятельство, что в 1933/34 г. процент обеспеченности не достигает 100, объясняется тем, что по некоторым административным единицам достижение полного всеобщего обязательного обучения намечено не к 1933/34 г., а к более поздним срокам.
5. Кроме указанной в графе 11 суммы в 564 478 тыс. руб. на школьное строительство потребно еще 626 404 тыс. руб., которые отнесены по плану на период после 1933/34 г.
6. Нормальный комплект учащихся на одного учащего принят в 40 человек, месячная ставка учителя по III поясу по отдельным административным единицам возрастает от 37—47 руб. в 1927/28 г. до 45—85 руб. в 1933/34 г.

Всеобщее обучение среди нацмен[1].

«Царское и буржуазно-помещичье правительства искусственно задерживали культурный рост национальных меньшинств. Задача советской власти—всемерно содействовать возможно быстрому устранению создавшегося резкого расхождения в культурном уровне различных народов, населяющих РСФСР».

(Из постановлений 3-й сессии ВЦИК XII созыва.)

* * *

Самым трудным и в силу этого самым отсталым участком в деле введения всеобщего обучения является работа среди множества нацмен, населяющих РСФСР. В чем основные трудности здесь?

Во-первых, в том громадном количестве национальных особенностей (бытовых, хозяйственных, культурных и т. д.), которые должны быть во всей полноте учтены в работах по введению всеобщего обучения. От знойных, южных степей—до малообитаемых северных тундр, от полной безграмотности и темноты—до высокой, западноевропейской культуры, от патриархального уклада хозяйствования с первобытными орудиями—до высокой техники,—таковы глубокие различия обслуживаемых нами национальностей. И не может быть для всех этих национальностей общего подхода в строительстве школы, не может быть общего плана по введению всеобщего обучения среди нацмен. Только полно учитывая все особенности каждой национальности в отдельности и строго с ними сообразуясь, необходимо строить реальный план по введению всеобщего обучения. Такая работа нами еще далеко не проделана.

Во-вторых, в тех тяжелых наследиях, которые национальные меньшинства в РСФСР получили от старого царского самодержавия. Низкая грамотность, граничащая среди некоторых национальностей с полной безграмотностью, при отсутствии даже письменности; чрезвычайно тонкая прослойка культурно-подготовленных работников; полное отсутствие или, в лучшем случае, очень ограниченное количество национальной литературы и учебника в частности; неразвитая национальная культура, по преимуществу миссионерская (религиозная) школа,—вот что получили нацменьшинства в итоге «просветительной» работы и руссификаторской политики старого правительства. Нет национального учителя, нет национального учебника! На руинах старых, сгнивших развалин, а часто совершенно заново строится молодая, советская, национальная школа. Отсутствие учителя, учебника, школьного здания старой школы и т. д.—все это величайшие трудности, без преодоления которых немыслимо введение всеобщего обучения среди нацмен.

Правительство декретировало введение всеобщего обучения к 1933/34 учебному году, в том числе и для нацмен. Наркомпрос вплотную подошел к делу широкого развертывания необходимых мероприятий в этой области. Национальный участок со всеми переплетами своих трудностей выдвинулся, как самый актуальный.

Главсоцвос и Центросовнацмен решили провести целый ряд специальных мероприятий, направленных на разрешение этих трудностей, как, например, созыв специального всероссийского совещания по всеобщему обучению среди нацмен, постановка этого вопроса на ряде других совещаний, создание специальной комиссии по разработке плана среди нацмен и т. д.

---

[1] В несколько ином виде эта же статья помещена в сборнике «Просвещения нацмен в РСФСР» (выходит из печати).

второгодников, или берется так, как она есть,—смотря по тому, имеется ли в виду получить среднюю фактическую продолжительность курса, или же среднюю фактическую продолжительность пребывания учащихся в школе.

Такой метод, как не трудно заметить, дает возможность проследить прохождение детей, поступивших в школу, через все дальнейшие группы (исчисление по диагонали вместо горизонтали). Если по тем или иным причинам число детей, поступивших в I группу, уменьшилось или увеличилось, то это найдет свое соответственное отражение в численности тех же самых детей в более старших группах за последующий ряд лет. Следовательно, этот метод дает в результате вычисления показатели, не искаженные действием резкого снижения или увеличения числа детей, поступающих в школу.

Наиболее же точным методом все же будет исчисление показателей на основе поименных (хотя бы выборочных) данных о продолжительности пребывания в школе каждого учащегося. Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 5 сентября 1927 г. о введении для всех начальных школ РСФСР минимальной первичной регистрации дает возможность применить такой метод, по крайней мере по РСФСР. Устанавливаемый названным постановлением минимум первичных школьных записей состоит: а) из книги приема и ежегодной записи движения учащихся и б) из журнала посещаемости по отдельным группам, с записями причин отсутствия и выбывания учащихся. Этих данных для наших целей будет совершенно достаточно.

Мы попытались в этой работе показать существующие методы исчисления взятых нами двух основных показателей начального образования, оценить их пригодность и привести некоторые новые варианты их.

Весь этот материал, как нам кажется, с достаточной ясностью говорит о том, насколько необходимы дальнейшая разработка и установление определенных методов исчисления показателей начального образования. Большое количество этих необходимых показателей (в том числе и бюджетных) требует значительного времени и сил для их проработки. Надо думать, что начинающаяся в данном направлении работа Наркомпроса РСФСР, совместно с ЦСУ СССР, подвинет это дело вперед и приведет к созыву специального методологического совещания, которое сделает отбор показателей и установит определенные методы их исчисления.

П. ГРИГОРЬЕВ.

Планирование школьной работы

О значении плановости вообще в работе советских учреждений и организаций в настоящее время не приходится много говорить. За десять лет революции, строительства социализма все мы уже достаточно свыклись с мыслью о том, что никакое дело не может быть осуществлено без плана, никакое учреждение без него не может нормально работать. План является основным моментом рационализации производства и его условием. План должен предусматривать реальную обстановку и условия работы на данное время того или иного учреждения, намечать пути осуществления в этой обстановке поставленных учреждением общих задач, быть конкретным и детальным, учитывая средства и силы, намечая те или иные конкретные мероприятия и их систему. Чем более он конкретен и детален, тем легче его исполнить и учесть его исполнение.

Однако с плановой работой наших школьных учреждений дело до сих пор обстоит еще очень неважно. Самая мысль об этой плановости в школьной работе получила широкое распространение лишь совсем недавно. До сего времени наше учительство в большинстве своем еще плохо и неясно представляет себе смысл и значение этой плановости, недостаточно понимает, д л я ч е г о именно нужны планы школьной работы, ч т о они должны заключать в себе, и не знает, как надо составлять их.

Поэтому на местах, в массовых школах мы наблюдаем большую пестроту, разнообразие и неопределенность в этом отношении. Большое количество школ до сих пор еще обходится вовсе без всяких планов. Другие имеют только триместровые комплексные планы. Третьи пытаются составлять лишь годовые производственные планы. Четвертые имеют календарные планы на ближайшее время (несколько дней). Пятые, наконец, разрабатывают несколько видов планов, общее количество которых в отдельных случаях достигает пяти-шести. Таким образом, мы видим здесь колебания от нуля (полного отсутствия всяких плановых моментов) до определенной перегрузки школ чрезмерно большим количеством разнообразных форм и способов планирования.

Очевидно, нужно уточнить этот вопрос, надо установить, какие виды планов д е й с т в и т е л ь н о н е о б х о д и м ы рядовому учителю и рядовой школе, а также, что должно содержаться в этих планах и как надо их составлять и разрабатывать. На все эти вопросы я и хочу ответить в настоящей статье.

Однако прежде необходимо будет несколько остановиться на самом значении планирования работы школы.

Если мы вспомним прежнюю, царскую школу, то увидим, что для нее эти вопросы почти не существовали. Задача ее была проста: нужно было «пройти программу» с учащимися, заставив их усвоить все те знания и навыки, которые полагаются. Поэтому план заключался в том, что учитель механически разбивал свой «курс» на куски, рассчитывая только время, втечение которого он мог «пройти» со своими учениками тот или другой из этих кусков, с тем, чтобы к концу года одолеть всю программу.

Привычка к такому «планированию» до сего времени сохранилась у нас, учителей, и часто педагог, держа в своих руках программу Гуса, которой он руководится и которая ведь тоже представляет собой некоторый план работы, просто иногда не понимает, для чего нужны е щ е какие-то планы, когда есть программа. И в самом деле, для чего нужны они школе?

Перед современной советской школой стоит целый ряд важнейших и чрезвычайно ответственных образовательно-воспитательных задач. Надо сказать, что мы частенько забываем о существовании этих общих задач и не умеем руководствоваться ими в своей повседневной работе. В общей формулировке эти задачи, как известно, сводятся к цели «подготовки борца за революционные завоевания и идеалы рабочего класса и строителя будущего коммунистического общества». Тут разумеются и воспитание в детях основ марксистского мировоззрения и навыков материалистического мышления, и развитие в них коллективистических и организационных навыков, и привитие навыков труда вообще и общественно-полезного труда в частности; сюда входят и задачи воспитания в учащихся активности, самодеятельности и творчества, и цель изучения реального мира, его вещей и явлений в их связи и динамике, и приобщение детей к общественной и государственной жизни, их интернациональное воспитание и прочее.

Какими путями и средствами мыслится осуществление всех этих задач нашей школой?

На этот вопрос можно ответить кратко, но достаточно четко: путем организации и з у ч е н и я детьми явлений непосредственно окружающей жизни, а также СССР и всего мира, и путем посильного у ч а с т и я в ней.

Объектом изучения в нашей школе являются не отвлеченные знания, не «учебные предметы», а реальная жизнь; эта же жизнь через организацию участия в ее явлениях служит и базой для воспитания в детях всех тех качеств и свойств, которые нам нужно в них развить.

Но жизнь нельзя изучать всю, нельзя участвовать в ней во всем. Должен быть какой-то отбор из бесконечного разнообразия ее явлений, каких-то таких явлений и их комплексов, таких «кусков жизни», изучение которых и участие в которых наиболее педагогически целесообразно. Именно этой цели первоначального общего отбора и служат комплексные программы Гуса.

Вспомним то время, когда—в 1924 году—эти программы появились впервые, когда они еще не проводились в жизнь массовой школой, а только пропагандировалась самая идея комплексности в работе школы. Тогда в качестве этих «кусков жизни», как базы для организации педагогического процесса в школе—преимущественно процесса образовательного, надо сказать—брались совершенно случайные явления, которые были в непосредственной близости и прежде всего попадались на глаза и под руку педагога. Тогда у нас в школе прорабатывались такие комплексы, как «стакан воды», «парта», «швейная машина», «колодезь» и пр.

От них пришлось очень быстро отказаться, ибо они не были такими «сгустками жизни», которые действительно вводили бы учащихся в самую гущу реальной жизни, в частности жизни трудовой и социальной, не давали возможности усвоения основных движущих пружин этой жизни, не позволяли дать необходимые знания о ней, бедны были воспитательными возможностями.

Программы Гуса внесли систему в отбор этих «кусков жизни», которые с наибольшей продуктивностью могли быть использованы школой как база для организации педагогического процесса. Мы все знаем, какие именно комплексы отобраны программами Гуса с этой целью, и об этом не стоит говорить.

Но достаточно ли этих, даваемых программами указаний для организации педагогического процесса школой на основе естественных комплексов реальной жизни? Нет, недостаточно.

Вопервых, программы дают не описание конкретных явлений жизни и их сочетаний (комплексов), как они реально существуют в жизни в той или другой местности,—ибо, рассчитанные на весь СССР, они этого, естественно, и не могут дать,—а лишь общие темы. Например, программы говорят о теме «сельское хозяйство» (в III группе). Но ведь наша школа не изучает отвлеченные темы, ей, скажем, вовсе не требуется изучать сельское хозяйство вообще; кроме того задача ее в организации изучения реальных жизненных явлений в их естественной связи, и не только изучения, а вживания в эти «куски жизни», участие в них и воздействие на них. Это же, понятно, мыслимо тогда, когда в школе фигурирует не «сельское хозяйство» вообще, а именно то сельское хозяйство, которое реально имеет место в том или другом селе, районе, округе—с его достижениями и его недостатками, с теми природными, экономическими и прочими особенностями и условиями, которые действительно существуют и определяют характер и направление его развития в той или другой части, его продукцию и пр. Одним словом, это не «тема», а комплекс реальных явлений. Кроме того в пределах той или другой общей темы, очерченной программами Гуса, совершенно неизбежны более или менее крупные изменения в зависимости от местных условий и особенностей. Хотя программы снабжены довольно подробными методическими и объяснительными записками о проработке отдельных комплексных тем, их все же, конечно, недостаточно для того, чтобы учитель, не имея никакого другого плана, мог бы правильно построить работу, правильно организовать тот процесс, который составляет сущность педагогической работы.

Так, ему необходимо разбить материал того или другого комплекса на ряд более мелких частей, нужно наметить общий ход работы над этим материалом, надо решить, как методически поставить проработку каждого отдельного момента.

Иными словами: учитель нуждается в детальном плане проработки отдельных комплексов, в конкретных методических указаниях о путях, средствах и организации этой проработки. Следовательно, помимо общих программ Гуса он нуждается в их локализации—с одной стороны, и в их детализации в смысле уточнения планов проработки отдельных комплексов—с другой. Вот эта нуждаемость нашего учителя в такого рода пособии и создает потребность школы в соответствующих видах планов школьной работы как дополнительных по отношению к основному руководству—программам Гуса.

Какого же рода планы нужны школе?

Анализ опыта массовых школ говорит о необходимости трех основных видов планов, без которых педагогическая работа учителя и школы в целом не может быть правильно построена.

Это: 1) общешкольный годовой производственный план, 2) комплексный план (план проработки отдельного комплекса) и 3) рабочий или календарный план на ближайшее время, составленный «по часам».

Остановимся на рассмотрении каждого из них в отдельности.

I. ГОДОВОЙ ОБЩЕШКОЛЬНЫЙ ПРОИЗВОДСТВЕННЫЙ ПЛАН

Основной смысл и значение годового плана работы школы состоит в том, чтобы, вопервых, наметить «куски жизни»—не в виде общих «тем», а так, как они реально существуют в данной местности, а вовторых—наметить и основные пути и направления (цели и последовательные этапы) их проработки, самого процесса вживания в них, так, чтобы в результате осуществить все поставленные в отношении образования и воспитания цели.

То есть именно в годовом плане должны найти себе место локализации программ Гуса, увязка системы программных комплексов с особенностями окружающей действительности; именно здесь должно быть установлено, на каких именно моментах в пределах соответствующих программных комплексов—в зависимости от местных особенностей и нужд—должно быть сосредоточено внимание школы и что в отношении проработки этих моментов ею должно быть сделано (в общих чертах).

Ведь для того чтобы воспитать в детях все те качества и привычки, о которых сказано выше, чтобы дать им необходимые навыки и знания о жизни общества и государства трудящихся, нужно втянуть учащихся в эту жизнь, надо изучить с ними основные недостатки этой жизни, их причины, средства их изжития, перспективы и условия их развития, и не только изучить, но и посильно воздействовать на них. А это значит, что все основные темы программ Гуса должны быть взяты для проработки с точки зрения местных общественных чужд и перспектив развития той или иной стороны местного хозяйства и жизни, принимая во внимание те задачи и планы, которые в отношении этого развития намечаются местными организациями (в области сельского хозяйства, промышленности, кустарных промыслов, кооперации, работы советских органов, просвещения, быта, здравоохранения и пр.).

Таким образом основным стержнем, центром внимания в годовом плане школы является, конечно, общее планирование педагогического процесса—планирование достижения поставленных образовательных целей на основе проработки комплексов местной жизни, намеченным согласно темам программ Гуса.

Предпосылкой этого планирования неизбежно являются учет и анализ местных особенностей, местных общественных нужд и путей их удовлетворения, т. е. характеристика окружающей школу действительности, тех самых жизненных явлений, которые должны быть впоследствии использованы для локализации программ Гуса в качестве базы учебно-воспитательной работы; иначе говоря, школе прежде всего

нужен краеведческий очерк школьного района, а с другой стороны, и параллельно с этим—характеристика самой школы, детской среды, той работы и ее результатов, которая была проделана школой раньше, анализ учебно-воспитательных средств, которыми школа располагает, ее нужд в этом отношении и пр.

В связи с этим надо сказать несколько слов о значении так называемых «локальных» (районах, окружных, губернских и пр.), программ и различных краеведческих пособий для составления годового производственного плана.

Воспитать социалиста, общественника, гражданина мы сможем лишь тогда, когда сумеем приобщить наших детей не только к узко местной, но и более широкой общественной и трудовой жизни. Плохо будет, если наши учащиеся станут судить о жизни лишь «со своей колокольни», если они будут рассматривать явления местной жизни изолированно, без перспектив, вне связи их с жизнью района, округа, государства. От этого могут создаться совсем неправильные понятия и взгляды, ряд проблем местной жизни может быть разрешен совсем неверно. Поэтому, разумеется, совершенно необходимо, чтобы та или другая школа, намечая, положим, на основе местных нужд, при проработке комплекса «сельское хозяйство в нашей деревне», особое внимание обратила на животноводство и на задачу кооперирования населения как пути улучшения продуктивности и доходности этой отрасли хозяйств, учла бы вместе с тем общие перспективы развития сельского хозяйства в данном районе и те задачи, которые в этой области выдвигаются соответствующими окружными и районными организациями, чтобы не пойти вразрез с этими директивами и вообще не ошибиться; или при проработке какой-либо темы—принять участие в пропаганде и проведении тех общих мероприятий, которые в этом отношении указываются центром (участие в кампаниях и пр.).

Вот для этого-то и необходимо, чтобы данные вопросы были проработаны в окружном и районном масштабе, чтобы основной угол зрения, под которым в той или другой местности должны рассматриваться соответствующие темы программ Гуса—стороны местной жизни, был бы дан школе окружными и районными организациями, в виде ли подробных краеведческих очерков или специальных «локальных» программ. В этих последних уже не должно быть места «сельскому хозяйству» вообще, а сельскому хозяйству именно в условиях данного округа или района.

Такого рода пособия облегчат работу отдельного учителя по дальнейшему приспособлению программ Гуса к условиям того или иного школьного района или отдельной деревни. Но помимо наметки основных комплексов и главнейших путей их проработки, хотя это и составляет основной смысл и содержание годового производственного плана, в этом последнем должен содержаться и еще ряд моментов; для того чтобы осуществить все намеченные задачи в области образования и воспитания ребят, надо спланировать и всякого рода «обслуживающую» организацию педагогического процесса, работу и отдельные части последней, выделяя особо все то, на что нужно обратить максимум внимания.

Поэтому общешкольный план должен состоять из нескольких разделов, он должен наметить основные вехи для всех сторон школьной работы и жизни. Очень важное место в нем должны занять планы работ школьных общественных организаций (школьного совета, педколлектива, комсода) и план работы с родителями, населением и организациями. С другой стороны, в нем как отдельные части должны быть выделены планы таких разделов школьной работы, как работа в области организации детской среды, самоуправления и пионердвижения, как работа в области охраны здоровья детей и физкультуры, работа в области собственного трудового воспитания (земельный участок, мастерские) и в области воспитания художественного, потому что на эти стороны часто не обращается еще в настоящее время должного внимания. Неплохо, по этим же соображениям, выделить в особый раздел и план общественной работы школы (общественно-полезного труда).

Таким образом получается следующая примерно схема производственного годового плана.

1. Характеристика природных, экономических и культурно-бытовых особенностей школьного района и выводы: на каких моментах и в каком разрезе должно быть остановлено внимание школы в смысле изучения этих особенностей и местных нужд и в смысле воздействия на них. 2. Характеристика состояния и работы школы и наметка тех особых задач в области воспитания, которые диктуются анализом особенностей данной детской среды. 3. Бюджет школы на предстоящий год. 4. Работа школьных организаций и мероприятия по ее оживлению. 5. План учебно-воспитательной работы.

1) Список комплексов и тем, а также основные пути их проработки по группам:

Название и порядок комплексов и тем	Целевые установки проработки комплексов и тем применительно к выдвинутым общим задачам	Срок их проработки	Основное содержание изучающей и общественно-полезной трудовой деятельности детей применительно к целевым установкам

2) Объем навыков и знаний по группам (изменения по сравнению с требованиями программ Гуса) и календарь их изучения. 3) План трудового воспитания. 4) План работы в области охраны здоровья детей и физкультуры. 5) То же в области художественного воспитания. 6) То же в области организации детской среды, самоуправления и связи с общественными организациями.

Понятно, что можно схему эту еще расширить, выделив из общих формулировок более частные вопросы, а возможно и сократить ее (для школ с одним учителем хотя бы за счет слияния отдельных пунктов плана учебно-воспитат. работы).

Каков же должен быть самый порядок разработки плана по этой схеме?

Прежде всего необходимо учесть особенности и нужды окружающей среды дать краткую характеристику этих особенностей в данной местности, где расположена школа: охарактеризовать общие природные условия, состав населения, его занятие, состояние сельского хозяйства, разных кустарных промыслов; его быт: санитарно-гигиеническая сторона, просветительная работа, религиозность, пьянство, отношение к женщинам и детям, отношение к политическим событиям и праздникам; местные общественные организации и их работа и т. д. На основании этой характеристики сделать выводы: отчего главным образом зависит улучшение жизни населения, какие имеются возможности этого улучшения. Выводы эти прокорректировать с точки зрения директив в этом отношении районных и окружных организаций.

На основе сделанных выводов о местных общественных нуждах и перспективах их удовлетворения, а также о предполагаемых мероприятиях в этом отношении местных общественных организаций (ознакомившись с их планами)—наметить основные задачи на данный год для школы в области изучения соответствующих явлений и вопросов местной жизни и воздействия на них согласованно с местными организациями и путем некоторого разделения труда с ними.

На основе этих заданий школа составляет план проработки программ Гуса по каждой группе, намечая список комплексов, придавая им соответствующие целевые установки (например, ознакомиться с основными нуждами нашей деревни в области сельского хозяйства, быта, благоустройства и просветительной работы и помочь населению и сельсовету в их удовлетворении—для комплекса «Деревня» в III группе), выделяя внутри этих комплексов те темы и подтемы, проработка которых позволит осуществить намеченные задания.

С другой стороны, учитывая свои материальные нужды, а также результаты своей общественной и учебно-воспитательной работы в прошлом, школа на основе этого разрабатывает и другие разделы своего годового плана.

Так, положим, ей приходится констатировать, что детская масса очень неразвита вообще и отстала в отношении навыков, в особенности в области письма в старших группах; что у ребят совсем нет общественных и организационных навыков; что около школы нет крестьянского актива; что связь с родителями недостаточна.

Отсюда соответствующие задачи в этих областях и отражение их в разделах плана: проработка вопроса о возможности организации внеклассного детского чтения и, следовательно, расширения детской библиотечки—на школьном совете и комсоде; проработка вопроса об изучении ученических ошибок и способов исправления письма учащихся—на педколлективе; особенно тщательная разработка плана организации детской среды и т. д. и т. п.

Исходя из сделанных выводов и намеченных задач, разрабатывают и все другие разделы годового плана. Необходимо отметить, что пока что составление общешкольных годовых производственных планов—дело еще очень новое для наших массовых школ, в области которого делается множество ошибок. Анализируя школьные планы, приходится останавливаться на следующих основных недостатках.

1. Отсутствие в планах анализа и учета как особенностей окружающей действительности, так и положения и состояния самой школы и ее работы. Иногда краеведческие очерки совсем отсутствуют—так же, как и обзор состояния и работы школы; иногда они есть, но из них не делается никаких выводов: перед школой на основе этого учета не ставится никаких задач, не намечается никаких путей их осуществления, в плане проработки программных комплексов эти особенности и задачи никак не отражаются. Положим, школа, характеризуя быт населения, указывает, как на самое существенное, на полное отсутствие интереса к просвещению: газеты не выписываются, грамотных мало, изба-читальня работает скверно и пр. А в дальнейшем плане работы школы этот момент не находит никакого отражения: неизвестно, намечает ли школа какое-то воздействие на это явление, собирается ли обратить на него внимание ребят, с тем чтобы проследить с ними его причины и следствия.

В плане проработки программ Гуса комплексы и темы последних обычно или вносятся без всяких изменений или с такими изменениями, которые вовсе не мотивируются местными особенностями и не обусловливаются служением местным нуждам.

2. Годовые планы разрабатываются чрезмерно обще и кратко: указывается в общих фразах, что предполагается сделать в той или другой области школьной жизни, но не намечается как. Указываются часто общие виды работ, а не конкретные мероприятия. Такой план иногда приходится рассматривать и оценивать только как формальную отписку, совершенно неспособную служить действительно руководящим пособием в годовой работе школы.

3. Годовые планы часто чрезмерно суживаются или принимают лишь вид схемы программы Гуса по годам обучения, т. е. производственный план понимается только как схематический учебный план. Или, наоборот, в годовом плане мы находим только планирование работы школьного совета педколлектива и пр., но в нем совершенно отсутствует важнейший момент: планирование самого педагогического процесса на основе программ Гуса. Это планирование достигается путем разработки комплексных триместровых планов на производственных районных конференциях, и, таким образом, комплексные планы оказываются совершенно оторванными от годовых планов, не служа осуществлению последних.

Таковы эти важнейшие недостатки. Чтобы изжить их, конечно, потребуется еще много усилий как от самого учительства, так и от ОНО.

Необходимо еще разрешить вопрос о сроках составления годовых планов. Часть учительства высказывается за составление их уже после начала занятий в школе, чтобы иметь возможность ознакомиться с учащимися. Думается, что это едва ли необходимо. Зато никаких сомнений не вызывает желательность разработки этого плана до начала занятий, чтобы уже самую подготовительную работу провести плановым образом. Поэтому надо в основном составить производственный план школы до начала работы школы (некоторые говорят даже о том, чтобы разработать этот план весною, после окончания учебного года), в отдельных же своих частях он может быть доработан и впоследствии.

ВЛАД. АРПЕТОВ.

(Продолжение следует.)

ШКОЛА И ОБОРОНА СССР

Работа школ в связи с задачами подготовки к обороне.

В настоящий момент, когда проблема участия широких масс трудящихся в подготовке нашего Союза к обороне поставлена как очередная задача в современном строительстве, естественно, что она не может не коснуться и нашей советской школы, которая является важнейшим фактором в области культурного строительства нашего Союза.

Следует иметь в виду, что в связи с переходом к территориальной системе наши постоянные (кадровые) части Красной армии доведены до минимальной численности.

Последнее обстоятельство приводит к установлению, как правило, чрезвычайно кратких сроков службы в рядах войск, что вызывает необходимость, для обеспечения интересов обороны, вносить элементы военной подготовки в общегражданскую жизнь.

В этих условиях контингенты, вступающие в ряды войск, должны обладать элементарными навыками еще до поступления на службу в войска, в рядах же последних окончательно завершать ту подготовку, начало коей следует закладывать еще во вневойсковой жизни.

М. В. Фрунзе, наметивший общие основы подготовки нашего Союза к обороне, отвел видное место в своей системе подготовки работе школы. В одной из своих статей он писал по этому вопросу нижеследующее:

«Важнейшим из условий нашей будущей победы является надлежащим образом поставленная и направленная работа наркомпросов союзных республик.

В результате этой работы армия должна получить культурно-грамотного и политически воспитанного воина-гражданина. Когда это будет достигнуто, то это на $^{9}/_{10}$ предрешит исход любого грядущего столкновения. Каждый успех в этом направлении в настоящем бесконечно облегчит всю работу во время самой войны. Ближайшая задача должна заключаться во включении в программы начальных и средних школ минимального курса военных знаний и военного воспитания. Особенно это важно в отношении к деревне, поставляющей главную массу вооруженной силы.

В настоящее время этот контингент благодаря своей малокультурности, а подчас прямой безграмотности, представляет не особенно хороший боевой материал в условиях современного боя. Эти недостатки должны быть восполнены соответствующей постановкой воспитания, начиная со школьной скамьи. Роль нашего учительства в этом отношении безмерна (курсив мой.—Г.). С небольшими дополнительными усилиями оно может принести колоссальную услугу делу обороны страны.

Не менее важной и полезной может быть роль сельского учителя в укреплении системы милиционного строительства, на которую переходит наша армия.

У военного ведомства не хватает ни сил, ни средств для организации постоянной работы с переменным составом в период между сборами. Здесь большую услугу может оказать сельская интеллигенция, и в первую голову—народный учитель, приняв участие в создании и развитии военных уголков, спортивных кружков и т. п.» (М. В. Фрунзе, На новых путях, стр. 40).

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

НАРОДНОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ

ВОПРОСЫ
ПОЛИТИКИ И
ОРГАНИЗАЦИИ
НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ

АПРЕЛЬ

№ 4

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ НАРКОМПРОСА РСФСР

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — 1928 — ЛЕНИНГРАД

Дурново А., пр. Этапы развития педологии и педагогики раннего детского возраста (в связи с обзором русской литературы за 1917—1927 гг.), М., «Охр. матер. и млад.», 1928, 28 стр., 20 к., 3 000 экз. (Госуд. научн. институт охраны матер. и млад. НКЗ).

Общий очерк развития. Работы, вышедшие из Госуд. научн. института охраны матер. и млад. Напечатанные доклады по педологии и педагогике раннего возраста на съездах по охране матер. и млад. и на съездах по дошкольному воспитанию. Журнальные статьи. Работы разных авторов. Обзор литературы содержит краткую аннотацию каждого издания.

Профвредности и профпатология педагогов. Авторы работ: д-ра М. Гран, Ф. Забугин, П. Зиновьев, Б. Коган и С. Цетлин. С предислов. и под ред. директора клиники пр. Н. Семашко. М., Наркомздрав РСФСР, 1928, 204 стр., диагр., 1 р. 75 к., 2 025 экз. (Клиника социальных и профессиональных болезней 1 МГУ.)

Цели, задачи и методология работы. Опытно-показательная школа. Профвредности педагогов. Демографический профиль педагогов. Конституция и наследственность. Антропометрия. Социально-биологический профиль. Профессионально-трудовой профиль. Хронометраж педагогов. Санитарная характеристика опытно-показательных школ. Физическое развитие и наследственность. Клинический анализ. Болезни: органов дыхания, сердца и сосудов, желудочно-кишечные, питания и обмена, верхних дыхат. путей и уха, глаз. Труд и быт педагога. Неврология и психика. Данные эксперимента. Литературные источники (91 название).

Педагогическая энциклопедия. Под. ред. А. Калашникова. При участии М. Эпштейна. Т. II, М., «Раб. просв.», 1928, 636 стр., илл., график, схем., план, 25 вкл. лист., илл., 25 000 экз.

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ.

В интересах обеспечения полноты и своевременности библиографической информации, составитель просит всех авторов и все издательства, которые выпускают книги и брошюры на русском языке, имеющие отношение к вопросам народного просвещения и издаваемые вне пределов РСФСР, доставлять их, немедленно же по выходе, по следующему адресу: Москва, 22, Б. Грузинская ул., дом 26, кв. 6 Владимиру Ивановичу Чарнолускому.

В. ЧАРНОЛУСКИЙ.

Государственное Издательство

Ответственный редактор **М. С. Эпштейн**
Зам. отв. редактора **Э. Б. Лунин**

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

ПОРТРЕТ М. ГОРЬКОГО.

VI СЪЕЗД ЗАВОНО.

В. Яковлева. К съезду 3
В. Касаткин. Основные задачи в области просвещения на предстоящее пятилетие 9
В. Лиэ. Об основных задачах просвещения нацмен. 23
М. Эпштейн. О плане введения всеобщего обучения 30
Гасилов. Всеобщее обучение среди нацмен. 33
А. Вигдоров. Об организации системы управления и руководства делом народного образования в РСФСР 38
И. Леонов. О реорганизации системы управления делом народного образования на местах 42
М. Эпштейн. Кем дожен быть инспектор трудовой школы 47
С. Т. Шацкий. Ближе к учителю 51

ЮБИЛЕЙ МАКСИМА ГОРЬКОГО.

Н. Бухарин. Чего хотим мы от Горького 57
В. Фриче. К 35-летию литературной деятельности М. Горького 59
Совнарком о М. Горьком. Приветствие Наркомпроса РСФСР М. Горькому . 62
Наркомпрос к юбилею М. Горького 63

ПЛАНИРОВАНИЕ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ.

М. Астерман. К вопросу о принципах классификации просветительных учреждений и мероприятий 64
С. Фридман. Основы перспективного плана повышения квалификации педагогов 71
М. Пистрак. Об организации процесса учебной работы 80
В. Аристов. Планирование школьной работы 86

К СОВЕЩАНИЮ РЕДАКТОРОВ ПРОСВЕЩЕНСКИХ ЖУРНАЛОВ.

М. Эпштейн. Народное образование и задачи местных педагогических журналов 93
К. Бендриков. Предоктябрьская и советская педагогическая журналистика . 96

ШКОЛА ПОВЫШЕННОГО ТИПА.

И. Векслер. О системе и типах профессионализированной средней школы общего образования 106

ФАБЗАВУЧ.

Б. Маковский. Клиентура фабзавуча 113

ИТОГИ ОКТЯБРЯ.

А. Васильев. Бюджет народного образования в СССР 120

ШКОЛА И СОВЕТСКАЯ ОБЩЕСТВЕННОСТЬ.

Н. Замков. Всеобщее обучение и советская общественность 131

К ЮБИЛЕЮ Л. Н. ТОЛСТОГО.

С. Шацкий. Немного о Толстом 136

ИСТПРОС.

В. Чарнолуский. Не пора ли вспомнить об Истпросе? 140

Стр.

ПО ПРОСВЕЩЕНСКИМ ЦЕХАМ.

А. Муравлевский. В тисках обстоятельств 145
А. Розин. Коломна 150
Б. Есипов. По татарским школам 154

ОБЗОРЫ.

Б. М. Детско-школьное кино 159
В. Тенишев. Итоги центрального снабжения школ учебными пособиями и учебниками 162

ЗА ГРАНИЦЕЙ.

П. Каган. Система народного образования Германии, Австрии и Франции . 166
Н. Ильин. О системе школьного администрирования и инструктирования в Северо-американских соединенных штатах 172

ПРОСВЕЩЕНСКАЯ ПЕЧАТЬ.

А. Иоаннисиани. „Просвещение Сибири" 179

БИБЛИОГРАФИЯ.

В. Чарнолуский. Новые книги по народному образованию 185

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

ПОСОБИЯ ДЛЯ РАБОТЫ

В ВЕСЕННЕ-ЛЕТНЕМ ТРИМЕСТРЕ И ВО ВРЕМЯ ЛЕТНИХ КАНИКУЛ

КНИГИ ДЛЯ УЧИТЕЛЕЙ

ЛЮБИТЕЛЕЙ ПРИРОДЫ, КРАЕВЕДОВ И ЭКСКУРСАНТОВ

ЕСТЕСТВОЗНАНИЕ

Бейер В.И., проф., и **Чепилов К. М.,** проф. Схематический рисунок при изучении природы. Стр. 46. Ц. 35 к.

Бензин В. М. Школа и сельское хозяйство. Практические уроки по сельскому хозяйству и природоведению. Стр. 116. Ц. 70 к.

Генкен А. Зоологические экскурсии. Стр. 83. Ц. 45 к.

Боч Г. Н., проф. Экскурсия на север. (Мурман и Хибины.) Стр. 116. Ц. 80 к.

Броунов П. П., проф. Руководство для производства и разработки наблюдений над погодой и некоторыми находящимися с нею в связи явлениями растительного и животного мира. Стр. 88. Ц. 20 к.

Вагнер В. А., проф. Методика наблюдений над животными. Стр. 96. Ц. 40 к.

Васильковский П. Е. Охрана природы и краеведы. Стр. 80. Ц. 65 к.

Винтергальтер А. Ф. Как наблюдать животных. Стр. 105. Ц. 45 к.

Винтергальтер А. Ф. Практический курс природоведения. Ч. II. Книга для преподавателя. Под ред. и с предисловием Б. Е. Райкова. Стр. 65. Ц. 40 к.

Владимирский Н. Наши пресноводные моллюски. Стр. 87. Ц. 60 к.

Гладцин И. Н. Определитель горных пород по внешним признакам. Руководство для экскурсантов, любителей природы, учителей и краеведов. Стр. 40. Ц. 20 к.

Всесвятский В. В. Экскурсии в природу Сокольников. Стр. 70. Ц. 70 к.

Догель В. А., проф. Как производить биологические наблюдения над простейшими. Стр. 87. Ц. 45 к.

Дьяконов А. М. Наши стрекозы. Определитель стрекоз и их личинок. Стр. 72. Ц. 60 к.

Еленкин А. А. Биология низших растений в доступных наблюдениях и опытах. Стр. 220. Ц. 85 к.

Кузнецов Н. И., проф. Ботанические экскурсии. Краткое руководство к ведению ботанических экскурсий. Стр. 99. Ц. 60 к.

Лавров Е. Школьные биологические экскурсии. Стр. 152. Ц. 1 р.

Любименко В. Н., проф., и **Вульф Е. В.,** проф. Ранние весенние растения. Пособие для руководителей экскурсий и экскурсантов. Стр. 140. Ц. 75 к.

Любименко В. Н., проф., и **Ильин М. М.** Сорные растения наших полей. Пособие для экскурсий. Стр. 65. Ц. 40 к.

Маркин В. И. Зоология в начальной школе. Наблюдения над животными. Ч. II. Книга для учителя. Стр. 54. Ц. 55 к.

Маркин В. И. Сельскохозяйственный уклон в начальной школе (I ступени). Школьный огород. Стр. 118. Ц. 80 к.

Маркин В. И. Экскурсии в сельской школе. Стр. 88. Ц. 65 к.

Мирам Э. Определитель наших насекомых. Прямокрылые. Стр. 83. Ц. 65 к.

Напечатано в типографии Госиздата
„Красный пролетарий", Москва,
Пименовская улица, дом 16,
в количестве 2750 экз.,
Главлит № А—11363
Гиз П 11 № 26399

LIBRARY OF CONGRESS
RECEIVED
ОСТ 2 1928
DOCUMENTS DIVISION

VI СЪЕЗД ЗАВОНО

К СЪЕЗДУ.

Из года в год разрастается и усложняется работа в различных отраслях народного просвещения. В связи с этим усложняются и каждый раз поиному ставятся задачи руководства делом народного образования. Гибкость руководства, уменье приспособить формы его к усложняющимся задачам и методам просветительной работы—одно из важнейших условий бесперебойной работы всей системы просветительных учреждений и соответствия содержания этой работы как потребностям советского строительства, так и запросам и нуждам широких масс населения. В настоящий момент, когда партия и советская власть уделяют народному образованию существенно иное место в общей системе социалистического строительства, когда наши хозяйственные успехи поставлены в известную зависимость от состояния и развития культурной работы, в этот момент вопросы руководства делом народного образования приобретают особую важность. В этих условиях дефекты руководства могут существеннейшим образом исказить направление и содержание работы сотен тысяч просветительных учреждений, а это в свою очередь может тормозящим образом отразиться на том или ином участке хозяйственного строительства. Поэтому в настоящий момент особенно важно пересмотреть и точно очертить в соответствии с политическими установками, данными XV съездом партии, и требованиями усложнившейся просветительной работы целый ряд вопросов, в сумме дающих то, что мы называем системой руководства делом народного образования. Сюда относятся и определение важнейших для данного периода политических установок в области народного образования, и установление основных организационно-педагогических задач, подлежащих разрешению в ближайшее время, и фиксация организационных форм руководства народным образованием с целым рядом частных задач: о типе инспектора, о взаимоотношениях между районными инспекторами соцвоса и политпросвета и взаимоотношениях между различными звеньями инспектуры, о более четком разделении труда между высшими и низшими ОНО, об усилении роли опорных учреждений и т. д. В ту же сумму вопросов руководства входит огромный сектор планово-бюджетной работы со всей массой входящих в него частных проблем, которые требуют своего четкого разрешения в свете нового периода социалистического строительства и на основе того огромного опыта борьбы за бюджет, который мы накопили за эти годы.

Съезды заведующих ОНО всегда были одной из основных форм проработки и разрешения вопросов руководства делом народного образования по вполне ясным причинам. Съезд зав. ОНО стал необходимостью и ныне, когда новые задачи, вставшие перед народным просвещением, поновому поставили вопросы руководства народным образованием и предъявили чрезвычайно ответственные требования к правильному их разрешению. Повестка VI съезда зав. ОНО с особенной

яркостью подчеркивает это. Она показывает, что съезд созывается не потому только, что требуют своего разрешения вопросы организационного порядка или задачи борьбы за материальную базу народного образования. Нет. Она говорит, что вопросы руководства народным образованием в целом требуют тщательной проверки и пересмотра, требуют новых установок с точки зрения задач нового периода социалистического строительства. «Система руководства делом просвещения в новых условиях»—вот та главная и единственная тема, которая является предметом работы предстоящего съезда. Лишь в силу своей огромности и удобства обсуждения она разбита на ряд частных вопросов, но это все подтемы одной и той же темы. Вместе с тем эти подтемы, взятые вместе, полностью исчерпывают всю тему.

При этих условиях можно без преувеличения сказать, что VI съезд зав. ОНО, если он выполнит поставленные перед ним задачи, войдет в историю народного просвещения в нашей республике, как один из важнейших этапов. Этим объясняется и тот огромный интерес, который вызывает к себе этот съезд со стороны основного кадра организаторов народного образования, те требования о расширении представительства на съезде, которые поступают с мест.

Сделаем беглый обзор повестки съезда и попробуем кратко сформулировать вопросы, ответа на которые все мы ждем от нашего съезда.

Вводный доклад об очередных задачах народного просвещения в связи с решениями XV партсъезда должен дать нам как общеполитическую установку для всей нашей дальнейшей работы, так и основной подход к разрешению всех прочих вопросов повестки съезда. Однако и общие установки, которых мы ждем от этого доклада, должны содержать совершенно конкретные директивы по основным разделам нашей просветительной работы. Нам нужно уйти со съезда с совершенно точными и твердыми указаниями о том, как в нашей работе, в работе отдельных типов наших просветительных учреждений мы будем преломлять, например, такую директиву XV съезда, как задачу коллективизации крестьянских хозяйств. Мы должны будем точно сформулировать на съезде принципы и характер изменений, какие мы должны будем внести в содержание программ наших сельскохозяйственных учебных заведений и школ крестьянской молодежи и в методы их учебной работы для того, чтоб эту директиву полностью обеспечить выполнением. Мы должны будем четко сформулировать, как отразить в формах и содержании работы изб-читален задачу пропаганды той же идеи коллективизации сельского хозяйства. В этом докладе должны быть освещены и новые формы распространения технических знаний среди населения—другой важной задачи, которую ставит перед нами новый период, период реконструкции нашего народного хозяйства. В связи с этим нам придется обсудить вопрос о концентрации этой работы около тех из наших просветительных учреждений, которые по характеру своего оборудования и обслуживающего их персонала сами напрашиваются в условиях той или иной местности на роль подобного центра. Нет надобности множить примеры. И этих двух достаточно для того, чтоб осветить задачи, которые должен поставить себе основной политический доклад нашего съезда. Он должен отойти от освещения вопроса об общем значении народного образования в новом периоде социалистического строительства. Он должен на основе этих общих, уже ранее сформулированных положений дать совершенно конкретные директивы о порядке, способах и формах отражения в нашей работе решений партийного съезда.

Другим вопросом принципиальной важности является вопрос о пятилетнем перспективном плане народного образования, принципах

его построения и основных цифровых выражениях этого плана. Огромное количество вопросов выдвигается перед нами в связи с работой нашей над планом, больших, сложных вопросов, вопросов новых, над которыми мы до сих пор не работали вовсе или не работали основательно. А между тем освещение и разрешение этих вопросов в процессе нашей, если хотите, в значительной мере исследовательской работы над планом, не только необходимо нам для плановой работы, определяющей наше развитие на ряд лет, но оно вооружает нас и для нашей текущей борьбы за бюджет народного образования. Сейчас, когда поиному ставится вопрос о значении и удельном весе культурной работы в общем нашем строительстве, мы не можем уже прежними методами биться за материальную базу народного образования.

Вспомним в самом деле, каковы были эти старые методы борьбы. Они не выводили нас за пределы народного образования, за пределы воплей о нищете наших просветительных учреждений и сравнений с довоенными нормами расходов на них. Конечно, нет еще надобности, да нет и возможности, сдавать эти методы в архив или музей истории народного образования. Но теперь, когда сказаны уже слова о перераспределении бюджетных средств в пользу культурной работы, когда на всю страну прозвучали другие слова о том, что «культура на данном этапе является... тем же, что и боевое снаряжение во время войны»,—теперь одни эти старые методы уже недостаточны. Теперь надо выискивать другие, более острые орудия борьбы. Плановая работа, сопряженная с исследованием экономики данного района и тенденции и темпа ее развития, должна доставить нам эти новые орудия борьбы. Она должна вскрыть нам разрывы, происшедшие за эти годы между хозяйственным и культурным развитием, конкретные, цифровые разрывы, когда сотням миллионов рублей капитальных вложений в хозяйство отвечали лишь малые десятки миллионов рублей капитальных вложений в народное образование. Эти разрывы должны быть вскрыты в масштабе районов, где эти разрывы отнюдь не меньше, а иногда и больше тех, что имели место в масштабе всей страны. Нужно тщательно выявить районные показатели экономической и культурной мощности и использовать их не как мирные орудия исследовательской работы, а как острое оружие борьбы за бюджет и за те, а не за иные цифры пятилетнего плана. Надо сесть за изучение фактов экономической жизни района, чтоб на отдельных из них показать всю органичность связи между культурным уровнем и успехами на хозяйственном фронте, чтоб на отдельных хозяйственных неудачах показать, что причины их кроются в невежестве и культурной отсталости. Наши доклады о материальной базе народного образования и об основных требованиях перспективного плана надо уметь насыщать другим материалом, чем тот, которым насыщали мы их до сих пор. Сейчас нельзя об этих вещах говорить, исходя лишь из потребностей самого развивающегося дела просвещения и растущих культурных потребностей населения. Теперь надо подавать и иной материал, показывающий зависимость между процентом грамотности и степенью развития технических культур и степенью развития более высоких форм землепользования. И делать это нужно не в международном масштабе, а на примере своей собственной губернии или области, сравнивая и сопоставляя между собой отдельные уезды или округа. Такой новый подход диктует нам вся установка XV партийного съезда в вопросе о связи между культурным уровнем страны и задачами ее хозяйственного развития. Не использовать эту установку и не суметь выразить ее в конкретных цифрах окружающей нас экономики было бы непростительным ротозейством. Кроме того это

свидетельствовало бы о неумении перестроиться и неумении осветить вопросы не с привычной для нас точки зрения, а с новой, с другой, вытекающей из новых политических установок.

В связи с нашей плановой работой поновому встанет перед нами и целый ряд вопросов, над разрешением которых мы работали и до сих пор. Так, например, вопрос об эффективности работы наших учреждений мы в процессе плановой работы должны будем с новой стороны изучить, а затем и практически разрешить, вставляя в каждый следующий год плана новые цифровые достижения. Так нам придется поставить себе определенные цифровые лимиты для каждого года в отношении разрешения проблемы второгодничества и отсева в различных типах учебных заведений, в отношении цифры обслуживаемой в единицу времени клиентуры для других наших, внешкольных учреждений.

Последнее, что нужно сказать в связи с вопросом о пятилетнем плане, заключается в том, что мы подходим к новому, решающему этапу нашей плановой работы. До сих пор плановая работа была скорее академической работой. «Академически» мы к ней зачастую и подходили, если ковычками можно выразить такое отношение к плановой работе, что, мол, все это пустяки и совершенно безразлично, какую цифру в каком месте написать. Теперь близится момент утверждения перспективных планов, момент, который определит судьбы развития народного образования на ряд лет. Теперь пятилетний план из чего-то академического превращается в нечто столь же решающее, как и бюджет данного года. Цифры, быть может, и не будут в точности повторены в жизни и в бюджете последующих лет, но «место под солнцем» для всего дела народного образования и для отдельных его отраслей отведено будет довольно точное. Из этого следует, что надо готовиться к борьбе за план, как мы готовимся ежегодно к борьбе за бюджет. И здесь изучение экономической жизни и использование фактов и уроков ее будет иметь основное значение для удачи этой борьбы.

Что касается бюджетной кампании, нам предстоящей, то кроме обновления оружия борьбы, о чем говорилось уже выше, нам придется разрешить ряд серьезнейших вопросов, касающихся установок этой борьбы и принципов построения бюджета 1928/29 г. Вопрос о темпе роста зарплаты должен быть разрешен в связи с вопросами качественного улучшения работы наших учреждений. Путь более быстрого приближения к довоенным нормам расходов, чем это имело место до сих пор, должен быть начат нами с наступающего года. Однако ни о каком отказе от роста зарплаты, ни о какой не только стабилизации ее, но даже и о таком росте ее, который бы давал возможность лишь формально утверждать, что она выросла, не может быть и речи. Не можем мы забыть того, что в области зарплаты нам еще далеко до довоенного уровня и что оплата педагогического труда все еще недопустимо нищенская. Труд же—основной момент в педагогическом производстве и держать его в нищенских условиях столь же нерентабельно, как нерентабельно устанавливать низкие нормы учебных расходов, сводящие зачастую на-нет все напряжение педагогического труда, всю талантливость педагога. При разрешении вопроса о зарплате придется принимать в расчет и задачу осуществления учебной сетки, требуемой нашими программами, и вопросы норм оплаты труда педагогов. Вопросы сети учреждений также должны занять свое место в директивах по составлению бюджета, хотя линии в этом отношении можно считать определившимися более или менее за последние два года. Четко и ясно придется поставить вопрос о материальной базе ликвидации неграмотности и нормах содержания других массовых по-

литико-просветительных учреждений. В этом году произошло столь безобразное снижение расходов на политпросветработу, что можно считать, что мы уже подошли к такой грани, у которой уже надо поставить вопрос: «есть ли расчет содержать эти учреждения, раз мы, затрачиваясь на персонал, на какую-то сумму расходов по их содержанию, обставляем их столь жалко, вооружаем их столь негодно, что они не в состоянии дать нам ту продукцию, тот эффект работ, которого мы минимально от них ожидаем». Достаточно поставить такой вопрос, чтоб немедленно сделать единственно возможный вывод: выход в том, чтоб сдвинуть дело, добившись значительного увеличения ассигнований.

Который год при начале бюджетной кампании мы говорим о катастрофическом состоянии сети массового профтехнического образования?! А воз и ныне там. И даже хуже: он откатился назад и в этом году. Очевидно, надо уточнить директивы по этой линии, не ограничиваясь общим лозунгом.

Мы видим таким образом, что в связи с бюджетом предстоящего года съезду придется проработать ряд важнейших принципиальных вопросов практики нашей работы, учтя опыт истекших годов. Ясно, однако, что нет и не может быть места мобилизационным настроениям, которые иногда очень ясно сказываются при подведении итогов минувшего года. «Мы де, мол, занимаем уже такой процент в бюджете, что о дальнейшем увеличении удельного веса говорить не приходится». А все-таки при всех условиях говорить надо. Иного выхода нет и быть не может. Сравните в любом бюджете темп роста затрат на хозяйство, сумму капитальных вложений в хозяйство на душу населения с суммой затрат на душу же населения на народное образование, возьмите ряд других показателей, говорящих о соотношениях между ростом хозяйства и ростом культурного развития, и вы убедитесь в наличии такого разрыва между этими двумя процессами, что легко найдете аргументы для борьбы за новое увеличение доли народного образования в общем бюджете. Говорить сейчас о стабилизации доли расходов на народное образование, значит хоронить его.

Наконец несколько слов о вопросах организационного порядка, хотя они заслуживали бы, пожалуй, и большего внимания, поскольку правильность и четкость организационных форм руководства обеспечивает в значительной степени правильность содержания и методов работы просветительных учреждений и надлежащую эффективность этой работы.

В настоящий момент, в марте—апреле 1928 года, нет уже неясностей и разногласий в вопросе о перестройке структуры отделов народного образования, о превращении их в инспекторские аппараты. Эта мысль уже усвоена всеми, и реорганизация начерно, в своей принципиальной сущности может считаться проведенной в жизнь. Есть дефекты в практическом ее проведении, различные в различных местах, но в основном сводящиеся к тому, что, благодаря совпадению работы по реорганизации аппаратов ОНО с проведением директивы по снижению административных расходов, нам не удалось осуществить полностью одной из главнейших задач реорганизации—доведения инспекторских щупальцев просветительных учреждений до низового просвещенца. Задача заключается в том, чтоб наметить пути и способы осуществления и этого задания. Ясно только, что здесь нам придется именно говорить о путях разрешения для всех понятной задачи, а не спорить о принципах ее.

Но есть в организационных вопросах и сумма проблем, нуждающихся еще в принципиальной проработке и освещении на съезде зав.

ОНО. Сюда относится вопрос о детальном и совершенно точном размежевании и разделении труда между нижестоящими и вышестоящими органами народного образования, вопрос, например, о том, кто, что и как инспектирует. Здесь же встает вопрос и о типе инспектора: интегральный ли инспектор или инспектор-специалист, а если специалист, то специализируется ли он по типам учреждений или по дисциплинам? На какой ступени нужен интегральный инспектор или он необходим на всех ступенях? и т. д. Словом, ряд вопросов, которые стучатся в дверь, но четкого разрешения которых у нас еще нет, по которым у нас идут еще принципиальные споры.

Не менее важны вопросы организации методической работы на местах. Ряд лет мы жили в определенных формах этой работы. Не пора ли подвести некоторые итоги? Не пора ли проверить, все ли здесь на месте, нет ли излишней сложности в построении методорганов, нет ли возможности исключить низовые звенья, полностью переключивши их на опорные учреждения.

Вопрос о кадрах народного образования также немаловажный вопрос, настолько немаловажный, что им начинают заинтересовываться и политически директивные инстанции. Здесь новое заключается в том, что кроме непосредственно педагогических кадров, нам ныне придется заняться и кадрами организаторов народного образования. Беспечность, проявлявшаяся нами до сего времени в этом последнем отношении, могла находить себе объяснение в том, что наши ОНО были в сущности аппаратами административно-организационного руководства. Поскольку ныне резко изменился характер работы ОНО и они становятся в основном аппаратами организационно-методического руководства, поскольку в то же время в результате огромной проделанной за эти годы работы по повышению квалификации педагогического кадра последние значительно выросли, постольку угроза отставания уровня организаторов народного образования от уровня низового просвещенца начинает превращаться в реальную опасность.

Последний вопрос, на котором следует здесь остановиться, это вопрос о привлечении (гораздо более интенсивном и менее формальном, чем было до сих пор) советской общественности к работе наших просветительных учреждений. Мы определили организационные формы участия советской общественности в работе наших учреждений. Однако слишком часто это все еще только форма, только леса, только мехи без вина, их наполняющего. Вовлечь на деле советскую общественность в нашу работу—вот задача, пути разрешения которой мы должны наметить.

Вот в беглом очертании та сумма вопросов, над которыми придется работать VI съезду зав. ОНО. Программа очень велика и сложна. Мы выполним ее только в том случае, если и работники Наркомпроса и руководители местных органов народного образования достаточно серьезно отнесутся к работе съезда и не пожалеют труда для тщательной и детальной проработки поставленных на его повестку вопросов.

В. ЯКОВЛЕВА.

ОСНОВНЫЕ ЗАДАЧИ В ОБЛАСТИ ПРОСВЕЩЕНИЯ НА ПРЕДСТОЯЩЕЕ ПЯТИЛЕТИЕ.

Прожитое нами героическое десятилетие имеет в своем балансе огромные культурные достижения. Сочетание огромного размаха просветительной работы с воспитательной силой революционной борьбы и строительства передвинуло широкие массы трудящихся за одно только десятилетие на столько исторических и культурных ступеней, на сколько они не передвинулись бы и в столетие в условиях капиталистического строя. Эту бесспорную истину вынуждены сейчас признавать даже наши злейшие враги, хотя бы и с целым рядом оговорок и оговорочек.

Но и целого десятилетия оказалось мало, чтобы полностью ликвидировать остатки темноты и невежества, унаследованные нами от царско-капиталистического прошлого и, в частности, от периода империалистической войны, хотя бы только по линии наиболее элементарных культурных запросов трудящихся (неграмотность детей и взрослых, беспризорность, культурная отсталось нацмен). Этот долг царской России мы не могли аннулировать, но не смогли пока и оплатить, а революция в свою очередь разбудила у трудящихся огромную жажду к знанию во всех его видах и повысила их запросы к качеству просветительной работы. Развертывание социалистического строительства в нашей стране ставит перед просветительной работой также ряд огромной важности задач, требуя немедленного их разрешения.

Таким образом, прошлое, настоящее и будущее ставят перед нами ряд задач, от самых элементарных (качественно)—ликвидации неграмотности и беспризорности—до таких, размеры сложности которых сейчас даже не поддаются учету (создание нового человека, в частности нового типа рабочего и инженера, теснейшая увязка научно-исследовательской работы с процессом индустриализации страны). Прошлое и будущее в огромном комплексе этих задач так же контрастно сочетаются и в нашей области работы, как и в экономике и в технике нашей страны. Какие проблемы считать основными в нашем перспективном плане на предстоящее пятилетие?

Бесспорно, что львиную долю сил и средств в предстоящее пятилетие нам придется уделять в первую очередь решению качественно элементарных, но количественно огромных задач, не решенных до революции: ликвидации неграмотности (детей и взрослых) и беспризорности. К 1932/33 г. эти задачи должны быть в основном решены. Прививка миллионам детей и взрослых культурно-отсталых нацмен даже элементарной грамотности в огромнейшей степени поднимет энергетические ресурсы страны и эффективность всех трудовых процессов. Без элементарной грамотности невозможна глубокая индустриализация нашей страны, в частности, сельского хозяйства, и лишь индустриализация, помноженная на грамотность, даст нам в руки могучее оружие для действительного строительства социализма и в экономике и в быту.

Но наряду с этими старыми уже выдвигается и новая огромная задача—распространения элементарной профессионально-технической грамотности. Эта задача теснейшим образом связана с процессом индустриализации страны.

Совершенно неправильно понимать индустриализацию только как процесс увеличения удельного веса нашей промышленности. Такое узко техническое толкование неполно, а следовательно, и неточно. В самом деле, если мы переоборудуем наши фабрики и заводы по последнему слову техники, но если при этом живая человеческая сила останется на прежнем качественном уровне, мы не осуществим индустриализации страны. Увеличивая и улучшая основной капитал промышленности, мы должны одновременно качественно изменять процессы человеческого труда. Через наши просветительные учреждения мы должны стремиться к увеличению суммы и к поднятию уровня технических знаний не только широчайших масс уже занятых рабочих, но и к прививке профессиональных знаний и умений широким массам рабочей молодежи, постепенно всасываемой в нашу промышленность.

Это тем более необходимо, что если пятилетие 1926/27—1930/31 гг. даст избыток в приросте рабочего населения, то пятилетие с 1930/31 по 1934/35 гг. будет дефицитным в отношении прироста рабочей части населения (результат демографических сдвигов, обусловленных войной и революцией). Современную молодежь уже сейчас нужно готовить к заполнению этого дефицита, давая необходимые профтехнические знания и навыки.

Индустриализация связана с интенсификацией сельского хозяйства. Но при попытках улучшения техники ведения нашего сельского хозяйства мы натыкаемся на тупик раздробленности крестьянских хозяйств. В силу этого решения XV партсъезда и ставят одной из важнейших задач укрепление и расширение коллективных хозяйств.

Для этого необходимы не только агитационно-пропагандистские мероприятия, улучшение технической базы сельского хозяйства и рациональное использование машин и орудий, но и опять-таки качественное изменение человеческого труда. Таким образом, и с этой стороны проблема профтехнической грамотности выдвигается достаточно остро.

Аграрное перенаселение выталкивает ежегодно в города значительные кадры крестьян, преимущественно в молодом возрасте. Нужно найти применение этим кадрам в деревне, в частности, в кустарной промышленности. Для этого этой части избыточного населения нужно дать соответственную профтехническую подготовку.

Со всех этих точек зрения проблема широчайшего распространения элементарной профтехнической грамотности, наряду с проблемой общей грамотности, актуально ставится уже для данного пятилетия и подлежит отражению в перспективном плане по линии организации всякого рода краткосрочных стационарных и передвижных профкурсов, в первую очередь для рабочей и крестьянской молодежи.

Желание широких масс рабочих дать повышенное общее образование своим детям и необходимость подвести под школы фабзавуча семилетнюю общеобразовательную базу и до сих пор форсировали и впредь будут форсировать рост сети городских семилеток, в частности, семилеток фабрично-заводских (ФЗС). Силою вещей мы подойдем в предстоящее пятилетие к осуществлению общедоступности семилетки для детей рабочих.

Задачи, возложенные на школу-девятилетку, объем общеобразовательных знаний, которые она должна давать, как минимум, плюс знания профессиональные, все повышающиеся требования вузов к качеству продукции девятилетки выдвигают, как актуальную задачу, увеличение срока обучения в девятилетках еще на один год.

Несмотря на бурный рост сети школьных учреждений всех типов, они не в состоянии пропустить через себя всех рвущихся к знанию. Только по школам I ступени мы имеем около четырехсот тысяч отказов в год (18,4% всей массы желавших поступить в них). Нечего уже говорить о других типах школ, куда ведут еще более узкие коридоры. При самом благоприятном темпе роста нашей сети в предстоящее пятилетие «культурные хвосты» у дверей наших школ не исчезнут целиком. Десяткам и сотням тысяч молодежи и взрослых нужно дать знания если не через школу, то другим путем, в частности путем заочного обучения, которое уже сейчас играет в нашей работе крупную роль, а в дальнейшем колоссально эту роль увеличит и по линии первоначальной зарядки знаниями и по линии перевооружения (переподготовки, повышения квалификации) сотен тысяч, а может быть, даже и миллионов трудящихся.

Бурный рост кино- и радиосети и в городе и, в особенности, в деревне свидетельствует о жгучей потребности у миллионов рабочих и крестьян в этом источнике знания. С другой стороны, при правильном использовании, кино и радио являются незаменимыми орудиями общего политического и художественного воспитания и образования. Предстоящее пятилетие должно осуществить широкую кино- и радиофикацию нашей страны и, в первую очередь, ее просветительных учреждений. Как известно, сейчас уже прорабатывается перспективный план развития кинофикации. Залогом успешности этого дела является и то, что к нему вплотную подошла партия (партийное киносовещание в марте 1928 г.).

Излишне говорить о значении научной работы для индустриализации нашей страны, для изучения и освоения ее огромных естественных ресурсов и для дела обороны. Это значение исчерпывающе формулировано в решениях XV Съезда партии. Дело Наркомпроса и других органов—осуществить втечение предстоящего пятилетия эти директивы и обеспечить для развития научной мысли и научных учреждений все необходимые условия.

Следующая большая проблема—это проблема изживания многочисленных диспропорций. Незачем доказывать наличие в прошлом огромного противоречия между культурными запросами и политическими и материальными возможностями для их удовлетворения, в особенности, конечно, для широких масс трудящихся. Революция, устранив политические препятствия и усилив тягу к знанию у этих масс, в первые пять лет вооруженной борьбы за существование могла дать лишь самые скромные средства для удовлетворения культурных запросов миллионных масс, тянувшихся к знанию. В дальнейшем для восстановления народного хозяйства на базе старого основного капитала более или менее хватало наличных культурных и технических сил. Теперь наше народное хозяйство исчерпало почти все возможности восстановительного периода, и мы переходим в фазу накопления нового основного капитала. В связи с этим необходимо расширение и качественное улучшение и культурной базы, в противном случае может получиться резкая диспропорция, которая через некоторый промежуток времени тяжело отразится на всем процессе социалистического строительства.

Такие болезненные диспропорции, своеобразные «культурные ножницы», как результат известного отставания в развитии культуры, имеются уже и сейчас.

Не всем еще известно, но нужно, чтобы все об этом знали, как недостаточна сеть нашего низшего и среднего профтехнического обра-

зования. Ведь на одного оканчивающего курс высшей школы у нас пока что приходится оканчивающих курс:

1) средней спец. школы	1,5
2) низшей „ „	1,1
3) курсов профобразования	3,9
4) средней общеобразоват. школы	6,2
5) низшей „ „	25,5
6) школ для взрослых	10,1

Таким образом, на одного работника высшей квалификации наши просветительные учреждения продуцируют: работников выше средней квалификации—1,5, средней—11,2 и низшей—35,6. Нужно еще иметь в виду, что две последние цифры несколько преувеличены, так как известное число лиц этой квалификации уходит не прямо на работу, а переходит в учебные заведения повышенного типа. Разумеется, отсюда отнюдь не следует, что у нас слишком развито высшее образование (мы по этому показателю стоим в ряду других государств на двадцать четвертом месте). Острие этой диспропорции направлено на низшие ступени профобровской системы.

Соответствуют ли вышеприведенные соотношения структуре трудовых ресурсов в самом народном хозяйстве? По итогам всесоюзной городской переписи 1923 г., в составе 2 261 500 работников городских поселений состояло:

1) работников высшей квалификации	17 700
2) „ выше средней „	83 200
3) „ средней „	605 400
4) „ низшей „	1 555 200

Следовательно, на одного работника высшей квалификации по этим данным приходилось:

1) работников выше средней квалификации	4,7
2) „ „ „	33,9
3) „ низшей „	87,7

Даже если допустить, что развитие народного хозяйства в последующие (после 1923 г.) годы внесло в эти соотношения известные коррективы, все же очевидно, что «культурные ножницы» по этой линии уже раскрыты достаточно угрожающе, и если мы еще не переживаем серьезных затруднений в этой области, то только потому, что амортизация рабочей силы—процесс длительный, и недостаточность ее пополнения может сказаться остро только через ряд лет, но зато тогда эта острота уже не может быть изжита быстро, так как процесс воспроизводства рабочей силы (даже низшей квалификации) тоже очень продолжителен.

Неудивительно поэтому, что эти диспропорции красной линией проходят и через перспективные планы, лишь смягчаясь в известной (все еще недостаточной) степени по всем квалификациям (кроме низшей). По ориентировке Госплана СССР (на отрезок 1926/27—1931/32 гг.) эти изменения запроектированы в следующем виде:

	Соотношение продукции учебных заведений		Соотношение в рабсиле в 1923 г.
	В 1926/27 г.	В 1931/32 г.	
Высшей квалификации	1	1	1
Средней спец. школы	1,5	2,3	4,7
Низшей „ „	1,1	2,6	
Курсы профобразования	3,9	6,5	33,9
Средней общеобраз. школы	6,2	16,3	
Низшей „ „	25,5	77,1	
Школы для взрослых	10,1	54,0	87,7

Нужно иметь в виду, что продукция средней и низшей квалификации фактически будет несколько ниже и в 1931/32 г., как и в 1926/27 г., вследствие перехода части этих лиц в школы следующих ступеней [1].

Практически эта неустраненная диспропорция будет грозить дефицитом почти на 50% по ряду специальностей—педагогической, медицинской, промышленно-экономической, и на еще больший процент, например, по физкультуре, по кино и т. п.

К сожалению, наши диспропорции не кончаются на сети и контингенте просветительных учреждений, а захватывают почти в такой же степени и качественную сторону просветительной работы. Мы страшно отстаем и по линии капитальных вложений, удовлетворяя потребность в новом строительстве даже школ I ступени ежегодно только на 10—20% и тормозя этим развитие нашей сети. В отношении перспектив по этой линии дело пока что обстоит не лучше. По ориентировке Госплана СССР (1926/27—1931/32 гг.) все затраты на школьное строительство по СССР на пятилетие намечены в сумме 495 млн. руб. (из них бюджетные 378 млн. руб.) [2]. И это в то время, как для одной только РСФСР и только по школам I ступени на эту цель нужно по самым скромным подсчетам 609 434 000 руб. Что же остается (или, вернее, сколько нехватает) на строительство школ других типов и научных учреждений, на их капитальное, научное, учебное и хозяйственное оборудование? «Ножницы», как видим, по этой линии не только не сжимаются, а раздвигаются еще шире.

Мы отстаем не только от современности. Мы отстаем даже от довоенных показателей. По контингентам учащихся по РСФСР мы ушли довольно далеко за довоенную черту: по общеобразовательным школам низшим (включая семилетку)—на 29,5%, по средним—на 76,2%, по специальным низшим и средним учебным заведениям—на 100,7% и по высшей школе—на 14,4%. Мы имеем совершенно новые типы просветительных учреждений: рабфаки, ликпункты, школы ФЗУ, избы-читальни и т. п. Мы прошли в основном раньше всех других отраслей

[1] Все цифры, характеризующие диспропорцию в контингентах и продукции, взяты из брошюры М. А. Астермана, Социально-культурное строительство (опыт перспективного построения).

[2] Данные из вышеуказанной брошюры М. Астермана.

народного хозяйства наш реконструктивный период. Но мы очень отстали от довоенного уровня в отношении бюджетных норм расходов: в среднем на одного учащегося они ниже довоенных на 50%, в частности, по школам I ступени они равны примерно 75%, а по повышенным школам соцвоса—даже только 25%. По линии зарплаты просвещенцам мы имеем сейчас для учителей школ I ступени лишь 65%, для учителей школ повышенного типа 40% и для работников высшей школы 35% довоенного уровня.

Велик раствор «культурных ножниц» в деревенско-городском разрезе. Вот несколько примеров, дающих представление о величине этой диспропорции. 1) Если охват детей дошкольного возраста (от 3 до 7 лет) по всей РСФСР равен 0,6%, то по городам он поднимается до 3,3%, а по сельским местностям падает до 0,1%. 2) Если охват детей от 8 до 11 лет (номинальный, без учета переростков) по городам близок к 100%, то в сельских местностях он опускается приблизительно до 80%. 3) Вторым концентром школы повышенного типа соцвоса (5-я—7-я группы) в городах охвачено 44,6% детей соответственного возраста, а в сельских местностях—только 3%. 4) Третий концентр школ повышенного типа соцвоса (8-я—9-я группы) охватывает подростков соответствующего возраста в городах на 14,4%, а в сельских местностях—лишь на 0,5%.

Большие диспропорции в культурной области существуют между отдельными районами страны. Вот несколько примеров. 1) Процент грамотности колеблется от 12,2% (Дагестан) до 58,3% (Крым). 2) Расход на одного жителя на народное образование по местному бюджету в 1926/27 г. колеблется от 1 р. 60 к. (Киргизия) до 7 р. 84 к. (Карелия), составляя в среднем по РСФСР (с АССР) 3 р. 31 к. 3). Расход на одного учащегося в школах I ступени в 1926/27 г. варьирует от 14 р. 70 к. (по Татарии) до 59 р. 19 к. (по Якутии). По РСФСР без автономных республик эти колебания происходят в пределах 14 р. 94 к. (ЦЧО)—26 р. 46 к. (Сев.-зап. обл.).

Северо-восточная область при душевом расходе на народное образование, лишь на 15 к. более высоком, нежели в ЦЧО, тратила на учащегося в школе I ступени больше на 1 р. 75 к. Разница в душевом расходе между Нижневолжским и Вятским районами всего 6 к., а на учащегося I ступени в Вятском районе тратилось на 2 р. 33 к. больше, чем в Нижневолжском. Такая же, примерно, разница по этим показателям между Западной областью и Северным Кавказом, еще выше она между Северным Кавказом и ДВК и, тем более, между ДВК и Западной областью. При одинаковом, примерно, душевом расходе на народное образование в Нижневолжском и Вятском районах охват школой I ступени в первом 84,4%, а во втором—73,6%. Такая же, примерно, разница по этим показателям между Северо-восточной и Уральской областями.

Учащихся в профессиональных учебных заведениях сельскохозяйственной специальности на 1 000 крестьянских хозяйств приходится: в Центрально-промышленной области—2,2 чел., в Сибири—1,8 чел. и в Центрально-черноземной—уже только 0,8 чел. В то же время на 1 000 чел. рабочих приходится учащихся в индустриальных профтехнических учебных заведениях: в Средневолжском районе—192,5 чел., в Центрально-черноземном—170,8, даже в Сибири—103,9 чел., и только 68 чел. в Центрально-промышленном районе.

Из года в год падает удельный вес бюджета народного образования во всем местном бюджете РСФСР: в 1924/25 г. он составлял 27,7%, в 1925/26 г. снизился до 26,8% и в 1926/27 г. упал до 26,6% (данные по 41 административной единице). Фактическое исполнение бюджета народного образования в меньшем проценте, нежели по другим разделам, еще больше снижает этот и без того падающий удельный вес.

Несколько сравнений с заграницей, на показатели которой нам пока что нужно ориентироваться:

1. На 100 душ населения неграмотных приходится:

а) в Германии	0,04	(данные за 1911 г.)
б) в Англии	0,7	(„ „ 1919 г.)
в) в Соед. штатах	5,9	(„ „ 1920 г.)
г) во Франции	8,9	(„ „ 1924 г.)
д) в РСФСР	43,2	(„ „ 1926 г.)

2. На 1 000 душ населения приходится учащихся во всех типах учебных заведений:

а) в Соед. штатах	250,4 чел.	(данные за 1924/25 г.)
б) в Англии	174,7	„ „ „
в) во Франции	113,0	„ „ „
г) в СССР	81,1	„ („ „ 1926/27 г.)

Вывод ясен: темп роста культурных учреждений и мероприятий и расходов на них должен быть резко усилен, удельный вес социально-культурных расходов в общих бюджетных расходах и капитальных вложениях должен из года в год возрастать, как и роль общественной инициативы в развитии просветительной работы. Это тем более обязательно, что несоответствие между развитием культуры и экономики в очень резких формах имело у нас место и до революции. Для усиления этого темпа в крайнем случае нужно использовать даже меры экстраординарного порядка вроде специального школьного налога (или займа).

Первая в мире страна, строящая социализм, не может позволить себе роскоши экономии на повышении культурности сейчас работающего поколения и на подотовке достойной ему смены. Экономически догнать и обогнать капиталистические страны мы сможем тем скорее и с тем меньшими издержками, чем шире развернем нашу культурную работу, чем выше поднимем качество ее продукции, чем скорее усилиями партии, государства и широких масс трудящихся превратим «третий фронт» в первый фронт, на котором уже в ближайшие годы должны быть сделаны огромные усилия и достигнуты огромные же результаты.

Эти результаты должны быть достигнуты не только в результате действия внешних факторов, но и в результате повышения эффективности просветительной работы в целом и каждого учреждения в отдельности, и эффективности не только количественной, но и качественной. Перефразируя известное изречение: «природа не храм, а мастерская», мы должны сказать, что и школа и любое просветительное учреждение—не храм (а ведь называли же их храмами), а мастерская, где обрабатывается самая ценная продукция—человек, где выковываются энергетические ресурсы огромной мощности. Значение просветительных учреждений в первую очередь энергетическое, хозяйственное, и в этом смысле Наркомпрос—хозяйственный наркомат в большей мере, нежели даже ВСНХ. Этого сознания хозяйственно-экономической значимости наших учреждений и у нас и у хозяйственников еще, нужно признаться, мало. А ведь наличие именно такого взгляда определяет и взгляд на работу наших учреждений как на работу мастерских, обязанных выпускать такое-то количество продукции, такого-то качества,

по такой-то цене и с таким-то процентом накладных расходов. Затраты страны на просветительную работу—это вексель под будущее, и по этому векселю нужно ежегодно платить и проценты и определенную часть основного долга. Вся разница только в том, что мы оплачивали эти векселя не деньгами, а определенным количеством людей определенного качества.

Из этого же взгляда вытекает необходимость снижения «брака» и накладных расходов (второгодничества и отсева), повышающих стоимость нашей продукции без соответственного качественного эквивалента.

Перспективный план должен намечать тенденцию к повышению коэффициента полезного действия просветительных учреждений, а следовательно, и к повышению коэффициента их экономической и энергетической значимости.

Большой проблемой является проблема кадров и с количественной и с качественной стороны. Кадры наши претерпели значительный урон в годы революции, и новые пополнения пока еще не покрывают вполне даже этих «издержек революции», не говоря уже о новых потребностях. Кадры эти крайне пестры по своей теоретической подготовке и практическому стажу. Подготовка новых кадров и повышение квалификации старых в уровень с требованиями качественно растущей школы—задача огромной важности.

Классовая политика в комплектовании просветительных учреждений должна быть обеспечена посредством системы стипендиального обеспечения, организации общежитий, бесплатного снабжения обувью, одеждой и учебниками и т. п. Осуществление классового приниципа отнимет, правда, некоторые дополнительные средства, но зато сделает возможным фактическое использование школы детьми трудящихся. Значительная часть этих расходов, как и расходов на дошкольное воспитание и на ликвидацию беспризорности, может быть переложена, по нашему мнению, на фонды социализации заработной платы, если таковые будут образованы по образцу фонда жилстроительства, пополняемого однопроцентным отчислением от всего фонда зарплаты. Каждому новому однопроцентному отчислению следовало бы давать целевое назначение на удовлетворение культурных нужд вроде вышеуказанной.

Большой проблемой является проблема количества и качества. На чем поставить акцент, поскольку даже при величайшем напряжении мы не сможем в предстоящее пятилетие равномерно осилить обе части этой проблемы? В отношении сети массовых учреждений придется ставить акцент на количественном росте, в отношении учреждений повышенного и высшего типа—на росте качественных показателей. Мы говорим именно об акценте и, конечно, не имеем в виду, что качество должно быть вовсе забыто в отношении массовой сети, а количество—в отношении прочих учреждений. Но рост и качественных показателей в разных этажах нашего здания будет, по необходимости, модифицироваться их особенностями и особенностями районными. Если качественные показатели в нижнем этаже должны расти преимущественно по линии зарплаты и нового строительства, то в верхних этажах их рост должен итти преимущественно по линии зарплаты и капитального учебного оборудования и капитального же ремонта зданий.

В отношении, в частности, нового строительства придется взять курс на строительство в новых фабрично-заводских районах, где нет никакого наследия прошлого, и на строительство новых школ в фабрично-заводских районах старых городов и в деревне. Ясно также,

что нам не по силам будут этот масштаб строительства и размах всей просветительной работы без самой активной материальной поддержки населения и без включения в частности школьного строительства в новых городах и поселках в планы и сметы промышленного строительства (это сейчас уже установлено СНК СССР).

Нужно всячески стимулировать процессы стандартизации. Нужен стандарт типов рабочих и специалистов, которых мы должны готовить, которым обусловливается и программный стандарт; нужен стандарт строительства и оборудования, что диктуется и ограниченностью наших средств; нужны, наконец, и методологические и методические стандарты, облегчающие процесс работы крайне пестрой по своей подготовке и опыту армии просвещенцев. Стандартизация просветительной работы не имеет, конечно, своей целью введение какого-то казарменного режима, в котором все выглядят и работают одинаково. Стандарты будут выдвигаться жизнью и оформлять ее тенденции, они, конечно, будут разнообразны и оставят достаточно простора для индивидуального и коллективного творчества, столь необходимого в процессе формирования новых поколений будущих строителей социализма. Но с этими необходимыми оговорками никто не будет отрицать целесообразности определенных стандартных норм и необходимости дальнейшего продвижения по пути, на который мы уже вступили.

Мы не хотим получить упрека в забвении национального вопроса. Если мы о нем не говорили, то не потому, что недооценивали его значения, а лишь потому, что, перечисляя все основные задачи, мы в каждой из них подразумевали и ее нацменовскую сторону.

Теперь несколько методологических замечаний.

Нам часто приходится слышать со стороны отделов народного образования жалобы на то, что мы мало даем им методологических указаний по вопросам перспективного планирования. Верно ли это? Нет. Указания такие давались нами втечение двух последних лет в целом ряде статей в журнале «Народное просвещение». Недавно выпущен первый сборник методологических статей («Вопросы методологии планирования просветительной работы», Гиз, М., 1928 г.). Верно то, что этих указаний было недостаточно, что они были распылены и что они, по причине молодости плановой работы, не были ни достаточно конкретными, ни, тем более, исчерпывающими. Верно также и то, что местные работники: 1) почти не читают общей плановой литературы и нашего журнала, 2) не только не разрабатывают сами, но и не ставят перед нами больных для них методологических вопросов, 3) ждут методологических декретов, сводя свою роль к роли простых исполнителей этих декретов. Декретов в этой области не было и не будет, а директивные и товарищеские указания, которые давались и будут впредь даваться по вопросам методологии, должны проверяться опытом работы.

В данной статье мы пытаемся в сжатом виде подвести итоги по некоторым методологическим вопросам и конкретизировать указания, дававшиеся раньше в общей форме.

Прежде всего несколько слов об особенностях просветительной работы, накладывающих определенную печать и на методологию ее планирования.

Первая особенность—длительность производственных процессов. Наша продукция обрабатывается, как правило, втечение ряда лет (3—7 в одном типе учебного заведения, а для обработки продукции во всех звеньях—от детсада до вуза—около 17 лет) и, так сказать, перетекает из одной части образовательной системы в другую, как по конвейеру, с известным процентом отсева. Поэтому пятилетка

для нас, в сущности, операционный (а не перспективный) план, равносильный годовому плану других отраслей народного хозяйства. Перспективный план для нас—не пятилетка, а 10—15-летка. Вторая особенность—неуловимость эффективности нашей работы, придающая потребительский характер всем нашим планам и запросам.

Просветительная работа в наибольшей степени поддается регулирующему влиянию государственных органов. Элементов стихийности в ней самой нет. Они проникают в нее лишь извне. Эта третья особенность позволяет в наших планах в большей степени, чем в других, ставить целевые задания и намечать организационные предпосылки, способствующие достижению этих целей.

Нам приходится иметь дело с планами генеральными, перспективными и годовыми. Что такое план? План намечает цели и оптимальные пути к их достижению (при минимуме затрат—максимум результатов). В свете этой общей формулы различия между генеральным, перспективным и годовым планами сводятся к следующему. Прежде всего это различия качественного порядка. В генплане намечаются основные (генеральные) линии развития и разрешения таких проблем, для которых недостаточен 3—5-годичный срок (всеобщее обучение, всеобщая профграмотность, изживание аграрного перенаселения и т. п.). Показатели и построения генплана, по необходимости, носят, так сказать, эскизный характер и даются лишь на исходный и последний год (без погодного подразделения). Сдвиги, намечаемые генпланом, настолько значительны, что, как правило, качественно меняют планируемую область работы. Стержнем общего генплана является развитие и максимальное использование энергетических ресурсов страны. Так как человеческая сила, обрабатываемая в просветучреждениях, является самой крупной частью всего энергетического баланса,—просветительная работа также включается, в основных своих частях, в генплан народного хозяйства.

Годовой (операционный) план полярно противоположен генплану. Он должен быть предельно конкретен во всех своих частях. На отрезке одного года, естественно, целиком могут быть разрешены лишь очень немногие мелкие задачи. Крупные задачи входят в годовой план лишь той или иной своей частью. Изменения, проектируемые годовыми планами, большею частью количественного характера (качественные изменения в разрезе годового плана почти неуловимы). Но, суммируясь за ряд лет, количественные изменения превращаются в изменения качественные. Перспективный план, представляя промежуточное звено между планами генеральным и годовым, заключает в себе черты и того и другого. Но специфические условия переживаемого нами периода (неясность тенденций развития в условиях реконструкции) больше роднят его с генеральным планом, хотя ряд задач (вроде того же всеобщего обучения или аграрного перенаселения) неразрешим в рамках перспективного плана.

Из вышеизложенного вытекает второе различие между этими тремя звеньями плановой системы—различие по степени их конкретности.

В чем различие плана от контрольных цифр (обычно, эти понятия смешиваются)? Здесь мы имеем различие по степени конкретности, аналогичное, скажем, различию между чертежом и фотографией. Контрольные цифры (и годового и перспективного плана)—первая стадия в работе по составлению плана, так сказать, его чертеж, схема, которая в плане будет заполнена конкретным содержанием. В контрольных цифрах достаточно указать контингент учащихся и сеть учебных заведений того или иного типа в самых общих очертаниях (сколько), в плане нужно указать точно, где именно такое учебное заведение будет открыто и с каким числом учащихся. В контрольных цифрах капитальные вложения могут быть отражены опять-таки в самых общих подразделениях, в плане нужно сказать, какому просветучреждению, когда, на что именно и сколько будет дано и т. д. и т. п.

До сих пор наша работа не выходила за пределы именно контрольных цифр. К составлению плана мы только-только подходим.

До сих пор мы переживали стадию составления плана в центре в общереспубликанском разрезе, на местах—в краевом и губернском. Следующий этап нашей работы—составление планов—в центре в районном, на местах—в уездном (окружном) разрезе. Этот периферийный разрез на первых порах может быть, по необходимости, отражен лишь некоторыми основными показателями (без получения уездного или окружного баланса всей просветработы), например, бюджетными, всеобщего обучения, ликвидации неграмотности и беспризорности и низшего профобразования (учебные мастерские и профшколы).

План должен быть увязан с планом всего народного хозяйства в целом и с экономическими, географическими и этнографическими особенностями края (губернии, округа, уезда). Эта увязка прежде всего должна носить количественный характер, исходя из числа неграмотных детей и взрослых, беспризорных, заявок хозорганов на рабсилу и специалистов, из запросов населения на политико-просветительные учреждения, из национального состава населения и степени его культурного уровня, преобладающих отраслей народного хозяйства и динамики его развития и т. п. Эти факторы сейчас уже легче поддаются учету, чем, скажем, два года тому назад, и количественную пришлифовку нашего плана ко всему народно-хозяйственному плану сейчас осуществить, в основном, можно (конечно, потом придется вносить необходимые коррективы). Качественную пришлифовку осуществить и, в особенности, отразить в цифрах сейчас почти невозможно. Мы могли бы осуществить ее только при наличии стандарта потребных народному хозяйству людей (разных квалификаций). Этих стандартов пока нет. Очевидно, увязка планов по этой линии—задача будущего.

В этой связи уместно остановиться и на вопросе об эффективности работы просветительных учреждений. Мы уже говорили, что просветительные учреждения всех без исключения типов можно считать мастерскими, обрабатывающими самую важную часть энергетических ресурсов страны. Эту цель осуществляют и школа, и избачитальня, и театр, и радио только разными способами. В соответствии с этим постепенно устанавливается хозяйственно-экономический подход к нашим учреждениям. Нам нужно всячески приветствовать такой взгляд, ибо в его усвоении—залог того, что с нашей работы и расходов на нее все быстрее будет стираться вовсе ей по существу не свойственный потребительский налет. В наших планах обязательно должна быть отражена эффективность просветительной работы, хотя бы с количественной стороны: сколько людей выпустим, как будет уменьшаться процент второгодников и отсеивающихся, какова будет средняя нагрузка групп, просветительных учреждений и преподавателей, какова будет годовая стоимость одного учащегося и человеко-выпуска, насколько понизится процент неграмотных, насколько снизится радиус обслуживания населения избой-читальней, библиотекой, насколько увеличится посещаемость их и книжный фонд, по каким разделам работы и насколько возрастет общественная инициатива и т. п. Формулы для выявления количественной эффективности просветительной работы уже даны нами в брошюре «Вопросы методологии планирования просве-

тительной работы», достаточно подробная система относительных показателей (с указанием методов их получения) напечатана в статистическом сборнике, выпущенном к VI Съезду зав. губоно. Зная стоимость человеко-выпуска и количество продукции, можно установить размер затрат государства на эту продукцию. Зная среднюю эффективность труда в производстве, можно установить, сколько мы дали государству. Такого рода баланс составить очень полезно.

Много труднее обстоит дело с выявлением качественной стороны эффективности. Выпущено людей много, отсев и процент второгодников мал, а качество этих людей плохо. Как это установить? Пока нет стандартов нужных народному хозяйству людей, очевидно, нельзя вывести и формул для установления качественной эффективности нашей работы. Но значит ли это, что мы должны махнуть на эту часть работы рукой? Отнюдь нет. Здесь вполне применим метод экспертных оценок, которым воспользовался для этой цели Главпрофобр («Какого инженера должны готовить наши втузы», Гиз, М., 1928 г.). Его нужно применить и перед составлением плана и, время от времени, в процессе его выполнения. Очень необходимо заняться выявлением эффективности работы изб-читален и ШКМ: какие сдвиги агрикультурного характера происходят в результате их работы и каково их ценностное выражение (изменение приемов обработки земли, новые культуры, повышение урожайности, увеличение доходности на душу населения, уменьшение пьянства, увеличение читаемости вообще и, в частности, числа выписываемых газет, влияние на процесс кооперирования населения и т. п.). Мы понимаем, что все эти сдвиги являются результатом действия многих причин и трудно локализовать влияние только одной какой-нибудь из них. Найдутся поэтому люди, готовые отложить эту работу на этом основании в долгий ящик. Это было бы неверно. Нужно добиться первых массовых хотя бы и несовершенных результатов, которые потом можно будет шлифовать как угодно. Понятно, что выводы о качественной эффективности работы просветительных учреждений могут быть убедительны только в том случае, если они являются результатом изучения работы многих объектов на отрезке нескольких (3—5) лет.

Очень часто раздаются жалобы на отсутствие норм (текущих расходов и оборудования), которые можно было бы положить в основание финансовых расчетов пятилетки. Эти упреки неосновательны. Такие нормы даны НКП в 5 выпусках книги «Нормальные измерители» (2 изд.). Эти нормы можно брать как нормы пятого года плана, соответственно снижая их для первых лет планового периода.

В наших планах, из-за отсутствия нужных статистических исходных данных, имеется много «окон». Пока их можно «закрывать» данными выборочных обследований и экспертными оценками (роль общественной инициативы, состояние основного капитала, комплектность групп, количественная и качественная эффективность работ просветительных учреждений и т. п.), но нужно сейчас же, исходя из потребностей плановой работы, наметить темы, до сих пор не изученные и подлежащие в дальнейшем углубленному изучению (статистическому, инспекторскому, анкетному). Некоторые «окна» будут закрыты данными переписи 1926 г., переписи по народному образованию (декабрь 1927 г.), сводками о реализации закона о самообложении и т. п.

Сравнение с довоенными показателями для нас имеет регулятивное значение только в части расходов на одного учащегося, ибо в части контингентов мы ушли, по сравнению с довоенным уровнем, настолько же вперед, насколько отстали в нормах расходов.

Интереснее сравнение с относительными показателями по наи-

более культурным иностранным государствам (Америка, Англия, Германия и Франция), на достижение которых нам ближайшим образом нужно ориентироваться.

Сравнение со средними республиканскими показателями, запроектированными в пятилетке, имеет особенно важное значение для районов (губерний) с низкими показателями (в смысле подтягивания к средним показателям) и гораздо меньшее для районов с показателями благоприятными.

План просветительной работы не сумма сетевых и бюджетных заявок, а система целей и мероприятий, выраженных в цифрах, внутренне полностью увязанных между собою и с народно-хозяйственным планом в целом. В нем не должно быть разрывов, провалов, таких положений, при которых цифровое выражение одной части работы не согласуется с другим (или другими), а иногда даже противоречит им.

Для получения плана, отвечающего такому требованию, при его построении нужно применять балансовый метод. В сущности говоря, весь план, в целом, должен бы давать развернутый баланс просветительной работы в увязке с народно-хозяйственным балансом. Но такого задания по ряду причин мы пока выполнить не можем. Речь может итти лишь о частичных балансах по наиболее важным направлениям нашей работы.

Прежде всего нужно балансировать контингенты и продукцию взаимно связанных учреждений. Например, школы 7-летки должны выпускать не меньше того, сколько нужно для укомплектования техникумов (в определенном все возрастающем %), школ ФЗУ (также в возрастающем %), восьмых групп девятилетки плюс некоторый процент на отсев тех, кто не пойдет в другие учебные заведения. В этот баланс нужно, конечно, вносить поправки на социальный и половой состав. Исходя из установленной таким образом продукции (с вышеуказанными поправками) и определенного коэффициента полезного действия семилеток (коэффициент этот год от года должен возрастать), нужно намечать и контингенты учащихся в разных группах семилетки. Таким способом мы получим минимальный лимит для контингентов 7-летки. Но продукция, а следовательно, и контингенты наших школ нуждаются в сбалансировании и с потребностями народного хозяйства. Мы уже имеем в этой области ряд диспропорций. Нужно установить уже имеющиеся диспропорции в пределах данной адм. единицы и, исходя из принципа максимального сжатия этих диспропорций, проектировать продукцию и контингенты. Таким способом будет получен оптимальный лимит для контингентов того или иного типа школы. Окончательно проектируемый контингент может лежать где-то между этими лимитами, так как темп развертывания новых школ (или групп) зависит еще и от баланса рабочей силы: хватит ли имеющих быть выпущенными из педвузов преподавателей для замещения свободных новых мест и для пополнения убыли в старых кадрах (здесь нужно учитывать и наличие безработных) при непременном условии, чтобы % преподавателей с высшим образованием не уменьшался, а возрастал.

Баланс рабочей силы будет снижать оптимальные лимиты контингентов, полученные вышеуказанным способом, хотя его неблагоприятное влияние в некоторой степени может быть ослаблено увеличением нагрузки групп (старшие группы сейчас нагружены слабо). В этом же понижательном направлении будет действовать и бюджетный лимит (финансовые возможности), ограничивая возможности нового строительства и капитальных вложений (если не считаться с этим лимитом, можно запроектировать школы, которые будут оборудованы не лучше

теперешних и с такой же, примерно, площадью и кубатурой на 1 учащегося, как сейчас).

Очень бы хорошо было дать баланс по линии эффективности (сколько государство вкладывает—сколько получает), но это сейчас можно сделать (и то очень приближенно) только по отдельным видам работы (частичные балансы).

Балансовая увязка должна быть проделана также по разрезам деревенско-городскому, нацменовскому, социально-классовому и половому. В результате балансовой увязки по этим разрезам должен быть выявлен удельный вес деревни, нацмен, рабочих и беднейших крестьян и женщин.

В результате балансовой увязки выявятся оптимальные соотношения (удельные веса) отдельных отраслей просветработы.

Балансовая увязка позволит сразу же видеть, насколько сгладятся имеющиеся диспропорции, насколько будут изжиты «узкие места» в нашей работе.

Балансовая увязка обеспечивает план от критики, построенной исключительно на фантазии и аппетите, ибо в руки плановиков балансовый метод дает в качестве оружия против такой критики объективные лимиты.

Внешним (хотя и очень несовершенным) балансовым выражением увязки нашего плана с народно-хозяйственным планом будет являться удельный вес расходов на народное образование во всем бюджете и расход на народное образование на душу населения, который должен быть выведен для каждого года планового периода.

Поскольку мы упомянули о погодном показателе удельного веса, можно сказать несколько слов и о погодных расчетах вообще. Они нужны. Необходимость их обусловлена «перетеканием» нашей продукции по годам из одной группы в другую с известным % отсева и второгодничества. Выводить же продукцию и давать директивные лимиты для отсева можно только по методу такого погодного перетекания.

К плану должны быть приложены важнейшие относительные показатели для исходного и последнего года вроде уже названных нами в разных местах настоящей работы или с известными дополнениями из системы основных показателей (см. стат. сборник, выпущенный к съезду зав. губоно в 1928 г.). Относительные показатели лучше, чем абсолютные цифры, характеризуют сдвиги, которые запроектированы в плане.

В заключение несколько слов по организационному вопросу.

Как построить плановую работу для ближайшего периода работы? ОНО должны составлять, исходя из основных задач и норм, указанных НКП, перспективные планы по формам Госплана и в теснейшем контакте с местными плановыми органами. Основные задачи и нормы, указанные НКП, могут заставить ОНО выйти за пределы тех лимитов, которые даются ими местным плановым органам. Копии своих неурезанных планов (с указанием лимитов край-, губпланов) ОНО посылают в НКП одновременно с представлением их в край-, губплан, дабы НКП мог, с одной стороны, исчерпывающе отразить районный разрез в своем плане, с другой—защищать интересы мест в совместной работе с Госпланом над пятилеткой.

Нужно всячески (и количественно и качественно) укрепить орг.-плановую инспектуру ОНО, памятуя, что работа по планированию только начинается и пятилетка будет подвергаться неоднократным переработкам.

В. КАСАТКИН.

ОБ ОСНОВНЫХ ЗАДАЧАХ ПРОСВЕЩЕНИЯ НАЦМЕН.

Пятилетний план в связи с задачами социалистического строительства должен учесть необходимость решительного повышения культурного уровня населения города и деревни, развитие национальных культур СССР (разрядка моя. В. Л.) и увязать план культурного строительства с индустриализацией, как неотъемлемую часть общего плана социалистического строительства СССР.

(Из резолюции XV партсъезда по докладам тт. Рыкова и Кржижановского.)

Просвещение нацмен все еще остается слабым, значительно отстающим от общего уровня просвещения. Партия, ясно и четко ставящая вопрос о национальной политике на всем протяжении своей работы, и на XV Съезде вынесла решение, особо подчеркивающее необходимость уделения большего внимания культурному строительству в национальных районах.

«Усилить культурное и в частности школьное строительство в нац. районах, обратив особое внимание на наиболее отсталых из них»—таково решение партии. И это решение требует как громаднейшей работы ОНО, колоссального напряжения сил и энергии, самодеятельности и творчества местных национальных работников, так и твердого руководства и помощи центра.

Уже в резолюциях V съезда зав. губоно было отмечено, что дело просвещения национальностей является неотделимой, органической частью просвещения вообще, что вопрос этот помимо первостепенного культурного имеет и огромное политическое значение, тем не менее по целому ряду ОНО нацменработа является еще заброшенным, еще беспризорным участком.

Эта заброшенность острее всего выявилась после так называемой рационализации работы на местах, «рационализации», принявшей формы самого беззастенчивого сокращения работников, в том числе, а кое-где и в первую очередь, работников (инспекторов) нацмен.

Непомерное рвение к «сокращению вообще» гибельно отразилось на просвещенской работе ряда мест, нацмен же работа, страдающая всегда от недостатка инспектуры, осталась в подавляющем большинстве буквально без нац. работника. Общая же инспектура, не зная языка, имея более чем достаточную нагрузку, не могла следить за жизнью и работой школы нацмен, нацменполитпросветучреждения. Таким образом по линии инспектирования нац. учреждений места имеют большой дефицит, который в условиях работы с восточниками и некоторыми западными национальностями был надлежаще учтен и сбалансирован в пользу идеологически враждебных нам мелкобуржуазных и религиозных влияний, и не только влияний, но и действий.

Наличие нац. инспектуры на местах является фактором, предопределяющим не только количество, но и качество просвещенской работы нацмен, и это должно найти свое отражение в штатной структуре ОНО.

Что же мы имеем в настоящее время по главным разделам народного образования национальностей не-русского языка?

Работа в области социального воспитания подрастающих кадров является самым главным разделом национального просвещения вообще. Перед нами в этой области развертывается целый ряд крупнейших за-

Съезду необходимо по всем отраслям просветительной работы среди нацмен наметить мероприятия, которые уже в этом году могут быть осуществлены (школьное строительство, переподготовка кадров учителей и политпросветработников, закупка учебников и наглядных пособий, продвижение кино и радио в нац. районы, усиление антирелигиозной работы в школах и среди молодежи, вовлечение в орбиту систематического методического руководства нац. школы и политпросветучреждений). Моменты, благоприятствующие интенсивному развитию просвещения нацмен (особенно отсталых), должны быть учтены при составлении производственного плана и сметных заявок на будущий год, причем все эти заявки должны быть взяты в рубрику бюджета нацменработы с четким указанием потребностей каждой национальности.

Съезд, суммируя опыт и подводя итоги всей просветработы нацмен, должен учесть, что культурное строительство нацмен, обусловливающее широкое вовлечение многомиллионных масс нацмен в действенное участие в строительстве социализма в нашей стране, требует «особой систематической, терпеливой идейно-воспитательской работы среди этих масс» (по резолюции XII Съезда партии). Лучшим орудием для этой работы является родной язык. Родной язык среди отсталых масс нацмен, должен быть орудием коммунистического просвещения как в школах, так и в массовой политпросветработе. Тут нужно преодолеть имеющийся еще в ряде случаев великорусский шовинизм, проявившийся и в недостаточном внимании и в халатном, безразличном отношении к вопросам просвещения нацмен.

Надо напрячь все силы, чтобы школа и учитель нацмен стояли на должной высоте.

В. ЛИЭ.

О ПЛАНЕ ВВЕДЕНИЯ ВСЕОБЩЕГО НАЧАЛЬНОГО ОБУЧЕНИЯ.

(Тезисы доклада на съезде завоно.)

1. Основные показатели составленного Наркомпросом сводного общереспубликанского перспективного плана введения всеобщего начального обучения имеют следующее выражение:

а) при увеличении числа учащихся школ I ступени и 1-го концентра школ повышенного типа по РСФСР в целом за последние 3 года в 12,4%, 7,8% и 4,5%—дальнейший ежегодный прирост числа учащихся наметился по плану:

для	1927/28 г.	в	2,9%	а без Моск. и Ленингр.	губ.	в	3,1%
„	1928/29 „	„	7,1%	„ „	„	„	7,4%
„	1929/30 „	„	5,6%	„ „	„	„	5,7%
„	1930/31 „	„	7,5%	„ „	„	„	7,6%
„	1931/32 „	„	7,9%	„ „	„	„	7,8%
„	1932/33 „	„	9,8%	„ „	„	„	10,0%
„	1933/34 „	„	10,5%	„ „	„	„	10,8%

что говорит о необходимости достижения решительного перелома в имеющем сейчас место убывающем темпе развертывания сети начальных школ;

б) при обеспеченности детей 8—11-летнего возраста школьными местами на первой ступени обучения в 1926/27 г. по РСФСР в 67% (с учетом второгодников и переростков), дальнейший ежегодный процент обеспеченности, в связи с изменениями в численности детей школьного возраста, снижением второгодничества и указанным выше темпом развертывания сети, наметился по плану:

для	1927/28 г.	в	72,5%	а без Моск. и Ленингр.	губ.	в	71,1%
„	1928/29 „	„	81,4%	„ „	„	„	80,4%
„	1929/30 „	„	84,9%	„ „	„	„	84,2%
„	1930/31 „	„	88,6%	„ „	„	„	88,0%
„	1931/32 „	„	91,5%	„ „	„	„	90,9%
„	1932/33 „	„	94,2%	„ „	„	„	93,9%
„	1933/34 „	„	97,2%	„ „	„	„	97,1%

в) потребность в средствах на расходы по введению всеобщего начального обучения по плану определилась:

для	1927/28 г.	в	243,2 млн. р.,	а без Моск. и Ленингр.	губ.	в	211,2 млн. р.
„	1928/29 „	„	284,9 „ „	„ „	„	„	248,2 „ „
„	1929/30 „	„	329,0 „ „	„ „	„	„	286,9 „ „
„	1930/31 „	„	383,9 „ „	„ „	„	„	333,9 „ „
„	1931/32 „	„	437,3 „ „	„ „	„	„	381,5 „ „
„	1932/33 „	„	503,5 „ „	„ „	„	„	442,3 „ „
„	1933/33 „	„	576,6 „ „	„ „	„	„	509,9 „ „
Итого за 7 лет			2 758,5 млн. р.	„		„	2 413,8 млн. р.

причем сверх этого свыше 50% школьно-строительной программы, что составляет по РСФСР в целом 654 млн. р., а без Московской и Ленинградской губ.—626 млн. р., откладывается выполнением на период после 1933/34 г.;

г) бюджетные показатели, положенные в основу приходной части плана введения всеобщего обучения, по местному бюджету наметились в следующих цифрах (без Московской и Ленинградской губ.):

		% роста всего местн. бюджета брутто	Удельн. вес расход. по н. о. в местн. бюджете.	Доля начальн. образов. в н. о.
для	1926/27 г. (по назнач.)	30%	28%	51%
„	1927/28 „ „	11%	31%	52%
„	1928/29 „ „	11%	32%	54%
„	1929/30 „ „	9%	32%	55%
„	1930/31 „ „	8%	32%	56%
„	1931/32 „ „	8%	33%	57%
„	1932/33 „ „	8%	33%	58%
„	1933/34 „ „	8%	33%	59%

д) степень покрытия расходов по всеобщему обучению за период с 1927/28 г. по 1933/34 г. средствами местного бюджета определяется по плану для РСФСР без Московской и Ленинградской губ. в 60,4% (без субвенции), а покрытие за счет всех источников, из которых в настоящее время отпускаются средства на начальное образование,—в 82,7%. Остальные 17,3%, что составляет 418,5 млн. р., являются дефицитом, сумма которого с 20 млн. в 1927/28 г., ежегодно повышаясь, выражается для 1933/34 г. в 130 млн. р.

2. Все приведенные цифры являются пока ориентировочными, так как сводный перспективный план, впервые построенный на основе местных планов, в большинстве своем еще несовершенных, отражает в себе недочеты этих планов, хотя и ослабленные рядом произведенных Наркомпросом поправок. Ввиду этого как местные, так и сводный общереспубликанский план подлежат дальнейшему уточнению, в особенности в связи с открывающейся в настоящее время возможностью использования данных демографической и школьной переписей.

Уточнение местных планов должно итти главным образом по линиями: а) более правильного исчисления детских контингентов, б) проверки и определения более реальных сроков полного осуществления 4-летнего обязательного обучения, в) проверки и согласования норм текущего содержания, оборудования и школьного строительства и более основательной проработки школьно-строительной программы, г) более основательной проверки приходной части плана и д) выявления потребности в педперсонале и степени ее покрытия.

3. Инструкция отделам народного образования по вопросу о порядке уточнения перспективных планов введения всеобщего обучения Наркомпросом разрабатывается и будет разослана на места. Губернские (областные и краевые) ОНО должны со всей энергией организовать работу по уточнению планов на основе этой инструкции, обеспечив надлежащее выполнение специально выделенным работникам соответствующей квалификации, затем провести уточненный план через местный исполнительный комитет, окончательно исправить его по замечаниям последнего и затем сообщить в копии Наркомпросу не позднее 1 июля сего года. Этот окончательно утвержденный план и должен стать рабочим планом по ежегодному развертыванию сети начального обучения и ее финансированию.

4. Приведенные в 1-м тезисе показатели сигнализируют о больших затруднениях, ожидающих нас в деле полного осуществления всеобщего обязательного начального обучения к предуказанному декретом ВЦИКа и СНК от 31 августа 1925 г. сроку—1933/34 учебному году. Затруднения эти, как показывает анализ данных местных и сводного планов, имеются прежде всего в отношении увеличения до необходимых размеров темпа школьного строительства и капитального ремонта, обеспечения развертывания школьной сети надлежаще подготовленным педперсоналом, организации вспомогательных мероприятий по обеспечению действительной общедоступности начального обучения, особенно для детей деревенской бедноты и т. д.

Все это в связи с крайней необеспеченностью выполнения планов денежными средствами возбуждает самые серьезные опасения за возможность полного осуществления всеобщего обязательного обучения к намеченному сроку для целого ряда областей и губерний РСФСР.

5. Такое положение дела побудило Наркомпрос, при представлении общереспубликанского плана введения всеобщего обучения на утверждение СНК РСФСР, войти в СНК со специальной докладной запиской по вопросу об обеспечении своевременного выполнения означенного плана необходимыми денежными средствами путем установления определенной устойчивой системы финансирования этого дела из средств госбюджета в размере от 28 до 30% общей потребной до 1933/34 г. суммы:

а) на ежегодное пополнение центрального школьно-строительного фонда для выдачи ссуд местам и б) вообще на оказание пособий экономически слабым республикам, областям и губерниям для выполнения планов, главным образом на проведение минимальных ставок учительской зарплаты. Приэтом, ввиду общесоюзного значения дела всеобщего обучения, Наркомпросом выдвинуто предложение об отнесении части расходов на общесоюзный бюджет, с созданием особого всесоюзного школьно-строительного фонда.

6. В то же время в целях обеспечения дела введения всеобщего начального обучения должно быть обращено серьезное внимание на привлечение средств самого населения, которые могут и должны стать значительным источником покрытия указанного выше дефицита. До последнего времени население привлекалось к финансированию начального обучения чрезвычайно недостаточно и неорганизованно. Ныне, особенно в связи с декретом и практикой по самообложению, важнейшей задачей становится планомерная мобилизация средств населения, использование последних в соответствии с местными планами по всеобщему обучению. Имея в виду задачу максимального притока этих средств, желательно последние использовать на финансирование потребностей, наиболее понятных для населения—на участие в строительстве и капитальном ремонте, как и на создание условий действительной общедоступности школы (бесплатное снабжение одеждой и обувью, организация общежитий, подвоза детей и т. п.). Имея в виду эту же задачу поощрения общественного финансирования начального обучения, необходимо всемерно пойти навстречу крестьянству в его желании территориально приблизить к себе школу. ОНО должны привлечь к содействию в деле мобилизации средств населения на начальную школу общественные организации города и деревни, особенно ячейки ОДН.

7. Обязательность введения всеобщего начального обучения может быть введена на основании постановления правительства от 22 апреля 1927 г. по отдельным административно-территориальным единицам. Насаждение в губернии, в уезде, в волости «культурных оазисов», в которых осуществляется всеобщее обязательное обучение—важнейшая общественно-политическая задача—и должно быть всячески форсировано. Наличие плана по всеобщему обучению ни в коем случае не должно служить препятствием к тому, чтобы использовать это правительственное постановление о введении всеобщего обязательного обучения в отдельных районах. Это обязывает ОНО широко популяризировать план всеобщего обучения, с тем, чтобы вызвать у низовых государственных и общественных ячеек, как и у самого населения, соревнование в деле первоочередного введения у себя в районе обязательного начального обучения. Само собой разумеется, что районами, в которых прежде всего необходимо введение всеобщего обучения, должны стать фабрично-заводские поселки.

8. Задача введения всеобщего обучения среди нацменьшинств, имеющая свои многочисленные специфические особенности, требует составления особых по этому предмету плановых расчетов. Опыт истекшего года показал крайнюю сложность и трудность таких расчетов: частично полученные Наркомпросом с мест планы по введению всеобщего обучения среди нацмен оказались настолько несовершенными, что дать на их основе общереспубликанскую сводку оказалось невозможным. Ввиду этого Наркомпрос приступил к разработке специальной инструкции по составлению планов введения всеобщего обучения среди нацмен и предполагает в ближайшем времени разослать ее на места. Впредь же до выяснения размеров дополнительных расходов, которые вызываются особенностями дела введения всеобщего обучения среди нацмен, контингенты учащихся нацмен будут учтены в общих планах введения всеобщего начального обучения.

М. ЭПШТЕЙН.

Всеобщее обучение среди нацмен [1]

Текущая практическая работа местных органов народного образования по планированию всеобщего обучения среди нацмен властно выдвинула на одно из первых мест вопрос об установлении типа школы, который должен быть положен в основу плана по отдельным национальностям. Этому вопросу Все-

[1] Окончание, см. „Народное просвещение". № 3.

ОНО, все окружные инспектора, представители общественных организаций, основные работники окружных опорных и опытных учреждений, часть руководителей городских просветительных учреждений, несколько районных инспекторов из близлежащих районов и, в зависимости от рассматриваемых вопросов, те или другие массовые работники низовых учреждений.

Дальше, никаких постоянных секций и комиссий мы не имеем, а создаются они тем или иным инспектором из работников опытных или массовых учреждений по мере надобности. Правда, у нас имеются постоянные учреждения, своего рода окружные методические лаборатории, работающие по нашим заданиям и поддерживающие непосредственную связь с массовыми учреждениями округа. По линии соцвоса второй год существует окружная опытная педагогическая станция [1], объединяющая 4 школы I ступени и детсад. Кроме этого выделены в качестве окружных опорных учреждений один детдом, один центральный детсад и имеется опытная школа-семилетка НКП. По линии политпросвета имеется окружной политпросветкабинет. В районах, где у нас имеется по два инспектора, созданы также организационно-методические совещания на тех же принципах, как и в окроно. В свою очередь, они опираются на районные опорные учреждения, т. е. на райшколу, райизбу-читальню, райликпункт. По политпросвету, с целью вовлечения широкой общественности и содействия политпросветработе, имеется в округе и районах политпросветкомитеты.

И в городах и на селе,—а у нас преимущественно села и станицы имеют по нескольку учреждений,—структура следующая: по школам I ступени—сельские и городские объединения всех учителей и других просвещенцев и погрупповые объединения; по школам повышенного типа соцвоса—предметные объединения, педагогические совещания и школьные советы. К этому надо прибавить, что погрупповые и предметные объединения существуют на принципах добровольности, что всеми работниками одобряется.

Вот краткие пояснения к напечатанной выше схеме нашей структуры.

Первый год работы по этой структуре дает нам право заключить, что мы не ошиблись, и принятое нами построение всеми низовыми работниками встречено очень сочувственно.

Полезно здесь указать на то, что данная структура дает нам возможность справиться с работой и при том небольшом штате, который остался у нас после сокращения втечение одного года на 34% (в окроно—до 13 человек).

Что касается последних указаний Наркомпроса, а также опубликованной новой системы Ленинградского областного ОНО, то надо сказать, что они не вполне соответствуют требованиям жизненной действительности, которая ставит перед нами задачу—форсировать упрощение нашей системы.

Зачем действительно оставлять в округе методическое бюро со всеми секциями, когда и без них можно легко справиться с теми же задачами? Зачем требовать от района плана методической работы, когда можно в начале года дать окружной план и целевые задания для этих районных планов, а потом, в порядке объезда районов окружными работниками, проверять их и давать указания? В крае, пожалуй, на ближайший год надо оставить структуру, предлагаемую Наркомпросом, но для округов и губерний она будет стара и с ней пора покончить.

[1] Об опытной станции, как учреждении — в другой статье.

Весь аппарат отделов народного образования максимально сокращен, и нет гарантии, что он не будет сокращаться в дальнейшем. Надо же в этом сокращенном аппарате вводить такую систему, такие принципы управления, которые бы дали нам возможность справиться с основными требованиями в области народного образования. Со всеми этими принципами новая, предложенная здесь структура дала нам возможность в той или иной степени справиться, и, следовательно, она заслуживает особого внимания.

Я думаю, что теперь вполне своевременно нам—руководителям народного образования на местах—обменяться опытом по этому вопросу, чтобы, не задерживая местной инициативы, найти общие, более верные методы в деле перестройки, упрощения и улучшения всей нашей изжившей себя системы управления делом народного образования.

С этой целью я и пишу в нашем центральном органе, надеясь, что работники ОНО и Наркомпроса выскажут в печати свое мнение к предстоящему съезду завоно.

И. ЛЕОНОВ.

Пятигорск.

КЕМ ДОЛЖЕН БЫТЬ ИНСПЕКТОР ТРУДОВОЙ ШКОЛЫ.

Нам представляется, что важно не только определить общие формы и методы работы инспектора по народному образованию. Не менее важно определить, какие задачи стоят перед ним для того отрезка времени, в который ему приходится работать, какими основными положениями он должен руководствоваться в своей деятельности в ближайшие годы. Можно быть хорошо вооруженным методологией инспектирования, даже найти себе правильное место в общей организационной структуре Наркомпроса и ОНО и в то же самое время не отвечать на текущие запросы школы и всего нашего просвещенского дела.

Инспектор должен прежде всего знать, какие задачи стоят сейчас перед нами в области народного образования, каковы те основные линии, по которым будет в ближайшее время развертываться вся наша деятельность. Ведь инспектор является тем рычагом, при помощи которого Наркомпрос и его местные органы руководят школой. Через инспектора просвещенец знакомится с директивами партии и органов советской власти и с теми требованиями, которые предъявляют его работе в культурно-просветительных учреждениях. Не зная основной линии в вопросах народного образования, инспектор может натворить много бед, может создать совершенно ложное представление и у просвещенца и у населения о существующем курсе в области народного образования.

Мы еще совсем недавно пережили довольно длительную эпоху местного «программного творчества». Это было естественно, поскольку центр не дал до 1927 г. своих стабилизованных на продолжительные сроки обязательных программ. Этот период характерен своим, так сказать, «педагогическим феодализмом». И в работе методбюро, и в указаниях инспектуры, а тем более в работе самой школы было проявлено чрезвычайно много ценных и интересных педагогических исканий. Многие из них, апробированные опытом лучших наших школ, были учтены в основных программных и методических документах, которые за последние годы издавались руководящими органами. Но период «педагогического феодализма» в то же время приводил к чрезвычайно серьез-

ным отклонениям даже от наших основных педагогических установок. И не только к этому. Практикой педагогической работы было проторено чрезвычайно много проселочных дорожек, прежде чем были найдены правильные, в соответствии с содержанием работы советской школы, ответы на те или иные вопросы педагогического процесса. Для нашей бедной силами и средствами школы это чрезвычайно расточительный метод строительства.

Сейчас стабилизованные обязательные программы даны. Есть основной принципиальный документ, на основе которого и должна развертываться вся текущая школьная работа. Создана поэтому возможность не тратить излишних сил на то, что уже установлено, а ориентироваться во всей своей работе на определенный стандарт, который дается объемом знаний и навыков, установленных программами и основными линиями педагогического процесса, оформленными в методических записках к программам.

Основная и центральная роль инспектора на ближайшее время и должна заключаться в том, чтобы быть стражем педагогического единства, являющегося результатом работы на основе наших программ.

Эта борьба инспектора за педагогическое единство тем более нужна, что в условиях нашего переходного времени и в школе мертвое еще хватает все живое, что накапливается сейчас в ней. Борьба мелкобуржуазных и капиталистических отношений с социалистическими идет и по линии культурно-просветительной работы. И в школе многочисленные неправильные изгибы в работе по существу являются выражением этой борьбы. Формальный подход к программам, неправильное истолкование на практике тех или иных наших педагогических принципов, реставрация методов работы старой дореволюционной школы, отсутствие умений увязать учебную работу с воспитательной и т. п.,— со всем этим несравненно легче будет бороться тогда, когда будет изжит этот период педагогического разброда и когда все учительство будет строго ориентироваться на тот основной программный документ, который ныне дан уже в школе. Вот почему, выступая в роли стража педагогического единства, инспектор в то же самое время обеспечивает успешность борьбы за новую советскую школу.

Какие выводы должен сделать отсюда инспектор для своей практической деятельности?

Прежде всего самому до самых мельчайших подробностей изучить программы и методические записки единой трудовой школы. Именно изучить, причем обязанность изучения этого документа ни в какой степени не связана с признанием данного варианта программ и методических записок на 100% совершенными и безошибочными. Не так. Мы, однако, считаем, что программы 1927 года учли весь тот громадный опыт, который был накоплен в процессе практической работы школы над программами прежних вариантов, и поэтому стабилизованная редакция программ является наиболее совершенной из того, что можно было дать в настоящих условиях.

Но этого мало—знать самому программы. Надо озаботиться, чтобы все учительство изучило и программы и методические записки к ним. Еще и поныне часто приходится читать и слушать претензии учителей насчет недоработанности тех или иных вопросов, которые не имели бы места, если бы наши программы и записки к ним были бы учительству в достаточной степени известны.

Стабилизованные программы, по существу, являются результатом огромной массовой педагогической работы лучших, передовых кадров учительства. Программы стабилизованы на продолжительный срок, но

не навсегда. И уже сейчас должен быть организован чрезвычайно тщательный учет результатов работы школы, да еще школы разнотипной (деревенской, городской, различной комплектности, в разнообразном производственном и культурно-бытовом окружении и т. п.), по этим программам. Надо обеспечить дело так, чтобы к будущей работе по дальнейшему уточнению и усовершенствованию программ трудовой школы мы были бы вооружены массовой оценкой и консультацией всего учительства. Организовать эту большую, ответственную работу учителя над систематической оценкой наших программ с точки зрения интересов и запросов повседневной школьной работы—вот одна из важнейших обязанностей нашего инспектора. По существу это будет означать, что инспектор проделывает благодарнейшую и ответственнейшую работу по втягиванию всей учительской массы в дело строительства новой школы.

За последние год-два мы часто сталкиваемся в жизни нашей школы, особенно средней, с рядом довольно отрицательных явлений. Советская общественность, и особенно наиболее чуткие ее элементы—коммунистическая молодежь,—совершенно справедливо высказывает опасения по этому поводу. Антисемитизм в школе, возникновение различных антиобщественных группировок, рост кое-где религиозных настроений—не встречают должного отпора со стороны школы. В то же время наблюдающаяся кое-где реставрация отметок, значков, старого подхода к дисциплине в школе, загрузка учащегося уроками на дом, безучастное отношение школы к этим фактам, к ослаблению пионердвижения, работы детских организаций и т. п.,—все это не может не волновать.

Где нужно искать причины этих явлений? Нам представляется, что причина прежде всего в том, что несколько затянулся период перехода в руководстве от общих принципиальных педагогических установок к конкретным деталям учебно-воспитательной работы в школе «как она есть». Учитель не может ждать, пока мы ему всех этих деталей не дадим. Педагогический процесс идет; требования к повышению качества работы со стороны всей советской общественности изо дня в день увеличиваются; школа приковывает к себе все больше внимания населения, и естественно, что учитель разрешает ряд вопросов своей текущей педагогической деятельности так, как ему подсказывает накопленный им опыт старой школьной практики. Стандарты дореволюционной школы здесь невольно приходят ему на помощь, поскольку нет еще новых. А что учительство в массе своей пытливо ищет этих новых стандартов, видно хотя бы по таким явлениям, как массовое паломничество на все созываемые нами съезды и конференции, когда число приглашенных фактически увеличивается приезжающими самотеком в четыре, пять и шесть раз. Это видно и по массовой тяге к поступлению на объявленные Главсоцвосом заочные курсы по повышению квалификации учительства, когда втечение нескольких месяцев собралось свыше 20 000 заочников.

Вся задача борьбы с этими отрицательными явлениями в жизни школы лежит прежде всего в плоскости перехода к конкретному руководству повседневной педагогической работой учителя. Дать школе ответы в соответствии с нашей педагогической установкой на все отдельные детали педагогического процесса,—как организовать учебный год, учебный день, усвоение учащимися знаний, учет работы в школе, наша система педагогических воздействий, методика общественно-полезной работы, деятельность детских организаций, помощь в работе однокомплектной школе и т. д. и т. п.,—вот очередная и важнейшая

задача, за которую нужно ухватиться в нашей руководящей и инструктирующей деятельности.

Инспектор должен стоять в центре этой работы. Возможно большая конкретность в руководстве, максимальный учет действительных потребностей школы—этот лозунг уже дан в свое время Главсоцвосом. Но, повидимому, мы все еще не научились на практике применять его. Между тем, только разрешая эти практические запросы учительства, мы сможем в действительности дальше двигать дело строительства советской трудовой школы. И наоборот, чем больше мы затянем период общих принципиальных указаний, тем все большее разочарование вызовем мы у учительства. Мы рискуем даже создать у учителя неверие во всю нашу работу и в возможность создания той школы, к которой мы стремимся и сторонниками которой стали основные кадры нашего учительства.

На опыте лучших наших школ эти детали педагогического процесса могут быть установлены. Вот почему больше чем когда бы то ни было инспектор должен стать организатором учета этого опыта и его собирателем. Вот почему районная школа, как и всякое другое опорное учреждение (центральное дошкольное учреждение, изба-читальня, инструктивный ликпункт и т. п.), должна стать штабом инспектора. Тот инспектор, хотя бы методически и организационно чрезвычайно грамотный, но который в своей работе не опирается на эти опорные учреждения, определенно не в состоянии будет разрешить те задачи, которые именно сейчас стоят перед ним. Через опорные учреждения, через связь с лучшими школами, имеющимися в районе, инспектор учитывает, обобщает и доводит до сведения всей школьной периферии, в качестве своей инструктирующей помощи, достижения отдельных школ, с тем, чтобы их сделать массовым достоянием и двигаться дальше вперед всей массой школ.

За последнее время Наркомпросом всячески проводился курс на развертывание педагогической общественности. В условиях нашего производства нельзя руководить одним лишь административным аппаратом, хотя бы качественно чрезвычайно сильным, хотя бы самым разветвленным.

Этот курс на педагогическую общественность выразился в создании районной школы, в работе по повышению квалификации на добровольных началах, в широком привлечении к работе методбюро лучших представителей учительства, в создании сети педагогических журналов и тому подобное.

Тем более, когда речь идет о руководстве не столько по линии общих принципиальных установок, сколько по повседневным будничным деталям школьной работы, необходимо, чтобы в каждой школе сидел учитель, кровно заинтересованный в будущности советской трудовой школы, смотрящий на себя как на одного из ее пионеров. Вот почему больше чем когда бы то ни было перед нами вырастает задача идеологического завоевания учителя, как производственника, как педагога. Эта задача не может быть разрешена без опоры на актив, на авангард учительства. Один инспектор, хотя бы самый талантливый, но не создавший этого актива, не сорганизовавший его, ничего здесь не сделает. Он вынужден будет только администрировать, но не идеологически завоевывать.

Инспектором и должен стать тот, кто естественно выдвинут учительским активом. Понятно, что это «выдвижение» не должно произойти на основе каких-то уступок инспектора в вопросах принципиального порядка. Никакого хвостизма, для того чтобы стать во главе учительского актива, допустить нельзя. В условиях той классовой борьбы, которая еще имеет место в нашей стране и которая, как мы выше говорили, идет и на педагогическом фронте, какие бы то ни было принципиальные уступки являются прежде всего политически вредным делом. Наоборот, идя во главе актива, инспектор должен стать тем, кто наиболее отчетливо, наиболее ортодоксально ставит все вопросы советской трудовой школы. В представление учительства он и должен войти как наиболее страстный, последовательный и неуступчивый ее защитник.

В области школьной работы мы уже сравнительно научились учитывать опыт. Директивы, которые мы даем по линии школы, как правило уже сейчас исходят из обобщенного положительного опыта. За последние годы мы особенно богаты педагогической литературой, трактующей об этом опыте школы. Это чрезвычайно помогает в деле руководства школой и выработки жизненных для нее указаний. Это способствует переходу от общих рассуждений и абстрактных лозунгов к практической помощи школе. Тот же поворот нужен сейчас и в области помощи инспектору. Нужно от общих статей и принципиальных положений перейти к тщательному учету отдельных частей инспекторской деятельности, освещая, особенно по отмеченным нами выше линиям работы, как удачный, так и неудачный опыт. «Побольше практического дела, т. е. поменьше общих рассуждений, побольше фактов и проверенных фактов, показывающих, в чем, при каких условиях, насколько идем мы вперед, или стоим на месте, или отступаем назад». (Ленин.) Вот эти факты из инспекторской практики нам нужны сейчас «дозарезу». Их в нашей литературе пока что очень мало. Между тем и организационные формы работы инспектора и методология инспектирования смогут быть правильно разработаны не столько на основе западно-европейского или американского опыта, сколько на тщательном учете условий работы нашего инспектора. Задача Наркомпроса и отделов народного образования такой именно помощью инспектора обеспечить.

М. ЭПШТЕЙН.

БЛИЖЕ К УЧИТЕЛЮ.

Наш учитель работает в школе. Он должен проводить в жизнь новую программу, стараться применять новые методы, разбираться в комплексных темах, увязывать разные стороны работы между собой, заботиться о навыках, тревожиться по поводу общественной работы своей школы. Все это ново, сложно и хотя, быть может, чрезвычайно интересно, но во всяком случае очень и очень трудно. У учителя на руках несколько групп; он должен распределить свое время между учениками; только наладит он свою работу, как она у него снова начинает срываться.

Много неожиданностей стоит на его пути. Одни ученики уже давно сделали то, что им нужно сделать, и ждут, а другие еще не кончили и половины.

Есть и такие случаи в нашей педагогической практике. Если учитель вкладывает в работу новой трудовой школы всю свою силу, всю свою энергию, то он перерабатывается, он тратит слишком много сил, и зловещее слово «нагрузка» все больше и больше висит над его работой. А в то же время не всегда в школе во-время появляются дрова, и частенько приходится мерзнуть; не всегда во-время приходят и книги,

заказанные месяца два-три тому назад; не всегда хватает и бумаги для занятий,—все это обычные условия работы нашего массового учителя. Работая таким образом, он не имеет возможности оглянуться на свою работу; все время перед ним стоит вопрос: как выйти из целого ряда затруднений, и не всегда он находит желанный выход.

Положение учителя, вкладывающего все свои силы, всю свою энергию в педагогическую работу, очень трудно, и он в промежутки между часами своей работы, обдумывая завтрашний день или кончив поправлять ученические тетрадки, поневоле должен желать появления какой-то помогающей руки, появления в школе своего человека, который мог бы понять и оценить его работу и в конечном итоге устранить хотя бы немного те затруднения, от которых ему приходится иной раз чрезвычайно трудно.

Мы знаем, что трудовая школа медленно, но верно завоевывает себе место в нашей педагогической работе, и чем больше она завоевывает это место, тем больше, разумеется, является и нужда в помощи. Нельзя сказать, что в настоящее время нет никаких возможностей оказать нашему массовому учителю эту, желанную для него помощь.

Ведь в настоящее время, после того как известная часть работы над программами окончена, когда мы от вопроса «что нам делать?» перешли к вопросу «как нам делать?» и Главсоцвос понемножку превращается в своеобразную фабрику пособий для учителя,—наш учитель должен знать, что над детальной практической проработкой наших программ ведется усиленная, упорная работа; наш массовый учитель должен знать, что Главсоцвосом привлечено огромное количество сил, которые вырабатывают практические, посильные для учителя приемы работы по программам; учитель должен знать, что к этой деятельности привлечены наши лучшие методические силы, и в конечном итоге все то, что является результатом этой деловой работы, организованной Главсоцвосом, проверяется практическими работниками и в конце концов печатается.

Пройдет еще год, и я думаю, что мы сумеем выработать для нашей массовой школы всю ту основную сумму руководящих указаний, примеров, советов, разработок, в которых наш учитель так сильно нуждается и которые в значительной степени могут облегчить его труд.

Таким образом, те руководящие указания, которые даются научной педагогической секцией, они в настоящее время облекаются, так сказать, в плоть и кровь, конкретизируются, снабжаются практическими указаниями и, таким образом, не остаются только словами, а превращаются в серьезное практическое дело.

Но если в нашем центре, который отныне можно уже определенно назвать методическим центром, и накапливается большой практический материал и в дальнейшем будет накапливаться все больше и больше, то между этой работой и работой учителя все же остается некоторое пространство, в котором работа производится еще чрезвычайно слабо и не так, как нам бы этого хотелось. Между центральной работой и работой практической на местах мы еще в настоящее время не имеем приводного ремня, и здесь-то перед нами вырастает во весь свой рост, во всем том огромном значении, которое современем бесспорно будет всеми оценено, работа нашего инспектора, работа нашего инструктора. Совершенно ясно, что если мы поставим перед собой вопрос о том, как работать по программам, то вслед за этим необходимо разрешить и проблему инструктажа.

Недавно мне пришлось быть свидетелем такого факта. Во время доклада перед группой товарищей инспекторов мне пришлось упомянуть о выпуске в свет двенадцати номеров «Методического путеводителя». Меня спросили:

— А что, к этому изданию «Методического путеводителя» имеют какое-либо отношение Главсоцвос и те методисты, которые в нем работают?

Товарищ, в сущности говоря, не знал той работы, которая уже сравнительно давно налажена и которая могла бы ему самому оказать значительную помощь в его собственной деятельности. Тогда стало совершенно ясно, что инспектора наши, непосредственно работающие с массовым учителем, этот наш будущий приводной ремень, должны быть очень серьезно вооружены, обязательно вооружены теми материалами, которые вырабатываются в центре и которые по существу являются материалами инструктирующими.

Мы выпустили наши программы и объявили, что массовый учитель отныне обязан эти программы знать, и не только программы, но и методические записки к ним. Я думаю, что в гораздо большей степени это требование надо предъявить к нашим инспекторам.

Итак, программы—это есть первое, чем должен быть вооружен наш инспектор; второе—это то, что он, конечно, должен постоянно иметь под руками руководящий журнал нашей педагогической секции «На путях к новой школе» и, втретьих, ему необходимо иметь у себя журнал «Народное просвещение», а также он должен иметь в своем распоряжении «Методический путеводитель», и затем он должен быть в курсе некоторых педагогических новинок, которые постоянно появляются на нашем педагогическом горизонте.

Я не думаю, чтобы все эти издания, имеющие своей целью помочь учителю в работе, чтобы они вплотную до него дошли. Мне кажется, что не только инспектор, но в гораздо большей степени рядовой учитель совершенно не знает о тех материалах, которые могут ему помочь в его работе. Поэтому первое требование, которое мы должны предъявить к нашим инспекторам, это требование, чтобы они явились пропагандистами тех изданий, которые мы издаем в центре для помощи массовой работе.

Ни для кого не тайна, что отношения между рядовым учителем и нашей инспектурой глубоко ненормальны; они ненормальны потому, что до сих пор мы возлагали на инспектора функции контроля, ревизии, и весьма часто после того как инспектор уходил из школы учитель чувствовал на себе некоторые организационные выводы его посещения. В сущности говоря, мы редко можем отметить такие случаи, когда после ухода инспектора из школы учителям становился бы яснее, проще путь их дальнейшей работы. Когда я на одном учительском собрании высказал такую мысль, что нам нужно добиться того, чтобы учитель после ухода инспектора чувствовал себя легче, то на это мне один остроумный товарищ заметил:

— Да это у нас на самом деле всегда так и бывает: когда инспектор уходит, мы всегда вздыхаем с чувством облегчения.

Все засмеялись, и я в том числе, но, в сущности говоря, это постоянно наблюдаемое явление, конечно, очень и очень печально.

Но как бы то ни было, мы должны добиться того, чтобы наш педагогический, так сказать, командный состав, наши инспектора превращались бы все больше и больше в инструкторов и все больше и больше научались бы помогать учителю.

Следовательно, недостаточно нашему инспектору иметь у себя только чемоданчики и весь тот ассортимент книг и пособий, с которыми он приходит к учителю, недостаточно ему хорошо знать, что в них написано,—он должен еще уметь и помочь, а это дело нелегкое.

ребятам писать—всегда замечается, что или чернил нет, или перьев нет, или карандаш сломался; начнут ли читать—оказывается, кто-нибудь книжку не находит; начинают ли рисовать—всегда приходится тратить время на поиски красок. Вот эта деталь педагогической работы является одним из многочисленных моментов, который должен быть учтен и проанализирован.

Если бы мы могли провести в жизнь одно очень элементарное правило: «не начинай никакой работы, прежде чем у тебя все не будет готово для нее», то мы в конечном итоге добились бы очень больших успехов в организации нашего преподавания.

Таким образом, если бы мы в нашей работе обращали очень большое внимание на начало года, на начало дня, на начало каждого занятия, то этот прием мог бы оказать большую услугу нашей педагогической практике.

Надо сказать, что таких случаев вышеуказанной педагогической работы—чрезвычайно много, и если опытный учитель вырабатывает в себе некоторые приемы, которые ему облегчают работу, то в огромном большинстве случаев мы встречаемся с тем, что целый ряд этих практических вопросов не продуман, а благодаря этому учитель вынужден тратить на работу с детьми гораздо больше сил и больше времени, чем это нужно для ее толкового делового производства.

Но ведь теряет время не один учитель,—неумелая организация работы учителем заставляет и самих детей тратить чрезвычайно много времени.

Поэтому я полагаю, что было бы чрезвычайно интересно оценить вообще организацию нашего преподавания с точки зрения потери времени, которую приходится испытывать как нашим учителям, так и ученикам.

Стать ближе к учителю—это значит понять его работу. Но чтобы понять, надо изучить. А это уже не так просто. О способах изучения учительской работы в следующий раз.

С. Т. ШАЦКИЙ.

Ю Б И Л Е Й МАКСИМА ГОРЬКОГО

ЧЕГО ХОТИМ МЫ ОТ ГОРЬКОГО.

Алексею Максимовичу стукнуло 60 лет. А между тем—я его видел всего несколько лет назад—у него почти нет седины (это несмотря на хроническую болезнь), глаза смотрят ясно и внимательно из-под лба, изборожденного какими-то особливыми русскими морщинами, усы торчат насмешливо, бодрая, живая—да какая еще живая!—душа глядится сквозь всю длинную угловатую фигуру нашего дорогого юбиляра. Вообще говоря, не особенно хорошо должен чувствовать себя человек, к которому все пристают с «приятной» новостью: «У тебя, братец, шесть десятков лет за горбом». Но Алексея Максимовича вряд ли это беспокоит: ей-богу, ему никто шестидесяти лет по виду не даст, назвать его «почтенным старцем» не повернется самый расторопный и развязный язык. Даже то, что у него есть внучка, кажется парадоксом или выдумкой фашистских фотографов—до того все мы привыкли воспринимать Горького как молодую животворящую силу.

Я сейчас не хочу писать ни об огромных заслугах Горького, ни о его колебаниях и ошибках, ни о его мировом литературном имени. Я хотел сказать лишь несколько слов о том, чего мы хотим от Горького. От Горького как великого пролетарского художника, как нашего писателя.

Горький—коллективист, он чувствует массу, ритм ее жизни, ее борьбы, ее труда, дыхание класса, народа, больших человеческих глыб. Ранний период его творчества, период блестящих российских лаццарони, Мальв и Челкашей, со всеми их живописными лохмотьями и «независимостью взгляда»—давно прошел, хотя и этот период в творчестве Горького ошарашивал обитателей тинистых болот—«государства российского» и играл огромную революционную роль. Горький—художник, знающий массу. Горький—проповедник культуры и труда. Он привык ценить и уважать труд больше всего на свете. Пожалуй, никто так не чувствует весь пафос созидательного творческого труда, как Горький, никто так не ощущает огромного революционного, преобразовательного значения труда, как этот пролетарский писатель. Ведь даже его октябрьские ошибки (не к ночи будь они помянуты!) объяснялись тем, что художник видел и слишком чувствовал «издержки революции», которые скрывали от него ручьями крови и стенаниями разрухи перспективы творческого будущего.

Горький—борец с мещанством, имеющий здесь очень солидный стаж.

Горький—замечательный наблюдатель, знаток жизни, с пытливыми глазами, с руками, весьма загребущими по отношению к «матерьялу»: он накопил огромный жизненный и художественный опыт, он развил в себе несравненную способность вгрызаться в жизнь, вон-

Мы чрезвычайно много занимались всевозможными обследованиями—и по схемам и без них, у нас даже, по всей вероятности, выработалось значительное умение обследовать, но научились ли мы до сих пор анализировать школьную работу, работу учителя—это еще очень большой вопрос. Большой вопрос потому, что научного объективного анализа педагогической работы мы вообще не имеем. Если нам зададут вопрос: из каких элементов складывается работа учителя?—то даже опытному человеку не так-то легко будет на него ответить. В нашей педагогической литературе такого рода материалов почти совершенно не имеется.

Я думаю, что теперь, в связи с тем направлением педагогической работы, которое сейчас все больше и больше разрабатывает вопросы методики занятий в школе, нам необходимо начать изучать работу учителя, изучать ее так, как она происходит в жизни, изучать работу не только учителя обычного, но и плохого и хорошего. Изучение это необходимо вовсе не с той целью, чтобы нам в конечном итоге выработать идеальные или лучшие образцы преподавания, но в первую очередь для того, чтобы яснее и отчетливее представить себе, что же значит хорошая толковая работа и отчего тот или другой способ занятий учителя плох, в чем ошибки работы учителя и в чем ее достижения.

Все, что до сих пор мы имели, все наши суждения по поводу этих важнейших вопросов, касающихся, в сущности говоря, чрезвычайно серьезной проблемы, проблемы мастерства преподавания,—все это является еще суждением на-глаз, и огромным количеством субъективности мы все еще страдаем во всякой оценке работы учителя, которая проходит перед нашими глазами. Я думаю, что нам нужно не только изучать работу учителя и составлять планы такого изучения, а нам нужно, пожалуй, уметь учиться у учителя, как работать.

У нас наблюдается большой недостаток хороших приемов, удачного подхода к делу, интересного подбора материала, материал этот чрезвычайно редко фиксируется, и им мы чрезвычайно мало умеем пользоваться. Мало того—мы даже встречаемся с такого рода явлениями, когда сам же учитель, который в этом году сделал целый ряд интересных, удачных попыток провести занятия по той или другой теме, на будущий год их не всегда повторяет, характер его приемов весьма часто меняется.

Я не знаю, быть может, мы сами в этом виноваты, виноваты в том, что слишком сильно толкали нашего учителя на педагогическое творчество. Но нельзя все время творить и не придавать результатам этого творчества более или менее определенной устойчивой формы, которой учитель и сам мог бы воспользоваться и которую другие товарищи могли бы провести в своей школе. Вот этого-то у нас очень и очень мало, а это, мне кажется, происходит потому, что мы при нашем посещении школы не умеем заметить, не умеем ценить, не умеем зафиксировать те действительно верные способы решения в общем нелегкой педагогической проблемы, которые проделаны тем или другим учителем.

Если подумать о том, что у нас происходит среди довольно большого количества учителей, то это можно было бы назвать: колоссальным распылением сил и средств.

Перейду сейчас к некоторым конкретным примерам.

Мы достаточно ясно представляем себе, какое большое значение имеет в нашей педагогической практике, как, положим, и во всякой практике, начало работы.

Как у нас обычно происходит это начало? Как мы начинаем нашу работу?

Вот осенью открывается школа; собираются ученики, учитель. Первое время мы, в сущности говоря, раскачиваемся; у нас мало что готово, и учитель и ученики знают, что тот момент, когда работа школы пойдет полным ходом, наступает обыкновенно недели две-три спустя после начала.

Что же значат эти постоянно повторяющиеся периоды раскачивания в начальные моменты школьной работы для целого года?

Они играют здесь весьма плохую роль, и происходит это потому, что школа не готова к началу своих работ, что все, что нужно сделать для того, чтобы определенно, четко начать работу,—все это еще не обдумано, помещение не приведено в порядок, пособия не собраны, не хватает то карандашей, то чернил, то бумаги, то книг; учитель и ученики довольно продолжительное время находятся в таком состоянии, когда они должны выдумывать для себя те или другие дела, а это состояние неопределенности, нерешительности, которое испытывают все наши ученики и все наши учителя, не проходит для них бесследно—оно отражается на продуктивности работы всего года.

Этот обычай—обычай не быть готовым к началу—весьма сильно у нас распространен.

То же можно сказать и относительно занятий каждого дня. Учитель входит в класс и говорит ученикам: «Ну вот, ребята, сегодня мы начнем с вами решать такую-то задачу». Затем он остановится, подумает и скажет: «Нет, лучше мы сейчас задачу решать не будем, а займемся чтением... или лучше вот что: возьмите вы сейчас бумагу, карандаши и рисуйте».

Вот если учитель вошел в класс, и на лице его написаны нерешительность, неопределенность, то эта нерешительность и эта неопределенность передаются и ученикам: им чрезвычайно трудно войти в деловое, рабочее настроение, они приучаются к такому способу работы, и в дальнейшем каждому учителю приходится встречаться с целой массой таких нерабочих настроений.

Мне пришлось однажды весьма подробно записать урок очень хорошего и серьезного учителя, который объяснял своим ученикам, как отметить в тетрадке данные о погоде за неделю. Он им все объяснил, а после этого объяснения опять начались вопросы: «А где надо писать—на правой стороне или на левой?» «Занимать ли для каждой отметки две клеточки или одну?» «А у меня карандаша нет». «А у меня вся тетрадка кончилась». «А я не знаю, каким цветом отмечать дождь». И так далее.

Когда я наблюдал затем, что происходило в это время с учителем, то я видел, как он приходил во все большее и большее раздражение, и через некоторое время он уже начал упрекать ребят в том, что они лезут к нему с вопросами. «Ведь это же так ясно и так просто,—говорил он.—Ведь я тебе сколько раз объяснял, а ты опять не понимаешь!» «Да что ты, сам не можешь найти карандаша?»—говорил он раздраженным голосом другому, и так дальше.

В общем хорошо задуманный урок, благодаря тому что не были обдуманы детали, не были предусмотрены все эти постоянно встречающиеся затруднения в работе, прошел с большими затруднениями и с гораздо большей затратой учительских сил, а также и детских, чем это было бы в том случае, если бы урок был подготовлен.

Но этого мало. Мы не только день начинаем в состоянии такой значительной нерешительности, но обыкновенно мы редко встретим должную подготовку и для каждой отдельной работы. Приходится ли

торов и т. д. Особенное внимание нужно будет уделить вопросу об использовании учебных баз для стационарных занятий. Это потребует конструкции календарного плана, обеспечивающей возможность полного использования кабинетов, лабораторий вузов и техникумов в те сроки, когда последние (вузы и техникумы) свободны от своих занятий.

VIII.

Центральные стационарные курсы.

Мы должны увеличить в три раза охват центральными курсами за счет сокращения продолжительности в пределах того количества человеко-дней, которое мы имеем в настоящее время, причем это сокращение должно быть проведено постепенно, с тем чтобы к 1930 г. оно было доведено до возможной нормы.

Основные ориентировочные цифровые данные следующие.

80 000 человеко-дней.

На 1928/29 г.

1) 15 дней на 2 000 = 30 000 человеко-дней, или
15 дней на 3 000 = 45 000 человеко-дней, из коих $^1/_3$ за счет самих курсантов.
2) 21 день на 750—1000 = 15 750—21 000.
3) 30 дней на 500—625 = 15 000—18 750.
4) 45 дней на 300 = 13 500.
5) 60 дней на индивидуальные научные командировки на 100=6 000.

На 1929/30 г.

1) Количество 15-дневок увеличить за счет сокращения 45-дневок на 50%, 30-дневок на $^1/_3$ и за счет увеличения человеко-дней на 10%.
2) Количество командировок увеличить также на 50%.

На 1930/31 г.

Увеличить на 10% 15-дневки.
Сократить 45-дневки полностью, а 30-дневки на 50%.
То же до конца пятилетия.

Таким образом перспективный план нужно будет разработать по следующим объектам.

1) Количество продукции, т. е. сколько курсантов всех типов пропустить через курсы ежегодно и сколько обслужить курсовой работой центра и на местах.
2) Разработка учебных планов, программ, индивидуальных тем для курсовой и докурсовой проработки.
3) Заготовка пособий, книг, приборов, кабинетов и т. п., постоянных—для института и передвижных—для местных курсов.
4) Работники, потребные для обслуживания намеченного количества продукции.
5) Местная методическая работа и самообразование.

Вот главное, что нужно иметь в виду при выявлении объектов для перспективного плана.

Основная работа, которую нам нужно провести, кроме непосредственного обслуживания курсантов,—заключается в том, чтобы наш опыт распространить на места. Нужно оставить у себя основной кадр, имея в виду, что у нас только 3 месяца в году будет вестись работа, в то время как все вузы свободны, следовательно, мы можем сразу 3—4 тысячи человек вызвать и сразу пропустить, и весь аппарат будет приспособлен к этому стационарному периоду работы. Тогда и та и другая работа не будет страдать.

С. *ФРИДМАН.*

Об организации процесса учебной работы.

I. ОЧЕРЕДНЫЕ ПРАКТИЧЕСКИЕ ЗАДАЧИ.

Организация учебного процесса является частью всего педагогического процесса.

Правда, нельзя вырвать из всей суммы вопросов, входящих в круг педагогического процесса, один только учебный процесс, но методологически нужно такое отделение произвести, поскольку сейчас правильная постановка усвоения образовательного материала, который мы в школе даем, является центром внима-

ния школы. Упор на образовательную работу приходится сейчас делать значительно больший, чем мы это делали бы в нормальных условиях, по понятным причинам.

Какие задачи мы должны себе поставить, разбирая вопрос об учебном процессе?

Первую из них можно сформулировать следующим образом: учебный процесс в нашей школе должен отразить новые методы работы, которые характеризуют советскую трудовую школу.

Здесь нужно сделать одно пояснение. Мы формально разделяем понятия метода работы и организации учебного процесса, однако, трудно говорить об отделении этих двух понятий по существу, потому что систему организации можно в некотором смысле также назвать методом работы. Во всяком случае система организации учебной работы так или иначе определяется новыми и активными методами самостоятельной работы, которые мы в школе пытаемся осуществить, и, следовательно, характер методов работы, которые мы применяем в школе, должен отразиться и на организации учебного процесса.

Вскрыть, в чем именно и каким образом это отражение должно произойти,—это первая задача, которую мы должны себе поставить.

Вторая задача сводится к следующему. Мы должны при помощи рациональной, правильной организации учебного процесса достичь наилучшей и наиболее прочной усвояемости образовательного материала. Мы хотим, чтобы из всего того материала, который проходит через мозг учащегося, скажем, школы крестьянской молодежи, втечение трех лет, чтобы из этой суммы знаний, навыков, умений, которые даются программами, максимальное количество при наилучшем качестве действительно прочно закреплялось и оставалось на возможно более долгое время в его голове.

Много теряется нами из изученного в школе. Обычно, вследствие плохих методов и плохих организаций работы, мы удерживаем лишь кое-что из того, что хотела нам дать школа.

Задача организации учебного процесса сводится к тому, чтобы это «кое-что» в проценте ко всей массе материала было максимальным, чтобы этот процент постепенно повышался.

Третья задача, собственно вытекающая из первых двух, сводится к организации учебного процесса таким образом, чтобы он был наиболее экономным в смысле рационального использования времени, в смысле интенсивности затраты энергии учащихся.

Надо, чтобы учащийся мог наиболее простым путем приобрести соответствующую группу знаний, причем часть этой задачи разрешается методами работы, но часть—правильной организацией работы. Рационализация процесса, которая дает возможность внутри нашего педагогического «хозяйства» изыскать некоторые «капиталы», которые можно сэкономить, по аналогии с промышленностью и хозяйством, является одной из важнейших задач, когда мы говорим о правильной организации педагогического процесса.

В этих трех задачах и в путях, которыми идет осуществление этих задач, целесообразно здесь разобраться.

В настоящей статье мы не ставили себе целью дать теоретический анализ проблемы педагогического процесса. Из всей суммы имеющегося сейчас опыта мы выберем то, что уже оправдывается, что показывает как будто положительные стороны, и критически подойдем к тем отдельным сторонам нашего опыта, которые выявляются, как отрицательные.

II. ЧТО ВЗЯТЬ ОТ ДАЛЬТОН-ПЛАНА.

Когда мы говорим о новых методах работы в школе, нужно прежде всего задать себе вопрос, в какой мере новые методы работы увязываются со старой формой организации школьной работы.

Старой формой организации школьной работы была система уроков—твердое расписание на пять или шесть уроков в день с перерывами между ними и т. д.

Нужно сказать, что в 1918 г. мы были против атрибутов старой школы—твердого расписания, системы уроков и т. д.,—боролись, и боролись довольно успешно, т. е. нам очень легко удалось убедить и учительство и население, что эта система имеет очень много дефектов. Эта система не ориентируется на интересы учащихся; в самом расписании уроков никакой системы нет, да и быть не может, потому что нужно согласовать интересы и время отдельных прподавателей. Почему, далее, учащийся должен (да и может ли он с успехом) заниматься в один день шестью предметами и т. д.? Словом, мы выдвигали целый ряд известных всем возражений, которые и сейчас не утратили своей вескости. Однако на практике мы не отказались от этой системы, не отказались не потому, что не замечаем ее отрицательных сторон, а потому что для огромного массива наших школ мы не нашли лучшей системы.

Несколько лет назад, в 1922 г., когда к нам проникли сведения о так называемом лабораторном плане (или Дальтон-плане), многие школы бросились, я бы сказал, не всегда спросясь броду, на этот самый Дальтон-план, как на спасительное средство против урочной системы и пытались осуществить его в школе.

а) Самостоятельность в работе.

Дальтон-план с внешней стороны имеет как будто ряд преимуществ против урочной системы, которые на первый взгляд лучше отражают задачи и цели нашей школы. Однако практика трех-четырех лет работы по Дальтон-плану показала, что мы далеко еще недостаточно разобрались в отдельных частях этой системы, недостаточно критически отнеслись к отдельным положительным и отрицательным ее сторонам и не выкристаллизовали еще совершенно четкой системы, которую можно было бы назвать советским Дальтон-планом или советским лабораторным планом.

Что же, собственно, из лабораторного плана является положительным? Во-первых, эта система дает возможность скорее, чем по другой системе, научиться самостоятельно работать. Это ее несомненное достоинство.

Во время урока, когда учитель занимается с группой, не каждый учащийся работает самостоятельно. Обычно проведение урока сводится к тому, что учитель либо объясняет урок, либо спрашивает каждого в отдельности учащегося, либо, в лучшем случае, спрашивает не одного, а нескольких учащихся, придавая уроку характер беседы, либо, наконец, проводит письменную работу. Затем, задав от сих до сих пор урок, расстается с ребятами. Самостоятельности в работе нет никакой, тогда как Дальтон-план по самой своей организационной сути предполагает определенную самостоятельную работу учащихся. Учащийся получает определенное задание, и ему дается возможность в такие-то часы в школе, а не дома, выполнить это задание.

Чем отличается выполнение заданий от задавания уроков на дом? Тем, что задание, которое получает учащийся по лабораторному плану, обычно целостнее. Оно предполагает не заучивание по книге готового, а прежде всего планировку работы, ясное представление целей, к которым задание подводит, и, наконец, оно обычно строится (или должно строиться) так, чтобы учащийся должен был его проработать в лаборатории или кабинете в присутствии преподавателя или, во всяком случае, при полной возможности к нему обратиться и получить руководящие указания.

Конечно, можно Дальтон-план поставить таким образом, что выполнение задания останется не чем иным, как выполнением обычного типа урока, только не дома, а в классе. Всякой хорошей идее можно придать форму, превращающую эту идею в свою противоположность. Однако система лабораторного плана такова, что она дает к этому меньше возможностей, выдвигая больше перспектив для действительно самостоятельной работы учащихся. Учащийся при Дальтон-плане приучается самостоятельно работать, приучается выбирать материал. Он приучается

не автоматически запоминать, не просто выполнять то, что предначертано, а комбинировать ряд элементов, а это и есть начало самостоятельной работы.

Задание в лабораторном плане должно затем содержать обдумывание работы, сюда должны входить и самоконтроль в работе. Давая задание для проработки в лаборатории, вы можете его ставить (и это наиболее ценно) таким образом, чтобы в определенном месте учащийся был вынужден сам себя проверить. Можно это сделать и при задавании уроков на дом. Но тут и есть опасность того, что, когда учащийся дома себя проверит, и неправильно себя проверит, он пойдет в работе дальше с неправильными сведениями и по ложному пути. Поэтому при задавании уроков на дом преподаватель правильно делает, когда стремится давать такого рода задания, чтобы учащемуся не приходилось колебаться в том, верно ли он их выполняет. Для этой именно цели служит точный и определенный учебник старого типа. Но, когда учащийся работает не дома, а в классе, имея возможность в любой момент обратиться к преподавателю, ему можно давать такого рода задания, где в некоторых местах он был бы вынужден себя контролировать. Лабораторная система, следовательно, дает возможность самоконтроля.

Наконец, система заданий дает возможность сосредоточить учащихся на определенной цели задания. Когда мы даем целостное задание, рассчитанное на на определенный промежуток времени, то но может быть успешно закончено только в случае, если учащемуся более или менее ясны цели, к которым он идет, которые он должен достичь при проработке задания. Это придает целеустремленность занятиям. Если учащемуся близки и понятны те цели, которые он стремится достичь, то этим самым повышается и его активность и интенсивность его работы.

Следовательно, положительное в Дальтон-плане то, что он дает возможность самостоятельно работать по системе заданий. Это положительное мы и должны были бы взять из Дальтон-плана и перенести в нашу школу.

Остальные элементы Дальтон-плана не имеют особенно большого значения. Говорят, что Дальтон-план помогает выработке умения правильно организовать свое время. Ученик при свободном расписании, получая возможность в любой день заниматься в любом каабинете или лаборатории по любому предмету, пройдя через некоторый искус, научается ценить свое время (потому что, если он в более короткий срок выполнит задания, то он может быть свободен или может потратить это время на углублние своих познаний) и этим самым научается более экономно его распределять,—иначе говоря, он рационализирует свою работу.

Несомненно, что некоторые элементы Дальтон-плана положительны. Однако далеко не в такой степени, как это казалось американцам и англичанам, и далеко не в такой степени, чтобы мы должны были цепляться за так называемое свободное расписание.

Проверьте опыт работы наших школ по развернутому Дальтон-плану и вы увидите, что на пятом году обучения около полугода теряется весьма часто зря, потому что учащиеся очень медленно приучаются к экономному и рациональному распределению своего времени. К тому же для рационального распределения времени недостаточно одного свободного расписания, нужен и целый ряд добавочных внешних условий, которые этому способствовали бы. Требуется интенсификация всей школьной жизни: и интенсификация работы преподавателя, и интенсификация работы кабинетов, и т. д., а может быть, больше того, требуется и более высокий общий культурный уровень, который еще не достигнут окружающей нашу школу средой.

Одного свободного расписания недостаточно, чтобы эту задачу разрешить. Я считаю поэтому, что в Дальтон-плане вопрос свободного расписания не есть самый важный, хотя идеологи этой системы считают его одним из важнейших достижений.

Третий элемент Дальтон-плана—учет. Эта часть также не оправдывает надежд, которые на него возлагались. Прежде всего опыт показывает, что система учета, как она применяется в западно-европейских школах и как ее пытаются осуществить

у нас, чрезвычайно громоздка, результаты же этой системы незначительны. Кроме того система учета, разбивающая каждое задание на отдельные части (доли) и очень строго отмеряющая время для проработки того или другого вопроса любого задания, приспособлена к стандартному типу работы и стандартному учебнику.

У нас условия работы иные. Мне неизвестна ни одна школа, которая может хорошо, без большой ошибки рассчитать время, необходимое для выполнения задания по тому или иному предмету. Если к этому прибавить, что задание дробится на половинки и четверти, то получаются сроки, которые никак нельзя заранее предугадать. Система учета теряет, следовательно, большую часть своей ценности. Кроме того введение целой системы карточек отнимает много времени. В конечном итоге все это дает незначительный эффект. Эта система не имеет тех положительных черт, которые ей приписывают.

Самая важная черта этой системы, следовательно,—самостоятельность работы, которая имеет особое значение для нашей школы, ибо наша задача—не только дать определенный круг знаний в школе, но и заложить стремление у учащегося получать дальнейшее образование, дальше развиваться и дать ему умение самостоятельно дальше работать.

б) Прикрепление к кабинетам и свободное расписание.

Что касается внешней организации лабораторного плана, то здесь на практике встречаются две системы: система свободных кабинетов, которая полностью воспроизводит идею Дальтон-плана, и система «прикрепленных кабинетов» (следовало бы сказать: система свободного выбора учащимся кабинета и система прикрепления учащегося к кабинету).

Первая система сводится к тому, что в школе организуется ряд лабораторий по каждому предмету или просто старые классы превращаются в лаборатории, и учащийся, вместо того чтобы всегда сидеть в своем классе, может работать в любой по выбору лаборатории данной дисциплины. Приэтом, как бы школа ни была бедна, но раз она отводит ту или иную комнату под определенную лабораторию, там, естественно, понемногу собирается наличное в школе по данной дисциплине оборудование. Свободное расписание сводится к тому, что учащийся, приходя в школу, может пойти работать в любой кабинет.

Однако опыт показывает, что в этой системе есть много отрицательных сторон. Прежде всего она при небольших по размерам кабинетах стесняет работу учащихся. В одни лаборатории набивается очень много ребят, в другие же—мало, и, таким образом, свобода выбора кабинета невозможна. Стоит учащемуся притти на две минуты позже—и он уже не может попасть, куда хотел. И вынужден пойти туда, где посвободнее. Получается вынужденное расписание, а совсем не свободное. Кроме того при такой системе очень часто не может быть правильного распределения работ между преподавателями.

По этим причинам и по ряду других (о чем ниже) вместо системы свободных кабинетов в некоторых школах введена система «прикрепленных кабинетов». Эта система сводится к тому, что учащийся, приходя в школу, сегодня идет в определенный кабинет, завтра в другой и т. д. по определенному расписанию, составленному школой на более или менее продолжительный срок.

Многие думают, что эта система мало чем отличается от старой урочной системы, и считают, что тут разница только в названиях. Это, однако, не так, вернее, м о ж е т быть не так. Из всякой системы можно сделать такую, которая будет копией старой урочной организации работы, и, наоборот, можно в старую внешнюю оболочку влить новое содержание. Я думаю, что систему прикрепленных кабинетов нельзя сравнивать с системой старых уроков, хотя бы потому, что она дает другие возможности.

Школа работает, скажем, в день три часа по «свободному» или по «прикрепленному» расписанию в лабораториях, и три часа идут уроки. Первые три часа можно разделить на две половины и распределить так, чтобы учащимся не

нужно было во время лабораторных занятий перебегать из кабинета в кабинет. Таким образом лабораторная работа идет отрезками времени по 1½ часа, уроки же (или как их называют иначе—коллективные встречи)—по 45—50 минут. Это уже само по себе есть характерное отличие.

Но главное отличие лабораторной работы—в ее организации. (Пусть даже ничего с внешней стороны в так называемом расписании не изменилось.) Учащиеся работают в математической лаборатории, здесь же находится преподаватель математики, но то, что преподаватель не спрашивает, не объясняет всему классу и не дает письменных работ, то, что ребята совершенно свободно работают, а преподаватель лишь помогает,—уже это есть изменение самого содержания старого урока, уже это приближает нас к тому интересному и правильному, что заложено в Дальтон-плане.

Если же прибавить к этому с и с т е м у з а д а н и й, которая дает возможность с а м о с т о я т е л ь н о д у м а т ь и к о м б и н и р о в а т ь ряд элементов, если прибавить к этому с а м о к о н т р о л ь и возможность проверить через систематический контроль учителя, как идет этот самоконтроль, то этим самым значение этой работы, даже в форме весьма близкой к системе уроков, еще больше повысится.

Поэтому мне представляется, что, если школа не в состоянии провести свободного выбора кабинетов, ввиду того, что в ней тесно либо в силу каких-либо иных причин, обычно, конечно, материального порядка и занимать ежедневно всех преподавателей для всех кабинетов, если школа работает по системе прикрепленных кабинетов, то это небольшой минус с точки зрения положительных сторон Дальтон-плана. Здесь все же есть возможность достичь целей, которые ставит перед собой измененная и упрощенная система лабораторной организации учебной работы.

В большинстве школ к этой системе и будут прибегать. Она экономнее в смысле помещения, а главное, экономнее, чем «свободная система» в отношении оплаты персонала (особенно при однокомплектной ШКМ или II ступени, когда одновременно работают 3 или 5 преподавателей при наличии 6—7—8 кабинетов). Если же вы даете возможность выбирать л ю б о й кабинет, вы должны в с е (или почти все) кабинеты обеспечить преподавателями, иначе, если вы не сделаете этого, вы подорвете идею свободного расписания.

в) Соотношение лабораторной и урочной частей.

Следующий вопрос о распределении времени между самостоятельной лабораторной работой и так называемыми коллективными встречами группы с преподавателем, т. е., просто говоря, уроками. Тут есть ряд градаций. Самая крайняя сводится к тому, что преподаватель не встречается с группой втечение двух недель или месяца, учащиеся длинный ряд дней работают самостоятельно в лаборатории и только раз в две недели или в месяц устраивается конференционный день, когда ребята все вместе собираются, сдают работы по выполненным заданиям и получают новые. Это крайнее толкование Дальтон-плана.

Такая постановка дела является наименее благоприятной для нашей школы в современных условиях (и, пожалуй, и вообще). Если правильно использовать время коллективных встреч (уроков), то при более частых коллективных встречах, несомненно, работа пойдет более интенсивно. Практика ряда опытных и массовых школ показывает, что наиболее рационально делить время так: половина, примерно, времени отдается на работу в лаборатории и половина—на коллективные встречи. В школе-коммуне,—например, в школе имени А. А. Луначарской—утренние часы отдаются лаборатории, а послеобеденные—коллективным урокам. Таким образом получается 18 уроков в неделю, и каждый преподаватель может встречаться с ребятами один-два раза в неделю.

Иногда бывает, что двух встреч в неделю либо много, либо мало. Для одного и того же предмета в разные школьные «сезоны» могут быть разные требования к распределению времени. Если уроков для данного предмета слишком много, можно один урок использовать для добавочных лабораторных занятий, если

их почему-либо мало, преподаватель может из лабораторного времени взять час для урока. В этом не будет ничего неправильного. В среднем, однако, половина и половина есть опытом подтверждаемое распределение времени.

Почему мы считаем необходимым более частые встречи, чем в крайней форме Дальтон-плана? При большой величине наших групп (до 40—45 чел.), при недостаточной организованности работы (это общий грех наших школ на сегодня), при малом опыте и низкой технике работы учителя (это частое явление), получается, что учащийся, который нуждается в каком-либо разъяснении, слишком долго задерживает преподавателя. Следующий учащийся, ожидая очереди, теряет зря время или бросает надежду спросить у преподавателя то, что ему неясно, он продолжает работать совсем самостоятельно без нужных указаний, и часто получается, что учащийся забредает совсем не туда, куда надо. Когда (спустя две недели) он показывает работу преподавателю, последний видит, что учащийся пришел к неправильному выводу, и вся работа идет насмарку. Таким образом, если преподаватель встречается с учащимися раз в две недели или в месяц, то возникает серьезная опасность, что учащиеся зря потратят время, потому что, легко заблудившись, они не смогут выпутаться. Если же преподаватель, находясь в лаборатории и наблюдая работу каждого учащегося, будет чаще встречаться с группой, то он сможет своевременно выправить те недочеты, которые всегда могут в работе получиться. Приэтом преподаватель может определить, что у него в задании выполнимо легко и вполне самостоятельно и что трудно выполнимо, и посвящать свой урок проработке этих трудных вопросов. Если же преподавателю что-нибудь в задании неясно и трудно, то это выявится из вопросов со стороны учащихся на уроках. Таким образом преподаватель легко выяснит, какая часть задания в среднем проработана группой и в чем трудности выполнения задания. Он сам себя этим проконтролирует, имея возможность вместе с тем контролировать и учащихся.

Наконец, важно учесть, что коллективный урок нужен еще для двух других целей: вопервых, предлагая новое задание, необходимо дать установку, разъяснить связь нового задания с только что законченным, разобраться в том, какие цели и задачи ставятся в новом задании, вообще организовать предстоящую работу учащихся по заданию. Это в в о д н а я коллективная встреча—вводный урок. Вовторых, коллективная встреча нужна и для подытоживания работы, потому что мы работаем не по обособленным программам отдельных предметов, по которым нужно то или иное вызубрить, а стремимся содержанием образовательного материала р а з в и т ь учащихся. Поэтому в конце разработки каждого задания часто необходимо бывает провести с ребятами беседу, подытожить и закрепить проработанное, связать его с рядом смежных, изучаемых ребятами явлений, открыть перед учащимися дальнейшие перспективы и перекинуть мост от законченного задания к следующему.

(*Окончание следует.*)

М. ПИСТРАК.

Планирование школьной работы.[1]

II. ПЛАН ПРОРАБОТКИ ОТДЕЛЬНЫХ КОМПЛЕКСОВ.

Перейдем теперь к разбору второго вида планов школьной работы—п л а н о в п р о р а б о т к и о т д е л ь н ы х к о м п л е к с о в.

Как показывают наблюдения и инспекторские обследования, в огромном большинстве школ триместровые комплексные планы, разрабатываемые на районных конференциях, являются единственным материалом планового характера.

Учительство видит в них наиболее существенное и ценное руководство в повседневной работе школы с детьми. Это и понятно, конечно: такой план, подробно

[1] См. Народное просвещение № 3. В третьем номере статья тов. Аристова ошибочно подписана Арапетовым.

разработанный, с указанием каждого шага учителя,—какие сделать экскурсии, какие прочитать статьи, из какой книги и пр., в какой последовательности прорабатывать материал,—избавляет отдельного работника от труда подыскивать самому все эти материалы и пособия, продумывать план проработки, избавляет, нужно сказать, и от чувства личной ответственности за разработку этого плана. Поэтому ничего удивительного нет в том, что этот вид планирования широко распространился, что учителя за него крепко держатся и как отдельные работники, так и разного рода методические организации и объединения не перестают работать и над с х е м о й этих планов, ее упрощением и уточнением [1].

Основные недостатки комплексных планов следующие.

1. Комплексные планы большею частью совершенно не увязываются с теми образовательно-воспитательными и общественно-трудовыми задачами, которые школою намечаются в годовом производственном плане, или увязываются случайно и несистематично (что, конечно, указывает, что эти годовые планы плохо исполняются): они существуют сами по себе, независимо от годового плана, хотя они как раз должны быть п л а н а м и и с п о л н е н и я г о д о в о г о п л а н а, если можно так выразиться. Ибо ведь в годовом плане намечаются только общие схемы проработки отдельных комплексов.

Это объясняется в значительной степени самими способами разработки комплексов планов. В то время как годовой план школа составляет индивидуально, учитывая особенности в первую очередь непосредственно окружающей ее действительности и свои собственные нужды, а также особенности детской среды,—комплексные планы разрабатываются на районных конференциях сразу для всех школ того или другого района, разумеется, без учета особенностей внутреннего состояния, а также внешнего окружения каждой из них; разрабатываются, и с х о д я исключительно из программных указаний, принимая во внимание приэтом в отношении локализации лишь то, что предлагается окружными или губернскими локальными программами, если таковые имеются, или краеведческим очерком района, если опять-таки этот очерк разработан; в большинстве же случаев просто детализируют указания, даваемые программами Гуса.

А отсюда следует, что комплексные планы отдельной школы обычно совсем не отражают особенностей и нужд данной деревни или поселка, в них отсутствует наметка проработки конкретного комплекса явлений, как они есть в этой деревне; вместо проработки комплекса получается проработка общей «темы», лишь иллюстрируемая отдельными фактами и явлениями местной жизни. Школа, например, изучает в о о б щ е тему «кустарные промыслы» (потому что она есть в программе), иллюстрирует же это изучение п р и м е р а м и и з д а н н о й м е с т н о с т и путем экскурсий в соответствующие мастерские, обследования работы местных кустарей и пр. Но она не организует в ж и в а н и я в данный комплекс явлений, что и естественно, так как вместо комплекса ею прорабатывается отвлеченная тема. Школа приэтом не ставит перед собою цели: установить живую органическую связь между данной группою детей, с одной стороны, и тем или другим комплексом явлений—с другой, организовать их у ч а с т и е в этом «куске жизни» и на этом построить всю образовательно-воспитательную работу на данный промежуток времени. А этим объясняется вообще недостаток в о с п и т а т е л ь н ы х моментов в работе школы, подмена подчас знаний реальной жизни отвлеченными занятиями «по теме». Кроме того недостаточно четко представление о комплексе и смешение его с «темой», неправильное представление об общих задачах школы и сущности программ Гуса.

Далее, школа, подходя к проработке программ как к задаче изучения известных «тем», иллюстрируемых примерами из местной жизни, неизбежно упускает из виду д и н а м и к у жизни, не выясняет вместе с детьми с в я з е й и з а в и с и м о с т е й

[1] **Редакция считает, что этот вид планирования работы школ через рай- и волконференции ни в коем случае не должен игнорироваться: это дает основу, особенно для менее опытных учителей, к составлению индивидуальных планов для каждой школы в отдельности.**

между различными родами явлений (природа—труд—общество); она получает склонность рассматривать их изолированно и, кроме того, в их статике; она как бы попутно с основной работой—изучением «темы»—регистрирует факты местной жизни, не выясняя их причин, не знакомясь с их влиянием на другие стороны жизни, с их значением для населения и пр.

2. Частично это происходит от отсутствия иногда в планах правильно сформулированных целевых установок для проработки тех или других комплексов и их частей. Эти целевые установки частенько относятся—в составляемых комплексных планах—не к процессу проработки комплексов, как, казалось бы, должно быть, а к самим комплексам явлений, словно эти, реально существующие явления (например «окрестности нашего города») могут их иметь. Кснечно, это недоразумение, но оно привычно и общераспространено: мы не раздумываем над тем, что связь могут иметь не комплексы явлений, а наша работа над ними, но все же это опять-таки говорит и о недостатке отчетливых представлений, что такое комплекс, и что—его проработка. Обычно эти целевые установки формулируются очень обще, в выражениях, ничего не говорящих ни уму, ни сердцу. Например: «Выяснить зависимость труда людей от природных условий». Или чрезвычайно высокопарно: «Воспитать борца за революционные завоевания, защитника интересов пролетариата» (к теме «Октябрьская революция»).

Далее, большей частью эти целевые установки сформулированы как педагогические задачи, являясь целевыми установками для учителя, а не для учащихся; наконец обычно они указывают на работу лишь в области изучения, а не воздействия на окружающую жизнь.

В результате при проработке комплексов перед детьми не ставится в простой и конкретной форме та изучающая и общественно-трудовая задача, которой они могли бы руководствоваться в проработке данного комплекса явлений и которая обусловливала бы их вживание в него.

3. Так называемые комплексные планы обычно представляют собою планы расположение материала, разбивку его на части, а не планы самой работы над этим материалом. Их можно сравнить с планом постройки дома: для того чтобы построить дом, нужно иметь чертеж уже как бы готового здания, с указанием расположения комнат, дверей, лестниц и пр., но помимо этого надо иметь и план самой постройки—расчет времени и сил, намечание того, что и как нужно сделать сначала, что—потом, и т. д. Так вот, комплексные планы—это чертежи и рисунки готового уже здания: комплекс разбит на «темы», темы—на «подтемы» и т. д.

Плана же самой работы в смысле намечения целевой установки и последовательных моментов (этапов работы) по ее осуществлению—нет; нет указаний общего хода работы по проработке того или иного комплекса, исходя из поставленной цели.

И это снова говорит о том же: о неясном и часто неправильном понимании сущности комплексности и той работы, которую требуют программы Гуса,—комплекс отождествляется с темой; проработать комплекс—значит изучить данную тему, а для этого, конечно, удобнее всего разбить ее на части—«подтемы», как сочинение—на «главы» и «параграфы». Не ставя перед собой задачи организации участия детей в окружающей жизни, школа и не чувствует потребности продумать план этой организации.

О том же свидетельствует и еще ряд особенностей этих обычно составляемых планов. Так, в них материал комплекса—указание самых явлений, подлежащих проработке («Наступление холодов, иней, снег...»; «Работа по ремонту зимнего сельскохозяйственного инвентаря...»), спутывается с работой над этими явлениями—со способами их проработки («Наблюдение детей над признаками наступления зимы; зарисовка снежинок...»; «Узнать, что делают дома по подготовке к зиме...»); то и другое смешивается в одно, оба рода формулировок встречаются рядом, под общим названием—или «содержание материала» или «содержание работы», между которыми не делается разницы, и др.

Таковы эти основные недостатки.

— Что нужно сделать для правильной разработки комплексных планов?

Нужно уяснить основное: что «комплекс»—это комплекс жизненных явлений, что это—кусок жизни, что он должен расцениваться в нашей школе как база организации педагогического процесса, что образовательно-воспитательная задача школы достигается путем организации изучения детьми этих кусков жизни «как она есть» и путем участия в них и воздействия на них.

Школа все время должна ставить перед собою и перед детьми задачу вживания в те или другие «куски» реальной, окружающей жизни. Для этого, конечно, необходимо, чтобы комплексные планы не были оторваны от годовых планов, а являлись бы их развитием и детализацией.

Если школа в своем годовом плане намечает, между прочим, примерно, задачу изучения постановки животноводства в данной деревне и помощь улучшению ухода за скотом, так это должно найти отражение в планах проработки соответствующих комплексов; так, в комплексе «Деревня» в III группе может быть выделена «подтема» (частный комплекс)—«уход за молочным скотом», а в плане ее проработки—указаны соответствующие изучающие и общественно-трудовые задания (хотя бы из числа тех, которые, как пример, приведены выше). Но здесь мы наталкиваемся на препятствия в самой технике и организации разработки комплексных планов: они составляются обычно в районном масштабе, на конференциях, и, таким образом, не в состоянии отразить задания, которые в той или другой области могут быть поставлены перед собою отдельной школой. Здесь может быть два выхода: или учительство, постепенно осваиваясь с техникой разработки комплексных планов, располагая разного рода пособиями в виде примерных комплексных планов, локальных программ, краеведческих очерков и пр., откажется от такой коллективной разработки и станет составлять комплексные планы индивидуально в каждой школе—или придется отказаться от полной индивидуализации этих планов, от полного их приспособления к местным условиям, а, учитывая наиболее характерные и типичные для всех селений данного района особенности и нужды, принимать только их во внимание и только на них ориентироваться, разрабатывая попрежнему комплексные планы для школ всего района и к ним уже подгоняя в соответствующих частях и годовые производственные планы школ. Допуская по необходимости (хотя, заметим в скобках, давно бы уж пора нашему учительству целиком перейти на индивидуальную разработку комплексных планов) этот второй выход, разумеется, надо отдать предпочтение первому, как более совершенному, принимая меры к постепенному переводу школ полностью на индивидуальные планы, лишь на основе общих схем, составляемых применительно к особенностям того или иного района в целом.

В этом вопросе—об увязке комплексных планов с жизнью, об отражении в них задачи организации участия в этой жизни на основе анализа и учета местных потребностей и нужд—основное затруднение. Решить эту проблему до известной степени может помочь хорошая схема комплексного плана.

Как известно, этих схем, находящихся в обращении в массовых школах, у нас великое множество. Трудность выработки такой схемы происходит от необходимости сочетать в ней два достоинства—простоту и доступность для рядового учителя с четкостью и детальностью.

В основу разработки схемы возможно положить следующие принципы:

1) четкое отделение материала комплекса от его проработки, т. е. разбивка всей схемы на два основных раздела в этом отношении;

2) разбивку «проработки» опять-таки на две части: на работу по изучению и на работу по воздействию (общественно-полезный труд), как на два равноценные пути проработки с детьми того или иного комплекса;

3) разбивку не только материала комплекса на «темы» и «подтемы», но и разбивку всего процесса проработки этого материала на последовательные этапы, исходя из намеченной общей целевой установки, путем намечения ряда частных заданий, вытекающих из целевой установки всего комплекса, которые могут быть сформулированы как целевые установки отдельных тем и подтем;

4) формулировку целевых установок не только как педагогических задач для учителя, но и как целей для деятельности самих детей, ибо мы считаем важным и ценным педагогическим фактом привлечение детей к планированию работы для обеспечения сознательности и целесообразности в их действиях.

Примерно такой схемой комплексного плана может быть следующая:

Название группы.—Название комплекса и его порядковый номер.—Целевая установка проработки комплекса.—Срок проработки всего комплекса.

Материал комплекса		Проработка комплексного материала		
Название тем и подтем	Содержание комплексного материала: указания явлений (природа, труд, общество), подлежащих проработке	Содержание и методы изучающей деятельности детей по проработке тем и подтем	Содержание общественно-полезной деятельности детей	Организация детской среды в изучении и в труде

Примечание. Начиная с III группы, в правой части схемы необходимо добавить первой графой: «Целевые установки тем».

Кроме того могут быть еще добавлены разделы: «Педагогическая задача учителя» (при проработке данного комплекса); «Пособия и материалы» к проработке данной темы и др.

Отмечу, что весьма было бы важно в комплексных планах отдельно указывать, ввиду чрезвычайной слабости этих моментов в работе наших школ, какие именно изучающие задачи и как вкратце могут быть разрешены путем постановки действительно исследовательской работы детей при проработке того или иного комплекса или темы. (Так как современная школа не в состоянии всю изучающую работу ставить исследовательским методом, то весьма рационально заранее предвидеть и наметить, какие именно пункты плана могут быть поставлены таким образом.)

Должен оговориться, что в приведенной схеме вызывает возражение учительства вторая колонка левой части схемы: «Содержание комплексного материала», так как, мол, во второй части—в графе «Содержание и методы изучающей деятельности» и в следующей—придется повторять то же самое другими словами. Это частично верно: некоторое повторение неизбежно, и, конечно, это отнимет добавочное время у учителя. Но, мне думается, не так уже много лишних усилий это потребует, между тем при таком построении плана в нем яснее была бы выражена идея вживания в соответствующий комплекс жизни. В крайнем случае все-таки необходимо оставить хотя бы названия тем и подтем.

Само собою понятно, что—будет ли комплексный план записываться «по колонкам» или «текстом»—это не имеет существенного значения.

Приведу и еще одну схему, которой пользуются некоторые школы.

Материал комплекса		Проработка комплексного материала			
Названия тем и подтем	Содержание комплексного материала по темам и подтемам (природа, труд, общество)	Целевые установки и сроки проработки тем	Содержание заданий изучающей деятельности детей	Задания общественно-полезной трудовой деятельности детей	Организационные задания в связи с изучением и с трудом

Остальные разделы—те же самые, что и в первой схеме; отличие этой схемы от первой—в формулировке отдельных моментов проработки как различного содержания заданий.

III. КАЛЕНДАРНЫЕ РАБОЧИЕ ПЛАНЫ НА БЛИЖАЙШЕЕ ВРЕМЯ.

Но и детально разработанных планов проработки с детьми отдельных комплексов с календаризацией выполнения отдельных их частей (этапов) бывает учителю недостаточно для повседневной работы с учащимися. Каждый добросовестный педагог помимо разработки этих планов считает еще необходимым готовиться к занятиям на ближайший день или несколько дней.

В порядке и в целях этой подготовки ему приходится, примерно, намечать детальный план беседы, которую он думает провести с группой, схему экскурсии или обследования, план проведения какого-нибудь собрания или общественной работы (с детьми), наметить статьи или стихотворения, которые нужно прочитать, составить задачи по арифметике в связи с комплексом и пр.

Для этой-то практической подготовки учителя к каждому уроку и к каждому отдельному виду занятий втечение ближайшего времени и служат так называемые рабочие, или календарные планы, составляемые «по часам», т. е. применительно к каждому отдельному «уроку» (виду занятий).

Из сказанного должно быть ясно, что если отсутствует такого рода план, то значит фактически отсутствует и серьезная подготовка учителя к занятиям. Ясное дело, что все удержать «в голове», в памяти—невозможно, следовательно учитель не подготовился к предстоящей работе так конкретно, как это следует, а только наметил план своих занятий «вообще».

Все мы знаем, какие бывают результаты этой «общей» подготовки: рабочий день в целом не получает определенной целевой установки и определенного оформления; отдельная работа с детьми—«урок» проходит также без определенной цели, и из нее не извлекается всего того, что можно было бы извлечь,—часто она лишь служит средством «занять» детей; «уроки» сменяют один другим совершенно случайно, механически, без внутренней связи; методические приемы того или иного вида занятий бывают непродуманы и тоже случайны; ребята к предстоящим занятиям бывают также неподготовлены и потому относятся к ним безучастно; много времени теряется напрасно на различные организационные мелочи в связи с подготовкой к тем или другим занятиям—раздача тетрадей, книг, когда урок уже начался, и пр.; учитель, у которого не продуман и не подготовлен подходящий материал, бывает вынужден или быстро сменять втечение одного урока неоднократно одни занятия другими (чтение, потом беседа, потом запись, затем счет, далее опять чтение или в этом роде) или задерживать ребят долго на одном каком-либо виде работы—чтении, устном счете и пр. (потому что нечего больше предложить им), занимаясь преимущественно навыками, и т. д. и т. п. Одним словом, можно сказать, что рабочий день на пятьдесят процентов пропадает. Да еще приятом утрачиваются интерес и внимание учащихся, а значит падает дисциплина и пр.

К сожалению, однако, так бывает очень часто. Рабочие планы имеются у нас далеко не во всех школах и не у всех учителей. Очень многие из них считают достаточным взглянуть в соответствующее место комплексного плана и прикинуть в уме «вообще», чем им предстоит завтра—или даже сегодня—заниматься. Там, где рабочие планы требуются «начальством» как официальный документ, дело также не всегда обстоит вполне ладно: планы составляются часто очень обще, представляя собою не столько действительно планы, не столько практическую и конкретную подготовку к занятиям, сколько просто «расписание занятий» с указанием лишь общих видов занятий, а не содержания их. Пишут, например: «1-й час—чтение; 2-й—беседа; 3-й—письмо», и т. д. Разумеется, это только формальная отписка. Думается, что рабочие планы совершенно необходимы учителю, и нужно, чтобы они были вполне официальным документом, записывались бы не на клочках бумаги, а в особой тетради,—этого, ввиду имеющихся многочисленных случаев отсутствия должной подготовки к урокам, надо требовать от школы. Но, конечно, планы эти должны быть вполне конкретны, содержать в себе действительно все то, что бывает необходимо учителю в качестве практической подготовки к занятиям (конспект бесед, содержание задач, планы проведения урока по наблюдению над языком и пр.).

В связи с этим необходимо выяснить еще несколько вопросов.

Вопервых—о тех сроках, на которые должны составляться рабочие планы. Едва ли целесообразно составлять такие подробные планы на большой период времени, как делают некоторые, на целый комплекс, чуть ли не на месяц, ибо это—египетская, крайне тяжелая работа, требующая большой затраты времени и сил; с другой стороны, такой план уже через несколько дней идет на смарку ввиду веских, изменившихся за это время обстоятельств, предвидеть которые невозможно.

Но и составлять этот план только «на завтра», лишь на следующий день, также не вполне удобно: это влечет за собой большую оторванность, лоскутность в работе; учитель и ребята утеривают перспективы, стержень в своей работе, упускают из виду поставленные вначале цели; материал не прорабатывается так, как его мыслилось проработать в комплексном плане. Поэтому я считаю рациональным разработку такого плана на несколько дней, лучше всего—на законченную тему или подтему, но все же не более чем на три-пять дней.

Это придаст ему большую продуманность, оформленность, глубину, даст возможность увязать между собою на основе поставленной цели отдельные виды работы с детьми, позволит внести целесообразность и сознательность и в работу самих детей, которые приэтом, полагая, что они принимают участие, хоть частично, в разработке плана или по крайней мере осведомляются о нем, будут знать и представлять себе, «что к чему» во всем том, что они делают.

О других недостатках обычно составляемых рабочих планов: часто в них записывается не все и не полностью из того, что предполагается делать с детьми; сплошь и рядом из рабочих планов выпадают вовсе клубные занятия, выпадают организационные моменты—проведение различных собраний с детьми и пр.; не заносятся в них виды общественно-полезного труда и пр.

Но основной недостаток рабочих планов,—о чем уже упомянуто выше,—это аналогичный тому, который мы отмечаем в отношении комплексных планов: как эти частенько не увязываются с годовым планом, так иногда и рабочие планы в свою очередь недостаточно увязываются с комплексами, не служа их детализацией, а существуя сами по себе. Причина этого частично указана: при разработке рабочего плана лишь на следующий день вносится оторванность, лоскутность, утрачиваются перспективы, связи и общий план проработки всего комплекса, забываются цели, да их и бывает иногда просто невозможно осуществить, когда работа планируется только на следующий день (какое-нибудь исследование или общественно-полезный труд). Против этого необходимо предостеречь и—как средство борьбы с этим недостатком—рекомендовать составление рабочих планов на целую законченную часть комплексного плана—«подтему», проработка которой в младших группах обычно берет время от одного-двух до пяти дней.

В заключение, хотя это и не отвечает теме настоящей статьи, надо посоветовать, в целях экономии времени и сил учителя, сочетать рабочий план с основной формой текущего учета—дневником учителя, что и делается уже во многих случаях. Вместо того чтобы иметь две различных тетради—одну для плана, другую—для дневника, проще иметь одну, разграфленную таким образом, чтобы, скажем, на одной ее странице записывать, что предполагается сделать (план), а на другой—отмечать выполнение этого плана (учет-дневник), причем, конечно, излишне повторять два раза разными словами одни и те же записи, а просто делать отметки: «выполнено», «не выполнено», отмечая лишь всякие изменения в плане, которые почему-либо пришлось сделать; разумеется, желательно отмечать и причины этих изменений, и различные обстоятельства и события, происшедшие во время работы, и пр.

Что касается формы рабочего плана—дневника, то эта форма должна быть возможно более проста. Лучше избегать большого количества всяких «граф» и «колонок». В сущности, не нужно ничего, кроме: месяц и число, час занятий (или порядок урока) и содержание занятий, а затем—отметка о выполнении и замечания об изменениях. Как минимум—этого вполне довольно.

ВЛАД. АРИСТОВ.

Г. Свердловск.

К СОВЕЩАНИЮ РЕДАКТОРОВ ПРОСВЕЩЕНСКИХ ЖУРНАЛОВ

Народное образование и задачи местных педагогических журналов.

(Тезисы доклада на совещании редакторов.)

1. Решительная ломка старой школы, громадная творческая работа по созданию новой советской педагогики, соответствующей интересам трудящихся, вызвали большой спрос на новую педагогическую литературу. Этот спрос содействовал также возникновению в сравнительно короткий срок большой сети педагогических журналов. По неполным данным «Педагогической библиографии» В. Ф. Лебедева, таких журналов за период с 1917—1924 гг. возникло свыше 300.

2. Педагогические журналы этих годов отражали своим материалом, типом своего автора и читателя, организацией дела, как даже и техническим своим оформлением, те первые шаги в области строительства народного образования, которые характерны поисками общих путей, организационной неоформленностью и наличием небольших сравнительно кадров практиков-строителей новой советской школы. Статьи на самые общие темы, случайный материал, не увязанный с потребностями роста и развития народного образования, отсутствие опыта из жизни школы «как она есть», чрезвычайно ограниченный круг авторов и писателей, чрезвычайно небольшой стаж существования журнала, неаккуратность выхода его—вот отличительные черты первых советских педагогических журналов. Но в то же время они сослужили большую роль в деле создания новой школы. Они будили мысль передового педагога, ставя перед ним ряд совершенно новых для него проблем, захватывающих по своей педагогической и социальной значимости. Журналы сыграли также огромную роль в общественно-политическом воспитании педагога.

3. Переход к органическому строительству на основах хозяйственных и элементарно-плановых расчетов отразился также на педагогическом журнале. Сокращается, и довольно резко, число журналов, дойдя к настоящему времени примерно до 57. Журнал начинает ориентироваться на определенного читателя, в подборе материала меньше случайности, больше отражается местная жизнь, намечаются даже более или менее стабилизирующиеся планировки разделов, а главное, новый читатель—массовый педагог—начинает выделять из своей среды своих активистов в качестве авторов, которые постепенно меняют все лицо педагогического журнала. Из журнала, освещающего общие вопросы политики и организации народного образования, современный педжурнал постепенно превращается в журнал руководства текущей педагогической практикой. Из журнала «аппаратчиков» и, в лучшем случае, отдельных методистов, окружающих ОНО, современный журнал постепенно превращается в орган местной педагогической общественности, через который ОНО при помощи лучшего педагогического актива идеологически завоевывает все большие и большие круги просвещенцев.

4. Расширить эту именно тенденцию развития местного педагогического журнала, ускорить темп его перехода на это «новое лицо»—центральная задача всей местной педагогической прессы. Это вытекает из всей той обстановки, в которой сейчас развивается в стране дело народного образования.

Предоктябрьская и советская педагогическая журналистика.

Основные тенденции.

(Беглый обзор.)

I. ПРЕДОКТЯБРЬСКАЯ ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ.

В дореволюционной России, что хорошо всем известно, выходила значительная серия общественно-педагогических журналов различных направлений: «Журнал министерства народного просвещения», «Русская школа»—петербургский журнал либерального учительства и деятелей по народному образованию, «Педагогический сборник»—орган главного управления военно-учебных заведений, «Вестник воспитания»—московский орган педагогов и вообще работников по народному просвещению, «Народный учитель», «Для народного учителя»—демократические органы, ориентировавшиеся на массового городского и сельского учителя, «Свободное воспитание»—журнал радикальной учительской интеллигенции и много других московских, петербургских и провинциальных органов педагогической мысли.

Какие характерные черты «Журнала МНП»? Первая и основная его особенность—это полная недоступность журнала для массового работника школы ни по своему объему (от 400 до 500 стр.), ни по содержанию: 80% материала состояло из различной официальной и учебной вермишели, не имеющей никакого отношения к вопросам воспитания и образования. Вот его годовой план:

I. Правительственные распоряжения (страниц 70—100). II. Научный отдел, где помещались научно-исследовательские статьи на всевозможные темы. III. Отдел критики и библиографии (не по вопросам народного образования). IV. Отдел народного образования (минимальное внимание начальной школе). V. Современная летопись. VI. Отдел по классической филологии.

Этот журнал (нам удалось просмотреть все номера журнала за 14 лет—с 1904 по 1917 г.) представлял собой ведомственно-бюрократический орган, чуждый живой общественно-педагогической жизни. Напрасно будете искать в нем следов революции 1905—1907 гг. или общественного подъема в деле воспитания и образования. Когда произошла Февральская революция, то редакция откликнулась тем, что поместила официальные материалы от Временного правительства и извинилась перед читателем за опоздание очередного номера книжки на несколько дней, так как «работы типографии возобновились только 9 марта». Потом весь год до октября 1917 г. редакция наполняла свои журналы всем чем угодно, только не обсуждением реформы народного образования в стране, не считая двух-трех статей.

Таким образом нашей революционной педагогической печати позаимствовать у этого журнала нечего.

Совершенно другой облик имел журнал «Русская школа». Просматривая комплект книжек за 1917 г., находим, что весь он наполнен живым общественно-педагогическим содержанием. Под углом зрения своего мировоззрения редакция старается отражать в журнальном материале бурную современность 1917 г. Разделы журнала такие:

I. Общие вопросы школы и новейшие педагогические течения на Западе. II. Экспериментальная педагогика. III. Критика и биография. IV. Педагогическая хроника: 1) из хроники народного образования на Западе; 2) хроника народного образования в России.

Журнал уделяет много места и профессиональной жизни учителей.

По нашему мнению, журнал имел много достоинств: вопервых, умел откликаться на текущую общественную жизнь, вовторых, имел твердый состав сотрудников, втретьих, отличался глубоким анализом педагогических вопросов и, вчетвертых, хорошо скомпанованными отделами журнала. Правда, этим достоинствам удивляться не приходится, так как «Русская школа» выходила втечение 28 лет. До Февральской революции журнал вел деятельную пропаганду за обновление русской школы, знакомил читателей с новейшими течениями западно-европейской педагогики. Услуги, оказанные журналом российской педагогике, безусловно велики. Хотя журнал радостно принял Февральскую революцию, но великую Октябрьскую руководители журнала приняли за «бессмысленный бунт черни» и остались враждебными интересам рабочего класса до закрытия журнала.

Все же нашим журнальным работникам можно многое позаимствовать у «Русской школы». На других петербургских педагогических журналах мы не будем останавливаться.

Переходя к обзору московских журналов, отметим журнал «Вестник воспитания», который также выходил 28 лет. Строго ограниченных разделов журнал не имел. План построения книжек таков: вначале шли статьи, посвященные вопросам воспитания и обучения, потом общие вопросы народного образования, вопросы психологии и педологии. Вторая часть посвящалась критике и библиографии (объем книжек в среднем 200 страниц). Много места также уделялось хронике народного образования. Сотрудники журнала: академики, профессора, доценты, члены Государственной думы и крупные педагоги. Журнал ориентировался на учителя средней школы, деятелей по народному образованию, врачей-педагогов, солидных земцев и другую «чистую публику». Массовому учителю журнал был недоступен ни по темам, ни по подписной цене—в год 10 рублей. Классовая идеология журнала—это преимущественно конституционалистов-демократов, идеология либерального буржуа. Какого воззрения держалась редакция на политику по народному образованию, видно из статьи, помещенной в разделе «Хроника» в № 1 за 1917 г. под заглáвием «Смена министра народного просвещения», в которой поются хвалебные гимны уволенному министру народного просвещения, графу Игнатьеву. Нам хорошо известно, что Игнатьев кое-что сделал для школ состоятельных классов—гимназий и реальных училищ, но абсолютно ничем себя не проявил в отношении массовой школы. Напротив, его законопроекты по начальному образованию гораздо реакционнее думских законопроектов и даже законопроектов министра Кауфмана.

Журнал приветствовал Февральскую революцию, но деятельно проповедывал «войну до победного конца» (см. передовую статью «Великое соединяет»). Октябрьскую же революцию журнал обошел полным молчанием. Политическим идеалом руководителей журнала было Временное правительство 1-го и 2-го созывов.

Резким диссонансом в материале журнала за весь год служит статья «Аксиомы педагогического дилетантства» П. П. Блонского, который вскоре резко разошелся с сотрудниками «Вестника воспитания». Эта статья служит мостиком, соединяющим нашу советскую педагогику с наиболее прогрессивной педагогикой дооктябрьского периода. В ней уже есть зачатки марксистской педагогики.

Редакция выпустила в 1917 г. шесть книжек, и журнал после этого закрылся. Конечно, заслуги и этого журнала перед русской педагогикой велики.

Из массовых журналов, предназначавшихся для начального учителя, сельского и городского,—назовем два журнала: «Народный учитель» под редакцией О. Смирнова и «Для народного учителя»—педагогический журнал под редакцией Тулупова. Первый был еженедельным учительским органом, второй—двухнедельным. Годовая цена «Народного учителя» была 4 р., «Для Народного учителя»—5 р. Размер номера «Народного учителя»—15—20 страниц большого формата, а «Для народного учителя»—50—60 страниц. Оба журнала издавались свыше 10 лет.

Возьмем для краткого обзора педагогический журнал «Для народного учителя». Из № 1 за 1917 г. узнаем задачи журнала: «1. Содействовать объединению работников по народному образованию для достижения наибольшей успешности в их работе. 2. Содействовать проведению в жизнь принципов новой школы. 3. Сообщать о всех сколько-нибудь значительных явлениях в области законодательства по народному образованию. 4. Следить за научно-педагогической литературой, а также и за общедоступной литературой по всем отраслям знаний. 5. Осведомлять о наиболее важных фактах в деятельности общественных учреждений и частных союзов. 6. Давать всякого рода справки и указания практического характера по вопросам школьного и внешкольного образования. Изложенные задачи есть в сущности производственный план журнала. Просматривая статьи журнала, находим, что указанная программа редакцией журнала добросовестно выполнялась.

№ 3 за февраль 1917 г. отражает, как сотрудники журнала встретили Февральскую революцию. В заметке «От редакции» с большим подъемом выражается радость по случаю государственного переворота. Тут же 15 страниц отводится на освещение задач момента в связи с переворотом. Делая анализ статьям на политические темы, приходится констатировать, что руководители журнала страдали тем же тяжким недугом, что и огромное большинство интеллигенции—отсутствием понимания смысла грабительской войны; та же проповедь «войны до победного конца», что и в буржуазных журналах и газетах. Какая-то слепая ненависть ко всем немцам—от кайзера до рядового солдата, рабочего или крестьянина.

Педагогические задачи журнал выполнял удовлетворительно, но несколько своеобразно: сотрудников в журнале было недостаточно, в одном и том же номере попадаются две-три статьи одного и того же автора. С мест учителя пишут очень мало. Редакция обслуживает журнал своими силами. Учительская масса вовлечена слабо. Чувствуется тенденция у редакции—не вовлекать массу, а писать материал своими руками. Журнал прекратил свое существование 1 октября 1917 г.

Журнал «Народный учитель» имел приблизительно тот же облик, но был несравненно теснее связан с учительской массой. В объявлении о подписке в январском номере за 1917 г. мы находим список сотрудников свыше 100 человек и «собственных корреспондентов» свыше 300 человек. Так как журнал обслуживал и профессиональные интересы, то естественно, что связи с низовым учительством были достаточно крепки. В объявлении имеется и лозунг: «Живая связь с народным учительством и земскими деятелями». Постоянные отделы в журнале были следующие: «I. Вопрос народного образования в государственной думе. II. В учительских обществах. III. Война, школа и учительство. IV. Хроника народного образования. V. Из

жизни заграничной школы. VI. Народное образование в земствах и городах. VII. Внешкольное образование. VIII. Педагогическое обозрение. IX. Сообщения с мест. X. Новости педагогической, учебной, детской и народной литературы. XI. Справочные сведения по народному образованию. XII. В помощь самообразованию. XIII. Вопросы и ответы. XIV. Среди книг (библиография). XV. Школьная практика. XVI. Письма в редакцию. XVII. Почтовый ящик.

Журнал за особую плату в 2 р. выслал 10 выпусков «Библиотеки народного учителя», состоявшей из серии очень интересных книжек по педагогическим вопросам. Перечисленные отделы журнала дают возможность судить об его общественно-педагогической физиономии.

«Народный учитель» после февральского переворота сделался официальным органом московского отделения Всероссийского учительского союза.

Февральскую революцию редакция горячо приветствует статьей «Великое совершилось».

Так как Всероссийским учительским союзом руководили представители народнических партий, а известно, что социалисты-революционеры и народные социалисты в 1917 г. шли вместе с буржуазно-демократическими партиями, то эта зависимость от буржуазных партий резко выражена в статьях, постановлениях ВУСа и его обращениях, помещенных на страницах «Народного учителя».

Известно, что ВУС враждебно встретил Октябрьскую революцию и долго боролся с Наркомпросом. Эта борьба ярко отразилась на страницах журнала. Поэтому «Народный учитель» выражал две интересные тенденции: до революции он объединял массовое учительство и пропагандировал идеи прогрессивной школы; после переворота в феврале 1917 г. он сделался центром общественно-педагогического и революционно-народнического движения; после Октябрьского переворота «Народный учитель» становится главным органом реакционного учительства и в этой неблагодарной роли заканчивает свое существование в 1918 г. вместе со смертью Всероссийского учительского союза.

Совершенно особое место занимал ежемесячный журнал «Свободное воспитание». Само наименование журнала говорит о том, что это педагогический орган сторонников свободного воспитания: «Журнал «Свободное воспитание» имеет своею целью разработку вопросов о таком воспитании и образовании, которые основаны на самодеятельности, на удовлетворении свободных запросов детей и юношества и на производительном труде как необходимой основе жизни». Так сказано в объявлении на подписку в № 1 за 1916/17 г.

А вот и программа журнала: «1. Статьи по вопросам умственного, нравственного и физического воспитания, образования и самообразования. 2. Статьи о материнстве и воспитании ребенка в первые годы жизни. 3. Статьи и очерки по вопросам защиты детей от жестокости и эксплоатации. 4. Статьи о свободно-образовательных начинаниях для трудового населения. 5. Статьи по ручному труду. 6. Статьи по природоведению, устройству экскурсий и т. д. 7. Очерки по вопросам гигиены детства и юношества и т. д. Многие статьи иллюстрируются рисунками, изображающими передовые школы, детские работы и т. д. и т. д.».

«Свободное воспитание» было в высокой степени ценным педагогическим пособием для массового учителя и источником его творческого вдохновения! В нем всегда имелся чрезвычайно интересный материал из жизни передовой школы Запада и Америки, интересные статьи русских и иностранных педагогов. Журнал объединял большую группу реформаторов-педагогов. По своим педагогическим воззрениям руководители и сотрудники «Свободного воспитания» наиболее близки к советской пролетарской педагогике. Вот для примера содержание журнала № 1 за 1916/17 г.:

«Не «что-нибудь», но все для детского блага. И. Горбунова-Посадова.

Воспитывающая школьная община. Н. Крупской.

Школы будущего. (Пересмотр школьной программы и школьного метода.) Проф. Джона Дьюи и Эвелины Дьюи.

Наблюдения над развитием числовых представлений у ребенка втечение первых 6 лет его жизни. К. Лебединцева.

Как живут и учатся 200 детей-сирот. (Гл. I—«Пища и ее роль в жизни детей. Гл. II—«Окружающая обстановка, физические упражнения, игра».) Р. Ридера.

Как сделать жизненным преподавание арифметики. А. Герляха.

Из примерных уроков природоведения. А. Комшкок.

Из газет и журналов. (Культурная работа среди детей улицы в переживаемые дни.)

Книги, доставленные в редакцию».

Каким тонким педагогическим благоуханием веет от этого скромного серенького номерка, какое изысканно любовное отношение к ребенку! Ведь тут содержатся многие темы, которые и сейчас нас так волнуют.

Журнал обладал и внешними ценными достоинствами: 1) совсем дешевая годовая подписка—3 р. в год, а для народного учителя—2 р., и это при среднем объеме книжки в 100 страниц; 2) постоянным прочно спаянным коллективом сотрудников; 3) хорошо поставленной информацией о педагогической жизни России и за рубежом; 4) тщательным изданием своих книжек.

Должен сказать, что «Свободное воспитание»—единственный педагогический журнал, который в империалистическую войну удержался от шовинистического угара. В мартовской книжке помещена статья И. И. Горбунова-Посадова, написанная с большим подъемом и прекрасно разоблачающая империалистический смысл войны. Кроме того после февральского переворота, когда на страницах всех педагогических журналов стали обсуждаться вопросы реформы школы, журнал «Свободное воспитание» первый перенес главное внимание реформы школы на освобождение ребенка от чрезмерной опеки педагога, первый обратил внимание на постановку широкого детского самоуправления, на детские интересы.

Журнал за 11 лет своего существования совершил огромную работу в смысле революционизирования русской педагогической мысли. Можно сказать без преувеличений, что и в настоящее время комплекты журнала служат прекрасным материалом для педагогического образования просвещенца.

Редакция журнала и ее сотрудники не отвергли и Октябрьской революции, быстро нашли общий язык с руководителями Наркомпроса и дружно пошли в ногу с коммунистами на штурм старой школьной системы.

II.

Какие тенденции лежали в основе русской педагогической мысли, отраженной в рассмотренных педагогических журналах? Попытаемся перечислить эти тенденции.

1. Кроме официального «Журнала МНП», все поименованные педагогические органы были оппозиционными по отношению к официальной государственной педагогике и административной политике Министерства народного просвещения. Эти журналы помещали на своих страницах наиболее нелепые циркуляры министров и попечителей учебных округов, рисовали тяжелое положение русской школы и наряду с этим давали лучшие образцы западно-европейской педагогической мысли. Таким образом журналистика царского периода старалась дискредитировать в глазах своих читателей существующую систему народного образования и ее церковно-монархическую основу.

2. Руководители журналов, принадлежа к либеральной и радикальной интеллигенции, не имели определенного социально-классового обличия. Вы можете встретить на страницах такого безусловно демократического органа, как «Народный учитель» или «Для народного учителя», безотчетное восхваление политики Игнатьева, найдете мотивы сомнительного патриотизма, пропаганду победоносной войны при царском режиме, отсутствие какого бы то ни было анализа социально-экономической диференциации населения, или понимания классовых анатагонизмов. Население страны у идеологов этих журналов сливалось в одно социальное месиво—народ, над которым носился животворящий дух интеллигенции—какая-то надклассовая или всеклассовая социальная концепция, лишенная крепкого социологического хребта.

3. Третья основная тенденция педагогического содержания журналов—это освещение педагогических интересов господствующей народности—великорусской. На страницах журналов вы почти не найдете статей, посвященных, скажем, татарской, еврейской, украинской, белорусской или армянской школе. Русская, т. е. великорусская, школа была главным объектом внимания всех журналов. Интересам просвещения национальных меньшинств не уделялось места. Только в статьях 1917 г. вопрос о школе на материнском языке обсуждался в общей форме, больше в резолюциях съездов и Государственного комитета по народному образованию.

4. Журналы ориентировались главным образом на городского учителя. Сельская школа мал оприлекала внимание руководителей журналов. Вокруг редакций не было коллективов низовых работников школы, не было обмена опытом массового учительства. Столичная учительская знать считала своим долгом поучать и просвещать «народного учителя», не возбуждая в нем желания делиться своим опытом с журналом.

5. Педагогическая журналистика 1917 г. имеет еще одну чрезвычайно интересную особенность. Она представляет прекрасное отражение эпохи 1917 г., когда педагогические идеалы либерального и радикального учительства могли получить свое полное воплощение на страницах своих журналов.

6. Дореволюционные педагогические журналы были организующими центрами оппозиционных, по отношению к царскому правительству, групп радикальной учительской интеллигенции и либерально-демократических общественных деятелей в области народного образования. Они были своеобразными политико-просветительными и профессионально-педагогическими органами прогрессивной части русского общества. Однако они имели преимущественно кастово-интеллигентский характер: рабоче-крестьянские массы совершенно не вовлекались в орбиту педагогических вопросов.

7. Техника постановки журнального дела была достаточно высока: перечень участников журнала в объявлениях, умение привлечь крупные силы, дешевизна издания, ценные приложения, высокая доброкачественность материала, четкая и ясная

формулировка отделов, умение распределить материал по этим отделам и, наконец, умение тщательно издавать журнальные книжки,—вот наиболее существенные достоинства почти всех педагогических журналов дореволюционного периода. Нашим советским журналам не следует пренебрегать этими качествами и нужно позаимствовать от них все, что применимо в наших условиях.

III. ЦЕНТРАЛЬНЫЕ ЖУРНАЛЫ.

Приступая к обзору советских педагогических журналов, оговоримся заранее, что главное внимание мы уделим провинциальным, а центральных журналов мы коснемся мимоходом.

Старейшим из просвещенских журналов является «Народное просвещение»—орган Наркомпроса, отражающий преимущественно вопросы организации и политики народного образования. За десятилетний период своего существования журнал проделал интересную эволюцию, освещая в своем содержании различные этапы работы Наркомпроса. Отсылая интересующихся историей журнала за 10 лет к нашим статьям [1], остановимся вкратце на производственном плане «Народного просвещения», намеченном на 1927/28 г. В плане стоят следующие задания: 1) поднять тираж до 5—6 тысяч экземпляров. 2) В связи с увеличением числа педагогических журналов Наркомпроса, строго уточнить задачи «Народного просвещения». 3) Уделить большое внимание в производственном плане журнала следующим вопросам: а) работе инспектора по народному образованию, б) руководству плановой работой отделов народного образования, в) освещению запросов и требований советской общественности к народному просвещению, г) на случай войны подготовить учреждения народного образования к работе в военных условиях.

Следующим по «возрасту» из центральных журналов нужно считать «Просвещение на транспорте»—ежемесячный орган Центрального управления по просвещению на транспорте. Журнал, как видите, тоже «ведомственный», стал выходить в 1922 г., проделал большую эволюцию как в своей форме, так и в содержании: раньше издавался тощей тетрадкой большого формата и наполнялся больше административно-организационным материалом. В настоящее время окреп, сплотил прочный коллектив солидных сотрудников и поднял тираж до 3 600 экземпляров. К положительным внешним качествам нужно отнести чисто и тщательно изданные книжки журнала, хорошо разработанный и постоянный годовой план, верное соотношение материала между отделами. По нашему мнению, журнал правильно делает, что отводит больше места отделам: «Социальное воспитание» и «Обмен опытом». Вопросы социального воспитания и образования—самые трудные вопросы нашей просветительной программы.

При всех отмеченных достоинствах «Просвещения на транспорте»—следует указать и недочеты. В комплекте журнала за 1927 г. мы нашли только 3 статьи-заметки, посвященные работе школы с населением; дальше—очень много статей о тестах в школе, о дисциплине, но нет статей о детском труде в школе, об организации труда. Это совершенно непонятно. Не освещаются вопросы национальных меньшинств: или в ведении Управления по просвещению на транспорте нет таких школ? Как разрешаются вопросы религиозного характера, об этом также ни слова. К внешним недостаткам нужно также отнести дорогую годовую цену в 9—7 р., розничную в 1 р., 1 р. 50 к. при 125—200 страницах в книжке.

В заключение отметим общие задачи журнала «Просвещение на транспорте»: 1) давать вводные, направляющие политику просвещения, статьи; 2) теоретически освещать вопросы воспитания и практически через работников низовой сети проверять теоретические положения воспитания; 3) инструктировать по мере надобности работников всех видов просветительной деятельности; 4) освещать вопросы воспитания и образования за границей; 5) держать читателей в курсе книжных новинок, событий по народному образованию и съездов.

О журнале «На путях к новой школе» не придется много говорить, так как этот орган Научно-педагогической секции Гуса всем работникам по народному образованию хорошо известен.

«Наша основная задача наряду с разработкой основных проблем воспитания и образования—выявление и учет коллективного опыта российского учительства, сплочение учительства на определенной педагогической платформе». Так сказано в извещении «От редакции»,—помещенном в № 1 «На путях к новой школе» за 1922 г.

Тогда же, т. е. в первый год издания, журнал принял такой производственный план: I. Общий отдел, где освещаются принципиальные основы новой школы. II. Школа с сельскохозяйственным уклоном как ориентировка на массовый план школы. III. Из педагогического опыта. IV. Хроника—русская и заграничная. V. Библиография—русская и иностранная. По этому приблизительно плану ведется издание журнала в 1922, 1923 и 1924 гг.

[1] См. ст. №№ 10, 11—12 „Народное просвещение" за 1927 г.

С 1925 г. журнал расширяет свою программу в зависимости от запросов жизни. Разделы журнала такие: I. Общий отдел. II. Отдел программно-методический. III. Лицом к деревне. IV. Вопросы педологии. V. Педагогический опыт. VI. Хроника. VII. Переписка с читателем. VIII. Библиография—русская и иностранная.

В 1926 и 1927 гг. редакция держится плана 1925 г., так как поставленные вопросы остаются очередными. Как исключение, иногда номера журнала посвящаются отдельным вопросам, как, например, № 9 за сентябрь 1926 г. посвящен программам I и II ступени. Если прибавить к сказанному, что журнальные книжки «На путях к новой школе» тщательно издаются, подписная цена невысокая (6 р. 50 к. в год) при высоком качестве материала и среднем объеме книжек в 8—10 печатных листов, то этими чертами исчерпывается внешняя сторона журнала.

Общие тенденции журнала сводятся к тому, чтобы 1) разрабатывать проблему новой школы, нового воспитания, новой техники обучения детей, 2) знакомить с педагогической мыслью Западной Европы и Америки и 3) информировать читателей о наиболее интересных педагогических новинках союзной и иностранной печати. Тираж журнала «На путях» сравнительно с другими журналами очень высок—от 14 000 до 16 000 экземпляров.

Подводя итоги обзора центральных журналов, можно сказать, что высокая доброкачественность этих педагогических органов объясняется следующими исключительно благоприятными условиями: 1) бо́льшими материальными средствами, чем в провинции, 2) хорошим техническим оборудованием издательств, 3) опытностью редакционного штата и 4) высокой квалификацией сотрудников. Все эти условия выделяют центральные просвещенческие органы из серии других педагогических журналов.

IV. СТОЛИЧНЫЕ ЖУРНАЛЫ.

Перейдем к рассмотрению просвещенских журналов, близких по своим условиям к центральным.

Для примера возьмем московский «Вестник просвещения», ежемесячный общественно-педагогический журнал Московского отдела народного образования. Подписная цена журнала 8 р., а для школ и учреждений МОНО—6 р. в год. Журнал имеет приложения в количестве 24 печатных листов в виде брошюр: «Книга краеведа», «Игры в деревенской школе», «Первые работы по дереву в деревенской школе» и «Вестник просвещения» за 5 лет» (библиографический обзор). Тираж журнала № 1 за 1928 г. 4 500 экземпляров.

Журнал ставит своей задачей: освещать вопросы организации и укрепления единой трудовой школы.

В 1924 г. в журнале появляется новый отдел—«Методические вопросы». В 1925 г. журнал выходит без обозначения отделов. Но, очевидно, построение плана журнальных книжек не удовлетворило редакцию, и с января 1926 г. редакция снова возвращается к распределению материала по определенным разделам.

С внутренней стороны журнал имеет интересные особенности: чем ближе к настоящему году, тем лучше редакция приспособляет материал журнала к интересам массового учителя: появляется отдел «В помощь учителю», где даются статьи для работы по программам Гуса, организуется вокруг журнала коллектив педкоров, выдвигаются инициативные группы школьных работников, которые ставят на обсуждение товарищей вопросы, связанные с работой массовых учреждений МОНО; организуется особый отдел «Страничка педкора». Прием запрашивания у читателей материалов, связанных с жизнью школы, нужно признать очень удачным. Очень интересно выставлен отдел «Педагогическая жизнь». Полно освещается местная жизнь в отделе «Из педагогической практики», который ведется руками работников с мест. Вот эти особенности журнала «Вестник просвещения» следует всячески рекомендовать и другим педагогическим органам, в особенности провинциальным. В журнале чувствуется живое движение большого коллектива низовых работников учреждений МОНО. Редакция пользуется всяким случаем, чтобы задеть массового учителя интересным вопросом и справиться о его мнении. Такие методы организации педагогической общественности и привлечения к очередным вопросам внимания широких кругов педагогов дают большой организационный эффект.

Несовсем понятны большие колебания в тираже журнала, а также постоянные поиски твердого плана книжек. Отделы часто ненужно дробятся, создавая иллюзию, что это самостоятельный раздел, а не часть уже существующего. Но это мелочи.

Журнал «Просвещение», ежемесячный общественно-педагогический орган Ленинградского областного отдела народного образования, выходит с января 1927 г. Судя по анкете этого журнала [1], его производственные задачи следующие: «а) выявле-

[1] Для статьи использованы анкеты педагогических журналов, полученные организационным бюро по созыву съезда редакторов педжурналов.

ние и обобщение опыта отдельных учреждений с целью повышения качества педагогической работы на местах; б) помощь работникам просвещения в повышении производственной квалификации и выработке марксистского миропонимания; в) примерная методическая разработка отдельных программных вопросов, комплексных тем и задач; г) печатание рекомендательных списков литературы и отзывов на вновь выходящие издания».

По заявлению редакции, журнал ориентируется на массового работника школы и политпросветчика и достаточно освещает местный опыт.

Просматривая годовой комплект журнала и оценивая, как выполняется редакцией производственный план, должны отметить следующее: 1. Не видно, чтобы вокруг журнала были сгруппированы 105 авторов, как об этом заявляет редакция в анкете. 2. Объем журнала и тираж его в 2 000 экземпляров для такой громадной области, как Ленинградская, а также качество его возбуждают сомнения насчет связи с массовым просвещением. 3. Тощие книжонки в 80—100 страниц часто заполняются отчетным материалом и освещают вопросы, недоступные и ненужные массовому учителю. Видно, что освещается главным образом опыт ленинградских школ. 4) Не видно участия низового сельского учителя, вообще нет корреспондентов-педагогов. Отсюда понятен ничтожный тираж для такой огромной территории, как Ленинградская область. Не удивительно, если журнал дает огромный дефицит в 11 000 р. Поэтому можно горячо приветствовать обращение редакции «К просвещенцам Ленинградской области», помещенное в № 12 за 1927 г. В этом обращении сделаны решительные шаги на сближение с сельским просвещенцем: вопервых, снижена подписная цена с 6 р. до 3 р. для сельских учителей; вовторых, обещано редакцией принимать материалы местных корреспондентов, лишь бы эти материалы были ясно изложены и разборчиво написаны; втретьих, редакция просит районных инспекторов провести широкое осведомление просвещенцев о программе и задачах журнала и о подписке на него; вчетвертых, обещает дать в качестве приложения несколько брошюр. Намеченные брошюры по своим темам доступны учителю сельской школы: «Ленинградская область»—краеведческий очерк, «О работе сельских школ повышенного типа», «О работе сельской школы 4-летки на земельном при-школьном участке», «О содержании работы детского самоуправления в сельской школе 4-летке» и другие.

Однако, с нашей точки зрения, разрешение вопроса максимальной полезности журнала для массового учителя не в этом. Для Ленинградской области с таким центром, как Ленинград, нельзя обойтись одним педагогическим журналом и всем угодить. Между городскими школами Ленинграда и деревенскими школами Ленинградской области огромное расстояние. Очевидно, для массовых работников, сельских и городских, Ленинградской области нужен особый журнал.

V.

Переходя к обзору просвещенских органов более отдаленной периферии нашего Союза, остановимся прежде всего на педагогическом журнале Украинского Наркомпроса—«Путь просвещения» или «Шлях освіти». Прежде всего сделаем оговорку, что это, конечно, не провинциальный журнал.

Журнал «Путь просвещения» возник в Харькове в 1922 г. Просматривая № 1 за 1922 г., видим, что журнал занимается освещением вопросов теории воспитания, методологии просвещения, просветительной практикой, вопросами быта и т. д. Отделы журнала такие: Общий, Экспериментальный, Бытовой, Библиографический, Профессиональный и Информационный.

В построении первых журнальных книжек виден продуманный план: даются руководящие статьи т. Гринько—«Социальное воспитание детей», обстоятельная статья в № 1, дающая принципиальные основы воспитания, «Очерки истории и системы политпросвета», в № 2, большой исторический очерк «Внешкольное образование на Украине и переход к политико-просветительной системе». В статьях других авторов освещаются вопросы теории и практики трудовой школы: Р. Зейдель—«Трудовая школа как основа гармонического развития», С. Шацкий—«Школа для детей или дети для школы».

Постепенно в журнале развертывается всесторонняя пропаганда нового просвещения: реформа высшей школы, вопросы профессионального образования, о детском движении, детском театре и детской беспризорности, подготовка учителя, вопросы программ и метода преподавания,—все эти проблемы постепенно ставятся и обсуждаются в журнале. Вовлекаются широкая общественность и государственные органы в дело просвещения. Вот, в № 3 за 1922 г. помещено «Письмо в редакцию» предсовнаркома Украины т. Раковского, где он приветствует журнал и указывает на идентичность задач просвещения и задач советской власти. В № 3 обращение ВУЦИКа к селянству о поддержке школы.

В мае 1923 г. исполнилась годовщина выхода журнала «Путь просвещения». Тогдашний нарком по просвещению Украины т. Гринько оценивает в статье «В редакцию журнала «Путь просвещения» основные тенденции журнала. Приведем его формулировки:

«1) «Путь просвещения» не был эклектичным, он знал свою руководящую идею и развивал с большим подъемом совершенно конкретную целостную систему пролетарского просвещения. На страницы «Пути просвещения» можно было войти соратником или противником,—в нем не было лицемерной объективности и мещанского беспристрастия. Он был трибуной воинствующей революционной педагогики, глашатаем одного из ее учений. 2) «Путь просвещения» не пропагандировал отвлеченных истин, он сумел привлечь на обоснование защищаемой им системы огромный практический опыт революционной просветительной деятельности. 3) На протяжении всего года «Путь просвещения» настойчиво, упорно и с величайшей убежденностью искал широких интернациональных связей и завоевал их больше, нежели другой педагогический журнал Советской федерации. 4) «Путь просвещения» активно искал свою периферию. Он ее еще не завоевал, но неустанно над этим работал».

Указав на некоторые недостатки журнала, т. Гринько выдвинул лозунг украинизации «Пути просвещения».

Тираж журнала с 3 000 экземпляров в 1924 г. поднялся в 1927 г.—к 5-летию журнала—до 6 200 экземпляров. Из них 3 400 выписывают школы; на села падает 2 558 экземпляров. Редакция распространяет за границей 1 200 экземпляров журнала в виде краткого резюме на языке эсперанто. В 1928 г. тираж журнала равен 5 500 экземпляров. Годовая подписка—13 р. 50 к.

Общее впечатление от журнала «Путь просвещения» чрезвычайно выгодное: 1) журнал неуклонно украинизируется: № 1 за 1922 г. имел всего 3 статьи-заметки на украинском языке, № 1—2 за 1925 г. из 45 статей и заметок—22 на украинском языке, а к 5-летней годовщине «Шлях освіти» почти весь написан поукраински; 2) имеет первоклассный подбор руководителей и постоянных сотрудников; 3) солидный объем; 4) отличается высокою доброкачественностью материала; 5) постановкою широкой информации о заграничном общественно-педагогическом движении. Вот характерные особенности «Пути просвещения». Кроме того журнал выработал твердый план построения книжек.

В общем можно сказать, что журнал «Путь просвещения»—один из лучших органов педагогической мысли в СССР, наряду с нашими центральными органами педагогической печати.

VI. ПРОВИНЦИАЛЬНЫЕ ЖУРНАЛЫ.

От центральных и столичных журналов переходим к провинциальным. Будем помнить, что почти все условия провинции менее благоприятны для издания общедоступного, но вместе с тем научно-популярного педагогического органа.

Начнем с журнала «Школа и жизнь», ежемесячного общественно-педагогического органа Нижегородского губоно и губпроса. По данным анкеты, производственный план журнала строится на один-два месяца. Журнал ориентируется на работника соцвоса и политпросветчика. Журнал два раза рассылал анкеты и выяснил, что огромное большинство просвещенцев удовлетворено содержанием статей журнала. Число сотрудников к 1928 г. равно 260, число постоянных корреспондентов равно 40—50. Массовые просвещенцы принимают участие главным образом в отделах «Общем», «Опыт на местах» и «Профессиональная жизнь». Тираж журнала в 1928 г.—4 000 экземпляров. Вызывает недоумение огромное колебание тиража: № 6—7 за 1926 г.—5 100 экземпляров, № 8—9—1 650 экземпляров, № 5—1 500 экземпляров, № 10—4 000 экземпляров. Является подозрение, что выпуск книжек производится без всякого учета читателя. Следовательно, много стихийности, мало плановости. Неудивительно, что журнал дает дефицит в 8 тысяч рублей ежегодно.

Теперь коснемся ежемесячного журнала Северокавказского краевого отдела народного образования «Вопросы просвещения». Журнал этот стал выходить в январе 1926 г. Бегло просматривая журнальные книжки, находим следующие уклоны: непомерно длинные статьи, словесные выверты, вроде «лаборизация детских домов», и т. д. Вот для примера размеры статей: «О роли, формах и методах работы низовой инспекции по народному образованию»—15½ страниц, «Организация уголков живой природы»—18 страниц, «Организация детской среды»—15 страниц. В хронике 12 страниц занимают резолюции. Еще одно замечание: книжки выпускались сдвоенные, есть номера размером в 232 страницы. В 1927 г. производственный план журнала перестроен. Заметны некоторые улучшения: статьи гораздо меньше по размеру, темы нужные для массового работника. В № 2 за тот же год есть непонятный отдел—«Как работать», в котором найдете все, что хотите. С № 8 за 1927 г. редакция переходит к 2-недельному выпуску журнала. Журнал стал живее: больше уделяется места отделу «Опыт мест», который занимает 30 страниц из 55. В этом отделе имеется 10 небольших статей. Тираж журнала значительно повысился: прежний тираж равен был 1 000, № 8 выпущен в количестве 3 000 экземпляров. Однако иногда происходят с журналом совсем непонятные вещи. Вот № 3 журнала «Вопросы просвещения» за 1928 г. Просматривая его содержание, с удивле-

нием видишь, как почти весь он наполнен сухими агитационными статьями; помещены целых 4 руководящих и методических письма крайоно. «Опыту мест» и «Жизни и работе просвещенца» посвящено только 3 статейки на 6 страницах. Неудивительно, если тираж журнала снова понизился, равен 2 тысячам экземпляров. А между тем в анкете говорится, что «местный опыт освещается достаточно, занимая в журнале до 50% места».

Рассмотрим еще один небольшой, но живой и интересный журнальчик—«Наш труд», ежемесячный педагогический орган по вопросам строительства трудовой школы, общественной и профессиональной жизни работников просвещения. Журнал издается Ярославским губернским отделом народного образования. Производственный план журнала охватывает важнейшие вопросы просвещения. По данным анкеты, число сотрудников за 1927 г. равнялось 93. Массовый просвещенец сотрудничает в отделе «С мест». Постоянными корреспондентами являются работники губоно и уоно. С мест помещены за год заметки и статьи 53 работников. Тираж журнала 1 200 экземпляров.

Редакция сообщает, что с конца 1927 г. взят твердый курс на обслуживание школьных работников I ступени и сознается, что в 1927 г. опыт мест был отражен недостаточно, главным образом из-за отсутствия корреспонденций с мест. Редакция перешла на систему заданий и вызовов отдельных низовых учреждений по народному образованию.

Едва ли такой путь можно считать более верным для вовлечения учительских масс. Однако, просматривая № 1 за 1928 г., видим реальные результаты: в разделе «С мест» имеется 8 небольших статеек на очень живые и интересные темы. Из 62 страниц этому разделу отведено 25 страниц. Кроме того видно, что редакция живо откликается на события дня. Совершенно не понятна только статья «Неудачная прогулка либерала по истории русского крестьянства под маской науки». Совершенно ненужная критика, на которую ухлопано 4 страницы драгоценного места.

Чтобы окончить наш обзор просвещенских журналов, нам осталось коротко остановиться на «Просвещении Сибири»—ежемесячном общественно-педагогическом органе Сибирского краевого отдела народного образования.

Из анкеты этого журнала мы узнаем, что в «Просвещении Сибири» сотрудничали 127 авторов и из 255 статей разного содержания за 1927 г. 60% падают на получаемые от читателей и местных работников. В 1928 г. предполагается дать читателям: 1) книгу «В помощь просвещенцу Сибири» и 2) комплект в 10 художественных картин. До 1926 г. журнал был исключительно узкопедагогическим, с 1926 г. он становится общественно-педагогическим.

Журнал имел в 1927 г. производственный план: Общий отдел; Методы просветительной работы; Практика просвещения и быт; Краеведение; Хроника; «Нам пишут»; Среди книг и журналов; Переписка с читателями; Почтовый ящик. В приложенном к анкете протоколе заседания редакционной коллегии в 1927 г. имеются очень интересные постановления о направлении журнала: а) взять еще более четкую практическую установку и добиваться упрощения и оживления журнала в смысле языка, и подхода к читателям; б) усилить политический стержень журнала и добиться вообще неведомственного характера в содержании и трактовке печатаемых материалов; в) концентрируя внимание на массовом деревенском просвещенце, усилить ориентацию на сельского политпросветработника; г) расширить освещение быта просвещенцев и опыта местных работников, укрепляя и развивая связь с читательской массой. Далее идет еще ряд практических пожеланий об усиленном обслуживании городского рядового работника, освещении вопросов педологии, расширении и улучшении краеведческого и библиографического отделов, в том числе и о техническом улучшении издания книжек журнала.

В анкете есть данные, что журнал имеет около 100 корреспондентов и что 80% материала в журнале принадлежит творчеству мест. Интересно отметить, что при расходе по изданию журнала в 31 335 р. дефицита журнал не имеет: весь расход покрывается доходом от издания. Это совсем необычно для советских педагогических органов печати. В то же время цена отдельных книжек снижена с 60 к. до 50 к. при размере книжек в 8—10 листов. В основном задачи журнала, по словам редакции,—освещать местный опыт; таким статьям в 1927 г. журнал отвел до 70% всего объема.

VII. ВЫВОДЫ [1].

Мы проделали сложную работу по обзору, правда, чрезвычайно беглому, шестнадцати просвещенских журналов предсоветского и советского периода. Попробуем наши впечатления и замечания, уже сделанные мимоходом, свести в некоторую

[1] Не со всеми выводами редакция согласна.

систему определенных выводов, относящихся к нашим советским педагогическим органам.

1. Центральные просвещенские журналы достигли высокого уровня издательской техники, уточнения производственного плана, внутренней организации материала, научной популярности, изложения просвещенских идей советской педагогики и определения круга своих читателей пока только вширь. Однако в производственных планах этих журналов отсутствуют задачи руководства провинциальной педагогической печатью. В той или иной форме центральная печать должна поставить этот вопрос и попытаться его разрешить.

2. Провинциальная просвещенская печать переживает трудную и интересную эволюцию в объеме журнальных книжек, в содержании своего материала, в типе журнальных сотрудников: а) в объеме: от толстых редких по времени сборников к небольшим книжкам-брошюркам двухнедельного, чаще месячного периода; б) в материале: от длинных статей, постановлений, отчетов и резолюций административно-агитационного и политико-организационного характера с привкусом деревянного догматизма к небольшим, но живым и содержательным статейкам повествовательного и консультационного характера, стремящимся направить работу массового просвещенца даже в деталях; в) в типе сотрудников: от солидного администратора, тяжеловесного инспектора губернского масштаба к молодому и подвижному просвещенцу-активисту советского типа.

3. Провинциальные и даже столичные журналы переживают трудности организационного характера: постоянно меняются производственные планы; частая смена редакторов и редакционных коллегий; резкие скачки в тираже; мудреные заглавия отделов в книжках; хронические дефициты при высокой годовой и розничной цене журнала и почти бесплатном труде ответственных редакторов и членов редакционных коллегий; коллективное редактирование по отделам; отсюда пестрота номеров с тенденцией всем угодить и всех обслужить в одной книжке; большое количество хозяев-издателей: очень часто и губоно, и губпрос, и губком, и местный педвуз—каждый старается «влиять» посильно и нагружать журнал своим материалом.

4. Журналы имеют очень узкую аудиторию: всегда обращаются только к работникам просвещения, а не вообще к деятелям по народному образованию, не к рабоче-крестьянскому активу. Нет корреспондентов из горсоветов, волкомов, культотделов и т. д. Часто журналы губоно имеют облик ведомственный, обращаются только к своим служащим.

5. Редакторы, как правило, ответственные работники губоно, губкома или губпроса, загруженные работой по своему учреждению. Отсюда отсутствие четкости в руководстве сотрудниками и корреспондентами журнала: как писать и о чем писать, редакции не дают указаний и за отсутствием нужного материала помещают все, что подсовывает педкор. Отсюда же и плаванье сверху очередных вопросов в общих рассуждениях, перепевы мотивов центральной печати, уход из потока живой общественной жизни в сторону.

6. Однако общее впечатление таково, что организаторы просвещенской печати поняли общую задачу педагогической печати, усиленно вовлекают живой актив просвещенцев, на задний план отодвигают официальные отделы, поменьше залезают в международную политику, стремятся превратить местный журнал в методико-педагогическое руководство для работников своих учреждений, наполняя книжки своей природой, своим бытом и своим опытом.

Вот какие выводы напрашиваются обозревателю, просмотревшему известное количество наиболее распространенных провинциальных журналов и заглянувшему в анкеты, разосланные со специальными заданиями.

Общая печать нашей советской страны должна быть не только чутким и могучим эхом общественной жизни, но организатором и регулятором того колоссального творческого потока, который движется в основных массивах миллионных масс пробужденного населения. Педагогическая печать имеет те же задачи в своем секторе советской общественности. Вовлечь в просветительное строительство массы организованного населения, собрать вокруг органов печати наиболее живые, одаренные, активные силы просвещенцев, помочь наиболее темному населению раскрепоститься от религиозной тьмы и завистливого поклонения личной собственности, от бытовых предрассудков и технического невежества,—это важнейшие и неотложные задачи просвещенской печати. Но для выполнения их провинциальная печать должна иметь помощь от центральной. Будет ли это центральное пресс-бюро по консультации, или научно-методический орган печати, или же оба вида помощи вместе,—об этом будет иметь суждение ближайший съезд представителей педагогической печати.

К. БЕНДРИКОВ.

Ш К О Л А ПОВЫШЕННОГО ТИПА

О системе и типах профессионализированной средней школы общего образования.

I. НАСТОЯЩЕЕ СОСТОЯНИЕ СЕТИ ПРОФЕССИОНАЛИЗИРОВАННЫХ СРЕДНИХ ШКОЛ.

Только к началу 1927/28 учебного года Главсоцвосом изданы программы и учебные планы для восьми видов профессионализированной школы II ступени: для трех видов педагогического уклона, трех—административно-советского и двух—кооперативного. Эти восемь типов в общем могут считаться оформленными. Что касается остальной сети, то она представляет собою чрезвычайно пеструю картину не только в смысле типов и наименований, но, поскольку можно судить по данным ЦСУ, проработанным Статотделом ОПУ НКП, и в смысле целевой установки.

Остановимся на некоторых выводах, к которым приводит анализ этих данных.

1. Существует огромное количество наименований школ, причем наименования эти настолько разнообразны и несовершенны, что очень часто по наименованию невозможно определить, с какой отраслью общественного труда уклон школы связан. О существующем огромном разнообразии типов и наименований свидетельствует следующая сводка данных о сети:

Уклоны	Количество школ		Число отдельных видов уклона	Среднее число школ одного вида
	В абсолютных цифрах	В % к общему числу уклонных школ		
Педагогический	430	37,0	7	61,4
Кооперативный	341	29,2	4	55,2
Сельскохозяйственный	70	6,0	6	11,6
Индустриальный	88	7,6	16	5,5
Экономический	217	18,8	20	10,8
Прочие:				
а) художественный	13	1,1	2	6,5
б) медицинский	3	—	3	1,0
Итого	1 162	100	58	20,0

Таким образом, сеть крайне раздроблена, и унификация типов профессионализированной школы является крайне необходимой мерой.

2. Как показывают перечни уклона, составленные ЦСУ и Статотделом НКП, существующее разнообразие номенклатуры ведет к крайней запутанности классификации. Так, в перечне школ с кооперативным уклоном находим школы с кооперативно-кустарным, кооперативно-счетоводным и кооперативно-бухгалтерским уклонами, а группа школ с промышленно-экономическим уклоном, в свою очередь, заключает уклоны товароведения и счетоводства, конторско-бухгалтерский, торговый. Какая разница между кооперативным уклоном, включающим элементы товароведения, торговлеведения и счетоводства, и промышленно-экономическим с теми же элементами—

сказать трудно. В том же перечне уклонов промышленно-экономической группы имеем уклоны—учетно-производственный и фабрично-обслуживающего труда, т. е. уклоны, характерные для индустриальной группы.

Несомненно, что типов фактически меньше, чем существует наименований, однако налицо путаница и недоговоренность в области классификации и даже терминологии. Очевидна необходимость выработки некоторой системы, некоторых принципов для классификации уклоновых школ.

3. Перечни включают и такие «уклоны», законость существования которых возбуждает сомнение. Так, в группе педагогического уклона находим уклоны «естественно-исторический» и «биологический», в группе индустриального—«политехнический», в группе промышленно-экономического—«машинописи», в группе прочих—«музыкальный», «медицинский» и т. п.

Повидимому, неправильности в построении профессионализированного 2-го концентра не изжиты не только в столичных центрах, но и на периферии. Наличие «естественно-исторического» и «политехнического» уклонов свидетельствует о достаточно крепкой тенденции держаться уклона вне специальности (нечто родственное «научному» уклону, о котором одно время говорили в Ленинграде). С другой стороны, «музыкальный», «медицинский» и т. п. уклоны говорят о неизжитой еще тенденции на превращение общеобразовательной школы II ступени в профессиональную школу. Повидимому, необходимо еще раз уточнить вопрос о профессионализации школы II ступени и внести полную определенность в понимание термина «профессионализация».

4. Цифры ЦСУ не отражают еще одного важного момента, характеризующего состояние сети профессионализированных школ II ступени,—несоответствия уклона школы хозяйственным потребностям района, обслуживаемого школой. Ярким показателем этого несоответствия является невозможность для многих окончивших школу с уклоном получить работу по специальности, в которой они приобрели некоторые навыки. Повидимому, необходимы не только указания по планированию профессионализированного общего среднего образования, но и работа по пересмотру существующей сети с точки зрения ее хозяйственной целесообразности.

II. О ЦЕЛЕВОЙ УСТАНОВКЕ И КЛАССИФИКАЦИИ ШКОЛ С ПРОФЕССИОНАЛИЗИРОВАННЫМ 2-М КОНЦЕНТРОМ.

Опубликованные Главсоцвосом материалы о профессионализации 2-го концентра говорят, что задача этого концентра—«подготовить людей к тому, чтобы они на основе специальных знаний, приобретаемых в школе, в наиболее короткий срок и с наименьшей затратой энергии приобрели достаточную для данного образовательного уровня квалификацию в той или иной отрасли труда» [1], причем «все профессиональные уклоны в школе II ступени имеют достаточный образовательный характер, здесь нет еще места узкой и углубленной специальности» [2].

Несмотря на достаточную четкость этих положений, их необходимо дополнить указаниями директивного характера в двух направлениях:

а) какие отрасли труда доступны школе для достаточной профессиональной ориентировки учащихся;

б) каковы границы той углубленности в специализацию, которая, во-первых, лежит в плане работы общеобразовательной школы, во-вторых, доступна школе;

в) какие требования по линии спроса на рабочую силу предъявляет народное хозяйство к профессионализированной II ступени.

А. Вопрос об отраслях труда, обслуживаемых учебным заведением, не стоит для учреждений профобра, выпускающих специалистов. Здесь все точно и ясно. Совершенно иначе стоит этот вопрос для школы II ступени, где, с одной стороны, проблема ставится не в плоскости создания специалиста, а с другой—область общественного труда должна браться настолько широко, чтобы сохранить в той или иной мере принцип политехнического образования. Взятая для профуклона школ II ступени отрасль общественного труда, повидимому, должна удовлетворять следующим требованиям:

1) быть достаточно широкой и общественно значимой, чтобы давать максимум воспитательного эффекта в общественно-политическом направлении;

2) обнимать профессии, во-первых, требующие среднего общего образования, во-вторых, основы которых без больших трудностей могут быть заложены в тот промежуток времени, которым школа II ступени для этого располагает.

Отраслями общественного труда, удовлетворяющими этим требованиям, могут быть, очевидно, широкие отрасли народного хозяйства и государственного управления,

[1] Программы и методические записки Единой трудовой школы, вып. V, стр. 4.
[2] То же, вып. VI, стр. 15.

а именно: административно-советская работа, культурное строительство, кооперация, индустрия, сельское хозяйство, транспорт и народная связь, коммунальное хозяйство.

Основные группы школ II ступени с профессионализированным 2-м концентром и должны располагаться по указанным отраслям общественного труда, т. е. делиться на группы: административно-советскую, культурно-просветительную, кооперативную, индустриальную, сельскохозяйственную, народной связи и транспорта, коммунальную.

Из системы, таким образом, выпадает большая группа школ с так называемым промышленно-экономическим уклоном; поскольку термин «промышленно-экономический» не соответствует какой-либо определенной отрасли народного хозяйства или государственного управления, эта группа легко распределится между восемью намеченными.

Уточнение типа внутри каждой из этих групп диктуется вторым из поставленных выше условий, с одной стороны, и той естественной дифференциацией, которая имеет место внутри каждой отрасли народного хозяйства и государственного управления,— с другой. В силу этого должна быть проанализирована классификация занятий ЦСУ в целях выбора тех профессий, в которых школа II ступени может ориентировать своих учащихся. Из этого перечня должны быть исключены те занятия по группе «рабочие», которые или не требуют базы общего среднего образования, или требуют пока очень сложной системы длительного приспособления, чего школа II ступени дать не может. Из группы «служащие», в свою очередь, исключаются категории административного персонала, медико-санитарного, работников искусства, работников безопасности, работников гигиены и др. Одни из этих категорий исключаются вследствие того, что они требуют высокой общественной квалификации (административный персонал), другие—вследствие специфичности тех знаний и навыков, которых школа II ступени не может дать даже в общих чертах (медико-санитарный персонал, работники безопасности, работники искусства), третьи—вследствие того, что база среднего образования для них является ненужной. Таким образом, школа II ступени может ориентировать своих учащихся в следующих категориях профессий: 1) рабочие станка, технический персонал (частично), 2) хозяйственно-распределительный, 3) учетно-контрольный, 4) делопроизводственный, 5) работники просвещения (частично).

Б. Употреблением термина подготовка учащихся к профессии и специальности (ориентировка) вместо термина подготовка специалиста проводится грань между профессионализированным 2-м концентром и средним профессионально-техническим учебным заведением. Школа II ступени в силу специфических задач, диктуемых ей ее местом в системе народного образования РСФСР как школе общего образования, в силу недостаточности времени, которым она располагает, и по ряду других причин не может взять на себя задачу подготовки специалиста. Но школа с уклоном может дать своим учащимся такую подготовку в определенной отрасли труда, что они легче всякого другого, не прошедшего специальной школы, могут овладеть техникой данной специальности или профессии и стать профессионалами или специалистами. Школа должна ориентировать учащегося достаточно полно и достаточно широко в его будущей профессии, но только непосредственная работа в производстве сделает из него профессионала.

В. Школа с профессионализированным 2-м концентром должна считаться не только с задачами общего образования, но и с строго определенными требованиями народного хозяйства, в связи с чем должны быть коррегированы все соображения, изложенные в разделе А.

Наметка пятилетнего плана развития народного хозяйства содержит следующие данные о потребностях в среднеквалифицированной рабочей силе и о возможностях удовлетворения этих потребностей:

Раздел:	Потребность	Удовлетворение учебными заведениями среднетехническими и профессиональными	Недостаток
Индустриально-технический	26 000	23 000	3 000
Социально-экономический	25 000	9 000	16 000
Педагогический	78 000	38 000	40 000
Сельскохозяйственный	16 266	15 894	272

Группы уклоновых школ	Уклоны	Примерный профиль работников, которых готовит школа	Замечания
I. Индустриальная	1. Индустриально-технический чертежно-конструкторский	Чертежник на предприятии	
	2. Индустриально-технический, рисовально-художественный	Рисовальщик на предприятии	
	3. Индустриально-технический химический	Лаборатор щик	
	4. Индустриально-производственный	Производственный работник для некоторых предприятий (рабочий, помощник техника и пр.)	По отдельным отраслям промышленности
	5. Индустриально-экономический	Экономработник на предприятии (конторщик, учетчик, нормировщик, статистик)	По отдельным отраслям промышленности
II. Сельскохозяйственная	6. Землеустроительный	Таксатор (помощник земельного техника)	
III. Кооперативная	7. Кооперативно-счетоводный	Счетовод-кооператор	
	8. Кооперативно-заготовительный	а) Агент-заготовитель; б) инструктор населения по заготовке сырья;	По отдельным видам заготовок: хлебные, текстиль-сырье, скоропортящиеся продукты и т. д.
	9. Кооперативно-промысловый	в) эконом-работник промысловых и кустарных артелей, инструктор.	
	10. Кооперативно-торговый	Торговый работник, приказчик	
IV. Культурно-просветительная	11. Педагогический школьный	Учитель школы I ступени	
	12. Педагогический дошкольный	Дошкольный работник	
	13. Педагогический по внешкольной работе с детьми	Педагог по внешкольной работе с детьми	
	14. Политико-просветительный школьно-курсовой	Учитель школы и курсов для неграмотных и малограмотных взрослых	

Группы уклоновых школ	Уклоны	Примерный профиль работников, которых готовит школа	Замечания
	15. Политико-просветительный библиотечный	Библиотекарь	
V. Коммунальная	16. Коммунально-технический электро-монтажный	а) Помощник техника (десятник); б) учетчик-контролер	
	17. Коммунально-технический транспортный		
	18. Коммунально-технический по водоснабжению и канализации		
	19. Коммунально-экономический	а) Хозяйственный агент (зав. хозяйством) учреждений и предприятий; б) конторщик коммунальных учреждений и предприятий	
VI. Административно-советская	20. Делопроизводственный	Делопроизводитель	
	21. Счетно-финансовый	Счетный работник	
	22. Статистический	Статистик	
	23. Иностранной корреспонденции	Переводчик	
VII. Народной связи и транспорта	24. Почтово-телеграфный	Почтово-телеграфный работник	
	25. Транспортный	Средний агентский персонал железнодорожных и водных путей	

Документ, из которого приводятся данные цифры, заявляет, что недостающая рабочая сила по секторам народного хозяйства «покрывается выпусками школ II ступени с уклонами».

Приведенная заявка заставляет отказаться от некоторых видов профессионализации, несмотря на большой интерес, представляемый ими для общего образования; например, необходимо отказаться от широко развитого сельскохозяйственного уклона, поскольку школа имеет в виду работника наемного труда. Но не подлежит, однако, никакому сомнению, что по линии социально-экономического образования заявка приуменьшена: не вполне учтены потребности низового советского аппарата в делопроизводственном персонале, не вполне учтены потребности кооперации и госторговли в счетных работниках, в работниках прилавка и в работниках-заготовителях. Не учтены потребности транспорта и народной связи, потребности коммунального хозяйства.

Исходя из всех приведенных выше соображений, классификация учреждений профессионализированного 2-го концентра может быть представлена в следующем виде (см. на стр. 109).

На основе предложенной классификации примерный перечень уклонов может быть представлен в следующем виде:

I. Индустриальная группа: 1) индустриально-технический, чертежно-конструкторский, 2) индустриально-технический рисовально-художественный, 3) индустриально-технический химический, 4) индустриально-производственный по данной[1] отрасли промышленности, 5) индустриально-экономический по данной отрасли промышленности.

II. Кооперативно-торговая группа: 6) кооперативно-счетоводный, 7) кооперативно-торговый, 8) кооперативно-заготовительный по данному виду сырья[2], 9) кооперативно-промысловый.

III. Сельскохозяйственная группа: 10) землеустроительный уклон.

IV. Культурно-просветительная группа: 11) педагогический школьный, 12) педагогический дошкольный, 13) педагогический по внешкольной работе с детьми, 14) политико-просветительный школьно-курсовой, 15) политико-просветительный библиотечный.

V. Коммунальная группа: 16) коммунально-технический электро-монтажный, 17) коммунально-технический транспортный, 18) коммунально-технический по водоснабжению и канализации, 19) коммунально-экономический.

VI. Административно-советская группа: 20) делопроизводственный, 21) счетно-финансовый, 22) статистический, 23) иностранной корреспонденции.

VII. Группа народной связи и транспорта: 24) почтово-телеграфный, 25) транспортный.

В связи с предложенной классификацией и примерным перечнем надлежит решить вопрос о типе специальности, к которой готовит школа II ступени, другими словами—на широкого или узкого специалиста мы ориентируемся. Ответ на этот вопрос не может быть общим для всех видов уклоновой школы. Однако ответить на него необходимо, ибо от решения этого вопроса зависит построение учебного плана и программ школы II ступени с уклоном.

По типу специальности, к которой школа II ступени с уклоном готовит учащегося, приведенные выше в перечне уклоны можно расположить в следующем порядке:

А. Уклоны, готовящие к узкой специальности.

Категория I. Определенная специальность в определенной отрасли производства: 1) индустриально-производственный, 2) кооперативно-торговый, 3) землеустроительный, 4) педагогический (все виды), 5) политико-просветительный (все виды).

Категория II. Различные специальности в определенной отрасли производства: 1) индустриально-экономический, 2) коммунально-технический электромонтажный, 3) коммунально-технический транспортный, 4) коммунально-технический по водоснабжению и канализации, 5) кооперативно-заготовительный, 6) почтово-телеграфный, 7) кооперативно-промысловый.

Б. Уклоны, готовящие к широкой специальности.

Категория III. Определенная специальность в различных отраслях производства: 1) индустриально-технический чертежно-конструкторский, 2) индустриально-технический рисовально-художественный, 3) индустриально-технический химический, 4) кооперативно-счетоводный, 5) делопроизводственный, 6) счетно-финансовый, 7) статистический, 8) иностранной корреспонденции.

Категория IV. Различные специальности в различных отраслях производства: 1) коммунально-экономический, 2) транспортный.

III. ПРОГРАММЫ И УЧЕБНЫЕ ПЛАНЫ ШКОЛ С УКЛОНОМ.

Классификация школ с уклоном, определяя тип школы и ее целевую установку, в то же время до некоторой степени предопределяет как построение учебного плана уклонной школы, так и схему ее программы, ибо совершенно очевидно, что специальные дисциплины в учебном плане расположатся применительно к типу специальности, к которой готовит школа. Общую наметку схемы учебного плана можно представить в следующем виде:

1. Основные, общие для всех уклонов данной группы дисциплины, дающие представление о данной отрасли народно-хозяйственной жизни;

[1] Химической, текстильной, металлообрабатывающей и т. д.

[2] Хлебозаготовительный, рыбозаготовительный, льнозаготовительный и т. д.

дисциплины эти близко примыкают к обществоведению, представляя собою развитие и углубление соответствующего вопроса программы обществоведения (главным образом раздела «Современность»), например:

организация и формы промышленности в СССР;
вопросы экономики и политики в области сельского хозяйства;
основы кооперации;
просветительная политика советской власти и система народного просвещения в РСФСР;
элементы советского государственного права и т. д.

2. Вторую группу составляют дисциплины, подводящие теоретическую и технологическую основу под специальности, к которым школа готовит учащихся, причем одновременно сообщаются сведения об организации и практике соответствующих учреждений и предприятий. Приэтом для уклонов, работающих по широким специальностям, вопросы техники ставятся применительно к различным типам учреждений и предприятий с преимущественным акцентированием преобладающих в окружении школы.

3. Третий раздел программы и учебного плана составляет практическая производственная работа в учреждении, на предприятиях и в стенах школы.

Если группа основных дисциплин связывается с обществоведением, то теоретические и технические предметы (2 и 3) должны быть связаны с соответствующими общеобразовательными дисциплинами и исходить из них, основываясь на определенных разделах общеобразовательных предметов. Несомненно, что программы некоторых общеобразовательных предметов и учебные планы школы должны быть в некоторой степени наклонены в сторону профессии, к которой школа готовит учащихся.

Какие же выводы можно сделать из всего изложенного выше?

Выводы эти, по нашему мнению, следующие:

1. Школа II ступени с уклоном, оставаясь школой общего среднего образования, выполняет задачу пополнения рабочей силы в тех отраслях народного хозяйства, потребности которых не могут быть покрыты существующей сетью средних профессионально-технических учебных заведений, берет на себя обязательства подготовить работника, ориентированного в данной отрасли труда.

2. Сеть уклоновых школ должна быть приведена в возможное соответствие с потребностями данного района в рабочей силе средней квалификации; работа эта должна быть проведена местными плановыми органами с участием заинтересованных административных и хозяйственных органов и профессиональных организаций. Дальнейшая работа по реорганизации 2-го концентра школ II ступени должна итти в строго плановом порядке, с санкции местных плановых органов.

3. Сеть должна строиться на основе предлагаемой системы классификации и номенклатуры; сеть утверждается Главсоцвосом. Выходящие за рамки системы учреждения организуются с санкции Главсоцвоса. Уклоны, стоящие в противоречии с принципами строительства уклоновой школы, установленными НКП, должны быть ликвидированы с заменой другими, более правильно организованными.

4. С целью укрепления школы с профессионализированным 2-м концентром как учреждения, работающего параллельно с средними профессионально-техническими учебными заведениями, необходимо установление такого порядка, по которому учащиеся 2-го профессионализированного концентра: а) получили бы возможность проводить бесплатную практику в учреждениях и предприятиях, б) направлялись бы биржами труда на работу соответственно той специальности, к которой они готовились.

5. В дальнейшей программной работе необходимо в программах специальных дисциплин выдерживать тип профессионализированной школы II ступени, приспособляя в то же время общеобразовательные программы и учебные планы к характеру уклона.

И. ВЕКСЛЕР.

Ф А Б З А В У Ч

Клиентура фабзавуча.

Вокруг вопроса о строительстве и организации фабзавуча идут в настоящее время довольно ожесточенные споры. Подвергаются пересмотру система фабзавуча, сроки обучения для рабочих различных квалификаций. Много говорится о качестве выпускников, об эффективности работы школы фабрично-заводского ученичества. Берется даже под сомнение необходимость этого типа учебного заведения в некоторых отраслях промышленности.

Все эти вопросы встали перед нами не случайно. Не в первый раз дискутируется вопрос о фабзавуче. Эта школа рабочего образования готовит рабочих для промышленности, работает в самой промышленности. Неудивительно поэтому, что при каждом новом повороте промышленности, при каждой новой фазе ее развития сам собою выплывает вопрос об учреждении, готовящем рабочую силу для промышленности.

В настоящее время этот вопрос особенно остро ставится в связи с повышением технической базы промышленности, в связи с процессами рационализации, происходящими в ней, особенно по поводу перехода части наших фабрик и заводов на семичасовой рабочий день. Введение трехсменной работы потребовало в срочном порядке новых квалифицированных рабочих. Текстильные фабрики, перешедшие на семичасовой рабочий день, из-за отсутствия квалифицированных рабочих, вынуждены были пойти на крайние меры. На этих фабриках был произведен досрочный выпуск учащихся фабзавуча, производившийся в пожарном порядке, без особого отбора, без отсева неуспевающих, без надлежащего учета объектов работы и оборудования, с которым фабзавучнику в периоде его школьного обучения приходилось иметь дело.

При таких условиях особенно актуальным становится вопрос о том, как в кратчайший срок сообщить ученику фабзавуча максимум знания и навыков, чтобы он не задерживался долго в школе и мог сразу, в случае спешной надобности, занять место квалифицированного рабочего в производстве. Отсюда и требования о пересмотре учебных планов и программ школы фабзавуча, об уплотнении работы, о сокращении сроков обучения и т. д. Однако правильное разрешение вопросов о фабзавуче возможно лишь тогда, когда во внимание будет принята вся совокупность условий, в которых фабзавуч работает, в частности, когда не будет упущено из виду и качество той клиентуры, которая к началу каждого нового набора стучится в двери фабзавуча, и ее подготовка для работы в специальной школе, какой является школа фабзавуча. В этом отношении чрезвычайно показательными являются данные о новом наборе в школы фабзавуча. Эти данные лишний раз приковывают наше внимание к живой действительности и дают ключ к пониманию многих ненормальностей в самой работе рабочей школы. Каждый новый набор косвенным образом характеризует и работу тех организаций, которые так или иначе заинтересованы в фабзавуче, принимают участие в комплектовании школы фабзавуча, подготовляют учащихся для этой школы.

Попытки срыва нового набора.

В августе прошлого года, после значительной ведомственной канители, Наркомтрудом совместно с ВСНХ был издан циркуляр о нормах набора в школы фабзавуча. Согласно этому циркуляру прием в школы фабзавуча на 1927/28 г. должен был

ИТОГИ ОКТЯБРЯ

Бюджет народного образования в СССР.

(Исторический очерк за десятилетие 1918—26/27 гг.)

ЭВОЛЮЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО БЮДЖЕТА СССР [1]

В результате мировой войны и вызванного ею разрушения народного хозяйства, Советская республика получила в наследство от царского и Временного правительства 8,5 миллиардов бюджетного дефицита, не считая расходов на ведение войны, и обесцененный рубль, реальная стоимость которого к октябрю 1917 г. в лучшем случае достигала 10 довоенных копеек. Процесс разрушения народного хозяйства и расстройства финансов не мог быть приостановлен советской властью в условиях длительной гражданской войны и интервенции и продолжался втечение всего периода военного коммунизма, и только с переходом к новой экономической политике начинается постепенное и неуклонное оздоровление бюджета республики. За истекшие десять лет со времени Октябрьской революции государственный бюджет Союза ССР прошел длинный путь развития, который в общих чертах можно разбить на следующие основные этапы:

1) период военного коммунизма (1918—1921 гг.),

2) переход к новой экономической политике (1922—1922/23 гг.) и

3) денежная реформа и прекращение бюджетной эмиссии (1923/24—1926/27 гг.).

Первый советский бюджет был составлен на январь—июнь 1918 г. и утвержден Советом народных комиссаров 11 июля 1918 г. по доходам в сумме 2 852 726 548 р. и по расходам—17 602 727 444 р. с дефицитом в 14 750 000 896 р. Бюджет на июль—декабрь 1918 г. был утвержден по доходам в сумме 12 726 914 462 р. и по расходам 29 102 978 310 р., т. е. с дефицитом в 16 376 063 848 р. Бюджеты 1919—1921 гг. номинально росли с невероятной быстротой, и бюджет на 1920 г. уже достиг в своей расходной части астрономической цифры в 1 215 159 242 000 р. Бюджетный дефицит, составлявший в 1918 г. 66,6% общего итога, в 1919 г. уже достигает 77,3%, а в 1920 г.—86,9%. Единственным источником покрытия бюджетного дефицита была бумажная эмиссия, которая привела почти к полному обесценению бумажного рубля. Сотни миллиардов и триллионов рублей, в которых номинально исчислялся государственный бюджет, в действительности представляли собой крайне ничтожную величину.

Никаких мер борьбы с дефицитностью бюджетов и обесцениванием рубля в период военного коммунизма не принималось. Финансовая политика этого периода стремилась к превращению госбюджета в бюджет всего народного хозяйства на основе полной его натурализации и постепенного прекращения денежных расчетов.

Эта политика наиболее полно отразилась на бюджете 1920 г., который охватывает все предприятия национализированной промышленности и транспорта, советские сельские хозяйства, заготовительные операции Наркомпрода, торговые операции Наркомвнешторга и, наконец, все местное хозяйство. Доходные поступления по росписи 1920 г. на 95% состоят из доходов от продукции предприятий ВСНХ, от операций Наркомпрода, от транспорта и связи и пр. национализированных имуществ, и только 0,3% всех доходных поступлений составляют налоги.

[1] См. объяснительную записку к „Единому государственному бюджету СССР на 1924/25 г.". Издание НКФ СССР.

Приэтом необходимо отметить, что натуральные доходы от продукции и продовольствия исчислялись по крайне низким ценам (пуд ржи—около одной довоенной копейки), и все расчеты по распределению продукции и продовольствия внутри государственного аппарата производились без участия денежных знаков путем оборотных бухгалтерских переводов, а тарифы и таксы за железнодорожные перевозки и почтово-телеграфные услуги граничили с полной бесплатностью.

Бюджет на 1921 г. первоначально был составлен на тех же основаниях; однако в таком виде бюджет просуществовал только втечение первой половины бюджетного года.

В связи с переходом к новой экономической политике бюджет 1921 года подвергся коренному пересмотру. В бюджет снова были внесены доходы налогового характера и одновременно пересмотрены в сторону большей реальности тарифы на оплату перевозок по железнодорожным и водным путям и таксы за почтово-телеграфные услуги; наконец, были приняты меры к восстановлению местных финансов. Однако принятые меры по увеличению доходной части бюджета были крайне недостаточны и не могли дать сколько-нибудь заметного эффекта: бюджетный дефицит за 1921 г. составил 84,1% его расходной части.

Бюджет на январь—сентябрь 1922 г. построен на началах новой финансовой политики. Стремление к охвату всего народного хозяйства в едином государственном бюджете сменилось идеей децентрализации бюджета. С государственного бюджета были сняты все предприятия национализированной промышленности кроме военной промышленности и предприятий особого государственного значения.

Далее были исключены из государственного бюджета обороты по торговым операциям Наркомвнешторга. Все доходы от железных дорог, почты и телеграфа были полностью предоставлены в распоряжение соответствующих ведомств. Наконец, были приняты решительные меры по разгрузке государственного бюджета от целого ряда расходов местного значения и по восстановлению местных средств. Наряду с децентрализацией бюджета и сокращением его расходной части были установлены новые налоги, повышены ставки уже существовавших налогов и пошлин, вновь пересмотрены железнодорожные тарифы и почтово-телеграфные таксы. В результате новой бюджетной политики дефицит за январь—сентябрь 1922 г. определился в размере 52,7% общего итога расходов, что уже говорит о решительном сдвиге по пути оздоровления бюджета.

Наконец, необходимо отметить, что натуральный элемент (продналог, трудгужналог и пр.) в бюджете 1922 г. все еще имеет преобладающее значение; однако по сравнению с бюджетом периода военного коммунизма значение натуральной части бюджета резко падает, и намечается постепенный переход к чисто денежному бюджету.

Борьба за оздоровление бюджета, успешно начатая в 1922 г., с неослабевающим упорством продолжалась в 1922/23 и 1923/24 гг. Наряду с мерами по увеличению налоговой части бюджета были приняты также решительные меры по усилению доходов неналогового характера (от транспорта, почтово-телеграфной связи, от лесов и прочих государственных имуществ и предприятий).

Наконец, в качестве источника для покрытия бюджетных дефицитов были впервые использованы государственные внутренние займы. Одновременно продолжалась разгрузка государственного бюджета и всемерное сжатие расходов по содержанию административного аппарата. В результате всех принятых мер по озодоровлению финансов, бюджетный дефицит, покрытый за счет бумажной эмиссии, составил в 1922/23 г. 29,4%, а в 1923/24 г. только 8% расходной части бюджета. В бюджете 1922/23 г. натуральный элемент все еще играет видную роль, так как сельхозналог, объединивший отдельные виды прямых налогов с крестьянского населения, поступал натурой, но уже в 1923/24 г. поступила натурой только незначительная часть сельхозналога, а бюджет за 1924/25 г. принял полностью денежный характер.

Героическая борьба за оздоровление бюджета закончилась полной победой. Бюджет 1924/25 г. был сведен без дефицита с полным прекращением бюджетной эмиссии, а последующие бюджеты 1925/26 г. и 1926/27 г. сбалансированы даже с значительным превышением доходов над расходами.

На очередь поставлена новая огромная задача накопления бюджетных средств и использования их на реорганизацию народного хозяйства в целях усиления темпа его дальнейшего развития.

В заключение необходимо сказать, что бюджеты периода военного коммунизма составлялись в советских денежных знаках, которые непрерывно обесценивались и притом с все возрастающим темпом.

Бюджетная практика того времени не разработала каких-либо методов переводов совзнаков в довоенные рубли, а потому при сопоставлении бюджетов периода военного коммунизма не следует забывать, что эти бюджеты исчислены в несоизмеримых единицах.

Бюджет на январь—сентябрь 1922 г. составлен уже в золотых рублях по всероссийскому индексу Конъюнктурного института, а бюджет на 1922/23 г. в золотых рублях по общетоварному оптовому индексу Госплана. Только начиная с 1923/24 г., бюджеты составляются в червонной валюте, которая в настоящее время является твердой и притом единственной валютой, имеющей действительное обращение в стране.

РАСХОДЫ НА НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ И ИХ УДЕЛЬНЫЙ ВЕС В ГОСУДАРСТВЕННОМ БЮДЖЕТЕ СССР.

Расходы на нар. образование по сметам наркомпросов и их удельный вес в госбюджете СССР за десятилетие 1918—1926/27 гг. выражаются в следующих цифрах:

Годы	Общая сумма расходов	Расходы на наробразование	Удельный вес расходов на наробразование
(В совденежных знаках, в млн. р.)			
1918	46 706	2 994	6,4
1919	215 402	17 244	8,0
1920	1 215 159	114 366	9,4
1921	27 420 278	1 406 375	5,1
(В золотых рублях по индексу Конъюнктурного института; в тыс. р.)			
1922	346 705	21 019	6,1
(В червонных рублях; в тыс. р.)			
1922/23	1 336 319	55 567	4,2
1923/24	1 890 616	80 843	4,3
1924/25	2 652 026	117 259	4,4
1925/26	3 672 008	159 483	4,3
1926/27	4 459 958	184 881	4,1

Примечания. 1) За 1918—1921 гг. в таблице приведены расходы в суммах бюджетных назначений.

2) За 1922 г. показаны суммы фактически произведенных расходов, причем расходы по наркомпросам союзных и автономных республик ориентировочно исчислены в процентном отношении к расходам по Наркомпросу РСФСР (РСФСР—69%, УССР—15%, БССР—1,2%, ТуркССР—5%, Киргизская ССР—4% и прочие АССР—5,8%).

3) За 1922/23 г. показаны суммы фактических расходов с переводом совзнаков в червонные рубли по средним месячным курсам.

4) За 1923/24—1926/27 гг. приведены расходы в суммах бюджетных назначений, причем общая сумма расходов показана без отчислений в местные средства. В итоги расходов за 1925/26 и 1926/27 гг. не включены также суммы, назначенные на образование особого государственного резерва СССР.

Быстрый рост удельного веса сметы Наркомпроса в бюджете республики, наблюдаемый в период 1918—1920 гг., объясняется следующими причинами:

1) развертыванием работы Наркомпроса в связи с новыми задачами, поставленными советской властью в области просвещения, как то: внешкольное образование, дошкольная работа, материальное обеспечение учащихся и пр.;

2) централизацией всех расходов на народное образование (кроме военного ведомства) в смете Наркомпроса;

3) постепенной ликвидацией местных средств и передачей на смету Наркомпроса той части расходов на народное образование, которая прежде проходила по местному бюджету.

В 1921 и 1922 гг. имеет место резкое снижение удельного веса сметы Наркомпроса. Это снижение совпадает с переходом к новой экономической политике и объясняется прежде всего стремлением к сжатию всех расходов непроизводственного характера и в том числе расходов на народное образование. Дальнейшее развитие системы местных финансов и передача на местные средства всех расходов на массовое школьное и внешкольное образование повели к новому падению удельного веса сметы Наркомпроса, который уже в 1922/23 г. составляет только 4,2%.

Последующие колебания удельного веса Наркомпроса сравнительно невелики, и в общем наблюдается определенная тенденция к стабилизации доли Наркомпроса в государственном бюджете.

В процессе революционного строительства в области просвещения постоянно возникают новые учреждения и мероприятия (ликвидация неграмотности, рабфаки, совпартпросвещение и пр.) и постепенно исчезают отживающие формы. Все эти изменения в системе народного просвещения соответствующим образом отражаются на внутреннем содержании бюджета Наркомпроса. Соотношения между основными разделами народного образования втечение рассматриваемого периода претерпевают резкие колебания. Эти колебания стоят в непосредственной связи с изменениями бюджетного законодательства в части взаимоотношений между государственным и местным бюджетами, а отчасти объясняются неравномерным развертыванием работы Наркомпроса. Сравнение бюджетов Наркомпроса за весь десятилетний период со времени Октябрьской революции чрезвычайно затрудняется постоянными изменениями в содержании и структуре государственного бюджета в целом и бюджета Наркомпроса, как одной из его составных частей, и возможно только в общих чертах. Ниже приведена таблица распределения расходов по основным разделам народного образования за 1920 и 1926/27 гг. (см. стр. 124).

В бюджете 1920 г. на первом месте стоят расходы на учреждения и мероприятия по социальному воспитанию, составляющие 62,2% всего бюджета; второе место занимают расходы на профтехническое образование (19,6%), далее идут расходы на политико-просветительные учреждения и мероприятия (9,3%), разные расходы (5,3%), расходы на научно-исследовательскую работу (1,9%) и, наконец, расходы по содержанию Центрального управления Наркомпроса и его местных органов. Совершенно другая картина наблюдается в 1926/27 г.: на первое место выдвигаются расходы на профобразование, поднявшись до 63,9%, а расходы на социальное воспитание занимают уже третье место, снизившись до 9,4%. Зна-

Расходы по основным разделам народного образования за 1920 и 1926/27 гг.

Наименование расходов	1920 год		1926/27 год	
	Сумма в совзн. в тыс. руб.	Удельный вес в процентах	Сумма в червонных рублях	Удельный вес в процентах
1. Центральное управление и местные органы	1 734 310	1,7	4 881 278	2,6
2. Научные учреждения и музеи	1 985 595	1,9	15 345 108	8,3
3. Профтехническое образование	20 689 379	19,6	117 732 199	63,9
4. Политико-просветительная работа	9 803 900	9,3	24 906 728	13,5
5. Социальное воспитание . . .	65 517 525	62,2	17 904 941	9,4
6. Разные расходы	5 583 041	5,3	4 111 139	2,3
Итого	105 313 750	100	184 181 343	100
7. Расходы прошлых лет . . .	316 850	—	—	—
8. На нужды просвещения союзных и автономных республик и ревкомов	8 735 470	—	—	—
Всего . . .	114 366 070	—	184 181 343	—

Примечание. В бюджете 1920 г. «Расходы прошлых лет» и «Расходы на нужды просвещения союзных и автономных республик и революционных комитетов» показаны заграфно, так как эти расходы за отсутствием данных не могут быть распределены между основными разделами народного образования.

чительное различие в удельном весе «разных расходов» объясняется тем обстоятельством, что к этому разделу в бюджете 1920 г. нами отнесены расходы на содержание Государственного издательства, Музыкального издательства, Фотокинематографического отдела и других органов и учреждений, переведенных в последующие годы на хозрасчет. Ассигнования по сметам наркомпросов далеко не исчерпывают всех затрат на народное образование, которые несет государство, так как расходы на народное образование, сосредоточенные в своей основной массе в смете Наркомпроса, помимо того в значительных суммах проходят по другим ведомствам. Стремление к централизации всех затрат на народное образование в смете Наркомпроса, наблюдавшееся в период военного коммунизма, за последние годы сменяется постепенным нарастанием этих расходов по сметам других ведомств: так, по бюджету ЦИКа проходят расходы на содержание Социалистической академии, Академии наук, Коммунистического университета трудящихся Востока и Свердловского коммунистического университета; по сметам наркомздравов и наркомземов — расходы на научно-исследовательские учреждения; по сметам ВСНХ и наркомторгов — расходы на профобразование, по смете НКПС, за счет особых целевых сборов, проходят расходы на содержание учреждений народного образования на транспорте, и т. д. Причины этого рассеивания ассигнований на народное образование по сметам различных ведомств лежат частью в отсутствии союзного наркомпроса, по смете которого могли бы проходить расходы на учреждения союзного значения, частью — в недостаточности ассигнований по сметам наркомпросов и в стремлении ведомств

более полно обеспечить те отрасли народного образования, с которыми непосредственно соприкасаются их ведомственные интересы.

Для оценки общей суммы расходов на народное образование, проходящих в настоящее время помимо смет наркомпросов, ниже приведены данные за 1926/27 г.

Наименование ведомств	Сумма
а) Наркомпрос	184 881 343
б) Прочие ведомства	
1. ЦИКи	10 141 670
2. Совнаркомы	5 475 586
3. Наркомздравы	9 611 701
4. Наркомземы	3 835 729
5. Наркомвнуделы	1 310 010
6. Наркомфины	242 838
7. ВСНХ	583 017
8. Наркомтруды	702 549
9. НКРКИ	175 958
10. ЦСУ	77 313
11. Наркомпочтель	1 000 000
12. Наркомвоенмор	17 387 130
Итого по прочим ведомствам .	50 543 501
в) НКПС (целевые сборы)	43 119 279
Всего	278 544 123

Приведенные в таблице цифры показывают, что общая сумма затрат государства на народное образование, включая и расходы на просвещение по транспорту, составляет 278 544 123 р., из которых две трети проходят по сметам наркомпросов и одна треть по прочим ведомствам. Удельный вес всех расходов на народное образование по госбюджету составляет 6,2%.

РАСХОДЫ НА НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ ПО МЕСТНЫМ БЮДЖЕТАМ.

Местные финансы втечение истекшего десятилетия после Октябрьской революции прошли те же стадии развития, как и госбюджет. Первый год характеризуется хаотическим состоянием местных финансов: в одних местах местные налоги по инерции взимались на основании дореволюционных законодательств, в других — наблюдается местное налоготворчество в самых разнообразных формах. Попытки урегулировать местные финансы, сделанные в конце 1918 г., не дали результатов, так как растущее обесценение рубля свело на-нет местные доходы поступления и в

1919 г. большая часть местных расходов покрывалась за счет пособия из казны. Наконец, в 1920 г. в связи с отменой налогов и введением бесплатности коммунальных услуг местные финансы были окончательно слиты с общегосударственными.

Начало восстановления местных финансов относится ко второй половине 1921 г.

10 декабря 1921 г. были изданы: 1) декрет о местных бюджетах, 2) декрет о местных налогах и сборах и 3) перечень расходов, отнесенных на местные средства.

На этих основаниях были построены местные бюджеты на 1922 г. По линии народного образования на местные бюджеты были переданы: 1) хозяйственные расходы и содержание технического персонала школ I и II ступени, детских домов, дошкольных учреждений, сельскохозяйственных и художественных профшкол и краткосрочных курсов; 2) содержание низовых учреждений политпросвета (за исключением учебного персонала, библиотек и школ для взрослых) и осуществление ряда мероприятий политико-просветительного характера. В 1922/23 г. на местные средства были переданы расходы по зарплате учителей школ I ступени и работников детдомов, в последующие годы разгрузка госбюджета продолжалась, и уже в 1924/25 г. согласно «Временному положению о местных финансах», утвержденному ЦИКом СССР от 29 октября 1924 г., на местные средства были отнесены полностью все расходы по содержанию массовых учреждений социального воспитания, содержанию профессионально-технических школ низшего типа и краткосрочных курсов, вся массовая политико-просветительная работа среди взрослых и, наконец, расходы по хозяйственному обслуживанию техникумов, совпартшкол и рабочих факультетов, не состоящих при вузах. Новое «Положение о местных финансах», утвержденное 25 апреля 1926 г., приостановило процесс дальнейшей нагрузки местного бюджета; в связи с окончательным отказом от системы двойного финансирования согласно новому «Положению», в 1926/27 г. расходы по хозяйственному обслуживанию техникумов, совпартшкол и рабфаков были переданы обратно на госбюджет.

Ввиду отсутствия сведений об исполнении местных бюджетов за 1922 г. и неполноты их за 1922/23 г. ниже приводятся данные о расходах на народное образование, начиная с 1923/24 г.

Годы	Общая сумма расходов по местным бюджетам (в тыс. р.)	Расходы на народное образование (в тыс. р.)	Удельный вес расходов на народное образование (в процентах)
1923/24 . .	521 742,1	149 821,0	28,7
1924/25 . .	844 834,2	228 485,9	27,0
1925/26 . .	1 207 081,1	327 693,7	27,2
1926/27 . .	1 527 779,1	432 624,7	28,3

Примечание. Общая сумма расходов в таблице показана по бюджету «нетто», т. е. по бюджету, очищенному от оборотных сумм по фонду регулирования и от валовых расходов по коммунальным предприятиям, не переведенных на хозяйственный расчет.

В 1922/23 г. расходная часть местных бюджетов была исчислена НКФ в сумме 384,7 млн. р. по товарному индексу Госплана, в том числе расходы на народное образование—74,9 млн. р., что составляет 19,5%. По отчетным материалам Наркомфина, всего поступило за 1922/23 г. доходов 231,5 млн. черв. р., сверх того отпущена местным советам дотация по госбюджету в размере 30,3 млн. р., а всего поступило на покрытие местных расходов 261,8 млн. р.; статистических сведений об исполнении расходной части местных бюджетов не имеется; однако есть основания предполагать, что удельный вес расходов на народное образование оказался значительно ниже ориентировочных предположений Наркомфина. На основании сметных материалов, представленных в центр по 67 губерниям РСФСР, удельный вес расходов на народное образование составляет только 17,5%. Принимая этот процент как средний для территории всего Союза, можно без грубой погрешности определить расходы на народное образование в 1922/23 г. в сумме 45,8 млн. р. Таким образом уже на второй год по восстановлению местных финансов почти половина всех расходов на народное образование проходит по местному бюджету. Значение местного бюджета в финансировании народного образования возрастает по мере укрепления местных финансов.

Расходы на народное образование занимают в местном бюджете первое место, причем удельный вес этих расодов, поднявшись в 1923/24 г. сразу до 28,7%, в 1924/25 г. несколько снижается, а затем снова повышается до 28,3%.

Соотношение между основными разделами народного образования по местным бюджетам за 1924/25 г. представляется в следующем виде:

Наименование расходов	Проценты к итогу
Местные органы народного образования	2,7
Профтехническое образование	7,1
Социальное воспитание	77,0
Политико-просветительные учрежд. и мероприятия . .	13,1
Разные расходы	0,1
Итого	100%

Первое место в расходах местных бюджетов на народное образование занимают расходы по социальному воспитанию, составляющие свыше трех четвертей всего бюджета народного образования; далее идут расходы на политико-просветительные учреждения и мероприятия, расходы на профтехническое образование, расходы по содержанию местных отделов народного образования и, наконец, разные расходы.

ОБЩАЯ СУММА РАСХОДА НА НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ ПО ГОСУДАРСТВЕННОМУ И МЕСТНЫМ БЮДЖЕТАМ И СРАВНЕНИЕ С ДОВОЕННЫМИ РАСХОДАМИ.

Приводимая ниже таблица дает сводку расходов на народное образование по государственному и местному бюджетам и рост этих расходов за 1923/24—1927/27 гг.

Рассматривая приведенные в таблице цифры, можно сделать следующие выводы: 1) местные бюджеты растут быстрее госбюджета, 2) значение местных средств в деле финансирования народного образования с каждым годом увеличивается, 3) удельный вес ассигнований на народное образование в сводном бюджете Союза, хотя и медленно, но неуклонно повышается и в 1926/27 г. уже составляет 10,4% всего бюджета.

Расходы на народное образование	1923/24 г.			1924/25 г.		
	В тыс. р.	Проценты к итогу	Удельный вес	В тыс. р.	Проценты к итогу	Удельный вес
а) по госбюджету (см. НКП)	80 843	35,1	—	117 259	33,9	—
б) по местному бюджету.	149 821	64,9	—	228 486	66,1	—
Итого . .	230 664	100	9,6	345 745	100	10,0
Общая сумма расходов						
а) по госбюджету . . .	1 881 751	78,3	—	2 603 990	76,5	—
б) по местному бюджету.	521 742	21,7	—	844 834	24,5	—
Итого . .	2 403 493	100	100	3 448 824	100	100
	1925/26 г.			1926/27 г.		
а) по госбюджету (см. НКП)	159 483	32,7	—	184 881	29,9	—
б) по местному бюджету.	327 694	67,3	—	432 625	70,1	—
Итого . .	487 177	100	10,2	617 506	100	10,4
Общая сумма расходов:						
а) по госбюджету . . .	3 586 673	74,8	—	4 421 758	74,3	—
б) по местному бюджету.	1 207 081	25,2	—	1 527 779	25,7	—
Итого . .	4 793 754	100	100	5 949 537	100	100

Примечания: 1) В расходах на народное образование по госбюджету показаны ассигнования только по сметам наркомпросов; ассигнования на народное образование по сметам других ведомств в таблице не показаны.

2) Общая сумма расходов по госбюджету показана без отчислений от госдоходов в местные средства и без субвенционных фондов, так как эти суммы входят в доходную часть местных бюджетов.

Приэтом необходимо иметь в виду, что в таблице не учтены расходы на народное образование, проходящее по сметам других ведомств, составляющие за 1926/27 г., как указано выше, 93 662 780 р., считая в том числе и расходы на просвещение на транспорте. Если учесть все затраты государства на народное образование, то удельный вес расходов на народное образование в 1926/27 г. поднимется до 11,9%.

Сравнение расходов на народное образование в настоящее время с довоенными расходами затрудняется отсутствием за довоенный период систематического учета расходов на народное образование по местному бюджету. Сведения о довоенных расходах на народное образование по местным бюджетам относятся к различным годам, а именно: по городским самоуправлениям имеются данные за 1912 г.,

по земским губерниям—за 1914 г. и по неземским губерниям—за 1911 г.; по госбюджету взяты расходы за 1913 г., который является последним довоенным годом. Однако все эти данные по времени достаточно близки друг к другу, и допущенная нами неточность не может сколько-нибудь заметно отразиться на общих итогах.

Расходы на народное образование за счет внебюджетных источников (спецсредства учебных заведений, мирские сборы и самообложение, расходы общественных организаций и частных лиц, отчисления от промышленности на профтехническое образование, расходы профсоюзов на культработу и пр.) за отсутствием данных—как за довоенный период, так и в настоящее время—не могут быть учтены даже ориентировочно и в приведенные ниже таблицы не входят.

Расходы довоенного времени на народное образование выражаются в следующих суммах:

РАСХОДЫ	Общая сумма расходов (в тыс. р.)	Расходы на народное образован.		
		Общая сумма (в тыс. руб.)	Удельный вес (в процентах)	Расход на душу населен.
1. Государственный бюджет 1913 г.				
а) По смете Министерства народного просвещения	—	143 074	—	—
б) По сметам других ведомств . . .	—	59 698	—	—
Итого по госбюджету . .	3 382 913	202 772	6,3	1 р. 19 к.
2. Местный бюджет				
а) Земские расходы (1914 г.)	337 512	106 975	—	—
б) Расходы в неземских губерниях (1911 г.)	33 084	5 165	—	—
в) Городские расходы (1912 г.) . . .	275 950	33 526	—	—
Итого по местному бюджету . .	656 546	145 666	22,5	85 к.
Всего	4 039 459	348 438	8,6	2 р. 04 к.

Примечания. 1) Количество населения взято на 1 января 1913 г. по данным «Статистического ежегодника России», всего по б. Российской империи (без Финляндии)—170 902 900 человек.

2) Общая сумма расходов по госбюджету слагается из 3 094 248 тыс. р. обыкновенных расходов и 288 665 тыс. р. чрезвычайных расходов.

Для сравнения ниже приведены расходы на народное образование за 1926/27 г. в довоенных рублях по среднему общетоварному оптовому индексу Госплана СССР за 1926/27 г. (1,755).

Таким образом расходы по государственному и местным бюджетам СССР за 1926/27 г. по абсолютной величине еще не достигли довоенных размеров; однако не следует забывать, что в таблице даны довоенные бюджеты без поправок на территорию, которая значительно сократилась по сравнению с б. Российской империей. Ввиду затруднительности приведения довоенных бюджетов к территории Союза,

РАСХОДЫ	Общая сумма расходов (в тыс. р.)	Расходы на народное образован.		
		Общая сумма (в тыс. руб.)	Удельный вес (в процентах)	Расход на душу населен.
1. Государственный бюджет				
а) по смете наркомпросов	—	184 881	—	—
б) по сметам других ведомств	—	93 663	—	—
Итого по госбюджету . .	4 464 877	278 544	6,2	1 р. 93 к.
2. Местный бюджет	1 527 779	432 625	28,3	2 р. 99 к.
Всего в червонных рублях	5 992 656	711 169	11,9	4 р. 92 к.
Всего в довоенных рублях	3 414 619	405 225	11,9	2 р. 82 к.

Примечания. 1) К общему итогу расходов по госбюджету добавлено 43 119 тыс. р., расходуемых на просвещение на транспорте за счет особых целевых сборов. Итог расходов на народное образование по госбюджету показан без ссудного школьностроительного фонда.

2) Количество населения взято по данным переписи 1926 г., всего по Союзу 144 280 666 человек.

для сравнения было бы правильным взять не абсолютные цифры бюджетных расходов, а размер душевого расхода. Общая сумма расхода на душу населения в 1913 г. составляла 23 р. 64 к., а в 1926/27 г. составляет 23 р. 67 к.

Расходы на народное образование по сравнению с довоенными расходами возрасли не только относительно, но и в абсолютных цифрах. Расход на народное образование, падающий на душу населения, поднялся с 2 р. 04 к. до 2 р. 82 к., т. е. почти на 40%, а общая сумма расходов на народное образование в 1926/27 г. превышает довоенные расходы на 16,3%. Удельный вес расходов на народное образование, составлявший в 1913 г. только 8,6% всех расходов, в 1926/27 г. составляет уже 11,3%.

Однако, констатируя значительные достижения в деле укрепления материальной базы народного образования, не следует переоценивать этих достижений. Если учесть чрезвычайный рост школьной сети за последнее десятилетие, если учесть расходы на совершенно новые отрасли просветительной работы, вовсе неизвестные дореволюционному периоду (просвещение нацмен, ликвидация неграмотности, рабфаки, совпартшколы), если учесть значительные затраты государства на стипендиальное обеспечение учащихся, занимавшие в дореволюционном бюджете весьма скромное место,—то надо признать, что степень материального обеспечения учреждений народного образования в настоящее время все еще значительно отстает от довоенного уровня, и перед Наркомпросом стоит задача дальнейшего укрепления материальной базы учреждений народного образования в целях максимального повышения качества их работы и дальнейшей демократизации дела народного образования.

А. ВАСИЛЬЕВ.

ШКОЛА И СОВЕТСКАЯ ОБЩЕСТВЕННОСТЬ

Советская общественность и народное просвещение[1].

Перед страной стоит задача не только значительно усилить помощь государственного бюджета делу введения всеобщего обучения, не только усилить расходы на это дело по местному бюджету, но и привлечь к нему действенное внимание широких кругов населения, внимание советской общественности. Без этого нам не удастся преодолеть все трудности этого дела—и не потому только, что бюджет не сможет дать достаточные средства; целый ряд моментов, связанных с проблемой введения всеобщего обучения, и по существу может быть разрешен только силами местных общественных организаций. Я имею в виду помощь детям бедноты, организацию общежитий при школах, подвоз далеко живущих детей, борьбу с бытовыми препятствиями и т. п., что почти всегда обязательно связано именно с проявлением общественной инициативы в этом деле. Это та часть проблемы, которая путем одних только ассигнований по государственному и местным бюджетам не может быть разрешена.

Недостаточно то внимание, которое уделяется вопросам введения всеобщего обучения центральной и местной прессой, и совсем не используется для той же цели радио, а между тем их роль в деле широкого привлечения общественного внимания к нуждам всеобщего обучения чрезвычайно велика. На страницах местных газет можно уже нередко встретить освещение практической работы в области введения всеобщего обучения, описание помощи населения и общественных организаций этому делу. Но центральная пресса обо всем этом обычно молчит, а если и проскальзывает какая-нибудь заметка или телеграмма, то она бывает случайной или связанной с какой-нибудь кампанией, вроде кампании по самообложению или по распределению займа укрепления крестьянского хозяйства. Даже в «Учительской газете» вопросы всеобщего обучения отражаются весьма слабо, даже и там найдешь мало фактов проявления соответствующей инициативы населения и учительства, как основной общественной силы, двигающей это дело в деревне.

Добиться осознания широкими массами трудящихся всего огромного значения введения всеобщего обучения для будущего страны, а следовательно, добиться и их действенной помощи этому делу мы сможем лишь тогда, когда значительно усилится внимание к этим вопросам центральной и местной прессы, когда будут широко использованы для этой цели радио и низовая сеть политпросветучреждений.

Начинает помогать делу введения всеобщего обучения наш комсомольский молодняк. ЦК ВЛКСМ еще в феврале 1927 г. обратился ко всем своим местным организация с письмом [2], в котором обрисованы возможные формы участия Комсомола в этом деле.

Формы эти по существу почти ничем не отличаются от работы других общественных организаций, и эта работа может затрагивать почти все те виды общественной работы в помощь школе, о которых идет речь ниже. Поэтому в основном соответствующая работа комсомольских организаций должна проводиться совместно с другими общественными организациями.

Сравнительно мало до последнего времени интересовались вопросами всеобщего обучения профсоюзные организации. Только союз работников про-

[1] Краткое изложение доклада «Формы помощи советской общественности делу введения всеобщего начального обучения», сделанного 4/II 1928 г. на совещании наркомпросов автономных республик РСФСР по вопросам всеобщего начального обучения.

[2] Напечатано в № 5 «Народного просвещения» за 1927 г.: «Всеобщее начальное обучение в стране и задачи Комсомола».

свещения за последние два года более или менее близко подошел к вопросам всеобщего обучения, непосредственно затрагивающим самые широкие массы просвещенцев. Много внимания уделил этим вопросам и VI Всесоюзный съезд работников просвещения. Но все же еще нельзя сказать, что учительская масса целиком осознала все значение той роли, которую учительство может и должно сыграть в деле привлечения внимания населения к нуждам всеобщего обучения, в деле втягивания общественных организаций деревни в действенную работу по удовлетворению этих нужд. В своей брошюре «Всеобщее обучение и советский учитель» (изд. «Работник просвещения», 1926 г.) я подробно обрисовал все возможные формы помощи всеобщему обучению как со стороны учителя, так и со стороны школы в целом. Я приводил там даже пример проработки школами специального комплекса, посвященного вопросам введения всеобщего обучения в данном районе.

Особенно важна роль союза работников просвещения в вопросе о количестве и качестве школьной работы, в который постоянно упирается на местах проблема введения всеобщего обучения. Здесь органы союза могут сделать чрезвычайно многое для того, чтобы не было извращений по этой линии, чтобы не было перегиба палки ни в одну, ни в другую сторону.

Хочу остановиться и на союзе сельскохозяйственных и лесных рабочих. Этот союз объединяет наиболее отсталые и распыленные группы деревенских рабочих. Они живут нередко в таких районах, где или совсем нет школы, или очень трудно, а иногда и невозможно создать ее из-за распыленности населения, из-за сезонных условий работы и т. д. Среди этих групп населения наиболее часто бедность родителей и бытовые условия мешают детям попасть в школу и ее своевременно кончить. Поэтому именно этому союзу особенно важно развернуть работу по широкому освещению вопросов всеобщего обучения среди батраков и сельскохозяйственных и лесных рабочих и по развертыванию помощи детям бедняков. Организациям этого союза следовало бы ввести в практику работы своих организаций принятие шефства над учащимися—детьми бедняцких членов союза. Это вполне соответствовало бы и тому особому вниманию, которое уделил этому вопросу XV Съезд партии.

Вопросы всеобщего обучения близки, конечно, и всем другим профсоюзам. Наши профсоюзы не замыкаются в круг своих узкопрофессиональных вопросов, и поэтому вполне естественно, что за последнее время на пленумах ЦК и на съездах союзов (горняков, текстильщиков, металлистов) ставятся доклады Наркомпроса о состоянии и перспективах дела народного образования, причем наряду с вопросами профобразования особенно горячему обсуждению подвергаются обычно вопросы введения всеобщего начального обучения, настойчиво выдвигаемые населением фабрично-заводских районов.

На Урале Златоустовское окрпрофбюро специально обсуждало вопрос относительно участия профсоюзов в помощи делу введения всеобщего обучения и дало соответствующие указания местным профорганизациям: им предложено было выделить своих представителей в местные комиссии по введению всеобщего обучения, обсуждать вопросы всеобщего обучения на общих собраниях рабочих, на которых ставить сообщения представителей отделов народного образования, популяризировать вопросы всеобщего обучения в клубах, красных уголках и других культурно-просветительных учреждениях, особо выявить и учесть школьные нужды сельскохозяйственных и лесных рабочих и т. д.

В местной прессе мы иногда находим уже описания практической помощи делу введения всеобщего обучения и со стороны низовых профсоюзных организаций, главным образом по линии школьного строительства. В Порхове, например, по инициативе объединенного месткома, общее собрание постановило один процент месячной зарплаты отчислить в качестве единовременного взноса на постройку порховской школы, а также перечислять в фонд на постройку этой школы все сэкономленные по учреждениям средства. В одном из рабочих районов Чарджуя общее собрание рабочих, всесторонне обсудив вопрос о школьных нуждах района, решило выстроить новое школьное здание на средства фонда по улучшению быта рабочих, и школа уже выстроена. Могочинский союз строителей в Забайкалье решил ознаменовать десятилетие Октября помощью начатой постройке районной школы: все строители, как один человек, явились на воскресник и бесплатно провели значительную часть работ по возведению здания школы.

Но в то же время мы знаем целый ряд фактов, когда профорганизации не идут навстречу соответственной инициативе своих членов. Я знаю случай, когда рабочие решили на общем собрании втечение определенного количества дней производить сверхурочную работу, а свой дополнительный заработок употребить на постройку школы, которая ютилась у них в совершенно непригодном помещении. Профорганы, однако, не пошли на это, считая, что этим будут нарушены правила охраны труда и т. д., хотя хозяйственные органы против этого начинания не возражали. Препятствуют профорганы обычно и реализации инициативы рабочих по использованию части фонда по улучшению быта рабочих на нужды школьного строительства. Между тем в ряде случаев такое использование части этого фонда—

при слабости местного бюджета—вполне целесообразно и послужило бы действительному улучшению быта рабочих. До сих пор нередки также случаи, когда воздвигаются целые рабочие поселки, а школьными зданиями их обеспечивать забывают [1], или школы вынуждены ютиться в совершенно непригодных помещениях. И в этих случаях профсоюзы могут многого добиться для действительного обеспечения школьных нужд в рабочих районах.

Все это доказывает крайнюю необходимость привлечения внимания центральных и местных профсоюзных органов и профессиональной прессы к вопросам введения всеобщего обучения, к вопросам участия профсоюзов в организации общественной помощи этому важнейшему участку фронта культурной революции.

Теперь относительно роли в этом деле о б щ е с т в ш е ф с т в а н а д д е р е в н е й.

Наиболее целесообразной формой следует считать организационную помощь шефских организаций: выявление заявок населения на школу там, где ее нет, помощь в продвижении вопроса об открытии школы через местные советские органы, содействие разрешению спорных вопросов о месте постройки школы, организация технической консультации при постройке, помощь в организации районных мастерских по изготовлению предметов школьной утвари, содействие приобретению тех предметов и тех строительных материалов, которые можно приобретать только в городе, и т. д. Вот те возможные формы шефской работы в помощь деревенской начальной школе, которые в той или иной части посильны для шефских организаций. Могут они оказать свое содействие и в таких важных для дела введения всеобщего обучения начинаниях, как организация помощи учащимся—детям бедняков, устройство общежитий для далеко живущих детей и т. д.

Но все это—помощь сверху, помощь главным образом со стороны городских общественных организаций. Гораздо большую значимость для дела введения всеобщего обучения, сложного и трудного лишь для деревни, имеет п о м о щ ь э т о м у д е л у с а м о г о н а с е л е н и я, п о м о щ ь н и з о в ы х о б щ е с т в е н н ы х о р г а н и з а ц и й. До недавнего времени эта низовая общественная инициатива проявлялась более или менее случайно, и втянуть в это дело широчайшие круги населения, и особенно населения зажиточного, было очень трудно, а часто и совсем невозможно. Потребность законодательного регулирования этого дела остро ощущалась всеми, и декрет ЦИК и СНК СССР от 24/VIII 1927 г. о с а м о о б л о ж е н и и населения с полной определенностью эту потребность удовлетворил. Декрет ВЦИК и СНК РСФСР от 7/I 1928 г. о порядке самообложения населения, как и аналогичные декреты, изданные в Белоруссии и на Украине, уточнили и более детально регламентировали порядок и формы проведения самообложения, и мы видим, что результаты уже имеются большие, и несомненно они в дальнейшем еще более усилятся.

Говоря о роли и значении самообложения, нельзя, конечно, ограничиваться лишь денежной формой этого самообложения. Чрезвычайно большую роль играет и т р у д о в о е с а м о о б л о ж е н и е, трудовая помощь населения начальной школе, материальные результаты которой нередко значительно превышают возможности денежного участия населения в строительстве школьных зданий и в иных видах помощи начальной школе.

Общественный контроль за проведением и использованием самообложения совершенно необходим, так как слабость низового советского аппарата и возможное воздействие на этот аппарат враждебных советской власти элементов нередко могут сильно извратить и идею и формы самообложения. Важна также и агитационная работа общественных организаций деревни по разъяснению необходимости обращения наибольшей доли собранных по самообложению средств именно на первоочередные нужды школьного строительства.

Одной из очередных задач советской общественности в этом деле является также б о р ь б а с в о л о к и т о й, и з л и ш н и м и ф о р м а л ь н о с т я м и и а д м и н и с т р а т и в н ы м г о л о в о т я п с т в о м, которые, к сожалению, довольно часто убивают общественную инициативу, убивают инициативу крестьянства, проявляющуюся в помощи начальной школе.

Соответствующих примеров можно много найти и в центральной и в местной прессе: годами тянется переписка по поводу постройки школы; годами же крестьяне, строящие сами школу, хлопочут о получении недостающей сотни-другой рублей, а школа стоит в это время без крыши и гниет; нередко от крестьян требуют выполнения непосильных для них формальностей—подробных планов, смет, обязательств; начатое по инициативе крестьян и на их средства дело ремонта школы срывается из-за нескольких десятков рублей на гербовый сбор, который с них обязательно хотят взыскать при заключении договора в вике; продают за бесценок кулакам бывшие помещичьи и иные пустующие здания, несмотря на просьбы

[1] Уже после совещания ЦИК и СНК СССР приняли постановление от 22 февраля 1928 г. об обязательном включении постройки школ в планы строительства рабочих поселков («Известия ЦИК СССР и ВЦИК» от 1/III 1928 г., № 52).

крестьян о передаче их под школы; по приказу предвика ломается и перевозится в другой район здание, приспособленное самими крестьянами под школу, и т. д. Такие факты губят общественную инициативу населения, и с ними необходима решительная борьба всех общественных организаций—партийных, комсомольских, шефских, ячеек ОДН, женделегаток.

Конечно, в некоторых случаях задержка в реализации инициативы населения происходит и из-за незнания самим населением тех путей и форм, которые необходимы для планомерного развертывания дела начального обучения: не всегда крестьяне предварительно согласовывают, например, с отделами народного образования вопрос о месте постройки школы, не соблюдают при постройке необходимого минимума санитарно-гигиенических норм и правил, не рассчитывают своих возможностей и т. д. Поэтому общественным организациям необходимо своевременно приходить на помощь населению и облегчать своими советами и помощью соблюдение обязательных условий для правильного использования инициативы населения.

Должна быть втянута в дело помощи нуждам всеобщего обучения и кооперация, в первую очередь деревенская.

Мощные сельские кооперативные кредитные и сельскохозяйственные товарищества, особенно на Северном Кавказе, нередко вкладывают значительные средства в постройку школьных зданий; иногда для этой же цели пайщики кооперативов устанавливают временную накидку в одну копейку на каждый оборотный рубль забора; имеются случаи установления процентных отчислений с прибылей деревенских кооперативов на оказание помощи учащимся—детям бедняков, что особенно важно в районах, где вводится обязательность обучения для детей школьного возраста; кооперативы помогают оборудованию школ, содействуют и облегчают приобретению нужных для школы строительных материалов и учебных пособий, предоставляют иногда помещения для школьной работы; имеются также попытки создания и специальных кооперативов, куда входят юридическими членами школьные советы, комсоды, крестьянкомы и другие кооперативы и вся прибыль коих по уставу должна итти на оказание помощи учащимся—детям бедноты, на приобретение для них обуви, одежды, пособий и т. д.

С развертыванием мероприятий по осуществлению ленинского плана кооперирования деревни и по проведению в жизнь постановлений XV Партсъезда о создании в деревне широкой сети мощных коллективных хозяйств, роль кооперации в деле социалистического переустройства деревни будет все более расти, а вместе с тем, несомненно, усилится и помощь кооперативных организаций делу введения всеобщего обучения, без осуществления которого нельзя будет широко развернуть и дело кооперирования деревни.

Крестьянские комитеты взаимопомощи также начинают оказывать содействие нуждам всеобщего обучения, принимая иногда участие и в деле постройки школьных зданий. Правда, в большинстве случаев из-за своей маломощности они не могут это свое участие проявлять в значительных денежных взносах.

Наиболее обычной формой помощи крестьянкомов делу школьного строительства и нуждам школы вообще является организация засева общественного участка земли и реализация урожая на указанные нужды. В газете «Красный Дагестан» от 24 февраля 1927 г. описывается и такой факт большого общественного значения, как постройка по инициативе крестьянкома школьного здания в ауле Усекемент, одном из самых бедных и малоземельных аулов плоскостной части Дагестана, сильно пострадавшем в свое время от деникинцев. Эта школа была построена на средства от вакуфных доходов и закиата (т. е. от доходов с имуществ мечетей и от сборов в пользу мулл), которые, по инициативе крестьянкома, не были переданы, как всегда, муллам, а обращены на постройку школы.

Известны и случаи участия крестьянкомов в организации общежитий для далеко живущих учащихся. Но обычной формой помощи крестьянкомов делу начального обучения является помощь учащимся—детям бедняков—обувью, одеждой и пособиями. Эту форму помощи крестьянкомов школе и следует признать наиболее для них свойственной и целесообразной.

Нельзя не упомянуть и о той роли, которую могут и должны играть в деле общественной помощи введению всеобщего обучения активные работницы и крестьянки, особенно делегатки. С каждым годом растет число работниц и крестьянок, выдвигающихся на активную советскую и общественную работу, и этот рост женского актива только недавно был ярко продемонстрирован на II Всесоюзном съезде работниц и крестьянок—членов советов. Этот женский актив чутко откликается на все нужды дела народного образования и играет обычно значительную роль в социально-культурных секциях советов. Конечно, и в деле обеспечения нужд всеобщего начального обучения активные работницы и крестьянки, особенно деревенские делегатки, могут сделать многое, особенно по линии борьбы с теми бытовыми препятствиями, которые столь часто мешают еще детям попасть в школу, регулярно ее посещать и своевременно кончить.

Большую роль в деле развертывания общественной инициативы в помощь начальной школе могут и должны сыграть наши политпросветучреждения, особенно

избы-читальни, очень редко, однако, считающие вопросы всеобщего обучения близким им делом. А между тем именно через избы-читальни население могло бы узнавать не только о положении дела всеобщего обучения во всей стране, но и о продвижении этого дела в данном районе, в данном населенном пункте. Освещая эти вопросы, избачу нетрудно уже будет направить мысль крестьян в нужную сторону, разъяснить необходимость всемерной общественной помощи делу введения всеобщего обучения, наметить возможные и целесообразные формы этой помощи.

Теперь следует отметить необходимость создания такого общественного центра, которому наиболее близки были бы нужды дела введения всеобщего обучения и который смог бы сделаться некоторым объединяющим центром в той общественной кампании, которая вокруг этого дела развертывается. В деревне такую роль смогут отчасти выполнять социально-культурные секции сельсоветов, причем соответствующая работа деревенских общественных организаций нередко могла бы не только оживить работу этих секций, но и призвать к жизни те из них, которые захирели.

Но процесс оживления работы секций сельсоветов—процесс длительный, да и по характеру своей работы они не всегда смогут сыграть роль тех общественных центров, о которых я говорил выше. Поэтому наряду с внедрением вопросов общественной помощи делу введения всеобщего обучения в практику работы социально-культурных секций советов необходимо иметь и иной общественный центр этой работы. Мне кажется, что наиболее естественным центром выявления, учета и объединения этой работы должно сделаться общество «Долой неграмотность»; его нужно превратить в такой общественный центр, так как эти функции ему наиболее присущи, и ОДН уже стало на этот путь. Многочисленные примеры делают неоспоримым тот факт, что когда замершие или слабые организации ОДН берутся за дело помощи нуждам всеобщего обучения, они сейчас же начинают оживать, организационно крепнуть и завоевывать авторитет у населения. Поэтому следует признать совершенно правильным тот путь, на который общество «Долой неграмотность» стало, сделав помощь делу введения всеобщего обучения одной из важнейших своих функций. Еще в прошлом году за подписью председателя общества М. И. Калинина местным организациям ОДН были даны подробные и конкретные указания о форме и содержании их работы по оказанию содействия делу введения всеобщего обучения и по привлечению к этой работе других общественных организаций [1].

В журнале ОДН «За грамоту» и в местной прессе мы находим уже и все учащающиеся подтверждения того, что работа организаций ОДН в данном направлении уже развертывается и начинает давать практические результаты. В целом ряде случаев организации ОДН являются застрельщиками в деле проявления общественной инициативы в помощь всеобщему обучению. Достаточно привести хотя бы тот факт, что один лишь Тысяцкий волсовет в Тверской губернии, организовав широкую кампанию среди населения волости, привлек крестьянство к значительному трудовому и материальному участию в постройке 10 школ. Не могу не отметить и другой факт большого общественного значения: сейчас Центральный совет ОДН широко привлекает всех членов общества к участию в распространении займа укрепления крестьянского хозяйства, причем, по договоренности с НКФ СССР, часть сумм, реализованных при помощи организаций ОДН, будет оставляться на месте и пойдет на удовлетворение местных школьных и иных просветительных нужд. Проводится сейчас работа и по втягиванию организаций ОДН в дело оказания помощи учащимся—детям бедняков, в дело содействия организации горячих завтраков в школах.

Все это, мне кажется, доказывает, что ОДН, объединяющее в своих рядах значительные слои деревенской интеллигенции и деревенского актива вообще, не только может, но и должно сделаться общественным центром дела помощи нуждам всеобщего обучения, должно организованно приспособиться к этому делу, должно помочь его регулированию и учету результатов общественной инициативы.

И, наконец, со всей решительностью необходимо подчеркнуть слова М. С. Эпштейна (в его вступительном слове при открытии совещания) о том, что местные органы народного образования далеко не учли еще всего значения общественной инициативы для скорейшего осуществления всеобщего начального обучения, не сумели пока еще в достаточной мере выявить, поддержать и использовать эту инициативу. Опираясь на учительство, низовую инспектуру, социально-культурные секции советов и организации ОДН, органы народного образования должны в ближайшем же будущем начать энергично осуществлять эту неотложную задачу.

Н. ЗАМКОВ.

---

[1] Письмо это, широко распространенное по организациям ОДН, напечатано также в № 32 «Еженедельника НКП РСФСР» за 1927 г. и в моей брошюре «Всеобщее школьное обучение и советская общественность» (Гиз, 1928 г.); в этой же брошюре мною приведены многочисленные примеры помощи населения и общественных организаций делу введения всеобщего начального обучения.

И С Т П Р О С

Не пора ли вспомнить об Истпросе?

За последние годы появился целый ряд прекрасных капитальных изданий Истпарта, который планомерно развивает свою работу и, естественно, должен будет развернуть ее до рамок истории революционной мысли и революционного движения в России. Несколько очень ценных исторических трудов выпущено также Истпрофом, как центральным, так и истпрофами отдельных профессиональных союзов. Исключением в этом отношении, к глубокому сожалению, является, впрочем, до сих пор Истпрос Рабпроса: если не считать очень слабого ленинградского издания и нескольких, более или менее ценных местных изданий, можно сказать, что капитальных материалов по истории профессионального движения работников просвещения мы до настоящего времени не имеем. Ряд крупных, ценнейших исторических работ выпущен Коммунистической академией. Десятилетие Октябрьской революции ознаменовалось между прочим выходом в свет обширной серии центральных и местных изданий, дающих более или менее обстоятельную картину исторического движения в различных отраслях общественной жизни. Наряду с названными четырьмя основными руслами развития у нас научно-исторической работы необходимо отметить также значительное число мемуаров и других исторических работ, выпущенных за последние годы различными издательствами и организациями. В общем наша историческая послереволюционная продукция, несомненно, должна быть признана и очень богатой количественно и очень ценной по своему внутреннему содержанию. На общем фоне этой продукции особенно бросается в глаза почти полное отсутствие крупных и серьезных исторических работ в области вопросов народного просвещения. Едва ли я ошибусь, если скажу, что в отношении своего научно-исторического освещения эта область общественной жизни занимает в настоящее время самое последнее место. И нет пока никаких признаков того, чтобы этот печальный факт обращал на себя сколько-нибудь серьезное внимание. Между тем революционный процесс в области народного просвещения отличался у нас такой глубиной, такой разносторонностью и таким своеобразием, которые, конечно, не уступают проявлениям этого процесса ни в политической, ни в экономической областях и представляют огромный интерес, не только наш, внутренний, но и общечеловеческий. История уже знает один печальный пример, когда памятники революционного творчества в области народного просвещения надолго почти исчезли, так сказать, из оборота научной мысли: акты Великой французской революции по народному образованию были полностью изданы только спустя более чем сто лет, и во весь этот длинный период они почти игнорировались историями педагогики, хотя в последних неизменно фигурировал длинный ряд не только второстепенных, но и третьестепенных представителей педагогической мысли. И только тогда, когда эти акты были наконец изданы, обнаружилось, какое крупное наследство было оставлено Французской революцией и в этой области. Наша революция в области народного просвещения во много раз превосходит Французскую и по мощности своего размаха и по глубине и смелости творческой революционной мысли. И тем не менее невольно приходит на мысль, как бы не угрожала ее актам та же самая участь, которая постигла акты Французской революции. Чтобы этого избежать, необходимо ясно и прямо поставить перед современностью ту проблему, которая должна стать перед нею во весь свой рост и которая должна быть разрешена с возможно большей полнотой и как можно скорее. Необходимо иметь в виду, что уже к настоящему времени целый ряд важных актов революции в области народного просвещения успел исчезнуть, и восстановление их представляется задачей крайне трудной; еще большему числу памятников революции грозит та же самая участь, если в самое ближайшее время не будет организована систематическая, правильно поставленная работа по их извлечению из кабинетов разных ответственных и рядовых работников и из целого ряда других источников. Умирает и отходит от просвещенской работы немало лиц, живые свидетельства которых имели бы для научной истории народного просвещения в великую эпоху социалистической революции очень крупное значение. И это в центре. Что же касается мест, то там, несомненно, судьба памятников революции в области народного образования еще более печальна,

и еще более настоятельны серьезные организованные меры для их собирания, систематизации, охраны, а по возможности и издания. Всякому, близко стоящему к просветительной работе и понимающему важность ее научного исторического освещения должно быть совершенно ясно, что вопрос о создании Истпроса—вопрос, безусловно назревший, имеющий огромное культурное значение и требующий совершенно неотложных мер для реального приступа к его разрешению. В глубоком убеждении важности этого вопроса я и попытаюсь изложить ниже главнейшие конкретные задачи, которые возникают в этой области.

Необходимо остановиться прежде всего на общем характере той работы, которая должна стоять перед будущим Истпросом, и с полной четкостью установить то, чего он не должен делать. Было бы глубоко ошибочно, если бы он занялся организацией издания всякого рода «историй народного образования за революционный период», «историй педагогической мысли» за этот период, «очерков развития» отдельных отраслей народного образования или отдельных учреждений и организаций и т. д. Все это—задачи сами по себе интересные и важные, но они должны быть целиком предоставлены отдельным авторам или коллективам авторов, Истпрос же должен прямо бояться какого бы то ни было уклона своей работы в эту сторону. Его основной и единственной задачей должно быть признано возможно более исчерпывающее и возможно более точное систематическое документирование революционной эпохи в области народного образования, т. е. работа над собиранием и изданием подлинных памятников революции в этой области. Только фундаментальные собрания таких памятников могут создать солидную базу для научно-исторических трудов по этому вопросу, и необходимо заранее учитывать то обстоятельство, что эти именно подлинные памятники будут жить затем веками, ничего не теряя в своей значимости и служа основой для целого ряда сменяющих друг друга научных трудов, построенных на самых различных исходных точках зрения. Труды эти будут отмирать один за другим, уступая место иным точкам зрения и иным научным подходом, а памятники будут оставаться все теми же драгоценными первоисточниками все новой и новой работы научной мысли. Огромную роль предстоит этим первоисточникам сыграть и в деле подготовки профессиональных работников просвещения в качестве основного пособия для всевозможных семинарских и лабораторных работ. Итак, задачи будущего Истпроса должны быть с самого же начала сознательно и с полной четкостью ограничены исключительно рамками документации революции, рамками собирания, систематизации и издания ее памятников, и только. Та или иная научная обработка их должна быть признана задачей, совершенно выходящей из рамок задач Истпроса.

Ограничивая таким образом задачу, стоящую перед будущим Истпросом, попытаюсь набросать в самых общих чертах те главные исторические эпохи, которые ему необходимо будет документировать. Останавливаясь в первую очередь над задачами Истпроса государственного масштаба, можно свести их к следующим четырем основным этапам работы.

1. Документация дореволюционной, самодержавно-бюрократической России должна быть признана, в общем и целом, совершенно достаточной, и из задач Истпроса она поэтому смело может быть совершенно исключена. Есть, однакоже, одна часть истории народного образования за этот период, которая документирована еще далеко не полно, которая в то же время должна быть признана особенно близкой для России революционной и документацию которой поэтому следовало бы включить в задачи революционного Истпроса. Я имею в виду развитие идеологии по вопросам народного образования в программах революционных партий и организаций, а также документы, касающиеся практической работы революционеров в области просвещения. Возможно более полная документация памятников в обоих этих областях, относящихся к дореволюционной эпохе, должна бы поэтому составить, так сказать, начальную задачу Истпроса—задачу, осуществление которой потребует в количественном отношении очень немногого, но даст возможность проследить последовательные фазы развития революционной мысли в области народного просвещения, начиная с самых первых, так сказать, зародышевых ее форм.

2. Второй ступенью работы Истпроса должна явиться документация памятников по народному образованию, относящихся к эпохе первой русской революции 1905—1907 гг. Эта эпоха сопровождалась огромным числом всякого рода заявлений и документов по вопросам народного образования, представляющих очень большой интерес и являющихся уже прямыми предшественниками той работы, которая была реализована в эпоху второй, победоносной революции. Правда, в нашей литературе имеется уже специальная работа, посвященная общей сводной характеристике памятников первой русской революции по народному образованию [1]. Но эта работа представляет собой попытку общей систематической сводки-характеристики этих памятников, и наличность ее ни в какой степени не может заменить собой пол-

[1] В. Чарнолуский, Итоги общественной мысли в области образования, СПБ, изд. т-ва „Знание", 1906, 79 стр.

ного систематического собрания подлинных памятников организованного выявления революционной общественной мысли в эту эпоху. Эта, вторая ступень задачи Истпроса потребует затраты очень значительного труда по собиранию соответствующих документов и в настоящее время, конечно, уже не может быть осуществлена с исчерпывающей полнотой. Тем не менее, задача эта, казалось бы, должна войти очень важным звеном в общую капитальную работу Истпроса.

3. Третьим звеном работы Истпроса должна быть документация эпохи Февральской революции. Памятники этой революции в области народного образования до сих пор никем не систематизированы и не собраны, а между тем эпоха эта, конечно, заслуживает возможно более полного ее документального освещения. Одна часть предстоящей в этой области работы [1] имеется уже в совершенно законченной форме и легко поэтому может быть использована Истпросом, но обследование местных памятников этой эпохи несомненно потребует еще значительного труда.

4. Четвертым, самым важным, самым трудным и самым крупным по своему размеру звеном работы Истпроса является, конечно, документация эпохи революционной советской власти—эпохи, которая сама уже представляет собой быструю смену целого ряда последовательных этапов в революционном творчестве по народному образованию. Процесс этого творчества далек еще от своего окончательного завершения, и для правильного дальнейшего его направления чрезвычайно важно, конечно, установить его прежние фазы. Однако даже для огромного большинства активных работников просвещения прошлая, казалось бы такая еще свежая, история революционной работы по народному образованию почти совершенно неизвестна. Состояние источников для освещения этой истории таково, что обстоятельное ознакомление с нею представляет огромные трудности даже для квалифицированных специалистов, не говоря уже о массовых просвещенцах. Первоочередной и важнейшей задачей Истпроса является устранение этих трудностей и издание полного, систематически составленного собрания всех относящихся к эпохе послеоктябрьской революции памятников по народному просвещению. Для того чтобы задача эта была признана действительно разрешенной в таких формах, которые были бы достойны великой революционной эпохи, Истпрос должен поставить перед собой выполнение следующих трех основных конкретных работ:

а) Систематическое полное собрание всех юридических памятников революции по народному образованию: законодательных постановлений, циркуляров и распоряжений Наркомпроса, а также деклараций Наркомпроса. Большая часть этих документов в настоящее время уже утратила значение действующих юридических норм, но исторического значения своего они вследствие этого конечно, нимало не утратили и должны быть тщательно собраны и полностью изданы. Необходимо отметить, что давно уже пора решительно порвать с теми пережитками старого режима, которые выражаются в широко до сих пор распространенном отношении к юридическим нормам как к чему-то формальному, жизненно малоценному и даже ненужному. Такое отношение к закону и юридической норме вообще культивировалось у нас десятилетиями господства бюрократического закона и бюрократического циркуляра, прямо враждовавшими с живой жизнью и насиловавшими ее. Казалось бы, что с исчезновением дореволюционного самодержавно-бюрократического строя такое традиционное пренебрежительно-неприязненное отношение к правовым нормам должно было исчезнуть, но на самом деле оно еще продолжает жить и теперь, когда место старого закона занял закон революционный, в сжатой форме выражающий и отражающий все очередные этапы революционного творчества в области народного образования. Несомненно, что с этим пережитком старого режима придется непосредственно столкнуться и Истпросу, когда им выдвинута будет на очередь проблема полного издания всех юридических памятников революции по народному просвещению. Необходимо, однако, решительно отказаться наконец от власти этого, давно уже потерявшего свой смысл, вредного исторического пережитка. Задачи Истпроса могут быть выполнены лишь тогда, когда им будет осуществлено издание полного и точного текста всех без исключения юридических норм по народному образованию за весь период революции. Допустить в этом отношении какие бы то ни было «сокращения» и урезки значило бы заведомо обесценить всю работу. Царская Россия оставила после себя целых три капитальных памятника этого рода [2], дающих ценнейшие

[1] Труды Государственного комитета по народному образованию.

[2] Такими памятниками являются: 1) Полное собрание законов Российской империи—капитальнейшее издание, о продолжении которого за революционный период давно бы уже следовало позаботиться Наркомюсту. 2) Собрание постановлений по Министерству народного просвещения — многотомный сборник, дающий полное собрание законов по ведомству просвещения, расположенных в хронологическом порядке, с объяснительными к ним записками и другими материалами. О возобновлении этого издания в Советской республике также давно бы уже следовало подумать. 3) Собрание распоряжений по Министерству народного просвещения; такой же многотомный сборник административных распоряжений по ведомству просвещения, изложенных в хронологическом порядке.

материалы для ее характеристики. Нет решительно никаких оснований к тому, чтобы революционная, Советская республика должна была от царской России в этом отношении отставать. Материалы же, которые Советская республика в этой области имеет, конечно, представляют неизмеримо большую историческую и научную ценность, чем материалы царской России.

б) Систематическое полное собрание постановлений и резолюций всех центральных съездов, конференций и совещаний по вопросам народного просвещения, собиравшихся в период революции. Материалы эти представляют, конечно, крупнейший исторический интерес, но в настоящее время в огромном своем большинстве совершенно забыты и заброшены. Собирание и систематизация их потребует очень длительной работы, и если она не будет организована в ближайшее же время, то можно смело сказать, что целый ряд относящихся к этой области документов окажется навсегда и безвозвратно утерянным.

в) Полная библиография по вопросам народного просвещения за революционный период, охватывающая не только книжную продукцию республики, но также и журнальные статьи, и снабженная аннотациями каждого произведения. Без осуществления этой капитальной работы полное историческое освещение революционной эпохи, конечно, не было бы достигнуто, но она имеет, разумеется, и огромное самостоятельное значение, как ключь к использованию всей колоссальной печатной продукции республики, давно уже превысившей дореволюционную продукцию как в количественном, так и в качественном отношении.

Перечисленные выше три капитальные работы по документированию революционного периода потребуют, конечно, затраты огромного труда и значительных материальных средств. В настоящее время наиболее важной задачей в этой области является немедленная организация Истпроса—хотя бы в виде небольшого специального научного бюро, на которое и должна быть возложена организация всей этой работы. Наличность такой научной рабочей ячейки обеспечит самое главное—собирание, систематизацию и хранение памятников революции по народному образованию и объединение работ в этой же области других организаций. Что же касается печатания собранных материалов, то оно может производиться постепенно, в меру имеющихся на это, пусть даже очень скромных на первое время средств. При таком подходе к делу организация Истпроса потребует очень небольших расходов. Как именно он должен быть организован и в какой форме—вопрос особый, требующий специальной обработки, и на этой стороне дела в настоящей статье нет надобности останавливаться. Важно только, чтобы Истпрос возможно скорее стал наконец фактом и чтобы ему была обеспечена возможность планомерного научного развертывания своей работы вне зависимости от внешних, случайных административных вмешательств.

Наиболее целесообразным было бы приурочение функций Истпроса к специальному научному институту народного образования, но пока Союз еще не имеет такого учреждения, хотя проект его, по поручению Наркомпроса, и был в 1921 г. разработан. За неимением такого специального научного учреждения, задачи Истпроса могли бы взять на себя наши общие научные центры—Коммунистическая академия, или Всесоюзная академия наук, но, к сожалению, оба эти мощные научные аппарата до настоящего времени еще не включили в свои задачи проблем научной разработки вопросов народного образования. Возможно было бы, наконец, приурочить функции Истпроса к Всесоюзной ленинской публичной библиотеке, в составе которой имеется специальный кабинет народного образования, но пока этот кабинет еще не вышел из так сказать зародышевой стадии своего развития. Сравнительно широко развертывается в нем лишь научно-библиографическая работа по народному образованию.

Задача Истпроса далеко, однако же, не исчерпывается одной центральной, государственной его организацией, как бы ни была она хороша. Не менее важна и немедленная же местная организация этого дела, которая должна быть осуществляема или одновременно с государственной или даже ранее ее—по инициативе мест. Местные памятники революции по народному образованию имеют, конечно, не меньший научно-исторический интерес, чем памятники центральные, государственные, и только синтез тех и других может дать действительно полную картину революционного строительства в области народного образования. Между тем настоящее положение местных памятников приходится признать особенно угрожающим. И в этом отношении немедленная организация собирания, систематизации и охраны этих памятников представляется задачей совершенно неотложной. Общий характер предстоящих работ местных Истпросов должен быть тот же, который намечен выше для Истпроса государственного. В первую очередь, наряду с Истпросами государственного, республиканского значения должны быть немедленно же организованы Истпросы краевого, областного и губернского масштаба, а затем сеть их должна постепенно развертываться на уезды, округа, города, волости и районы. Для обеспечения всей этой организации известной плановой выдержанности и единства в технической постановке, может быть, было бы целесообразно созвать в ближайшее же время хотя бы небольшое специальное научное совещание, посвященное этому делу.

Однако организация местных Истпросов еще не исчерпала бы задачи документации революции в области народного просвещения. Наряду с этой организацией совершенно необходимо, чтобы и каждое просветительное учреждение, не исключая и всех массовых учреждений, также поставило перед собой эту задачу и сделало все возможное для немедленного же практического ее разрешения в своем районе. Широкая сеть школьных, библиотечных и других низовых Истпросов несомненно смогла бы собрать такой огромный и высокоценный бытовой материал по документации революции, какой не может быть собран никакими другими организациями. В то же время работа эта представляла бы огромную ценность и с точки зрения внутренней, производственной деятельности каждого данного учреждения в отдельности. Особенно большое значение имела бы эта работа для массовой школы. Само собой разумеется, что в применении к отдельным просветительным учреждениям их истпросовская работа может и должна развиваться исключительно в рамках их общих сил и средств. Само собой разумеется также, что о печатном издании собранных в результате этих работ огромных низовых материалов, конечно, в виде общего правила, не может быть и речи. Но тем важнее с самого же начала позаботиться о том, чтобы низовая истпросветская работа развивалась на правильной технической базе. Здесь приходится иметь дело с целым рядом вопросов техники документации—вопросов, пока еще крайне слабо у нас разработанных. Вопросы эти, конечно, следовало бы также включить в программу того специального истпросовского совещания, о котором уже было упомянуто выше и без которого едва ли возможно будет обойтись во всем этом, хотя и совершенно до сих пор забытом, но тем не менее важном и технически очень сложном деле первостепенного научного значения.

В. ЧАРНОЛУСКИЙ.

ПО ПРОСВЕЩЕНСКИМ ЦЕХАМ

В тисках обстоятельств [1].

Язвы обнажены.

«Союзные органы и «Учительская газета» не напрасно забили тревогу. Нездоровые условия учительской работы особенно остро почувствовались теперь, когда стали известны случаи самоубийства среди просвещенцев. Советская общественность не может пройти мимо этих вопиющих явлений: о них пишут газеты.

Ясно, что необходимо не только вскрыть язвы школьной жизни, но и повести самую решительную борьбу с ними. Статьи «Учительской газеты», отражая тяжелую школьную действительность, были криком наболевшей души просвещенца. А сколько в этой области еще нераскрытого! Сколько еще «молчаливых самоубийц» среди педагогов! Примирившись с тяжелой обстановкой, молча и терпеливо работают они в своем «тихом омуте», обезличенные, никому неизвестные, сохраняя в тайниках души всю накопившуюся боль».

Так думают не только просвещенцы Московской губернии, товарищ которых пал жертвой сухого, бездушного формализма. Кричат о язвах в нашем просвещенском организме, указывают на них, обнажают их все, кому дорого дело народного просвещения, кого душат эти зловония, исходящие из гниющего болота пустой обывательщины и затхлого мещанства, кто ищет свежего воздуха, чистого просвета в серых сумерках неприглядной действительности учительских коллективов.

Вопрос поставлен ребром. Выявлены недочеты тяжелые, вопиющие, порой прямо кошмарные; обнажены язвы внутренней болезни, разлагающей просвещенский организм, подтачивающей все дело нормальной школьной работы.

Диагноз поставлен. Нужно лечить болезнь, пока она не застарела, нужно вырвать с корнем причины этой болезни.

Где же гнездятся основные очаги заразы? Где центр и источник этих нездоровых явлений?

Люди в футлярах.

«Статьи «Учительской газеты» вскрывают основную болезнь просвещенского быта—бюрократизм. Микробы этой болезни проникают даже в совершенно чуждую им среду: они свили себе гнезда и в школах, в этих очагах живого творческого дела.

Администрация таких школ—это люди в футлярах или, вернее, люди с портфелем, проявляющие бездушно-формальное отношение к делу. Они гордятся знанием современного законодательства, которое толкуют и вкривь и вкось, и, оградившись декретами, чувствуют себя в школе, как в своей вотчине. Для таких «начетчиков-законников» инструкции и уставы—ширма, которую они всячески приспосабливают для прикрытия своего произвола. В их школах царит атмосфера казенного благополучия, к ним не подкопаешься, они пользуются особым доверием ОНО.

Такой администратор—царь и бог даже в небольшой школе, как бы ни был он жалок в своем величии. С «их величеством» разговаривать педагогам можно лишь в определенные часы, да и то если они в духе, чтобы не нарваться на «обрыв». Все руководство такого начальника сводится к сухим замечаниям, выговорам, вычетам из заработка, к угрозам об увольнении, к сведению личных счетов с членами педколлектива в самой неприкрытой форме (например лишению квартиры).

---

1 Редакция хотя и считает, что в настоящей статье краски значительно сгущены, отдельные факты чрезмерно обобщены, все же ее помещает, поскольку она лишний раз зовет ОНО к внимательному изучению положения в школе и к максимальной чуткости к педколлективу.

сделали для налаживания их работы? Разве большинство из них не числится только на бумаге? Разве выполняют они те функции, какие должны выполнять? Разве нет здесь целого ряда неправильных отклонений? А что сделали органы народного образования, чтобы укрепить и развить эти организации? Почти ничего...

Мы должны искоренять в педколлективах враждебность, отчужденность, подсиживания, подхалимство, склоки. Мы должны настаивать на том, чтобы самодеятельность педколлектива, самопроверка и самокритика работы педколлектива стояла на высоте. А что мы сделали в этом отношении?

Конечно, здесь больше всего работы предстоит нашим союзным организациям. Наши месткомы и упрос должны в первую очередь заняться урегулированием внутренней жизни просвещенских коллективов и принять целый ряд мер к изживанию всех искривлений там.

Но это ни в какой мере не исключает и работы органов народного образования. Они, с своей стороны, должны также обращать больше внимания на внутреннюю жизнь коллектива, изучать те пружины, которые двигают этот механизм—школьный коллектив, и исправлять все изломы, которые там до сих пор еще наблюдаются.

Не беспомощно опускать руки перед обстоятельствами должны мы, а умело менять их в свою пользу.

А. МУРАВЛЕВСКИЙ.

Коломна.

(Из записной книжки инспектора.)

I. Культурная революция.

Человек полтораста учителей, агрономов, врачей, «пропагандистов», инженеров и техников сошлись в здании Коломенского педтехникума. Собрала их партийная организация, чтобы договориться об едином понимании и проведении в жизнь постановлений XV съезда партии. Ко всем постановлениям взят был подход с «культурного конца».

Но оказалось, что единое понимание культуры вещь не простая.

— Некультурно называть улицы постарому, когда они давным-давно переименованы революцией. Некультурно сидеть на собрании в головных уборах, не говоря уже о курении.

— Некультурно смешивать бытовые мелочи, хоть и важные, с основными задачами культуры.

Этим спором далеко, конечно, не исчерпываются интересные прения и работа Коломенского культсовещания. Но не подлежит сомнению факт разноголосицы среди участников совещания наряду с фактом их слабой осведомленности о культурно-бытовом окружении, которое они призваны переделывать.

В дни масленицы заседало совещание. В эти же дни развернулся веер народных увеселений: «петрушка», две карусели, цирк. Неловко себя чувствуют политпросветчики из уоно: без вины виноватые пособники небывалого после революции масленичного оживления. Сами признают, что не удумали, как бы без скорпионов и запрещений повернуть шарманку и все помянутые развлечения из колеи бытовой в повседневную: наживай, дескать, только не в честь праздника...

А «Коломенский рабочий»—местная газета, так описывает сопутствующее разговорам о культурной революции масленичное времяпровождение коломенцев:

«Очередь у балагана. Очередь у каруселей... Не протолкнешься...

А с подмостков балагана—петрушка «воспитывает».

Может быть никакой идеологии здесь нет?

Нет. Идеология весьма определенная.

Языком разряженного петрушки разговаривает с массами разжиревший нэпман, коломенский лавочник. Его свиная морда высовывается из шутовских погремушек.

На митинговую трибуну его не пускают. Он пролезет через балаган».

Но в культкомиссию Коломзавода как пролезть чуждой идеологии? Однако упрек председателю комиссии бросается такой:

— На 90% коммерции, на 10%—идеологии.

Отсюда споры о нужности приглашения на завод Гельцер. Значительная часть рабочих будто бы была очень недовольна дорого стоющим балетным выступлением. В «Коломенском рабочем» была помещена очень резкая заметка об этом выступлении.

Но уж бесспорным (для редакции газеты и передовых рабочих) является вред гастроли театра «Варьетэ».

Вот оценка «Коломенского рабочего»:

«Варьетэ» «воспитывала» смотревших ее зрителей в весьма определенном направлении.

Девчата ушли из кино с одним чувством:

— Почему я не похожа на эту раздевающуюся красавицу.

Она, действительно, красавица.

А ребята...

Судя по состоянию сидевших в кино, доходы проституток увеличились.

В этом ли направлении нужно воспитывать нашу молодежь? Не достаточно ли хулиганства, проституции, разврата и без «Варьетэ».

Резко, но, повидимому, верно.

Согласимся же с тем оратором культсовещания, который считает снятие головного убора не первоочередной задачей культурной революции. Скажем, продолжая мысль этого оратора:

— Некультурно, что уезды, в том числе и Коломенский, продолжают линию отрыва союзной культработы от наробразовской.

— Еще более некультурно и нетерпимо разобщение коломенских обществоведов: сильнейшие сами по себе, а менее подготовленные остаются без хорошего руководства. Некультурно, что прекрасные постановления АПО укома по сему поводу с весны остаются без выполнения.

— Некультурно, что педтехникум не найдет своего лица и места. Он имеет индустриальный уклон, но практикум молодежи проходит в незаводских школах города. Эта молодежь встречает весьма холодный прием у городского учительства, которое «по очереди» пускает к себе практикантов. А выйдут они в учителя преимущественно в районы сельскохозяйственные. Итак:

Уклон индустриальный.

Практикум в школах Коломны, которую нам не позволили назвать «полумещанской».

Учительствовать придется в крестьянском окружении.

Культурно? Едва ли.

2. Социальное и заодно идеологическое лицо Коломны и уезда.

Не социально-экономическое исследование—нет. Только попутное мнение и впечатления.

Диаграмма, выполненная 11-летним Левой Розановым о составе группы, в которой он учится, дает материал в пользу причисления Коломны к обычному типу российского уездного города.

В этой группе служащие представлены 15 детьми; их символ—большой человек в шляпе, решительно шагающий с портфелем в руках. Рабочий на диаграмме изображен с лопатой в руках. Заводской ли это рабочий? Он много меньше ростом, чем служащий, потому что предводительствует родительским отрядом в 10 человек. Кустаря и торговца Лева Розанов изобразил с очень неясными атрибутами их трудовой деятельности. Но размер не обманет их: оба равны, каждый представляет по четверке родителей. Итак, незаводский пролетариат заполняет своими детьми школы Коломны.

Добавим, что группа Левы Розанова входит в состав базовой, т. е. в центре города расположенной школы.

Близ школы пролегает стена местного кремля. За стеной—бывший мужской монастырь с летним и зимним храмом. Первый восстановлен осенью 1927 г. О восстановлении второго нам пришлось беседовать с председателем общины, совсем еще молодым гражданином:

— Ремонт мы произведем, благодетели найдутся: в общине больше 100 человек.

В Коломне 26 церквей, но рвение верующих требует расширение «сети», что видно из следующей, в выдержках приводимой переписки:

РСФСР
Народный Комиссариат Просвещения
Московский Совет Р., Кр. и Кр. Д.
МОНО
Московский Отдел Народного Образования

23 декабря 1927 года. № 0—4/00.

В КОЛОМЕНСКИЙ УИК
Отдел М. Х. гор. Коломны Московск. губ.

Копии:
Коломенский уполитпросвет Общине верующих Троице-Сергиевской церкви.

В Музейный подотдел МОНО поступило заявление общины верующих при Троице-Сергиевской церкви с просьбой поддержать ходатайство общины о передаче

ей в пользование теплого храма б. мужского монастыря гор. Коломны, освобожденного детдомом и никем не использованного. Принимая во внимание наличность в этой церкви интересного иконостаса, Музейный п/о считал бы, с своей стороны, целесообразным передать ее в пользование общины.

Зав. Музейным п/о
Секретарь } (подписи)

Музейный п/отдел санкционирует и ремонт, о котором нам любезно сообщил председатель общины. Мы смотрели и летнюю церковь и зимнюю.

Первая блистала золотом. Царские врата, иконостас,—все ценное и второстепенное одинаково хорошо сохраняется и содержится в образцовой чистоте и в порядке.

Из зимней церкви в летнюю вынесен иконостас, о котором хлопочет Музейный п/отдел. Уже давно используемое помещение зимней церкви теперь как бы слилось с жилплощадью новых людей, о которых говорит ответ отдела местного хозяйства верующим:

„Группе верующих Троице-Сергиевской церкви.
Копия: Музейному п/отделу МОНО.

Нами было уже вам сообщено, что помещение быв. зимней церкви Новоголутвинского монастыря не может быть предоставлено по причинам:

1) В общем смежном корпусе с быв. церковью имеется 18 квартир граждан с общим числом проживающих до 100 человек.

2) В этом же корпусе 2 комнаты используются под общежитие быв. воспитанников детдома.

3) Из трех квартир имеются выходы в помещение быв. церкви и на общие лестницы.

Таким образом все, вместе взятое, естественно, не может совместить частные квартиры, общежитие и церковное богослужение.

Зам. зав. ОМК
Секретарь } (подписи)

Пока идет эта переписка, пока стороны друг друга вежливо убеждают, на позиции, давно завоеванной детьми и новыми жильцами, происходит своеобразная дислокация сил.

Из небытия выходят монашенки, составляющие хор восстановленной летней церкви. Появляется пожилой «благодетель», который усердно руководит ремонтом-утеплением незавидного помещеньишка. Для кого оно? Для отца-иеромонаха. Таковой действительно появляется. Но его вселение влечет за собой еще трех иеромонахов. Говорят, что они из Саровской пустыни. У всех иеромонахов документы в порядке. Их не смущает каток внутри монастырской ограды, детская площадка. Ребят они кое-когда наделяют фруктами. Они изредка зимой служат в церкви соседнего прихода, хотя, разумеется, там есть свой штатный священник. Получается легальное водворение и возрождение ушедшей было силы. Какой именно? Такой, которая хочет вести и ведет «культурную» работу, которая культурную революцию хочет увязать с реставрацией ослабленного было влияния церкви.

Немудрено, что эти попытки не безуспешны. Рядом с монастырем не падает, а к р е п н е т единственное в городе серьезное хоровое предприятие. Чье оно—упрофбюро, заводское или политпросветское? Нет.—Кладбищенской церкви. Последняя, после закрытия рабочими заводской церкви, использует умело расширенное поле деятельности. Соответственно улучшается и хор. Его регент усиленно вербует хорошие голоса. Попадется советская учительница—милости просим в хор. Ничего, что атеистка, исправно поет, к соблазну товарищей и ребят. У незнакомого регенту гражданина оказывается хороший баритон, и этому последнему предлагается за участие в хоре 120 рублей ежемесячно. Отказ не смущает регента. Можно сдельно, по 35 рублей за «удар» так сказать. Хорош должен быть бюджет церкви, если ее хор обретается на положении богатой труппы, которой н и ч е г о н е ж а л ь для пополнения ансамбля.

Но куцый бюджет коломенского дома работников просвещения не позволяет такой роскоши. ДРП, наоборот, очень не привередлив бывает, когда надо привлекать художественные силы на семейные вечера просвещенцев. Приглашается и хор кладбищенской церкви. Репертуар последнего старательно обходит новую музыку, тем более революционную. Из пыли забвения вытаскивается Пфейлло и другое старье. Затасканный романс и уголовная лирика—вот содержание одного из выступлений хора, мною слышанных. Да другой программы ДРП не просит: даровому коню в зубы не смотрят. И этот конь, то бишь хор, прочно вошел в художественный обиход местного застрельщика культурной революции союза работников просвещения г. Коломны.

Одновременно не зевают и баптисты. Их объявление о религиозном собеседовании попадает в 7-летку, их клиентура неизменно растет как среди взрослых, так и среди молодежи как в крестьянской, так и в рабочей массе.

Протопоповская волость на 88% населена заводскими рабочими. Они больше всего, по заверению избача, интересуются религиозными диспутами. Ожидается антирелигиозник, и в холодном «клубе» полно народу. Но горе избачу, который объявляет, что антирелигиозный доклад заменяется «международным положением».

Мало «чистого» рабочего в Коломенском уезде. Большая часть рабочих Коломенских, Озерских и других заводов и фабрик крестьянствует. У этого рабочего-крестьянина «наезжает» заем укрепления крестьянского хозяйства на заем индустриализации. Этот рабочий посвоему реагирует на цены. Особенный этот рабочий и в деле борьбы с поповщиной.

Этот крестьянин-рабочий не выделял прежде своей интеллигенции: подросток шел на завод, а не в учительскую семинарию, в медики и в служащие.

Вот почему так велик % духовенства в учительстве, в советских учреждениях Коломны и уезда. Конечно, эта служащая интеллигенция старательно посоветски работает.

Но не безразлично ее происхождение для нашей темы о лице Коломны и уезда.

3. Дети.

«Неорганизованных» детей становится все меньше. Они уже не поют, как в прошлом году:

«Пионеры—лодыри,
Царя-бога продали».

Но они, «несознательные» ребята, еще устраивают бои членам клуба, пионерского, разумеется.

Мы б «их» отколотили, объясняет один из пионеров. Но ведь нам-то драться нельзя.

В городе и на заводах с пионердвижением терпимо. Но уезд, его крестьянские волости, почти без вожатых, по крайней мере, подготовленных. А дети рвутся в отряды. Они вполне достойны приема в свою детскую «партию».

В Колодкине, одном из сел Федосьинской волости, дети «крестили» девочку, переведенную к ним из другой далекой школы. Эта девочка Анюта не хотела подчиняться санитарному осмотру и ряду незыблемых требований 3-й группы школы. Тогда дети вываляли Анютку в снегу и прозвали ее Аленкой в знак ее подчинения воле коллектива. Анютка без спора стала Аленкой, охотно приняла крещение и все вытекающие из него последствия. На месячном учете ребята требовали внести в список изменения имени крещеной—«не поцерковному, а посоветски», как они объясняли учительнице.

В праздник десятилетия Октября составлялся в Федосьине президиум торжественного заседания. Ребята 2-й группы назвали одного из своих товарищей. Он оказался однофамильцем кому-то из взрослых участников собрания, которого и хотели ввести в президиум. Но дети ревниво предупредили этот акт несправедливости и таким образом осуществили впервые вместе со взрослыми свое избирательное право. Видя малыша за столом рядом с почетными лицами села и волости, заведующая школой пустила слезу.

— Чувствую, что недаром работаю...

Хороши наблюдения над природой 12 кружков 2-й группы Протопоповской школы.

— В каждом кружке—4 человека,—один за другим выходили старосты объяснять инспектору свою работу.

— Наблюдаем за снегом, за птицами, за погодой и т. д.

— Раньше записываем на бумажке. Потом тебе (учительнице) показываем, ты ошибки исправишь. Затем один из нас в дневник пишет.

Эти записи поражают точностью, меткостью наблюдений и формулировок. Почти нет ошибок, хорош почерк.

Если сестра сломала метр, то 9-летний исследователь немедленно изготовляет другой, но измерения снега не прекращаются.

Измерения температуры безукоризненны.

Инспектора коломенский школьник ждет как хорошего знакомого и принимает спрос и проверку знаний, как самое увлекательное дело. Впрочем, об инспекторе—особо несколько слов.

4. О коломенском инспекторе.

Он, инспектор, как бы списан с положения об участковой инспектуре. Коломенский и другие уезды Московской губернии опередили республику в целом. Инспектор усидчив—три года работает в одном уезде.

Инспектор и неусидчив—не торчит в аппарате. Объезд и обход (коломенские инспектора люди негордые) дают инспектору возможность полностью охватить волости. Инспектор знает «насквозь» учителей. Те его тоже знают, но и признают, ждут и всегда готовятся—наилучше использовать для дела его визит. Инспектор систематизирует опыт своих наблюдений. Иногда он дает этот опыт за несколько месяцев в хорошо подготовленном докладе на волконференции. Любят учителя эти доклады, много «переписывают», слушая их часами.

— Конечно, после обзора чужих ошибок и достижений сам многое у себя переделаешь,—твердит в один голос учительство.

Система спроса детей у инспектора не случайная, а хорошо продуманная. Спрос превращается в хороший учет, начинается и показ инспекторский. Много еще положительного можно сказать о работе коломенского инспектора—работе педагога и общественника. Но общий вывод даст ответ на вопрос:

— Есть ли подлинно в уездах Московской губернии участковая инспектура?

— Есть.

5. Инкогнито.

Как в сказке «то не ветер воет», так и в методическом бюджете коломенского просвещения.

Вот расходная смета по посылке преподавателей на краткосрочные курсы в Москву. По волостям, по школам, по суткам сделан расчет. Не велика сумма 952 рубля, но она удовлетворит 68 работников, которые получат «зарядку» в Москве. Но если соседний Зарайский и другие российские уезды позавидуют коломенцам—ошибутся. Судя по смете—должны ездить учителя. Действительно же указанная сумма тратится на инспекторские разъезды. Смета ОНО потерпела прорыв на этом участке борьбы: сиди инспектор, не езди.

И пришлось «переподготовочные» деньги скупо делить на разъезды далеко не обеспеченной материально инспектуре.

Инкогнито живет и кабинет педагога. Заведующий кабинетом получает ставку учителя, хотя никогда не ходит в школу, а даже наоборот, школа в лице своих работников ходит за пособиями в кабинет и прекрасно его использует. Так же прозябает и молодой кабинет политпросветработника.

Культурна ли игра в бюджетные прятки?

Нет, псевдонимы законнейшим расходам IV нашего раздела да канут в вечность—пусть живет и ширится культурная революция.

А. РОЗИН.

По татарским школам.

(Окончание.)

3. Фактическое содержание работы и методы ее выполнения.

А. Содержание работы по основному руслу определяется программами Гуса и идет в полном соответствии с содержанием комплексных тем. Учителя жалуются, однако, на то, что имеющиеся на татарском языке учебники далеко не всегда дают подходящий к содержанию комплексов материал. Лишь полученный в последнее время учебник «Советская школа» удовлетворяет в этом отношении, но этого учебника, как мы уже отмечали выше, в школах очень малое количество.

Нужно сказать, что для татарских школ, переходящих на пятилетний курс обучения, не уточнен еще вопрос о системе комплексов на 3, 4 и 5 году обучения; нет единства в решении этого вопроса для татарских школ разных губерний. В пределах же Пензенской губернии по этому вопросу в разное время были приняты два разных решения. 1-е решение, предложенное губсовнацменом в 1926 году [1], намечалось в таком виде: на 1—2 гг. оставить систему комплексов программ Гуса без изменений; на 3-м году проработать два комплекса: «Деревня и волость» и «Деревня и город», на 4-м году—комплексы: «Наш край», «Октябрьская революция», «СССР», «Небо и земля»; на 5-м году—«Труд и здоровье человека», «СССР и другие страны» и «Новая деревня».

Другое—последнее решение предложено губернским Методбюро в книжке «Итоги работы массовой школы I ст. и задачи на 1927/28 год». Здесь намечено следующее: на 3-м году прорабатываются два комплекса—«Деревня» и «Весна в деревне и труд крестьянина»; на 4-м году—комплексы: «Город и деревня» и «СССР» до темы «Промышленность»; на 5-м году заканчивается комплекс «СССР» и прорабатывается остальная часть программы 4-го года обучения. Первое решение было принято еще до издания последней редакции программ Гуса и сейчас уже не находится в полном соответствии с этой редакцией, но принципиально оно нам кажется более правильным, чем 2-е решение. Во втором решении распределение материала между 4-м и 5-м годом вышло механическим (до темы «промышленность», от темы «промышленность»), а кроме того это 2-е решение совершенно не оставляет на 3-м году материала о городе; а это представляется нам ошибочным, особенно, если мы примем во внимание черты замкнутости, имеющиеся в быту татарского населения.

Представители губоно защищали свое предложение, исходя из того, что почти все учащиеся 4-й группы при наличии 5-й группы переходят в нее, и из того, что на 3-м году приходится пользоваться в работе русскими книгами, предназначенными для 2-го года; в этих же книгах нет материала о городе. Мотивы эти едва ли однако возможно назвать достаточно основательными.

Необходимо единое решение вопроса о распределении материала 4-летки в пятилетних школах нацмен из центра.

Б. В работе описываемых здесь татарских школ имеет место не только изучение жизни, но и участие в ней, проведение общественно-полезной работы. Мы уже приводили выше задания, поставленные в производственном плане одной из школ. Приведем еще некоторые факты, свидетельствующие уже о выполненной общественно-полезной работе: при перевыборах сельсоветов дети участвовали в оповещении населения; к десятилетию Октября учащиеся готовили лозунги и диаграммы для сельсовета, кооперативов и избы-читальни; старшие дети участвуют в читке газет и брошюр в красном уголке; младшие (из 2-й группы) выявляют больных в деревне, старшие сообщают о случаях заболевания в больницу, беседуют иногда с больным или его близкими, как бороться с болезнью (напр. как избавиться от трахомы); дети собирали сведения о санитарном состоянии прорубей и сообщали их председателю сельсовета; по поручению ячейки ОДН дети собирали сведения о неграмотных.

Были, кроме того, такие случаи, когда родители двух учеников после соответствующих разговоров детей с ними дома, заказали в школу рисунки кормушек для коров и потом завели у себя новые кормушки.

Заметно школа влияет на привитие гигиенических навыков детям.

В одной из групп Б.-Полянской школы имеются носовые платки у всех учащихся. Родители так отзываются, одобряя, а не порицая школу: «избаловали детей—мыло просят, проветривать комнату заставляют, отдельное полотенце просят».

В. Робкими шагами начинает подходить татарская школа к обучению детей физическому труду. Во всех 4-х посещенных нами школах имеются кружки сельскохозяйственные и кружки рукоделия.

Однако кружки сельскохозяйственные пока ведут работу исключительно теоретическую. Школы в деревнях Большие Полянки и Нагорные Полянки планируют в весенне-летнем триместре поставить работу сельскохозяйственную практически; в школах же деревни Татарская Пишля этой перспективы пока нет. Здесь нет у школ и земельных участков. Мы рекомендовали школам организовать работу детей на домашних грядках. В кружках рукоделия работают девочки; они учатся здесь под руководством учительницы шить, вязать и вышивать.

В Б.-Полянской школе имеется только что зародившийся переплетный кружок. В его распоряжении из инструментов имеется только несколько прессов на деревянных винтах, нет даже сшивальных станков и тем более нет станков для обреза; сшивают, как они говорят, на руках, обрезывают простыми ножами.

Домашний труд детей школа не изучает и, следовательно, не регулирует.

Труд по самообслуживанию в школе не развит.

Есть в школах некоторые следы иллюстративного труда—в шкапах в беспорядке лежат деревянные модели саней, земледельческих крестьянских орудий и т. п.

Таким образом планового систематического обучения детей труду по определенной достаточно глубоко продуманной программе в описываемых татарских школах, можно сказать, нет.

Г. Развитию работы по физкультуре мешают условия школьных помещений. Кое-какие зачатки все-таки в этой области в школах имеются. Все школы озабочены привитием детям гигиенических навыков. Но осуществление этой задачи в значительной мере разбивается об антигигиеническую обстановку самых школ. Школа даже не устраняет своевременно такие недостатки, какие устранить ничего не стоит—на шкапах колоссальное количество пыли, на полу из бака набежала вода, по ней ступают ногами и разводят грязь на полу.

Но в отношении привития детям гигиенических навыков у школ достижения все же имеются. О них мы упоминали выше.

В Б.-Полянской школе практикуются вольные движения. С осени здесь устраивались с детьми всех групп, за исключением 1-й, еженедельные прогулки.

[1] См. журнал „Народное просвещение" № 10 за 1926 г.

З А Г Р А Н И Ц Е Й

Система народного образования Германии, Австрии и Франции.

(Продолжение.)

Переходя к рассмотрению внутренней организации средней школы сравнительно с организацией народной школы, мы ограничимся лишь тем замечанием, что в средней германской школе, как полноклассной, так и неполноклассной, не только в старших, но и в младших классах, соответствующих четырем старшим годам народной школы, совершенно не встречается так называемой системы классного преподавания, т. е. одного преподавателя на класс; тем более не бывает того, чтобы один преподаватель вел два класса, сведенных вместе, а строго проведено предметное преподавание, при котором преподавание отдельных предметов разделено между различными преподавателями соответственно их специальности. Это приводит к тому, что в средней школе мы имеем не более 17 учащихся в мужской школе и 20—в женской на одного, «полностью занятого» (с полной нагрузкой) преподавателя, в то время как в народной школе на одного учителя приходится 45,4 учащихся, которые к тому же разделяются на 2—8 групп. Разница в продуктивности занятий в народной и средней школе ясна сама собой.

Сравнительный характер учебных планов германских средних учебных заведений различных типов представлен следующей таблицей (см. табл. вверху 167 стр.).

III. Повышенная народная школа (Mittelschule) — учебное заведение с шестилетним курсом, строящееся, как и средняя школа, над основной четырехлеткой и предназначенное для детей от 10 до 16 лет.

Повышенные народные школы бывают мужские, женские и смешанные.

По целевой своей установке как те, так и другие разделяются на пять основных типов: 1) учебные заведения общего типа, не преследующие какой-либо особой цели и дающие законченное общее образование, повышенное в сравнении с курсом народной школы; 2) учебные заведения, имеющие целью подготовку к дальнейшему научному образованию, т. е. к переходу в соответствующий (седьмой) класс полноклассных средних учебных заведений—мужских и женских; в общем случае имеется в виду переход в высшее реальное училище, в высшее немецкое училище и высший лицей (для девочек); для учащихся же, желающих перейти в средние учебные заведения типа гимназий и реальных гимназий, открываются особые отделения с преподаванием латинского языка; 3) учебные заведения, подготовляющие своих учеников к работе в промышленности или к переходу в специальные индустриально-технические учебные заведения среднего типа,—эти учебные заведения бывают только мужские; 4) учебные заведения, подготовляющие к работе в области торговли или связи или к переходу в соответствующие профессиональные учебные заведения среднего типа, и 5) школы домоводства и социального призрения,—эти школы предназначены исключительно для девочек.

Мужские и женские повышенные народные школы имеют в общем один и тот же учебный план, с тем лишь отличием, что в мужских учебных заведениях (за исключением школ «научного» направления) ведется обучение ручному труду и садоводству, а в женских учебных заведениях—рукоделию и домоводству; кроме того, как видно из следующей таблицы (см. стр. 169), учебные планы повышенных

Учебные планы немецких средних учебных заведений (суммы недельных часов по отдельным предметам по всем 9 годам обучения).

Учебные предметы	Мужские						Женские					Школы—надстр.	
	Гимназия	Реформ. гимн.	Реальн. гимн.	Реформ. реальн. гимн.	Высш. реальн. учил.	Высш. нем. учил.	Высш. лицей	Высш. реальн. учил.	Высш. нем. учил.	Реальн. гимн.	Гимназия	Высш. нем. учил.	Высш. реальн. учил.
1. Религия	18	18	18	18	18½	18	20	18	18	18	18	12	12
2. Немецкий язык	31	37	31	35	37	44	39	39	43	36	35	28	24
3. Латинский язык	53	40	41	16	—	—	—	—	—	28	38	—	—
4. Греческий язык	36	32	—	—	—	—	—	—	—	—	32	—	—
5. Новый язык	15	32	27	44	40	46	39	36	41	36	30	31	30
6. Второй новый язык	—	—	20	23	22	13	24	21	13	16	—	13	15
7. История	19	17	20	22	22	25	20	20	25	20	17	21	18
8. География	12	12	13	13	14	18	18	18	18	12	12	12	9
9. Математика	33	33	36	37	43	37	36	39	35	36	32	26	32
10. Естествознание	18	18	25	23	35	30	23	28	30	21	18	27	30
11. Рисование	14	10	18	18	18	18	18	18	18	18	10	12	12
12. Пение	4	4	4	4	4	4	—	—	—	—	—	—	—
13. Музыка	—	—	—	—	—	—	10	10	10	10	9	—	—
Всего	253	253	253	253	253	253	247	247	251	251	251	182[1]	182[1]

Число повышенных школ и учащихся в них видно из следующей таблицы:

Повышенные народные школы в Германии.

	Правительственные				Частные				Правительственные и частные			
	Мужск.	Женск.	Смешан.	Всего	Мужск.	Женск.	Смешан.	Всего	Мужск.	Женск.	Смеш.	Всего
1. Школ	214	301	297	812	110	374	447	931	324	675	744	1 743
2. Учителей	—	—	—	8 831	—	—	—	4 024	—	—	—	12 855
3. Учеников	80 101	—	40 399	246 383	13 784	—	11 016	82 961	—	—	—	148 554[2]
4. Учениц.	—	91 862	34 021		—	46 790	11 371		—	—	—	180 790
												329 344

[1] В шести классах.

[2] Несовпадение итоговых сумм с суммами соответствующих граф объясняется наличием некоторого числа мальчиков в женских школах и девочек—в мужских, которые в частных суммах не выделены.

школ допускают в известных пределах уклоны, придающие этим школам до некоторой степени местный характер [1].

Отсюда легко установить, что одна повышенная народная школа приходилась в Германии на 30 народных школ, а общее число учащихся в них составляло 3,7% по отношению к числу учащихся в народных школах и 0,56%—по отношению ко всему населению.

Обучение в повышенной народной школе вообще платное, причем размер платы устанавливается общинами; в каждой повышенной народной школе должно быть некоторое число бесплатных мест для «нуждающихся в поддержке детей, отличающихся прилежанием и способностями».

По общему правилу, каждый год обучения составляет отдельный класс (преподавание в этой школе—предметное), но при небольшом числе учеников два года обучения могут быть соединены в один класс.

Как видно из всего предыдущего, повышенная народная школа во всех отношениях представляет собою нечто промежуточное между средней школой, предназначенной по существу для социальной верхушки, и общей народной школой, обслуживающей широкие народные массы; это—школа мелкой буржуазии.

IV. Наряду с самостоятельными повышенными народными школами существуют еще так называемые «повышенные классы» (Gehobene Klassen) при народных школах, охватывающие 9 и 10 годы обучения, приближающиеся до некоторой степени по программе и целевой установке к повышенным народным школам, но не предоставляющие, однако, своим воспитанникам тех прав, которыми пользуются оканчивающие повышенные народные школы.

Заканчивая на этом рассмотрение системы общеобразовательных школ, соответствующих нашим школам социального воспитания, мы считаем необходимым отметить, что детские сады и вообще дошкольные учреждения не входят в Германии в общую систему народного образования. На общегерманской школьной конференции 1920 года в Веймаре было постановлено, что воспитание детей дошкольного возраста вообще принадлежит семье. Хотя за детским садом признано значение ценного дополнения к семейному воспитанию, однако предложение представителя «решительных реформаторов» о том, что государство и общины обязаны открывать детские сады в случае возникновения в этом необходимости, было отклонено [2].

Продолжением общего образования является образование профессиональное, которое в Германии представлено многочисленными типами учебных заведений, весьма различающихся между собой как по своей организации, так и по своей целевой установке. В большинстве германских стран профессиональные школы даже изъяты из ведения министерств народного просвещения и в главной своей массе подведомственны министерствам промышленности и торговли и земледелия.

Основными типами профессиональных школ являются следующие.

1. Профессиональная школа (Berufsschule), прежде называвшаяся дополнительной школой (Fortbildungschule).

В силу конституции посещение этой профессиональной школы дополнительного образования является обязательным для всех подростков с 14 лет, т. е. со дня выхода их из возраста обязательного посещения народной школы, до достижения ими 18 лет. На самом деле законов в осуществление этого требования конституции в большинстве германских стран еще не издано, и посещение этих школ является более или менее добровольным. В этих школах обучаются в огромном большинстве случаев подростки, работающие на предприятиях и в учреждениях, и обучение в этих школах имеет в основном теоретический характер с резко выраженным уклоном в сторону той профессии, к которой принадлежат учащиеся данной школы или данного отделения. Так как преобладающее количество учеников, как уже было указано выше, работает в промышленности, в сельском хозяйстве, торговых и иных учреждениях, то теоретическому обучению в школе может быть отдано лишь небольшое число часов в неделю, обычно не более 9, причем имеются школы, где преподавание ведется в воскресные дни и в будние дни до 8 часов утра и после 8 часов вечера, хотя большинство школ работает в будние дни в рабочие часы, в промежутке от 8 часов утра до 8 часов вечера.

По своему профессиональному уклону эти школы разделяются на следующие основные группы: индустриальные, торговые, сельскохозяйственные и общие (для разного рода обслуживающих профессий).

[1] Kirchert. Handbuch für Mittelschulen.

[2] См. „Die Reichsschulkonferenz in ihren Ergebnissen".

Учебные планы немецких повышенных народных школ.

(Суммы недельных часов по отдельным предметам по всем годам обучения.)

Учебные предметы	Мужские			Женские			Школы, подгот. к переходу в средн. учебные заведения
	С проф. уклоном			С проф. уклоном			
	Общего типа	В торговлю и связь	В индустрию	Общего типа	В торговлю и связь	Домов. и соц. призрения	
1. Религия	12	12	12	12	12	12—13	12
2. Немецкий язык	31	31—34	31—34	31	31—33	30—31	25—31
3. История	11	10—11	10—11	10	10	10	10—13
4. География	12	12	12	12	12	11	12
5. Первый новый язык	23—31	29—34	23—28	23—31	29—34	21—29	23—31
6. Второй „ „	(12—20)	(12—20	(9—14)	(12—20)	(12—20)	(9—17)	12—20
7. Арифметика (со счетоводством) и геометрия	27—32	27—32	30—35	21—26	21—26	19—24	24—32
8. Естествознание	15—20	12—17	18—23	12—16	12—16	10—13	16—21
9. Рисование	12	12	15—18	12	12	12	12
10. Ручной труд	(12)	(6)	(15)	(3)	—	(2) 1	—
11. Садоводство	(3—6)	—	(3—6)	(3—6)	—	1—2	—
12. Музыка	9	9	9	12	12	11	9
13. Физические упражнения	18	18	18	18	18	17	18
14. Стенография (и письмо на маш.)	(2)	(4)	—	(2)	(4)	(2)	
15. Рукоделие				12	12	14	12 [1]
16. Домоводство				(6—8)		(3) 4	
17. Гигиена (уход за больными и маленькими детьми)						2	
Максимальное число обязательных недельных часов	185	185	185	184	187	185	195

Примечание. В скобках заключены часы занятий по необязательным предметам.

[1] Для девочек.

Целевая установка этих школ—продолжение общего образования и сообщение основных технических знаний, но никакой специальной квалификации эти школы не дают.

2. Специальные школы (Fachschulen), собственно технические школы (сельскохозяйственные—по полеводству и садоводству, сельскохозяйственно-технические, строительные, машиностроительные, металлообрабатывающие, художественно-промышленные, текстильные, коммерческие и т. д.—всего 15 групп).

Учебные заведения каждой из этих групп имеются двух типов: низшего и высшего. До некоторой степени низший тип специальной школы можно сравнить с нашей профшколой, а высший тип—с нашим техникумом.

Продолжительность курса в школах низшего типа не превышает 2 лет, а в школах высшего типа—от $2\frac{1}{2}$ до $3\frac{1}{2}$ лет (5—7 семестров).

Для поступления в эти школы необходима общеобразовательная подготовка в объеме 8 лет народной школы для специальной школы низшего типа и в объеме повышенной народной школы или неполноклассной средней школы (реального училища, лицея)—для специальной школы высшего типа; кроме того обязательным условием для приема в школы обоих типов является наличность предварительного стажа в производстве от 1 до 3 лет.

Число школ и учащихся в профессиональных и специальных школах.

Школы	Учащиеся		Учителя	
	Мужчины	Женщины	Основные	По совместительству
26 653	1 439 620	681 324		
	2 120 944		17 030	79 183

3. Высшие учебные заведения (Hochschule), представляющие два основных типа—университет и высшее техническое училище, причем необходимо отметить, что, за небольшим исключением, германские высшие технические училища являются учебными заведениями политического типа в составе нескольких факультетов.

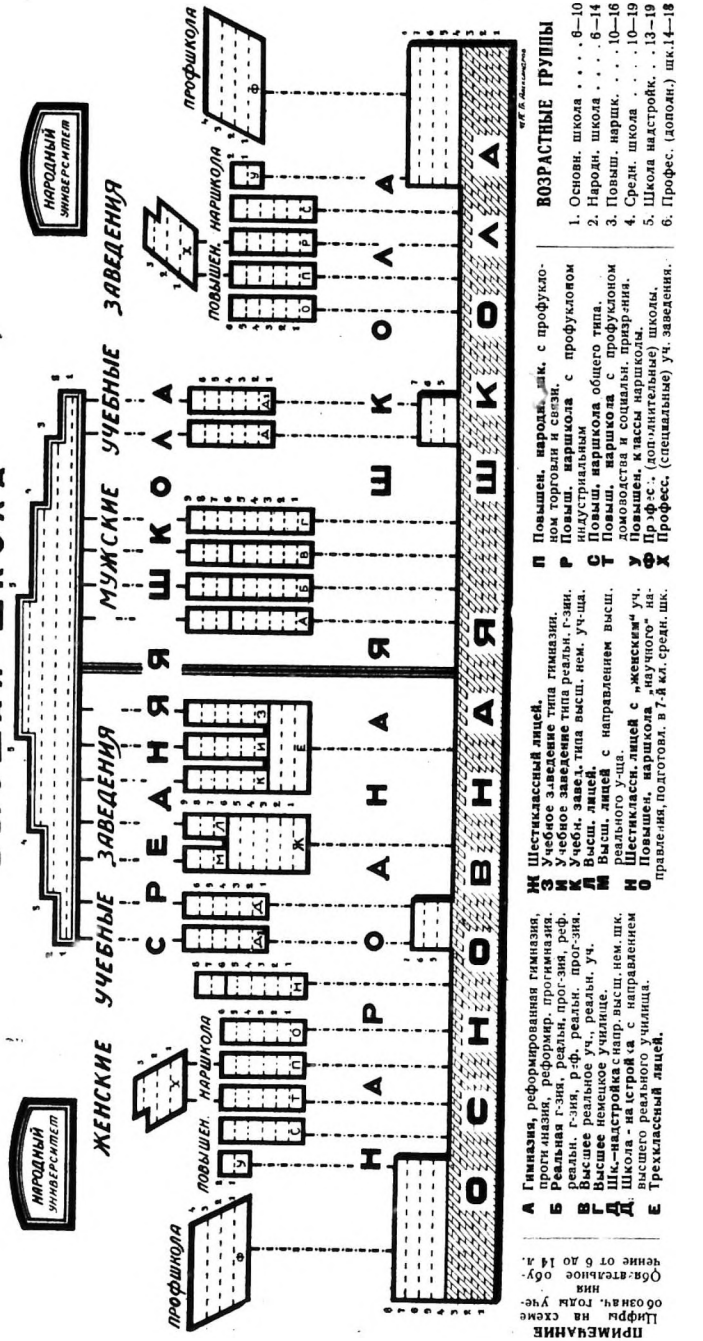
Как уже было выше отмечено, правом приема в высшие учебные заведения пользуются исключительно абитуриенты (и абитуриентки) полноклассных средних учебных заведений, и при известных условиях—кончившие специальные школы высшего типа; следовательно, классовый характер германской высшей школы уже этим самым предрешен, и доступ в высшую школу для детей пролетариата почти совершенно закрыт. Действительно, в 1924/25 году из общего числа студентов в германских высших учебных заведениях в 73 136 человек детей рабочих было 681, т. е. менее 1%.

Необходимо отметить, что все германские высшие учебные заведения являются в то же самое время и учеными учреждениями, ведущими научно-исследовательскую работу, причем научные институты, за малым исключением, являются интегральной частью высших учебных заведений.

Рамки настоящей статьи не позволяют нам входить в более детальное рассмотрение системы и характера германской профессиональной и высшей школы.

Подводя итоги всему вышеизложенному, мы можем установить, что, если даже признать «основную школу» фактической базой всего остального школьного образования, то мы над этой основной школой видим три самостоятельных школьных построения: старшие классы народной школы и над ними профессиональная школа дополнительного образования или специальная школа низшего типа—удел пролетариата и бедного крестьянства (Kleinbauer); повышенная народная школа и над ней специальная школа высшего типа—для мелкой буржуазии; и, наконец, полноклассная средняя школа и высшие учебные заведения—исключительное достояние крупной буржуазии.

Таким образом на вопрос, поставленный в начале статьи об осуществлении идеи единой школы в Германии, мы должны дать отрицательный ответ и признать,



что германская школа в основном продолжает сохранять тот же классовый характер, который она имела до революции.

Наш обзор системы народного образования в Германии был бы неполон, если б мы не остановились на системе внешкольного образования. Само собою разумеется, что при том высоком уровне общей грамотности, которая достигается в Германии при обязательном посещении втечение по крайней мере 8 лет народной или даже высших типов школы, причем огромное большинство детей, посещающих народные школы, кончает восьми- или семилетний курс [1], при существовании, хотя и необязательного во многих местах, но весьма распространенного посещения втечение 2—4 лет школы дополнительного образования и при полном отсутствии рецидивов неграмотности,—не может быть никакой необходимости не только в школах ликвидации неграмотности или малограмотности, но даже в общеобразовательных курсах существующих у нас типов по программам начальной или средней школы. Но зато в Германии, особенно в послереволюционное время, весьма быстро развиваются высшие школы типа народных университетов (Volkshochschule).

Эти школы встречаются как в городах, так и в деревнях, причем в последних они обычно связаны с интернатами (Heimhochschule).

Эти школы иногда преследуют не только задачи общего образования, но и задачи до некоторой степени профессионального характера, а именно подготовки взрослых слушателей к сознательному участию в хозяйственной и политической жизни страны; сюда относятся, например, такие школы, как Рабочая академия (Arbeiter-Akademie) во Франкфурте-на-Майне, хозяйственная школа (Wirtschaftsschule) в Дюссельдорфе и др.

Заканчивая на этом наш обзор системы народного образования в Германии, мы можем в заключение упомянуть об единственном опыте,—начало которому положено сейчас в Германии,—подготовления взрослых, главным образом рабочих и служащих, к переходу в высшие учебные заведения. Эта школа, типа наших вечерних рабфаков, так называемая рабочая гимназия (Arbeiter-Gymnasium), существует в Берлине всего второй год, и о судьбах учебных заведений такого типа пока судить преждевременно.

Все вышеупомянутые нами типы учебных заведений и их взаимная связь представлены на следующей схеме [2] (см. 171 стр.).

(Окончание следует).

О системе школьного администрирования и инструктирования в Северо-американских соединенных штатах.

Ввиду федерального состава Североамериканских соединенных штатов и большой независимости каждого отдельного штата в школьном строительстве систем народного образования и школьного администрирования в Америке очень много. Все они по своему внутреннему содержанию далеки от нашей, однако в отношении

[1] В 1921 году в Пруссии из народной школы выступили по достижении предельного школьного возраста:

Из 8-го года обучения	410 033	детей, или	60,9%	всех выбывших
„ 7-го „ „	135 780	„ „	20,2%	„ „
„ 6-го „ „	77 685	„ „	11,6%	„ „
„ 5-го „ „	35 160	„ „	5,2%	„ „
„ 4-го или более раннего	14 355	„ „	2,1%	„ „

[2] Подробные указания соответствующей литературы будут даны в конце всей статьи.

техники администрирования, помоему, мы на многое в них должны обратить внимание и кое-что использовать.

В настоящей статье я главным образом обрисую их положительные стороны, хотя попутно с этим затрону и некоторые отрицательные стороны.

Прежде всего я отмечу, что американская система школьного администрирования на первый взгляд кажется чрезвычайно бессистемной. Может даже показаться, что там нет никакой системы. Вполне понятно, что при таких условиях, когда 48 штатов самостоятельно строят свою школьную систему, о единой системе говорить не приходится.

Согласно Федеральной конституции, ответственность за обучение детей лежит на отдельных штатах и на самих родителях. Каждый штат сам изыскивает средства для школы. Следовательно, сколько штатов, столько и систем, но в общем в школьной системе каждого штата есть основное ядро, где отражается единая американская политика, единая американская буржуазная демократия. Закон каждого штата устанавливает структуру управленческого аппарата, определяет его полномочия, его функции. Сеть школьноадминистративных аппаратов строится внешне чрезвычайно разнообразно. В некоторых штатах насчитывается лишь до 40 административных единиц во всем школьноадминистративном аппарате (штат Ута), а в других этих аппаратов прямо-таки поразительное количество (в Иллинойсе, например, до 10 000). Несмотря, однако, на резкие внешние различия, общие принципы администрирования по существу во всех штатах одинаковы.

Цели школьного администрирования в основном также всюду одинаковы. Наряду с такими общими целями и задачами, как школьное законодательство, школьное строительство, изыскание средств (центральный аппарат в первую очередь является выколачивателем бюджета), перед административными аппаратами стоят также цели общего руководства, а главное—помощь местам во всем школьном строительстве. В официальных циркулярах подчеркивается, что важнейшей задачей является не только изыскание средств, не только руководство, но и самая реальная, самая систематическая помощь местам,—иначе все средства могут быть израсходованы нецелесообразно и бесполезно. Вот это является отличительной, в высшей степени целесообразной и поучительной чертой в американской системе администрирования. В числе характерных функций американских школьноадминистративных аппаратов нужно отметить его одну весьма существенную функцию—научно-исследовательскую работу школьноадминистративных аппаратов во всех областях школьного строительства. Ни в одной стране этот момент еще сколько-нибудь ярко не выявлен, но можно с уверенностью предсказать, что все страны рано или поздно признают необходимость такой работы и пойдут по стопам Америки. Таковы отличительные черты в области целей, задач и функций американских школьноадминистративных аппаратов.

Как конструируется система этих аппаратов?

В федеральном центре стоит центральное бюро обучения. Рядом с ним (параллельно) стоит центральное бюро массового профобразования. Затем следуют центральные местные бюро обучения отдельных штатов. Центральное бюро обучения является отделом при федеральном департаменте (министерстве) внутренних дел и не имеет полномочий и функций самостоятельного министерства. Федеральное бюро по профессиональному образованию учреждено в 1917 г. законодательным актом Смита Хьюза и существует самостоятельно, но опять-таки является не министерством, а консультирующим, инструктирующим и учетно-исследовательским органом.

Как оно конструируется?

Так же, как все американские бюро. Возглавляет этот аппарат коллегия, которая состоит из нескольких компетентных и авторитетных лиц. В нее входит федеральный комиссар по просвещению и 6 представителей трех наиболее заинтересованных министерств (труда, агрикультуры и коммерции), министры входят по должности, и по одному представителю по назначению президента и утверждению сената.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

НАРОДНОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ

ВОПРОСЫ
ПОЛИТИКИ И
ОРГАНИЗАЦИИ
НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ

МАЙ
№ 5

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ НАРКОМПРОСА РСФСР

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — 1928 — ЛЕНИНГРАД

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

VI. СЪЕЗД ЗАВЕДУЩИХ ОНО.

А. В. Луначарский. XV съезд компартии и задачи Наркомпроса (доклад) . . 3
Прения по докладу А. В. Луначарского 19
И. И. Ходоровский. О бюджете 1928/29 г. (доклад) 61
Прения по докладу И. И. Ходоровского 68
И. И. Ходоровский. Заключительное слово 88
В. Н. Касаткин. Об основных моментах перспективного плана просветительной работы (доклад). 92
М. С. Энштейн. О плане введения всеобщего начального обучения (доклад) . 97
В. Н. Мещеряков. О ликвидации неграмотности (доклад) 104
И. М. Богданов. Важнейшие итоги переписей населения и школьной в приложении к запросам в области просвещения (доклад) 109
Н. Костромин. Кадр руководящих работников по народному образованию . 121

К ПАРТПРОСВЕЩЕНИЮ.

Вл. Марков. К вопросу о пересмотре системы народного образования . . . 123
В. И. Васильев. К трудовой школе 126

ПЛАНИРОВАНИЕ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ.

В. Касаткин. Об увязке перспективного плана просветительной работы с потребностями социалистического строительства 132
М. Пистрак. Об организации процесса учебной работы 136

ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ.

Н. Иорданский. Связь педтехникума с педвузами 142

В СОЮЗНЫХ РЕСПУБЛИКАХ.

М. Стамблер. Народное образование в республиках Средней Азии 150

ЗА ГРАНИЦЕЙ.

Н. Ильин. Школьная политика и администрирование в САСШ 156

Отпечатано в типографии Госиздата
„Красный пролетарий". Москва,
Пименовская улица, дом 16,
в количестве 2.750 экз.
Главлит № А—14378.
Гиз П—11/№ 26867.
Зак. № 6041.

OCT 2 1928
DOCUMENTS DIVISION

VI СЪЕЗД ЗАВОНО

XV Съезд компартии и задачи народного просвещения.

Доклад тов. А. В. Луначарского.

ИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ СТРАНЫ И КУЛЬТУРНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ.

Товарищи, последовавшие за XV Съездом крупные события нашей общественной жизни, в частности кампания по хлебозаготовкам и шахтинское дело, подчеркнули с особенной силой некоторые решения XV Партсъезда и его директивную линию в целом. Решения XV Съезда имеют в совокупности своей весьма прямое отношение к Наркомпросу и его органам на местах, ко всей нашей просвещенской армии и к ее деятельности.

Для нас XV Съезд особенно знаменателен тем, что на нем в речах ответственных ораторов и в резолюциях были, наконец, признаны с полной определенностью та точка зрения, те принципы и те суждения относительно места культурной работы в общем строительстве и об отсталом состоянии этой культурной работы, о которых мы неоднократно и очень энергично говорили. Мы постоянно повторяли, что лозунг индустриализации и интенсивного подъема сельского хозяйства должен означать собой и чрезвычайное внимание к подъему культуры в нашей стране. Мы доказывали, что дело хозяйственного строительства неразрывно связано с делом культурного подъема, и подчеркивали, что в настоящее время культурное состояние страны отстает от народнохозяйственных процессов и что ничего ни делается или, вернее, чрезвычайно мало делается для того, чтобы сравнять в некоторой степени темп развития той и другой стороны единого целого—единого, ибо социалистическое строительство включает в себя и хозяйство и культуру. Вы не будете ожидать от меня, чтобы я теперь начал приводить вам исчерпывающие доказательства этого; мы их в свое время приводили. Они были достаточно сильны, чтобы теоретически, да и на деле целый ряд ведомств и центральное правительство согласились с нами. Теперь наши аргументы поняты, мы уже можем сказать, что они в известной степени приняты и что эти формулы вошли в резолюции Партсъезда и являются обязательными.

В своем большом докладе на XV Партсъезде т. Рыков сказал: «Я считаю совершенно несомненным, что у нас культурное развитие значительно отстает от хозяйственного развития и повышения жизненного уровня рабочих и крестьян. (Голоса: Правильно.) Вовторых, я считаю, что осуществление индустриализации и подъема хозяйства в дальнейшем не может происходить без параллельного подъема культурного уровня страны. Втретьих, я считаю, что культурные потребности в бюджете рабочих и крестьян занимают недостаточное место не потому, что их нет, а потому, что мы с вами не научились как следует эти потребности удовлетворять и, вчетвертых, что при дальнейшем росте нашего бюджета и наших средств, начиная уже с ближайшего года, мы должны давать на культурное развитие обязательно больше, чем даже на восстановление хозяйства. Нельзя отделять хозяйственную революцию от культурной. Ножницы в этой области могут обойтись нам дорого. (Голоса: Правильно.) Если мы при подъеме материального положения рабоче-

крестьянских масс не сумеем использовать их тяги к знанию и к культуре—это будет самым болезненным образом сказываться на всей нашей работе, на жизни страны, на всем строительстве социалистического общества». Дальше он говорит еще следующее: «Необходимо, чтобы всем стало абсолютно ясно, что культура на данном этапе нашего развития является залогом успешного хозяйственного строительства—так же, как и боевое снаряжение во время войны».

Последняя фраза не оставляет ничего желать в смысле выразительности. Тов. Рыков стал на ту точку зрения, что так же нелепо и преступно продолжать хозяйственное развитие интенсивным темпом без соответственной интенсификации темпа развития культуры, как итти воевать, не заготовив боевых припасов. Необходимо, чтобы это было понято абсолютно всеми.

Фраза из речи т. Кржижановского о пятилетнем плане: «Я позволю себе выставить основной лозунг: не может быть в нашей стране такой диспропорции расходов по капитальному строительству и на культурно-социальном фронте, когда по последнему расходы составляют 0,25 от капитальных затрат. (Голоса: Правильно.) Руководящий лозунг таков: мы должны выровнять социально-культурный фронт по фронту индустриализации».

Я считаю необходимым прибавить к этому и следующее место из резолюции Съезда: «Пятилетний план в связи с задачами социалистического строительства должен учесть необходимость решительного повышения культурного уровня населения города и деревни, развития национальной культуры народностей СССР и увязать план культурного строительства с индустриализацией страны, считая культурное строительство неотъемлемой частью общего плана социалистического строительства СССР. В основу плана культурного строительства должны быть положены задачи народного образования, которые обеспечат культурный рост широких масс трудящихся (всеобщее обучение, ликвидация неграмотности, массовое профтехническое образование и т. п.) и задачи подготовки квалифицированных специалистов и научных работников».

Само собой разумеется, мы сейчас же начали делать энергичные попытки как можно скорей реализовать эту добрую волю съезда—не только потому, что мы в этом крайне заинтересованы, но и потому, что таков наш долг. К сожалению, уже при выработке резолюции нам было отказано в наших попытках вставить хотя бы некоторые конкретные данные, использовать это решение для текущего хозяйственного года. Нам, однако, сказали, что речь идет о пятилетке и для нее в качестве общего указания сказано достаточно, тем более, что пятилетка не готова и, в сущности говоря, только сейчас вырабатывается. С будущего бюджетного года, само собой разумеется, дело будет изменено в благоприятную сторону, что же касается нынешнего бюджетного года, то он уже определен в значительной мере, словом—никаких непосредственных выводов не сделали. Это бы нас не так огорчило, если бы мы не убедились, что при окончательных работах в области бюджета мы оказались опять под натиском всякого рода урезывающих тенденций.

Нас опять зарезали кое на чем, кое-где, нам как будто лишний палец оторвали, находя, что и с четырьмя пальцами можно жить. Достаточно сказать, что били нас и сильно били по фонду школьного строительства, без которого нам жить и дышать невозможно. Мы вынуждены были со всей серьезностью сказать, что если мы делаем выводы из решений XV Съезда и относимся к ним с чрезвычайной добросовестностью, то выводы эти должны быть обязательными и для других ведомств, в том числе и по линии бюджетной.

УРОКИ ШАХТИНСКОГО ДЕЛА.

Когда случилось шахтинское дело, которое лишний раз подчеркнуло серьезность нашей задачи, мы из уст одного компетентного товарища выслушали упрек в том, что не проявили должной энергии во время съезда. Это был тот товарищ, который отвергал всякие наши просьбы. (Смех.) Это должно быть принято к сведению и к уроку. XV Съезд видел, что создается почти катастрофическое положение вследствие разрыва в ходе хозяйственного и культурного развития. Но шахтинское дело прибавило к этому определенное и очень трагическое предостережение. Теперь начинают говорить, что надо было поторопиться, и на нас же кивают,—вы, мол, не были достаточно энергичны. Так мы будем теперь энергичны до конца, чтобы не навлекать на себя подобных незаслуженных нареканий.

Тов. Сталин с большой глубиной и очень правильным учетом всех обстоятельств нашел, что шахтинское дело представляет собой род интервенции, которая обостряется и носит характер предварительной экономической интервенции, которая, вредя развитию нашего социалистического строительства, кроме того может быть рассматриваема как подготовительный маневр к грядущему, всегда возможному, объявлению нам войны. Это, конечно, верно. Но сам т. Сталин рассматривает это дело и с другой точки зрения, с точки зрения государственного порядка. Ведь у нас помимо этого факта большое неблагополучие царит и по линии нашего капитального строительства. Об этом уже говорилось и еще будет много говориться. И причиной этому тот разрыв культуры страны и темпа ее хозяйственного развития, на который указывал XV Съезд партии. Некоторые товарищи, даже большинство товарищей-хозяйственников, думают, что они тем скорее выведут страну на здоровый путь, что они тем скорее завладеют первыми ступенями, ведущими к социализму, чем большее количество сотен миллионов рублей будет брошено на хозяйственное строительство. Но в действительности этого мало. Если архитектор хочет строить очень большой дом, в 10 и более этажей, он должен посмотреть, каков грунт, на котором он строит. Я утверждаю, что культурный грунт нашей страны не может выдержать такого строительства и что будут прахом итти целые здания и целые этажи на том простом основании, что квалификация труда нашего рабочего, техника, инженера, квалификация нашего хозяйственного планирования, нашего хозяйственного контроля, квалификация нашего персонала и по линии государственной, и партийной, и профессиональной, и по чисто хозяйственной линии не такого качества, чтобы можно было выдержать такую постройку.

Я этим вовсе не хочу навевать какой-то пессимизм, я вовсе не хочу сказать: «Давайте тратить меньше на хозяйственное строительство». Я хочу сказать: «Давайте из этих миллиардов больше уделять на укрепление той почвы, на которой мы строим».

Шахтинское дело не только подтвердило, но в известной степени даже укрепило наше положение о том, что старая интеллигенция, специалисты во всех областях нашего строительства и в особенности в самой интенсивной области—промышленности, являющиеся, конечно, чрезвычайно ценными сотрудниками, должны быть всячески привлекаемы нами к работе, должны быть окружаемы товарищеским отношением, такими условиями, которые могли бы их к этой работе привязать и сделать мосты между ними и нами; должны быть включаемы в широкий общественный контроль, чтобы они почувствовали себя одновременно и сотрудниками и подотчетными всей этой громадной массы народов, которые строят свое социалистическое счастье, но что вместе с тем они должны постепенно заменяться более твердым по своему социальному составу, по своим социальным устремлениям персоналом.

Этот вопрос, разумеется, затрагивает нас чрезвычайно сильно. Это мы—тот аппарат, при помощи которого вырабатывается новая интеллигенция или новые кадры специалистов. Мы должны внимательнейшим образом пересмотреть, как это у нас делается, в какой мере мы можем ускорить эту выработку, в какой мере мы можем приспособиться к требованиям промышленности, в какой мере мы можем усилить воспитательный элемент, который бы гарантировал правильную коммунистическую линию у этих новых специалистов, в какой мере можно улучшить их социальный состав, и т. д.

Но мы знаем, что наши вожди не ограничились в деле анализа вопросов, вытекающих из шахтинского дела, выводом только по вопросу о специалистах. Сказалась несостоятельность и в другом отношении. Оказалось, что наш аппарат по линии государственной, советской, по линии хозяйственно-специальной, по линии профессиональной и по линии партийной не выдержал экзамена, и каждому бро-

сается в глаза—почему. Главная причина заключается в том, что нет достаточной культуры в этом нашем аппарате, ни общей, ни специальной, которая бы давала ему возможность быть контролером, хозяином с достаточной компетенцией. Более высокий по своей культуре спец водит нас за нос. Об этом обстоятельстве, чрезвычайно тревожном, т. Сталин еще на XV Съезде говорил, цитируя Ленина: «Главное, чего нам нехватает—культурности, умения управлять». Заметьте, Ленин просто проводит знак равенства между культурностью и умением управлять. «Экономически и политически нэп вполне обеспечивает нам возможность постройки фундамента социалистической экономики. Дело «только» в культурных силах пролетариата и его авангарда».

Тов. Сталин говорит, что эти слова Ленина нельзя забывать и что первая задача партии—усилить борьбу за культурный подъем рабочего класса и трудящихся слоев населения. Весь наш аппарат по всем этим линиям, т. е. партия, государство, профсоюзы, в тех своих элементах, которые непосредственно соприкасаются с жизнью, не умеют управлять в силу своей некультурности. Отсюда вытекает задача чрезвычайно интенсивной работы по поднятию культурности партийного, профессионального и советского середняка, на которого приходится опираться. Тут дело идет и об общей культуре и о специальной культуре, тут дело идет и об организации переподготовки, конечно, но также об организации подготовки соответствующих кадров. Задача в очень большой мере ложится на партпросвещение (которое соприкасается с нами, поскольку оно находится в ведении Главполитпросвета), но, разумеется, задача в целом гораздо шире: мы никогда не сумеем путем партийного просвещения возвести этот авангард на высокую культурную гору, если вместе с ним не будет подниматься масса. И действительно, вторая проблема, которая ставится нашей партией при анализе шахтинского дела,—это некультурность самих масс как таковых, их инертность, безынициативность, недостаточность зоркости. Об этом на XV Съезде т. Сталин говорил совершенно определенно: «Вернейшим средством против бюрократизма является поднятие культурного уровня рабочих и крестьян. Можно ругать и поносить бюрократизм в государственном аппарате, можно шельмовать и пригвождать к позорному столбу бюрократизм в нашей практике, но если нет известного уровня культурности среди широких рабочих масс, создающего возможность, желание, умение контролировать государственный аппарат снизу, силами самих рабочих масс,—бюрократизм будет жить, несмотря ни на что».

Разумеется, нельзя сказать, что ничего не сделано, что мы теперь только открыли, что это нужно делать. Когда мы говорим о культурной революции, разве мы говорим о каком-то совершенно новом открытии. Нет, линия проведена, мы знаем, что такое культурность и как она важна. Но работа на культурном фронте шла очень медленно, так как была заслонена другими, более насущными тогда вопросами. Теперь она стала неотложной и уже начинает преследовать нас, угрожая самой настоящей катастрофой. Теперь никому не придет в голову откладывать заботу о культурном развитии в дальний ящик. Нельзя более воевать невооруженными; прежнее вооружение отвратительно, надо перевооружиться, иначе будем биты. Мы, культурники, должны сказать это тем, кто остался, как некоторый реакционный residjum, при воззрении, что можно какие-то другие задачи ставить выше.

Прежде чем перейти к другой проблеме, я скажу еще об одном выводе, который Наркомпрос должен сделать непосредственно из шахтинского дела. Мы, товарищи, по очень большой периферии имеем дело с интеллигенцией, унаследованной нами от прежних времен. Нечего перечислять все те роды и типы интеллигенции, которые весьма плотно соприкасаются с Наркомпросом и органами на местах. Конечно, не запретами, не скорпионами сможем мы завоевать наибольшие массы такой интеллигенции, а товарищеским отношением, полным уважения, настоящей оценкой этих сил и вовлечением их в столь тесную связь с нами, чтобы это была в конце концов единая работа; это позволит нам гораздо скорее поставить работу интеллигенции и под наш реальный контроль и в особенности под контроль

общественных сил. Но вместе с тем, кто может поручиться, что в нашей сфере не происходит от времени кое-где сознательная или полусознательная вредительская работа. Не надо думать, что в области добычи угля она представляет крайнюю опасность, а в области воспитания молодежи—меньшую. И те же формы интервенции,—все равно, действительно ли и реально связанные с какими-либо заграничными организациями или связанные идейно общей ненавистью к нашему строительству коммунизма,—могут сказываться во вредительском типе преподавания и воспитания наших детей и нашего юношества. Я не из тех людей, которые охотно идут по линии всякого рода подозрений, недоброжелательства и настороженности, но было бы преступно с нашей стороны после шахтинского дела не обратить внимания на то, что мы тоже должны быть бдительны, ибо и по нашей линии, где происходит добыча очень большого сокровища—нового социалистического поколения, не только могут быть такие попытки единоличного и организованного вредительства, но мы на них натыкаемся в действительности. Надо помнить, что это составляет одну часть общей контрреволюционной работы и что мы призваны нашей партией и правительством по нашей линии установить такое же чуткое настороженное отношение, какое требуют по линии других наркоматов.

ОБ УСИЛЕНИИ БОРЬБЫ НА ИДЕОЛОГИЧЕСКОМ ФРОНТЕ.

Вообще XV Съезд проходил не под углом смягчения классовой борьбы, которая ведется у нас в новых формах, как классовая борьба при диктатуре пролетариата; наоборот, съезд проходил под лозунгом усиления этой борьбы и потому, что известная активность проявляется со стороны наших врагов, и потому, что мы обязаны проявить теперь некоторую дополнительную активность, так как мы имеем уже под ногами более прочную, чем прежде, экономическую базу. Я прочту то место из резолюции XV Съезда, которое мы, как один из аппаратов борьбы, должны тоже учесть:

> «XV Съезд считает, что по отношению к возросшим в своей абсолютной массе,—хотя и в гораздо меньшей степени, чем социалистический сектор хозяйства,—элементам частнокапиталистического хозяйства должна и может быть применена политика еще более решительного хозяйственного вытеснения. Съезд считает необходимой в дальнейшем всемерную мобилизацию пролетарских масс и особое усиление борьбы на идеологическом и культурном фронте».

Итак, нынешнее положение, которое, с одной стороны, выдвигает достаточно реальную опасность роста влияния городской и в особенности сельской буржуазии и, с другой стороны, дает возможность нам продвинуть глубже линию социалистического сектора в глубину сектора частного, должно, по мнению партии, найти свое отражение в усилении идеологической борьбы на нашем культурном фронте. В каком смысле это надо понимать? Прежде всего в том смысле, что нам нужно будет укрепить нашу марксистско-идеологическую позицию, что нам нужно усилить в нашей литературе, в нашем преподавании, в наших популярных выступлениях борьбу с врагом, с врагом, который имеется у нас по линии контрреволюционных взглядов всякого типа: по чисто черносотенному, белогвардейскому, по линии религиозных предрассудков и всякого мистицизма, по линии национальной вражды (антисемитизм и т. п.), по линии хулиганского разложения.

Кроме этих враждебных стихий, с которыми необходимо вести идеологическую борьбу, мы имеем и более или менее инертную, нейтральную стихию, которая враждебна тем, что она нам не сочувствует, которая враждебна своей социальной косностью, своими мещанскими привычками, своей апатией. Идеологическая борьба с ней означает просвещение, но просвещение, сильнейшим образом окрашенное нашими принципами, нашими марксистско-ленинскими началами.

Затем имеется враг в нас самих, в самом пролетариате, в самой партии, в каждом из нас имеется известный остаток всякого рода грязной примеси от

дореволюционного общества. И в этом смысле работа над нами самими, работа в смысле возможно большего укрепления в нас классовой сознательности, теоретической марксистской подготовленности и этической социалистической выдержанности есть также задача самообразования в самом глубоком первоначальном смысле этого слова, мимо которой не должен и не может проходить Наркомпрос.

Дело воспитания будущего поколения проходит у нас под углом зрения классовой борьбы—школа, семья, улица ведут борьбу за ребенка. Наша задача—оторвать его от враждебной стихии и воспитать для той огромной светлой роли, которую подготовила ему история.

О КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ КРЕСТЬЯНСКОГО ХОЗЯЙСТВА.

Теперь, товарищи, позвольте мне перейти к последнему пункту вводной части моего доклада—к той стороне решений XV Съезда, которая обращена к деревне. Мы всегда прекрасно сознавали, какое значение имеет деревня, и хозяйственно и политически, в нашем строительстве. Мы знаем также, что лозунг индустриализации всегда понимался как лозунг интенсивного развития городской промышленности при соответственном развитии промышленности сельскохозяйственной или сельского хозяйства в целом. Мы не можем развивать промышленность без соответственного сырья, доставляемого в большей части сельским хозяйством; мы базируемся в значительной степени на сельскохозяйственном экспорте, чтобы добыть средства для ввоза необходимых нам машин и других элементов нашего дальнейшего развития. Наконец, наша промышленность должна рассчитывать в огромной мере на внутренний рынок, а этот внутренний рынок есть прежде всего рынок сельский.

В своем докладе на XV Съезде т. Сталин констатировал, что при удовлетворительности цифр, показывающих нам развитие нашей индустрии, мы имеем неудовлетворительные цифры развития нашего сельского хозяйства. Сельское хозяйство отстает от индустрии и в такой мере, что может сделаться серьезнейшим тормозом в нашем общем развитии. Темп развития нашего сельского хозяйства отстает и от темпа развития сельского хозяйства во многих заграничных странах. Это положение рядом с другими доводами заставило поставить вопрос о том, какими радикальными средствами можно было бы уничтожить, снять с плеч деревни ту главную обузу, которая не дает ей возможности расти. Мы знаем, что такой обузой является общее невежество, некультурность, недостаточная машинизация деревни,—это мы все знали, но до XV Съезда не подчеркивали с такой определенностью и резкостью, что крестьянское малоземелье, чересполосица, мелкое хозяйство есть экономический базис этого невежества.

Ставя перед собой вопрос, каким путем мы должны итти,—путем ли подачи помощи крестьянским мелким хозяйствам, при которой мы могли бы итти вперед всей массой мелких землевладельцев, или путем разрушения этих перегородок, путем кооперативного слияния мелких хозяйств в хозяйства более крупные,—ставя перед собой этот вопрос, мы должны ответить: и тем и другим. Было бы совершенным утопизмом, если бы мы сказали себе, что теперь партия упирается в один единственный путь—коллективизацию крестьянского хозяйства, ибо в короткий срок громадную массу крестьян с их тысячелетними традициями на линию действительной производственной кооперации в деле землепользования и землеобработки мы не сможем перевести. Мы ждем здесь очень больших результатов, и каждый результат по этой линии будет страшно ценен. Коллективизация—единственное радикальное средство, это есть тот путь, которым крестьянин идет к социализму, и поэтому это есть столбовая дорога наших забот о крестьянине. Но, разумеется, никто не должен понимать этот лозунг партии так, что мы теперь становимся безразличны к тому, насколько будет расти производительность отдельного, индивидуального двора бедняка и середняка. Не впадая в некоторую односторонность, мы все-таки подчеркнем, что мы должны сделать громадные усилия в деле всяческого ускорения внедрения в деревню коллективного крупного хозяйства с применением машин и современной агрикультуры.

Если мы обратим внимание на культурный уровень крестьянства и на то, что придется преодолевать не только крестьянское невежество, с которым мы должны бороться по линии просвещения, но еще и мелкособственническую натуру крестьянина, относящегося с чрезвычайной недоброжелательностью к реформе и боящегося утратить свои индивидуальные хозяйские права, то тогда перед нами станет во всю величину грандиозность этой задачи. И в разрешении этой задачи мы, просвещенцы, должны занять очень серьезное место. Рядом со школьным образованием подрастающего поколения, рядом с сельскохозяйственной школой, которая должна подымать в профессиональном отношении нашего крестьянина, несомненно выпукло выдвигается роль политпросветработы. Этот момент широкого участия политпросветработы в общей борьбе за коллективизацию крестьянского хозяйства должен заставить нас на этом съезде сделать поворот в деле нашего отношения к политпросветработе, которая в последнее время все ослабевает и начинает действительно внушать весьма серьезные опасения. На этом нашем съезде мы должны сделать большие усилия, чтобы пресечь понижательскую линию в деле политпросветработы и заставить всех понять, какое огромное значение она имеет для задач, выдвинутых партией и правительством.

Позвольте мне перейти к задачам, которые будут вырисовываться перед отдельными направлениями нашей работы, в плоскости отдельных ее ответвлений.

Вам розданы тезисы, которые составлены весьма подробно, в особенности в части, касающейся соцвоса и главпрофобра. В последней части моего доклада я хочу подчеркнуть, прокомментировать, пояснить некоторые важнейшие пункты тезисов.

ЗАДАЧИ СОЦВОСА.

О соцвосе. В тезисах моих поставлена на первое место проблема пересмотра некоторых сторон нашего школьного дела под углом зрения классового служения этой школы. Приэтом мы вместе с соцвосом особое внимание обращаем на воспитательные задачи. Мы до сего времени главным образом занимались делом регулирования учобы—всесторонней, конечно, включая сюда и марксистское мировоззрение; но все это относится к образованию, а не к воспитанию. Если собрать то, что сделано именно по социальному воспитанию, то окажется, что сделано мало по линии теоретической, а практически дело обстоит еще хуже. Практически воспитание в наших школах почти отсутствует. Это прекрасно понимают родители и в городе и в деревне. В городе я не могу выступить ни на одном собрании, где присутствуют рабочие и работницы, без того, чтобы не выслушать несколько ораторов, которые заявляют, что ребенок растет сорванцом, в школу не ходит,—и вообще,—говорят они,—мы не видим, что это то поколение, от которого мы ждем, что они будут лучше нас и смогут работать над устройством социалистического общества. Это я слышал и в Москве, и на Юге, и на Урале. Воспитательное воздействие на наших детей даже с примитивнейшей точки зрения, даже в отношении элементарной дисциплинированности, того, что называется хорошим воспитанием ребенка, даже в таком примитивнейшем отношении дело обстоит неблагополучно. Дети часто оказываются довольно буйными озорниками, и это чрезвычайно сказывается на нашей школе и ее состоянии. И это не пустяки. Отдельные рабочие, работницы и крестьяне говорят о том, что школа не умеет привести ребенка в порядок, сделать его сдержанным, мыслимым в качестве сожителя для взрослого. Если мы этого не можем сделать, то это печально, значит мы не можем воспитать маленького социалиста, из которого впоследствии должен вырасти большой, а, может быть, даже великий социалист. Мы заслушали недавно доклад, основанный на большом обследовании наших школ, и там также отмечается, что в воспитательном отношении дело обстоит весьма печально. По существу говоря, естественным образом получаются кое-какие хорошие результаты, но ни о каком систематическом воздействии на ребенка, конечно, нет и речи. В скором времени мы сможем предложить нашим сотрудникам на местах и нашему учительству известную базу

для организации воспитательной работы. Несколько общих замечаний я бы хотел, однако, сделать сейчас, потому что мы не мыслим работы без содействия во всей работе и в ее творческой части наших местных органов и нашего учительства.

О ВОСПИТАНИИ НОВОГО ЧЕЛОВЕКА.

Установку надо искать прежде всего и в первую голову в направлении физкультуры. Она запущена, задвинута на задний план по всей линии наших школ. Мы не поняли до сего времени, что в социалистической стране это обязательный и классово-необходимый предмет, что надо начать с того, чтобы ребенок был чистый, здоровый, крепкий и великолепным образом воспитанный в смысле социального ритма. Это не только индивидуальная гигиеническая гимнастика, работа над культурой тела ребенка, которая спасет его от целого ряда болезней и недомоганий психического характера, половых извращений и т. д., но рядом с этим и—выше этого—коллективная физкультура, которая приучает считать себя частью целого, которая внедряет навыки, физические навыки коллектива. Надо направить организмы так, чтобы они изменились под влиянием физкультуры, понимая под этим все, начиная с первых гигиенических правил и кончая широкой спортивной жизнью. Мы не будем увлекаться, как американцы, и не сделаем из наших школьников и студентов спортсменов в первую голову, но нас не должны отличать от американцев хилые и слабые ноги, отвратительный желудок, гноящиеся глаза и развинченный, в отношении физическом, организм, как результат учобы в 3 смены, сидения в школах с отравленной нами самими атмосферой и долбежкой плохих книжек. Долой бурсу и да здравствует спорт в гораздо большей степени, чем до сего времени. Это одно из правил воспитания.

Дальше, товарищи, сюда же относится и область умения всячески работать. Товарищ Гастев упрекал меня в том, что, когда говорю о перспективах культурного строительства, я не обращаю достаточного внимания на автоматизацию и механизацию в работе и на то, что должен представлять собой новый человек. Он говорит, что грядет машина и нужен настоящий человек, который сможет работать с машиной в ее ритме и сможет подчинить ее себе, а мы в этом отношении медленно и неуклюже шевелимся. Я сегодня прочел статью одного умного немца, который говорит, что Россия теперь уже не Азия, но еще не Америка, там еще жив старый Обломов, и его хотят сделать членом лиги времени. (Смех.) У нас была такая лига времени, но беда в том, что лига времени уже умерла, а Обломов все еще жив. Обломова надо обломать, нам незачем оставаться азиатами, но я протестую против тех гиперавтоматических выводов, которые т. Гастев старается внести в свое миросозерцание. Мы хотим создать не автомат, а настоящего человека, который должен эмансипироваться от машины (правда, пока мы страдаем больше от недостатка машин), мы не хотим отдавать себя под власть электрического фельдфебеля, а наоборот, хотим сделать из машины поставщика всяких благ. Тем не менее, если верно, что я в прежних своих статьях о культуре не уделял достаточно внимания этому умению работать, этому, в некоторой степени, хронометражу работы, налаженню всякой работы, то, разумеется, это была ошибка. Но мне кажется, что я об этом говорил достаточно и во всяком случае считал это важной стороной культуры; а сейчас я считаю особенно важным об этом упомянуть, ибо это есть материальная сторона воспитательной работы.

У нас очень часто относятся с некоторым легким скептицизмом к вопросу о развитии в будущем человеке—в ребенке—соответственной гаммы чувств. Говорят, что это что-то такое эфемерное; психология, эстетика—это вообще какое-то мещанство. (Смех.) Выходит, что, в сущности говоря, настоящий хороший пролетарий ровным счетом ничего не чувствует. (Смех.) Один очень уважаемый мною критик сказал прямо, что если он в романе встречает такое лицо, которое чувствует, то он сейчас же справляется в романе, кто его родители; и всегда оказывается, что либо буржуа, либо интеллигент, а если папаша и мамаша от станка или от сохи, то—никаких чувств. (Смех.)

Конечно, пролетарий определенней, пролетарий стойчее, у пролетария внутренних колебаний гораздо меньше, но это не значит, что у него нет чувств. Многим кажется, что психология—это непременно психопатия; если человек хочет изучать психологию, то считают, что он хочет копаться в гнили собственной души. Это совсем не так. Мы живем здоровыми чувствами, и это должно быть развито в наших детях.

Здесь огромную роль, преимущественную роль, играют художественное воспитание и некоторые стороны совместной жизни вообще. Прежде всего нужно в детях развивать чувство солидарности и широкой симпатии к школьной среде и окружающим, чувство широкого товарищеского отношения к людям, которые стоят на почве труда. Нельзя, чтобы ребенок рос волчонком и из него вырос такой волк, благодаря которому говорилось прежде, что «человек человеку волк». Говорят, что жизнь научит. Но ведь мы—тот организованный и организующий фактор жизни, который для того и существует, чтобы вместо множества дезорганизованных толчков, которые дает жизнь, организовать все это, наладить все это. Мы должны позаботиться, чтобы дети росли в солидарности между собой. Это дается при помощи правильной организации классной жизни и правильного воздействия, направленного против индивидуалистических, эгоистических выпадов.

Но в то же время наша солидарность, наша любовь никоим образом не может расти без ненависти. Мы участники великой борьбы. Надо возбудить в ребенке ненависть к старым предрассудкам, к старой грязной жизни, к эксплоатации, к тем врагам нашим, внешним и внутренним, которые стараются повернуть колесо истории назад. А так воспитывает революционная литература, хорошие революционные праздники, революционные песни. Когда знакомишься с нашей школой, то видишь, что этими средствами пользуются, но не систематически, без достаточного руководства, иногда слишком официально.

Надо внести в это настоящую живую душу. Участие ребят в окружающей среде, в общественно-полезной работе, непосредственная пропаганда и агитация самими ребятами этих новых чувств, чтобы они не только в это верили, но и исповедывали это,—это есть необходимый трудовой процесс, который может закрепить те восприятия, которые в школе, на праздниках, в прогулке, в беседах дети будут постепенно в себя включать. И, представьте себе, я думаю, что на последнем месте надо поставить то, что называют этическим воспитанием в собственном смысле слова. Если представить себе ребенка, который здоров, чист, ребенка, который привык чувствовать себя особенно весело в организованной общественной среде, для которого нет большего наслаждения, чем в каком-нибудь коллективном спорте, чувствовать себя частью целого, у которого развито чувство солидарности, товарищества, который воспитан в направлении горячего и восторженного отношения ко всему тому, что составляет ценность нашей революции, и наоборот, жаркой ненависти к тому, что мешает выправить человеческую жизнь, то что же, собственно говоря, еще нужно. Помоему, ничего решительно не нужно. Этика сформируется сама собой. Разумеется, педагог должен помочь этому процессу, выработке некоторых правил поведения подростка, молодого пролетария; но, конечно, это не такие правила, которые нужно записывать в качестве какого-то кодекса. Здоровая товарищеская среда, симпатично относящаяся к каждому отдельному члену, сумеет притти ему во время на помощь.

Но такой постановки вопроса мы не видим пока даже не только в школе, но даже в Комсомоле.

Вы скажете, что вопрос о классовом воспитании в школе не нов. Мы и не претендуем сегодня на открытие Америки. Мы эту Америку давно открыли, но ничего не делали, чтобы использовать ее. Вы скажете, что это ставит новые высокие требования к учителю: он и с учобой не справлялся, а тут изволь воспитывать и физически, и в отношении чувств, и в отношении коллектива. Нас часто упрекали: «Вы,—говорили и говорят нам,—устраиваете свою школу для гениев—маленькие гении сидят на партах, большой гений сидит за столом». Это, конечно, сущие пустяки. Но надо прямо сказать, что нельзя браться за строи-

тельство революционной школы, не ставя высоких требований. Надо только помнить, что высокие требования, как очень хорошо разъяснил М. Н. Покровский, вовсе не нужно понимать косно: вот изволь как-то прыгнуть. Наметив последний этап, наметив последнюю цель,—а что же может быть более высоким, чем та цель, которую мы себе наметили, говоря «социалистическое строительство в нашей стране»?—мы разбиваем наш путь на известные этапы. Устанавливая предельные вехи, мы знаем, что одно будет проходить гладко, а другое—отставать. Нужно напряженно работать и педагогам, и нам, и руководителям, надо итти друг другу навстречу и не бояться, что вначале, на первый взгляд, не будет происходить никакого сдвига. Мы научились за это время не верить своим глазам, наши глаза ограничены; при помощи более совершенных методов государственной статистики и других методов изучения мы начинаем теперь учитывать результаты и можем сказать, что почти ни одно наше начинание не пропадает даром. Где-то, что-то получается, что-то произрастает; то, что получается, в свою очередь распространяет свое влияние дальше, и так систематически идет работа. Она должна совершаться очень ускоренно в наше время, что подчеркнул Михаил Николаевич. Но и памятуя, что мы не можем ставить себе задачу—все или ничего, мы указывали, что хотим, хотя бы медленно, но твердо двигаться вперед со ступеньки на ступеньку. Мы должны знать конечную цель и этапы на пути к ее достижению, мы должны знать, куда мы двигаемся. Вот почему так важно поставить на очередь отчетливую разработку вопросов классового воспитания.

СОЦИАЛЬНЫЙ СОСТАВ ШКОЛ.

В отношении классового состава имеются очень большие недочеты. Четырехлетняя школа—это слабая школа, мы все интенсивно чувствуем необходимость 5-го года. Но и до четвертого года доходят не все школьники. Как сказал докладчик от соцвоса т. Смирнов, это закон, что с каждым годом уменьшается количество учеников в школах; и уходит прежде всего бедняк и, в меньшей степени, середняк, а кулак доходит до 4-го года и потом переходит в следующую ступень школы. Выходит так: двухлетняя школа для бедняков и четырехлетняя для зажиточного крестьянства. Мы должны это изжить. Бытовые условия заставляют крестьянина брать своего ребенка из школы раньше времени; в огромной степени можно этой беде помочь. В высшей школе мы должны помогать бедняцкому и пролетарскому студенту, но мы должны помогать и ученику школы I и II ступени. Без этого мы хорошего состава, в социальном смысле, иметь не будем. По отношению к школе I ступени и в особенности по отношению к деревенской школе мне нечего перечислять те меры, осуществления которых мы постоянно требуем,—всем они известны. По отношению к школе II ступени надо добиться хотя бы небольших стипендий и, может быть, даже устройства общежитий. Пролетарский ребенок, в особенности ребенок мало квалифицированного пролетария, требует известной помощи, а что касается крестьянства, то только этими мерами материальной поддержки мы сможем подтянуть детей крестьянской бедноты к школе II ступени.

Затем относительно самого класса гегемона, относительно рабочего класса. Не можем мы сказать, чтобы здесь дело обстояло сколько-нибудь благополучно. Наша программа должна быть такой: одновременно с обеспечением для всей страны всеобщего четырехлетнего образования для пролетариата должно быть обеспечено всеобщее семилетнее образование, по преимуществу при помощи фабрично-заводских семилеток. Вот то, что мы должны поставить как цель. Ведь пролетариат еще всерьез и надолго остается диктатором, нам нужно из новых поколений пролетариата создать миллионы государственных людей, которые будут главным основным хребтом нашей социалистической страны. Мы делаем очень мало для этого, мы отказываем 50% детей, окончивших четырехлетки, в переходе на более высокую ступень школы. Я не говорю уже о том, что в более захолустных местах само школьное помещение совершенно убого и постановка образования пролетарских детей ниже всякой критики.

И партийные и советские руководители Урала говорят, что рабочие в настоящее время в гораздо большей степени требуют школ, клубов, улучшения культурных условий быта, чем даже повышения заработной платы. И действительно, что рабочему повышение заработной платы, когда ему некуда девать эту заработную плату, как только в пивную, на пьяный скандал? Что ему повышение заработной платы, когда он не может в отношении культурного развития стать выше, чем сейчас? Объезжая ряд местностей, я говорил с рабочими, и сотни рабочих там, на местах, говорили мне эти жесткие, горькие слова.

Должна быть сделана большая поправка по линии работы профессиональных союзов, которые сосредоточивают свое внимание на больших городах, допускают там даже роскошь и забывают пролетариев, нисколько не менее заслуженных в отношении революции и не менее важных в отношении общего развития всего хозяйства, которых судьба забросила в медвежьи углы, и по линии всей просвещенской работы.

О МАРКСИСТСКОЙ ПОДГОТОВКЕ УЧИТЕЛЕЙ.

Один из наиболее важных моментов в нашей работе—забота о привлечении возможно большего количества партийцев и комсомольцев в нашу учительскую среду и усиление марксистской подготовки учителя. У нас одно время было модно говорить о том, что политическая работа стала немножко не в моде, и сейчас надо обратить внимание в первую очередь на методическую подготовку и подготовку научного порядка.

Надо сейчас опять выдвинуть вопрос об интенсивной работе по внедрению в нашу восприимчивую учительскую среду начал коммунистического мировоззерцания. Я подчеркиваю кроме того,—это отмечено и в моих тезисах,—необходимость с особенной энергией итти сейчас по линии приближения, призыва, включения в нашу педагогическую работу населения—прежде всего организованного населения. Особенно комментировать это я считаю ненужным. Должен только отметить, что мы имеем на этом пути известный успех.

Но без серьезных капитальных вложений, товарищи, мы по линии соцвоса ничего сделать не сможем. Школа у нас застревает и в отношении количественного роста, потому что мало средств на школьное строительство, и в отношении качественном.

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ.

Тезисы по профобру у нас составлены в высшей степени подробно; там есть только тот пробел, что список новых техникумов и факультетов, которые должны быть открыты профобром, не включен в тезисы. Но если вы этим интересуетесь, то можно эти списки раздать или опубликовать в виде списка, в порядке стенгазеты, чтобы вы могли проверить, там ли, где надо, и то ли, что надо, открывает профобр. В остальном тезисы разработаны четко и подробно. Поэтому мои комментарии по линии профобра будут кратки. Все-таки кое-что я должен сказать.

Вузы.

Мы вступаем опять в довольно тревожную полосу жизни наших высших учебных заведений. Раздаются разные критические голоса, делаются разные попытки при помощи других наркоматов притти к разрешению этой задачи, так как якобы Наркомпрос с этой задачей не вполне справился. Вот об этом я и хочу сказать два слова.

Перед нами стояли в высшей школе такие задачи: пролетаризация этой высшей школы, рационализация сети, такая постановка учебного дела, которая привела бы к подъему квалификации, и приспособление всей этой работы к реальным потребностям промышленности. Вы знаете, что на нашем пути стояли неизмеримые препятствия. Вопервых, мы были бедны, нищи, одно время эта бедность и нищета

были просто скандальны, и только в последнее время мы начинаем получать кое-что, чтобы поднять оборудование наших высших учебных заведений. Мы имели старый профессорский состав, очень почтенный и знающий, но в достаточной степени упрямый, одна часть которого не очень-то хотела понимать новые задачи, в то время как другая часть рассчитывала, что и не стоит понимать, потому что советы долго не продержатся и скоро, дескать, вам, голубчики, будет капут. Новый студент, напротив, симпатичнейший, прогрессивнейший тип, великолепный наш новый тип студента—советский. Но, вопервых, он плохо был подготовлен, да и сейчас, бедняга, не важно. (Смех.) Материально он поставлен в возмутительные условия. Я думаю, что такого бедствующего студента нет нигде на свете (говорят, что только китайские студенты еще более бедны). При этих-то условиях надо было добиться хороших результатов. Заметьте, что пролетаризация натыкалась на препятствия потому, что количество стипендий было ограниченное, а пролетарский студент—стипендиат; если он получает стипендию, то обречен вести такую тяжелую жизнь, которая не дает ему возможности учиться. Кроме того, при самом приеме мы не могли расширять прием пролетарских студентов так, как хотелось бы, так как приходилось руководиться двумя критериями: социальным положением и известной степенью подготовленности. На одном очень компетентном собрании выступали один за другим два оратора, один сказал: «Главпрофобр и Наркомпрос не обращают достаточного внимания на социальный состав студенчества и получается так, что пролетарский состав недостаточен, а поповский сын проходит в вуз, потому что он русский язык и математику лучше знает». А следующий оратор сказал: «Наркомпрос и Главпрофобр никак не могут понят, что нужен подготовленный студент, что нельзя гоняться только за тем, чтобы он был хорошего происхождения».

Мы стараемся итти по той и другой линии. Мы не допустили ни разу (только один раз допустили, но сейчас же выправили) снижения пролетарского состава. Можно сказать, что высшая школа ровно наполовину количественно, а, стало быть, политически гораздо больше, пролетаризирована. Квалификация студентов, которую мы имеем сейчас, находится на пути к высокой удовлетворительности. Прочтите брошюру т. Ходоровского. Это не хвастовство Наркомпроса, это есть констатирование самой промышленностью и всякими проверочными комиссиями того, что наш студент в общем и целом, по крайней мере промышленный студент, добился той квалификации, которую имел выпускник до войны.

Сеть вузов считается удовлетворительной. В отношении близости к требованиям отдельных наркоматов мы имеем по линии Наркомзема и Наркомздрава определенные заявления, что никаких претензий к нам у них нет. По линии промышленности у нас не все в этом отношении гладко, но мы заявляли и заявляем, что мы делаем все, что возможно, и идем так далеко, как возможно, чтобы действительно и полно приспособлять наше предложение к тому способу, к тому заказу, который дает нам промышленность.

В моих тезисах сказано достаточно определенно, чего мы хотим в ближайшем будущем от наших инженеров и техников. Поэтому я позволю себе не останавливаться на этом, но прошу вас обратить внимание на то, что мы хотим дать инженеру широкую научную базу, хотим дать студенту хозяйственную, административную подготовку, нормировочную подготовку, хотим пронизать более практическим духом его специальные занятия, хотим связать наше преподавание неразрывнейшими узами с текущей действительностью, с ее основами как в смысле роста мировой науки и техники, так и в смысле задач нашей промышленности.

Профшколы.

Я хочу еще подчеркнуть то, что сказано в моих тезисах об усиленной заботе о профшколе. Это—забытое нами детище. С мест обычно говорят так: «Так как у нас профшкола хилая, настоящий заморыш, то лучше ее убьем». Нет такого отношения, что это необходимый элемент и если он хил, то нужно его подкормить.

И придушили огромное количество, как Ироды. А вот сейчас мы начинаем ощущать, что профшкола есть абсолютно необходимая предпосылка технического и культурного роста страны.

Сельскохозяйственное образование.

Мы обращаем внимание (и в тезисах нашло это широкое отражение) на формирование кадров сельскохозяйственных специалистов и в особенности на то, чтобы повсюду приняты были меры к внедрению преподавания всего того, что относится к организации и ведению крупного хозяйства, сельскохозяйственной кооперации, коллективных хозяйств.

Для этой цели открываются новые учебные заведения, кафедры, устанавливаются факультеты и отделения. Мы намечаем еще открытие широкой сети школ по крестьянским ремеслам. Вы найдете в тезисах перечисление, по каким линиям мы хотим итти. Я лично втечение 4—5 лет поднимал этот вопрос, потому что положение становилось чрезвычайно тяжелым: старые кустари умирают, ученичество поставлено в чрезвычайно тяжелое положение, и положение создалось в деревне в этом отношении катастрофическое. Вы знаете, как крестьяне интересуются этой стороной, как жалуются на создавшееся положение и как теперь популярно дело открытия и развертывания сети школ по тем или другим крестьянским ремеслам. Это мы и начинаем осуществлять с помощью мест.

ПОЛИТПРОСВЕТРАБОТА.

Мы не имеем в наших тезисах подробного перечисления того, что Главполитпросвет будет делать, и в материалах я останавливаюсь только на двух сторонах дела. Правда, я хотел пополнить картину приведением некоторых примеров из области работы отдельных изб-читален и в особенности, в специфической части работ по коллективизации, хотел остановиться на работе избы-читальни Козловского уезда, которую можно считать в некоторых отношениях несомненно достопримечательной, но я не буду об этом говорить и остановлюсь только на двух сторонах работы Главполитпросвета, указав на то, что третий чрезвычайно важный вопрос обсуждается в особом докладе, и я льщу себя надеждой, чт осмогу выступить в дискуссии по этому докладу и сказать несколько слов специально по вопросу, как относиться к катастрофе, переживаемой в этом отношении.

Немыслимо, недопустимо снижать место и вес политпросветительной работы. Между тем на местах процесс этот принимает катастрофические размеры.

Какие причины вызвали такого рода снижение? Тут, разумеется, есть общая причина, которая заключается в большом напоре на местные средства со стороны школ. Крестьяне энергично требуют этих школ, охотно идут на их открытие, а почерпнуть откуда-то новые дополнительные средства трудно. В результате получается так, что, например, в Нижегородской губернии доля средств на политикопросветительную работу снижена с 16,5% до 12,6%, в Рязанской—с 8,8% до 7%, в Вятской—с 19% до 14%, в Ульяновской—с 12% до 9%, во Владимирской, Тульской, Курской—везде и всюду то же самое. Никоим образом невозможно допускать такого дальнейшего снижения.

БОРЬБА ЗА КРЕСТЬЯНСТВО.

Мы входим в полосу интенсивнейшей борьбы за крестьянство. Все хозяйственное развитие, ход хлебозаготовок и коллективизации сельских хозяйств показывают наличие известных колебаний в крестьянстве. Почему партия бьет в набат по поводу посевной кампании? Потому что мы не можем быть уверены, что, может быть, прислушиваясь к нашептыванию кулаков, крестьянин не начнет сжимать посевную площадь. Он может прибегнуть к этому методу пассивного сопротивления против того, чего он не понимает и во что не хочет верить. Нам часто говорят: давайте учить детей, это вернее всего. Нельзя, однако, ограничиваться одними

детьми. Так мы не выживем. Прежде чем мы их выучим, мы уже будем иметь катастрофическое положение. Наша спайка с крестьянством, смычка города и деревни, находится в довольно тяжелом положении, и нужно укрепить ее, если мы хотим вести крестьян по новому хозяйственному пути. Ведь деревня, развертываясь по законам, внутренне ей присущим, идет в другую сторону, чем мы хотим. Ведь мы знаем, что крестьянство будет развиваться в направлении кооперирования только под давлением пролетариата. Элемент убеждения и разъяснения, элемент культурного подъема играет наряду с экономическими мерами большую роль. Не буду приводить специальных данных по целому ряду губерний и по отдельным избам-читальням, которые уже сумели приспособить свою работу к специфическим задачам коллективизации, и лишь констатирую, что имеющиеся примеры доказывают нам наличие определенных возможностей, доказывают то, что Главполитпросвет через избы-читальни сможет сделаться одним из самых мощных аппаратов в этом деле и стать чрезвычайно крепким помощником организаций, работающих в этом направлении.

В наших тезисах подчеркнута необходимость всяческого увеличения связи политпросветработников с организованным населением. Здесь есть еще известные недочеты, которые известны и понятны самим местным органам. Необходим также переход к некоторому культурному районированию в смысле создания опорных пунктов и учета своеобразия в деталях политико-просветительной работы в зависимости от местных условий.

НАУЧНЫЕ РАБОТНИКИ.

Я перечислю задачи, которые стоят на первом плане в области научной работы, немного под другим углом зрения, чем это сделано в тезисах. Осуществление лозунга, который дает партия,—усиление идеологической борьбы за нашу коммунистическую правду против всякого рода буржуазной лжи, которая с разных сторон на нас наступает,—ложится всецело на нас. У нас не так много марксистских научных сил, но они должны проявить максимум энергии. Мы можем требовать от них известной активности, которая должна быть использована для отпора противоположным настроениям и для подбора новых союзников.

В отношении нового поколения, подготовлявшегося к научной жизни,—аспирантов—нужна твердая политика социального подбора не только по происхождению. В этой стадии обучения уже достаточно хорошо вырисовывается научная, культурная и политическая физиономия человека. Не надо останавливаться перед упреками, что приняли коммуниста или человека, сочувствующего партии, который в данной специальности на самом деле меньше преуспевал, чем человек, чуждый нам. Конечно, в отношении специальностей, где политическое мировоззрение играет меньшую роль, мы можем быть более либеральными, но в специальностях, которые ближе к политической и культурной работе, мы должны быть жестче. Сейчас чрезвычайно важно определить состав ученых людей в будущем по линии увеличения числа настоящих выдержанных марксистов.

Этого можно добиваться, конечно, не только специальным подбором, но и соответственным образованием и воспитанием аспирантов. Задача огромная, но она должна быть нами выполнена.

О ПОПУЛЯРИЗАЦИИ НАУЧНЫХ ИДЕЙ.

Еще больше, чем прежде, выдвигается задача широкой популяризации научных идей. Это—дополнение к политпросветработе, естественно с нею сливающееся. Нужно позаботиться о том, чтобы еще более интенсивной жизнью, чем теперь, жили наши музеи. Нужно развернуть наше массовое краеведение. Все это единая работа, направленная, с одной стороны, на общее развитие науки и, с другой стороны, на ее спецификацию, на то, чтобы она приобретала все более и более доброкачественный, с нашей точки зрения, характер.

ГЛАВИСКУССТВО.

В Наркомпросе в ближайшем будущем будет организовано новое управление, деятельность которого будет направлена на урегулирование отношения государства к литературе, изобразительному искусству, музыке, кино (в идеологическом отношении) и т. д. Наши массы, рабочие и крестьяне, поняли огромное значение искусства и ту воспитательную роль, которую оно может сыграть. Эта воспитательная роль подчеркивалась много раз руководителями нашей партийной и государственной жизни, и останавливаться на этом моменте я не буду. Я надеюсь, что это новое управление, во главе которого станет новый член нашей коллегии т. Свидерский, сможет очень много содействовать организованному продвижению по этому очень важному пути.

ПРОСВЕЩЕНИЕ НАЦМЕН.

Товарищи, к тому, что сказано в моих тезисах о нацменьшинствах, я хочу прибавить только следующее. У меня здесь есть 7 предложений, кратко сформулированных; я позволю себе в последнем слове их прочесть и включить их в проект резолюции, который будет предложен съезду.

Позвольте мне, прежде чем я кончу, сказать два слова о чрезвычайной важности этого съезда. Отчасти она определяется теми важнейшими вопросами, изложенными в докладе, только что вами заслушанном; но практически, быть может, еще важнее те два основных доклада тт. Яковлевой и Ходоровского, которые здесь еще будут сделаны. Этим я не хочу сказать, что менее важным является доклад Главполитпросвета, я его считаю чрезвычайно важным; но это доклад специальный, а два основных доклада касаются наших общих организационных вопросов и нашего бюджета.

ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ВОПРОСЫ.

Вопрос нашего руководства по всей учительской линии,—вы, вероятно, это знаете лучше, чем я,—является самым коренным. Тут решается вопрос—выживем мы или умрем как деятели просвещения. Если нам не удастся создать живой, гибкий аппарат, который бы учитель полюбил за то, что это действительно добросовестный и доброкачественный руководитель, а не какое-то начальство, чиновник, который неизвестно, стоит ли еще того, чтобы получать жалование, если мы не сумеем создать инспектуру и инструктаж такого характера, чтобы учитель чувствовал поддерживающую его умелую и в высшей степени братскую руку, тогда надо будет признать, что Наркомпрос не выдержал экзамена.

ПРОГРАММЫ ГУСА.

Мы вчера ставили вопрос на расширенном заседании коллегии, выдержали ли экзамен программы Гуса, и решили, что пока плоховато, но все-таки выдержали, так что нужно переводить в следующий класс и надеяться, что там будет больший успех. Много оказалось недостатков, но все-таки, принимая во внимание и плюсы и минусы, нужно сказать, что плюсы перевешивают. Мы должны во что бы то ни стало хоть такого минимума добиться в области организационной. Реформа, которая произведена в структуре Наркомпроса, есть именно попытка создать такое живое, рассчитанное на требования нашей низовой школы и вообще педагогических процессов построение аппарата. Надо его внимательнейшим образом просмотреть, что можно сделать только с вашей помощью. Без вашей помощи и совета мы дальше двигаться не можем. Это придает съезду огромное значение.

БЮДЖЕТ.

Второй вопрос, о бюджете, будет обсужден по докладу т. Ходоровского. Мы должны добиться того сдвига, который был намечен. Не только соловья баснями не кормят, но и просвещенские организации тоже. Мы должны добиться, чтобы из всей той массы серьезнейших решений, которые мы приняли, сделаны были соответствующие выводы. Чего именно надо добиваться, в каких пределах, в каких направлениях—об этом сказано будет в докладе, и вы обсудите этот вопрос со всем вниманием.

Времена у нас всегда были серьезные, но сейчас они серьезнее, чем когда бы то ни было. Сейчас ошибки и недостаток сил могут обойтись нам чрезвычайно дорого. Но, с другой стороны, перед нами стелятся пути, по которым мы действительно можем твердой стопой итти вперед.

Времена серьезные. Отношение наше к нашим задачам тоже в высшей степени серьезное. Помните, товарищи, что успеха можно добиться только в том случае, если мы между собою будем в высочайшей степени солидарны. Солидарность не предполагает взаимные комплименты, а заключается в том, чтобы указывать взаимные ошибки и совместно вырабатывать такую линию, которая привела бы к наиболее желательным результатам.

В направлении серьезного, мужественного, не щадящего друг друга сотрудничества людей, чувствующих себя частью одного целого, мы должны работать, и в этом направлении, думаю я, пройдут и работы нашего съезда (аплодисменты).

Прения по докладу А. В. Луначарского.

Глаголев (Тула). Об учителе. Мы имеем, с одной стороны, несомненный рост нового учителя-коллективиста, активного участника в деле социалистического устройства общества, мы имеем уже сотни примеров, когда учитель в деревне является застрельщиком в деле коллективизации сельского хозяйства, организатором кооператива, когда к учителю чуть ли не в шесть часов утра являются крестьяне со всякими справками, заявлениями, за советом и т. д. Этот тип педагога-общественника уже завоевал громадный авторитет и симпатии со стороны широких масс. Но, с другой стороны, этот процесс приспособления, переделки учительства идет гораздо слабее и медленнее в городах, преимущественно среди квалифицированной части учительства. Растущая активность масс, выражающаяся в повышенном интересе к жизни школы, к вопросам ее быта и работы, вопросам успеваемости учащихся, дисциплины,—этот, если можно так выразиться, напор советской общественности на школу застает известную часть специалистов врасплох, неподготовленной. Старые педагоги, которые привыкли видеть школу замкнутой в себе, изолированной от всякой общественности, не умеют ни использовать, ни должным образом направить по соответствующему практическому руслу инициативу масс. Именно в среде этих педагогов мы наблюдаем тенденцию повернуть назад в вопросах воспитания, слышим разговоры о том, что «одолевает ученик», что мы «в плену у учеников», что необходим пересмотр устава трудовой школы, введение наказаний, большая свобода исключений из школы и т. д., причем нежелание проводить идеи советского воспитания, пренебрежение к вопросам постановки научно-педагогической работы прикрываются плохими материальными бытовыми условиями нашей школы. Идеологически в среде некоторой части учительства мы наблюдаем также такие явления, как проявляющуюся якобы «нейтральность» в вопросах религии. Например, на вопросы детей о боге, о празднике пасхе, педагог отвечает, что это дело, дескать, частное, что он не обязан отвечать на подобные вопросы. Аналогичных примеров можно было бы привести достаточно. В условиях усилившегося наступления враждебных нам по идеологии групп необходима более четкая линия со стороны Наркомпроса в вопросе постановки антирелигиозного воспитания. Мы должны поставить очередной задачей усиление партийного и комсомольского ядра в просвещенских кадрах, задачу тщательной проверки всего учительства. В отношении же добросовестной и преданной делу массы специалистов нужно воспитать из них кадр специалистов-общественников, умеющих мобилизовать широкие массы на дело укрепления каждого данного участка народного образования.

Козырев (Брянск). С основными моментами, выдвинутыми Анатолием Васильевичем в вступительной части доклада, мы целиком согласны, все новые задачи, возлагаемые на нас в связи с последними партийными решениями, воспринимаем, но для выполнения их нужны громаднейшие средства. Анатолий Васильевич заявил, что вода льется на нашу мельницу. Этого недостаточно. В связи с культурной революцией в наши закрома должны посыпаться червонцы. Настоящий год должен быть годом перелома в деле укрепления материальной базы народного образования, иначе все наши планы останутся на бумаге, и культурная революция не выйдет из стадии разговоров.

Теперь несколько замечаний практического характера. Я буду, товарищи, оста-

навливаться на тех же примерно вопросах, что и на предыдущем съезде завоно, потому что они остаются актуальными и для настоящего момента.

Первый из них: программы Гуса.

На заседании коллегии НКП Анатолий Васильевич заявил, что программы Гуса себя оправдали. Да, конечно, если принять во внимание их социальное происхождение и первую судимость, оправдать их следует, но сказать, что у нас в этом отношении дело обстоит удовлетворительно и что пришла уже пора перехода в следующий класс, нельзя. Ведь сам Анатолий Васильевич говорит, что у нас в школах обучают, но не воспитывают. А раз этого нет, значит с программами Гуса мы справляемся плохо. Нужна длительная, упорная работа, и трудности последней велики. Основное затруднение—слабая подготовка учительства. Одно время работа по повышению квалификации учительства кипела. Сейчас она замерла. Три-четыре года назад к этой работе предъявлялись большие требования. Повышение квалификации было обязательным. Теперь оно добровольно, и поэтому работа падает катастрофически. С добровольностью нужно покончить. Курс должен быть изменен. Работа по повышению квалификации должна стать обязательной для всех просвещенцев.

Анатолий Васильевич говорил о том, что нужно воздействовать на чувства ребенка, давать художественное воспитание и т. д. Это прямая необходимость, но здесь встречаются большие трудности. Что представляют собою наши учебники? Это сплошная скука. Хорошего учебника у нас нет. По собственному выражению Анатолия Васильевича, это опилки, смазанные вазелином. Нет литературы, освещающей героические моменты нашей революции, нет художественной литературы, освещающей социалистическое строительство, нет детской литературы, освещающей жизнь будущего общества, и т. д. Все это нужно создать.

Следующий вопрос—пропаганда социалистического хозяйства через школу. Несколько слов о школе крестьянской молодежи. Она создавалась совершенно в других, чем теперь, политических условиях. Тогда мы меньше всего говорили о коллективизации сельского хозяйства, а ставили простую задачу—поднять сельское хозяйство. Отсюда целевая установка ШКМ была на подготовку культурного крестьянина для своего хозяйства.

Сейчас в связи с курсом на коллективизацию эта установка должна быть изменена. ШКМ должна готовить работников для колхозов. Целесообразнее поэтому сейчас организовывать школу при крупных совхозах или колхозах. На этом важнейшем участке нашей работы полное неблагополучие. Лучшим пропагандистом культурного и коллективного сельского хозяйства должна стать деревенская школа. А сейчас? Земельные участки при школах творят в большинстве противосоветское дело. Они так скверно поставлены, что служат мишенью издевательства со стороны крестьянства: «Смотрите-де, как советская власть учит нас вести хозяйство».

Анатолий Васильевич совершенно не остановился на вопросе о детской беспризорности.

Как обстоит дело в этом отношении? Прошла кампания по изъятию детей с улицы. А дальше? Ведь нужно этих детей и воспитывать, и продвинуть в производство, дать подготовку. Здесь у Наркомпроса шатание. Нужно установить твердую линию в отношении методов воспитания беспризорных ребят и не бросаться из одной крайности в другую—«Не смей повысить голос» или «Охраняй при помощи милиции».

Последний вопрос—средства на политпросветработу. Забывать политпросветработу нельзя. Но ведь наряду с этим нужно делать большие расходы на другие виды работы. Нужно форсировать всеобщее обучение и т. д.

Необходимо взять такую линию, чтобы за счет местного бюджета политпросветработой обслуживались местные мероприятия, а такие нужды, как хлебозаготовки, заем и т. п. нужды общегосударственного значения должны обслуживаться за счет общегосударственных средств. Заказ и деньги Наркомфина, Хлебопродукта, работа политпросвета.

Лобов Л. А. (Дальний Восток). Будущий год, очевидно, явится переломным, и мы будем бесспорно иметь в общем значительно увеличенный бюджет. Но есть некоторая опасность для сельских просветительных учреждений. В финорганах существует тенденция не увеличивать в будущем году чрезвычайно скудных норм расходов по сельским школам, имея в виду проводящуюся кампанию по самообложению. Мы ежегодно росли качественно, понемногу увеличивая школьные бюджеты; декрет о самообложении преследовал цель увеличения этого роста; получается совершенно обратное. Необходимы категорические директивы о том, что самообложение не заменяет нормального бюджета, а увеличивает его.

В соцвосе наиболее важным вопросом ныне является создание детской книги и организация детских библиотек. При обсуждении в коллегии НКП вопроса об итогах проведения программ Гуса демонстрировались работы учащихся опытных школ. Жаловались на недостаточную орфографическую грамотность этих работ, говорили вообще о недостаточной грамотности. Винили программы. Мне кажется, дело тут не в программах. Программы хороши, плоха организация работы в школе. Припомните, как дело идет в школе: ребята растут, рассуждают, ходят в экскурсии; времени для письма, чтения остается очень мало. Некогда детям научиться читать.

Вспомните свое детство. Учились мы главным образом на так называемых книгах для внеклассного чтения; мы их ежегодно прочитывали десятками и сотнями. Я не помню ни одной старой школы без детской библиотеки; ее имела самая плохая школа грамоты. В нашей школе этих книг нет, и ребята не читают. Как они будут грамотны? Вопрос создания детской книги и организации детской библиотеки в каждой школе является активным вопросом, без разрешения которого невозможно вести партийцу школьную работу.

В докладе Анатолия Васильевича много говорилось о подготовке инженеров, агрономов и других специалистов для промышленности и сельского хозяйства и ничего не сказано о подготовке специалистов для культурно-социального строительства—учителей, врачей и других. В резолюции съезда необходимо устранить эту диспропорцию и дать установку на усиление подготовки специалистов для культурно-социального сектора. (Тов. Луначарский с места: «Правильно».)

Вторым больным вопросом в профобре является несогласованность программ техникумов и школ II ступени. Этим больным вопросом следует заняться Гусу.

В докладе отмечалось ущемление местами политпросветработы. Дело в отношении ассигнований на политпросветработу на местах обстоит действительно неважно, хотя не везде удельный вес политпросветработы снижается—кое-где он и повышается. (Тов. Луначарский с места: «Дальний Восток не в счет: он светлый луч на общем темном фоне».) Тем не менее правильно, что ассигнования на политпросветработу необходимо увеличивать; но вопрос, на котором следует заострить внимание съезда, не в этом. Главным тут является вопрос о создании основного кадра политпросветработников. Ведь следует сознаться, что наши избы-читальни оставляют желать еще очень много, они еще не удовлетворяют взрослое крестьянство. Они не смогут хорошо работать, пока не будет хорошего избача.

И в тезисах и в докладах мало сказано о научно-исследовательской работе. Между тем в период реконструкции хозяйства и усиленного строительства научно-исследовательская работа должна занять очень видное место в работе Наркомпроса. Эта работа ведется целым рядом центральных и местных органов, но не достаточно рационально. У нас в ДРок ежегодно работают десятки научных экспедиций, которые ведут часто параллельную работу, и в большинстве случаев результаты их работы не делаются достоянием края.

Очевидно, то же мы наблюдаем и в других областях. Необходимо прежде всего усиление научно-исследовательской работы, ее более строгое планирование и рациональное использование результатов научных исследований.

В просвещении национальных меньшинств наиболее важным вопросом является организация издательского дела. Если дело с книгой в русской школе обстоит у нас плохо, то в национальной школе оно из рук вон плохо. Я наблюдаю нацменовские школы различных национальностей. Знаю киргизскую школу, где чуть ли не

единственным пособием является классная доска. Учитель и ученики пишут и читают на классной доске. Как китайчата научаются читать и писать—уму непостижимо: трудную китайскую грамоту, в которой до сорока тысяч иероглифов, преодолевают без книги с помощью классной доски. Недостаток литературы—общее явление для всех национальных школ. В этом отношении много делается, но задача здесь настолько большая, что к ней никогда не следует ослаблять внимания.

Вот те вопросы, разрешение которых стоит на очереди. Все вопросы, выдвинутые в докладе, важны, многие из них более важны, чем выдвинутые мною, но народное образование имеет свои пути развития, и большинство вопросов разрешается в процессе естественного развития, разрешается временем. Выдвинутые мною вопросы несколько отстали в росте от естественного развития народного образования. Мне кажется, это произошло от некоторого недоучета важности этих вопросов для эффективности повседневной работы.

М а л ы ш е в (Северный Кавказ). Разрешите сначала сделать небольшую экскурсию в область прошлого.

Как известно, до 1922 г. доля участия в местном бюджете народного образования была свыше 30%. В октябре 1922 г. III съездом завгубоно по докладу Наркомпроса было отмечено «недостаточное внимание к просвещению со стороны всех центральных и местных советских органов». Тогда на съезде нами был объявлен знаменитый культурный фронт. Как реагировал местный бюджет на этот культурный фронт?—В 1923/24 бюджетном году, в ответ на объявление культурного фронта, доля участия ОНО с 30% упала до 29%...

В декабре 1923 г., на IV съезде завгубоно, нами в резолюции по докладу Анатолия Васильевича было энергично заявлено о тяжелом состоянии дела народного просвещения: «Народное просвещение,—говорится в резолюции,—оставляет в порядке дня работы всех органов просвещения борьбу за бюджет, но более решительную и настойчивую, чем прежде...» Как реагировал местный бюджет на наше заявление о борьбе более настойчивой и более решительной?—В следующем бюджетном году, в 1924/25 г., доля народного образования в местном бюджете с 29% упала до 28%!

В феврале 1925 г. на V всесоюзном съезде работников народного просвещения, по докладам Наркомпроса РСФСР и УССР, было предложено «усиливать и укреплять материальную базу просвещения путем большего и систематического увеличения доли народного образования». Как реагировал местный бюджет на постановление V всесоюзного съезда работников просвещения?—В следующем бюджетном году доля народного образования в местном бюджете с 28% падает до 27%! (С м е х.)

Наступает 1926 год, эпоха индустриализации страны. На съезде завгубоно т. Рыков объявил народное просвещение вторым фронтом. «Такое понимание режима экономии,—записали мы в резолюции,—требует, конечно, значительного расширения бюджета Наркомпроса». Как реагировал местный бюджет на нашу резолюцию и на второй фронт?—Бюджет по назначению—28%, по исполнению—ниже 27%!

В тезисах т. Ходоровского на 1928/29 г. сказано: «Теперь уже в 1928/29 г. нам надо решительно сдвинуть весь фронт, и только таким образом мы можем поднять страну в темпе»... (Г о л о с: «Куда, вперед или назад?») Что будет в 1928/29 г.?

Вот с таким багажом за плечами мы подходим к эпохе культурной революции, и невольно закрадывается скептическое отношение ко всем тем лозунгам, которые бросаются сейчас в стране...

Закрадывается сомнение, что лозунги культурной революции в ближайшем будущем не претворятся у нас в жизнь. В этом меня убеждает и вчерашнее выступление Анатолия Васильевича, который сказал: «Нам было отказано в наших притязаниях на этот год». Особенно показательным фактом для нас является 15-миллионный октябрьский фонд. Он превратился в 4-миллионную временную ссуду. Ясное дело, что при таких условиях говорить о широком развертывании народного просвещения в ближайшем году не приходится. Будут ли регулирующие органы

помнить о лозунге культурной революции? Тревожные симптомы с мест говорят, что лозунг культурной революции местами совершенно не усвоен, не переварен. Сейчас места культурную революцию свели к вопросу о самообложении. «Что вам еще надо?—говорят нам на местах.—Есть у вас самообложение. Вы получите все то, что вам нужно на школы» и т. д. Вот как претворяется лозунг культурной революции на местах.

Но этого мало. Надо учесть еще и то, что и суммы по самообложению используются не по назначению. Я вот сейчас прочитал телеграмму от 19 числа из Кубанского округа. Это действительно трагическая телеграмма: «Краснодар. Распространились слухи о том, что 400 тысяч из всех собранных в округе средств будут выделены на сооружение окружной мясохладобойни. Эти слухи подтвердились, причем местные органы это выделение намерены провести через станичные сходы». Мы прекрасно понимаем, что если эти органы намерены провести это мероприятие через станичные сходы, то они его проведут. Таким образом создается такое положение, что средства, собранные по самообложению, на 50% не попадут на нужды просвещения, а пройдут мимо.

Разумеется, такое положение дальше не может быть терпимо. Нам действительно пора уже перевооружиться, пора сказать, что мы приняли уже достаточное количество всевозможных резолюций; сейчас настал момент, когда нужно от этих резолюций перейти к принятию решительных мер. Нам нужно этот вопрос заострить еще раз и еще раз. Если из центра не будут преподаны прямые, определенные, категорические указания, то местам будет чрезвычайно трудно добиться значительных улучшений в постановке культурной работы. Надо сказать, что к пропаганде лозунга культурной революции, к привлечению внимания широких масс населения, вообще всей советской общественности к культурному строительству—мы еще не подготовились в достаточной степени. Казалось бы, что после XV Партийного съезда наш теперешний съезд должен был бы быть большим общественным явлением, но однако он является только обыкновенным ведомственным съездом. Даже «Правда» не отозвалась на наш съезд ни одной строчкой. Молчит «Учительская газета»... Нет на съезде представителей советской общественности... (А п л о д и с м е н т ы.)

А л е к с и н с к и й (Москва). На вопрос т. Малышева «Что будет в 1928/29 году?»—помоему, ответ уже дан. Указания о составлении бюджета на 1928/29 г. мы имеем. В этих указаниях—я не знаю, во всех ли губерниях—есть такой момент: никаких новых объектов расходов и старые нормы. Так что картина совершенно ясна. Остаются только надежды на те путевки, которые мы получаем от райкомов и горкомов для разговоров о культурной революции. Я все-таки думаю, что в наших резолюциях нам стоит еще и еще раз заострить этот вопрос. Хотя таких резолюций у нас и много, хотя все они оставались до сих пор только гласом вопиющего в пустыне, все же нам этим смущаться не следует, и нужно еще раз сказать об этом покрепче.

Поскольку т. Малышев достаточно обстоятельно остановился уже здесь на финансовом вопросе, я хотел бы затронуть только вопрос о перспективах культурного роста нашей деревни. Мне думается, что и в речи Анатолия Васильевича и в книжке, которая роздана здесь,—«Народное просвещение в РСФСР», по вопросу о деревне есть одно преувеличение. Это преувеличение опасности роста трехлетки. У нас сейчас говорят,—и в этой книжке написано,—что трехлетка сейчас завоевала в процентном отношении довоенное положение. Отсюда делается такой вывод, что у нас еще не существует четырехлетка, что четвертый год обучения еще мало охватывает детей. Отсюда также делается и такой вывод, что продвижение по I ступени идет чрезвычайно медленно, а некоторые товарищи,—правда, не из Наркомпроса, но мне приходилось от них это слышать,—делают такой вывод, что мы сейчас находимся в таком положении, что деревне, по соображениям экономического порядка, по сути дела более продолжительный срок обучения, чем три года, невыгоден.

Я думаю, что вопрос о трехлетке, чрезвычайно существенный и важный в наших условиях, в Наркомпросе недостаточно проанализирован. Во всей этой книжке и во всех наркомпросовских материалах у нас нет анализа, где растет трехлетка и почему она растет? По своей губернии я знаю, что трехлетка вырастает там, где не удается собрать больше 18—20 учеников в школу, потому что радиус не позволяет устроить более крупную школу. Если принять во внимание ряд процессов, которые происходили в деревне, в частности дробление на хутора,—возьмите Смоленскую губернию, она вся состоит из хуторов,—то мы поймем, что действительно во многих местах очень трудно собрать такое количество ребят, которое было бы выгодно обучать 2 учителями. Есть и еще ряд губерний, где имеется хуторская или поселковая система и где происходит процесс измельчания крупных населенных пунктов, и как раз в этих районах происходит рост трехлетки. Но из этого ни в какой мере нельзя сделать такого вывода, что четвертый год обучения у нас плохо прививается.

У меня имеются такие сведения по Московской губернии: в 1923/24 г. процент учащихся IV группы по отношению к I группе составлял 27, в 1924/25 г.—32, в 1925/26 г.—50, в 1926/27 г.—58. Таким образом процент учащихся в IV группе, в школе, по типу являющейся четырехлеткой, все время возрастает по отношению к I группе. Одновременно идет рост трехлетки. Мне думается, что нужно добиться правильного анализа этого явления, чтобы наметить правильные перспективы.

Из того, что растет трехлетка, нельзя сделать такого вывода, что школа I ступени обречена быть всегда четырехлеткой. Я думаю, что общий экономический рост деревни и те культурные запросы, какие деревня предъявляет, настоятельно требуют, несмотря на наличие трехлетки, расширения I ступени в деревне из четырехлетки в пятилетку. Вот о чем приходится говорить, ибо школа крестьянской молодежи поглощает примерно 19%, а куда же попадает остальная часть? Потребность учиться есть. Если взять отдельно четырехлетку и проанализировать ее рост, то бесспорно последний ряд лет даст большой рост IV группы. Недавно мне пришлось быть во Владимирской губ. в одной деревенской школе, где IV группа составляет около 80% по отношению к I группе, причем преобладающими учащимися являются девочки. Такая любопытная сторона дела у нас всесторонне не проанализирована, и мне думается, анализ развития I ступени в деревне должен быть проделан всесторонне.

В этой же книжке говорится о школьных зданиях. Из 64 тысяч школьных зданий 58% специальных, 22%—приспособленных и еще 20%—неизвестных. Мне кажется, что этот процент является тем процентом, который вырастает для обслуживания того незначительного количества детей, больше которого нельзя учить. Это не является доказательством невозможности расширить I ступень в деревне.

Теперь относительно ШКМ. Что представляет собою ШКМ? Через школы крестьянской молодежи готовятся, по существу дела, кандидаты в техникумы, которые потом не будут совершенно обслуживать деревню, не всегда будут новой рабочей силой и в городе. Прямая задача, которая перед нами стоит,—поднять культурный уровень деревни, вырастить культурные силы, которые помогли бы нам и явились бы активными участниками в решениях важнейших политическо-хозяйственных задач деревни, а школы крестьянской молодежи, к сожалению, не решают этих задач: кончающие ШКМ стремятся уйти из деревни. В материалах, которые имеются к данному съезду, анализа этого явления не имеется.

Затем, товарищи, я думаю, у нас есть одна чрезвычайно большая проблема—это проблема II ступени. Опять анализа этой проблемы мы не имеем.

Я мало знаю в провинции школ II ступени, что же касается московских, то нужно прямо сказать, что сейчас в школе II ступени борьба за нашего школьника в идеологическом и политическом отношениях усиленно ведется враждебной нам стороной и небезуспешно.

Что мы там сейчас имеем? Мы имеем старый кадр гимназических учителей; освежение учительского кадра II ступени у нас происходит чрезвычайно медленно. Если проанализировать, куда деваются окончившие педагогические вузы, то вы

увидите, что во II ступень их попадает чрезвычайно маленький процент, хотя они и не плохи. Внутреннее содержание всей воспитательной работы во II ступени заставляет нас сейчас особенно насторожиться. Откуда появляются у нас бойскаутские организации? В школах Москвы и Ленинграда открыты были нелегальные организации бойскаутов. Я недавно обследовал одну школу II ступени, где встретил следующее: наряду с легальными ученическими организациями там существуют организации ТИД (товарищество и дружба), организация ОДТИД и СЕТ, «Ишты-ошты». Учащиеся не были удовлетворены существующими формальными организациями и желали использовать как-то свою энергию. Но в этих организациях они, начав заниматься художественной литературой, докатились, по заявлению самих же учащихся, до собраний на квартирах и чтения там порнографической литературы. Все это, конечно, волей-неволей превращает эти организации в оружие буржуазного воздействия на наше подрастающее поколение. Таким образом вопрос борьбы за школы II ступени становится сейчас актуальнейшей проблемой. А если взять цифры, которые я приведу по школе II ступени Москвы, которые говорят о том, что у нас в школах II ступени происходит вымывание рабочего состава из школы, что наша школа II ступени является мелкобуржуазной школой, то картина получается далеко не удовлетворительная.

Вот любопытные цифры приема и перехода из группы в группу. Начинает нашу школу 12 595 детей рабочих и 11 000 всего остального населения; оканчивает нашу школу 715 детей рабочих и 2 656 детей остального населения. А когда вы посмотрите, как происходит падение при переходе из года в год, из класса в класс учащихся, то вы увидите, что детей мелкобуржуазного населения переводится, предположим, из 3-го в 4-й—96%, рабочего—85%; из 4-го в 5-й мелкобуржуазного населения—95%, рабочего—77%; из 5-го в 6-й—91% детей мелкобуржуазного и 72% рабочего населения. Таким образом у нас происходит все большее и большее выпадение детей рабочих. Куда же они деваются? Сначала мы думали, что они уходят в профессиональные школы. Оказывается, что такого рода учеников, которые уходят из 5-й и 6-й групп, у нас принято в профшколы около $1\frac{1}{2}$ тысяч. А всего уходит около 6 000 человек; остальные куда-то исчезают. Это требует, чтобы были приняты меры, обеспечивающие рабочим возможность продолжать обучение своих ребят во II ступени. Это важнейшая, главнейшая задача в борьбе за идеологию нашей школы.

Наконец, еще один вопрос о II ступени. В задачи II ступени входит—готовить в жизнь (давать маргаринового спеца через спецкурсы) и попутно давать подготовку в вузы. Но жизнь этим решением не удовлетворяется. Возьмите Москву. На каждом заборе вы сейчас увидите: «Готовлю по всем предметам», «Готовлю по математике и физике», «Курсы Общества Политкаторжан», «Курсы работников просвещения» и т. п. Затем всевозможные частные курсы,—все они готовят в вузы нашу молодежь, окончившую школы II ступени. Мелкая буржуазия, стремясь в вузы, проходит основательно школу II ступени, затем получает еще добавочную подготовку на таких курсах и попадает в вузы. В то же время дети рабочих в вузы не попадают, так как те 715 человек, которые кончают в Москве II ступень, составляют пустяки и часто не имеют возможности попасть в вузы. А где же дорога в высшую школу для рабочего населения? Рабфак? Но вот у меня интересные данные из 1 МГУ. Я очень жалею, что вы нигде не найдете этих данных по всем вузам, так как их нет даже у Главпрофобра. А между тем они чрезвычайно любопытны для уяснения того, что дает рабфак в смысле пополнения наших высших учебных заведений.

Из 31 рабфаковца, поступившего на математический факультет, только один кончает этот факультет. Из 148, поступивших на медицинский факультет, кончает только около 80 человек. И лишь по линии общественного факультета дело обстоит более или менее благополучно. Но если такое положение создается с рабфаками, то совершенно катастрофическое положение мы имеем с нашей школой II ступени. По сути дела школы II ступени дают совсем не тот элемент, который нам нужен для продвижения в высшую школу. Правда, мы имеем очень благоприятные цифры о

соотношении пролетарских и непролетарских элементов внутри высшей школы, но если мы проанализируем, как именно проходит рабочий эту высшую школу, если мы произведем углубленный анализ по каждому факультету, то мы здесь наткнемся на чрезвычайно неприятные вещи, которые заставят основательнейшим образом прокорректировать всю нашу систему. Мы должны сейчас этот вопрос поставить.

Закончу еще двумя вопросами. Прежде всего, вопрос о профобре. Мне думается, что мы упускаем один момент, когда говорим о профобре. Сейчас, в связи с шахтинским делом, в связи с теми уроками, которые мы имеем, вопрос о подготовке специалистов имеет громаднейшее значение. Но как у нас обстоит дело с профессионально-техническими школами? У вас у всех они имеются. Сумели ли мы, помимо той голой критики, которая часто раздается по нашему адресу со стороны неосведомленных товарищей-хозяйственников, сумели ли мы связать профтехническое образование с рабочей общественностью настолько, чтобы эта широкая рабочая общественность своей деловой критикой и поддержкой оказывала нам необходимую помощь и содействие? Этого, к сожалению, пока еще нет. У нас существует ряд формальных положений, которые говорят, как нужно привлекать хозяйственников, рабочих, но к нам никто не приходит.

Мы до сих пор не сумели поднять вокруг этого вопроса соответствующего шума, не смогли заинтересовать понастоящему рабочую общественность, чтобы она принимала участие в нашей работе, интересуясь, какой командный состав, каких инженеров, каких техников готовят наши вузы и техникумы. Ничего этого пока нет. И вот это отсутствие широкой рабочей общественности вокруг профтехнического образования порождает, с одной стороны, отсталость и изъяны в самом профтехническом образовании, с другой стороны,—ту неверную критику, которая может довести, а иногда и доводит, до того, что все профтехническое образование пытаются разобрать по отдельным ведомствам. Если этого пока еще нет в целом, то это может иметь место в недалеком будущем. И здесь у Главпрофобра есть очень большой изъян! Кому-кому, а ему нужно было этот вопрос поставить совершенно четко и ясно.

Несколько слов о политпросветработе. Здесь одна беда. Пора сказать, что сейчас, при теперешнем культурном и экономическом росте деревни, который бесспорно есть, изба-читальня и ликпункт, а это основные передовые пункты политико-просветительной работы в деревне, что они по своему масштабу, постановке, по условиям и задачам, которые они преследуют, не отвечают сегодняшним культурным требованиям деревни. Деревня выросла, она переросла избача, избу-читальню. И до тех пор, пока мы не подойдем к пересмотру той системы, которая у нас сейчас существует, мы не выйдем из кризиса, какой сейчас переживает политико-просветительная работа.

Вопрос о беспризорности. Анатолий Васильевич ничего не сказал по этому поводу. Создалось такое впечатление, что этот вопрос снят с повестки дня. Но, помоему, этот вопрос не только не снят с повестки дня, но он перешел в чрезвычайно важную фазу. Мы в значительной степени справились, даже в Москве, с удалением беспризорных с улиц. Но выполнили ли мы основную задачу в деле борьбы с беспризорностью—задачу превращения безпризорного в общественно-полезного человека, не сидящего на государственной шее? Я думаю, что нет. Этой задачи мы еще не решили. В наших домах немало сидит переростков, ни к чему не годных, не приспособленных людей. У нас в Москве такого добра сколько угодно. Вопрос о выпуске в жизнь из дет. дома, о создании прочной сети детских учреждений, которые подготовляли бы способных к труду людей и освобождали бы государство от заботы в отношении их по достижении ими определенного возраста—этот вопрос не только не снят с порядка дня, но он еще как следует не поставлен и не решен.

В заключение я должен сказать следующее. Если мы действительно хотим добиться успеха на том участке культурного фронта, который называется народным образованием, и на фронте культурной революции в целом, то нам надо подумать над организацией вокруг дела народного образования вообще такой широкой рабочей общественности, опираясь на которую мы могли бы притти к положению, при котором

наши резолюции, наш голос не был бы гласом вопиющего в пустыне. Эту рабочую общественность нам уже пора создать. То, что у нас существует ОДН, Друг детей и т. п.,—всего этого мало в сравнении с тем, что нам нужно и что можно сделать. Мы теперь действительно можем заинтересовать рабочий класс вопросами просвещения и культуры. Он поставил вопросы культурной революции, и мы должны его заинтересовать возможно шире, именно, надо создать твердую общественную опору вокруг дела народного образования, вокруг наших органов. Это тем более необходимо сделать, что без такой общественной опоры мы будем биться как рыба об лед. Я думаю, что об этом следовало бы Анатолию Васильевичу сказать в заключительном слове.

Голышев (Сибирь). Товарищи, в докладе Анатолия Васильевича и в тезисах по докладу дана совершенно четкая, абсолютно правильная линия дальнейшего развития советского просвещения в стране. Это обстоятельство особенно важно отметить сейчас, потому что наш съезд по существу открывает новую страницу в организации советского просвещения в РСФСР. Лозунг культурной революции в переводе на наш просвещенский язык должен означать, вопервых, более интенсивное чем до сих пор развертывание всех массовых форм культурной работы и, вовторых, уточнение классового содержания педагогической работы. Я хотел остановиться на слабых сторонах нашей культурной работы, чтобы нам вместе наметить пути исправления их. Если взять основное звено нашей работы—массовую школу I или II ступени, взять не только в городах, но и в наших рабочих районах, то мы увидим неуклонное падение удельного веса детей рабочих, обучающихся и воспитывающихся в наших школах I и II ступени. Я приведу пример Черемховского бассейна, где мы произвели анализ этого явления, передвижки социального состава на протяжении ряда лет. Цифры, характеризующие это обстоятельство, следующие: детей служащих было 15%; детей рабочих—57%, как будто бы соотношение правильное. В VI группе удельный вес детей рабочих падает до 42%. В VII группе—до 32%; в IX группе доходит до 10% и основной массой учащихся школ II ступени на Черемховском бассейне являются дети служащих. Аналогичную картину передвижки социального состава мы наблюдаем в школах деревни, где также падает удельный вес детей батрачества и возрастает удельный вес детей кулачества и зажиточных групп деревни.

Когда Анатолий Васильевич анализировал обстоятельства и причины этой ненормальной, недопустимой передвижки в социальном составе, он все свое внимание обратил на тяжелое экономическое положение деревни. Анатолий Васильевич не упомянул о тех причинах субъективного порядка, которые зависят от нас самих, от организаторов советского просвещения. Ведь причины ненормальной передвижки детей рабочих заключаются в том, что наша школа, особенно II ступени, еще схоластична и что у рабочего подростка, у бедняка и батрака нет никаких перспектив по окончании школы I или II ступени. Как мы обучаем и воспитываем в наших массовых просветительных учреждениях? Я напомню одно обстоятельство. Еще год назад работники Сибирского края, на основании учета опыта, писали в Наркомпрос о том, что формальным знаниям уделяется все внимание, что никакой воспитательной работы в наших массовых просветительных учреждениях, в школах I и II ступени не ведется. Нам ответили, что это излишняя паника. Но уже через несколько месяцев после нашего письма в речах ответственных руководителей Наркомпроса мы услыхали другие нотки.

Один из ответственных руководителей Наркомпроса, выступая на одном из ответственных съездов, заявил: «Если все последние годы на родительских собраниях мы слышали жалобы на то, что школа не учит, то сейчас картина несколько изменилась. Теперь говорят, что школа уже учит, правда, еще недостаточно, но все же учит. Теперь предъявляются другие критерии, указывают, что сейчас школа не воспитывает. Мы этот упрек принимаем и ставим перед школой задачу о

переходе ее на более высокую ступень не только учебного, но и воспитательного учреждения».

Я вовсе не хочу сказать, что мы не должны уделять никакого внимания вопросу о привитии детям необходимого объема знаний. Вопрос о знаниях является большим и основным вопросом, но попутно нельзя забывать также и вопроса о воспитании подрастающего поколения.

В области профобра, а также в области политпросветработы мы наблюдаем диспропорцию между ростом культурных запросов крестьянского и рабочего населения и нашими возможностями удовлетворить эти запросы. В Сибири проявляемая рабоче-крестьянскими массами политическая активность идет мимо избы-читальни и мимо рабочего клуба. Антисоветские элементы города и деревни пытаются использовать эту диспропорцию с тем, чтобы усилить свое антисоветское влияние на отдельные группы рабочих и крестьян. Снижение удельного веса рабочих групп и основных масс крестьянства во всех звеньях просветительной работы является фактом бесспорным. Нам нужно сейчас поставить в нашей практической работе— не только в отношении нас, организаторов, но также и в отношении всех практических работников,—задачу поднятия удельного веса рабочих, бедняцких и батрацких групп в просветительной работе.

О культурном уровне наших просветительных учреждений. Тов. Алексинский совершенно прав, когда говорит, что изба-читальня в значительной степени отстает по своему культурному уровню от культурного уровня окружающего крестьянского населения. Но это надо распространить и на другие типы просветительных учреждений. Все наши просветительные учреждения, хотя это и прозвучит парадоксом, в своем культурном уровне отстают от окружающего населения. Школа, изба-читальня, техникум, даже высшая школа,—я говорю об элементарных культурных навыках, которые должны быть присущи всякому культурному учреждению,—они все отстают от окружающего населения. Мы стоим перед угрозой задержки культурного роста рабочего и крестьянского населения. Борьба за внедрение элементарных культурных навыков в жизнь и в распорядок всех наших массовых культурных учреждений является сейчас основной задачей в свете тех положений, которые были здесь выдвинуты А. В.

О перевооружении. Анатолий Васильевич прав, когда говорит о необходимости перевооружения всех тех органов, которые с нами в той или иной степени соприкасаются. Это верно. Но Анатолий Васильевич ничего не сказал о нашем собственном перевооружении. Никто не отрицает, что вопрос финансового порядка играют в нашей работе огромную роль. Однако нельзя же все сводить только к этим вопросам. Когда мы собираемся на съезде советских просвещенцев, то мне кажется, что нам следовало бы остановиться на тех отрицательных сторонах, которые мы сейчас наблюдаем в нашей собственной среде. Зачем вообще жаловаться на Наркомфин, раз его здесь нет? Об этом уместно говорить на общих собраниях, при разрешении этих вопросов в той или иной инстанции, но когда мы собираемся здесь в своей среде, нам нужно остановиться прежде всего на своих собственных недостатках, прежде всего на необходимости организационно-педагогического перевооружения всего нашего аппарата, начиная от Наркомпроса и кончая практическими работниками просвещения. Та педагогическая активность, которая сейчас проявляется со стороны массы работников просвещения, ни в какой степени не повлияла на систему руководства просветительной работой. Ведь в основном система руководства у нас сводится к администрированию. А где педагогическая активность? Мы читаем и знаем, что партия и рабочий класс сейчас вовлекают огромные массы рабочих для участия во всех областях социалистического строительства. А много ли мы сделали в отношении практических работников просвещения, для того чтобы их вовлечь в педагогическое строительство?

Ничего не сделано. Мы продолжаем преподносить практическим работникам просвещения готовые педагогические рецепты, схемы, программы, учебные планы, но ни в коем случае не вовлекаем работников просвещения в педагогическое строительство.

О реорганизации, о которой есть решения ЦК нашей партии. Как она преломилась в наших условиях? Сократили аппарат, а система работы осталась та же самая, те же отделы народного образования, какие были прежде. Наконец вопрос о ведомственности. Мы сможем справиться с теми задачами, которые стоят перед нами, когда партия поможет и поставит вопрос о консолидации всех сил, ведущих борьбу на культурном фронте. Нет ни одной отрасли социалистического строительства, в которой проявилась бы такая анархия, как в области культурного строительства. У нас и кооперация, и профсоюзы, и отделы народного образования ведут культурную работу. Знают ли отделы народного образования, что делает кооперация и профсоюзы в области массовой культурной работы?—Нет, не знают. Я считаю, что Наркомпрос должен проявить инициативу и поставить перед партийными учреждениями вопрос о необходимости консолидации всех сил, ведущих борьбу на культурном фронте, просить партийные учреждения расставить эти силы в зависимости от важности того или иного боевого участка. Эти задачи выдвигают перед нами необходимость работы над собой. Анатолий Васильевич совершенно правильно указал на то, что сейчас вопросы народного образования требуют повышения квалификации всех кадров, всех звеньев нашей политпросветработы.

О пролетарской общественности и советском просвещении. Необходимо поставить вопрос об организации советской общественности вокруг народного образования. И тогда не будет у нас таких казусов, когда деньги, ассигнованные Наркомпросом, расходуются на мясохладобойни, что имело место на Кубани. Я не говорю уже о самообложении, которое должно остаться в пределах села, и т. д. Несомненно, за последнее время партия и правительственные учреждения начали присматриваться к работе советского просвещения. Но, пытаясь привлечь общественное внимание к делу народного образования, мы имеем в виду главным образом вопросы хозяйственного порядка. К вопросам же содержания самой педагогической работы мы общественного мнения не привлекли. Но раньше, чем привлекать общественное внимание к вопросам советского просвещения, наш VI съезд заведующих отделами народного образования четко должен отметить пути и формы нашего собственного перевооружения. Только тогда мы сможем при активном содействии рабоче-крестьянской общественности разрешить задачи, стоящие перед нами в этой области.

Дзагуров (С. Осетия). Прежде всего я должен высказать свое сожаление по поводу того, что из доклада т. Луначарского исчезли тезисы о просвещении среди национальных меньшинств. Таким образом я не имею возможности говорить по тезисам доклада т. Луначарского. Однако в письменных тезисах, розданных делегатам съезда, имеется довольно подробный перечень всех тех вопросов, которые связаны с просвещением национальных меньшинств РСФСР. Но я не буду касаться всех вопросов, а перечислю только некоторые из наиболее важных моментов, на которые необходимо обратить внимание Наркомпроса РСФСР.

Для нас имеет чрезвычайно важное значение окончательное решение вопроса о том, какой должна быть национальная школа, т. е. вопрос о типе национальной школы: является ли она четырехлеткой или же пятилеткой. На расширенном заседании коллегии Наркомпроса, на котором присутствовали делегаты, в прениях по докладу о программах Гуса всплыл и этот вопрос, причем создалось такое впечатление, что этот вопрос получил уже окончательное разрешение. Но вот мы получили 4-й номер «Народного просвещения», и там в статье по данному вопросу имеется редакторская сноска, где говорится, что данный вопрос коллегией Наркомпроса не разрешен, так как он является спорным. Хотелось бы, чтобы на настоящем съезде данный вопрос получил свое окончательное разрешение, потому что без этого мы не можем планировать дело просвещения среди национальных меньшинств.

В тесной связи с этим находится и второй вопрос: какое место должен занимать русский язык в национальной школе? Поскольку мы мыслим национальную школу, как школу на родном языке, постольку нам необходимо решить вопрос, какое место в этой школе будет занимать русский язык. Этим вопросом Наркомпрос до сих

пор не занимался, по крайней мере никаких материалов по этому вопросу у нас нет, если не считать совещания при Центросовнацмене в прошлом году. Между тем, этот вопрос имеет и чисто практическое значение. Во всех учебных планах языку отводится определенное количествво часов для начальной школы. Но при этом имеется в виду только один язык, тогда как в национальных школах имеет место изучение как родного языка, так и русского языка. На это обстоятельство следует обратить внимание.

Дальше, программный вопрос. На том же заседании коллегии Наркомпроса, где был сделан обстоятельный доклад о применении программ Гуса, о том, насколько они выдержали экзамен,—ничего не было сказано, каково положение этих программ Гуса в национальном разрезе, т. е. в применении к национальным областям. Нужно сказать, что и этим вопросом Наркомпрос до сих пор не занимался. Если мы возьмем программы Гуса и посмотрим, как они преломляются в обстановке национальных областей, входящих в состав РСФСР, то мы должны будем констатировать, что в этом отношении программы Гуса ничего не дают. Если мы решим, что национальная школа должна строиться по типу пятилетки, то вслед за этим мы должны будем подумать над тем, как применить эти программы Гуса втечение 5 лет обучения в национальной школе?

Надо отметить весьма больной для нас вопрос с изданиями на национальных языках. Представитель Дальнего Востока говорил здесь, как могут учиться в национальных школах при современном положении с учебниками. Я не могу ничего прибавить к этому. Я скажу только о том, что и как у нас сейчас издается. Прежде всего издание на национальных языках происходит без всякого плана и порядка. Издает тот, кто хочет издавать, издает то, что ему нравится. Издают все и где угодно; издает в центре Наркомпрос, издают места, так что в конце концов получается невероятная путаница. Издаются материалы, которые идеологически являются совершенно неприемлемыми, а в художественном отношении ничего не стоят. Что касается грамотности и корректурных ошибок, то в этом отношении эти издания буквально сногсшибательны. На это обстоятельство было обращено внимание Наркомпроса, однако до сих пор в этом отношении ничего еще не сделано. Необходимо, чтобы издание литературы нацмен было сосредоточено в одном месте, в соответствующих республиках. Если же этого нельзя будет сделать, то необходимо, чтобы издания на национальных языках протекали с ведома и согласия тех национальных областей, которых они касаются. А то сейчас получается такое положение, что издают, никого не спрашивая. Присылают такие издания, которые приходится задерживать на складах, так как никуда пустить их нельзя. Мы не выпускаем их на рынок, ибо в идеологическом, художественном и всяком другом отношении они не выдерживают никакой критики.

Надо отметить еще такой вопрос: имеет ли национальная школа, которую мы мыслим на родном языке, учебник русского языка, по которому можно будет проходить обучение? Я должен сказать, что в этом отношении мы очень далеко отстали от довоенного времени. В дореволюционной царской школе, которая преследовала определенные колонизаторские цели, мы имели учебники, составленные применительно к типам национальных школ. Что же мы имеем сейчас, когда перед нами совершенно другая установка, когда перед нами совершенно другие задачи? В этом отношении мы не имеем ничего. Единственно, что я видел перед отъездом на этот съезд, это учебник—я забыл, к сожалению, имя автора—русского языка для национальных школ; но этот учебник, можно сказать, выпущен только что, а до сих пор никакого учебника не было, и Наркомпрос об этом совершенно не думал. Сейчас для всех национальных школ у нас таких учебников пока еще нет. Это очередная задача, которую нам нужно будет разрешить.

Я хочу еще обратить ваше внимание на то, что национальные области в материальном отношении находятся в исключительно тяжелых условиях. По этому вопросу распространяться очень долго не приходится ввиду того, что всем известно, что по крайней мере те области, которые входят в состав Северо-Кавказского края,

имеют дефицитный бюджет. Их дефицит выражается в 75%. При таких бюджетах, конечно, нельзя говорить о сколько-нибудь нормальной постановке дела народного образования. По этой причине много раз поднимался вопрос как на краевых совещаниях и съездах, так и на местных совещаниях и съездах о том, что некоторую часть сети культурно-просветительных учреждений национальностей необходимо передать на госбюджет или же по крайней мере назначить дотацию из госбюджета. Что же мы видим на практике в этом отношении? То небольшое число учреждений, находившихся на госбюджете, например, техникумы и опорные школы, Наркомпрос снимает с госбюджета, и Главсоцвос мотивирует между прочим это тем, что местный бюджет окреп. Тут явное недоразумение, так как нельзя сколько-нибудь серьезно говорить об укреплении местного бюджета национальных областей, имеющих на 75% дефицитные бюджеты.

Луначарский. Я в первый раз не успел хотя бы кратко коснуться вопроса о просвещении нацменьшинств. Я не хочу сейчас говорить речь, но хочу сделать маленькое дополнение, касающееся общей постановки просвещения нацменьшинств. Я хочу сказать о том, что Наркомпрос считает необходимым утвердить на этом съезде не только принципиально, но и для проведения этого в жизнь.

1. Добиться строгого выполнения постановлений правительства о выделении известного процента средств из смет на просветработу среди нацмен, в частности на политпросветработу. Темп развития сети просветучреждений нацмен должен обгонять темп разития сети русских учреждений.

2. Помимо укрепления материальной базы, необходимо привлечение общественного внимания к вопросам народного образования нацменьшинств. Необходимо добиваться заинтересованности, активного участия, общественных, партийных, профсоюзных организаций на местах, с тем чтобы общественные организации и материально помогли развитию всех работ по образованию нацменьшинств, в частности по отношению политпросветработы.

3. Считать губорганы ответственными за продвижение учебников и научно-популярной литературы на родном языке в массы нацменьшинств как на средства, высылаемые из центра, так и на средства, ассигнуемые местным бюджетом.

4. Основным вопросом в области пропаганды считать вопрос антирелигиозной пропаганды, борьбу с мелкобуржуазным влиянием, пропаганду нового быта, санитарии, гигиены, советизации деревни. Непременно обратить внимание на то, чтобы планомерное развитие советской школы постепенно вытесняло конфессиональные школы, получившие в последнее время довольно значительное распространение.

5. Стремиться к переходу на родной язык всех работников нацменьшинских учреждений на местах, что должно в высокой степени содействовать успеху просветительной работы среди нацменьшинств.

6. Систематически вести переподготовку имеющихся кадров просветителей и воспитать новый кадр работников в деле просвещения, владеющих родным языком, путем бронирования мест в комвузах и вузах.

Вот те основные тезисы, которые Наркомпросу кажутся абсолютно необходимыми для проведения в жизнь, т. е. бюджетный вопрос, вопрос привлечения общественности к этому делу, вопрос о продвижении учебников и литературы, об антирелигиозной, бытовой пропаганде, о влиянии, какое должно иметь на нацмен общество просвещение, о введении родного языка в делопроизводство в тех местностях, где нацменьшинства живут более или менее сгущенно, о переподготовке и подготовке учительства и политпросветительного кадра.

Сюда не введена та часть, которая говорит о низших и средних училищах профобра, но довольно подробно это имеется в тезисах, так что мы путем выделения соответственных положений в резолюции сделаем выводы более или менее правильные.

Зорин (ЦБ ЮП ЦК комсомола). Директивы XV Партсъезда и последнего пленума ЦК требуют от нас резкой, прямой постановки вопроса о недостатках всей

нашей идеологической работы и наряду с этим особенного внимания к вопросу, как мы готовим подрастающие кадры. Я остановлюсь только на одном вопросе, который нас, комсомольцев, особенно волнует, на вопросе о школе I и II ступени, на воспитательной работе ее. Что мы имеем сейчас отрицательного в школе? Мы наблюдаем три явления, которые требуют, как мне кажется, самого серьезного внимания. Первое—это рост враждебных группировок среди учащихся и некоторая поддержка их со стороны части учительства; второе—мы имеем в ряде школ отход на позиции старых методов работы и организации учащихся и, наконец, третье—мы имеем снижение роли пионерорганизаций в школе и роли комсомольцев в школах II ступени. Я иллюстрирую это несколькими фактами. О росте враждебных группировок т. Алексинский уже говорил. В таких крупных центрах, как Москва и Ленинград, это явление сейчас сильно распространено. Мало того, в ряде нацорганизаций, в частности в Белоруссии и на Урале был обнаружен ряд вредных организаций в школе, которые находились под известным прикрытием и не получали выявления до тех пор, пока комсомольские организации не забили в набат. Распространились скаутские организации и всякие мелкие группы, принимающие определенную политическую окраску. Я приведу одну выдержку из подпольного скаутского документа, который распространялся в московской школе. Вот что скауты в своем подпольном журнале пишут: «Некоторые, например, в настоящее время отрицают мораль, как нечто абсолютное, и выдвигают узко-марксистское понимание морали. Мораль, говорят, есть то, что полезно пролетариату, что служит делу революции, и не может быть другого понятия о морали. Мы можем отнести марксистскую мораль к темным делам и причислить ее проповедников к лику служителей неправды. Тяжелое время переживает наша страна; с невероятной грубостью, дикостью и изуверством попраны самые элементарные права человека. Но не только негодяи-большевики несут угнетение, не только наша страна стонет под их гнетом, но многомиллионные народные массы несут ярмо рабства, сгибаясь под его тяжестью, и судьба целого ряда наций зависит от кучки политиканов».

Что это за идеология? Явно контрреволюционная идеология, которая сейчас распространяется среди второступенцев, причем в некоторых случаях, к сожалению, часть учительства скрывала это дело. Эти факты требуют сугубого внимания со стороны всех наших организаций и передового учительства.

Возьмем еще такой пример, как подготовка к пасхе. Сейчас в ряде школ I ступени учителя вместо того, чтобы оказать содействие форпостам в смысле проведения антирелигиозной пропаганды, уклонились, сказав: «это нейтральное дело, мы сами в стороне, вы делайте, что хотите». Некоторые учителя заявили даже, что они сами в церковь пойдут, но так как это дело частное, то школьники могут решать так, как им угодно; или, в других школах, заявили, что ничего страшного нет в том, чтобы пойти в церковь послушать хороший хор, причем говорили это таким образом, что «послушать хороший хор»—это даже с их точки зрения «по линии культурной революции»... Не знаю, как обстоит дело в других местных организациях, но думаю, что если и там хорошенько копнуть, то кое-что подобное можно обнаружить и там.

О методах работы школы. Недавно мне пришлось присутствовать на одном из обследовательских заседаний в одной из рабочих школ Москвы. Эта школа выросла в непосредственной связи с заводом. Там была сделана попытка построить подлинно фабрично-заводскую семилетку. И вот, в результате разговоров о переходе на формальную учобу, оказалось, что материал завода в программе школы почти отсутствует. Между тем года три или даже два назад материал завода был именно тем материалом, который привлекал ребят. Мы стали расспрашивать педагогов, как это случилось, что материал завода вдруг выпал, тем более, что в этой школе имеется сравнительно сильное партийное ядро. Нам ответили: «Да, знаете ли, видите ли, нажим со стороны ОНО, нажим со стороны общественности и партийной ячейки, которая дала директивы о необходимости повышения успеваемости школьников», и т. д. На наш вопрос: «неужели новые программы Гуса не дают возможности совместить формальную учобу с материалом завода?», коммунисты ответили, что они

поступили опрометчиво, совершили оплошность, но присутствующие тут же беспартийные заметили: «да как же, мы работали в комиссии ОНО, и там особенно нажимали на литературу, на то, чтобы показать мастерство при преподавании уроков литературы».

Таким образом создается такое положение, что на уроке литературы при прохождении того или другого писателя учитель дает объяснение соответствующей данному писателю эпохе раньше, чем проходится эта эпоха обществоведом. Преподаватели литературы в большинстве не марксисты и не коммунисты, и поэтому ясно, что они объясняют эпоху соответственно своему складу мыслей. И вот в этих школах приходится пионерам специально созывать заседания и говорить по поводу юбилея Толстого, Горького, говорить о необходимости занять определенную позицию при изучении того или иного писателя, а также о необходимости возражать учителю, когда он дает неверное освещение эпохи. Я повторяю, что в ряде школ, даже хороших рабочих школ, где имеется влияние коммунистов, у нас замечаются уклоны в сторону формальной учобы.

Остановлюсь еще на некоторых моментах, относящихся к методам работы. Я имею в виду наказания, отметки, задавание уроков на дом. Вот в Минске было обследовано 2 000 учащихся школ-семилеток, причем выяснилось, что в среднем учащиеся II ступени получают на дом заданий на 29 часов в неделю, т. е., по 5 часов на каждый день. Ведь это просто ужас. 5 или 6 часов в школе и около 5 часов вне школы. Никакой борьбы с этим вести невозможно, потому что программа перегружена и от педагогов требовали формальных знаний. При переходе ученика из одной школы в другую, к нему предъявлялись требования вроде того, что он должен знать такие-то стихотворения или рассказы, в противном случае его не принимали в школу.

На местах существуют так называемые классные наставники. Мы открыто говорим «классные наставники», а товарищи из центра заявляют: «классные групповоды». По какой линии это идет? Это идет не по линии развития детской общественности в школе, а по линии насаждения начальников, которые могли бы индивидуальным способом влиять на тех или других учащихся, «беседовать с родителями о поведении и успехах» и т. д. Мы считаем, что это неправильная линия. С этим нужно бороться. Чтобы подтвердить, что это не просто наши измышления, я приведу из «Учительской газеты» статейку о «Педагогическом такте». О чем в этой статье говорится?—«Инженер имеет дело с техником, мастером, рабочим, но техник, мастер, рабочий—это субъекты производства, объектом же является технический процесс в цеху. В профессии педагога объектом производства являются в школе маленькие люди».

Что это за идеология? Какие это предложения? Это старые предложения о том, что дети являются только объектом производства воспитания, что они не являются также и субъектом воспитания. И под этой статьей мы видим подпись т. Пистрака: товарищ из центра дает такую линию. В этой статье нет ни слова о детской самоорганизации. Так что методы работы требуют самого серьезного внимания.

О снижении роли пионеров и комсомольцев в школах говорят все, а т. Луначарский, выступая с докладом об очередных задачах народного просвещения, ни слова не сказал ни в тезисах, ни в своем докладе о детской самоорганизации, о роли пионеров и комсомола в школе, в то время как мы видим оживление враждебных группировок в школе и снижение роли детских организаций, уклоны в сторону старых методов. На кого же Наркомпрос будет опираться в воспитательной работе школы, как не на пионеров, комсомольцев и передовое учительство? Особенно серьезно стоит сейчас вопрос о детской самоорганизации. Без этого мы не сможем поставить школу на действительно правильный путь. Вот почему мы считаем, что на это обстоятельство следует обратить сейчас сугубое внимание.

Что мы предлагаем в смысле очередных директив по линии народного образования? Мы предлагаем прежде всего такую простую элементарную вещь, которой нет ни в докладе т. Луначарского, ни в его тезисах. Это—в в е д е н и е т р у д а в

школу, действительную подготовку к трудовой жизни, что так необходимо в период индустриализации нашей страны.

Пора на 11-м году революции переходить к трудовой школе, к постановке труда в школе. На это нужно нажать сейчас во что бы то ни стало, особенно в период индустриализации. Нам нужны коммунисты, а коммунисты без коллективного труда не создаются. Второе—надо развивать в школе общественно-полезный труд; третье—надо развивать общественно-политическую работу, детскую общественность, надо повысить роль детских и юношеских коммунистических организаций. Поменьше разговоров о групповодах. Необходимо создать такие условия, при которых было бы обеспечено поднятие активности детей, поднятие активности молодежи. Нужна ясная политическая линия в вопросах воспитания в соответствии с очередными задачами, поставленными партией. Надо двигаться вперед, а не топтаться на месте.

Кудряшев. (Орел). Период между 5-м и 6-м съездом ОНО характеризуется прежде всего величайшим интересом со стороны рабоче-крестьянских масс к делу народного образования. Это иллюстрируется рядом фактов, особенно по линии ликнеграмотности. Если до нынешнего года со стороны крестьянства мы встречали не только нейтральное, но даже враждебное отношение к ликпунктам, когда нам указывали, что гораздо правильнее открывать школы I ступени, то в этом году мы имеем такое положение, когда наши ликпункты оказались переполненными, несмотря на то, что отсеяли возраст до 14—15 лет в школы переростков Главсоцвоса. На всех крестьянских собраниях и съездах мы постоянно видим очень внимательное отношение к делу народного образования. Ассигнования на дело народного образования вследствие этого растут. Например, наша Орловская юбилейная сессия вынуждена была принять решение о том, чтобы открыть в каждой волости школу повышенного типа,— этого потребовали делегаты-крестьяне, несмотря на то, что расход выражался в 200 000 р. Ясное дело, что не все обещания, которые нам даются, будут выполнены, но часть из них под напором рабоче-крестьянских масс—бесспорно. Как нам удовлетворить те культурные потребности, которые возникают со стороны масс, ни в докладе, ни в прениях этот вопрос не освещен. По докладу о пятилетке на XV съезде партии т. Рыков сказал, что товарный голод, который у нас есть, не будет изжит в ближайшие 2—3 года, а может быть, и втечение 5 лет. Здесь встает вопрос о перенесении потребностей населения в другую область, в частности в область культурного строительства, культурных запросов. Культурный голод сейчас есть. Наша задача заключается в том, чтобы использовать это настроение. Имеются ли для этого возможности? Бесспорно имеются. Самообложение в этом году мы провели довольно скверно, потому что кампания проходила быстро, и те средства, которые мы получили, были использованы на ремонт школ и ряд других нужд, которые должны были удовлетвориться по местному бюджету. В будущем нам нужно добиваться, чтобы эти средства пошли по тем линиям, которые труднее всего провести по бюджету. В «Известиях» была заметка о том, что духовенство на одном заводе сумело сагитировать рабочих на 40 000 р. на постройку церкви. Это показывает, что мы плохо работаем, если попы умеют получать 40 000 р., а мы не можем получить хотя бы 20 000 р. на постройку школы, народного дома, на постройку хорошего детского театра и т. д. Мы вообще сделали очень мало в смысле продвижения книг и газет в массы, ничего не делаем для того, чтобы удовлетворить их культурные запросы. Наша кооперация научилась сейчас торговать мануфактурой, селедками и пр., но она еще не торгует книгами, не торгует ни приспособлениями для радио, ни приспособлениями для кино и т. д. Нельзя провести все это исключительно за счет бюджета. Почему не поставить вопрос о том, чтобы наша кооперация занялась разрешением этих задач, или вообще почему не выдвинуть вопрос о создании культурной кооперации, которая бы удовлетворяла культурные потребности населения. Бояться вредных идеологических влияний при диктатуре пролетариата не приходится. Дальше я отвечу представителю комсомола. Он почему-то страшно испугался роли групповодов в нашей школе. Наоборот, мы групповода не мыслим как прежнего классного наставника. Каждая группа в школе

имеет свои особые интересы. Нужно, чтобы кто-нибудь возглавлял эти группы. Важно, чтобы кто-нибудь сговаривался с родителями, чтобы кто-нибудь докладывал об успехах и о работе группы. Не нужно видеть в них бывших классных наставников. Если мы правильно возьмемся за это дело, то я считаю, что групповодам предстоит большая роль в организации педагогического процесса.

Головацкий (Ленинград). Анатолий Васильевич ни в своем докладе, ни в тезисах совершенно не коснулся такого важного вопроса, каким является вопрос о втором концентре II ступени. Мы видим натиск на II ступень со стороны ЦК комсомола, который в своих тезисах к Всесоюзному съезду говорит о необходимости ликвидации 8-х и 9-х групп девятилетки. Эта мысль поддерживается значительным количеством хозяйственников по линии ВСНХ и отчасти по линии профсоюзов. Об этом же говорит ряд статей в последних номерах журнала Наркомпроса «На путях к новой школе», в частности статья профессора Пинкевича. Все это вызывает у нас, ленинградцев, большую тревогу за судьбу политехнической школы. Замалчивать этого вопроса нельзя.

Данный съезд не может отнестись к этому вопросу безучастно. Мнение настоящего съезда и мнение официальных руководителей Наркомпроса по данному вопросу должно быть высказано, ибо мы не можем оставаться зрителями, когда об этом говорят так много.

Конечно, II ступень имеет много недостатков. Об этом говорил т. Алексинский, представитель комсомола и другие. Но если мы сравним данные об удельном весе и росте, то вполне ясно станет для нас, что мы не только не можем итти на сужение девятилетки до семилетки, но наоборот, должны поставить вопрос о расширении ее. Что мы видим по статистическим данным за прошлый год? Как развивается школа-девятилетка? За последние годы число школ-девятилеток возросло на 18,3%, в то время как число школ I ступени возросло меньше чем на 6%. Число учащихся во II ступени возросло на 15,8%, а в I ступени—на 3%. Почему это происходит? Неужели только потому, что мы на местах расширяем школы I ступени за счет неимеющих первоначального обучения? Конечно, нет. Это происходит потому, что на местах наблюдается сильная тяга со стороны рабочих в школу II ступени. И эти цифры, взятые из официального источника, лишний раз показывают необходимость укрепления девятилетки.

Обыкновенно говорят о плохом социальном составе девятилетки. Тт. Алексинский и Голышев приводили здесь цифры в подтверждение того, что число рабочих в старших классах катастрофически падает. Я думаю, что в таких случаях все делают одну чрезвычайно серьезную ошибку. Товарищи берут число рабочих только за последний 1928 год. Но если вы возьмете число рабочих за 1918, 1919 и 1920 гг., т. е. годы, когда дети рабочих начали учиться, то увидите, что число их уменьшается не так уже катастрофично и не в 15 раз. Что же говорят официальные цифры о социальном составе школ? Здесь мы имеем чрезвычайно любопытные данные за 1926/27 учебный год. Взяты они в масштабе РСФСР. I группа—6,1%, V группа—число детей рабочих растет с 6,1% до 18%. Что касается девятилетки, то там число детей рабочих колеблется в пределах 28—30%, т. е. в старших группах число рабочих увеличивается. Если мы сравним этот процент рабочих, который мы имеем в девятилетке, с процентом рабочих в техникумах и вузах, то мы получим такую картину: в техникумах число рабочих составляет 21,1%, а в вузах—25,4%. Отсюда следует, что в нашей девятилетке в отношении социального состава не так уж плохо обстоит дело, как хотят представить товарищи, ибо, по данным Наркомпроса, наибольший процент рабочих падает на девятилетку, где он больше, чем в техникумах и в вузах.

Заменить девятилетки техникумами мы не в состоянии. В различных техникумах обучается сейчас 81 000 человек, а в девятилетках свыше 700 000. Здесь выхода нет.

Таким образом, отлично сознавая все те недостатки, которые имеются, мы должны работать над их исправлением и в то же время дать решительный отпор тем нападениям, которые сейчас имеют место в отношении второго концентра II ступени,

и в дальнейшем уделять девятилетке гораздо больше внимания и средств. Вместе с тем необходимо поставить вопрос о 10-м годе обучения, ибо сейчас требования настолько повысились, что в девять лет с ними не справиться.

Второе, на что я хотел бы здесь указать, касается вопроса о всеобщем обучении. Анатолий Васильевич ни в тезисах, ни в докладе не указывает вполне точно и определенно ни срока проведения всеобщего обучения, ни необходимости оказания этому делу материальной помощи из госбюджета. На местах раздаются голоса относительно того, что к 1933/34 г. провести всеобщее обучение нельзя будет, что для этого потребуется гораздо более длительный срок. Необходимо услышать отсюда авторитетное заявление главы Наркомпроса, что будут приняты все меры к тому, чтобы выполнить это задание в срок.

С другой стороны, необходимо подчеркнуть, что провести всеобщее обучение только за счет местного бюджета—это совершенно немыслимая вещь. Когда мы подсчитывали по Ленинградской области, то оказалось, что для того, чтобы с будущего года провести всеобщее обучение планомерно, необходимо увеличить наш областной бюджет почти на 60%. Конечно, вы сами понимаете, что ни один бюджет втечение одного года не увеличивается на 60% и увеличиться не может. И здесь встает вопрос об оказании определенной помощи. Те показатели, которые были опубликованы Наркомпросом, показывают, что Ленинградская область является наиболее благополучной в отношении бюджета и стоит на первом месте. Но эти показатели основаны на недоразумении. Там взяты область и Ленинград, если же взять только область, то получится колоссальная разница. Если в самом Ленинграде мы имеем на 1 душу населения на народное образование 13 р., а вместе со средствами профсоюзов и НКПС около 20 р., то в некоторых округах области расходы на одну душу населения составляют всего 2 р. 40 к.

Таким образом из всего сказанного вытекает необходимость зафиксировать в наших резолюциях о введении всеобщего обучения следующие положения: 1) надо твердо фиксировать срок его проведения; 2) надо усилить оказание материальной помощи из госбюджета на это мероприятие и 3) надо построить план всеобщего обучения для городов и фабрично-заводских поселков не на четырехлетке, а на семилетке. В Ленинграде мы это положение уже провели через соответствующие директивные органы, причем больше 50% школ I ступени в этом году превратили в семилетки, сохранив тем детей рабочих в школах.

Баишев (Киргизреспублика). Тов. Луначарский в своем докладе говорил, что мы за этот период времени имеем колоссальные достижения в деле народного просвещения и наряду с этим мы имеем ряд пробелов и недочетов в нашей работе. С такой постановкой вопроса, в особенности нам, отсталым в культурно-экономическом отношении республикам, приходится соглашаться почти на 100%. За этот короткий период времени мы, по сравнению с тем, что было в царское время, конечно, ушли далеко.

Масса всколыхнулась. Она уже предъявляет большие требования, но часто в силу слабости нашей финансово-материальной базы мы их запросы удовлетворять не можем. Для того чтобы доказать это, я ограничусь приведением некоторых цифровых данных. Например: при царизме у нас охват детей школами I ступени не превышал 4%, теперь этот охват доходит до 47%, правда, в этом числе есть ребята старшего возраста. Школ I ступени было 70, из них 5—6 миссионерских—для коренного населения, а остальные были для детей зажиточного элемента европейского населения; теперь мы имеем свыше 500 школ. Тогда на нужды народного просвещения расходовалось до 200 тыс. р., теперь этот расход доходит до 31/2 млн. рублей, и в конечном результате в наследство нам от царского правительства было оставлено 97% неграмотного населения.

О некоторых недочетах нашей работы.

Как вам известно, в этом году была директива о сокращении административных расходов. Как это водится спокон веков, такие мероприятия в первую очередь начинают проводить с органов народного просвещения. В частности в нашем Нар-

компросе в истекшем году было 40 штатных единиц, в этом году оставили 28, а в кантонах сократили политпросветинспекторов. В результате в этом году у нас в кантонах провалилась политпросветработа. Между тем как политпросветработа, в особенности по ликвидации неграмотности, в наших условиях, где неграмотность превышает 90% и где среди членов сельсоветов неграмотность достигает 87%, имеет колоссальное и решающее значение.

Такие же ошибки допускаются часто и по остальным звеньям нашей работы. Это недопустимо. После решения XV Партсъезда с этими тенденциями, слепотой наркомфинцев нам придется вести решительную борьбу и создать перелом, вернее говоря,—культурную революцию в умах некоторых аппаратчиков.

Теперь об инспектуре, о руководящем составе. Мы еще этого кадра не создали, и трудно его создать, нет базы.

У нас 98% коренного учительства с низшим образованием, они были подготовлены нами после революции через разные краткосрочные курсы. Поэтому из их числа не представляется возможным выдвигать кадр на командную и руководящую работу. Положение руководящего состава ОНО во всех отношениях тяжелое. На эту работу хорошие учителя не идут или же убегают обратно из аппарата в школу. Во время съезда завоно, состоявшегося в этом году в марте, у нас в республике, все завоно просили освободить их от заведывания. К ним со всех сторон предъявляют большие требования, они физически с своей задачей не справляются. Ни одна кампания на местах без их участия не проходит. Иной раз целые месяцы в аппарате их не бывает, а на их месте сидит кто-либо из технических работников ОНО. Такое положение срывает всю нашу плановую работу. Здесь надо что-то сделать. Наркомпросу и Совнацмену необходимо в дальнейшем позаботиться о подготовке и переподготовке инспектуры в национальных республиках. Мы сами организовать для них какие-либо курсы не в силах. Наряду с этим следует усилить руководство работой инспектуры нацмен, улучшить ее материальное положение и пересмотреть норму нагрузки инспектуры. В наших условиях 60 учреждений на одного инспектора много; мы считаем, что в кочевых районах должно быть 30, в оседлых 40 учреждений, причем в каждом районе, независимо от числа учреждений, должно быть не менее одного инспектора ОНО.

О бюджете. По местному бюджету мы, правда, растем, зато по госбюджету наша республика занимает самое последнее место. И если Наркомпрос в дальнейшем при распределении своих средств будет тащить нас в самом хвосте, то, конечно, мы никакого плана по всеобщему обучению осуществить не сможем. Поэтому Наркомпросу в дальнейшем при распределении своих средств необходимо обратить особое внимание на отсталые края и республики с тем, чтобы можно было закрепить определенное положение в работе и продвигаться вперед так, как жизнь от нас этого требует.

О школьном строительстве. Тов. Луначарский сказал, что мы плохо воспитываем. Это верно, но может ли школа, которая не имеет даже более или менее подходящих зданий хорошо воспитывать? У нас получается такая картина. Наркомзем бракует какую-либо конюшню, ее потом предоставляют под школу. У нас есть ряд школ, которые занимают помещение хуже конюшни,—хороший скотовод не держал бы в этих мазанках своего скота. Мы принуждены там устраивать свои школы, потому что население требует открытия школ и расширения комплектов. Иногда доходит до того, что местное городское население бьет стекла в помещении Наркомпроса (смех).

Может быть, положение смешное, но ничего не сделаешь: эти факты налицо, незачем их скрывать, потому что наше население культурно-отсталое и поэтому допускает такие вещи. Мы в этом году взяли курс на закрепление существующей сети, ибо расширять сеть школ, не обеспечивая их хоть немного материально, не было никакого смысла. Школьное строительство у нас является одним из больных мест. В этой области мы еще сделали очень мало. Нужны поддержка центра и увеличение ассигнований по госбюджету.

Об учебниках. До сего времени Совнацмен Наркомпроса в отношении соста-

вления учебников национальных республик никакого руководства не вел; в дальнейшем, по нашему мнению, нужно было бы обратить на это серьезное внимание. Я считаю необходимым, чтобы в будущем Наркомпрос уделил особое внимание вопросу строительства в отсталых республиках, вопросу увеличения процентного участия в госбюджете, вопросу о подготовке кадра инспектуры. Наркомпрос должен добиваться увеличения ассигнований на ликвидацию неграмотности. Он должен усилить руководство работой наркоматов национальных республик, чутко прислушиваться к их запросам и следить за исполнением директив партии и правительства, даваемых по укреплению позиции культурного фронта в нацреспубликах.

Перель. (Урал.) Анатолий Васильевич в своем большом докладе и НКП в своей работе за последние 2 года после предыдущего съезда заведующих отделами народного образования правильно и достаточно исчерпывающе ориентировал нас в области строительства советского просвещения. Я думаю, что все основное в смысле направления, в смысле руководства сказано Наркомпросом. Наша задача сейчас—указать на те недочеты, на те трудности, которые имеют место в нашей работе и которым должно быть уделено максимальное внимание со стороны всех органов народного образования и со стороны Наркомпроса прежде всего.

И, когда мы подходим к нашим задачам с точки зрения трудностей и того, что мы должны преодолеть, то естественно, что мы говорим в тоне несколько пессимистическом. Но это не значит, что мы забываем о достижениях советского просвещения. Мы часто в своей повседневной работе говорим об этом советской общественности и нашим руководящим органам. Но нам всегда напоминают: «Вы не увлекайтесь тем, что у вас много достижений, думайте больше о ваших недочетах». Я думаю, что это правильно. И если нас иногда ругают больше, чем следует, то это тоже не плохо, потому что задачи у нас большие и огромные, а действительность наша еще настолько бедна, что требуются поистине героические усилия для того, чтобы придвинуться ближе к той цели, которая называется культурной революцией.

Под этим углом зрения понятны наши бюджетные сетования, понятен пессимизм, который сквозил в некоторых выступлениях товарищей. Подробнее об этом мы будем говорить по докладу т. Ходоровского о бюджете. Но вместе с тем об этом нельзя не говорить и по докладу Анатолия Васильевича. На местах, подчас нет того настроения, которое предопределяет немедленное практическое осуществление задач культурной революции. Нет в решениях по нашим докладам совершенно четких и твердых указаний и обещаний насчет того, что мы сделаем в ближайшее время тот скачок, который только и поможет нам выйти из того положения, в котором мы находимся. А без скачка мы ничего не сделаем. Если мы будем продвигаться в отношении материального обеспечения наших учреждений обычным темпом, то провалим культурную революцию в ближайшее время.

У меня лично существует такое убеждение, что мы практически не подготовили наши руководящие органы к тому, чтобы они содействовали нам совершить определенный скачок по линии народного образования. И Наркомпрос должен это учитывать. Есть и другие симптомы относительно того, что наша работа, которая является основным звеном в культурной революции, недостаточно учитывается. Когда делают доклады о культурной революции у нас очень много говорят о бане (это тоже культурная революция), о пьянстве (это тоже культурная революция), о сквернословии и т. д., но очень мало говорят о том, что является основным звеном культурной революции, без чего не может быть борьбы с пьянством, борьбы с сквернословием, борьбы с грязью. Всеобщее обучение—ликвидация неграмотности, подготовка новой квалифицированной рабочей силы и т. д., если и не отодвигается на задний план, то во всяком случае этим вопросам отводится чрезвычайно небольшое место в руководящих выступлениях по вопросу о культурной революции. Но при всем этом у нас есть полная надежда, что это дело исправляется.

Вместе с тем нельзя упускать из виду, что рабочие и крестьяне требуют от нас повышения качества нашей продукции, независимо от того, получили ли мы больший процент по бюджету или нет. В этом отношении у нас дело не совсем

благополучно. Сейчас очень много говорят об изъянах воспитательной работы в школе. Мне кажется, что здесь имеется одна опасность, которую необходимо сейчас сигнализировать. В связи с тем, что мы в последнее время, как говорил Анатолий Васильевич, повели «классовую борьбу» за ребенка, мы слышим со стороны некоторых работников такие нарекания, что мы слишком увлекаемся образовательной работой и даже перегнули в этом отношении палку. С упреком говорят о том, что мы слишком много уделяем внимания формальной учобе и совершенно забыли о воспитательной работе. Я думаю, что такие разговоры неправильно нас ориентируют. У нас еще не все сделано в области образовательной работы, у нас еще слишком плохо пишут, читают и считают, чтобы мы могли сказать, что в этом отношении в нашей школе все обстоит благополучно и что эту область мы можем оставить в стороне, передвинув уже все свое внимание на другой фронт. Другой фронт тоже важен, но мы еще не преодолели и первого фронта. Этого нельзя забывать.

Но одновременно с этим нам необходимо сделать упор и на вопросах «классовой борьбы» за ребенка. И у нас на Урале в этом отношении далеко не все еще благополучно. Мы имеем случаи возмутительного хулиганства в школе, мы имеем наличие подпольных ученических организаций в школе, даже в фабричных центрах. Этот вопрос я хотел бы осветить под углом зрения работы учительства. Я далек от того, чтобы говорить о необходимости какого-то нажима на наших учителей. Мы будем всюду и везде отстаивать правовое положение учителя, мы будем всячески защищать учителей, но нельзя упускать из виду того, что учитель остается душой школы и он прежде всего отвечает за правильное воспитание детей. Мне думается, что учитель еще не осознал в достаточной мере этой своей задачи в школе. Мы недавно на Урале провели очень широкую дискуссию на тему: «Семья, улица и школа». На большом диспуте присутствовали учителя, родители и представители советской общественности. Все упрекали учителей в том, что они не смотрят за детьми, не воспитывают их и т. п. И характерно то, что учителя, защищаясь, меньше всего говорили о своих ошибках и о том, что им должна помогать советская общественность, а больше говорили о том, что они получают хулиганов из семьи. Один даже договорился до того, что коммунисты дают наибольший процент неорганизованных детей и хулиганов (с м е х). Такой уклон совершенно недопустим и неправилен в среде нашего учительства. Как реагирует иногда учительство на наши требования о поднятии качества школьной продукции? В Свердловске распространился слух о том, что Московский отдел народного образования отменил комплекс, что там ограничиваются только формальными навыками. Этому обрадовались. На одном собрании одна учительница заявила—«теперь, наконец, можно будет свободно вздохнуть». Появилась на Урале довольно скверная книжка из Украины «против комплекса», и характерно то, что ее стали усиленно выписывать учителя. Отсюда вывод—мы должны больше работать с учительством, мы должны больше вовлекать его в общественную работу. В частности, городских учителей мы крайне мало вовлекаем в общественную работу.

Несколько слов относительно нашей классовой политики. Я думаю, что товарищи несколько перегибают палку, когда говорят в резко пессимистическом тоне об этом. Здесь имеет место слишком большой перегиб. У нас везде, мол, снижается процент рабочих и крестьян. Некоторые упрекают нас в том, что у нас неправильна классовая линия. Это неверно. Я недавно сделал статистическое обследование 120 фабрично-заводских районов Уральской области с точки зрения охвата детского населения. Что же оказалось? Мы имеем на Урале средний охват детского населения в 62%, а в фабрично-заводских районах в среднем 80%, а во многих местах 90%.

Остро стоит сейчас вопрос о повышенной школе. Когда я приехал в Златоуст, меня просили помочь в деле организации повышенной фабрично-заводской школы. Но что стоит это дело? В одном центре организовать повышенную школу стоит 800 000 р., а мы получили от Наркомпроса на все школьное строительство, при-

мерно, такую же сумму. Вопрос относительно классовой линии в области повышенной школы разрешается чрезвычайно трудно без денег.

О политико-просветительной работе. Товарищи из Главполитпросвета упрекают нас в том, что мы забываем политпросветительную работу. Я считаю, что это неверно. Мы имели на Урале увеличение сети политпросветительных учреждений, увеличение норм и увеличение заработной платы. Как же могло быть снижение расходов на политпросветработу. Все упреки ГПП направлены по адресу ОНО. Но Главполитпросвет проглядел недостаточность авторитета избы-читальни и других политпросветучреждений. Мы имеем ряд серьезнейших директив относительно политпросветработы, а закреплять их практически мы не можем. Думаю, что Главполитпросвет должен в этом отношении добиться какого-то перелома.

Ильин (Цутранпрос). Тов. Луначарский, говоря об очередных задачах просвещения в свете решений XV Партсъезда, ни словом не обмолвился о тех задачах, которые стоят перед просвещенцами на транспорте.

В ряду тех задач, которые сейчас стоят перед Наркомпросом, должна занять соответствующее место также и работа просвещения на транспорте. Нужно сказать, что транспорт во всем народном хозяйстве занимает довольно большое место, поэтому просвещенческой работе на транспорте должно быт уделено соответствующее внимание.

Что мы имеем сейчас в этой области? Вы знаете, что вопрос о передаче культурно-просветительных учреждений в ведение отделов народного образования втечение 2 или 3 лет не сходит с обсуждения. Понятно, что Наркомпрос должен что-то сделать в смысле привлечения большего внимания к вопросам транспортного просвещения. Не приходится удивляться, если отдельные хозяйственные органы, в частности ВСНХ, ставят вопрос о том, чтобы профтехническое образование было изъято из ведения Наркомпроса, так как Наркомпрос не всегда уделяет достаточно внимания профтехническому образованию. При обсуждении вопроса о передаче культурно-просветительных учреждений в ведение Наркомпроса НКПС будет стоять на точке зрения оставления в его ведении учреждений профтехнического образования. Сейчас, когда стоит вопрос о подготовке квалифицированной рабочей силы, для хозяйственных органов, для НКПС вопросы профтехнического образования представляются чрезвычайно актуальными. И этот вопрос должен найти свое отражение в тех задачах, которые ставит перед собой Наркомпрос, до известной степени и в отношении транспорта.

По линии профтехнического образования мы считаем необходимым прежде всего заострить внимание на организации целого ряда курсов по подготовке красных специалистов. Этот вопрос является для нас чрезвычайно важным. Он важен не только для одного транспорта, но и для всех других отраслей нашего хозяйства. Мы на транспорте имеем довольно большую группу работников, имеющих большой революционный и производственный стаж, но не имеющих соответствующей квалификации. И понятно, что перед нами стоит задача по повышению квалификации всех этих работников, которые занимают командные высоты в нашем хозяйстве.

Организация подобного рода курсов привлекает большое внимание не только в части программно-методической, но также в части создания определенной материальной базы, так как организация такого рода курсов требует колоссальных затрат.

Затем мы считаем необходимым обратить внимание на постановку производственного обучения учащихся техникумов, профшкол и ФЗУ. Здесь ставится вопрос не только о большем и лучшем оборудовании наших мастерских, но также вопрос о соответствующей организации практики для учащихся, потому что без надлежащей постановки практики в производстве мы не получим квалифицированного рабочего, квалифицированного техника, квалифицированного инженера. В отношении организации практики для учащихся транспорта мы особенно жаловаться не можем. По нашим учебным заведениям, исключая учреждения морского транспорта, мы обеспечиваем учащихся практикой на все 100%. Но здесь встает другой вопрос—о надлежащем руководстве практикой на транспорте. Необходимость постановки

соответствующего руководства практикой учащихся на транспорте только в последнее время встала перед нами, и сейчас стоит вопрос о создании определенного кадра руководителей практикантов, разбросанных по всему транспорту.

Об общественно-политическом воспитании. Прав был товарищ, который сказал, что мы не должны все внимание уделять исключительно вопросам формальной учобы. Конечно, и в этой области у нас еще нет больших достижений, однако это не значит, что мы должны ослабить внимание к вопросам общественно-политического воспитания. Целый ряд примеров свидетельствует о том, что сейчас именно на этих вопросах нужно сосредоточить наше внимание. И совершенно верно здесь указывали, что вопросам пионерского движения необходимо уделять максимум внимания. На транспорте мы имеем некоторые достижения. Так, у нас около 1 700 платных пионервожатых. Затем, у нас ведется клубная работа. Но все это лишь частично разрешает вопрос.

Общественно-политическая подготовка учителя должна занять в нашей работе соответствующее место.

Вопрос о повышении квалификации учителей является наиболее острым. Вы знаете, что вопрос о повышении квалификации учителей в части самообразовательной работы передан в ведение профсоюзных органов и мы не можем привлекать учителей в обязательном порядке. И вот оказывается, что союзные органы могут справиться с этой задачей только при условии определенной материальной помощи со стороны хозяйственных органов, со стороны органов народного просвещения. Рассчитывать на то, что союзы сами справятся с этой задачей, нельзя. На транспорте положение тем более остро, что у нас культурно-просветительная работа на одной и той же дороге ведется несколькими союзами рабпроса. Но так как все же вопрос о повышении квалификации является весьма актуальным, то здесь органы народного образования должны притти на помощь союзам своими силами и средствами.

О повышении квалификации руководящего кадра работников. Сейчас вопросы администрирования, вопросы организационного порядка не занимают такого большого места как вопросы программно-методической работы. И в этой области у нас нет достаточно подготовленных кадров. В частности на транспорте из всех начальников отделов просвещения только около 15% имеют педагогическую подготовку.

Этот процент, конечно, весьма недостаточен. Проблема по подготовке кадра является в настоящее время, понятно, актуальной. Наконец, последнее, что я хотел сказать,—это необходимость большего внимания со стороны Наркомпроса и отделов народного образования к вопросам и нуждам транспортного просвещения.

Лиэ (ЦСНМ). Очень хорошо, что Анатолий Васильевич сказал несколько слов об основных задачах в области просвещения нацменьшинств, но очень жалко, что А. В. в своем докладе не заострил внимания всего съезда на путях просвещения нацменьшинств. XV Партсъезд требует пересмотреть различные участки нашей культурной работы, а участок работы нацменьшинств до сих пор еще остается чрезвычайно слабым. С того момента, когда Октябрьская революция призвала трудящихся всех национальностей к творческой культурной жизни, мы имеем в области просвещения нацмен много достижений, но и много ошибок, много еще недоделанного. И вот сейчас, когда речь идет о строительстве социализма и вовлечении многомиллионных масс населения нацменьшинств в это строительство, мы особенно внимательно должны следить, чтобы не получилось дальнейшего расширения «ножниц» и отставания нацменьшинств от общего уровня просветительной работы. Если мы обратимся к резолюции прошлого V съезда завоно, где говорилось, что работа нацменьшинств является неотделимой частью общей работы, то убедимся, что «ножницы» по сие время очень разомкнуты.

Первый этап нашей работы отмечается стихийным ростом работы, затем следует снижение этой работы во время голода, дальше восстановление этой работы, стадия некоторого укрепления, особенно после XII Партсъезда. Сейчас пришли к тому моменту, когда речь идет о расширении работы на одних участках, о стабилизации на других, о качестве работы во всем огромном массиве, который мы привыкли

называть нацменпросвещением. Втечение 10 лет работы мы замечаем не только колоссальный прыжок в смысле целеустремленности нацмен к знаниям, жажды культуры, но и диференциации потребностей и качества всей работы. Мы здесь в центре сталкиваемся с огромными трудностями именно ввиду этой диференциации всей работы как по линии хозяйственной, производственной, так и по линии культуры, по линии развития языка и т. д. и т. д. Правда, мы в центре обращали внимание Наркомпроса на работу нацменьшинств, и та работа, которую мы вели, диференцировалась полнее. Курс на укрепление, на улучшение—это скорее заслуга центра, а не мест, но все-таки мы здесь далеки еще от того, чтобы удовлетворить все насущные нужды и потребности нацменьшинств. Если мы сейчас говорим о том, что должны приступить к социалистическому строительству, имея в виду постоянное, действенное участие всех нацменьшинств, то здесь мы должны взять и определенный курс, который на VI съезде завоно должен быть принят не в порядке обещаний, не в порядке так называемого «внимания» в кавычках, а в порядке четкой ориентировки на усиление нацменработы. Рост сети мы наблюдаем всюду. В последнем номере журнала «Народное просвещение» в статье «Об очередных задачах просвещения нацмен» указано, что рост школьной сети, например, превышает рост общей сети, но в соотношении с охватом мы все время отстаем наполовину от общей сети. То же самое можно наблюдать по линии просветительной работы, по линии профобра. Все это говорит о том, что надо взять курс на соответствующую перестройку сети. Тов. Луначарский говорил много о качестве педагогической работы, о воспитании ребенка, о борьбе за ребенка. В нацменработе прежде всего необходимо подумать о руководстве. Руководства просвещением нацмен до сих пор на местах не было, и по материалам обследования центральной инспектуры, как национальной, так и общей, видно, что школы нацменьшинств были изолированы от общего руководства педагогическим процессом.

Мы говорим, что беднота выпадает из полного школьного курса обучения. Но если присмотримся поближе к нацменшколам, то увидим, что нацменбеднота не только выпадает, но и попадает в руки враждебных нам элементов. Мы наблюдаем в этом году рост школ конфессиональных, хедеров, так называемых «договорных» школ, нелегальных школ мусульманских, где по существу дети отрываются от советского ствола и из них воспитывается враждебный нам актив. Почему это происходит? Потому что эти враждебные нам элементы, умеющие бороться за свое дело, бросают большие суммы на ребят бедноты, выдают им одежду, обувь и т. д. Таким образом, те дети, которые ускользают из наших рук, переходят в лагерь, враждебный нам, в лагерь, действующий против нас.

Тов. Зорин из Комсомола говорил о необходимости усиления пионердвижения. Я хотела бы спросить у ЦК Комсомола, в какой мере нацменьшинства охвачены пионердвижением. Если мы в центре имеем такие явления, что у нас о нацменьшинствах забывают, то надо полагать, что на местах не лучше обстоит. Если и ведется пионерработа, то из рук вон плохо или ее совсем нет. Когда вопрос стоял о выделении суммы на издание национальной пионерской литературы, то оказалось, что из выданной Наркомпросом общей суммы на пионерскую литературу нацменьшинствам ничего не осталось. Забыли! И это в центре, а что же на местах?

А между тем пионердвижение среди нацмен—это важнейший участок воспитательной работы, и Комсомол должен этим заняться.

Политико-просветительная работа. Когда мы говорим о соцвосовской работе, то ставим перед собой определенные задачи—расширить сеть учреждений, улучшить качество работы. Эта работа имеет свою традицию, в этой области очень много сделано в центре, в большинстве учительские кадры переподготовлены. Ведется определенная и систематическая методическая работа. Но значительно хуже обстоит дело с политико-просветительной работой,—и в смысле того, что за этот участок мы взялись позднее, чем за другие, и в смысле того, что на местах нет почти никакого руководства, никакой поддержки и никакого контроля. Мы сделали ставку на советизацию восточной женщины. Мы взяли курс на укрепление нашей

политико-просветительной работы, но на местах эта работа проводится муллой, раввином и ксендзом. Мулла организует женщин около вопросов домоводства, около сепараторов, отвлекает от работы около политико-просветительного учреждения и создает против нас тот актив, которому он сумеет в нужную минуту оказать необходимую денежную помощь, дать совет. И с этим нам приходится бороться пост фактум, вместо того чтобы правильно строить и правильно вести политпросветработу нам самим.

Сейчас мы ведем большую борьбу за внедрение латинского алфавита. Это явление колоссальной исторической важности. Все то, что связывало раньше всех мусульман со старой арабской культурой, все это вдруг рухнуло. Латинский алфавит дает возможность приобщить восточные национальности к социалистическому строительству. Но этот вопрос требует колоссального внимания на местах. Я бы сказала, что мы развязали темные силы на местах, и сейчас нам приходится вести с этими силами упорную и жестокую борьбу. Конечно, только путем длительной политико-просветительной работы нам удастся побороть все нездоровые явления и справиться со стоящими перед нами задачами.

Товарищ из Киргизской республики чересчур преувеличивает значение Совнацмена, когда думает, что мы можем подготовить для всех национальностей необходимые учебные пособия и кадры работников. Это неверно. Это должны делать республики. Мы имеем по РСФСР населения нацмен 15 миллионов, и если нам удастся при колоссальном напряжении всех сил и средств и часто при весьма ограниченных возможностях обслужить их, то это будет хорошо, даже очень и очень хорошо. Если у нас переподготовлены кадры имеющихся учителей, то мы считаем это большим достижением. Но у нас вместе с тем имеются еще большие недочеты в смысле возможностей обеспечения школы учительством. Возьмем всеобщее обучение. Для проведения всеобщего обучения нам нужно 32 000 учителей. В то же время все наши техникумы выпустят в этом году 700 учителей. При таком темпе до 1934 г. мы не сможем закончить проведение всеобщего обучения, ибо у нас просто не хватит подготовленных учителей. Вот почему на подготовку учителей для проведения всеобщего обучения нам следует обратить усиленное внимание. Надо сказать, что проблема всеобщего обучения имеет совершенно исключительное значение. Правда, перед нами стоит целый ряд больших задач, но всеобщее обучение по праву занимает первое место. Не меньше внимания надо уделить и ликвидации неграмотности, ибо проведение этих двух задач поможет нам укрепить всю просвещенскую и всю политико-просветительную работу.

Барсуков (Нижний-Новгород). Когда думаешь о проведении всех сложных задач культурной революции, о которых здесь говорил А. В. Луначарский, то невольно возникают два вопроса. В какой мере во всей своей сложности, во всем своем содержании понимаются все эти задачи не только нашей советской и партийной общественностью, но и широкими массами тех работников просвещения, которыми мы руководим. Это первый вопрос. И второй вопрос—хочется полнее представить себе ту обстановку, в которой нам приходится сейчас работать.

Надо отметить, что не только работники просвещения, но даже руководители, и не только в уездах, но даже в губерниях, подчас в сутолке повседневной работы теряют общие перспективы в работе. Ни для кого не секрет, что в нашем аппарате часто наблюдаются такие настроения: уйти бы из аппарата, уйти на более спокойную работу. Ни для кого не секрет, что у нас до сего времени в низовом аппарате кадры руководителей народного образования целиком не подобраны. И вот, когда учитываешь все это, невольно хочется сделать некоторые выводы.

Вопервых, если мы хотим разрешить все те задачи культурной революции, которые перед нами стоят, мы должны быть максимально точными. Нельзя допускать неверной оценки практики и состояния дела народного образования, между тем как в прениях имели место выступления подобного порядка. Чтобы не быть голословным, я могу привести примеры. Один из товарищей заявил, что у нас с программами Гуса по школам I ступени вопрос разрешен неудовлетворительно. Это неверно.

Так нельзя рассуждать. Нельзя на основании отдельных фактов отдельных районов подходить к оценке положения дела в республике. В Нижегородской губ. мы имеем массу примеров, когда можно говорить, что с осуществлением программ Гуса дело обстоит удовлетворительно, есть ряд мест, где вполне удовлетворительно, в некоторых случаях—неудовлетворительно, а общий вывод удовлетворительный. Совершенно не нужно впадать в панику. Другой пример, который относится к выступлению одного товарища по вопросу ликвидации неграмотности. Его заявление о том, что ликпункты переполнены взрослыми неграмотными,—неверно. Мы можем сказать, что у нас есть сдвиг в области ликвидации неграмотности, взрослые идут на ликпункты и заполняют их все больше и больше. Но утверждение о том, что взрослые заполнили ликпункты уже целиком,—неверно. Одним словом, общий вывод тот, что нам нужно быть максимально точными и объективными в тех выводах, которые мы кладем в основу своей работы.

Массу работников просвещения мы все же не подняли до необходимой политической и общественно-производственной высоты, чего особенно требует современная обстановка. Мы не вселили в работников просвещения сознания той роли, которую они выполняют, и тех достижений, которые у них имеются. Говоря о том, что нужно критиковать недостатки, мы не указываем здесь на необходимость полного и своевременного учета достижений, а эти достижения у нас существуют. Этих конкретных достижений широкие массы работников часто не знают, не говоря уже о том, что не знает их население. В этом отношении сделано чрезвычайно мало.

Со стороны Наркомпроса в связи с современной обстановкой напрашивается более конкретное руководство местами. Я не хочу сказать, что Наркомпрос не руководил нами,—он руководил. Были отдельные моменты хорошего руководства, но все же с его стороны пока еще нет конкретного, применительно к условиям отдельных губерний, руководства. Необходимо, чтобы Наркомпрос в своей политике, плановой, бюджетной, подтягивал бы не только отсталые окраины, но также и губернии, в которых имеется значительное число промышленного пролетариата. В политике Наркомпроса, в его руководстве промышленные центры, губернии с наличием значительных кадров рабочих, пока что не стояли в центре внимания.

Один из выступавших ораторов говорил о том, что нам нужно сделать резкий перелом в сторону привлечения внимания общественности к народному образованию. Он был прав. Но когда он бросил фразу о том, что ОДН—это пустячки, с этим я в корне не согласен. (Бурные аплодисменты.) Что значит «пустячки»? Сейчас обстановка такова, что мы должны все силы привести в движение. Мало того, что мы пойдем на рабоче-крестьянское собрание, в секции советов, профсоюзов и что наши инспектора будут повседневно привлекать общественность к делу народного образования, нам нужно еще создать кадр общественников, культурных бойцов-добровольцев из актива рабочих и крестьян. Именно ОДН'овская организация должна стать широчайшей добровольной общественной организацией, по выполнению задач культурной революции. Нам нужно воспитать этот кадр бойцов за культуру. Провести упорную работу по созданию кадров рабочих и крестьян-общественников в области народного образования с тем, чтобы этот актив окружил нас тесным кольцом.

Василенко (Таганрог). Вопрос общественно-политического воспитания является основным на нашем съезде, в равной степени, как вопрос повышения уровня знаний являлся основным на предыдущем съезде. Поэтому, сколько бы мы ни говорили здесь об общественно-политическом воспитании, это не будет лишним. Здесь были попытки связать вопрос снижения состояния общественно-политического воспитания с вопросом учобы. Я думаю, что эта попытка была сделана не напрасно. Мне вспоминается, что на предыдущем съезде т. Рыков говорил об учащихся, которые изучали все резолюции всех бывших к тому времени четырнадцати партсъездов, а таблицы умножения не знали. Время, отделяющее нас от предыдущего съезда, достаточно велико. Нет ничего удивительного, если мы, сосредоточив максимум внимания на вопросе, как здесь говорят, учобы, на вопросе усиления навыков, знаний учащихся, уделили мало внимания вопросам собственного воспитания.

Чрезвычайно интересно отношение заведующих школами к вопросам общественно-политического воспитания. Очень часто изучение общественного цикла подменяет собой вопросы общественно-политического воспитания. Как правило, почти всюду принято считать, что если учащийся хорошо знает, скажем, ту часть политграмоты, где говорится о необходимости выдвижения женщины, о равноправии женщины, об уважении к женщине, то, следовательно, дело с общественно-политическим воспитанием обстоит благополучно, хотя наряду с этим в день 8 марта, как это было в одной нашей школе, учащиеся школы II ступени издают грязный похабный листок, посвященный женщине. Принято считать, что если учащиеся знают, что советское государство должно готовить здоровых, крепких, радостных людей, то дело с общественно-политическим воспитанием обстоит благополучно, хотя наряду с этим, как это имело место у нас, в стенной газете школы II ступени помещается стихотворение, посвященное бренности жизни и восхваляющее сладость бутылки. Принято считать, что если учащиеся хорошо заучили вопросы национальной политики, стало быть, дело с общественно-политическим воспитанием обстоит благополучно, хотя наряду с этим вытекают и зреют антисемитские настроения и т. д., т. е., как я уже сказал, долбежка вопросов обществоведческого цикла часто подменяет собой подлинное общественно-политическое воспитание.

И нет ничего удивительного в том, что в школе мы так редко наблюдаем действительно общественно-полезную работу. Ведь общественно-полезная работа есть естественное закрепление общественно-политической, по преимуществу, работы, а если последней нет, то нет и первой. Я не хотел бы, чтобы меня поняли таким образом, будто я стою за то, что вопросам усиления навыков и знаний надо уделять меньшее, чем до сих пор, внимание. Нет, если бы меня кто-нибудь понял именно так, то это было бы неправильно. Я считаю, что второй части учебно-воспитательной работы, именно общественно-политическому воспитанию, необходимо уделить внимания не меньше, а ровно столько, сколько мы уделяем сейчас вопросам образования. Само собой разумеется, что об этом делении единого педагогического процесса на две части я говорю в строго условном смысле.

Теперь несколько замечаний по поводу производственной практики учащихся техникумов и студентов вузов. В тезисах, которые имеются по докладу т. Луначарского, говорится, что производственная практика должна явиться частью учебного плана. Мне кажется, что здесь следует указать, что эта практика должна быть не только узкопроизводственной, узкотехнической практикой, но что она должна носить также характер общественной практики, т. е. в нее должна входить работа практикантов в производственных совещаниях, в рабочих клубах, в профессиональных союзах и т. д. На этот счет имеются, как будто, соответствующие директивные указания, но я думаю, что будет не плохо, если мы этот вопрос еще раз подчеркнем в наших решениях.

В связи с вопросом об общественно-политическом воспитании стоит вопрос и о повышении квалификации школьных работников. Если я не ошибаюсь, первый высказавшийся по докладу Анатолия Васильевича выразил такую мысль, что до тех пор, пока повышение квалификации школьных работников не будет проводиться в принудительном порядке, у нас с этим повышением квалификации ничего не выйдет. Я думаю, что нет другого способа загубить живой дух повышения квалификации школьных работников, как применить принудительные методы, так как в таком случае отношение к повышению своей квалификации будет узкоформальным и бездушным. Есть другой способ создания стимула к повышению квалификации—тот способ, который уже применялся и раньше и который может найти применение в настоящее время. Это—способ суждения о способностях и подготовленности школьных работников по состоянию учащихся, по состоянию общественно-политической работы среди учащихся, по состоянию их знаний. Если школьные работники будут знать, что их будут судить не потому, принимают ли они участие в различных кружках по повышению квалификации, а по состоянию их педа-

гогической работы, то это будет вполне достаточным стимулом к тому, чтобы заставить их действительно повышать свою квалификацию.

Остановлюсь теперь еще на одном вопросе,—на вопросе о политико-просветительной работе. Я думаю, что мы бы неправильно поняли Анатолия Васильевича—и я надеюсь услышать от него заявление по этому поводу в заключительном слове,—если бы сделали такой вывод, что настоящий съезд должен явиться поворотным пунктом в отношении к политико-просветительной работе других ведомств только и других организаций только. Я думаю, что настоящий съезд должен быть прежде всего поворотным пунктом в отношении наших заведующих отделами народного образования к этой политико-просветительной работе.

Один из выступающих товарищей высказал ту мысль, что если у нас сейчас политико-просветительная работа не налажена как следует, то виной этому является исключительно объективные обстоятельства, а отнюдь не условия, зависящие от руководителей отделами народного образования. Это не совсем так: мы в большинстве своем являемся соцвосчиками, отчасти профобристами и почти никогда не являемся политпросветчиками. В результате этого наше отношение к политпросветработе никогда не бывает достаточно внимательным. Если бы мы защищали интересы политпросветработы так, как мы защищаем обыкновенно интересы соцвосовской работы, то мы могли бы поставить политпросветработу гораздо лучше. Но, само собой разумеется, необходимо изменить отношение к политпросветработе и других органов, а финорганов прежде всего.

Эпштейн (Главсоцвос). Я имел намерение остановиться только на одном вопросе. Но я вынужден дать некоторые необходимые справки в связи с имевшими здесь место отдельными выступлениями.

Я тоже являюсь чрезвычайно большим сторонником критической оценки всей нашей работы. Но я считаю, что, критикуя и нападая, мы все же не должны терять чувства действительности, с тем чтобы иметь перед собой четкие перспективы дальнейшей работы. Поэтому я не могу согласиться с таким заявлением, что в 1928 г. мы не имеем никакой детской литературы. Это неверно. Я не могу согласиться с заявлением о том, что у нас нет никакой детской литературы для внеклассного чтения. Это тоже неверно. Это свидетельствует о том, что мы не читаем того, о чем мы пишем. За последнее время мы направили в районные школы небольшие детские библиотечки. Я бывал в массовых школах и, к сожалению, должен сказать, что детских библиотечек очень мало, но за последние годы сделан определенный шаг вперед в этом направлении. Мы можем сказать, что вместо 500—600 названий, которые имелись в 1919—1920 гг., сейчас свыше 2 000; из них, по отзывам всех организаций, занимающихся этим делом, около 30,35% могут быть рекомендованы с успехом в связи с учебной работой и внеклассным чтением, а также с общей задачей развития ребенка. Этого упускать из виду нельзя. Я не хочу сказать, что все здесь обстоит благополучно. У нас есть целый ряд неразрешенных проблем, касающихся принципиальных требований к нашей детской книге, не разрешен вопрос относительно снабжения этой детской книжкой наших школ, библиотек и т. д. Но все же отрицать продвижения нельзя.

Совершенно неправильно дана справка относительно увязки между техникумом и семилеткой. Такие речи—отзвук 26-го—27-го гг., но не 28-го г. У нас сейчас имеется полная согласованность между программой семилетки и программой техникума, между программой девятилетки и программой вуза. Есть одна некоторая неувязка в программе II ступени с программой втузов—это математика. Требования при поступлении во втузы несколько выше. Мы рассуждаем так, что раз учащийся не в состоянии дополнительно самостоятельно подготовиться по математике при поступлении в овтуз, то, следовательно, он—неподходящий кандидат для данного типа высших учебных заведений.

О взаимодействии образования и воспитания. Это проблема педагогики всех времен и мест. Неправильно было бы утверждать, что когда-либо какой-нибудь отдел Наркомпроса или отдел Главсоцвоса давал лозунг: «Вот, друзья, обращайте

внимание только на формальные навыки». Это значило бы совершенно потерять всякую перспективу в работе советской школы. Мы говорим о том, что надо уметь задачу повышения грамотности, знаний и навыков, даваемых нашей школой, разрешать в соответствии с духом и классовым содержанием нашей новой школы. Мы втечение последних лет сделали небольшой шаг вперед в области повышения уровня знаний и навыков в нашей школе. Если бы этого не было, то мы вызвали бы величайший протест по отношению к нашему школьному строительству со стороны широких слоев рабоче-крестьянской общественности. Я бы сказал, что мы не построим советской трудовой школы, если у трудящихся создастся впечатление, что активные методы работы школы, связь ее с жизнью, труд в школе, детская организация и т. д. и т. п.—несовместимы с задачей вооружения грамотой. Если уровень грамотности в нашей школе несколько повысился, то это громадная наша заслуга. Нужно итти дальше в этой области.

Мы говорим, что надо прекратить разговоры о воспитании, а надо нащупать те действенные пути, которые связывают образование с воспитанием. Каковы же эти пути? Это прежде всего методы работы. Анатолий Васильевич говорил о том, что мы должны бороться с обломовщиной, разгильдяйством. А мы своими пассивными методами работы, когда учитель работает с одним учеником, а вся масса безмолвствует, готовим и воспитываем Обломовых. Следовательно метод работы приобретает громадную важность в воспитании. Мы говорим о культурной рационализации, о культурной экономии человеческих сил и наших скудных средств. Но как мы можем воспитать культурного рационализатора, когда в школе грабительским образом относятся ко времени учащегося, ко времени учителя, к учебному дню и учебному году? Следовательно организация педагогического процесса, которой мы сейчас занимаемся, является мостом, связывающим образование и воспитание.

По инициативе ЦК партии мы занялись вопросом обществоведения. Как мы понимаем обществоведение? Это есть дисциплина, которая должна синтезировать все знания и навыки, приобретаемые в школе, для того чтобы превратить эти знания и навыки в действенное мировоззрение. Обществоведение—это один из мостов между образованием и воспитанием. Этим мы занимаемся. Следовательно говорить о том, что упущена воспитательная задача школы,—неправильно. Нужно сказать следующее: мы мало еще продвинулись в этой области, и мы должны продолжать работать на этом пути. Кстати сказать, детские самоорганизации, пионерская организация являются важнейшими мостами между образованием и воспитанием. А мы ими мало еще интересуемся, мало сил и средств им уделяем, лишь говорим о воспитании.

Я также не могу согласиться с заявлением т. Голышева, что ничего не сделано для вовлечения педагогического персонала в педагогическое строительство. Неверно это. Возьмите учет опыта, который сейчас произведен, хотя бы в вашем местном прекрасном сибирском журнале, возьмите другие педагогические журналы, которые значительно увеличили сеть своих корреспондентов. А разные педагогические съезды, конференции и т. д.? Такое заявление неправильно. Правильно лишь то, что, поскольку перед нами стоит задача—идеологически завоевать учителя-педагога, сделать программы Гуса его педагогическим «кредо», постольку надо еще шире развернуть педагогическую общественность. Это совершенно бесспорно. Но нельзя говорить, что ничего не сделано. Когда к нам приезжают иностранные педагоги, то что им прежде всего бросается в глаза? Вся наша школьная деятельность кажется им творческой педагогической лабораторией. А этого не случилось бы, если бы у нас педагогическая общественность не была вовлечена во все наше дело.

Этим я и хотел бы ограничить те справки, которые считаю необходимым здесь дать. Критика должна быть, но критика совершенно правильная, такая, которая могла бы нам помочь в уяснении тех задач, которые мы ставим перед собой.

Теперь—о беспризорности. Мы сейчас развертываем, по указанию партийных инстанций и правительства, кампанию по изъятию беспризорных. У меня лично создалось такое настроение, что мы этой кампанией держим экзамен перед лицом

всей партии и всей советской общественности. И если мы на этом экзамене провалимся, если мы с этой кампанией не справимся, то покажем, что нам действительно не следует увеличивать бюджет, ибо деньги, которые с таким трудом отпускаются на дело народного образования, мы тратим зря. Это надо сказать совершенно определенно. Именно так надо подходить к этой кампании по изъятию беспризорных.

Между прочим кампания эта показала, что мы не имели точного представления о действительном размере уличной беспризорности. Мы столкнулись с таким явлением, когда почти все отделы народного образования давали справки, которые потом оказались значительно преувеличенными. Говорили о 300, а оказалось всего 40, говорили о 4 000, а оказалось всего 1 400 и т. д. Это прежде всего следует отметить.

Затем во время этой кампании мы по всей линии нашей общественности и государственности вплоть до отделов народного образования столкнулись с проявлением исключительной нечуткости к наиболее обездоленному ребенку, каким является по сути дела уличный беспризорник. Мне пришлось объехать некоторые районы, и я был поражен этой нечуткостью. Я интересовался во многих случаях и расспрашивал: «Как ты стал беспризорным?» Мне интересно было уяснить первопричины, которые толкнули детей на улицу, в объятия беспризорности. И в результате такого опроса оказалось, что в подавляющем большинстве случаев дети стали беспризорными, ибо их не выслушивали, к ним не проявлено было внимательности. Я вспоминаю подростка в одном общежитии, исключительно талантливого, прекрасно знающего практику и теорию музыки, на которого обратили мое внимание сами беспризорные. Этот подросток обнаружил исключительную музыкальную культурность. И вот он бился в деткомиссии, пытаясь получить инструмент для работы, но ничего не мог добиться. Он объехал многие города, обивал пороги многих учреждений, и нечуткость со стороны всех, к кому он обращался, в конце концов бросила его на улицу, в объятия беспризорности.

Еще—об устройстве на трудовую работу. И здесь мы наблюдаем исключительную нечуткость. Мы столкнулись со случаями возмутительно бездушного отношения, когда ребенка вырывают из собственного крестьянского хозяйства, сданного им в аренду, где он живет, правда, без отца, без матери, но где он связан какими-то корнями, вырывают, повидимому, под давлением и под конвоем милиционера отправляют в качестве подобранного на улице беспризорного. Над этим ребенком буквально издеваются. Вот эта исключительная нечуткость зачастую плодит беспризорность.

Затем—о наших детских учреждениях. В наших детских учреждениях, куда мы отправляем беспризорных, мы должны уделить главное внимание труду. Ведь надо иметь в виду, что беспризорный ребенок требует прежде всего утилитарного подхода, ему следует нарисовать ближайшие перспективы его будущей жизни, объяснить, что он будет делать на другой день по выходе из детского дома. Другими словами, нам следует главное внимание обратить на организацию различных мастерских при детских учреждениях. Между тем зачастую мы наблюдаем, как лучшая комната отдается не под мастерскую, а под столовую, как деньги тратятся не на оборудование мастерских, а на что-нибудь другое, и т. д. Подавляющая масса беспризорных нуждается в том, чтобы мы их вооружили какой-либо трудовой квалификацией, которая помогла бы им потом прочно устроиться. Вот почему нужно обратить главное внимание на вопросы труда в наших детских учреждениях. Мы должны перевести эти дома на положение учебно-производственных мастерских со всеми вытекающими выводами вплоть до организации фабзавкомов, создания кадра мастеров и т. д.

Я повторяю—мы держим сейчас серьезное испытание перед лицом всей советской общественности и партии. На это дело борьбы с беспризорностью брошены миллионы рублей, сама борьба с беспризорностью приобретает характер политической проблемы, поскольку за нее взялся ЦК нашей партии, и эта проблема в нашей

работе ставится так же, как ряд других больших задач, как всеобщее начальное обучение, ликвидация неграмотности и т. д. и т. д.

Наконец мне хотелось бы сказать об основном лозунге нашего съезда. Само собой разумеется, что мы должны еще многое сделать для рационализации аппарата для интенсификации нашей работы. Но все-таки, знакомясь с нашими учреждениями, мы всюду видим кричащую нищету. Основным поэтому должен быть лозунг—сделать серьезный скачок в отношении нашего бюджета. Без этого скачка культурная революция останется лишь фразой. С этим лозунгом нужно разъехаться. Заведующие губоно, будучи членами губисполкомов, должны создать давление снизу на центр, с тем чтобы этот скачок был сделан уже с предстоящего бюджетного года.

Никифоров (Томск). Товарищи, я думаю, что вопросы, которые стоят перед нами, требуют, кроме необходимости правильного определения роли просветительной работы в деле социалистического строительства, еще придания этой работе того верного, широкого и четкого направления, которое по существу у нас отсутствует. Я несколько коснусь того, как работают наши организации, хотя бы в районе. Возьмем большое районное село, где имеются ликпункт, школа для малограмотных, школа крестьянской молодежи, иногда 2—3 школы I ступени, районная изба-читальня. Если взять эти учреждения и проверить, насколько верно их содержание и как это содержание увязано в их планах, то мы увидим, что единого плана, единой линии у них нет. Каждое учреждение в районе, в селе работает само по себе. Не расставлены правильно силы, работники путаются, и целый ряд важных заданий выходит из сферы нашего внимания. Примерно так же обстоит дело в рабочих поселках и в городах. Все это особенно выявляется при анализе наших планов. Мы до сих пор еще не берем деревню целиком или группу сел, имеющих одинаковые хозяйственно-политические задачи, не берем рабочий район в целом. Мы все еще план работы строим по политпросвету отдельно, по профобру отдельно и т. д. Зачастую план не увязан даже с теми задачами, которые вполне выявлены. Возьмем школу I ступени. Разве вы можете найти в ее жизни такой момент, когда она перестает вести работу со взрослыми. Ведь хорошо поставленная школа проделывает колоссальную работу в этом отношении. Вместе с тем мы в избах-читальнях, в рабочих клубах имеем детские дни, и там проводится серьезная внешкольная работа с детьми. Все это так тесно переплетается между собой, что требует несколько иных установок в направлении нашей работы. Мне кажется, что сейчас и в деятельности Наркомпроса работа строится также вообще... Нет такой установки, когда берется какая-либо определенная по экономическим и политическим признакам территория, учитывается, что там есть, чего не хватает, и на основе всего этого строится работа таким порядком, чтобы все наши учреждения работали по единому плану, четко и ясно вкладывая нужное содержание в свою работу.

Анатолий Васильевич в своем докладе как будто несколько отошел от этого в общей части, но когда он стал намечать специальные задачи, стоящие перед профобром и политпросветом, то я перепугался, что мы будем работать попрежнему по разделам, по главкам. Ведь по существу те общие задачи, которые он намечал, должны пронизывать всю работу всякого нашего учреждения. Весь вопрос заключается в том, чтобы содержание работы наших учреждений, работающих в одном административно-хозяйственном центре, было так увязано с задачами этого центра и так организовано, чтобы работа каждого учреждения была частью всего плана, обеспечивающего максимальный хозяйственно-политический подъем этого центра. Я боюсь, что в нашем ведомстве все еще существует много внутренней ведомственности, которая к хорошему не приведет. Нынешний момент требует объединения не только наших сил, но и всех других сил, которые имеются и борются на культурном фронте.

Здесь многие товарищи говорили о недостатках воспитательной работы. Я хотел бы сказать о взаимоотношениях школы и семьи. Те данные, которые имеются у нас, говорят, что мы семью не только правильно не используем в деле воспитания, но порой используем таким порядком, что она вредит делу советского воспитания. Факты

и цифры говорят, что в очень многих случаях школа пользуется семьей, как палкой, как средством понудить детей к учобе, как средством заставить ребят слушаться. В очень редких школах устанавливаются правильные взаимоотношения с семьей, которые требуются нашим воспитанием в советской школе. В наших условиях этот вопрос является особенно больным, а между тем в этом деле у нас мало сделано, и очень часто педагоги путаются в этом вопросе. Необходимо в этом вопросе найти нужную линию.

Дальше я хотел бы рассказать, как работает одна наша школа, и прочитать некоторые документы, не подпольного характера, а совершенно официальные, которые имеются во всех наших делах. Это 5-я школа в г. Томске, школа «Имени 1905 года». Заведует этой школой бывший директор гимназии. Школа обслуживает главным образом детей научных сотрудников университета и технического института. До сих пор она была школой обособленной, привилегированной, со своими особыми задачами. И вот теперь, когда открылась борьба за качество, когда мы стали вскрывать все те нарывы, которые имеются у нас, посредством прессы и пролетарской общественности, мы выявили колоссальное количество недопустимых явлений. Характерен производственный план этой школы, о котором сам заведующий пишет, что ввиду того, что заниматься приходится в две смены, школа знания даст, «но для навыков и общественно-политической работы у нас нет времени».

Когда в окружной газете появилась первая статья по поводу «внеклассового» воспитания в этой школе, то зав. школой дал следующий ответ на это:

«По поводу «классового угнетения, классовой ненависти, материализма, революционности психологии» и прочего, что свалено в кучу в заметке... Мы различаем две вещи: классовую непримиримость и персональную озлобленность. В России совершилась пролетарская революция, поставившая задачей борьбу с капиталом в мировом масштабе. Отсюда необходимость определенной идеологии, ее выдержанности, обоснованности и непримиримости. Эта идеология вырабатывается всем строем СССР, всем строем современной советской школы и в частности преподаванием обществоведения. На вершинах она должна давать героев политической борьбы (Ленин). Совсем другое дело—персональная озлобленность против более состоятельного, более талантливого, даже просто чуждого человека. В результате могут быть все формы правонарушений, поножевщины и уголовщины. Классовую непримиримость советская школа должна вырабатывать и воспитывать, с персональной озлобленностью должна бороться. Первая будет признаком высокой политической сознательности и дисциплинированности, вторая—политического невежества и даже моральной некультурности. Среди диких, голодных, раздраженных зверей не может быть коммуны: культивируя личное озлобление на какой бы то ни было почве—национальной, религиозной, партийной—мы стали бы подрывать самые основы того коммунистического порядка, переходной ступенью к которому должна служить диктатура пролетариата. Различие между классовой непримиримостью и персональной озлобленностью должно быть ясным даже и для людей, выражаясь библейским языком, «вкусивших от марксизма» только «грешным делом».

И дальше:

«Вопреки заметке, 5-я школа не празднует ни одного церковного праздника старого стиля; преподаватели и зав. школой—все на своих местах. Если пропуск уроков учащимися в эти дни бывает больше, это зависит от семьи, и побороть это явление сразу было бы возможно на основе декрета или обязательного постановления».

По всем этим вопросам создалась целая вакханалия. Часть трудящихся решительно протестовала, и в результате было созвано горсоветом большое собрание, на котором эти вопросы обсуждались, причем туда специально прибыли сторонники этой школы, и мы имели настоящий бой, который говорит о том, что в ряде городов есть такие специальные группировки, которые предъявляют свои требования к советской школе и эти требования противоречат тому воспитанию и тому подходу к советской школе, которые проводим мы. Сторонники такого неправильного подхода до сего времени существуют. Оказывается, они имеются не только у нас, в далекой

Сибири, но и в ряде других мест. В этом отношении правильно говорилось, что надо побольше руководить этим делом, крепче и сильнее держать классовую линию, потому что к этому сводится все. Я знаю, что в ряде наших округов имеются школы подобного типа, и они пока не только существуют, но еще объединяют около себя определенные кадры учительства, которые крепко тянутся к таким школам.

Я думаю, что на это дело, на дело усиления классового воспитания в наших школах надо будет обратить особое внимание.

Мальцев (Пермь). Мне хотелось бы остановить внимание съезда на вопросе о том, насколько наши аппараты и наши массовые учреждения способны претворить в жизнь решения XV Партсъезда.

Помоему, у наших работников аппарата нет еще соответствующего понимания того, что мы должны свою работу ставить на рельсы реализации постановлений XV Партсъезда.

А работники просвещения? Можем ли мы сейчас дать полную гарантию в том, что работники просвещения во всей своей широкой массе четко уяснили себе эти постановления? Помоему, мы этого сделать не можем. Перед нами во всей своей широте стоит задача о пропаганде решений XV Партсъезда применительно к той конкретной обстановке, в которой мы работаем.

Исполкомы на местах, приступили ли они уже к реализации решений XV съезда? Мы не можем сказать, что в этом отношении нет никакого сдвига. Мы сейчас испытываем такое положение, когда те или иные организации начинают усиленно таскать нас на свои заседания, где ставится целый ряд конкретных вопросов. Но мне бы казалось, что в этой области нами еще слишком мало сделано.

О всеобщем обучении. Основной трудностью в части введения всеобщей детской грамотности является то, что мы не имеем достаточного количества помещений, в которых мы могли бы учить детей. Я буду говорить о рабочих районах, в частности о рабочих центрах Урала. Если мы возьмем Лысьву, Чусовую и другие пункты, то мы имеем здесь такое положение, что на одного ученика приходится 1,2 кубометра при двух- и трехсменных занятиях. Можем ли мы говорить о повышении качества работы при таком положении? Конечно, мы встречаем здесь чрезвычайно большие затруднения. Вопрос об отсутствии помещения в рабочих центрах является чрезвычайно больным вопросом.

А. В. Луначарский в своем докладе сказал, примерно, так, что рабочие имеют право требовать, и, помоему, это правильно, семилетнего обучения. Но мы сейчас имеем такие факты в наших рабочих районах, что не только нельзя говорить о семилетнем обязательном обучении, но мы не имеем возможности всех детей рабочих поместить в наши школы I ступени.

Поэтому здесь, на съезде, надо будет нам сказать Наркомпросу, чтобы в дальнейшей его работе было уделено больше средств на начальное школьное строительство—и в первую очередь в рабочих районах. Этот вопрос не терпит отлагательства.

При каких условиях мы сможем хоть сколько-нибудь в текущем году и предстоящем году реализовать решения XV Партсъезда, какие на местах в этой части имеются предпосылки и что нам нужно делать в данный момент? Здесь, помоему, правы были те, которые заявляли, что нам нужно сейчас приняться за создание около всех просветучреждений общественного актива. Ведь нечего греха таить, что мы этого актива не имеем. Мы имеем чрезвычайно слабо работающие школьные советы. Мы имеем такие примеры, когда родители не хотят итти на родительские собрания и говорят: «Придешь к вам на собрание, а вы всегда трактуете об одном вопросе—о том, сколько полагается взять с родителей того или иного учащегося». Поэтому сколачивание родительского актива и актива вообще является основной нашей задачей, и нам нужно будет на эту сторону обратить больше внимания. Надо будет так построить работу, чтобы вокруг вопросов всеобщей грамотности детей, всеобщей грамотности населения было сконцентрировано внимание всей советской общественности.

Здесь кто-то говорил, что мы сейчас имеем благоприятное положение с лик-

пунктом,—это очень приятно слышать, но вряд ли это так. Наши ликпункты изжили себя в том виде, как они существовали до сих пор. Об этом нужно сказать, а говорить о благоприятном положении с ликпунктами не следует.

Чаплыгин (Самара). Мы высказываем здесь много пожеланий, но упускаем из виду то, что в 1932 году нам придется сделать скачок, пожалуй в два раза больший, чем мы делаем теперь. Средств же для этого чрезвычайно мало. В области введения всеобщего обучения у нас есть некоторые достижения, однако без помощи центра местные органы полностью не осуществят введения всеобщего обучения.

О ликпунктах. Те товарищи, которые говорят, что ликпункт занимается только взрослым населением, совершенно не правы. Ликпункты в очень большой степени занимаются переростками. Если Толстой в свое время писал, что у грамотной матери ребенок не будет неграмотным, то крестьянин, главным образом беднота, теперь говорит: мы неграмотны, надо будет учить наших детей. Бедняк посылает своего ребенка на ликпункт из тех соображений, что там занимаются вечером. Днем ребенку не в чем сходить, а вечером возвращается отец и дает ему валенки. Кроме того срок обучения на ликпункте короче и более приемлем. Над этим вопросом надо будет подумать, и эту часть бедноты надо ввести в общее русло.

Инспектура у нас чрезвычайно слаба. Это объясняется тем, что заведующий школой получает всегда больше, нежели инспектор. Хороший работник всегда постарается пойти в школу, где меньше нагрузки и большая оплата. С этим вопросом будет обстоять плохо до тех пор, пока не будут декретированы состав и ставка инспектуры. Без этого трудно будет работать. На местах мы подработали эти вопросы, но когда вступаем в бюджетную кампанию, то все разлетается. Рассуждают так: инспектору нужно дать 1 200 р. в год. Но на эти деньги можно содержать школу. Между тем если у нас не будет участкового инспектора, то наша работа будет наполовину итти вхолостую, так как при наличии ограниченных средств для командировок невозможно обследовать все те учреждения, которые необходимо обследовать. Я думаю, что надо будет обнажить вопрос о всеобщем обучении. Чтобы серьезно заняться этим делом, я полагаю, что необходимо издать декрет об особом налоге или часть сельхозналога выделить на нужды народного образования. Если мы уже заговорили о самообложении, то в первую очередь надо заговорить о самообложении на народное образование.

Об избе-читальне. Не верны заявления тех товарищей, которые говорили, что изба-читальня отстала от крестьян. Изба-читальня растет, авторитет ее поднимается, но беда в том, что избачи очень часто меняются. У нас втечение года сменилось 50% избачей. Необходимо с этим покончить, и положение избы-читальни укрепится.

Крупская. Товарищи, настоящий съезд заведующих губоно собирается в момент, когда мы подвели в связи с празднованием десятилетия Октябрьской революции итоги во многих областях. Эти итоги позволяют нам отметить и в деле народного просвещения положительное: но вместе с тем они заставляют нас внимательно присмотреться к постановке всего дела. Поэтому не случайно, что на этом съезде заведующих губоно поднимаются основные вопросы организации народного образования. Вопрос, который поднял т. Алексинский о том, какой характер имеет школа в классовом отношении, имеет чрезвычайно важное значение. Возьмем первую ступень в городах. Мы здесь имеем большое количество второгодников. Мне пришлось раз на заводе выслушивать упреки со стороны рабочих, что дети рабочих считаются де дураками в школе. Сначала мне казалось, что это штука или просто нервность со стороны рабочих, а потом, когда пришло письмо из Иваново-Вознесенска, которое описывало, как ребята работниц, которые заняты целый день на фабрике, отстают от детей служащих, и когда выяснилось, что по ряду школ в Москве у нас второгодниками оказываются именно дети рабочих, то пришлось серьезно задуматься над этим вопросом. Дети служащих, поступая в школу, приходят уже

в большинстве случаев умеющими немного читать, некоторые побывали в детском саду. Во всяком случае—это ребята, которые уже не представляют собою в педагогическом отношении чего-то нетронутого. А ребята рабочих приходят в школу, не зная ни одной буквы,—это отчасти дети улицы, потому что мать занята. В результате они начинают отставать и попадают в разряд неуспевающих. Получается своеобразное классовое расслоение. В этом отношении нужно было бы на предприятиях—на фабриках и заводах—создать так называемые нулевые группы, которые в сущности являются старшими группами детского сада. Они дадут детям те элементарные навыки, которые позволят им в школе итти нога в ногу с остальными ребятами.

Здесь указывалось, и в действительности это так, что у нас в школах II ступени больше детей служащих и меньше детей рабочих. Одна из причин здесь та, что нам не удалось осуществить трудовую политехническую школу. Мы знаем, как страстно рабочие и крестьяне стремятся к тому, чтобы те знания, которые ребята получают, увязывались с практическим умением, с умением ориентироваться в трудовых процессах. Мы этого не смогли сделать. В годы величайшей разрухи создать трудовую школу было немыслимо. Мы имели отдельные образцы прекрасных школ, но в массе, в целом школа у нас была школой самообслуживания.

Сейчас, когда говорят все об индустриализации страны, когда говорят о необходимости подвинуть к производству все народное образование, задача создания политехнической школы является одной из актуальнейших, и она прямо вытекает из постановления XV Съезда и всего того, что говорилось на последнем пленуме. Вопрос о большем приближении школы к производству—один из основных вопросов. С чего мы можем начать? Мы можем начать с фабрично-заводской семилетки в крупных промышленных центрах, в фабричных центрах. В старое время, когда комплектовалось учительство для школ, то как раз фабрично-заводские центры правительство старалось обеспечить своими учителями. Конечно, эти учителя сейчас изменились, в значительной степени перевоспитались в атмосфере рабочего движения. Но их безусловно крепко держат еще старые навыки, и тут надо сугубое внимание обратить, чтобы эту работу поставить на рельсы. У нас пока нет достаточного внимания на местах к этому вопросу, а внимание этому делу должно быть уделено, потому что это тот путь, по которому мы можем притти к трудовой школе. Сейчас мы обходным путем идем. Школа у нас не политехническая, не трудовая школа, но мы окольным путем идем и организуем труд ребят, общеполезный труд. Это известный суррогат. Конечно, мы не можем сказать, что это ненужная вещь. Это вещь организующая, необходимая. Вообще труд ведь сам по себе организующий фактор. Недавно мне пришлось с одним из учителей переписываться. Учитель—коммунист, заведующий детским домом Ярославской губернии. Он писал, что «сил больше нет работать, ребята хулиганят, учиться не хотят» и т. д. Я написала ему, что коммунисту нельзя с этого поста уходить. Детские дома у нас больное место, и коммунисту нельзя бросать этого важнейшего дела, тем более, что коммунист должен не туда итти, где легко, а где трудно. Я послала ему программы соцвоса по труду, указала, чего трудом добиваются, посоветовала только не очень маять ребят учобой. Товарищ, который стоит ближе к этому делу, послал потом свои указания, и тот же учитель писал через несколько месяцев, что ребят не узнать. У них там открыли мастерскую. Ребята стали хорошо с увлечением работать. Недавно эти ребята приезжали. У нас вообще ребята очень хорошие, а эти ребята такие, что любо было на них глядеть, с какой любовью о своем детском доме говорили. Тут чувствуешь, какое организующее значение имеет правильная постановка труда. Конечно, он не так должен ставиться, что приглашают рабочего, который заставляет ребят только болты делать или смотреть, как он клеит коробочки.

Соцвосом проделана большая работа по линии детских домов, и тут есть определенные программы по труду, с которыми можно работать, так что в этом отношении, конечно, сейчас нельзя сказать, чтобы на месте стояли. Мы теперь вооружены гораздо лучше, чем несколько лет назад.

То, что сделано—сделано на основе опыта, на основе обсуждения целого ряда

вопросов, которые были выдвинуты при выработке программ, и их нам надо проводить в жизнь.

Я думаю, что это лучший путь для того, чтобы нашу школу превратить в такую школу, которую хочет рабочий класс, а иначе в ней попрежнему будут преобладать служащие.

Я думаю, что если школа является лишь пропускным пунктом в вуз, то это заставляет часть детей рабочих, которые по своему семейному положению или устремлению не стремятся вовсе в вуз, раньше бросать школы, чем если бы она давала этим рабочим определенную установку. Через несколько лет, я думаю, мы перейдем к такому типу, что после 7-летки будет строиться техникум. Какие работники нужны стране сейчас? Нехватает среднего работника, который умеет ориентироваться в окружающем. У нас есть большие стремления к учобе. Каждую осень молодежь без достаточной подготовки и достаточных знаний стучится в двери вуза и в конце концов уходит с разочарованием и незнанием того, что им делать, в то время как средние работники нужны нам в производстве, в сельском хозяйстве и во всех областях жизни. Так что придется пойти на то, чтобы увеличить срок обучения на 1 год, превратив вторые концентры в техникумы, зато здесь будут даваться знания более основательные и, главное, окончивший техникум будет иметь какую-то специальность, с которой он сможет начать работать. Конечно, это большой вопрос, которого мимоходом так разрешать не приходится.

Анатолий Васильевич правильно говорил, что теперь на очередь встали вопросы воспитания. Само собой разумеется, в первое время нужно было прежде всего само содержание преподавания изменить. Мы уже забыли, какую школу мы получили в наследство—с законом божьим и другими вещами, которые теперь уже упразднены. Все помнят пережитки старой школы. Сначала, конечно, надобно было поработать над тем, чтобы содержание школьной работы сделалось приемлемым, а сейчас уже встал во весь рост вопрос о воспитании. Если мы говорим в докладах о культурной революции, что мы подошли вплотную к воспитанию нового человека, то воспитание ребят вообще является одной из самых наших насущных задач. И тут, я думаю, нам еще над всем этим следует порядочно поработать, подучиться, потому что иногда бывает так, что мы подпадаем под влияние самой чуждой нам публики. Бывает иногда так, что, например, начинает всерьез на собрании обсуждаться вопрос о скале наказаний, и коммунисты, сидя на этих собраниях, не протестуют всеми фибрами против этого. Это показывает только то, что надо серьезно подумать над этим, что надо внедрить внутреннюю дисциплину, но не итти по пути рабской дисциплины и рабского воспитания. Вопрос о воспитании связан со многими вопросами, которые надо будет проработать.

Об организации ребят. Везде есть пионеротряды, везде имеется самоуправление, по крайней мере, на бумаге, а когда мы подойдем близко к ребятам и расспросим их об этом самоуправлении, то мы почувствуем себя и их заблудившимися в самом густом лесу. Окажется, что самоуправления нет, нет коллективных переживаний, навыков коллективного труда, навыков коллективного действия, а все это заменяется индивидуальными моментами, как, например, то индивидуальное соревнование, которое у нас прошло по всем линиям. Ведь это недопустимая с коммунистической точки зрения вещь. Над вопросами воспитания нужно теперь так же основательно работать, как в свое время мы работали над содержанием преподавания.

Вопросы организации являются чрезвычайно важными вопросами. Владимир Ильич говорил, что теперь надо, чтобы поголовно все население было организовано. Это относится и к детям.

Меж тем у нас ребята в школе не сплочены, не организованы. Мы сейчас к вопросу о том, как воспитывать, подходим совершенно первобытным образом. Надо втянуть учительство в обсуждение вопросов воспитания, чтобы внести в них полную ясность и четкость и чтобы в конце концов научиться воспитывать то поколение, которое нужно.

Правда, сама жизнь воспитывает ребят. Ребята растут у нас чудесные и часто очень отчетливо знают, чего они хотят.

Ребячьи письма,—когда читаешь их,—наводят на много вопросов и в частности на вопрос о книге. Ребята пишут о тех требованиях, какие они предъявляют к книге. Например, нам пишут из 3-й группы деревенские ребята: «Мы хотим знать о городе, о зверях, о рабочих и об Ильиче». (Смех.)

Вот четыре желания, которые формулировали ребята. Ребят часто искусственно пичкают книжками из деревенской жизни, которые им не интересны. Мы рассказываем им про овцу и корову, но они об этом знают и хотят узнать о том, что есть лев и тигр, что они собой представляют,—а этого мы им не даем. Очень часто со стороны ребят имеются интересные запросы, но мы к ним не всегда в достаточной мере прислушиваемся.

Но это замечание я сделала между прочим, поскольку зашла об этом речь, но надо сказать, что в совокупность вопросов, связанных с воспитанием, входит также вопрос о книгах. Совершенно правильно т. Лобов задал этот вопрос, и надо сказать, что, когда просматриваешь старые книжки, часто не хочется и прямо нельзя давать их нашим детям. Можем ли мы давать им, например, «Зверобой». Нельзя давать им такую книгу, которая проповедует презрение к «низшим расам»—индейцам, которых считается в порядке вещей пристреливать, причем сначала произносят молитву к богу, а потом пристреливают. Нельзя отравлять ребят такой возмутительной вещью. Такой литературы у нас много. Это можно сказать о весьма значительной части старой литературы, и вообще с этим вопросом мы оказываемся в критическом положении. Ребята требуют книжку, а новые авторы еще ничего не дали или дали хлам, а иногда—совершенно неприемлемую чепуху, вроде рассказа о том, как кто-то поехал на луну и там выпивал пиво. Жюль-Верна можно детям давать, а насчет выпивки пива на луне—я думаю, что это такая фантазия, которую детям прививать не следует.

Сейчас Госиздат работает над тем, чтобы из иностранной литературы перевести то, что может нам пригодиться; выписан целый ряд книжек.

Проблема детской литературы чрезвычайно остра. Мы имеем такие явления, как в Иваново-Вознесенске, где 3 000 детей было отказано в подписке в библиотеке, потому что нет детских книжек. Тяга со стороны детей к детской книге огромная, но для того, чтобы создать литературу, мало одного желания, а надо и соответствующих писателей и соответствующее умение в этом отношении. Тут, конечно, громадная работа, и как скоро мы ее выполним, к какому сроку—сказать об этом, конечно, совершенно невозможно.

В заключение я хотела бы несколько слов сказать о политпросветработе. Конечно, это та область работы, которая очень тесно связана со всем нашим социалистическим строительством и на которую надо обратить самое серьезное внимание. И сейчас возможности открываются очень большие. Радио, кино, заочное обучение, газета,—все это пути, которые надо только умело использовать для того, чтобы повысить качество работы. Конечно, и для кино и для радио нужны здания, нужен человек, который бы это вел, этому человеку надо платить, так что без определенных вложений тут очень много нельзя сделать. Зарплату избача надо поднять до зарплаты учителя.

Если мы этих минимальных предпосылок не создадим для развития политпросветработы, то все разговоры о ее развитии будут впустую.

Тут я хотела бы несколько слов еще сказать о том, что когда мы говорим о культурной революции, то нельзя себе ее представлять, как что-то такое, что будет проведено. У двух ораторов я слышала фразу: «мы не можем провести культурную революцию». Культурная революция не проводится в административном порядке, а создается самими массами, мы только должны помочь массам в данном случае. И тут нужна самая тесная спайка с секциями совета, самая энергичная пропаганда, увязка с обществами,—например, в ОДН и «Друг детей», у нас разбужена инициатива, но она не организована. И вот по этой линии—по организации пробу-

дившейся инициативы населения, по увязке всех наших задач с самодеятельностью населения—по этой линии приходится итти.

Тут т. Малышев говорил, что в станицах что захотят, то и делают. Не совсем это так. Некоторые вопросы достаточно расшифровать, чтобы их отстаивали и станица и деревня. И вина будет просвещенца, если он в станице не сможет расшифровать эти вопросы и поставить их как следует перед нею. Вот эта смычка с массами—то основное, что стоит теперь перед нами. (Аплодисменты.)

Моночиненков (Моно). А. В. Луначарский сказал, что культурный фундамент может не выдержать пассива социалистического строительства. Мне бы хотелось, товарищи, чтобы все работники народного просвещения эту основную мысль донесли до сознания широчайших рабоче-крестьянских масс, и тогда, мне кажется, дело развития культурной революции пошло бы более быстрым темпом.

Товарищи, когда мы кричим, что развитие культурной революции невозможно без отпуска достаточных средств, то нам до настоящего времени зачастую отвечают: «Культурная революция—дело хорошее, но нельзя ли ее как-нибудь с меньшими средствами провести». Это одна точка зрения, с которой надо всеми силами ежедневно бороться. Другая точка зрения хочет перевести всю культурную революцию только на общественную инициативу, указывая на то, что в силу целого ряда обстоятельств государственный и местный бюджет не в состоянии достаточно уделять средств на это дело. Третья точка зрения, я бы сказал, также отодвигающая развертывание культурной революции, заключается в том, что вопрос о необходимости дать больше средств на все эти мероприятия подменяются вопросом о повышении качества работающих учреждений. Можно зачастую встретиться с такой точкой зрения, когда говорят: «Мы насчет того, сколько вам денег дать, еще подумаем, а вот вы обратите внимание на повышение качества работы». И в этом, по мнению товарищей, которые это утверждают, заключается основная работа по развитию культурной революции. Ясное дело, что вопрос о повышении качества работы—чрезвычайно важный вопрос, но надо, мне кажется, нам сейчас проявить интерес,—не только в виде докладов и совещаний,—но фактически проявить интерес к тому нищенскому бытию, в котором пребывают наши учреждения. Здесь один товарищ правильно подчеркнул, что основной лозунг, который мы должны понести в массу просвещенцев и в массу рабочих и крестьян, заключается в том, чтобы больше средств дать на дело культурной революции. Я думаю, что это должно являться основным лозунгом на настоящем съезде. Нам нужно сделать какой-то скачок вперед в деле финансирования народного просвещения.

Теперь вопрос о подготовленности к школьным занятиям рабочего ребенка. Здесь Надежда Константиновна указывала на необходимость организации нулевых групп. Это чрезвычайно важное мероприятие, но мне кажется, что организация нулевых групп только лишь в рабочих районах для детей рабочих недостаточна. Опыт Московской губернии указывает, что дело не только в том, что восьмилетний ребенок рабочего отличается от ребенка из интеллигентной семьи. Я думаю, что и в процессе прохождения из группы в группу ребенок рабочего постепенно отстает. И вот наряду с развертыванием нулевых групп в школах, обслуживающих рабочее детское население, необходимо будет предпринять мероприятие такого рода, чтобы и для ребенка, обучающегося в III или V группе, но отстающего от общей массы, постепенно, целым рядом длительных мероприятий, создать условия, способствующие тому, чтобы он догнал основную массу учеников. В прошлом году в Рогожско-Симоновском районе в Москве был произведен такой опыт. Затрачено было на этот опыт втечение месяца 1 200 рублей и в порядке дополнительных занятий, примерно, около 800 человек, из различных групп, были переведены в следующие группы. Если бы это мероприятие, по существу говоря, стоившее пустяки—полтора рубля на ученика,—не было проведено, то конечно, 800 человек осталось бы в тех прежних группах и не получило бы дальнейшего движения. На этот вопрос нам нужно было бы обратить внимание.

Третий вопрос о тех детях, или, вернее, подростках, которые переходят в

высшую группу II ступени. Мне кажется, что здесь надо будет заострить вопрос на необходимости отпуска и общественными, и кооперативными, и профессиональными организациями, и государственными учреждениями стипендий. Об этом надо будет четко сказать.

О всеобщем обучении. До сего времени нет упорядоченных взаимоотношений между государственным и местным бюджетом. Это—с одной стороны. С другой стороны, до сего времени нет сколько-нибудь существенного просвета в отношении организации школьно-строительного фонда. Мне кажется, что этот вопрос упирается в то, как мы пойдем дальше, насколько быстро или медленно мы будем двигаться по пути к установлению всеобщего обязательного обучения. Товарищи, не надо забывать, что мы через 2—3 года получим увеличенные школьные контингенты детей, которые родились в 1923—1924 гг., которые в сравнении с тем школьным контингентом, который имеется в настоящее время, будут значительно большими. Я позавчера вернулся из Бронницкого уезда и по данным, которые там имеются, видно, что 1926/27 г. дал в школу около 3 тысяч ребят, а к 1931/32 г. их будет $51/_2$ тыс. Если мы не предпримем серьезнейших мероприятий по развертыванию школьного строительства, по развертыванию вспомогательных мероприятий, то мы можем через 2—3 года быть под угрозой снижения процента охвата детей школьного возраста нашей школой.

Другой вопрос—об упорядочении наших взаимоотношений с общественными, по преимуществу, крестьянскими организациями и местным бюджетом. Мы говорим крестьянскому населению, чтобы вносили по возможности то, что они в состоянии, для устройства школы. Крестьяне подвозят материал, дают рабочие руки. Являются в уездный или губернский отдел народного образования, и начинаются разговоры о том, что мы дадим вам 300—500 рублей на постройку школы. Нет никакого разграничения в процентах—сколько должно дать крестьянское общество, сколько местный бюджет и сколько соответствующие общественные организации. Внесение определенности в этот вопрос усилит приток общественных крестьянских средств.

В докладе Анатолия Васильевича ничего не сказано о дошкольном воспитании. (Голоса. Правильно! Аплодисменты.) Товарищи, я думаю, что культурная революция в очень сильной степени затрагивает интересы раскрепощения работницы-женщины от кухни, от стирки белья и тому подобных вещей. Говоря о культурной революции нельзя отворачиваться от тех чрезвычайно важных задач, которые стоят в области дошкольного воспитания. Не дать съезду своих соображений по этому вопросу нельзя потому, что нужно иметь в виду, что решения Всероссийского съезда заведующих ОНО будут иметь направляющее значение не только на годичный срок. В разных районах решения Всероссийского съезда придется проводить втечение 2—3 лет, а может быть, втечение и более продолжительного промежутка времени, и я думаю, что если бы мы не сказали ничего о дошкольном воспитании, то я уверен, что отряд работников дошкольного воспитания может с большим пессимизмом отнестись к нашим решениям. Надо это дело поправить и соответствующий пункт в резолюцию внести.

О политпросветительной работе. Я не буду говорить о целом ряде вопросов, связанных с этой работой, я хочу только сказать об увязке, о координации работы, ведущейся целым рядом организаций—профсоюзами, кооперацией и другими организациями. Пора серьезно подумать об этой увязке. Мы стоим перед необходимостью планирования дела народного образования вообще и в частности политико-просветительной работы на пятилетний срок. Мне кажется, нельзя разрешить вопрос о планировании дела народного образования, если мы не учтем те силы и средства, те возможности, которые имеют кооперация, профсоюзы и целый ряд других общественных организаций, ведущих в городе и преимущественно в деревне политико-просветительную работу. Это—второй вопрос, который тесно связан с вопросом координации и увязки.

Далее—настала пора, когда мы должны всерьез поставить перед собой задачу об оживлении работы уездных, губернских и окружных политпросветкомитетов. Не случайно, что главный политпросветкомитет работает в лице только его пре-

зидиума. Подходя вплотную к вопросу о культурной революции, надо оживить политпросветкомитеты, а это оживление даст возможность оживить всю работу, которую ведет целый ряд организаций—профсоюзы, кооперация и т. д. Здесь, товарищи, можно было бы не ставить вопроса так, как склонны ставить некоторые товарищи, что если, например, в кооперации имеются средства, то дайте эти средства в карман политпросветкомитетов. Вопрос не в том, чтобы взять у кооперации средства, а вопрос заключается в том, чтобы совместно с кооперацией эти средства распределить наиболее целесообразно по тем участкам, которые требуют оживления политпросветработы.

Долинко (Цекпрос). А. В. Луначарский в своих тезисах и в прекрасном докладе изложил довольно подробно те задачи, которые стоят перед нашей страной и перед Наркомпросом, в частности, в области народного образования. Тем не менее, как вы уже слышали здесь, некоторые участки остались незатронутыми, и это породило целый ряд обиженных. Среди обиженных, помоему, должен оказаться и работник просвещения. Как ни странно, Анатолий Васильевич, который всегда и везде, говоря о задачах просвещения, работника просвещения ставит в центре, на сей раз ни в докладе, ни в тезисах ни слова не сказал о работниках просвещения. Я сейчас выступаю не потому, что во мне затронуто, как в представителе союза работников просвещения, чувство самолюбия,—обо мне-де не говорили,—но я выступаю потому, что именно сейчас нужно особенно говорить об этом. В доказательство я приведу факты, которые показывают, насколько об этом необходимо говорить и насколько должно внушать тревогу Цекпросу умолчание об этом. Мы согласны с вами, что в настоящее время просвещенец в массе неспособен выполнять те задачи, которые стоят перед нами в области культурной революции. Мы этого не скрываем совершенно, но отсюда можно сделать разные выводы. Некоторые на местах говорят: раз это так, так давайте гнать их в три шеи. Мы, однако, говорим совершенно другое, и об этом говорил несколько раз Наркомпрос. Необходимо еще раз подчеркнуть, что культурная революция требует, чтобы руководители народного образования более чутко относились к просвещенцу.

Что мы слышали здесь со стороны представителей некоторых отделов народного образования, в частности со стороны Сибири и со стороны Урала? Учитель отошел от производства. В качестве примера т. Перель привел заявление одного учителя, который говорил, что наконец можно свободно вздохнуть в связи с отменой программ Гуса. Я думаю, что в этом заявлении ничего страшного нет. Я не сомневаюсь, что если бы т. Перель непосредственно испытал те мытарства и терзания, которые испытывал учитель, когда проводил программу Гуса при тех тяжелых, даже ужасных условиях, которые были, то он тоже вздохнул бы свободно при отмене ее, как вздохнул этот учитель. (Смех.) Я абсолютно не говорю о том, что мы должны отказаться от программ Гуса. Я не оправдываю этого учителя, который, конечно, не понимает в достаточной степени значения этих программ, но делать отсюда общий вывод, что это заявление характеризует все учительство,—абсолютно неверно.

Как сейчас относятся органы народного образования к просвещенцам? Нужно констатировать, что как в центре, так и в большинстве мест, в особенности в губерниях, мы имеем со стороны многих руководителей самое внимательное отношение и самую правильную оценку педагога-просвещенца. Но этого нет, и этого нельзя утверждать в отношении низовых ячеек. В связи с тем, что низовым органам дано больше прав, и в связи с тем, что инспектора уже подходят вплотную к школе, мы сейчас констатируем, что в ряде мест в этом отношении не совсем благополучно. На этом съезде мы можем констатировать, что учитель в массе еще не готов в достаточной степени проводить стоящие перед ним задачи, но из этого не следует, что допустимы такие наскоки, которые, к сожалению, имеют место в низовых ячейках в отношении просвещенцев.

Другой вопрос, который сейчас нас занимает: отошел ли учитель от производственных вопросов или не отошел? Помоему, неправильно утверждать, что

учитель отошел от производственных вопросов. Может быть, нет уж тех эффектов, которые были в первое время, поскольку учитель от временной апатии (выражаясь мягко) рванулся крепко к производству, но учитель стал более глубоко заниматься изучением вопросов производства. Это, помоему, правильное явление, и отсюда сделать вывод, что просвещенец сейчас отошел от производства,—совершенно неверно. Масса просвещенцев сейчас только более глубоко стала подходить к нашим задачам.

К сожалению, ни в докладе, ни в тезисах ничего не сказано о зарплате просвещенцев. Я должен сказать, что тем успехом, теми достижениями, какие мы имеем в области зарплаты, мы не в малой степени обязаны Наркомпросу и его органам на местах. Но сейчас получается такое отношение, что—«довольно, можно-де несколько задержать темп роста зарплаты просвещенцев, который уже достиг некоторого определенного уровня, давайте несколько задержимся на этом темпе роста». Это настроение свойственно органам Наркомфина, поскольку за последние годы мы сделали резкий скачок в области зарплаты, а потому естественно, что у них наступает реакция. Но этой реакции нужно противопоставить твердую линию со стороны союза, а в первую очередь—со стороны Наркомпроса и его органов на местах.

Мы должны определенно сказать, что те достижения, которые сделаны, далеко не достаточны, и надо усилить внимание к этой работе. С той зарплатой, которую получает учитель, культурную революцию трудно будет совершить. Нужно будет усилить темп роста зарплаты, и в резолюциях нашего съезда необходимо указать, что этот вопрос должен быть продвинут и вообще не должен быть упущен из поля зрения как отделов народного образования, так и Наркомпроса.

В связи с задачами культурной революции надо еще больше внимания уделить работникам просвещения.

Болотов (Архангельск). Разрешая ту или другую задачу, касающуюся дела народного образования, большая часть выступавших товарищей говорила о том, что на дело народного образования необходимо бросать все больше и больше средств. Конечно, эти товарищи совершенно правы. Конечно, мы не можем и не будем оставлять этого дела без особого внимания, как и в прошлом. Будем с большей силой и энергией отстаивать свой бюджет, и в будущем мы будем требовать больших ассигнований на это дело. Мне кажется, что наравне с теми вопросами, которые сейчас выдвигают в своих выступлениях почти все товарищи, в том числе и докладчик, мы должны обязательно поставить вопрос о том, чтобы средства, которые у нас имеются, были использованы с большей рациональностью и целесообразностью, с большим эффектом. С этим связан ряд вопросов и в частности второгодничество, социальный состав и другие вопросы. Я считаю, что именно вопрос о рациональном использовании средств, в общей совокупности, должен итти наравне с требованиями больших ассигнований.

Я думаю, что мы были бы не совсем правы, если бы говорили о том, что у нас все в этой области уже сделано. Совершенно правильно Надежда Константиновна говорила о том, что такие вопросы, как второгодничество, социальный состав и другие, могут быть в известной степени разрешены и без дополнительных ассигнований. При наличии небольших сумм, даже при настоящих условиях, возможно разрешение этих вопросов в той или иной степени. Я считаю, что вопрос, поставленный здесь относительно групп взаимопомощи и нулевых групп, является как бы мелким по сравнению с другими, но надо постараться сделать известные сбережения, чтобы использовать их на другие или на те же цели.

Например вопрос о социальном составе. Я считаю, что он непосредственно упирается в материальные средства, в увеличение ассигнований на помощь бедноте, но мне кажется, что и этот вопрос может быть частично разрешен нами уже сейчас. Надо сказать, что до сих пор мало на него обращается внимания и мало делается хотя бы при помощи комитетов содействия. Ведь комитеты содействия, где они работают, приносят громадную пользу и содержат часть ребят бедняков при помощи добровольных взносов и пожертвований. Если бы на это дело обратили большее внимание, то мы не так дожидались бы дополнительных ассигнований, как это

имеет место сейчас. Увеличение ассигнований нам нужно, оно будет, но в такой мере, как мы об этом говорим, мы этого не добьемся, и мелочные вопросы, вопросы повседневного порядка, связаны с сохранением, объединением и сбережением имеющихся средств.

Я считаю, что и вопросы планирования должны быть подчеркнуты. Мне кажется, что с вопросами планирования дело обстоит не вполне благополучно. Если можно говорить о некотором благополучии в отношении соцвоса, где кое-как планировать можно, где кое-что в отношении всеобщего обучения сделано, если это можно сказать с натяжкой о политпросвете, то еще хуже, чем здесь, обстоит это дело по профтехническому образованию. Особенно тяжело приходится дефицитным губерниям. Им долгое время, почти до половины зимы, неизвестно, какими средствами они будут располагать. Мы это чувствуем, например, у себя. Дефицитная губерния ожидает дотации из центра, а когда она будет и в каком размере—неизвестно. Повторяю, дело затягивается до середины зимы, и вплоть до этого момента мы не имеем возможности планировать свою работу.

То же самое происходит и с пятилетним планом. Если мы не имеем определенных цифр, не только местных, но и цифр дотации, то наше планирование будет почти впустую. И опять же особенно плохо обстоит дело с профтехническим образованием, как я уже сказал. Это планирование связано также с тем, что некоторые хозорганизации, зависящие от центра, категорически отказываются дать какие-либо приблизительные цифры относительно требования на квалифицированную силу и, ясное дело, что это отражается на нашей работе. Мы ничего не знаем, центральные организации ничего не говорят, и получается тяжелое положение, изменить которое мы бессильны. Попробуйте-ка в таких условиях составить какой-либо план—пятилетний или другой. Ясно, что из этого ничего не выйдет. На это нужно обратить внимание.

Еще один вопрос, уже чисто северный,—это о самоедах, который нужно поставить перед съездом заведующих губоно во всей широте, потому что до сих пор этот вопрос не занимает должного внимания. Имеются школы самоедские, но с русским учителем и с русскими букварями. Нет ни плакатов, ни литературы, ничего нет вообще по линии народного образования самоедского населения, и в центре до сих пор вопрос об этом почти не стоит. Я считаю, что съезд губоно должен перед Наркомпросом поставить эту задачу.

От редакции: Заключительное слово А. В. Луначарского, доклад В. Н. Яковлевой, содоклад т. Долинко, прения по докладам и заключительное слово В. Н. Яковлевой будут напечатаны в следующем номере. По техническим причинам эти материалы не могли быть напечатаны в настоящем номере.

О бюджете 1928|29 года.

Доклад И. И. Ходоровского.

Ходоровский. Товарищи, позвольте мне доклад мой строить так, чтобы тезисы не повторять, что было бы неинтересно для нашего съезда. Я постараюсь выделить несколько основных моментов—два или три момента—и на них сосредоточить свое внимание и внимание съезда.

С какими ресурсами мы вступили в полосу культурной революции, в какой мере мы к ней подготовлены? Принято во всем нашем социалистическом строительстве различать две полосы: восстановительную и реконструктивную. Очень часто встречаются попытки формально, механически эту установку применить и к нашему делу. Мне кажется, что к нашему делу такую установку можно применить с большими оговорками. Мы имеем в нашей работе в области народного образования такие моменты, относительно которых можно совершенно определенно сказать, что они могут быть отнесены к моментам реконструктивным. Если вы возьмете программы Гуса, общественно-политическую сторону нашей школы, социальный состав учащихся у нас, особенно на высших ступенях—вузы, рабфаки,—если вы возьмете методы преподавания, то будет совершенно неправильно к этим разделам нашей работы применить такое формальное определение: мы достигли довоенного уровня. Так подходить нельзя, ибо мы на новых, совершенно других, чем прежде, принципиальных основаниях стали строить нашу работу, мы вкладываем в нее совершенно иное содержание. И с точки зрения содержания и принципов, мы по своей работе давно уже, много лет назад, вступили в полосу реконструктивную, ибо полосы восстановительной в формальном смысле слова мы не имели и не должны были иметь. Если вы возьмете другую часть нашей работы, относящуюся, скажем, к формальным знаниям, к формальным навыкам учащихся, то здесь разумеется, по многим линиям мы не достигли восстановительного периода. Если вы, наконец, подойдете к материальной базе народного просвещения, то здесь, если ориентироваться на довоенный уровень, можно совершенно определенно не только сказать, но и крикнуть, что мы еще очень далеко находимся от завершения восстановительного цикла. И тут не всегда, разумеется, можно равняться на довоенный уровень, но если в общем мы берем за исходное довоенный уровень, то мы должны притти к заключению, что мы восстановительного цикла в этой части еще далеко не завершили. Нам надо это подчеркнуть со всей категоричностью, потому что это не встречает признания очень часто в компетентных кругах. Существует распространенное мнение, будто бы мы в подведении материальной базы под народное просвещение так далеко зашли вперед, что вплотную подошли к практическому разрешению проблем культурной революции с точки зрения ее финансового обоснования.

Если вы обратитесь к последнему докладу Наркомфина Союза, к докладу товарища Брюханова на сессии союзного ЦИКа, то вы увидите формальное и потому чрезвычайно упрощенное отношение к нашей материальной базе и задачам, стоящим перед нашей работой в этой области. Товарищ Брюханов в своем докладе говорит: «Наши местные бюджеты в расходной области с каждым годом приобретают,

если так можно выразиться, уклон культурно-социальный. Вот почему на социально-культурные нужды по бюджету государственному предусмотрены расходы в 581 миллион рублей вместо прошлогодних 490 миллионов». Дальше делается вывод о гигантских сдвигах, о том, что мы быстро и вплотную подошли к проблеме культурной революции. Такой подход совершенно неправилен. Он упрощает дело, затушевывает вопрос, не дает представления о масштабе и сводит проблему культурной революции к привычному за последние 4—5 лет повышению ассигнований на народное образование на один процент больше, на полпроцента меньше. Если в результате бухгалтерских подсчетов выходит на один процент больше, то делается вывод, что мы к разрешению проблем культурной революции, с точки зрения ее финансирования, подошли вплотную. К этому прибавляются суммы, идущие на социальное страхование, на всякие другие вещи, имеющие важное культурное значение, но ведь оттого, что рабочий поедет на курорт или будет лечиться за счет отчислений Соцстраха, его сынишка или дочурка учиться в школе не будут, и дело постановки школьного образования не улучшится. Такое сваливание в один котел разных статей государственного расхода, имеющих культурное значение, замазывает существо вопроса, а существо это сводится к тому, что мы продолжаем влачить чрезвычайно жалкое бедственное существование в отношении финансирования народного образования. Товарищу Брюханову представляется, что мы сделали громадный сдвиг в деле финансирования просвещения, и построение бюджета у нас приобрело культурно-социальный уклон. Это, выражаясь мягко,—оптимизм, заблуждение. И если мы будем на этом базироваться при подготовке бюджета будущего года, то нас ждут самые горькие разочарования. Это немного напоминает то, что мы имели два-три года тому назад, когда один из заведующих Оно, кажется, заведующий тверским Оно, в борьбе за бюджет обратился с чрезвычайно решительным и категорическим письмом в исполком к заведующему финотделом, в котором писал об исключительной важности нашего дела и необходимости его усиленного финансирования. Заведующий финотделом ответил, примерно, так: «Дело твое очень важно морально, не теряй надежды морально». Дальше у него последовала еще фигуральная, художественная фраза: «Стекла твоего корабля все еще мутны, но поквартально они будут становиться прозрачнее. Мне кажется, что такая установка, которую делает товарищ Брюханов в своем докладе, чревата для нас и большими разочарованиями и, что особенно важно, ибо мы привыкли разочаровываться,—разумеется, дело не в субъективных ощущениях,—большими потрясениями для дела, которое нам поручено. Что я совершенно прав, когда так определяю понимание наркомфином задач, стоящих в области финансирования культработы, видно хотя бы из следующего. Мне недавно Оргплановое управление НКП дало материалы, относящиеся к докладу наркомфина об исполнении местных бюджетов за первое полугодие 1926/27 года. По этим материалам выходило, что в то время как расходы административные выполнены были за отчетное полугодие на 50,2%, расходы культурно-социальные выполнены были всего на 46,4%. Какой, вы думаете, вывод делается на основе этого изучения полугодичного опыта исполнения местных бюджетов на 1926/27 год? Делается два вывода. Первый вывод, что, повидимому, продолжается усердие по части административных расходов. Второй—что расходы на культурные нужды по народному просвещению надо исчислять не из 12 месяцев, а из 9 месяцев. Так как не все 12 месяцев полностью учреждения функционируют, то будем исчислять из 9 месяцев.

Мне кажется, товарищи, что с таким неправильным представлением о наших задачах в области финансирования народного просвещения на данной стадии нужно самым решительным образом бороться. И всюду и везде прямо говорить и кричать, что положение наше чрезвычайно бедственное, что в школе, как об этом все знают, мы не имеем самого элементарного, самого примитивного оборудования, что у нас нет парт, нет географических карт, наглядных пособий, что в техникумах и вузах мы имеем оборудование от времен царя Гороха, что при таких условиях готовить специалистов для промышленности и сельского хозяйства на новых началах не представляется никакой возможности. На наши учебные расходы отпускаются гроши,

библиотеки пополняются чрезвычайно жалко, учебные здания разрушаются и в значительной степени разрушены, восстанавливаются чрезвычайно слабо, строительство слабо, если вообще можно говорить о строительстве; заработная плата продолжает оставаться низкой, и материальное положение учащих чрезвычайно тяжелое. Вот какова действительная картина и действительное фактическое положение, вот каково материальное положение народного просвещения. Мы должны четко и ясно, ничего не прикрашивая, сказать, что в современных условиях нам не разрешить задач, поставленных перед нами культурной революцией. Все говорят о том, что мы должны догнать, и не только догнать, но и перегнать в самое кратчайшее время передовые капиталистические страны в отношении их хозяйства и их техники, а следовательно, и в отношении их культуры. Какие предпосылки мы имеем для того, чтобы этот обгон и перегон сделать в кратчайший период? Вот несколько цифр, характеризующих соотношение между финансовой базой нашей и финансовой базой других стран.

Япония: в 1923 году учащихся I и II ступени было 11 миллионов учащихся. Расход условный на школы I и II ступени составлял 348 миллионов золотых рублей. В среднем на одного ученика I ступени—50 червонных рублей в год, и на одного ученика II ступени—260 червонных рублей в год.

Австралия: учащихся в школах I и II ступени 861 000 человек. Расход на I и II ступень втечение года составлял 100 миллионов золотых рублей, а на одного ученика в среднем, не разделяя на I и II ступень, 270 червонных рублей.

Англия: учащихся—6 017 000. Расход на школы I и II ступени 410 миллионов золотых рублей в год. Расход на одного учащегося в среднем 140 червонных рублей.

Америка: учащихся в школах I и II ступени 27 миллионов. Расход втечение года на I и II ступень составлял 4 800 000 000 золотых рублей. Расход на одного ученика в среднем, не разделяя на I и II ступень, составлял 3 355 червонных рублей.

Штат Нью-Йорк тратит на все образование в штате на 1928 год 322 миллиона рублей. А кроме того, 28 миллионов золотых рублей на повышение оклада учителя.

Один город Берлин на массовое образование, без высшего образования, втечение 1928 года истратил 147 миллионов червонных рублей, или на одну душу населения 34,2 червонных рубля.

Наш передовой центр СССР—Москва—за 1927/28 год истратил 32 миллиона рублей на народное образование, или на душу населения 15 рублей. Если это взять и сопоставить с расходом на школы I и II ступени РСФСР без автономных республик, то получим, что на 5 378 000 учащихся I и II ступени в 1926/27 году было ассигновано 155 миллионов рублей, или 75 миллионов долларов. Последующий рост на 1927/28 год был небольшой, а на 1928/29 год нашим Плановым бюро запроектировано, примерно, 115 миллионов золотых рублей, и эта сумма, вероятно, будет снижена. На одного учащегося I ступени в 1926/27 году у нас расход составлял 23 рубля 27 копеек, в 1927/28 году—26 рублей 25 копеек, а на 1929/30 год, т. е. на год культурной революции запроектировано 30 рублей 89 копеек. На школу II ступени на одного учащегося в 1926/27 году было истрачено 48 рублей в среднем, на 1927/28 год—62 рубля, а запроектировано на 1929/30 год—79 рублей. Вот какая невероятная отсталость в отношении нашего расхода на одного учащегося по сравнению с другими странами. Такая же безрадостная картина расходов и на техникумы. Когда мы при таком темпе догоним и перегоним капиталистические страны—сказать не берусь.

Другая чрезвычайно важная статья, занимающая у нас совершенно последнее место, тогда как она должна занимать первое место,—это капитальные вложения, т. е. капитальное строительство и капитальное оборудование. Если это сравнить с тем, что мы имеем по другой линии капитальных вложений в строительство и оборудование по всему СССР—по всему государственному сектору промышленному, увидим, что в 1925/26 году капитальные вложения на промышленность составляли 790 миллионов, а на народное просвещение—40 миллионов, причем сюда входит все: и школьное строительство, и все средства по госбюджету на капитальное строительство, на

оборудование и на капитальный ремонт всех вузов, всех музейных учреждений, всех техникумов, которые находились на бюджете, всех совпартшкол и т. д. На промышленность в 1926/27 году было израсходовано 1 миллиард слишком, а на народное просвещение—62 миллиона рублей. На промышленность в 1927/28 году было израсходовано 1 миллиард 284 миллиона рублей, а с электрификацией—1½ миллиарда, тогда как на народное просвещение всего 75 миллионов на все его нужды. Если взять в процентах, то также получается невероятно малый процент роста. По сельскому хозяйству на 1927/28 год по капитальным вложениям рост составлял 75,5%, на промышленность—27%, а по нашему делу—всего 18%. Картина удручающая. Товарищ Орджоникидзе, выступая недавно на собрании студентов-выпускников в цирке, привел такие данные: если взять последние годы, то в 1924/25 году нами в народное хозяйство в целом, и в сельское хозяйство и в промышленность, было вложено 2 миллиарда 800 миллионов, в 1925/26 году—3 миллиарда, в 1926/27 году—3 миллиарда 625 миллионов, а в следующем—1927/28 году—4 миллиарда 402 миллиона, в нынешнем—5 миллиардов 192 миллиона. Только на одну промышленность, добавляет он, и электрификацию государственные вложения составляют 1½ миллиарда рублей. Вот какова картина с капитальными вложениями.

Я не знаю, какой вывод отсюда можно делать, разумеется, я не претендую на миллиарды и не думаю у промышленности эти миллиарды отнимать, но когда товарищ Луначарский на юбилейной сессии ЦИК и потом на XV Партсъезде выдвигал идею, чтобы мы были включены хотя бы по этой линии,—по линии капитальных вложений—в план индустриализации, чтобы на нашу долю чуточку перепало от капитальных вложений, идущих в народное хозяйство, то эта идея, к сожалению, не встретила сочувствия и поддержки. А между тем, он был прав, ибо проблема подготовки кадров по всем линиям, начиная с школ I ступени и кончая вузами и научно-исследовательскими институтами, есть неотъемлемая часть общей программы индустриализации страны, и надо было бы капитальные вложения в этом плане предусмотреть.

Что мы имеем по местному бюджету в смысле ассигнований, в смысле удовлетворения неотложных культурных нужд, культурных потребностей?

В 1925/26 году местные бюджеты составляли 31% в общей сумме местных расходов в республиканском масштабе, в 1926/27 году, т. е. тогда, когда намечался переход в новую полосу—в полосу культурной революции, мы с 31% съехали до 28,4%, а еще через год под категорическим нажимом правительства и партии мы чуточку поднялись—до 31,5%, причем по отдельным губерниям и областям мы имеем снижение даже в этом году. Вотская область дала снижение с 37,1% до 30 с лишком, Марийская область—с 34% до 32,4, Калмыцкая—с 41% до 39 с лишком. Затем из чувства солидарности с ними съехали две губернии—Владимирская и Костромская. В среднем мы добились 30,5%, но не больше. Некоторое увеличение получилось, но это увеличение ни малейшим образом не отразилось на качестве работы наших учреждений, ибо целиком и полностью пошло на повышение зарплаты учительского персонала. Это, как мы говорим в наших тезисах, надо было сделать, и правильно поступили, сделав это. Если вы возьмете расход на одного учащегося в школе I ступени, то получите такую картину, что в 1926/27 году зарплата поглощала 81,7% всех расходов, в текущем 1927/28 году то же самое, т. е., по сути дела, в отношении улучшения оборудования, строительства, учебников мы почти не сдвинулись с места. На 1928/29 год запроектировано некоторое продвижение, зарплата будет составлять 79,5% всех расходов и 20,5% запроектировано на все остальные нужды.

II ступень дает такую картину: в 1926/27 году зарплата поглощала 80,5%, в 1927/28 году—87,9%, в 1928/29 году—столько же. Это в школах II ступени, которые в отношении учебного оборудования находятся в состоянии катастрофическом и должны в самый кратчайший период капитально себя переоборудовать. Я думаю, что найдутся люди, которые скажут: «Ага, вы так много ухлопали на зарплату, нельзя ли если не сократить зарплату, то больше ее не повышать!» Такие охотники, вероятно, найдутся, но вы все знаете,—об этом говорится в тезисах,—что зарплата продолжает оставаться крайне низкой, что в отношении школ I ступени она составляет 60—70% довоенной зарплаты, по школам повышенного типа составляет значительно меньше, а по школам высшего образования—и того меньше. Продвижение по линии зарплаты продолжает оставаться для нас чрезвычайно актуальной задачей. Я знаю, что имеются рационализаторы, которые заняты тем, чтобы нас рационализировать. Рационализируют наш бюджет, рационализируют нашу сеть. Занятие это—почтенное; вероятно, у нас имеется очень много нерационального, неблагополучного, что нуждается в улучшении и исправлении, но обычно рационализаторский пыл направляется вот по какому пути—нет ли у вас лишних просветительных учреждений, которые можно было бы закрыть, нет ли у вас техникумов а иногда и школ II ступени, где было бы слишком много параллелизма, где нет полного укомплектования, где состав профессоров недостаточно хорош, где оборудование недостаточно богатое. Вместо того чтобы подбирать профессоров, вместо того, чтобы повышать квалификацию преподавательского состава, делается вывод,—нельзя ли начать культурную революцию с того, чтобы несколько учреждений закрыть, ибо мы и без этого чрезвычайно богаты культурными учреждениями. Нам в таком рационализаторском направлении осуществлять культурную революцию ни в коем случае не приличествует. Разумеется, мы очень часто слышим нарекания, иногда справедливые, что вся система народного образования, начиная с Наркомпроса и кончая уездным отделом народного образования, неумело расходуют средства. Мне часто приходилось слышать из уст руководителей Моссовета, что в Москве на народное образование столько денег дается, что Моно просто не знает, куда их девать, и расходует нецелесообразно. Разумеется, очень часто мы расходуем деньги нецелесообразно, вообще, во всей системе хозяйства мы понастоящему хозяйствовать не научились. Мы имеем громадные просчеты на капитальное строительство.

Это, вероятно, имеет место и у нас—в деле народного образования. Но кто думает о снижении наших школьных ассигнований, чтобы за счет их провести культурную революцию, тот является жалким крохобором, не охватывающим всей важности задач культурной революции.

Я ставлю вопрос—что делать дальше, как двигаться вперед, какими участками и каким темпом? Мне кажется, товарищи, что мы на всех участках так безнадежно отстали, что неизбежно должны всем фронтом двигаться, ибо такого участка, на котором дело обстояло бы относительно благополучно, с точки зрения тех чрезвычайно скромных требований, к которым наркомпросовская система привыкла, ни одного такого участка вы не найдете ни в отношении зарплаты, ни в отношении материального положения учащихся, начиная с низших учебных заведений и кончая высшими учебными заведениями. Наши здания—что они собой представляют? Они не подвергались капитальному ремонту втечение 10—15 лет, они не подготовлены к размещению тех учащихся, которые их наполняют, ибо некоторые учебные заведения предназначены для нескольких сот учащихся, а в них размещены тысячи учащихся. Учебные заведения в таком положении дальше находиться не могут. Пока мы не совершим большого скачка, нам нельзя будет распределять наше внимание на отдельных участках нашей работы и говорить, что вот за этот участок надо в первую очередь приняться, а за этот—во вторую очередь. Сейчас мы находимся в таком положении, что должны двигаться вперед всем фронтом, об этом и в тезисах говорится. А каковы наши перспективы? Госплан разработал план, правда, пока предварительный, в котором рост расходов на народное просвещение на будущий год определяется в 10%, и на долю Наркомпроса также отведено 10%. Вот перспектива—нечего сказать—радужная в эпоху культурной революции, в то время как в предыдущем году мы имели рост на 18½%. Мы такой подсчет Госплана опровергаем не потому, что он неправилен, но мы считаем, что этот подсчет расходов государственного и местного бюджета нельзя назвать последней плановой мудростью. Мы рассуждаем иначе, мы считаем, что мы подошли к такой эпохе, когда все расчеты должны быть опрокинуты и наш расход должен быть поставлен на должное место. Что касается государственного и местного бюд-

жета, его роста и его задач, то мы выдвигаем как задачу практическую—не как лозунг, но как практическую задачу, которую нужно во что бы то ни стало осуществить в этом году,—без чего ни одна школа не обойдется, без чего мы в будущем году будет также плакать и хныкать, и также будут нас ругать, и мы будем отставать безнадежно в области теоретического и практического строительства нашего производства, мы выдвигаем задачу—запроектировать рост местного бюджета в два раза больше предыдущего года.

Некоторые товарищи говорят, что мы размахнулись очень далеко и являемся беспочвенными идеалистами. Мы с этим не можем согласиться. Не знаю, что выгоднее для государства—выгоднее ли дать на промышленность не 2 миллиарда, а 1 миллиард 900 миллионов, чтобы 100 миллионов пошло на ассигнование по народному просвещению, или дать 2 миллиарда промышленности, а народное просвещение оставить на прежнем уровне. Умудренные опытом, мы заготовили и минимальный вариант, который сводится к тому, чтобы вместо 18,7% роста привести по местному бюджету 25—26% роста. Это даст небольшое продвижение, мы немного увеличим хозяйственные расходы, чуточку подкрепим материальное положение учащихся, кое-где сдвинемся в отношении зарплаты.

В каком направлении должна итти наша работа по бюджету, какие части сейчас немного надо выдвигать, какие чуточку отодвигать, имея перспективу выдвигаться по всем линиям? Мы об этом говорим в тезисах, и разрешите мне на этом не останавливаться. Товарищ Луначарский—в этом заключается его большая заслуга—на протяжении ряда лет, на всех съездах советов, на всех партийных съездах, во всех общественных выступлениях неустанно подчеркивал ту бесспорную мысль, что мы ведем громадное дело по хозяйственному строительству, что мы в план хозяйственного строительства должны быть включены, и финансирование нашего дела ни в коем случае не должно отставать от финансирования всего дела народного хозяйства. До сих пор, к сожалению, эта программа оставалась на бумаге, лозунгом, не получившим реализации ни в малейшей степени. Я скажу, что человека, умудренного некоторым опытом, одолевает скептицизм—удастся ли нам сдвинуть и преодолеть ту невероятнейшую косность, которая всюду и везде имеет место. Наше дело мало знают и низко его расценивают, и в этом наша беда. Мы до сих пор были, нужно об этом сказать откровенно, изолированы, мы самым беспощадным образом, до последних сил боролись всюду и везде—в органах Наркомфина, в бюджетных секциях, на бюджетных совещаниях, в Госплане, в Совнаркоме, а вы у себя в исполкомах. Я думаю, что если мы говорим в наших тезисах, что не всегда сами органы народного образования проявляли достаточную настойчивость в борьбе за бюджет, то тут ничего обидного не имеется. Надо объективно сказать, что тяжелый крест несли работники просвещения, когда боролись за бюджет, когда вели бешеную самоотверженную борьбу за него. Мы должны признать, что мы изолированы. Методами формально бюрократическими, я бы сказал—аппаратными методами, борьбы за бюджет культурной революции, мы ничего не сделаем, такие методы являются несостоятельными. Надо в настоящее время прибегнуть к другому методу—надо широко организовать вокруг нашего дела советскую и партийную общественность. Надо все усилия употребить на то, чтобы стена была пробита, чтобы к нашему делу ближе подошли, чтобы им понастоящему заинтересовались, чтобы мы получали настоящую поддержку. От нас требуется громаднейшая активность в проведении бюджета, активность в использовании средств самого населения через самообложение. Здесь мы проявили халатность невероятную, выражаясь грубо, мы прошляпали это дело, ничего от него не получили, а могли бы получить. Нужно сделать упор со всей решительностью на изыскание средств через хозяйственные органы, на проведение целевого налога, который мог бы дать некоторый приток средств, на мобилизацию и организацию сил советской и партийной общественности. Разумеется, товарищи, что рядом с этим мы сами должны неуклонно систему своей работы рационализировать, чтобы те незначительные, жалкие, с точки зрения потребности, средства, которые на наше дело отпускаются, были бы использованы наиболее рационально, чтобы получился максимальный эффект, чтобы не было расхлябанности, неряшливости в

расходовании средств, а ведь это имеется очень часто. Я бы мог целый список документов огласить по поводу того, что не надо и что делается по линии госбюджетных учреждений и местных учреждений. Рационализация работы, упорядочение по всем линиям, прежде всего по линии финансирования,—вот что является нашей задачей, мы ее должны выпятить со всей решительностью, потому что это поможет в борьбе за новые средства. Все это совершенно правильно, на этом нужно сосредоточить все силы.

Я не хочу по пунктам излагать, по какой линии надо в этом году и сколько ассигновывать, это вы найдете в наших тезисах, это вы будете иметь и в системе контрольных цифр, которую товарищ Касаткин будет докладывать.

Я считаю своей задачей попытаться по мере моих сил внимание съезда сконцентрировать на основных вопросах—на финансировании народного образования, в эпоху культурной революции приобретающего совершенно исключительное боевое политическое значение. Я бы хотел, чтобы мы прониклись сознанием, что без решительного крутого перелома мы понастоящему с места не сдвинемся, будем безнадежно отставать. Нужно, чтобы это сознание было не только у нас, но чтобы мы этим сознанием пропитали широкие слои советской и партийной общественности. Позвольте выразить уверенность, что мы окажемся на высоте тех больших требований, которые перед нами поставлены. (Аплодисменты.)

Прения по докладу И. И. Ходоровского

Л и э (Совнацмен). Если мы говорим, что в общей работе важнейшим вопросом является бюджет, то, товарищи, для постановки нацменпросвещения, о котором мы здесь говорили чрезвычайно мало или почти ничего, потребуется твердый, определенный бюджет. Как правило, до сих пор нигде на местах мы не имели в общем бюджете особой рубрики на просвещение нацмен, поэтому получается чрезвычайно пестрая картина в работе. По обследованию работы и по материалам, которые присылаются, мы видим, что, например, Курская губерния никак не может наладить украинскую работу, в то время как в Воронежской губернии за короткое время проводится украинизация всего Россошанского уезда. Все украинские школы этого уезда за три-четыре месяца были снабжены учебниками, укомплектованы учительским персоналом, инспекторами, найдены помещения и т. д.

В большинстве случаев снабжение учебниками нацмен до сих пор идет вяло, а Брянская губерния, не дожидаясь ассигнования центра, обеспечила нацучебниками все учебные заведения в начале учебного года. Это говорит о том, что работа совнацмен скорее случайность, чем система, что в одном месте положение лучше, и в другом хуже, но в общем дело обстоит плохо, поскольку в смете народного образования нет параграфов, финансово обеспечивающих расходы на работу нацмен. Когда мы говорим о правильной постановке нацменработы, о руководстве этой работой, то самым неотложным для нас является вопрос кадров работников. В условиях русской работы идет спор о типе инспектуры: интегральной, типовой, цикловой и пр. Для нацмен нужен вообще инспектор-национал, хорошо знающий родной язык данной национальности и имеющий педагогическое образование. А инспектуры-то почти нигде нет. Нет штатов. Нужно, чтобы на местах были эти штаты. Без нацинспектуры не будет работы. Бывает даже, что там, где инспектура осуществлена, она оплачивается ниже общей инспектуры. Это надо изжить и иметь в виду уравнение в денежном отношении соответственно с улучшением, которое сейчас уже предполагается.

Надо добиться сумм на разъезды по национальной работе, ибо если продолжать то, что сейчас по общей линии имеется, то есть, что инспектор больше всего сидит в округе или где-нибудь еще, тогда, конечно, и работа нацмен не подвинется даже при наличии инспектуры. Нужна специальная сумма не только для инспектирования, но вообще для обслуживания разъездов, и не только по национальной группе. Эти суммы необходимо закрепить в оперативных расходах.

Мы выдвигаем сейчас задачу всеобщего обучения и усиления ликнеграмотности среди нацмен. На очереди плановое расширение сети. Это потребует огромных сумм на новое школьное строительство и ремонт старых зданий, так как школьные здания нацмен исключительно плохи, а зачастую и совсем непригодны для школьной работы. Сумма на школьное строительство, а равно и суммы на оборудование школ надо забронировать в бюджетах на 1928/29 год. Сразу можно сказать, что требуемые суммы будут колоссальными, ибо школьное дело нацмен стоит дороже, чем русская школа, но на это надо итти, чтобы наконец было продвижение работы. Должны быть проведены мероприятия, чтобы давалась определенная правильная подготовка необходимого кадра для школы нацмен.

Что касается политпросветучреждений, то в области снабжения их, например,

литературой, в целом ряде мест ничего не сделано, кроме того, что делает центр. Нет ни контроля ни руководства работой. Там, где нужна массовая пропаганда, нет средств на кино, на радио, на плакат.

О профессиональном образовании, в частности начальном профобразовании среди нацмен. Эта работа только начата, но если мы не сумеем ее подкрепить финансовой базой, то усиление развития ее останется в плоскости добрых пожеланий.

Методическая работа. По этой линии мы в центре встречаемся с большими затруднениями, работа эта чрезвычайно сложная, чрезвычайно дорогая, начиная с учебников и кончая методической литературой: небольшое количество квалифицированных сил, малые тиражи и пр. Но эту работу надо иметь в виду как важнейшую в органической школьной и политпросветработе. Надо, чтобы и места позаботились о средствах на методическую работу нацмен у себя.

Планируя работу и составляя бюджет на 1928/29 год, надо твердо помнить, что от того, как места отразят в бюджете национальную работу, зависит ее состояние.

М а к а р о в (Амурский округ). У меня имеется большое сомнение не только в отношении максимального плана, намеченного в тезисах, но и в отношении минимального плана. Почему мы не можем сделать скачок? Причину надо искать не в том, что сами местные ОНО недостаточно энергично отстаивают свои бюджеты. Основная причина—то, что местные бюджеты отдельных округов, отдельных губерний не дают предпосылок для такого быстрого скачка. В самом деле, не можем же мы поставить вопрос таким образом, что весь прирост местного бюджета надо отдать на дело народного образования. Это говорило бы о том, что мы не знаем местных нужд и местного бюджета. Есть ряд областей работы, требующих от местного бюджета не меньшего внимания. Если окружной исполком нам иногда отказывает в средствах, то не потому, что местные советские органы недооценивают значения дела народного образования. Сейчас имеется сдвиг в отношении низовых органов советской власти к делу народного образования. Если нам не дают средств, то на это есть свои причины. На Дальнем Востоке имеется опыт с бюджетом 1928/29 года. У нас составляли контрольные цифры, которые прошли известные инстанции. Эти контрольные цифры 1928/29 года говорят, что максимально мы можем получить по местному бюджету увеличение на 25% против роста всего местного бюджета в 14%. Что означает прирост в 25%? Это означает неудовлетворение ряда основных нужд. Мне кажется, что выход должен быть следующий: надо не только отделываться резолюциями, но следить, чтоб они были реальными, примерно, надо в местный бюджет передать ряд доходов, ныне поступающих в госбюджет. Только тогда, когда у местного бюджета будет больше средств, мы сможем требовать увеличения средств на народное образование.

Об усилении планового начала в нашей бюджетной работе. Этот вопрос особенно важен при нашем несколько недоверчивом отношении к сдвигу на следующий, 1928/29 год. Как у нас обстоит дело с распределением средств между городом и деревней? Сплошь и рядом приводятся цифры, что душевой расход—4 рубля, 5 рублей и 6 рублей. Если вы это расшифруете для города и деревни, то получится, что душевой расход на душу сельского населения в три раза меньше, чем на душу городского населения. Я далек от того, чтобы недооценивать значения обеспечения культурных нужд пролетариата. Я хочу только сказать, что нельзя подходить ко всем городам одинаково. В рабочих центрах нужно дать пролетариату семилетку, обеспечить II ступень, но у нас имеется не мало городов, где рабочих горсточка, и основная масса населения таких городов—мещанство. Получается, что это мещанство обеспечивается в три раза больше, чем крестьянин.

Как у нас обстоит дело в самой деревне? Одинаково ли обеспечиваются отдельные районы? Нет, не одинаково. Развитие сети, ее состояние в большей части зависят от инициативы населения, от наличия актива в том или ином пункте. Но мы знаем, что есть ряд условий, которые не дают возможности выявиться этой

активности. У нас есть районы, где развиты отхожие промысла, где остающиеся женщины не могут проявить эту активность, у нас есть районы бедняцкие, актив которых из-за материальных соображений не может лишний раз в райцентре хлопотать о школе, зато, как правило, зажиточные районы школы имеют. Надо положить конец зависимости состояния дела народного образования от инициативы населения данного пункта, надо будет планировать сеть понастоящему. То же самое относится к отдельным округам и губерниям. Я считаю, что нужно возложить ответственность за прорыв в некоторых местах на вышестоящие ОНО, в том числе и на Наркомпрос.

Басов. В нашей практике имеется такая ненормальность. Школа наша по обыкновению в городах начинает работать с 1 сентября, а в сельских местностях—с 15 сентября, но средства на их содержание отпускают с 1 октября, поэтому во вновь открываемых комплектах и школах сокращается учебный год и вообще учебно-программная работа. Кроме того по бюджету средства на некоторые расходы, как на обмундирование и питание, отпускаются помесячно; это положение не дает возможности урегулировать вопрос в отношении своевременного обеспечения учащихся обмундированием и питанием.

Мы неоднократно ставили на месте и перед Наркомпросом РСФСР вопрос об отпуске средств в начале бюджетного года, хотя бы на приобретение обмундирования и на заготовку продуктов, но до сего времени реального разрешения этого вопроса мы не имеем. Я просил бы Наркомпрос обратить серьезное внимание на этот вопрос и добиться отпуска средств по некоторым параграфам за целый год или же за полгода в первом же квартале бюджетного года.

О зарплате. У нас преподаватели средних учебных заведений в материальном отношении по сравнению с остальными специалистами поставлены не в одинаковые условия. Если эти учителя в городе берут от двух до трех нагрузок, то в сельских местностях они принуждены работать по одной нагрузке. Лица с такой же квалификацией, как наши учителя, работающие в других ведомствах, получают зарплату вдвойне больше, поэтому более квалифицированный педперсонал не соглашается ехать в сельские средние школы, иной раз они предпочитают быть безработными. Наркомпросу совместно с Цекпросом необходимо добиться повышения зарплаты учителей средних школ хотя бы для сельских местностей.

По бюджету мы в прошлом году имели всего 2 000 рублей на переподготовку учителей, в этом году добились включения 20 000 рублей, но когда возник вопрос о сокращении бюджета, то Наркомфин наметил сократить из этой суммы 7 000 рублей.

О техникумах. Они далеко еще не обеспечены по бюджету и не имеют соответствующего оборудования, а также помещения. Например у нас одному техникуму по бюджету отпускаются средства наравне с интернатом соцвоса; конечно, из такого техникума ожидать выпуска подготовленного кадра специалистов средней квалификации—не приходится. До сего времени на строительство зданий для средних школ средства не отпускаются. Нужно в дальнейшем добиться Наркомпросу выделения специального фонда на строительство и капитальные ремонты для средних учебных заведений, иначе мы принуждены будем закрыть эти учебные заведения или же без нас их закроют органы Наркомздрава.

Для улучшения политпросветработы в низах нам необходимо наметить ряд практических мероприятий в смысле увеличения процентного участия и улучшения материального положения политпросветучреждений. До сего времени заявки по линии политпросвета в большинстве случаев представлялись без достаточного обоснования, потому что не были разработаны твердые нормы, какие имеются по линии соцвоса и профобра. Главполитпросвету в дальнейшем необходимо подзаняться этим вопросом.

Тов. Моночиненков (МОНО). В своем докладе, сделанном на-днях в Комакадемии, о реконструкции народного хозяйства и культурного строительства, т. Кржижановский сказал, что по инерции у нас смотрят на образование с потребительской точки зрения, между тем как школы также дают производственный эффект.

Исследование т. Струмилина показало, что затраты государства в этой области приносят ему в дальнейшем 70% чистой прибыли, т. е. имеется очень высокий эквивалент полезности. Мы стоим накануне огромного переворота в организации дела народного образования.

Тов. Ходоровский в своем докладе сообщил, что то же самое учреждение, руководителем которого является т. Кржижановский, запроектировало повышение расходов на народное образование в 1928/29 г. по местному бюджету на 10%.

Я думаю, что это повышение на 10% можно было бы принять, если бы было сказано: так как местный бюджет имеет такую-то сумму повышения своих доходов, так как дело культурной революции настолько остро стоит, что местный бюджет с этой задачей не справится, то надо запроектировать такую-то сумму по госбюджету на дело народного образования. Если бы так Госплан свои контрольные цифры составлял, то, пожалуй, против этих 10% не надо было бы возражать. Но беда заключается именно в том, что сказали о 10% повышения расходов по местному бюджету на дело народного образования и ничего не сказали в отношении госбюджета.

Я не знаю, как в других губерниях, но в Московской губернии относительно контрольных цифр на 1928/29 год поговаривают в таком размере, что тот скачок, о котором мы мечтаем, трудно будет совершить. Мне думается, что в целом ряде губерний имеется такое же положение вещей. Мы как-то не особенно четко ставим перед хозяйственными и планирующими органами вопросы хозяйственно-экономического значения, которое имеют наши учреждения. Тов. Ходоровский прав, когда, говоря о рационализаторской работе, утверждает, что, по существу говоря, в значительной части всех этих разговоров рационализаторского порядка имеется желание как-нибудь отпихнуться от необходимости давать больше на народное образование. Поэтому проводится так называемая рационализаторская работа, ищут десятки тысяч для того, чтобы наиболее кричащие нужды народного образования заткнуть.

Мне кажется, что надо было бы всей нашей пропагандистской работой за дело народного образования доказать в самый кратчайший срок, что наши учреждения не есть учреждения потребительского характера, а учреждения, которые через некоторое время должны дать колоссальный хозяйственно-экономический эффект во всем нашем строительстве. В этом—центр тяжести.

Я боюсь, что в этом деле у нас не все обстоит благополучно. Я присоединяюсь ко второй части заключительной фразы т. Ходоровского, что мы должны развернуть широкую общественную работу.

Необходимо несколько заглянуть в то, как эта общественность в настоящее время нам помогает. По Московской губернии дело обстоит так, что секции народного образования соответствующих исполкомов имеют в своей практике по преимуществу контрольно-наблюдающие функции, выносят резолюции о необходимости такого-то повышения бюджета, но мы не наблюдаем особенно энергичных мероприятий со стороны секций в этом направлении.

Мне кажется, что центр тяжести заключается в привлечении советской общественности, в первую очередь секций по народному образованию, переводе последних от контрольно-наблюдательных функций к действенной помощи отделам народного образования в поднятии материального уровня наших учреждений.

Мне кажется, что того процента по местному бюджету, который имеется в тезисах по докладу т. Ходоровского, местный бюджет выполнить не может. Анализ цифр подтверждает, что мы могли бы достигнуть процентов 25, но большего скачка по местному бюджету трудно предусмотреть на 1928/29 год.

Какой из этого вывод?

Я думаю, из этого надо бы сделать вывод о необходимости отпуска больших средств по госбюджету, как союзному, так и РСФСР-овскому. Берем, например,

Московскую губернию. У нас вопрос о школьном строительстве стоит катастрофически; если не будут предприняты в ближайшие 2—3 года решительные мероприятия в этом направлении, то у нас дело неизбежно пойдет на уменьшение охвата детей школами I ступени и школами II ступени.

Беда заключается в том, что у нас школьный фонд имеется в размере 47% по сравнению с 13-м годом. Отсюда двухсменные и трехсменные занятия. Центр тяжести заключается в развертывании школьного строительства. Я уверен, что целый ряд губерний эту задачу своими средствами не может осилить, те средства, которые притекают из госбюджета и школьного строительного фонда, крайне недостаточны. Нужно поставить вопрос об увеличении в 3—4 раза соответствующих ассигнований из госбюджета на школьное строительство. При помощи этого мероприятия, можно было бы некоторые средства из местного бюджета освободить от назначения на школьное строительство, перевести их на повышение учебного расхода, на повышение зарплаты и другие кричащие нужды народного просвещения.

В заключение я хочу сказать, что взаимоотношения государственного и местного бюджета выявлены недостаточно. Они в отношении Московской губернии носят странный характер. Мы с 1927/28 года получили некоторое количество техникумов без соответствующей компенсации со стороны госбюджета. Больше миллиона рублей было употреблено на то, чтобы взять эти расходы на местный бюджет. Тем самым лишили возможности улучшить материальное положение бывших на местном бюджете учреждений.

Теперь последнее замечание относительно плановой работы. Я думаю, что при составлении бюджета на 1928/29 год необходимо было бы принять меры к тому, чтобы рассмотрение этого бюджета на 1928/29 год происходило не только с точки зрения наших потребностей именно этого года, но и с точки зрения пятилетней перспективы строительства народного просвещения.

Артамонов. (Иваново-Вознесенск.) Доклад товарища Ходоровского является слишком пессимистическим, особенно в той части, где говорится о движении за 1927/28 год. Товарищ Ходоровский сказал, что никакого движения не было. Это не совсем верно. Были такие участки, где отставали, но были и такие, где мы значительно продвинулись, например, всеобщее обучение. Здесь мы многого добились. Как Наркомпрос должен руководить нашей бюджетной работой? Он должен помогать в обосновании некоторых наших заявлений, именно по линии конкретных вопросов. До сих пор у Наркомпроса была такая линия: столько-то на политпросвет, столько-то на соцвос, столько-то на профобр. Между тем, давая руководящие указания, Наркомпрос должен учитывать отдельные нужды отдельных районов, города и деревни. У Наркомпроса был до сих пор слишком крестьянский уклон. Конечно, к крестьянству мы должны относиться внимательно. Мы должны развить сеть школ I ступени, главным образом, на окраинах и в крестьянских губерниях, но все же забывать рабочие районы не следует. В Иваново-Вознесенской губернии в начальных школах по рабочим районам в среднем кончают 60—70%. Занимаются в 2—3 смены в убийственных условиях. Если мы на местах изыскиваем средства и строим школы, то приезжает товарищ Касаткин и говорит: «У вас городской уклон, вы забыли деревню». Я думаю, что надо будет определенным образом договориться с Наркомпросом—давайте держать связь во время бюджетной кампании, оказывайте нам помощь в конкретных вопросах.

В тезисах нет ничего по поводу увеличения расходов на дошкольное воспитание. Надо, чтобы в бюджете нашла хотя бы небольшое отражение необходимость развития дошкольной сети.

Товарищ Ходоровский в тезисах относительно профтехнического образования подчеркнул, что надо увеличить расходы на профшколы, учебные мастерские и т. д. Надо брать средства не по бюджету, а по линии кооперации, по линии мелкой промышленности и укреплять то, что существует. О некоторых деталях. Я думаю, что можно в школах повышенного типа соцвоса зарплату оставить на прежнем уровне. Преподавателям техникумов я бы предложил повысить зарплату до 85 рублей.

В тезисах товарища Ходоровского получается противоречие с тезисами товарища Яковлевой. Инспектору нужно обеспечить проездные, командировочные, а товарищ Ходоровский говорит, что нужно за ним забронировать 75% всех командировочных расходов. Что же получится, если в ОНО будет всего 1 000 командировок? Давайте возьмем автономную область Коми. 400 рублей стоит поездка в Москву. В тезисах товарища Яковлевой сказано, что надо сделать эти расходы оперативными, зачислить их в оперативную графу. Я думаю, что эту поправку надо внести.

Мухин (Марийская область). Обычно на местах приблизительно в мае месяце распределяются между всеми разделами областного исполкома соответствующие контрольные цифры, причем в распределении этих контрольных цифр участвуют не все заинтересованные ведомства. Отсюда происходит такое положение, что экономотделы областного исполкома, как РКИ, ОФО, местхозы и пр., принимая участие в распределении средств по местному бюджету, конечно, стараются урвать себе львиную долю, и в результате происходит определенная урезка обслуживания культурных интересов в области народного образования.

Так ли обстоит дело и в других губерниях, я не знаю, но так обстояло дело у нас и так обстоит сейчас. В известной мере положение дела рисуется так же, как и в других отдаленных местах. Это, конечно, происходит оттого, что в бюджетную комиссию введены представители определенных организаций и определенных отделов областного исполкома по указанию свыше—из центра. Как известно, представители местных ОНО участвуют только при разрешении своих вопросов, а в остальных вопросах они не участвуют. И вообще участвуют только с правом совещательного голоса. Вполне понятно, что поскольку представитель ОНО имеет право защищать только свои интересы, только в пределах своей заинтересованности, а не в пределах вообще всех хозяйственно-экономических вопросов области, и происходит значительное ущемление интересов народного образования.

Я полагаю, что если мы хотим рационализировать культработу на местах, то из центра придется дать указания относительно обязательного включения наравне с членами всех заинтересованных хозяйственных организаций и представителя ОНО в бюджетную комиссию, иначе очень трудно будет защищать культурные интересы по линии народного образования.

Дело в том, что на обсуждение представителей заинтересованных ведомств обычно представляют контрольные цифры, уже проработанные в недрах плановой комиссии и соответствующих финорганов. Когда представителей приглашают на заседание президиума исполкома для окончательного разрешения вопросов бюджета, то, конечно, представитель наробраза, не зная природы этих цифр, не может конкретно возражать против них. Поэтому обычно происходит просто официальное утверждение распределения цифр между отделами областного исполкома, причем, конечно, хозяйственные организации, более знакомые с распределением средств, проводят свою политику на все 100%.

Приэтом у нас замечается определенно вредная тенденция именно в наших условиях. Эту тенденцию я бы охарактеризовал как «зуд» промышленного строительства, независимо от того, имеются ли к тому основания и объективные условия. Конечно, этот зуд хозяйственного строительства имеет место не только в центре, но и в промышленных губерниях, но все же, помоему, в отсталых районах нам нужно больше заниматься культурой, нежели созданием крупной индустрии, а сейчас тяга к созданию этой крупной индустрии, наблюдаемая на местах, ослабленным образом отражается на поднятии культуры и народного образования.

Когда на местах начинаешь говорить с местными представителями о долевом участии дела народного образования в бюджете, то они на все 100% идут навстречу. Но когда начинается конкретное распределение средств, то от всех их обещаний остаются рожки да ножки.

Даже выходит так, что если на культурные нужды определено 33,5%, то это только формально, а фактически при выполнении бюджета наробраза сильно отстает. Например, во втором квартале текущего года мы получили только 50%

того, что должны были получить, и такая же урезка будет и в следующих кварталах. Дальнейшее расхождение между назначением по бюджету и исполнением бюджета будет особенно сильно отражаться по линии наробраза. Приэтом особенно урезывают учебно-хозяйственную часть. Зарплату урезать нельзя. С этим, конечно, необходимо бороться.

Затем необходимо обратить внимание на специфические условия работы по просвещению у нацмен. Если в Марийской области вы назначите 2 миллиарда рублей для того, чтобы провести всеобщее обучение, то я, как заведующий ОНО, не могу вам обещать это провести, потому что у нас нет своих работников просвещения. Главпрофобр должен обратить внимание на этот вопрос кардинального значения—на подготовку работников просвещения для нацмен. Если этот вопрос не будет разрешен, то мы, даже при наличии каких угодно средств, не сможем провести всеобщее обязательное обучение.

Глухов. В теоретической постановке вопрос о бюджете в докладе т. Ходоровского разрешается очень хорошо, и мы поддерживаем в этой теоретической части Наркомпрос.

Также, как и т. Ходоровский, мы будем громить все организации, чтобы добиться осуществления культурной революции. В этом отношении мы солидарны и рука-об-руку пойдем с Наркомпросом сражаться с нашим «классовым врагом», с Наркомфином, с финотделами на местах и т. д. Но как стоит основной вопрос о конкретных возможностях осуществления этого теоретического обоснования? Где гарантия получения тех миллионов, о которых говорил т. Ходоровский? Мы, работники мест, великолепно знаем, что для разрешения этого теоретического вопроса нужно прежде всего правильно выполнить то, о чем говорил т. Рыков,—переключение средств.

Есть ли у нас такой инженер, который смелой рукой взял бы и повернул ручку механизма так, чтобы это переключение дало сектору народного просвещения необходимые средства? Если бы нам соответствующими организациями было сказано, что переключение это возможно в такой-то мере, то мы могли бы поставить вопрос об увеличении в 2—1½ раза удельного веса нашей работы, как указано выше. Нужно этот вопрос разрешить, чтобы в бюджетную кампанию знать более или менее определенно, с чего нужно начинать. А т. Ходоровский на это дает такой ответ: либо максимум, либо минимум. Нужно категорически отвергнуть такую постановку вообще. Нужно говорить о чем-то определенном. Тов. Ходоровский говорит: если потерпим поражение, то нужно будет отступить на вторую позицию. А где же у нас гарантия, что и на второй позиции нас не поразят? С этим «либо-либо» мы на местах провалимся.

Теперь насчет скачка. При наших ресурсах мы не можем делать скачка на 50%. Вот конкретный пример. Уезжая сюда, я предварительно беседовал с представителями наших авторитетных организаций и спрашивал их, на сколько процентов можно ориентироваться. Они мне сказали, примерно, процентов на 5. А т. Ходоровский нам предлагает 50%. Я считаю, что в проекте Наркомпроса имеется маленькая ошибка, только на один ноль с правой стороны, и когда его прибавишь, то получается для мест невыполнимая задача.

Мы ставим в первую очередь вопрос о конкретном переключении средств. Затем, об общественной инициативе. Все-таки нужно более или менее знать, как привлекать к культурному строительству эту общественную инициативу. Третьим вопросом мы ставим целевой налог.

Не разрешив этих трех вопросов, мы заранее знаем, что бюджетного плана не выполним.

Марченко (Башкирская республика). В плане построения бюджета вопрос об усилении инструктажа и переподготовки для национальных районов должен был бы найти одно из заметных мест. В тезисах же товарища Ходоровского, если по вопросу об инструктаже мы имеем более или менее директивы увеличить средства

на разъезды инспектуры, то о переподготовке и инструктаже в национальных районах ничего не сказано. Мне кажется, что эту работу по переподготовке надо усилить, следовательно, она должна получить соответственное отражение и в бюджете 1928/29 года.

О перераспределении средств между отдельными областями или между отдельными губерниями. В тезисах есть один пункт, который говорит следующее: максимальный темп развертывания школ всеобщего обучения должен быть дан деревенской сети и сети культурноотсталых национальных меньшинств. Какой вывод нужно отсюда сделать? Как видно, тот, что в тех районах и местностях, где мы имеем более или менее густо населенную сеть национальных меньшинств, темп развития бюджета должен быть более значителен, чем во всех остальных губерниях. Что касается темпа внутри каждой отдельной губернии, то одного указания на то, что необходимо усилить максимально темп развития школ для нацменьшинств, еще недостаточно. Здесь нужна четкая директива, как это сделать.

О школьном строительстве. Новые педтехникумы, которые мы строим в нацреспубликах и районах, оборудованы гораздо хуже и слабее, чем русские педтехникумы. Нацпедтехникумы от старого периода не получили никакого наследства, поэтому им должно отпускаться больше средств. В этом отношении некоторые директивные задания необходимо было включить в принципы построения бюджета на 1928/29 год.

Касаткин (ОПУ). Я начну прежде всего с критики тех товарищей, которые выступали и говорили: тезисы товарища Ходоровского и коллегии НКП хороши, но они были бы еще лучше, если бы деньги лежали на столе, и рекомендовали центр тяжести в бюджете перенести на государственный бюджет.

Верно ли это? Верно ли, что возможности местного бюджета исчерпаны или ничтожны? Объективный анализ цифр[1], а не настроение того или иного работника говорит, что по отношению, по крайней мере, к этим административным единицам нужно и можно говорить о том, что их бюджетные возможности в области народного образования отнюдь не исчерпаны.

Указывают, что местные плановые и финансовые органы ориентируют ОНО на восьми или десятипроцентный прирост в 1928/29 году. Но ведь преуменьшение прироста перед бюджетом стало законом. Мы, например, на нынешний, 1927/28, год проектировали прирост бюджета народного образования лишь на 13—14%, а он вырос (по назначению) на 20,1%. Если такой прирост мы смогли получить до решений XV Съезда партии, то нет оснований думать, что после XV Съезда партии мы будем иметь худшее положение. Нужно прямо сказать, что мы часто не дооцениваем тех возможностей, которые перед нами имеются, и слишком боимся Наркомфина.

Но, разумеется, товарищи, нужно хорошо подготовиться к защите бюджета.

Зачем нам нужны два варианта—максимальный и минимальный? Если мы не проведем школьного налога, то максимальный вариант будет не реален. Не имея никакого другого варианта, наша армия в процессе бюджетной борьбы окажется дезориентированной. Поэтому коллегия Наркомпроса поступила совершенно правильно, выдвигая два варианта, из которых каждый реален при проведении определенной суммы мероприятий.

Несколько слов о значении рационализации. Даже рискуя навлечь на себя упреки в крохоборстве, я должен сказать, что мы не доучитываем всего значения этой проблемы. Приведу один только пример. По городам РСФСР процент обеспечения детей от 8 до 11 лет школьными местами равен 132,5. Значит, по городам мы, в сущности говоря, уже перешли за черту всеобщего обязательного обучения. А что на самом деле есть в Ленинграде, например? Там по городу 150% обеспеченности, и тем не менее на будущий год нужно открывать чуть ли не 300 новых

---

1) См. ст. тт. Касаткина и Пресс,—„Что говорят цифры" в сборнике: „Вопросы методологии—планирования просветительной работы".

комплектов. Это объясняется обилием второгодников и переростков. Если считать (с явным преуменьшением) процент второгодников равным 15, то по одной только школе I ступени ежегодно застревает на второй год миллион человек. Считая их стоимость по 30 рублей, мы имеем 30 миллионов рублей. А ведь осуществив то, о чем говорил товарищ Моночиненков—затратив на ученика только по 1½ рубля, мы избавили бы многих от второгодничества и освободили бы нормальные школьные места для новых учащихся, для которых мы сейчас вынуждены открывать все новые и новые комплекты и отказывать в год 400 тысячам человек только по школам I ступени. Такая рационализация—не крохоборство, а миллионное дело. Я не привожу цифровых примеров по другим типам школ, так как не успею этого сделать, но и там такая же картина. Я думаю поэтому, что с прохладцей относиться к процессам рационализации в нашей работе нельзя. Эти процессы таят в себе возможности, пахнущие миллионами.

Последнее замечание о снабжении. Здесь правильно указывали на то, что мы этого закона не использовали. По Союзу пока собрано в порядке этого закона около 80 миллионов рублей, а сколько из них перепадет нам, мы не знаем. Мы опоздали ввязаться в эту кампанию и проиграли на этом несколько десятков миллионов. В будущем операционном году закон о самообложении должен быть использован нами полностью. Это также даст возможность достижения нашего максимального варианта.

Груздев. Основной корректив, в котором нуждаются тезисы тов. Ходоровского, заключается в том, что нужно сделать совершенно ясную установку—как это принято выражаться в нашем ведомстве,—куда должна быть направлена наша энергия в смысле отстаивания бюджета на будущий год. Тов. Ходоровский в своих тезисах говорит, что и план введения всеобщего обучения и расширения школ II ступени, и расширения профессионально-технического образования и расширение сети пунктов по ликвидации неграмотности и малограмотности пунктов по ликвидации неграмотности и малограмотности среди населения,—все это нужно ставить на совершенно одинаковых началах. Нам кажется, что ставить так отвлеченно вопрос нельзя.

Когда мы делаем установку по всем разделам, то мы исключаем возможность проведения всеобщего обучения. Ведь вопрос о ликвидации неграмотности совершенно ясно и реально может быть разрешен после того, как введено будет всеобщее обучение. Пока ставить эти две задачи сразу немыслимо. Тов. Луначарский в своем докладе указал, что лозунг: учить только малолеток, только школьников и перестать учить взрослых по существу лозунг контрреволюционный. Политически это верно. Этого отрицать нельзя. Но практически надо делать какое-то одно дело. Иначе мы вопроса не разрешим, тем более не разрешим вопроса ликвидации неграмотности. Поэтому нам представляется, что основной упор надо делать на сохранении плана проведения всеобщего обучения. Это основное, чего нужно добиваться в эту бюджетную кампанию.

Потом другое—это повышение зарплаты по школам I ступени и улучшение существующей сети в смысле повышения учебных расходов, хозяйственных и проч. Если, как указал т. Ходоровский, у нас сейчас зачастую нет классных досок, парт, необходимых тетрадок, на которых нужно писать, то что же будет дальше, когда сеть будет расширена?

При обсуждении бюджетной кампании в 1928/29 году мы должны предусмотреть прежде всего введение обязательного всеобщего обучения, некоторое повышение зарплаты в школах I ступени, а во всем остальном должна быть стабилизация существующих сетей и улучшение по линии учебно-хозяйственных расходов.

Мы считали бы необходимым при распределении средств на школьное строительство наиболее чутко отнестись к Северо-Кавказскому краю. Те ассигнования, которые были произведены в этом году, нуждаются в исправлении. Мы считаем, что нас очень сильно обидели. Это потому, что в других губерниях, в Сибири, на Урале имеется возможность использовать местный строительный материал и существующие постройки, а на Северном Кавказе лесов нет, строить не из чего. Население Северо-Кавказского края проявляет большую инициативу в деле школьного строительства, за прошлый год население на собственные средства выстроило 33 школьных здания. Эту колоссальную инициативу необходимо поддержать за счет усиления средств на школьное строительство по госбюджету.

Лобов. (Дальний Восток). Говорить на настоящем съезде о бюджете довольно затруднительно, потому что хороших пожеланий в смысле повышения культуры и увеличения бюджета мы слышали очень много, но не слышали главного: не слышали, что по госбюджету народного образования есть какие-нибудь практические указания правительства, которые бы давали возможность хотя бы более или менее приблизительно иметь представление о том, что нас ожидает в будущем году.

Тогда мы могли бы не беспочвенно толковать о большом или маленьком скачке в бюджете, а говорили бы о том, куда нужно сделать этот скачок. Если был бы определен размер самого скачка,—а, к сожалению, он не определен,—то тогда мы знали бы, куда нам скакать.

Но определения размеров скачка нет, и нам придется попробовать определить направление, куда скакать в нашей работе, без учета его размера. В этом трудности выступлений.

Возьму госбюджет. Тут у нас, мне кажется, есть большая опасность, которая заключается в тенденции к снятию учреждений с госбюджета и к передаче на местный бюджет. Эта тенденция, по существу и принципиально верная, без надлежащей подготовки может дать отрицательный результат. Проводить эту меру необходимо сугубо осторожно.

Я впервые ознакомился с докладом Северокавказского края, из которого узнал, что при переводе педагогических техникумов с госбюджета на местный бюджет в текущем году получилась картина довольно печальная. Законодательная установка на то, чтобы учреждение, снятое с госбюджета, обеспечить средствами, передаваемыми в местный бюджет из госдоходов, была, но на практике получается совсем не то. Были громадные перебои в работе при подобной передаче, когда учреждение или совсем не получало кредитов или получало в урезанном виде. Необходимо теперь при разработке госбюджета избежать тех ошибок, которые имелись в текущем году, в частности передачи учреждений с госбюджета на местный бюджет.

О местном бюджете. Я еще по докладу товарища Луначарского отметил ту опасность, которая стоит перед нами в связи с декретом о самообложении. Этот декрет может в конце концов создать чрезвычайно невыгодное положение. Хороший декрет иногда может сослужить плохую службу. Сейчас уже начинаются разговоры о том, чтобы часть расходов по сельским школам, которая до сих пор относилась по местному бюджету, была стабилизирована, потому что будет самообложение. Под такой угрозой стоят строительство и хозяйственные расходы школ. Товарищ Касаткин отметил здесь неудовлетворительную работу исполнительных комитетов, заключающуюся в том, что эти местные исполкомы до сих пор не довели до нормального удельного веса расходы на народное образование. Тут, товарищи, для некоторых мест еще нужно подождать некоторое время до нормального удельного веса, так как есть целый ряд объективных условий, мешающих вдруг выровнять положение. Для примера возьмем Дальневосточный край. У нас в этом году при общем росте бюджета на 19% народное образование увеличилось на 37%. И все же мы имеем удельный вес 27%. В будущем году у нас будет, примерно, такое положение: при общем росте местного бюджета на 16% расходы на народное образование дадут около 25% роста. Приличный рост. И тем не менее мы будем иметь удельный вес не более 28%. Историческое прошлое хозяйственного строения края не дает возможности достичь нормального положения в 1—2 года. В целом ряде областей, о которых здесь говорилось, очевидно, имеется такое положение. Мы еще недавно имели 19% удельного веса, затем, как видите, поднялись до 27, в следующие года поднимемся до 30—33%, но для этого нужно время.

Нельзя бросить и другие области работы. Для того чтобы этот процесс ускорить, необходимо правительству поставить вопрос о каком-то несколько ином построении местного бюджета в смысле увеличения доходных статей этого бюджета. Очевидно, это неизбежно, и Наркомпрос, который в местном бюджете занимает львиную долю, более всего в этом заинтересован. Я полагаю, что НКП является тем наркоматом, который должен взять на себя инициативу в правительстве по улучшению самого качества всего местного бюджета. Здесь были заявления о том, что местные руководящие организации при построении бюджета относятся плохо, что они нас ущемляют. Правда, что кое-какие недочеты в построении бюджета есть. Но, мне кажется, утверждение, что нас ущемляют, будет неправильным по отношению к местным руководящим органам. В местном бюджете нас не ущемляют и если мало дают, так это потому, что мало имеют. Ущемление мы имеем в государственном бюджете. Товарищ Ходоровский говорил о тех громадных затратах, которые государство делает на индустрию, и о тех мизерных капитальных затратах, которые идут на строительство по народному образованию. Это факт. И потому диспропорция в этом смысле в гораздо большей степени в госбюджете, чем в местном бюджете. Я боюсь, что тенденция к передаче на местный бюджет создает эту диспропорцию и в местном бюджете. По моему мнению, сейчас необходимо Наркомпросу, с одной стороны, поставить вопрос о ином построении местного бюджета. С увеличением доходных статей представится большая возможность выделения средств на народное образование. И, с другой стороны, поставить задачей упразднить указанную ранее диспропорцию в госбюджете.

Наконец последний вопрос о том, куда мы должны сделать скачок? Я бывал почти на всех съездах завгубоно, которые происходили почти всегда в этом зале. И я помню—всегда были разговоры о том, что мы должны всегда говорить не только о качестве, но нам в равной мере необходимо и количество. Помоему, сейчас ответить на вопрос о количестве и качестве необходимо снова и несколько поиному. Если бы мы решились на некоторую героическую меру, если бы мы стабилизировались в количественном росте всего на один год, мы бы в один год разрешили вопрос о качестве. Мы в один год создали бы нормальное положение в смысле качества, а дальше стали бы продвигаться вперед и качественно и количественно. Нас поругали бы один год, но зато пять лет не стали бы ругать за качество. Здесь в докладе товарища Луначарского говорилось, между прочим, о том, что деревня переросла избы-читальни, что и город и деревня требуют лучшей школы, а мы имеем снова тенденции сильно расширяться. Конечно, мы не можем совершенно отказаться от количественного роста, но вопросы качества, улучшения каждого отдельного учреждения в предстоящий год мы должны поставить в первую очередь. Линию за качество должен наметить съезд.

Б а ш к и р о в (Барнаул). Товарищ Ходоровский, делая анализ нашей бюджетной работы за истекший период времени, допустил некоторые неточности. Правильно, что мы имеем во всероссийском масштабе небольшой и увеличивающийся незначительно процент, но среднее положение в данный момент не является настолько показательным, чтобы сказать, что все губернии, области, автономные республики должны быть подстрижены под одну гребенку. Если мы имеем в среднем 30% удельного веса нашего бюджета в российском масштабе, то, с другой стороны, в отдельных местностях, например, в Сибири, мы имеем 35%, в отдельных губерниях,—больше, некоторые местности имеют проценты весьма и весьма низкие. Этого товарищ Ходоровский ни в тезисах, ни в докладе не учел.

Товарищ Ходоровский упустил из виду и то обстоятельство, что мы иногда не умеем как следует реализовать бюджет. На этом следовало бы заострить внимание, чтобы этого недочета не было в будущем.

О скачке. Конечно, говорить о нереальном скачке не следует, но при правильной постановке этого вопроса перед губернскими, партийными, профсоюзными, советскими организациями и нашими отделами народного образования крупные шаги в этом отношении возможны.

Здесь говорили о том, что мы должны стабилизировать нашу сеть, и лишние бюджетные ассигнования пустить на улучшение качественной стороны дела. Эта политика неверна, потому что перед нами стоит главная основная политическая задача—широко охватить нашими культурно-просветительными учреждениями, в частности учреждениями социального воспитания, как можно больший круг населения, как можно большую клиентуру.

О двух вариантах. Я не разделяю точки зрения товарища Ходоровского, который выставил два варианта наших бюджетных предположений. Вопервых—потому, что первый вариант не является реальным. Осуществить этот вариант мы не сможем.

Второй вариант я отвергаю уже потому, что он является некоторой приготовленной заранее позицией для отступления, а следовательно—лазейкой для тех, кто не в состоянии провести соответствующих мероприятий, и для финансовых органов. С другой стороны, те решения, которые приняты партией и советским правительством по линии народного образования, не могут уложиться во второй вариант, следовательно, мы нарушаем основной принцип этим вторым вариантом.

Я считаю, что нужно иметь один реальный вариант, вполне обоснованный при сознании того, что бюджет не может дать такой суммы, которая бы вполне гарантировала нам проведение в жизнь намеченной и правительством и нашей партией программы. Поэтому здесь нужно резко поставить перед правительством вопрос об изыскании дополнительных ассигнований. Отсюда вполне своевременная и правильная постановка вопроса о целевом налоге, о котором говорил товарищ Ходоровский.

М а л ы г и н. Картина, нарисованная т. Ходоровским, в общем не только соответствует действительности, но если пройти по отдельным бюджетам, по отдельным административным единицам, то она безусловно будет значительно хуже, значительно безотраднее. Причем картина получается безотрадной не потому, что на местах до сих пор завоно не умеют строить бюджеты. Надо поставить вопрос о том, чтобы Наркомпрос принимал участие в регулировании местного бюджета по линии плановых органов и Наркомфина. Без этого мы в таких губерниях, где расходуется большой процент на народное образование, ничего сделать не сможем. Приэтом я считаю, что регулирование должно итти не так, как рекомендовал т. Артамонов из Иваново-Вознесенска. Я, конечно, не против того, чтобы обслуживать пролетарские центры. Это необходимо. Но нельзя же все-таки оставлять губернии и окраинные местности, где народное образование, несмотря на высокий процент, занимаемый в общем бюджете, чрезвычайно слабо развито.

По данным ориентировочного плана введения всеобщего обучения, Иваново-Вознесенская губерния своим бюджетом может быть обеспечена на 104%, в то время как северные крестьянские губернии обеспечиваются на 60%.

Если сравнить процент обслуживания детей в 1926/27 г., то он у них выразится в 80%, а по крестьянским северным губерниям—в 40—55%. Поэтому нельзя так ставить вопрос: все—пролетарским центрам и ничего—крестьянским.

О передаче учреждений с госбюджета на местный бюджет. Здесь говорили, что это принципиально верно, но практически передача будет чрезвычайно болезненно бить наши учреждения, состоящие на местном бюджете. Передавать учреждения с госбюджета на местный надо чрезвычайно осторожно, постепенно. Было бы лучше обождать с этим делом года 2—3.

О количестве и качестве. Последние годы мы держим курс на развертывание школ I ступени, и что же выходит? Правда, мы сделали значительный скачок, открыли порядочное количество комплектов, но, с другой стороны, на оборудование школы давали 25 рублей, учебные расходы стабилизировали в 1½ рубля на ученика в год. Можно ли при таких нормах в дальнейшем работать, развивать нашу сеть? Я считаю, что наравне с развитием школьной сети надо большее ударение сделать на учебное оборудование.

О заработке политпросветработников. Надо просить Наркомпрос о том, чтобы

в этом бюджетном году было обращено особое внимание на декретирование ставок политпросветработников, особенно библиотекарей. В настоящее время всем низовым работникам определен государственный минимум, а библиотечные работники этого не имеют. Зарплата этой категории работников чрезвычайно отстала. Я считаю, что ее следует во что бы то ни стало поднять.

О помощи Наркомпроса в бюджетной работе. Надо в бюджетной работе приспособляться к отдельным районам. Чрезвычайно хорошо, когда Наркомпрос перед бюджетной работой обращается с письмом в губкомы, губисполкомы. Но в прошлом году такое обращение дало лишний повод финорганам к урезке наших заявок.

В письме ставился предел 30—31% для местного бюджета, а мы уже имели 33%. Поэтому, когда мы говорим, что процент надо повысить, нам справедливо указывают, что в Наркомпросе сидят люди, прекрасно понимающие, как пропорционально должны развиваться отдельные части нашего хозяйства, и потому они ставят 30—31% вместо 33%. Таким образом на местах есть лишний повод к тому, чтобы нас срезать. Такие обращения, повторяю, необходимы, но нужно приспособляться к отдельным районам и административным единицам. Тогда помощь будет еще реальнее.

Сорочицкий (Курск). По Курской губернии по пятилетнему плану бюджет Оно предполагается довести до 38%, если мы доведем его даже до 40%, то все же к концу пятилетки у нас останутся неохваченными 77 тысяч человек. Для того, чтобы охватить еще 20 тысяч детей, нам в 1931 году нужно открыть 500 лишних комплектов. Конечно, местный бюджет с этим не справится.

Если мы возьмем другие отрасли работы, то для того, чтобы развертывать еще большее количество комплектов, а мы пока открываем до 300 комплектов в год, нам, конечно, необходимо увеличение средств. Мы сейчас уже приостановили рост школ повышенного образования. Мы решили эти школы не открывать для того, чтобы увеличить охват детей начальной школы, но в результате у нас получается слишком большой разрыв между начальным обучением и повышенным образованием. И опять это больное место местный бюджет исправить не может.

О качестве работы. Это является также больным местом за недостатком работников. Помочь может, несомненно, госбюджет; нам требуется открыть в губернии 4 техникума, чтобы подготовить ежегодную убыль работников. Сейчас у нас такого количества техникумов нет. У нас имеются только девятилетки, которые выпускают недостаточно грамотных педагогов, но и этих педагогов мы берем в наши школы. При таком положении повышения качества продукции у нас не будет. Открытие техникумов за счет госбюджета крайне необходимо, иначе мы школу не сдвинем.

Шмулевич (ВЧКлб). Товарищ Груздев говорит, что программа, развертываемая товарищем Ходоровским, бьет не в цель. О ликвидации неграмотности товарищ Груздев говорит, как о деле безнадежном. По его мнению, неграмотные все равно будут прибывать, поэтому нам нужно заниматься главным образом всеобщим обучением.

Являясь сторонником широкого развертывания работы по линии всеобщего обучения, я все-таки хотел бы сказать, что коллегия Наркомпроса отнюдь не выдвигает нереальной программы по ликвидации неграмотности. Программа коллегии Наркомпроса самая минимальная.

По этой программе мы должны в 1928/29 учебном году обучить грамоте за счет местного бюджета 779 тысяч человек. Эту работу необходимо провести под напором пролетариата, батраков и деревенской бедноты. Я напомню вам недавнее выступление представителя ВЦСПС товарища Евреинова на сессии ВЦИК при обсуждении доклада Наркомфина по вопросу о финансировании работы по ликвидации неграмотности. Газета «Труд» от лица ВЦСПС выступила тогда с решительным осуждением политики финансирования по госбюджету и местному

бюджету работы по ликвидации неграмотности. И товарищ Анцелович на партсъезде подчеркивал всю важность работы по ликвидации неграмотности, особенно среди батраков.

Какой же должен быть ответ с нашей стороны?

Я думаю, что необходимо считать требования ВЦСПС и ЦК союзов относительно ликвидации неграмотности трудящихся масс сугубо важными именно в данное время, когда мы переходим на семичасовой рабочий день, когда на дополнительную смену идут неграмотные работницы. Союз сельхозлесрабочих при организации батраков для проведения классовой политики в деревне постоянно наталкивается на их неграмотность, которая сильно мешает союзной работе.

Вполне естественно, что мы должны удовлетворить требование женотделов—обучить грамоте первичных организаторов женских трудящихся масс.

Все это не вмещается в контрольную цифру контингента в 770 тысяч, которых нужно обучить. Неграмотность допризывников при призыве 1905 года увеличилась почти вдвое по сравнению с призывом 1904 года. Мы ежедневно подвергаемся обстрелу со стороны наших военных частей, со стороны наших руководящих партийных организаций, которые от нас требуют, чтобы мы посылали в армию достаточно грамотных людей. Я считаю поэтому, что здесь необходимо решительно оспаривать положение товарища Груздева, потому что в будущем году не дать ответа на эти запросы масс нельзя. Я хотел бы вдобавок сказать, что наш съезд приобретает сугубо важное политическое значение. Работа отдела народного образования тесно соприкасается со всей массовой работой партии, и мы не можем ставить нашу работу вне связи со всей политической работой партии и в городе и в деревне. Партия заостряет вопрос на обслуживании делом народного образования в первую очередь бедноты и батрачества. Беднота же нуждается в грамотности.

Поскольку у товарища Ходоровского сказано, что нужно сосредоточить внимание по ликвидации неграмотности на стабилизации контингента, на улучшении качества работы, постольку сделал здесь один товарищ вывод, что нет надобности форсировать роста бюджета по этой линии. Он нашел тут какие-то противоречия. Помоему, противоречий нет, потому что повышение качества работы, предстоящая реформа системы образования взрослых требуют дополнительных средств. И поэтому тот рост, который намечается товарищем Ходоровским, необходим в работе по ликвидации неграмотности, потому что только при этих условиях возможно улучшить качество работы и сохранить контингент.

Аносов (Урал). Выступления достаточно уже ясно показали, что варианты, представленные НКП, удовлетворяют делегатов, хотя первый и второй вариант—максимум и минимум—кое-что и не предусматривает, например, беспризорности. Но мало иметь варианты, нужно их провести. Когда придется отстаивать эти варианты, то фактически споры будут о темпе. С каким темпом мы будем их проводить. Тов. Ходоровский поставил нам очень хорошую цель: кричать громко, настолько громко, чтобы об этом все слышали. Я думаю, что кричать можно, но часто крики дают как раз обратные результаты. Если бы во время голода мы массам начали бы говорить: «Вот если бы советская власть дала бы муки, какие бы мы хорошие пироги сделали». Я думаю, что за такие речи нас по головке не погладили бы. Точно такое же положение и сейчас, когда есть культурный голод. Надо не только подогревать настроение, но иной раз и сдерживать эти настроения. Здесь особенно кричать иной раз не приходится, причем кричать надо точно и ясно. Какие и в каких пределах мы сможем провести определенные мероприятия на ближайший промежуток времени? И в этом отношении я считаю, что до сих пор и места и Наркомпрос идут пока без руля и без ветрил. До сих пор нет еще достаточно твердой уверенности, сколько и откуда средств можно получить на ближайший промежуток времени. Надо кричать, но так, чтобы этот крик дал определенный результат. И мне думается, что в первую очередь широчайшим образом должна быть использована наша пресса. Нужно, чтоб наши работники с цифрами в руках доказали на страницах прессы, откуда можно будет взять определенную сумму

средств для того, чтобы их переключить в сектор культурно-социальный. Я считаю, что этим вопросом необходимо заняться в ближайший промежуток времени. Если мы будем иметь возможность через прессу мобилизовать общественное мнение, нам легче будет отстаивать те или иные мероприятия. Когда нам говорят о всех без исключения разделах наркомпросовской работы, то мне кажется, что нам нужно, как бы это реакционно ни звучало, кое-какие разделы держать в состоянии анабиоза, т. е. чтобы они чуть-чуть дышали, а в первую очередь бросить средства на те разделы, от каких мы на ближайший промежуток времени можем ожидать значительного эффекта. Тов. Ходоровский выдвигает необходимость улучшения постановки дела в вузах. И это правильно, нужно чрезвычайно большие средства бросить на улучшение бытового положения учащихся студентов в техникумах и вузах, на усиление оборудования, ибо они в первую очередь сейчас нужны в качестве кадра старших и младших командиров в нашей промышленности, сельском хозяйстве и на культурном фронте. Точно так же необходимо усилить форсирование всеобщего обучения, и главным образом в фабричных районах и на окраинах. Может быть, здесь целесообразнее, учитывая бюджетные ассигнования, пока не стремиться к одинаковому % охвата по всему Советскому союзу, а направлять эти средства в первую очередь в промышленные районы и на наши окраины. Только при таких условиях мы сможем кое-каких результатов добиться.

Эпштейн. Мне представляется, что проведение бюджетной кампании в текущем году будет действительно чрезвычайно тяжелым. Прежде всего, судя по печати, вряд ли можно ожидать на 1928/29 бюджетный год большего увеличения бюджета по сравнению с 1927/28 годом, какое имело место в 1927/28 году по сравнению с 1926/27 г. Между тем требования, которые будут предъявлены к нашему производству и которые мы совершенно законно предъявляем, чрезвычайно велики. Когда бываешь на местах, когда знакомишься с теми документами, которые к нам приходят со стороны общественных организаций, профсоюзов—ВЦСПС и отдельных профсоюзов,—когда знакомишься с требованиями со стороны организованной молодежи, со стороны Комсомола и пионер-движения, когда видишь громадное количество писем, которые идут из деревни, из рабочих организаций и т. д., то буквально физически ощущаешь, какие втечение этого года и под влиянием разговоров о культурной революции и под влиянием действительно повысившихся культурных запросов будут предъявлены к нам повышенные запросы по различным отраслям нашего производства начальной школы, дошкольного воспитания, повышенной школы, политпросветработы, внешкольной и т. д. В этих условиях вряд ли можно ожидать солидного увеличения темпа роста бюджета по сравнению с прошлым годом. Естественно, когда мы говорим о скачке, о прыжке, то здесь можно пойти лишь по линии перераспределения расходов в самом бюджете в пользу народного образования за счет каких-то других отраслей народного хозяйства. Это потребует с нашей стороны неимоверных усилий. Я не хочу вдаваться в оптимизм или пессимизм и т. д., мне хотелось бы только сказать, что, на мой взгляд, все-таки иного выхода нет, как апелляция к общественному мнению.

Мне кажется, что основной недочет нашего проведения бюджетной кампании в том, что мы запираемся в пределах наших аппаратов. Это нужно сказать и по поводу Наркомпроса, и по поводу отделов народного образования. Для примера. Мы имеем прекрасного союзника в борьбе за наш бюджет—Комсомол. Задорный, пылкий, умеющий создать соответствующую общественную атмосферу вокруг нашего производства, Комсомол почти нами не используется. Недавно мы в коллегии Наркомпроса чрезвычайно правильно, по моему мнению, решили использовать Всесоюзный съезд Комсомола и вместе с ним и другими добровольными общественными организациями—ОДН и другими—организовать специальное заседание коллегии Наркомпроса, на котором был бы поставлен вопрос о материально-технической базе воспитания детства, которую мы сейчас имеем в нашей стране.

А многие ли наши местные отделы народного образования использовали мест-

ные комсомольские съезды по вопросам, касающимся народного образования, в частности по вопросам материально-технической базы народного образования?

Сейчас по линии организованной рабочей общественности, по линии профсоюзов, по линии ВЦСПС мы получаем ряд запросов, и устных и письменных, по отдельным вопросам народного образования. Несомненно, что этот интерес передается от центра к периферии.

Используем ли мы на местах и в центре в достаточной степени эту общественность? Нет, далеко не в достаточной степени. А между тем, если мы обратимся к отдельным нашим районам, то увидим, что этот скачок в бюджете возможен только сейчас, когда мы имеем исключительно благоприятное положение в связи с разговорами о культурной революции и с привлечением внимания партии, советских, государственных органов и всей общественности к вопросам народного образования. Вот Сибирь,—могла же она сделать втечение одного года прирост своего бюджета на 65%. Я почти убежден, что доброе начало, которым открыло свою работу новое руководство Уральским отделом народного образования, когда оно через большой учительский съезд привлекло внимание к вопросам народного образования со стороны всей уральской общественности, дает уже основание надеяться, что бюджет народного образования на Урале будет значительно увеличен.

Я убежден, что, идя по этому пути, товарищ Перель добьется в своей области, во всяком случае, крупного скачка в бюджете по народному образованию.

Основной вывод, который должен быть нами сделан,—это вывести борьбу за наш бюджет из стен наших аппаратов и апеллировать к широкой советской общественности. Нельзя разрешать вопрос так, как его разрешает товарищ Лобов, говоря о количестве и качестве. Он слишком схематически разрешает этот вопрос. Разве можно говорить о том, чтобы в районах, где начальное образование охватывает всего лишь 8 или 10% детей школьного возраста, или в индустриальном районе, который сейчас остро ставит вопрос даже о школе повышенного типа, остановить рост сети народного образования.

Можем ли мы пойти на такой острый конфликт с рабочим классом, с лучшими кадрами рабочего класса, и сказать, что мы в индустриальном районе не должны развивать школ повышенного типа?

То же и в отношении технических знаний, спрос на которые прет изо всех пор. Можем ли мы говорить, что мы здесь останавливаем рост? Не можем.

Тем и отличается культурная революция, как и всякая революция, что в ней участвуют народные массы со своими запросами, что эти запросы идут снизу, стихийно. Стать в позу—мы, мол, берем курс на качество, закрывая глаза на громадный неудовлетворенный количественный спрос в отношении всех частей нашего производства,—мы не можем.

Мы не дошли до такого состояния, когда хотя бы на одном из участков культуры мы могли бы минимально удовлетворить требования и могли бы поэтому сказать, что здесь приостанавливаем рост и только на качество обращаем внимание. Мы вынуждены, как это ни тяжело, как это ни осложняет работу, ставить вопрос о продвижении почти по всем разделам нашей работы и по линии качества и по линии количества.

Обращаю ваше внимание на один участок соцвосовской работы. За последнее время в Наркомпросе так много говорили относительно «богатого дядюшки» соцвоса, что я, грешный человек, сам было уверовал в это. Но когда еще и еще раз знакомишься с цифрами и темпом нашего продвижения, то видишь, что все это лишь незнание действительности. Я буду докладывать вам относительно состояния наиболее популярнейшего участка соцвосработы, который больше других был поддержан и партией, и правительством, и Наркомпросом,—о всеобщем начальном обучении. И на этом участке мы находимся в исключительно тяжелых условиях и не только не увеличиваем из года в год темп работы, но, наоборот, уменьшаем его.

Я коснусь сейчас дошкольного воспитания. Здесь надо сделать какое-то продвижение. Верно, что надо к дошкольному воспитанию привлечь общественное внимание, общественные средства. Но, товарищи, если мы своим бюджетом, госу-

дарственным или местным, не просигнализируем общественности, что мы сами этому участку уделяем достаточно внимания, то как мы можем требовать этого внимания со стороны общественности?

Если мы в местном бюджете 1927/28 года в некоторых губерниях даже уменьшили и без того ничтожнейшую долю расходов на дошкольное воспитание, то разве можно требовать от рабочих и крестьян этих губерний, чтобы они давали средства на дошкольное воспитание? Между тем, в дошкольном воспитании, с таким прекрасным кадром дошкольных работников, который имеется, с кадром работников-фанатиков, энтузиастов, каждый рубль, который дается со стороны государственного или местного бюджета, действительно привлечет 10—15 рублей со стороны общественных средств. Если мы имеем перед собой такую позорную цифру, как 0,6 дошкольников, обслуживаемых нашими дошкольными учреждениями, то мы не можем не поставить перед собой, как одну из важнейших задач на будущий бюджетный год, задачу увеличения сумм, ассигнуемых на дошкольное дело государственным и местными бюджетами. (Аплодисменты.)

Колмыков (Сибирь). Та неуверенность, которая звучала в речах отдельных товарищей в постановке вопроса о росте бюджета на 1928/29 год, является наибольшей опасностью в борьбе за бюджет. Если руководители этой работы будут чувствовать себя неуверенно на тех позициях, на которые указывает нам Наркомпрос, то и самая борьба закончится далеко не в пользу дела народного образования. Наркомпрос в докладе т. Ходоровского совершенно правильно ставит вопрос о росте бюджета. Рост бюджета на 1928/29 г. тесно увязан с задачами, о которых мы говорили по докладу т. Луначарского, и отступление в этом деле было бы отступлением от тех задач, с которыми мы как будто бы единодушно согласились.

По докладу т. Ходоровского в части практических вопросов я остановлюсь лишь на двух—на заработной плате и на организации бюджетной работы на этот год. Я, а также, я полагаю, и другие товарищи, представляющие на съезде профсоюз, в полной мере согласны с тем положением, что в дальнейшем нам необходимо стремиться к тому, чтобы удельный вес заработной платы в общих расходах на народное образование постепенно снижался, чтобы наши средства в дальнейшем можно было направить на улучшение качества работы и на расширение сети просветительных учреждений. Но те цифры, которые привел т. Ходоровский в своем докладе об удельном весе заработной платы в общих расходах на народное образование, не должны пугать ни отделы народного образования, ни профсоюз. Резкого изменения в 1928/29 году в сторону уменьшения удельного веса заработной платы мы, по всей вероятности, иметь не будем, и такой удельный вес, как 79 или 75%, в расходах на начальное образование не может служить мотивом к задержке роста заработной платы.

В тезисах Наркомпроса в части роста заработной платы не преувеличение, как некоторые товарищи говорят, а некоторое преуменьшение по сравнению с тем, что нам необходимо было бы иметь на 1928/29 г. Ведь основная установка в вопросе заработной платы работникам просвещения заключается в том, чтобы на целый ряд лет, во всяком случае на ближайшие годы, рост заработной платы не уменьшался в своем темпе, а, наоборот, чтобы темп роста заработной платы был несколько выше, чем он был до настоящего времени. В тезисах же мы видим некоторое уменьшение темпа заработной платы по сравнению с прошлым годом. Я думаю, что т. Ходоровский в своем заключительном слове скажет, насколько те размеры, которые опубликованы в официальных материалах, отвечают окончательной точке зрения коллегии Наркомпроса. Я согласен с товарищами, указавшими, что необходимо будет в порядке центрального государственного регулирования заработной платы включить целый ряд новых категорий работников, на которых должны распространиться декретированные ставки. Мне кажется, пора уже оставить разговаривать только об учителе и об его заработной плате, у нас выдвигается целый ряд других групп просвещенцев, которые по своей важности и значимости нисколько не ниже учителей. Возьмем сельских избачей, работников

детдомов и других. Мы имеем в части заработной платы в детских домах совершенно правильную установку Наркомпроса. Необходимо эту установку в дальнейшем проводить так же, как и в отношении учителей, т. е. в порядке декретирования ставок этих групп работников в размерах не меньших, чем учителям.

Я хотел обратить ваше внимание на то, что мы сейчас переходим на систему государственного нормирования зарплаты. Мне кажется, что на этом съезде необходимо условиться о том, чтобы по основным группам просвещенцев было проведено централизованное государственное нормирование зарплаты, иначе получится значительная пестрота в размерах зарплаты, в особенности в отношении политпросветработников, работников детдомов, библиотечных работников и целого ряда других.

Об организации бюджетной работы. На съезде завгубоно необходимо отметить, что в организации бюджетной работы на местах мы имели в прошлом и имеем сейчас большую неразбериху. Вот сейчас отделы народного образования составляют контрольные цифры, но приэтом во многих местах не предусматривается ни рост зарплаты, ни рост расходов на учебные нужды. Здесь необходимо внести ясность, необходимо дать определенные нормы по зарплате и по другим расходам с тем, чтобы эти нормы получились своевременно на местах из руководящих центральных органов.

Кроме того надо обратить внимание на то, чтобы в бюджетную работу была вовлечена наша низовая администрация. У нас сейчас положение таково, что наши низовые администраторы—зав. учреждениями, распорядители кредитов не вовлечены в бюджетную работу. Таким образом они, не принимая участия в составлении смет, не могут принять на себя и необходимую ответственность за выполнение их. На вовлечение низовой администрации и низовых профорганов в бюджетную работу надо обратить самое серьезное внимание.

Елистратов (Саратов). В практической бюджетной работе на местах мы видим, что наши проекты по народному образованию, представляемые в бюджетные комиссии, обычно утверждаются в размере 60—70%. Отсюда для нас урок: либо мы не учли всех возможностей роста хозяйства, той или иной области или губернии, либо мы составили нереальный план, который совершенно не может быть в связи с нашими возможностями проведен.

В тезисах товарища Ходоровского, вероятно, учтены возможности нашего хозяйства в связи с задачами культурной революции.

В прошлом году мы сделали очень небольшой скачок. Это надо объяснить тем, что по большинству губерний, скажем, Саратовской губернии, местный бюджет был составлен только первый год без дефицита. Очевидно, если в нынешнем году мы хотим гораздо большего увеличения ассигнований на народное образование, то надо сказать, что на основные расходы по капитальному строительству нужны будут определенные дотации и из союзного фонда.

В тезисах товарища Ходоровского ничего не сказано о повышении квалификации работников просвещения. По докладу товарища Луначарского и по докладу товарища Яковлевой мы здесь говорили о недостаточной квалификации педагогического персонала. Многие указывали на то, что целый ряд просвещенцев не годится для работы в советской трудовой школе. Значит, повышение квалификации педагогического персонала—дело очень важное и предусмотреть расход на переподготовку, как основной расход, при построении бюджета 1928/29 учебного года, конечно, необходимо. Тогда мы сможем думать об организации курсов, научных командировок и о зарплате. Нынешний съезд проходит под знаком того, что инспекторов считают именинниками. А если так, то этих именинников в 1928/29 году нужно поставить в более благоприятные условия. Я считаю, что наряду с декретированными ставками учителей I и II ступени необходима декретированная ставка и для инспекторов.

Чаплыгин (Самара). Необходимо добиваться через правительство проведения целевого налога, при условии, чтобы те средства, которые отпускались до сих пор, не уменьшались. Я не знаю, как в других губерниях, но в нашей губернии препятствия или возражений со стороны населения мы не встретим. Требуя школ, оно

само нам указывает на необходимость целевого налога. Иначе нас, как и в предыдущие годы, осенью будут регулировать, а в ноябре или в конце декабря мы будем считать свои бюджетные поражения. В свое время на съезде советов говорилось о том, что всеобщее обучение будет проводиться за счет местных и государственных средств. Нужно вновь поднять вопрос о том, что расширение сети должно итти или за счет центральных средств, или за счет местных средств, но всякое повышение заработной платы должно итти за счет центральных средств. Мне кажется, что нужно наконец от всяких бюджетных предположений перейти к чему-то реальному. В отдельных инстанциях, может быть, это не пройдет гладко, но попытку сделать крайне необходимо.

Просвирнов (Ульяновск). Мы должны будем настаивать на том, чтобы 25% прироста бюджета на дело народного образования были гарантированы прежде всего за счет местного бюджета, как губернского, так и окружного и краевого, а где этого недостаточно, там за счет помощи государственного бюджета и в отдельных случаях,—а таких будет много,—за счет самообложения. Я еще напомню о 10%-м крестьянском займе. Мы должны будем бороться за то, чтобы все 10%, которые остаются главным образом в волостном бюджете, шли на дело народного образования. Чтобы иметь большой необходимый размах в наших мероприятиях, нужно добиваться увеличения бюджета народного образования за счет прироста с.-х. налога, который в нынешнем году намечается. Последняя сессия ЦИК постановила на 80 миллионов увеличить с.-х. налог. Некоторую толику из этих 80 миллионов можно получить на дело народного образования путем отчисления в местный бюджет. Я думаю, что нужно указать точно, на какие средства мы в том и другом варианте рассчитываем, потому что те расчеты, которые мы имеем, решают качество работы. Я имею в виду социальный состав учащихся. Я совершенно не согласен с тов. Ходоровским, который говорит, что меняется только количество. Нет, здесь реально можно показать, как количество переходит в качество. Если мы не дадим стипендий беднякам, батракам, если мы не обеспечим возможности образования рабочему молодняку, если не обеспечим минимальной возможности детям батраков и бедняков учиться в школах начального образования, то это скажется на качестве нашей работы. Когда мы поднимаем здесь вопрос о количестве и качестве, то я подчеркиваю, что в этом направлении за качество нужно биться. Деньги нужно тем или другим путем найти, потому что здесь стоит вопрос о социальном составе наших заведений. По плану всеобщего обучения, мы начинаем с 1927/28 года и продолжаем в 1928/29 году итти вниз; об этом нужно сказать: мы второй год сознательно идем на недовыполнение плана всеобщего обучения—это будет правильнее. В тезисах сказано, что нужно ставки учителей, библиотекарей, избачей и работников детдомов увеличить. Если речь будет итти об учителях, мы добьемся этого, это будет декретировано. Но я знаю, что до сих пор не удавалось декретировать ставку работников детдомов и ставку избачей.

Относительно исполнения бюджета ни одного пункта нет в тезисах. По существу нас могут иногда ублажать очень порядочным процентом, но при фактическом исполнении мы на 2—4% всегда можем снизиться. Нужно отсюда, из центра указать, чтобы этого не делалось. Нужно, чтобы процент, за который выдержали ожесточенную стычку, мы не теряли бы в середине бюджетного года.

И второе обстоятельство—чтобы средства на учебную часть всех, особенно повышенного типа, школ отпускались не после того, как бюджет будет утвержден в Наркомфине и во всех инстанциях здесь, но чтобы хотя в порядке авансирования средства отпускались в начале учебного года, а то у нас получается, что начинают отпускаться средства в феврале месяце. Какой толк в том, что школа переоборудуется, доприобретает учебные пособия к концу учебного года. Это на местах, не знаю как где,—но у нас дает себя чувствовать.

О средствах на трудовую подготовку в детдомах. Если этих средств мы не будем иметь, то попрежнему детдома будут напоминать собой «богадельни». Нужно дать средства, чтобы мы могли выпускать детей в жизнь вооруженными.

Бытотов (Сибирь). По выступлению товарища Брюханова на сессии ЦИКа мы можем судить, что наш наркомфин имеет очень оптимистический взгляд на финансовую базу народного просвещения. Товарищ Рыков говорил, что на культуру мы должны давать в настоящий момент относительно больше, чем даже на хозяйственное строительство. Этого мы пока что не видим. Я думаю, что нам здесь необходимо дать директивы Наркомпросу, чтобы он со всей серьезностью поставил вопрос перед правительством о большем ассигновании средств на дело просвещения. Здесь товарищ Ходоровский говорил, что мы поставили перед правительством вопрос об особом культурном налоге. Наркомпрос до сего времени этого вопроса не поставил перед финансовыми органами (мы знаем, что сельхозналог на будущий год уже прорабатывается сейчас в Наркомфине, на местах он уже давно проработан и материалы направлены сюда), и я боюсь как бы Наркомпрос не опоздал с этим делом.

Далее, товарищи, в тезисах говорится, что мы должны в кратчайший срок догнать и перегнать капиталистические страны в области культуры. Но в то же время, товарищи, не надо забывать и наших национальных окраин, где вопрос стоит не только о том, как бы догнать капиталистические передовые страны, но и о том, как бы догнать ушедшую вперед центральную Россию,—народы великорусские. Эту задачу Наркомпрос, помоему, не должен забывать, а то мы подчас видим, что все те слова, которые говорит Наркомпрос, остаются словами.

О введении всеобщего обучения. Если проведение этой задачи усложняется даже среди русских национальностей, более передовых, то еще в большей степени она усложняется среди национальностей нерусских. Поэтому, товарищи, нам нужно здесь определенно сказать, что без помощи госбюджета, без помощи дотации из центра национальные области и республики не смогут справиться со всеобщим обучением, не смогут провести ту сеть, которая требуется по всеобщему обучению. Здесь один товарищ говорил, что у Наркомпроса имеется крестьянский уклон. Я скажу, что это неверно. Если мы возьмем тот фонд юбилейный, который был ассигнован правительством на школьное строительство, и если мы посмотрим, как его распределили по отдельным областям и краям, то увидим, что крестьянским районам дали гораздо меньше, чем рабочим районам. Например, наш Сибирский край получил 325 тысяч рублей. Что значат эти 325 тысяч, если при распределении по округам округ получает на школьное строительство примерно 10—12 тысяч. Этого, товарищи, хватит только на одну школу, в то время когда нам нужны сотни школ. Ясно, товарищи, что такие ассигнования не могут дать должного эффекта. Необходимо заострить вопрос перед правительством о том, что нам нужно дать гораздо больше средств.

О подготовке учителей. Необходима помощь правительства на строительство, скажем, техникумов, школ повышенного типа для того, чтобы мы могли обеспечить себя культурными работниками.

Далее—введение всеобщего обучения упирается еще в вопрос общедоступности для детей бедноты и батраков. Если мы здесь, в центральной России, имеем густо населенные пункты, то там, в национальных окраинах, мы имеем школьные районы приблизительно на 10—15 верст. Ясно, товарищи, что в наших школах обучаются в настоящий момент дети баев, дети более зажиточного населения. Наша беднота не может обучать своих детей в национальных школах. Поэтому со всей серьезностью стоит вопрос об обеспечении их общежитиями, интернатами. Но это дело требует большого количества средств.

О ставках для работников ОНО. Нам необходимо через Наркомпрос добиваться от правительственных органов, чтобы в обязательном порядке были декретированы ставки не только для учителей, но и для политикопросветительных работников, а также для работников аппарата ОНО. Если мы сейчас через правительственные органы не проведем декретирования ставок всех этих категорий просветительных работников, то нам на местах эти ставки определенно могут срезать.

Заключительное слово И. И. Ходоровского.

Товарищи, здесь были указания на то, что целый ряд очень важных моментов нашей работы не получил своего отражения в моих тезисах. В частности указывалось на то, что дошкольное дело оказалось затертым, затем беспризорность, переподготовка. Я, вероятно, насчитал бы еще десять очень важных, существенных тем, которые должны были бы найти свое отражение в этих тезисах и не нашли. Но вряд ли нужно все, что имеет значение, включать в тезисы. В тезисы нужно включать основное, главное, что вовсе не значит, что остальное является несущественным. В директивном письме, которое Наркомпрос в ближайшее время разошлет отделам народного образования о подготовке к бюджету на новый год, все эти моменты—и дошкольное дело, и беспризорность, и переподготовка—будут надлежащим образом учтены. Вряд ли необходимо загромождать тезисы, дающие установку, целым рядом моментов, не имеющих определяющего значения. Тем не менее в комиссии можно будет на эту тему поговорить и, если товарищи будут очень настаивать, можно будет кое-что еще включить.

Затем я позабыл упомянуть, что на последнем заседании коллегии Наркомпроса, по предложению Цекпроса, мы приняли такую поправку: в отношении зарплаты учителей школ повышенного типа ориентироваться не на 85 рублей, как в тезисах написано, а разделить их на 2 категории—учителя с высшим педагогическим образованием—90 рублей, и учителя без высшего образования—80 рублей. Мотив ясен; нужно стимулировать людей с высшим образованием итти на педагогическую работу. Уже после того как мы в коллегии НКП приняли это предложение, на совещании плановых работников был принят несколько иной вариант. Об этом поговорим в нашей комиссии.

Третье замечание. Тут и товарищ Лиэ от Совнацмена и товарищ Марченко от Башреспублики жаловались на то, что национальный момент не получил надлежащего отображения в наших тезисах. Я думаю, что это неправильно. Если внимательно вчитаться в тезисы, то увидите следующее. В числе основных директив, которые должны быть отражены в бюджете 1927/28 года, в этих тезисах значится: «Удовлетворение культурных потребностей отсталых национальностей». Это в числе основных четырех директив. Если отсюда перейти дальше,—какие конкретные задачи вытекают для нас из этих директив,—то вы и тут увидите, например, такие вещи: «Усиление культурного строительства в отсталых национальных районах». Если вы обратитесь дальше к шестому тезису, носящему конкретный характер, дающему практические директивы в нашей бюджетной работе на 1928/29 год в части, касающейся политико-просветительной работы,—там, где говорится, что по ряду отраслей политико-просветительной работы на ближайший год нужно будет выдвинуть вопрос качества, а не количества,—у нас есть оговорка: «За исключением национальных районов». И еще целый ряд таких оговорок в отношении нацмен. Правда, мы не в каждом пункте бьем себя кулаком в грудь и клянемся служить верою и правдою национальным меньшинствам, но то, что здесь записано, является достаточным доказательством того, что мы нацменовскую работу не забываем и ставим ее среди первых основных задач нашей работы.

Товарищ Артамонов, как представитель пролетариата,—Иваново-Вознесенская губерния—пролетарская губерния,—указывал, что нельзя говорить о городе вообще, нужно говорить о пролетарских районах, причем и пролетарские районы нельзя под одну гребенку стричь, потому что имеются такие районы, которые населены пролетариатом, но в которых культурная работа находится на более низком уровне, чем в деревне. Но ведь нигде в наших тезисах о городе вообще не говорится. Мы говорим, что бюджет наш должен носить ярко выраженный классовый характер. Давайте разберемся, что мы под этим понимаем. В первую очередь мы говорим: «Самое энергичное и всестороннее обслуживание пролетарского населения в пролетарских районах в части охвата его сетью просветительных учреждений и в частности строительством фабрично-заводских семилеток». Это, между прочим, относится к пролетарским районам той же самой Иваново-Вознесенской губ. Сказанное относится и к той части наших тезисов, где мы говорим о материальном обеспечении учащихся. Мы эту задачу выдвигаем на первое место, если понастоящему хотим поставить проблему обслуживания просветительной работой социально близких нам слоев.

Вопросы рационализации. Товарищ Касаткин не совсем правильно меня понял. Я не вам возражал, т. Касаткин. Я с вами согласен, хотя не согласен с тем, что мы получим десятки миллионов рублей экономии. Это гадание на кофейной гуще; но вашу рационализацию, установку я принимаю полностью и целиком и провожу ее в своих тезисах. И не вас я назвал крохоборами. Я называл крохоборами тех, которые думают, что достаточно закрыть несколько просветительных учреждений и сказать—вот мы из кризиса и вышли. Надеюсь, что вы такого рецепта не предложите. И все, что я говорил по этому вопросу, относится не к вам, а к рационализаторам другого порядка, за пределами нашего департамента сидящим.

Теперь перейдем к основному вопросу—что делать и как быть—относительно оптимизма и пессимизма. Я не знаю, кто пессимист—я, или те, которые здесь выступали, я, который предложил тезисы, довольно решительные, или те, которые, заложив ручки в брючки, с поникшей головой заявляют о безнадежности всего дела. Если о моем пессимизме судить на основании п. 3-го моих тезисов, то я не знаю как это назвать. Это не пессимизм и не оптимизм, а цифры и факты. Я писал то, что есть; как угодно называйте это, оптимизмом или пессимизмом, но к факту ничего не прибавишь, а я только факт записал и факт очень печальный. Из этого печального факта мы делаем чрезвычайно категорический и решительный вывод: нужно сделать крутой поворот, чтобы этих печальных фактов не повторять, и надо кричать во-всю по сему поводу.

Тут выходит товарищ Аносов с Урала и заявляет, что кричать опасно. Почему опасно? Перед кем опасно? Что от этого ухудшится? Нужно кричать во-всю и везде и понастоящему, и никакой опасности от этого не проистечет. Мы были всегда скромны. С этой скромностью нужно покончить и т. Аносову нужно с этой боязнью крика покончить и на Урал поехать с несколько иным настроением—покричать.

Помоему, самое безнадежное впечатление должно было остаться у всех от речи товарища Глухова. Товарищ Глухов говорил: «В теории—перспективы, нарисованные в тезисах, хороши и вариант максимум хорош, и минимум не плох, и все, что записано, очень хорошо, но лучше было бы получить гарантию того, что мы получим. Вот если бы Ходоровский гарантировал, то тогда я бы голосовал за его тезисы». Очевидно выходит так, что если бы я в тезисах гарантировал, что места получат вдвое больше, то тогда товарищи голосовали бы за мои тезисы.

Так ставить вопрос нельзя. Если бы мы могли дополнительно к тезисам гарантировать или, еще лучше, прямо дать деньги, то, конечно, нам и обсуждать этот вопрос так долго не нужно было бы, потому что при всей нашей репутации бесхозяйственности мы готовые деньги распределить умудрились бы. Но дело именно в том, чтобы, не имея никакой гарантии, создать такие предпосылки, которые бы обеспечивали успех нашей кампании. Ошибочно думать, что если Наркомпрос куда-то поедет, с кем-то поговорит,—это будет гарантией получения денег. Дело обстоит не так; нужно, чтобы и товарищ Глухов и товарищ Аносов наравне с нами делали дело, равно как и все работники (губернские, областные и уездные) всех наших аппаратов. Если этого не будет, то ничего не будет, и если так кто-либо понял план нашей кампании, то тот ничего не понял.

Затем товарищ из Амурского округа здесь говорил: «У нас запроектировано 5% прироста бюджета, а вы хотите, чтобы был прирост в 50%». Очевидно, вся беда в том, что эти 5% рассматриваются как последнее слово плановой истины, не подлежащей изменению ни в какую сторону. Это, конечно, фетишизм, с которым нужно покончить решительным образом, тем более, что на опыте Сибири можно доказать, что и при контрольных цифрах в 5—10% можно сделать крутой поворот, при котором от 5% ничего не остается, и эти 5% превращаются в 50%. Ведь и Сибирь до 1926 года продвигалась вперед не революционным темпом, а так, как и другие области и губернии, делая повышения на 10—12% в год, но

в 1926/27 году там решили, что дальше так двигаться нельзя, нужно сделать скачок, и действительно 1926/27 год был годом революционного скачка, когда сразу получилось повышение бюджета народного образования на 65%.

Это был революционный прыжок, и он получился таким путем: в сибирских организациях было решено, что на один год необходимо выдвинуть народное образование на первое место, а все остальное подождет. Известно, что там был большой бунт других ведомств, эта революция совершилась не так легко, это не то, что где-то проголосовали и решили—и товарищ Голышев положил в карман 65%. Наоборот, была большая борьба, потому что неотложные нужды везде большие, но в Сибири пришли к сознанию, что на один год эти нужды надо отодвинуть, а народное образование выдвинуть. Таким образом получился прирост в 65%.

Только так мы и понимаем возможность сдвига в общероссийском масштабе в 1928/29 году.

По сравнению с другими нуждами наши нужды втечение ряда лет отставали и оставались неудовлетворенными; теперь мы считаем, что в этом году нам надо целый ряд неотложных нужд советского строительства отодвинуть, для того чтобы нам выдвинуться на передовые позиции. Если мы в этом году сделаем резкий скачок, то в последующие годы мы сможем закономерно и нормально развивать постепенное движение. А если мы в этом году скачка не сделаем, то все наше постепенное продвижение никогда не приведет к разрешению стоящей перед нами важнейшей проблемы.

Вот как мы понимаем. Это нужно осознать и перестать смотреть на контрольную цифру 5—10%, как на неизменную истину. Если бы эти 5—10% нельзя было изменить, то нам не надо было бы и спорить на съезде. Нам необходимо самым решительным образом бороться за повышение. Конечно, Наркомпрос с своей стороны будет стараться все сделать для того, чтобы облегчить задачу проведения культурной революции, но и вы должны все время помогать, чтобы облегчить осуществление этой задачи. Мобилизуйте широкие круги партийной общественности, и только тогда мы будем иметь предпосылки к тому, чтобы подойти по-настоящему к разрешению этой задачи.

Товарищ Лобов хотел бы, чтобы здесь уже был определен размер скачка и куда, в какую сторону можно в отношении процентов этот скачок направить. Но в пределах госбюджета никакой наметки еще нет, и это вполне понятно, потому что вы сами знаете, что бюджет на 1927/28 год утвержден только на-днях сессией ЦИК, которая происходит одновременно с нашим съездом. Значит, сейчас еще ничего относительно нового года сказать нельзя. Мы ставим себе задачу достигнуть варианта-максимум по госбюджету, но мы говорим и о минимуме, который связан до некоторой степени с контрольными цифрами. Мы будем бороться за максимум, и, конечно, если бы по госбюджету и по готовым контрольным цифрам все было совершенно ясно, то нам и говорить было бы не о чем. Но вот тут-то, при построении госбюджета на дело народного образования, только и начинается борьба, которую нужно организовать всеми силами.

Я совершенно солидарен с товарищем Башкировым, который приехал из Сибири с крепким (без обиды) чалдонским настроением, а чалдоны люди весьма основательные, и который делает совершенно правильную установку, говоря, что сначала и у себя в Сибири они думали, что дело безнадежно, но когда решили, что нужно повернуть, то повернули. Так точно нужно понимать дело во всякой республике.

Почему мы взяли два варианта? Конечно, самое лучшее было бы дать один максимальный. А если не выйдет? Нужно все-таки иметь минимальную ориентацию, ниже которой спускаться уже нельзя. Может быть, в комиссии мы еще обсудим этот вопрос, но нам казалось, что выдвижение минимального варианта нисколько не дискредитирует наш максимальный вариант, за который мы будем бороться с точки зрения выполнения задач культурной революции. Мы говорим, что если в какой-либо области мы не сможем удержаться на линии максимального варианта, то нам надо будет держаться на линии минимального не с точки зрения

потребностей культурной революции, а с точки зрения сегодняшнего дня, потому что иначе мы не разрешим и текущих нужд. Вот так нужно подходить к минимальному варианту.

Откуда средства? Из разных источников: для госбюджетных учреждений—из госбюджета, для местных—из местного бюджета. И тут я, конечно, никак не могу согласиться с заявлениями тех товарищей, которые говорят: местный бюджет слаб, местный бюджет беден; если госбюджет поможет, тогда дело выйдет. Вы же прекрасно знаете структуру госбюджета и структуру местного бюджета, вы прекрасно знаете средства и ресурсы, которыми располагают государственный и местный бюджеты. Ставить вопрос так: мы со своих плеч это снимаем, боритесь вы; если госбюджет даст деньги, будет хорошо, а если нет, то ничего не выйдет,—так ставить вопрос нельзя. Это настроение демобилизационное, это настроение не наше, нужно от него отказаться, и при всех средствах, которыми располагают местный и государственный бюджеты, нужно за поставленные задачи бороться во что бы то ни стало. Будем бороться и добиваться целевого налога, будем лучше проводить самообложение. Тов. Лобов в частной беседе со мной сказал, будто бы из того, что собрано по самообложению, чуть ли не 80% ушло на народное образование. Не верно это, ничего подобного. Будьте уверены, что если бы от самообложения в отделы народного образования поступили большие деньги, то это замечалось бы и учитывалось бы. А пока этого ничего не замечается. От нас требуют четкого ответа на все вопросы, связанные с бюджетом. Мне кажется, мы дали более или менее четкий ответ, поскольку в нашей обстановке можно такой ответ дать. Мы ответили прежде всего, что мы должны решительно двинуться с места всем фронтом, но и тут мы известную неравномерность соблюдаем. Но мы заявляем прямо, что по всем участкам мы так безнадежно отстали, что если не двинуться всем фронтом, то стоящая перед нами задача не будет выполнена,—а попрежнему и средства на зарплату, на учебно-хозяйственную часть и строительство и материальное обеспечение учащихся будут совершенно недостаточны. Нужно двинуться всем фронтом, на всех участках; это мы и по минимальному варианту оставляем. Вот когда мы в этом году сдвинемся всем фронтом, то с будущего года мы сможем соблюдать определенную закономерность, большую или меньшую планомерность и т. п. А в этом году вопрос стоит так, что, оставляя качество и количество, мы всем фронтом все наше дело должны решительным образом двинуть с места. Вот все основное, что я имел сказать, и мне кажется, что совершенно не прав был товарищ Груздев, кажется с Северного Кавказа из Ставрополя, который сейчас для 1928/29 года, первого года культурной революции, первого года, когда культурная революция поставлена как практическая задача, выдвинул такую куцую, я бы сказал, программу: сеть не расширять, все стабилизируется—и на этом успокоиться. Если это назвать программой культурной революции, то я не знаю, что такое программа некультурной революции. Это можно было бы говорить три года тому назад и 4 и 5 лет тому назад; нельзя эту программу сейчас выдвигать; нужно выдвигать ту программу, которую мы в наших тезисах выдвигаем, и нужно проявить достаточную энергию, достаточную решимость и готовность за это дело бороться. А если мы будем настроены так благодушно, как настроен товарищ Лобов, который говорил, что местный бюджет никто не ущемляет, что тут сплошная атмосфера сочувствия со стороны всех, то дальше ехать некуда, местный бюджет никто не ущемляет, а госбюджет всеми ущемляется, то ничего не выйдет из нашего плана. Конечно, госбюджет ущемляется всеми, но и местный бюджет ущемляется кое-кем. А если верить т. Лобову, то получается вроде беседы Несчастливцева со Счастливцевым у Островского: «Я тебе сочувствую, я тебя пожалею, но денег тебе не дам». А нужно не только чтобы нас жалели, нам нужно получить и деньги. (Аплодисменты.)

Об основных моментах перспективного плана просветительной работы.

Доклад В. Н. Касаткина.

Товарищи, работа по перспективному планированию всего народного образования в целом еще не вышла из стадии организационно-пропагандистской. Это нужно честно и прямо признать. Наибольшее продвижение мы имеем в области планирования всеобщего начального обучения. Здесь проведена большая работа, уточнявшаяся несколько раз. Что касается планирования остальных отраслей просветительной работы и построения перспективного плана в целом, то мы здесь имеем целый ряд дефектов. Эти дефекты зависят в значительной степени от того, что ОНО и сейчас еще рассматривают эту работу, как нечто десятистепенное, как такое дело, которое можно поручить кому угодно—сегодня одному, завтра другому. В результате мы получаем от ОНО малоценный материал.

Основной дефект наших планов заключается в том, что все они построены по методу арифметическо-статистическому, т. е. по такому методу, когда исключительно на основе только цифровых выкладок, без всякого экономического и политического анализа их, даются другие цифровые выкладки.

Еще одно замечание необходимо сделать: настоящему съезду не докладывается пока пятилетка в целом. Мы не обладали для этого достаточным временем и не могли провести балансовой увязки всех имеющихся наметок. Поэтому тот материал, который был разослан ОНО, нужно рассматривать пока лишь как материал иллюстративного порядка.

Ваша критика должна поэтому направляться не по линии отдельных цифр, а по линии правильности или неправильности намечаемых нами основных задач, тенденций развития темпов роста и соотношений между показателями роста качественного и количественного.

Здесь же я считаю необходимым подчеркнуть, как говорил и т. Ходоровский и другие товарищи, что если наряду с этими о с н о в н ы м и задачами не перечислены и другие задачи, то это не значит, что мы опускаем их из поля нашего зрения. В перспективном плане эти задачи найдут свое цифровое отражение. Сейчас же мы хотим совместно с вами проверить основные линии развития, по которым будет устремляться м а к с и м у м нашего внимания и сил.

Теперь позвольте перейти к существу доклада.

XV Съезд нашей партии по докладу о 5-летке дал директиву относительно «приспособления всего дела народного образования к потребностям социалистического строительства». Приспособление это нам придется вести по двум линиям. Прежде всего мы должны уловить и отразить в плане тенденции экономического развития нашей страны, идущей к социализму. Иллюстрирую это положение следующим примером. Если в каком-то округе или крае мы запроектируем недостаточное или избыточное количество учащихся в том или другом виде техникумов, то я считаю это делом не очень страшным, но я считаю очень опасным, если мы не предусмотрим, что в данном районе должны развиваться такие-то специальности и запроектируем совершенно другие. Почему количественные ошибки менее страшны? Потому что они объективно более возможны, потому что мы не имеем со стороны хозяйственных органов почти никаких заявок. Кроме того выпуски предстоящего пятилетия уже предопределены контингентом тех учащихся, которые сидят сейчас на школьных скамьях. Поэтому плановое воздействие (в смысле развертывания новых учебных заведений) даст свой эффект в подавляющем большинстве случаев только во вторую пятилетку, и если бы даже хозорганы заявили нам, что им нужно, скажем, 25 000, а не 17 000 инженеров, как сейчас проектируется, то мы не могли бы выполнить этого требования, ибо не можем искусственно увеличить число студентов на 3-м и 4-м курсах. Я, разумеется, этим не хочу сказать: пиши, что угодно. Я говорю только о меньшем значении такого рода ошибок.

Имеет ли место сейчас такая увязка, о которой говорил XV Съезд? Разумеется, в основном она есть, ибо народное образование не отделено китайской стеной от всего процесса народно-хозяйственного развития. Но нужно признать, что приспособление это еще недостаточно. Наблюдается ряд разрывов и диспропорций. Мы и до революции имели несоответствие между развитием культуры и экономики, имеем его и сейчас. И особенно остро ощущается эта диспропорция именно тогда, когда мы подошли к началу реконструктивного периода. Я не буду приводить показателей этих диспропорций, так как вы слышали их от т. Ходоровского и найдете их в моих статьях в «Статистическом сборнике» и в № 4 «Народного просвещения», розданных делегатам съезда.

Теперь позвольте остановиться на тех основных чертах, которые будут свойственны настоящему пятилетию. Генеральная линия этой пятилетки б е р е т с я н а у в е л и ч е н и е э н е р г е т и ч е с к и х р е с у р с о в с т р а н ы. В общем энергетическом балансе всех ресурсов страны человеческая сила играет относительно скромную роль, но очень велика роль человеческой силы как организующего фактора, и роль эта будет расти. Вот в создании этой-то части энергетических ресурсов страны, сотен тысяч обученных рабочих и квалифицированных специалистов, просветительные учреждения и играют решающую роль. Следовательно, по этой линии и лежит увязка нашего перспективного плана с перспективным планом развития всего народного хозяйства страны.

В области сельского хозяйства развитие будет итти, согласно директивам XV Съезда партии, по линии интенсификации сельского хозяйства, развития коллективных форм хозяйства и через развитие трудоемких культур.

Втечение предстоящего 5-летия по линии всего народного хозяйства мы будем иметь решительный сдвиг в области к а ч е с т в е н н о г о и з м е н е н и я ч е л о в е ч е с к о г о т р у д а. Сейчас мы имеем такое положение, когда на фабриках, оборудованных по последнему слову техники, человеческий труд, качественно не измененный, не в состоянии извлечь из нового оборудования весь тот эффект, который оно могло бы дать. Это объясняется тем, что человеческий труд, ориентированный на то оборудование, которое имелось до настоящего времени, оказывается перед лицом нового оборудования недостаточно приспособленным, недостаточно гибким и тренированным и неспособным, благодаря этому, извлечь из новой техники всех результатов, которые она могла бы дать.

Равным образом невозможны существенные сдвиги и в области сельского хозяйства при том качестве крестьянского труда, которое имеет место в настоящее время.

Этим в высокой степени повышается роль профессионально-технических учебных заведений, которые должны давать квалифицированную рабочую силу и в сельское хозяйство и в промышленность.

То положение, когда каждый район строится по системе комбинатов, когда в каждом районе перемешаны самые разнообразные отрасли промышленности и сельского хозяйства, распыляющие внимание организаторов народного хозяйства, силы и средства, нецелесообразно. Поэтому втечение предстоящего 5-летия будет осуществляться принцип строгого разделения труда между районами страны и закончено районирование ее. Отсюда вытекает важность р а й о н н о г о разреза плана.

Следующая черта, на которую необходимо обратить внимание,—развитие целого ряда новых отраслей промышленности, которые до настоящего времени не имели места, например, авто-, авио- и тракторостроение, выработка технического волокна и т. п. Развитие таких отраслей промышленности необходимо и для дела индустриализации страны и для поднятия ее обороноспособности и для уменьшения нашей зависимости от капиталистического мира.

На НКП и ОНО это налагает обязательство предусмотреть в нашей сети соответствующие специализации для подготовки специалистов, способных обслуживать эти отрасли промышленности.

Мы будем иметь в этом 5-летии довольно ярко выраженный процесс урбанизации страны, т. е. увеличение удельного веса городского населения, строительства новых городов и городских поселков.

Предстоящее 5-летие потребует огромных капитальных вложений по линии

народного хозяйства. Например, капитальные вложения только в промышленность проектируются в размере 8 000 000 000 рублей, причем 70% этой суммы направляются в область тяжелой индустрии.

Но в ближайшую пятилетку эти капитальные вложения особого эффекта еще не дадут.

При таком напряжении баланса капитальных вложений в ближайшие 5 лет нам, для того чтобы занять должное место под солнцем, придется обратить особое внимание и проявить громадные усилия для того, чтобы достаточным образом обосновать сумму капитальных вложений, необходимых по нашей линии.

Развитие кооперации уже сейчас сделало крупные шаги по линии количественного охвата населения, а в предстоящую пятилетку кооперация должна сделать шаги еще более решительные и по линии количественного размаха и по линии качественного улучшения постановки дела.

В предстоящее пятилетие мы должны добиться некоторого смягчения в области так называемого аграрного перенаселения и безработицы, а также в области диспропорций между городом и деревней, между различными районами и между национальностями.

Осуществление перечисленных мною мероприятий и намечающееся снижение цен должны способствовать увеличению благосостояния рабочего класса и середняцких и бедняцких слоев крестьянства, а следовательно, и увеличение их культурного уровня.

Таким образом культурная революция будет опираться на наши материальные достижения, но в то же время нужно помнить, что решительные сдвиги в области культуры являются необходимой предпосылкой для того, чтобы перечисленные мною мероприятия могли осуществиться.

Эта взаимозависимость культуры и экономики уже достаточно освещена т. Луначарским, и я дольше на этом останавливаться не буду.

Народное образование должно быть приспособлено к потребностям социалистического строительства,—сказал XV Съезд ВКП(б). Как же будет достигаться эта цель?

Эта цель будет нами достигаться как посредством массового подъема культуры и политической сознательности миллионов трудящегося населения, так и путем специальной подготовки сотен тысяч рабочих-специалистов.

По линии первой из этих задач лежат всеобщее обучение, ликвидация неграмотности, профтехническая грамотность, ликвидация беспризорности, развитие изб-читален, библиотечной сети, кино и радио. Эти отрасли просветительной работы охватывают именно миллионные массы трудящихся.

Я не буду здесь подробно говорить о всеобщем обязательном обучении и ликвидации неграмотности, потому что этому посвящены специальные доклады.

Но я считаю необходимым остановиться на проблеме, которая в тезисах освещена слабо,—на задаче ликвидации профтехнической неграмотности.

Плановый отдел Организационно-планового управления, специально разрабатывавший этот вопрос, наметил общие количественные контуры ее, пока, правда, грубо ориентировочно и главным образом в отношении деревни, где острота этой проблемы усиливается аграрным перенаселением. Деревня выбрасывает сейчас в города, по исчислению наших плановых органов, ежегодно до 500 тысяч населения, не могущего приложить руки к земле или в отраслях промышленности, связанных с сельским хозяйством. Проблема аграрного перенаселения будет изживаться целой системой мероприятий, как, например, путем переселения, развития трудоемких культур в области сельскохо хозяйства, т. е. таких культур, в которых может быть без больших капитальных вложений занято большое количество рабочих рук, и т. п. Может ли народное образование остаться в стороне от разрешения этой проблемы? Ни в коем случае. Нам нужно крестьянскую молодежь, в особенности ту молодежь, которая будет в это 5-летие подходить к трудовому возрасту, удержать в деревне. Это возможно посредством прививки миллионам этой молодежи (речь идет именно о миллионных контингентах), хотя бы самых элементарных профессионально-технических знаний и навыков очень практического, очень утилитарного характера. Наличие таких знаний и навыков позволит более рационально использовать эту крестьянскую трудовую молодежь в самом сельском хозяйстве, индивидуальном или коллективном, или же применить ее труд в ряде ремесл, которые у нас сейчас развиты явно недостаточно, или же в отраслях промышленности по переработке сельскохозяйственного сырья.

Разрешение этой трудной проблемы должно пойти и по линии уже имеющихся образовательных каналов, и по линии профессионально-технических примитивов, и, наконец, по линии развития сети передвижных курсов. Проблема эта будет очень трудна, в некоторых отношениях более трудна, чем даже проблема введения обязательного начального обучения. Но эта задача неразрывно связана с решениями XV Съезда партии и со всем развитием народного хозяйства втечение предстоящего пятилетия. Если всеобщее обучение, помноженное на индустриализацию страны, даст огромный сдвиг в деле социального строительства, строительства культуры и быта, то эффект профтехнической грамотности будет еще большим.

Я не буду много говорить и о беспризорности, так как об этом уже говорил т. Эпштейн. Я думаю, что втечение предстоящего пятилетия мы должны покончить с массовой беспризорностью и в последующие годы иметь дело лишь с тем, что будут давать процессы распада семьи, наличие известного кадра безработных и т. п.

Книга является одним из мощных орудий культурной революции, и нужно сказать, что мы в этом отношении имеем угрожающие показатели; одна книга на 2 читателей. Этот показатель втечение предстоящего пятилетия, по нашей ориентировке, должен быть поднят по крайней мере в три-четыре раза.

Относительно значения кино- и радиофикации говорить не приходится. Но нужно иметь в виду связь этих проблем со строительством просветительных учреждений в деревне. При той емкости, которую имеют избы-читальни сейчас, о сколько-нибудь серьезной радиофикации и кинофикации говорить не приходится, но и строить в большем числе избы-читальни, школы и дошкольные учреждения отдельно мы не можем. Нужно думать о строительстве в деревне «комплексных» зданий типа домов просвещения, домов культуры, где помещались бы и школа, и изба-читальня, и другие просветительные учреждения. Это будет и экономнее и может заинтересовать большие круги крестьянства в смысле оказания материальной помощи этому строительству.

По линии подготовки квалифицированных рабочих и специалистов вы имеете определенные количественные показатели в розданных вам материалах. По нашей ориентировке, контингент учащихся в техникумах вырастет лишь на 22,2%. Это как будто плохо вяжется с тем, что говорили и говорят о крайнем недостатке в среднем техническом персонале. Но ведь изменить выпуски для данного пятилетия путем открытия новых техникумов мы все равно не в состоянии. Новые техникумы, которые мы будем развертывать, дадут свои результаты только в будущем пятилетии, относительно количественной потребности которого нам ничего неизвестно. Но зато мы ставим акцент на качественном росте техникумов.

При намечании темпа роста сети техникумов нельзя пренебрегать целым рядом лимитов ограничительного порядка. Первый из них—лимит преподавательской силы. Быстро подготовить кадр преподавателей для новой сети техникумов мы не можем, а без учета этого ограничительного лимита мы рискуем к концу пятилетия тем, что качество продукции наших техникумов будет не лучше теперешнего. Итти на это значило бы итти на верный провал. Мы предпочитаем итти на некоторый количественный дефицит, если он вообще будет иметь место, но дать продукцию нужного качества.

Рост учебных мастерских, как учреждений, с одной стороны, более дешевых, с другой стороны—более тесно связанных с основной массой середняцкого и бедняцкого крестьянства и имеющих целью подготовку монтеров сельского хозяйства,—запроектирован нами в 95,2%. Вот где мы даем максимальный количественный размах. На эти учебные мастерские мы смотрим и как на базовые пункты по ликвидации профтехнической неграмотности. Рост школ фабзавуча намечен на 20%.

Этот процент нужно считать сугубо ориентировочным. Различные типы профкурсов растут на 46%, но нам уже сейчас кажется, что этот процент надлежит увеличить, особенно по линии индустриально-технических курсов. Более подробные показатели по этому разделу я рекомендую посмотреть в том материале, который был послан ОНО.

Промежуточное положение между этими двумя каналами нашей работы занимают учреждения, которые имеют двойственную целевую установку. Я сюда отношу повышенные школы социального воспитания и заочного обучения. Почему я отношу сюда школы социального воспитания? С одной стороны, они охватывают большой контингент учащихся, измеряемый сотнями тысяч, а в дальнейшем будут охватывать и миллионы. В этом их связь с теми учреждениями, которые имеют целью поднять культуру миллионов. С другой стороны, эти учреждения приобретают все более ярко выраженную профокраску, подготовляя, в сущности, рабочую силу разных квалификаций (ФЗС, ШКМ, профуклоны).

Несмотря на большой количественный рост разных наших просветительных учреждений, мы все-таки будем иметь такое положение, когда за стенами этих учреждений будут оставаться жаждущие учиться. Сейчас мы имеем 400 000 отказов только по школам I ступени. Можем ли мы строить наш перспективный план без учета того, что этим сотням тысяч людей, которые рвутся к знанию, придется отказать в нем? Конечно, не можем. Заочное обучение и должно быть поэтому запроектировано в таких размерах, которые погашали бы этот просветительный голод.

Наша пятилетка должна быть пронизана классовым содержанием. Это должно находить отражение и по линии стипендиального обеспечения, и по линии материального положения учащихся различных школ, и по линии целевой установки школ, и, наконец, по линии охвата нашими школами главным образом рабочих, бедняков, батраков и отчасти середняков, а в пределах этих групп, поскольку наша школа не может охватить всех жаждущих учиться даже в пределах этих классовых групп, нам придется ставить перед собой задачу преимущественного охвата молодых и средних возрастов.

Последние замечания я посвящаю организационному вопросу. Я обращаю внимание на то, что и Наркомпросу и отделам народного образования нужно пятилетку строить в районном разрезе, и эта задача для нас более сложна, чем для всех остальных, ибо нам придется учитывать такое количество слагаемых и факторов, влияющих на нашу работу и определяющих ее, как ни одному другому сектору народного хозяйства. Из этого вытекает необходимость строгой и полной согласованности работы центра и мест. Мы мыслим себе разрешение этой задачи, если позволят сроки, путем привлечения ОНО к проработке нашей пятилетки. Но и мы просим ОНО давать нам необходимые сырые материалы, обрабатывать которые мы уже научились.

Формы, которые даны Наркомпросом в 1926 г., отменяются. Сейчас вступают в силу формы, которые согласованы Госпланом с нами и являются едиными формами. От этих форм не допускается абсолютно никаких отступлений, ибо иначе становится невозможной сводная работа по перспективному плану.

При намеченных сроках нам представляется нецелесообразным спускать работу по составлению перспективного плана в уездные и окружные отделы народного образования, тем более, что там и не имеется плановых работников. Работа должна производиться исключительно губернскими и краевыми отделами народного образования, но с тем, чтобы, когда эта работа будет ими проделана в уездном и окружном разрезе, были привлечены окружные и уезные отделы народного образования к ее обсуждению. Затем является совершенно необходимым ввести организационно-плановую инспектуру в тех губернских отделах народного образования, которые ее по сие время не имеют. Это тем более необходимо, что ошибки, допущенные нами в перспективном плане, будут больно бить нас втечение всего пятилетия.

В заключение я приглашаю вас проникнуться сознанием серьезности стоящей перед нами задачи и в остающийся краткий срок сделать все возможное для того, чтобы работа по планированию была поставлена на должную высоту.

О плане введения всеобщего обязательного начального обучения.

Доклад М. С. Эпштейна.

Обычно, когда делаю доклад о плане введения всеобщего начального обучения, я затрагиваю, кроме узких плановых вопросов, вопрос о состоянии начального обучения в стране и затрагиваю не только количественные показатели, но и качество дела, т. е. вопрос о том, что представляет собою современная начальная школа.

В настоящем своем докладе я этим заниматься не буду, поскольку у вас имеется исчерпывающий материал в отчете НКП, в статистическом сборнике: «Народное просвещение РСФСР», и поскольку я считаю, что сейчас надо сосредоточить внимание на некоторых действительно узко плановых вопросах составления плана всеобщего начального обучения. Об этом я и буду говорить.

Как известно, мы имеем ориентировочный республиканский план введения всеобщего начального обучения, составленный на основе местных планов. Это первый в стране опыт составления плана на основе местных планов не только в области социально-культурной жизни, но и вообще планирования всего нашего хозяйства. Естественно, что в этом плане отражены все недостатки такого первого планирования. Кроме того нам было особенно трудно планировать потому, что мы должны были план составлять до того, как были закончены выводы демографической переписи, о которой докладывал т. Богданов, и до того, как мы имеем выводы по школьной переписи. Несмотря на § 21 известного вам декрета от августа 1925 г. о введении всеобщего начального обучения в стране, ЦСУ, которое должно было провести эту школьную перепись еще в 1926 г., нам этих данных школьной переписи еще не дало. Мы должны были составлять свой план без этих данных. Естественно, это отразилось на качестве работы. Приходилось брать самый важный показатель, на основе которого составляется план всеобщего начального обучения,—детские контингенты комбинированным путем, на основе переписи 1920 г., проведенной не повсеместно, а там, где проводилась, и то не в достаточной степени полной,—затем действовать известным вам методом возрастных передвижек, пользоваться старым коэффициентом смертности. Все это не могло не отразиться на точности детских контингентов, т. е. на основном показателе, так как от детских контингентов зависит потребная школьная сеть, число преподавателей и т. п.

О капиталистическом нашем фонде, о школьных зданиях—другом основном показателе плана введения всеобщего обучения без школьной переписи—также не было точных данных. Правда, отдельные места, как Сев. Кавказ, провели тщательное обследование и имеют специальный труд, чрезвычайно подробно разработанный по этому вопросу, но это по отдельным местам. В подавляющем большинстве случаев местам приходилось пользоваться старыми данными, чуть ли не 90-х годов, которые, естественно, сейчас потеряли всякое значение, всякую ценность. Отсюда и значительная дефективность наших местных планов, как и общереспубликанского плана. Но и помимо всего прочего мы имели еще одну причину некоторой дефективности нашего плана—это то, что не была ясна система финансирования. Несмотря на то, что § 15 декрета от августа 1925 г. устанавливает участие госбюджета в финансировании местных бюджетов по делу введения всеобщего начального обучения по линии субвенции зарплаты и по линии школьных строительных фондов, все же не установлены сколько-нибудь твердые показатели этих субвенций, в особенности на весь плановый период. Это, конечно, чрезвычайно отражается на пестроте нормативных показателей. Мы могли принять во внимание только чрезвычайно приблизительный темп роста местного бюджета и не имели твердых данных относительно участия государственного бюджета в помощь местному бюджету. Вследствие этого, конечно, мы и не могли дать сколько-нибудь твердых нормативных показателей.

Все это, вместе взятое, приводит к тому, что сейчас предполагаемый план

Этот процент нужно считать сугубо ориентировочным. Различные типы профкурсов растут на 46%, но нам уже сейчас кажется, что этот процент надлежит увеличить, особенно по линии индустриально-технических курсов. Более подробные показатели по этому разделу я рекомендую посмотреть в том материале, который был послан ОНО.

Промежуточное положение между этими двумя каналами нашей работы занимают учреждения, которые имеют двойственную целевую установку. Я сюда отношу повышенные школы социального воспитания и заочного обучения. Почему я отношу сюда школы социального воспитания? С одной стороны, они охватывают большой контингент учащихся, измеряемый сотнями тысяч, а в дальнейшем будут охватывать и миллионы. В этом их связь с теми учреждениями, которые имеют целью поднять культуру миллионов. С другой стороны, эти учреждения приобретают все более ярко выраженную профокраску, подготовляя, в сущности, рабочую силу разных квалификаций (ФЗС, ШКМ, профуклоны).

Несмотря на большой количественный рост разных наших просветительных учреждений, мы все-таки будем иметь такое положение, когда за стенами этих учреждений будут оставаться жаждущие учиться. Сейчас мы имеем 400 000 отказов только по школам I ступени. Можем ли мы строить наш перспективный план без учета того, что этим сотням тысяч людей, которые рвутся к знанию, придется отказать в нем? Конечно, не можем. Заочное обучение и должно быть поэтому запроектировано в таких размерах, которые погашали бы этот просветительный голод.

Наша пятилетка должна быть пронизана классовым содержанием. Это должно находить отражение и по линии стипендиального обеспечения, и по линии материального положения учащихся различных школ, и по линии целевой установки школ, и, наконец, по линии охвата нашими школами главным образом рабочих, бедняков, батраков и отчасти середняков, а в пределах этих групп, поскольку наша школа не может охватить всех жаждущих учиться даже в пределах этих классовых групп, нам придется ставить перед собой задачу преимущественного охвата молодых и средних возрастов.

Последние замечания я посвящаю организационному вопросу. Я обращаю внимание на то, что и Наркомпросу и отделам народного образования нужно пятилетку строить в районном разрезе, и эта задача для нас более сложна, чем для всех остальных, ибо нам придется учитывать такое количество слагаемых и факторов, влияющих на нашу работу и определяющих ее, как ни одному другому сектору народного хозяйства. Из этого вытекает необходимость строгой и полной согласованности работы центра и мест. Мы мыслим себе разрешение этой задачи, если позволят сроки, путем привлечения ОНО к проработке нашей пятилетки. Но и мы просим ОНО давать нам необходимые сырые материалы, обрабатывать которые мы уже научились.

Формы, которые даны Наркомпросом в 1926 г., отменяются. Сейчас вступают в силу формы, которые согласованы Госпланом с нами и являются едиными формами. От этих форм не допускается абсолютно никаких отступлений, ибо иначе становится невозможной сводная работа по перспективному плану.

При намеченных сроках нам представляется нецелесообразным спускать работу по составлению перспективного плана в уездные и окружные отделы народного образования, тем более, что там и не имеется плановых работников. Работа должна производиться исключительно губернскими и краевыми отделами народного образования, но с тем, чтобы, когда эта работа будет ими проделана в уездном и окружном разрезе, были привлечены окружные и уезные отделы народного образования к ее обсуждению. Затем является совершенно необходимым ввести организационно-плановую инспектуру в тех губернских отделах народного образования, которые ее по сие время не имеют. Это тем более необходимо, что ошибки, допущенные нами в перспективном плане, будут больно бить нас втечение всего пятилетия.

В заключение я приглашаю вас проникнуться сознанием серьезности стоящей перед нами задачи и в остающийся краткий срок сделать все возможное для того, чтобы работа по планированию была поставлена на должную высоту.

О плане введения всеобщего обязательного начального обучения.

Доклад М. С. Эпштейна.

Обычно, когда делаю доклад о плане введения всеобщего начального обучения, я затрагиваю, кроме узких плановых вопросов, вопрос о состоянии начального обучения в стране и затрагиваю не только количественные показатели, но и качество дела, т. е. вопрос о том, что представляет собою современная начальная школа.

В настоящем своем докладе я этим заниматься не буду, поскольку у вас имеется исчерпывающий материал в отчете НКП, в статистическом сборнике: «Народное просвещение РСФСР», и поскольку я считаю, что сейчас надо сосредоточить внимание на некоторых действительно узко плановых вопросах составления плана всеобщего начального обучения. Об этом я и буду говорить.

Как известно, мы имеем ориентировочный республиканский план введения всеобщего начального обучения, составленный на основе местных планов. Это первый в стране опыт составления плана на основе местных планов не только в области социально-культурной жизни, но и вообще планирования всего нашего хозяйства. Естественно, что в этом плане отражены все недостатки такого первого планирования. Кроме того нам было особенно трудно планировать потому, что мы должны были план составлять до того, как были закончены выводы демографической переписи, о которой докладывал т. Богданов, и до того, как мы имеем выводы по школьной переписи. Несмотря на § 21 известного вам декрета от августа 1925 г. о введении всеобщего начального обучения в стране, ЦСУ, которое должно было провести эту школьную перепись еще в 1926 г., нам этих данных школьной переписи еще не дало. Мы должны были составлять свой план без этих данных. Естественно, это отразилось на качестве работы. Приходилось брать самый важный показатель, на основе которого составляется план всеобщего начального обучения,—детские контингенты комбинированным путем, на основе переписи 1920 г., проведенной не повсеместно, а там, где проводилась, и то не в достаточной степени полной,—затем действовать известным вам методом возрастных передвижек, пользоваться старым коэффициентом смертности. Все это не могло не отразиться на точности детских контингентов, т. е. на основном показателе, так как от детских контингентов зависит потребная школьная сеть, число преподавателей и т. п.

О капиталистическом нашем фонде, о школьных зданиях—другом основном показателе плана введения всеобщего обучения без школьной переписи—также не было точных данных. Правда, отдельные места, как Сев. Кавказ, провели тщательное обследование и имеют специальный труд, чрезвычайно подробно разработанный по этому вопросу, но это по отдельным местам. В подавляющем большинстве случаев местам приходилось пользоваться старыми данными, чуть ли не 90-х годов, которые, естественно, сейчас потеряли всякое значение, всякую ценность. Отсюда и значительная дефективность наших местных планов, как и общереспубликанского плана. Но и помимо всего прочего мы имели еще одну причину некоторой дефективности нашего плана—это то, что не была ясна система финансирования. Несмотря на то, что § 15 декрета от августа 1925 г. устанавливает участие госбюджета в финансировании местных бюджетов по делу введения всеобщего начального обучения по линии субвенции зарплаты и по линии школьных строительных фондов, все же не установлены сколько-нибудь твердые показатели этих субвенций, в особенности на весь плановый период. Это, конечно, чрезвычайно отражается на пестроте нормативных показателей. Мы могли принять во внимание только чрезвычайно приблизительный темп роста местного бюджета и не имели твердых данных относительно участия государственного бюджета в помощь местному бюджету. Вследствие этого, конечно, мы и не могли дать сколько-нибудь твердых нормативных показателей.

Все это, вместе взятое, приводит к тому, что сейчас предполагаемый план

требует целого ряда уточнений и, естественно, вызывает ряд сомнений, о которых я еще буду говорить.

Прежде чем я перейду к этим сомнениям, я напомню вам, что в основу проведения всеобщего обязательного обучения лег декрет 31 августа 1925 г., причем по этому декрету точно обозначен срок для проведения всеобщего обязательного обучения—1933/34 г. Этот срок является обязательным для всей РСФСР. Там прямо так и сказано в этом декрете: предельный срок введения всеобщего начального обучения по всей территории РСФСР считать 1933/34 уч. г. Поэтому сейчас какие-либо претензии относительно максимума Наркомпроса несомненно являются претензиями уже запоздалыми, потому что декрет является обязательным и он утвержден не только Совнаркомом и ВЦИКом, но и Съездом советов, а на основе его и был составлен наш план. При составлении плана мы положили в основу именно то обстоятельство, что сроком для проведения всеобщего обязательного обучения на всей территории РСФСР является 1933/34 уч. год.

Кроме того мы имели другой обязательный для нас показатель: в том же декрете сказано, что вводится всеобщая детская грамотность на основе четырехлетнего обучения. Там прямо сказано: принять меры к тому, чтобы к 10-летию Октябрьской революции была обеспечена общедоступность школы I ступени, следовательно в 1933/34 г. всеобщее обязательное обучение должно строиться на основе 4-летней базы.

Были кое-какие попытки, которые имеются и сейчас, толковать этот декрет так, что 1933/34 г. будет первым годом обязательности начального обучения для 1-го школьного возраста, т. е. для 8-леток. Это, понятно, неверно. Декрет совершенно определенно говорит об обязательности обучения по линии всей школы I ступени и не говорит о 1-й группе I ступени. А вовторых, если вы вспомните, на основе каких материалов составлен этот декрет, то будет совершенно ясно, что речь идет относительно обязательности в 1933/34 г. для всех возрастов 4-летки, т. е. для всех школьных возрастов—8-, 9-, 10- и 11-леток.

Когда Госплан составлял свой ориентировочный план, из которого исходили при составлении декрета 31 августа 1925 г., то там также имелось в виду не обязательность обучения для 8-леток, а именно обязательность для всех четырех возрастов. При этом был принят примерный комплект,—предельный радиус 3 версты и не более 2 групп на одного обучающего. Вот на основе этого и был составлен весь план.

Если вы обратитесь к финансовому плану, то вы увидите, в какую сумму должна обойтись эта реформа. По годам, в общей сложности за 7 лет, по всей стране реформа всеобщего начального обучения, не включая расходы на подготовку педагогического персонала, должна обойтись в сумму 2 758 500 000 р., приэтом имеется в виду не полное школьное строительство, потребное для введения всеобщего обучения, а лишь менее половины потребных школьных зданий.

В этом же плане вы имеете наши предположения относительно того, как должны покрываться эти суммы, приэтом вы видите, как растет ежегодно дефицит.

Начинается этот дефицит с 1927/28 г. и продолжается вплоть до 1933/34 г., причем дефицит возрастает из года в год, и если в 1927/28 г. он предполагается в 20 миллионов, то в 1933/34 г. он выразится в сумме 124 миллионов.

Несомненно, что в наш план придется вносить некоторые поправки, причем надо еще учесть, что это самое финансовое выражение получается в результате чрезвычайной пестроты норм, которые во многих местах были слишком понижены, потому что места не знали, на какую сумму из государственной дотации они могут рассчитывать; поэтому, если мы постараемся приблизиться к большей равномерности, норм хотя бы в основных, как, например, зарплата учительства или учебно-хозяйственные расходы, то несомненно, что при финансовом перечете дефицит получится еще больший.

Относительно норм должен сказать, что наша действительность уже значительно опередила то, что предполагалось по плану Госплана и в области зарплаты и в области стоимости одного школьного комплекта. То, что планировалось для 1933/34 г., уже опережено в 1927/28 г.

Надо сказать, что пестрота нормативных показателей зависит от различных условий, в которых находятся различные районы, и несомненно, что некоторая амплитуда колебаний неизбежна.

В нашем плане характерна громадная разница в потребности средств по сравнению с первым ориентировочным планом Госплана СССР. Там примерно определялась потребность в 1 200 000 000 р.,—здесь, как вы видите, определяется потребность в 2 700 000 000 р.—больше чем удвоение. Разница получилась по многим причинам. Прежде всего оказалось, что по этим расчетам еще до демографической переписи детский контингент больше, чем он исчислялся Госпланом СССР. Вовторых, мы взяли несколько больший темп школьного строительства, ибо мы находимся в таких скученных условиях школьной работы, что стоим перед угрозой полного обесценения ее, если не будем форсировать темп капитального ремонта и школьного строительства. Если в первом плане Госплана школьное строительство исчислялось в размере примерно 30% потребности, то здесь исчисляется в размере примерно 47% потребности. Затем введены вспомогательные мероприятия, отражающие социальный классовый момент, с которым мы сталкиваемся как с одной из громаднейших проблем, когда социальная передвижка в нашей школе происходит, начиная со 2-го года обучения, не в пользу рабочего населения, крестьянской бедноты и батрачества, что усиливает необходимость в финансировании доступности начальной школы.

Какие изменения вносятся в план демографической переписью? Если в отношении 1928/29 г. мы имеем почти ту же цифру (перепись 1920 г. дала нам возможность определить 8-леток), то с 1929/30 и 1930/31 гг. мы уже получаем серьезнейшее расхождение, которое дает разницу за один год в 700 000 детей. Все это значительно меняет весь наш финплан. Вот если исходить из этих детконтингентов, то получается таким образом, что наш план неправильно отражает процентную обеспеченность детей школьными местами. Я должен извиниться, что мне придется вас немного утомить цифрами, но это неизбежно, так как я говорю о плане. В 1928/29 г. по нашему плану мы имели обеспеченность 80,4%, а тут—79,5%; в 1929/30 г.—87% (я округляю цифру), а тут—76%; в 1930/31 г.—88%, а тут—86% и т. д. В конечном итоге мы ошиблись как будто бы очень немного—на 3,4% больше имели обеспеченности по сравнению с теми изменениями, которые вносит демографическая перепись, но если вы вспомните, с какими громадными детскими контингентами мы имеем дело, то вы поймете, что здесь идет речь о сотнях тысяч детей. Когда вы переведете это на деньги, по тем нормам, которые приведены в плане, то увидите, что эта разница в детских контингентах между нашим планом и демографической переписью дает в переводе на деньги новую потребную сумму—в год 118 000 000 р., т. е., иначе говоря, если раньше наш дефицит определялся нашим планом примерно, в 500 000 000 р., то здесь он определяется в шестьсот с чем-то миллионов рублей.

Надо сказать, что наш план вызывает возражения в предварительной проработке его в аппарате,—я подчеркиваю—в аппарате Госплана, так как Госплан его еще не рассматривал,—не только по этой линии. Это, если можно так выразиться, объективное возражение, это есть результат демографической переписи. Но имеются возражения не только такого порядка. Одно возражение сводится к тому, что мы неправильно определили коэффициент смертности и, следовательно, передвижку возрастов сделали неправильно. По приблизительным подсчетам мы должны взять сейчас не старый коэффициент смертности, а для возраста до 4 лет имеется ослабление силы смертности в два раза. А для 5 лет и свыше ослабление силы смертности получается в $1\frac{1}{2}$ раза. Дальше, вызывают возражения наши нормы, причем здесь более или менее твердых возражений мы еще не имеем, но—скажу для примера—наша цифра в 80 р., которою мы определили заработную плату к концу планового периода для учителей I ступени, вызывает возражения, и проектируется 70-рублевая ставка, причем были предложения некоторых товарищей из Госплана, что эта 70-рублевая ставка достигается путем десятипроцентных систематических ежегодных надбавок.

Вызывает возражения и наш проект участия местного бюджета в деле введения всеобщего начального обучения, причем вы сами, вероятно, догадываетесь, что работники Наркомфина предполагают, что мы уменьшили размер участия местного бюджета. Одним словом, целый ряд возражений по существу встречает наш план в предварительной проработке его в Госплане. Особенно пугает его дефицит в полмиллиарда рублей, и отсюда делаются попытки если не пересмотра целиком и полностью, то во всяком случае хотя бы некоторой частичной ревизии этого плана.

Я хочу в нескольких словах все-таки остановиться на том, не является ли действительно настоящий план несколько чрезмерным. Я думаю, что о чрезмерности говорить не приходится. Я не буду напоминать на настоящем достаточно авторитетном совещании ряд ответственнейших заявлений партии и правительства о значении во всей нашей работе форсированного введения дела всеобщего начального обучения. Я не буду здесь также повторять всего сказанного о рентабельности для народного хозяйства введения всеобщего начального обучения. Рекомендую обратиться к розданной вам брошюре о методологии планирования просветительной работы и в особенности к статье т. Пресс, где имеется тщательно подобранный материал, доказывающий рентабельность этого дела: урожайность, доходность на каждую площадь засеянной земли соответственно подымается в связи с введением всеобщего начального обучения. Я хотел бы только привести несколько цифр, связанных с планированием народного образования и народного хозяйства. По расчетам нашего плана на 5-летие,—я беру 5-летие потому, что все планы Госплана составляются за 5-летие,—мы имеем рост детских контингентов на 32%. Если мы в 1926 г. имели 50% обеспеченности начальной школы, то к 1931/32 г., по нашим планам, мы предполагаем 82%, т. е. увеличение на 32%. Мы хотим эту элементарную культурную потребность продвинуть втечение этого пятилетия на 32%. Возьмите любую отрасль народнохозяйственной жизни, и вы увидите, что этот процент окажется самым скромным. Я не буду уже касаться таких вещей, как валовая продукция промышленности,—там рост в 67% предполагается, или электротехнической промышленности, там и 215%,—я беру потребление: потребление сахара по этой планировке за эти 5 лет увеличится на 79,6%, мыла—на 69,7% на душу. Я никак не могу согласиться с тем, что рост начальной школы на 32% в какой бы то ни было мере был велик и чтобы страна не могла найти средств извлечения национальных доходов, с тем чтобы удовлетворить ту элементарную культурную потребность, которую представляет собой начальная школа. С этой чрезмерностью, я полагаю, мы никак согласиться не можем, особенно если вы вспомните цифры, которые докладывал т. Касаткин, цифры по линии капитальных вложений. Между тем, если мы возьмем то продвижение, которое мы сейчас имеем, то нужно сказать, что мы стоим перед угрозой не только невведения всеобщего начального обучения к намеченному сроку, но стоим перед угрозой снижения грамотности детского населения. Начиная с 1924/25 г., мы в темпе роста начального образования идем все более медленными шагами: в 1924/25 г. мы сделали громадный скачок по сравнению с 1923/24 г., увеличили количество учащихся на 12,4%, в 1925/26 г.—на 7,8%, в 1926/27 г.—на 4,5%, в 1927/28 г., по последним данным, увеличили уже только на 3,6%. Если даже нам удастся на весь плановый период этот темп удержать стабильно—3,6%,—т. е. не следовать по проклятой традиции прошлого 3-летия, когда мы снижали этот темп, а остаться на 3,6%, то к 1933/34 г. получим жуткую картину: получим такой громадный раствор между числом детей школьного возраста и наличием школьных комплектов, какой вряд ли когда-либо знала страна за последние 10—20 лет. Вот почему, несмотря на то, что новая демографическая перепись вносит ряд исправлений в сторону значительного увеличения дефицита, все же мы от намеченного срока—1933/34 г.,—естественно, отказаться не можем. Само собой разумеется, что самая сложная задача будет заключаться в районировании введения всеобщего начального обучения, потому что то, что докладывал здесь т. Богданов, и то, что вы видите на диаграмме, говорит, что по существу сложность этой проблемы неодинакова для всех районов. Если она сравнительно легко разрешается в губерниях Центр.-пром. района, Западного района, Украины, где достигнута уже более или менее высокая обеспеченность школой детей школьного возраста, то, понятно, такие районы, как Якутская, Дагестанская, Казакстанская республики, где мы имеем громадное падение обеспеченности детского населения школой в сравнении с центром, представляют собою в этом отношении исключительную трудность. Это—центральный вопрос. Но, исходя из нашей национальной политики, мы должны поставить вопрос о каком-то серьезном дотировании, о серьезном участии всего нашего бюджета в целях продвижения отсталых районов к всеобщему начальному обучению. Исходя из этого, мы и составили наше обращение в Совнарком. Наш проект обращения в Совнарком говорит о том, что мы считаем, что без участия общесоюзных средств мы, понятно, с этой задачей не справимся. Это участие необходимо и по линии школьного строительства, и по заработной плате, и по линии помощи наиболее культурно-отсталым районам с тем, чтобы они могли скорее подтянуться.

Какие моменты должны быть сейчас нами особенно акцентированы? Я коротенько схематически остановлюсь на основных.

Первое—о помощи населения всей нашей работе. Надо сказать, что это самый слабый участок. Когда подытоживаешь данные по этой линии, то видишь, вопервых, насколько нами игнорируется это дело. Нет никаких данных, никаких цифр, которые бы дали картину участия населения в этом деле. Между тем отдельные отрывочные сведения, собираемые по газетам, по отдельным отчетам ОНО, от отдельных даже личных разговоров с представителями ОНО, показывают, что население участвует в деле введения всеобщего начального обучения охотно. Мне время не позволяет, но я мог бы привести цифры, которые показывают, насколько охотно население участвует в этом деле. Мы недостаточно организованно мобилизуем эту инициативу. Даже самообложение ставит нас в некоторых местах перед угрозой, что оно пойдет не в пользу начальных школ и вообще дела народного образования, но что из-за самообложения местные бюджеты, ссылаясь на него, значительно сократят свои расходы на дело начального обучения. Это объясняется тем, что мы еще недостаточно обратили внимание на этот важнейший источник доходов по линии начальной школы, который мы должны всячески расширять.

За последнее время мы наблюдаем рост сети однокомплектных школ. Правда, эта сеть, по нашим данным, в 1926/27 г. пошла на некоторое снижение. В 1925/26 г. мы имели однокомплектных школ 56,8% всего числа начальных школ. В 1926/27 г. имеется некоторое понижение—51,3%. О чем свидетельствует такое большое количество однокомплектных школ? Это говорит о том, что население всячески стремится приблизить к себе эту самую начальную школу, что естественно. Это своеобразный рост культурных запросов населения, и если вы учтете, что, как правило, эти карликовые школы обслуживают больше всего детей зажиточных слоев населения,—ибо где там бедняку или маломощному середняку посылать своего ребенка на лошади в деревню, отстоящую на 4—5 или даже 3 версты, где ему организовать общежитие или кормежку у какого-нибудь крестьянина за деньги,—то естественно, что этот рост однокомплектных школ—по существу положительный фактор. Правда, не все члены коллегии разделяют эту точку зрения, но я лично считаю, что нужно не только не мешать, а нужно даже содействовать на первых порах возникновению этих школ и этим самым вызывать инициативу населения, его средства на строительство этих школ. В этом наша задача. Тут могут быть опасения, не является ли рост однокомплектных школ или наличие их стимулом к тому, чтобы уменьшалось значение четвертых групп наших школ. Тов. Алексинский говорил, что по Московской губ. мы имеем значительно больший процент учащихся в 4-й группе, чем в дореволюционное время. Это явление имеет место и по всей стране. Это положительный факт. Мы имеем этот рост из года в год. В 1924/25 г. мы имели в четвертых группах 9,2% всего состава учащихся в начальных школах, в 1925/26 г. мы имеем уже 10,97%, в в 1926/27 г. мы уже имеем 12,2%. К сожалению, у меня нет цифр за 1927/28 г. Так что, как видите, этот процесс роста трехлетки ни в какой степени не вступает в противоречие с другой важнейшей задачей—увеличения количества детей, нахо-

дящихся в 4-й группе. Поэтому я считаю, что одной из важнейших задач является всяческое поощрение населения в строительстве школ, которое не может не пойти по линии строительства однокомплектных школ, ибо, согласитесь, если Германия позволяет себе на одного учителя иметь 45 учащихся с таким веером групп, как от 2 до 8, то мы не можем в условиях нашей нищеты позволить себе такую роскошь, как иметь на 20 учеников двух учителей.

Несколько слов о социальном составе наших учащихся. У меня имеются чрезвычайно интересные цифры на этот счет. Я вам укажу цифры распределения учащихся одних имущественных категорий по группам школ. Возьмем бедняков. Начинают они в 1-й группе с 42%, кончают в 4-й группе—8%. Правда, и процент зажиточных падает: начинают в 1-й группе с 32% и кончают в 4-й группе—16%. Здесь имеется общее явление для всех категорий. Но если вы возьмете количество бедняков 1-й и 4-й группы, то там падение больше чем в пять раз, а у зажиточных получается разница только в два раза. Естественно, что с такой политикой мы дальше итти не можем. Мы должны поставить наши школы прежде всего на службу детям рабочих, детям беднейшего населения. В отношении рабочих мы видим, что более культурное лицо рабочего сказывается на начальной школе и его удельный вес здесь не падает из группы в группу, а, наоборот, поднимается. В четвертой группе удельный вес детей рабочих больше чем в 1-й группе, но число детей рабочих в каждой группе падает. Эти цифры вы можете найти в статистическом сборнике «Народное просвещение РСФСР».

Отсюда важнейшая задача в области введения всеобщего обучения—создание действительной общедоступности начальной школы.

Несколько слов о подростках. Мы имеем такое явление, когда наши начальные школы вынуждены еще в значительной части обслуживать подростков, и этим самым создаются затруднения педагогического порядка, ибо очень трудно заниматься в группе, в которой имеются дети возраста от 8 до 14 лет. Совершенно правильно заявляют методисты: для кого создавать программы, составлять учебники, для какого возраста? Этот веер возрастов чрезвычайно мешает нам при введении всеобщего обучения и в деле педагогического упорядочения нашей школы. Примерно 31% учащихся в школах в 1926/27 г. был выше 12-летнего возраста. Отсюда возникает задача организации сети школ для подростков. Одна из ближайших задач, которая стоит перед нами в этой области,—максимальное расширение этой сети, с тем чтобы иметь возможность оттянуть от нашей начальной школы этот подростковый возраст и облегчить этим самым введение начального обучения для естественного возраста—8—11 лет. Надо сказать, что мы сейчас имеем в нашей школе в отношении возрастного состава положение худшее, чем в школе дореволюционной. Если и в продолжительности срока обучения и в отношении обслуживания девочек мы имеем значительное продвижение по сравнению с дореволюционным периодом, то в отношении правильной возрастной группировки мы имеем отступление, понижение. Это объясняется, как говорил т. Богданов, демографическими искажениями, которые имеем в возрастах, когда преобладают не 8-летки, а 11—12-летки.

Несколько слов о нацменьшинствах. Мы должны были составить специальный план введения начального обучения среди нацменьшинств на родном языке, но, к сожалению, этот план местами был дан в таком неудобоваримом виде, что мы не могли его свести. Или наши указания были недостаточны, или места не разработали всего, что требовалось. Надо сказать, что в отношении национальных школ на родном языке мы имеем два чрезвычайно интересных явления, я бы сказал, два провала. Мы имеем, с одной стороны, большое отставание по сравнению с русской сетью в деле обслуживания начальными школами детей культурнослабых народностей. У нас еще имеются культурнослабые национальности, которые охвачены начальной школой на родном языке лишь в размере 5% детей. Здесь мы должны продолжать работу по внедрению родной школы. С другой стороны, ряд культурносильных народностей, которые у себя на своей территории имеют развитую сеть,—я говорю об украинцах, белоруссах, которые у себя, на Украине, в Белоруссии,

имеют процент обслуживания школой не меньший, чем в РСФСР,—оказался у нас, в РСФСР, с чрезвычайно ничтожным процентом обслуживания школой на родном языке. Здесь несомненно в некоторой части сказывается великорусский шовинизм по отношению к национальному ребенку, когда его родной язык не признается.

Как мы подходим к составлению плана введения всеобщего начального обучения по отношению к нацменьшинствам? Мы берем общий план с теми же нормативными показателями, но прибавляем то, что должен дополнительно стоить национальный учебник и подготовка национального учителя, имея в виду, кроме того, для большей точности этого плана дать отдельную конкретную сеть школ для нацменьшинств, расселенных компактными массами.

Остановимся в заключение на этих основных работах, которые нам предстоит делать в ближайшее время. Первое—это спланировать и составить конкретную школьную сеть.

При планировании школьной сети мы считаем, что конкретную сеть с расположением ее по отдельным пунктам желательно пока строить не больше как на три года. Мы имеем в виду процессы переселения, землеустройства, которые сейчас имеют место среди населения. Поэтому мы боимся, что планирование больше чем на 3 года будет носить теоретический характер. Планируя, нужно в первую очередь иметь в виду обслужить начальной школой те районы, которые являются с политической точки зрения наиболее важными, именно: фабрично-заводские районы, колхозы и совхозы. Здесь в первую очередь должно быть обеспечено всеобщее начальное обучение.

Вторая работа—это вопрос об уточнении плана. Мы отсюда всем районам дадим исчисленные детские контингенты уже на весь плановый период на основе данных ЦСУ и Госплана. И вы на основе этих детских контингентов окончательно уточните свои планы.

И третья работа—это стремиться к строгому изучению своего района. Но разве можно говорить, что наши первейшие задачи по начальному обучению в Крыму одни и те же, как, скажем, в таких губерниях, как Саратовская и Пензенская? Если в Крыму не стоит задача количественного развития сети, то в отношении к Пензенской губ. эта задача стоит. Если в отношении городов основная задача в деле введения всеобщего начального обучения это борьба с второгодничеством и установление нормальных для каждой школы возрастов 8—11 лет, то в отношении деревни, особенно отсталой деревни, стоит еще задача хотя бы развертывания однокомплектной школы. Внимательное изучение каждого района должно дать конкретное указание на те задачи, которые перед нами стоят в области практического осуществления начального обучения в стране.

О ликвидации неграмотности

Доклад В. Н. Мещерякова.

Поскольку специально (если не ошибаюсь, на пятом съезде завоно) было подтверждено, что непосредственную ответственность за ведение всей работы по ликвидации неграмотности берут на себя завоно, я тем более энергично подчеркиваю то обстоятельство, что разного рода неладности, которые я собираюсь сейчас предъявить вам, вынужден прежде всего обратить по адресу именно завоно. Хотя этим я не хочу сказать, что наши политпросветчики, ваши помощники, являются непричастными или безгрешными.

Начну с характеристики положения по линии финансовой. Если взять три последних года, то доля ликвидации неграмотности в местном бюджете была такова: 0,5%, следующий год опять 0,5%, в прошлом учебном году сбавили до 0,4%. В этом году нет еще, разумеется, цифры исполнения; есть только цифры назначения; они тоже позволяют думать (да вы и сами, очевидно, это знаете), что доля на ликвидацию неграмотности еще больше убавилась.

Если взять долю ликвидации неграмотности внутри бюджетов народного просвещения, то здесь такая тенденция: если в 1924 г. было менее 2%, а в 1925 г. увеличилась до 2%, то в прошлом году уже замечается резкое падение (до 1,4%), а в этом году падение еще больше.

Наконец последняя иллюстрация. Если взять бюджет ликвидации неграмотности просто в копейках на душу населения, то получается в 1924 г. 3,4 копейки, в 1925 г.—увеличение до 4,8 копеек, в 1926 г.—даже 5,4 копейки, в текущем же году назначение даже менее 5 копеек. Следует чрезвычайно обратить ваше внимание на то, что эта отрасль просвещения снижается почти всюду; только небольшое количество, так сказать, благочестивых мест ухитрилось не снизить, их всего числом 5—6 из 40; остальные же места (большинство административных единиц РСФСР)—все равно, большой у них бюджет или малый бюджет, растет у них бюджет или падает, удовлетворительно работают ликпункты или неудовлетворительно—дали снижение средств на ликвидацию неграмотности.

Это явление, таким образом, является характерным и не случайным для всей РСФСР. Эта тенденция чрезвычайно угрожающая: например, возьмите Вологду. Там в борьбе с заведующим губоно в аппарате партийного комитета принимается резолюция, которая указывает на недопустимость дальнейшего урезывания злополучных политпросветчиков, указывает на полное невнимание к ликвидации неграмотности. Приэтом так выступает не кто-нибудь, а т. Орлик из аппарата Центрального совета ОДН. Я это говорю потому, что немало товарищей из ЦС ОДН очень энергично настаивает, чтобы деньги ОДН шли не на ликвидацию неграмотности. Тов. Орлик в числе этих новаторов, и вот он видит себя вынужденным проводить резолюцию, которая резко и радикально защищает ликвидацию неграмотности против практики ущемления ее в Вологде.

Вы имеете в тезисах Наркомпроса картину того, что делается с ликвидацией неграмотности не только в Вологодской губернии. Эта Вологда оказывается вовсе не единственной, хотя по ее размаху ущемления ликвидации неграмотности пока стоит на первом месте.

Я вынужден обратить ваше внимание на то, что в Вологодской губернии расходы на ликбез с 4% в 1924 г. снижены до 0,8% в текущем году. Я не знаю, кто здесь сможет перещеголять в этом отношении Вологду. Трудно подыскать сколько-нибудь галантерейные слова по этому поводу.

Кроме Вологды посмотрите на Северо-Кавказский край, где в этом году уничтожено 300 ликпунктов. Ленинград—большая область, область богатая, соперничающая с ЦПО—и там в 19255/26 г. на ликбез дали 705 тысяч, в прошлом году урезали до 460 тысяч, а в этом году—до 213 тысяч, сравнительно с прошлым годом—на 53%. Я еще буду иметь случай остановиться на обслуживании там профессионально-организованной массы, а сейчас хочу еще указать на Уралобласть, где в Ишимском районе на три последних года—1925, 1926,1927—дали сначала 20 тысяч, в следующи год—17 тысяч, а в этом году—13 тысяч (Голос: Мало стало неграмотных). Блажен, кто верует, тепло ему на свете.

Если от руководителей спуститься вниз и посмотреть на низовых «вредителей» ликвидации неграмотности, то и здесь получается чрезвычайно характерная картина. Есть вещи, которые обошли все газеты, о них писали несколько раз—и т. Крупская и все мы, а именно: на Всесоюзном съезде работниц и крестьянок был представлен документ о том, как председатель вика отбирал подписку у населения относительно того, чтобы не открывать ликпункта. И не так писалось, чтобы открыть школу, а просто: не надо ликпункта. Такой случай не единственный. Когда я это рассказал, инспекторам политпросвета, занятым здесь по переподготовке, то мне ответили, что на местах это бывает сплошь и рядом; подписка отбирается не всегда, потому что за это дело может и нагореть, но агитация против ликпункта ведется часто.

В той же Ленинградской области на областном совещании сообщалось, что в Череповецком округе председатель одного из риков предупреждал политпросветчиков еще в январе месяце, что он сэкономит на ликвидации неграмотности 200 руб. А в Псковском округе один из риков не отпускает дров для 15 ликпунктов в то время, как эти дрова получают сотрудники рика.

Я не буду больше тратить время на иллюстрации, очевидно, вас не уднивишь этими вещами, я хотел только показать, что на самых низах к ликвидации неграмотности существует чрезвычайно дикое и явно зловредное отношение. К ней относятся, как к пустяку. Так рассуждает целый ряд товарищей, советских работников, иногда коммунистов. Вот политическую сторону этого вредного явления я считал бы своей обязанностью перед вами вскрыть.

Совершенно естественно, что в целом ряде мест, даже на территориях, где школ достаточно, мы встречаемся с таким положением, когда ликвидация неграмотности не производится в том размере, в каком это возможно. Это происходит потому, что некоторые из наших товарищей плетутся в хвосте кулацких настроений.

Есть целый ряд товарищей, которые такие кулацкие по существу, такие явно антисоветские высказывания кулачья и плетущихся за кулачьем выдают за последнее слово самого населения. Я констатирую такое настроение и не побоюсь сказать, что есть оно и среди низовых политпросветчиков. Тут опасность политическая. Здесь довольно ловко наяривает антисоветски настроенный, хотя бы внешне лояльный кулацкий элемент. Этот кулацкий элемент иногда довольно удачно умеет вести за собой население, умеет создать, подобрать аргументацию против воздействия пролетариата и организованного им государства на деревню. Кулацким элементам легче всего и проще всего действовать по этой линии. Подчеркивая это обстоятельство, я вскрываю перед вами политическую значимость такого рода настроений. Недостаточно просто констатировать, анализировать—надо продумать весь этот вопрос. А такие даже среди вас, здесь сидящих, есть. Напомню вам выступление, если не ошибаюсь, т. Груздева, который вчера с этого места, между прочим, сказал: не надо увеличивать деньги на ликвидацию неграмотности. Но есть ведь ошибки и среди настоящих, действительных друзей политпросветработы. Я потому не называю фамилии другого товарища (из Сибири), что у него оказалось нижеследующее сомнение в вопросе о классовой линии,—это сам заведующий окружным ОНО—он усомнился, насколько это большая беда, если обучать середняка, а не бедноту.

Укажу еще такой момент. На нашем съезде один из заострившихся вопросов—это вопрос о классовой линии, о классовом содержании школы. В этом отношении вся сеть по ликбезу тоже недостаточно четко проводит классовую политику на охват бедноты и батрачества. Для меня это чрезвычайно диковинная вещь, которая казалась бы совершенно невозможной, а между тем факты имеются. Это разложение. Это стремление стать в хвост и найти этим способом опору в населении, что последнее само-де не хочет ликвидировать неграмотность. Если завокроно рассуждает: середняк ведь тоже важнейшая фигура в деревне, нельзя же на все сто процентов ликпункты заполнить беднотой и батрачеством, то здесь крупная

ошибка. Он, следовательно, не понимает, что вся линия наша есть упор на бедноту и батраков, такое политическое содержание работы чрезвычайно сейчас важно, оно выпирает со всех сторон. Как же можно этого не понимать?

Все сказанное есть иллюстрация одного общего явления. Везде и всюду, все и всякие товарищи, организации, группы обозначают опасное наплевательское отношение к ликвидации неграмотности.

Возьмем еще Сталинград. Мы там обследовали работу среди батрачества. Сейчас это один из чрезвычайно подчеркиваемых пунктов работы. Вот по Сталинграду мы натолкнулись на чрезвычайно неправильное, ненормальное отношение к делу. Мы отправили туда комсомольца представителя ЦК комсомола и представителя ЦК Союза сельскохозяйственных и лесных рабочих. Эти два человека, казалось бы, разные,—и вот они дружно показали нам, что в самых низах, оказывается, не знают элементарных директив и не стараются организовать обслуживание батрачества.

Еще есть вопрос чрезвычайно острый и больной и для Наркомпроса и для военного ведомства. Если в Красную армию каждый год попадает все большее и большее число неграмотных, тогда мы с вами являемся прямыми вредителями защиты нашей родины. Никуда мы от этого упрека не уйдем, и вся тяжесть обвинения должна быть перед вами ясна. В то же время взята недостаточно правильная линия, имеется недостаточно классовый подход, ибо если взять неграмотных допризывников, кто это такие? Много у нас неграмотной молодежи кулацкой? Совершенно ясно, что главная масса неграмотной молодежи относится к бедноте. И ясно, что налицо неправильный подход, недостаточная подготовка, недостаточная энергия, и все это вместе взятое мешает развитию дела. В Ленинградской области пятьдесят процентов городского типа селений вовсе не имеют ни одного ликпункта. Я знаю, что в самом Ленинграде—там другое дело, но в половине городов и в городских поселках области не имеется ни одного ликпункта. Что это такое, как не недостаточно правильная политическая расценка всего дела ликвидации неграмотности? Когда наш товарищ, командированный туда, сказал руководителям: «У вас 61 тысяча батраков и лесорубов неграмотных»,—то там просто глаза выпучили, не верили, таких элементарных вещей не знали. Сейчас там несколько улучшено положение в в этом отношении. Я не смею утверждать, что это было в результате нашей драки с ними и т. д., но все же улучшение есть, однако, поскольку Ленинград с прошлого года сократил бюджет на 53%, я не могу пройти мимо этого вопроса.

Мне могут сказать, что вы повторяете общие места о политической значимости ликвидации неграмотности как части общей борьбы на культурном фронте. Я стараюсь по возможности не утруждать вас этим, но должен сказать, что о таких общих местах даже на таком просвещенном съезде, как съезд просвещенцев, я не могу не говорить. Перед нами остается задача напитать наш аппарат, вколотить в него этот политический подход.

Остановлюсь сейчас и на другой стороне дела. Знаете, что получается, если подобрать, собрать обычные, не столь уж очень официальные, а обыкновенные служебные высказывания наших просвещенцев? Знаете, чего нет у них? Понимания, что ликвидация неграмотности есть составная часть государственной, партийной, правительственной, общественной задачи всеобщего начального обучения. Есть—наоборот—противопоставление. Ликвидация неграмотности, дескать, не есть составная часть. Под всеобщим начальным обучением мы понимаем, что это не только обучение грамотности детей. Нелепо было бы такое положение в нашей республике, если окажется, что громадное количество взрослых останется неграмотными и к 1933 г.

Я не буду много говорить относительно не уменьшающегося до сих пор значения общественности в этом деле, в частности ОДН. Я хотел рекомендовать товарищам вышедшую под редакцией т. Эпштейна брошюру «Работа Васюринской ячейки» (это на Северном Кавказе)—одно из прекраснейших описаний прекраснейшей работы, которую можно было бы рекомендовать всем,—чтобы остальные ячейки ОДН, с которыми мы соприкасаемся, действительно поучились бы, как с этим делом лучше справляться.

Не стану также останавливаться и на том пункте тезисов, где говорится об обязательной инспектирующей-инструктирующей работе по ликвидации неграмотности горсоветов или виков. Перехожу к чрезвычайно больному месту нашей работы, к тому, что преодоление путаницы, существующей в отношении неграмотности, путаницы, будто всеобщее начальное обучение не есть ликвидация неграмотности взрослых,—преодоление этого препятствия несомненно будет иметь в результате значительное усиление грамотности у переростков в специальных школах. Если правильно рассуждал сейчас т. Эпштейн, как трудно 8-летних и 14-летних ребят удержать на одной парте, то можете представить, как трудно 30-летнюю неграмотную женщину посадить с 13-летним парнишкой и обучать их по одной книжке! Все взрослые обижаются. Тов. Богданов здесь с кафедры, а Надежда Константиновна в газетах несколько дней тому назад опубликовали цифры того ядра переростков, которое висит перед нами, цифры громадного массива необученных переросков, с одной стороны, давящих на постановку нормальной детской соцвосовской школы, а с другой стороны, приводящих к стабилизации неграмотности. Это три с половиной миллиона. А как на местах с этой, казалось бы, ясной директивой из центра обращаются? Ишимский округ: никаких указаний на счет того, чтобы совместно взрослых и детей не обучать, от окроно не получалось. Даже этой мысли на местах не знают. Это до сих пор так. Ассигнований на школы переростков по линии соцвоса с 1923 г. и до сих пор по этому округу не предусматривалось. Вы посудите сами, что же после этого остается делать, если те, которым проводить надлежит, кто ответствен целиком и полностью за это дело, не выполняют, оказывается, элементарных заданий!

Мне хотелось бы иллюстрировать цифрами весь действительный провал в этом деле.

По параграфу 13 (я беру справку, полученную от Наркомфина), где даются совместно школы для взрослых и переростков: в прошлом году было 4 500 000 по 34 административным единицам, а в этом году—только 2 100 000, в то же время школы для взрослых не убавились. Значит, сокращение шло не за их счет.

Другое явление сводится к тому, что относительно переростков или вся директива Наркомпроса прошла мимо вас, или вы прошли мимо ее. Деньги, взятые из политпросвета, отчислены на всеобщее обучение. (Голос. Неправда!). Я думаю несколько иллюстрировать это дело с ликвидацией неграмотности. Нижний-Новгород—25%, Пенза—25%, Тамбов—30% отчислили от политпросветского бюджета. Я могу привести уже те данные, которые проверены. Там нужно усиленно проводить работу с переростками, чтобы они нас не заполонили в ликпунктах и не укрепили бы стабилизации неграмотности, а мы до сих пор этого усиления работы не имеем. Здесь присутствующие самарский руководитель и ульяновский прямо сказали, что деньги, из политпросветского бюджета отчисленные, ушли не на переростков, а на всеобщее начальное обучение. Вятский губоно писал, что снижен бюджет и что деньги должны были итти на переростков, но практически ушли на всеобщее начальное обучение. Наш старший инспектор тов. Бондарев с Урала привез справку, что органы соцвоса не выполнили основной директивы относительно переростков. Детское население в Майкопе охвачено не полностью, пункты для переростков не были развернуты вовсе. В результате мы имеем определенное указание на стабилизацию неграмотности (из материалов обследования). Получается бесплодное дело: выкачиваем каждый год примерно миллион неграмотных, и примерно эту же цифру вливают неграмотные переростки. Я хочу сказать, что ввиду необходимости развертывания этих школ для блага сети нормальных детских школ надо прибавить покорнейшее ходатайство с нашей стороны. Наличие громадной массы неграмотных переростков вредно для дела обучения детей вообще, а также и для ликвидации неграмотности взрослых.

В наших тезисах есть еще одно место, на которое я хотел бы обратить ваше внимание. У нас есть указание, что прорвать существующую сейчас стабилизацию этой неграмотности можно двумя способами: либо увеличить контингент взрослых, с тем, чтобы было обучено ежегодно больше, чем к нам притекает переростков

благодаря слабости школ соцвоса, либо сбавить количество переростков, остающихся неграмотными. Мы не можем здесь сейчас (в особенности пока коллегия Наркомпроса не рассмотрела ориентировочного плана на будущий год,—мы его представляем на-днях, мы не могли его подготовить раньше), мы не можем до тех пор ставить определенные цифры, мы не имеем сейчас здесь даже расписания на каждый губоно наших проектов, но тем не менее мы определенно заявляем: либо—либо. Либо прибавить контингент взрослых в сравнении с прошлым, либо должен быть увеличен контингент переростков, которых до сих пор вталкивают к нам и которые уничтожают результаты работы по ликвидации неграмотности.

И, наконец, товарищи, хотелось обратить ваше внимание на пункт о плановости, о подходе, о принципиальной точке зрения при построении плана. Если в прошлом году имелся такой обычный, еще до сих пор существующий у соцвоса, подход: берется примерное увеличение бюджета, в него втискивается тот или иной контингент,—то в этом году установка, полученная нами при докладе в СНК, вызывает с нашей стороны иной подход: исходный пункт не бюджет, а контингент.

Я могу вам назвать ориентировочные цифры: вместо прошлогодних 4 000 000 мы просим из местных бюджетов 6 000 000. Так как этого не хватит, потому что общая сумма будет 8 000 000, то придется просить дотацию у государства.

Как ни скучно говорить об общих местах, тем не менее приходится с этого начинать и этим же кончать. И вот к вам будет такая просьба: пока мы не прорвем эту атмосферу в высшей степени пренебрежительного, хвостистского отношения к отстающим элементам нашего населения, до тех пор двинуться вперед нам ни в коем случае не удастся. Основной пункт всех наших тезисов сводится к тому, чтобы прорвать существующее ненормальное положение и очень энергично двинуть вперед этот участок нашего фронта, без успеха на котором мы, конечно, не сможем говорить ни о культурной, ни о какой другой революции. (Аплодисменты.)

Важнейшие итоги переписей населения и школьной в приложении к запросам просвещения.

Доклад И. М. Богданова.

Излагаемые в настоящем докладе выводы имеют целью дать общую характеристику итогов всесоюзной переписи населения в той их части, которая представляет интерес для просвещенцев в их плановой и оперативной работе по введению всеобщего обучения и ликвидации неграмотности:—это будут данные о возрасте, грамотности, народности и родном языке.

Вместе с этим из школьной переписи привлекаются данные в отношении начального образования в той мере, в какой они нужны для установления показателей обеспеченности обучением на основе цифр переписи о количестве детей школьного возраста и о национальном составе населения.

Отчасти потому, что настоящее сообщение делается от имени Союзного ЦСУ, а отчасти и в силу необходимости ограничить доклад изложением только общих выводов—цифры приводятся в итогах по Союзу и союзным республикам, а там, где дело идет о национальной характеристике, приводятся данные только по коренным народностям Союза, имеющим свою государственную союзную или автономную организацию.

I. ВОЗРАСТНЫЙ СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ.

Возрастная структура населения, как известно, очень резко изменилась в результате войн и связанных с ними чрезвычайных событий, голода и разрухи.

В довоенное время отдельные возрастные поколения представляли пропорцию возрастов, которые по мере вымирания снижались в своей численности от младших групп к старшим, давая в результате более или менее правильную пирамиду поколений. К 1926 г. группировка возрастов значительно изменилась: понизилась относительная доля детских поколений, родившихся в годы войны и разрухи (5—9 лет), и взрослых групп (30—49 лет), переносивших тяжести войны; увеличился удельный вес промежуточных между этими возрастами групп (20—25 лет) и вновь нарождающихся поколений (0—5 лет). Нижеследующая таблица возрастного состава, даваемого по пятилетним группам по переписям 1897 и 1926 гг., отражает картину этих перемещений для Европейской части РСФСР.

		0—4 л.	5—9 л.	10—14 л.	15—19 л.	20—24 л.	25—29 л.	30—34 л.	35—39 л.	40—44 л.	45—49 л.	50—59 л.	60—69 л.	70 л. и более	Неизв. возр.	Итого
По переписи 1897 г.	Мужчин в %	15,2	11,9	11,5	9,9	8,0	7,3	6,3	6,3	5,3	4,6	6,7	4,4	2,6	0,0	100,0
	Женщин в %	14,4	11,3	10,9	10,0	8,5	7,6	6,5	6,1	5,4	4,4	7,2	4,9	2,8	0,0	100,0
По переписи 1926 г.	Мужчин в %	15,2	10,5	12,4	11,8	9,6	7,4	5,6	5,3	4,7	4,1	6,2	4,1	2,0	0,1	100,0
	Женщин в %	14,2	9,4	11,1	11,8	9,3	8,3	6,0	5,8	4,8	4,2	7,2	5,1	2,8	0,0	100,0

Если бы по этим данным построить пирамиду возрастов 1926 г., то она оказалась бы подточенной у своего основания в силу отмеченной убыли детских поколений.

Такое искривление возрастной структуры очень резко изменило отношение детских школьных контингентов к общей массе населения, следствием чего должна

явиться значительная гибкость и динамичность всех плановых построений, связанных с развертыванием школьных сетей в ближайший ряд лет.

Нижеследующие цифры иллюстрируют эти изменения по 8 районам Европейской части РСФСР, по которым имеется возможность сравнений данных трех переписей 1897, 1920 и 1926 гг. [1].

Число детей школьного возраста (8—11 лет) по этим районам составляло в тысячах:

	1897 г.	1920 г.	1926 г.
Абсол. число детей 8—11 лет . . .	4 334	6 422	4 729
В % к 1927 г. . .	100	148,2	109,1
% детей 8—11 лет по всему населению	9,4%	11,5%	7,5%

Еще более резко подчеркивается значительность происшедших изменений при сравнении численности детей 8—11 лет в погодных группах по переписи 1897 г. и 1926 г.:

Возрастные группы	Годы рождения	Численность в тысячах		Результаты измен.: прирост +, убыль − в абсол. числ.	Прирост или убыль в %
		1897 г.	1926 г.		
8	1918	1 131	1 376	+ 245	+ 2,2
9	1917	1 067	968	— 99	— 0 9
10	1916	1 169	1 182	+ 13	+ 1,0
11	1915	968	1 204	+ 236	+ 2,4
Итого . .		4 334	4 729	+ 395	+ 9,4

Эти цифры говорят о том, что мы к моменту переписи в отношении численности детей школьного возраста были отброшены почти на 30 лет назад, так как количество детей 8—11 лет только на 9,4% превышало довоенную цифру, а в отношении 9-летней группы, куда входят родившиеся в 1917 г., мы имели даже сокращение на 0,9% по сравнению с соответствующей группой по переписи 1897 г.

Следует также иметь в виду, что возрастная структура населения не однородна на территории Союза. Она меняется по отдельным ее частям, а вместе с ней изменяется и процент детей школьного возраста. Так, например, по Европейской части РСФСР средний процент детей школьного возраста составлял 7,63: в городах—5,79% и в сельских местностях—8,05%. По отдельным районам этот процент составляет в Центр.-черноземном районе—8,6, в Северном районе—7,4, по Сев. Кавказу—8,4, в Уральской обл.—7,8 и т. д.

Внутри районов мы встретим, несомненно, не менее значительное колебание по более мелким территориальным единицам—губерниям, округам, уездам и даже отдельным волостям.

В результате всех происшедших в составе младшего поколения изменений, а также и в силу значительно пониженной современной смертности по сравнению с довоенной (по Европейской части РСФСР довоенная смертность составляла на 1 000 чел.—32,8, современная—21,4) мы имели и будем иметь существенно отличную картину движения числа детей школьного возраста 8—11 лет от прошлого.

[1] Районы эти следующие: 1) Северный, 2) Ленинградско-Карельский, 3) Западный, 4) Центр.-пром., 5) Центр.-черноземный, 6) Вятский, 7) Ср.-Волжский, 8) Н.-Волжский.

В довоенное время при исчислении динамики школьных контингентов исходили из предположений о равномерном ежегодном приросте в 1,5%. В настоящее же время мы имеем следующие цифры роста детей школьного возраста, определенные по данным переписи с поправкой на смертность по исправленным таблицам Новосельского:

	1926 г.	1927 г.	1928 г.	1929 г.	1930 г.	1931 г.	1932 г.	1933 г.	1934 г.	Среднее за 8 лет.
По СССР детей 8—11 л. в миллионах	11,1	11,3	11,4	12,5	12,7	14,0	15,0	15,6	16,1	—
Прибыль +, по отношению к предыдущем году в млн.	—	+ 0,2	0,1	1,1	0,2	1,3	1,0	0,6	0,5	5,0
То же в % . . .	—	1,8	0,9	9,6	1,6	10,2	7,1	4,0	3,2	4,8

Имея в виду, что средний прирост численности учащихся в школах I ступени за последние три года, при понижающейся численности детей школьного возраста, составлял 5%, мы должны притти к выводу, что в условиях намечаемого таблицей прироста детского населения, равного в среднем 4,8%, темп роста школьных мест в ближайшие годы должен быть по меньшей мере удвоен.

II. ГРАМОТНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ

Показатели грамотности в составе всего населения, выведенные по 8 вышеперечисленным районам Европейской части РСФСР, по которым имеются сравнительные данные трех переписей—1897, 1920 и 1926 гг., свидетельствуют о все более усиливающемся темпе роста грамотности при уменьшающейся несколько диспропорции между женской и мужской грамотностью.

	1897 г.		1920 г.[1]		1926 г.	
	М.	Ж.	М.	Ж.	М.	Ж.
На 1 000 чел. населения приходится неграмотных по 8 районам Европейской части РСФСР	33,7	11,7	44,6	25,8	58,2	34,4

Однако и по наиболее благоприятным данным последней переписи РСФСР стоит в ряду европейских стран в отношении грамотности на самом последнем месте, как это можно видеть из опубликованного к съезду «Справочника» Наркомпроса.

При изучении данных о грамотности населения по возрастам резко выделяется характернейшая особенность послереволюционной грамотности: по переписи 1897 г., когда главным и почти единственным источником получения грамотности была школа, максимальная грамотность приходилась на послешкольные возрасты 12—15 лет, как для мужчин, так и для женщин. Революция же сдвинула этот максимум на более поздние и более активные возрасты—20—30 лет. Этот сдвиг для мужского населения отразился как в 1920 г., так и в 1926 г. Для женщин максимум грамотности в 1920 г. оставался еще на прежних группах и переместился к мужскому максимуму только в 1926 г.

[1] В состав перечисленного населения не вошла армия. С поправкой на демобилизованное мужское население общая грамотность за этот год повышается с 446 до 478.

Возрастные группы	На 1 000 человек населения 8 районов Европейской части РСФСР приходится грамотных по переписям					
	Мужчины			Женщины		
	1897 г.	1920 г.[1]	1926 г.	1897 г.	1920 г.	1926 г.
8—11 лет	378	424	559	168	333	426
12—15 „	589	712	782	224	534	559
16—19 „	556	749	813	206	489	623
20—24 „	530	790	899	185	439	629
25—29 „	507	794	896	159	380	536
30—39 „	446	716	864	129	266	433
40 - 49 „	360	573	748	100	178	260
50—59 „	281	428	586	84	126	172
60 л. и старше	208	258	391	70	72	105

При рассмотрении погодных данных о грамотности в возрастах 13—18 лет отмечается понижение процента грамотности, начинающееся у мальчиков с 14 лет, а у девочек с 13 лет и заканчивающееся у первых к 16, а у вторых к 15 годам.

	Пол	12 л.	13 л.	14 л.	15 л.	16 л.	17 л.	18 л.
% грамотных в Европейской части РСФСР	М.	75,3	76,2	75,6	74.0	75,6	77,9	80,5
	Ж.	54,7	54,2	53,9	53,5	55,8	58,7	61,6

Это явление объясняется главным образом резким сокращением контингента обучающихся в школах, имевшим место в 1921—1924 гг.

Приэтом самый излом грамотности подчеркивается некоторым повышением грамотности в старших возрастах 17—18 лет вследствие усиления работы по ликвидации неграмотности среди переростков и увеличением охвата детей школой, имевшего место за последние годы перед переписью, в особенности среди девочек.

Приводим данные о грамотности среди населения от 8 лет, отдельно по городскому и сельскому населению. Они указывают на большую диспропорцию между этими группами: сельское население наполовину неграмотно в возрасте свыше 8 лет: грамотных здесь—44,4%; городское же население грамотно в своем подавляющем большинстве—75,8%.

В этих возрастах еще более подчеркивается безграмотность женщин: процент грамотности среди них в городе составляет 67,3%, а в деревне только 29,7%.

По отдельным республикам процент грамотности падает от Европейской части Союза к Азиатской, сходя в восточных республиках—Узбекской и Туркменской—на-нет. Небольшой процент грамотных, который в них имеется, почти исключительно относится к горожанам. Жители сельских местностей этих республик почти поголовно неграмотны.

За невозможностью приведения данных о грамотности по отдельным народностям Союза, хотя бы даже и по сокращенному перечню их, включающему более 150 наименований, мы ограничимся цифрами по так называемым коренным народностям, за каковые считаются народности, имеющие свою государственную организацию—союзную или автономную республику. Эти цифры, давая представление о ступенях грамотности, на которой находится каждая народность, вместе с тем подчеркивают следующий вывод: чем выше грамотность той или иной народности, тем меньше разница между показателем грамотности по полу.

[1] В состав перечисленного населения не вошла армия. С поправкой на демобилизованное мужское население общая грамотность за этот год повышается с 446 до 478.

Процент грамотных среди населения 8 лет и старше

Территория	Все население			Городское			Сельское		
	М.	Ж.	Об. п.	М.	Ж.	Об. п.	М.	Ж.	Об. п.
СССР	65,4	36,7	50,4	84,6	67,3	75,8	60,7	29,7	44,4
I. РСФСР	67,4	37,8	51,7	87,7	70,4	78,7	62,7	30,6	45,7
в том числе Европейская часть	72,5	41,3	55,8	89,6	72,1	80,4	68,2	34,1	49,8
в том числе Азиатская часть	46,4	20,6	33,7	76,1	58,0	67,3	41,8	15,1	28,6
II. Белорусская ССР	70,3	35,4	52,3	88,1	71,2	79,7	66,1	27,8	46,3
III. Украинская ССР	74,5	40,6	56.9	86,9	67,6	77,0	71,3	34,1	51,9
IV. Закавказская СФСР	45,0	27,4	36,5	73,1	55,8	64,8	35,0	17,6	24,7
V. Узбекская ССР	13,2	5,7	11,4	43,1	23.4	34,0	4,9	0,9	3,0
VI. Туркменская ССР	16,3	7,6	12,3	69,9	49,4	61,0	6,5	1,1	4,0

Наименование народностей	На 1 000 человек приходится грамотных			Наименование народностей	На 1 000 человек приходится грамотных		
	об. п.	м.	ж.		об. п.	м.	ж.
а) Союзных республик и республик Закавказской федерации.				б) Автономные республики.			
1. Русские	451	576	339	9. Немцы	602	612	592
2. Украинцы	413	557	277	10. Карелы	414	553	291
3. Грузины	395	458	331	11. Татары	334	416	257
4. Белоруссы	373	520	231	12. Чуваши	307	485	167
5. Армяне	340	435	242	13. Молдаване	276	431	122
6. Тюрки	81	133	23	14. Башкиры	243	346	148
7. Узбеки	38	63	10	15. Буряты	232	369	93
8. Туркмены	23	42	2	16. Абхазы	113	178	45
				17. Казаки	71	125	11
				18. Якуты	63	99	23
				19. Горцы (Дагестан.)	59	109	12
				20. Киргизы	46	84	3
				21. Таджики	22	39	3

Сопоставление данных о грамотности по двум послереволюционным переписям 1920 г. и 1926 г., даваемое по 8 районам Европейской части РСФСР, открывает некоторую возможность оценки результатов работы по ликвидации неграмотности, проводившейся на этой территории за шестилетие между переписями.

Такая оценка возможна на почве сравнения количества прошедших через ликпункты за 6 лет, с 1920 г. по 1926 г., и количества грамотных по этим территориям на даты обеих переписей, получивших грамотность вне школы. За отсутствием сколько-нибудь точного учета прошедших ликпункты в эти годы, а равно в силу затруднительности в определении количества лиц, получивших грамотность через школы и иные источники, мы должны оговориться, что такое сравнение будет очень грубым, очень неточным. Результаты его могут быть приняты только как характеристика некоторой основной тенденции, как общий ответ на вопрос о том, которая из двух величин больше или меньше, а никак не должны приниматься как количественные измерители расхождений между величинами. С этими оговорками приводим результаты статистических исчислений, проделанных ЦСУ.

Получивших грамотность внешкольным путем можно считать по 8 упоминавшимся выше районам Европейской части РСФСР около 3 миллионов. Зарегистрировано обучавшихся по ликпунктам этих районов по декабрьским обследованиям ЦСУ—около 2,5 миллионов. Предполагая, что каждый из зарегистрированных ликпунктов в среднем

сделал в год 2 выпуска, мы можем допустить, что через ликпункты этих территорий прошло с 1920 г. по 1926 г. 5 миллионов. Разница в 2 миллионах будет уменьшаться, если считать, что исчисление прошедших через ликпункты страдает преувеличением или количество обучившихся через школу преуменьшено, и, наоборот, эта разница возрастет, если допустить, что учет обучавшихся на ликпунктах недостаточно полон или влияние школы на развитие грамотности преувеличено.

Заканчивая изложение данных о грамотности, следует отметить, что рисуемая ими картина есть картина-оптимум. При разработке переписи грамотными считались умеющие читать, независимо от того, умеют они писать или нет. В свою очередь, умеющими читать считались разбирающие печатные слова, хотя бы по слогам. Таким образом в составе зарегистрированных грамотными мы имеем часть лиц полуграмотных и даже, быть может, безграмотных, которые, в сущности, должны рассматриваться как клиенты ликбеза.

III. НАРОДНОСТЬ И ЯЗЫК.

Изучение племенного и языкового состава по данным переписи представляет большие сложности и возможно лишь в порядке специального исследования. В данном случае следует подчеркнуть лишь один главнейший момент, имеющий при строительстве национальной школы крайне важное значение,—это несоответствие народности родному языку, наблюдаемое по ряду национальностей, благодаря чему доля тех или иных народностей в составе населения иная, чем доля соответствующего одноименного языка. Приводим наиболее характерные примеры таких несоответствий:

Народность	Население по народности (в тысячах)	Население с одноименным родным языком (в тысячах)	По народности больше или меньше, чем по языку
Русские	77 760	84 160	— 6 400
Украинцы	31 194	27 572	+ 3 622
Белоруссы	4 739	3 467	+ 1 272
Поляки	783	363	+ 420
Евреи	2 601	1 888	+ 713
Башкиры	714	393	+ 321
Татары	2 916	3 560	— 644

В качестве главнейших причин этих несоответствий должны быть признаны: ассимиляции народностей, вкрапленных в массивы коренного населения, и руссификаторская политика царского правительства. Далее, имеет место несовпадение племенного и языкового признака в ряде народностей, явившееся результатом вековых условий культурно-исторического развития этих народностей. Примером этого служат приведенные цифры в отношении татар и башкир. Населения с татарским языком по народности перепись дает меньше, чем по языку, а для башкир—наоборот. Это явилось результатом того, что значительная часть башкир (281 тысяча) показала своим родным языком татарский. Далее, зарегистрировано 137,9 тысяч мещеряков, говорящих на татарском языке. Подобные примеры имеются и по ряду других национальностей.

Данные о количестве населения по отдельным национальностям, имеющим обособленную государственность и живущим в черте своих республик, дают следующую картину охвата государственной организацией каждой народности, а отсюда и численности этих народностей, живущих в других республиках на правах нацменьшинств:

Коренные народности	Количество населения данной народности		%
	Всего	В пределах своей республики или своей области	
а) Союзных республик и республик Закав. федерации	123 458	109 443	89
Грузинская гр.	1 821	1 788	98
Русские (РСФСР)	77 760	74 042	95
Туркмены	766	720	94
Узбеки	3 904	3 475	89
Белоруссы	4 739	4 017	85
Тюрки (Азербайджан)	1 706	1 438	84
Украинцы	31 195	23 219	74
Армяне	1 567	744	48
б) Автономных республик	14 474	9 432	65
Якуты	215	212	99
Аджарцы	71,4	72,8	99
Абхазы	57	56	98
Казаки	3 960	3 713	94
Буряты	238	215	90
Башкиры	714	637	89
Киргизы	769	661	86
Горцы (Дагестан)	575	487	85
Таджики	978	617	63
Молдаване	279	172	62
Чуваши	1 117	668	60
Татары (Татреспублика и Крым)	3 015	1 442	48
Карелы	248	101	41
Немцы	1 238	308	31

Народности союзных республик охвачены государственными границами на 89%, а автономных республик на 65%. Однако есть народности, из состава которых большая половина проживает вне своих национальных республик; это армяне, татары, карелы и немцы.

Заканчивая на этом изложение данных по переписи населения, переходим к установлению показателей обеспеченности начальным образованием, привлекая для этого материалы школьной переписи об учащихся I ступени.

Предварительно сделаем немного замечаний о характере этих показателей.

По состоянию разработанных и опубликованных данных демографической переписи и имеющихся цифр предварительных итогов школьной переписи, показатели обеспеченности начальным образованием могут быть исчислены в двух видах:

а) показатель обеспеченности по отношению к детям школьного возраста (8—11 л.) без подразделения детского населения по национальности;

б) показатель обеспеченности по отдельным национальностям, исчисленный по отношению к общему числу населения (на 1 000 душ) каждой народности.

Первый из этих показателей в своем непосредственном виде дает картину обеспеченности школьными местами I ступени на основе нормативного измерителя этой потребности—численности четырех детских контингентов, соответствующих установленному четырехлетнему курсу обучения.

Считаем необходимым подчеркнуть данное толкование этого показателя в целях устранения неправильного понимания его как измерителя реального охвата детей школой. В качестве последнего этот показатель может быть принят лишь после ряда поправок, о которых будет сказано ниже.

Второй показатель определяет установившиеся соотношения в степени обеспеченности школой между отдельными национальностями, не являясь измерителем удовлетворения потребности в школе, как первый показатель. При исчислении этого показателя положены в основу данные о родном языке населения, а не о народ-

ности, в соответствии с тем, что по предварительным итогам имеются лишь сведения о распространении школ и учащихся по языку обучения. Исчисление показателя по народности будет возможно лишь после окончательной разработки материалов школьной переписи, когда будет выяснен национальный состав учащихся.

IV. ОБЩИЙ ПОКАЗАТЕЛЬ ОБЕСПЕЧЕННОСТИ ПО ОТНОШЕНИЮ К ДЕТЯМ ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА.

Приводим результаты непосредственного сопоставления данных о числе учащихся в школах I ступени и группах I ступени школ всех остальных типов (7- и 9-леток) с данными о числе детей 8—11 лет по городским поселениям и сельским местностям отдельно.

Показатель обеспеченности школьными местами		РСФСР	УССР	БССР	ЗСФСР	Узб. ССР	Турк. ССР	Итого % по СССР
На 100 чел. детей 8—11 лет приходится учащихся I ступени	Всего	86,8	97,3	116,5	95,6	36,5	38,8	88,3
	Гор. посел. . .	135,2	129,3	139,1	155,3	91,3	163,5	132,4
	Сельск. местн .	79,3	91,6	113,8	81,6	21,8	20,5	81,0

Количество занятых школьных мест в городах почти по всем республикам, за исключением Узбекистана, превосходит численность школьных контингентов, составляя по всему союзу 132,4% их. По сельским местностям имеется довольно пестрая картина этих соотношений, причем количество занятых мест лишь по Белоруссии превосходит численность школьных контингентов. По всем же остальным республикам количество мест ниже школьных контингентов, колеблясь в пределах от 91,6 до 20,5, при средней по Союзу 81,0.

В приведенном виде эти показатели способны вызвать недоумение и требуют поправок и уточнений.

Прежде всего необходимо уяснить, каким образом в городах оказалось занято в школах I ступени мест больше, чем имеется детей соответственных возрастов? Это происходит в силу ряда причин. Первая—общая причина, действующая и в городе и в деревне,—второгодничество. Обследованиями прошлых лет установлено, что в среднем в школах I ступени имеется 15% лиц, остающихся на повторный курс и требующих для себя излишних мест. Другая причина—в городах учатся дети жителей сельских мест, которые составляют в районах мелких городов до 12—15% общего числа учащихся, в районах крупных городов обучения до 6—9%. В среднем по Союзу это составляет до 10%. Третья причина, действующая по отдельным территориям (Ленинградская губ. и некоторые др.),—это увеличение курса обучения в школах I ступени до 5 лет. Четвертая причина—несколько усиленный приток детей в школу в связи с введением обязательности обучения в некоторых городах Европейской части и Украины. При высокой степени удовлетворения потребности в школьном обучении в городах, где почти не бывает отказов в школах I ступени, все перечисленные факторы действуют повышающим образом на численность учащихся.

В сельских местностях действие некоторых из этих же факторов, и в частности второгодничества, хотя имеет такое же значение, но при сравнительно невысоком проценте охвата школой. Эта повышательная тенденция находится как бы в скрытом состоянии, не приводя к тем последствиям, как это имеет место в городах.

Из изложенного вытекает необходимость соответствующих поправок к полученным цифрам, после которых мы можем получить показатель обеспеченности, который будет близок к действительному охвату детей школьным обучением, т. е. будет давать более или менее реальное представление о том, какой процент детей фактически имеет возможность обучаться в школе.

Приводим исправленный ряд показателей, причем поправку ограничиваем главным образом скидкой на второгодников (15%), а в городах, кроме того, и на

живущих в сельских местностях (10%), считая, что введение дальнейших поправок незначительно бы изменило результаты. К тому же поправка на усиленный наплыв детей за последний год вообще невозможна за отсутствием соответствующих установленных коэффициентов.

С этими поправками мы имеем:

Показатели	Территория	РСФСР	УССР	БССР	ЗСФСР	Узб. ССР	Турк. ССР	По СССР
На 100 чел. детей 8—11 лет приходится учащихся I ступени с поправкой на второгодников и на детей, живущих в деревне.	Всего	73,8	82,7	99,0	81,3	31,0	33,0	75,1
	Гор.	101,4	97,0	104,1	116,5	68,5	122,6	99,3
	Сельск. местн. .	67,4	77,4	96,8	69,4	18,5	17,4	68,8

Данные показатели, в отличие от предыдущих, назовем показателями обеспеченности школьным обучением. И после произведенных поправок обеспеченность городов осталась высокой, близкой к полному охвату детей—99,3% по Союзу. Таким образом, всеобщее школьное обучение в I ступени в городах можно считать осуществленным. Некоторые уклонения от основной тенденции по ЗСФСР и ТССР, где показатель для города значительно выше среднего по Союзу, объясняются большим сосредоточением учащихся жителей сельских местностей в городских школах этих республик (в частности по железнодорожным школам) и затем особенными условиями школьного дела в Грузии, где процент обучающихся на высших группах особенно значителен.

По отдельным районам РСФСР выправленный показатель обеспеченности школьным обучением будет следующий (районы расположены в нижеследующем порядке по общему для городов и сельских местностей показателю):

Процент учащихся I ступени к числу детей школьного возраста с поправками на второгодников и учащихся сельских школ по районам РСФСР.

РАЙОНЫ	% учащихся к детям школьного возраста			РАЙОНЫ	% учащихся к детям школьного возраста		
	Всего	Города	Сельск. местн.		Всего	Города	Сельск. местн.
1. Крымский [1] . . .	107,0	95,8	107,3	11. Вятский	69,2	107,2	65,9
2. Центрально-промышленный . . .	90,7	106,6	84,0	12. Сибирский . . .	67,7	89,7	61,3
3. Ленинградско-Карельский	88,0	107,8	76,8	13. Центрально-черноземный . . .	67,1	90,2	63,7
4. Западный	86,1	116,2	81,4	14. Башкирский . .	66,6	101,2	62,4
5. Дальневосточный.	81,0	66,5	79,4	15. Бурято-монгольский	62,0	89,9	57,5
6. Северовосточный .	77,2	110,9	72,7	16. Киргизский . . .	43,9	41,6	40,7
7. Северо-Кавказский	76,2	103,0	68,8	17. Казакский . . .	42,2	78,8	35,5
8. Нижне-Волжский .	75,6	95,3	70,2	18. Дагестанский . .	39,9	97,9	33,3
9. Уральский	71,2	92,4	62,7	19. Якутский [2] . . .	33,6	103,6	25,9
10. Средне-Волжский .	70,5	105,0	65,5				

[1] Высокий процент в сельских местностях объясняется существованием школ с 5- и 6-летним курсом.

[2] По Якутской респ. в городах процент обучающихся детей из сельск. местн. повышается до 30.

Контрольным показателем обеспеченности школьным обучением может служить процент грамотных в тех возрастах, которые обучаются в школе. В данном случае следует брать четыре возраста, начиная с 9-летнего, так как только через год после поступления в школу мы имеем основания считать, что дети показывают себя грамотными. К тому же, как показывают данные о возрастном составе школьников, максимальными возрастными группами являются именно эти четыре группы—9—12 лет.

Процент грамотности этих возрастов интересно сопоставить с приведенными выправленными показателями школьного обучения, что мы и делаем в нижеследующей таблице по союзным республикам в общих итогах для городов и сельских местностей.

Показатели	РСФСР	УССР	БССР	ЗСФСР	Узб. ССР	Турк. ССР	СССР
а) Процент обеспеченности школьным обучением	73,8	82,7	92,0	81,3	31,0	33,0	75,1
б) Процент грамотности среди детей 9—12 лет.	54,7	64,6	60,1	44,8	8,6	12,0	54,8

Показатель обеспеченности школой выше показателя грамотности, причем наблюдается такая зависимость: чем выше каждый из этих показателей, тем они ближе друг к другу, и наоборот. Объяснение этих зависимостей надо искать, во-первых, в том, что между датой переписи населения и школьной прошел год, втечение которого численность учащихся, а отсюда и показатель обеспеченности возросли в среднем по союзу на 5%, а по средне-азиатским республикам, где идет усиленное развертывание школьной сети, и выше. Следующей причиной надо считать выбытие из школы на первом году обучения и отчасти позднее (по возрасту) поступление некоторых учащихся в школу.

Наконец, существенным фактором является слабая эффективность школьной работы, в особенности в среднеазиатских республиках, где дети обучаются у малограмотных учителей, в результате чего элементарная грамотность приобретается с трудом.

V. ПОКАЗАТЕЛИ ОБЕСПЕЧЕННОСТИ ОБУЧЕНИЕМ НА РОДНОМ ЯЗЫКЕ.

Национальная характеристика населения по демографической переписи дана по двум признакам—народности и языку обучения. Соответственно этим же признакам будет изучен состав учащихся по материалам переписи после окончательной их разработки. Предварительные же итоги позволяют сделать только сопоставление обучающихся на различных национальных языках с количеством населения, которое считает данный язык своим родным языком.

Так как при строительстве национальной школы определяющим фактором является родной язык, то сопоставление, которое мы имеем возможность в данном случае сделать, является наиболее ценным для ведомственных практических целей.

Школьной переписью зарегистрированы школы на 70 языках обучения. Перепись населения обозначила 145 родных языков. Ввиду сложности сопоставления по всему перечню языков школьного обучения мы ограничимся приведением цифр по так называемым коренным народностям, имеющим в пределах Союза свою государственную организацию. Приэтом показатель для каждой народности исчислим и в пределах отдельных союзных и автономных республик, что даст нам возможность установить, как та или иная народность обеспечена школьным обучением в черте своей государственности и вне ее. Последний показатель исчислен лишь в тех случаях, когда вне черты своей государственной организации данная народность в другой республике составляет значительную часть. Показатель исчислен на 1 000 душ населения для школ соцвоса всех типов, причем доля учащихся

I ступени выделена лишь в общесоюзном итоге. Учащиеся по школам смешанных языков при группировке относились к языку национального меньшинства. Народности в таблице расположены в нисходящем порядке по показателям обучающихся.

На 1 000 душ населения данного родного языка приходится учащихся в школах всех типов соответствующего языка обучения.

Наименование языка		На 1 000 душ населения приходится учащихся											
		СССР	В т. ч. в школах и группах I ступени.	РСФСР		Белорусская ССР	Украинская ССР	Узбекская ССР	Туркменская ССР	Закавказская СФСР	В том числе		
				Всего по РСФСР	В т. ч. по автономным республ.						Азербайджан	Армения	Грузия
1		2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
Языки союзных и закавказских республик.	1. Белорусский	115	104	40	—	118	—	—	—	—	—	—	—
	2. Грузинский	107	86	42	—	—	—	—	—	108	46	—	129
	3. Армянский	102	89	79	—	—	87	70	74	107	118	100	116
	4. Русский	82	70	82	—	41	74	152	181	145	139	133	160
	5. Украинский	72	65	19	—	28	85	—	—	—	—	—	—
	6. Тюркский	70	67	—	—	—	—	45	12	64	68	53	31
	7. Узбекский	22	21	13	—	—	—	23	9	—	—	—	—
	8. Туркменский	19	19	0,2	—	—	—	—	20	—	—	—	—
Языки автономных республик.	9. Немецкий	90	82	86	90	22	99	—	50	—	111	—	—
	10. Татарский	82	77	81	81	—	—	32	30	—	—	—	—
	11. Чувашский	69	67	69	75	—	—	—	—	—	—	—	—
	12. Башкирский	62	60	62	66	—	—	—	—	—	—	—	—
	13. Молдаванский	45	43	—	—	—	48	—	—	—	—	—	—
	14. Карельский	42	38	42	42	—	—	—	—	—	—	—	—
	15. Абхазский	35	32	—	—	—	—	—	—	35	—	—	35
	16. Бурятский	32	30	32	34	—	—	—	—	—	—	—	—
	17. Киргизский	15	15	17	17	—	—	1	—	—	—	—	—
	18. Якутский	14	14	14	14	—	—	—	—	—	—	—	—
	19. Таджикский	13	13	—	—	—	—	13	—	—	—	—	—
	20. Казакский	9	8	9	8	—	—	—	—	—	—	—	—
	21. Горские языки.	8	8	—	9	—	—	—	—	—	—	—	—

Основной вывод, вытекающий из данной таблицы,—каждая народность наиболее полно обеспечена обучением на родном языке в черте своей государственной организации. Этот вывод справедлив, однако, для народностей-меньшинств лишь в тех случаях, когда данная народность живет в черте другой республики более или менее значительными массивами, вкрапленными в состав городского и сельского населения. В том же случае, если та или иная народность живет на территории другой республики по преимуществу в черте городов и представлена не всеми социально-культурными слоями, а отдельными группами их, обычно наиболее обеспеченными в отношении школьного обучения (служащие, промышленный пролетариат, представители торгово-промышленных профессий и т. д.), то мы имеем исключение из общего правила. В этом случае народность, являющаяся меньшинством, может иметь высший показатель, чем коренная народность.

Эти оба положения с особенной наглядностью иллюстрируются на показателях обучающихся, выведенных для русской национальности. В черте РСФСР русские имеют показателем обучения 82. На Украине он снижается до 74, в Белоруссии до 41, но в Узбекистане, Туркестане и др. республиках, где они представлены

по преимуществу городскими группами населения, показатель обучения поднимается выше—152, 181 и т. д.

При ознакомлении с выводами этой таблицы следует помнить, что в данном случае речь идет не об общем показателе обучаемости каждой народности, а о показателе обучения на своем родном языке. Несомненно, что многие из народностей, дающих вне черты своей государственности низкий показатель обучения на родном языке, имеют высокий общий показатель, в силу того, что детское население этой народности получает образование не на родном языке, а в значительной доле на языке коренной народности той республики, где оно живет. Это в первую очередь нужно иметь в виду относительно низкого показателя обучения украинцев и затем белоруссов в РСФСР, украинцев и русских в Белоруссии и т. д.

Следует также иметь в виду, что повышение показателя обучаемости по русскому языку происходит и за счет населения иных народностей, говорящих на иных языках, но обучающих своих детей в школах русского языка.

Изучение обеспеченности школьным обучением детей разных народностей в полном объеме будет возможно лишь по окончании материалов специальной переписи учащихся. Однако и приведенные общие цифры дают возможность сделать ряд очень ценных выводов для строительства национальной школы.

Кадр руководящих работников по народному образованию.

(По данным мандатной комиссии VI Всероссийского съезда завоно).

На VI Всероссийском съезде завоно в общей сложности было представлено 98 отдельных местных органов народного образования, начиная с уоно и кончая наркомпросами автономных союзных республик. Всех же делегатов с мест было 112 чел.; из них 91 человек с решающим и 21 человек с совещательным голосом. Подавляющее большинство делегатов—члены ВКП(б)—105 чел. По занимаемой должности делегаты делятся следующим образом:

Наркомы и замнаркомы	9 чел.
Завоно (обл., губ.) и заместители	42 „
Завокроно и заместители	39 „
Завуоно	4 „
Прочие работники Оно и наркоматов	18 „

Оставляя в стороне все прочие данные, остановимся здесь на анализе наиболее ценных для нас показателей общепросвещенского и специально административного стажа и образовательной подготовки нашего командного состава.

Общая картина в этом отношении рисуется следующей таблицей.

	Должность			Общ. просвещ. стаж							По должн. завоно					
	Завоно.	Зам. зав.	Прочие.	Менее 1 года	1—2 года	2—3 года	3—5 лет	5—10 лет	10—15 лет	15—20 лет	Менее ½ года	½—1 год.	1—2 года	2—3 года	3—5 лет	Свыше 5 лет.
Губоно	28	1		1	1	1	2	11	5	8	3	7	7	6	1	5
Гороно	4	—		—	—	1	1	1	1	1	1	1	2	—	—	—
Уоно	4	—		—	—	—	—	2	1	1	—	—	—	2	1	1
Обл. (край.) -оно (с автономными областями	4	2		1	—	—	—	—	2	3	1	1		1	1	2
Окроно	36	3		3	1	1	5	12	7	10	3	11	4	9	9	3
Наркомпросы АССР.	4	3						3	3	1	1	1	1	1	2	1
	80	9		5	2	3	8	29	19	24	9	21	14	19	14	12

Таким образом по общепедагогическому стажу мы имеем подавляющее большинство работников (71 чел. из 89 чел.), 80% работников со стажем от 5 лет и больше. 24 человека из них приближаются уже к моменту «выслуж. пенсии», а всего дореволюционных педагогов 56 чел., или ровно 50%.

По отдельным, наиболее нас интересующим группам имеем товарищей, работающих по просвещению свыше 5 лет:

Завокроно	80%
Завгубоно	82,5%
Завоблоно	83%
Наркомов АССР	100%

Очевидно педагогический стаж работников верхних звеньев аппарата более высокий, нежели низовых.

Значительно хуже, как видим, дело обстоит с административным стажем. Заведывание ОНО здесь взято независимо от губернии, округа, а в общей сложности. И все же:

совершенных новичков	10%
со стажем менее 1 года	23%
от 1 до 2 лет	21%

иначе говоря—свыше 50% завоно переменилось за 2 года.

Надо учитывать также то обстоятельство, что из завокроно на съезде присутствовали не все, а по выбору облоно и, надо думать, «старейшие». При учете же всех завоно можно ожидать еще худшей картины.

Образовательная подготовка основных групп характеризуется следующими данными:

	Высшее законч.	Высшее незаконч.	Среднее законч.	Среднее незаконч.	Высшее
Завгубоно	9	3	15	1	1
Завобл. (край)-оно	2	1	1	—	—
Завокроно	12	1	19	3	4
Наркомы АССР .	3	1	3	—	—
	26	6	38	4	5

Всего 79 человек.

Таким образом с законченным высшим образованием имеем работников 33%, с незаконченным высшим и средним—55%, с незаконченным средним и низшим—12%.

Если говорить о специально педагогической подготовке и судить о ней по типу оконченного учебного заведения (не принимая в расчет незаконченного образования и краткосрочных педагогических курсов переподготовки), то получим следующую картину.

	Учит. семинария и педкурсы	Институт	Университет	Коммуз.
Завгубоно	5	4	3	2
Завобл.-(край)-оно.	2	1	1	
Завокроно	3	2	5	2
	10	7	9	4

Всего 30 человек, или 38%.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что абитуриентов Академии коммунистического воспитания имени т. Крупской в рядах комсостава очень немного—всего 2 человека (и 2 свердловца).

Небезынтересно отметить также то обстоятельство, что среди завоно нет ни одной женщины.

В заключение—несколько слов о том, как мы растем.

Пользуясь данными статистического сборника НКП, изд. 1928 г., стр. 18—21, мы имеем на 1/VI 1926 г. такие цифры в отношении завгубоно и обл-(край)оно:

По стажу просвещенской работы.	1926 г.	1928 г.
Работающих свыше 5 лет	74,2%	82,5%
По образованию общему и спецпедагогическому	1926 г.	1928 г.
С высшим законченным	37,1%	33,0%
С незаконченным высшим и средним	46,7%	60,6%
С незаконченным средним и низшим	16,2%	6,1%

Хотя имеется некоторое снижение лиц с законченным высшим образованием, тем не менее и процент с низшим образованием уменьшается почти в три раза. Идет равнение на средину.

Н. КОСТРОМИН.

К ПАРТСОВЕЩАНИЮ

К вопросу о пересмотре системы народного образования.

(В порядке обсуждения.)

ОБ УЧРЕЖДЕНИЯХ ШКОЛЬНОГО ТИПА.

1 декабря 1923 г. состоялось совещание наркомпросов СССР, посвященное главным образом вопросу о системе просвещения.

На этом совещании получила достаточно четкое выявление и обоснование система народного образования в РСФСР в докладе Н. К. Крупской, а также и система народного образования в УССР—в докладе Я. Ряппо.

В результате явилось «постановление Всесоюзного совещания наркомов просвещения по вопросу о согласовании систем просвещения».

Постановление оставило открытыми некоторые проблемы системы просвещения.

Для практических работников на местах наболевшими являются следующие основные вопросы, недостаточно четко разрешенные принятыми системами народного образования как в РСФСР, так и в УССР. Дошкольные учреждения охватывают детей с 3—8-летнего возраста (система РСФСР). Фактически охват детей дошкольного возраста стационарными учреждениями дошкольного типа по СССР настолько низок, что на массовую школу I ступени (особенно школу деревенскую) сколько-нибудь заметного влияния не имеет. Дети в начальную школу I ступени принимаются не моложе 8 лет, в массе не побывавшие в дошкольных учреждениях, неграмотные. Но деревенский «мужичок с ноготок», которому «миновал шестой год», стал значительно развитее, чем это было до Октябрьской революции. Дети 6—7-летнего возраста, не принимаемые в школу, во многих случаях выучиваются (как,—другой вопрос) грамоте в семье. Их учат старшие, которые сами еще посещают ликпункт и плохо владеют грамотой, демобилизованные красноармейцы, переменники, допризывники, братья и сестры, уже обучающиеся в школе.

Нет никаких педагогических оснований начинать обучение детей грамоте с 8 лет. И для крестьянина является совершенно непонятным, почему развитой 7-летний ребенок должен обучаться грамоте вне школы, у тех, кто не знает, как за это дело взяться. Трудности более раннего школьного обучения, несомненно, будут иметься при согласовании возрастных норм учащихся по ступеням школ. Однако эти трудности могут быть преодолены без ломки системы школ социального воспитания.

Итак, дети поступают в школу I ступени 7 лет.

В I группе	7— 8 лет
„ II „	8— 9 „
„ III „	9—10 „
„ IV „	10—11 „

Следует допустить, что по условиям недостаточного оборудования и обслуживания школы, недостаточности самих школ (нужно иметь в виду мелкие поселки и хутора, где школ совсем нет) дети в значительном проценте еще долгое время будут кончать четырехлетнюю школу I ступени—12 лет и старше. Но уже среди оканчивающих четырехлетку I ступени в 1931/32 учебном году будут и 11-летки, если с 1928/29 учебного года в первые группы школ I ступени поступят 7-летки.

Школе I ступени приходится иметь в настоящее время дело с переростками—детьми, которые поздно поступили в школу, по тем или иным причинам оставались на повторительные курсы, прерывали занятия и снова их начинали. С этим контингентом детей должна работать 2- и 3-годичная школа подростков. Продолжительность обучения в данном случае ставится в зависимость от возраста, развития и знаний учащихся. Программа школ подростков, по нашему мнению, должна давать несколько большие знания, навыки и умения, чем нормальная детская школа I ступени. Сейчас еще нельзя определенно сказать, как войдет школа подростков в школьную систему. Но смотреть на эту школу, как на школу, которая отомрет через 3—5 лет, было бы неверно.

Подросток, не прошедший своевременно школу I ступени, должен найти свою школу—школу подростков, а из нее найти выход и по линии школ соцвоса и по линии школ политпросвета.

Общеобразовательный (в старом понимании этого слова) тип школы 7-летки должен быть как самостоятельный и законченный тип школы совершенно ликвидирован. Школа 7-летка остается как школа крестьянской молодежи и как фабрично-заводская 7-летка.

В первом концентре школ II ступени по возрастным нормам дети располагаются так:

В V группе . . . . . 11—12 лет
„ VI „ . . . . . 12—13 „
„ VII „ . . . . . 13—14 „

Через семь лет обучения будем иметь дело с подростком, для которого уже возможно сузить круг профессионального обучения.

Фабрично-заводская 7-летка явится основой, на которой строится школа фабрично-заводского ученичества.

Над школой крестьянской молодежи будет строиться школа сельскохозяйственного ученичества.

Окончившие школы крестьянской молодежи и фабрично-заводские семилетки соответственно принимаются в профессионализированные вторые концентры школ II ступени, при условии удлинения этого концентра на один год.

Во втором концентре школ II ступени учащиеся по возрастным нормам распределяются следующим образом:

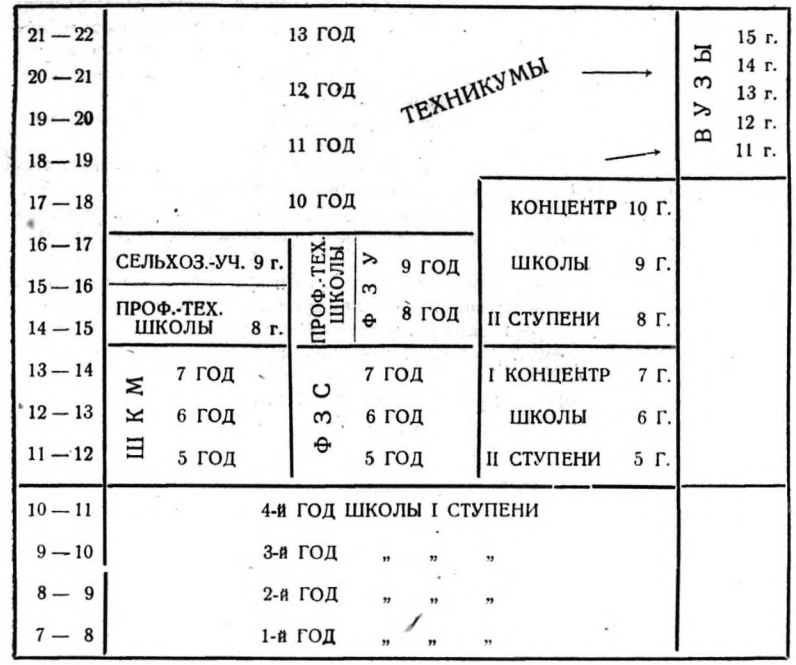
В VIII группе . . . . . 14—15 лет
„ IX „ . . . . . 15—16 „

Над девятилетней школой строится 4-летний техникум. Курсы техникума:

I . . . . . 16—17 лет
II . . . . . 17—18 „
III . . . . . 18—19 „
IV . . . . . 19—20 „

Второй концентр школы II ступени должен иметь три года. В X группе учащиеся в возрасте 16—17 лет. Над десятилеткой строятся вузы четырех- и пятилетние. Недостаток десятого года обучения в настоящее время весьма неудачно заполняется курсами по подготовке в вуз, которые по существу являются курсами не подготовки в вуз, а курсами, натаскивающими слушателей к экзаменам в вуз. Курсы вуза:

I . . . . . 17—18 лет
II . . . . . 18—19 „
III . . . . . 19—20 „
IV . . . . . 20—21 „
V . . . . . 21—22 „



Окончившие техникумы принимаются в соответствующие вузы на третий курс.

В конечном итоге мы имеем массовую 4-летнюю школу I ступени, над которой строятся ШКМ, ФЗС.

Над ШКМ и ФЗС строятся сельхозуч, фабзавуч, профшколы с двухгодичным курсом обучения:

Учащиеся сельхозуча, ФЗУ, профтехшкол, желающие по окончании этих школ продолжать образование, принимаются в соответствующие техникумы.

Годы I . . . . . 14—15 лет
„ II . . . . . 15—16 „

Школы II ступени имеют пятилетние и шестилетние курсы обучения. Над пятилеткой II ступени (над девятилеткой) строится четырехлетний техникум. Над шестилеткой II ступени (над десятилеткой) строятся четырех- и пятилетние вузы.

Школы II ступени, начиная с V года обучения, имеют определенный профессиональный уклон. Этот уклон должен быть так же профессионально определен, как и в школах крестьянской молодежи или ФЗС. Профессионализируется обучение в школе II ступени с VIII группы. Таким образом втечение последних 3 лет учащийся получает в школе II ступени вполне достаточные профессиональные знания, навыки и умения, чтобы занять место рядового работника в той или иной отрасли строительства в стране.

К этим внешним формам построения системы народного образования следует присовокупить особо строгую внутреннюю согласованность.

По ступеням школы должны быть программно так пригнаны, чтобы следующая ступень действительно была непрерывным продолжением предыдущей.

Десятилетней школе, оставляя ее политической, должно дать правильное истолкование политехникума.

Автор записки о принципах построения единой трудовой политехнической школы никогда не истолковывал политехническую школу, как школу дающую кое-какие теоретические знания о хозяйственной деятельности страны. Это закупоренная со всех сторон старая гимназия, в щели которой просвечивается новая жизнь, а не пролетарская трудовая политехническая школа.

В системе народного образования не увязаны школьные учреждения политпросвета.

Практика работы этих учреждений позволяет наметить следующую связь этих учреждений между собою для крестьянского и рабочего молодняка.

Первичными учреждениями, ликвидирующими неграмотность среди взрослого населения, следует оставить годичные ликпункты (не упраздняя индивидуально-группового обучения).

Из ликпункта непосредственный переход в 2-годичную школу малограмотных. Из школы малограмотных в деревне в ШКМ для крестьянского молодняка (группы взрослых), в городах в профтехшколу взрослых—2-годичные.

Из ШКМ и профтехшкол взрослых в соответствующие годичные техникумы для взрослых.

В ликпункт принимается молодняк от 16 до 22 лет.

В 2-годичную школу малограмотных—от 17 до 23 лет.

ВЛ. МАРКОВ.

К трудовой школе.

(В порядке обсуждения.)

„Ни обучение, ни образование без производительного труда, ни производительный труд без параллельного обучения и образования не могли бы быть поставлены на ту высоту, которая требуется современным уровнем техники и состоянием научного знания".

(Ленин, Собр. соч. т. II, 293.)

Требование марксистской педагогики о соединении обучения с производительным трудом, о политехническом воспитании перед советской школой—на пороге второго десятилетия ее существования—поставлено в плоскость практического осуществления.

НКП уже даны соответствующие лозунги и предприняты первые шаги в этом направлении. Районные школы снабжаются наиболее нужными для оборудования трудового уголка инструментами; проводятся 4-месячные курсы по подготовке руководителей и организаторов работы по введению труда в школе на местах.

Необходимость развертывания данного дела сразу широким фронтом требует тщательного учета всех условий, всех возможностей и затруднений, составления хорошо продуманного плана, с использованием организационного опыта местных ОНО. Поэтому обмен мнениями по настоящему вопросу на страницах нашего журнала надо считать вполне своевременным.

Для определения правильной установки прежде всего необходимо, чтобы все деятели народного образования отчетливо уяснили, что труд—не только один из предметов школьной программы, вроде иностранного языка или бухгалтерии в профессионализированной школе II ступени, а один из основных устоев единой трудовой советской школы; что труд является чрезвычайно важным педагогическим средством, при помощи которого мы должны схоластическую словесную школу

превратить в творческую школу делания, уничтожить разрыв между физическим и умственным трудом, воспитать у учащихся сознание, что производительный труд—основа жизни. Отсюда понятно, что разрешение проблемы о введении трудового начала в школу является ответственной педагогической и политической задачей.

Наша школа по преимуществу учит, но очень мало делает в воспитательном отношении. Труд, включенный в состав педагогического процесса, должен сделать последний более плодотворным. Однако такой результат достижим лишь при условии педагогического подхода к труду, тесной увязки его со школьной работой в целом. Трудовые занятия должны служить выработке у учащихся способности к преодолению препятствий, настойчивости, находчивости и предприимчивости. Школа должна воспитать рационализаторов, могущих изменить уклад жизни, в которой царит безалаберность, разгильдяйство, бессистемность, где все еще почетное место занимают наши старые «авось» и «небось»; воспитать строителей, умеющих планировать и учитывать свои действия, могущих работать организованно. А путь к этой цели лежит через надлежащим образом поставленный труд. Труд наилучшим образом может служить организации детского коллектива, воспитанию коллективистических навыков.

Как, в каком объеме и какие именно отрасли труда могут быть введены в школу в настоящий момент? Готового ответа на этот вопрос нет; да и не может быть общего ответа: вопрос должен разрешаться в зависимости от совокупности обстоятельств и условий работы, следовательно, для каждого района отдельно.

В программе Гуса дана лишь приблизительная общая наметка в области труда, требующая проверки в практической работе и уточнения. Проторенных путей к трудовой школе у нас нет, их надо прокладать.

О ПОЛИТЕХНИЗМЕ.

Теоретическое обоснование идеи политехнического воспитания мы имеем в трудах тт. Калашникова, Пистрака, Крупской и др. наших советских педагогов. Но при практическом осуществлении этой прекрасной идеи, несомненно, встретятся вредные уклонения от правильной линии. Со свойственной нам широтой русской натуры мы можем оглушить пока еще далекого от труда учителя каскадами новых слов об индустриализации, рационализации, конструктивизме и прочих высокочтимых понятиях, но не показать толково и просто, как можно осуществить доступное и посильное каждому рядовому учителю, но колоссально важное дело: ввести в школе труд, хотя бы в элементарной форме. Мы можем бегло сообщить сведения из различных областей труда, но не можем привить уменье уверенно вести работу хотя бы по одной отрасли.

При построении программы местных курсов по труду для учителей встанет вопрос о количестве видов труда, с которыми необходимо ознакомить курсантов и которые надо затем ввести в школах. Я полагаю, что увлекаться большим количеством разделов программы не следует. Если мы вооружим учителя (имеется в виду школа I ступени) техническими уменьями по 2—3 отраслям труда, это будет на первых порах громадное достижение. Программа курсов, разумеется, будет ориентирована на программу труда в школах данного района на ближайший период. А эта последняя может сложиться из следующих элементов.

Для сельской школы (а они обслуживают подавляющее большинство населения) крайне нужными и легче всего выполнимыми можно признать такие дела, как сельское хозяйство в связи с домоводством и работы по дереву. Кроме того желательно введение по крайней мере одной из следующих отраслей труда: работа по волокну, картону, глине и, при наличии возможностей,—простейшие работы по металлу.

Работа по дереву, как и другие отрасли труда в сельской школе, должна быть связана с сельским хозяйством. Так, например, могут быть изготовлены предметы, нужные для работы на школьном участке или в хозяйствах учащихся: грабли, дощечки для этикеток с названием растения, указателем сорта и другими надписями,

доски с колышками для намечения гнезд при посадке растений, модель кормушки, скворешница и т. п.

В школах городов, не имеющих промышленности, экономика которых определяется сельским хозяйством района и назначением которых является обслуживание нужд деревни, программа не должна существенно отличаться от программы сельских школ. Что же касается школ промышленных городов, то программа по труду в них в значительной степени определится характером имеющихся в городе производственных предприятий.

ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТЬ ТРУДА, ОБЩЕСТВЕННО НЕОБХОДИМАЯ РАБОТА, УВЯЗКА С ПЛАНОМ МЕСТНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ.

Если для учителя труд является прежде всего педагогическим средством, то для учащегося в нем должна быть практическая польза; изготовляемый предмет должен иметь вполне определенную цель. На мой вопрос, охотно ли мальчики занимаются шитьем (из ткани), руководительница по шитью одной из школ I ступени ответила, что туфли, которые им нужны для занятий физкультурой, очень охотно шьют, даже после звонка их не оторвать от работы, а вот обшивать края носовых платков (работа ради практики) не хотят. Это городские дети. А крестьянские ребята еще более расчетливые хозяева-практики, и их будет увлекать работа, могущая принести пользу хозяйству, содействовать его улучшению. А найти такую работу нетрудно. Постановка огородничества с освещением его с точки зрения естествознания, занятия по садоводству (например устройство питомника), работы по животноводству (кормление по нормам, изготовление, в связи с этим, простейших весов или безмена и т. п.),—все это может явиться могучим толчком к улучшению хозяйства и по своим результатам не может итти в сравнение с легковесной агитацией за различные улучшения, проводимой учителем в связи с словесной «проработкой» соответствующих комплексов.

Но задача школы не ограничивается улучшением отдельных хозяйств. Выполняя свою безусловно важную роль в этом отношении, школа должна в то же время воспитывать общественников-коллективистов. Для этого интересы учащихся от индивидуальных хозяйств надо перевести на дела общественные. К категории мероприятий, направленных к данной цели, могут быть отнесены: изготовление предметов школьного оборудования, древонасаждение в общественных местах, изготовление дощечек с надписями об охране деревьев, установка километровых столбов на дорогах, столбов на перекрестках с надписями, указывающими направление пути (например: ←→ В Сосновку»), помощь библиотеке—в виде переплетения и заклейки книг, изготовления ящиков для карточек каталога, исполнение плакатов, диаграмм и другие работы в том же роде, темы для которых ребята сами найдут, если будет возбужден их интерес в этом направлении.

Понятно, наряду с этими серьезными делами в школе должно быть дано место и удовлетворению чисто детских интересов учащихся. Такие предметы, как салазки, лук и стрелы, пенал, игрушки, могут делаться учащимися в школе в порядке свободных трудовых занятий.

Богатые возможности организации детского труда в школе открылись бы в случае устройства горячих завтраков в связи с работой на школьном огороде. План местных организаций по хозяйственному строительству в районе должен найти свое отражение в трудовых занятиях школы. Если, например, путь хозяйственного развития района лежит через усиление скотоводства, развитие молочного дела,—школа может и должна ознакомить учащихся с обработкой молочных продуктов (приготовление сливочного масла, сыра), устройством сепаратора, маслобойки. Если в данном районе условия хозяйственной жизни требуют развития торфодобывания,—пусть школы I ступени проведут некоторые работы в этом направлении, практически ознакомят учащихся с несложным процессом выработки торфа, возбудят

интерес к этому делу. А школы крестьянской молодежи могут поставить это дело более серьезно: они должны подготовить организаторов и руководителей торфяных товариществ, а может быть, и торфмейстеров.

В городе N в ближайшие годы будет построена большая льнообрабатывающая фабрика. Естественно, возникнет большая потребность в квалифицированных и полуквалифицированных рабочих данной отрасли производства. Местные школы, особенно школы 7-летки, обязаны при построении программ по труду учесть это обстоятельство.

В такой плоскости желательно освещение вопросов на местных курсах по труду, под таким углом зрения должна строиться и прорабатываться программа этих курсов.

СВЯЗЬ С НАСЕЛЕНИЕМ.

Опыт работы показывает, что ценность школы в глазах населения после введения в нее труда сильно повышается. Этот момент может быть использован для сближения с населением для установления контакта с ним. Этот момент может сыграть очень важную роль в разрешении проблемы об удлинении учебного года в сельской школе. Ведь ребята мало учатся не только вследствие бедности родителей, отсутствия одежды и обуви и т. п. Не меньшее значение в этом вопросе имеет не вполне серьезное отношение населения к школе, взгляд на учобу, как не очень существенное для крестьянского ребенка занятие. «Пусть побегают в школу: все равно дома делать нечего»,—еще нередко говорит крестьянин. Это зимой. А весной он говорит: «В школу больше не пущу: пусть к хозяйству приучается». Особенно часто такое решение выносят родители в отношении подростков, которым следует обучаться в 3-й и 4-й гр.

Когда же в школьную программу войдет труд, польза которого будет осознана населением, когда учащийся благодаря школе и при ее помощи будет вводить улучшения в хозяйстве, когда он в школе научится такому хозяйственно-полезному делу, которого не знают родители,—тогда взгляд населения на школу и отношение к ней радикально изменятся. Такое мнение подтверждается практическим опытом работы школы, в частности школ Калужской губ., работающих под руководством опытно-показательной станции Шацкого. Население школьных районов школ, в которых был введен производительный труд (главным образом работы по дереву), не только сочувственно отнеслось к этим мероприятиям, но и активно поддержало их, давая для работ в школе имеющиеся в хозяйстве инструменты и некоторые материалы.

КТО ПОВЕДЕТ ЗАНЯТИЯ ПО ТРУДУ В ШКОЛЕ.

В школе повышенного типа (II ступень, старшие группы 7-летки), как правило, эту работу придется поручать инструктору. Но, имея в виду новизну дела и недостаточную педагогическую квалификацию инструкторов, администрация школы должна будет уделять этой работе сугубое, преимущественное перед другими предметами внимание.

В школе же I ступени эта работа ляжет на учителя и только им может вестись. На инструктора в школе I ступени эту работу нельзя возложить не только потому, что 99% школ не имеют средств на оплату инструктора, а привлечение спецов из местного населения (рекомендованное программами Гуса) к постановке труда в школе не выполнимо, потому что эти спецы (кустари и ремесленники) тоже не захотят заниматься бесплатно. Кроме того из боязни конкуренции, если не себе, то своему потомству, кустарь-ремесленник во многих случаях откажется обучать «чужих» ребят. Стремление сохранить ремесло в пределах своего рода наблюдается и до настоящего времени. Но не только эти препятствия надо иметь в виду. Если бы их и не существовало и если бы нам удалось привлечь мастера в школу I ступени, то он в лучшем случае смог бы дать ребятам некоторое количество профессиональных навыков. Педагогическое же значение труда было бы неизбежно

утрачено, так как работа такого мастера не соответствовала бы школьным традициям и порядкам.

Для иллюстрации этого положения приведу один пример из практики работы школы, где занятия по труду ведутся специалистом-инструктором. Ребята 2-й группы, пришедшие на занятия в рабочую комнату, спрашивают, что делать? Инструктор отдает приказания: то-то доделывать, то-то начинать. Ребята приступают к работе, принимая самые различные далеко не всегда выгодные для работы позы; работают на столах и скамейках вместо верстаков, которые пустуют. Замечаний по этому поводу от инструктора не было, но зато, когда ученик направился к шкафу за каким-то инструментом,—послышался грозный окрик: «Куда полез без спроса?!». Ученица для сколачивания кормушки для птиц взяла крупные гвозди; инструктор резко заявляет, что ей такие не нужны.

— А вот здесь... прибить стойки,—говорит ученица.

— Ну, четыре гвоздя тебе надо,—безапелляционно объявляет инструктор... но выясняется, что требуется восемь больших гвоздей. Организованность ребят, навыки планирования, самодеятельность и другие ценные в педагогическом отношении моменты игнорируются. При занятиях с 3-й группой потребовалось 10—15 минут, чтобы привести ребят к порядку, разместить их. Работа в обеих группах велась крайне нерационально, впечатление от занятий осталось скверное.

И это не в захолустной провинциальной школе, а в одной из опытно-показательных школ г. Москвы!

В провинции можно иметь еще менее пригодных, менее культурных инструкторов, и результат работы будет еще худший.

Вполне нормальным и единственно приемлемым для школы I ступени надо считать такое положение, когда один учитель ведет в своей группе занятия по всем разделам программы, в том числе и по труду.

То количество технических навыков, которое требуется для руководства занятиями по труду в школе I ступени, безусловно доступно каждому учителю.

Подготовка учительства к этой новой для него работе—важнейшая задача наробразов на ближайшее время.

ПРАКТИЧЕСКИЕ МЕРОПРИЯТИЯ ПО ВВЕДЕНИЮ ТРУДА В ШКОЛЫ.

Трудовую школу мы проповедуем, об исключительном ее педагогическом значении мы говорим уже 10 лет, но реализация этого вопроса для массовой школы является делом новым. И чтобы двинуть это новое дело быстрым темпом, нужен сильный толчок. Таким толчком будет освещение настоящего вопроса в центральной и местной педагогической печати и проведение курсов.

Для лета 1928 г. задачей-минимум является: устройство повсеместно губернских и окружных курсов по труду, через которые надо пропустить работников, по возможности всех, райшкол.

Успешная постановка труда в райшколах явится лучшей формой пропаганды и вызовет подражание со стороны массового учительства, пробудит стремление ввести этот вид работы в своих школах, что при помощи райшкол будет частично осуществляться.

Дальнейшая забота органов народного образования должна быть направлена на трудовую подготовку массового учительства не только на губернских и окружных, но и на уездных и районных курсах.

Некоторую помощь в этом отношении смогут оказать и проектируемые НКП заочные курсы по труду, но не раньше, чем у учительства будет возбужден живой интерес к данному делу.

Длительность летних губернских и окружных курсов будет, разумеется, зависеть от суммы средств, которыми ОНО на этот предмет располагают. Желательным и приемлемым во многих случаях сроком будет $1\frac{1}{2}$ месяца, причем в программу курсов войдут наряду с вопросами труда и другие вопросы педагогического и методического характера, с таким расчетом, чтобы 2—3 часа ежедневно шло на теоретические занятия и 3—4 часа на работу в мастерских.

Такое построение работы, вопервых, даст возможность преподнести труд в сочетании с другими видами школьной работы в комплексе так, как он должен ставиться в школе, а не изолированно, и, вовторых, это удовлетворит потребности учителя, которому, вследствие непривычки к физическому труду, 6 часов работы в мастерских покажутся слишком тяжелым занятием.

Какими силами места располагают для проведения курсов?

Во многих случаях организаторами курсов по труду или основными работниками на них смогут быть окончившие 4-месячные курсы НКП. В помощь им можно привлечь учителей-практиков по этой отрасли работы, если таковые имеются, преподавателей соответствующих дисциплин педагогических техникумов или педвузов, инструкторов мастерских детдомов и других нужных специалистов.

Основным условием надо признать, чтобы руководство курсами было возложено на педагога-организатора, хорошо знающего условия школьной работы, а не на инженера, техника, агронома или другого специалиста, как это имело место на центральных курсах.

Строгая согласованность в работе между отдельными преподавателями курсов, тщательная проработка деталей программы методическими органами ОНО, рациональная организация,—все это абсолютно необходимые условия для успеха работы, хорошо известные, но тем не менее часто игнорируемые. В настоящем же случае новизна дела требует громадной организационной работы, как предварительной, так и во время курсов.

Организация специальных мастерских для курсов почти нигде не встретит надобности: для этой цели могут быть использованы мастерские при школах, техникумах, детдомах. Таким образом можно сократить расходы на оборудование и инструменты.

Вопрос о том, возможно ли введение труда в условиях деревенской школы, при отсутствии помещения для рабочей комнаты и даже при отсутствии всех нужных инструментов, разрешается положительно. Об этом свидетельствует опыт некоторых сельских школ, проводивших данную работу.

Большую помощь в налаживании работы учитель может получить от старших и более способных учеников.

Введение труда в школе если дело и не легкое, то весьма благодарное. Предоставляя возможность выявления активности учащихся, оно удовлетворяет их насущной жизненной потребности.

Сами ученики дают такой отзыв о школе после введения в ней труда: «Школа приучает нас к дружной работе, к бережному отношению к материалам и инструментам и дает полезные знания» (из ученических сочинений сельской школы I ступени).

Об отношении населения к трудовой школе упоминалось выше. Ясно, что учитель, живущий интересами своей школы, радующийся ее успехам, горячо отзовется на мероприятия, улучшающие ее работу.

Включение труда в план школьной работы, повышая авторитет школы в глазах населения, привлекая к ней симпатии учащихся, вместе с тем сильно увеличивает ее роль в хозяйственном строительстве, а при этих условиях школа может рассчитывать на бо́льшую помощь населения, на бо́льшее внимание со стороны местных организаций и на бо́льшую долю средств.

Г. Псков.

В. И. ВАСИЛЬЕВ.

ПЛАНИРОВАНИЕ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Об увязке перспективного плана просветительной работы с потребностями социалистического строительства[1].

(Методологические заметки.)

Пятнадцатый съезд ВКП(б) в резолюции о пятилетнем плане дал директиву о «приспособлении всего народного просвещения к потребностям социалистического строительства». Эта директива и должна являться основной установкой для нашего перспективного плана.

Потребности социалистического строительства в первую очередь требуют мощного усиления энергетических ресурсов страны. Человеческая сила входит в баланс энергетических ресурсов наряду с другими слагаемыми (силы мертвой природы, машины) и, не являясь основным слагаемым по величине, по своему количественному удельному весу, является главным по своему качественному значению. Именно человек, сам являясь частью энергетических ресурсов, организует их использование и способствует их увеличению. Отсюда огромное значение человеческой силы, но силы не простой, а квалифицированной. Эту трудовую, энергетическую квалификацию человек получает или непосредственно в производстве, или путем специальной школьной подготовки. Последнюю форму подготовки и дают наши просветительные учреждения, и для подготовки специалистов средней и высшей квалификации эта форма в условиях современной техники является единственной.

Значение просветительных учреждений для энергетики не ограничивается сказанным. Наши научные учреждения увеличивают энергетические ресурсы страны и путем научных изобретений и путем изучения естественных ресурсов, до сих пор не использовывавшихся.

Правильно ли сводить значение просветительной работы к ее роли в воспроизводстве квалифицированной рабочей силы? Не означает ли это сужение ее размаха?

Для того чтобы правильно ответить на этот вопрос, нужно условиться о правильном же понимании термина квалификация в применении к тому, о чем мы говорим. Обычно квалифицированная рабочая сила отождествляется с понятием индустриального рабочего определенной квалификации, находящей свое отражение в оплате его по тому или иному разряду тарифной сетки. Говоря о том, что наши просветительные учреждения квалифицируют человеческую силу, мы имеем в виду не это наркомтрудовское понятие. Ему действительно соответствуют только некоторые типы профтехнических учебных заведений. Мы имеем в виду квалификацию самых разнообразных оттенков и ступеней, дающую человеку те или иные знания, умения и навыки, позволяющие ему безболезненно или с минимальными трениями включиться в практическую жизнь на том или ином ее участке. Этому народнохозяйственному пониманию квалификации корреспондируют почти все наши просветительные учреждения. Оставим без рассмотрения, как бесспорные, профтехнические учебные заведения. Но разве, скажем, школы крестьянской молодежи (ШКМ) не дают определенной трудовой квалификации? Разве через них мы не стремимся не только дать учащимся сумму общих знаний и политическое развитие, но — и это основное — качественно изменить крестьянский труд, а через него и сельское хозяйство? Ведь без этой предпосылки ШКМ и огромные затраты на них теряют всякий смысл. Отрицать это квалифицирующее значение ШКМ только на том основании, что окончившего их нельзя тарифицировать по тому или иному разряду тарифной сетки, — значит не знать ШКМ. Разве все сказанное в еще большей мере не применимо к детдомам, фабрично-заводским семилеткам (ФЗС) и профессионализированным (уклоновым) школам II ступени и девятилеткам? Ведь именно потому, что жизнь выдвигает энергетическую установку для просветительной работы, и появились профуклоны в повышенной школе, и началось преобразование общеобразовательных семилеток в ШКМ и ФЗС. И чем дальше будет итти этот преобразовательный процесс, чем лучше будут оборудоваться наши школы повышенного типа, тем ярче будет выступать их значение как мастерских для подготовки рабочей силы самых различных квалификаций для самых разнообразных секторов народного хозяйства (от сельского хозяйства до советского аппарата включительно). Мы взяли эти именно примеры потому, что на них процесс «обэнергечивания» (если можно пустить в оборот такое довольно неуклюжее слово) нашей общеобразовательной школы зашел настолько далеко и выражен настолько ярко, что отрицать его просто невозможно.

Но такие же тенденции уже намечаются и в общеобразовательных школах низших ступеней. В связи с проблемой профтехграмотности приходится всерьез ставить вопрос о профессионализации школы I ступени, школы для переростков и ликпункта. Даже и без такой специальной профессионализации, заметно даже для невооруженного глаза изменяющей качество труда обучающегося, разве не ясно, что окончание даже непрофессионализированной школы I ступени повышает трудовую квалификацию окончившего как будущего рабочего? Это блестяще доказано в работе Струмилина «Эффективность всеобщего обучения».

Остаются еще учреждения несистематического пользования: избы-читальни, клубы, театры, библиотеки, музеи и т. п.

— Тут-то уже,—говорят нам,—вы не докажете вашего тезиса. В этом секторе, мол, никакой квалифицированной рабсилой и энергетикой и не пахнет. Здесь просто «просвещают».

Такое убеждение опирается не только на суженное понимание квалификации, но и на наше неумение (пока) улавливать те бесконечно малые величины, на которые квалифицируется человеческая сила, обрабатываемая учреждениями несистематического пользования, именно потому, что она пользуется этими учреждениями несистематически. А что такое повышение квалификации и в этом случае имеет место—становится очевидным, если читатель библиотеки или клиент клуба, избы-читальни пользуется ими систематически, работает, например, в организованных при них технических или сельскохозяйственных кружках и т. п.

Исключает ли такая монистическая установка (на квалификацию человеческой силы, на изменение качества труда) всякое иное значение просветительной работы—политическое, общеобразовательное, воспитательное? Из вышеизложенного ясно, что не только не исключает, а, наоборот, предполагает наличие этих других установок и те, кто пытается не видеть этого, исходят опять-таки из неправильного понимания квалификации. Им мерещится исключительно цеховая, техническая квалификация, превращающая человека в простой придаток к машине; мы же в понятие «квалифицированная рабочая сила» вкладываем гораздо более широкое содержание. Рабочая сила не является вполне квалифицированной, если ее технические знания, навыки и умения не опираются на политическое развитие, на достаточно широкую базу общеобразовательных знаний, на развитие всех тех способностей, которые заложены в человеке.

[1] **Соображения, высказываемые в настоящей статье, служили содержанием доклада автора на совещании плановых работников отделов народного образования 18—20 апреля 1928 г. Настоящая статья в то же время является продолжением методологической части статьи т. Касаткина в № 4 „Народного просвещения" за 1928 г., — „Основные задачи в области просвещения на предстоящее пятилетие", стр. 9—22.**

Итак, энергетическая установка есть первая основная в нашей работе.

Но из общей массы людей, которых нужно квалифицировать через наши просветительные учреждения для нужд социалистического строительства, мы должны отобрать тех, которые составляют классовую базу Советского государства. Их и их детей мы в первую очередь должны обеспечить обслуживанием нашими учреждениями, и чем выше тип просветительного учреждения, тем строже должен быть отбор, тем больше мер нужно принять для удержания в стенах просветительного учреждения вовлеченных туда рабочих, батраков, крестьян—бедняков и их детей.

Классовая установка является второй основной установкой при составлении плана.

Но и к этой установке нужен поправочный коэфициент возрастного порядка в отношении учреждений, обслуживающих взрослое население (ликпункты, избы-читальни, школы взрослых всех типов). По нашей бедности мы еще не можем развернуть такую сеть этих учреждений, которая охватила бы все возраста пролетарских и полупролетарских слоев населения. По необходимости придется ставить акцент на охват младших и средних возрастов, имеющих наибольшее энергетическое и политическое значение. Следует иметь в виду, что речь идет только об акценте, а не об исключительном обслуживании только этих возрастов.

После этого беглого анализа основных установок, только исходя из которых и можно построить перспективный план просветительной работы, соответствующий потребностям социалистического строительства, сделаем несколько замечаний более детального характера применительно к отдельным типам просветительных учреждений.

1. Дошкольные учреждения нужно проектировать, исходя из необходимости обслужить, в первую очередь, предприятия с преобладанием женского труда, предприятия, переходящие на 7-часовой рабочий день, совхозы и колхозы и детей батраков и бедноты с акцентом на самые младшие возрастные группы (3—5 лет).

2. Сеть школ I ступени должна планироваться из расчета охвата в 1933/34 г. всего детского населения 8—11 лет. Достижение этой цели в огромной степени усилит энергетические ресурсы страны. Классовый принцип здесь должен находить главное отражение в проектировке мероприятий, помогающих удержать детей рабочих, батраков и бедноты на весь срок обучения, а до введения обязательности—при недостатке мест—и в классном приеме в школу и в открытии новых школ (и в осуществлении обязательности) в первую очередь в пролетарских и других экономически сильных районах и в совхозах и колхозах. Характер расселения населения и топография того или иного района должны определять радиус работы и тип школы—однокомплектная, двухкомплектная, с интернатом, с ночлежкой или без них.

3. Контингент соцвосовских школ повышенного типа должен определяться, вопервых, декретным процентным соотношением с контингентом школ I ступени, вовторых, потребностью в комплектовании повышенных школ профобра и, втретьих, наличием преподавательских сил. Отступление от декретной нормы вверх допустимо лишь для пролетарских районов, где нужно исходить из общедоступности семилетки для детей рабочих. Классовый принцип должен найти свое отражение в строгом отборе поступающих в 5-е и 8-е группы и в мероприятиях, способствующих удержанию пролетарских и полупролетарских элементов в стенах школы на весь срок обучения.

4. План ликвидации неграмотности должен строиться в теснейшей увязке с планом всеобщего обучения, с учетом первоочередного охвата бедняцких и батрацких элементов и новых слоев пролетариата, в особенности женской части этих групп, с ударением на младшие и средние возрасты. Акцент должен быть поставлен на районы, уже имеющие сейчас или долженствующие иметь в ближайшем будущем большое экономическое значение.

5. Школы и курсы для взрослых всех типов нужно планировать, исходя из необходимости охватить ими рабочих и батраков и беднейших крестьян в определенном возрасте (примерно 16—35 лет) на определенный процент, более высокий для города и менее высокий для деревни.

6. Избы-читальни должны проектироваться с расчетом на охват населения в определенном возрасте (примерно 14—45 лет) на определенный процент (примерно в 1½—2 раза более высокий, чем сейчас). При исчислении процента охвата в данное время нужно делать поправку на так называемый актив. Поясним это примером. В селении 100 жителей в возрасте 14—45 лет. Пропускная способность избы-читальни 50 человек. Номинальный охват получается в 50%. На самом деле он гораздо ниже, вопервых, потому что в числе 50 человек, ежедневно пропускаемых избой-читальней, имеются лица и из других возрастных групп, вовторых (и это главное), потому что в числе этих 50 человек 30—постоянные посетители (актив, кадр), а человек 20—посещающие избу нерегулярно, составляющие, так сказать, ее «переменный состав». Фактический охват, как видим, снижается до 30—35%. Сеть бюджетных изб-читален должна расти не столько по числу единиц, сколько по линии увеличения пропускной способности (расширение емкости существующих сетевых единиц).

7. Библиотечная сеть (стационарки и передвижки) должна проектироваться из расчета увеличения числа книг на душу населения примерно в 3—4 раза по сравнению с существующим положением, с акцентом на усиление мощности существующей стационарной сети и на максимальное развитие передвижек.

Увязка с особенностями района (экономическими, географическими, культурно-бытовыми и национальными) по всем перечисленным типам просветительных учреждений должна находить свое отражение кроме того и в типе школы, ее уклоне, подборе книг, направлении работы избы-читальни или клуба и т. п. Но эти особенности отразить в плане на данном этапе работы нам пока не удастся. Они должны реализоваться в процессе оперативной работы.

Планирование сети профтехнических учебных заведений должно опираться на 1) изменение экономического «лица» характера района; это должно найти свое отражение в намечении характера специализации; 2) заявки хозорганов-потребителей; это должно найти отражение в проектировке контингентов приема по намеченным специализациям; 3) наличие имеющихся кадров безработных и возможность их доквалификации или переквалификации; 4) наличие (или возможность развертывания) профуклонов и курсов, как источника погашения возможного дефицита по некоторым специальностям; 5) наличие преподавательских сил для комплектования новых профтехнических учебных заведений.

Наиболее опасным является недосчет динамики района, а следовательно, и ошибки в характере сети. Эти ошибки почти непоправимы. Ошибки количественного порядка, принимая во внимание неточность (а иногда и полное отсутствие) заявок хозорганов, менее опасны, но отсюда, конечно, не следует, что в этой области возможен полный произвол.

Различные виды заочного обучения должны проектироваться, исходя из необходимости так или иначе обслужить те контингенты, которые останутся за пределами школьных учреждений.

Проектировка конкретной сети должна опираться на характер расселения, наличие компактных пролетарских и полупролетарских групп в том или ином населенном пункте, экономическое значение того или иного пункта, связь его с другими пунктами и т. п.

В. КАСАТКИН.

Об организации процесса учебной работы.

(Окончание)

г) О длительности срока задания.

Третий вопрос, который может иметь значение при разборе лабораторной системы,--о длительности срока, на который дается задание. Здесь нельзя дать совершенно точных границ. Однако опыт показывает, что сроки эти будут для начала 5-го года обучения не более недели, а для конца 7-го года—около месяца. Здесь нужно точно учитывать и возраст, и приспособленность ребят к самостоятельной работе, и умение довольно долго не терять нити работы.

Опыт показывает, что если в первую половину 5-го года мы даем недельное задание, то требуется много усилий и внимания со стороны преподавателя для успешного их выполнения учащимися. Во второй половине 5-го года можно уже свободно дать недельное задание и переходить даже на двухнедельное. На 6-м году задания могут даваться на срок от 2 до 3 недель и на 7-м году—от 3 до 4 недель. Таким образом втечение 7-го года можно проработать 8—9—10 заданий. Вот примерно те сроки, которые дает практика.

Нужно прибавить, что при введении лабораторного плана в школу впервые правильнее было бы начать даже в старших группах с коротких заданий, и программы Гуса по обществоведению даже для 8-го и 9-го годов обучения спланированы по двухнедельным заданиям.

д) Материальные условия и лабораторная система.

Говорят, что переход от урочной системы к лабораторной требует значительных материальных предпосылок, оборудования соответствующих кабинетов и т. д. Я думаю, что, ставя так вопрос, мы ссылаемся на «объективные условия» без достаточных попыток обосновать эти ссылки. Мы часто сваливаем на «внешние условия» и на этом успокаиваемся.

Разве работать—как хотелось бы и как надо при системе уроков—можно без оборудования? Почти нельзя. Но мы работаем. Почему? Потому что мы бедны, потому что государство не в состоянии пойти сейчас на крупные затраты. Признавая, что для школьной работы необходимы большие материальные предпосылки, без которых наша школа не может работать, мы, однако, не говорим: откажемся от всеобщего обучения.

Ссылки на отсутствие достаточных материальных предпосылок, необходимых для введения лабораторной системы, следует признать очень относительными. Конечно, если вопрос ставить так, что при урочной системе преподаватель может преподавать физику мелом на доске, а при лабораторной—он должен иметь прибор, то ссылка на «объективные условия» будет обоснована. Но при урочной системе оперировать только мелом на доске плохо. Без соответствующих материальных предпосылок мы будем иметь плохую работу—почти одинаково при урочной системе и при лабораторном плане. Отсюда вытекает лишь то, что при одинаковых материальных условиях следует выбирать ту систему, которая педагогически более ценна. От ценных сторон лабораторной системы не следует отказываться, ссылаясь на внешние объективные условия, тем более что из года в год мы все-таки приобретаем оборудование, правда, приобретаем очень медленно, но все же мы двигаемся в этом отношении вперед.

Наконец организация лабораторий вместо классов сама по себе способствует созданию некоторого «окружения», в котором возможно работать лучше, чем при системе классов. Собирая в одно место книжки, справочники по данному предмету, даже работы старших учащихся и прошлых групп, вы создадите тем самым наилучшие при данном состоянии школы условия для работы по той или другой дисциплине.

е) Лабораторная система и учитель.

Многие ухватились за Дальтон-план, полагая, что при нем учитель будет менее нагружен. В классе учитель в постоянном напряжении, ему приходится самому работать, а в лаборатории он сидит в стороне и только наблюдает, он как будто бы свободен. Многие в первые годы так и ставили работу. Но это в корне неверно.

Работа по Дальтон-плану, наоборот, требует большего напряжения от преподавателя, если не его голосовых связок, то общего его внимания. Чтобы серьезно ставить работу, чтобы ребята не тратили зря времени и правильно прорабатывали каждое задание, чтобы учитывались все особенности работы, преподаватель должен достаточно ясно представить себе, что делает и что должен делать почти в любой момент каждый учащийся.

Следовательно, работа по лабораторному плану требует от учителя не меньшего, а большего напряжения, чем работа обычными уроками. Зато результаты работы по лабораторному плану бывают более удовлетворительны, чем при обычной системе уроков, и преподаватель может легче и быстрее двигаться с классом вперед и прочнее закреплять «завоеванные позиции».

Напряжение это, правда, неизбежно при любой системе работы, если хотим быть действительно уверены в том, что учащиеся работают, знают и понимают, что делают и чему учатся.

III. ЗАКРЕПЛЕНИЕ ЗНАНИЙ.

а) Требования к заданию.

В этом вопросе нужно отметить три момента.

Прежде всего вопрос о типе заданий. Над этим вопросом работает много школ. Их опыт, однако, еще недостаточно учтен и продуман. В общем получается, что сейчас еще невозможно дать общий для всех дисциплин тип заданий, потому что он зависит в большой мере как от содержания образовательного материала, который в него вкладывается, так и от частной методики предмета. Но есть несколько требований, правда, самых общих, к заданию, которые все-таки поставить следует.

Первое требование касается вопроса о самоучете и самоконтроле. Необходимо давать такое задание, чтобы учащийся на некоторых этапах работы по заданию вынужден был себя проверить. Это даст наилучшие результаты как в смысле более прочного закрепления знаний, так и в смысле возможности вовремя выправить допущенные учеником промахи; кроме того преподаватель сможет учесть промахи, допущенные им при составлении задания.

Затем важно не перегнуть при составлении задания палки и не водить учащегося за руку по всем пунктам задания, дабы он только механически, шаг за шагом, не задумываясь и не комбинируя, выполнял данные задания. Надо—сперва на мелочах, потом на более широких участках—приучать ученика самостоятельно думать. С другой стороны, нельзя впадать и в такую крайность, когда, дав задания учащемуся, пускаешь его плавать без руля и ветрил, без указания опорных пунктов в задании и основных вех работы. Это второе направление не менее вредно, как оно ни кажется на первый взгляд «исследовательским». Нужно прорабатывать задания так, чтобы оно заставляло учащегося самостоятельно думать, но не путаться и не блуждать, чтобы оно заставляло приобретать ряд сначала мелких навыков и умений, но без мозолей на мозгах. Навыки и умения незаметно будут приобретаться учеником лишь тогда, когда он не все получит в разжеванном виде, но в то же время не будет предоставлен исключительно своим неокрепшим силам.

Здесь надо умело найти среднюю линию, и она будет разная в разных случаях и будет зависеть от возраста учащихся.

б) Внешнее оформление работы.

Обычно работа учащегося оформляется в рабочей тетради. В нашей педагогической литературе я ни разу не встречал разбора вопроса о характере рабочей тетради учащегося,—какой она должна быть, какие требования должен предъявлять к ней учитель, что должна заключать тетрадь. Обычно рабочая тетрадь никак не «организована» учителем. Больше всего проявляют интерес к тетради преподаватели математики и физики,—это лежит в характере этих предметов,—но в общем вопрос о записях ученика совершенно не разработан. Его важно поднять. Если мы продумаем этот вопрос до конца, то увидим, что для закрепления минимума знаний нам не нужно бесконечного количества писаний, переписываний и т. д., а достаточно сравнительно небольшого количества письменных работ и записей, но таких, чтобы каждое слово, каждая цифра были продуманы учащимися. Я уверен, что мы в школе пишем ужасающе много, во много раз больше, чем это требуется для закрепления знаний. Времени тратится благодаря этому прорва, экономии здесь нет никакой, а ведь экономия времени—первый шаг в рациональной организации работы.

Я уже не говорю о том, что важно, чтобы учащиеся не тратили времени на переписывание, чтобы они сразу писали хорошо и с точки зрения грамотности и с точки зрения внешнего вида тетради, приобретая этим некоторые примитивные культурные привычки. Основные требования, которые мы должны предъявлять к тетради, должны сводиться к тому, чтобы 1) тетрадь была чисто и четко написана—по возможности одна тетрадь по всем предметам; если же последнее невозможно, то не более одной по каждому предмету, 2) записи были кратки, четки и сжаты по формулировке, 3) не было излишнего переписывания.

В дальнейшем надо методически проработать записи ученика в связи с каждым заданием с целью их максимальной экономности.

в) Методические излишества.

Вопросу о прочном закреплении знаний, о борьбе с методическими излишествами мы уделяем очень мало внимания.

Возьмем экскурсии. Это очень важный и сильный методический прием. Однако если проводить по естествознанию 40 экскурсий в год, то такое количество переходит в качество, и в плохое качество. Экскурсии превращаются в прогулки с озорством, с драками и т. п., а главное, при таком большом количестве экскурсий очень трудно их планировать и еще менее возможно использовать собираемый на экскурсиях материал.

То же относится к индивидуальным (или звеньевым) обследованиям. Мы слишком много обследуем, и в результате учащиеся как из экскурсий, так и из обследований берут не больше 20—30% собранного материала. Получается неэкономное расходование времени. С другой стороны, при многочисленности обследований притупляется внимание учащихся, падает их наблюдательность, т. е. результат часто получается прямо противоположный ожидаемому и требуемому. Мне представляется, что здесь речь должна итти о минимальном числе экскурсий и обследований—5—6—8 экскурсий и 2—3 обследования в год, но таких, чтобы все детали в них были четко заранее продуманы и чтобы был максимально использован собранный материал.

То же самое относится и к графическим работам: диаграммам, графикам, монтажам, картам и т. д. Графические работы имеют очень большое значение, но если их имеется в году по 15—20 на учащегося, то они превращаются в механическую работу, отнимающую зря значительное время учащихся. Наша школа в этом отношении иногда переходит допустимые границы. Иностранцы, побывавшие у нас, поражаются огромным количеством графических работ в наших школах, которые далеко выходят за пределы того, что имеет иностранная школа. Неплохо, что мы идем здесь впереди зарубежной школы, но плохо, что мы этим превращаем нашу школу

исключительно в иллюстративную или «самоиллюстрирующуюся», убивая большим количеством иллюстраций ценные стороны иллюстративности. Не надо отказываться от графических работ,—это было бы пагубной ошибкой,—но надо сделать графику сильным средством школьной работы, а значит, и давать его в умеренных дозах.

Таким образом необходимо тщательно продумывать экскурсии, обследования и графические работы, количество которых должно быть сведено до некоторого разумного числа, до такого минимума, чтобы у учащихся остался интерес к этим приемам работы, чтобы у них обострялось, а не притуплялось внимание и наблюдательность.

Методические «излишества» вредны, но и отказ от лучших методических приемов по причине вредности и излишеств не менее, а, пожалуй, более вреден. Надо взять среднюю линию. Это означает, что учитель должен уделить планировке своей методической работы и рационализации работы учащихся большое внимание.

Ясно, что при такой постановке дела на учителя возлагается более напряженная работа, результатом же будут более экономное расходование времени и лучшая успеваемость.

г) Учет успеваемости.

Вопрос об учете успеваемости большой, трудный и требующий специальной статьи. Здесь затрону лишь его вкратце.

В этом вопросе мы можем в нашей школе отметить два явления. Одно—это слишком большая трата времени на контроль и учет. Старая школа тратила на это почти половину (и более) всего учебного времени, потому что учитель обычно полурока объяснял, а полурока «спрашивал», к концу четверти он посвящал «спрашиванию» целые уроки. Здесь имело место чрезвычайно неэкономное расходование времени, и мы в некоторой степени это продолжаем и сейчас. Мы устраиваем к концу триместра или года зачеты и также тратим на это довольно много времени, спрашиваем за целый триместр или даже за целый год и нередко приэтом обнаруживаем, что ученик плохо знает курс.

Результатом такой системы учета является огромный процент второгодничества, который в наших городских школах колеблется от 15 до 30%, доходя и до 50%; 20% это обычное явление. Такой огромный процент второгодничества представляет собой чрезвычайно большой накладной расход для государства. Если бы мы добились того, чтобы никто не оставался на второй год, мы могли бы увеличить за те же средства продолжительность срока обучения в школе на 15—20%, могли бы прибавить в семилетке лишний год, а к девятилетке, пожалуй, два года. Второгодничество же у нас получается отчасти оттого, что система учета в школе и формальна, и крайне несовершенна. Учитель лишь к концу года обнаруживает, что ученик плох и что перевести его в следующую группу нельзя, причем нередко бывает в этом виноват не ученик, а школа, которая вовремя не спохватилась. Я думаю, что здесь часть вины в системе спрашивания урока, полученной нами от прадедов.

Система учета должна быть гораздо глубже, сложнее той, которую мы имеем сейчас, она требует весьма глубокого педагогического продумывания. Остановимся на нескольких основных моментах учета, которые уже из предыдущего моего изложения должны быть более или менее ясны.

При системе заданий, при коллективных уроках, на которые учитель приходит не с тем только, чтобы спрашивать ребят, а приходит с достаточным знанием того, что фактически делается в его группе, с учетом всех замечаний, которые он сделал во время обхода лаборатории, имея в виду выправлять ученика на уроке, не дожидаясь конца года,—при такой системе учет будет вестись непрерывно, без особой траты времени и, что важнее всего, с некоторой гарантией, что учащийся в своей работе будет на правильной дороге. Если к этому прибавить правильную постановку рабочих тетрадей, чтобы они были достаточно обозримыми и, главное, чтобы их не было слишком много; если к этому прибавить письменные работы в нужном, но небольшом количестве; если, наконец, в систему заданий ввести элементы самоучета и самоконтроля, то несомненно, что все это скажется

на повышении познаний учащихся. Учет, следовательно, должен прежде всего означать: помощь (и самопомощь) учащемуся, бесперебойность его работы и гарантия его равномерного продвижения по правильному пути.

Преподаватель обычно знает своих учеников, но практика показывает, что в этом его знании есть много субъективного, недостаточно обоснованного. Кроме того преподаватель часто знает, что один ученик сильнее или слабее, но не знает, когда и как оказать ему помощь. Ведь недостаточно просто сказать ученику: «Ты плох, подтянись»,—нужно помочь ему подтянуться. Этого не дает то «общее» знание ребят, которое у каждого преподавателя создается; наоборот, оно приводит часто к неправильным представлениям о том, что ученики знают, умеют и т. п.

Мне кажется, что если провести целый ряд указанных мероприятий, если ставить дело так, чтобы преподаватель объективно знал, где слабые стороны того или другого учащегося и ему индивидуально помогал (а это в лабораторной работе вполне возможно сделать), то результатом было бы несомненно более равное продвижение учащихся вперед и падение второгодничества.

Затем у нас не меньше 20% всего учебного времени уходит на учет. Этого очень много, и мне думается, что здесь нужно выработать несколько более простую систему учета. Многие школы делают сейчас попытки перейти к тестам. Тесты—еще пока вопрос будущего, над ним должна еще поработать научно-исследовательская мысль. Я не думаю, чтобы можно было принять во всякой массовой школе те тесты, которые сейчас печатаются в разных местах; школа, однако, может сделать кое-какие небольшие шаги в этом направлении, познакомиться с теорией вопроса. Результатом такого шага могло быть хотя бы то, что преподаватель будет давать не обычную письменную работу, а систему контрольных вопросов и работ. Дать 5—6—7 вопросов, таких, чтобы ответы на каждый из них заключались в 5—6 строчках и которые действительно выявляли бы знания учащихся,—это уже шаг к краткому и объективному учету; дать работу, выполнение которой требует мобилизации умений и знаний навыков пользоваться пособиями и справочными книгами,—это приближает к учету не только знаний, но и общего развития. Если бы это было введено, мы сократили бы количество учетных дней до минимума (8—10 в году) и достигли бы лучших результатов, имея большее число «чистых» учебных дней.

В связи с общим вопросом об учете особенно остро стоит вопрос об окончательном годичном учете. Я полагаю, что годичный учет нужно начинать проводить не в конце года, а значительно раньше, не позднее, скажем, начала или середины марта, а уже к концу марта, т. е. к весеннему перерыву, каждый учащийся, так же как и каждый учитель, должен приблизительно знать, кто переводится, вернее, кто более или менее близок к тому, чтобы быть переведенным в следующую группу и у кого есть те или иные недочеты; времени до конца года еще достаточно, и много недочетов может быть ликвидировано. Это снизит процент второгодников.

Возможно ли это? Думаю, что вполне возможно. До 80% курса по программе к началу апреля обычно проработано, дальнейшая же работа почти уже не может влиять на перевод в следующую группу. У отстающих учащихся остается возможность «подогнать», особенно если учитель им поможет и обратит на них соответствующее внимание. В результате в большинстве случаев многие такие учащиеся будут переведены в следующие группы.

Общий мой вывод таков: учет должен строиться на следующих основах: помощь в процессе работы, самопомощь и самоконтроль, рациональная организация внешних сторон работы, учет индивидуальности и интересов учащегося. А главное, такая постановка учета, чтобы учащийся видел в учете прежде всего помощь, а не «экзамен», формальную проверку, к которой надо «натаскаться», «зачеты», требующие бессонных ночей, и т. п.

IV. КОЛЛЕКТИВНАЯ РАБОТА ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ПЕРСОНАЛА ШКОЛЫ.

Последнее и основное.

Для нас совершенно ясно, что наша школа во сто крат больше всякой иной школы требует коллективной работы педагогов, совместной методической работы,

совместного обсуждения ряда вопросов. Этого требует и комплексная система преподавания, и самый характер строя нашей школы, прочно связанной с самоорганизацией учащихся и т. д. Для нас чрезвычайно важна большая или меньшая одинаковость методов работы отдельных преподавателей. Если один преподаватель работает по одному методу, а другой предпочитает другие, принципиально отличные от первого, приемы (а это встречается нередко), то получается не равнонаправленное воспитание учащегося, а его дергание, дезорганизация его. Учащийся знает, что Иван Иванович имеет какие-то особенности и нужно как-то приноравливаться к его характеру, а Мария Федоровна имеет другие особенности и нужно как-то приспосабливаться к ее нраву. Таким образом мы не воспитываем учащегося, а лишь приучаем его лавировать между Иваном Ивановичем и Марией Федоровной, причем ни Ивану Ивановичу, ни Марии Федоровне он при таких условиях не верит, а пожалуй, и не уважает их.

Установление договоренности в педколлективе важно и в таких казалось бы мелких вопросах, как, скажем, вопрос о рабочей тетради. Один преподаватель предъявляет одни требования к рабочей тетради, другой—другие. Что же получается в результате? Получается то, что учащийся пишет грамотно только для преподавателя родного языка, а для преподавателя физики, математики, естествознания пишет кое-как, считая, что писать грамотно для этих учителей не нужно, потому что они этого не требуют. Он пишет чисто для математика, для преподавателя же естествознания считает, что этого не требуется, и т. д. Это создает плохие привычки, плодит неграмотность, а главное, неэкономно в смысле расходования времени.

Другой пример—приход преподавателей в класс. Один приходит точно вовремя, и учащиеся знают, что на его урок нельзя опоздать, а другой сам опаздывает на 5 минут, а ребята—на 10,—и время проходит зря. Здесь у нас еще нет регламентирующих правил сверху (да и нужны ли они?), но здесь должна быть договоренность педколлектива.

Нельзя забывать того, что все эти мелочи, все эти отдельные подходы, если они будут продуманы и проводимы всеми, будут иметь огромное воспитательное значение, которое совершенно теряется в тех случаях, когда один преподаватель требует одного, а другой—другого.

Важно учесть здесь и то, что мы работаем в школе с организованным детским коллективом, в школе, где нельзя дать сверху правила и заставить им подчиняться, где нужно воспитывать свободное подчинение определенному регламенту и где, следовательно, требуется координирование работы педагогов с жизнью и работой детского коллектива. Эту поправку также нужно внести.

В основном программы НКП на ближайшие, примерно, 3—4—5 лет закончены. Мы в общем и целом установили содержание образовательной работы, общее ее направление, даже в той или другой степени—метод работы. Практика нашей работы за предыдущие годы накопила достаточный для этого опыт. Сейчас нам нужно в эту практику ввести некоторый порядок, т. е. нужно обратить серьезное внимание на организацию самой работы. Организация учебного процесса получает сейчас поэтому огромное значение, значительно большее, чем раньше.

Центральная задача школы будет заключаться в выработке методов работы и, в особенности для начала, в организации учебного процесса, потому что методы работы—это момент, который больше связан с характером каждого отдельного предмета, организация же учебного процесса—момент, связанный со всей школьной работой.

Здесь перед нами стоит огромная работа. Она является первым этапом на пути к разрешению более широкой проблемы—проблемы организации всего педагогического процесса, т. е. всего воспитания, потому что обучение мы должны рассматривать лишь как органическую часть воспитания.

М. ПИСТРАК.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

НАРОДНОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ

ВОПРОСЫ
ПОЛИТИКИ И
ОРГАНИЗАЦИИ
НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ

ИЮНЬ
№ 6

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ НАРКОМПРОСА РСФСР

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — 1928 — ЛЕНИНГРАД

СОДЕРЖАНИЕ.

Стр.

VI СЪЕЗД ЗАВЕДУЮЩИХ ОНО.

Заключительное слово тов. *А. В. Луначарского* 3
В. Н. Яковлева. Вопросы организации народного образования (доклад). 13
М. Р. Долинко. Участие союза Рабпрос в производственной работе (доклад) 28
Прения по докладам т.т. *Яковлевой* и *Долинко*. 35
Заключительное слово тов. *М. Р. Долинко*. 77
Заключительное слово тов. *В. Н. Яковлевой*. 80

К ПАРТСОВЕЩАНИЮ.

И. Свадковский. К вопросу о пересмотре школьной системы в СССР. . . 88

ВОПРОСЫ ВОСПИТАНИЯ.

С. Белоусов. Воспитательная работа школы повышенного типа в свете задач культурной революции 103
Г. Катанская и *Н. Гертo*. Вопросы воспитания на страницах местных газет после XV партсъезда. 110

РАЦИОНАЛИЗАЦИЯ ШКОЛЬНОЙ РАБОТЫ.

М. Зарецкий. Программные требования, как фактор продуктивности школ 119

ПОВЫШЕНИЕ КВАЛИФИКАЦИИ РАБОТНИКОВ ПРОСВЕЩЕНИЯ.

Я. Акодис. К вопросу о переподготовке работников школ подростков . 124

РАБФАКИ.

А. Кондратьев. Рабфаки Центральной области. 128

НА МЕСТАХ.

И. Перель. Задачи народного просвещения на Урале 133
М. Бойцов. В Бурят-Монголии. 141
Н. Р. Просвещенцы и рабочие Сибири о народном образовании 150

НАШИ ДОСТИЖЕНИЯ.

М. Маркович. К результатам конкурса школ I ступени 157

Главлит № А 14628. П. 11. Гиз. № 27344. Тираж 2750 экз.

5 я тип. «Транспечать» НКПС «Пролетарское Слово» Москва, Южный пер., д. № 4.

VI СЪЕЗД ЗАВОНО

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО А. В. ЛУНАЧАРСКОГО.

Товарищи, в результате моего доклада, несмотря на то, что тезисы мои составлены достаточно детально, оказалось большое количество обиженных: я-де забыл того или иного члена моей наркомпросовской очень многочисленной семьи. Это напоминает мне стародавний обычай писания крестьянских писем, где непременно нужно упомянуть и дядю Гришу, и дядю Мишу, и тетю Олю, и тетю Полю, а если какую-нибудь бабушку Петранилью или какого-нибудь младшего братца Костю не упомянули, то либо в деревню и глаз не кажи, либо посылай дополнительно письмо (с м е х). Но там, по крайней мере, такая обида резонна: действительно не нужно забывать бабушку Петранилью. Но вряд ли кто-нибудь думает, что я мог забыть про дошкольное образование или переподготовку просвещенца. Не надо из каждого доклада Наркомпроса делать повторение всего предыдущего плюс некоторые новые части и всякий раз повторять «и еще усилить, и еще усилить» относительно того, о чем уже много раз было сказано, что оно необходимо и должно быть всемерно усилено. Такого рода отчеты и доклады по всем сторонам дела мне приходится делать по несколько раз в год и, уверяю вас, что в них я никого не забываю—ни одной бабушки и ни одного братца. Но сегодня моя задача заключалась в том, чтобы указать, какие новые черты в нашу просвещенскую работу вносит XV съезд и последний пленум ЦК нашей партии. На этом только я и останавливался в тезисах и в моем докладе. Но из того, что какой-нибудь братец не упомянут, не следует вовсе, что ему не желают здоровья, а, наоборот, даже думают, что лучше было бы, если бы господь его прибрал (с м е х). Первый вывод из решений XV съезда—культурная революция, подтягивание отставшего культурного фронта (а, стало-быть, подъем финансирования просвещенской работы), подъем наших собственных усилий, подъем интереса населения к культурному делу. И незачем непременно вновь и вновь называть все эти пункты.

В некоторых случаях мы имеем не только квантитативное, количественное увеличение, но и некоторые совершенно новые черты. Вот о том, что является новыми чертами у нас, об этом я и говорил,—и то не успел как следует сказать, потому что таких отраслей работ очень много, а, главное, они настолько сложны, что по поводу каждой хотелось бы сказать больше, чем я успел. Мне кажется, что я выбрал то, что является наиболее важным. В последнем слове постараюсь дополнить кое-что и кое-что разъяснить в связи с теми недоразумениями, которые выяснились в нашей дискуссии.

Здесь обсуждалось,—пессимистичен или оптимистичен мой доклад, правильно ли распределены свет и тени? Я не знаю, всех ли докладчиков

постигает такая участь, но по отношению к моему докладу часто ставится такой вопрос: пессимистический или оптимистический? Ни пессимистический, ни оптимистический. Я хотел указать, как надо понимать существеннейшие новые черты нашей работы, вытекающие из нынешнего положения—и только. Естественно, что при этом я не рисовал полной картины того, что у нас в действительности есть, если данный кусок действительности мне не был нужен для разъяснения новых планов нашей работы.

Теперь позвольте мне перейти к разъяснению некоторых пунктов, которые оказались еще неясными. Прежде всего я начну с одного момента, относительно которого я колебался—надо ли его включать в мой доклад или нет? Это вопрос о нашем отношении в нынешний момент к лозунгу трудовой политехнической школы. Я уже довольно давно пришел к выводу, что в ближайшем будущем придется серьезно ставить вопрос о возвращении к трудовой школе, как таковой, и не только о возвращении к этой проблеме, а и о постановке ее в ближайшее время. Но даже Н. К. Крупская, которая здесь высказала наибольшее количество мыслей по этому поводу, указала, что, может быть, мы придем к этому только года через 2—3. Я тоже думаю, что сейчас можно сделать только общую наметку, но ставить этот вопрос в практический план нельзя. Посмотрим сначала, какой «скачок» мы сделаем в будущем году — будет ли это скачок кузнечика или скачок антилопы. Но хотя о политехнической школе, как задаче дня, можно будет говорить только в случае большого увеличения нашего бюджета, я позволю себе минут пять остановиться на этой проблеме, так как нас сама жизнь толкает на этот путь.

На конференции хозяйственников по вопросу о профтехническом образовании, если не ошибаюсь, тов. Краваль указал, что, в сущности говоря, наилучшей гарантией правильной подготовки молодежи и той ее части, которая потом выдвинется как авангард и пройдет через вузы, было бы построение трудовой политехнической школы. Мне было очень приятно слышать эт), тем более, что один из представителей ВСНХ на расширенном заседании коллегии НКП, посвященном ФЗУ, еще до этого говорил, — и повидимому правильно говорил, — что сами хозяйственники начинают понимать, что это—единственно верная постановка вопроса о создании настоящего, прочного культурного фундамента.

Надежда Константиновна уже сказала, что идея трудовой политехнической школы разбилась о нашу хозяйственную отсталость, о нашу бедность и бедствия, которые посыпались на нас в первые годы революции. Но среди других причин не последнее место занимало, кроме того, и полное непонимание этого лозунга со стороны хозяйственников, чрезвычайно невнимательное отношение их ко всякой попытке осуществить этот принцип. Когда наши школы делали попытки являться на заводы и использовать их, хотя бы в экскурсионном порядке, то им говорили—убирайтесь отсюда, не топчитесь под ногами, вы вносите беспорядок в наше промышленное заведение. Но прежде чем задумываться над тем, чтобы всем нашим школам дать трудовую базу, которая будет действительной гарантией того, что мы строим марксову школу, — прежде нужно подумать о фабрично-заводской семилетней школе и о ФЗУ. Пускай хозяйственники помогают школе, которая расположена непосредственно в районе завода, пускай они помогут сделать сеть достаточно густой, достаточно хорошей и произвести необходимейший опыт осуществления политехнической школы, подлинно марксовой школы, в которой ученик не просто навастривается по части болтов, не просто готовится, как мелкий элемент промышленности, маленькая часть большого фабричного механизма, а где, помимо усвоения той или другой специальности, жизнь завода служит базой для

создания из ученика подлинного, проникнутого научно-индустриальным духом человека, у которого ни одно знание не оторвано от нашего грандиозного культурного строительства. Необходимо, пока в малом масштабе, на этом самом важном участке рабочего образования осуществить подлинно марксову школу, принципы которой были определены нами в первые годы нашей работы, в особенности, под руководством и благодаря трудам Надежды Константиновны.

Школа крестьянской молодежи практически должна быть той же марксовой школой, что и ФЗУ, только приспособленной к условиям деревни, опирающейся на достаточно высокую агротехнику; ШКМ должна дать молодого крестьянина, вполне обученного для того, чтобы поднять наше сельское хозяйство. При нынешних условиях, когда школа крестьянской молодежи должна держать курс не только, как мы раньше говорили, на «крестьянский двор плюс кооперация», а прежде всего на кооперацию и при том кооперацию типа производственно-земледельческого,—эти школы еще более приобретают характер марксовой школы, так как они должны будут держать курс на машину и научно-поставленную агрикультуру. Но мы страшно бедны. Школа крестьянской молодежи и по своей идее и по своему персональному составу является в высшей степени прогрессивной. Но для того, чтобы она проявила заложенные в ней большие возможности, надо расширить ее средства. Школа крестьянской молодежи является в высокой мере политехнической, ибо охватывает все вопросы сельского хозяйства.

Когда вопрос о профессионализации повышенной школы обсуждался впервые, мы приняли, с благословения Владимира Ильича, семилетнюю школу и, по возможности, техникум над ней. Но это была уступка нашей бедности, это был компромисс. Мы пошли на него, но шли с большой осторожностью по этому пути. Мы сохранили девятилетку, которая, правда, болеет разными болезнями, о которых здесь достаточно говорилось, но имеет и серьезные завоевания, о которых здесь также говорили. Девятилетка количественно растет, девятилетка дает все большее и большее количество студентов для вузов, и я не думаю, чтобы в ближайшем будущем, когда вопросы системы станут перед нами достаточно резко и определенно, мы перешли к системе украинской. В известном смысле может быть правда, что самый профуклон есть как бы стремление внедрить практический труд в то, что называют школой учебы или схоластической школой. Но нужно все-таки с некоторой осторожностью говорить о школе схоластики и школе учебы в применении к нашей школе, так как она достаточно энергично выбивается из рамок старого типа школы учебы и вряд ли имеет что-либо общее со школой схоластики, поскольку она является глубоко научной, проникнутой социалистическим духом. Но тем не менее постоянно возникающий вновь и вновь вопрос о внедрении в старшие группы школы трудового начала есть как бы невольное признание того, что при нынешних условиях есть некоторый отрыв в нашей школе обучения от трудовых навыков.

Очень интересен этот вопрос и с точки зрения привлечения в школу и закрепления за школой детей рабочего и крестьянского населения. Крестьянская школа должна иметь резко выраженный сельско-хозяйственный уклон, и учитель, воспитывая в ней соответственным образом детей, должен стать одним из руководителей повышения сельско-хозяйственной культуры. Но есть еще один первой важности вопрос—введение элементов крестьянского ремесла, кустарничества в школу. В идеале, рядом с учителем, который может быть отчасти агрономом, отчасти садоводом, пчеловодом, в школе должен быть хороший мастер-кустарь, который должен обучать детей двум-трем ремеслам, необходимым в крестьянском хозяйстве. Мы почти изжили индивидуальное ученичество, которое часто сводилось

к простой эксплоатации детского труда, но ничем не смогли возместить ту убыль в деревенских ремесленниках, которая от этого произошла. Сеть низовых профшкол мало развита, в элементарной школе ремесло, как элемент обучения, играет слишком незаметную роль,—и это большой недостаток. Ведь каждый бедняк или середняк, который обычно отрывает своего ребенка от грамоты, как только он становится хоть немножко пригоден для хозяйства, будет держаться за то, чтобы он продолжал курс до тех пор, пока не получит практические знания и какой-то диплом или свидетельство о том, что он может войти в мастерскую такого-то рода или заниматься такого-то рода деревенским трудом, потому что это есть уже кусок хлеба, это есть уже повышение социального положения.

Но почему мы даже сейчас заговариваем с некоторым сомнением не только о политехнической школе, но и о внедрении полезного ручного или ремесленно-технического труда в элементарную школу? Да просто потому, что это стоит кучу денег и требует продолжительного времени; для того, чтобы это не осталось пустыми разговорами, для того, чтобы мы могли в достаточной степени оборудовать мастерские по всей линии школ или приспособиться к использованию существующих фабрик и заводов в достаточной мере, для этого нужно время и нужен наш общий экономический рост. Но в общем, это—та линия, та дорога, по которой мы неизбежно будем продвигаться по мере того, как у нас будут появляться соответствующие средства. Примеры, подобные тому, который привела Н. К. Крупская,—относительно перерождения детского дома, который получил мастерскую,—мы видим на каждом шагу. Мы видим, как детские дома из какой-то богадельни превращаются в аппарат, который из беспризорника делает способного жить общественной жизнью гажданина. И делается это по мере оборудования их мастерскими. Это важно не только само по себе, но чрезвычайно важно и как наглядное доказательство животворящего характера внедрения труда в школу.

С этой точки зрения прав был тов. Малышев, когда говорил, что наша школа еще схоластична, разумея под этим, что в ней еще слишком много книжного, абстрактного, слишком мало непосредственно-трудового, что привлекло бы к ней симпатии населения. Но надо помнить, что не недостаток понимания этой задачи, а исключительно недостаток средств, которые на это требуются, отпугивает нас от того, чтобы провозгласить политехнизм задачей ближайшего дня.

Затем я хотел бы рассеять недоразумение, которое здесь возникло вследствие моих слов о том, что наша проверка практического отражения программ Гуса показала, что эти программы выдержали экзамен, но елеле выдержали. Я прошу понимать меня не в том смысле, что они едва ли не плохи или чуть-чуть выше плохих. Ничего подобного. Я ведь говорил о проверке практического отражения их в школе. Вопрос был не о том, выдерживают ли экзамен программы Гуса сами по себе, а о том,—выдержали ли они экзамен на возможность реального отражения их принципов в нынешней убогой школе. С этой точки зрения можно сказать, что хотя они еще все-таки трудноваты, но школа этого года уже приспособилась к ним настолько, что можно перейти на следующую ступень. Идя по этому пути, мы будем иметь все больший и больший контакт программ Гуса и наших новых методов с нашей школьной действительностью.

Другое недоразумение. Я подчеркнул очень решительно необходимость перейти к вопросам воспитания. Я боюсь, что у тов. Голышева, а, может быть, и у многих других, представление о взаимоотношении обучения и воспитания несколько неправильное, вследствие чего возникло два протеста, хотя и не очень резко выраженных. Говорят: у нас

еще обучение недостаточно, мы еще приобретение технических навыков не довели до должной высоты, мы еще очень плохо пишем в школах, а тут, на тебе—говорят, что надо уже переходить от этого к воспитанию. Так же точно, как и промелькнувшее здесь сомнение относительно того, не явится ли этот переход к воспитанию некоторым забвением того понимания социального воспитания, которое мы вкладываем, скажем, в преподавание обществоведения, совершенно неверное выражение тов. Голышева, что воспитание—это «вторая часть» педагогического процесса, заставляет задуматься и внести ясность в это дело. Нельзя представлять себе дело так, что учитель от 9 до 10 часов занимается обучением, а от 10 часов начинает заниматься воспитанием или что вообще, как можно, например, уменьшить количество часов математики, увеличить количество часов языков, так же можно снизить обучение, чтобы найти место для воспитания. Ничего подобного. Когда я говорил, что мы занимались слишком пристально вопросами учебы и предоставили самим себе вопросы воспитания, то этим я хотел сказать не то, что мы должны за счет этой учебы усилить воспитание, а то, что мы, доведя до сравнительного благополучного состояния те принципы, по которым должно итти обучение, и имея перед собой в этой области только задачу руководства, передачу этих принципов на места вплоть до школы, должны теперь заняться до сих пор беспризорным делом—выработкой основ воспитания и руководством учителя, как воспитателя. Ведь, учитель воспитывает, обучая. Это абсолютно неразрывные части единого педагогического процесса. Ни в какой мере не может быть, чтобы люди стали хуже писать потому, что получили хорошее воспитание, и, если человек хорошо пишет, то это вовсе не знаменует, что он плохо воспитан (с м е х). Хорошо поставленная школа, в которой хорошо поставлена учеба, уже тем самым (если учеба действительно хорошо поставлена, да еще включает такие черты, как трудовое воспитание, физкультурное воспитание и художественное воспитание) есть великолепный воспитательный аппарат. Надо только понять, каким образом это сочетать, как учитель должен воспользоваться всей обстановкой школьной жизни для того, чтобы получить воспитательный результат. Никакого разрыва здесь нет, и никто не должен наш лозунг понимать так, что до 1928 года Наркомпрос, как мог, обучал, а с 1928 года учебу прекратил и начал воспитывать (с м е х).

Я почти не говорил о 8-й и 9-й группах, о профуклонах, вовсе не потому, что я считаю, что вопрос этот раз навсегда разрешен. Наоборот, Наркомпрос возвращался несколько раз к этому вопросу, и мы решили, что и сейчас еще у нас нет достаточно объективных данных, чтобы произнести окончательное суждение об этом эксперименте. Надо подождать. У нас часто бывает так: посеем,—вырастет неособенно благовидная травинка и травинку эту выпалывают; а, может быть, это и есть дерево, может быть, это именно оно появилось в виде маленького ростка. Надо подождать, выяснить, дать делу немножко окрепнуть. Нет оснований сказать, что это не удалось, но нельзя, с другой стороны, сказать: «Ну, товарищи, профуклоны утвердились, дали чудесные плоды, здесь все благополучно». А так как я не могу сказать ни того, ни другого, то я молчу и жду того момента, когда положение определится.

По несколько другим, но родственным причинам не говорил я и о сроке, к которому должно быть введено всеобщее обучение. Вообще, товарищи, неверно, будто в тезисах об этом разделе нашей работы ничего не говорится. Там говорится, что всеобщее обучение остается самой важной нашей задачей, что это есть база всей культурной революции и культурного прогресса. Но я не вхожу в детальное рассмотрение плюсов и минусов, при которых происходит это дело. Для этого нужен был бы особый доклад. Мы этого доклада не делаем, потому что ничего ката-

строфического и ничего по существу нового здесь не намечается. Что же вы хотите, чтобы я сказал вам, что к 1933/34 году мы вопрос разрешим? Этого я не могу сказать, так как не знаю еще, какими средствами мы будем располагать. Может быть вы считаете, что у меня есть трагическое сомнение в том смысле, что мы придем к этому времени с большим хвостом, много недоделаем и придется говорить, что выполнить работу в срок не удалось, что надо его удлинить и т. д.? Этого тоже нет. Я не могу сказать ни того, ни другого, а поэтому я молчу (с м е х).

Теперь относительно забытых мной бабушек и братьев. Больше всего (и совершенно напрасно) обиделся на меня тов. Ильин из НКПС. Он вышел и заявил, что мы должны позаботиться об НКПС и удовлетворить его специфические нужды. Однако, он говорил четверть часа, или двадцать минут, и ни слова не сказал о «специфических» нуждах, не потому, что не успел, а потому что их нет. В самом деле, что он нам сказал? Что надо обратить внимание на железные дороги, что надо предоставлять им наиболее способных работников-специалистов? Но ведь всякому понятно и ясно, что это нами предусмотрено в том месте, где говорится о промышленности вообще и о промышленном образовании, так как, то, что верно в отношении заводов, верно и для железных дорог. Непонятно, почему нужно обязательно упомянуть, что и железные дороги имеются в виду. Для подготовки специалистов необходимо школьное строительство, хорошие учебники, хорошие учителя и т. д., и т. д., и все такое прочее, обо всем этом сказано, и это, конечно, относится и к подготовке специалистов-транспортников.

Другое дело, конечно, относительно нацменьшинств. Тут нужно было бы ругаться побольше. Мы каждый раз упоминаем, и с самых высоких мест,—гораздо более высоких даже, чем эта кафедра,—о необходимости поднять культурное развитие нацменьшинств, а все-таки «воз и ныне там». Хорошо, что товарищ взял слово и с достаточной полнотой развернул неудовлетворительную картину по этой линии работы. Мне кажется, однако, что, хотя это дело и не терпит отлагательств, но вряд ли нацменьшинства так быстро двинутся и сразу вырастут настолько, что на следующем съезде нам не нужно будет заниматься этим вопросом. Я считаю, что в ближайшем будущем нужно будет поставить по этому вопросу особый доклад. Мы не можем на каждом съезде ставить все вопросы, даже важнейшие, и выбираем лишь наиболее важные. Если вопроса о нацменьшинствах не было на этом съезде, то это значит, что он должен быть в ближайшем будущем поставлен.

Все-таки некоторые замечания я должен по поводу этого выступления сделать. Товарищ старался и Наркомпросу, и Совнацмену посылать стрелы, которые попадали—частью в бровь, а может быть, иногда и в глаз. Я, прежде всего, хотел бы отразить те, которые были направлены неверно.

Я удивляюсь, что заведующий Архангельским отделом наробраза сказал, что для самоедов мы ничего не делаем. Существующий при ВЦИК особый Северный комитет, который занимается этими народностями, проделал большую работу, многое организовал. В частности, комитет постоянно обращается к нам. Он заставил нас организовать особую группу для того, чтобы обслуживать интересы северных народностей, и наш последний отчет перед этой комиссией показал, что сделано огромное дело, что имеется большой прогресс. Это, конечно, не значит, что у самоедов уже ликвидирована неграмотность на самоедском языке и т. д. На самоедском языке пока еще почти ничего нет, и приходится стараться дать учебники хотя бы на русском языке. Но такие учебники уже есть, они приспособлены к условиям жизни, к запросам самоедского читателя. Придется провести интенсивную работу по выработке наиболее правильного учебника на самоедском языке. Ведь самоеды говорят на многих наречиях, и выбрать какое либо одно—трудно. Это не может быть быстро сделано. Там организуются школы, и вообще по всей линии просвещения северных народностей проделана большая работа по повышению их культурности. Наиболее талантливых людей мы обучаем на особых рабфаках для северных народностей. В частности, такой рабфак имеется в Детском селе, он превосходно поставлен, и уже несколько человек оттуда пошло в вузы. Не знаю точно, если ли там самоеды, но имеются тунгусы, чукчи и другие народности, которые уже вошли в наши институты.

Очень большая работа по совнацменовской линии проводится в отношении учебника. Только за этот год выпущено 96 названий. Это—мировой рекорд, это—работа, превосходящая человеческие силы. Только революционный энтузиазм, который нами вносится в дело, мог дать такие результаты. Эти учебники держатся на уровне русских учебников, т. е. квалифицируются довольно высоко.

А теперь, позвольте мне рассказать кое-что из местной практики. То обстоятельство с учебниками, которое подчеркивалось, объясняется не только тем, что виноват какой-то высший орган, который не уделяет внимания национальным меньшинствам. Например, один из отделов еще в сентябре получил известную сумму с указанием ее назначения и до декабря договаривался с Гизом, так что учебники получились в феврале. Уральский ОНО поступил лучше. Он на эти средства издал свой собственный краевой учебник (с м е х). А когда мы запросили саратовских товарищей, как они эти деньги израсходовали, то они помялись, помолчали некоторое время, а потом сказали: «Следующие деньги, которые вы нам пришлете, мы так-то и так-то израсходуем» (с м е х). Не так плохо бывает посмеяться, хотя сейчас вы над собой смеетесь (с м е х, а п л о д и с м е н т ы). Это свидетельствует о том, что места еще не прониклись ленинской идеей в области национальной политики, во всяком случае, всерьез и по-настоящему ею не прониклись.

Теперь, товарищи, о просвещенцах. Тов. Долинко, должно быть по долгу службы, упрекнул меня (а п л о д и с м е н т ы) в том, что я забыл о нуждах просвещенцев. Он говорил, что мы сразу ставим перед учителем слишком большие требования. Но, высказывая эти требования, я говорил, что насколько необходимо, чтобы учитель подтянулся в работе над собой, настолько и мы должны разделить с ним трудности этой работы, настолько преданно мы должны вместе с ним разделить его искания, самим учиться и нести впереди его фонарь, двигаясь по новым путям воспитания. И, наконец, я говорил, что нет в настоящее время вопроса более важного, чем организация руководства просвещенцами. Мы заслушаем здесь большой и обстоятельный доклад тов. Яковлевой, который в большей своей части будет посвящен вопросам инспектуры и инструктажа.

По вопросу о руководстве я сказал в моем докладе, что это—центральный вопрос, что его разрешением определяется вся судьба Наркомпроса. О чем же я не говорил из важных вопросов, касающихся просвещенцев? Я не говорил о их правовом положении, но мы, ведь, уже крепко это сказали! Зачем приучать людей к тому, что слова говорятся всуе, или что они говорятся на столько времени или еще на более короткое время, чем оспенная прививка? (с м е х). Мы сказали, что будем вместе с профсоюзами следить за этим. Сказано это не только нами, но и высшими инстанциями.

О зарплате я не говорю, но тов. Долинко хорошо знает, что это входит в наш бюджетный доклад. Там мы об этом будем говорить, как мне кажется, в полном согласии с тов. Долинко и представляемым им профсоюзом.

Само собой разумеется, что всякая беда просвещенца—наша беда, потому что просвещенцы—это наша действующая армия, и мы сами ровным счетом ничего из себя не представляем, если просвещенцы плохи. Конечно, нечего нам всегда перед товарищами учителями кадила зажигать, можно иногда и горькую правду сказать,—есть и у них вины, но их вина есть наша вина, потому что это значит, что мы не сумели как следует их организовать, направить, расшевелить.

Просили меня также сказать несколько слов о дошкольном воспитании, все из тех же соображений, что если на съезде не упомянуть, то будут считать, что это не так уж важно. Это, конечно, было бы безобразнейшим отношением к делу. Еще и еще раз повторяю, если о чем не упоминается специально, то это значит, что остается в силе то, что до сих пор говорилось. А до сих пор говорилось с достаточной решительностью, что без дошкольного воспитания немыслимо воспитание школьное,—по крайней мере, оно чрезвычайно затруднено.

Затем просили меня сказать кое-что о ликвидации неграмотности. Товарищу, который ко мне обратился, я ответил, что я, собственно, говорил о важности этого дела и указал, что стоит по этому вопросу особый доклад, но он говорит: «Так еще крепче будет». Ну, раз крепче будет—скажем здесь еще раз. Разногласий между мною и Главполитпросветом, думаю, что между всем Наркомпросом и Главполитпросветом в той постановке этого вопроса, которую Главполитпросвет в своем докладе дает, никаких нет. Я думаю по этому докладу высказаться более подробно о том, что я думаю о причинах и следствиях известного упадка интереса к делу ликвидации неграмотности.

Представитель Комсомола бросил нам некоторый упрек в том, что мы, ставя перед собой вопросы обучения и воспитания, не упомянули относительно пионердвижения и работы Комсомола. Опять-таки должен сказать, что из этого не следует делать вывод, будто бы пионердвижение потерпело какой-нибудь крах, будто бы мы в нем изверились и возлагаем на него меньше надежд, что нам не кажется попрежнему важной воспитательная работа, которую Комсомол вводит в наши педагогические процессы через пионердвижение. Но об этом я не говорил потому, что здесь остается прежнее положение. А поскольку в этом деле есть свои проблемы, и тревожнейшие проблемы, постольку нужно посвятить им особый доклад, а не бросать мимоходом те или другие мысли. Я говорил о воспитательном процессе во всей школе, о роли педагогов и всего нашего педагогического аппарата. Можно ли сказать так: до сих пор была случайная, самотеком шедшая воспитательная работа, известную роль играли общественные науки и общественно-полезный труд, но, главным образом, это дело шло через детские организации? Мы совершенно определенно заявляем, что нельзя ставить вопрос так, что главное русло воспитания—это Комсомол, это—детское движение. Нет, это очень важное подсобное русло воспитания, но главный воспитательный аппарат—это вся наша школьная и дошкольная система. Тем более недопустимо противопоставлять одно другому и говорить, что «никогда вы через вашего допотопного учителя с вашими допотопными методами ничего не добьетесь, кроме организации нелегальных детских сообществ и всякого рода скандалов в этом отношении, если не убедитесь, что единственным спасающим средством является Комсомол и руководимые им детские организации». Неверно это. Это—страница, которую нужно уже перелистнуть. Мы можем с уверенностью сказать, что если сядем только на этого комсомольско-пионерского коня, то далеко не доскачем. Это—путь опричнины, при которой выделяются излюбленные, более близкие, и на них сосредоточивается все внимание. Не должны мы этого допускать, в особенности в детских организациях. Мы знаем, до

какой степени должна быть замкнута и вместе с тем должна все охватывать партия. Мы делаем Комсомол гораздо более широким. Мы говорили, что в идеале мы видим наших детей, которые теперь только начинают школьную жизнь, объединенными в одно бесклассовое общество. К этому нельзя итти только путем постепенного роста детских организаций. А мы видим, что нет такого роста пионердвижения, который бы обеспечивал подобные результаты. Цифрами можно доказать это. Надо начинать с другого конца. Надо начинать с внедрения во весь советский, а потому, конечно, и коммунистический педагогический аппарат этих самых идей коммунистического просвещения. А что мы можем встретить плохих специалистов, может быть, даже вредителей, и наткнуться на всякие скандалы и трудности—так ведь, по всем путям идя, мы будем их иметь. Ни один из путей не является абсолютно спасительным и абсолютно быстрым путем. Пусть не заподозрят товарищи из Комсомола, что я этим набрасываю тень на пионердвижение и говорю, что мы можем повернуться к нему спиной. Это—чрезвычайно важный аппарат; он сейчас болеет многими болезнями, и надо задуматься над тем, как придать ему гибкость и помочь ему выполнить свое назначение. Но нельзя вследствие этого закрывать другие, широкие пути школьного воздействия на всю массу подрастающего поколения.

Есть, разумеется, чрезмерная подозрительность со стороны товарищей из комсомола, которые видят опасность не только там, где она есть, а берут под подозрение весь советский просветительный аппарат. Товарищ, который здесь говорил, очень ясно показал, что такое групповод, «а посему и потому, отправим его в тюрьму» (смех). Но, товарищи, это же неверно, нельзя себе так представлять дело, что воскрес классный наставник, который царя ждет, богу молится, а мы даем ему целый класс—веди эту группу, куда хочешь, хоть к эмигрантам за границу. Мы раньше так боялись слова «инспектор», что в 1922/23 году даже произносить это слово остерегались. А теперь вы сами говорите о том, что нужен инспектор, и ни с кем не делается обморока (голос: «Ко всему можно привыкнуть»). Инспектор—значит надзиратель. Но если человек хорошо надзирает, то это не значит квартальный надзиратель: это такой надзиратель, который нам нужен, и нечего бояться слов относительно классного наставника, так как это слово евангельское, а слово «групповод»—хорошее советское слово, то мы окрестим его именно этим словом и пусть он работает на пользу советской власти и социалистического строительства.

Сравним производство на любом заводе и производство в школе. На заводе весь персонал, весь человеческий экипаж этого завода работает над некоторыми объективными ценностями, которые выпускает завод. Все работают, а командный состав так и ставится как командный состав по отношению к нижестоящим в смысле иерархии, хотя и чрезвычайно ценным сотрудникам в деле обработки этого материала. А в нашей школе не так обстоит дело, потому что школа вырабатывает не рельсы и не сукно, а людей. Она должна из необработанного человека, из сырья, каким является ребенок, сделать обработанного,образованного человека. И здесь нужен величайший такт, потому что одно дело из болванки сделать какой-нибудь инструмент, а другое дело работать над живым человеком. Я считаю, что из особенностей этого производства вытекает необходимость самоуправления и активности ребенка. Все те правильные идеи, которые имеет Комсомол относительно самоуправления, относительно детской активности, должны быть целиком сюда внесены. Но давайте избавимся от того, что за всем этим невольно чудится,—от заявлений, что ребенка надо предостеречь от учителя, организовать его отдельно, чтобы он сопротивлялся вредному влиянию этого послед-

него. Это—точка зрения, на которую мы стать не можем. Если бы она не была основана на чрезвычайном преувеличении, то пришлось бы признать положение близким к отчаянию, потому что одной организацией детей добиться ничего нельзя.

Много тут говорили, и правильно говорили о том, что, несмотря на провозглашение культурной революции, еще не видно, чтобы что-то сдвинулось и сильно изменилось. Я знаю, что официально весна начинается с марта, и то, что сейчас мы подходим к маю, а весны все нет, весна поздняя, не значит, что мы должны жить так, как перед декабрем, и что на самом деле вернулся декабрь. Провозглашение лозунга культурной революции, проведение его в жизнь идет со стихийной силой и не зависит ни от кого в отдельности. Правда, от многих людских воль зависит, чтобы процесс шел более скоро, но остановить его никто не может. Те соображения, которые я высказал в начале моего доклада, соображения о том, что без чрезвычайного ускорения темпа культурного развити в стране мы не можем итти вперед,—они бесспорны. После шахтинского дела может случиться еще и еще какое-нибудь дело, и будут нас щелкать по лбу, пока мы не поймем, откуда это идет, пока мы не поймем, что это идет от нашей некультурности. Пока мы слова, сказанные Лениным и повторенные в чрезвычайно яркой форме т.т. Рыковым и Сталиным, не вберем внутрь себя, до тех пор нас будут щелкать. А мы не хотим, чтобы нас щелкали, и говорим: нельзя больше медлить. Об этом говорит история, об этом говорит властным голосом сама стихия общественного развития, она поддерживает наш голос. Но то, что наш парус напружен попутным ветром, не значит, что мы можем заснуть и ничего не делать. Наоборот. Я кончаю призывом к тому, чтобы мы все взялись за развертывание огромной кампании по провозглашенному партией лозунгу культурной революции для того, чтобы как можно большие массы и как можно более глубокими формами сотрудничества суметь связать вокруг него. Идемте навстречу общественности, будем организовывать, разрабатывать программы такого рода воздействия на общественность, и будьте уверены, что не всегда будет такая ненастная погода и что майское солнце настоящей культурной революции нам улыбнется (аплодисменты).

ВОПРОСЫ ОРГАНИЗАЦИИ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ.

Доклад В. Н. Яковлевой.

Товарищи, я не думаю следовать тезисам своего доклада. Я надеюсь, что вы их уже читали, и поэтому остановлюсь лишь на 4—5 вопросах, которые мне кажутся основными и о которых вынуждает говорить практика нашей работы. Я не буду останавливаться также на целом ряде практических предложений, потому что они довольно подробно намечены в тезисах. То, что вам кажется неправильным, вы исправите, то, что кажется неосвещенным, вы дополните в прениях. Мне бы хотелось остановить ваше внимание на нескольких крупнейших вопросах. Первым таким вопросом я считаю инспектора и его работу. При этом я не буду останавливаться на материально-правовом положении инспектора. Об этом все, что нужно, сказано в тезисах, и к этому вы опять-таки внесете дополнения и критику. Мне бы хотелось поговорить о существе работы инспектора, его обязанностях, функциях и о том, из чего фактически складывается его работа. Я прежде всего остановлюсь на низовой инспектуре. Я буду считать установленным, что для всех нас совершенно ясно то обстоятельство, что инспектор—это прежде всего помощник нашего низового просвещенца, руководитель его работы в лучшем смысле этого слова, а отнюдь не командир, не администратор. Инспектор—это не тот, кого боятся и от кого со страхом скрывают все дефекты своей работы, а тот, кого рассматривают, как друга, советчика, выявляющего недостатки работы для того, чтобы дать указания о том, как их исправить. Я хочу остановиться на работе низовой инспектуры с точки зрения характера той работы, которую она должна выполнять, и с точки зрения того, что нам надо исправить для того, чтобы она была действительно руководительницей и организатором массовой просветительной работы в районе или участке. Сейчас, когда просматриваешь отдельные статьи в наших местных журналах по вопросу о работе низового инспектора, то прежде всего встречаешь огромное число жалоб на то, что инспектора по целому ряду мест загружены административно-хозяйственными функциями, т. е. в их лице на местах хотят осуществить уоно в маленьком масштабе, ходячий наркомпрос. С этим надо энергично бороться. А мне кажется, что основной выявленной линии по этому вопросу у нас нет. В каждом месте строят работу по своему, живут на свой образец и идут часто по линии наименьшего сопротивления. Таким-то образом на инспектора и возлагается работа общего порядка. Нам надо держаться тех правительственных установлений и положений, которые имеются по этому вопросу, надо добиться, чтобы все администрирование в районе ложилось на райисполком, а в нерайонированных областях—на вик. Инспектор от административно-хозяйственных обязанностей должен быть освобожден, и все техническое оформление этого администрирования должно осуществляться аппаратом вика или рика, а отнюдь не наваливаться на плечи инспектора, потому что в противном случае он не сможет ничего дать нашей низовой сети и не будет в состоянии руководить работой наших просветительных учреждений непосредственно.

Мне кажется, что нам надо во что бы то ни стало добиться того, о чем мы много говорили, но не провели в жизнь—выделения в составе вика и рика члена, заведующего делом народного образования.

Ведь он должен быть и тем лицом, которое формально отвечает за дело народного образования. Инспектор при всех этих членах советов должен быть консультантом, советчиком, тем, который освещает работу просветительных учреждений, который выявляет при составлении бюджета те нормы, которые должны быть приняты; инспектор должен заниматься планированием работы в районе, в смысле организационном, т. е. в смысле определения сети к каждому году, но отнюдь он не должен ни составлять бюджета, ни отвечать за этот бюджет перед соответствующими ОНО и перед советской властью вообще. За дело народного образования, за бюджет народного образования должен отвечать вик или рик, но отнюдь не инспектор. Между тем, мне кажется, что у нас есть в этом отношении несколько другой подход. Мы стремимся сделать инспектора во всем объеме отвечающим за дело народного образования, за слабость бюджета, за недостаточность материальной базы просветительных учреждений и т. д. Такая склонность у нас есть, хотя инспектор и не везде так рассматривается, но все же такая линия намечается. Если мы его погрузим в это дело, если мы его сделаем маленьким ОНО в зачаточном виде, мы его совершенно погубим, как руководителя низовой просветительной нашей сети. С этой точки зрения мне кажется неправильной та инструкция, которую разработал Главполитпросвет для своих низовых участковых и районных инспекторов. В инструкции есть пункт 2-ой, который, по моему, совершенно определенно выявляет линию на инспектора низовой политпросветработы, как на администратора-организатора в своем районе. Во 2-м так сказано: «По мере того, как растут местные бюджеты, районному или участковому инспектору, в целях наилучшего отстаивания интересов политпросветского бюджета, необходимо хорошо знать весь местный бюджет, знать, сколько дается на всю работу по народному образованию, сколько дается на политико-просветительную работу. Инспектор должен также знать, как растет бюджет, на какие прибавки в ближайшие пять лет можно рассчитывать для политико-просветительной работы по районному бюджету и бюджетам сельским и как их лучше израсходовать (на расширение сети, поднятие бюджетов имеющихся учреждений и т. п.). Иными словами, каждый инспектор по политпросветработе должен иметь хотя бы небольшой план развития политпросветработы на 5 лет для района или участка.

Так же тщательно инспектор должен учитывать все то, что дается на политпросветработу из округа или уезда в форме ли кредитов или книг, все то, что дается кооперацией, обществом «Долой неграмотность» и другими организациями».

Действительно, инструкция в одном лице объединяет и финотдел, и сметный отдел и т. д. Это немыслимая история. Это есть отрыжка райполитпросветорганизаторов и совсем не уточняет задачи райполитпросветинспектора, как руководителя содержанием работы наших политпросветучреждений. Мы должны, мне кажется, отказаться от такой установки и считать, что основной задачей инспектора является руководство работой политпросветучреждений со стороны их содержания. Из этого определения работ инспектора совершенно ясно вытекают те требования, которые мы должны предъявлять к нему, как к работнику именно такого типа. Это, следовательно, должен быть методически вполне грамотный человек, с достаточным опытом в педагогической работе соответствующего типа учреждений. Стихийно у нас уже складывается такой подбор инспекторов, потому что нас толкает к этому сама жизнь и требования низового работника. Но линии у нас на это отчетливой нет, и подбираем мы инспекторов не всегда с этой точки зрения. И опять-таки нужно сказать, что и у нас в центре достаточно отчетливо эта линия не проведена. Та же инструкция Главполитпросвета содержит такую фразу: «Если инспектор

не имеет педагогического образования, ему следует избегать непосредственного вмешательства в методическую часть работы ликпункта или школы малограмотных».

Конечно, если не понимаешь,—не лезь. Но нужен ли такой инспектор, для которого первый совет—не лезть в учреждение, потому что ты там ничего не поймешь? Вот эта ставка на инспектора, как на райполитпросветорганизатора, как на администратора,—она нам не нужна и в особенности не нужна по линии политпросветработы, где, как мы знаем, работа чрезвычайно слаба, и наши политпросветительные учреждения чрезвычайно нуждаются в методической помощи. Инспектор-методист нужен нам и здесь, и он должен охватывать всю работу, начиная с ликпунктов и школ малограмотных. Следовательно, нам совершенно необходимо в ближайшее время взять линию на такой подбор инспектора—будь то политпросветинспектор, или инспектор соцвоса, в результате которого мы получили бы кадр людей, имеющих педагогическое образование. Кроме того, мы должны предъявлять к нему требования некоторого практического стажа. Может быть разный стаж. Я думаю, что тут нельзя давать какой-то шаблон. Это зависит иногда и от индивидуальных качеств, но все-таки определенный стаж педагогической работы и некоторая опытность у него должны быть. Вот, по моему, те требования, которые мы должны предъявить к работе нашего инспектора. Тут я хочу сделать некоторую оговорку. Я прошу вас, чтобы вы не поняли мое замечание относительно инструкции Главполитпросвета, как злостный выпад. Мы только еще строим методологию инспекторской работы, мы работаем над определением типа инспектора, мы стараемся все это сделать согласованно с практической жизнью, и поэтому здесь нужен максимум внимания и максимум критического отношения ко всему тому, что мы в этом отношении пишем. Поэтому коллегия Наркомпроса полагает, что все те инструкции, которые мы до сих пор создали по этому поводу, должны быть самым тщательным образом проработаны на нашем съезде, и в результате этой проработки должно последовать изменение некоторых из них. Это необходимо потому, что это дело новое, и здесь максимальная свобода в обсуждении всех этих вопросов чрезвычайно необходима. Поэтому в целом ряде вопросов, связанных с инспекторской работой, с методологией инспекторской работы, мы и у себя, в коллегии Наркомпроса, имеем расхождения. Если они не отразились в тезисах, то в докладе я хочу их осветить, ибо мы должны все это внимательнейшим образом проработать, учесть те мнения, которые имеются на местах, и затем уже прийти к некоторым общим формулировкам. Во всяком случае, общие тенденции и линии мы должны наметить. Конечно, отсюда не вытекает, что мы по всем вопросам должны дать определенные, навсегда установленные формы, или готовый шаблон. Но с общими установками, тенденциями и линиями мы отсюда должны выйти.

Если мне кажется неправильной установка инструкции Главполитпросвета, то установка Главсоцвоса на своего низового инспектора, по моему мнению, отвечает действительным требованиям, которые предъявляет жизнь и низовой просвещенец к типу инспектора. Правда, эта установка Главсоцвосом еще не выявлена в инструкции. Но в последнем номере жур. «Народное Просвещение» № 4, который вы имеете у себя на руках, есть статья т. Эпштейна, которая дает эту правильную установку. Она предъявляет требования к низовому инспектору соцвоса, как к старшему педагогу и руководителю школы, и это правильно. Он должен быть проводником того педагогического единства, которое мы установили с введением стабилизованной программы. Дальше указывается на то, что он должен знать общую принципиальную педагогическую установку, выявлять все конкретные детали учебной работы, которые выдвигаются

опытом массовой педагогической работы в его районе, и своими конкретными указаниями должен быть полезным низовому учителю. Вместе с тем он должен стоять в центре методической работы учительства данного района, выявляя опыт его работы, и принять меры к тому, чтобы путем коллективной работы учительства направлять педагогическую работу в своем районе по правильному руслу. Такая установка—наиболее правильная.

В отношении низового инспектора у нас есть еще одно расхождение, которое мне хотелось бы перед вами осветить. Это—вопрос об институте старших инспекторов, прежде всего в районе, потому что для участка этот вопрос ставится иначе, так как там по разным территориальным принципам мы подбираем инспекторов школы соцвоса и политпросвета. Для политпросвета назначается один инспектор на 2 волости, а инспектор соцвоса назначается по количеству учреждений. По этому вопросу у нас разгорелся спор. Правильно ли, чтобы из двух инспекторов на низу—соцвоса и политпросвета—один был старшим, или нам не нужно вводить подчинения одного другому, а, наоборот, нужно, чтобы каждый был самостоятельным в своей работе, подчиняясь вику или рику? Коллегия Наркомпроса большинством высказалась за то, что нужно держать линию на институт старших инспекторов. Мы считали, что это необходимо, потому что нужно, наконец, все больше и больше связывать в единую цепь все отрасли народного образования, а не заставлять их разбиваться на какие-то отдельные ручейки, иногда даже не впадающие в единое русло. Мы думаем, однако, что эту линию нужно проводить очень осторожно и постепенно. Например, немыслимо делать старшим инспектором беспартийного инспектора соцвоса, как бы высоко он ни был квалифицирован методически; с другой стороны, совершенно невозможно сделать старшим инспектором партийного инспектора политпросвета, если он методически не квалифицирован и не может руководить по существу работой своих товарищей. Этот институт мы можем проводить в жизнь только по мере того, как мы будем подбирать политически и методически квалифицированных инспекторов. По этому вопросу нам было бы крайне интересно знать мнение съезда.

Что касается высших звеньев инспекторской работы ,то мне кажется, что в тезисах в общем освещено все необходимое по линии взаимоотношений между нашими отделами народного образования и все необходимое относительно типа инспекторов. Здесь я хочу осветить перед вами вопрос об отношении уоно к повышенной школе соцвоса. Мне хотелось бы знать по этому поводу мнение местных работников. То расхождение, которое у нас имеется по этому поводу, не отражено в тезисах. В тезисах сказано только, что трудностей в размежевании много, что, с одной стороны, эти школы находятся в административном и хозяйственном подчинении уездных органов, а с другой стороны, в отношении методического руководства они подчинены вышестоящим органам, губернским. Нам нужно знать мнение съезда по этому вопросу. В первоначальном проекте тезисов было еще одно предложение. Была фраза о том, что в нерайонированных местностях губоно должны вести линию на систематическое укрепление уездных отделов народного образования, такое укрепление, которое в конце концов дало бы возможность, исполняя один из пунктов постановления правительства о разграничении прав местных органов, затем постановлением губисполкома возложить и методическое руководство повышенными школами также на уездные отделы народного образования, т. е. таким образом объединить руководство в одном месте. Коллегия Наркомпроса эту мысль из тезисов вычеркнула, но вместе с тем предложила мне осветить это в докладе, чтобы в этом отношении выявить и требования самой жизни, и мнение съезда. Мне кажется, что указанная мной линия вызывается просто сложностью работы, сложностью жизни

и тем обстоятельством, что наши губоно, охватывая огромную территорию, не в состоянии обслужить достаточно постоянным методическим инструктажем не только письменным, но и устным всю сеть повышенных школ губернии. Это затрудняет методическое руководство со стороны губоно. Вместе с тем практика всей жизни и практика административного руководства школой повышенного типа не позволяет уездным отделам народного образования совсем отгородиться от вопросов методического руководства этими школами.

Ну, скажем, такой случай, который в практике истекающего учебного года бывал, к сожалению, нередко. Я говорю об осложнениях в наших школах повышенного типа с учащимися, осложнениях, доходивших до забастовок. Забастовка—что это такое? Это не просто такое явление, которое административными приказами можно уничтожить. Оно вытекает из методической постановки дела в данной школе, из целого ряда моментов, которые представляют собой сумму вопросов методической стороны жизни школы. Что же в этих случаях уездные ОНО сложат руки и будут ждать, когда к ним приедет инспектор из губернского отдела народного образования? Ведь в практике нашей жизни этого быть не может. А если бы до этого и додумался какой-нибудь уоно, то это было бы нехорошо, и за это поведение его нельзя было бы похвалить. Ясно, что уоно придется вмешиваться во всю учебную постановку этой работы.

Вот те обстоятельства, которые вынудили меня предложить коллегии эту мысль. Коллегия тем не менее решила, что не время еще выдвигать эту задачу, так как наши уоно очень слабы и от них нельзя ждать ответственности за методическую постановку в школах, что наша школа может от этого еще больше пострадать. Мне же кажется, что может быть на бумаге у нас и записано такое размежевание между губоно и уоно, но на практике, в действительной жизни, вряд ли оно имеется. Мне кажется, что, бы ни было записано на бумаге, уоно стоят ближе к школам повышенного типа, чем губоно, и фактически уоно являются руководителями этих школ. Вы скажете в прениях, какую линию, по вашему мнению, нужно взять.

Следующий вопрос, который вызвал споры в коллегии Наркомпроса, это был вопрос о типе инспектора соцвоса в губернских и краевых ОНО; пожалуй, это даже вопрос не о типе инспектора соцвоса, а о типе инспектора по школам II ступени. По какому принципу их подбирать? Вообще говоря, когда поглубже вдумаешься в этот вопрос, выходит, что спор довольно схематичный. Сущность этого дела такова. Нужно ли нам подбирать инспектора школ II ступени в губернских и краевых ОНО по типу самой школы: инспектор по школе крестьянской молодежи, по школе ФЗС, инспектор по уклоновой школе, или, напротив, нужно считать, что каждый из инспекторов школ II ступени является инспектором по всем типам школ II ступени—и по ФЗС, и по школе крестьянской молодежи, и по уклоновой школе, но каждый из них инспектирует по определенному циклу дисциплин—по точным наукам, естествознанию, по физико-математическим дисциплинам, по обществоведению и т. д.? Вот такого рода стоял вопрос. Мне кажется, что нам практичнее иметь инспекторов специалистов по циклам дисциплины, причем они должны инспектировать все школы II ступени всех типов. Мне кажется, что такому инспектору будет гораздо легче ориентироваться в методической постановке школы. Другие товарищи считают, что хотя и нужно, чтобы каждый из инспекторов был специалистом по тем или иным циклам дисциплины, но вместе с тем нужно, чтобы он прежде всего был инспектором по данным типам школ. В конце концов, пожалуй, даже нет большой разницы в этих двух вариантах.

Теперь мне хотелось бы перейти к той части инспекторской работы, которая является настоящим существом работы инспектуры—к организации методической работы. Мы в общем довольно много писали и говорили по этому вопросу. Мы выполнили фактически большую методическую работу внутри наших ОНО, внутри низовых наших просветительных аппаратов, но вместе с тем мы никогда не занимались отчетливо вопросами организации методической работы. Мы написали соответствующее положение, проводили его в жизнь, но если вы спросите себя по чистой совести, имеет ли каждый из вас точную картину организации этой методической работы у себя в губернии, в крае или округе, то, думаю, должны будете ответить отрицательно. Не о том вы не сумеете ответить, что делается у вас в центральном методическом совете, а о том, как организована сеть методических органов сверху донизу, как она работает, чем она живет и каково содержание ее работы. В этом смысле, мне кажется, вы вряд ли можете четко ответить на этот вопрос. Нужно сказать, что и у нас в Наркомпросе такого ясного представления нет. Готовясь к этому съезду, мы и вам послали целый ряд запросов на эту тему и произвели целый ряд обследований организации методической работы на местах. Можно только пожалеть, что именно это обследование удалось выполнить в сокращенном размере и мы захватили сравнительно небольшое количество объектов, меньше, чем это должно было быть. Но тем не менее и это обследование дает достаточно яркую картину, и яркость этой картины прежде всего заключается в чрезвычайной ее пестроте. Это, действительно, какое-то лоскутное одеяло.

Прежде всего остановимся на структуре наших местных методических органов. Вы знаете, конечно, и старое положение и новое положение об организации методической работы: последнее издано в декабре 1927 г. и сильно упрощало всю эту структуру. Что же мы имеем на местах? Оказывается, что развернутую картину всего этого методического аппарата мы имеем только в наших крупных центрах—в Московской губернии и в Ленинградской области, при этом даже не в Ленинградской области, а лишь в той части Ленинградской области, которая является бывшей Ленинградской губернией. Тут налицо и методический совет, и низовые органы, и секции в каждом окружном методическом совете и т. д. Правда, в Москве положение несколько иное. Здесь выпадает одна инстанция—райметодкомиссия и волметодкомиссия. Они или вовсе не существуют, или же фактически их существование сводится к выполнению функций советов опорных учреждений. Что же касается других территорий, то здесь мы имеем совершенно выявленное высше езвено—методорганизацию губернии или края и низшее—низовое методическое объединение, хотя и они в разных местах имеют различное содержание работы, хотя и они в одном месте слабее, а в другом сильнее. С другой стороны, почти повсюду не существуют уметодбюро и уметодсоветы; они почти повсюду выпали еще до того, как было написано декабрьское положение, которое предполагает уже не обязательной их организацию. Эти методсоветы, даже там, где они существуют, в большинстве случаев довольно слабы и только в некоторых местах представляют собой более или менее сильную организацию. Таким образом можно сказать, что декабрьская директива коллегии Наркомпроса относительно исключения этого звена правильна: надо только не слишком буквально проводить ее в жизнь, как это кое-где выявило обследование, и не уничтожать уметодбюро там, где они оказались жизненными. Такая линия была бы неправильной. Там, где уметодбюро доказали свою жизненность, там их надо оставить, не к чему придерживаться буквы схемы. Совершенно несомненно также, что мы можем исключить то звено нашей структуры, которое называется райметодбюро или волметодкомиссия. Они практически и фактически

никогда не существовали и в лучшем случае представляли собой советы опорных учреждений.

Особенно интересна схема методорганизации в бывшей Ленинградской губернии. Она особенно интересна тем, что это не только схема, а живой организм, функционирующий и живущий. Каковы же особенности этой схемы? Вначале—все, как во всех областях: областной совет, окружной, затем районный вместе с опорными школами; дальше структура чрезвычайно интересна: кроме обычных опорных школ в районе существует повсюду подопорная школа, вокруг которой группируются кустовые, как их называют, или групповые методические объединения низового учительства. Таким образом, кроме опорных школ имеется еще один низовой этаж—подопорная школа, которая практически организует вокруг себя низовую методическую работу учительства. Кое-где, в больших районах с большими расстояниями, кроме подопорных школ, имеются еще контрольные школы. К сожалению, материал не дает возможности полностью выявить тип этого учреждения: не поймешь, что это такое—не то своеобразное название еще более низшей опорной школы, не то это такая школа, которая у себя с особой тщательностью проводит те или иные методические задания. Во всяком случае, такая разветвленная схема низовой методической сети представляет собой чрезвычайный интерес. Обследование показало также, что опорные школы, районные и волостные, суть учреждения жизненные, они привились. Правда, не везде эти школы одинаково хороши, не везде полностью выполняют те задачи, которые на них возложены. Эти задачи, как вы знаете, с одной стороны,—организация методической работы низового учительства данного района, с другой—показ этой методической работы, разрешение ряда вопросов преподавания на практике районной школы. Приходится сказать, что большинство наших районных опорных школ до этого второго этапа не доросли—они не дают показа. Но надо сказать, что они на пути к тому, чтобы этот показ давать; нужна только помощь в смысле подбора персонала и некоторого повышения оплаты и в смысле улучшения материальной базы, которое дало бы им возможность несколько обрасти оборудованием, чтобы организовать лучший показ.

Второе учреждение, которое вросло в жизнь и должно в ней остаться,—это районные волостные конференции. Они повсюду привились, они должны развиваться, им надо только помогать, планируя их работу.

Когда я говорила об опорных учреждениях, то надо принять во внимание, что только один раздел этой работы, а в этом разделе только один участок обслужен как следует опорными школами: это—первая ступень школ соцвоса. В остальных местах мы опорных учреждений не имеем, или имеем только первые шаги в этом направлении. В этом отношении значительно продвинулся политпросвет, который такие опорные учреждения имеет, хотя их лицо и функции не всегда выявлены достаточно четко. Что мы не имеем опорных учреждений по всем типам—это большой минус в работе; надо найти возможность организовать эти учреждения. Несомненно, что это гораздо более сложная и трудная задача в виду разнообразия учебных заведений, но тем не менее надо взяться за разрешение этой задачи, ибо ставка на аппарат, которую мы до сих пор делали, нам не поможет. Без опорных учреждений наш аппарат не в состоянии провести постоянное, систематическое методическое руководство нашей сетью. Наши глаза обращаются к педтехникумам.

Товарищи, сколько лет мы говорили о том, что педтехникумы могут и должны стать центром методической работы? В настоящее время наши педтехникумы, как выявило обследование, в большинстве случаев представляют собой местами очень хорошие участки методической работы, у которой массовые просвещенцы могло бы кое-чему поучиться, но они

эту работу ведут в большинстве случаев сами для себя и в методическую работу данного района совершенно не вливаются. В лучших случаях отдельные работники педтехникума участвуют в деятельности методсовета окружного, губернского или уездного. Но мы не имеем таких фактов, чтобы педтехникум стал центром, рабочим аппаратом методической работы. Это бывает только там, где при педтехникуме организуется кабинет учителя или педагогический кабинет. Там методическая работа ОНО начинает перематываться на этот педтехникум, а методсовет остается, как это и следует быть, только планирующим и руководящим органом, вся же черновая работа проделывается педтехникумом. В отдельных случаях кабинеты учителей создаются не при педтехникумах, а вне их. Это, конечно, неправильно.

Мы сами заинтересованы в том, чтобы включить техникумы в общую систему нашей работы.

Теперь, как вы видите из моего упоминания, у нас за эти годы выросли зародыши ячеек и аппаратов методической работы в виде кабинетов учителей, педагогических кабинетов и кабинетов политпросветработы. Они чрезвычайно слабы; ОНО очень мало обращают на них внимания, но не подлежит сомнению, что это—вещь, которая должна стать центром внимания. Мы должны ставить ставку на то, чтобы постепенно методическую работу из аппарата вывести в учреждения, потому что только тогда, когда эта организация соберет вокруг себя учительский актив, она будет действительно осуществлять ту коллективную методическую работу, которая нам до зарезу необходима.

Лучший образец мы находим опять-таки в бывшей Ленинградской губернии. Этот образец, по моему, может сделаться нашим идеалом, к которому мы постепенно должны подходить. Мы здесь имеем действительное планирование работы всей системы методорганов и учреждений.

Из Ленинградского областного ОНО даются на год, на полугодия и на кварталы определенные задания по планировке этой самой работы. Они через окружные отделения, применительно к районам, передаются в районы и затем проходят через густую сеть низовых методических объединений учительства. Эта работа выполняется к определенному сроку и затем через опорную районную школы выполненные задания передаются в окроно, а будучи суммированы в окроно—в областной ОНО, который на этой основе, на основе проработки, произведенной низовыми звеньями, концентрирует и дает уже методическую директиву, обобщая опыт местной работы.

Есть и еще один плюс в этой работе.

Эта методическая директива, если она мало-мальски нова в принципиальном отношении, проходит через соответствующую окружную или областную конференциию. Тут мы имеем такую постановку дела, при которой методическая работа областного центра впитывает в себя весь опыт мест, опыт низового учительства, весь опыт массовой низовой работы.

Такую постановку нужно рекомендовать для всех ОНО, ибо всюду нужно суммировать опыт коллективной работы учительства, ибо только при этом условии методическая работа даст соответствующие результаты. Надо признать, конечно, что эта работа там так хорошо поставлена отчасти потому, что ленинградское учительство—педагогически сильное учительство. Это облегчает работу ОНО. Но, товарищи, здесь все же видны тенденции, видна линия, которую ОНО упорно развивал, и в конце концов он добился нужной постановки дела.

Видим ли мы упорство в проведении таковой же линии во всех ОНО? Нет. Здесь имеет место чрезвычайная пестрота.

Для того чтобы дать представление о другом полюсе, можно привести к примеру постановку работы в Брянской губернии. Я привожу эти примеры не для того, чтобы сделать кому-то неприятное или приятное. Я думаю, что мы заинтересованы в том, чтобы объективно разобраться во всех этих вопросах и для самих себя наметить пути нашей дальнейшей работы.

В Брянской губернии мы имеем образчик аппаратной работы. На местах чрезвычайно слабы опорные школы; вокруг них очень слабо поставлена методическая работа учительства. Опорные школы даже как будто не отдают себе отчета в том, зачем им нужно организовывать методическую работу учительства. Низовые методические объединения предоставлены сами себе. Они собираются потому, что принято собираться. Но работа их совершенно беспомощна, она идет над случайными вопросами, мало целесообразна, ибо не дает практических результатов. В сущности при такой постановке у учительства только зря пропадает время на собрания низовых методических объединений. Опорная школа ими не руководит. С другой стороны и методические директивы разрабатываются в недрах губметодсовета без учета опыта массовой коллективной работы учительства. И другая характерная черта: по положению в губметодсовете участвуют практические работники; в Брянской губернии в большинстве случаев практические работники губметодсовета не посещают, и вся работа ведется силами аппарата, силами инспектуры. Она не развивается на опыте низовой практической работы, она развивается без учета ее потребностей и проводится не как результат коллективной работы, а в порядке административного распоряжения, как и любое другое распоряжение ОНО.

Я думаю, что нам нужно взять линию на ленинградский тип работы и отойти от аппаратного типа построения методической работы. Нам нужно сказать сейчас, что эта постановка нецелесообразна, она требует огромное напряжение сил у аппарата и при этом не может явиться действительной помощью для низовых просветительных учреждений.

Еще один момент хотела бы я отметить в области организации методической работы—вопрос о краеведении. Мы уже довольно давно об этом говорим, но мы до сих пор не сумели по настоящему поставить внедрение краеведческого материала в методическую работу.

И опять-таки здесь нам есть чему поучиться на опыте Ленинградской губернии. Там мы находим чрезвычайно интересные вещи. В отдельных районах изданы краеведческие сборники, которые выявляют нужный учительству краеведческий материал для его работы в школе, материал достаточно полный. Эти сборники помогают и учителю в его практической работе, и помогают планировать и наполнять местным материалом всю практическую работу политпросветучреждений. Это—лишь первый опыт, и в Ленинградской губернии он проводится совершенно не систематично. Это—первое достижение одного или двух районов.

Наряду с этим имеют место такие факты, которые показывают, что наши ОНО не дорожат своей собственной краеведческой работой и не умеют ее ценить. Такой случай имел место, например, в Архангельской губернии. Там губметодбюро проделало чрезвычайно большую работу по локализации программ. Прекрасную работу проделало, получило одобрение Гуса. А потом, когда в практике работы губоно почувствовал, что программа слишком широка, и губметодсовет пришел к необходимости некоторого сокращения ее, то из программного материала он вычеркнул все то, что он ввел раньше в порядке локализации программы, оставляя в неприкосновенности центральный материал. Таким образом губметодсовет сам зачеркнул свою ценнейшую работу в этом отношении. Это говорит о том, что задача локализации общего методического материала, краеведческая работа, не вошла еще вглубь нашего сознания и мы ею охотно, чрезвычайно охотно, жертвуем.

Мы не раз уже говорили на съезде, и те товарищи, которые присутствовали на заседании коллегии Наркомпроса по вопросу о программах Гуса, отмечали, что как-то плохо мы умеем проводить донизу методические указания и что они почти не доходят до низового учительства, до низового просвещенца. Какое огромное количество литературы мы выпустили за это время—целый поток! Но обследование говорит, что наша литература не читается. Куда она идет? как ее используют? Некоторые товарищи не хотят мириться с тем, что нашу методическую литературу не читают, и отрицают правильность этого утверждения. Но последнее обследование дало чрезвычайно прискорбную картину в этом отношении и подтвердило, что материал действительно не доходит до низового учителя. Правда, более крупные центры, очевидно, более методически подготовленные, литературу эту читают: например, в Москве распространен «Вестник просвещения»—журнал Моно и т. д. Но целый ряд методических писем Главсоцвоса и Моно до учительства и здесь не доходит. Совершенно определенно выявляется картина, что рядовой учитель не привык пользоваться методической литературой и не знает, как к ней подойти. Наша опорная школа еще не привлекла и не приучила учителя к чтению методической литературы.

Вот что нашли обследователи в Брянской губернии, в Алешковской школе (это—районная школа). В ней имеется педагогическая библиотека, в которой есть вся основная педагогическая литература, журналы и пр. Но эта библиотека не имеет читателей, хотя на расстоянии 10—15 верст по радиусу имеется 5—6 школ I и II ступени. На вопрос обследователя—показать списки читателей, библиотекарь прямо отвечает: «списков нет, так как читателей нет». В другом месте точно такое же положение. Журналы «На путях к новой школе», «Народный учитель», «Вечерние курсы на дому» и т. д. в большинстве случаев стоят в шкафах наших школ неразрезанными. Это показывает не только последнее обследование: всякое наше непосредственное соприкосновение с рядовым учительством говорит о том же. Мне лично также приходилось встречаться с таким явлением. Когда спрашивают учителя, почему он не читает литературы, он жалуется на то, что «очень много педагогических указаний, не знаешь, за что и взяться». Затем учителя говорят, что их сбивает то обстоятельство, что по одному и тому же вопросу в разных книжках пишут совершенно по разному. «Одни говорят: т а к лучше; другие указывают другое, и не знаешь, какая точка зрения более правильна». В конце концов, мало-опытный и неквалифицированный учитель чувствует себя как в девственном лесу; и мало-по-малу у него отпадает всякая охота читать.

Есть три «слишком», на которые жалуется наш учитель: 1) «слишком» много литературы, 2) «слишком» по разному написано, 3) «слишком» общее. О последнем «слишком» уже говорил т. Эпштейн и говорил совершенно правильно. Нужно больше конкретных указаний. Учитель ищет, к а к лучше проработать тот или иной материал, к а к вести работу с 2—3 группами, к а к разработать ту или иную тему. Мы в этом отношении еще слишком слабо идем навстречу учителю. Правда, некоторые товарищи возражают против таких конкретных указаний, называя «показ» скверным методическим приемом. Я также против «показа» инспектора в чужом классе, я также против «показа», как методического шаблона. Но освещать в прессе тот или иной конкретный прием проработки той или иной темы нам абсолютно необходимо. Может быть с высоты общеметодических соображений это и плохой прием, но что поделаешь, если наши хорошие приемы непосильны учительству. Нужно, очевидно, начинать с чего-то другого, более простого и затем уже поднимать учителя на большую методическую высоту. Часто наши местные журналы не читаются учительством, потому что они слишком общи, потому что вы вы-

являете в них слишком мало опыта ваших школ. Ведь в практике школы есть уже много хорошего, но вы на страницах журнала не показываете или мало показываете, как учитель работает в действительности. На это учитель и жалуется. Мне кажется, что нам надо сойти с методической высоты на методическую землю и пока по ней походить, а потом уже постепенно подниматься на более высокий методический этаж. Только таким путем мы сумеем помочь учительству усвоить полностью программу Гуса. Как ребенок учится ходить постепенно, так и мы не сразу можем преодолеть все стоящие перед нами трудности работы.

На этом я заканчиваю ту часть своего доклада, которая говорит об организации методической работы.

Какой же вывод можно сделать отсюда? Можно сказать, что мы еще не поставили этой самой методической работы так, как мы с вами хотели бы ее поставить и как ее нужно поставить, чтобы она была настоящим орудием повышения уровня работы наших низовых просветительных учреждений. Очевидно, мы заинтересуем учительство нашей педагогической литературой только тогда, когда мы сумеем втянуть его в к о л л е к т и в н у ю методическую работу и когда эта коллективная методическая работа будет порождать в учителе потребность чтения методической литературы и будет учить его, как этой методической литературой пользоваться. Я думаю, что союз работников просвещения нам в этом деле должен особенно помочь. Нужно, чтобы союз работников просвещения вел кампанию за то, чтобы учитель, низовой просвещенец вообще, в этой методической работе о б я з а т е л ь н о участвовал, чтобы союз разъяснял просвещенцу, что ему ничто другое не может заменить этого участия в работе низового методического объединения. Никакое заочное обучение, никакое индивидуальное повышение квалификации не заменит ему этой коллективной работы над определенным методическим заданием, которое перед ним каждый новый год заново встает и которое он может осуществлять все лучше и лучше, лишь делясь опытом своей работы и заимствуя полезное из чужого опыта.

Я думаю также, что постановка и организация методической работы по тем же причинам должна на ближайшие годы встать в центре внимания и отделов народного образования.

В заключение я хочу вам привести любопытную деталь о том методическом материале, который попадает в наши школы. Один из обследователей собрал сведения о методической переписке в нескольких районных школах. В одну из школ поступило довольно много корреспонденции: 26 номеров входящих за этот год. Но из этих 26 номеров только 7 представляют из себя методические указания; все же остальные—организационные или организационно-педагогические в лучшем случае. В другой школе, на этот раз в рядовой школе, имеются указания и о крестьянском займе, и о перевыборной кампании, и только один номер есть о подготовке к учебному году. Все обнаруженные в школах методические указания занимают по одной страничке, по полстраничке, по одной четвертушке, по одной восьмой. Вот каким материалом живет наша школа, вот что до нее из наших указаний доходит. Один обследователь в Ярославской губернии взял себе задачей проследить путь одного какого-нибудь методического письма Главсоцвоса и узнать, в каком виде оно доходит до опорной школы. Он взял самое простое письмо о значении Толстого в связи с его юбилеем. Указание было дано Главсоцвосом на 4 страницах. На 2 страницах оно пришло в уездный методсовет. Ввиду того, что трудно было его размножить, его сократили и разослали в еще более сокращенном виде. В опорные школы пришла уже одна страница. Но где же нашей школе рассылать такое письмо по массовым учреждениям в данном районе? Какой же там размножающий аппарат? И вот эта самая опорная

школа, в порядке упражнения в навыках, заставила учеников размножать этот циркуляр, и в конце концов до низовой школы дошло 5 строчек, из которых ничего нельзя было понять, кроме того, что будет юбилей Толстого. Никакого методического содержания там уже не оказалось. Таким образом на практике вопрос о том, как довести наши методические указания, которые являются очень ценными, до наших низовых учреждений, является весьма затруднительным.

Поскольку мы говорим о методической работе, как о помощи и руководстве с нашей стороны низовым просвещенцам, я хочу попутно сказать и о просвещенцах. Я разойдусь несколько с Анатолием Васильевичем, который говорил в своем заключительном слове: «Что же нам особенно говорить о низовом просвещенце, когда уже много раз об этом говорили». Не знаю, как на ваш взгляд, а мне кажется, что сейчас в нашей практике есть новые тревожные моменты, которые снова делают актуальным этот вопрос. Разве нам с вами ничего не говорят эти судебные процессы и те факты, которые имели место в таком центре, как Москва, факты, доводившие до самоубийства работников просвещения? Разве мы можем без тревоги пройти мимо того обстоятельства, что из-за небрежности наших органов, что иногда из-за такой фигуры, которую мы с вами считаем и хотим считать светлой фигурой в нашей просвещенской работе, из-за фигуры инспектора и в результате нажима этого инспектора, превращающегося в некоторых местах в худший тип администратора, происходят такие возмутительные случаи?! Это—позор не только для тех лиц, которые своей деятельностью привели к таким результатам. Эти факты несмываемым пятном ложатся на всю систему органов народного образования. Можем ли мы с вами, когда до крайоно, или губоно, или Наркомпроса доходят жалобы со стороны просвещенцев, можем ли мы поручиться, что не найдется какой-нибудь там Травианский, или кто-нибудь другой, который как следует не знает, что он может и чего не может? Я думаю, что мы с вами должны на этом съезде еще раз сказать, что упускать из своего внимания правовое положение просвещенцев нам все еще нельзя. Просвещенец проводит сейчас такую работу, которая политически нужна для советской власти и для компартии, и мы должны с вами защищать интересы этого просвещенца. Может случиться, что, когда Наркомпросу или вышестоящему ОНО в отдельном случае не все ясно в поступившей со стороны просвещенца жалобе, он и наступит несколько на ногу нижестоящему аппарату. Это все же лучше, чем не принять жалобы во внимание.

Некоторые из вас не раз меня упрекали, что, мы в Наркомпросе не всегда считаемся с вашими соображениями по поводу того или иного отдельного факта. Я чувствую большое огорчение, если хотите, когда мне это говорят, потому что для меня ОНО, так же как и для всего Наркомпроса, это часть Наркомпроса, и каждый заведующий ОНО—это такой же работник Наркомпроса, как и любой член коллегии Наркомпроса. Но, товарищи, может быть вы меня снова будете упрекать, но я все же должна сказать: ошибиться при множестве поступающих жалоб, конечно, возможно; поэтому, когда не все достаточно ясно и не все возможно выяснить, лучше наступить на вашу ногу и услышать лишний упрек от вас по своему адресу, чем, учтя полностью ваши мотивы, иногда неясно изложенные, отмахнуться от жалобы низового работника. Я знаю, что вас я со свету не сживу и вы меня не сживете: мы поругаемся, как свои люди—и только. А низового просвещенца мы сможем иногда сжить со свету и в конец отравить ему работу.

Я думаю, что в практике всех ОНО должно попрежнему стоять внимательное отношение к просвещенцу, ибо мы с вами знаем, какое значение партия и советская власть придают сейчас культурной работе, т. е. работе этого самого низового просвещенца.

Теперь, товарищи, я хочу еще остановиться на одном вопросе, который постоянно встречается в нашей практической работе,—на вопросе о районировании руководства.

Вчера тов. Барсуков в своей прекрасной речи говорил об этом. Он только дал этому иное название: он говорил о том, что требует от Наркомпроса большей конкретизации руководства. Но когда он указывал на то, как понимает это дело, то было совершенно ясно, что он имеет в виду районирование руководства. Он говорил о том, что нельзя руководить всеми одинаково, надо иначе руководить промышленным районом и иначе руководить районом с отсталым крестьянским хозяйством. Он совершенно прав. Но мы, к сожалению, этого пока что делать не умеем; не умеет этого делать и Наркомпрос. И мы сейчас чувствуем, что жизнь нас бьет чрезвычайно тяжело за это неуменье. Сейчас, в особенности после XV съезда партии, когда перед нами поставлена задача особенно тщательно обслуживать рабочие районы, мы даже ничего не можем сказать, как мы их обслуживаем, и на этот вопрос ни партии, ни профсоюзам толкового ответа дать не можем. У нас есть сведения «вообще», у нас есть сведения по городам, но мы не можем сказать, как нами обслуживаются рабочие районы. А между тем я убеждена, что в большинстве случаев мы их обслуживаем гораздо хуже, чем любой другой район. Правда, в этом году мы значительно нажали на эту часть, начали подымать культурное обслуживание рабочих районов, но еще далеко не все сделано в этом отношении. Вместе с тем, жизнь так развилась, что общие республиканские показатели, средние выводы и данные ничего не говорят, и на основе общереспубликанских средних цифр сегодня уже нельзя давать задания ни одному из наших районов, так как эти задания сейчас уже не ведут вперед. Сейчас многие районы уже перешли через республиканские средние; для них они являются слишком низкими, тогда как задания, составленные по этим данным для других районов, оказываются для последних непосильными, и они их выполнить не могут. Нам надо районировать свое руководство, надо отходить от общереспубликанских норм. Надо каждому району, уезду, краю давать задания, которые бы двигали его вперед и вместе с тем являлись бы для него посильными. Перед вами на местах такая же работа, а вы этого не делаете так же, как и мы. Мне недавно пришлось столкнуться с таким отношением к этому вопросу: «Районирование руководства?! А вы, ниже стоящие ОНО, что тогда будете делать? Это ведь ваша задача! Наркомпрос, мол, руководит в общереспубликанском масштабе, а мы в крае применяем руководство к краю, окружной отдел к округу и т. д. Ваша голова, ваше дело, вы и работайте». По моему, это схема вчерашнего дня, а схема сегодняшнего дня совершенно другая. Сегодняшний день требует от нас, властно зовет нас к районированию руководства, и многие из вас это уже чувствуют, особенно те, кто сидит в низовых организациях. Именно им нужно такое руководство, так как от общего руководства они часто ничего не получают, и чем дальше будут развиваться в своих культурных особенностях отдельные территории нашего Союза, тем больше эти общие сведения и общие задания будут бить мимо цели, тем меньше они будут говорить практическому работнику края, губернии, округа, района.

Вчера тов. Голышев, говоря о характере руководства, упомянул о новом этапе, к которому мы пришли сейчас в области народного просвещения. Конечно, мы к этому этапу пришли не только с XV съезда, он наступил в народном образовании несколько раньше, с того момента, когда фактически культурная работа уже начала завоевывать определенное место в жизни и когда самое развитие нашей просвещенской работы заставило нас иначе планировать это руководство, когда развивающиеся потребности просветительной работы заставили нас перестроить наш

аппарат и изменить характер работы. XV съезд этому этапу придал лишь особое политическое значение, придал особую принципиально политическую окраску. Один из моментов этой принципиально-политической окраски заключается в том, что XV съезд подчеркнул вопросы классовой борьбы в нашей стране, ее обострение в настоящее время. Для нас же, товарищи, здесь имеется еще один важный момент, который в решениях XV съезда занимает особое место. Классовая борьба, сказал нам XV съезд, не только усилилась, но, кроме того, она принимает сейчас особые, сложные, не легко раскрываемые формы. Иногда наш классовый враг наступает на нас под яркой, совершенно советской вывеской. Если это так обстоит во всех других областях, то в области народного просвещения это классово-идеологическое наступление принимает часто еще более замаскированные формы. У нас те или иные формы проявления классово-чуждой нам стихии замаскировываются особенно хитро и особенно трудно их расшифровать, вскрыть и с ними бороться. В этом году мы имели уже тревожные сигналы по линии наших просвещенских учреждений, говорящие о том, что эта чуждая нам в классовом отношении стихия дает себя чувствовать. Особенно ярко это проявилось в школах повышенного типа соцвоса. Вы знаете, какие осложнения мы здесь имели, большинство из вас сталкивалось с подобными фактами. Представитель ЦК Комсомола говорил нам о том, что сейчас мы вскрываем отдельные группировки среди учащихся, отдельные организации, часто даже не политического характера, но занятые выработкой идеологии, выработкой психики, уводящей ребят от задач социалистического строительства и перестраивающей их в чуждую и часто враждебную для нас сторону. Такие факты имеются. И мы чувствуем, что нам сейчас предъявляются особенные требования в отношении руководства, обусловленные политическим моментом.

Тов. Голышев говорил о том, что нам надо перевооружиться. Он не упомянул только о том, что мы перевооружаемся. Он слишком пессимистически говорит: «Все как было, так и осталось». Это неверно. И я думаю, что лишь с полемической целью он допустил такое выражение. Мы перестраиваемся и, в общем, перестраиваемся не плохо. Излишнему пессимизму здесь нет места. Но, конечно, нам самим надо предъявлять к себе большие требования и более энергично перевооружать самих себя. Нам, действительно, надо работать по другому, по другому осмысливать все, что вокруг нас происходит. Нам нужно проделать не только то, что написано в тезисах о переквалификации работников,—мы должны все время учиться и применять в процессе самой работы своеобразные, исследовательские методы. Вот этими исследовательскими методами помочь нашей практической работе нам крайне необходимо. Здесь я хочу обратить ваше внимание на то, что в тезисах занимает очень скромное место. Мы создали ячейку научно-исследовательской работы в области организации народного образования. Пока эта ячейка будет от вас оторвана, она сделает мало. Нужно, чтобы вы действительно влились в работу этой исследовательской ячейки в какой угодно форме. Тот, кто может, будет работать, как член этого института, тот, кто недостаточно подготовлен, будет работать в качестве члена-корреспондента. Но общими силами из практики нашей работы нужно выявить какие-то научные моменты организации советского просвещения. На этой основе мы с вами должны будем перестраивать всю работу в области организации народного просвещения, будем перевооружаться, употребляя термин тов. Голышева.

Последний вопрос, на котором я хочу остановиться, это вопрос о советской общественности. Тов. Барсуков прекрасно говорил на эту тему; относительно наших задач в этой области лучше не скажешь. Но все же,

товарищи, мы не сдвинем этого дела с места, если пойдем прежними шагами. У нас существуют прекрасно написанные положения. Мы с вами на бумаге выразили все формы участия советской общественности в руководстве нашими учреждениями; словом, все это расписали прекрасно, но пока это—только на бумаге, в жизни гораздо меньше. Наши совсоды взять,—вы сами знаете, как они работают. Все вы работаете в культсекциях советов и знаете, как работают эти культсекции в особенности на низах, в деревнях. Мы пока что не сделали всего того, что нужно было бы сделать для того, чтобы наша советская общественность окружила нас кольцом. Практикуем ли мы это? Если в целом ряде мест культсекции горсоветов довольно хорошо работают и очень много умеют делать, то влияние их все же невелико. Мы с вами часто только на бумаге и в газете настаиваем, чтобы в исполкомах при обсуждении бюджета народного образования секции присутствовали, как выразители общественного мнения и культурных потребностей рабочих и крестьян. Мы этого на практике не делаем, а это было бы важно проделать. В противном случае может получиться такая история, о которой говорил тов. Малышев: в резолюциях мы пишем хорошие слова, а на деле мы этого продвижения не делаем. Один товарищ правильно поправил тов. Малышева, что было известное продвижение в 1927/28 году; тем не менее этого еще недостаточно. Поскольку мы с вами собрались делать какой-то прыжок в этом году, то мы не сможем его сделать, если мы не обопремся на советскую общественность, не соберем ее вокруг себя и если она не поможет нам произвести этот прыжок. А между тем, товарищи, в нашей практике есть моменты, которые говорят нам, как много все-таки значит советская общественность. Что легче закрыть,—избу-читальню или школу? Все вы скажете,—легче закрыть избу-читальню. И это правильно, ибо наша трудовая школа—плохо ли, хорошо ли—опирается на советскую общественность. Совсод плохо-плохо, но работает; он сумел себя сделать известным рупором общественности. А изба-читальня—слабое учреждение; она не доросла даже до таких форм, до каких доросла школа соцвоса на селе; вокруг нее больше пустого места, и с ней легче поэтому расправиться. Без советской общественности, не сплачивая ее вокруг просветительных учреждений и отделов народного образования, мы ничего не сможем сделать.

Две задачи—собирание вокруг нашей работы и наших учреждений советской общественности и создание актива просвещенцев для развертывания и углубления нашей работы в смысле ее содержания—эти две задачи должны сейчас красной нитью пройти через всю нашу работу и должны ее поднять (аплодисменты).

УЧАСТИЕ СОЮЗА РАБПРОС В ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ РАБОТЕ.

Доклад тов. Долинко.

Товарищи, в прениях по докладу Анатолия Васильевича и в докладе Варвары Николаевны было довольно много сказано о роли учителя в связи с задачами, которые стоят сейчас в области культурной революции, и в этом нет ничего удивительного и случайного. Дело народного образования, как мы его называем на производственном языке—наше производство, резко отличается от других отраслей производства тем, что в то время, как на других фабриках и заводах рабочая сила является второстепенной силой, даже в производственном процессе, у нас педагогическая сила является основной. Если на качество продукции на производстве часто влияет главным образом состояние машин, то у нас качество просветительной продукции, главным образом, зависит от самого производителя, т. е. просвещенца. Поэтому вполне понятно, что ОНО и Наркомпрос, как только они приступили к осуществлению своих задач после Октябрьской революции, обратили серьезнейшее внимание на завоевание просвещенских масс; и по сие время мы это слышим,—и здесь, на съезде ОНО, доклад Наркомпроса говорит о том, что дело просвещения в первую очередь основывается на завоевании просвещенца и его развитии. Никакая инспектура не может влиять сколько-нибудь заметно и непосредственно на дело постановки наробразования помимо просвещенца. Отсюда, в отличие от ряда других хозорганов, Наркомпрос имеет теснейшую связь путем целого ряда организационных форм с работниками просвещения. Ни в каком производстве вы не найдете такого положения, чтобы директор завода так часто обращался к своей рабочей массе, так хорошо знал настроение рабочих, держал бы такую теснейшую связь с рабочими, как это делают наши органы и делают вполне правильно.

По пути развития дела народного образования в нашей стране мы имели два этапа взаимоотношений органов наробразования с просвещенской массой. Первый,—когда рабочие и крестьяне относились к просвещенцу отрицательно, благодаря его неприятию советской власти и пролетарской революции в первые дни после Октября. Горячие головы тогда говорили, что просвещенскую массу надо отвергнуть, мобилизовать какие-то новые силы. Авторитетное слово Владимира Ильича повлияло с самого начала на изменение подобного отношения к учительству. Он заявил, что именно из этих кадров, воспитанных в духе капитализма, надо создать кадры, которые будут служить на пользу социализма. Эту линию упорно вел Наркомпрос и его органы. В результате получилось, что нам действительно удалось завоевать просвещенцев. Конечно, ошибочно будет полагать, что просвещенец за годы нашей совместной работы в связи с переподготовкой его преобразился настолько, что он действительно способен на сегодняшний день осуществить те задачи, которые стоят перед нами. То разочарование, которое имеется у некоторых работников, то, что мы слышали на этом съезде, наблюдается довольно часто и происходит от того, что не поняли и не понимают действительного состояния просвещенца. Наш союз на этот счет не имеет никаких иллюзий, ибо он и не увлекался. Как мы ставим вопрос и как мы должны его ставить? Мы говорим, что в первые годы революции нашей задачей было ликвидировать политическую неграмотность

просвещенца, ибо он был политически неграмотным в полном смысле этого слова. Достаточно вам привести пример, который не является анекдотом, так как я его лично проверил, когда работал на Украине. В 1921 году была комиссия по выявлению степени грамотности учителей, и в материалах комиссии мне пришлось читать, что на вопрос, «кто будет председателем ВУЦИК'а, после смерти Петровского», учительница ответила: «его сын». Да иначе и не укладывалось в ее голове, что председателем ВУЦИК'а, после его смерти, может быть только его сын. Это не анекдот, а факт, показывающий, до какой политической неграмотности доходило учительство в свое время. (Голос с места: «Самый вопрос неясно поставлен»). Правильно, но меня в данном случае интересует не вопрос, а ответ. (Из президиума: «Один дурак может поставить такой вопрос, что и десять умников на него не ответят»). (Смех). Товарищи, насчет умных вопросов, пожалуй, и сейчас еще можно поговорить, еще и сейчас можно просить о том, чтобы работникам просвещения не задавали глупых вопросов (смех). И я рад на этом заострить внимание съезда. Но меня интересует вот что. Как бы ни был глуп вопрос, все-таки ответ на него был дан еще глупее (смех), и мне думается, что первая задача в то время была—спешно ликвидировать неграмотность просвещенца. В этом отношении мы имеем колоссальные успехи. Ликвидация политической неграмотности прошла успешно. Но можно ли отсюда делать вывод, что учителя уже стали политически грамотными настолько, насколько этого требует производство, в котором им приходится работать? Думать так—ошибка. Некоторые отделы народного образования, инструктировавшие школы, приходят в ужас от того, с чем встречаются: «Ужас, о ужас, учителя не в состоянии проводить элементарных методов преподавания, которые нам необходимы». Поэтому я и считаю необходимым на этом съезде заострить внимание на этом вопросе. Здесь есть большая опасность не только со стороны отделов народного образования, но и со стороны советской общественности. До самого последнего времени учитель, как таковой, стоял в тени, его оценивали, преимущественно, с точки зрения общеполитической работы, с точки зрения того, насколько он подготовлен и активен политически, и так как политическая активность его уже стала ощутимой, то к учителю стали относиться хорошо. Сейчас общеполитической оценки недостаточно, теперь учителя начинают щупать на производстве—с одной стороны, общество, с другой стороны—органы Наркомпроса. Это, конечно, вполне правильно и своевременно, но, к сожалению, прощупав учителя, делают иногда несоответствующие выводы. Что мы говорим? Мы говорим, что, если вы в школе нашли учителя недостаточно подготовленным к производству,—не удивляйтесь и не огорчайтесь (хотя огорчаться можете—меня это не интересует) и уж, по крайней мере, не возмущайтесь и не делайте выводов наскоком, слишком поспешно. Мы говорим определенно: да, учитель еще не способен проводить те принципы, которые вы вместе с ним проводить обязаны, и вы должны ему сейчас помогать в проведении этой работы. Сейчас произошла большая дифференциация в просвещенческих массах, процесс теперь пошел глубоко. Поверхностная ликвидация неграмотности прошла, но мы еще имеем много неграмотных в политическом или в педагогическом отношении. Мы сейчас имеем большую лестницу, на которой небольшая группа стала на высшую ступень, некоторые пониже, многие еще ниже, а некоторые и вообще только кончиком ноги прикоснулись к первой ступеньке. Что же надо сделать для того, чтобы перевести их с низших ступеней на высшие? Тут есть два способа: администрирование и командование—«двигайся вверх, шагай по лестнице, а кто не может—катись вниз, вон из школы», и другой метод подтягивания—путем организации специальной помощи, хотя медленно, но верно продвигать просвещенца вверх по этой лестнице.

Наш союз, оценивая одинаково с вами просвещенца, говорит: давайте, товарищи, итти совместно по второму пути, это метод наилучший, и с ним мы быстрее двинемся вперед. Если инспектор приехал в школу и нашел учителя, который непригоден для педагогической работы, то в оценке мы с ним не расходимся: он непригоден на сегодняшний день, но ведь надо оценивать не только с точки зрения сегодняшнего дня, но и с точки зрения перспектив на будущее, на следующий день. Надо выяснить, имеет ли он те потенциальные возможности, которые могут обеспечить и сделать из него современем советского педагога: мы так ставим вопрос и думаем, что это правильная постановка вопроса. Если инспектор школы выявил те или иные недостатки у педагога, то какие же задачи встают перед ним? Надо не шельмовать преподавателя, а указать ему недостатки в учебе. К этой работе лучше всего привлечь коллектив в целом. Организационные формы повышения квалификации учителя, имеющиеся у Наркомпроса, великолепны; их надо только несколько упорядочить, так как их слишком много. Что такое школьный совет, что такое педагогическая конференция? Школьный совет или педагогическая конференция до сих пор еще не занимались в большинстве случаев теми вопросами, которыми должны заниматься. Мы говорим, что педагогические конференции и школьные советы выполняют дело производственных ячеек; другими словами, это есть производственные комиссии, производственные совещания и производственные конференции, каковых еще имеется мало и у рабочих. Партия сейчас придает колоссальнейшее значение производственным совещаниям, тем совещаниям, где масса может непосредственно выявлять свой опыт и вовлекаться в производство. Для нас это—альфа и омега. Этот вопрос имеет свою великолепнейшую организационную форму. Недавно перед нами стоял вопрос, нужно ли нам дублировать эту работу и иметь свои отдельные производственные комиссии, совещания и конференции. Мы решили, что нам этого не нужно, а достаточно использовать те формы, которые имеются по линии ОНО. В чем здесь выражается участие союза? На первый взгляд может оказаться, и очень многие ОНО так и заявляют: «Ведь тут только путается союз и мешает нам,—в сущности связь с массами мы имеем без вас и мы все вопросы выявляем без вас. Даже в отношении защиты интересов членов союза—это мы часто делаем без вас; мы отстаиваем ваши ставки». Получается такое впечатление, что союз вообще не нужен, что он является совершенно лишней державой в нашем производстве. Это—абсолютное непонимание значения роли и задач союза. Если вы соберете конференцию педагогов и спросите, какую задачу вы себе ставите,—ставите ли вы себе задачу навязывания своих идей и мыслей или же выявления мыслей и мнения массы,—то ясно, как вам ответят. Было время, года 4 назад, когда нам нужно было, чтобы массы поменьше говорили, а побольше слушали то, что мы скажем, и это было вполне понятно. Надо было популяризировать идеи советской школы в наших просвещенских массах. Каково положение сейчас? Сейчас положение совершенно другое. Нам сейчас необходимо, чтобы и сами массы выявляли свое мнение по всем вопросам. Не беда, если учительница выступила с заявлением, о котором говорил тов. Перель. Эта учительница заявила, что стало легче, когда мы освободили учителей от комплексных методов, и тов. Перель ее взял под защиту. И правильно поступил. Идея сама по себе реакционная. Этот метод является одним из революционнейших методов и моментов в советской школе. Но я думаю, что если завоно или какой-либо инспектор скажет, что эта учительница не годится для нашего производства, то это будет неверно, ибо таких вы имеете тысячи, десятки тысяч. Какова наша задача? Я уверен в том, и вы, вероятно, не меньше меня уверены в том,

что защитники гусовской программы найдутся. Административная часть нашего аппарата и сама масса в бо́льшей части является этим защитником. Я спрашиваю: как, например, мы собираемся вести конференцию педагогов и преподносить им гусовские положения,—скажем ли мы им только—быть по сему, с тем, чтобы все согласились и приняли? Толку мало будет от такой конференции. Но если на такой конференции будет выступать учительница, которая скажет, что мы работу сделали легче благодаря тому, что мы эти программы отменили, и после нее выступят 2—3 активиста, которых мы имеем десятки тысяч и которые выступят в защиту этой программы,—вот тогда будет в тысячу раз лучше, чем это—быть по сему и проводите программы во что бы то ни стало.

Как же можно создать такую атмосферу, когда эта учительница или учитель могут выступать со своими заявлениями? Только тогда мы создадим такую атмосферу, когда не будет элементов внешнего воздействия и принуждения. Если тут, на таких конференциях или совещаниях будут представители профсоюза и покажут, что нечего бояться, нечего гнуть спину перед нашей администрацией, которая будет лишь инструктировать и выявлять недочеты, тогда масса развяжет языки, и получится то, что нужно. Это и будет нашим достижением, если эта учительница, которая, как и множество педагогов, признает идеи советской школы де-факто и развяжет свой язык; тогда мы ей сможем доказать все значение советской школы.

Мы к учителю должны предъявлять совершенно другие политические требования и мы их сейчас предъявляем. Учитель прежде всего должен быть образованным марксистом, он должен иметь марксистское мировоззрение, а это задача трудная для некоторых из нас. Возьмите многих из нас, и у нас еще это марксистское понимание не везде правильно сложилось. Возьмите вы инспектора. Это—тот же учитель, тот же человек, но надо сказать, что мы строим советскую власть не только в области наробразования, но и в целом ряде других областей не теми силами, какие нам нужно. Мы не имеем еще того красного директора и спеца, который нам нужен: откуда же нам взять такого учителя? Необходимость воспитания профсоюзной массы и говорит нам, что основную помощь в деле воспитания нашей учительской массы может оказать только профсоюз. Вы знаете, что если директор на заводе сделает резкое замечание рабочему, то рабочий не постыдится и ответит ему как следует. Вы знаете, что если учитель почувствует, что администратор требует—быть по сему, он ему подчинится всегда во всем; такова психология просвещенца. В наших ли это интересах или нет? Наши интересы требуют, чтобы мы не такого просвещенца создали, который втрое сгибался бы перед инспекторами и подавал ему галоши, а такого, который по-товарищески бы с ним разговаривал. А вот эту атмосферу может создать только совместная работа с профсоюзом и ничто больше.

Я не имею в виду никого обидеть, в особенности никого из присутствующих, но я все-таки должен привести несколько примеров из практики на местах: может быть в них узнает себя кто-либо из присутствующих (с м е х). Это очень печальна япрактика. Я должен сказать, что мы все человеки. Вся беда в том, что если человеку дают булаву, то он хочет этой булавой управлять. Это мы знаем из действительности. Это мы знаем из опыта, когда из профсоюза человека направляют на административную работу (с м е х). Тут, оказывается, бытие определяет сознание—и сознание, конечно, плохое (с м е х). И что же получается?—Получается так: я администратор, я управляю; почувствуйте тоже, что я—администратор. И это, товарищи, самое скверное, что у нас есть, и союз призван бороться с таким явлением. Товарищи, те коррективы, которые мы внесли, и то одергивание, которое мы делаем, все это—для пользы общего нам дела.

Я возьму маленький пример: заведующий Костромским отделом народного образования—бывший наш профсоюзник. Он издает приказ по армии об удлинении учебного года на семь дней. Сам приказ великолепный. Удлинение учебного года—это наша задача вместе с вами. В этом отношении у нас с вами расхождения нет: 2 летних месяца отдыха, а остальное время надо использовать для культработы. Задача увеличения учебного года и уплотнения года—это наша задача. Но если это проводить путем приказов, забывая о том, что этот вопрос надо согласовать с союзом,—это уже плохое разрешение задачи. Дело не в нашем капризе. Ведь борьба за удлинение учебного года должна итти не только по линии приказов. Эта борьба должна итти по линии воспитания масс. К сожалению, имеются глубокие традиции у просвещенцев: раз каникулы—значит, не работать и все. Мы готовы переломить это настроение, указать массам; но одно дело, если мы это делаем путем воспитания, и другое дело, когда это делается путем приказа. Мы говорим—приказ нужен и вы будете приказывать, но давайте этот приказ согласовывать с нами; мы поведем кампанию среди просвещенцев, и тогда это не будет неожиданным для союза. Ведь каково же положение союза, когда учителя, получив такой приказ, бегут в союз для защиты, надеясь на него, а союз может и сам не быть готовым к этому и его застанут врасплох. Такое положение союза сразу почувствуется среди масс и плохо отразится и на авторитете союза, и на самом деле. Вы знаете, что учитель может проводить 7 дней в школе и так, что результаты его работы будут равны нулю. Важно, чтобы он осознал необходимость проведения этих 7 дней с пользой, а этого можно достигнуть только путем воспитания, которое возможно только тогда, когда к предварительной проработке всяких подобных мероприятий будет привлечен профсоюз вместе с учительством. (Голос с места: «Сколько нужно времени на воспитание»?). Столько, сколько нужно для того, чтобы воспитать инспектора, чтобы он был хорошим инспектором, чтобы он был хорошим активистом, хорошим коммунистом. Это—длительный процесс, может быть, на десятки лет.

Товарищи, я говорил вчера и повторяю сегодня, что в сущности то, что я говорю здесь,—это и для Наркомпроса в целом, и для коллегии Наркомпроса абсолютно не ново, и это не ново для многих наших организаций, но я должен сказать, что и в Наркомпросе, и в других организациях это не ново теоретически, но еще не совсем вошло в плоть и кровь в практической работе. Это, конечно, просто объясняется тем, что административным органам вполне свойственно забывать некоторые явления. Я не говорю, что они всегда забывают, но это бывает, и наша задача, не задевая производства, время от времени напоминать тем, которые забывают. Здесь ничего обидного нет. Тут не надо становиться в позу обиженного,—что, мол, я сам что ли не знаю? Отдел народного образования уволил учителя, часто это делается, помимо низовой ячейки. Напрасно Анатолий Васильевич говорил, что этого не делается. Я думаю, что Анатолий Васильевич в поездках за границу не имел возможности следить за учительскими газетами, где много приводится случаев, когда низовые органы делают форменные ляпсусы в смысле увольнения учителей. Об этом говорила четко Варвара Николаевна. Отдел народного образования, уволив учителя, хотя и незаконно, рассуждает так: если я отменю это постановление, тогда ведь я дискредитирую свой аппарат. Давайте не дискредитировать свой аппарат, ибо это плохая услуга нашему производству. Нас интересует данный товарищ, который уволен: но вас должен интересовать не только этот работник, ибо всякое несправедливое увольнение и всякое несправедливое распоряжение приводит в содрогание всю просвещенскую массу. Они начинают вас бояться, и это влияет на работу. Каждый просвещенец начинает бояться: а, может быть, завтра

со мной случится такое же положение и меня сократят? И здесь вмешательство профсоюза является большой помощью как самому производству, так и вообще организации. Становиться поэтому в позу обиженного—почему ты, союз, мне указываешь—совершенно недопустимо, и с этим не надо считаться. Нужно сознать свою ошибку и исправить ее. Мы имеем уже несколько процессов, которые мы делали показательными и по которым мы, может быть, выносим суровые приговоры. Мы делаем это не столько для того, чтобы наказать данного работника, который допустил то или иное головотяпство, а чтобы по всему фронту дать почувствовать, что в таких формах и такими методами работать нельзя. Я хотел бы, чтобы наш съезд сказал, что тот метод и те формы, которые сейчас еще практикуются, нужно скорее изжить. Изжить этот метод можно только тогда, когда мы к этому привлечем наши низовые союзные организации.

Товарищи, я должен вам определенно заявить, что отсутствие достаточного участия в производстве со стороны наших союзных организаций является не только результатом того, что вы нас не привлекаете, но еще и результатом того, что мы сами мало уделяем внимания этому делу. Сейчас мы усиливаем свое внимание в этом направлении, но и вам необходимо это делать. Ведь авторитета не завоюешь путем циркуляров, и так нам действовать не следует. Мы, как и ЦК, абсолютно не думаем завоевать свой авторитет тем, что скажем Наркомпросу и его органам: а ну-ка, увязывайте свою работу с профсоюзом, привлекая его к вашей работе. Авторитет устанавливается путем обнаружения своей деятельности и своей полезной деятельности. И мы, в ЦК поставили задачу перед нашими союзными организациями—подойти ближе к производству. Раньше мы не могли этого сделать по той причине, что мы не могли в свое время подойти ближе к производству. Мы тогда были заняты главным образом бюджетными вопросами. Эти вопросы и сейчас имеют свою остроту, но все же они сейчас нам дают возможность больше внимания уделять производству. Мы эту задачу ставим перед профсоюзными органами не только в смысле защиты в отношении заработка и т. д., но и в смысле вхождения в русло управления, в смысле выявления опыта масс и в смысле наилучшей постановки всей учебно-воспитательной части нашего производства. Это была для наших профсоюзов тоже серьезная и сложная задача. Мы не думаем, я не скрою от вас, что сегодня наши профсоюзы способны в массе везде проводить и осуществлять эти задачи, ибо для этого нужно знать производство, для этого нужно уметь подходить к данному вопросу. Но мы по своей линии даем целый ряд указаний, и надо думать, что эта работа подвинется вперед. Если будет желание наладить эту работу по всем линиям и будет действительно стремление к совместной работе, то эта совместная работа будет налажена. Как это сделать—я думаю—вытекает из всего того, о чем я говорил.

Далее я хотел сказать несколько слов в защиту тезисов. Из обширного доклада Анатолия Васильевича мы слышали и узнали, какие колоссальнейшие задачи стоят перед нами в области народного образования. Мы также прекрасно знаем, какое большое напряжение сил требуется от нас для осуществления этих задач. Эти трудности имеются не только по осуществлению задач в области просвещения. Эти трудности имеются по пути проведения всех задач, какие стоят перед советской властью. Если вы бывали на съездах хозяйственников ВСНХ, то вы слышали, что там эти трудности стоят не в меньшей мере, чем перед вами. Откуда берется энергия у советской власти для того, чтобы осуществлять эти задачи? Откуда мы имеем такие громаднейшие успехи? Сколько мы ни будем говорить обо всем этом, но несомненно должны подчеркнуть, что дело наробразования пошло вперед и что учитель не тот, который был 4—5 лет тому назад. Где же источник тех сил, которые помогают двигаться

вперед? Эти силы кроются в той помощи, которую советской власти оказывают организованные массы трудящихся в лице своих профсоюзов, и вот этот симбиоз власти и профсоюзов, симбиоз двух сил, из которых одна руководит непосредственно административным центром, а другая оказывает ей помощь, контролирует, корректирует ее деятельность со стороны общественной, профсоюзной,—вот этот симбиоз и есть наилучший залог успеха во всей работе. Такое сочетание власти и профсоюза необходимо все более и более укреплять и в условиях нашего производства. Собирание общественности вокруг нашего производства и есть наилучшее средство для преодоления тех трудностей, которые встречаются на нашем пути, для обеспечения полного успеха на фронте просвещения.

ПРЕНИЯ ПО ДОКЛАДАМ тов. ЯКОВЛЕВОЙ и тов. ДОЛИНКО.

Щ е п о т ь е в. (Саратовская губ.) В Саратовской губ. сокращение штатов, проведенное в губоно, дает головокружительную цифру в 54%. Повсюду сокращены расходы по переездам и командировкам, и в результате получилось—вместо сокращения элементов бюрократизма—маленькое, но ультра-бюрократическое учреждение, так как уездные штаты сокращены до минимума, а губернский аппарат лишен возможности выезжать на места. Я полагаю, что это является характерным и для остальных губерний нашей республики. Материалы, опубликованные перед съездом, подтверждают эти уродливые явления большой реформы. В частности, вопрос об участковом инспекторе. В конце концов здесь было вынесено руководящими органами решение, что в первую очередь надо осуществить институт участковых инспекторов политпросвета. Почему? Какие соображения играли решающую роль при вынесении этой директивы—нам совершенно неизвестно. Количественное сопоставление по разделам работы в политпросвете и соцвосе, казалось, должно было бы натолкнуть на совершенно другой вывод. Так в действительности и было, но, к сожалению, это случилось слишком поздно, в то время, когда политпросветская инспектура уже вводилась, как говорят об этом материалы, и в то время, когда уже трудно было осуществить институт участковых инспекторов соцвоса за отсутствием средств. Таким образом решение не нашло соответствующего отражения, участковой инспектуры нет, мы отрезаны от периферии, мы отрезаны от той массы, на которой должна базироваться работа нашей инспекции, нет связи от Наркомпроса до участков включительно. Интересно, какие же меры намечаются сейчас Наркомпросом? О том, что было, можно говорить только подводя итоги, но ведь надо сделать и соответствующие выводы, надо наметить конкретные пути к исправлению, как говорят тезисы Варвары Николаевны, тех дефектов, которые мы имеем в результате реформы, в целом совершенно не оспариваемой.

Теперь вопрос структурно-организационного порядка. Нужен ли нам старший инспектор? Я полагаю, что нет. Тов. Яковлева достаточно верно и точно формулировала вопрос о методической работе, она сказала, что методическую работу надо выращивать на опыте в учреждении. Только вокруг учреждения, а не вокруг аппарата мы сможем собрать актив работников просвещения. Если же так, то спрашивается, к чему сведется роль старшего инспектора? К расчленению функций между районной избой-читальней и I ступенью? Предполагается, вероятно, что этим создастся старший инспектор и это создаст нам интегральную инспекцию. Это неправильно. Основа педагогического единства стоит в полном противоречии с этим представлением о старшем участковом инспекторе и, кроме того, создает технические затруднения: как его выделить? Будет ли это представитель соцвоса или политпросвета—нельзя сказать. Это мнение—отрыжка того времени, когда имелись старшие инспектора политпросвета губоно, это—старая отрыжка борьбы культполитпросвета за свою самостоятельность. Я категорически протестую против сохранения старой структуры, ибо это сводится лишь к тому, что меняется марка. Был заведующий политпросветом, а теперь—старший инспектор губполитпросвета, объединяющий, регулирующий и т. д.

О нашей методической работе. Декабрьская директива Наркомпроса внесла большое уточнение в дело исправления тех недостатков, которые

имеются в построении методической работы, но я не могу согласиться с тов. Яковлевой в части упразднения низовой методической комиссии. Я считаю это ошибкой, ибо, если методическая работа переносится на опорные учреждения и они становятся центром этой работы, если в нее вовлечены массы просвещенцев, то совершенно очевидна необходимость первичного объединения. Раздробление этой работы между опорной избой-читальней и между районной школой I ступени, отсутствие единого спаивающего организационного начала скажется в ближайшем будущем. Поскольку берется курс на оживление методической работы, поскольку повсюду в нее включаются политпросветчики и работники в области соцвоса, постольку таким организующим центром должна являться волостная методическая комиссия. Неудачи в этом отношении сводились исключительно к тому, что не было соответствующего оживления в самой работе на периферии; если это оживление будет достигнуто, то организационное завершение должно найти свое выражение в виде волостной комиссии, которая декабрьской директивой упразднена.

Лаврентьев. Об организации аппарата в районе укрупненной волости. Я считаю этот вопрос тем более важным, что согласно решению нашего центрального правительства и местных органов власти мы передали рику всю полноту власти, все права—вплоть до найма и увольнения работников просвещения включительно. Да и не только работников просвещения, но и работников других категорий, содержащихся на районном бюджете.

Отсюда такой вопрос—нужен ли старший инспектор в районном центре, или не нужен—имеет для нас большое значение. Мы знаем, что в тех местах и в тех областях, где произошло районирование, районный административный центр, в лице рика, имеет в своем развитии большие достижения как в части административно-хозяйственной, так и финансовой; он крепнет из года в год и в части культурной. Но в таких вопросах, с которыми рик встречается впервые, в вопросах найма, увольнения и подбора работников,—практика показала, что рику с разрешением их без районного инспектора—не только методиста по своим правам и обязанностям, но и организатора советского просвещения в районе—справляться трудно и невозможно. Я считаю необходимым тем более подчеркнуть это после выступления т. Долинко. В вопросах, нужно ли заменить учителя или нет, приглашать ли нового работника,—в этих вопросах наиболее компетентным лицом в районе является инспектор. И если мы решим вопрос так, что в районе инспектор является только методистом, другом-советчиком и т. д., этим самым мы еще больше ошибок допустим в организационных выводах со стороны риков. О том, чтобы инспектор, а также всякий другой организатор не допускал бестактности против работников,—об этом никто не спорит, и в этой области указания были верны. Но в то же время нужно райинспектора поставить в такое положение, чтобы он был и методистом и, вместе с тем, организатором, т. е. отвечал за работу в районе. Такое положение не нужно в уоно, но необходимо в районе.

Затем, кто старше—инспектор соцвоса или политпросвета? Наша задача по укреплению нашего районного центра заключается в бо́льшем развитии его потребностей хозяйственных и культурных; одновременно с этим нам придется встретиться с еще бо́льшими организационными трудностями в вопросах политики и практики советского просвещения в районе. Поэтому старшим инспектором, в смысле его политической ответственности,—должна быть фигура вполне определенная. Придется считаться с тем, кто старше на данном отрезке времени, кто политически более подкован.

О реорганизации аппарата. Я считаю необходимым несколько детализировать одно положение, высказанное товарищем из саратовского

губоно, относительно несогласованности между инспекцией РКИ и нашими органами просвещения. Эта несогласованность заходила иногда так далеко, что, договариваясь с краевым центром, с краевым ОНО, РКИ одновременно рассылала свои предложения и по окрисполкомам о необходимости обсуждения вопроса об аппарате на месте. Получалось так, что, когда крайоно договаривался с РКИ о штатах, окрисполком имел уже свое постановление, крайне невыгодное для окроно. Отсюда в аппаратах окружного отдела наши штаты придется отстаивать с большей силой и упорством, чем в прошлом году.

О подготовке районных инспекторов и окружных инспекторов. Практика показала, что организация центральных курсов по переподготовке районных инспекторов здесь, в Москве, нас не может удовлетворить, прежде всего по количеству тех единиц, какие нам предоставляются. Такой путь переподготовки имеет слишком длительный характер. Мне кажется, что организацию курсов по переподготовке райинспекторов лучше и целесообразнее было бы проводить в обще-краевом масштабе. Я считаю, что краевой и областной центр с переподготовкой и подготовкой районных инспекторов мог бы справиться.

Что же касается окружных инспекторов с их более серьезной подготовкой, то ее надо оставить за Наркомпросом, внеся некоторые коррективы. Одним из таких существенных коррективов я считаю, чтобы эта переподготовка происходила по участкам (гнездам), чтобы, в конце концов, от инспекторов, прошедших центральную переподготовку, получился в данном округе, в участке нескольких смежных округов, большой эффект.

О подготовительных практических мероприятиях в работе учреждений НКП и НКПС, подготовляющих транспортные просветительные учреждения к окончательному переходу в ведения НКП и его органов на местах. В качестве таковых я считаю необходимым издание за подписью обоих Наркоматов циркуляра, в котором бы предусматривалось: а) взаимное представительство в школьных советах представителей транспортных и наших школ; б) участие работников транспортных школ в работах районных методконференций, райметодкомиссий, участие в работах метод-бюро и т. д.

Соломонов (Тверь). О передаче распоряжения кредитами на места. Я полагаю, что этот вопрос окончательно не разрешен еще. Мы распределение кредитов передали на места только по форме, а не по существу. Раньше было так, что получение денег сопровождалось обязательным хождением в отдел народного образования. Сейчас это полудело, полуработу сняли с просвещенцев, но осталось еще очень много ненормальностей в практической работе. Что связывает? Необходимость расходования денег только на те нужды, на которые они отпущены. Это значит, что если у тебя на мытье полов отпущено 10 руб., то ты ни 1 рубля не можешь израсходовать на другие хозяйственные же нужды. Нужно дать право самостоятельного расходования средств в пределах того пункта, на который они отпускаются. Я укажу на такой факт, когда, например, на школу, не имеющую водопровода, отпускают средства на воду, в то время, как эта школа не может произвести расхода на технического работника для того, чтобы принести эту воду. С этим вопросом надо будет в будущем году покончить.

О городских отделах. Кое-где они оформлены, как самостоятельные отделы. У нас отдел существует 3-й год, и я считаю, что губотдел поступил правильно, выделив горотдел в самостоятельную единицу. Опыт нашей работы убедил меня в этом. Положительным является здесь то, что губернский аппарат должен руководить работой, а не заниматься мелочной работой сегодняшнего дня. Однако самостоятельный городской отдел

может быть выделен только в большом губернском городе, где имеется наиболее мощная сеть, требующая к себе большого внимания, особенно теперь, когда органы очень тесно увязываются в структуре городских советов с общественностью, которая отнимает много времени.

О детских домах. Нельзя указывать, как это делает т. Эпштейн, на косность работы в низах, в губернии и уездах; нужно посмотреть на ту принципиальную установку, которая сейчас есть в Наркомпросе. Она определяется материальной базой.

Попробуйте найти инструктора слесарного, сапожного или столярного ремесла, согласного работать за 48 рублей. Нужно проводить и делать ставку не в 48 рублей, а рублей в 60—это будет промежуточной ставкой между школой I и II ступени. Только тогда мы сумеем должным образом поставить трудовой уклон в детских домах.

О посылке ребят из детдомов на производство. Мне приходится слышать часто от рабочих, что мы из детских домов посылаем детей на производство, а ребят такого же возраста, находящихся в семьях рабочих, никто не может определить на производство. Такое положение вещей может привести к тому, что мы создадим некоторый стимул к детской преступности, которая будет развиваться в надежде на то, чтобы попасть на производство. Необходимо принять своевременно меры, чтобы такого рода мнение не распространялось среди детей рабочих, находящихся в семьях.

М е м н о н о в (Вятка). Кампания по снижению административно-управленческих расходов отразилась крайне тяжело на работе ОНО. Резко сокращены кредиты на инструкторскую и методическую работу. Мало того, местные финорганы полагают, что сокращенные нормы расходов по аппарату ОНО должны быть закреплены и в предстоящем году. Отсюда делается определенный вывод, что организация участковой инспектуры повысит общую сумму расходов на аппарат и, следовательно, не может быть реализирована. Я думаю, что выход может быть один: необходимо добиться того, чтобы центральные органы подтвердили в законодательном порядке вопросы об организации участковой инспектуры. Вместе с тем необходимо улучшить материальные условия работы инспектуры. Мы слабы в части методической работы по всем звеньям. При настоящем положении укрепить работу ОНО мы не сможем. Таким образом центральным органам необходимо принять решительные меры по укреплению ОНО. Особое внимание следует обратить на усиление аппарата в районах. Руководящие материалы Наркомпроса в журнале «Народное просвещение» № 4 дают нам статьи, которые являются не защитой нашей позиции, а ослаблением ее. Мы должны четко проработать вопрос, каковы должны быть наши аппараты. В статье т. Вигдорова на первый план выдвигается инспекторско-методическая работа, но забывается об организационно-плановой работе, занимающей большое место в деятельности ОНО. Далее делается вывод о максимальном сжатии аппаратов ОНО. Совершенно не учитывается та реальная обстановка, в которой мы находимся. Если мы подойдем к тем положениям, которые рекомендует т. Вигдоров, то мы в корне разобьем наш аппарат. Большой вопрос, которому мы мало уделяли внимания,— как увязать работу рика или вика с работой ОНО. Здесь Варвара Николаевна указала на необходимость выделения одного из членов рика или вика для руководства работой в районе или волости. Номинально заведующие районо или волоно имеются (член рика или вика), но на этих работников возлагается и много других обязанностей, в результате чего их работа сводится к нулю. Где же нам найти опорный пункт в волостной работе? Я думаю, что здесь опорным пунктом будет работа участковой инспектуры во главе со старшим инспектором, работа культсекции виков.

В былое время мы говорили о волостных советах по народному образованию. Сейчас нам они не нужны. Но нам нужно, чтобы культсекции виков не замыкались только в составе членов волостных работников, чтобы они свою работу распространили по всей волости, чтобы они втягивали представителей культсекций, сельсоветов, деревенских активов, проводили ряд совещаний, докладов и т. д. И только при такой форме работы мы найдем опорную точку в работе по волости.

Об организации методической работы. Я думаю, что с тем положением, которое выдвигает Наркомпрос, необходимо считаться, но все же ряд положений нужно выявить на месте. Например, вопрос относительно волостной или районной комиссии. Варвара Николаевна указывала, что в Ленинградской области эти комиссии работали слабо, но в ряде других губерний картина обратная: слабо работают центральные организации, а в низовых звеньях наблюдается оживление.

Очень много надежд возлагается на уездного инспектора, предполагается, что он должен нести чуть ли не всю работу. Но при отсутствии подкомиссии соцвоса и политпросвета работы уездных методсовещаний не поднять, так как состав уездных инспекторов крайне слаб. Он может вести работу только при том условии, если организует вокруг себя ряд работников, если увяжет свою работу с опорными учреждениями. Я должен указать, что идея вовлечения коллектива в методработу является весьма ценной, но ее необходимо закрепить материально, необходимо, чтобы она была широко отражена в бюджете. Ведь вопросы планирования методработы упираются в организацию целой системы совещаний или конференций, а между тем в бюджете расходы на конференцию подчас чрезвычайно урезаны.

Наконец вопрос относительно техники распространения методического материала. Все мы знаем, что эта техника никуда не годится. В постановлении ВЦИК о расширении прав местных органов дается определенное указание о необходимости широкого распространения методических материалов. На издание методических материалов и распространение их надо обратить серьезное внимание. Я думаю, что инициатива местных органов должна быть всемерно развернута в этом направлении.

Н. К. К р у п с к а я. Я, как и все, всячески стою за то, чтобы на местах была оказана учительству непосредственная помощь; я думаю, что в этом вопросе единодушны и Наркомпрос и все здесь присутствующие, все понимают значение помощи на местах,—но ведь это не является Америкой. Вопрос о помощи на местах обсуждался несколько лет. Например, мне лично приходилось много беседовать с учителями и слушать, что они говорят относительно того, как на местах организована помощь учительству. Я—питерка, в Петрограде получила свое педагогическое образование, воспитана на ленинградской педагогической культуре. В мое время было в обычае, что к хорошим учителям направлялось паломничество молодежи. Был некто Абрамов, у которого почти всегда сидели приезжие учителя. Он не имел чина инспектора, но зато имел огромное влияние на постановку учебного дела. По городу был ряд таких учителей, выделявшихся умением ставить учебное дело. Например, были в Питере учительницы, которые вели образцово три группы ребят. В смысле методического воспитания учительство шло за образцовым педагогом, а инспектора привыкли считать человеком, который приезжает от начальства, наводит порядки и от которого особой помощи не ждут. Я думаю, что это было не только в Питере, но и в целом ряде других городов.

Я знаю, как нам трудно было принять самый термин «инспектор», у каждого несколько скребло в душе: как бы это не свелось к старой инспектуре. Многие из выступавших говорили, что невозможно, чтобы

не было власти у инспектора. Но если мы встанем на путь того, что инспектор приказывает, то какие же тогда будут конференции? На конференциях будут все помалчивать. Я понимаю так, что власти у инспектора не будет. Мы сейчас привлекаем инспекторов, но нужно дать себе отчет, что они не какой-нибудь волшебный ключик, который открывает все методические ларчики. То обстоятельство, что работнику на шею прицепили вывеску: «ты есть инспектор», не меняет его, он не перестает быть тем, что есть. Точно также работника, который был организатором, нельзя названием превратить сразу в инспектора-методиста, и я несколько боюсь такой установки, что все инспектора должны превратиться в методистов. Часто приходится слышать, как места жалуются, что они должны решать вопросы, к которым они не подготовлены. Анатолий Васильевич в докладе говорил о воспитательной работе в школах, которая выдвигается на первый план. И если приедет инспектор на место, неужели ему не надо посмотреть, как организован школьный совет, как организовано самоуправление в школе? Я думаю, это такие важные вопросы, к которым сейчас приковано наше внимание.

И в этом отношении указания по организационным вопросам, которые может дать инспектор, будут иметь не меньшее значение, чем чисто методические указания. Я боюсь, как бы из слов Варвары Николаевны,—я, по крайней мере, такой вывод сделала,—хотя она говорит, что это неправильно,—я боюсь, как бы из слов Варвары Николаевны не сделать такого вывода, что будто бы на инспектора возлагается обязанность давать пробные уроки. Но иногда учителя предлагают: дайте пробный урок. Вот в Петрограде так и говорили: ты две недели походи в школу, присмотрись, а потом давай пробный урок. Так принято во Франции, в Швейцарии,—приходит инспектор и дает пробный урок. Но это—мертвечина, от которой приходится за версту бежать, и, вероятно, надо говорить о другом методическом руководстве. Можно поговорить, может быть, тут же на уроке, а потом обсудить на конференции, на собрании, как подходить к тому или иному вопросу, и это необходимо. В политпросветработе есть целая куча вопросов: как справочную работу поставить, как организовать работу с населением и как всякие кампании увязать с методработой,—масса вопросов, которые лягут на инспектора. Но если такой инспектор, который не прошел известного обучения и не учил по методу целых слов, вздумает учить учителя, как по методу целых слов надо заниматься, то он никуда негоден. Он должен знать непременно, как заниматься по методу целых слов и прочее, он должен знать основное. Метод целых слов—это такой метод, над которым можно просидеть целые месяцы и с места не съедешь, и инспектор должен видеть, толчется ли данный учитель на месте или идет дальше. Но он не обязан давать пробные уроки по методу целых слов. Я думаю, что в методике перебарщивать, перехватывать через край нельзя. Нельзя упускать из виду, что инспектура—это есть одно звено в целой цепи мероприятий, которые в методическом отношении надо предпринять.

Какие у нас беды? Тут Варвара Николаевна говорила, что у нас выходит уйма всякой литературы. Я думаю, что действительно непомерно загружаем учителя. У нас был спор, что только тогда надо выпускать методические пособия и указания, когда общая линия намечена, а не делать так, чтобы, прежде чем вопрос выяснен, выпускать на рынок массу книг, в которых учителя могут запутаться, как в трех соснах. Скажем о комплексе: прежде чем Гус и Главсоцвос не сказали своего слова, нельзя было ничего выпускать. Я думаю, что тут никто не виноват. Тов. Рубинштейн—идеалист и говорит об этом комплексе так, что внес целую сумятицу в этот вопрос. Вместо правильного подхода, целый ряд книжек, выпущенных по комплексу, до того запутали учителя, что под комплексом

стали понимать мертвую форму вместо живого содержания. Это—насчет методической литературы.

Тут, конечно, нужно меньше выпускать, но более продуманно, а то рынок заполняется таким потоком литературы, в котором учитель запутывается.

Затем я считаю, что Варвара Николаевна оптимистка, когда говорит о техникумах, что они хорошо работают. У меня страшная тревога относительно наших техникумов. Мне пришлось быть на конференции техникумов, и когда один из завтехникумов стал серьезно говорить о том, что он не понимает, как в пищевод должна проходить пища комплексным путем, то это не вызвало никакого отпора.

Приезжает молодая учительница из техникума, где она не научилась, как вести работу, приезжает и жаждет руководства. А опытный старый учитель говорит: дисциплинка, барышня, дисциплинка. И она старается насаждать дисциплинку, и школа у нее походит на сумасшедший дом. Не так давно, еще в 1924 г., мы говорили о том, что необходимо, чтобы наши педвузы были тесно связаны с педтехникумами, чтобы последние были методическими центрами, которые бы привлекали к себе. Кое-где это имеется, но в недостаточном количестве. Повторяю, что этой тесной методической связи нет. Точно также, я думаю, что немножко страшновато переходить целиком и полностью на инспектуру.

Мы можем наблюдать такую картину, что, почувствовав себя ответственным заведующим отдельной областью, старший инспектор по детским домам начинает строчить методическое руководство, которое приводит, когда знакомишься с ним, в тихий ужас.

Мы много обычно говорим о чине инспектора, старший ли он или младший. А вот о том, что требуется от участкового инспектора, какой опыт он имеет в этом отношении, пригоден ли он к методическому руководству, об этом мы говорим мало. Мне приходилось просматривать французский материал по инспектуре. Там инспектура существует лет 50, и вопросы о ней действительно разработаны детально в области управления. Там указано, где, как и чем ограничены взаимоотношения в этих органах и т. д. Все чрезвычайно детально разработано. Там идет подготовка специальной инспектуры. Я бы зареклась кому-нибудь рекомендовать французский материал за образец, там такая мертвечина и такая чуждая нам идеология, что рекомендовать этот материал нельзя, но четкость их работы необходима и для нас. Поскольку вопрос подготовки инспекторов для нас очень важен, в этом отношении местным органам необходимо поучиться у французов. Я думаю, что об этом мы мало говорим, а слишком много говорим о чинах и орденах в инспектуре, но в общем и целом это чрезвычайно большая задача, которой, я думаю, мы должны будем уделить большое внимание и к которой мы только начинаем подходить; тут надо быть на-чеку.

Р у д и н (Кунгур). Из кого составляется наш аппарат? Возьмем наш окружной аппарат. Как обстоит там дело? Из окружного аппарата каждый мало-мальски квалифицированный работник удирает. Теперь гораздо выгоднее работать в производстве, и инспектора от нас уходят. У меня в прошлом году ушло два инспектора, теперь тоже уходят в школы. Почему это так? Да потому, что очень много требований предъявляется к инспектору. И, наконец, материальное положение. Заведующие школами получают 130—180 руб. в провинции, а тут он занят и в канцелярии и всякими другими работами и получает 100 руб. Точно так же обстоит дело с районными и участковыми инспекторами. Они не идут на это дело, и над этим следует задуматься. Иначе мы хороших инспекторов не получим. Приходится брать такого инспектора, который к нам идет. Мы еще пока к этому делу подходим формально, из-за 10—20 руб. понижаем наше руко-

водство. Если учесть, что окружной аппарат перегружен докладами, отчетами и заседаниями, то вопрос о рационализации в нашем деле следует поставить в первую очередь. Совершенно зря говорят, что у нас нет того, другого и т. д., потому что мы плохие руководители и это не секрет. Виной этому всякого рода объективные условия и пресловутые заседания, которые пожирают все драгоценное время. В окружном аппарате есть инспектор политпросвета. Это несчастный человек. Он заседает беспрерывно и в АПО, и в культотделе, и прочее, и прочее. Он не методист и не тот работник, который нужен. Он просит, чтобы его меньше дергали. Но если что-нибудь делает инспектор соцвоса в смысле методической помощи и т. д., то инспектор политпросвета, мягко выражаясь, ничего не делает, и он в этом не виноват, потому что таковы условия его работы. У него сто тысяч начальников, и ему работать не дают. Что же получается с районной инспектурой? Мы добились того, что у нас имеются районные инспектора политпросвета, но почти все они работают по совместительству, и толку от этого никакого. Именно участковый инспектор дергается больше всего. И я поддерживаю тезис тов. Яковлевой, что лучше иметь одного работника на два района, но чтобы он занимался своим делом, чем по одному в каждом районе, но чтобы он по существу делом не занимался.

Об аппарате рика. Итоги 20%-ного сокращения мы ощутили довольно разительно и еще больше—в районном аппарате. Если у нас был раньше в рике заведующий культсоцчастью, то его сейчас нет. Наше дело в районах—фактически беспризорное дело. Если прибавить к этому, что у нас нет связи между культсоцчастью, заведующими и нашими участковыми инспекторами соцвоса и политпросвета, то дальше некуда итти. Выходит так, что имеются люди, ведущие одно и то же дело, но совершенно между собою ничем несвязанные. Нам в районе обязательно нужно иметь объединенное руководство.

А р т а м о н о в (Ив.-Вознесенск). Последний год, особенно после XV съезда партии, мы являемся именинниками и не на словах, а на деле, правда, в глазах широкой общественности. Большое значение имеет постановка и поддержка наших вопросов и наших мероприятий. Легче ли нам, работникам аппарата, от этого,—от того, что мы именинники? Нам приходится теперь бесконечно много отчитываться. Приходится отчитываться и перед профсоюзом (у нас союз текстилей), и перед губпрофсоветом, и на фабрику нужно итти, и перед Комсомолом надо отчитываться, словом, я хочу сказать, что надо усилить аппарат (с м е х).

Одного заместителя недостаточно. Не хватает времени работать. Мы страдаем не только от плохого подчас руководства, но даже от недостатка руководителей в количественном отношении. Поэтому самые трудности возникают у нас в самой организации аппарата. Здесь говорят об инспектуре, о дифференцировании инспекторского аппарата, который контролировал бы по отдельным дисциплинам. Хорошее дело. Но у нас считают, что это нужно для Наркомпроса и для краевых органов. А нам нужна инспектура по типам, нам нужна и методика дошкольника, и методика работы по детским домам; иначе, если не будет специальных работников, мы будем в большом затруднении. Поэтому нужен инспектор как организатор-методист.

Другой вопрос. Мы не довели до конца, не совсем наладили плановую работу. У нас тут дело обстоит слабовато. Мы планируем коллективно, но в то же время по кустарному. Тут надо создавать плановую ячейку, сильную, с тем, чтобы помочь инспектору освободиться от несвойственной ему функции. Это не значит, что нам надо дифференцированного инспектора иметь.

Дальше, как мы должны перестроить работу своего аппарата? Необходима связь с общественными организациями. Вообще-то мы их не чу-

ждаемся. Другое дело, конечно, всякие заседания,—не на всех приходится бывать, потому что аппарата не хватает. С утра так и распределяем, что на эту комиссию мы пойдем, а на ту нет.

Здесь говорят о методическом руководстве и об организационно-методическом руководстве. Есть ли административные функции у нас в отделе?—этот вопрос мы должны выяснить, иначе мы очень много потеряем.

Я приветствую начинание Наркомпроса в отношении получения научных командировок для работников мест. Мы, конечно, перевооружаемся и в процессе работы, но командировки освежат и несколько расширят горизонт.

Об учительстве. Чтобы вы ни говорили, тов. Долинко, вы не совсем правы. Нам придется снимать некоторых учителей, если они не удовлетворяют население, если они плохи, когда нет надежды, что в перспективе они будут хорошими. Но здесь мы встречаемся с таким явлением, когда профсоюз говорит; «куда девать, жалко, а может быть они еще как-нибудь и поправятся». Мы принимаем все методы лечения, но ничего не выходит. Между тем мы имеем вопиющие факты с переводом и увольнением, и без Наркомпроса здесь дело не обошлось. В Шуе, в городе более или менее известном, двух учительниц в середине учебного года уволили, но, чтобы уволить их, пришлось сократить 4-е группы учеников. Восстановить удалось с трудом. Второй случай в Юрьеве. Там четырех учительниц перевели «для усиления методической работы» из города в деревню. Так и было записано. Когда мы не согласились—внесли поправку. Оказалось, что они «политически неблагонадежны». Кого же, вы думаете, назначают вместо них? Близких родственников. Теперь вслед за этим начинается целая кампания в прессе о чистке учительства. Пришлось прощупывать семилетку. Одним словом, мы из этого урока делаем следующие выводы: надо защищать правовое положение учительства, но может возникнуть недовольство населения, когда оно требует лучшего учителя.

Второй вопрос связан с профсоюзами. Как нам привлечь учителей к внешкольной работе в летнее время, когда они все фактически, как птички, разлетаются на каникулы. Между тем рабочие требуют участия их во внешкольной работе с детьми. Я не хочу сказать, что нужно сократить каникулы, но нужно подыскать формы привлечения учителей к внешкольной работе с детьми в летнее время, когда внешкольная работа имеет гораздо более разнообразные формы.

В. Н. М е щ е р я к о в. (Главполитпросвет). Два пункта доклада замнаркомпроса вызывают достаточно энергичные и до пятого этажа известного дома на Боярской площади доходящие возражения. Пункт 1-й: о характере работы политпросветинспектуры. Пункт 2-й: о подчинении полит просветовского инспектора соцвосовскому.

Оба эти разногласия одного и того же корня: здесь старинный спор славян между собой, домашний спор, который не разрешится без ЦК. Два раза за два года ходили Надежда Константиновна и тов. Кравченко в учреждение, о котором я говорил, оба раза оставаясь в разногласии с Наркомпросом, и оба раза ЦК подтверждал нашу позицию: нельзя нивеллировать политпросвет, нельзя игнорировать особенностей политического просвещения. Особое положение, привилегированное, если вам угодно, ему было дано. Об этом вам в начале года было сказано в циркуляре, данном т. Луначарским.

В обоих названных спорных пунктах расшифровывается та же старая линия Наркомпроса, оспаривающаяся нами и стоящими в данном случае за нашей спиной партийными руководящими инстанциями.

Что означают, если расшифровать, нападки на наши инструкции

об инспекторах политпросвета. Там очень много,—изволите ли видеть—организационно-административно-финансовых функций. С этим Наркомпрос, конечно, не согласен; и надо прямо, открыто, на чистоту заострить эти разногласия. Насчет организационно-финансовых функций—так и должно быть, мы не пойдем по иному пути, пока партия не скажет другого. Пока существует решение ЦК (от августа), мы ни при каких условиях не согласимся, чтобы наши политпросветинспектора были отставлены, оттащены в сторону от их основной организационной работы. Припомните, сколько десятков человек выступало здесь и говорило: у нас замордован политпросвет, сокращен ему бюджет и т. д. Теперь представьте себе, что было бы, если бы оттащили единственного последнего «аблаката», плакальщика за эти наши дела, за деньги. В этом и есть суть наших разногласий. Говорят дальше, что не нужно старшего инспектора политпросвета в уезде, губернии, округе. Это неправильно. Н. К. Крупская мягко сравнительно по форме, но энергично по существу возражала против стремления к тому, чтобы наши низовые инспектора занимались только методикой. Они иногда ни чорта не понимают, например, в методике ликвидации неграмотности и не знают, сколько времени им нужно, чтобы научиться разбираться в методе целых слов или тому подобных премудростях. И нам вовсе не надо на это дело напирать. Надо напирать на то, чтобы ликпункты действовали правильно, чтобы вокруг них собиралась и ими интересовалась общественность; нужно, чтобы председатели исполкомов действовали правильно, не вздумали собирать подписей против ликпунктов; вот этим инспектор должен заниматься. Ротозеем и простофилей будет он, если не будет этим заниматься. Всякая попытка отмежевать инспектора от этой работы, неразрывно связанная с учебными делами, приведет к плохому, к тому, о чем вы все изволите сейчас плакаться. Вы плачетесь, что у вас разгромили или замордовали политпросвет. Вы понимаете, что политпросветчик и наверху и внизу должен непременно знать каждую стенгазету, как обстоит дело с другими частями его работы, должен иметь связь с активом и не только с ним, но со всем населением. Он должен вести работу и понимать в общем, в чем состоят задачи просвещения. Надо, чтобы эти организационные функции были отточены во всю, и с этим необходимо согласиться.

Второе разногласие—это расшифровка того положения, которое высказала здесь замнарком тов. Яковлева про старшего инспектора соцвосника. Мы с этим решительно не согласны. Давайте расшифруем, что значит рецепт тезисов тов. замнаркома. Это практически будет обозначать то, о чем говорил тов. Лаврентьев. Здесь пишутся разные схемы, кого там посадить и кто лучше—политпросветчик или соцвосник, а т. Лаврентьев расшифровал прямо, что непременно надо посадить соцвосника. Это ясно и определенно. Вам ли слушать, мне ли говорить, что именно так и будут действовать на местах; будет всюду соцвосник старшим инспектором.

Какое у нас сейчас положение с инспектурой политпросвета? Инспектор определенно говорит: вот меня поставили, и надо мной стоит соцвосовский беспартийный работник. Я спрашиваю этого товарища политпросветчика: а помогает ли соцвосник вам работать?—«Да нет, отмахивается от работы и говорит: это твое дело». Зачем ставить нас в такое положение? Нельзя здесь схемами отмахиваться от реальной жизни. Что обозначает старший инспектор? У нас на коллегии Наркомпроса нарком совершенно точно это расшифровал:—старший инспектор п р и к а з ы в а е т, распоряжается. Это и будет обозначать, что в вопросах бюджета, в самых основных, без которых нам никуда не двинуться, старший инспектор соцвосник будет играть первую скрипку, он будет приказывать: ты мой подчиненный, так ты не мешайся, я, старший участковый инспектор, буду защищать твои интересы. Вы понимаете сами, как он будет защищать. Я при этом предполагаю, что всегда он будет, конечно, добросовестным, он будет честно выполнять свои обязанности, но ему соцвос дороже, и ясно, что он зажмет наш бюджет. А доказано ли, что политпросветработа должна быть поставлена ниже всеобщего обучения? Где это сказано? Здесь такое положение, о котором интересно и правильно говорил нарком, когда определял наше общее положение. Он сказал—нет выше работы, чем борьба за культуру, хотя р я д о м столь же важными являются другие задачи. Я стою на той же позиции. Положение и подход те же самые. Необходимо бороться против неграмотности у взрослых, и это не является чем-либо второстепенным в сравнении со всеобщим обучением. Я уверен, что старший инспектор-соцвосник будет вполне правильно защищать свои интересы, но ведь он же—соцвос; а политпросвет останется опять в темном углу. Мы не имеем такого положения, при котором можно было бы не ущемлять друг друга—соцвосу и политпросвету. Кто-то кого-то будет урезывать, особенно при подходе к бюджетам. Кто-то всегда будет обиженным. И повторяю, что это будет тем ощутительнее для нас, если старшим инспектором будет соцвосник.

Нужно ли нам, чтобы старшим инспектором был политпросветчик? Нет, ни в какой степени, ни с какой стороны этого тоже не надо.

Есть ли объективная надобность, чтобы один из двух инспекторов района имел на себе ярлык: сие старший,—он приказывает? Есть ли в этом практическая необходимость? Я утверждаю, что нет. Здесь один из предыдущих товарищей говорил относительно разделения, разброда в руководстве и т. д. Это пустяки. Тут разделение сетей ясно и отчетливо. Не нужно старшего инспектора, чтобы их различать, все тут ясно само собой. Раз пришел просить насчет детишек, значит ясно, к кому нужно обращаться; если же пришел говорить о другом участке нашего фронта, это относится к политпросвету, споров и тут быть не может. Там, на местах, гораздо лучше разбираются. Тенденция этого дела ясна: послушайте, что говорил т. Лаврентьев. Он говорил много правильного, он невольно расшифровывал то, что думают в действительности. Разговор идет о каком-то районном ОНО. Откуда, где он взял этот районный ОНО? Те директивы, которые были утверждены правительством, ни о каком р а й о н н о м ОНО не говорили. Это какое-то среднее между районным инспектором соцвоса и политпросвета, какой-то гермафродит, извините. Тут принципиальный вопрос, который сводится к тому, чтобы нашу инспекцию переделать, перестроить, изменить ей лицо и сделать ее интегральной, т. е. «вообще» инспекцией.

Откуда вы взяли, что должен быть районный интегральный инспектор? Для нас и для вас это будет означать, что в каждом из тех случаев, когда будет сверху стоять старшим соцвос, политпросвет будет в загоне. От этого будет ущерб делу.

Я повторяю, что если вы проведете предложение Наркомпроса, то нам придется везде, во всех инстанциях протестовать против ущемления нас. Хотите вы этого? Лучше не создавать такого положения, которое ухудшит всю работу на этих наших участках, где (как вы сами признаете) положение неблагополучно.

Б о г а т ц о в. Если здесь можно играть на самостийности, которую отразил представитель Главполитпросвета, то, по моему, чем ниже мы будем спускаться, тем нагляднее будет видно, что это чрезвычайно неверная постановка вопросов (мягко выражаясь). В деревне по части всех разделов культурной работы и по части просветительной работы должна быть крепкая спайка. А ее не получится, если Главполитпросвет будет проповедывать самостийность.

Я думаю, что это надо будет отметить и отвести, как совершенно непригодное предложение Главполитпросвета.

Следующий вопрос, на котором я хочу остановиться, это вопрос о руководстве учреждениями, которые в таких единицах, как округ или уезд, имеются в единственном числе: детский сад один на округ, один на уезд, педагогический техникум—один на округ, нацменшкол одной какой-нибудь национальности—2 и т. д. Надо помогать этим просветительным учреждениям, надо им оказывать методическую помощь. Я думаю, что их надо объединять в более крупных территориальных единицах. Повидимому, краевой отдел наробраза должен иметь дошкольного инспектора, который охватил бы дошкольные учреждения, который не сидел бы в крае и не подписывал бумаги, а приезжал на места и давал бы методические указания.

В отношении руководства нацменучреждениями, которые представлены единицами, я думаю, что их надо будет тоже объединять в краевом масштабе. То же самое в отношении руководства просветительными учреждениями, как, например, техникумами, если они представлены в небольшом количестве, нужно иметь специальную инспектуру в крае. Конечно, это не снимает ответственость с окружных и уездных отделов наробраза, но зато дает возможность лучше налаживать работу на местах в этих отдельных единицах. Например, что может сделать окружной отдел наробраза, если у него имеется одна татарская школа, где занятия ведутся на татарском языке? Проследить за этой школой не представляется возможным. Если туда попадет мулла и будет преподавать Коран, то довольно трудно будет его понять, потому что он преподает на татарском языке. Я считаю, что в части методической помощи отдельным единицам, вкрапленным во многие округа, надо иметь инспектуру в краевом масштабе.

Об организации практикумов при наших опорных учреждениях. Учителю дается возможность пробыть в опытной школе неделю или две, посмотреть и обсудить ту практическую работу, которая проводится. Я считаю, что это очень важный момент в деле методпомощи просвещенцу.

О профессиональных союзах и их участии в производстве. Нужно подчеркнуть, что работа в деле культурного строительства может быть проведена успешно не только при помощи усиления инспектуры и соответствующей ее расстановки, но и при том условии, когда широкая масса просвещенцев будет принимать активное участие в работе по просвещению.

Только профорганизации смогут вытравить те недочеты, которые имеются в просвещенческой работе. Не при помощи административных мер, а при условии организации вокруг этих недочетов (а они имеются—на это закрывать глаза нельзя) внимания общественности самих же просвещенцев мы сможем их изжить. У нас имеются работники, которые ведут упорную борьбу по завоеванию трудовой школы; таких работников много, но в то же время есть работники, которые приезжают на ярмарку оптом, человек по 15—20, и по три дня там гуляют. Можно административно к этому делу подойти,—3 дня пропустил без уважительных причин—можно уволить,—но это вопроса не разрешает. Что же получится за толк, когда 15 школ будут пустовать? Я думаю, что профорганизации должны помочь изживанию подобных недостатков.

М у х и н (Марийская обл.). Аппарат народного образования строится не только согласно тем нуждам, которые мы испытываем в части рационализации дела народного образования, но главным образом согласно указаний планирующих органов, как РКИ, облисполком и т. д. Часто голоса местных отделов народного образования заглушаются голосами указующих органов, и поэтому волей неволей приходится приспосабливать своей аппарат с таким расчетом, чтобы, при наивозможно меньшей затрате средств, получить наивозможно бо́льшие результаты в смысле налаживания дела народного образования.

Вот это—общее замечание, гласящее о том, что на местах мы чувствуем себя органами, зависимыми от других планирующих органов.

Другое замечание общего порядка состоит в том, что аппарат народного образования по существу и принципиально не может быть построен по одинаковой системе на всей территории РСФСР. Аппарат должен быть приспособлен к местным условиям. Ясно, что аппарат, пригодный для промышленных центральных губерний может быть не пригодным для отсталых национальных областей. Таким образом в каждой губернии и в каждой области могут быть те или иные отклонения в зависимости от задач и нужд дела образования той или другой губернии или области.

В Марийской области отдел народного образования совершенно разгружен от каких-либо обязанностей в деле снабжения. Последнее передано местным исполкомам в лице их хозяйственной части. Хозяйственные части кантисполкомов должны снабжать наши школы всеми необходимыми материалами и учебными принадлежностями. Точно так же и снабжение учебниками и учебными принадлежностями проходит не через отдел народного образования, а через областное издательство, которое превратилось в орган снабжения органов народного образования. Такое разделение труда в части снабжения высвободило наши рабочие силы от непосредственного хозяйственного обслуживания наших школ. Надо сказать, что эта система упорядочила своевременность, плановость и регулярность снабжения, и, таким образом, мы в Марийской области как будто бы вернулись к временам бывших земств. Мы всю хозяйственную часть распределяем по другим учреждениям, но в то же время на себя взяли генеральную функцию, функцию направления работы народного образования по линии учебно-методической. Окончательно такая тенденция определилась у нас в нынешнем году, и результаты уже таковы, что мы имеем возможность судить о состоянии народного образования в целом гораздо более конкретно, более наглядно, чем это было во все предыдущие годы. За отделами народного образования должны остаться преимущественно моменты планирования и моменты методической работы.

Теперь о планировании. Мы вводим плановость не только в областной отдел народного образования, но точно так же и в кантонный.

О методической работе. У нас организация методической работы, примерно, такая же, какая существует в Ленинградской области. Мы всякие лишние инстанции методического порядка совершенно изжили, так называемые кантонные методические комиссии, волостные методические комиссии мы уничтожили, как бюрократический методический аппарат. Система организации методической работы сводится, примерно, к следующей схеме: областной учебно-методический совет, районные инспектора и дальше так называемые районные педагогические коллективы, которые разбиваются на педагогические ячейки. Эта система, введенная со второй половины прошлого года, в нынешнем году дает чувствовать себя в смысле улучшения методической работы вообще и, главным образом, в смысле оживления методической мысли среди широких слоев просвещенческих масс. Таким образом, Ленинградская система до известной степени соответствует и в нашей системе, и я смею заявить, что она даст наибольшие результаты.

Об инспектуре. В условиях национальной школы инспектор должен быть не только методистом, но, главным образом, общественником, организатором и педагогом.

П о г о ж е в. (Черноморский окр.). Товарищи, я думаю, что тезисы В. Н. Яковлевой нуждаются в одном дополнении: необходимо поднять роль самого наркомата, необходимо, чтобы наркомат полностью использовал свои конституционные права. Я очень мало знаю таких случаев, когда бы наркомат вступал в борьбу с тем или иным исполкомом, нарушающим его указания. Максимальное воздействие, предпринимаемое нашим наркоматом,—это особое письмо наркома в соответствующий

исполком. На это особое письмо часто не следует никакого ответа. Между тем,—об этом нужно съезду сказать,—вошло уже в традицию, что распоряжение Наркомпроса,—это так себе,—это лозунг, это—агитация. В кругах, которые непосредственно распределяют материальные блага, в особенности в органах Наркомфина, можно часто слышать такую реплику: «Распоряжения Наркомпроса очень хороши, но при них не приложены червонцы». Я не буду перечислять массы случаев оставления без исполнения распоряжений Наркомпроса. За последний год выявилась другая, гораздо худшая опасность, когда директивы правительства, данные по настоянию Наркомпроса, постигает такая же судьба, как и директивы самого Наркомпроса. На основе многочисленных поражений, которые вчера тов. Малышев рельефно констатировал, к нынешнему бюджетному году, под влиянием V Всероссийского съезда завоно, Наркомпрос провел ряд декретов в нашу пользу, которые должны были обеспечить нам более удовлетворительное разрешение бюджетной кампании. В действительности этого не получилось, прибавилось в бюджете по назначению $^1/_2$ %.Но правильно сказал тов. Луначарский на прошлом съезде работников просвещения, что есть еще исполнение бюджета, и я не уверен, что по исполнении бюджета у нас останется и это маленькое, с позволения сказать, благополучие. В части невыполнения правительственных директив достаточно указать на ликвидацию неграмотности. Мы имели декрет от февраля 1927 г., который должен был гарантировать эту область работы от всяких неожиданностей бюджетного порядка, а между тем именно на этом фронте получились наибольшие неожиданности. Что предпринял наркомат по этому поводу? Он только добился телеграммы тов. Смирнова, но не о реализации декрета, нет, а о недопущении снижения ассигнований по сравнению с прошлым годом. Кроме этой телеграммы никаких реальных мер не было предпринято. Я это квалифицирую, как недостаток власти в Наркомпросе. Я вспоминаю выступление тов. Эпштейна у нас в Новороссийске, который изобразил это, как нашу тоску по твердой власти. Я должен сказать, что не в отношении нас, конечно, нужна твердая рука Наркомпроса, а в отношении органов, на которые надо воздействовать и нам, и органам Наркомпроса. Недостаточно—как это сделал т. Луначарский на том же съезде работников просвещения—констатировать, что исполком такой зверь, который с Наркомпросом может и не посчитаться. Надо, чтобы Наркомпрос также был зверем и чтобы он добивался того, чтобы с ним серьезно считались. Конституция говорит о том, что распоряжение наркомата может не выполняться под коллективной ответственностью исполкома, а между тем распоряжения Наркомпроса просто не выполняются, без всякого обсуждения в исполкомах. Я считаю, что эту сторону дела надо в резолюции по докладу т. Яковлевой отметить.

Второе, что я хочу отметить, связано с 4-м тезисом т. Яковлевой, в котором говорится о неотложном разрешении вопроса о создании благоприятных условий для инспекторской работы, являющейся трудной и беспокойной. Те условия, которые выдвигает Варвара Николаевна, исключительно материального характера. Как будто дело только в том, что надо несколько рублей прибавить нашей инспекции. Такая постановка вопроса недостаточна. (Кстати замечу, что здесь имеются почему-то разногласия у двух замнаркомов—тов. Ходоровского и тов. Яковлевой: в их тезисах этот вопрос ими разрешается по разному). Я считаю, что вопрос о материально-правовом положении просвещенцев понимается чрезвычайно узко. Этот вопрос должен включать в себя и материально-правовое положение инспекторов. Положение инспектора получает крайне одностороннее освещение, особенно в печати. Та же односторонность обнаружилась и здесь у тов. Яковлевой и у тов. Долинко. В тезисах т. Яковлевой есть даже специальный тезис о том, что среди инспекторов наблюдаются случаи самодурства, какая-то несвойственная им роль угнетателей, словом,—нашлись разные такие крепкие слова. Я считаю, что поскольку эти крепкие слова сказаны на основе отдельных случаев и фактов, очень широко освещенных у нас в «Учительской газете», постольку нужно в противовес им сказать, что у нас есть другие инспектора—с другим обликом. Иначе получается крайне уродливая картина. Если бы посторонний наблюдатель захотел изучить типы наших инспекторов по нашей печати, особенно по «Учительской газете», я уверен, что у него бы получилось отвратительное впечатление, получилось бы, что у нас среди инспекторов, кроме бабников, насильников, самодуров и угнетателей, больше никого нет. В противовес этим отдельным безобразиям надо отметить, что мы имеем кадры, которыми надо гордиться. А союз работников просвещения в интересах поднятия производства должен противопоставить в своей газете этим отдельным уродливым типам—типы беззаветных бойцов на нашем фронте. Без создания такой обстановки морального сочувствия, массовой поддержки, общественной защиты инспекторов—мы уже имеем и будем иметь и впредь массовое бегство с должностей инспекторов. Словом, нужно иметь в виду не только материальное положение, но и то ужасное «беспокойство», которое в отдельных случаях превращается в травлю инспекторов. Я имею в виду конкретные случаи травли инспекторов «людьми с низов», которые обычно пользуются сугубой защитой тов. Долинко, но которые часто являются случайными людьми в рядах просвещенцев. И вот случайные люди в рядах просвещенцев, опираясь на общий тон «Учительской газеты», иногда умеют создавать невозможную обстановку для инспекторов, которые, не получая соответствующей защиты, реагируют единственным оставшимся в их распоряжении способом—бегством с этой «трудной и беспокойной работы».

Панцирная. Когда мы говорим о работе инспектора, то забываем, что инспектор должен быть не только методистом, организатором, но также и общественником. Если мы говорим, что учитель должен быть общественник, избач—тем более, то наш инспектор,—будь он при окружном отделении народного образования, а в особенности при районе, на участке,—если из себя не представляет общественно-политической фигуры, он не будет пользоваться уважением ни местных организаций, ни массовых просвещенцев. Он должен быть не только помощником педагогического работника, он должен суметь помочь сорганизовать местную общественность вокруг дела народного образования, он должен суметь правильно установить взаимоотношения между коллективом просвещенцев и всей местной общественностью. Надо создать вокруг низового инспектора в нашей общественной жизни определенный авторитет ему. Не только материальная сторона страдает у инспектора, но надо поставить вопрос об общем правовом положении и об общем месте его на нашей общественной лестнице.

О массовых мероприятиях отделов народного образования. Сейчас, когда ставится вопрос о норме на инспектора в 60 учреждений и одновременно говорится, что в районированных областях—на район, то здесь есть два противоречия. Нам дают на местах 60 учреждений, тогда как у нас в районе 60 нет. Нельзя подходить с одной меркой к норме учреждений. Возьмите Московскую губернию, где через 2 часа можно переехать из одного учреждения в другое. Возьмите северные окраины. Тут не только количество учреждений должно играть роль, но и территориальная разбросанность. Возьмите город. В городе другой признак. 14—15 групп—это одна школа. Так что вопрос исчисления норм на инспектора требует проработки. Мы должны этим заняться.

Говорили о том, что у нас инспекторов крайне недостаточно. Нам надо проверить, насколько применимы массовые формы инструктирования. Приезжает инспектор в школу. Пробудет в ней один день, в лучшем случае поговорит с одним-двумя, потом уезжает дальше. Мы сейчас слышим сетования не на то, что инспектор приехал, а на то, что он приехал очень не надолго, что это гастролер, что это ничего не дает. Отношение к низовому инспектору крайне положительное. Его ждут на местах. Но надо поставить вопрос так: лучше не все учреждения охватывать, лучше меньше, но надо там оставаться дольше, надо встать на путь коллективного инструктирования и коллективного инспектирования.

Я еще хотела обратить ваше внимание на то, как проходят наши районные конференции. Ставится 7—8 вопросов. Гонка в 3—4 дня. Куча резолюций. Кто руководит этими конференциями? В большинстве случаев просвещенцы варятся в своем собственном соку. Вопросы содержания работы наших районных конференций, вопросы содержания работы наших педагогических коллективов и школьных советов—это большая задача, которая стоит перед органами народного образования и нами, как союзной организацией. Надо обследовать состояние этой работы, правильно ли мы затрачиваем время, все ли делаем, что нужно. Просвещенцы прямо говорят—давайте более конкретное решение. Мало просто собираться, надо что-то делать на этих собраниях.

Последний вопрос—о двух поколениях. М е кажется, что ни в печати, ни в выступлениях у нас не подчеркнут один момент,—на какой кадр мы должны сейчас опереться и каким кадрам должны оказать в первую очередь помощь. Мне кажется, что мы забыли необходимую помощь нашему молодому учителю. Я получаю письма от наших педтехникумцев. В другой раз становится жутко. Перед отъездом сюда я имела письмо, очень резко оставшееся у меня в памяти, от одного окончившего педагогический техникум. Что пишет молодняк? С большими надеждами приехал сделать то-то и то-то. Через 3 месяца вижу, что в школе ничего нет похожего на то, о чем говорили в педтехникуме. Правда, приезжал инспектор, погладил по голове, но чувствую, что вся деревня, вся окружающая жизнь так сильно на меня давят, что я растерялся. К кому обратиться за помощью? Старший учитель живет за 15 верст, да может быть к нему и обращаться не стоит.—Мне кажется, мы должны поставить две задачи. Инструктируя, мы должны приблизить к себе молодое учительство, узнать, чем оно болеет, оказать ему практическую помощь, но одновременно использовать правильно и старое учительство. Ведь молодняк тоже свою отрицательную черту имеет—гордость, самоуверенность...

Он не пойдет индивидуально к пожилому учителю. Но нам нужно суметь найти коллективные формы организации дела народного образования как в отношении использования практического опыта наших старых учителей, так и в отношении помощи нашим молодым кадрам.

Т о в. Д о к ш и н (Северо-Двинская губ.). В тезисах докладчика довольно обстоятельно вскрыты недочеты в деле рационализации аппарата. Мне кажется, будет нелишним остановиться на недостатках сравнительно мелких, о которых никто не говорил, на недостатках механизма руководства, как это сказано в тезисах, и прежде всего я хочу указать на недостатки в механизме руководства у Наркомпроса. Я приведу два случая, которые наиболее близки во времени. Не так давно были выпущены письма отделами Наркомпроса—соцвосом и профобром—о праздновании юбилея Горького. Обратите внимание на даты, когда они написаны. По точной справке выходит, что письмо Главпрофобра написано 24 марта, а письмо Главсоцвоса—20 марта. «Еженедельник Наркомпроса», № 13, в котором они напечатаны, вышел в свет 30 марта. А 29 марта, как известно,

должно было состояться празднование юбилея. Для кого же и для чего написаны эти письма? Ведь у нас почта приходит не на аэропланах. Этот номер «Еженедельника» получен 6/IV. Хорошо, что мы научились за эти 10 лет сами давать соответствующие директивы на места. Но ведь Наркомпрос дает такого рода директиву, очевидно, не для приличия, а для чего-то иного. Спрашивается,—для чего, когда простой расчет показывает, что эта директива своевременно не будет получена? Это—факты довольно мелкие, но таких мелочей в Наркомпросе чрезвычайно много. Мне хочется указать еще на один случай, который точно так же относится к области качества руководства Наркомпроса. Возьмем подготовку к настоящему съезду: опять-таки в «Еженедельнике Наркомпроса» от 26 января или февраля (точно не помню) есть извещение о времени созыва, повестка дня съезда и дальше предложение: к 1 марта или к 1 февраля (я не помню точно, но во всяком случае, промежуток получается не больше 6—7 дней)—дайте, пожалуйста, материал. В одном из последующих уведомлений обещается, что тезисы будут присланы, а между тем, кроме записки о методологии планирования и тезисов о перспективном плане, мы ничего не получили.

Когда проблема улучшения советского аппарата вообще выдвигается в качестве основной проблемы, стоящей перед правительством и партией, мне кажется странным, что Наркомпрос до сих пор не удосужился дать четкий анализ работы по рационализации аппарата органов ОНО, и, надо сознаться, ни в докладе, ни в тезисах этого анализа не дано, а только подмечены некоторые недочеты. Об этом же говорят и прения, развернувшиеся вокруг этого вопроса.

В дальнейшем надо будет пожелать Наркомпросу более гибкого отражения партийных директив.

Такой крупный вопрос, как вопрос о социальном составе учащихся в школах I ступени (об этом есть специальная директива XV партийного съезда), Наркомпросом до сих пор не разработан, пока идут одни разговоры.

Спорный вопрос об участковых инспекторах политпросвета. Здесь Главполитпросвет проявляет главкизм, который пора вышибить. Почему нужен в каждом районе районный инспектор, когда мы вообще говорим об участковых инспекторах? Есть районы с населением в 100.000 и в 10.000 жителей; есть районы с количеством политпросветучреждений—50, а есть районы с количеством учреждений 5—7. Неужели и для такого числа учреждений нужен особый инспектор?

Нельзя делать исключений для инспекторов политпросвета и в отношении тех требований, которые мы предъявляем к инспекторам. Говорить, что инспектор политпросвета—это такой человек, который может ничего не знать в методике политпросветработы,—это неверный взгляд.

О планировании. В № 1 «Коммунистического просвещения» есть статья «О плановых муках»—козловского политпросвета. Там написано, что козловский политпросвет затратил на составление годового плана около 3 месяцев и родил детище, напечатанное на 30 страницах. Я ставлю вопрос, что было бы, если бы и соцвос и уездные отделы народного образования в целом задумали таким образом подойти к вопросу о планировании. Получились бы книжки в 100—120 страниц. Зачем и для кого это нужно теперь? Я считаю, что это не планирование, а планомания, ничем не вызываемая. Тем более курьезное впечатление производят такого рода статьи, что они находят благосклонное отношение со стороны редакции и поощряются Главполитпросветом. Здесь кто-то говорил, что козловский политпросвет является образцом для всех других. Меня чрезвычайно удивляет такое отношение к планированию. Пора поставить лозунг о конкретном и коротком плане, о том, что мы имеем

по многим звеньям советского аппарата и чего нет до сих пор по линии Наркомпроса.

Сергиенко (Хабаровск). Мы очень охотно проводим и станем проводить работу по разгрузке аппарата и по передаче целого ряда функций и обязанностей нашим низовым звеньям, но вся беда заключается в том, что, одновременно с этой работой, мы не ведем работы по укреплению этих звеньев. После произведенной «рационализации» райисполкомы состоят из 2 членов президиума вместо 3, и фактически наши материалы, которые мы посылаем на места для проработки, остаются без всякого движения. Это нужно признать совершенно ненормальным. Крайоно дает, например, указания местам о школьном строительстве, а эти указания прорабатывать некому. Наряду с разгрузкой и наряду с децентрализацией, о которой говорили, нужно укреплять наши низовые звенья.

Об интегральном инспекторе. В тезисах т. Яковлевой написано, что «впредь линия на интегрального инспектора должна быть исключена». Но в некоторых местах мы должны делать ставку на интегрального инспектора. В самом деле, почему в Дальневосточном крае, где чрезвычайно разбросанные районы, нельзя иметь, вместо двух плохих по качеству, одного хорошего работника, которому можно было бы заплатить как следует. Как обстоит с разъездами? При наших расстояниях, когда имеется несколько районов, с которыми связь поддерживается только 3—4 месяца в году, окружной инспектор обслуживать просветучреждения не может. Ставка в этом деле должна быть на районного инспектора. Но если они вдвоем выедут, это дело будет стоить дорого. Таким образом, все плюсы как будто бы за то, чтобы мы имели в некоторых случаях интегрального инспектора.

О методической работе. В тезисах по этому вопросу соблюдена полная последовательность. Если в наших окружных и губернских центрах намечается передача методической работы ряду учреждений опорного порядка или техникумам, то вполне понятно, что тезисы выдвигают такое положение и для раойонных и волостных центров. Я считаю, что это положение не всегда будет верным. В условиях нашего края, районные методические комиссии оправдали себя, а в тех местах, где мы имеем заведующих районных школ, освобожденных от непосредственной работы в классе, они могут руководить и кустовыми объединениями. Эти работники подчас помогают, а иногда заменяют районного инспектора и объезжают кустовые школы. Зачем при наличии этих жизненных форм упразднять районные методические комиссии, тем более, что президиумы райметодобъединений созывают два или три раза в году районные методические конференции? Таким образом, упразднение низовых методических комиссий я считаю в некоторых случаях нецелесообразным.

О педагогических кабинетах. Я не понимаю, почему их нужно обязательно организовывать при педтехникумах? У нас в Хабаровске существует такой кабинет при доме работников просвещения и работает достаточно успешно. Тут надо так поставить вопрос: создавать эти кабинеты нужно при тех учреждениях, где бьется общественная педагогическая мысль.

О расходах на разъезды инспектуры. В тезисах написано, что «нужно будет принять все меры к тому, чтобы эти расходы перестали быть расходами административно-хозяйственными, а стали бы расходами оперативными». Это невозможно сделать. У нас при рассмотрении бюджета расходы в части разъездных инспектуры определяют не в рамках нашего плана, а укладывают в рамки определенного процента годовых расходов от фонда зарплаты, который принят для командировок. Поэтому и судебные учреждения, и органы здравоохранения и народного образования

имеют одинаковый процент от фонда заработной платы данного учреждения. Пойти дальше этого мы никак не можем. Конечно, было бы очень хорошо перенести эти расходы в оперативные. Но я думаю, что это дело нужно провести здесь, законодательным порядком. Номенклатура бюджетная есть. Она принята Наркомфином. Надо, чтобы Наркомфин эту номенклатуру изменил, в противном случае на местах будет совершенно невозможно отстаивать перенесение расходов на поездки инспекторов в разряд оперативных.

Цырлина (Главсоцвос). О дошкольной инспекции. Где мы ее имеем и в каких местах? Мы ее имеем в Сибири, на Урале, в Майкопском округе, на Северном Кавказе, в Таганрогском округе, в Саратовской губ., в Астраханской губ., в Московской губ., в Ленинградской обл., в Татреспублике и в Башкирской республике. Я привела этот список для того, чтобы показать, что только в двух промышленных губерниях—Московской и Ленинградской—мы имеем инспектора по дошкольному образованию. В остальных промышленных губерниях, губерниях с огромным количеством женского пролетариата, текстильного пролетариата, мы этой инспекции не имеем. Отсюда вытекает, что в ближайший год, по моему глубокому убеждению, в связи с теми огромными задачами, которые выдвигаются в области дошкольного воспитания, нам нужно, по крайней мере, по промышленным районам и по краевым нашим объединениям такую инспекцию добыть во что бы то ни стало. Это, по моему, первое, бесспорное, о чем должен сказать наш съезд в своей резолюции.

О качестве наших инспекторов. Я думаю, что нам нужны не только инспектора-методисты,—для дошкольного дела это мало. Ведь если в самом деле мы должны поставить и, по моему, правильно ставим вопрос о том, чтобы в значительной степени перейти на средства общественных организаций и самого населения, то для того, чтобы выполнить эту общественную задачу, мы, несомненно, должны получить такого инспектора, который сумеет пробудить интерес у общественных организаций, у населения, у партийных организаций к дошкольному воспитанию. Для этого нам методиста-инспектора недостаточно, и таким инспектором мы не обойдемся. Наш инспектор должен иметь три основных качества: он должен быть методистом—раз, он должен быть общественником—два и он должен быть организатором—три. Вот эти три качества для наших дошкольных инспекторов являются несомненно необходимыми качествами.

Нужно приложить все усилия—я знаю, как это трудно сделать—к тому, чтобы инспектор по дошкольному воспитанию был партиец. У меня недавно был товарищ-инспектор из Иваново-Вознесенска, который проводит очень серьезную и очень большую работу в области дошкольного воспитания. Я спросила, крепкая ли у них связь с отделом работниц и крестьянок. Это, несомненно, та организация, с которой дошкольные организации на местах самым тесным образом должны быть связаны. «Я, ответила она, беспартийная, и мне очень трудно установить надлежащую увязку». Когда я поставила вопрос о связи с профессиональными органами, я получила такой же ответ. И я должна была убедиться в том, что беспартийному инспектору трудно продвигаться и по этим линиям работы. Поэтому я думаю, что как ни трудна, как ни сложна задача получить инспектора-партийца, мне кажется, что для дошкольного дела это является очередной задачей.

О правовом положении нашего педагога. Мы имеем сейчас такое положение, когда плохой школьный педагог идет на дошкольную работу, а хороший дошкольник стремится уйти с этой работы и пойти на школьную работу. Бытие определяет сознание. Мне кажется, что если мы это бытие не сделаем равным бытию нашего школьного педагога, мы совершим большую ошибку. Поэтому я думаю, что в резолюции нашего съезда по докладу

В. Н. Яковлевой и содокладу Цекпроса мы должны будем сказать, что дошкольный педагог в смысле материально-правовом должен быть уравнен со школьным педагогом.

К о з ы р е в (Брянск). О роли инспектора в системе наробразовского аппарата.—Друг, советник, помощник, руководитель, старший педагог—вот роль, которую отводит тов. Яковлева инспектору в нашем наробразовском аппарате. Мне кажется, что никак нельзя совместить все эти пять понятий—друг, советник, помощник, руководитель и старший педагог (г о л о с с м е с т а: «И товарищ».). Если это и друг и советник, то трудно этому другу и советнику быть руководителем. Если это руководитель,—он не всегда будет другом. Трудно быть другом всех руководимых. Было бы чрезвычайно плохое руководство, если бы мы имели всюду друзей. Это было бы никуда негодное руководство. Я считаю, что на нашем съезде нельзя таким образом определять роль инспектора. Нужно договориться до чего-нибудь более определенного. Наш советский инспектор—это, конечно, не старый инспектор народных училищ и не пропагандист, а к чему сейчас роль инспектора сводили: езди и пропагандируй советскую школу. Время заниматься только пропагандой прошло. Сейчас роль инспектора должна сводиться не только к пропаганде, не только к общим рассуждениям о трудовой школе, но нам нужен сейчас и контроль. Не нужно забывать, что сейчас вся основная сеть наших учреждений находится не только на волостных бюджетах, но и на сельских. Роль сельских советов, иногда идеологически не совсем выдержанных в деле народного образования, чрезвычайно большая. В школу просачиваются различные вредные идеологические явления. Здесь нужен твердый контроль со стороны органов народного образования.

Кем должен быть инспектор—методистом или организатором? Точка зрения Варвары Николаевны — методист и только — неверная точка зрения. Нельзя сейчас роль инспектора сводить исключительно к роли методиста. Вчера т. Луначарский говорил о том, что культурную революцию «проводить» нельзя, это не кампания, культурная революция делается массами, нужно в культурную революцию вовлечь все массы и организовать их. Кто будет эту работу вести?—Эта работа организации массы для проведения культурных мероприятий—задача нашего советского инспектора. В связи с тем, что мы вступили в полосу большой культурной работы, эта роль инспектора значительно увеличивается.

О специализации инспектора. Здесь существует такая точка зрения, что инспекторский аппарат должен состоять из инспекторов по различным специальностям — инспектор-словесник, инспектор-математик, инспектор обществовед. И все эти инспектора должны ездить и обследовать школы повышенного типа. Таким образом в школы повышенного типа—семилетки, девятилетки, в школы крестьянской молодежи—в течение года будут приезжать по 4—5 инспекторов. Вещь это совершенно невозможная, никаких средств у нас для этого нет, и мы будем все время дергать наши школы. На этот путь становиться безусловно нельзя.

О правовом положении учительства. Здесь у нас никаких разногласий нет, и все мы являемся защитниками правового положения учительства, но в этом вопросе встречаются чрезвычайно большие трудности следующего порядка. Вчера А. В. Луначарский указал, что нам в наши учебные заведения надо продвигать новые силы из окончивших педагогические советские учебные заведения. Имеем мы возможность это делать?—Нет, мы такой возможности не имеем. Старые педагоги-реакционеры остаются на своих местах и пользуются поддержкой со стороны Цекпроса. Я приведу следующий факт: в нашей Брянской губернии есть школа II ступени имени Ленина, и преподавателем литературы в этой школе был не кто иной, как бывший товарищ прокурора келецкого окружного суда.

Он был товарищем прокурора в «Царстве Польском», проводил русификаторскую политику в Польше, а затем примазался к советской школе и стал преподавать литературу в марксистском освещении. Губернский отдел народного образования снял его. Бывший товарищ прокурора приехал в Наркомпрос и от Главсоцвоса привозит отношение, гласящее, что бывшему товарищу прокурора не возбраняется быть преподавателем литературы в советской школе. Пусть тов. Долинко защищает этого преподавателя. Но мы считаем, что таких преподавателей надо снимать.

Последнее выступление В. Н. Мещерякова. Оно слишком бестактно по отношению к съезду. Мы не можем признать себя гермафродитами. На предыдущем съезде отделов народного образования т. Мещеряков говорил о крокодилах, о змеях, а на этом съезде о гермафродитах. Все это можно принять в шутку. Но основное в том, что т. Мещеряков проповедует «крамольные» мысли—о разбазаривании Наркомпроса. На эту точку зрения становиться нельзя и в первую очередь нельзя допускать, чтобы снизу разбазаривался аппарат Наркомпроса. Нельзя допускать, чтобы в губернии инспектор политпросвета составлял часть аппарата народного образования, а на низах были два самостоятельных инспектора—инспектор политпросвета и соцвоса. В районе нужен отдел народного образования. Инспектор политпросвета должен составлять часть этого отдела народного образования, а в нерайонированных областях один из инспекторов должен быть старшим, как бы уполномоченным уоно. Неправильна точка зрения т. Мещерякова и в том отношении, что всеобщее обучение не важнейшая задача, а одна из важнейших в области народного образования. Для нас всех ясно, что если всеобщее обучение не будет введено в ближайшие годы, то для политпросветских ликпунктов подрастут миллионные новые кадры неграмотных, и политпросвету с неграмотностью не справиться в десятки лет.

В. Н. К а с а т к и н (Орг.-план. упр. НКП РСФСР). Товарищи, несмотря на вопль т. Артамонова, который говорил, что необходимо дальнейшее увеличение штатов, нужно признать, что мы вступили в полосу длительной рационализации, а следовательно, и сокращения нашего управленческого аппарата. В то же время объем нашей работы увеличивается, а самая работа дифференцируется. Где же выход из диспропорции между объемом работы и штатом тех органов, которые должны осуществлять эту работу? Выход намечается по двум направлениям. Первое, основное направление указано в тезисах тов. Яковлевой—это всяческая разгрузка нашего аппарата от всех тех функций, от которых его можно разгрузить без ущерба для дела, и в особенности разгрузка от непосредственной методической работы путем создания опорных учреждений. Но есть и другое направление, и оно идет по линии строгого разделения труда между звеньями нашего управленческого аппарата и внутри этих звеньев. По этой линии дело у нас пока что обстоит неблагополучно. Что мы имеем сейчас? Мы имеем ярко выраженную систему многоответственности: все звенья нашей наркомпросовской лестницы непосредственно отвечают за все типы учреждений, например: за школы I ступени, за ликпункты, за дошкольные учреждения и т. д.; отвечает и участковый инспектор, и уездный (или окружной) отдел народного образования, и губернский (или краевой) отдел народного образования, и, наконец, Наркомпрос. Это неправильно, и если мы будем и дальше сохранять в нашем аппарате такой параллелизм в работе между различными звеньями аппарата, мы проблемы диспропорции между объемом работы и аппаратом не разрешим. Здесь надо взять линию на строжайшее разделение труда между различными звеньями нашего аппарата. Массовые учреждения должны непосредственно ведаться участковым инспектором и уездными(или окружными) отделами народного образования и н и к е м б о л ь ш е. Гу-

бернские (или краевые) отделы народного образования должны непосредственно ведать только сетью повышенных учреждений. Всякая попытка как-то согласовать заведывание (и ответственность) повышенными учреждениями между губ- и уоно ни к чему не приведет, кроме путаницы. Не даром же и Варвара Николаевна, пытаясь обосновывать необходимость участия уоно в руководстве повышенными школами, должна была взять для примера случай форс-мажорного порядка. Но систему управления нельзя строить на возможнсти разных казусных случаев. Конечно, они могут быть, и тогда в дело вмешивается тот, кто стоит ближе к учреждению, скажем, даже участковый инспектор. Но линию нужно держать на четкое разделение труда, прав и ответственности между различными звеньями нашего аппарата.

Теперь несколько слов относительно инспектуры. Тов. Яковлева в своих тезисах отражает ту точку зрения, которую защищал и я. Ряд выступавших товарищей говорят, что она неверна. То же говорили и на некоторых губернских съездах по народному образованию, где я ставил этот вопрос в предварительном порядке. Говорят: нам нужен инспектор-типовик. Но чем является сейчас и неизбежно будет и дальше т а к о й инспектор? Об этом красноречиво говорят теперешние доклады инспекторов функциональных управлений НКП и доклады инспекторов губернских отделов народного образования. Из 15, скажем, страниц доклада $14^1/_2$ посвящены вопросам организационного, бюджетного, административного и финансового порядка и полстранички (а иногда и этого нет)—вопросам организационно-методического характера (а не ф у н к ц и о н а л ь н о-методического). Такой инспектор навеки останется инспектором-организатором и не поможет школе в методическом отношении. Философское обоснование для такого рода инспектуры дал сегодня В. Н. Мещеряков, и с этой философией должны согласиться все те, которые настаивают на типовом инспекторе. В самом деле, на какие школы повышенного типа соцвоса распространяется компетенция инспектора-типовика. На школы ФЗУ, школы крестьянской молодежи, школы-девятилетки и второй ступени с уклонами и без них, т. е. на школы с самыми разнообразными целевыми установками. Думать, что этот человек может что-либо дать работникам этих школ в области методики, значит сеять иллюзии, а ведь одной из задач нашей реорганизации было усилить работу ОНО именно по линии методической помощи учреждениям. Я думаю, что товарищи, возражающие против цикловой инспектуры, возражают с точки зрения прошлого, а отчасти и с точки зрения будущего. Я не помню, уцелела ли в тезисах Варвары Николаевны фраза относительно того, когда мы придем к типу интегральной (типовой) инспектуры. Но когда это будет? Когда мы выполним работу по созданию опорных учреждений, тогда не будет надобности в таком типе инспектора, который я защищаю, тогда в ОНО останется небольшой кадр инспекторов-организаторов, которые будут вести лишь общее наблюдение. Но до этого надо дойти. Здесь прыгнуть нельзя без риска сломать шею. Нам нужно пройти через период цикловой инспектуры. Обычно говорят, что для осуществления цикловой инспектуры нужно увеличить штаты, но ведь по моему проекту в аппаратах губ- (край) ОНО не нужно иметь инспекторов по школам первой ступени, по ликвидации неграмотности, по дошкольным и другим массовым учреждениям. Кроме того, цикловая инспектура не есть п р е д м е т н а я инспектура. Говорят, что в одну школу в таком случае могут приехать 4 или 5 инспекторов в год. Я думаю, что от такого несчастья мы достаточно застрахованы прежде всего финорганами. Да в этом и по существу нет надобности. Если вы знаете, что та или иная школа хромает во всех отношениях, придется сразу снарядить группу из 2—3 товарищей, которые поедут, произведут обследование; если же хромает только часть дисциплин, поедет только один человек. Говорят, где же

губоно охватить всю сеть повышенных учреждений. Если гнаться за обследованием в с е х учреждений, это будет непосильно ни для какого аппарата. Обследование всегда будет выборочным. Будут браться крайние учреждения,—самые плохие на предмет подтягивания и самые хорошие для того, чтобы их опыт был обобщен и использован для других школ. Варвара Николаевна, взяв мой принцип цикловой инспектуры, не довела его до логического конца, сведя всю проблему к инспекторам по повышенным школам соцвоса. По моей же схеме инспектор, например, по гуманитарным дисциплинам является не только инспектором по повышенным школам соцвоса, но инспектором и по профобровским и политпросветским школам по соответствующим дисциплинам. Инспектор-индустриалист—это не только инспектор профобровских учреждений, но и инспектор школ ФЗУ и детдомов по трудовым процессам. Инспектор-сельскохозяйственник распространяет свою компетенцию и на школы крестьянской молодежи и т. д. Варвара Николаевна, говоря о старшем участковом инспекторе, правильно говорила, что нам надо собрать все наши учреждения воедино, но нужно делать это и в губернских и краевых отделах народного образования, а это можно сделать прежде всего путем переплетения инспекторских функций, распространения функций инспектора на в с е учреждения, что будет способствовать изживанию имеющихся ведомственных уклонов и превращению ОНО в действительно е д и н ы й аппарат, о котором мы мечтаем.

К о ж - А х м е т о в (Казакская республика). О реорганизации аппарата народного образования. Что дала реорганизация? Безусловно—достижения имеются, но на ряду с этим имеются и некоторые недочеты. Местами эта реорганизация превращалась в простое сокращение штатов по народному образованию, что безусловно имело свое отражение на производстве. Это выразилось в следующем: были ликвидированы городские отделы народного образования. С ликвидацией городских отделов народного образования функции их передавались губернским отделам народного образования. Тут, так или иначе, губернскому отделу народного образования пришлось уделить внимание на город больше, чем на губернию в целом. Вот это обстоятельство лишило губоно возможности в достаточной мере руководить в губернском масштабе вообще и осложнило работу аппарата в частности. Это—первый момент. Второй момент—сокращение технических работников,—делопроизводителей, статистиков и т. п. Многие товарищи уже говорили, что, несмотря на сокращение штатов аппаратов народного образования, объем работы остался тот же—это верно. Отсюда ту работу, которую вели технические работники, как например, статистики, делопроизводители и т. д., пришлось возложить только на инспекторов и особенно работу по статистике. Вы знаете, что статистика народного образования поставлена всюду плохо, а без статистики мы не можем работать, в особенности в момент, когда работа у нас началась строиться в плановом порядке. Была редиктива о том, чтобы передать эту работу статотделу, но ЦСУ от этого отказалось. Таким образом сейчас работа по статистике висит в воздухе. Она одновременно занимает одного или двух инспекторов. Вот здесь нужно вспомнить слова тов. Яковлевой, которая говорила, что инспектор должен быть освобожден от всякой технической работы. Эти слова тов. Яковлевой вполне правильны, но только нужно будет этого добиться на деле.

Об инспекторе. В тезисах доклада сказано, что нормы одного инспектора определяются количеством учреждений, т. е. не должны превышать 60. По моему, здесь должно быть не только ограничение в смысле количества учреждений, но нужно при установлении норм принимать в расчет территориальную разбросанность того или другого района. Мы имеем на национальных окраинах такие районы, которые в радиусе имеют

400—500 верст, где безусловно нет 60 учреждений. Если мы будем гнаться за этой нормой, за этими 60 учреждениями, то нужно слить будет несколько районов, которые в радиусе будут иметь несколько сотен верст, а там, как вам известно, сообщение на быках, на верблюдах, на лошадях в лучшем случае, и, для того, чтобы объехать эти сотни верст, нужно будет затратить несколько месяцев, а это невозможно. Вот почему я и предлагаю внести такого рода дополнение.

Какие школы преобладают в национальных окраинах? Например, в Акмолинской губернии—это северная часть Казакской республики—преобладают только однокомплектные школы,—71% их, включая сюда все национальности,—а у нас—национальная пестрота: чуваши, мордва, немцы, не считая коренного казакского и русского населения. На казакскую часть приходится 85%, однокомплектных школ. Этим обстоятельством объясняется тот печальный факт, что из 53.000 учеников в прошлом году окончило только около 3.000. Конечно, такие школы своим качеством далеко не удовлетворяют возросшие запросы масс, запросы населения. Очередной задачей национальных окраин должно быть постепенное преобразование существующих двухлеток в четырехлетки. Я ставлю этот вопрос потому, что многие не оканчивают четырехлеток, а раз они не оканчивают, то количество кадров, необходимых для поступления в школы повышенного типа, недостаточно. Вот какая задача должна стать перед нами.

Борухович. Чрезвычайно больным местом в нашей работе я считаю руководство методической работой в ОНО. Совершенно необходимо теперь же приступить к составлению пятилетнего методического плана работы. Мы достаточно окрепли организационно и материально, чтобы сейчас поставить перед собой задачу составления такого плана. Если мы будем знать, на какой период времени мы предъявим определенные задачи к типовым учреждениям, то в соответствии с этим нам будет легче построить и форму проведения методической работы. Мне думается, что Наркомпрос должен дать определенные директивы и положения для этого пятилетнего методического плана. В некоторых местах эта работа проделывается. Наркомпросу нужно подумать о создании такого центра, который руководил бы методической работой более четко.

Здесь шел спор относительно старших инспекторов. Резко выступал против т. Мещерякова один товарищ. Тов. Мещеряков чрезвычайно возбужденно здесь говорил, не следовало бы так возбуждать страсти. До чего договорились?—До того, что Главполитпросвет хочет растащить Наркомпрос. Если такое положение имеет место, это из рук вон плохо. Мне думается, что такого положения нет не потому, что я бывший политпросветчик, а потому, что мы на политпросвет до сих пор смотрим таким образом: это, дескать, дело политпросвета. Конечно, если от ликвидации старших инспекторов выиграет политпросвет, я был бы за это. Но мне думается, что вовсе не в старшем инспекторе зло, а в том, что мы на местах политпросвету не уделяем достаточного внимания. Необходимо старших инспекторов иметь не только для политпросвета, но и для соцвоса. Это утопия говорить, что не нужно никакого объединяющего центра инспектуры народного образования. Я не знаю, как это дело обстоит в других местах, но из практики своей работы я убежден, что без объединяющего определенную группу инспекторов человека мы работу планово не проведем, и поэтому крайне нужен старший инспектор.

Относительно районных старших инспекторов. Товарищи забыли существующее положение о риках. Есть общий отдел рика, который ведет наробразовскую работу. Он должен и увольнять, и принимать учителей, и всю хозяйственную работу проводить. Я думаю, что старший районный инспектор совершенно излишен.

Два слова относительно нас, грешных. Товарищи из скромности здесь молчат о себе, а пора уже по этому поводу кое-что сказать. В каком наркомате существует такое демократическое отношение к своим заведующим, как в Наркомпросе? Нас могут сегодня снять, завтра назначить куда угодно, перевести куда угодно, как пешек переставить, и Наркомпрос абсолютно ничего не говорит. В нашей губернии был случай: сняли товарища, а он до сих пор ходит и думает, за что сняли, и никто об этом ничего не скажет. А попробуйте в Наркомфине снять заведующего губфинотделом. Тут в такие колокола зазвонят, что просто оглохнешь. На нашем фронте нужно создать такое положение, чтобы наркомат имел своих работников на местах, чтобы их никто не мог дергать. Нельзя снимать и назначать заведующих ОНО без согласия на то вышестоящих органов по просвещению.

Относительно квалификации. В третьем номере «Народного просвещения» об этом один товарищ писал и, по моему, впопад и во-время. Надо предъявить определенное требование к Наркомпросу. Инспекторов всех ступеней обучаем, воспитываем и квалифицируем, опорные школы квалифицируем, а сами в стороне от этого дела. Все поднимаются, а мы опускаемся все ниже и ниже. Я, грешным делом, подумал, что будет через два года? Мои инспектора все прошли центральные курсы, а я нет. Нам предъявляются огромные требования, и без помощи Наркомпроса мы не справимся, не овладеем всей суммой задач. Поэтому я считаю необходимым просить и настаивать, чтобы в форме курсов или экскурсий было что-то организовано для завоно, чтобы поднять их квалификацию.

И. И. Ходоровский. Поднятый здесь вопрос о кадрах, о том, чтобы руководящие работники в области народного образования не перебрасывались без конца с одной работы на другую, чтобы они имели возможность специализироваться в области народного образования, является вполне своевременным. За все это Наркомпрос, по мере сил своих, ведет систематическую и упорную борьбу, но мы не можем похвалиться, чтобы были сколько-нибудь значительные результаты в этой борьбе. Поэтому еще раз и еще раз нажать, крикнуть и что-то предпринять—вещь совершенно необходимая и понятная.

Перейду к другому вопросу, к той области работы, к которой я близко стою, к вопросу профессионального образования. В прениях по докладу тов. Яковлевой, чрезвычайно живо, интересно и активно развернувшихся, освещались разные моменты и разные вопросы, касающиеся руководства нашей работы. Тут и славяне между собою спорили и боролись—соцвос и политпросвет, кому быть старшим инспектором и быть ли вообще старшему инспектору; задевался и вопрос об организации методической работы. Все это чрезвычайно важно и существенно и должно найти свое четкое отображение в наших постановлениях. Но ни один из выступавших товарищей не упомянул об инспектуре профобра. По трем причинам могло это случиться: либо этой инспектуры не существует в природе, что весьма вероятно; либо все обстоит благополучно, что мало вероятно; либо сама работа имеет настолько третьестепенное значение, что о ней можно не говорить, что вряд ли было бы правильно. Как бы то ни было, об этом участке работы никто не говорил, и я позволю себе отнять у вас несколько минут времени в пределах регламента, чтобы напомнить, хотя бы по долгу своей службы, об этом заброшенном и забытом участке нашей работы; а что этот участок действительно забытый и заброшенный,—это не подлежит ни малейшему сомнению. С руководством в области профессионального образования дело обстоит очень тяжело, и тут не внутриведомственные соображения наркомпросовского порядка мной руководят, а совершенно объективное изучение того, что мы действительно в этой области имеем. Между тем руководство профобразованием на местах

сейчас в значительной мере усложнилось. Мы имеем в данное время реорганизацию дела управления профессиональным образованием—децентрализацию, когда в непосредственное ведение отделов народного образования перешли чрезвычайно квалифицированные типы наших учреждений и в значительном количестве. Это, во-первых, и, во-вторых, перед нами задача—удовлетворить обострившиеся и справедливые требования, предъявляемые к нашей работе со стороны перестраивающегося и энергично продвигающегося вперед нашего хозяйства—как промышленности, так и сельского хозяйства. Тут надо сказать, что мы, как в центре, так и на местах, за этими запросами не поспеваем ни в малейшей мере и нас ждут большие разочарования и, что самое главное, вероятно, большие поражения. На эту сторону обратить внимание я считаю своей обязанностью. У нас в области руководства профессиональным образованием со стороны местных органов народного просвещения дело обстоит неблагополучно как в отношении количества, в смысле аппарата, так и в отношении качества, и, разумеется, не потому только, что отделы народного образования относятся недостаточно внимательно,—и это имеет, конечно, место,—но и по целому ряду причин иного порядка. Но факт таков, что с этим руководством обстоит неблагополучно. Если мы обратимся к краевым органам народного образования, например, к Северо-Кавказскому краевому отделу народного образования, то увидим в аппарате 4 инспекторов профобра и во всех округах—ни одного. Я считаю, что и не нужно в округах иметь инспекторов профобра. Если возьмете Урал—промышленный район,—задачи в области профессионального образования здесь исключительно огромные по объему, исключительно важные по качеству,—то здесь в областном отделе народного образования—4 инспектора и по 3 округам по 1 инспектору. В Сибири тоже дело обстоит не лучше. Мне казалось бы, что самое разумное распределение работы было бы такое, при котором инспектура была бы сосредоточена в краевом отделе народного образования, и краевой отдел имел бы возможность через посредство этой инспектуры фактически руководить. Округа все равно поставлены в невозможность фактически руководить положением дел. Если в округе имеется 3 педагогических техникума, или 4—2 сельско-хозяйственных, 1 индустриальный и 1 медицинский, вы ни при каких обстоятельствах этими учреждениями руководить не будете. Будет сидеть у вас один инспектор, который будет то-и-дело только смотреть на все то, что перед его глазами делается. Это будет неразумная трата средств и сил. Разумнее собрать эти силы в крае и дифференцировать инспекторскую работу. Я бы советовал тов. Перелю подумать над этим. Он противник этой реформы, но я думаю, что это было бы целесообразно.

В отношении инструктирования небольшой кулачек должен быть собран в одном месте.

В отношении качества. Тут упор на качество должен быть сделан исключительный, потому что приходится иметь дело с чрезвычайно квалифицированным учреждением. Товарищи здесь указывали, и совершенно правильно, что сейчас к инспекторам школ соцвоса, даже первой ступени, предъявляются чрезвычайно высокие требования: покажи, как работать, пособи, дай полезные указания,—это в еще большей мере применимо к инспектору профобразования, который приезжает в педагогический техникум, индустриальный, или сельско-хозяйственный. Никого из работников не будет удовлетворять, если он посмотрит отчеты о том, когда начался учебный год, когда кончился, сколько поступило, социальный состав, здание и оборудование, и кончит на этом свою работу. Если примете во внимание, что работники профучебных заведений тоже нуждаются в повышении своей квалификации и что самое повышение продвигается

чрезвычайно туго и чрезвычайно медленно,—а вести работу необходимо,—вы согласитесь, что вопрос о качестве инспектора профобра, о подборе приобретает исключительное значение. Требования к нашей работе растут изо дня в день. Кроме того, мы с вами находимся на этом участке работы под стеклянным колпаком. Если в области социального воспитания мы сами себя критикуем, хотим—критикуем сердито, хотим—критикуем либерально, то в отношении профобразования дело обстоит иначе. Каждый наш неудачный шаг возводится в куб, а удачный преуменьшается. Не в этом беда, а беда в том, что каждый наш шаг находится под контролем, на учете и к нам предъявляются все те требования, на уровне которых мы должны быть. Товарищи, не нужно скрывать, что в последнее время над народным образованием по линии профобразования нависла некоторая гроза. Вы знаете, что попытки, из различных углов идущие, как-нибудь отхватить тот или иной кусок народного образования, в данном случае профессионального, делаются очень часто. Сейчас они опять проявляются,и опасность достаточна серьезна. У меня такое представление, что мы нашу культурную революцию начинаем с того, что у нас хотят отнять важнейшие части, при посредстве которых мы эту культурную революцию можем совершить. Об этом нужно говорить совершенно определенно. Если я об этом говорю сейчас, то не для того, чтобы защитить ведомственную точку зрения и здесь вступать в борьбу с теми, кто хочет на этот важнейший участок нашей работы покуситься, а для того, чтобы мы сами осознали, что с профобразованием дело обстоит чрезвычайно неблагополучно, что задачи, стоящие в этой области перед нами, исключительно важны. Это звено в нашей работе приобретает сейчас самое важное и решающее значение, и если мы хотим в области культурной работы действительно двинуться вперед, нам нужно за это звено основательнейшим образом уцепиться, приналечь и из кризиса выйти.

Щ у р о в. В тезисах, предложенных нам тов. Яковлевой, имеется очень интересное место, на котором, к сожалению, никто из товарищей не остановился. В них сказано: «Вместе с тем и органы союза должны более энергично проявить себя в деле защиты прав просвещенцев». Прежде всего возникает вопрос, от кого это Наркомпрос предлагает союзу усиленно защищать просвещенцев? От своих же органов на местах? Получается так, что мы, мол, делали беззакония и будем делать беззакония, а потому, союз, защищай хорошенько от нас работников. Мне кажется, эту формулировку в тезисах нужно изменить. Я согласен с тем, что наши местные ячейки должны гораздо энергичнее защищать наших работников, однако и Наркомпрос должен сам постараться научить свои местные органы более внимательно относиться к просвещенцам. Во время перерывов мне приходилось беседовать с отдельными заведующими отделами народного образования, которые говорят прямо противоположное тому, что сказано в тезисах тов. Яковлевой. Они говорят не о том, что союзу нужно усилить свою работу, а о том, что союз слишком энергично защищает членов союза. Получается чрезвычайно характерное противоречие. Наркомпрос рекомендует союзу более усиленно защищать работников, а местные заведующие отделами просят поменьше их защищать. На самом деле никакого противоречия нет и вот почему: в то время, как политика Наркомпроса направлена к тому, чтобы улучшить правовое положение работников, в то же время мы на местах, к сожалению, сплошь и рядом видим, что органы Наркомпроса в этом отношении чрезвычайно слабо отзываются на призывы Наркомпроса и союза и не только не улучшают правовое положение работников, а, наоборот, за последнее время даже ухудшают. Здесь мы сталкиваемся с тем основным вопросом о роли просвещенцев в деле осуществления культурной революции, вокруг которого все время вращаются прения, с тем непониманием их роли

в культурной революции, с которым союзу приходится вести борьбу. Наркомпросу нужно не просить ее усилить, а помочь союзу заставить свои местные органы наладить правильные взаимоотношения с работниками и помочь им в изживании имеющихся недостатков. В связи с этим находится и поставленный тов. Яковлевой вопрос об инспектуре. Инспектор стал теперь центральной фигурой, потому что в условиях реорганизованного аппарата он является приводным ремнем от Наркомпроса и его органов к массам, но он уже давно важен для просвещенцев и союза как фактор, в значительной степени и часто определяющий судьбы просвещенцев. Исходя из этого, мне кажется, что неправильно все-таки в тезисах тов. Яковлевой делается установка только на инспектора-методиста, неправильно не по идее, а по тому, что фактически в жизни инспектор не сможет быть только методистом. Возьмите сельский район, где юридически судьбой просвещенцев распоряжается рик, а фактически без инспектора он ничего сделать не может, и он не будет увольнять или перемещать учителя, не спросив мнения инспектора, так как последний ближе знает работу учителя, чем рик. Таким образом ваш инспектор-методист фактически превращается в администратора, и этого из жизни не выкинешь. А раз это так, то в резолюции необходимо отметить, чтобы инспектора в своей административной работе более бережно обращались с просвещенцами, чтобы не перекидывались ими как пешками! Возьмем в качестве примера случай с учителем Горским, который был уволен с ведома инспектора и при его содействии—опубликовано в последнем номере «Учительской газеты», которая была роздана вам. Когда нам пришлось этим делом заняться, то мы выяснили, что в рике не оказалось фактически ни одного отрицательного отзыва об этом работнике. Инспектор, решая вопрос об его увольнении, не удосужился внимательно посмотреть его дела. А между тем в делах было не мало отзывов, говорящих о том, что «тов. Горский очень хороший и ценный работник-общественник». Все это раскрылось только на самом заседании, созванном представителем облотдела союза, а до этого заседания все, в том числе и инспектор, говорили, что есть материалы против него. Могут ли после этого работники относиться к инспектору, как к старшему товарищу-руководителю? Одновременно с этим выяснилась и вообще нецелесообразность снятия работников в такой момент, когда у нас фактически работников не хватает. Так, например, в случае с Горским выяснилось, что на место учителя-общественника (каким был Горский) была направлена жена бывшего помещика, лишенного всех прав, и когда мы на заседании показали этот материал, то и рик и инспектор схватились за волосы! Так «внимательно» отнесся к этому делу тот, кто ближе всех стоит к просвещенцам, а именно инспектор. И это не единственный случай. В тезисах Варвары Николаевны я предлагаю, наряду с правильной установкой на инспектора-методиста, все-таки учесть, что он будет иметь некоторые административные права и что отделам народного образования необходимо особенно остро поставить перед инспекторами задачу бережного отношения к работникам-просвещенцам, чтобы они помнили, что это не пешки, а люди, которые, если к ним не относиться бережно, могут быть доведены до такого состояния, какое мы наблюдали под Москвой. Для того, чтобы не было таких случаев, съезду необходимо дать свои решающие указания в этом вопросе, и тогда не будет надобности Наркомпросу просить союз получше защищать работников от него и его местных органов.

А. В. Луначарский. Товарищи, знаменитого немецкого педагога Бартольдо Отто прозвали учителем учителей и он этим звучным званием очень гордился. Мы хотим фактически, а не только в отношении почетного наименования, сделать инспектора учителем учителей. К этому сводится основная линия в той части доклада и тезисов Варвары Николаевны, которая посвящена инспектуре. У нас есть тенденция освободить инспектора от всяких других забот, чтобы он смог полностью выполнять эту необычайно важную задачу. Мы знаем, что наше учительство для выполнения тех гигантских задача, которые история ему поставила, недостаточно подготовлено. Молодежь, которая выходит из наших педтехникумов, не вполне на высоте и очень неопытна. Одной из ближайших задач Наркомпроса является уточнение рецепта, по которому должен готовиться наш учитель в педтехникуме. Тов. Долинко говорил, что десятки тысяч учителей мечтают о том, чтобы программа Гуса была снята. Но есть и десятки тысяч учителей-активистов. Учителя-активисты—народ чрезвычайно жадный до знания и категорически требующий: извольте повысить нашу квалификацию! А остальные учителя, которых к активистам нельзя причислить, нуждаются, чтобы их от времени до времени встряхивали зашиворот и двигали вперед. Чтобы выполнить задачи, которые ставит перед ним страна, мы должны наше учительство инструктировать. Когда мы говорим—инспектор, то мы имеем в виду не человека, который приезжает, чтобы обследовать, не инспектора в качестве врача, который умеет поставить хороший диагноз, который может снять того или иного учителя, произвести те или иные административные распоряжения. Нет, мы хотим, чтобы инспектор, после того, как он проинспектирует, еще и проинструктировал, т. е. сказал: «У тебя то-то и то-то идет неважно, а для того, чтобы шло лучше, вот что ты должен сделать». Такой инспектор-инструктор для школ первой ступени должен быть таким же универсальным, как и учитель.

Настоящим инспектором для школы I ступени должен быть ни кто иной, как учитель, прошедший определенный учительский стаж и поэтому более опытный. Это должен быть человек, который всю учительскую профессию знает на зубок, лучше, чем рядовой учитель, и в то же время человек, которому ничто учительское не чуждо. Совершенно ясно, что мы такого инспектора иметь сможем, если лучших учителей этих опорных школ после известного стажа и наблюдения будем превращать в инспекторов. Из молодого и неопытного учитель превратится в опытного, из опытного в опорного, из опорного в инспектора. Это естественный ход вещей.

К сожалению, тут есть два препятствия. Первое препятствие: мало такого рода учителей, которых можно к этому инспекторскому делу приспособить. Возможно, что поэтому мы сразу создать инспектуру, которая бы нас полностью удовлетворяла, не сможем. Второе препятствие: у нас оплата инспектора и условия его работы,—о чем говорил тов. из Кунгура,—таковы, что новые хорошие учителя на эту работу не идут. Если же мы будем делать инспекторами не лучших учителей, а средних или ниже средних, тогда результатов не получим. Просто смешно будет, если хорошего мастера начнет проверять скверный мастер. В чем он может быть ему полезен? Ни в чем. Один партийный работник на Уральском краевом съезде говорил: «Не нужно стремиться к тому, чтобы всякое инспекторское место было замещено. Если вы его заместите негодным человеком, который будет посмешищем для учителей, который будет дергать их, то лучше совсем не замещайте». Это, конечно, не есть правило, которое мы должны принять к руководству в нашей практике, но это некоторое указание того, насколько важно иметь надлежащего качества инспектуру. И все наши усилия и в Наркомпросе,и на местах должны направляться к тому, чтобы этот инспектор,—я пока говорю об инспекторе школы I ступени,—был на высоте.

То же самое относится к избачу. Он должен отвечать типу той работы, которую начал проводить Главполитпросвет. Опытный избач превращается в опорного избача, и оттуда мы должны брать нашего

политпросветчика, полного местным опытом и на своем горбу перенесшего тяжесть разрешения тех проблем, в разрешении которых он потом должен будет принимать участие.

Я не сторонник того, чтобы у инспектора было больше власти. Во всяком случае, скорее нужно стать на такую точку зрения, что инспектор может и должен дать свое мнение относительно учителя, о котором стал вопрос в районном исполкоме или в соответствующем отделе его, но чтобы ему непосредственно не принадлежала власть производить перемещения и т. д. Это мешает установлению тех товарищеских отношений, которые между инспектором и учителем должны быть. Тов. Козырев в моем отсутствии говорил, что вообще это несовместимая вещь — руководить и быть другом и товарищем, и упрекал Наркомпрос в увлечении толстовством, говоря, что Наркомпрос проникнут идеей непротивления злу. Я не думаю, чтобы учитель был коренным мировым злом, которое нужно всячески уничтожать. Я не думаю, чтобы руководство означало членовредительство (с м е х). Бывают такие Василии Буслаевичи, которые за руку возьмут—рука прочь: такого инспектора мы не хотим. Мы хотим руководства, при котором более зрячий, более сильный поддерживает менее зрячего, менее сильного, а такое руководство подразумевает дружелюбие. Нам не надо, чтобы учитель трепетал перед инспектором или относился к нему враждебно. Это самый неудобный момент в той области работы, которую должны совместно вести старший и младший товарищи инспектора, должны вскрывать злоупотребления, негодные поступки. Если я не являюсь сторонником того, чтобы инспектор был непременно носителем какой-то власти, то из этого не следует, что инспектора надо сделать во всех отношениях приятным гостем: он должен иметь властный голос, он должен иметь право жаловаться, когда это нужно, по местной линии. Кроме того нам нужно, во-первых, чрезвычайно точно определить, чего мы от инспектора требуем, какими знаниями он должен обладать—методическими, организационными. Представим себе конкретно, какие вопросы могут ставиться перед ним, какие части школьной жизни будут подлежать его учету и его руководству. Мне кажется очень полезным составление некоторого «спутника» для инспекторов разных типов, который служил бы определителем предъявляемых к ним требований. Это должно быть не неподвижное руководство, а просто сборничек, развивающийся в процессе появления дальнейших руководящих инструкций и методической литературы, которые инспектор должен получать из центра и из местных органов народного образования.

Что касается старшего инспектора на низах, то надо сказать, что я отношусь к этому вопросу довольно равнодушно. Мы в коллегии Наркомпроса несколько раз останавливались на этом вопросе и окончательного решения не вынесли. Мы не претендуем на то, чтобы выходить на съезд завоно, который является вместилищем местного опыта, и сказать: вот так Наркомпрос судит. Наоборот, мы во многих вопросах хотим вашего совета и решений, мы хотим узнать, как вам удобнее. Насколько я прислушивался к голосам, как будто бы большинство приходит к тому, что нужно иметь такого старшего инспектора в районе. Во всяком случае нельзя не протестовать против постановки этого вопроса тов. Мещеряковым. Нужно покончить с этим мнением, что есть чернокожие соцвосники и краснокожие политпросветчики и что мы представляем из себя сожитие ненавидящих друг друга рас. Прежде всего, не говоря уже о том, что мы все граждане одной великой страны, мы все просвещенцы. И стыд и срам думать, будто соцвосник коренным образом не может понять, что такое политпросветработа, будто в мозг человека не может войти и политпросветработа, и работа соцвоса.

Мы говорим,—не беда, что в одном месте окажется наверху соцвосник, а в другом политпросветчик. Я подчеркиваю, что организация сильной инспектуры по политпросветработе является чрезвычайно важным делом и, разумеется, недопустимо какое-то давление на политпросветительную инспектуру, чтобы сделать ее менее влиятельной и чтобы оттянуть у нее какие-то средства. Тов. Мещерякову мерещится, что идет бой за бюджет, что к этому, главным образом, сводится вся работа, но это не так.

Очень хорошо, что тов. Ходоровский упомянул о той части инспектуры, на которую мы обратили мало внимания. Из моего доклада вы видели, что мы намерены употребить все усилия для того, чтобы развернуть низовое профессиональное образование. Вчера я слышал в Коммунистической академии доклад тов. Кржижановского, а сегодня несколько крупных химиков-ленинградцев подтвердили то, что говорил тов. Кржижановский. И тов. Кржижановский, и т. т. химики считают, что наши хозяйственники не вполне еще поняли, в какой мере всякая денежная затрата, выпуск всякой машины, постройка новых заводов является пустым делом, если мы соответственно не готовим нужных людей. Вся наша страна, в смысле профессионально-технического образования,—еще полудикая. Начиная с крестьянских ремесл, начиная с примитивного нашего крестьянского земледелия в каком-нибудь нашем захолустье, все должно быть поддернуто вверх. И с этой точки зрения работа по техническим сноровкам является чрезвычайно важной. Меня поразил такой факт, приведенный тов. Кржижановским: недавно германское правительство постановило пересмотреть, весь свой рабочий состав, с тем, чтобы его переквалифицировать на том основании, что нет большего богатства, как высокая квалификация. А у нас все еще низина, все еще спят непробудным сном. Профессионально-техническое образование во всем его объеме является громадной задачей. А у нас на это смотрят так, что это—забота второстепенная. Мы этого не допустим и будем всячески биться, чтобы поднять низовое профтехническое образование. Поэтому надо обратить внимание и на создание соответствующей инспектуры.

Что касается школ повышенного типа, то мне кажется, что у нас разногласий не остается. Я предполагал, будто тов. Касаткин считает, что излюбленный им инспектор-циклист является необходимым по всем школам, в том числе и I ступени. Оказывается, он говорил о школах II ступени. Там он более возможен, но соцвос считает, что нам нужен типовик, а не циклист. И мы в коллегии приходим к выводу, что надо это сочетать так, чтобы у соцвоса на местах было известное количество инспекторов-типовиков и чтобы каждый типовик был еще и циклистом сверх того. Это—единственное практическое решение этого вопроса; иначе нам, действительно, пришлось бы нашу инспектуру умножать, а рассчитывать на это нельзя.

Мы будем вынуждены бороться за расширение наших штатов, и я не смотрю на это дело с такой безнадежностью, как тов. Касаткин. Но не правы те товарищи, которые говорят, что здесь не нужно соглашение Наркомпроса с НКРКИ. Затрата на государственный аппарат есть вещь тяжелая, и правительство право, когда старается урезать этот аппарат, во многих случаях действительно бюрократический. Но, урезывая, их режут часто по таким местам, что нельзя не кричать от боли. Мы можем добиться некоторого увеличения штатов, но рассчитывать на роскошь мы не можем. Поэтому, разумеется, особенно роскошествовать в деле наших соображений о нашей инспекции не приходится.

Тут товарищ сказал, что большой бедой являются у нас учителя-старики, которые уже устали и кроме того, естественно, меньше поддаются нашему воздействию, и что их следовало бы убрать, т. к. это омолодило

бы наш учительский состав, а между тем профсоюзы сопротивляются и т. д. Тов. Кржижановский, говоря о культурном значении наших культурных комиссариатов—Наркомпроса, Наркомздрава и Наркомсобеса, по-новому подошел к вопросу о собесе. Он сказал: культурное значение социального обеспечения заключается в том, чтобы обеспечить возможность постоянного освежения нашей трудовой армии по всем ее направлениям, путем изъятия оттуда тех лиц, которые свое отработали, без ущерба для них. Этим делается не только гуманная работа, а этим освобождается известная доля дополнительного труда, так как умный, энергичный человек, переведенный на пенсию, может заняться теоретическим трудом. Это, главным образом, освежает сами работающие организмы; там, где эти организмы не освежаются, начинается закупорка. Она в настоящее время происходит. Пенсионное дело есть такая функция Наркомсобеса, которая помогает проделать важнейшую экономическую часть работы по комплектованию наших кадров. Нужно нам серьезно подумать об этом. В пенсионном отношении мы находимся в лучшем положении, чем в других отраслях. Но тут есть много заторов, которые нужно победить. В ближайшем будущем надо обмозговать план постепенного освобождения учительской армии от инвалидов и внести соответственную поправку в пенсионное дело для того, чтобы это можно было скорее осуществить.

Тут говорилось о необходимости создания единого аппарата народного просвещения, единой инспектуры. Это не так-то будет легко. Тот главкизм, который нам присущ,—это не придаток, а это—естественное деление аппарата по разделам народного образования, и от этого никуда не уйдешь. Пусть эти естественные рубрики народного образования ни вверху, ни внизу не превращаются в мелочную борьбу между собой из-за влияния. Это совершеннейшее уродство. Общее дело народного образования сковано величайшим единством и должно быть и впредь сковано им. Я полагаю, что реформа, которая уже проведена, будет иметь огромное значение именно в смысле объединения всего нашего образовательного процесса.

Выработка резолюции по докладу Варвары Николаевны будет тем актом нашего съезда, который потребует от вас наибольшей активности. Наши положения мы хотим проверить через вас. Мы бессильны без вашей помощи, и ваше мнение определит окончательно целый ряд вопросов. Нам надо, чтобы с этого съезда мы вышли в значительной степени с уточненной, правильной постановкой нашего обновленного аппарата (аплодисменты).

Балакин (Псков). Несмотря на то, что структурой и штатами отделов наробраза занималась РКИ вместе с Наркомпросом, районная инспектура права гражданства не получила. Мы имели такое положение, что, когда составляли в прошлом году бюджет, то районная инспектура была вычеркнута. После нажима с нашей стороны эта инспектура была включена в бюджет. Я считаю, что нужно будет поставить достаточно резко вопрос о районной инспектуре, чтобы в дальнейшем не приходилось доказывать той простой истины, что нужен районный инспектор.

О старшем инспекторе в районе. Дело, конечно, не в названии, но я лично склоняюсь к тому, что нужен не старший инспектор, а заведующий районо. Тут имеется в виду вот какое положение: председатель райисполкома должен руководить народным образованием, местным хозяйством, здравоохранением, социальным обеспечением и т. д. Естественно, что он не в состоянии справиться со всей этой работой физически; поэтому в области народного образования он возлагает всю работу, вплоть до канцелярской, на районного инспектора. В результате получается, что районный инспектор, в худшем случае, превращается в делопроизводителя, а в лучшем случае—в администратора. Вопросы хозяйства школы, вопросы организации школьного дела не могут быть отброшены, а если ими некому заниматься, то приходится ими заниматься районному инспектору. Отсюда со всей очевидностью вытекает необходимость иметь специального заведующего районным отделом. Если попытаться подсчитать, сколько стоит отсутствие заведующего районо, то можно доказать, что это обходится очень дорого, если даже подходить к этому вопросу с точки зрения режима экономии.

О типе инспектуры. По этому поводу тов. Касаткин говорил, что мы стоим перед перспективой снижения расходов на административный управленческий аппарат, проще говоря, что наши штаты должны быть сокращены. Дальше, тов. Касаткин и тов. Яковлева выдвигают вопрос о том, что нужно будет от интегральной инспектуры переходить к инспектуре дифференцированного порядка. Тов. Яковлева говорила, что нужно будет по специальным дисциплинам иметь инспекторов. Я думаю, что принципиально против этого нечего было бы возражать, но это приходится делать по чисто практическим соображениям. Мы сейчас отстаиваем с большим трудом тот штат, который у нас имеется. Скажу, кстати, что в прошлом году, когда у нас была реорганизация, то по линии НК РКИ предлагали одни штаты, а по линии Наркомпроса—другие, и писали: мы не договорились, советуем защищать те штаты, которые мы защищаем. В результате получается, что, если не договорились здесь, то на местах нет никакой возможности это сделать; говорят, что есть штаты РКИ, и вопрос исчерпан. Существующие штаты очень трудно защищать при составлении бюджета, ибо имеются тенденции к сокращению. Например, берется сейчас установка, что административно-управленческие расходы надо будет сократить на 10%, а это относится не только к административному отделу и судебному аппарату, но и к отделу народного образования. Я считаю, что если мы не получим соответствующих директив о том, что расходы на инспектуру не должны включаться в расходы административно-управленческого аппарата, то есть опасность, что это сокращение произойдет.

О выступлении тов. Долинко. Он хотел доказать, что профессиональных работников сокращать нельзя. Я думаю, что никто не собирается сокращать профессиональный аппарат. С другой стороны, тов. Долинко бросил лозунг о необходимости во что бы то ни стало защищать школьного работника, а если он плохой работник, плохо разбирается в своем деле, то его нужно воспитывать и учить. Я считаю, что это очень вредный лозунг—защищай во что бы то ни стало. Я приведу конкретный пример: что сделать с учительницей, которая на писчем листе бумаги делает 50 грамматических ошибок? Я думаю, что ее нужно послать в педтехникум, а не оставлять на школьной работе, подобно тому, как это сделали бы на заводе с токарем, если бы он стал портить материал. Без сомнения, его сняли бы с работы. Каким же образом школьный работник, которому нужно доучиться в педтехникуме, может быть оставлен на работе, если он портит человеческий материал. Выставлять такого рода лозунг — чрезвычайно вредно.

Леонов (Пятигорск). В последнем номере журнала «Народное Просвещение» я поместил статью, правда, в порядке обсуждения, относительно реорганизации системы руководства делом народного образования. Нужно сказать, что начатая, согласно директиве Наркомпроса, реорганизация аппарата разрешает эту задачу наполовину. Я думаю, что в этой директиве не учтено основное, с чем приходится считаться, т. е. не учтено то сокращение штата, которое сейчас так лихорадочно потрясает наш аппарат народного образования. Если сейчас

говорить о новой структуре ОНО, то нужно подумать о том, справится ли доведенный до последних пределов сокращенный штат с методическим руководством и с организационным руководством? Часто этот аппарат в окружных и губернских отделах остается в количестве всего нескольких человек, так что трудно себе представить, как можно работать в таком аппарате, сохраняя параллельно работающие центры—методический и организационный. Повидимому, этому сокращению нужно положить предел, а тов. Касаткин сказал, что и в дальнейшем мы будем сокращаться. Но до какого же предела? Надо же сообразовать это сокращение с положением дела народного образования в губерниях и округах. Я думаю, что сейчас, когда наш аппарат должен руководить методической и педагогической работой, надо подумать относительно упрощения этой громоздкой системы методического управления. Что же у нас получается? Четыре года назад был создан методический совет, который разбивался на секции и комиссии и т. д. По прошествии же 4 лет штат сократили в 5 раз, между тем методический совет при аппарате ОНО остается тем же органом,—то же методическое бюро, секции, комиссии и т. п.

В своей статье, помещенной в журнале «Народное просвещение», я предлагаю построить такой аппарат, который объединил бы систему управления в области методической и организационной. Кроме этого, надо увеличить ответственность инспектора за его работу как методическую, так и организационную. Мне думается, что необходимо задуматься над возможностью оставления двух частей, параллельно работающих в аппарате,—методической и организационной. Было бы очень хорошо, если бы тов. Яковлева в заключительном слове на этот вопрос ответила. Мы у себя в округе вместо методического совета создали организационно-методическое совещание при окроно, в котором инспектора отдела составляют основную часть. Наши инспектора освободились от значительного количества заседаний. Если есть какое-либо методическое задание, то на этих заседаниях разрабатываются методические вопросы совместно с представителями массовых и опорных учреждений и представителями опытной станции. Проработанный вопрос вносится в организационно-методическое совещание. Получается, что наши силы не распылены по заседаниям методических секций, комиссий и т. п.; вопросы прорабатываются в одном месте и вносятся потом в один планирующий и организующий орган, который называется организационно-методическим совещанием.

О сокращении аппаратов. Надо, чтобы Наркомпрос сыграл в этом вопросе руководящую роль. РКИ часто предлагает нам одно, а Наркомпрос категорически требует не сокращаться, и на практике получается, что Наркомпрос теряет свой авторитет и с ним на местах не считаются.

В положениях об областных и губернских отделах, которые нам здесь розданы, ничего не сказано об округе. Вследствие этого окроно опять будет путаться с губернией и уездом. Надо четко найти место окружному отделу народного образования и разработать положение о нем, тем более, что теперь вся республика районируется.

М а л ы ш е в (Северный Кавказ). Когда-нибудь благодарное потомство будет петь песни о наших боях с рационализаторами. К сожалению, мы в них не будем походить на богатырей, которые, прикоснувшись к матушке-земле, сиречь к Наркомпросу, получают силу для того, чтобы биться за вопросы рационализации дальше и больше. Пожалуй, в этом отношении Наркомпрос скорее напоминает Тараса Бульбу, прикованного к огню рационализации и кричащего: «Держись, хлопцы». И вот—мы держались. Наркомпрос (правда, не по своей вине) издал циркуляр, по которому мы не могли изменить структуру отделов народного образования. Мы держались, не изменяли этой структуры, но нам ее изменили и изменили так, что ничего похожего на то, что мы хотели сделать, не было.

Как рационализировали Северо-Кавказский краевой отдел наробраза? Приходили рационализаторы, сидели по два месяца, доказывали инспекторам, что они не нужны в аппарате. В конце концов нам предложили структуру ОНО, по которой инспектора распределяются по типам школ. Мы возражали,—это было весной прошлого года. Мы предлагали «цикловую систему», но предложение было отвергнуто. Весной текущего года опять пришли рационализаторы, опять месяцы нас изучали, рационализировали и сказали: «Ваше предложение прекрасно, будьте добры, переделайте свои штаты по той схеме, которую вы предлагали в прошлом году». Мы возразили: «Позвольте, мы только что начали работать так, как нам предложили, мы составили оперативный план на целый год...»—«Будьте добры, с 1 апреля,—тем более, что принципиально вы не возражаете,—перейти на новую структуру»...

По этой новой структуре мы отказались от типовой инспектуры, у нас нет инспектора школ повышенного типа, даже нет инспектора по индустриальному образованию, нет инспектора по сельско-хозяйственному образованию, но у нас есть агроном, который ведает сельско-хозяйственными вопросами во всем разрезе, он ведет непосредственно руководство методической работой техникума, проводит сельско-хозяйственный уклон в школе I ступени, он ведет работу в отношении школ крестьянской молодежи и т. д.

Мы полагаем, что краевой ОНО должен быть главным образом планирующей методической организацией. Что из этого получится—сказать трудно. У нас сократили аппарат и сказали, что теперь с нас будут меньше требовать. Но так ли это в действительности?—Нет, требования к нам все более и более повышаются, а людей у нас остается все меньше и меньше, и работать нам все труднее и труднее. Таким образом реорганизация ОНО привела пока к результатам отрицательным.

Об учителях говорила Варвара Николаевна, но выступление ее носило несколько абстрактный характер, учительские прослойки не чувствуются в ее докладе. У нас был такой факт, что учитель на предвыборном собрании организовал кулаков. Что же делать с ним, неужели переподготовлять? (Г о л о с в п р е з и д и у м е: «Вы должны факты представить»). Мы вам представили фактов достаточное количество. Вряд ли можно сказать, что учитель везде хорош. Особенно нужно это сказать относительно школ II ступени. Здесь представитель ЦК Комсомола читал письма маленьких шахтинцев, он указывал, как организуются скауты, как это все происходит. Но этих маленьких шахтинцев организуют большие шахтинцы, которые иногда и у нас сидят. Между тем у нас есть окончившие педагогический институт, которые сидят без работы,—не могут найти службы.

О правах методических советов. По первому положению нам не было разрешено издавать учебники; по второму положению, напечатанному в «Еженедельнике Наркомпроса», сказано: «Краевым отделам народного образования разрешается издавать учебники для школы I и II ступени». Мы приступили к изданию, но потом получили телеграмму от Наркомпроса, что в «Еженедельнике» вкралась опечатка, что этот абзац нужно выбросить (Г о л о с в п р е з и д и у м е: «Это не опечатка»). После этого мы стали представлять сюда учебники. Потом было опубликовано еще новое положение Наркомпроса, в котором сказано, что издание учебников разрешается, но с соблюдением известных условий—предварительного представления на просмотр и т. д. Наконец, было еще новое положение, которое является для меня совершенно непонятным. Оно утверждено СНК в такой редакции: «Дача разрешения на допущение

в качестве учебников для школы I ступени края руководства по краеведению». Совершенно непонятная редакция. Мы очень долго не могли разобраться, имеем ли мы право издавать или нет. Наконец, пришлось обратиться к мудрому Эдипу—к Гусу. Коллегия Наркомпроса по докладу вынесла такое решение: «В виду того, что Гус в течение двух лет не выполнил поручения коллегии Наркомпроса по поводу представления доклада о типе краеведческого учебника, поручить тов. Эпштейну лично в двухнедельный срок организовать проработку этого вопроса». Пока ответа нет. Мы сейчас издаем 17 учебников, 6 разрешено Москвой, а 11 находятся в проработке у авторов. Мы выписали 15 вагонов бумаги и не знаем, предоставит ли нам Наркомпрос право выпуска учебников или нет. Мы боимся, что не сможем удовлетворить учебниками край, что у нас пропадет бумага. Я считаю, что съезд должен сказать: «Предварительное разрешение на издание учебников для школ I ступени нужно дать».

Кокин (Сталинград). Мы в Сталинградской губернии отстояли аппарат, отстояли необходимые ассигнования и сейчас имеем аппарат, количественно удовлетворяющий всем требованиям, которые к нему предъявляются. Осенью же мы поставили перед собой задачу переустроить аппарат на основе указаний НКП и НК РКИ.

Первое препятствие, которое мы встречаем на пути перестройки аппарата, это—бюджет, порядок его составления, борьба за его реализацию. Несмотря на то, что мы имеем сравнительно хорошие ассигнования на аппарат, перестроить свою работу на тех основаниях, которые указаны Наркомпросом, мы не в состоянии. Темп работы, борьба за бюджет тянут к старым организационным формам. В условиях данного момента мы не можем перенести центр тяжести работ ОНО на методическое руководство и подобрать инспекторов по циклам соответствующих дисциплин. Предполагалось, что в этом году мы все внимание сосредоточим на методической работе, а на деле оказалось, что все внимание и время отнял бюджет. Наш инспектор в условиях данного момента не столько инспектор-методист, сколько инспектор-организатор, который больше всего занят организационной и бюджетной работой. При проведении реорганизации в первую очередь надлежит добиваться создания определенных условий, которые гарантируют возможность этой перестройки. Нельзя перестраивать работу аппарата, когда почти все внимание уделяется вопросам бюджетной работы и борьбе за реализацию бюджета.

Второе условие—это реализация постановления правительства о правах и обязанностях местных органов советской власти. Те функции, которые сейчас лежат на аппарате ОНО, вопросы хозяйственного и организационного обслуживания сети учреждений народного образования, должны быть переданы низовым органам советской власти. Они пока переданы только на бумаге. Низовой советский аппарат еще не освоился с этими функциями, и в силу этого ОНО принуждены вести эту работу.

Об участковом инспекторе. Мне кажется, тов. Яковлева слишком резко поставила вопрос о том, что участковый инспектор должен заниматься только методической работой. В наших условиях это—дело невозможное, это вредно отразится на работе. Мы в губернии имеем участковую инспекцию и мы ставим перед ней вопросы не только методического руководства. Мы считаем, что участковый инспектор должен быть не только методистом, но и организатором общественного мнения вокруг вопросов советского народного образования. Он, кроме того, должен быть агентом ОНО на месте и влиять на работу волостных и районных исполкомов.

Пистрак (Главсоцвос НКП РСФСР). Об инспектуре. Тов. Малышев сказал, что на Северном Кавказе недавно перешли на структуру, которую рекомендует тов. Касаткин. Трудно сказать,—добавил он,—что из этого выйдет. Можно уверенно сказать, что выйдет не совсем хорошо. Когда тов. Малышев приедет в Ростов с теми директивными указаниями, которые даны в докладе Анатолия Васильевича, ему придется ввести в список инспекторов инспекторов по физическому воспитанию, по труду, по художественному воспитанию. Затем, если учесть то значение, которое мы придаем иностранному языку, а также и то, что методика преподавания родного языка и литературы и методика преподавания иностранных языков—две совершенно отличных друг от друга вещи, то в ближайшем будущем придется выделить инспектуру и по иностранным языкам. Иначе говоря, к уже сейчас значительному штату инспектуры придется прибавить еще несколько человек.

Но не стану заниматься арифметикой. Этими расчетами занимались другие. Я считаю, что система инспектуры по циклам дисциплин неправильна и с принципиальной педагогической точки зрения (Голоса: «Правильно»). Я уже не говорю о том, что нельзя получить инспектора, который с одинаковой легкостью мог бы инструктировать педагога в области естествознания, физики, химии и математики, т. е. в общей области цикла точных наук. Таких людей в природе не существует. Если эти предметы и преподаются на одном и том же факультете в вузе, то это совсем не значит, что методика их преподавания в школе II ступени одинакова. Методика химии и методика физики настолько отличны друг от друга, что навряд ли есть люди, в одинаковой степени хорошо владеющие обеими методиками и владеющие настолько, чтобы они могли инструктировать среднего педагога, непосредственно работающего в школе.

Инспектор школы повышенного типа, с моей точки зрения, должен быть инспектором, умеющим инструктировать и руководить работой заведующего школой и заведующего учебной частью школы, т. е. умеющим научить и показать, как руководить всей методической работой школы. Поэтому в той лестнице, по которой рядовой учитель взбирается к должности инспектора, о чем говорил Анатолий Васильевич, для школы II ступени следует ставить добавочное звено; тогда ступеньки этой лестницы выразятся, примерно, следующим образом: молодой учитель, более опытный учитель, учитель опорной школы и, наконец, недостающее звено—заведующий учебной частью или заведующий школой. Пройдя через эту последнюю ступеньку, учитель сможет быть и хорощим инспектором.

В инспекторе школы повышенного типа должен синтезироваться хороший учитель по какой-либо специальности с хорошим заведующим учреждением, хорошим руководителем методической работы всей школы. Такой инспектор должен иметь какую-либо специальность, а кроме того, еще целый ряд других знаний, необходимых, чтобы руководить методической и общественной работой школы, а, главное, уметь показать, как этой работой руководить.

Правильнее поэтому остановиться на инспектуре по типам учреждений. Это подкрепляется еще и тем обстоятельством, что один и тот же предмет, например, естествознание в городской школе и в школе крестьянской молодежи, настолько отличны друг от друга и по своей установке, и по своей методике, что требуют в каждом случае специального подхода и специальных умений.

Далее, тов. Касаткин сам указывал, что в его системе есть то неудобство, что в школу вместо одного инспектора, инспектирующего все стороны школьной жизни, понаедет 5—6 инспекторов. Он отвел это возражение, указав, что инспектор может совсем или почти совсем не ездить в школу. В таком случае непонятно, зачем инспектор нужен. Инспектор—специалист по данной дисциплине, который не приезжает в школу, меньше может сделать, чем инспектор по типу учреждений, который, даже редко заглядывая в школу, может все же время от времени собирать заведую-

щих данного типа учреждений. Если исходить из экономии командировочных, то нужно признать, что легче собирать заведующих учреждениями, чем в 5—6 раз большее количество преподавателей отдельных дисциплин. При той системе, которую рекомендует тов. Касаткин, инспектор сможет попасть в школу один раз примерно в 5 лет, а в промежутках между посещениями школы, очевидно, должен писать бумажки по методике. Никому это не нужно и совсем это неправильно.

В чем основная беда на местах? Беда в том, что в очень многих местах заведующий школой не организует школьной работы, не умеет, не пытается даже методически руководить педагогическим коллективом, а превращается в простого администратора без увязки организационной и методической частей школы.

В тезисах тов. Яковлевой есть абзац, говорящий о подборе людей, подготовленных к педагогическому руководству, а не только людей с административными способностями. И это совершенно правильно. Но, если этот пункт выполнять, если делать ставку на заведующего, на его качества, то инспектор непременно должен быть подготовлен для повышения организационной и методической работы такого заведующего, иначе инструктирование заведующего и постоянное повышение качества его работы не будет осбеспечено в аппарате ОНО. Этот пункт—необходимость повышения качества работы заведующих учреждениями—еще больше убеждает меня в том, что необходима инспектура по типам учреждений, так как основная тенденция должна быть взята на укрепление низового нашего агента в школе, т. е. зава.

Далее, наша беда в том, что мы очень часто пытаемся разрешать методические и педагогические вопросы аппаратным путем. Мы обманываем себя самих, думая, что можем, имея специалиста по физике или по химии, например, разрешить все методические вопросы в аппарате. Это, конечно, неверно. В тезисах говорится, что, когда мы всю педагогическую работу перенесем из аппарата в педагогические учреждения, то, пожалуй, инспектор окажется интегральным. Я думаю, что то, что написано у тов. Яковлевой для будущего времени, должно быть переписано на настоящее время. Иначе говоря, необходимо сейчас добиваться переноса центра тяжести методической работы из аппарата в соответствующие низовые учреждения. Если мы этого не сделаем и не поставим себе это основной очередной задачей на ближайшее время, то мы окажемся в таком положении, что живая методическая мысль учительства пойдет помимо нас и не совсем по нашему пути.

И сейчас уже общественно-педагогическая мысль родится и развивается помимо нас. Укажу примеры. У нас существуют разные общества преподавателей по признаку их специальности, например, общество распространения естественно-исторического образования. Много ли мы о нем знаем? Нет. Между тем, это общество ведет большую работу. Одна губерния на наш запрос ответила, что отделения такого общества у нее нет, в то время, как мы знаем, что такое отделение там имеется и ведет значительную работу под самым носом у губоно. Существуют еще—общество любителей российской словесности, также ведущее значительную работу, общество ревнителей математического образования, также взявшее не совсем нашу линию, географическая комиссия при обществе любителей естествознания, антропологии и географии, также работающая вне нашего влияния, и т. д. и т. п. Если мы будем продолжать разрешать методические вопросы аппаратным путем, не помогая выращиванию общественной педагогической активности, не превращая наши программы в основную платформу для объединения преподавателей-специалистов по тем или иным предметам, мы можем очутиться перед тем, что вся общественно-педагогическая активность пройдет помимо нас, и тот пункт

тезисов, который говорит о переносе методической работы в учреждения для будущего, окажется чрезвычайно трудно выполнить.

Я поэтому думаю, что надо отказаться от мысли иметь инспекторов по специальностям или по циклам специальностей в аппарате и не создавать опасности монополизирования методической работы по специальностям работниками аппарата. Надо перенести центр тяжести методической работы в низовые объединения, в низовые учреждения, оставив за собой лишь общее руководство ими. Мы таким образом разрешим сразу несколько задач: во-первых, выполним пункт тезисов, говорящий о ставке на заведующего учреждениям; во-вторых, оживим и направим по общественно-правильному пути низовые объединения методической мысли по специальностям; в-третьих, наладим руководство рядовыми школами, как цельными комплексными учреждениями, имеющими свое лицо и свою установку, и, наконец, скорее и теснее объединим вокруг наших программ и наших идей рядовое учительство на базе и на платформе его специальностей. Этим самым мы на деле будем изживать бюрократизм наших учреждений, опираясь на учительские массы, и сможем в будущем еще больше сократить количество инспекторов в аппарате, так как при такой структуре потребуется два, много три инспектора—один для сельской и один-два для городской школы повышенного типа. Это диктуется необходимостью бороться против подмены советской общественности аппаратным руководством.

Перель (Урал). Мне хочется свое выступление начать с того, что руководство делом народного просвещения должно находиться под таким же ударом сейчас, под каким находится вопрос о бюджете. Если мы говорили, что без серьезного продвижения в области бюджета мы не сможем осуществить задачу культурной революции, то Наркомпрос должен сказать, что без серьезного изменения нашего аппарата, его значимости и его материального положения мы своих задач не разрешим. Я думаю, что надо сказать на этом съезде, что наробразовский аппарат абсолютно не подготовлен к культурной революции. Чем жестче мы это скажем, тем лучше будет для дела. Если в отношении бюджета мы своими силами задач культурной революции не разрешим, то в отношении аппарата, в отношении организации руководства мы можем и должны сказать первое слово. Нужно приспособить аппарат народного просвещения к задачам культурной революции.

Какой у нас должен быть аппарат? Я думаю, что все то, что говорилось по докладу т. Луначарского, буквально вопит о том, что наш аппарат не может быть спецовским. Предложения о цикловой инспектуре, под каким бы соусом это ни подносилось, тянут нас к «спецовской» инспектуре. Перед нами сейчас стоит так много общественно-политических задач, что не может быть и речи о том, что мы можем все внимание сосредоточить на вопросах узко-методического характера. Конечно, неправы те, которые говорят, что наш аппарат должен быть прежде всего организационно-финансовым,—наш аппарат будет устремляться в сторону организации методического инструктирования учителя. Но все это инструктирование и методическое руководство будет окрашено в общественно-политический цвет и исходить из основных предпосылок политико-просвещенческих задач. Если этого не будет, то наш аппарат свои задачи не выполнит.

Третий вопрос—относительно взаимоотношений нашего аппарата с учительством. Мне кажется, что у нас нет никаких разногласий с товарищами из союза, в частности с тов. Долинко, в этом вопросе. Сейчас не может быть речи об ущемлении учительства; мы целиком согласны с жесткой критикой нарушителей прав учителя, о которых говорила тов. Яковлева, мы должны бороться со всяким головотяпством в нашем аппарате,

здесь ничего спорного нет. Но, товарищи, в то же время нельзя упускать из виду того обстоятельства, что есть какая-то боязнь говорить об ошибках, о недочетах работы учителя. Психологически это вполне понятно: случаи головотяпства, всякие безобразные выходки по отношению к учительству вызывают у союза боязнь, что если мы начнем критиковать учителей, то докритикуем до «переброски». Эту боязнь можно понять, но ее не следует оправдывать. Сейчас мы настолько выросли, имеем такой колоссальный опыт в этом отношении, имеем такие жесткие директивы партии по этому вопросу, что нам бояться нечего. Жизнь требует того, чтобы мы отмечали недочеты в работе учителей. Конечно, нет отхода от самообразовательной работы у учительства, нет у учительства отхода от тех заветов, которые дала ему партия в 1923 году на съезде и которые учительство приняло, но имеются такие моменты в работе учителя, которые вызывают у нас некоторую тревогу, о которых должен думать союз не меньше, чем мы. Мы это чувствуем особенно в городе, чувствуем это также и в деревне. Мы имеем случаи хулиганства в школах, которые вызывают возмущение всей общественности. Учитель бессилен в борьбе с этим злом. Мы должны помочь учителю работать по повышению своей квалификации. У меня есть такое убеждение, что у массы учительства, особенно в деревне, нет систематического плана работы по повышению квалификации, в том числе и по самообразовательной работе, а есть самообразовательная суетня. К этому нужно присмотреться и не убаюкивать себя казенным благополучием.

Небольшое замечание относительно аппарата профобра. Я думаю, что т. Ходоровский не прав, полагая, что, если мы возьмем окружных инспекторов профобра в краевой аппарат, мы этим руководство профобра улучшим. Это совершенно не верно. Мы этим добьемся только дальнейшего искусственного сокращения профобровской инспектуры.

Коснусь еще нашей связи с Наркомпросом; она безусловно улучшилась. На Урале мы имели в этом году опыт связи с Наркомпросом, который, мне кажется, надо было бы распространить на ряд других районов. Мы провели областной съезд по народному образованию с таким представительством Наркомпроса, которое помогло нам провести на съезде колоссальную работу—не только политическую, но и педагогическую. Мне кажется, что экспедиционные выезды представителей Наркомпроса крайне полезны. Но письменная связь с местами налажена неважно. Наркомпрос пишет очень много и подчас очень хорошо, но далеко не все доходит до массового учителя. (Яковлева: «Это вы виноваты»). Мы не виноваты. Если методическое письмо о дисциплине в школе Уралоно увидел у себя только через 4 месяца после выхода этой книжки, то виноваты в этом не мы.

Ильин (Цутранпрос). Те вопросы, которые здесь обсуждались, являются для транспорта уже пройденным этапом. Уже в 1925 г. мы построили аппарат по функциональным признакам, разбив его на административно-организационный и методический отделы. У нас были инспектора соцво́са—методисты чистой воды, а также инспектора профобра и политпросвета. У нас была такая линия по отделам просвещения. Но жизнь показала, что такое искусственное построение аппарата не дает желательных результатов. Мы убедились в том, что в силу разделения организационных и методических вопросов происходит провал в организационной и методической работе, потому что между этими двумя областями не было увязки, тогда как должна быть большая увязка методических вопросов с вопросами организационно-финансового порядка. В 1926/27 г. мы решили отделы организационные и методические объединить. При таком построении аппарата целый ряд вопросов, которые были выброшены благодаря новой структуре, нашли достаточное

разрешение. Например, вопросы организационного характера, вопрос о роли заведующего школой, о построении учебного года и т. п. в настоящее время нашли свое достаточное разрешение.

Об инспектуре. Мы перешли к типовой инспектуре. Нельзя даже думать об инспектуре по циклам, как думает т. Касаткин, который говорит, например, что необходимо от дошкольного инспектора отказаться. Ясно, что при такой постановке дошкольное воспитание пострадает. Пока не было инспектора-дошкольника, дошкольное воспитание находилось в захудалом состоянии, и только когда в Цутранпросе и в отделах просвещения мы ввели инспектора по дошкольному воспитанию, то дошкольное воспитание улучшилось. (Голос: «Правильно»). Мы раньше практиковали так называемое бригадное обследование, когда посылали несколько инспекторов-методистов, которые все же не могли дать надлежащего освещения работы школы. Лицо школы и основные недостатки ее были выявлены, особенно по линии организационно-финансовой. Курс на типового инспектора является правильным.

Нужны ли в округах инспектора профобра? Я лично убежден, что такие инспектора в округах необходимы, если вы хотите сдвинуть с мертвой точки вопрос о профтехническом образовании. Необходимость в таком инспекторе-организаторе должна быть учтена, вопрос должен быть разрешен в положительном смысле. Что касается специализации этих инспекторов в краевом масштабе, то она должна итти отчасти по типам, отчасти по специальностям. У нас на транспорте в Центральном управлении есть инспектор по ФЗУ, есть инспектора по отдельным специальностям—строительной, тяговой и т. д. Понятно, что в профобре структура инспекторов будет иная, нежели в соцвосе или политпросвете.

Теперь по линии политпросвета. В нашем ведении нет клубов, нет изб-читален. У нас только школьное образование. Инспектура построена по типам образования: есть инспектора по линии ликбеза, по линии малограмотности и по школам повышенного типа. Мне кажется, что при таком построении нашей инспектуры мы гораздо лучше будем выявлять те ненормальные явления, которые имеются в наших школах, и будем их исправлять.

Иванов (от Всесоюзной конференции по самообразованию). Всесоюзная конференция по самообразованию поручила мне приветствовать съезд заведующих отделами народного образования.

От имени работников самообразования я хотел бы сказать о том, чего мы ждем от руководителей народного образования на местах. Для нас не секрет, что о бюджетной базе для самообразования нет нигде ни одной строчки, ни одной цифры—не только многозначной, но даже и двухзначной. Правда, сейчас имеется постановление о том, что в номенклатуру финансовых наших планов должно быть внесено самообразование, и реальное осуществление этого проекта должно быть поддержано местными работниками.

Далее, о подготовке новых кадров по методработе. Надо, чтобы губернские и отдельные местные методические органы обратили внимание на эту работу. Политпросветы и работники самообразования смогли бы тогда бросить на это дело свои силы.

Блюм (от I Всесоюзного совещания советских технических и сельско-хозяйственных станций). Товарищи, вероятно, многие из вас, здесь сидящих, впервые слышат об этой организации, а между тем мы пришли вас приветствовать не потому, что в одно и то же время происходят два совещания, а потому, что мы в вашем лице находим старших коллег по работе. В нашей работе имеет очень большое значение внешколь-

ное воспитание. Мы в своей работе ставим задачей помочь детям развить их изобретательную мысль, использовать их интерес к технике, к сельскому хозяйству. Когда мы свою работу начали два года назад, нам не верили, что мы можем что-нибудь сделать. В эти дни, подытоживая нашу работу после того, как на местах уже имеется 24 местных станции, мы можем смело сказать,что наша работа заслуживает внимания не только комсомольских организаций, но и внимания органов народного образования. И не даром мы не так давно стали узаконенным учреждением Наркомпроса. Какие задачи мы ставим перед нашей станцией, какие работы ведутся? Когда мы подводим итоги, мы имеем налицо десятки и сотни юных конструкторов мальцевских детекторных радиоприемников, которые они делают у себя в домашнем хозяйстве, мы имеем сотни юных моделистов, которые строят модели по разным отраслям техники. Некоторые станции, особенно в сельско-хозяйственных районах, развили сельско-хозяйственную работу. Десятки и сотни, а в кое-каких губерниях тысячи скворечников построены детскими ручками. Мы имеем различные выставки корнеплодов, древонасаждения и всякие конкурсы. Мы толкаем наших пионеров и ребят в деревню—воспитать хорошую жирную деревенскую свинью в прямом смысле этого слова (с м е х). Мы недавно поставили перед ребятами вопрос о том, чтобы они сами себе построили детский автомобиль, и надо сказать, что у нас в СССР он имеется только в единственном числе. Раньше на нашу работу смотрели, как на затею, которая не имеет твердой опоры, но сейчас и Наркомпрос, и Цутранпрос, и отделы народного образования, по примеру вышестоящих организаций, идут нам на помощь в этой работе. Нашу работу также поддерживают Осоавиахим и Совнарком. Мы, к сожалению, не имеем возможности поставить информационного доклада, который более подробно ознакомил бы товарищей с нашей работой; это тем более жаль, что на совещании выявилось, что целый ряд местных органов народного образования ничего не знают о нас и не хотят нас знать. Мы постараемся заменить этот доклад некоторым печатным материалом, который вам на днях здесь раздадут. Я думаю, что вашим ответом на наше приветствие будет усиление помощи на местах нашей повседневной работе (а п л о д и с м е н т ы).

Л о б о в (от президиума съезда). Дорогие товарищи, представители съезда надеются, что вы поможете воспитать нам не только хорошую жирную советскую свинью, но и того доброго хорошего человека, советского гражданина, о воспитании которого мы так много здесь говорили на съезде и по воспитанию которого мы ведем работу уже 11-й год. Вы можете быть уверены, что вы займете место не только в работе органов Наркомпроса, но и надлежащее место и в повседневной работе аппаратов Наркомпроса на местах. Очевидно этот съезд и послужит смычкой между той новой формой работы, которая займет надлежащее место и которая в ближайшее время распространится по всему Союзу, и аппаратом Наркомпроса на местах. Я уже не только от съезда, но и как представитель самой отдаленной окраины Советского Союза—Дальнего Востока,—буду надеяться, что ваше влияние в ближайшее время распространится повсюду (а п л о д и с м е н т ы).

В и к т о р о в (от Всероссийского общества слепых). Товарищи, мы имеем огромную армию ослепших рабочих и крестьян. Так, по данным переписи слепых 1886 года слепых было 189.000. По всеобщей переписи 1897 года слепых в России насчитывалось уже 247.000. Точных сведений о числе слепых в настоящее время мы пока не имеем, но приблизительно это число определяется в 340.000 человек, принимая во внимание империалистическую и гражданскую войны.

Как проводится работа по воспитанию и образованию этой массы? И нужно ли вообще проводить эту работу? Характеризовать значение

воспитания и образования и вообще просвещения для слепых я не стану, я приведу только лозунг, который был брошен слепыми в день помощи слепым: «Труд и просвещение заменят глаза слепым». Несомненно, в области воспитания слепых мы имеем сдвиг по сравнению с дореволюционным периодом, но все же работа со слепыми значительно отстала от общего хода работы в области просвещения. Из 30.000 слепых детей по РСФСР обучаются в школах только полторы тысячи. Из всего числа слепых—в средних и высших учебных заведениях обучается только 100 человек. Работа клубная—политическая, кружковая и всякая прочая культурная работа производится нами, Всероссийским обществом слепых. Мы создаем кружки ликбеза, кружки политграмоты, клубы и т. д., издаем литературу, но вся эта работа, проводимая нами, по сравнению с огромным числом слепых,—незначительна. Мы не имеем достаточно средств, чтобы вести как следует эту работу. На местах некоторые местные отделы народного образования нас финансируют, но финансирование это чрезвычайно слабо. Учитывая предстоящую бюджетную кампанию, мы надеемся, что на местах отделы народного образования в своих сметах учтут необходимые средства на воспитание и образование и на ведение культурной и политической работы среди массы слепых. Главным образом надо обратить внимание на расширение сети специальных школ. Необходимо также, как указало правительство по докладу нашему, расширять пути для поступления слепых в высшие и средние школы. Необходимо увеличить работу по ликвидации неграмотности среди слепых, необходимо усилить клубную, кружковую работу. Мы страшно нуждаемся в печати. Если раньше слепые были богаты печатью, то ведь теперь эта печать для нас уже не годится. Она для нас отрава. Партия и правительство, как я уже сказал, обратили внимание на слепых и уделяют слепым средства. На местах по линии соцвоса нам также необходима помощь.

О трудовом росте слепых. Эта работа нами проводится, и мы имеем за работой более 2.000 слепых, которые зарабатывают в среднем по 42 руб. и имеют возможность жить самостоятельно. Главным образом нужно уделить внимание на профессиональное образование среди слепых.

В резолюции съезда вопросы образования и воспитания среди слепых и трудового роста среди слепых должны найти соответствующее место.

Заключительное слово тов. Долинко.

Товарищи, впервые мы имеем такую практику, когда на съезде заведующих губоно, на съезде командного состава по народному образованию, заслушивается доклад профсоюза об его участии в этой работе. Из тех прений, которые развернулись здесь по моему докладу, видно, что это надо будет практиковать почаще, не только в центре, но и на местах. Мне кажется, что прения показывают, что в недостаточной степени осознана роль, осознано значение союза в работе отделов народного образования. Мы имеем несколько выступлений, говорящих об этом. Мне здесь сделали комплимент, сказав, что я был бы хорошим заведующим губоно, но это свидетельствует лишь о том, что впервые т. Рудин, очевидно, услыхал, что профсоюз имеет такие же задачи в отношении производства, какие имеет губоно. Товарищи, надо знать, что, безусловно, руководство принадлежит вам, ответственность за производство в первую очередь несет Наркомпрос и органы народного образования. Но мы тоже от ответственности не отказываемся, и если в производстве что-нибудь неладно, то мы говорим, что виноваты в этом не только наробразы, но и профсоюзы. Таким образом роль союза в производстве имеет в достаточной степени важное значение, не меньшее зна-

чение, чем роль отдела народного образования. Мы слышали здесь другой комплимент, что наконец-то мне удалось вас убедить—«давайте не сокращать производственной работы профсоюзов». Кто-то даже здесь сказал, что никто не собирается сокращать профсоюзы. Я к вам не пришел просить разрешения на право существования. Я вам скажу даже больше: в перспективе надлежит вам отмирать, а нам жить. Аппараты в перспективе должны отмирать, а мы, как общественная организация, должны и будем жить. Я вовсе не хотел убеждать вас в том, что нас не нужно сокращать; я вовсе не так ставил вопрос. То, как вы поняли, свидетельствует о том, что товарищи еще не усвоили в достаточной степени того положения, что нас не только не надлежит сокращать, но следует активно вовлекать в производство. Я вам еще больше скажу, что без нас вы, дорогие товарищи, не справитесь со своими задачами. В самом деле, возьмем несколько задач, которые стоят перед вами; возьмем рационализацию аппарата просвещенцев, рационализацию дела просвещения в самой школе. Неужели вы думаете, что справитесь с этими задачами, если мы, как профсоюз, не вовлечем путем воспитательной работы просвещенцев в это дело? Вы говорите здесь об инспектуре, но вы только подходите к этому вопросу, вы еще ищете этого инспектора, вы его не имеете. Вовсе не думает Наркомпрос, что путем инспектуры можно проинструктировать всю массу просвещенцев. Инспектора с этой задачей не справятся; кроме того, не надо забывать, что РКИ не даст потребного количества инспекторов. Каким же образом мы можем проинструктировать учителя? Только путем привлечения актива из самих учителей, которых надо будет вовлечь в нашу работу. Только при помощи союза, когда вы создадите общественность вокруг нашего производства, можно будет это сделать. Тов. Яковлева говорила здесь, что нужно договориться с союзом по поводу обязательного участия масс в методической работе. Я думаю, что по этому вопросу у нас нет разногласий. Пожалуйста, наладим эту работу; мы идем на это, мы это прекрасно понимаем; мы думаем, что независимо от того, что это будет проделано в порядке обязательном, нужно еще путем воспитания масс вовлечь актив в эту работу, а это является нашей задачей.

Возьмем другую задачу—старый учитель и новый учитель. Тов. Малышев сказал так: «надо вовлечь нового учителя, а профсоюз об этом не думает». Прежде всего, надо сказать, что мы имеем дефицит педагогической рабочей силы, в особенности, если учтем ту нагрузку, которую имеет учитель. Следовательно, нельзя говорить о замене одних другими. Кроме того, я должен сказать, что нельзя ставить вопрос о старом учителе, как о таком, который не годится и должен быть заменен новым. Старый и новый учитель должны пониматься не только в отношении времени и возраста. Дело вовсе не в этом. Среди старых учителей мы имеем не мало людей с новым направлением. Суть в том, что нужно устроить так, чтобы получилось влияние хорошего на плохое; вот в какой плоскости нужно ставить вопрос. Это то же работа союза.

Возьмем еще один чрезвычайно важный вопрос—это поднятие трудовой дисциплины. Надо сказать, что рабочий, а в том числе и учитель, еще не научились работать как следует, так, как нужно. Здесь еще оказывает влияние наша общая некультурность, наше неумение работать. Это имеет большое значение в смысле нашего культурного состояния. Мы все еще работаем с прохладцей, недостаточно внимательно относимся к работе. Необходимо поставить вопрос о поднятии нашей дисциплины. Кто поставит вопрос? Вы или орган союза? А мы скажем—давайте вместе работать. Только таким образом можно разрешить этот вопрос. Давайте не увольнять и не сокращать огульно. Давайте увольнять только тогда, когда у нас с вами будет найден общий язык. Некоторые выступавшие пытались ставить вопрос так, будто мы начали защищать учителя, который негоден для производства. (Шум. Протесты). (Голоса: «Вы защищаете»). Это неверно, весь вопрос заключается в определении негодности учителя, как определить его негодность. (Шум. Смех). Тов. Малышев решил этот вопрос, говоря, что «у меня есть учителя неграмотные, давайте их увольнять». Нет, не нужно их увольнять. Нет гарантии обратного порядка, что всякий новый учитель, которого вы возьмете, будет грамотен. Вопрос не так ставится, тов. Малышев; не методом изгнания неграмотных учителей разрешается вопрос, а таким методом, что давайте учить неграмотных. (Шум. Смех). Дорогие товарищи, я должен напомнить, что еще старое земство ставило своей задачей повышение знаний; оно старалось давать знания просвещенцам. Понятно, я тут говорю не о грамотности в простом смысле слова (Шум. Протесты). Я чувствую, что как только мы подошли к этому вопросу, то у нас обнаружился маленький разлад. (Голоса: «Большой разлад»). Вопрос вовсе не стоит так, как многие его ставят. К этому вопросу подходят, имея в виду ряд случаев сокращения. Я могу также указать десятки конкретных случаев. Например, один учитель работал в течение 10 лет, в последнее время он закончил высшее учебное заведение; пошел он в Красную армию, после Красной армии пошел в школу, и, оказывается, у него в родстве нашли попа и его сокращают. (Голос: «Это другое дело»). Так, раз поп в родстве, надо гнать в шею? Правильно ли это? И вы найдете сколько угодно таких случаев. (Шум. Протесты).

Нет сомнений, что в подходе к оценке учителя у нас с вами разногласие есть, и, конечно, мы здесь с вами не сговоримся. Для этого есть профсоюз, который может призвать к порядку, когда вы будете несправедливо увольнять не по тем признакам, по которым нужно уволить. Если на Северном Кавказе имеются работники, политически вредные, то мы их не защищаем и не будем защищать, тов. Малышев, а если вы будете только прикрывать увольнение мотивами политической неблагонадежности или политической непригодности, не умея это доказать, мы не дадим увольнять. Я должен сказать, что в конце концов в нашей практике между нами и отделами народного образования в центре, т. е. губернскими и краевыми, установился контакт в этом отношении. Нет того головотяпства, которое обнаруживается, главным образом, в низовых местах; а именно этого головотяпства в низовых органах я так боялся, когда говорил, что нужно осторожно подходить к просвещенцам. Вот чего я опасался и опасаюсь. Здесь говорили, что я будто бы указывал, что не нужно вскрывать недостатков учителя. Это неверно. Я не говорил, что не нужно вскрывать, я знаю, и союз говорил и будет говорить, что большая масса педагогов не подготовлена к той задаче, которая стоит перед ними. (Голоса: «А вывод, какой вывод?»). Не такой вывод, чтобы гнать и увольнять, а вот какой вывод—воспитать массу путем вовлечения ее в эту работу. (Голос: «Это слова»). Это не слова, это практическая работа. Если взять всю массу педагогов в настоящее время, то сравнительно еще немногие из них в полной мере подходят к нашей работе, а остальную массу нужно перевоспитать. Какой лозунг должен быть у нас сейчас выдвинут? Конечно, правы те товарищи, которые говорят: лозунг усиления средств. Это чрезвычайно важный лозунг, потому что без необходимых средств, без необходимого скачка в деле финансирования народного образования мы со своей задачей не справимся. Но помимо этого должен быть дан еще один лозунг, который чрезвычайно четко поставлен в тезисах Варвары Николаевны, это—«ближе к просвещенцу».

Необходимо активно вовлечь его в работу, тогда мы сможем справиться с этой задачей. При такой постановке задачи мы должны подходить к этой работе вместе с союзом; ибо только в связи с союзом вы справитесь с той задачей, которая стоит перед вами.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО тов. ЯКОВЛЕВОЙ.

Товарищи, прежде всего позвольте констатировать, что по организационному вопросу, который включает в себя огромное количество практических и чрезвычайно важных для нас частных вопросов, у нас открылись большие прения, так что мы получили возможность действительно этот вопрос осветить со всех сторон. Я думаю, что эти наши прения, эта дискуссия для нашей дальнейшей работы чрезвычайно желательна. Она много дала для Наркомпроса и она, несомненно, даст для отдельных местных работников возможность кое-что учесть из опыта работы в других местах. В заключительном слове я хочу остановиться лишь на некоторых отдельных крупных вопросах; о частностях мы будем говорить в комиссиях и подкомиссиях.

Прежде всего, у нас получилась какая-то неясность по отношению к вопросу о содержании и характере инспекторской работы, в особенности, относительно характера и содержания работы низового инспектора. В смысле определения содержания и характера этой работы, я стою на точке зрения той инструкции, которую Наркомпрос издал в декабре 1927 года. Там совершенно определенно сказано, что, несмотря на то, что главной задачей инспектора является помощь низовому просвещенцу в его работе в учреждении, несмотря на это, он не только методист, не только пропагандист, но он также и о р г а н и з а т о р работы по соответствующим разделам народного образования в своем районе. Это совершенно неизбежная вещь. Когда мы говорим, что в его задачу входят не только чисто-методические вопросы, но и организационно-педагогические, то это понятие также охватывает огромную сумму вопросов не только чисто-методического характера. Что значит организационно-педагогические вопросы? Это—вопросы о продолжительности учебного года, об установлении порядка в работе самой школы, о связи школы с советской общественностью, об общеполезной работе школы и т. д. Куча вопросов сюда входит, и эти вопросы выводят инспектора, как и учителя, за пределы одной школьной работы, выводят его в сферу широкой советской общественности. Несомненно, организация работы в школе в этом широком смысле слова входит в сферу работы инспектора; он ее выполняет. Это указано и в инструкции, которая издана Наркомпросом и которая совершенно ясно очерчивает физиономию инспектора. Таким образом инспектор не только то лицо, которое соприкасается с учителем и помогает ему в педагогическом процессе и методах этого процесса; он соприкасается также и с риком и сельсоветом, он связывает школу и политпросветучреждения, он помогает школе получить все то, что нужно от местных организаций. Кто он такой? Он прежде всего—работник рика; значит, в низовых органах советской власти он этот рик представляет; правда, он не может приказывать сельсоветам, но добиваться проведения распоряжения рика в жизнь он обязан. Если ему это не удается, то он делает соответствующий доклад рику, и тот, как орган советской власти, имеющий право приказать нижестоящим органам—сельсоветам, дает соответствующие распоряжения. Таким образом вся эта сумма организационной работы входит в его обязанности. Не в этом спор. В чем был центр тяжести моего доклада? Он был в области административных функций этой инспектуры. Почему? Потому что болезнь нашей работы, даже после долгой практики, которую мы имеем в этом направлении, заключается именно в этом. Рики стараются сделать инспектора работником, который

организует работу не только по существу и содержанию ее. Они хотят превратить его в своего аппаратчика, на которого возложена масса технических задач, своего подсобного администратора. Они хотят его сделать отнюдь не таким работником, как говорится в инструкции Наркомпроса, не человеком, консультирующим рики в области перемещения и подбора работников на данном участке; они хотят его превратить в того администратора, который непосредственно будет распоряжаться судьбой и жизнью низового просвещенца. Против этого мы и протестуем: это совершенно не нужно; инспектор должен лишь консультировать, должен лишь этим путем участвовать в подборе работников; мы против тенденции риков заставить инспектора заниматься переброской учителей, пересадкой их с одного места на другое. Товарищ Лаврентьев полагал, что на инспектора нужно нагружать функции чисто административные, но я считаю, что это неверно. Если мы его действительно сделаем человеком, который будет распоряжаться судьбой низового просвещенца, если мы его загрузим администрированием вообще, то мы чрезвычайно плохую услугу окажем инспектуре, мы ослабим ее возможности в области методического руководства низовой нашей сетью.

В отдельных выступлениях выявилась обратная тенденция, тенденция сделать отделы народного образования инспекторским аппаратом по типу старой дореволюционной инспектуры. Должна сказать, что это плохая тенденция, от нее надо отказаться. Мы не можем строить так свои органы, прежде всего потому, что мы живем в советском государстве, и наш отдел народного образования есть часть аппарата местного органа советской власти. А это значит, что за ним всегда останется определенная сумма административных прав, останется довольно большая административно-организационная работа. От чего мы хотим отказаться? От того, чтобы ОНО были органами т о л ь к о административно-организационного порядка, которыми они были до сих пор и которыми часто еще продолжают оставаться, так как от этой практики чрезвычайно трудно отойти. С этой практикой надо и можно покончить, поскольку вся наша жизнь, и в том числе работа по народному образованию, упорядочилась, поскольку окрепли низовые учреждения, постольку мы определенную сумму этих административно-организационных функций можем перенести на всю цепь нашей просветительной системы—в учреждения.

Равно опасны оба эти стремления: с одной стороны, рассматривать отделы народного образования, как бесправные, лишенные административных функций аппараты, но, с другой стороны, совершенно не к чему ставить полный знак равенства между отделами народного образования и участковыми (районными) инспекторами и представлять себе, что участковый инспектор есть ОНО в маленьком масштабе. Инспектору не нужно придавать административных функций, но, и не имея этих функций, он остается организатором своей отрасли народного образования в данном районе, ибо административные функции и организационная работа—две разные вещи. Центром тяжести своего доклада я ставила вопрос об административных и технических функциях инспекторов и предложила бороться с этой тенденцией для того, чтобы сохранить инспектора, как основного руководителя работой низовых просветительных учреждений по существу, по ее содержанию. Поэтому-то я и высказываюсь против инструкции Главполитпросвета, ибо в ней выявилась тенденция сделать основными в работе инспектора административные и оперативно-организационные функции. Товарищ Мещеряков очень хорошо подчеркнул это, выразив почти презрение к методической работе: это, мол, какие-то азы и буки. Это—линия не на политпросветинспектора, а на старого политпросветорганизатора, линия, целиком себя изжившая, ибо она фактически этого низового политпросветработника вычеркнула из практической политпросветработы

в деревне, загрузив его всяческими другими функциями, начиная с партийных, кроме одной,—функции руководства политпросветучреждениями. Инструкция Главполитпросвета представляет собой отрыжку прежнего времени. А между тем, мы хотим и по линии политпросветучреждений иметь инспектора, который был бы хорошо подготовлен. Старый политпросветорганизатор был подготовлен очень слабо. А нам, в особенности теперь, нужен такой политпросветинспектор, который помогал бы работе наших политпросветучреждений, укреплял бы их. Это еще более необходимо, чем в области соцвоса, в виду крайней слабости наших низовых политпросветучреждений. Эта слабость стала особенно ясной во время минувшей хлебозаготовительной кампании. Есть масса случаев, когда школа в деревне сыграла более организующую роль, чем изба-читальня. Можно прямо сказать, что в этой массовой кампании изба-читальня, как учреждение, аккумулирующее вокруг себя деревню, экзамена не выдержала. И это тем более понятно, что у нас на низу нет помощи, нет руководителя, который может подкрепить это слабое низовое политпросветительное учреждение. Теперь более чем когда либо мы должны взять определенную линию на к в а л и ф и ц и р о в а н н о г о политпросветинспектора на участке и в районе, инспектора, имеющего педагогическое образование и могущего быть авторитетным для всей своей сети. Мнение тов. Мещерякова я считаю поэтому совершенно неправильным и вредным для политпросветработы и ее развития.

Теперь перейду к вопросу относительно старшего инспектора в районе и институтов старших инспекторов в отделах народного образования. Я подробно говорила об этом в докладе и не вижу нужды в заключительном слове по существу на этом останавливаться, так как считаю, что тов. Луначарский по существу сказал все, что надо. Я хочу лишь подчеркнуть, что коллегия Наркомпроса подходит к этому вопросу, как и к целому ряду других вопросов, поставленных на съезде в дискуссионном порядке. Это—один из ч а с т н ы х вопросов системы организации народного образования. Он имеет не меньшее и не большее значение, чем другие. Поэтому мы не имеем основания поддерживать попытку тов. Мещерякова сделать из этого вопроса центральный вопрос всего съезда. Мы относимся совершенно спокойно к этому вопросу, считаем, что его нужно обсуждать, как всякий другой вопрос. Мы думаем, что тов. Мещеряков оказал плохую услугу, когда, вместо защиты этого вопроса, он вздумал запугать съезд пятым этажом одного авторитетного учреждения. Мне кажется, что форма апелляции тов. Мещерякова не соответствует достоинству этого учреждения.

Правильно здесь отмечалось, что нельзя механически определять норму нагрузки инспектора. В одних районах возможно 60 учреждений на инспектора, а в других районах 60 учреждений будет не по силам при дальности расстояния. Я думаю, что съезду нужно дать точную формулировку по вопросу об этой самой нагрузке.

Также правильно отмечена необходимость озаботиться не только укреплением материального положения инспекторов, но и созданием вокруг них благоприятного общественного отношения. Такую директиву съезду нужно дать, и я думаю, что Союз работников просвещения нам поможет в этом деле.

Еще преждевременно пока говорить об интегральном низовом инспекторе, как это было сделано тов. Касаткиным. В большинстве случаев это приведет к отказу от второго инспектора и к установлению одного инспектора в районе или на участке. Я думаю, что этот вопрос не таким путем решается, что надо, мол, взять одного и хорошо ему платить; нужно резко ставить вопрос о повышении квалификации политпросветинспекторов, о которой чрезвычайно дурно отзывались, например, дальневосточные товарищи. Один из них заявил о политпросветинспекторе, что это работник, которому красная цена 60 рублей. Нам нужен, конечно, не такой человек, которому грош цена; нам нужен ценный товарищ, с которым будут считаться как низовые учрждения, так и местные организации. Наша линия должна итти на подбор д в у х квалифицированных специалистов, в особенности потому, что наша сеть будет расти чрезвычайно быстро и в дальнейшем. Один инспектор в районе нас никогда не устроит при этих условиях.

Вопрос о типе инспекторов соцвоса в губоно и крайоно является вопросом, по поводу которого Наркомпросу чрезвычайно важно выявить мнение съезда. Я даже рискую высказать такую мысль, что мы можем после нашего съезда разрешить себе попробовать и тот и другой тип построения инспектуры. Это, с моей точки зрения, не тот вопрос, по которому надо было бы ломать принципиально копья. Здесь я не могу согласиться с тем товарищем, который упрекал меня в линии на спецовское обслуживание, на спецовскую инспектуру. Мы прямо говорим, что берем линию на методиста-специалиста и не считаем это для себя позором. Это вовсе не означает, что методист в общественно-политическом отношении является человеком неквалифицированным. Он должен быть квалифицированным человеком и в этом отношении.

Товарищ Пистрак возражал против цикловой инспектуры, но мне кажется, что доводы его были скорее в защиту цикловой инспектуры, чем против. Он говорил, что общественно-педагогическая активность складывается помимо нас и складывается она по линии определенных дисциплин. Он приводил соответственные примеры из области естествознания и из области словесности (употребляя старый термин). Я думаю, однако, что вряд ли инспектора по типам школ, которые не являются специалистами в области естествознания, могут дать что-нибудь в смысле руководящего влияния на ячейки педагогических обществ—в области естествознания. Думаю, что они вынуждены будут просить себе в помощь человека действительно компетентного в области естествознания. Поэтому я и считаю, что его аргументация била мимо цели. Повторяю, я полагаю, что этот вопрос должна разрешить практика.

Относительно профобразования и его аппарата я думаю, что надо обратить большое внимание на это дело. Мне кажется, однако, что аргументация тов. Ходоровского неправильна в том отношении, что это, мол, заброшенный участок и т. д. Я думаю, что не следует злоупотреблять столь сильными выражениями. Здесь нужно говорить о другом: если Наркомпрос за эти годы работал над повышением квалификации инспекторского аппарата по линии соцвоса, а последний год и по линии политпросвета, то по линии Главпрофобра ничего не сделано. Вся беда заключается в чрезвычайной качественной слабости тех людей, которые сидят в аппарате по линии профобразования. Это, в большинстве случаев, люди, не специализировавшиеся в этом деле. Нам нужно в ближайшее время обратить серьезное внимание на эту отрасль. Мы предполагали собрать съезд профобра перед съездом заведующих ОНО, но не успели этого сделать. Я думаю, что от этой мысли мы не должны отказываться и должны осуществить ее позднее.

Товарищей интересовали вопросы, связанные с транспортом. Я кратко информирую вас, не останавливаясь по существу на этих вопросах. По постановлению Совнаркома, мы должны были составить проект передачи отделам народного образования транспортных учреждений в определенный срок. Мы с НКПС не сошлись по некоторым основным моментам этого проекта. Например, НКПС считал необходимым систему профобразования у себя сохранить. Мы с этим не согласны. Дальше, НКПС постановление Совнаркома о передаче в течение 3 лет стремится толко-

вать в смысле передачи по истечении трех лет. Мы думаем, что нужно, напротив, поставить задачей постепенную передачу учреждений транспорта по отдельным дорогам. Эти расхождения мы внесли в Совнарком; они должны будут там разбираться. Я думаю, что мы устроим небольшое совещание после съезда по вопросу о порядке передачи для того, чтобы или внести в наши предложения соответствующие коррективы, или же получить подкрепление нашей точки зрения.

Я думаю, товарищи, что мы должны будем обратить внимание на вопрос о национальной инспектуре. Мы из реорганизации вышли с разгромленным аппаратом национальных инспекторов; у нас руководство национальными учреждениями по линии методической ослабело, а оно должно быть сильным.

Тов. Касаткин очень хорошо рассказывал нам по поводу сокращения штатов и в дальнейшем. Я надеюсь, что он получит возможность помечтать об этом деле еще годика два. Сейчас же не только Наркомпрос, но и руководители других наркоматов думают, что нужно позадержаться с дальнейшим сокращением штатов. Сокращение было проведено такое большое, что никто не успел его по-настоящему переварить, никто не успел улежиться в рамки сокращенного аппарата и перестроить свою работу. Нужно пожить некоторое время в этих новых рамках, чтобы делать дальнейшие шаги. Я не знаю, как тов. Касаткин думает создавать низовую инспектуру при своей линии на сокращение штатов. Совершенно несомненно, что создание низовой инспектуры приведет к увеличению штатов по линии народного образования. Мы на это должны итти с открытыми глазами; придется поставить вопрос, что, если при этом недопустимо расширять общие административные расходы, то тогда исполкомы должны осуществить это путем ужатия штатов некоторых других отделов. Именно потому, что низовую инспектуру невозможно осуществить без некоторого расширения штатов, мы и ставим вопрос перед правительством, ибо без правительственной помощи нам в этом деле не обойтись. Но и вам нельзя сидеть, сложа руки, пока не придет правительственная директива; вы сами должны добиваться осуществления низовой районной инспектуры.

Еще я хочу немного остановиться на вопросе об организации методической работы. Тут многие товарищи высказывались за сохранение районных и волостных методических комиссий. У некоторых происходило даже некоторое смешение районных и волостных методкомиссий с низовыми «методическими» объединениями. Некоторые мне доказывали, что низовые методические объединения есть основа нашей работы и их упразднять нельзя. Это совершенно верно: низовые объединения учительства упразднять нельзя; но райметодкомиссию нельзя смешивать ни с ними, ни с райконференцией. Райметодконференция не есть райметодкомиссия. Вы говорите, что наш инспектор не имеет возможности разъезжать, а какую же возможность имеет райметодкомиссия, на какие средства она будет разъезжать? (Голос: «Надо дать»). Это не аргумент. Практика—вот аргумент. А на практике эти учреждения существуют только на бумаге. Обследование показало, что в большинстве случаев, за исключением густонаселенных мест, столичных по преимуществу губерний, они сливаются с советами опорных учреждений. А мы упорно эту бумажную штуку хотим увековечить. Конечно, там, где есть возможность для работы райметодкомиссии по условиям данной местности, пусть они работают, но насаждать повсюду райметодкомиссии нет оснований. Надо укрепить советы опорных учреждений и поставить дело так, чтоб работу, выходящую за пределы опорной школы, они вели под руководством районной инспектуры. Посмотрите сами поближе и вы увидите, что на практике райметодкомиссии не существуют. Не нужны нам и уметодбюро, как постоянные организации; но уоно должны создавать отдельные комиссии

для разработки отдельных вопросов. И практика показывает, что уметодбюро существуют только там, где подобрался квалифицированный состав инспекторов и местных практических работников. Поэтому нечего жалеть покойников, которые и вообще недолго жили.

Теперь несколько слов насчет учебников, о чем говорил тов. Малышев, о праве краевых ОНО издавать учебники без разрешения Наркомпроса. Тут давний спор, и не о компетенции он идет. Именно теперь, когда мы живем под давлением общественного мнения, с одной стороны мнения рабочих и крестьян, жалующихся, что у нас чрезвычайно много учебников, а с другой стороны, мнения учительства, жалующегося на несовершенство учебников, именно теперь не нужно ослаблять вожжи. Пусть будет меньшее количество учебников, но пусть они будут лучше.

Я хочу еще несколько слов сказать относительно показа. Здесь мы как-будто разошлись с т. Крупской. Но она, как мне кажется, говорила о показательном уроке инспектора в школе, которую он обследует. Я также против такого показа. Я за другой показ, за то, чтоб в местном педагогическом журнале рассказывалось, как провести ту или иную тему, как справиться с той или иной конкретной методической задачей. Я настаиваю на том, что педагогический журнал, который на этот путь вступает, в частности ленинградский журнал «Просвещение», нередко глубочайшие корни пускает в учительство, как бы квалифицировано оно ни было. Учителю важно проверить свой опыт на опыте другого учителя, что он и делает при помощи журнала. Может быть, он не так проведет тот или иной урок, как написано в журнале: он введет те коррективы, которые диктует ему его педагогическая практика, которые ему указываются условиями того места, где он работает, составом его учеников и т. д. Но все же именно такая конкретная постановка наших журналов встречает наибольшие симпатии учительства, ибо оказывает ему максимальную помощь. Вероятно впоследствии наш учитель перерастет такую формулу показа, но пока что она ему нужна. Что касается показа, даваемого районной школой, то против этого и т. Крупская не возражает, повидимому.

Здесь товарищи говорили относительно маленьких недостатков в механизме руководства со стороны Наркомпроса. Я не собираюсь их отрицать. Очень хорошо, если с вашей точки зрения они являются маленькими, и за это большое спасибо. Таких недостатков в нашем руководстве, конечно, очень много; они неизбежны во всяком аппарате в наших условиях, ибо этот аппарат еще далеко не совершенен. Я хочу на эту тему сказать несколько слов совсем не потому, что я хочу опровергать что-нибудь. Я хочу вас только предостеречь от того, чтобы вы по совету товарища не скрыли от своих школ письма соцвоса по поводу юбилея Горького. Если вы это сделаете, то с вашей стороны это будет большой ошибкой. Мы писали эти письма вовсе не для того, чтоб отпраздновать юбилей Горького; мы ставим себе задачей в связи с его юбилеем осветить его творчество, осветить его значение в нашей литературе. На это нужно потратить не только дни, связанные с юбилеем, на это нужно потратить и весь будущий год. Я считаю, что письмо Главсоцвоса является чрезвычайно ценным, и было бы преступлением его скрыть. Оно останется пособием для школы и в последующие годы.

Здесь много говорили о просвещенцах. Товарищ Щуров обиделся, что в тезисах написано, что в области защиты прав просвещенцев союз должен усилить свою энергию. «От кого вы призываете их защищать? От своих отделов народного образования?»—спрашивал т. Щуров. Недалеко смотрите, товарищи. Вы знаете, что в наших условиях, особенно по линии низового просвещенца, командование на практике принадлежит часто не нашим отделам народного образования. А между тем как раз

на низах органы союза рабпроса особенно слабы и иногда боятся подымать свой голос. Мне кажется, что в таких случаях задача рабпроса состоит в том, чтобы единым фронтом с отделами народного образования защищать просвещенца. Просвещенцы на низах находятся часто в очень тяжелых условиях. Наши отделы народного образования и инспектура узнают об уродливых явлениях только после того, как они уже совершились. Низовые органы союза должны в таких случаях действовать энергичнее. Всегда ли это бывает? Возьмем недавний случай, дело учительницы Барковой, покончившей самоубийством. Получилось так, что под самым носом Москвы имело место омерзительное затравливание человека, причем это продолжалось не один-два дня, а длинный период времени. Может ли здесь союз рабпроса сказать, что оказался на надлежащей высоте? Нам нужно совместно защищать просвещенца. На что были в прениях нарекания со стороны товарищей? Мне кажется, что есть некоторая доля истины в этих жалобах. Иногда у нас бывает чрезвычайно формальный подход со стороны союза рабпроса. Товарищ Долинко здесь говорил, что линия всегда должна быть одна и что неквалифицированного работника нужно квалифицировать и обучать, а не гнать. Очень хорошо: их нужно обучать. Но пока он не обучен, его в школу пускать нельзя. Верно, что мы должны принять меры для повышения его квалификации; но если он слаб, то приходится проделать и операцию освобождения от него школы, операцию, иногда тяжелую для работника просвещения. В этом союз также должен нам помочь, если интересы производства ему близки.

Есть еще одно обстоятельство, которое затрудняет нашу работу, это—недостаточная пенсионная обеспеченность нашего учительства. На эту тему говорил т. Луначарский. Мы в нашей практике это постоянно чувствуем. У нас есть категория учительства, которая сама чувствует, что она не может выполнять задачи, которые мы перед ней ставим; а уйти при том размере пенсии, который для нее существует, означает после трудной работы многих десятков лет уйти на улицу. Поэтому они искусственно задерживаются в школе. Значит, наша задача заключается в том, чтобы создать общественное мнение в отношении повышения размера пенсии этому учительству, ибо это есть одна из возможностей повысить качество работы наших просветительных учреждений.

В заключение я хочу остановиться на трех небольших вопросах. Мы много говорили о формах аккумуляции советской общественности вокруг наших учреждений. Я бы хотела только одно добавить: мы не только должны осуществлять те формы, которые разработаны, но нужно, очевидно, искать новые формы для этого. Для этого не надо стеснять себя существующими положениями. Надо выбирать ту форму, которая для данного места может дать наиболее полезный результат.

Я хочу далее поддержать мысль, высказанную т. Барсуковым по докладу т. Луначарского: «давайте пропагандировать наши достижения». Обыкновенно бывает так, что мы с вами и наша советская общественность и наша пресса больше всего кричим о наших болячках, а о наших достижениях, которые с каждым днем все растут, мы не оповещаем. Теперь мы должны не только отмечать отрицательные моменты в нашей работе, но и пропагандировать наши достижения. Между прочим это даст возможность привлечь к себе общественное мнение. Наши учреждения становятся уже культурными центрами, особенно внизу; но наверху это еще не чувствуется, и всем кажется, что мы попрежнему беспомощны, как и некоторое время назад. Нас ругают, и мы сами ругаем себя, потому что у нас есть такая предвзятая мысль, что на выявлении наших язв мы будем лечиться и подниматься. Но это—односторонний взгляд. Нужно отмечать и более светлые моменты в нашей жизни, чтобы можно было сосредоточить больше внимания на нашей работе и влить бодрость в наших работников.

Последний вопрос, на котором я хочу остановиться, это та дискуссия вокруг нескольких вопросов, которая возникла на нашем съезде. Тут даже выражалось недоумение, как это так: после утверждения коллегией Наркомпроса определенных тезисов, все-таки работники Наркомпроса позволяли себе высказываться в отдельных пунктах против этих тезисов. Я тут не вижу ничего плохого. Работники Наркомпроса выступали с разрешения коллегии Наркомпроса, которая считает, что все мнения и все точки зрения должны найти место на этом съезде. Наша задача не в том, чтобы задавить механически тот или иной взгляд, а в том, чтоб, обсудив все точки зрения, вынести отсюда единую линию. Этим единством мы действительно должны в дальнейшем закрепить все завоевания и продвижения, которые сделаны до сих пор, и обеспечить возможность дальнейшего продвижения на основе единой линии. К этому единству я вас и призываю и считаю, что тезис о четкости и дисциплинированности в работе мы должны во что бы то ни стало выполнить.

К ПАРТСОВЕЩАНИЮ

К ВОПРОСУ О ПЕРЕСМОТРЕ ШКОЛЬНОЙ СИСТЕМЫ В СССР [1]).

(В порядке обсуждения).

1. НАШИ ДОСТИЖЕНИЯ И ПРОМАХИ В ОБЛАСТИ СТРОИТЕЛЬСТВА ШКОЛЬНОЙ СИСТЕМЫ.

В связи с предстоящим партсовещанием при ЦК ВКП(б) по вопросам народного просвещения, парткомы и отделы народного образования ведут усиленную подготовку. Происходит учет достижений. Переоцениваются ценности. Выискиваются промахи. Конструируются планы.

Народно-хозяйственное и политическое развитие Союза уперлось в отсутствие культурности масс и квалифицированной технической силы. Лозунг культурной революции на ближайший период является одним из самых актуальных. Или мы сумеем выполнить его,—и тогда обеспечен успех строительства социализма и победа над капитализмом в международном масштабе,—или мы не справимся с этой гигантской работой,—и тогда мы станем неизбежной жертвой интервенции. Тем ответственнее становится вопрос о системе школ, через которую должны проходить все новые и новые культурные силы для работы на всех фронтах советской общественности и хозяйства. Система школ определяет качество продукции, ее дешевизну или дороговизну, ее соответствие или непригодность для нужд строящегося социализма. От системы школ зависит социальный отбор на командные посты. От нее зависит решение проблемы отбора всего наиболее талантливого из народной массы. Она должна быть инструментом социалистического распределения человеческой рабочей силы.

В буржуазных государствах система народного образования складывалась стихийно, по тем же законам рынка, как и все народное хозяйство. Мы буржуазной анархии противопоставляем план.

План народного просвещения, объявленный советской властью в 1917/1918 году и совершенствуемый беспрестанно с тех пор, уже в силу того, что это был план, хотя и весьма несовершенный, принципиально и практически оставил далеко позади себя все то, что делалось и делается в этом отношении за границей. Что же мы имеем, как завоевание?

1. Мы сломали все перегородки царской школы и построили единую школу.

2. Мы устранили от управления просвещением армию бюрократов и привлекаем к активному строительству просвещения широчайшие рабочие и крестьянские массы.

[1]) Редакция, обращая внимание читателей журнала «Народное Просвещение» на статью т. Свадковского, вновь просит всех работающих сейчас, в связи с подготовкой к партсовещанию, над вопросами системы народного образования поделиться своими соображениями, не стесняясь размерами и формой, на страницах журнала.

3. Мы положили конец анархии в деле подготовки высококвалифицированной рабочей силы, путем объединения всех вузов в руках Наркомпроса, и развертываем вузовскую сеть со все большим учетом требований промышленности на нее.

Однако, достигли мы значительно меньшего, чем хотели и чем нам нужно. Мы все еще имеем огромные массы неграмотных и неучащихся в школе детей. Наши школы часто выпускают людей без тех знаний, которые нужны им, чтобы участвовать в улучшении производства. Наши университеты зачастую выпускают специалистов, не способных конкурировать со старыми или иностранными инженерами. Наши школы во многих случаях заполняются чуждым пролетариату составом, в то время как рвущаяся к знанию пролетарская молодежь остается за стенами школы. Эти факты не требуют документации: они сейчас общепризнаны. Вопрос не в том, чтобы их оспаривать или защищать, а в том, чтобы найти правильное их объяснение и тем самым найти более правильное решение поставленной задачи.

Основная, но отнюдь не решающая причина указанных недочетов нашей просветительной работы лежит, конечно, в колоссальнейшей диспропорции между нашими потребностями в культуре и материальными средствами, необходимыми для того, чтобы удовлетворить их. Это затруднение усугубляется еще более тем, по существу весьма отрадным явлением, что все слои населения, начиная рабочими, крестьянами и ремесленниками и кончая новой буржуазией, активнейшим образом добиваются, насколько можно, высокого образования: стихийная волна, напирающая сотнями тысяч на нашу среднюю и высшую школы, не хочет и не может считаться с реальными средствами государства и спросом наших хозяйственных органов на определенное количество определенных специалистов. Как наиболее яркое выражение этой диспропорции, мы имеем новую, уже парадоксальную диспропорцию: при всей нашей нищете, мы ежегодно выпускаем из средней школы, функция которой заключается главным образом в подготовке для поступления в вузы, сотни тысяч молодых людей, из которых только несколько десятков тысяч идет по прямому назначению, а прочая огромная масса, не будучи подготовлена к квалифицированному труду, не может применить своих сил даже в области малоквалифицированного труда. Материальная нужда и острая потребность в культурных работниках должны были бы толкать нас на строжайшую экономию в деле развертывания школьной сети и на полную увязку планов школьного строительства с планами развертывания народного хозяйства, а мы, как богатые наследники, щедрыми пригоршнями растрачиваем миллионы лишь потому, что на нас напирает волна желающих получить высшее образование, хотя мы и хорошо знаем, что учить их мы в вузах не будем. Насколько мы поплыли по волнам стихии, можно судить по характерной идеологии московских руководителей народным образованием, с гордостью заявляющих, что в текущем году школьная сеть Москвы в разделе начального и среднего образования не знала отказов, иначе говоря, кто хотел и мог учиться, тот и учился. Очень хорошо, что Москва смогла в этом году удовлетворить запросы населения на все виды общеобразовательной школы, но встают вопросы: 1) Достаточно ли укомплектованы и оборудованы наши техникумы, без которых мы не можем развивать нашу промышленность? 2) Удовлетворена ли московская промышленность на все сто процентов сетью фабзавучей и достаточно ли оборудованы эти школы? 3) Не кричит ли МОНО (и вполне справедливо) о вопиющих недостатках в средствах? 4) Какой процент детей рабочих учится в старших ступенях школы второй ступени? 5) Какой процент детей рабочих не учится вовсе и не заканчивает школу-четырехлетку? Ответы простые и поучительные: техникумов мы имеем во много раз меньше, чем нам нужно, фабзавуч

своей продукцией далеко не удовлетворяет ни в количественном, ни в качественном отношениях, денег у МОНО нет, и он правильно делает, что неустанно ставит этот вопрос в Московском совете, всеобщее обучение не введено еще, достаточно большой процент детей рабочих уходит из школы, не закончив четырехлетки, детей рабочих в старшем концентре второй ступени—19%. Эти ответы достаточно красноречиво говорят, что рано еще итти по пути удовлетворения стихийного спроса на школьное образование, что необходимо волну желающих учиться распределить так,чтобы при наименьших затратах дать нужную промышленности и общественности рабочую силу. Надо стихии противопоставить р а з у м н ы й п л а н, в котором бы ни одного рабочего часа и ни одной копейки не тратилось бы без учета того, как эффект этой работы скажется на нашем социальном и хозяйственном строительстве. Для нас просвещение не простое культурничество, не роскошь, а насущная потребность, рассматриваемая, прежде всего, как потребность в квалифицированной рабочей силе.

По СССР в 1926/27 учебном году мы имели учащихся:

В вузах, подготовляющих высококвалифицированную рабочую силу.	168.000
В различного рода учебных заведениях,подготавливающих рабочую силу выше средней квалификации	243.430
В низшей школе специального образования . . .	256.000
В рабфаках	44.600
Во втором концентре школ второй ступени . . .	136.000
В первом концентре школы второй ступени	1.003.000
В школе первой ступени	9.108.000

В какой степени данное распределение юношества Союза увязано с потребностью в рабочей силе? Неужели наша промышленность требует работников средней квалификации в таком же размере, как и низшей, и почти в таком же размере, как и высшей? Не имеем ли мы перепроизводства инженеров по некоторым видам труда и недостаток средне-квалифицированной силы?

ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ ПОСТРОЕНИЯ ПЛАНА СТРОИТЕЛЬСТВА НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ В СССР.

Стремясь выйти из перечисленных противоречий и излечить больные места нашей просвещенской работы, многие товарищи впадают в грубые ошибки. Предлагается ликвидировать девятилетки, как не оправдавшие своего назначения и по своему учительскому и ученическому составу чуждые пролетариату. Предлагается перебросить средства на специальные школы за счет ликвидации политехнической школы второй ступени; связь рабочих с вузами осуществлять через профессиональные школы и техникумы. После того, как украинская система блестяще провалилась на практике и ее творцы путем закладывания заплат хотят продлить ее существование (курсы по подготовке в вузы, удлинение обучения в профессиональной школе, устранение стажерства для поступающих в вуз), некоторые решительные головы в РСФСР ставят крест над эресефесеровской системой и курят фимиам украинцам. Надо договориться об основных принципах, с которыми мы подходим к разрешению выявленных противоречий в практике нашей работы по народному образованию.

П р о б л е м а к у л ь т у р н о й р е в о л ю ц и и и н а ш а н и щ е т а. Наш рабочий должен быть культурен, что значит на языке школьных работников—политехнически образован и воспитан; наш специалист должен в знании своей специальности конкурировать с западно-европейскими и американскими спецами. Но мы во много раз беднее американцев и не можем тратить на народное образование столько средств, сколько тратят на это дело капиталистические страны. Американский специалист высшей марки учится не менее 20 лет,—8 лет в начальной школе, 4 года в средней, 4—в колледже и 4—в университете. Мы своего специалиста учим 13 лет: 9 лет в начальной и средней школе и четыре года в вузе. Средне-технический персонал в той же Америке учится 16 лет: восемь лет в начальной школе, четыре в средней и четыре в колледже. Наш средне-технический персонал учится в среднем 11 лет: семилетка плюс четыре года техникума. А мы требуем от наших специалистов, чтобы они следили за наукой, читали бы иностранные журналы и конкурировали бы с иностранными инженерами. Еще никто не доказал, что мозги наших студентов иначе устроены, чем у иностранцев, или что методы нашей университетской и техниковской науки во много раз лучше, чем у наших буржуазных конкурентов. Напротив, нам хорошо известно, что оборудование наших университетов и техникумов значительно ниже, чем в американских университетских школах и колледжах, а значит, нашему студенту приходится работать в более трудных условиях, и надеяться, что он будет лучше успевать, чем его иностранный коллега, это значит надеяться на чудо.

Некоторые стараются разрешить это противоречие путем арифметических подсчетов и приходят в результате к полному разочарованию: нет у советской власти таких денег, чтобы так долго учить нашу молодежь. Другие предлагают отказаться от диктатуры пролетариата в деле народного просвещения и советуют предоставить частной инициативе и частным средствам восполнить недостатки в нашей системе путем организации частной школы.

Для растерянности и паники, однако, нет места. Мы имеем все основания разрешить данную проблему и давать подготовку нашим специалистам не меньшую, а большую, если подойдем к ней с точки зрения социалистического плана и преодолеем стихию анархии, которая до настоящего времени играет значительную роль. Прежде всего, необходимо расчленить вопрос на две части: а) конструкция системы школ и б) степень наполненности учащимися отдельных ее частей. Можно себе представить весьма развитую систему школ, рассчитанную на весьма продолжительное обучение в них, которая была бы не только не дороже, но и дешевле той, которую мы имеем, при условии, что контингент учащихся будет ограничен. Когда говорят о дороговизне той или иной системы, то обыкновенно объединяют обе стороны вопроса, а между тем, четкое представление о том, в какой мере каждая из этих сторон обусловливает сумму затрат, только и может помочь разрешить стоящее перед нами противоречие. За данную сумму мы можем подготовить: а) большое количество плохоквалифицированных работников или б) малое количество хорошо подготовленных работников. Вопрос, таким образом, переносится из плоскости арифметических подсчетов в плоскость качественного учета потребностей промышленности и общественной работы.

У меня нет точных данных, чтобы окончательно разрешить этот вопрос: надо,чтобы те,кто планирует нашу промышленность и руководит строительством общественности, сказали нам, работникам просвещения, в какой области и в какой степени они могли бы обойтись работниками меньшей квалификации, имея зато достаточное их количество, а в каких отраслях они предпочли бы иметь меньшее количество, но лучшего качества работников. Эту работу надо проделать. Без нее строить какие-бы то ни было планы, это значит заранее быть обреченным на неуспех. Наперед, однако, можно сказать, что единообразного ответа на поставленный вопрос мы не получим: в разных областях производства и общественности

по-разному будут отвечать. Эти ответы лягут в основу для плана развертывания школьной сети.

Какой же вывод мы должны сделать в отношении самой системы школ. Мне кажется, что выводы должны быть сделаны следующие:

1. Система школ должна быть настолько гибкой, чтобы удовлетворить требованиям как наивысшей квалификации, так и спадающей градации более низкой квалификации.

2. Размер статьи государственного бюджета на народное образование не имеет непосредственного отношения к вопросу о конструкции школьной системы, а скорее—к развертыванию школьной сети.

НУЖНА ЛИ СРЕДНЯЯ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ (ПОЛИТЕХНИЧЕСКАЯ) ШКОЛА?

Люди, испугавшиеся нашей бедности, в панике изобрели систему, которая по своей структуре на практике обходится наиболее дорого, если иметь в виду степень ее эффективности. Украинская и белорусская система совершенно игнорирует правило: не трать понапрасну денег и человеческой энергии. Не в малой степени грешит этим и практика РСФСР. В самом деле. В течение трех лет учащийся приобретает знания и навыки в профшколе для того, чтобы эти знания применить в жизни. Но вот он поступает в техникум или институт. Спрашивается, какую часть знаний и навыков, кои он приобрел за три года, утилизирует он при работе в институте или по выходе из него? Он научился владеть тем или другим инструментом, но вуз требует от него не этого примитивного навыка руки или глаза,—он требует солидной научной подготовки: математики, физики, химии, общественных наук. То обстоятельство, что Украина вынуждена была создавать подготовительные курсы для поступления в вузы, является жесточайшей критикой системы. Если из семилетки можно в течение года подготовиться в техникум, то для чего учиться три года на профкурсах? Конечно, знаний за плечами не носят, но для чего врачу иметь в то же время и квалификацию плотника? Почему необходимо, чтобы белорусский учитель, преподающий естествознание, был бы также искусен и в преподавании всех предметов начальной школы? Из какого теоретического или практического соображения, кроме голой абстракции и бумажной схемы, понадобилось снабжать каждого работника двойной квалификацией? Не лучше ли было употребить потраченные таким образом деньги и силу на солидную подготовку кандидатов в техникумы и вузы, без которой срывается высшее образование? Говорят о принципе трудового воспитания, но ведь ремесленное образование никогда не рассматривалось марксистами, как единственная форма трудового образования.

В настоящее время говорят и о том, не следует ли ликвидировать вторую ступень и проводить подготовку в вузы через техникумы. Приведем несколько цифр.

Согласно утвержденным научно-технической секцией Гуса учебным планам техникумов, на преподавание специальных предметов, подготавливающих к непосредственной практической работе на производстве, отводится:

а) В промышленно-экономических техникумах . .	2,2 года
б) В сельско-хозяйственных техникумах	2,1 »
в) В индустриальных техникумах	3,4 »
г) В педагогических техникумах	2,3 »

Следует задать вопрос соответствующим вузам, в какой мере они зачитывают специальную подготовку техникума в актив кандидата в вуз. Я не знаю, что скажут работники технических вузов, а как работник педвуза, могу определенно заявить, что педтехниковская специальная подготовка дает чрезвычайно небольшой эффект при дальнейшем продвижении студента в педагогическом вузе. Часто эта подготовка является прямым тормозом к углубленному, научному изучению педагогических вопросов. Специальную подготовку должен дать сам вуз,—это он может сделать серьезнее, основательнее, но общее образование должно быть дано до вуза. А у нас выходит—все наоборот: вузы вынуждены заниматься общим образованием студентов, без которого невозможно приступить к научному изучению специальности, а для серьезного научного изучения самой специальности не остается времени. В общем не менее года по всем вузам отводится на общеобразовательные предметы. Переход от системы подготовки кандидатов в средней общеобразовательной школе к системе подготовки их в средних технических школах не только не облегчит вузы от подготовительной работы по общему образованию, но еще более затруднит. Многие привыкли без всякого знания дела утверждать, что техникумы дают более солидную подготовку по общему образованию, чем наша теперешняя средняя политехническая школа. На самом деле, здесь дело обстоит совершенно иначе. Из только что приведенной таблицы распределения учебного плана техникумов видно, что общеобразовательные дисциплины представлены в них в размере от 0,6 года до 1,9 г. Иначе говоря, кандидат в вуз получает сверх семилетки около года для общеобразовательной подготовки. Если сравнить срок подготовки нашего кандидата в вуз с немецким и американским, то мы будем иметь следующую картину:

У нас	8 лет
В Германии	13 »
» Америке.	16 »

Всякий может видеть, что прибавление пятого года для вузов при всей своей дороговизне далеко не разрешает вопроса, ибо наши кандидаты в вузы фактически приходят с элементарным образованием, и восполнить пробел научной подготовки в течение года, или даже двух, в стенах вуза не только дорого, не только загружает университет несвойственной ему работой, но и просто невозможно. Создается многопредметность, нервозность, сутолока, беспорядок и сумбур в голове студента,—а в результате—недостаточная специальная квалификация наших «высококвалифицированных» специалистов.

Вместо того, чтобы заниматься с кандидатом в вуз в течение двух-трех лет над приобретением квалификации, которая им в жизни не будет применена, а в университете будет забыта и ненужна, не лучше ли было бы дать ему возможность заниматься как раз тем, что необходимо для серьезного, научного изучения специальности в вузе?

Мне скажут: но ведь сама вторая ступень переходит к тому, чтобы ее питомцы готовились к непосредственной работе, и вводит специальность, во-первых, а, во-вторых, мы не можем лишить возможности детей рабочих, которые охотно идут в техникумы и не хотят учиться во второй ступени, получать высшую квалификацию.

Необходимо со всей серьезностью разобраться в этих возражениях.

ДОЛЖНА ЛИ СРЕДНЯЯ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ШКОЛА ВООРУЖАТЬ СВОИХ УЧЕНИКОВ ПРАКТИЧЕСКИМИ ЗНАНИЯМИ И НАВЫКАМИ ДЛЯ НЕПОСРЕДСТВЕННОГО УЧАСТИЯ В ПРОИЗВОДСТВЕ, В КАЧЕСТВЕ РАБОТНИКОВ СРЕДНЕЙ КВАЛИФИКАЦИИ?

Обычно отвечают на поставленный вопрос следующим образом:

«Мы имели опыт второго концентра без уклона в специальность и пришли на практике к тому, что оканчивающие девятилетку, не попадая в вузы, не могли найти себе места в жизни. Их даже биржи труда не регистрировали, как лиц, не имеющих никакой квалификации».

Возьмем несколько цифр:

1. В текущем году учится в девятых группах по Союзу 59000 чел.
2. » » » в рабфаках » 1,600 »

(см. «Контрольные цифры нар. хоз.» 1927/28 г.).

Прием в вузы в предстоящем учебном году рассчитывается на количество около 60.000 человек. Принимая во внимание естественный отсев, можно заключить, что перепроизводства подготавливающихся в вузы нет. Но возникают два новых затруднения: 1) мы не можем не допускать в вузы оканчивающих техникумы, а на Украине и Белоруссии это единственный путь, не считая специальных, по преимуществу частных, подготовительных (репетиторских) курсов; 2) поставленная пролетариатом задача овладевания высшей школой далеко еще не разрешена, нужно усиливать пролетарскую часть студенчества, а вторая ступень по РСФСР заполнена детьми рабочих только на 15,2%. Нужно поэтому усиливать рабфаки, отбирать лучшую пролетарскую часть оканчивающих техникумы, чтобы усилить пролетарское ядро вузов. Оканчивающие вторую ступень, таким образом, остаются вне стен университетов.

Разберемся по пунктам.

1. Нужно и можно ли допускать оканчивающих техникумы в вуз? Общепринятое мнение говорит,что можно и нужно. В текущем и следующем году, пока мы имеем плохую систему школ, это мнение имеет все основания. Но при рассмотрении вопроса о реорганизации системы школ это мнение мы должны решительно отвергнуть. Я уже показал, что от двух до 3,3 лет пребывания в техникумах почти целиком пропадает для поступающего в вуз, не говоря уже о недостаточности теоретической подготовки.

Я задаю вопрос: может ли наша бедная страна так расточать средства, чтобы при острой нужде в средне-квалифицированных силах подготавливать десятки тысяч техников и не использовывать их на производстве. Ведь этаким путем выбрасываются на ветер ежегодно десятки миллионов рублей.У нас много говорят о рационализации производства. В отношении системы школ это значит, что не следует организовывать таких школ и такой учебы,которые не дают нужного эффекта. Не надо из хорошего техника делать плохого инженера. Не надо двух плохих квалификаций одному человеку. Каждому студенту техникума, как бы он способен ни был, мы должны сказать: государство на тебя истратило тысячи рублей, оно дало тебе преимущества, выделяя тебя из миллиона кандидатов, желающих учиться, оно дало тебе квалификацию для ответственной работы на производстве,—иди и приложи в работе все, что ты узнал. Если ты хочешь еще более квалифицироваться, пути тебе не заказаны, но продолжай свое образование на работе и для совершенствования этой работы. Мы слишком бедны в настоящее время, чтобы позволить тебе переквалифицироваться.

При всех своих недостатках, украинская система имеет одну весьма здоровую мысль: она определила техникум, задачей которого является подготовка узкого специалиста, как они называют, в разряд вузов и этим самым закрыла, по крайней мере официально, переход из техникума в вузы.

Нужно решительно бороться с бесцельной растратой человеческой энергии и средств и в конце концов признать, что для социалистического государства одинаково нужна и одинаково почетна работа как ученого, инженера, так и техника и рабочего у станка. Нужно планово распределить рабочую силу сообразно требованиям промышленности и общественного строительства и сообразно этого плана строить нужные школы. Конечно, это не значит, что перед работниками средней квалификации навсегда закрывается возможность повышения квалификации. Вечерние курсы, специальные школы, поскольку это потребуется ходом развития производства, могут восполнять то, что нужно для повышения квалификации. По отношению к некоторым областям производства, где высшая квалификация предполагает наличие средней, как в некоторых областях индустрии, не только может быть допущен прием окончивших техникум, но техникумовское образование и производственная практика должны о б у с л о в л и в а т ь поступление в вуз. Здесь не может быть шаблона и преклонения перед бумажной схемой. Важно, чтобы каждый вуз разработал бы детально требования, предъявляемые к кандидату, чтобы этот последний знал как раз столько, сколько требуется: ни больше, ни меньше.

Таким образом, мы можем на поставленный вопрос формулировать следующий ответ:

Лица, оканчивающие образование в техникуме, могут быть допущены к приему в вуз только в том случае, если по характеру вуза обусловлена специальная подготовка в размере техникума. Во всех других случаях переход из техникумов в вузы должен быть закрыт.

2. В какой мере в РСФСР и союзных республиках структурными особенностями школьной системы обеспечено заполнение пролетарским студенчеством вузов и что нужно делать в этом направлении?

Мы объявили принцип классового приема в вузы. Мы усилили работу рабфаков. И все же, за время с 1923/24 по 1926/27 учебный год, мы усилили пролетарское ядро студенчества в вузах с 15,3% только до 25,3%. Прирост значительный, но далеко недостаточный. Что в этом отношении может дать прием из техникумов? Ответом может служить довольно показательная цифра: в 1926/27 учебном году в техникумах пролетарское ядро составляло лишь 21,1%. Ожидать оттуда большого притока пролетарских элементов не приходится. Ни наша вторая ступень, ни техникумы не удовлетворяют запросов вузов, и, минуя все наши заграждения, зажиточные слои населения создают и х с о б с т в е н н у ю школу по подготовке их детей в вузы—курсы по подготовке в вузы. Каково политическое значение этого факта, достаточно показывает шахтинское дело.

Что же делать? Совершенно очевидно, что не надо плыть по течению и выпускать из рук подступов к вузам: нужно укрепляться в средней школе; ее нужно сделать п р о л е т а р с к о й и по духу и по составу. Пока мы в политике среднего образования не идем дальше либерализма, пока мы пользуемся единственным критерием: открыть возможно больше школ второй ступени, чтобы удовлетворить з а п р о с ы н а с е л е н и я, иначе говоря,—пока мы течем по волнам п о т р е б и т е л ь с к и х з а п р о с о в, мы не будем иметь детей рабочих в старшем концентре второй ступени, ибо рабочие подростки спешат перестать быть бременем для семьи, найти заработок. Дайте возможность рабочему подростку учиться, обеспечьте его, удовлетворите его бесплатным учебником и тетрадью, питанием и платьем—хотя бы в минимальном размере, и вы будете иметь десятки рабочих конкурентов на каждое свободное место во второй ступени. Но это дорого стоит, это нам не под силу. Конечно, на каждого отдельного ученика придется истратить больше, чем мы сейчас тратим, но, во-первых, сократите сеть до возможности ее содержать, а, во-вторых, израсходуйте на стипендии второступенцам только лишь те деньги, которые мы тратим для обучения тех, кто десятками тысяч идет на биржу труда и десятками же тысяч даже не принимается на ее учет,—и вы получите больше, чем это нужно для начала. Правда, нерабочий элемент в городах будет добиваться высшего образования и потому будет бороться за подступы к нему. Но здесь мы должны посмотреть правде в глаза. Всех подростков учить во второй ступени на ближайший период мы не можем. Отдать преимущество тем,

кто богат, мы не должны. Поэтому мы должны отобрать самое талантливое, что есть среди рабочих и крестьянских детей, в таком количестве, которое мы сумеем обучить основательно и которому обеспечим получение высшей специальной квалификации в вузах. Остальная масса подростков должна пойти по другим каналам. Конечно, небольшой процент мест должен быть предоставлен и непролетарским детям: мы и оттуда должны зачерпнуть все наиболее талантливое (но не наиболее богатое) и не создавать политических затруднений с нашей советской интеллигенцией, но этот процент должен быть планово фиксирован и не превышать пропорции, в какой находятся эти слои населения к рабочим и крестьянским массам.

После приведенных соображений остается немного сказать, чтобы разрешить вопрос о том, нужно ли профессионализировать вторую ступень: раз мы установили, что ее основная функция — быть каналом, проводящим рабочую и крестьянскую молодежь в вузы, что в подавляющем числе случаев профессиональная подготовка техникума не зачитывается в актив вузовца, раз практика показывает, что никакой серьезной специализации без прямого ущерба общему образованию дать нельзя, раз в настоящее время для каждого сознательного рабочего, не говоря уже о работниках просвещения, ясно, что надо повышать общеобразовательную подготовку поступающего в вуз, если мы отказались от принципа полного удовлетворения желания всех слоев населения получать среднее образование,—мы должны притти к заключению, что средняя школа должна быть школой политехнической и что всякое профессиональное образование должно строиться над различными ее ступенями. Нужно поставить четкий водораздел между общим образованием и образованием профессиональным.

В защиту средней политехнической школы говорят также и соображения социально-педагогические. История и современное положение дел во всех цивилизованных капиталистических странах дают решительное указание, что командующий класс всегда имел и имеет для себя общеобразовательную среднюю школу, позволяющую ему держать в своих руках университет, и что для рабочих масс была создана другая система,—система ремесленной и технической школы, механически закрывающая перед рабочей молодежью двери университетов. Таким образом, командующий класс вводил пролетарскую молодежь в каналы, по которым она приходила к механической исполнительской работе, командные же высоты организации и управления производством и общественными учреждениями полностью оставались и остаются в руках привилегированных классов. Товарищи, стремящиеся срастить политехническое и профессиональное образование, не знают, что даже радикальные буржуазные педагоги, как, например, Снеден в Америке, самым категорическим образом настаивают на реорганизации общего и специального образования, ибо ранняя специализация закрывает перед рабочим подростком дальнейшее образование. Эти товарищи предлагают не какую-то новинку, а то, что придумано реакционной буржуазией для рабочего класса.

Некоторые думают, что постольку, поскольку мы строим трудовую школу, а труда вообще не бывает в природе,—есть лишь определенный производительный, требующий определенной квалификации, труд, то нам следует в основу общего образования положить изучение какой-нибудь специальности. Поэтому ФЗУ часто хотят рассматривать, как общеобразовательную политехническую школу, ШКМ превращают в деревенскую общеобразовательную семилетку и, кажется, поэтому же отчасти превращают и второй концентр второй ступени в спецкурсы. Будучи самым решительным сторонником трудовой школы, я все же должен еще более решительно протестовать против смешения всех понятий. Профессии, в особенности низшей квалификации, требуют развития определенной системы движений, для своего обоснования эти движения требуют сравнительно немного знаний, но зато часто—многих лет тренажа рук, ног, глаза. Конечно, портной или слесарь нуждаются в общем образовании, но вряд ли станет кто защищать положение, что, изучая портняжное дело, мы с необходимостью должны изучить и космографию, и политэкономию, и высшую математику; а если какой-нибудь портной и изучил бы все это, то вряд ли повысится от этого его заработок. Каждая отрасль труда требует минимума знаний, все же человеческие знания, вся наука, есть результат развития всех производств, вместе взятых. Под политехническим трудовым образованием надо понимать такое образование, которое вводило бы человека во всю сложность трудовых отношений и давало бы научное объяснение не примитивным формам труда (которых в современном производстве еще достаточное количество), а наиболее совершенным. Педагог, сколько-нибудь вдумчиво относящийся к вопросам трудового политехнического воспитания, должен самым решительным образом протестовать против подмены политехнического образования образованием ремесленным, как бы сложно и даже механизировано это ремесло ни было. От смешения понятий профессионального и политехнического образования и сращивания профшколы с общеобразовательной школой теряет и профобразование и политехническое. Практика уже доказала это: профессионализированная средняя школа не дает удовлетворительной продукции ни для университетов, ни для производства; то же получается и с техникумами, и с украинскими профшколами, одновременно подготавливающими в вузы и для практической работы. Доказательства: 1) огромное количество образованных людей на бирже труда при недостатке в производстве рабочей силы средней квалификации и 2) рост специальных курсов по подготовке в вузы—как частных, так и государственных.

ОСНОВНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ СИСТЕМЫ ШКОЛ.

Как же, в конце концов, должна сложиться система школ в советском государстве? Принимая во внимание вышеизложенные принципы, мы должны притти к следующему построению школьной системы:

1. Всеобщая общеобразовательная начальная школа.
2. Средняя политехническая школа.
3. Низшая профессиональная школа.
4. Повышенная профессиональная школа.
5. Высшая профессиональная школа (вуз).

Перечисление элементов школьной системы, однако, еще ничего не решает: самый трудный вопрос—установление между ними зависимостей и связей, а также определение типа каждой из школ. Попытаемся сделать это.

1. Всеобщая общеобразовательная начальная школа, как четырехлетняя школа, никем не оспаривается. На ближайший период от советской власти и общественности потребуются огромнейшие усилия, чтобы все сто процентов детей Союза учились бы, по крайней мере, четыре года. Начинают говорить о семилетней всеобщей школе для города, но мне кажется, пока мы не осуществим всеобщего обучения хотя бы в размере четырехлетней школы, о всеобщности семилетней школы можно говорить лишь в применении к таким большим культурным центрам, как Москва, Ленинград, Харьков.

Задачей начальной школы является вооружение ребенка необходимыми знаниями и навыками для участия в гражданской жизни и в дальнейшей учебе как общеобразовательной, так и профессиональной.

2. Средняя политехническая школа вызывает у нас и за границей наибольшее количество недоразумений и споров. Чтобы определить ее продолжительность, структуру и программу, нужно

хорошенько договориться об ее назначении и роли в системе профессионального образования. Необходимо, чтобы товарищи, имеющие дело со средней школой, усвоили бы основную мысль, что в настоящий период, пока у нас нет ни средств, ни культурных сил для введения всеобщей семилетней или девятилетней школы, средняя школа должна рассматриваться, как определенная ступень профессиональной подготовки. Надо четко различать две задачи советской власти в области народного просвещения: 1) поднятие общего культурного уровня масс и 2) подготовка рабочей силы для определенных видов специальной работы. Конечно, подъем общего культурного уровня масс повышает производительность труда, и изучение любой специальности поднимает культурный уровень человека, но это не должно нас побуждать к смешению этих двух видов просвещения, ибо такое смешение ведет к неправильной политике в области народного просвещения. Когда мы говорим об общем подъеме культурного уровня масс, мы в поле своего зрения должны иметь миллионы детского населения. Продолжительность обучения, оборудование школ, подготовка учителей, снабжение учебными пособиями и помощь беднейшим учащимся целиком определяются двумя факторами: наличным составом детей на данный период и суммой тех средств, кои могут быть теми или иными способами даны для обучения этих миллионов детей. Посещение этой школы должно стать обязательным для всех детей, не говоря уже о том, что принципиально совершенно недопустимо кому бы то ни было отказывать в приеме в школу этого типа. Совершенно другое дело со специальной школой: количество учащихся и виды специальностей, а равно и ступени данной специальности должны быть целиком определяемы не наличным составом детей и подростков и не наличным составом желающих получать ту или иную квалификацию, но исключительно потребностями производства, общественного распределения и социального строительства. Мы не можем и не должны учить всякого желающего учиться в той или другой школе этого типа, а через правильно организованную систему этих школ надо распределять подрастающее поколение по каналам, ведущим к работе в общественном производстве согласно социалистическому плану. Вот мне и кажется, что, пока мы вынуждены придерживаться жесточайшей экономии, пока мы не имеем всеобщей обязательной начальной семилетней школы, среднюю общеобразовательную школу мы должны рассматривать не в плане всеобщей или общеобразовательной школы, а в плане профессионального образования; иначе говоря, мы эту школу должны строить не сообразно спросу населения,—ни в смысле ее характера и продолжительности, ни в смысле развития ее сети,—а согласно необходимости иметь определенное число определенным образом подготовленных кандидатов в те или иные профессиональные учебные заведения.

Итак, средняя политехническая школа, строящаяся на базе общеобязательной начальной четырехлетней школы, будучи по содержанию школой общего образования, должна строиться в полном соответствии с потребностями в квалифицированной силе и подготовлять молодых людей к серьезному изучению специальности той или иной квалификации.

В последнее время довольно громко раздаются голоса за увеличение срока обучения в нашей единой трудовой школе. Пока говорят о десятом годе. Некоторые согласны накинуть и еще год. Начинается спор по двум линиям: 1) настолько ли мы богаты, чтобы позволять такую роскошь, как увеличение продолжительности обучения в общеобразовательной школе, и 2) куда прибавить этот десятый год: к первой ли ступени, к первому концентру второй ступени, или же как завершение среднего образования.

На мой взгляд, ответа на оба поставленные вопросы найдено быть не может, ибо сами вопросы поставлены неправильно. Конечно, мы бедны,

конечно, мы должны помнить, что мы еще пока не справились с введением всеобщего обучения хотя бы в четырехлетке, и, конечно, нам не по силам сейчас добавить ни одного года к всеобщей школе. Но опыт приема в вузы, а еще более опыт обучения в наших вузах и факт введения во всех вузах подготовительных общеобразовательных дисциплин говорит решительно за то, что мы не справляемся с подготовкой к высшей школе. Факт же чрезмерного процента второгодничества, доходящего до тридцати и более процентов (МОНО декретировало «норму» второгодничества в 15%), говорит, что мы чрезвычайно нерационально расходуем как раз те средства, которые имеем, ибо если взять хотя бы 20% второгодничества, что отнюдь не будет преувеличенным, то мы имеем фактически не 9 лет обучения в среднем, а 10,8 года, или около 11 лет. Кто теряет на таком неорганизованном удлинении срока обучения? В первую очередь—способные ученики, которых беспрерывно задерживают отстающие, отнимающие главное внимание педагога и комкающие программу; во-вторых, страдают слабые, которые постепенно разочаровываются в своих силах и не доходят до конца школы (при худшей материальной обеспеченности и отсутствии культурных стимулов в семье, не говоря уже о помощи в учебе, в разряд отстающих попадают как раз дети наименее оплачиваемых рабочих). Больше всех страдают техникумы и вузы, которые не могут осуществлять программы профессионального образования из-за отсутствия у студентов общеобразовательной подготовки. В конечном счете страдает народное хозяйство, которое за дорогую цену получает плохую продукцию.

Как же нужно поставить вопрос? Вопрос о продолжительности обучения в средней школе должен быть разрешен целиком в плане профессиональной подготовки:

А. Лица, готовящиеся к поступлению в вузы, должны учиться как раз столько лет, сколько небходимо для солидной научно-образовательной подготовки, достаточной для продуктивной работы в вузе. Для подавляющего числа вузов этот срок, исходя из практики всех передовых культурных стран, не может быть менее семи лет после начальной школы, или всего должно быть дано на подготовку в вуз не менее одиннадцати лет; опыт наших школ—второгодничество и недостаточная подготовленность кандидатов в вуз даже в пределах программы девятилетки—говорит, что при расширении срока обучения во второй ступени с пяти до семи лет программу придется расширять лишь в самом незначительном виде.

Но как добиться того, чтобы рабочие подростки учились бы так долго: они и до седьмого года еле-еле дотягивают, а многие даже и четырехлетку оканчивают с трудом. Ответ простой и единственный: надо сделать эту школу доступной на деле для рабочего подростка и крестьянской бедноты—дать ему бесплатный учебник и пособия, снабдить его одеждой и помочь его отцу на его пропитание,—и мы будем иметь полнейшую возможность заполнить все места средней школы пролетарскими и бедняцкими детьми. Но это надо сделать, в противном случае мы средне-техническую и высшую школы отдадим в руки непролетарских элементов. Что касается дороговизны, то, во-первых, надо будет разгрузиться от тех учеников, которых мы не будем дальше учить в вузе, и тем сократить кое-какие расходы; во-вторых, постепенно, по мере заполнения школы пролетарскими элементами, можно будет сокращать рабфаковскую сеть, которая стоит относительно очень дорого; и в-третьих, надо же когда-нибудь разрубить чреватое политическими последствиями противоречие между задачами в области подготовки советских специалистов и нашей действительностью.

Б. Лица, готовящиеся к поступлению в техникумы и другие профессиональные средние учебные заведения, а также в ФЗУ и низшие проф-

школы, учатся в средней школе не полное число лет. Число лет обучения в средней школе определяется характером данной специальности. У нас принято всех стричь под одну мерку согласно традициям дореволюционной бюрократической системы народного просвещения. Спорят о том, на каком общеобразовательном фундаменте нужно строить ФЗУ, как будто все производства требуют от квалифицированного рабочего одинаковой научной подготовки. Одно дело столярный цех и столярное ремесло и другое дело электротехника или химическая промышленность. То же и со средней технической квалификацией. Одно дело усвоить круг знаний, необходимый для руководящей работы в горной промышленности или железоделательной, другое дело в швейной промышленности или в конторском деле. Вне всякого сомнения, что каждое индивидуальное дело, каждая отрасль промышленности требует определенного минимума общего образования, необходимого для успешного усвоения данной специальности. И нужно определенно сказать, что как по отношению техникумов, так и по отношению ФЗУ и профшкол не может быть одного и единственного критерия при поступлении: одни техникумы могут принимать из семилетки, другие—только из девятилетки; одни ФЗУ будут производить набор из окончивших полную семилетку, другие же разрешат прием и не окончивших полных семь лет, а некоторые могут допустить и окончивших только четырехлетнюю начальную школу. Средняя политехническая школа, поэтому, должна быть так построена, чтобы удовлетворить не только подготовке к высшему учебному заведению, но и давать общее образование тем, кто будет учиться в техникумах, профшколах и ФЗУ. Она должна быть построена сужающимися концентрами, примерно: 3-2-2 года; основная масса подростков выбывает по окончании первого концентра и идет в ФЗУ, профшколы и техникумы; более узкий круг, отбираемый по успешности и социальному положению родителей из оканчивающих первый концентр, учится еще два года, чтобы оттуда пойти в техникумы и специальные профкурсы, требующие повышенных знаний; и, наконец, наиболее талантливые из окончивших второй концентр переходят в старший концентр, откуда после двух лет поступают в вузы. Беднейшие дети, учащиеся в первом концентре, должны получать небольшие пособия; подростки, учащиеся во втором конецнтре, должны получать эти пособия в значительно большем размере, а учащиеся в старшем концентре должны получать стипендии, как на рабфаках. При строгой увязке сети средних школ с конкретными потребностями в рабочей силе такая школа не только даст нужную для специальных учебных заведений подготовку, но и разрешит тот кризис, который мы переживаем в настоящее время с оканчивающими среднюю школу. Что касается специализации на старшем концентре средней политехнической школы, то я не считал бы возможным отрицать ее целесообразность, если бы эта специализация понималась не как получение определенного ремесла, которое может быть по выходе из школы приложено к жизни, а как своеобразие программы соответственно типам учебных заведений, к которым подготавливаются учащиеся, как это имеет место в немецкой средней школе.

3. Низшая профессиональная школа, как правило, должна строиться на базе всеобщего обязательного обучения. В тех районах, где в ближайшее время удастся превратить семилетку в общеобязательную школу, нужно строить план развертывания низшего профобразования на базе семилетки. Ряд фабзавучей должны примириться с необходимостью принимать учеников со знаниями лишь начальной четырехлетней школы. Зато другие фабзавучи, которые не могут дать серьезной квалификации по их производству без солидной базы общего образования, как металлургические, химические и др., должны быть обеспечены окончившими семилетку.

Встает вопрос: сколько лет надо учиться в низшей профшколе? Мне кажется, что нельзя вообще устанавливать единого срока обучения в различных школах; это зависит от характера производства: в одном случае—полгода, в другом год, в третьем—полтора года и т. д. Это не совсем удобно для канцелярий, но это единственно правильное разрешение вопроса.

Как строить ШКМ? Многие склоняются называть сельскую семилетку сельско-хозяйственной и нацепить на нее вывеску ШКМ. На мой взгляд, это есть полнейшее отрицание самой идеи ШКМ, как школы для крестьянских подростков, работающих в хозяйстве и идущих в эту школу для получения практических знаний сельского хозяйства. Это есть особая форма профшколы, и она не должна быть подменена общеобразовательной школой; с другой стороны, и средняя политехническая школа не должна подменяться профшколой и тем закрывать доступ крестьянским детям в средне-технические и высшие учебные заведения.

4. В отношении специальных школ по подготовке средней квалифицированной силы здесь остается сказать лишь несколько слов. Надо решительно бороться с унификацией техникумов: должны быть техникумы двухлетние, трехлетние и четырехлетние. Продолжительность обучения в том или ином техникуме должна определяться не удобством администрирования из канцелярий, а реальной потребностью данной специальности. Скажем, педагогический техникум, подготавливающий учителей начальной школы, должен иметь не более двухлетнего курса, зато прием в этот техникум должен производиться на базе девятилетнего политехнического образования. Сельско-хозяйственный техникум, программа которого на половину состоит из общеобразовательных дисциплин, должен также сократить срок обучения, оставаясь на базе семилетки. Надо развивать на базе семи и девятилетки систему профшкол и профкурсов, дающих в самый непродолжительный срок подготовку для среднеквалифицированных работников в области кооперации и делопроизводства. Тут надо определенно сказать, что два-три месяца рационально организованной подготовки для работы в определенной области после окончания семи или девятилетки дадут значительно большие результаты, чем профессионализация второй ступени.

5. В отношении высшего образования необходимо решительно протестовать против превращения вузов в средние учебные заведения, над которыми якобы должны вырасти научно-исследовательские учреждения, дающие работников высшей квалификации. Что опасность снижения наших вузов есть вполне реальная вещь, доказывается фактом введения во все вузы курсов, по своему объему и характеру принадлежащих среднему учебному заведению.

Резюме: 1. При построении системы школ надо различать две задачи: а) задачу поднятия общей культурности всего населения СССР и б) задачу подготовки рабочей силы определенной квалификации. Система школ для удовлетворения первой задачи должна строиться по принципу наличного состава детской массы и имеющихся в стране ресурсов для этой цели. Вторая задача выполняется системой школ, которые должны строиться не по принципу удовлетворения потребностей в образовании тех или иных кругов населения, а по принципу полнейшего соответствия количества и качества продукции этих школ нуждам развивающейся и реконструирующейся промышленности и общественности.

2. Начальная общеобязательная школа на ближайший период устанавливается как четырехлетняя школа. По мере накопления национальных богатств сначала в наиболее культурных промышленных центрах,

а потом и во всей стране постепенно увеличивается срок обучения в начальной школе. Как конкретный идеал—девятилетняя политехническая школа должна стать всеобщей народной школой.

3. Между профессиональной школой и начальным обучением строится единая политехническая школа второй ступени со сроком обучения не менее семи лет, организованная по концентрам. Примерно, концентры могут быть указаны в следующем виде: 3-2-2 года. Каждый концентр представляет собой по программе более или менее законченный курс.

4. Все общеобразовательные курсы в вузах, техникумах и профшколах переходят в среднюю школу, где кандидаты в профессиональные учебные заведения получают достаточную общеобразовательную подготовку.

5. Единая политехническая школа второй ступени комплектуется по тому же принципу, как и профессиональные школы, т.-е. по принципу необходимого количества и качества рабочей силы.

6. Эта школа обеспечивает учащихся необходимыми учебными пособиями, помогает беднейшим родителям и вводит в старших концентрах систему госстипендий.

7. Система специального обучения непосредственно примыкает к единой политехнической средней школе, ответвляясь от ее концентров, но различные типы профессиональных школ не связываются между собой, исключая те виды производства, где от высококвалифицированного работника требуются все навыки работы и низшей квалификации. Профшкола, поэтому, не дает права на поступление в техникум, а техникум, за небольшим исключением, не дает права поступления в вуз.

8. Система профессионального обучения на своих низших ступенях (ШКМ, профшкола и некоторые ФЗУ) опирается на начальную школу однако, это не исключает возможности для некоторых видов производства строить низшее профобразование над школой повышенного типа—первым концентром второй ступени, а в случае введения в тех или иных районах семилетней школы, как всеобщей,эта последняя становится исходным пунктом всякой профессиональной подготовки.

9. Средние профессиональные школы не должны строиться однотипно ни в смысле учебных планов, ни в смысле продолжительности обучения и требований, предъявляемых к поступающим. Некоторые из них могут быть одногодичными на базе семилетки, другие—двухлетними или трехлетними на той же общеобразовательной базе, третьи будут четырехлетними на базе семи или даже девятилетнего общего образования. Продолжительность обучения и общее образование, необходимое для поступления в среднее профессиональное учебное заведение, целиком определяются характером работы, к которой оно готовит.

10. Высшее учебное заведение должно вооружить оканчивающего его последними достижениями в области науки и прикладных знаний для непосредственной работы на производстве. По своему характеру университетское образование должно быть основано на участии студентов в научных исследованиях в специальной области для того, чтобы вооружить оканчивающего вуз навыками в исследовательской работе в его производстве и умением пользоваться самыми последними (текущими) достижениями науки в его области. Поэтому, прием в вузы происходит на базе высшего концентра второй ступени, или на базе одиннадцати летнего политехнического образования.

И. СВАДКОВСКИЙ.

ВОПРОСЫ ВОСПИТАНИЯ

ВОСПИТАТЕЛЬНАЯ РАБОТА ШКОЛЫ ПОВЫШЕННОГО ТИПА В СВЕТЕ ЗАДАЧ КУЛЬТУРНОЙ РЕВОЛЮЦИИ.

1. КЕМ ДОЛЖЕН БЫТЬ УЧИТЕЛЬ ШКОЛЫ II СТУПЕНИ?

Кем должен быть учитель во втором концентре нашей школы-семилетки, в школе II ступени и вообще в школах повышенного типа: преподавателем, основную и почти единственную задачу которого составляет передача знаний учащимся, или педагогом, который в одинаковой мере заботится как об образовании, так и о воспитании их?

Этот вопрос приобретает в настоящее время остроту и большой практический интерес: обстоятельствами, самой жизнью он выдвигается на передний план. Жизнь требует от нас, педагогов, ясного и определенного ответа на этот вопрос, и мы не можем, не имеем права уклониться от ответа.

До революции преподаватели наших средних учебных заведений освобождались от воспитательной работы с учащимися; их задача заключалась прежде всего в преподавании, в сообщении учащимся знаний. Конечно, знания эти были тенденциозными и сами по себе должны были способствовать выработке у детей определенного, нужного господствующим классам, мировоззрения и настроения. Косвенно преподаватели были в то же время и воспитателями, но прямых воспитательных задач перед ними не ставилось.

Воспитательную работу с учащимися тогда должны были вести родители, законоучитель, директор и инспектор и специальные классные наставники.

В работе дореволюционной школы довольно отчетливо обнаруживался педагогический дуализм: одни работники, преподаватели, вели с учащимися образовательную работу, а другие—воспитательную.

Соответственно этой установке велась и подготовка будущих преподавателей средней школы. На историко-филологических и физико-математических факультетах университетов, готовивших преподавателей для этих школ, не изучалась ни детская психология, ни педагогика. Будущие преподаватели изучали только то, что имело отношение к их будущей преподавательской работе, и совершенно не готовились к воспитательному влиянию на учащихся.

Такая установка русской дореволюционной средней школы была заимствована ею от ее заграничного образца, от немецкой средней школы.

Ненормальность существовавшего тогда положения прекрасно сознавалась передовыми и наиболее образованными педагогами того времени.

Известный не только в Германии, но и далеко за ее пределами проф. В. Рейн писал о подготовке учителей средней школы:

«Учебное ведомство проявляло в этой области замечательную непоследовательность. Уже больше ста лет тому назад оно начало заботиться о педагогической подготовке учителей для народных школ и в последние десятилетия чрезвычайно много сделало для этого. Но в то время, как особенная забота была уделена учителям средних и высших школ в отношении их специальной подготовки при университетах,—воспитательная задача была совершенно запущена. Специальное знание являлось главным предметом, а философско-педагогическое образование рассматривалось, как нечто второстепенное» [1]).

Проф. В. Рейн говорил о преподавателях немецкой средней школы, которая во всех отношениях стояла выше нашей дореволюционной. Психолого-педагогическое образование в подготовке учителей наших средних школ находилось еще в большем пренебрежении.

Так было до революции. После Октябрьской революции положение должно было измениться коренным образом. Советской школе была поставлена задача: воспитывать борцов и строителей нового коммунистического общества. Для осуществления этой задачи школа II ступени должна делать не меньше, а значительно больше, чем школа I ступени.

Решить поставленную перед школой задачу при помощи одной учебной работы, хотя бы она велась по наилучшим программам и при помощи совершеннейших учебников и пособий, невозможно. Об этом очень определенно говорил В. И. Ленин:

«Без работы, без борьбы книжное знание коммунизма из коммунистических брошюр и произведений ровно ничего не стоит, так как оно продолжало бы старый разрыв между теорией и практикой, тот старый разрыв, который составлял самую отвратительную черту старого буржуазного общества» [2]).

Для достижения поставленной перед советской школой II ступени задачи она должна не только сообщать учащимся знания, но и воспитывать их, прививать им определенное мировоззрение и навыки, вырабатывать у них определенные условные рефлексы.

Специального воспитательного аппарата, который был в старой школе, наша школа повышенного типа не имеет. Резко отделять образовательную работу от воспитательной, вводить педагогический дуализм нецелесообразно. Поэтому воспитательную работу в нашей школе должен вести наличный состав педагогов совместно с детскими коммунистическими организациями и школьным самоуправлением.

Учитель нашей школы не может быть преподавателем, каким он был в дореволюционной средней школе; он должен быть педагогом, уделяющим одинаковое внимание как образовательной, так и воспитательной работе с учащимися.

2. СУЩЕСТВУЮЩЕЕ ПОЛОЖЕНИЕ.

В наших школах повышенного типа много преподавателей, работавших в дореволюционной средней школе. Им трудно отрешиться от прежних приемов работы; они часто и в советскую школу переносят старые привычки и способы работы. Новые традиции пока еще не успели укорениться. Поэтому часто и новые педагоги, прошедшие советский вуз, заимствуют приемы у старых, более опытных работников и начинают итти по традиционному пути.

[1]) Проф. В. Рейн. «Педагогика». Изд. «Наука и Жизнь», стр. 58.
[2]) В. И. Ленин. Т. XVII, стр. 315.

В последнее время в наших школах повышенного типа довольно часто можно наблюдать интересное явление, которое можно назвать узким «спецовством». Многие преподаватели сосредоточиваются на своем предмете, углубляются в свою специальность до того, что начинают отчуждаться от общешкольных задач, от всего того, что не имеет непосредственного отношения к программе, учебникам и пособиям по их специальности. Понятно, что от такой установки страдает прежде всего воспитательная работа школы.

Сейчас у нас в большом почете навыки; им уделяется очень много внимания и сил. Это правильно, но, к сожалению, в разряд привилегированных попали только так называемые технические навыки: чтение, письмо, счет, решение задач и др. навыки, связанные с непосредственными предметами школьного курса.

Навыкам общественным, политическим, культурным начали уделять меньше внимания; иногда о них совсем забывают или даже начинают игнорировать их. В результате эти навыки начинают отходить на задний план, хиреть, выходить из моды.

Конкретных примеров можно привести очень много. Я приведу только один.

Школа-семилетка районо. Это—большая школа рабочего района г. Москвы; один второй концентр ее имеет 16 групп, около 600 учащихся в возрасте от 12 до 19 лет. Школа имеет богатое оборудование и довольно высококвалифицированный состав педагогов; среди них—семь обществоведов и четыре словесника. Техника преподавания в ней стоит на значительной высоте, но с дисциплиной, общественными и культурными навыками учащихся дело обстоит значительно хуже. Школьная газета тянется на буксире, драмкружок числится на бумаге, но почти ничем себя не проявляет, большинство других кружков работает слабо, литературой и политикой особенно не интересуются, газет многие не читают или читают в них только отдел происшествий, общественная жизнь в застое.

Огромнейшее большинство учащихся школы—дети рабочих. Несмотря на это, из 1250 человек в пионерской организации состоит всего около 100 человек, да и те в глазах остальных учащихся не пользуются особенным авторитетом. Религиозные предрассудки распространены как среди младших, так и среди старших. Антисемитизмом заражены даже некоторые из пионеров.

Педагоги прекрасно знают все недостатки школы, но считают, что эта сторона ее жизни их не касается. Они считают, что причина всех этих недостатков кроется в недостаточной и несовершенной работе пионерского форпоста и школьного самоуправления и что выправлять работу школы должны именно эти организации.

Когда делаются попытки изменить существующее положение, привлечь педагогов к активному участию в воспитательной работе школы, к организации общественной самодеятельности и творчества подростков, многие из них протестуют, говорят, что это их не касается, что это не относится к их специальности, не имеет никакого соприкосновения с тем предметом, который они преподают, и потому может только повредить их прямым обязанностям, их преподавательской деятельности.

Любопытная и характерная сценка. Начало второго полугодия последнего учебного года. В школе происходит заседание школьного совета. Методические секции второго концентра школы отчитываются за первое полугодие и зачитывают планы работы на второе полугодие. Докладчики сообщают, что все преподаватели работают по новым программам и учебникам, работа проходит вполне нормально, результаты работы удовлетворительные или даже хорошие. Особенно доволен работой председатель секции словесников. Он закончил свое сообщение словами:

«Работа нами, словесниками, выполнена на все 100%. Программа на первое полугодие проработана полностью и без запозданий. Грамотность учащихся повышается. Изучаемые литературные произведения подвергаются правильному марксистскому анализу. Благодаря тому, что по последнему варианту программ литературе отведено должное место и самостоятельная роль, наша работа поднялась на высоту и приносит нам моральное удовлетворение».

Один из членов школьного совета не согласился со слишком уж оптимистическими выводами докладчика. Анализируя план работы секции словесников, он указал на его академичность, на оторванность от жизни школы, на игнорирование словесниками больных сторон школьного быта:

«Вы сообщаете учащимся много знаний, но не развиваете у них творчества. У нас около 600 человек учащихся второго концентра, а литературного творчества совсем незаметно. В школе не издается ни одного детского журнала, газета влачит жалкое существование: она выходит редко и в нее мало кто пишет. Случается, что редактору для очередного номера приходится самому писать по восемь статей. Больше половины материала для газеты дают учащиеся первого концентра, где преподавания литературы нет. Все это говорит о том, что в работе словесников не все обстоит так благополучно, как об этом говорил докладчик. Надо несколько изменить курс работы, надо больше уделять внимания развитию литературного творчества учащихся и направить это творчество на путь общественности. Школьная газета должна находиться под вашим шефством».

Председателя секции словесников это выступление привело в страшное негодование. Он метал громы и молнии:

«Вы ничего не понимаете в нашей области,—отвечал он своему оппоненту.—Вы не знаете наших программ, не знаете нового курса Наркомпроса, правильной линии, на которую в последнее время поставлено преподавание литературы. Вас увлекают пережитки 1923/24 года, когда было слишком много «творчества» учащихся, когда стены увешивались стенгазетами, стряпались всякие альбомы, журналы, были показные выставки, но зато не было преподавания литературы, и учащиеся не знакомились с классическими произведениями литературы, не приобретали навыков марксистского анализа произведений».

Дебаты разгорались. Оппоненты словесников дальше задели самое больное место в их работе:

«Вы не сумели разбудить и организовать творчество учащихся. Больше того. Благодаря слишком академической постановке дела, вы не сумели заинтересовать очень многих учащихся даже теми литературными произведениями, анализу которых вы уделяете так много времени. Ребята литературой не увлекаются, зато многие из них увлекаются пинкертоновщиной. На уроках они читают серийные выпуски «Грозный мститель», «Джи и его черти», «Братья-двойники», и вам же, словесникам, на собственных уроках приходится отбирать у них эту вредную дрянь».

Заседание школьного совета и дальше проходило в атмосфере огромного напряжения; прения были страстными и бурными. Некоторые педагоги указания на академичность их работы и на необходимость усилить элементы воспитательной работы воспринимали, как личное оскорбление.

Это заседание школьного совета очень характерно; оно отчетливо выявило нездоровый уклон в «спецовство», который в наших школах повышенного типа имеет значительное распространение. Надо сказать, что председатель секции словесников, так рьяно защищавший автономную роль словесности и ее преподавателей,—один из самых передовых и авторитетных педагогов школы, стоящий во главе методического объединения словесников района. И если даже он занимал по отношению к воспитательной работе школы неправильную линию (впоследствии его точка зрения в этой области сильно изменилась), то среди менее квалифицированных педагогов она тем более легко прививается. От бьющей ключом жизни с ее невзгодами, неприятностями и треволнениями, от воздвигаемых обстоятельствами затруднений они прячутся в тихое убежище своей узкой специальности.

3. ВОСПИТАТЕЛЬНАЯ РАБОТА, УЧЕНИЧЕСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ И ДИСЦИПЛИНА.

За последнее время у нас начал обостряться вопрос о школьном самоуправлении во многих школах повышенного типа. Довольно часто наблюдается во вторых концентрах школ-семилеток и в школах второй ступени падение интереса учащихся к работе ученических организаций, упадок общественной самодеятельности и инициативы, а вместе с этим падает и дисциплина, ухудшаются условия работы в школе вообще. Как ни странно, в городских школах-семилетках очень распространено такое явление: ученические организации первого концентра работают лучше, чем во втором концентре. Объяснение очень простое. Дело в том, что воспитательная работа почти всегда в первом концентре стоит на несравненно большей высоте, чем во втором. Во втором концентре очень часто преподаватели занимаются только преподавательской работой, сообщением знаний; воспитательной работой почти никто не интересуется или даже умышленно ее избегают; ученическим организациям не оказывается почти никакая помощь.

Предоставленные сами себе, ученические организации очень часто бывают не в состоянии справиться со своими задачами; они не могут сорганизовать учащихся, овладеть ими, поставить у них работу. Почти в каждой школе и в каждой группе есть ребята, которые находятся под сильным влиянием улицы. Они хулиганят, срывают всякие хорошие начинания, дезорганизуют работу, вносят разложение в коллектив. Часто самые энергичные, предприимчивые и выдержанные ребята отказываются от работы в ученических организациях, так как без помощи педагогов она становится им непосильной.

Трудно сказать, какие группы школы-семилетки являются наименее организованными. Многие педагоги считают самыми неорганизованными пятые группы и объясняют это тем, что эти группы являются переходными от первой ступени ко второй: от педагога-комплексника они сразу переходят к целому ряду педагогов-предметников, которые мало знают учащихся, оказывают на них разрозненное, часто несогласованное и даже противоположное влияние. Это, конечно, отражается и на ученических организациях. Однако, едва ли можно с большой уверенностью сказать, что именно пятые группы семилетки являются наименее организованными. Очень часто самыми неорганизованными группами семилетки являются седьмые. В этих школах процесс разложения, начавшийся в пятых группах, непрерывно развивается до конца пребывания учащихся в школе; в связи с этим работа ученических организаций год от году понижается, дисциплина ухудшается.

Совершенно ясно, что причина такого безотрадного явления заключается в том, что во втором концентре этих школ-семилеток из рук вон плохо поставлена воспитательная работа. Воспитательное влияние, полученное детьми в первом концентре, постепенно выветривается, культурные привычки забываются, организованность падает.

Вместе с этим у учащихся падает интерес к своим организациям, работа в них делается трудной, удельный вес и значение их в жизни школы понижается.

Падение организованности учащихся очень сильно отражается и на учебной работе школы. Во втором концентре семилетки обыкновенно педагогу приходится затрачивать много сил на поддержание дисциплины во время работы. Были случаи, когда неплохой педагог, потратив 15 мин. на восстановление порядка в классе, приходил к завшколой и заявлял, что ему не удается этого достигнуть и потому он не может начать работу. Недостаточно внимательное отношение преподавателей второго концентра к воспитательной работе отражается на них же трудностями, вытекающими из неорганизованности и недисциплинированности учащихся.

Невнимательное отношение к работе, неумение работать с напряжением, делать усилия для преодоления препятствий и трудностей, разговоры между собой во время занятий—обычное явление в жизни наших школ повышенного типа. Это входит в привычку. Многие учащиеся остаются невнимательными и продолжают разговоры даже во время самых интересных занятий и собраний.

В апреле с. г. в упомянутой уже выше школе районо было собрание седьмых групп учащихся, которые оканчивают школу и должны выбирать другие учебные заведения для продолжения образования или поступать на работу. В повестке дня собрания стоял вопрос исключительной важности для оканчивающих школу: вопрос о выборе профессии и учебных заведений для продолжения образования. Докладчик был приглашен из Наркомпроса. Он сделал богатый по содержанию, живой и образный по изложению доклад. Несмотря на это, аудитория слушала плохо. Многие во время доклада разговаривали. В зале стоял шум. Говорить было трудно.

И председательствовавший член учкома, и сам докладчик несколько раз призывали слушателей к порядку. Эти призывы действовали не больше, чем на одну минуту. Потом снова начинались разговоры.

Докладчик прервал речь и попросил высказаться по тем вопросам, которые он уже успел осветить. Никто не высказывался. В зале водворилась тишина. Докладчик стал продолжать, и сейчас же снова начались разговоры.

Надо принять во внимание, что учащиеся на этом собрании участвовали вполне добровольно, и само собрание было созвано по инициативе ученических организаций. Кто не интересовался вопросом, тот мог на него не приходить. Из ста сорока учащихся седьмых групп на собрании было всего 80—90 человек. И те не могли в течение получаса внимательно прослушать интереснейший доклад первостепенной важности, представляющий для них практический, жизненный интерес.

Здесь мы имеем налицо признак большой некультурности. В этом отношении седьмые группы данной школы самые некультурные среди всех остальных, хотя они дольше всех учились в школе и уже собирались ее покидать.

Не надо думать, что учащиеся этой школы представляют печальное исключение. Нет, это очень широко распространенное явление. Наблюдения показывают, что учащиеся старших групп школ-семилеток других школ часто проявляют еще меньше выдержанности, организованности и культурности.

4. ВОСПИТАТЕЛЬНАЯ РАБОТА ШКОЛЫ И КУЛЬТУРНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ.

Одной из основных задач настоящего периода является борьба за повышение культурного уровня широких народных масс Советского Союза. «Культурная революция»—величайший лозунг наших дней, ближайших годов, а может-быть, и десятилетий. Конечно, путь культурной революции идет не только через школу. Но школа, и тем более школа повышенного типа, в этом деле должна сыграть очень большую роль.

За время пребывания в школе-семилетке и в школе второй ступени учащиеся должны подвергнуться культурной обработке. Выходя из школы повышенного типа, наши подростки и юноши должны становиться носителями и проводниками советской культуры. Они должны ее распространять в семье, в обществе, на месте работы: на фабрике, заводе, в мастерской или в учреждении.

Лозунги культурной революции останутся красивой, но неосуществимой мечтой, если наши школы повышенного типа будут выпускать людей некультурных.

Культурную обработку учащихся можно осуществить только в том случае, если в школе будет хорошо налажена воспитательная работа, если школа будет оказывать на своих питомцев непрерывное, организованное, планомерное воспитательное влияние, если она будет прививать им культурные навыки.

Осуществить культурную обработку учащихся, привить им культурные навыки—дело очень сложное и трудное. Учащиеся находятся не только под влиянием школы. За стенами школы на них оказываются другие влияния, часто противоположные тому, которое оказывает школа. Нередко некоторые учащиеся и в школу заносят настроения, замашки и приемы улицы и задворков. Школа должна уметь парализовать вредные посторонние влияния и свое влияние на учащихся сделать господствующим, доминирующим.

Культурная обработка учащихся является одной из основных задач нашей школы. На нее, как на культурный центр, смотрят и государство, и общественные организации, и родители.

В январе с. г. в Рогожско-Симоновском районе г. Москвы состоялась районная педагогическая конференция, посвященная вопросам воспитательной работы школы. На этой конференции было одно очень интересное выступление работницы, члена совета. С большим возбуждением, волнуясь и горячась, работница обратилась к конференции с призывом:

«Тов. педагоги! Я обращаюсь к вам от имени многих работниц. У многих из нас нет мужей. Мы сами воспитываем детей. Живем мы в большой тесноте. Наши дети, возвращаясь из школы, большую часть времени проводят на улице. Там они учатся курить, сквернословить и хулиганить. Все это они с улицы приносят домой. Нас они часто плохо слушают, некоторые с матерьми совсем почти не считаются. Помогите нам вырвать детей из уличной грязи. Вы—образованные, вы лучше нас знаете, как это можно сделать. Мы ждем от вас помощи».

Этот призыв не единичен. Такие же голоса нам приходится слышать в стенах школы во время родительских собраний. Проходить мимо них, не прислушиваться к ним мы не имеем права.

Школа плохо будет выполнять свою роль, если она станет заботиться только о сообщении учащимся знаний, о расширении их умственного кругозора и не будет уделять должного внимания воспитательной работе с ними, развитию у них культурных запросов и навыков.

Поэтому наблюдающаяся у некоторых педагогов школ повышенного типа тенденция к спецовству, к сосредоточению всей работы только на изучении своего предмета, тенденция закупориться в футляр своей специальности, уйти от жгучих, важных, очень трудных, но в то же время необходимых проблем воспитательной работы с учащимися,—эту тенденцию необходимо считать вредной и опасной, с ней необходимо бороться, ее необходимо изживать.

Для нас, педагогов, лозунг «культурная революция» особенно дорог; он нас обязывает ко многому. Но прежде всего и больше всего он обязывает

нас произвести культурную революцию среди тех подростков и юношей, которые обучаются у нас в школах повышенного типа. Эту революцию мы сумеем произвести только в том случае, если в этих школах вся образовательная работа будет увязана с воспитательной, если конечной цели школы—воспитать строителя коммунистического общества—будет уделяться самое серьезное внимание и если в ее разрешении примет участие весь педагогический коллектив.

С. БЕЛОУСОВ.

ВОПРОСЫ ВОСПИТАНИЯ НА СТРАНИЦАХ МЕСТНЫХ ГАЗЕТ ПОСЛЕ XV ПАРТСЪЕЗДА.

XV-й съезд партии дал вполне четкие директивы по вопросам культурной революции и указал, какую роль должны играть в деле культурного строительства и создания нового человека наши партийные и общественные организации. Местные губернские и уездные газеты поняли, какие колоссальные задачи возлагаются на них в порядке осуществления директив съезда, и поставили на местах вопрос о создании нового человека и новых взаимоотношений между людьми на практическую почву.

«Что делает семья, школа и окружающая их среда (улица) для создания участников будущего социалистического строительства, что они должны делать, где больные места и как бороться со всеми тормозами, мешающими делу коммунистического воспитания»—вот вполне практические и конкретные вопросы, которые вынесли низовые газеты на обсуждение широких масс трудящегося населения. В некоторых рабочих центрах (Ив.-Вознесенск, Орехово-Зуево) для публичного обсуждения этих вопросов газеты собирали многосотенные митинги из рабочих, родителей, педагогов, врачей и старших воспитанников и проч.

Высказывания участников митингов заносились на страницы газет и вновь вызывали ответные письма заинтересованных лиц. Широкая перекличка газет, прокатившаяся по всему Союзу, дает очень интересную картину.

ВЛИЯНИЕ НЕОРГАНИЗОВАННОЙ СРЕДЫ (УЛИЦЫ).

Отмечая неучастие общественных организаций, занятость родителей, слабую воспитательную работу в школе и почти полное отсутствие внешкольной работы, «Грозненский Рабочий» пишет:

«Большую часть своего времени ребенок находится во власти улицы, во власти промысловой кухни. Собираются дети в группы различных возрастов, главным образом, на кухнях, ибо клубы для них закрыты. Специальных же детских клубов мы не имеем. Чем занимаются дети на кухнях? Пошлые разговоры, сальности, трехъэтажный мат и т. д. На новом поселке открыли целый «клуб им. Потемкина», где есть свой заведующий и прочая администрация. Новым членам клуба делают испытание, и тот, кто выдерживает это испытание, становится почетным членом «клуба» с квалификацией «хулиган».

В московском «Голосе Текстилей» читаем: «Дети играют в карты, хулиганят и безобразничают».

«В наших общежитиях,—пишет рабкор Иконников с фабрики «Красный Перекоп» (Ярославль),—процветают азартные игры. Играют в «буру», в «очко». Проигрывают и выигрывают большие суммы».

«Наши дети растут, как ветер в поле,—жалуется ткачиха «Трехгорки» в «Рабочей Москве». «После ухода родителей на фабрику дети всех возрастов остаются полными хозяевами в квартирах. Стараясь подражать взрослым, они матерятся, пьют водку, курят, избивают друг друга. Несколько коноводов подговаривают выкрасть что-нибудь: ребята делают организованные налеты на квартиры. Вечером начинаются вопли в опустошенных квартирах».

«В клубе имени Ногина,—пишет «Вятская Правда»,—на вечерах вы можете увидеть 12—13-летних девочек, носящихся в вихре вальса. Они по примеру больших девиц ловко пудрятся, имеют запас пудры и обязательное зеркальце, приучаются к грубостям и дерзостям»... «из семи девочек, с которыми мне удалось поговорить, только одна оказалась пионеркой, а другие были в отряде, но вышли».

«Рабочая Газета» пишет: «Буденовка—одна из худших казарм Глуховки. Далеко прогремела ее хулиганская слава. В коридорах душно, теснота, нет зимней вентиляции. На кухне оравы детишек копошатся под ногами. Тут же матери, мужья, «отцы», ребенку деваться некуда, он шумит, буянит, а родители выгоняют его в коридор. В клубе никакой работы не ведется, в красном уголке—тоже. Дети гуляют до 11 час. ночи и позже. Все это неизбежно ведет к смычке с беспризорными и приобщению к уголовному миру».

Разлагающее влияние беспризорников на местных ребят описывает ташкентская «Правда Востока». «Недавно красноармеец привел к заведующему школой беспризорника и школьника, пытавшихся забраться в «цейхгауз».

«Ученик 5 гр. Высоковской девятилетки—пишет «Серп и Молот»,—пятнадцати слишком лет, обвиняется в краже сыра из кооператива. Входит спокойно, развязно прожевывая семечки, с полуулыбкой в хитрых-прехитрых прищуренных глазах. На руке татуировка. Отец и мать работают на фабрике. Все необходимое имеет и даже карманные деньги». Газета отмечает отсутствие углубленно-воспитательной работы с детьми. «В детской среде мало затрагивается вопрос, с какой точки зрения надо теперь оценивать человека, почему нельзя воровать. Почти не затрагивается вопрос о воровстве и в детской литературе».

ВЛИЯНИЕ СЕМЬИ.

Семья не может справиться с задачей воспитания подрастающего поколения и часто своими руками разрушает организм ребенка и развращает его. Ив.-Вознесенский «Рабочий Край» пишет: «У Зайцевых, что ни день, то пьянка, и маленькая Нинка принимает активное участие. Ее усаживают за стол и дают маленькую рюмку, а после заставляют плясать на потеху пьяным гостям». «Мне известны,—пишет там же работница,—много случаев, когда родители, распивая водку, поят детей, говоря: «ничего, крепче дрыхнуть будут». Двухлетку ребенка приучают «прикуривать». Часто отцы и матери не только не воздерживаются при детях от непристойных выражений, но сами учат своих детей ругаться. «Приходит ребенок к матери и говорит: «меня ребята не принимают играть».—«Ну и пошли их к...»,—учит мать».

«Мы сами,—пишет работница,—не умеем воспитывать детей, мы или распускаем детей безмерным баловством, или бьем их так, что дети растут запуганными».

Свердловский «Уральский Рабочий» пишет: «Близорукость родителей доходит до того, что успокаиваются, если их сын больше не пропадает в отряде—«за ум парень взялся». А в это время он воспитывается у самой надежной, у самой верной воспитательницы—улицы, могущей привести ребенка от незначительной шалости к большому хулиганству».

Дурное влияние семьи на ребенка распространяется через улицу и школу на детскую массу. Тот же свердловский «Уральский Рабочий» пишет: «Мы имеем факт, когда девочка 13 лет, наглядевшись на веселую жизнь своей матери, меняющей мужей, как перчатки, заводит амурную историю в школе, прельщая этим других школьников, положительно взбудораживает этим всю школу». Еще более страшные факты приводит «Грозненский Рабочий»: «Ребята часто живут в таких семьях, где родители плохо обращаются с детьми, ругаются матом и устраивают драки. Есть случаи, когда женщина, имея детей, но не имея мужа, приводит в дом мужчин, и... дети помогают. Их обязанность состоит в том, чтобы тщательно обшарить карманы расчувствовавшегося самца. Потом ребенок идет на улицу к товарищам и рассказывает им чудеса про собственную мать... С каким вниманием и жадностью, распустив уши, вслушиваются дети различных возрастов в такие рассказы».

Даже те родители, которые хотели бы, могли и имели бы время для воспитания своих детей, оказываются совершенно беспомощными в силу своей педагогической неграмотности. Работница пишет: «Родители хотят воспитать ребенка как можно лучше, но не знают как. Действуют старыми методами и получается обратное. Надо научить родителей воспитанию детей».

РОДИТЕЛИ—РАБОЧИЕ-АКТИВИСТЫ.

Из бесчисленных корреспонденций видно, как отрицательные явления в быте детей начитают тревожить активных родителей-рабочих. Часто с большой педагогической чуткостью подходят они к разрешению сложных вопросов. «Брянский Рабочий» пишет: «Сами родители должны обращать внимание на своих детей, на их маленькие хулиганские поступки, носящие еще невинный характер, но в будущем могущие толкнуть подростка на такие, которые уже сурово караются законом».

Ив.-Вознесенский «Рабочий Край» помещает корреспонденцию: «Позор родителям, которые говорят, что им некогда воспитывать детей. Я, рабочий, имею двоих детей школьников и пионеров. Все свободное время я уделяю воспитанию детей, старался внушить им, чтобы они говорили правду, питали уважение к старшим. Мне это удалось. Детей не бью, грубо с ними не обращаюсь». Там же одна работница-мать отучила своих детей от баловства, купила им шашки. «Теперь ребят никак не оторвешь—играют, спорят между собой, придут товарищи, раньше хулиганили, а теперь и их засадят играть». Другая мать пишет: «На собственном опыте убедилась в большом организующем влиянии шашек. Игра эта им не надоедает. Свободное время дети сидят тихо. Стали ребята осмысленнее». Жена рабочего пишет: «Детей нужно воспитывать отнюдь не поркой, а внушением; к своим детям я никогда не применяю телесных наказаний; все их нехорошие поступки ставлю на вид и внушаю, как они должны себя вести. Из наблюдений вижу, что дети уважают меня больше, чем моего мужа, который не прочь поднять руку на ребят».

Диспут, проведенный той же газетой «Рабочий Край», вызвал живой отклик, и родители-рабочие прислали в газету ряд своих статей, пытающихся разрешить педагогические вопросы. «Раньше я своих детей наказывала и, откровенно говоря, сплошь и рядом незаслуженно. Но, судите сами, придешь с работы усталая, а ребятишки, смотришь, успели напроказить, соседи идут с жалобой. Ну, понятно, возьмешь да ремнем несколько раз и ударишь. А в результате я увидела, что дети стали меня бояться. От порки я скоро отказалась и делаю иначе: когда придут с жалобой, я зову ребенка и начинаю его срамить при постороннем человеке. Дети мои исправились и перестали озорничать». Другая же работница предостерегает от ненужного баловства: «Любящая мать приучила ребят

к деньгам—это их портит. Ребята запрячут деньги, а домой приходят и говорят, что потеряли. Отец пошарит по карманам и найдет».

«Рабочие начинают понимать всю серьезность положения, просыпается их инициатива и стремление вместе с общественными организациями вырвать ребят из тины улицы». «Рабочие болеют душой за подрастающих детей, но что с ними делать—они толком не знают»,—пишет «Рабочая Газета». «Никто не проявляет инициативы, не подхватывает этих больных вопросов, не старается привлечь в эту сторону самодеятельность родителей.—«Да ведь средств-то нехватает на общественное воспитание. Что-ж, знаем. Платить бы стали. Да ведь внимания-то никто не оборотит»,—так говорят в рабочих общежитиях.

«Совещание рабочих и работниц в Буденовской казарме Глуховской мануфактуры постановило организовать добровольную дружину по борьбе с хулиганством, требовать устройства детских кино-утренников, требовать выделения в красных уголках руководов для работы среди детей, просить шефа казармы—бумагопрядильную фабрику—закупить детские игры, летом решено организовать кооперативную детскую площадку».

И с какой радостью и нетребовательностью принимают ребята всякое начинание. Газета «Гудок» пишет: «В доме по Грузинскому валу, 26, у Бел.-Балт. вокзала, для детей устроили несколько кино-сеансов воспитательного характера. Как и следовало ожидать, дети были в восторге. Культурно-бытовая комиссия при этом же доме организовала несколько читок с туманными картинами. Юных зрителей и слушателей тоже было трудно оторвать».

РОЛЬ ПРОФСОЮЗНЫХ И ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ.

Кто, однако, идет на помощь подрастающему поколению, что противопоставляется развращающему влиянию улицы, а часто и семьи? Серпуховский «Набат»,—рабочая газета центра мануфактурного производства,—обращает внимание читателя на заброшенность детей рабочих и неохваченность детского досуга нашими организациями: «Организаций этих много: профсоюзы, ОНО, женотдел, ячейка «Друг детей», пионеры, но из всех этих организаций только Б. Ю. П. и ОНО проводили кое-какую работу среди детей. В Серпухове 15 тысяч детей, и 50—60% из них ни одной из этих организаций не охвачены». На широкую дискуссию по вопросам воспитания детей, которую провел Ив.-Вознес. «Рабочий Край», рабочие откликнулись массой корреспонденций, посыпались жалобы родителей на равнодушное отношение общественных организаций: «Почему мы не привлекаем профорганизации? Надо поставить вопрос о том, чтобы клубы в большей степени, чем теперь, обслуживали детскую массу. Загляните в план Б. И. В. М. (рабочий клуб), там на тридцати полосках отмечен один детский утренник 26 февраля». «Наши дети не имеют сейчас хорошей детской книги. Рабочие клубы, которые строят библиотеки для взрослых, не заботятся о детских книгах, выписывают только книги для взрослых, а о детях забывают».

Рабочие клубы должны организовать для детей комнату для занятий, для проведения игр и т. д. Может-быть, придется установить хотя бы один свободный вечер для детей в неделю. Свердловский «Уральский Рабочий» возмущается инертностью общественных организаций: «Детского кино в Свердловске нет, а на утренниках, которые не охватывают массы детей, показывают такие картины, которые, мягко выражаясь, вредны для ребят... Каток днем пустует, а ребята мечтают о нем. Детского театра нет. Библиотек очень мало, и «умные» люди ухитряются свертывать и без того нищенскую сеть детских библиотек. Клубы ничем не помогают ребятам; пионеры и те не имеют своего угла... Почти всюду мы видим пассивность,

тупое безразличие, формализм, когда люди думают только о сегодняшнем дне, забывая перспективы (например, коммерческий подход к детскому кино), готовность выколачивать прибыль даже с малолетних ребят». «Уральский Рабочий» отмечает серьезное и частое снижение работы авангарда детской массы—пионеров: «На ряду с положительными явлениями мы имеем жалобы на слабую работу пионерорганизаций в школе, жалобы слишком многочисленные, заставляющие обратить на себя внимание: «хотел бы вступить в хорошо организованный отряд», «я бы вступил да там нет работы», «я не желаю вступать потому, что ребята слишком дурные»,—так говорят про пионеротряды. Форпосты работают слабо, влияние пионеров в школе крайне ничтожно, охват школьников пионерорганизациями очень незначителен.

ВЛИЯНИЕ ШКОЛЫ.

«Серпуховский Набат» пишет: «Между союзниками (школой и семьей), борющимися против влияния улицы, не всегда бывает контакт в работе, и, кроме того, в самой школе нельзя сказать, чтобы все было благополучно».

Ив.-Вознесенский «Рабочий Край» отмечает: «В школах хулиганство (пишут родители и учителя). Трудновоспитуемые дети учатся вместе с нормальными детьми и заражают весь класс. Удалить из школы трудновоспитуемого ребенка отдел народного образования не решается, и маленький хулиган развращает всю школу». «Уральский Рабочий» приводит факты и выводы обследования школ Урала, опубликованные в № 2 журнала «Вожатый». Там говорится: «Вся постановка общественно-политического воспитания в школах Урала явно хромает. Отдельные факты целиком подтверждают это. Общим для школ Урала является сильное уменьшение количества пионеров по сравнению с 1925/26 г. Общественная работа проводится школами очень слабо. Есть школы (свердловская школа № 3 и ряд других), которые совершенно не ведут общественной работы. В Перми зав. школой № 9 заявила, что общественная работа слишком сложное дело, чтобы школьники могли в ней участвовать. Из подготовленных в Н.-Тагиле на городских пионеркурсах 35 вожатых ни один не работает на пионерработе (20 сбежало во время курсов). В Н.-Тагиле в школе им. Крупской группа учащихся через голову учкома выпустила журнал «Анчар» в духе есенинщины и упадочных настроений. «Детям надо дать правильное половое воспитание, а, например, во дворе школы № 12 Свердловское ОБЗУ организовало случной пункт, работа которого происходит на глазах школьников». «Протестант» рассказывает о хулиганствах в Некрасовской школе (Свердловск); положение в школе таково: «дерутся каждый день, дерутся из-за всякой-всячины—из-за девчонок, за оскорбление».

Ив.-Вознесенский «Рабочий Край» приводит ряд фактов хулиганства, захватывающего наши школы: «В II ступени двое подростков хулиганят во время занятий. Учительница посылает их за родителями. Ребята ломятся в школу, заведующий их не пускает, тогда они идут в отдел образования и жалуются, что заведующий их прибил. Обследование выясняет, что они нагло лгали. Ученики остаются в школе и опять хулиганят». «В школе имени III Интернационала, образцовой по дисциплине, учителя обливают чернилами. В 8-й и 15-й школах воруют из шкафов. В 3-й семилетке хулиган разрезает ножом сверху донизу пальто одной из девочек и т. д., и т. д. Какие меры принимает гор. ОНО против хулиганов? Можно сказать—никаких».

Томское «Красное Знамя» статьей, вскрывающей болезни школы, всколыхнула учителей, учеников и родителей. Газета пишет: «Когда мы задавали вопрос педагогам, мы еще не знали всей полноты неприглядной действительности. Мы еще не знали, что в школе имени Октябрьской революции, благодаря отсутствию организованности в играх детей, игры эти превратились в дикие хулиганские выходки. Мы не знали о том, что в 4-й железнодорожной школе дети по вечерам пьют водку. Мы не знали о том, что некоторые школы представляют собой какой-то совершенно отдельный мирок, где педагоги большей частью разобщены между собой и куда родители заглядывают раз в год по обещанию. Педагоги мало беседуют с ученическими орагнизациями..., форпост ничего не делает по борьбе с хулиганством... Члены учкома мало активны. Родители—редкие гости в школе...».

«Мы знаем, что в школьные советы входят представители разных организаций, почему же они, присутствуя на школьных советах, не поднимают тех вопросов, которыми болеет школа?».

«Статья о школах всколыхнула просвещенцев. Но по-разному судят преподаватели эту статью. Многие ее поняли более чем превратно. Я в ряде школ слышал, как ряд пожилых учителей и учительниц сетовали на плохое положение и на то, что якобы против них «объявлен поход»... Они в один голос говорили, что этому явлению нужно дать отпор,—нужно протестовать»...

«Школьные массы заговорили, и в этом гуле голосов мы с особенной радостью и громаднейшим глубоким нравственным удовлетворением различаем молодой звонкий голос наших детей». «Мы уже приветствуем первую ласточку, учеников железнодорожной школы, которые сами, добровольно пришли и отдали учителям ножи и револьверы»... «И дети постановили: вовлечь в борьбу с хулиганством в школе родителей. Выставить это пожелание, как требование им».

Ив.-Вознесенский «Рабочий Край» пишет: «Наши школы—школы социального воспитания, но надо сказать правду, что на первом плане—учение и программы. 80—90% времени идет на учебу. Вся беда сводится к тому, что ученики не воспитываются школой и после школы дети предоставлены самим себе. Ребята не имеют никаких внешкольных учреждений. Школы загружены в две смены и лишены возможности обслужить ребенка вне занятий».

РАБОТА ШКОЛ, УВЯЗАННЫХ С ОРГАНИЗАЦИЯМИ.

Но там, где к школе приближаются советские и партийные организации, работа ее принимает живые, очень целесообразные и глубоко жизненные формы. Проведенный в некоторых губерниях смотр школы привлек внимание советской общественности к школе, усилил интерес к ней со стороны населения, дал возможность учесть ценный опыт школы и учителя в области общественной работы.

Гор. Сталино. «Охматмлад созывает окружную конференцию школьных дет. санкомов; работа конференции будет состоять из просмотра и оценки выставок детских работ и отчетных докладов и показательной санитарной выставки. В конце конференции будет разыграна санитарная лотерея» («Диктатура Труда», 22/IV). «В целях помощи губторготделу в деле заготовки местных товаров для второстепенного транспорта, местные школы включили в свой план летней работы организацию кружков по сбору лекарственного сырья. Губторг участвует в этом деле путем докладов, лекций и бесед, разъясняющих значение для СССР и в частности для Пензенской губ. выявления новых видов экспортных товаров: инфузорной земли, мореного дуба, древесных семян и пр. Работы по сбору лекарственных растений концентрируются вокруг аптек, откуда учреждения получают инструкции и куда сдают собранное сырье по установленной цене» («Завод и Пашня», 26/IV).

«В Ярославле под руководством гор. санбюро и некоторых активных преподавателей уч-ки II ст. (6 и 8 гр.) проделали очень ценную работу

по описанию зеленых насаждений в Ярославле, показали, что зеленая площадь в Ярославле абсолютно возросла, а относительно снизилась и не соответствует сан.-гигиеническим нормам. Эти данные лягут в основу предстоящих мероприятий по благоустройству города» («Северный Рабочий», 28/II).

Местами хорошо работает детская производственная кооперация, поддерживаемая кооперативными органами. Долинский кооперативный переплетный кружок является показателем большой самодеятельности молодых кооператоров. При Лозоватской школе-семилетке работает кооперативная парикмахерская. Объединенное совещание ВЛКСМ, потребсоюза, ЦРК и ОНО наметило ряд практических мероприятий по оживлению работы школьных кооперативов в округе» («Красный Горняк», 6/IV).

В Новосибирске «организовался «Сиб. Детский Журнал», имеющий уже 8 тыс. тиража. Редколлегия устраивает совместные заседания с детьми, читателями (актив центральной детской библиотеки) («Советская Сибирь», 14/II).

«Заканчивается конкурс на лучшего читателя среди детей Глуховки на тему: «Дети в гражданской войне». Задачей конкурса Глуховская библиотека поставила вызвать интерес детей к книге и приучить их к лучшей проработке книг о гражданской войне... Правление клуба устроило несколько премий для премирования лучших читателей». Участвовало 163 чел., из них 54 девочки, детей рабочих—134 чел. («Голос Рабочего», 31/IV).

«Серпуховская газета «Набат» предполагает издавать специальную детскую газету, так как «Пионерская Правда» является руководящим органом для верхушки пионерской организации, но не для рядовой детской массы. Предполагаем выпускать газету в месяц два раза по 5 коп.».

В Луганске организуется детский шахматный турнир («Труд»). В Клинцах «Вторая школа 7-летка им. Короленко» на специальные средства (из платы за обучение и комсодовских) закупила 600 экземпляров детской литаературы. Таким образом, при школе будет открыта своя школьная библиотека для младшего и среднего возрастов».

«Хорошее начинание по обслуживанию запросов детей и организации их инициативы сделано у нас в Вологде союзом коммунальников. Здесь уже два года работает детская драм. студия, имеющая в своем составе 30 детей в возрасте от 9 до 15 лет. Студией руководит артист Л. Бессонов... Наблюдение за ее жизнью возложено на 4 членов культкомиссии. Студия имеет примерный гардероб, самостоятельную костюмерную и бутафорскую мастерскую. Студия с успехом выступает в ряде клубов и школ, завоевывая все большее и большее внимание юных зрителей» («Красный Север», 29/III).

В некоторых школах ученики ведут прекрасную краеведческую работу. В Тверской губ. общественная проверка школ I ступени показала, что «в учебную работу вкладывается краеведческое содержание. Учась сами, дети передают приобретаемые познания взрослому населению» («Тверская Правда», 29/II).

В Ульяновске образовался кружок краеведения при школе II ступени. «Ребятами обследовано геологическое строение Ульяновской горы. Члены кружка летом совершили экскурсию на лодках вверх по Волге с целью обследования побережья Волги от Ульяновска до Ундор, собраны богатые коллекции по геологии, зоологии и ботанике местного края. Составлены отчеты обследования побережья. Кружок сделал выставку своих достижений и открывает постоянный краеведческий музей («Пролетарский Путь», 5/I).

В Таганроге «организуются кружки юнатов из учащихся труд. школ с целью изучения почвы округа, климата, птиц, насекомых, отд. отраслей

сел. хоз-ва (птицеводства, пчеловодства); на расширенных заседаниях гор. бюро бывают представители ОНО, здравотдела, земотдела, семстанции, ВЛКСМ и пр.» («Красное Знамя», 10/IV).

«Тверская Правда» 26/IV пишет: «По материалам смотра видно, что круг общественной работы сельских школ шире и многообразнее, чем городских. Преобладающей является работа по распространению среди населения сел.-хоз. и сан.-гигиенич. навыков и знаний, затем по благоустройству деревни и п./просвет. работе в избах-читальнях, красных уголках, по распространению газет, пропанганде займов и пр. Вокруг школы организованы подростки деревни».

«Бежецкая Жизнь» 2/II пишет о Городищенской школе I ступени: «Ребята настолько грамотны, что выступают с докладами в революционные праздники (в школе), ведут протоколы сельских собраний, участвуют в громких читках газет и книг в красном уголке. О работе учителей в с/с свидетельствует тот факт, что во время отчетной кампании выезжали вместе с предсельсовета во многие селения района и организовывали сел. ККОВ».

«На Рассольной копи,—пишет «Уральский Рабочий»—14/II:—учащиеся II ступени взяли на себя обслуживание рабочих казарм. Силами учащихся будут проведены в казармах художественное чтение, инсценировка и пр.».

«Школьники зуевской школы № 6 в нынешнем учебном году взяли на себя работу в казарме № 55... Школьники провели в казарме три постановки. Они были приурочены к 10-летию Октябрьской революции, к 10-летию Красной армии и к международному дню работниц. Спектакли, инсценировки, хоровые и физкультурные номера входили в программу выступлений» («Колотушка», 5/IV).

«Павлово—Ниж. школа оказывала помощь общественным организациям в проведении кампаний, революционных дней, помогая политико-просветительным учреждениям в их работе, но все это не удовлетворяло. Хотелось чего-то большего. Тогда выдвинуто было предложение об обслуживании через школу детей дошкольников, об организации для них в стенах школы разумных занятий. Предложение нашло живой отклик. Две школы I ступени гор. Горбатова взялись за это дело и организовали работу с дошкольниками, при чем вторая горбатовская школа I ступени сумела организовать дошкольную группу к октябрю 1927 г. из 56 чел., а первая горбатовская школа—к декабрю—из 49 чел. В настоящее время работа с дошкольниками протекает с большим успехом. Как же построена работа в этих группах и кто ее выполняет? Для работы с дошкольниками каждой школой отведен на первое время один день в неделю после занятий. По приходе в школу вся детвора делится на три-четыре группы по видам занятий с ними. Содержание работы с дошкольниками таково: чтение художественного материала, рассказывание, рисование, разучивание стихотворений, декламаций, игры, пение, постановка детских спектаклей. Вся работа проводится детьми старших групп школ I ступени (4-ой группы) под руководством дежурного учителя» («Смычка», 21/III).

Свердловский «Уральский Рабочий» 15/III сообщает: «В Туринской железнодорожной школе состоялся вечер, устроенный малышами-учащимися. На скромный спектакль были приглашены родители. Дети после спектакля поднесли своим родителям собственноручно изготовленные подарки: рамки для карточек, подушки для иголок, картинки. Вечер спайки «отцов и детей» прошел блестяще».

«Советская Сибирь» 24/IV сообщает: «Школьники группами выезжают в подшефные деревни, проводят там праздники, ставят революционные пьесы и проводят собеседования с крестьянскими ребятами».

На далеком Сахалине, в г. Александровске, на вечере при открытии школьного клуба при II ступени отмечаются культурные достижения школы, ставятся революционные инсценировки и концертное отделение («Сов. Сахалин», 14/II).

В Якутской области в Хантайской школе состоялся антирелигиозный вечер, с докладами на темы «Религия и новый быт» и «Что дала религия буржуазии»; там же «ставился спектакль в пользу постройки новой 4-х групповой школы в 1-м Хантайском наслеге. Докладами и постановкой население осталось довольно и выразило благодарность молодежи, помогающей просвещению масс» («Автономная Якутия», 29/I).

Даже там, где общественные организации еще не оказывают помощи детям, ребята самотеком организуют свою жизнь. «Молодой Ленинец» 11/IV помещает письмо из Наро-Фоминска, где подросток организует маленьких подруг в драм. кружок. Начали с 7-ми человек, съагитировали нескольких мальчиков, и дело закипело: «День постановки пьесы «Хулиган в деревне» был настоящим праздником. Уж как поволновались молодые артистки, сколько матерям хлопот и беспокойства причинили. На представлении была вся казарма. Молодые актеры как будто переродились. Казарменная публика тоже «переродилась». Невиданное зрелище в казарме наполнило родительские сердца гордостью. Пьеса разбудила в подростках жажду к самодеятельности. На организационное собрание подростков казармы пришло 50 девочек и 46 мальчиков. Очень любопытно, как в письменной форме дети высказывают свое отношение к кружкам.

«Нина, мне хочется в драмкружок. Мне нечего делать. Мы давно говорили о нем и я очень интересовалась». Дворцовая, 11 лет.

«Мне надоело бегать и я хочу поступить в драмкружок». Кутузова, 13 лет.

«Нина, я пойду в кружок из-за одной девочки. Она на меня как-то летом накляузничила и я на нее очень зла. Но когда я поступлю в кружок, может, моя злость пройдет». Сергеева, 16 лет.

«Хочу речисто говорить. Да здравствует драмкружок». Табакова, 15 лет.

Первые семь девочек—пионеров этой волны, когда репетировали на грязной площадке кочегарки, навряд-ли думали, что через несколько месяцев их пример увлечет почти всех подростков на здоровую самодеятельность.

Чрезвычайно интересные высказывания родителей, педагогов и детей, отразившиеся на страницах газет, еще глубже раскрывают перед нами цели и задачи воспитания и те пути и практические возможности, которые может и должна использовать советская общественность.

Н. ГЕРТО И Г. КАТАНСКАЯ.

РАЦИОНАЛИЗАЦИЯ ШКОЛЬНОЙ РАБОТЫ

ПРОГРАММНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ, КАК ФАКТОР ПРОДУКТИВНОСТИ ШКОЛ.

«Лучше меньше, да лучше».

Ленин.

(Дискуссионная).

Продукция нашей школы не отличается высокими качествами. Особенно плохо обстоит дело с конкретными знаниями и умениями. Вот пример.

На второй день после поступления детей в школу ФУЗ (в 1927 г.) я предложил им следующие вопросы:

Вопросы	% правильных ответов.
Что легче нагревается,—вода или железо?	53%
Какие способы передачи теплоты знаешь?	26%
Сколько калорий получат 10 *г* воды, если их нагреть на 8°?	26%
Что происходит с водой при 0°?	87%
Что нужно знать, чтобы определить, сколько тепла потребуется на нагревание чушки чугуна от 20° до 7000°?	29%
Что происходит с температурой кипятка, когда мы его испаряем?	29%
Сколько работы получится от 3 б. калорий, если механический эквивалент тепла равен 427?	0%
В 20 секунд был поднят груз в 5 *кг* на высоту в 2 *м*. Какова была мощность?	8%

Всего в двух группах было 38 человек с образованием в среднем в 5,9 лет школы соцвоса и прошедших психотехническое испытание, т. е. наиболее способных. Несомненно, здесь сказалось то, что за лето учащиеся многое забыли. Как оказалось впоследствии, учащиеся забыли физику довольно основательно, так что в школе ФЗУ повторение соцвосовской физики по всем почти признакам являлось изучением ее вновь. Впрочем, техникумы, куда иногда поступают выученики ФЗУ, бросают этому последнему подобные же обвинения.

Так или иначе, но знания наших учащихся, вернее, конкретные знания (в отличие от общих формальных умений, от того, что мы называем умственным развитием), не соответствуют затраченному на них времени. Причин этому явлению много,—в настоящей статье я хочу остановиться на двух.

Первую причину можно сформулировать весьма кратко так: органы просвещения предъявляют школам слишком неопределенные требования.

В самом деле.

Возьмем любой пункт новых программ Гуса. Программа по физике для V года обучения, например, начинается так: «Тепловое расширение твердых, жидких и газообразных тел». Может ли учитель из этих слов

узнать, что он должен дать учащимся по тепловому расширению твердых, жидких и газообразных тел? Очень мало. Вот как указанный пункт толкуется Цингером («Начальная физика». Изд. 5-е, 1926 г.) и Бачинским («Рабочая книга по физике», вып. 1, 1927 г.). Здесь даны отдельные элементы дидактического материала с указанием, в какой из книг каждый элемент встречается [1]).

1. Тела от нагревания расширяются.	Ц.	Б.
2. Твердые тела очень мало расширяются.	Ц.	Б.
3. При расширении удлиняется расстояние между всякими двумя точками тел.	—	Б.
4. Жидкие тела расширяются сильнее твердых.	Ц.	Б.
5. Особенности расширения воды.	Ц.	Б.
6. При нагревании воды в колбе в первый момент замечается снижение уровня; объяснение этого явления.	Ц.	Б.
7. Газы расширяются сильнее жидкостей.	Ц.	—
8. Различные твердые тела расширяются различно.	Ц.	—
9. Это можно проследить на приборе, называемом «пирометром» (устройство этого прибора).	Ц.	—
10. Для измерения расширения обычно нагревают от 0^0 до 100^0.	Ц.	—
11. При расширении и сжатии действуют огромные силы.	Ц.	Б.
12. Случаи применения расширения и сжатия.	Ц.	Б.
13. Объяснение некоторых явлений, где имеют место расширение и сжатие.	Ц.	Б.
14. Кажущееся и истинное расширение жидкостей.	Ц.	—
15. При нагревании от 0^0 до 100^0 воздух расширяется приблизительно на $^1/_3$ своего первоначального объема.	Ц.	—
16. Расширение всех газов почти одинаково.	Ц.	—
17. Газы при постоянном давлении расширяются на $^1/_{273}$ своего объема при 0^0 на каждый градус нагрева.	Ц.	—
18. Этот закон носит название закона Гей-Люссака.	Ц.	—
19. При постоянном объеме давление газов возрастает на каждый градус нагрева на $^1/_{273}$ первоначального давления при 0^0.	Ц.	—
20. Задачи типа: на сколько удлиняется железный стержень длиною в 10 *м* при нагревании на 50^0 (коэффициент линейного расширения—по таблице)?	Ц.	—
21. Задачи типа: на сколько надо нагревать газ, взятый при 0^0, чтобы объем его увеличился вдвое?	Ц.	—
22. Задачи типа: газ при неизменном объеме нагревается от 0^0 до 91^0; как изменяется давление?	Ц.	—

Если бы были взяты для анализа еще книги, то, вероятно, в них оказались бы еще новые толкования пункта программы «Расширение твердых, жидких и газообразных тел». Следует еще добавить, что я вовсе не касаюсь вопроса о лабораторных умениях; в вопросе о том, что ребята должны проделать в лаборатории в связи с указанным пунктом программы, тоже не получилось бы единообразное решение.

Как бы то ни было, каждый учитель волен толковать этот и все прочие пункты всех программ по своему, тем более, что даже рекомендованные Главсоцвосом учебники (Цингера и Бачинского) расходятся в толковании этого пункта. Так как времени на прохождение программ имеется определенное количество, то свобода толкования программ приводит не только к тому, что в разных школах проходится различный материал, но и к тому, что разные школы проходят различное количество его,

[1]) Цингер обозначен литерой—Ц, Бачинский—Б.

что отражается на качестве усвоения. Несомненно, есть учителя, которые стремятся пройти побольше,—качество работы у них, несомненно, страдает. Есть учителя, стремящиеся пройти получше,—количество фактически пройденного материала у них небольшое, хотя они могут затронуть в с е пункты программы.

Встает весьма важный вопрос,—что следует органам просвещения регулировать в основном: количество проходимого материала или его качество? Ответ: и то и другое—не ответ по существу, а уход от ответа.

Вопрос ведь стоит так: целый ряд местных и временных факторов влияют на продукцию школы. Допустим, что мы как-то определили количество и качество материала, который может быть пройден в идеальной школе (нужно сказать, что педагогическая наука нам пока такой возможности еще не дает). Но в каждой конкретной школе есть факторы, снижающие или вообще меняющие количество продукции. Вот важнейшие подобные факторы:

а) знания детей, поступивших в школу (или в данную группу),
б) способности учащихся,
в) качество учителя,
г) оборудование школы,
д) бытовые условия жизни учащихся,
е) климатические условия местности,
ж) величина групп,
з) степень однородности групп,
и) возврастной, половой, социальный состав групп и др.

Ни идеальные (максимальные) требования, ни даже «средние» не могут быть предъявлены каждой школе в отдельности. Достижения школы определяются перечисленными выше и многими другими факторами. Поэтому требования могут быть предъявлены только в отношении одного из компонентов продукции: количества материала или же качества.

До сих пор требования предъявлялись только в отношении количества материала. Это и есть вторая причина слабой продукции школ. Предлагалось пройти такую-то программу. Качество пройденного материала только констатировалось post factum и сплошь да рядом слишком поздно. Несомненно, было бы целесообразно применить принцип «лучше меньше, да лучше», точнее, выставить перед школами требование определенного к а ч е с т в а результатов обучения.

Конкретно это мыслится так:

1) Государственные органы выставляют требование об определенном проценте усвоения к о н к р е т н о г о материала, скажем о 70%.

2) Этот процент должен выявляться учащимися при определенном методе учета, скажем, при тестовом учете определенной техники или при учете методом учетных анкет (вопросников). Известно, что процент достижений зависит, между прочим, от метода учета.

3) Программы публикуются только в детально-разложенном виде. (Пример—выше).

4) Важность каждого элемента дидактического материала государственный орган расценивает определенным баллом. Так, например, знание того, что тела от нагревания расширяются, может быть оценено баллом 10, а знание того, что различные твердые тела расширяются в различной степени, может быть оценено другим баллом, скажем 6, и т. д. То же относительно умения объяснять явления природы, решать задачи, производить лабораторные опыты, пользоваться справочниками, работать с книгой, относительно знания фактов, дат и имен и всех прочих конкретных элементов продукции школы.

5) Школе указывается, в течение какого периода времени после прохождения того или иного материала выставленный в п. 1-м процент

сохраняет свою силу. Здесь речь идет о степени закрепления материала. Скажем, можно требовать, чтобы ученики знали материал не менее, чем на 70% в течение всего текущего года обучения и ближайшего следующего полугодия. После этих сроков, конечно, процент усвоенного материала будет меньше; к сожалению, мы недостаточно знаем законы забывания и не знаем, сколько должен знать человек спустя год, если он в свое время знал, скажем, на 80%.

Если эти условия будут предъявлены школам, то, очевидно, школы будут стремиться выполнить основное требование: дать кондиционное качество продукции, т. е. определенный процент знания при определенной степени закрепления. Снижающие продукцию школы факторы будут снижать объем пройденного, но не качество, причем показатели важности отдельных элементов, о которых речь шла выше, будут служить тому, чтобы школы знали, что им опускать.

Инспектирование школы будет в этом случае заключаться в том, что будет установлено:

а) что было пройдено (это будет сообщать школа),

б) каково качество пройденного, т. е. каков процент,

в) какие факторы могли повлиять на объем пройденного материала.

Преимущества предлагаемой мной системы перед существующей следующие:

1. Школы будут точно знать, что от них требуется.

2. То, что школа будет давать учащимся, будет не ниже определенного качества.

3. Продукция школы будет точно учитываться, что чрезвычайно важно при переходе учащихся из школы в школу, из группы в группу.

4. Система дает возможность поставить инспектирование на научный путь, что в свою очередь дает возможность накапливать материал для научной педагогики, в частности установить нормальные требования (стандарты).

5. Регулирование продукции школы государственными органами будет полное, так как показатели важности элементов дидактического материала будут точно и гибко направлять деятельность школ.

6. Школы будут проходить действительно наиболее важное (с точки зрения государственных органов по просвещению).

Важнейшие возможные возражения:

1. Речь идет о конкретной части программы, а не о трудно измеряемых воспитательных воздействиях, какие призвана организовывать школа. Не охвачено, скажем, мировоззрение, степень активности учащихся, коллективистические навыки и т. п. Но рационализация одного участка работы—лучше, чем полное отсутствие рационализации. Кроме того, возможно, что конкретная часть программы есть то звено, за которое нужно нам сейчас ухватиться. После нескольких лет работы по предлагаемому плану, возможно, можно будет перенести эти методы и на прочие элементы продукции школы.

2. Система отличается некоторой жесткостью—дается жесткий процент успешности, жесткие сроки запоминания, жесткая градация степени важности элементов. Но эта жесткость как раз и противопоставляется существующей расхлябанности, когда неизвестно точно, что требуется. На фоне существующего четкие требования могут показаться жесткими; на самом деле предлагаемая система весьма гибка, так как вопрос о количестве проходимого материала предоставляется решению школ. Конечно, каждая школа должна будет оправдать количество пройденного материала. Если все видимые факторы не будут говорить в пользу возможного снижения по сравнению с нормами или стандартами (пока приблизительными), то, очевидно, снижение придется приписать плохой работе учителей. Точно так же большое количество пройденного материала (установленного качества) при нормальных условиях или нормальное количество при наличии снижающих факторов будет говорить о хорошем качестве работы учителей.

3. У нас существуют стабильные программы,—их не следует менять. Но программы, в сущности, не меняются. Предлагается только расшифровать их возможно детальнее. Это только облегчит работу учителя, который сейчас должен эту работу проделать сам кустарно и в достаточной мере произвольно.

Итак, необходимо программы составлять в детально разложенном виде, отдельные элементы оценить в смысле их важности и, главное, выставлять требование об определенном качестве продукции при меняющемся количестве, а не об определенном количестве при меняющемся качестве. Не то нас должно интересовать, что прошли в школе, а то, что усвоили и запомнили учащиеся.

М. ЗАРЕЦКИЙ.

Р А Б Ф А К И

РАБФАКИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ОБЛАСТИ.

(По материалам обследования).

Из рабфаков Центральной области были обследованы Тверской, Смоленский, Бежицкий, Елецкий, Воронежский и Тамбовский. Материалы обследования дают довольно исчерпывающую оценку всех сторон жизни и работы этих рабфаков, особенно их педагогической работы. Настоящая статья имеет целью дать основные выводы из материалов произведенного обследования, причем на ряду с вопросами педагогическими необходимо также охарактеризовать материальные условия жизни рабфаков, поскольку ими определяется учебная работа.

1. УЧЕБНЫЕ ЗДАНИЯ РАБФАКОВ

Из обследованных шести рабфаков—три—Тверской, Смоленский и Воронежский—не имеют собственных зданий. Смоленский рабфак помещается в здании университета и имеет вполне достаточное помещение. Воронежский рабфак также помещается в здании университета и крайне стеснен в помещении. Тверской рабфак помещается в одном здании с губпартшколой и также очень стеснен. Воронежский и Тверской рабфаки, вследствие недостатка помещений, не могут развернуть всех необходимых лабораторий и принуждены частью вести занятия в других помещениях, что отрицательно отзывается на работе.

Бежицкий, Елецкий и Тамбовский рабфаки имеют собственные учебные здания. Бежицкий рабфак занимает достаточную для его нужд, совершенно изолированную часть здания б. гимназии. Здание хорошо приспособлено для занятий. Елецкий рабфак имеет два здания. Из них основное здание—исключительно хорошее и прекрасно содержится. Второе здание хуже, но также удовлетворительное. Учебных помещений рабфак имеет больше, чем достаточно. Тамбовский рабфак занимает обширное здание б. духовной семинарии, где помещается также и общежитие. Здание это при отпуске более значительных сумм на его содержание и ремонт было бы вполне удовлетворительным. Теперь же оно запущено, и рабфаку трудно содержать его в порядке.

2. МАТЕРИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ СТУДЕНЧЕСТВА.

Положение студентов прежде всего определяется состоянием общежитий. С этой стороны обследованные рабфаки располагаются приблизительно в следующем порядке. Лучшее общежитие, с наиболее свободным размещением студентов, имеет Елецкий рабфак. Несколько хуже, но также удовлетворительны общежития у Смоленского и Тамбовского рабфаков. На Бежицком рабфаке часть общежития, находящаяся в учебном здании-удовлетворительна, другая часть неудовлетворительна. В Твери и Воро,

неже состояние общежитий, примерно, одинаковое и недостаточно удовлетворительное. Добавочное помещение для общежития необходимо в Смоленске, Бежице, Воронеже и Твери. Оборудование общежитий везде, приблизительно, одинаковое и недостаточное: нехватает мебели; постельные принадлежности, принадлежащие рабфаку, имеются только в Бежице и частью в Смоленске и Тамбове. В Тамбове, Воронеже и Смоленске освещение недостаточно для занятий. Содержание общежитий является почти везде трудной для рабфака задачей, ибо взносы со студентов и субсидии от НКП недостаточны для этого. Без помощи местного бюджета содержать общежития крайне трудно, а иногда невозможно. Из обследованных рабфаков субсидию по местному бюджету на общежитие получают Смоленский, Бежицкий и менее значительную субсидию Тверской рабфаки. Остальные рабфаки по местному бюджету средств не получают. Санитарное состояние общежитий не везде вполне удовлетворительно.

Питание студентов организовано сравнительно удовлетворительно в Бежице, Ельце и отчасти Тамбове. Здесь студенты получают обед, ужин и чай с хлебом. В других городах студенты имеют только обед за 9—11 руб., а в остальном предоставлены самим себе. Так как стипендия во всех названных городах, кроме Бежицы, равна 20 руб., из которых 2 рубля надо платить за общежитие, то понятно, что питание студентов неудовлетворительно. Помощь со стороны профсоюзов имеет очень небольшая часть студентов: самая высокая цифра получающих небольшую помощь—в Твери: до 25% состава студентов; в остальных городах гораздо меньше, а иногда и почти вовсе нет таких студентов. Острый недостаток испытывают студенты в одежде, белье и обуви. Из указанных городов сравнительно лучше материальное положение студентов в Бежице (помощь от местного бюджета) и Ельце (сдается в аренду помещение, и средства идут на улучшение питания студентов). В других местах помощь студентам по местному бюджету оказывается очень незначительная и случайная.

В общем материальное положение студентов везде тяжелое, но в разных городах неодинаковое, в зависимости от того, в какой мере приходят на помощь студентам местные органы.

3. УЧЕБНОЕ ОБОРУДОВАНИЕ.

В отношении учебного оборудования обследованные рабфаки находятся не в одинаковом положении.

Прекрасное учебное оборудование имеет Смоленский рабфак. Оборудование этого рабфака много выше средней нормы оборудования рабфаков вообще. Несколько меньшее количественно, но тоже очень хорошее учебное оборудование имеет Елецкий рабфак. Оборудование это большей частью новое, приобретенное на средства, отпущенные Главпрофобром. Кроме пособий лабораторных, оба эти рабфака очень хорошо снабжены учебниками, которые в достаточном количестве выдаются на руки студентам для домашних занятий.

Тамбовский рабфак имеет значительное количество полученных по наследству от прежних школ пособий по физике, химии и биологии. Нового оборудования и учебников очень мало, так как средств на это отпускалось недостаточно.

Слабое оборудование имеют Воронежский и Тверской рабфаки, которые не получили в наследство никакого учебного оборудования и которым пока не было отпущено достаточно средств на приобретение оборудования заново. Тверской рабфак совершенно не имеет физического кабинета и пользуется кабинетом, пока юридически принадлежащим губпартшколе; биологической и химической лабораторий Тверской рабфак также не имеет и пользуется по биологии кабинетом партшколы, а по

химии—лабораторией пединститута, который находится довольно далеко от рабфака. Учебниками Тверской рабфак обеспечен хорошо и для классных, и для домашних занятий. Воронежский рабфак обеспечен учебниками хуже.

Бежицкий рабфак по состоянию своего учебного оборудования выше Воронежского и Тверского, но много ниже Смоленского и Елецкого рабфаков. Оборудование растет, но пока еще ниже нормального уровня оборудования, необходимого для хорошего рабфака.

За последние два года оборудование всех рабфаков значительно двинулось вперед.

4. СОСТАВ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ.

Преподавателями все рабфаки обеспечены полностью. Квалификация преподавателей высокая, стаж в огромном большинстве многолетний. Как правило, преподаватели рабфака—это лучшие в городе преподаватели.

Нагрузка преподавателей на рабфаке высокая, часто выше 20—25 человек. Многие преподаватели работают только на рабфаке. Замечается в последнее время нормирование нагрузки преподавателей со стороны губоно и губпросов в целях предоставления работы в школах оканчивающим педвуз. В таких случаях преподаватели рабфаков обычно разгружаются в школах II ступени и сосредоточивают свою работу на рабфаке. Вследствие этого количество преподавателей на рабфаках уменьшается и нагрузка их возрастает, что благоприятно отражается на работе рабфаков. В методическом отношении выгодно выделяется среди других коллектив преподавателей Смоленского рабфака.

Затруднения, которые были в прежние годы вследствие недостатка преподавателей обществоведения—партийцев, в значительной степени изжиты в настоящее время.

5. МЕТОДЫ ПРЕПОДАВАНИЯ И СИСТЕМЫ ОРГАНИЗАЦИИ ЗАНЯТИЙ.

На всех обследованных рабфаках преподавание в той или иной степени и в разных формах ведется по лабораторному методу. Меньше всего лабораторный метод применяется на Тверском рабфаке, где по большинству предметов преподавание ведется по обычному классному методу. На других рабфаках классный метод преподавания преобладает только на I курсе, студенты которого подготовляются к лабораторным занятиям. На II и III курсах почти по всем предметам применяется лабораторный метод.

На Смоленском, Бежицком и Тамбовском рабфаках занятия построены по системе лабораторного плана. На Елецком и Воронежском рабфаках применяется твердая лабораторная система занятий. На Тверском рабфаке эта система применяется только по обществоведению и литературе.

На Смоленском рабфаке ведется серьезная и интересная методическая работа, и лабораторный план, за вычетом неизбежных при этой системе дефектов, организован здесь удовлетворительно. Учебные органы внимательно учитывают ход работы и вводят необходимые коррективы. На Бежицком и Тамбовском рабфаках дело обстоит хуже, чем на Смоленском, и со стороны организационной, и со стороны методической. Здесь, во-первых, меньше необходимых пособий. Во-вторых, педагогический коллектив должным образом не организовал всех сторон работы по лабораторному плану. Поэтому получается ряд дефектов. Их больше на Тамбовском рабфаке, чем на Бежицком, вследствие того, что на последнем применяется система двухнедельников, а на Тамбовском—месячников. При этой системе организационные и методические дефекты сказываются сильнее, чем при других системах. Положение еще ухудшилось недостатком пособий. В виду значительности дефектов работы на Тамбовском рабфаке, здесь оказалось необходимым перейти к твердой лабораторной системе преподавания.

6. РАБОТА УЧЕБНЫХ ОРГАНОВ.

На каждом рабфаке имеются учебное бюро и предметные комиссии, как постоянные учебные органы. Сверх того, время от времени созываются другие совещания преподавателей. Постепенно входят в обычай совещания всего педагогического коллектива рабфака для обсуждения общих вопросов, касающихся всех предметных комиссий. Такие совещания ставят на очередь вопрос об оформлении педагогического совета рабфака, как постоянно действующего органа. Учебное бюро, которое должно являться органом, объединяющим работу всех предметных комиссий и помогающим президиуму при разрешении всех важных педагогических вопросов, работает с разной степенью интенсивности на обследованных рабфаках. На Воронежском и Бежицком рабфаках учебные бюро работают всего более интенсивно и регулярно. На Смоленском рабфаке учебное бюро работает менее интенсивно, оно мало занимается текущими вопросами и является методическим и планирующим органом. На Тамбовском рабфаке учебное бюро почти не функционирует.

Предметные комиссии работают везде более или менее нормально. Работа их, как и работа учебного бюро, имеет преимущественно учебно-организационный и учетно-плановый характер.

Выделяется Смоленский рабфак, учебные органы которого уделяют методическим вопросам гораздо больше внимания, чем другие рабфаки.

7. СОСТОЯНИЕ ПОДГОТОВКИ ВЫПУСКНЫХ КУРСОВ.

На основании посещения занятий во время обследования, а также на основании ознакомления с выполненными в первом полугодии письменными контрольными работами, можно прийти к заключению о несомненном повышении качества получаемой рабфаковцами подготовки. Особенно очевиден сдвиг, происшедший по линии овладения письменной речью. Хотя состояние грамотности еще не может быть признано достаточно удовлетворительным, однако, сейчас не может быть и речи о вопиющей безграмотности, господствовавшей на рабфаках до последних лет. Повидимому, применяемые с 1925/26 года программы, а также введение выпускных испытаний сыграли значительную роль в деле улучшения постановки преподавания русского языка. В этой области наиболее существенны достижения, сделанные Смоленским и Тверским рабфаками.

Что касается математики, то, при наличии улучшения и в этой области рабфаковской подготовки, все же необходимо констатировать на всех обследованных рабфаках отсутствие вполне твердых математических навыков.

8. НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОТДЕЛЕНИЯ.

Национальные отделения имеются: белорусское—на Смоленском рабфаке и украинское—на Воронежском.

Белорусское отделение на Смоленском рабфаке состоит из одной группы II курса и двух групп, принятых в текущем году на I курс. Основные затруднения в работе на белорусском отделении заключаются в следующем.

Согласно положению о нацотделениях, преподавание на белорусском отделении должно было бы вестись на белорусском языке. Но в прошлом году это оказалось невозможным по той причине, что большинство командированных на белорусское отделение не знали или плохо знали белорусский язык и лучше знали русский язык. Белорусский язык пришлось

изучать, как новый для большинства язык. Так как это связано с тратой времени и сил, очень многие рабфаковцы белорусского отделения с самого начала пребывания на рабфаке стали добиваться перевода их в русские группы.

Дефекты комплектования прошлого года были повторены и в текущем году. Из 60 принятых на белорусское отделение, только 23 человека знают белорусский язык. Остальные либо вовсе его не знают, либо знают так плохо, что о постановке преподавания на белорусском языке не может быть и речи.

Эти ненормальности могут быть изжиты только при правильном комплектовании белорусского отделения, именно, когда в это отделение будут командироваться белоруссы, знающие белорусский язык и связанные с белорусским населением, а не лица, числящиеся белоруссами только по документам.

Украинское отделение на Воронежском рабфаке организовано в составе одной группы ежегодного приема.

Основные трудности в работе украинского отделения—те же, что и на белорусском отделении. Поступающие в украинское отделение студенты из украинских уездов Воронежской губернии говорят не на чистом украинском языке и не знают книжного украинского языка. Сплошь и рядом они русский язык знают лучше украинского. Обучение при таких условиях приводит к большой перегрузке учащихся, вынужденных изучать два языка—русский и украинский. Дело ухудшается еще недостатком пособий на украинском языке. Все это создает для студентов большие трудности и отрицательно отражается на усвоении других предметов, для проработки которых нехватает времени. По мнению преподавателей и студентов украинского отделения, все эти трудности не могут окупиться никакими положительными результатами при той целевой установке, которую имеет в настоящее время украинское отделение. Согласно положению НКП о национальных отделениях, обучение на них должно производиться на национальном языке только в первые два года, а в последние два года—на русском языке. Это необходимо и неизбежно, поскольку речь идет о культурно-отсталых национальностях, не имеющих развитой письменности и национальных вузов. В применении же к украинскому отделению этот порядок обучения, по мнению работников украинского отделения, не может дать положительных результатов. Поскольку студенты недостаточно знают украинский язык при поступлении на рабфак, обучение на русском языке в последние два года на рабфаке и затем в русском вузе приведет к тому, что студенты эти фактически не будут знать украинского языка и культуры настолько, чтобы быть культурными работниками среди украинского населения. Обучение на украинском языке на всех курсах рабфака не даст возможности студентам удовлетворительно усвоить русский язык и затруднит обучение в русских вузах, но в таком случае незачем и в первые 2 года ставить обучение на украинском языке. Выход из всех этих трудностей заключается в изменении целевой установки украинского отделения, которое должно готовить не в русские, а в украинские вузы. Тогда будет достигнута основная цель существования украинского отделения, и отпадут многие из указанных выше трудностей.

А. КОНДРАТЬЕВ.

НА МЕСТАХ.

ЗАДАЧИ НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ НА УРАЛЕ.

XV съезд партии дал мощный толчек развитию нашей культурной работы. Поставив перед нами проблему культурной революции, съезд не ограничился общими директивами в этой области,—он дал нам ряд конкретных указаний о том, какие участки фронта культурной революции выдвинуть на первый план, какие лозунги культурной революции сделать боевыми для ближайшего периода времени. Нам остается из этих директив сделать все необходимые организационные выводы. Эти организационные выводы в широком смысле этого слова сделал для Урала недавно прошедший II Областной съезд по народному образованию. Съезд этот для Урала будет исторической вехой на путях к культурной революции. Он выявил колоссальную активность просвещенских масс и их твердую решимость быть последовательными проводниками директив партии в области народного образования.

Полтора миллиона человек, обслуживаемых просветитетельными учреждениями на Урале в настоящее время (их число с каждым годом будет все увеличиваться), должны подвергнуться в результате работы съезда лучшему воздействию, лучшему руководству со стороны органов и учреждений народного образования.

ВСЕОБЩЕЕ ОБУЧЕНИЕ.

Основной задачей, которую нам придется решить в ближайшее время в области народного образования, является задача всеобщего обучения. Как с этой проблемой у нас обстоит? Количественные исходные показатели плана введения всеобщего обучения в Уральской области таковы: в настоящее время мы имеем в области 5.400 школ I ступени, в них обучается 439 тысяч ребят. Охват детского населения на Урале составляет в настоящее время 62,6%. Если этот процент сравнить с данными общереспубликанского плана (по РСФСР), то окажется, что Урал отстает на 10% от того, что в этом плане записано. Сопоставляя, однако, охват детского населения школой в настоящем году с прошлыми годами, мы можем констатировать неизменный рост обеспечения нашей детворы школою. Так, в 1924 г. мы имели охват школой в 36,1%, а в 1927/28 учебном году—62,6%. Еще разительнее выявляются наши достижения здесь, когда мы вышеуказанные проценты сопоставляем с довоенными показателями. В Зауралье мы имели до войны 54%-ный охват, а в 1926/27 г.—67%. В Предуралье мы до войны имели 30%, а в 1926/27 г.—55%. Если мы обратимся к вопросу о том, в какой степени школою обеспечены дети рабочих, то здесь получится еще более отрадная картина. В промышленных

В этом направлении уже сделано много: национальный педагогический педтехникум сделал уже два выпуска; имеется национальное отделение рабфака с 80 клиентами, не одна сотня бурят учится в различных вузах и техникумах, проектируется создание национальных фельдшерско-акушерского и сельско-хозяйственного техникумов.

Словом, культурные кадры растут с каждым годом.

Но есть одна область, которая представляет сейчас большие трудности, это—литературный язык. Получается впечатление, что язык нужно создавать заново. Обилие всевозможных наречий затрудняет работу максимально; нужна упорнейшая, кропотливая работа. Не без успеха занят этой работой бурятский ученый комитет, деятельность которого приобретает с каждым годом все большее и большее значение.

* * *

Богатые недра Бурятии, Байкал, баргузинские соболя привлекают к себе усиленное внимание заграницы. Тут вы найдете сейчас ученые и квази-ученые экспедиции из Америки, Германии. Все они приезжают с «высокими» целями, с «культурными» задачами... В надежде кое-чем полакомиться. Трудно судить, насколько они правы во всех своих устремлениях. Думается, что кое-в-чем они ошибутся. Вообще говоря, от заграницы Бурятии ждать нечего. А вот от Бурятии кое-кто ждет и очень многого. Достаточно указать на то, что эта советская страна расположена рядом с родственной Монголией. Последняя с большим интересом следит сейчас за всем тем, что делается в Бурятии. Хозяйственные успехи и тем более культурные завоевания Бурятии служат большим стимулом к еще большему сближению этих двух стран. В буряттехникуме, в семилетках и прочих культурных учреждениях Бурятии вы уже можете встретить учащихся монгол. Это обстоятельство отнюдь немаловажное: оно обязывает во что бы то ни стало усилить темп культурного строительства Бурят-Монголии.

МИХ. БОЙЦОВ.

ПРОСВЕЩЕНЦЫ И РАБОЧИЕ СИБИРИ О НАРОДНОМ ПРОСВЕЩЕНИИ.

Замнарком по просвещению В. Н. Яковлева, во время своей последней командировки в Сибирь весной этого года, участвуя в ряде учительских и рабочих собраний, посвященных вопросам народного просвещения, вела конспективную запись высказываний участников собраний и собрала все записки, направленные ей на этих собраниях.

Записи т. Яковлевой и привезенные ею записки и послужили материалом для данной статьи.

Материал для учета мнений рабочих и просвещенцев дали следующие собрания: собрание культактива в г. Кузнецке, созванное окрпрофсоветом, общее собрание просвещенцев Кемрудника, Химзавода и г. Щегловска, общее собрание просвещенцев г. Ново-Сибирска и общее собрание просвещенцев г. Томска.

Основная масса вопросов и высказываний как просвещенцев, так и рабочих падает на школу. На втором месте стоят вопросы политпросветработы, в частности вопросы ликвидации неграмотности. Из вопросов профобразования наибольшее внимание участников собраний уделено школам ФЗУ.

1. СОЦИАЛЬНОЕ ВОСПИТАНИЕ.

Один из основных вопросов, волнующих учительство и рабочих,—труд в школе. Введение труда всемерно приветствуется рабочими и просвещенцами. После издания НКП программ по труду проводить труд в школе стало несколько легче. Но попрежнему неблагополучно обстоит дело с оборудованием: «При наших финансовых возможностях весьма трудно вводить труд в школах в массовом порядке из-за отсутствия инвентаря. Можно ли рассчитывать на оказание материальной помощи хотя бы тем школам, которые уже ввели у себя труд?» (преподаватель труда в школе Кемрудника).

— «Необходимо всячески усилить обучение труду» (рабочий-татарин г. Кузнецка). Высказываются сомнения: «Возможно ли вообще при наших условиях сделать школу—школой труда?». Кроме материальных условий мешают и др. обстоятельства.—«Не чрезмерна ли нагрузка учителя труда в 30—36 часов при отсутствии должного оборудования»?

— «Трудовая школа должна вводить трудовые процессы, имея тесную связь с производством. Попробуйте установить эту связь, когда правление химзавода не разрешает совершенно заходить на территорию завода»?

В ряде выступлений подчеркивались значительная неграмотность детей и трудность работы в школах,—причины: материальная бедность школ, двух- и трехсменность занятий, значительный процент в школах трудных детей и сложность программ Гуса.—«Не считает ли тов. Яковлева слишком сложным материал и объем программ Гуса? В процессе работы ощущается сложность программ»—пишет учительница г. Кузнецка. На эту же тему еще несколько высказываний.

«Необходима стабилизация учебников. Нужен отдельный учебник для города и деревни Сибири». Один из ново-сибирских учителей задает следующий вопрос: «Программа Гуса, насыщенная краеведческим материалом,—основа в работе школы. Возможно ли строить работу в школах города Н.-Сибирска на сельско-хозяйственной базе при школах, где нет и клочка земли?».

«Чем вызвана процентная норма при переводе учащихся и от кого это распоряжение исходит»? спрашивает учитель г. Кузнецка.

Одна из часто затрагиваемых по количеству высказываний тем—тема о воспитательной работе школ и о дисциплине.

Зав. горпромучем г. Кузнецка, бывший рабочий, утверждает: «В школах соцвоса слишком мало занимаются воспитанием. Учителя толкуют лишь о программах.—Это надо изменить».

Рабочий-татарин говорит о вредном влиянии на детей алкоголизма взрослых, о необходимости серьезно заняться школе этим вопросом.

—«Мы сами воспитываем своих хулиганов»—заявил один рабочий г. Кузнецка. Зав. АПО Кузнецкого горкома говорит о громадной тяжести работы в 2—3 смены,—при этих условиях не поставить воспитательной работы.—Необходимо школьное строительство.

Ряд рабочих останавливается на социальном составе учащихся школ и на необходимости помощи беднейшим учащимся, с тем, чтобы они имели возможность заканчивать школу хотя бы I ступени. Нужны интернаты для беднейших учеников школ II ступени. «Необходимо улучшить социальный состав учащихся» — подчеркивают несколько рабочих.

Отмечается слабость общественной работы городских школ и далеко недостаточная связь школы с родителями и общественными организациями.

Доля вины падает и на учителя, который не всегда умеет установить и поддержать эту связь.—Очень редки собрания родителей и отчеты учителей перед профсоюзами.

Н.-сибирские учителя интересуются вопросом о расширении мероприятий по здравоохранению детей школьного возраста.

В области повышенного образования выдвинуты 2 основных вопроса: 1) необходимо реорганизовать 7-летки рабочих районов в ФЗС и 2) нужно уточнить вопрос об увязке II ступени с вузом.

—«Как проводить в школах повышенного типа политехнический уклон, когда все ребята уверены, что они готовятся в вуз.—Зачем это нужно?—обычный вопрос старших групп.—Такие предметы, как рисование, черчение, для них неинтересны, ибо они не нужны при поступлении в вуз. Также обстоит дело и с педуклоном. Все это может быть происходит потому, что ребята старших групп в подавляющем большинстве дети обеспеченных служащих».

Обществовед 7-летки химзавода говорит о величайшей перегрузке обществоведов, перегрузке, которая совершенно дезорганизует молодых педагогов. Книга по обществоведению для V групп очень суха и непонятна для учащихся. Нет хрестоматийного материала и нет объяснительного. Книга для VI года очень растянута,—историю России XIX века приходится откладывать на следующий год. Масса технических терминов и отвлеченных выкладок. Журнал «Обществоведение в школе»—хорош, но в нем не освещена практика школ».

Другой учитель в своем выступлении указывает, что «журналы для II ступени неудовлетворительны, так как одна статья хвалит то, что считает плохим другая статья».

Целый ряд учительских выступлений останавливается на вопросах художественного воспитания.

Преподаватель ИЗО 7-летки Кемрудника настаивает на созыве конференции по художественному воспитанию.

В вопросах художественного воспитания, по его мнению, слишком много неналаженного и неразрешенного. Нет твердого руководства по ИЗО, особенно в отношении школ II ступени,—«Журнал «Искусство в школе» огонек, а нам нужно пламя». Слаба информация по художественному воспитанию. Необходимо наладить заочное обучение по вопросам художественного воспитания. Учитель г. Кузнецка также считает, что художественное воспитание поставлено в школах недостаточно хорошо. Скверны иллюстрации в детских книжках. Рисунки непонятны. «Журнал «Искусство в школе» охватывает все, а взять из него нечего».

Преподаватели иностранных языков жалуются на недостаточное руководство и внимание к преподаванию иностранных языков. Книги по немецкому языку—неудовлетворительны.

Рабочие-нацмен говорят о том, что тяга их к просвещению на родном языке не удовлетворяется в полной мере.

Вопросы, заданные учительством о самом, себе затрагивают три основных момента: материальное положение, безработица, квалификация. «Хотя вы и сказали несколько слов об улучшении положения учителей, но я, как и многие, прослужившие 15—20 лет, все еще питаем надежды на то, что улучшится, наконец, наше материальное положение. Обещания не улучшают положения, и учителю, имеющему 6—7 человек семьи, трудно питаться одними надеждами» (на собрании Кемрудника и г. Щегловска).

Или: «Можно ли иметь надежду учительству на улучшение их материального положения, которое до сих пор ужасно?» (г. Кузнецк).

Интересует учителей вопрос о пенсии, в частности: «Как обстоит дело с пенсией для героев труда, прослуживших 35—45 лет. Неужели они до сих пор не выделены из общего правила? Ведь на 20 руб. не может жить больной старый человек, нуждающийся в помощи постороннего лица». Интересует вопрос об оплате кружковой работы, проводимой не в часы школьных занятий.

О безработице. Ново-сибирские учителя выдвигают такие вопросы: 1) «почему при громадном количестве безработных, жаждущих дела, допускается перегрузка части школьных работников, перегрузка, снижающая качество педагогической работы» и 2) «что делать тем просвещенцам, которые годами не могут устроиться на работу, бедствуют и теряют квалификацию».

В отношении учительской квалификации затрагиваются вопросы о дальнейших формах повышения ее для местного учителя и о необходимости переподготовки для лиц, руководящих на местах работой по повышению квалификации учительства.

Тяга к дошкольному воспитанию огромна. Между тем, сеть ничтожна, например, в г. Кузнецке всего один детский сад. Очень важна живая связь дошкольного воспитания с ликвидацией неграмотности среди женщин. Плата за содержание ребенка в детском саду дорога для населения.

В области охраны детства указывалось, что советские органы Сибири недостаточно проявляют внимания к детским домам.—В детдомах много больных детей хроников, которые загромождают детдом и мешают нормальной воспитательной работе,—окрздрав же слабо идет навстречу.

II. ПОЛИТПРОСВЕТРАБОТА.

1. Ликвидация неграмотности.

Общая оценка сибирских рабочих и просвещенцев положения дела ликвидации неграмотности—не высока. Зав. культотделом окрпрофа г. Кузнецка указывает, что дело ликвидации неграмотности не обеспечено книгами и другими пособиями. Сельский учитель Томского округа констатирует общую слабость работы ликпунктов. На собрании в Н.-Сибирске задается вопрос о том, почему центр издает так мало литературы для малограмотных.

Ставятся и такие вопросы: «Ликпункты начинают работать при 60 учащихся, а кончают при 8». «Как поступать с развертыванием сети ликпунктов там, где имеется отсталое нацменское население, у которого вопросы экономики не вызывают никаких культурных запросов или вызывают в весьма незначительном размере»—и еще: «Как быть в таких случаях, когда в отсталой темной и экономически слабой деревне нет школы, а подростков школьного возраста много, несознательное же крестьянское население не идет на помощь в ликвидации неграмотности».

В противовес им один из ликвидаторов Рубцовского округа говорит о том, что рецидив неграмотности вовсе не так велик, как об этом принято говорить. В их округе рецидив равен всего лишь 2,9%—остальные движутся вперед и дальше повышают свою грамотность».

2. О ликвидаторах и политпросветработниках вообще.

Весьма значительное количество высказываний и записок в области ликвидации безграмотности касаются материально-правового положения ликвидаторов.

Основной вопрос—«почему ликвидаторы, даже при постоянной сети ликпунктов, являются только годовыми работниками, а не постоянными»,—«почему они летом остаются без работы», «почему не пользуются теми же льготами, как учителя соцвоса—например—5-летние прибавки; разве

их работа менее полезна?». «Почему тормозится переход работников по ликвидации неграмотности и малограмотности в школы соцвоса, даже в тех случаях, когда педагог раньше работал в детских учреждениях?».

Несколько вопросов о материально-правовом положении избачей. — «Принимаются ли со стороны Наркомпроса меры к доведению ставок избача до ставок учителя?».—«Вы сказали, что избачи не так квалифицированы;—почему же бегут из деревни квалифицированные работники?». Зав. АПО горкома Кузнецка говорит о низком качестве политпросветработников.—«С начала года, проводя кампанию, привлекли массу народа, но скоро никого не осталось».—Сами избачи, говоря о плохой постановке политпросветработы, в значительной мере винят в этом низкую квалификацию работников.

3. О клубной, библиотечной и прочей политпросветработе.

Говоря о клубной работе, рабочие и клубные работники останавливались, главным образом, на недочетах ее: «Клубная работа перешла на хозрасчет—у клубов не хватает средств, и они вынуждены преследовать во всей своей массовой работе коммерческие цели».

—«Клубная работа поставлена плохо, говорит зав. культотделом Кузнецкого окрпрофа,—клубный актив—пассивен, вся остальная масса ходит лишь за контромарками».—«Рабочие клубы имеют уже помещения, но не являются еще центром просветительной работы. Спектакли никуда не годятся».

Библиотекари Кемрудника жалуются: «Сейчас у нас на Кемруднике средства на культработу очень срезаны в части библиотечного дела. Сибкрайком горняков решил упразднить платных работников на передвижках, а в России там и книгоноши платные. Работа развернута широко, как же быть с оплатой?».

Один из рабочих г. Кузнецка говорит о языке наших книг: «Ничего нельзя понять—язык тарабаровский, необходима более строгая цензура книг».

В связи со статьей в «Правде» участники собрания возбуждают вопрос об увеличении времени учебы в совпартшколах II ступени.

Зав. вечерними курсами химзавода указывает, что программа курсов мала, ибо рабочий ждет от курсов подготовки на рабфак. С другой стороны, поступающие на курсы рабочие—обычно малограмотны и не успевают. Состав текуч. Пособий мало.

В качестве общеорганизационной меры зав. культотделом окрпрофа считает необходимым выделять такие чисто рабочие районы, как Кемрудник, и усиленно снабжать их политпросветработу деньгами и помощью.

III. ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ.

О школах ФЗУ.

Зав. горпромучем г. Кузнецка рабочий-партиец отмечает недостаток материальной базы горпромуча и ФЗУ.

В учебном отношении школы ФЗУ обязательно должны строиться на базе ФЗС,—последний тип школ должен быть обязательным в рабочих районах.

Зав. АПО горкома говорит о неприспособленности ФЗУ к местной промышленности. ФЗУ имеет слесарную и токарную специальности,—производство же химическое. Школьный совет ФЗУ работает плохо—представители профсоюзов почти не посещают его. Преподаватели ФЗУ отмечают слабую подготовку инструкторов труда. Ничего не делается для повышения их квалификации. Не хватает учебников, нет четкости в программах.

Один преподаватель русского языка в ФЗУ говорит о том, что работники ФЗУ никак не могут использовать опыт других ФЗУ—уж очень индивидуальны каждая из них. Дефектом учебников школ ФЗУ является то, что они пишутся не практическими работниками, а людьми, не связанными со школой.

Участников собрания г. Щегловска и Кемрудника интересует вопрос о преподавателях ФЗУ—«предусмотрено ли в проекте НКП о пенсиях работникам школ—назначение пенсий работникам школ ФЗУ».—«Не предполагает ли НКП устройство курсов для преподавателей спецпредметов школ ФЗУ, дабы ознакомить этих работников с педагогикой, с которой они незнакомы».

О профшколах, техникумах, рабфаках и вузах.

Секретарь райкома ВЛКСМ говорит о том, что Наркомпрос и местные ОНО должны прийти на помощь рабочей молодежи при подготовке ее в рабфаки, техникумы, совпартшколы.

Указывают на необходимость организации низшей горной школы.

В отношении вузов рабочие поднимают вопрос о необходимости более планомерного распределения окончивших.—«Нужно присылать к нам сюда окончивших вузы, сидящих безработными в Москве».

Раздавались реплики о недостаточной пролетаризации томских вузов и о том, что «материальная база Томского рабфака—вопиюща».

Ряд вопросов касается заочного обучения: «Есть ли архитектурные заочные курсы?»—«нельзя ли организовать заочное обучение по вопросам художественного воспитания?» и т. д.

Вряд ли приходится удивляться тому, что низовые работники просвещения и рабочие-производственники такой далекой окраины, как Сибирь, требуют ответа на самые актуальные, самые злободневные и больные вопросы нашей просвещенской работы. Вопросы —труд в школе, воспитательная работа школы, художественное воспитание, ряд основных проблем повышенного образования, в частности, ФЗС в рабочих районах, материальные предпосылки ликвидации неграмотности—актуальнейшие вопросы работы и Наркомпроса, и низовых просветительных учреждений.

Н. Р.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

НАРОДНОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ

ВОПРОСЫ
ПОЛИТИКИ И
ОРГАНИЗАЦИИ
НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ

ИЮЛЬ
№ 7

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ НАРКОМПРОСА РСФСР

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — 1928 — ЛЕНИНГРАД

LIBRARY OF CONGRESS
RECEIVED
MAY 13 1929
DOCUMENTS DIVISION

Главлит № А 14662. П. 11. Гиз. № 27345. Тираж 2750 экз.
5-я тип. «Транспечать» НКПС «Пролетарское Слово» Москва, Южный пер., д. № 4.

СОДЕРЖАНИЕ.

Стр.

РЕЗОЛЮЦИЯ ПЛЕНУМА ЦК ВКП (б).

Об улучшении подготовки новых специалистов (по докладу тов. *Молотова*). V
В. Яковлева. Перед новыми задачами X

ВОПРОСЫ ВОСПИТАНИЯ В ШКОЛЕ.

А. Луначарский. Воспитательные задачи советской школы 1
С. Шацкий. Роль среды в педагогическом процессе 15

РАБОЧЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ.

Борьба за кадры. 23

К ПАРТСОВЕЩАНИЮ.

Д. Дьяков. Перспективы развития форм рабочего образования в системе единой трудовой школы 44

ПРОСВЕЩЕНИЕ НАЦМЕН.

Г. Гасилов. О сроках обучения в школах нацмен 58
Б. Туманский. К вопросу о сроках обучения в школах нацмен 70

СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ.

Р. Берзин. Итоги и перспективы в деле переподготовки специалистов по сельскому хозяйству 79

ШКОЛА ПОДРОСТКОВ.

Я. Акодис. О трудовой подготовке деревенских подростков 86

ПОВЫШЕНИЕ КВАЛИФИКАЦИИ РАБОТНИКОВ ПРОСВЕЩЕНИЯ.

Д. Авксентьевский. О курсах для районных и участковых инспекторов. 90

X ЛЕТ СВЕТСКОЙ ШКОЛЫ.

К. Бендриков. К десятилетию светской школы в СССР. 95

ПО ПРОСВЕЩЕНСКИМ ЦЕХАМ.

А. Муравлевский. Как относятся к вам дети 109

ОБЗОРЫ.

М. Воронков. Краеведческие школьные пособия 123
А. Окуньков. Всероссийская конференция лекторов 127

ЗА ГРАНИЦЕЙ.

Вольский. Народное просвещение в Китае 131

БИБЛИОГРАФИЯ.

Н. Нестюк. Библиография в педагогической печати 139

РЕЗОЛЮЦИЯ ПЛЕНУМА ЦК ВКП (б)

ОБ УЛУЧШЕНИИ ПОДГОТОВКИ НОВЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ.

По докладу тов. Молотова. Принята пленумом ЦК ВКП (б) 12 июля 1928 года).

Выдвинутая партией задача «в относительно минимальный исторический срок *нагнать*, *а затем и превзойти* уровень индустриального развития передовых капиталистических стран» (XV партконференция) требует всемерного внедрения в наше производство высших достижений не только нашей, но и заграничной науки и техники. Для осуществления этой задачи, неразрывно связанной с перестройкой промышленности на высшей технической основе и социалистической рационализацией ее, необходима теснейшая связь науки, техники и производства, необходимо решительное приближение научной работы к разрешению задач, стоящих перед промышленностью, транспортом и сельским хозяйством, и их обеспечение достаточными кадрами соответственно подготовленных технических сил.

Между тем, теперешнее положение нашей *промышленности* характеризуется следующими моментами: чрезвычайно низким процентом инженеров и еще более низким процентом техников; ненормально высоким процентом на технических должностях «практиков» (39%); малым притоком новых кадров молодых специалистов и недостаточностью их научно-технической подготовки; крайним недостатком инженеров-производственников нового типа, могущих обеспечить проведение социалистической рационализации применительно к особенностям экономики СССР. Шахтинское дело подчеркнуло, что при наличии преобладающей массы добросовестно работающих специалистов, до сих пор, особенно среди более привилегированных в прошлом элементов этой среды,—имеются прямые проводники саботажа и вредительства социалистической индустриализации, и тем самым это дело еще острее поставило перед нами проблему подготовки новых кадров красных специалистов для промышленности и транспорта.

Несмотря на ряд достижений, имеющихся в работе *втузов* (коренное изменение социального состава студенчества с теперешним решающим весом в нем пролетарских элементов, расширение сети и некоторое упорядочение учебной жизни и т. д.),—в целом дело подготовки специалистов следует признать в настоящее время неблагополучным. Система подготовки специалистов органически не увязана с промышленностью и не приспособлена к требованиям и темпу ее развития. В этой системе не обеспечено молодым специалистам усвоение новейших достижений нашей и иностранной науки и техники. Совершенно недостаточный наличный кадр преподавателей и профессоров нередко сам не стоит на уровне этих достижений. Техническое образование в настоящее время

оторвано от производства. Производственная практика поставлена неудовлетворительно. Громадным недостатком является чрезмерная продолжительность (6—8 лет) пребывания во втузах и малочисленные выпуски оканчивающих втузы. Подготовка учащихся втузов по экономике соответствующих отраслей промышленности, как правило, отсутствует. В отношении общественно-политического воспитания новых кадров специалистов во втузах, несмотря на большой размах деятельности студенческих организаций в них, дело также обстоит неудовлетворительно. В отношении подготовки среднего технического персонала большинство из указанных выше недостатков проявляется еще острее. К тому же здесь в гораздо большей мере сказывается недостаточность учебной сети (техникумов).

Все эти недостатки связаны с общей технико-экономической отсталостью страны и нашим отрывом за годы войны и революции от крупных достижений иностранной науки и техники. Тяжелые материальные условия работы втузов, особенно в первые годы революции, имели при этом особое значение. Вместе с тем крупнейшие недостатки в деле подготовки новых специалистов отражают пережитки старой, не связанной с производством, высшей технической школы, наличие известного консерватизма в существующей постановке этого дела и отсутствие должного внимания к развитию новых способов подготовки специалистов. Существовавшее невнимание хозорганов к делу подготовки квалифицированной рабочей силы, в частности к делу подготовки новых кадров инженеров и техников, при отсутствии перспективного плана развития промышленности, привело к тому, что количество выпускаемых молодых инженеров и техников, особенно по ряду производств (текстильному, строительному и т. д.), находится в явной диспропорции с потребностями промышленности и требует скорейших мер к устранению создавшихся неувязок.

Таким образом, налицо резкое несоответствие между потребностями в квалифицированных специалистах для технически перестраивающейся промышленности и для все развертывающегося капитального строительства—с одной стороны, и состоянием дела подготовки новых кадров специалистов через существующие втузы и техникумы—с другой стороны. Задача устранения этого противоречия требует решительного перелома в темпе и методах всей подготовки новых кадров специалистов и в соответствии с этим установления органической связи с производством втузов и техникумов с обеспечением значительного усиления их материальной базы.

Коренное улучшение дела подготовки новых кадров специалистов является не только неотложнейшей задачей органов Наркомпроса, хозяйственных учреждений и т. д. Профсоюзы должны также коренным образом изменить свое отношение к этому делу, приняв самое активное участие во всем деле подготовки красных специалистов. Подготовка новых специалистов превращается в важнейшую задачу всей партии.

I. ПЛАНИРОВАНИЕ ПОДГОТОВКИ НОВЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ.

1. В соответствии с перспективным планом развития промышленности увеличить вдвое удельный вес инженерно-технического состава в крупной промышленности к концу пятилетия, обеспечив в дальнейшем удовлетворение больших потребностей промышленности в следующем пятилетии.

2. Начать с 1928 г. организацию нескольких втузов нового типа, особенно для дефицитных специальностей (например, строительной и др.), с доведением срока обучения в них до 3—4 лет.

3. Расширить контингент и сеть техникумов с тем, чтобы к концу пятилетия соотношение между количеством инженеров и техников было не менее, как 2 : 3.

4. Систематически проводить курс на значительное увеличение процента научно-подготовленных технических сил среди занимающих инженерные должности и обеспечить расширение переподготовки практиков, особенно из рабочих.

5. Приступить с 1928—29 учебного года к унификации систем технического образования в СССР.

II. УЧЕБНАЯ РАБОТА И СВЯЗЬ С ПРОИЗВОДСТВОМ.

1. В целях усиления органической и постоянной связи учебной работы втузов и техникумов с производством:

а) прикрепить к главным управлениям, директоратам, трестам и крупнейшим предприятиям соответствующие втузы (или их факультеты и отделения) и техникумы с тем, чтобы хозорганы вместе с профсоюзами оказывали решающее влияние на постановку обучения;

б) поставить производственную практику, сроком не менее 10 месяцев, установив непрерывность работы практикантов на предприятии круглый год, возложив ответственность за руководство ею на соответствующие хозорганы по согласованию со втузами (Наркомпросом);

в) систему стажерства заменить обязательным для хозорганов размещением окончивших втузы и техникумы на постоянную работу. Не допускать проведения экономии на предприятиях за счет уменьшения инженерно-технического персонала. Создать более благоприятные условия для инженерно-технического персонала на предприятиях, особенно в отдаленных районах;

г) использовать научно-исследовательские институты и лаборатории хозорганов для учебной работы втузов и техникумов, а последние—для разработки технических заданий хозорганов;

д) поднять число командировок молодых специалистов за границу (в текущем году не менее 250 человек).

2. В целях подготовки специалистов, действительно стоящих на уровне новейших достижений науки и техники, обеспечивающих активное участие в проведении социалистической рационализации;

а) постепенно пересмотреть учебные планы и программы при участии соответствующих хозорганов, а также профсоюзов;

б) значительно расширить кадр преподавателей и профессоров целиком, без совместительства, занятых научной и преподавательской работой и систематически повышающих свою научную квалификацию, обеспечив печатание их научных трудов, заграничные командировки и т. п.;

в) в кратчайший срок расширить кадр молодых научных работников (аспирантуры), коренным образом улучшив их подбор и руководство научной работой, а также их материальные условия;

г) для работающего в предприятиях кадра инженеров и техников расширить возможность повышения специальной квалификации и ознакомления с новейшими достижениями нашего и иностранного производства;

д) привлечь к чтению лекций крупных иностранных специалистов и систематически издавать переводы основных иностранных пособий по технике;

е) обновить и дополнить оборудование, удешевить учебники, а также поставить систематическое снабжение библиотек новейшей технической литературой, в частности, за счет усиления ввоза оборудования и литературы из-за границы;

ж) обеспечить дело развития научно-технических журналов и издание научных трудов научно-исследовательских институтов;

з) сделать для студентов втузов обязательным знание, по крайней мере, одного из иностранных языков.

3. Ограничить 5—6 годами пребывание во втузах с 4—5-летним сроком обучения.

4. В качестве руководителей втузов должны выдвигаться крупные хозяйственники-коммунисты и активные в деле социалистического строительства специалисты при обязательном освобождении их от всякого совместительства для работы во втузе.

5. В целях наибыстрейшей подготовки новых специалистов и накопления опыта по приспособлению технического образования к интересам промышленности передать 6 втузов и 5 техникумов в ведение ВСНХ СССР и 2 втуза в ведение НКПС. Обеспечить за профсоюзами активное участие в руководстве этими втузами, а за Наркомпросом программно-методическое руководство. Материальное положение втузов как остающихся в Наркомпросе, так и передаваемых в ВСНХ и НКПС, должно оставаться равным. Профессора втузов, передаваемых в ВСНХ, назначаются по соглашению с Наркомпросом.

6. Поддержать развитие таких нового типа втузов и техникумов, которые могут готовить в более сокращенный срок инженеров и техников с более резко выраженной специализацией и со значительной производственной практикой.

7. Всемерно усиливая роль производственного обучения в общей подготовке специалистов, одновременно обеспечить дальнейшее повышение уровня их научно-теоретической подготовки. Обязанностью Наркомпроса должно быть систематическое наблюдение за правильным соотношением производственного и теоретического обучения и за установлением между ними такой связи, при которой производственное обучение закрепляло бы приобретенные теоретические знания и в свою очередь давало бы возможность немедленного приложения их к живой практике.

III. ОБ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОМ ВОСПИТАНИИ СТУДЕНЧЕСТВА.

1. Студенческие организации должны сосредоточить свое внимание на общественно-политическом воспитании студенческих масс и на создании условий для повышения специальной квалификации студенчества с широким вовлечением беспартийного студенчества (особенно его пролетарской части) во всю их работу. Усилить руководство профсоюзов в отношении студенческих организаций и принять меры к упрощению их организационной структуры.

2. Административные функции (распределение стипендий, руководство производственной практикой и др.) должны на деле перейти к правлениям втузов, работе которых студенческие организации должны оказывать всяческое содействие.

3. Всячески поощрять работу научно-технических кружков, связывая ее с практическими задачами социалистической рационализации; освобождать активно участвующих в кружках студентов, в том числе коммунистов, от общественной нагрузки.

4. В целях более успешного и быстрого прохождения курса учебы освободить студентов первого и последнего курсов от всякой общественной нагрузки, кроме посещения общих партийных и профессиональных собраний.

5. Расширять вовлечение студенчества в работу вне втуза, по возможности на родственных по специальности предприятиях, для работы в производственных совещаниях и проч. Развивать привлечение студентов к работе в органах РКИ. Вся эта работа не должна мешать учебным занятиям.

6. Поставить на должную высоту преподавание политэкономии, ограничив количество общих курсов общественных наук и введя преподавание конкретной экономики соответствующей отрасли промышленности. Мобилизовать группу научно-квалифицированных марксистов для составления курсов по конкретной экономике отдельных отраслей промышленности.

IV. КОМПЛЕКТОВАНИЕ ВТУЗОВ И ТЕХНИКУМОВ.

1. Обеспечить дальнейшее повышение рабочего ядра во втузах и техникумах с тем, чтобы для 1928 года рабочие составляли не менее 65% общего приема во втузы. Для подготовки к поступлению во втузы рабочих и их детей организовать при втузах курсы.

2. В течение ближайших двух лет вовлечь в сеть рабфаков (дневных) сверх существующего контингента не менее 3.000 рабочих. Значительно расширить сеть вечерних рабфаков с обеспечением в их составе максимального процента рабочих с производства.

3. Добиться, чтобы оканчивающие школу II ступени были подготовлены для поступления в вузы. В рабочих районах приступить к развертыванию сети 7 и 9-леток (в УССР—профшкол) с обеспечением улучшенных материальных условий для них и охватом этой сетью преимущественно детей рабочих.

4. Направить во втузы в этом году не менее 1.000 коммунистов, прошедших серьезную школу партийной, советской или профессиональной работы, обеспечив для них материальные условия. Эту меру практиковать ежегодно в течение ближайших лет.

V. РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ОКАНЧИВАЮЩИХ.

1. Распределение оканчивающих втузы и техникумы производить через соответствующие хозяйственные наркоматы, с участием профсоюзов, Наркомтруда и Наркомпроса на основе общего плана распределения, вырабатываемого Наркомтрудом.

2. Установить для каждого оканчивающего втуз или техникум обязательный 3-годичный срок работы на производстве по указанию хозоргана.

3. В хозорганах (ВСНХ, НКПС, НКПиТ, главных управлениях, директоратах и крупных трестах) дело подбора специалистов, контроля за их подготовкой, выдвижением и использованием должно стать основной работой одного из членов правления (коллегии) хозоргана под руководством партии.

VI. ФИНАНСИРОВАНИЕ ТЕХНИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ И МАТЕРИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ СТУДЕНЧЕСТВА.

Одобрить решения Полибютро, обеспечивающие значительное увеличение финансирования технического образования и улучшение материального положения студенчества (стипендии, жилищные условия и медицинская помощь).

Пленум признает, что финансирование капитальных работ по втузам и средним техникумам (постройка новых втузов и расширение ныне действующих, постройка лабораторий и пр.) должно быть приравнено к финансированию капитальных работ в области народного хозяйства, с перенесением значительной части затрат на эти надобности на общесоюзную часть бюджета.

* * *

Принимаемые здесь решения вытекают из признания особой важности для настоящего момента дела подготовки новых кадров специалистов для промышленности. При этом ЦК отмечает, что улучшение дела подготовки красных специалистов для всех отраслей государственного строительства в направлении настоящего постановления стоит в ряду наших первостепенных задач.

ПЕРЕД НОВЫМИ ЗАДАЧАМИ.

Истекший 1927/28 год во многих отношениях является переломным годом. Прежде всего и более всего он является таким в смысле изменения отношения к вопросам народного образования со стороны широких кругов советской общественности. Просветительные учреждения, и прежде всего массовая школа социального воспитания, стали предметом живого внимания со стороны общественных организаций. Ни один из многочисленных съездов профсоюзов, состоявшихся в этом году, не прошел мимо вопросов народного образования. Делегаты с мест говорили прежде всего о культурном обслуживании рабочих масс и больше всего о школе для детей рабочих. На страницах прессы общей и специальной вопросы народного образования занимают все более и более заметное место. Секции народного образования при Горсоветах слабо еще, но все же начинают уже становиться пунктами концентрации актива рабочей общественности вокруг дела народного образования. Рабочие круги все более нервно начинают реагировать на всякого рода прорехи и недостатки в постановке школы, на ее бедность и необорудованность, на дефекты преподавания, на слабость воспитательной работы. Печать и организации комсомола в значительной мере являются рупором этих настроений широких рабочих кругов, среди которых жажда знания, до сих пор бывшая скорее инстинктивной и стихийной, становится все более и более сознательным стремлением. Также значительно более острое внимание начинают проявлять к делу народного образования органы партии и советской власти. Этот перелом в их отношении происходит отчасти под давлением общественного мнения широких масс, отчасти он совершается в силу все более и более осознаваемой связи между культурным уровнем нашей страны и ее хозяйственным развитием. Особенно наглядно эта связь выявилась по линии подготовки специалистов, в первую очередь для промышленности. Здесь на опыте с шахтинским делом особенно остро выявилась органическая связь между делом народного образования и работой в области хозяйственного строительства, а внимательное рассмотрение постановки дела подготовки специалистов вскрыло теснейшую связь этой подготовки с другими звеньями системы народного образования. Под этим двусторонним давлением органы партии на протяжении этого года все в большей и большей мере усиливали внимание к делу народного образования, переходя от общих установок к все более конкретным директивам.

Повышение внимания к вопросам народного образования вот то, что характеризует истекший год.

Как следствие этого поворота в отношении к народному образованию, возникает другое явление: повышаются требования к работе органов народного образования и просветительных учреждений. С этими повышенными требованиями мы встречаемся сейчас по всей линии нашей работы, и здесь мы наблюдаем большую разницу в оценках проделанной работы, объясняющуюся разницей в подходах, совершенно неизбежной и в сущности естественной. Органы советской общественности сравнивают состояние просвещения в нашей стране и результаты работы просветительных органов с тем, что должно быть, с теми целями, к которым мы идем, с теми огромными задачами, которые мы должны разрешить в процессе развертывания культурной революции. Мы же, работники народного образования, не можем сравнить итоги только с задачами, которые предстоит разрешить; мы неизбежно оглядываемся также и назад, и не можем отвлечься от того, с чего мы начали, не можем не учитывать того

обстоятельства, что доставшаяся нам в наследство система царского просвещения была нами совершенно уничтожена и на ее месте возведена новая система, может-быть, и очень еще несовершенная и страдающая многочисленными дефектами, но все же внутренне целесообразная и в меру наших способностей построенная на основе программы компартии и важнейших политических принципов советского государства. Мы почти физически ощущаем огромность проделанной, в особенности за последние 4—5 лет (после губительного дыхания первых годов НЭП'а), работы. Мы не можем отвлечься и от тех материальных условий, в которых мы работали и которые часто сводили почти на-нет наши напряженнейшие усилия.

Вообще, если принять во внимание оборудованность наших школ и прочих просветительных учреждений, то напряжение личных усилий было главным фактором нашей работы; здесь я имею в виду не только и не столько напряжение личных усилий работников руководящих аппаратов, но и в еще большей мере напряжение личных усилий всей массы просвещенцев,—ежедневно и ежечасно разрешавшей задачу в плохо оборудованной школе, с недостатком учебников, почти полным отсутствием учебных пособий,—дать результат, сколько-нибудь соответствующий программам советской трудовой школы.

Вот это различие в подходах и приводит к разрыву в оценках, а иногда и к некоторому взаимному непониманию между работниками народного образования и органами советской общественности, которое, разумеется, надо возможно скорее изжить. В этом отношении инициатива должна быть за органами народного образования. Наша задача заключается не в том, чтобы «отругиваться» от обвинений, выдвигаемых против нашей работы, а, напротив, в порядке самокритики самим привлекать к обследованию наших учреждений представителей советской общественности. Раскрывая перед ними дефекты работы наших учреждений, мы должны вместе с ними внимательно и глубоко прорабатывать причины этих недостатков и способы их устранения, вскрывать в процессе этой проработки всю сложность нашей работы и поднимать в этом порядке культурный уровень актива советской общественности, воспитывая его на этой работе и помогая ему в процессе этой работы из обвинителей наших учреждений превратиться в их активных помощников, работающих над их улучшением и дальнейшим развитием.

Несмотря, однако, на эти недоразумения, неизбежные на первых порах при подходе органов советской общественности к вопросам народного образования, мы должны признать, что это повышение внимания и повышение требований к нашей работе создает необычайно благоприятную обстановку для работы, обстановку, в которой мы еще никогда не находились. Пусть внимание, которое сейчас на нас обращено, будет вниманием строгим и даже придирчивым; это во много раз лучше, чем быть предоставленным самим себе.

Но было бы несправедливым полагать, что переломным истекший год был только в смысле изменения отношения к просветительной работе. Мы имеем налицо и некоторое усиление ассигнований на народное образование. Правда, здесь процесс идет в гораздо более скромных размерах. Он, в сущности, только наметился и притом идет скачкообразно. Так, в отличие от ряда предшествующих годов мы имеем в местном бюджете повышение удельного веса расходов на народное образование с 28,4% до 31,5%. На ряду с этим общим, хотя и очень скромным, подъемом мы имеем провалы, как, например, по линии политпросветработы вообще и в особенности ликнеграмотности и снабжения библиотек книгами. Зато имеется значительное продвижение по линии зарплаты. Правда, это в свою очередь тормозит рост расходов на учебные и хозяйственные

нужды учебных учреждений. Такими скачками и зигзагами идет поднятие материальной базы народного образования. Еще более скромное повышение удельного веса мы имеем по линии госбюджета: всего 0,5%. Подводя итоги в этом отношении, мы должны сказать, что еще далеко не изжита старая точка зрения на народное образование, что на это дело надо давать лишь то, что остается от всего прочего. Поэтому перелом в этом отношении можно считать лишь наметившимся, и мы должны употребить все усилия, чтобы закрепить его в предстоящем году, чтоб окончательно искоренить вышеуказанную точку зрения на бюджет народного просвещения. Последние решения партии вселяют в нас значительно большую уверенность в этом отношении. Изучение постановки дела подготовки специалистов привело партию к убеждению в необходимости значительно поднять материальную базу этой работы и предрешить уже для 1928/29 года весьма значительные ассигнования по этой линии. Нет основания сомневаться в том, что партия поможет значительно повысить ассигнования и на другие отрасли просветительной работы. Во всяком случае, сейчас есть гораздо больше возможностей поднять материальную базу нашей работы, если только мы сами проявим в этом отношении надлежащую настойчивость.

Вместе с тем, нам надо отдать себе полный отчет в том, что эти моменты предъявляют к нам и нашей работе очень высокие требования. Мы должны значительно улучшить качество нашей работы, ее темп и ее характер. Если мы хотим, хотя в какой-либо мере, удовлетворить требования нашей партии и советской общественности, если мы хотим, чтобы ни одна копейка из тех средств, которые нам будут даваться, не пропала даром,— нам надо усилить работоспособность своего аппарата, сделать ее гибче, заставить его лучше прислушиваться и к требованиям общественности и к тому, что происходит в наших собственных учреждениях. До сих пор достаточной чуткостью нашего аппарата мы похвалиться не могли; не могли похвастаться и нужной гибкостью его. Изменения характера нашей работы требует от нас и изменившаяся политическая обстановка и те новые задачи, которые вытекают для нас из решений XV съезда партии. В основном эти задачи были проработаны и сформулированы VI съездом завоно. Нет никакой надобности повторять вновь или разъяснять решения этого съезда. Задача этой статьи еще раз, на пороге нового учебного года, осветить новые директивные линии этих решений, связать их с позднейшими решениями и фактами и еще раз фиксировать их, как основные принципиальные политические установки нашей работы. Эти установки следующим образом сформулированы съездом завоно:

а) ускорить темп дальнейшего культурного роста рабочего класса и основной массы крестьянства, ликвидировав ставшую очевидной отсталость культурного развития от хозяйственного прогресса страны;

б) усилить классовый характер просветительной работы во всех звеньях советского просвещения (от элементарной школы до вузов);

в) обеспечить полную согласованность всего советского просвещения с общими задачами социалистического строительства.

Нет надобности обстоятельно расшифровывать первую из этих установок. Она кратко формулирует всю сумму наших задач по линии количественного роста. Здесь, на первом месте, стоит всеобщее обучение и ликвидация неграмотности, осуществление семилетки промышленных районов, различные формы сообщения технических знаний массам, надлежащее обслуживание широких масс рабочего класса и крестьянства книгой. Снижение темпа по этой линии неизбежно ударит нас по линии хозяйственного строительства. Надо также помнить, что, только обеспечивая надлежащий культурный рост рабочего класса, мы укрепляем и усиливаем его, как политического руководителя, давая ему все большую возможность справляться со все усложняющимися задачами этого руководства.

Особое место в ряду этих задач занимает подготовка специалистов для нашего хозяйства и государственного строительства и в первую очередь для промышленности. Отправляясь от уроков шахтинского дела, партия с особым вниманием изучила постановку этой работы. Для всех нас обязательно внимательнейшее изучение этих решений партии и энергичнейшее проведение их в практику нашей работы. Нельзя думать, что эти решения касаются только Наркомпроса. Они в неменьшей мере касаются и отделов народного образования на местах, в особенности теперь, когда решением Правительства основная масса техникумов передана на местный бюджет. В первую очередь надо срочно, немедленно поставить перед собою вопрос об укреплении аппаратов Профобра. Без обеспечения надлежащего качества руководства этим делом мы не сумеем его поднять на ту высоту, которой требует от нас партия. Здесь надо проявить величайшую настойчивость, добиваясь перед местными органами (вплоть до директивных) и увеличения штатов аппаратов, и увеличения оплаты приглашаемых специалистов, и подбора и стягивания этих людей в аппараты ОНО. Такое же внимание и настойчивость надо проявить к подбору руководителей самих профучебных заведений и к улучшению, к срочному подтягиванию их работы. У нас техникумов немного, и поэтому можно предъявить требование, чтобы каждый заведующий крайи губоно знал все техникумы своего края или губернии, не только путем знакомства с материалами, но путем личного посещения и внимательнейшего обследования его. На предстоящий год такая задача, во всяком случае, должна быть разрешена по линии индустриальных техникумов и прошфкол. К концу 1928/29 года не должно остаться ни одного индустриального профучебного заведения, неизученного лично зав. край или завгубоно. По отношению ко всем этим учебным заведениям должны быть приложены личные усилия наших местных руководителей в отношении максимально возможного улучшения их работы.

Пленум ЦК партии признал неблагополучным дело подготовки специалистов для промышленности. Это неблагополучие сводится, с точки зрения пленума, к следующим основным моментам.

Прежде всего, констатирована малая насыщенность нашей промышленности инженернотехническим персоналом, при наличии на инженернотехнических должностях слишком большого количества практиков, не имеющих научнотехнической подготовки. Задачи в этом отношении сформулированы совершенно четко и установлены те отношения между инженерами и рабочими, с одной стороны, и техниками и инженерами с другой, которых мы должны добиться на протяжении пяти лет.

Вторым важнейшим моментом этого неблагополучия является отсутствие связи с производством, как по линии производственной практики, так и в отношении теоретического обучения. В этом отношении главный упрек сделан пленумом по адресу хозорганов, не проявивших до последнего времени достаточного внимания к делу подготовки специалистов. Но и органы народного образования повинны в недостаточно четкой работе и в недостаточной настойчивости в этом направлении.

Третьим моментом является слабость и даже скудость материальной базы наших индустриальных учебных заведений, повышение каковой намечено пленумом с достаточной определенностью и решительностью.

Четвертый момент является для нас, работников народного образования, важнейшим моментом этого неблагополучия, моментом, который мы красными чернилами должны подчеркнуть в резолюции пленума: это дефекты постановки учебного дела. Пленум признал наличие известного консерватизма в постановке дела подготовки специалистов.

Тов. Сталин этот упрек сформулировал резче и сильнее; он бросил Наркомпросу общий упрек в инертности и консерватизме. Однако, этого достаточно, чтобы мы тщательно и с полной беспощадностью пересмотрели всю систему своей работы вообще и прежде всего по линии профобразования. Но даже и до этого пересмотра мы должны признать, что за последние годы вопросы организационно-педагогического упорядочения нашей работы стояли для нас на первом плане. Загроможденные этими задачами, мы невольно начали вырабавытать во всех областях нашей работы известный шаблон, трафарет, под который старались подогнать все формы нашей работы. Увлеченные этим упорядочением, мы в той или иной мере переставали искать новых путей и форм работы, и даже были склонны осуждать наше прошлое, упрекая самих себя в наклонности к излишним фантазиям, столь не соответствующим убогой действительности нашей просветительной работы. Сейчас мы должны резко осудить этот шаблон и этот трафарет во всех областях нашей работы, но, прежде всего, мы должны встряхнуться в отношении того участка нашей деятельности, которая называется подготовкой специалистов. Нам надо твердо усвоить, что на этом-то участке мы во всяком случае должны чувствовать себя ведущими боевую работу, должны проверить ставшие привычными методы работы и заменить их новыми, могущими дать иной эффект, иной характер, иной темп. И, прежде всего, наша задача заключается в том, чтобы взять на себя инициативу резкого изменения характера наших взаимоотношений с хозорганами и в ближаший срок выйти из практики споров и трений и найти формы настоящего контакта, настоящей согласованности, формы совместной дружной работы над срочным поднятием этого дела. Если мы не будем на этом пути встречать надлежащего отклика, наша задача—добиваться внушения хозорганам необходимости усвоения именно таких форм работы.

Вторая директивная установка съезда завоно говорит об усилении классового характера просветительной работы во всех ее звеньях.

Мы не можем сказать, что и в этом отношении у нас все обстоит благополучно. И здесь истекший год сигнализировал нам опасности, мимо которых мы не можем спокойно и равнодушно пройти. Если в отношении социального состава наших школ основное зависит от степени материального обеспечения учащихся, то во всех остальных отношениях и в отношении постановки воспитательной работы в наших школах очень многое зависит от нас, от характера нашего руководства, от степени внимания нашего к этим вопросам. Мы не можем сказать, что мы проявили все необходимое внимание к этой категории вопросов. Надо резко улучшить наше руководство по этой линии, резко усилить степень нашего внимания к этой стороне работы.

Особенно остро вопросы усиления классовой линии в нашей работе встают в отношении школ II ступени. Всем нам известны те явления, которые отмечались в жизни этих учебных заведений в истекшем году. Развитие нездоровых настроений в среде учащихся, неуменье школы своей воспитательной работой изжить эти настроения, ряд столкновений между учащимися и педагогами в связи с недовольством учащихся методами преподавания и многое другое, что было вскрыто и на страницах печати и в работе органов комсомола. Мы не можем сказать, что в деле обнаружения этих явлений, их тщательного анализа и изучения органы народного образования, и Наркомпрос в том числе, шли впереди, были инициаторами. Напротив, мы должны признать, что эта полоса в жизни нашей повышенной школы застала нас неподготовленными. Мы должны признать также, что до сих пор мы интересовались средой учащихся в основном с учебно-педагогической точки зерния, а не с точки зрения изучения интересов учащихся, их настроений, их жизни в целом. Такой подход к учащимся со стороны органов народного образования, инспектуры, руководителей и педперсонала школ встречался очень не часто. Нужно срочно пробудить свою бдительность в этом отношении; нужно много внимания уделить вопросам внешкольной работы с учащимися и вообще с подростками; нужно вместе с тем поставить своей задачей более энергичное обслуживание просветительной работой рабочих районов. Нужно с большим вниманием относиться к отпадению беднейших учащихся из школы и не просто фиксировать отпадение каждого отдельного ребенка и подростка в статистическом порядке, но по отношению к каждому отдельному случаю применять все меры к возвращению его в школу, притягивая к этому делу не только педагога, но и общественные организации. Таким образом и по линии этой установки мы должны прежде всего изменить методы, темп и характер нашей работы, должны сделаться гибче, должны выбиться из рамок обычного советского аппарата и искать каких-то других форм и путей работы.

Что касается третьей установки, данной съездом завоно, то в этом отношении я хочу подчеркнуть здесь лишь один момент, имеющий в данный период особое значение: это—вопрос об отражении в работе наших учреждений задачи коллективизации сельского хозяйства. Наркомпрос ведет свою работу в отношении создания руководящих материалов в этом направлении. В частности, в ближайшее время выйдут программы школ крестьянской молодежи, переработанные в этом отношении.

Нужно принять меры к тому, чтобы в практике работы наших учреждений эта задача была всемерно выявлена. Следить за этим—важная наша задача в настоящий момент.

В качестве задачи, не вкладывающейся ни в одну из этих установок, но подлежащей разрешению в течение 1928/29 года, я хочу отметить задачу изменения характера нашей политпросветработы. Надо сломать стенку между всем народным образованием в целом и политпросветом; нужно сделать ее органической частью общей работы. Но надо помнить, что это не только задача политпросветчиков, что в этом отношении многое зависит и от самих руководителей ОНО: больше внимания к этому делу, больше заботы о нем, меньше ссылок на агитпропы, больше чувств и своей ответственности за развертывание и состояние этой ветви просветительной работы. В первую очередь это внимание должно проявиться в ликвидации того материального прорыва, который потерпела политпросветработа в истекшем году. Но на ряду с этим внимание наше должно итти и в отношении существа и содержания самой просветительной работы. Надо оживить и направить на новые рельсы работу избы-читальни; надо встряхнуть всю отрасль политпросветработы и подтянуть ее в отношении состояния и эффективности работы хотя бы до общего нашего уровня, ибо мы должны признать, что это наиболее слабый участок нашего фронта.

Суммируя все сказанное, можно так сформулировать общую установку для предстоящего года. Мы часто говорим о культурном фронте, но мы очень редко чувствуем себя на фронтовом положении. Нам нужно изжить психологию мирных строителей культуры, если она у нас сложилась, и почувствовать себя в полном смысле этого слова боевым органом партии и советской власти. Но мало себя почувствовать таковым. Надо добиться того, чтобы на нас так смотрели советские и партийные органы. А эту репутацию надо завоевать! Для этого надо срочно перестроиться, перевооружиться; надо найти другие методы работы. Надо понять, что слова о культурной революции обязывают нас и работать по-революционному. Долой рутину и шаблон! Долой трафарет! Больше внимания и чуткости к окружающей жизни, к запросам масс и совесткой общественности, к требованиям партии и растущего хозяйства нашей страны, предъявляющего к нам все новые и все большие требования! На фронте, хотя бы

и культурном, надо действовать по-боевому! Коллективы коммунистов должны в этом деле оказаться впереди, должны проявить и на просветительной работе боевой большевистский дух, большевистское упорство, настойчивость и гибкость.

В. ЯКОВЛЕВА.

ВОПРОСЫ ВОСПИТАНИЯ В ШКОЛЕ

ВОСПИТАТЕЛЬНЫЕ ЗАДАЧИ СОВЕТСКОЙ ШКОЛЫ.

СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ЗАДАЧИ ВОСПИТАНИЯ[1]).

Мы находимся в процессе коренного преобразования общества. Это преобразование общества—социалистический переворот, «устройство правды на земле»—занимало в течение долгого времени человеческую мысль. Да и рядом с нашей марксистско-ленинской мыслью о социалистическом перевороте был целый ряд других течений, также констатировавших крайнюю неудовлетворительность общественного строя, буржуазного в частности, крайнюю неэтичность, неэстетичность, несовершенство человека. Я здесь не буду входить в очень интересный вопрос о том, как устанавливается представление, каким должен быть человек, я только отмечу, что другие социальные реформаторы—большие, малые, индивидуальные и массовые—часто предполагали, что реформу жизни можно и должно провести через перевоспитание человека, ребенка и взрослого путем определенной проповеди; усовершенствованный человек, по их мнению, является условием, при котором может вырасти и выправиться общественная жизнь.

Мы эту точку зрения либералов и утопистов начисто отвергаем. Мы говорили, что в недрах того общества, в каком мы существуем, перерождения человечества эстетической проповедью и этическими методами нельзя достичь, если бы даже они были разрешены господствующими классами. Наша схема заключалась в другом: класс пролетариата, класс, обездоленный капитализмом, класс, который легко доходит до сознания объединения всех пролетариев земли для рационализации жизни и быта человечества,—этот класс, не будучи сам ни в какой степени совершенным, тем не менее, единственно может стать той революционной силой, которая, захватив власть в свои руки, подчинит своей диктатурской воле все наличные силы и приступит к переустройству жизни. Маркс выражал это таким образом: социальная революция пролетариата будет занимать продолжительный период времени; несколько десятков лет пролетариат должен будет изменять не только окружающую среду, но изменяться сам, и к концу процесса, к установлению социалистической формы, он сделается тем человеческим типом, который явится гораздо более подходящим для жизненного строительства, чем сейчас.

Что воспитательный процесс значительно сократит срок перехода от социалистического построения к коммунистическому,—об этом можно найти очень интересные и ценные указания у Ленина. Владимир Ильич

[1]) Стенограмма доклада на Совещании преподавателей-общественников. Печатается одновременно в сборнике: «Вторая ступень Советской трудовой школы под редакцией И. Векелера и Р. Харитоновой.

местного материала. Но не решен один вопрос: нужно ли нам развивать горизонты ребятишек-самоедов, чукчей и т. д., не делаем ли мы то, что горизонты суживаются? Что это—естественный процесс или искуственный? Что мы должны делать?

Если бы мы стали на эту точку зрения, мы могли бы изменить наши программы.

Мы будем говорить об очень элементарной школе, которая могла бы быть поставлена в объективные условия. Я не думаю, что это можно сейчас решить, но если это встретит поддержку, сочувствие,—можно будет организовать большую педагогическую работу, которая могла бы вызвать целый ряд попыток, построить для каждой национальности рентабельную школу. Вот вопрос, при разрешении которого можно было бы проконтролировать возможность педагогических теоретических вопросов.

Я считаю, что прежде всего нужно организовать единую работу. Может быть тут нужно взяться за наши этнографические музеи, но мы должны дать программу исследований, которая не будет походить на обычные программы. Их нужно педагогизировать для наших целей, наша программа должна быть таким образом построена, чтобы была возможность нащупать наши собственные средства и наш ответ на союз со средой и этим самым повысить педагогический процесс в той или другой среде.

С. ШАТСКИЙ.

РАБОЧЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ

БОРЬБА ЗА КАДРЫ *).

I. ДИСКУССИЯ ИЛИ РЕВИЗИЯ?

Дискуссия о рабочем образовании, в частности о фабзавуче, о его установке имеет такую же давность, как и сам фабзавуч, являющийся одним из завоеваний Октябрьской революции.

Против фабзавуча выступали сторонники старой профессиональной школы, его одно время не признавала та часть советских педагогов, которую смущал утилитарный характер этой школы; с ним боролись хозяйственные организации, усмотревшие в рабочей школе «накладной расход» на промышленность. В этой атмосфере жестокой и очень часто враждебной критики росла и развивалась рабочая школа.

Дискуссия о фабзавуче в 1926 г. закончилась известным постановлением ЦК ВКП(б), подтвердившим правильность основных принципов рабочей школы, в первую очередь ее «двойственное» значение, как формы подготовки рабочей силы и учреждения по образованию и воспитанию подростка.

Одновременно с этим, начиная с XI партсъезда, каждый съезд партии отмечал значение этой школы и давал определенные директивы об ее укреплении и расширении ее сети.

Так, XI партсъезд в своем решении «сохранить рабочую молодежь в производстве и предохранить ее от форм чрезмерной эксплоатации» четко и ясно определил задачи фабзавуча, сводящиеся к «реорганизации труда рабочей молодежи, подчинения его целям обучения и квалификации, строительства школы рабочей молодежи, объединяющей практическое обучение производству с теоретическим образованием и общественно-политическим воспитанием». XII съезд партии подчеркивает «первостепенное значение для всей партии и советской власти чрезмерное развитие и укрепление школ фабрично-заводского ученичества». Съезд «считает необходимым всемерную поддержку и возможное расширение сети школ ФЗУ». XIII съезд партии, касаясь работы среди городской пролетарской молодежи, отмечает важную роль школ фабрично-заводского ученичества и говорит о «расширении школ ФЗУ» и улучшении их работы, как об «очередной задаче партии, профсоюзов и соввласти». Такие же указания мы встречаем и в постановлениях последующих партсъездов.

Тем не менее мы в настоящее время стоим опять перед новым походом на рабочую школу, сводящемся к ревизии отмеченных выше решений,

---

*) На тезисы Главпрофобра «О рационализации промышленности и рабочем образовании» ВСНХ ответил контртезисами. Контртезисы ВСНХ, совпадающие в оценке процессов рационализации и их влиянии на рабочую силу с тезисами Главпрофобра, расходятся, однако, в определении форм подготовки рабочей силы в периоде реконструкции. Эти расхождения не случайные, — речь идет о двух генеральных линиях в вопросах воспитания и подготовке к практической деятельности рабочего подростка. Представленная в последнее время ВСНХ докладная записка в Совнарком СССР по этим вопросам полностью выявила, слабо намеченные в начале дискуссии, линии расхождения между НКП и ВСНХ. Настоящая статья, легла в основу ответной докладной записки Наркомпроса на записку ВСНХ.

к отрицанию связи практического изучения производства с теоретическим образованием, к замене рабочего образования разными суррогатами обучения.

Эти попытки являются результатами неправильного понимания рационализации промышленности, упускают из виду ее дальнейшее преуспеяние ради непосредственной экономии и представляют особый грубо упрощенный подход к вопросу создания рабочей силы, соответствующей потребностям постоянно меняющейся и растущей современной промышленности.

Настоящей статьей мы имеем в виду не только вскрыть идеологические корни попыток ревизии значения рабочей школы, в советских условиях, но наметить те конкретные мероприятия, которые должны быть в ней проведены в связи с процессами рационализации, происходящими в нашей промышленности.

II. СОСТОЯНИЕ ФАБЗАВУЧА.

Противники фабзавуча, в своем походе на рабочую школу, в первую очередь извращают данные, характеризующие состояние этой школы, им это нужно для обоснования своих позиций. Мы вынуждены поэтому сначала дать правильную картину о работе школ ФЗУ, чисто справочного порядка.

К 1927/28 операционному году определились следующие основные формы подготовки квалифицированной рабочей силы:

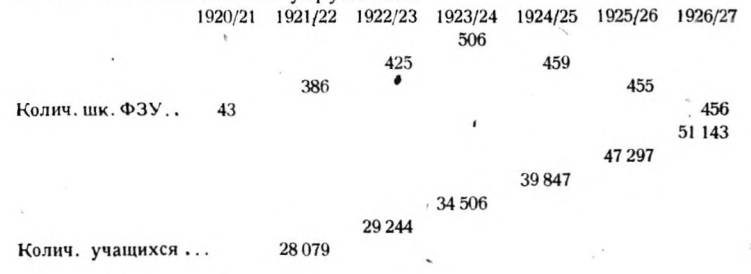
а) школа рабочего ученичества, о которой речь шла выше;

б) профтехнические курсы для рабочих, занятых в производстве и курсы подготовки и переподготовки низшего административного персонала, а также курсы узко-специального назначения по изучению конкретного производственного процесса, новых машин, автоматов и т. д.

Кроме того, до последнего времени сохранилось бригадно-индивидуальное ученичество, которое по ряду производств имеет значительное распространение, охватывая в отдельных случаях до 50—60% подростков брони. По всем видам производства бригадным ученичеством охвачено 14% подростков, индивидуальным ученичеством—35%, через школы ФЗУ—51%. В последнее время (в 1925/26 г.) наметилась новая организационная форма подготовки и переподготовки рабочей силы—вечерняя рабочая школа, зародившаяся впервые в Московской губернии. Независисмо от этих форм подготовки рабочей силы ныне действуют в некоторых отраслях промышленности курсы ЦИТ'а, о которых речь будет ниже.

Из указанных форм подготовки рабочей силы ФЗУ является основной, ставящей своей задачей пополнение естественной убыли квалифицированного рабочего состава и отчасти потребности промышленности в связи с ее расширением.

Помещаемая ниже диаграмма показывает развитие сети фабзавуча в РСФСР и ее постепенное укрупнение.



Эти данные показывают, что сеть школ ФЗУ, значительно развернувшаяся в первые же годы революции и затем подвергшаяся значительным колебаниям, за последние годы уже приобрела некоторую устойчивость и обнаруживает тенденцию к дальнейшему росту.

Одновременно с ростом сети растет и уплотнение школ ФЗУ.

За последний 1926/27 операционный год сеть школ ФЗУ уплотнилась в среднем на 10—13%, особенно сильно укрупняясь в металлопромышленности, текстильной и швейной промышленности.

В 1926/27 учебном году мы уже располагаем следующей емкостью учащихся в школах ФЗУ.

Металлопромышленности:	школы	свыше	200 учащихся	22%
»	»	от	150—200 »	7%
»	»	»	100—150 »	22%
»	»	»	75—100 »	14%
»	»	до	75— »	35%
Текстильной промышлен.	»	свыше	200 человек.	19%
» »	»	от	150—200 »	19%
» »	»	»	100—150 »	18%
» »	»	»	75—100 »	18%
» »	»	до	75 »	26%

Укрупнение слабо коснулось школ ФЗУ в кожевенной, пищевкусовой, деревообделочной, бумажной промышленности.

Отчасти это объясняется характером самих производств, их сравнительной распыленностью, в силу чего не представляется возможным в указанных производствах широко поставить работы по укрупнению находящихся при них школ.

Работа по концентрации еще не закончилась и должна быть продолжена в дальнейшем.

В связи с общим ростом контингентов учащихся в школах ФЗУ значительно растут приемы и выпуски в них. Распределение приема и выпуска по годам обучения по РСФСР представляется в следующем виде:

	Прием:			Выпуск:		
	1924/25	1925/26	1926/27	1924/25	1925/26	1926/27
В школах ФЗУ . .	14 170	18 440	18 350	5 800	7 176	10 600

Таким образом прием учащихся по школам фабзавуча РСФСР за последние три года возрастает с 14.000 чел. до 18—19 тысяч человек. Выпуск в 1924 г. составлял 5.800 чел., а в 1926/27 г. доходит до 10.600 человек. Следует заметить, что нормальные выпуски школы ФЗУ стали производить только с 1924/25 г.

За последние годы все выпуски школ ФЗУ в общем распределяются следующим образом.

	Текстильная промышленность	Металлопромышленность
Работают по своей специальности	84,8%	88%
Работают на предприятиях не по своей специальности.	2%	6%
Поступило в учебные учреждения	4,2%	2,5%
Не имеют занятий	1,9%	2%
Неизвестно, как использованы	7,1%	9%

Такая же картина наблюдается по большинству других производств. В отдельных случаях еще и до сих пор наблюдаются перебои в работе по распределению оканчивающих на производстве, что объясняется причинами, о которых речь будет ниже.

Стоимость обучения учащихся школ ФЗУ по отдельным производствам неодинаковая, что объясняется характером производственного обучения в различных отраслях промышленности. По школам металлопро-

мышленности движение стоимости обучения одного ученика (без зарплаты) за последние годы представляется следующими цифрами: в 1924 году—297 р. 84 к., в 1925/26 г.—244 р. По школам ФЗУ других видов производства за 1925/26г., по данным годовых отчетов, максимальная стоимость обучения исчисляется: текстильной промышленности—160 р. в год на 1 ученика, деревообделочной—158 р., строительной—158 р., бумажной—193 р., кожевенной—214 р. и т. д.

По мнению Наркомпроса отмеченная выше стоимость высока и должна быть снижена. Высокая стоимость обучения учащегося вызывается нерациональной постановкой организационно-хозяйственной деятельности школы, недостаточно полным использованием труда учащихся, небольшим контингентом учащихся в отдельных школах и т. д., о чем речь ниже.

Стоимость обучения бригадно-индивидуального ученичества с учетом теоретического обучения по Московской губернии выражается: 2-годичный срок обучения при 12 недельных часах—108 р. (теоретическое обучение). Стоимость обучения в ФЗУ без производственного обучения исчисляется в 197 р. 50 к.

Школы ФЗУ (по металлу, сахарной промышленности) в первые годы имели 4-годичный срок обучения. В конце 1926 г. Наркомпрос снизил сроки обучения по металлу до 3 лет, по текстильной промышленности для подготовки массовых квалификаций до 2 лет и по резиновой, кожевенной, жировой и т. д.—также до 2 лет.

Образовательная подготовка поступающих в школы рабочего образования за последние годы выражается в следующих данных: в 1925/26 г. поступило в школы ФЗУ окончивших 4-летку—71,3%, свыше 4-летки—5,6%, в 1926/27 г. было уже окончивших 4-летку—30%, а свыше 4-летки—61,3% (из которых 10,6 окончило 7-летку). Процент окончивших 7-летку в приеме 1927/28 г. выражается в 14%. Вместе с тем необходимо отметить наблюдающееся падение процента рабочего состава в связи с повышением требований к поступающим. В последние два года этот процент снизился на 10%.

Качество работы ФЗУ, несмотря на ряд неблагоприятных обстоятельств, продолжает улучшаться. Это сказывается как на росте тарифных разрядов выпускаемых, так и на снижении процента отсева. Так, школы металлопромышленности выпускали в 1924/25 г. на 5 разряд, в 1925/26 г.—на 5,75, а в 1926/27 г.—на 6,1. Школы текстильной промышленности выпускали в 1925/26 г. на 5—6 разряд, школы химической промышленности выпускали в этом же году в среднем на 6, а во многих случаях и на 7 разряд. Отзывы отдельных ответственных руководителей заводоуправлений, фабрик, трестов и т. д. говорят о том, что школы ФЗУ начинают давать промышленности необходимую ей квалифицированную силу, являющуюся наиболее активным ядром в проведении мероприятий и партии и правительства в области промышленности. Отсев учащихся по школам ФЗУ за 1925/26 г. выражается в 8—10%, тогда как в прошлые годы он доходил до 14—15%. Однако, в некоторых производствах и до настоящего времени процент отсева ее значительно высок и требует безотлагательных мероприятий к его снижению.

Надо особенно подчеркнуть, что нынешний фабзавуч в своей работе по подготовке квалифицированной рабочей силы ориентировался на промышленность, находящуюся в периоде восстановления. Сдвиги, происходящие в составе действующего кадра рабочей армии в связи с рационализацией и реконструкцией нашей промышленности, ставят новые проблемы перед школами ФЗУ. В свете этих новых проблем становятся особенно чувствительными те недостатки, которые им еще до сих пор не изжиты и которые могут изживаться лишь при условии реализации тех мероприятий, которые намечаются настоящей статьей.

III. ДИСПРОПОРЦИИ В ПОДГОТОВКЕ РАБОЧЕЙ СИЛЫ И ПРИЧИНЫ ИХ ВЫЗЫВАЮЩИЕ.

Действующая система воспроизводства и переквалификация рабочей силы промышленности строятся в соответствии с директивами партии и правительства одновременно как хозяйственное и народно-образовательное мероприятие. Государство и партия сознательно стремились использовать период непосредственной подготовки рабочего для привития ему навыков культурно-технического осмысливания производственного процесса и элементов общественно-политического воспитания.

Это тем более важно, что основной период приобщения рабочего к труду совпадает с его подростковым возрастом, т.-е. с периодом формирования его характера и политического лица. Поэтому школа фабзавуча всегда строилась Наркомпросом по принципу связывания производственной, культурно-технической и общественно-политической квалификации рабочего.

Подобным же образом, т.-е. связывая повышение производственной квалификации с повышением культурно-технического уровня рабочего, строились и продолжают строиться профтехнические курсы для рабочих и мастеров. Практика работы этих курсов чрезвычайно часто выдвигает перед нами проблему: 1) либо отступать от установленных планов и программ и допускать некоторое увеличение общего образования и тем самым дать доступ к повышению своей квалификации более широким кругам рабочих, 2) либо, соблюдая установленный минимум общего образования, закрывать двери перед массой рабочих, не имеющих требуемой подготовки, допуская к повышению квалификации лишь узкие и незначительные круги рабочих-одиночек. Лишь соединение образовательного начала со специальными интересами рабочего обеспечивает большую посещаемость этих курсов.

Как бы в противовес этой системе подготовки рабочей силы, в недрах промышленности осуществляется в течение последних лет иная форма подготовки рабочей силы—форма бригадно-индивидуального ученичества. Это «подлинно хозяйственная форма», призванная, очевидно, доказать на практике нецелесообразность строительства формы подготовки рабочей силы с технически-образовательными чертами (фабзавуч, профтехкурсы), оказалась подлинно ремесленным видом ученичества со всеми вытекающими отсюда последствиями:

a) неорганизованное обучение в производстве;

b) отсутствие системы руководства;

c) случайность работы и очень частое использование подростка «руководителями» для личных целей;

d) абсолютная неграмотность бригадников и их руководителей бригадиров и т. д.

И то, что ВСНХ в данный момент заговорил о техническом и общем образовании для улучшения бригадного ученичества и предлагает для этого дополнительное теоретическое обучение в течение целого года, не только доказывает необходимость сочетания в деле подготовки рабочей силы технического образования и производственного обучения, но и бесхозяйственность «голого» принципа производственного обучения.

Выдвигая обязательное теоретическое обучение для бригадного ученичества, ВСНХ тем самым уже парализует силу своего основного аргумента о двойственности целевой установки фабзавуча, являющейся, по мнению ВСНХ, основным фактором диспропорции, наблюдаемым в подготовке рабочей силы. Ибо, если считать техническое образование и элементы коммунистического воспитания необходимой частью подготовки рабочей силы, то совершенно понятно, что их неразрывная связь с производственным обучением является для нас в советских условиях наи-

более желательной формой. А это осуществляется в фабзавуче последовательно и в продуманной форме.

Являясь наиболее совершенной формой подготовки рабочей силы, фабзавуч, однако, осуществляет эту подготовку в таких неблагоприятных условиях, что лишь устранение основных недостатков его работы, созданных этими условиями, может обеспечить его рентабельность и эффективность.

Условия, тормозящие правильность работы ФЗУ, можно отнести и к следующим трем факторам: a) факторы, рождающие качественную и количественную диспропорцию, b) факторы, удорожающие подготовку, c) факторы, нарушающие внутреннюю жизнь учебного заведения.

К факторам первого рода, порождающим качественную и количественную диспропорцию, надлежит отнести следующие явления: a) отсутствие точного плана воспроизводства рабочей силы (по количеству и типу профессий), b) отсутствие точных коэффициентов, определяющих нормальные соотношения подготавливаемых профессий (в соответствии с их соотношением в производстве), c) отсутствие плана использования рабсилы.

Количественная и качественная диспропорции не будут изжиты до тех пор, пока хозяйствующие и планирующие органы не разработают более или менее точного плана воспроизводства рабсилы. Поскольку ни у трестов, ни у предприятий нет еще до сих пор более или менее приблизительных данных о потребных им хотя бы на ближайшее время профессиях и их количественном соотношении,—неминуема диспропорция в подготовке рабочей силы. Еще более недопустимым является то, что ВСНХ ни в одном своем плане не устанавливает количественного и качественного соотношения рабочих (по типу), в связи с реконструкцией промышленности, введением 7-часового рабочего дня.

Вторым основным фактором диспропорции является отсутствие плана использования оканчивающих.

Набор новой рабочей силы и подростков в броню, как правило, производится независимо и без всякого учета того обстоятельства, что через месяц — два оканчивающие школу ФЗУ должны быть влиты в производство.

Эти явления и порождают действительную диспропорцию подготовки рабочей силы. Чрезвычайно наивно звучат после этого утверждения ВСНХ, что наличие элементов обще-технического образования в рабочей школе вызывает диспропорцию в подготовке рабочей силы. Только точным учетом соотношений потребных профессий работы и их планового продвижения можно действительно ее изжить.

В таком же положении находится вопрос о дороговизне обучения в фабзавуче. Этот вопрос на данной стадии нашего развития является определяющим аргументом в споре об этой школе. ВСНХ его связывает с нашим курсом на снижение себестоимости продукции, доказывая, что высокая стоимость фабзавуча ложится большим накладным расходом на промышленность. Фабзавучу противопоставляются «дешевые ЦИТ'овские курсы и индивидуально-бригадное ученичество. Мы никогда не отрицали, что фабзавуч, сравнительно с соцвосовскими школами, дорогое учебное заведение и все время принимали меры к снижению стоимости и ФЗУ (сокращение накладных расходов, сокращение персонала, продолжительности обучения и т. д.). Необходимо, однако, сказать, что единого общепризнанного метода исчисления стоимости для школ ФЗУ нет еще и до сих пор. Разные методы исчисления стоимости обучения, применяемые даже однотипными школами с аналогичными специальностями, случаи исчисления стоимости обучения по всей сумме капитального оборудования, вместо учета процента амортизации и т. д., раздувающие стоимость обучения и дающие пищу для разных кривотолков о фабзавуче, нередки. Уже по этому одному необходимо с большой осторожностью подойти к этому вопросу.

У нас нет подробных расчетов стоимости обучения на курсах ЦИТа по разным отраслям промышленности.

Приведем здесь лишь один пример для уяснения стоимости подготовки одного рабочего в фабзавуче и на курсах ЦИТ'а. Данные о ЦИТ'е взяты из опыта обучения бригад на фабрике им. Шагова Иваново-Вознесенского треста (срок обучения у ЦИТ'а здесь 6 месяцев):

Стоимость обучения:

Школы ФЗУ

По смете на учащегося.	150 р. — к., в 2 года—300 р.
Зарплата учащегося, окупаемая на 70% по всем годам и специальностям: 29 р. 70 к. × 12 м. с отчислениями в среднем, 30%—8 р.	104 р. 40 к., в 2 года—208 р.
Всего	508 р.

Расходы по амортизации не рассматриваются, так как принимается во внимание зарплата учащегося ЦИТ.

По договору Интекстиля с акц. о-вом «Установка»:

Обучение в течение 6 мес	172 р.
Зарплата учащихся без окупаемости: 25 р. × 6 м.	150 »
Всего . .	322 р.

К этой сумме следует прибавить расходы:

на спецодежду,
» материалы при обучении,
» оборудование (аппаратура),
» хозрасходы (которые сметами школ предусматриваются).

В общем подготовка рабочего в ЦИТ'е обходится 400 р.

Таким образом подготовка в фабзавуче обходится на 108 р. дороже. Зато фабзавуч дает рабочего не только устойчивой квалификации, но и подготовленного к общественной жизни, грамотного и культурного человека.

При этом не следует забывать, что если бы подросток еще 2 года продолжал обучаться в общей школе, то и тогда государство потратило бы на его обучение сумму не меньше названной цифры.

Действительная причина дороговизны обучения в фабзавуче кроется не в образовательной части программы ФЗУ, а в: 1) отсутствии достаточного оборудования и 2) в отсутствии заказов в учебной мастерской фабзавуча. Бытовым явлением, например, в фабзавучах текстильной промышленности должно быть признано в настоящее время наличие ничтожного количества станков на большое количество учеников (12—15 станков на 300—350 человек, совместная работа 5—6 учеников на одной сторонке и т. д.). Такое же явление можно наблюдать и в ФЗУ металлопромышленности. Не имея необходимого оборудования, школа лишена возможности не только готовить рабочую силу (а тем более, как в текстильной промышленности на уплотненную работу), но и удешевить стоимость подготовки рабочей силы. Если ученик в текстильном фабзавуче при наличии рабочего места может после первого полугодия давать 80% нормы взрослого рабочего, то при отсутствии этого места он лишен даже возможности оправдать свою зарплату. Недостаточное количество основных станков в школах металлопромышленности не позво-

ляет широко использовать учеников на утилитарных рентабельных работах. Отсюда и остатки академичности в работе школ ФЗУ, повышающие стоимость обучения. Еще более важным фактором является необеспеченность школы производственными заказами. Большая часть школ, не получая регулярно заказов, постоянно стоит перед угрозой остаться без необходимой для обучения учеников работы и вынуждена прибегать к подыскиванию заказов на стороне. Эти заказы школы получают с большим трудом, нерегулярно, случайно, что отражается на постановке обучения и на его стоимости.

Расходы по подготовке рабочей силы надо отнести к капитальному вложению, ибо эффективность наших капитальных вложений зависит от уровня подготовки рабочей силы и с этим вопросом тесно связана. При калькуляции стоимости продукции надо принять во внимание не всю сумму, потраченную в данное время на обучение учащихся, которые готовятся к работе, а лишь процент амортизации. При этом ясно станет, что обучать и готовить подростка в рабочие гораздо выгоднее и дешевле, чем готовить взрослого рабочего, ибо подростку на протяжении его жизни, после его обучения, остается гораздо более длительный срок пребывания в производстве, чем взрослому рабочему.

Отмеченными выше причинами надлежит в основном объяснить наблюдаемые подчас недочеты качественного порядка выучеников школ ФЗУ. Наличие достаточного оборудования, наличие заказов и прочих условий, необходимых для нормальной работы школы, могли бы обеспечить подготовку рабочей силы не только на 6 разряд, но и выше и могли бы удешевить стоимость обучения. Это полностью подтверждается в тех случаях, когда фабзавуч пользуется вниманием хозяйственников и работает в нормальных условиях.

Третьей категорией отрицательных факторов, нарушающих нормальный строй работы по воспроизводству рабочей силы, является: низкая подготовка инструкторского персонала и низкая подготовка поступающих в ФЗУ, разрыв возрастов между общеобразовательной школой и фазбавучом. Неподготовленность учащихся является важнейшей причиной, не позволяющей Наркомпросу еще и в настоящее время свести к минимуму общеобразовательную часть учебного плана фабзавуча, так как в этом случае техническое обучение (спецпредметы) не может быть серьезно проведено. Это явление должно быть, однако, изжито не хирургическим путем, а систематическим и настойчивым повышением общеобразовательной базы фабзавуча. Работа эта должна быть признана одной из важнейших в деле улучшения подготовки рабсилы. Без серьезного сдвига в деле перехода школы ФЗУ на базу 7-летки невозможно и думать о серьезной рационализации дела подготовки новой смены квалифицированных рабочих.

Однако, и при наличии низкой общеобразовательной подготовки у поступающих в школу ФЗУ, учебный план последней не изобилует таким большим объемом общего образования, как это дело представляет ВСНХ.

Бюджет времени 3-годичной школы ФЗУ по металлу на базе 4-летки согласно учебному плану, занимает 5 814 часов, среди которых обществоведение и родной язык, т.-е. общеобразовательный цикл, занимает 576 часов, т.-е. 10% учебного плана. Общетехнический цикл, куда входят: графика, техническая механика и техническая математика, исчисляется в 900 часов, т.-е. в 15% учебного плана; остальное время отводится спецделу и производственным работам.

Если даже отбросить производственные работы ФЗУ, с чем нельзя согласиться и исчислять бюджет времени исключительно по теоретическим занятиям, т.-е. исходить из учебного плана не в 5 814 часов, а из 2 160 часов, то и тогда соотношение времени, отводимого учебным планом

Главпрофобра различным циклам, выразится: общетехнический цикл—41%, специальные предметы—33%, и общеобразовательные—26%. И в этом случае общеобразовательные предметы в учебном плане занимают последнее место.

Эти расчеты взяты из учебного плана школы ФЗУ, которая строится на базе 4-летки. Вполне понятно, почему общеобразовательные предметы в этом плане занимают сравнительно большое место. При переходе же школ ФЗУ на базу 7-летки, учебный план Главпрофобра представится в следующем виде: общетехнический цикл—8%, общеобразовательный—4,3%, остальное время отводится спецделу (специальным предметам и производственным работам). Если опять-таки из этого учебного плана выбросить производственные работы, то соотношение времени между теоретическими циклами представится в таком виде: специальные предметы—44%, общетехнические—44% и общеобразовательные—12%.

Таким образом, сохраняя и в этом варианте общеобразовательные предметы, Главпрофобр отводит им незначительное количество времени.

Но подобное снижение возможно без ущерба для дела подготовки рабсилы только при переходе на базу семилетки.

Поэтому должно быть еще раз подчеркнуто, что самая настойчивая работа по введению семилетки, как базы, явится основным фактором желательного упорядочения работы фабзавуча.

IV. ПОЛОЖИТЕЛЬНОЕ И ОТРИЦАТЕЛЬНОЕ В ЦИТ'е.

Наркомпрос ввел методику ЦИТ'а в школах металлопромышленности и в настоящее время вводит ее в текстильных школах ФЗУ. В 1926 г. Наркомпрос пытался передать ЦИТ'у в виде опыта полное руководство обучением в нескольких школах ФЗУ с вытекающей отсюда полной ответственностью ЦИТ'а за работу в передаваемых ему школах. При этом ЦИТ'у, по его усмотрению, предоставлялось право подбора соответствующего кадра административного, инструкторского и преподавательского персонала школ. От этого предложения ЦИТ, однако, отказался. Таким образом, не подлежит сомнению, что Наркомпрос приемлет методические достижения ЦИТ'а и старается приложить их к школе рабочего образования.

Принципы методики ЦИТ'а, играя значительную роль в области культуры рабочих движений и организации работы подростков, могут быть лишь вводной частью курса производственного обучения, который, вопреки принципам ЦИТ'а, делает основное ударение на утилитарных работах. Об этом говорят материалы обследования школ ФЗУ металлопромышленности Москвы и Ленинграда. Это подтверждается еще и тем, что большинство школ ФЗУ в последнее время уже посвящает тренировочным работам по ЦИТ'у не 3 месяца, а 6 недель. Остальное время отводится на получение необходимых навыков на утилитарных работах. В отличие от принципов метода ЦИТ'а, в этом периоде применяется операционный метод. Он заключается в приобретении навыков путем изучения отдельных операций, на которые разлагается утилитарное изделие или детали, и из которых складывается в сумме та или иная специальность.

Текстильные школы вводят принципы методики ЦИТ'а, также как вводную часть производственного обучения, после чего идет непосредственное профессиональное обучение на всех видах станков.

Совершенно очевидно, что основные тренировочные приемы ЦИТ'а, охватывающие лишь незначительный период производственного обучения, равно как и документация ЦИТ'а не могут заменить длительного периода обучения на утилитарных заводских заказах. Лишь эти послед-

ние способны сообщить подростку необходмые навыки и опыт, обеспечивающие ему не только достаточно высокую квалификацию, но и продвижение вверх по производственной лестнице. Это особенно относится к рабочим синтетических профессий (всякого рода сборщики, универсальные станочники, инструментальщики и т. д.).

Чрезвычайно показательно, что ВСНХ, который в последнее время круто переменил фронт и стал апологетом ЦИТ'а, вынужден в одном месте своей докладной записки признать, что «преждевременно делать вывод о безусловном преимуществе подготовки металлистов (только ли металлистов?) на базах ЦИТ'а по сравнению со школой ФЗУ».Правильно указывает ВСНХ, что «ученики в школах ФЗУ работали в производстве на производственных заказах и получили в школе определенную сумму производственно-технических знаний, что весьма облегчает их полное приспособление к конкретно-производственной обстановке на заводе а также повидимому(!), б о л е е б ы с т р о е, по сравнению (подчеркнуто ВСНХ) с выучениками ЦИТ'а, продвижение в производстве на более квалифицированные работы». Действительно, практика крупных заводов Москвы и Ленинграда показывает, что в то время, как окончившие школу ФЗУ через год-два достигают 7—8 разрядов, выполняя работу высококвалифицированных профессий, выученики ЦИТ'а остаются на расчлененных операциях, у автоматических станков (Амо, и пр.).

Еще меньше можно ждать в этой области от документации ЦИТ'а. При всех ее положительных качествах (не касаясь деталей) необходимо констатировать, что в с я к а я форма учета и документации способна лишь у п о р я д о ч и т ь процесс, но не и з м е н и т ь его содержание. Собственно, методической пользы, могущей существенно отразиться на сроке и содержании самого обучения, ждать от документации, конечно, не следует.

Если в металлопромышленности, где от рабочего все еще требуется большая личная тщательность и индивидуальный темп в работе, фронтальные принципы обучения (терминология ЦИТ'а) перенести на весь период обучения, то во многих случаях они могут отразиться отрицательно на эффектности работы рабочего. Ослабление внимания ЦИТ'а к его имитационной аппаратуре и отчасти к фронтальному методу инструктирования показывает, собственно говоря, то же самое.

Несколько в ином положении находится применение принципов методики ЦИТ'а в подготовке рабочей силы на расчлененных операциях, в частности для текстильной промышленности. Поскольку здесь идет речь о полуквалифицированных рабочих, о рабочих массовых профессий, поскольку такие рабочие, подготовленные ЦИТ'ом, могут оказаться пригодными для выполнения непосредственной работы у станка, постольку в данном случае, принципы ЦИТ'а, по сравнению с обычно применяемыми фабриками способами привлечения крестьянина к полуквалифицированному труду, являются лишь улучшенным приспособлением чернорабочего к машине. Ясно, что при автоматическом питании станков можно, при желании, основную задачу обучения свести к привитию рабочему определенной суммы стандартных навыков и движений. Однако, ЦИТ, могущий дать основные навыки в работе, например, ткача-миткальщика, далеко не обеспечивает нам полноценного ткача, знакомого с работой на станках с каретками Добби, Гаттерслея, Жаккардовых машин и т. д. Такой полноценный ткач может быть подготовлен лишь в периоде совершенствования, являющемся дополнительным к периоду обучения по ЦИТ'у.

Основное расхождение с ЦИТ'ом—в самом понятии, которое придается ЦИТ'ом квалифицированному рабочему. ЦИТ вкладывает в это понятие лишь расчитанное поведение рабочего, т.-е. умение выполнять отдельные производственные приемы по точно установленной инструкции. Подобное сужение понимания квалификации рабочего (особенно синтетического типа) вряд ли можно признать приемлемым.

Квалифицированный рабочий, помимо его общественно-политической характеристики, должен:

а) уметь самостоятельно выполнять производственные задания с правильным использованием материалов и оборудования;

б) иметь технический и технологический кругозор, в пределах своего вида обработки, обеспечивающий систематическое продвижение в производстве до более высоких (чем 6-й разряд) степеней квалификации. Эти основные расхождения и позволяют нам не признавать ЦИТ, как систему подготовки рабочей силы для промышленности. Сильное сужение объема производственной подготовки и совершенное отрицание технологической и технической подготовки при отрыве от производства, как базы,— лишает ЦИТ права быть системой подготовки рабочей силы из м о л о д е ж и, долженствующей получить серьезное производственное воспитание. Если ВСНХ, в корне отрицающий так называемую двойственную установку Наркомпроса на фабзавуч, вынужден констатировать невозможность сравнения эффективности баз ЦИТ'а со школами ФЗУ, то мы тем более вынуждены более категорически предостеречь от попыток стать на путь экономного натаскивания рабочих, превращенных в получерноробочую массу, без ярко выраженного профессионального лица, не обладающих основным источником для устойчивого благополучия (квалификации).

Увлечение подготовкой на базах ЦИТ'а текстильных рабочих также не несет особенно радужных перспектив. По прошествии нескольких лет подобной политики подготовки рабсилы текстильные фабрики будут наполнены натасканными «исполнителями», подобно крестьянам, наполнявшим фабрики Морозовых и Прохоровых. Не имея никакого понятия о материалах и орудиях и обладая элементарной грамотой, эти рабочие вряд ли явятся силой, способствующей рационализации, понижению браков и т. п.

Сопоставляя возможные перспективы подготовки рабочей силы при помощи школьной системы и системы установки ЦИТ, можно притти к следующим выводам:

Ф а б з а в у ч: а) дает широкую производственную подготовку;

б) дает широкую техническую и технологическую подготовку;

в) обеспечивает выдвижение подготовленного низшего и среднего техперсонала промышленности;

г) дает выход массе подростков, ограждая ее от безработицы и деклассирования.

ЦИТ: дает минимальные рабочие навыки и сноровку;

б) лишает рабочих технического и технологического кругозора;

в) отдаляет возможность выдвижения из рабочих низшего технического персонала промышленности;

г) закрывая доступ подростку в промышленность и толкая его на путь деклассирования (система ЦИТ'а противоречит идее бронирования подростков), ЦИТ усиливает безработицу молодежи.

Сравнение этих двух перспектив тем более существенно, если вспомним, что наша промышленность не имеет солидного ядра высококвалифицированных рабочих (опора производства).

Здесь мы подходим ко второй части наших расхождений с ЦИТ'ом, связанной уже не с его методикой, а с его оценкой роли рабочего в социалистической промышленности. Сущность нашего спора с ЦИТом в этом вопросе заключается в следующем: 1) ЦИТ в условиях советской промышленности рассматривает рабочего исключительно, как средство для выка-

чивания прибыли, отводя ему в производственном процессе лишь роль выполнителя узкого круга манипуляций. ЦИТ и в советской стране делает ставку на рабочего, как части машины, порабощаемой машиной. В соответствии с этим у ЦИТ'а 2) юношеский труд рассматривается так же как объект эксплоатации, а не как основа социалистического воспитания. Поэтому ЦИТ считает нужным ограничить обучение рабочего стандартизированным тренажем, привить ему «определенные рефлексы, превращающиеся в инстинкты» (ЦИТ), справедливо полагая, что ограниченные таким узким кругом рефлексов исполнители являются наиболее благодарным для эксплоатации материалом. Поэтому ЦИТ против реорганизации труда и образования рабочей молодежи на социалистических началах, поэтому ЦИТ рассматривает броню, как потребительский налог (ибо работа подростка в советских условиях не особенно рентабельна), а не как социалистическое мероприятие, гарантирующее приобщение подростка к труду, поэтому он объявляет реакционной идею фабзавуча, который организует труд подростка на социалистических началах (см. тезисы ЦИТ'а).

Свою позицию ЦИТ старается аргументировать происходящими в промышленности процессами рационализации. По мнению ЦИТ'а, процессы рационализации и у нас, в советских условиях, должны фатальным образом привести к поглощению человека машиной, к выполнению им «инстинктивно» и автоматически изо дня в день навсегда положенные ему одни и те же элементарные приемы. Этому «фатальному процессу ЦИТ не только не считает нужным что-либо противопоставить, наоборот, он готов содействовать ему, он объявляет обреченным на гибель всякие начинания, призванные бороться с неумолимым законом рационализации, при котором человек обязан выродиться в односторонний автомат.

Ясно, однако, что «современная промышленность никогда не рассматривает и не трактует существующую форму известного производственного процесса, как окончательную» (Маркс), неизменяемую, раз навсегда данную. Усиливающийся при рационализации поток усовершенствований в промышленности заставляет рабочего применяться к ним и этим самым менять привычные навыки и приемы. Не менее ясно, что более безболезненно, более быстро и экономно может приспособиться к изменениям производственного процесса не натасканный на ограниченном круге приемов рабочий, а рабочий, который подготовлен на основе тех принципов, которые проводит фабзавуч. В таком случае, как бы ни был ограничен круг приемов рабочего на сей день,—если принять во внимание не только статику, но и динамику, если учесть тенденцию рационализации,—они говорят не в пользу ЦИТ'овской установки, а против нее.

В связи с этим необходимо отметить, что и в капиталистических странах характер и объем подготовки рабочей силы не везде одинаков. Если взять, например, Америку, в частности Форда, который имеет возможность комплектовать свой рабочий состав из «зеленых» низко оплачиваемых эмигрантов и менять этот состав при всяком изменении требований труда, то здесь система подготовки рабочих массовых профессий, в основном исчерпывается рецептурным накачиванием эмигранта одним-двумя навыками. Большое предложение рабочей силы и ее низкая оплата делает для Форда нерентабельным постановку профобучения на широкой базе. Иное положение мы замечаем, например, в Германии. Здесь объем подготовки рабочего более широкий, чем у Форда. Помимо этого здесь действуют и другие причины. Известный руководитель фашистской организации в Германии директор Германского Института технического обучения (ДИНТ'а) доктор Арнгольд, дал правильный для условий капиталистической Германии, ответ на вопрос, почему он не ограничивает обучение рабочего только кругом узко-профессиональных навыков. «Такая система обучения при современном капитализме, ответил доктор Арнгольд, приводит к безработице, а принимающая большие размеры безработица приводит к социальным катастрофам» (читай: «революции»). Поэтому доктор Арнгольд за такую подготовку рабочего, которая годилась бы при всяких изменениях требований труда. При социалистической рационализации в наших условиях, где рабочий является не только выполнителем, но и хозяином-организатором, система подготовки, проводимая фабзавучем, дающая культурного политически и технически грамотного квалифицированного рабочего, обязательна.

К сожалению, ВСНХ в своих официальных выступлениях отвергающий платформу ЦИТ'а, не только отражает ее в своих предложениях и в своей докладной записке, но и пытается ее воплотить в жизнь в своей работе, в своих попытках сократить срок обучения для рабочих массовых профессий, в своих мероприятиях по сокращению во что бы то ни стало (независимо от состояния и темпа развития отдельных отраслей промышленности) норм брони подростков и т. д. Если эти предложения будут приняты, то тем самым будет ликвидирован фабзавуч в текстильной, резиновой, фарфорофаянсовой и т. д. промышленности.

Мы можем поэтому констатировать: 1) что свою теорию отделения образования и воспитания от производственного обучения (у Гастева «школьные формы и формы производственные можно расчленить и разрешить самостоятельно») ВСНХ позаимствовал у ЦИТ'а, что 2) идею ликвидации брони подростков, прикрытую в докладной записке фразой («о резком преобладании в системе подготовки рабочей силы форм подросткового ученичества и т. д.»), ВСНХ взял у ЦИТа, что 3) предложение о замене подготовки рабочей силы ее установкой в специальных базах, оторванных от производства (взамен системы фабзавуча, работающего в недрах производства), ВСНХ позаимствовал у ЦИТ'а и т. д. и т. д.

V. О ПОЛИТЕХНИЗМЕ.

По всем видимостям ВСНХ потому в последнее время так много говорит о политехнизме (не потрудившись, кстати, расшифровать этого понятия), что ему кажется, что можно и нужно политехническое образование всецело исчерпать 7-леткой, ограничиваясь после этого цеховым обучением (индивидуально-бригадным ученичеством, установочными цехами).

По проекту Госплана 7-летка к концу пятилетки должна сделаться доступной для населения городов. Очевидно, в первую очередь здесь речь должна итти о фабрично-заводской 7-летке. Наркомпрос эту 7-летку мыслит, как общеполитехническую школу. Однако, не надо забывать, что сеть фабрично-заводской семилетки у нас в настоящее время невелика и что трудности по пути политехнизации этой школы колоссальны. Но если допустить, что эта сеть будет расти ускоренным темпом и, что паралельно с этим в этой школе удастся упрочить элементы политехнизма, то именно в этом случае перед нами встанет вопрос о переходе рабочего подростка от общеполитехнического образования к специально-политехническому.

Определенные указания на этот счет мы имеем в постановлениях правительства и ЦК партии, в программе партии и статьях Ленина о народном образовании.

Постановление Совнаркома от 23/VI 1925 г. в следующих словах определяет задачи школ рабочих подростков: «дать подросткам, занятым в производстве:

а) практические навыки данной производственной деятельности,

б) общественно-политические знания и навыки, необходимые для сознательного участия квалифицированного рабочего в социалистическом строительстве». Постановление ЦК ВКП(б) по вопросу о подготовке и обучении рабочей силы, принятое в марте 1926 г., т.-е. в тот период, когда процессы рационализации не приняли еще того размаха, которые они приобрели в настоящее время, более определенно говорит о «необходимом минимуме политехнических знаний» в школах ФЗУ.

§ 8 отдела программы партии, посвященного народному просвещению, говорит «о широком развитии профессионального образования для лиц от 17-летнего возраста в связи с общими политехническими знаниями». Наконец, тов. Ленин в своей статье «О работе Наркомпроса» писал «о переходе от общего политехнического образования к профессионально-политехническому образованию».

Ленин не ограничивался обще-политехнической школой. Он говорил о переходе ребенка в профессионально-политехническую школу потому, что он учел условия переходного времени, необходимость тесной связи школьного фронта с фронтом народного хозяйства, требующем в настоящее время работников определенной специальности. Ленин говорил о профессионально-техническом образовании, а не об узких профессиональных навыках, потому, что он учел не только статику, но и динамику нашего развития, подчеркивая вместе с тем резкую разницу между нашим профессиональным образованием и профессиональным образованием буржуазных стран.

Правда, если брать нашу советскую промышленность, как часть нашего народного хозяйства, то и здесь еще трудовые операции в различных отраслях промышленности различны. Это объясняется отсталостью нашей техники. Не подлежит, однако, сомнению, что процессы рационализации ведут к уменьшению специальных особенностей отдельных профессий и будут сводить их к однородным функциям механизированного труда. При таком положении вещей, задаче переходного времеин наиболее будет соответствовать именно такая школа, которая, давая промышленности работников определенных специальностей и квалификаций, одновременно свяжет этот вопрос с политехническим воспитанием этих работников.

Фабзавуч основан на таком распределении труда, которое соответствует развитию производства переходного времени. Он готовит квалифицированных рабочих определенных специальностей. Но, на ряду с обучением подростков специальным знаниям и навыкам, необходимым для данной специальности и квалификации, фабзавуч, по мере политехнизации нашей промышленности (если так можно выразиться), расширяя горизонты подростка, может и должен развертывать на конкретной базе и обще-научные основы, необходимые для усвоения всех производственных процессов, устанавливая в то же время ту связь и взаимодействия технического и экономического порядка, которые существуют между различными явлениями и разными отраслями народногв хозяйства.

Конечно, в настоящих условиях нельзя говорить о полном проведении этой программы в школе ФЗУ, тем более, что в настоящее время лишь 14% принимаемых в ФЗУ подростков имеют общее образование в объеме 7-летки и всякие попытки повысить этот процент приводят к ухудшению социального состава ФЗУ. Ясно, однако, что депрофессионализация рабочего состава, вызываемая процессом рационализации промышленности, связана с необходимостью повышения общей и технической культуры рабочего, т.-е. с политехнизмом. Этим самым вопрос о политехнизме в профессиональной школе ставится более остро, чем раньше. Поэтому всякие попытки бить фабзавуч ЦИТ'ом или 7-леткой, сводящиеся к ликвидации ФЗУ, глубоко неверны.

VI. РАЦИОНАЛИЗАЦИЯ И НОВЫЕ ЗАДАЧИ РАБОЧЕГО ОБРАЗОВАНИЯ.

Исходя из мероприятий, поставленных индустрализацией страны и реконструкцией промышленности, и из вышеизложенных соображений, Наркомпрос в области рабочего образования выдвигает следующие задачи:

1) полный охват системой фабзавуча всей брони подростков.

2) широкое развитие профтехнического образования среди взрослых рабочих и юношества.

Наркомпросу представляется необходимым направить мероприятия по реализации вышеуказанных задач по линии:

1) установления системы рабочего образования;

2) разрешения организационно-финансовых вопросов в области рабочего образования;

3) разрешение вопроса о руководстве делом рабочего образования.

1. Система рабочего образования.

Анализ системы. Ныне существующая система учреждений по рабочему образованию страдает:

а) параллелизмом нескольких типов учреждений по подготовке одной категории рабочей силы;

б) отсутствием подготовки и обучения других типов рабочей силы;

в) слабым развитием мероприятий по повышению квалификации действующего кадра взрослых рабочих и юношества и организации массового профтехнического образования.

Параллелизм выражается в том, что и фабзавуч, и бригадное ученичество ставят себе целью подготовки одного и того же типа рабочих (универсально-ремесленных и, отчасти, на расчлененных операциях) для одних и тех же отраслей промышленности.

Отличаясь друг от друга сроком и содержанием подготовки, фабзавуч и бригадное ученичество, естественно готовят рабочую силу различного качества. Если подобное осуществление совершенно различных по результатам подготовки учебных учреждений было возможно в период острой потребности в квалифицированной рабочей силе, то в данное время такое осуществление для планового государства становится недопустимым.

Промышленность в условиях реконструкции, получая из этих источников, главным образом, рабочих средней квалификации 5—6 разряда, не всегда имеет возможность их использовать надлежащим образом, т.-е. в соответствии с их квалификацией, поскольку рационализация суживает роль рабочих средней квалификации. Часть оканчивающих ставится в таком случае предприятиями на простую маханизированную работу, не требующую той подготовки, какую им дает фабзавуч нынешнего типа. Отсюда и популярность курсов ЦИТ'а, готовящих узко-специальных рабочих в срочном порядке.

Все это усугубляется чрезвычайной пестротой подготовки поступающих, приводящей к резкому различию общих и специально-технических знаний оканчивающих учреждения рабочего образования.

Новые типы ФЗУ. В соответствии с изменением профессионального состава рабочих, связанным с рационализацией промышленности и выражающемся в постепенном увеличении значения рабочих массовых квалификаций, работающих на расчлененных операциях, а также высоко-квалифицированных рабочих синтетического типа (установщиков, настройщиков, ремонтеров, контролеров, браковщиков и т. д.),—Наркомпрос полагает, что построение системы рабочего образования должно пойти по линии конкретизации, выдвинутой им совместно с ЦК ВЛКСМ новой системы фабзауча, состоящей из:

1) фабзавуча, готовящего рабочих на расчлененных операциях, рабочих массовых квалификаций с 2-годичным сроком обучения;

2) фабзавуча, готовящего рабочих синтетического типа (высококвалифицированных рабочих), со сроком обучения от 3 до 4 лет с отдельными группами для средних квалификаций, в случае надобности в таковых (в металлопромышленности).

Одновременно с этим должна быть выявлена и задача школьной подготовки низшего технического персонала (подмастерьев и т. д.) путем школы, строящейся на базе ФЗУ или на основе 2—3-годичного срока производственной практики.

Основные черты фабзавуча 1-го типа. Понимая под фабзавучом школу, опирающуюся на ученичество, как на форму введения подростков в производство, реорганизующую его труд, путем его рациональной связи с обучением, признавая, что на ряду с культурно-политическими задачами основной целью фабзавуча в деле подготовки квалифицированной рабочей силы является реальное овладение производственно-трудовыми приемами и организационно производственными навыками, надлежит на этом основании определить основные черты и характер, по крайней мере, первого типа ФЗУ, как наиболее спорного.

Характер и тип профессий рабочих на расчлененных операциях, согласно вышеизложенного, требует более обще-технического, нежели специально-технического, образования. Вместе с тем массовый характер однотипных профессий и характер массовой их работы делает бригадную форму производственного обучения с выделением учебных углов в производстве наиболее целесообразной формой производственного обучения в этом типе фабзавуча. Этот тип школы, как наиболее массовый и требующий меньшей, сравнительно с двумя другими типами ФЗУ, подготовки, будет, очевидно, на ближайшие 5—8 лет, в отличие от ФЗУ двух остальных типов, заполняться подростками со знаниями ниже 7-летки (преимущественно из окончивших 4-летку). Несмотря на большую роль общетехнических элементов и в этом типе ФЗУ, эта школа должна строиться по принципу группировки учащихся на профессиии и специальности, при чем производственные занятия в учебном плане этой школы, в целях удешевления стоимости обучения, должны будут в нем занимать большое место.

Отличие фабзавуча от индивидуально-бригадного ученичества. Пользуясь бригадой, как методом производственного обучения, школа ФЗУ 1-го типа, помимо построения теории на базе производственной работы, ставит себе целью инструктировать, инспектировать и контролировать производственное обучение подростков в предприятии, работать с инструкторским персоналом и т. д., в то время как ныне существующее индивидуально-бригадное ученичество строится на разрыве теории с практикой, которые проходят в довольно хаотическом порядке без всякой связи друг с другом. Предвидя в недалеком будущем полный охват всей брони подростков школами ФЗУ, необходимо уже приступить к преобразованию индивидуально-бригадного ученичества в школы ФЗУ 1-го типа.

ФЗУ 2-го типа. В школе ФЗУ 2-го типа теоретическое обучение должно носить специальный характер, точно так же как и характер связи с производством носит здесь большей частью специфический для данного предприятия оттенок. Являясь школой по подготовке высоко-квалифицированных рабочих, эта школа фабзавуча должна обязательно строится на базе 7-летки. Учебная сетка должна, примерно, состоять из 24 часов теории и 24 часов практики на первом году, 12 часов теоретических и 36 часов практических на втором году и в таком же соотношении на 3 году обучения.

Наличие каждого из перечисленных типов подготовки в различных отраслях промышленности будет различно в зависимости от степени механизации производства в каждой из них. Так, в металлопромышленности возможно наличие всех типов подготовки, поскольку средние профессии здесь занимают большое место. В текстильной промышленности, наоборот, надлежит пользоваться двумя типами подготовки: ФЗУ для подготовки массовых профессий и ФЗУ для подготовки рабочих синтетического типа и т. д.

ЦИТ и его место в новой системе. При наличии подобной системы по подготовке рабочей силы ЦИТ должен явиться лишь формой самой срочной (в исключительных случаях) подготовки рабочей силы, по переквалификации безработных и т. д.

Поскольку каждая из перечисленных выше школ включает в систему своей подготовки те или иные принципы методики ЦИТ'а, постольку будет обеспечено использование всех достижений ЦИТ'а в области методики обучения.

Подготовка низшего технического персонала. По своему характеру школа по подготовке низшего технического персонала сводит процесс производственного обучения к минимуму, расширяя тем самым теоретическую подготовку и углубляя таковую. Производство в данном случае надо рассматривать не как объект, а как метод обучения.

В таком случае для этих целей может быть использована и индустриальная профшкола, со сроком обучения от года до 3 в зависимости от общеобразовательной подготовки и отрасли промышленности. Незначительное число потребных работников типа низшего технического персонала ставит перед нами необходимость организации этой школы в трестовском или синдикатском масштабе.

Крупные из существующих профтехнических школ, расположенных в фабричном районе, должны быть использованы для этих целей путем их реорганизации в школы по подготовке низшего технического персонала.

Повышение квалификации и массовое профтехобразование. В условиях повышения техники производства и проведения 7-часового рабочего дня огромное значение приобретает задача повышения квалификации действующего кадра взрослых рабочих и юношества и организация массового профтехнического образования.

Эта область работы, находящаяся преимущественно в руках хозяйственных организаций (мы здесь не касаемся клубной работы), не получила должного развития и поставлена у нас плохо. Органы промышленности расходуют на курсовое обучение 1.920.000 р. в год (1926/27 г.) с охватом 24.000 рабочих. Среди этих рабочих основное ядро составляет индивидуально-бригадное ученичество. Таким образом в основном средства здесь расходуются на подготовку рабочей силы. Профессиональным организациям при заключении колдоговоров приходится с боем отстаивать существующие на предприятиях курсы или вечерние рабочие школы. Оканчивающие эти учебные заведения не гарантированы в повышении разряда оплаты и в продвижении на более квалифицированную работу.

К числу мероприятий по повышению квалификации действующего рабочего состава Наркомпрос, помимо разных форм культурно-просветительного и клубного характера, относит систему вечерних профтехнических курсов, вечернюю рабочую школу и правильную организацию заочного обучения. Система курсов должна быть приспособлена к различным требованиям промышленности и ее рабочего состава и должна отли-

чаться особой гибкостью (краткосрочные и долгосрочные курсы, подготовительные и целевые), строясь по отдельным разрезам промышленности и отдельным специальностям. На ряду с этим должны быть выработаны мероприятия поощрительного характера для более полного вовлечения взрослых рабочих и юношества на эти курсы.

Основная задача всех курсов должна заключаться в том, чтобы рабочему на всех ступенях его развития дать возможность повышать свою квалификацию.

В заочном обучении, которое необходимо усилить, должно быть сделано ударение на обслуживание интересов коллективов, определенных ячеек, организованных для такого обучения. Должны быть изучены и усилены опыты по комбинированию курсов с заочным обучением.

Принимая во внимание существующую диспропорцию между средним и низшим техническим персоналом промышленности, а также и рост культурного уровня передовой части рабочих, необходимо расширить существующую сеть вечерних рабочих техникумов и улучшить их материальное положение.

2. Организационно-финансовые вопросы.

Основными вопросами, нуждающимися в срочном разрешении, здесь являются:

а) улучшение оборудования школ и их снабжение заказами;

б) улучшение подбора руководящего и инструкторского персонала.

Оборудование и заказы. Рассматривая воспроизводство квалифицированной рабочей силы, как часть вложений в капитальное строительство, необходимо немедленно же приступить к разработке принципов оборудования учебных заведений и их мастерских, составить план закупки новых усовершенствованных орудий, станков. Параллельно должны быть разработаны инструктивные указания, предписывающие местным хозорганам включить в промфинпланы оборудование учебных заведений.

Подобным же образом должно быть регламентировано питание учебных мастерских достаточным количеством производственных заказов, соответствующих учебным целям. В этом отношении производственный план завода должен включать производственный план учебных мастерских школы, с соответствующим определением количества (не массового) изделий и времени (большего) для выполнения этой части производственного плана. В неменьшей мере должно быть обращено внимание на право школы расходовать предоставленные ей по смете кредиты.

Подбор персонала. Наиболее существенной частью мероприятий в области подбора руководящего и инструкторского персонала учебных учреждений по рабочему образованию являются:

а) упорядочение дела выдвижения на должности заведующих учебным заведением;

б) стимулирование перехода квалифицированных рабочих на работу в качестве инструкторов по производственному обучению;

в) повышение квалификации и переквалификации руководителей и инструкторов учебных заведений.

Большая часть заведующих школами, даже крупных центров, является чрезвычайно мало подготовленной к такому сложному делу, как учебное дело. Помощь заведующих учебной частью часто парализуется невнимательным отношением хозорганов и, часто, общественных организаций к предложениям школы. Выдвиженчество на должность заведующих школами не должно итти вразрез с требованиями, установленными Главпрофобром к заведующим учебных заведений рабочего образования.

Одновременно с этим должны быть приняты меры к привлечению на

руководящие должности в учебном заведении инженеров и техников, взятых из производства.

Не менее серьезным нужно признать и положение с инструкторским персоналом. Последний состоит в общем из двух основных групп:

а) старых опытных рабочих мастеров, не обладающих необходимой образовательно-технической (а тем более методической) подготовкой;

б) молодых инструкторов, обладающих достаточной технической и, отчасти, методической подготовкой, но без длительного производственного стажа и квалификации.

Все это говорит за то, что необходимо принять меры к серьезному освежению и усилению инструкторского состава школ. Основным мероприятием должно здесь явиться стимулирование опытных рабочих мастеров к переходу на инструкторскую работу. Это может быть достигнуто лишь при повышенной оплате (по сравнению с работой на производстве) рабочих мастеров, переходящих на работу инструктора, а не наоборот, как это очень часто замечается в настоящее время.

На ряду с этим необходима совместная работа технического персонала завода с инструкторами и руководителями производственных мастерских по изучению новых методов производственной работы, принципов НОТ, и т. п., и т. п.

Последним и наиболее существенным мероприятием в этой области является систематическое повышение квалификации заведующих учебными заведениями—выдвиженцев и инструкторов—и заведующих производственным обучением.

В этой области надлежит, отказавшись от краткосрочной рецептупной подготовки и повышения квалификации инструкторов, применять стационарные и длительные курсы (годичные и двухгодичные) с отрывом или без отрыва производства. Эти стационарные курсы подобно курсам красных директоров, курсам для мастеров и т. д. должны явиться основным средством привлечения к руководству учебным заведением производственно опытных и политически выдержанных рабочих партийцев.

3. Организационные вопросы.

Организационный вопрос в нашем споре является не только ведомственным вопросом, но и вопросом глубокого принципиального значения. Его принципиальная сущность заключается не только в том, кому ведать подготовкой рабочей силы, а в том, как ею ведать, какое содержание вложить в эту подготовку. Наркомпрос не усматривает в двойной установке подготовки рабочей силы причин, вызывающих отмеченные выше диспропорции. Рабочее образование и подготовка рабочей силы является лишь двумя сторонами одного и того же процесса, ведущего в конечном итоге к выработке нового типа рабочего, призванного строить новое общество. В таком случае ни Наркомпрос, ни ВСНХ не могут быть отстранены от руководства рабочим образованием, но роль каждого органа (ВСНХ и Наркомпроса) в этом процессе должна быть регламентирована в законодательном порядке.

Функции Наркомпроса в деле рабочего образования, согласно докладной записки ВСНХ и инструкции к ней приложенной, должны быть сведены: 1) к разработке методологических и обще-методических принципов учебно-школьной работы и принципов составления учебных планов и программ, а также к увязке теоретического и практического обучения; 2) к общему учебно-методическому руководству обще-образовательным обучением и 3) к наблюдению за работой учебно-школьных учреждений с точки зрения осуществления в них принципов.

Разработка единой программы фабзавуча, таким образом, по мысли

ВСНХ распадается на две изолированные части: на общеобразовательную часть, разрабатываемую Наркомпросом, и на обще-техническую и специальную, разрабатываемую ВСНХ, после чего Наркомпросу оставляется право увязки теоретического и практического обучения. В дальнейшем пункт 8-й инструкции ВСНХ об организации практического руководства делом подготовки рабочей силы обязывает Наркомпрос «вести свои текущие сношения с учебно-школьными учреждениями подготовки рабочей силы через соответствующий хозяйственный орган, в ведении которого данное учреждение находится».—Таким образом Наркомпрос, которому ставится задача разработки общеобразовательной части программы, увязывание теории с практикой, отстраняется от непосредственного влияния на педагогический процесс. В то же время ВСНХ подчеркивается необходимость сведения общеобразовательных элементов, оставляемых в ведении Наркомпроса, к минимуму (что, конечно, должно быть сделано при переводе ФЗУ на базу 7-летки). Но это самое ведет к дальнейшему отстранению Наркомпроса от работы по образованию, воспитанию и подготовке подростков. Очевидно, за Наркомпросом, действительно, останется роль наблюдателя над рабочей школой с точки зрения осуществления в ней принципов. С такой постановкой организационного вопроса, с такими попытками его разрешения Наркомпрос, которому, в первую очередь, вменена обязанность заботиться о судьбе рабочей молодежи, не может согласиться.

Вместе с тем попытки изъять рабочее образование из ведения Наркомпроса неизбежно должны привести к созданию своеобразных Наркомпросов не только в аппарате ВСНХ, но и в аппаратах других ведомств. Это ведет к: 1) распылению рабочего образования и к дроблению той идеологической линии, которая Наркомпросом в этом деле проводится, 2) к удорожанию советского аппарата, 3) к конкуренции при комплектовании педагогического персонала учебных заведений и к нарушению существующей тарифной политики.

Так как на местах большая часть уполномоченных по профобразованию по линии хозяйственных организаций является одновременно и заведующими ФЗУ, вечерних рабочих школ и т. д., то предложения ВСНХ фактически ведут к созданию новых аппаратов на местах и соответствующего большого аппарата в центре, т.-е. опять-таки к удорожанию советского аппарата.

Организационный вопрос уже неоднократно ставился. В инструкции о взаимоотношениях между ВСНХ и Наркомпросом по линии профтехнического образования от апреля 1927 г., подписанной замнаркомпросом И. Ходоровским и Зампредседетеля ВСНХ РСФСР Радченко, он получил свое конкретное разрешение. К сожалению ВСНХ еще до сих пор не использовал тех прав, которые ему согласно этой инструкции отводятся. В марте 1928 года Госпланом РСФСР вышеуказанная инструкция была уточнена и представлена в Совнарком РСФСР на утверждение в виде проекта «Инструкции о взаимоотношениях между ВСНХ и НКП по линии профтехнического образования». Эта инструкция, по мнению Наркомпроса, в основном разрешает вопрос о взаимоотношениях между ВСНХ и Наркомпросом. Аналогичного порядка инструкция, регулирующая взаимоотношения Наркомпроса с другими наркоматами по линии профобразования, была утверждена Совнаркомом РСФСР в мае 1928 г.

Вместе с тем Наркомпрос с своей стороны считает, что роль хозяйственных организаций в руководстве профтехническим образованием во всех его видах должна быть усилена. Это усиление должно пойти по линии хозяйственного фланга коллегии Главпрофобра, с одной стороны, и точной регламентации организационно-хозяйственных функций хозяйственных организаций,—с другой. За ВСНХ должно быть закреплено право назначения административного, инструкторского и преподавательского персонала учебных учреждений по рабочему образованию, с правом отвода со стороны Наркомпроса, на основе им же разрабатываемых штатов этих учреждений, разработка и урегулирование сети учреждений по подготовке рабочей силы, ее снабжение и финансирование, согласно им же разрабатываемых норм, установление потребности и производственных характеристик отдельных категорий рабочих и т. д. Одновременно с этим должно быть усилено участие ВСНХ в учебно-методической работе, которая должна остаться за Наркомпросом. Разработка типовых учебных планов и программ, теоретического и производственного обучения на основе устанавливаемых Наркомпросом объема знаний и навыков для оканчивающих ученые учреждения по рабочему образованию, установление сроков обучения, подготовка и переподготовка педагогического и инструкторского персонала и установление требований, коим они должны удовлетворять, и т. д.

Сеть школ ФЗУ включается в общую сеть учреждений народного образования. За Наркомпросом должно быть таким образом оставлено право регистрации этой сети и утверждение закрытия школ ФЗУ, а также право непосредственного инструктирования и контроля учебных учреждений по рабочему образованию.

Эти моменты должны лечь в основу инструкции, разрабатываемой ВСНХ совместно с Наркомпросом и утверждаемой в законодательном порядке.

дет и должна видоизменяться в различных условиях культурного строительства в отдельных районах РСФСР. Уровень культурности масс и развития дела народного просвещения различны, например, в Дальне-Восточной области и Центрально-Черноземной, или в Сибирском и Северо-Кавказском крае. Поэтому конкретная программа курсов для районных и участковых инспекторов соцвоса получит в общем в том или другом крае может быть несколько иной вид, чем приведенная выше, как типичная и примерная. На конструирование программы курсов должны влиять и степень квалификации инспекторов-курсантов. Для новичков-инспекторов изложенная выше программа курсов и будет наиболее подходящей. Для инспекторов же, работавших уже в районе, программа курсов должна быть значительно видоизмененной за счет уменьшения практических занятий и увеличения теоретических, в особенности в области педагогики, биологии и марксизма.

Крайне важно, чтобы на курсах для районных инспекторов соцвоса была солидная специальная библиотека, всегда и вполне доступная курсантам, а также, чтобы курсанты-инспектора, разъезжаясь на работу по районам, получили и на руки минимум необходимых пособий—справочников и руководств для умелого ведения работы в районе.

Целесообразно инспекторские курсы проводить в областном или губернском городе—поближе к производству, т.-е. в стенах, например, крупной опытно-показательной школы-семилетки или опытного педагогического техникума, так как в таких учебных заведениях всегда имеются большие учебные выставки и даже целые педагогические музеи, знакомство с которыми облегчает курсантам-инспекторам усвоение и методическую проработку программ Гуса, ознакомление с содержанием и формами проведения школами общественно-полезного труда и т. д.

Огромное значение своевременной и успешной подготовки кадров районных и участковых инспекторов соцвоса, на обязанности которых будет лежать организационное и методическое руководство всей сетью начальных школ РСФСР,—совершенно очевидно, и надо надеяться, что Наркомпрос и краевые и областные отделы народного образования примут все необходимые меры к обязательному проведению перед началом 1928/29 учебного года курсов по крайней мере для новых районных инспекторов соцвоса, так как от квалификации и подготовленности их будет в значительной мере зависеть и успешность работы в 1928/29 учебном году всей нашей массовой трудовой советской школы.

Д. АВКСЕНТЬЕВСКИЙ.

X ЛЕТ СВЕТСКОЙ ШКОЛЫ

К ДЕСЯТИЛЕТИЮ СВЕТСКОЙ ШКОЛЫ В СССР.

(Из архива Октябрьской революции).

I.

Двадцать первого января 1918 г. Совет народных комиссаров, за подписью В. И. Ленина, издал декрет «Об отделении церкви от государства и школ от церкви». В этом декрете верховный исполнительный орган революционной власти очень сжато, но весьма выразительно формулировал свое отношение к религии в государственной жизни и в школе:

«1. Церковь отделяется от государства.

«3. Каждый гражданин может исповедывать любую религию, или не исповедывать никакой.

Всякие праволишения, связанные с исповедыванием какой бы то ни было веры или неисповедывания никакой веры, отменяются...

«9. Школа отделяется от церкви.

«Преподавание религиозных вероучений во всех государственных и общественных, а также частных учебных заведениях, где преподаются общеобразовательные предметы, не допускается».

Этот декрет повел за собой целую серию других распоряжений, которые исцеляли школу от застарелой и злокачественной язвы, веками отравляющей детские организмы...

«Должности законоучителей всех вероисповеданий упраздняются с 1 января 1918 г.»—гласит другое постановление Совнаркома. Как вывод из двух предшествующих декретов, последовало «Постановление Государственной комиссии по просвещению»—от 18 февраля 1918 года—«О светской школе».

«...Считая религию делом совести каждого отдельного человека, государство в деле религии остается нейтральным, т.-е. не становится на сторону ни одного вероисповедания, не связывает с ним никаких особых прав или преимуществ, не поддерживает материально или морально ни одно из них.

Из этого само собой вытекает, что государство не может брать на себя религиозное воспитание детей. В виду этого, на основании декрета Совета народных комиссаров от 21 января 1918 г. преподавание религиозных вероучений во всех государственных и общественных, а также частных учебных заведениях, состоящих в ведении народного комиссариата по просвещению и исполнение каких-либо религиозных обрядов, в стенах школы не допускается» [1]).

Юридически оформил проведение в жизнь указанных декретов Нар-

---

[1]) См. Сб. декретов и постановлений по народному образованию, выпуск I, стр. 16, 17—19.

комюст, издав постановление «О порядке проведения в жизнь декрета. «Об отделении церкви от государства и школы от церкви». (Инструкция).

В разделе этого постановления—«Преподавание религиозных вероучений»—опять настойчиво напоминается: «В виду отделения школы от церкви преподавание каких бы то ни было религиозных вероучений ни в коем случае не может быть допущено в государственных, общественных и частных учебных заведениях, за исключением специальных богословских».—В следующих двух пунктах сообщается о том, что все кредиты на преподавание религии в школе должны быть немедленно закрыты и преподаватели религиозных вероучений лишены всякого рода довольствия. Кроме того, здания духовных учебных заведений всех вероисповеданий, а также и церковно-приходских школ, как народное достояние, переходят в распоряжение местных советов рабочих и крестьянских депутатов или Наркомпроса.

Таким образом, религия, как государственное установление, упразднялась, она объявлялась элементом домашнего быта, а ее служители, превратившиеся в ревностных агентов самодержавного государства, лишились. теперь юридических прав и материльной опоры со стороны новой государственной власти, олицетворявшей диктатуру пролетариата.

II.

Закон божий, как предмет обучения в русской образовательной школе, преподавался столько времени, сколько существовала в России массовая государственная школа, а именно с конца XVIII века.

При императрице Екатерине II был выработан план организации школьного дела в России; этот план был положен в основу «Высочайше утвержденного устава народных училищ 5 августа 1786 г.». По этому уставу в учебном плане малых и главных народных училищ помещен закон божий, как обязательный предмет, в виде катехизиса с текстами священного писания и евангелие. Затем, при Александре I в 1804 г. 5 ноября издается «Устав учебных заведений, подведомственных университетам». По этому уставу малые и главные народные училища реорганизуются в приходские и уездные училища; кроме того, создается 3 и 4 ступени в системе образования—гимназия и университеты. В учебном плане приходских училищ и уездных порция закона божьего увеличивается; к катехизису и евангелию прибавляется изучение священной истории, но это предназначается для сельского и городского «простонародья». Что касается дворянских школ, т.-е. гимназий, то здесь нужно вспомнить, что дело происходило в начале XIX века, т.-е. на заре русского дворянского либерализма. Будущие декабристы были еще в пеленках, или бегали мальчуганами дошкольного возраста. Величественная тень французской революции 1789 года еще незримо витала даже над крепостной Россией. Совсем недавно русские вельможи, как граф Строганов, были усердными посетителями якобинского клуба в Париже. Сам император Александр имел в качестве воспитателя и друга швейцарского радикала Лагарпа и носился с различными либеральными идейками на счет конституции и даже мечтал о том, как он откажется от престола, удалится в Швейцарию и заживет где-нибудь на берегу озера частным лицом. Вот этот туманный дворянский либерализм в политике отразился и в учебном плане дворянского учебного заведения. В программу гимназии закон божий не попал; вместо него была внесена философия, как отражение господствовавшей в Западной Европе в конце XVIII и в начале XIX века, идеи рационалистической философии.

Но вот после длительного периода войн тухнут последние революционные огни во Франции и надвигается политическая реакция во всей

Европе: низвергается французский император Наполеон Бонапарт, выдвинутый революцией, реставрируется династия Каппетингов и создается «священный союз» монархов, учреждение, очень похожее на современную лигу наций по своим политическим задачам.

Политическая реакция в России немедленно отразилась на всей системе народного образования; в 1817 г. 24 октября Александр I издает манифест, в котором возвещает общие основы просветительной политики: »Желая, дабы христианское благочестие было всегда основанием умственного просвещения, признаем мы полезным соединить дела по министерству народного просвещения с делами всех вероисповеданий в составе одного управления под названием Духовных дел и народного просвещения».

Проще выражаясь, светское воспитание и образование было подчинено религиозному, во главе объединенного министерства был поставлен глава великосветских масонов, религиозный мракобес и мистик князь Голицын. Немедленно приступили к реформе учебных заведений всех типов. 27 марта 1819 г. Главное правление училищ утвердило новые учебные планы гимназий, уездных и приходских училищ.

По новому учебному плану в предметы занятий гимназической программы вводился закон божий, как обязательный предмет, в форме «Чтения из священного писания», а из прежнего курса гимназий были исключены: начальный курс философии и изящных наук, основание политической экономии, коммерческих наук и технологии. Мало того, «Особыми постановлениями 1819—1820 гг. Главное правление училищ предписало ввести во все гимназии, уездные, приходские и другие училища ежедневное чтение нового завета, независимо от уроков закона божия. В награду отличавшимся ученикам должны были выдаваться книги священного писания, или, по крайней мере, духовного содержания» [1]).

Таким образом, школа и религиозное воспитание в ней делались орудием государственной политики, средством для предупреждения и подавления революционного настроения в массах.

Но так как эти меры бюрократического порядка не могли остановить развития производительных сил страны, а также устранить влияния великой французской революции на умы взрослого либерального дворянства, в особенности, офицерства, которое совершило поход в Париж в 1812—14 гг., то, естественно, что в 1825 году вспыхнуло восстание декабристов. Это настолько испугало Николая I, что он, как известно, все свое царствование неустанно сражался с призраком революции.

Декабрьское восстание Николай I объяснил неправильно поставленной системой образования. 14 мая 1826 года был образован комитет устройства учебных заведений, которому Николай I дал задание: «сличить все уставы учебных заведений империи, начиная с приходских школ до самых университетов; рассмотреть и сличить курсы учений, в них преподаваемые, приведя для сего предварительно на вид, по каким книгам или сочинениям оные преподаются».

В результате этого «сличения» последовала выработка нового устава низших и средних учебных заведений 8 декабря 1828 года. По этому уставу было увеличено число часов по закону божию во всех типах школ. Что касается гимназий, то в ней закон божий получил место решительно во всех 7 классах тогдашнего типа гимназии в такой последовательности:

I класс священная стория ветхого завета.
II » » » нового »
III » первая половина катехизиса.
IV » окончание его.

[1]) Исторический обзор деятельности М. Н. П. 1802 — 1902 г. г. С. В. Рождественский.

V » история церкви.
VI » изъяснительное чтение священного писания.
VII » изложение христианских обязанностей.

Для проработки этих разделов были составлены московским митрополитом Филаретом соответствующие руководства: «Священная история и краткий катехизис для учеников низшего возраста», «Пространный катехизис для учеников среднего и старшего возраста». Эти книги, как известно, применялись в школе до революции 1917 года.

С этого времени, т.-е. ровно 100 лет назад, закон божий, как обязательный предмет школьной программы, окончательно утвердился во всех школах.

III.

В царствование Николая I, после расправы с декабристами, в России надолго установилась чудовищная система церковно-полицейского насилия над человеческой совестью и мыслями. Руководящими принципами правительственной политики были—православие, самодержавие и народность, под которою разумелось крепостное право. Для пропаганды этих трех китов российской государственности были мобилизованы все общественные силы—периодическая печать, литература, искусство, вся система народного образования и, наконец, главнейшее орудие государственной политики,—официальная православная церковь. «Без бога не до порога», «За богом молитва, за царем—служба не пропадает» и огромное количество других пословиц и поговорок православно-холопского характера глубоко въелись в психику русского обывателя. Каждый шаг его, каждое общественное событие обязательно сопровождалось молитвой за царя и национальным гимном. Особенно ужасающие опустошения производила система «православия и самодержавия» в школах. Закон божий и церковно-славянское чтение сделались главными предметами изучения в народной школе. Священник был единственным воспитателем и детей и взрослого населения. В средней школе наиболее влиятельными лицами были священник и директор, т.-е. представители православного бога и русского царя. Кому из детей не лезли в голову любовь к богу и преданность царю, тому насильно вколачивали всякими способами эти необходимые для русского подданного качества: в народной школе подзатыльниками, рванием ушей, стоянием на коленях, а в средней школе—отметками, экзаменами, оставлением в классе без обеда, карцером, обязательным посещением церкви и исключением из учебного заведения. И все это производилось во славу православного бога. Благодаря насильственной фабрикации православного верования и внешней верноподданности царю создавалась грандиозная система религиозного фарисейства, патриотического лицемерия и начальственного холопства. В правительственных сферах эта система выражалась в нахальном самодовольстве, нестерпимом высокомерии или хвастливом национальном самомнении. «Разумейте языцы и покоряйтеся, яко с нами бог»—вот формула для употребления в международной политике, а в народных массах эта формула переводилась проще—«шапками закидаем».

«Прошлое России — удивительно, настоящее — более чем великолепно, будущее—выше всего, что может себе представить самое пылкое воображение»—так кратко и выразительно «объяснил» русскую историю николаевский шеф жандармов Бенкендорф. Эта формула была высказана в ответ на «Философическое письмо» Чаадаева, в котором он дал уничтожающую критику русского прошлого и настоящего и выразил свои симпатии к западно-европейскому политическому строю и католицизму. За такое дерзкое непочтение к самодержавию и православию Николай велел объявить Чаадаева сумасшедшим.

Мы не ставим себе задачу проследить детально постановку закона божьего во всех школах на протяжении всей истории до революции или же описать деятельность святейшего синода вместе с российским правительством по части внедрения в массы веры в православного бога и преданности престолу и отечеству,—для этого нужно большое исследование. Однако, совершенно очевидно, что система насильственной пропаганды через школьную систему церковного православия имела неисчислимые последствия на строй мысли, на домашний и общественный быт,—словом, на все виды поведения народных масс в дореволюционной России. Для доказательности этой мысли приведем некоторые данные о системе церковного управления, о тех необозримых материальных ресурсах, какими обладала российская православная церковь накануне Февральской революции. Для этого воспользуемся последним всеподданнейшим отчетом святейшего синода.

IV.

Когда говорят, что царское правительство не вело внешкольного образования среди населения, то это не отвечает исторической действительности. Буржуазно-помещичья монархия Романовых имела в лице святейшего синода огромный, несравненно более мощный, в смысле охвата всей страны и объема материальных рессурсов, аппарат для обработки населения, чем наш современный Главполитпросвет. Это мы докажем цифровыми данными.

Государственное законодательство было построено таким образом, что ставило во главе господствующей церкви монарха и давало ему в руки огромный аппарат религиозной пропаганды. Приведем несколько статей из основных законов Российской империи:

«Ст. 64. Император, яко христианский государь, есть верховный защитник и хранитель догматов господствующей веры и блюститель правоверия и всякого в церкви святой благочиния.

«Ст. 65. В управлении церковном самодержавная власть действует посредством святейшего правительствующего синода, ею учрежденного».

Опираясь на законодательство и всемерную материальную поддержку светской власти, синод создал грандиозную систему религиозного воспитания населения. Следующие данные дают представление об огромном размере синодского аппарата.

Во главе системы стоял руководящий штаб в виде святейшего синода с различными подотделами; на местах были губернские и уездные епархиальные отделения, действующие под руководством центрального аппарата. В распоряжении синода имелась многочисленная армия черного и белого духовенства: 94.000 монахов и монашек с послушниками, 116.000 священников с дьяконами и псаломщиками и около 200 архиереев,—вот тот действенный актив, который занимался внешкольным и школьным «просвещением» народных масс в стране.

Синод обладал густой сетью своих учреждений во всех уголках необъятной России, которые несравненно лучше содержались, чем наши массовые избы-читальни, рабочие клубы или театры. Духовные власти имели руководящие центры в виде архиерейских домов, числом 72, 952 мужских и женских монастырей, 54.000 городских и сельских церквей; к этому нужно еще прибавить 23.593 часовни и молитвенные дома (нечто в роде наших красных уголков). Во всех этих учреждениях был так ловко и умело организован внешний декорум—облачение, песнопения, иконы, хоругви, свечи, что действовал ошеломляюще на психику рядового обывателя.

Согласитесь, что эта сеть дворянско-буржуазной России будет посильнее, чем теперешняя политико-просветительная сеть СССР.

Эта огромная армия попов получала из казенного сундука десятки миллионов рублей себе «на кормление» и на содержание своих учреждений. Государственная дума утвердила смету святейшего синода на 1916 год в сумме 65.643.533 р. в довоенной валюте (см. стенотчет Гос. думы 4 созыва, сессия 4, прил. к стр. 2377).

Кроме казенных ассигнований, Синод получал миллионные доходы от своих имуществ и пожертвований. В 1914 году в отчете синода официально зарегистрировано 41.921.491 р. 23 к. в довоенной валюте. К 1 января 1915 года зарегистрированных наличных церковных сумм было 110.307.793 р. 73 г. и 61.637.187 р., принадлежащих церковным причтам. Это только наличные церковные суммы, не считая монастырских сумм, церковных и монастырских драгоценностей, земельных угодий, домов и пр. недвижимого имущества (см. всеподданнейший отчет святейшего синода за 1914 год).

Обладая неисчислимыми материальными ресурсами, государственная церковь имела также мощную сеть своих учебных заведений. В ведении церкви были 4 духовных академии с 164 преподавателями и начальствующими лицами, где училось 1.010 студентов, 56 духовных семинарий с 22.734 учащимися, 185 духовных училищ с 29.419 учащимися, 85 епархиальных и женских училищ с 31.848 учащимися-девушками.

Таким образом, только для своей касты духовенство имело 4 специальных вуза, 141 средних специальных училищ и 185 низших школ. Вот какой аппарат имела господствующая церковь для подготовки своих пропагандистов.

Кроме того, государственная церковь старалась захватить в свои руки всю низшую народную школу. На протяжении 60 с лишним лет духовенство вело упорную борьбу с буржуазией в лице земцев за душу крестьянского мальчика. Победить Синоду не удалось. Однако, к 1 января 1915 года святейший синод имел 37.528 церковно-приходских школ для детей и 104 школы для взрослых. Для подготовки учительского персонала имел 506 своих педагогических учебных заведений. Церковно-приходские школы охватывали 2.079.891 детей. В этих школах преподавала армия учителей в 48.718 человек. Если в своих школах синод бесконтрольно распоряжался, то в школах светских духовенство также имело очень большой вес, беспрепятственно нагнетая на совесть детей и преподавательского персонала. В общеобразовательных низших и средних школах занимались пропагандой православного вероучения свыше 50.000 законоучителей.

Вся эта несметная рать клириков, располагая великолепно организованным, веками сложившимся аппаратом, огромными денежными ресурсами, мощной сетью учреждений,—создала необычайно прочную систему душевного вредительства, поработив народное просвещение, подчинив науку, искусство, общественную печать,—словом, все стороны проявления человеческой мысли.

Насколько велик был гнет со стороны государственной церкви и какой страх остался перед этим чудищем у наиболее даже прогрессивной части русского общества,—служит тому примером почтительное отношение к закону божьему в школе различных общественных организаций после Февральской революции, когда церковь, хотя только по внешности, лишилась могущественной поддержки государственной власти. Для иллюстрации этой мысли воспользуемся документами, извлеченными из архива Октябрьской революции.

V.

После Февральской революции, когда исчезла старая феодально-бюрократическая власть и возникла новая буржуазно-демократическая

в лице Временного правительства, положение господствующей церкви в государственном строе обновленной России чрезвычайно мало изменилось. Временное правительство из своего состава послало в святейший правительственный Синод нового обер-прокурора В. Н. Львова. Львову было поручено удалить на покой тех из архиереев, которые особенно скандально себя скомпрометировали дружбой с Распутиным и его друзьями.

Проследим отношение нового буржуазно-демократического правительства к официальной церкви и его руководящему аппарату по таким документам как «Журналы заседания Временного правительства».

10 марта Львов поставил вопрос об изменении состава членов присутствующих в синоде; Временное правительство приняло такое постановление: «Изменение состава членов, присутствующих в святейшем синоде, производить постепенно с соблюдением необходимой осторожности» [1]).

Когда же, наконец, решились уволить на покой московского митрополита Макария, то сочли нужным дать ему пожизненную пенсию по 6.000 руб. в год.

Просто удивительно, какими мелочами церковного характера занимало себя Временное правительство в ту поразительно бурную эпоху, когда события международного и всероссийского масштаба неслись могучим потоком по возбужденной стране. Вот, для примера, на одном из заседаний разбирается заявление князя Мещерского о том, чтобы ему разрешили в 3-й раз жениться. 25 мая Временное правительство заслушало «представление министра внутренних дел о разрешении крестьянке Евфросинии Фарфоломеевой перейти из православия в магометанство».

Когда же с мест в правительственные учреждения хлынул поток заявлений, постановлений, резолюций и требований от отдельных лиц и общественных организаций об урегулировании религиозных и церковных вопросов, Временное правительство издало декрет «О свободе совести» [1]). Декрет содержит в себе пункты, в которых разъясняется, что принадлежность к тому или иному вероучению или же полная безрелигиозность не умаляет политических прав граждан. Дети до 9 лет принадлежат к религии родителей или опекунов. Достигшие 14 лет могут переменить вероучение или объявить себя совсем неверующими. Дети старше 9 лет не могут быть переведены в другое вероисповедание без их согласия и т. д.

Оценивая содержание декрета, устанавливаем, что в нем нет и намека на отделение церкви от государства. Декрет не касается также вопроса о преподавании религии в школе. Мало того, Временное правительство сделало шаг, который, по нашему мнению, еще крепче связывал светскую государственную власть с духовной: 5 августа 1917 года на заседании Временного правительства принимается решение о реорганизации секретариата обер-прокурора святейшего синода в самостоятельное «министерство исповеданий» и о переименовании обер-прокурора в министра исповеданий. Принятое положение о новом министерстве начинается таким образом:

«Учредить министерство исповеданий на нижеследующих основаниях:

1. Министерство исповеданий образуют: министр, два его товарища, департамент по делам православной церкви, департамент по делам православных и иноверных исповеданий и юрисконсульская часть министерства.

[1]) Архив Октябрьской революции Т. Б. Журналы заседания В. П., протоколы №№ 8, 14 и 28.

[2]) «Вестник Временного провительства» от 20 июля 1917 г.

2. Министр и его товарищ назначаются из лиц, принадлежащих к православному вероисповеданию».... и т. д.

Очевидно, что Временное правительство решило не только использовать церковно-бюрократический аппарат официальной церкви для своих целей, но и оставить за православием привилегированное положение в стране.

Вынося такое решение и вообще оставляя церковную организацию государственным учреждением Временное правительство засвидетельствовало свое ближайшее классовое родство с прежним феодально-бюрократическим строем.

До конца своего существования Временное правительство отпускало из казначейства огромные суммы на содержание православного духовенства по смете, утвержденной до революции, не коснулось привилегий православного вероучения по сравнению с другими религиозными учениями, оставило за государственной церковью ее колоссальные материальные ресурсы.

Когда на местах в школах напором революционного потока был упразднен закон божий, как предмет преподавания, и положение духовенства в учебных заведениях сделалось невыносимым, Министерство народного просвещения в лице министра Ольденбурга сделало робкие шаги, чтобы определить положение этого предмета в школьной программе.

В конце августа министерство Ольденбурга выработало весьма скромный проект по этому вопросу и направило его на согласование в Государственный комитет по народному образованию. Содержание его следующее:

«1. От обучения закону своей веры освобождаются те из учащихся, которые признаны в порядке, установленном в статьях 2, 3 и 4 Постановления Временного правительства от 14 июля 1917 г. о свободе совести, не принадлежащими ни к какой вере, а равно и те заботы о религиозном обучении коих будут приняты на себя их родителями и опекунами, согласно сделанному последними письменному о том заявлению начальству соответственного учебного заведения.

2. Освобождение учащихся от прохождения курса закона своей веры не ограничивает прав, даваемых прохождением курса учебного заведения».

Таким совершенно формальным выводом из общего декрета о свободе совести министерство думало отмахнуться от чрезвычайно сложного вопроса о религии в школе. Кстати сказать, этот проект не превратился в закон, так как не успел выползти из канцелярских дебрей. Предмет закона божия остался в школе формально в прежнем положении до советского декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви, содержание которого мы привели в начале нашей статьи.

VI.

Несравненно более отзывчивыми и радикальными зарекомендовали себя различные общественные организации, возникшие после свержения самодержавия. В мае и июне 1917 года всероссийские общественные союзы и политические организации явочным порядком создали при министерстве народного просвещения Государственный комитет по народному образованию. В начале своей работы комитет наметил ряд основных руководящих тезисов по реформе народного образования, в числе которых был и тезис о религии в школе, редактированный в таком виде: «Органы местного самоуправления, частные лица и организации получают право открывать учебные заведения светского характера, т.-е. лишенные религиозного элемента и в учебном плане и в строе школы».

«Устанавливается право родителей не обучать своих детей закону божию в школе, а после определенного законом возраста право отказаться от изучения этого предмета предоставляется самим учащимся».

На основании этих директив было разработано по поручению комитета небольшое положение под наименованием: «Религия в школе»,— состоящее из восьми тезисов.

Трудно себе представить документ более противоречивый, чем это положение о религии в школе. Его можно понять только при учете необычайно сложной политической обстановки середины 1917 года, когда стихийно нарастала ожесточенная классовая борьба вокруг войны, аграрного вопроса, рабочего законодательства, контроля над частно-капиталистической промышленностью и т. д. Кроме того, нужно помнить, что авторами этих тезисов были представители народнической интеллигенции, социологическая концепция которой была чрезвычайно проста: население страны делится на два класса: трудящихся и нетрудящихся, т.-е. эксплоататоров. К классу трудящихся относятся крестьяне, рабочие, интеллигенция,—словом все, кто трудится. Конечно, вождем трудящихся должна быть революционная и просвещенная интеллигенция. А так как эта интеллигенция была против марксизма и материализма, то отсюда нам понятно, почему даже самые честные и революционные народники начинают благоговейно бормотать что-то совершенно нечленораздельное, когда им приходится говорить о существовании бога или о религии в школе.

Для примера приведем часть второго тезиса из положения о религии в школе: «Признавая в то же время, что с социально-психологической и педагогической точек зрения преподавание религии в школе н е д о л ж н о носить обязательного характера, комитет полагает, что закон божий д о л ж е н б ы т ь в в е д е н в программу школы всех ступеней, как предмет необязательный, с правом родителей не обучать своих детей закону божию в школе, а после 16-летнего возраста и самих учащихся, независимо от того, к какой религии они принадлежат».

Неправда ли, замечательная диалектика: с одной стороны: «...преподавание религии в школе не должно носить обязательного характера», а с другой—«...закон божий должен быть введен в программу школы всех ступеней, как предмет необязательный». Типичное для мелкобуржуазной идеологии ковыляние между прямым и решительным ответом: за или против религии в школе.

Другие тезисы также уклончивы и неопределенны: «Преподаватели закона божия не входят в состав педагогического совета школы» (тезис 4). А с другой стороны—вознаграждение за преподавание закона божия сохраняется из государственных средств.

Эти тезисы Государственный комитет рассматривал на двух заседаниях 21 июля 1917 года.

Тезисы были значительно переработаны в документ, который стал называться «Временное положение о преподавании закона божия в правительственных, общественных и частных, с правами правительственных учебных заведений ведомства м. н. просвещения». Пункты положения стали яснее, но общий дух его стал несравненно реакционнее. Между прочим, в пункте 7 установлено, что «Преподаватели закона божия, независимо от исповедания, приглашаются на общем основании с другими преподавателями и пользуются полными правами в педагогическом совете».

По требованию всероссийского съезда законоучительских организаций и представителей родительских комитетов, Государственный комитет

вновь поставил на обсуждение «Временное положение о преподавании закона божия»—в заседании от 3 августа, на котором присутствовало пять представителей от законоучительского союза.

Докладчик комитета В. А. Герд сообщил пленуму о тех стадиях, какие прошел вопрос о законе божием в школе, указал, что выработанное «Временное положение» имеет много недостатков, во многих пунктах чувствуется недоговоренность; поэтому на данном собрании необходимо окончательно установить редакцию спорных и неясных пунктов.

Не имея возможности останавливаться на изложении интересной дискуссии, происшедшей между членами Государственного комитета, отстаивающими необязательность закона божия в школе, и представителями законоучительского союза—петроградскими иереями, требовавшими его обязательности,—должен сказать, что обсуждение временного положения о преподавании закона божия окончилось совершенно неожиданным концом: законопроект был снят с обсуждения и вновь передан для переработки. Поводом для такого решения послужило непримиримое противоречие, возникшее между членами комитета из-за вопроса, кто должен оплачивать законоучительский труд: государство или приходы и религиозные общины? Сначала была принята поправка, что обучение закона божия происходит за счет религиозных общин. Потом комитет принял другую поправку, что комитет считает необходимым впредь сохранить ассигнования за закон божий из государственного казначейства. За сохранение ассигнований голосовало 9 человек, против—7 и воздержалось 10 членов Государственного комитета.

Когда в конце августа бюро Государственного комитета получило проект о законе божием в школе, составленный министерством народного просвещения, оно указало на недостатки министерского проекта, который, по мнению бюро: 1) «не дает возможности юношам и девушкам, которым минуло 14 лет, отказаться от изучения закона божия, не выходя из своего вероисповедания, и 2) не указывает на право этих же лиц приступить к изучению закона божия, если они не обучились ему по желанию родителей, 3) не указывает на распространение нового закона на ныне обучающихся учеников». Предложенная бюро комитета редакция законопроекта, устраняющая указанные недостатки министерского проекта, совершенно имеет другой облик, чем та редакция, которая выражена была во «Временном положении о преподавнании закона божия». Снят пункт необязательности закона божия в школе; нет упоминания о том, кто же содержит преподавателей вероучений,—словом, авторы новых тезисов обошли все спорные вопросы о постановке преподавания религии в школе или об ее полном изгнании из стен школы, а ограничились тем, что механически сделали выводы из общего декрета «О свободе совести», изданного Временным правительством 14 июля 1917 года.

Таким образом, замечается интересная тенденция: чем ближе к октябрьскому перевороту, чем революционнее и решительнее выступали рабочий класс и крестьянство в своих социально-классовых требованиях, тем консервативнее и осторожнее становилась интеллигенция в решении основных идеологических вопросов. Государственный комитет, вобравший в себя свыше 100 представителей 15 центральных наиболее авторитетных всероссийских организаций, также не мог справиться с вопросом о религии в школе, как сами эти организации—ВЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов, Исполнительный комитет крестьянских депутатов, Всероссийский учительский союз, Всероссийский союз кооперативов и т. д. не могли разрешить основных социально-политических, хозяйственно-экономических и военных задач, поставленных перед ними Февральской революцией. Они своими колебаниями загнали страну в глубокий и всесторонний государственный хаос.

VII.

Чрезвычайно интересно проследить, как отнеслось к вопросу о религии в школе само духовенство.

Как только из газет стало известно, что Государственный комитет выработал проект о преподавании закона божия в школе, в котором были выражены тенденции признать закон божий необязательным для учащихся, многочисленная рать православного духовенства быстро сорганизовалась и пошла в контратаку против комитета в защиту своих позиций в школе. Духовенство двинулось против Государственного комитета и министерства народного просвещения двумя путями. Немедленно был созван всероссийский съезд законоучителей, который открылся в Петрограде 12 июля. В первый же день было принято «Воззвание членов Всероссийского съезда законоучителей к пастырям и мирянам православной церкви», в котором синодские заправилы сообщают о предполагаемой реформе и дают очень подробную и выразительную инструкцию мирянам и священникам, как и где, на каких собраниях составлять приговоры с протестами против умаления закона божьего в школьной жизни. «...Всероссийский съезд законоучителей, занимающийся в настоящее время в Петрограде облегчением и улучшением способов преподавания закона божьего, именем всего святого умоляют вас встать на защиту святой веры в школе, а через школу и в жизни.

«Сейчас без промедления подайте свой голос: хотите ли вы, чтобы дети ваши учились истинам и нравственности христианской в школе или нет, хорошо ли будет, если православная вера будет уже в сознании ваших детей являться чем-то настолько неважным, что для вразумления и изучения ее нет даже и времени в школе»... и т. д.

Дальше следуют подробные указания священникам, городским и сельским, что нужно делать на местах: «...Спешите же исполнить нашу просьбу, пока еще не поздно. Скорее организуйтесь, бейте тревогу. На всех собраниях, которые будут у вас скоро по поводу выборов на церковный собор, на приходском собрании 23 июля, а если не успеете об этом своевременно узнать, то в течение последующей недели, затем на благочестивом собрании 30 июля и, наконец, на епархиальном собрании 8 августа возбуждайте этот громаднейшей важности вопрос, заинтересуйте им всех, обсуждайте его со всею серьезностью, записывайте свои постановления и, оставивши у себя при делах копии, немедленно посылайте подлинники в бюро Всероссийского законоучительского союза: Петроград, Забалканский проспект, № 29, протоиерею М. Чельцову». Так заканчивается воззвание съезда, которое послужило сигналом для атаки на Государственный комитет.

Тогда же было послано отношение «В бюро Всероссийского союза родительских комитетов в Москве», в котором приводятся все резолюции и тезисы, принятые Государственным комитетом о законе божием в школе и предлагается «...в порядке исключительной спешности осведомить все родительские организации, сделать соответствующие отзывы и постановления о желательном положении закона божия в школе»... и эти постановления «с наивозможною спешностью направить в министерство народного просвещения, а копии с них—в бюро Всероссийского союза законоучителей»....

В результате такой энергичной и стремительной обработки населения в центр—во Временное правительство, на имя министра народного просвещения и в Государственный комитет—стали поступать приговоры об оставлении закона божия в школе в качестве «главного и обязательного предмета». Всероссийский законоучительский съезд принял целую серию резолюций в защиту закона божия, в которой даются поручения

избранному им совету Всероссийского законоучительского союза действовать во всех правительственных органах против покушений Государственного комитета: «3. Обратиться через президиум съезда к министру народного просвещения и обер-прокурору св. синода с выяснением крайней опасности предпринимаемых Государственным комитетом реформ в отношении закона божия». «6. Признать необходимым присутствие в Государственном комитете представителей всероссийского съезда законоучителей в количестве пяти лиц». «9. Признать необходимым, чтобы средства государственных или общественных самоуправлений, отпускавшиеся на преподавние закона божия, отпускались и впредь до издания органического закона на основаниях, одинаковых для преподавателей обязательных предметов».

Дальше даются поручения совету законоучительскому союза—«сделать соответствующие представления Государственному комитету при первой возможности». Исполняя поручения съезда, совет законоучительского союза отношением просил включить в состав Государственного комитета пять делегатов от Всероссийского законоучительского союза. Государственный комитет отказал в этой просьбе законоучительскому союзу и предложил прислать пять делегатов с совещательным голосом для участия в заседании Государственного комитета 29 июля, в 10 ч. утра, где будет разбираться «Временное положение о преподавании закона божия».

Прибывшие на заседание столичные иереи добились того, чтобы вопрос о законе божием был снят и перенесен на следующую сессию.

3 августа была назначена однодневная сессия комитета, на заседании которой делегаты законоучительского союза развернули свою аргументацию против необязательности закона божия в школе. Вот выдержка из речи делегата протоиерея М. Чельцова:

«...В настоящее время ежедневно получается до 150 приговоров приходских собраний, за массой подписей, которые говорят, что закон божий должен быть обязательным предметом школьного преподавания... Получаются приговоры от сел, местечек, станиц, губернских и уездных городов, столиц; на некоторых приговорах имеется свыше 1.000 подписей. Получен приговор рабочих с Малой Охты, на нем свыше 600 подписей. Подписывают и интеллигентные люди: учителя, профессора и т. д. Все это дает основание сказать, что обязательности изучения закона божия в школе желает, даже требует русское население. Могут сказать, что не все население требует этого. Но разве можно собрать подписи всего населения?. За неделю получается, говорю, до 1.000 приговоров, при чем не только от обществ, но и от педагогических советов и родительских организаций»...

В заключение Чельцов так сформулировал свои возражения: 1) необязательность изучения закона божия не вытекает из действующих основных законов, в силу которых церковь не отделена от государства, и значит, не отделена от школы; 2) родители, народ требуют обязательного изучения закона божьего и нужно считаться с этим требованием: 3) течение западно-европейской мысли в последнее время также за обязательность закона божьего; 4) не следует выдвигать вопроса о необязательности изучения закона божьего по тактическим соображениям, имея в виду происходящие волнения и брожения, и 5) делать 14-летнего ученика судьей в вопросах: есть ли бог или нет, с богом или без бога, едва ли удобно в педагогическом отношении [1]).

Доводы духовных делегатов не убедили комитет, члены которого

[1]) Бюллетень Г. К. № 4—5 стр. 15.

единогласно высказались за необязательное изучение закона божьего в школе.

Мы постарались по документам Государственного комитета и Министерства народного просвещения проверить, в какой мере утверждение церковников насчет того, что население хочет закона божия и присылает тысячи приговоров по этому поводу. Оказалось, что дело обстояло не совсем так, как утверждали в Государственном комитете делегаты законоучительского союза.

Когда на местах в губернских и уездных епархиальных отделениях получили воззвание и инструкции из Петрограда насчет закона божия, то епархиальные архиереи поступили очень просто: разослали всем приходским священникам телеграфное предписание немедленно созвать церковные приходы и составить приговоры в форме протеста против изгнания закона божия из школы. А чтобы деревенские батюшки неособенно затруднялись в составлении приговоров—синодское начальство послало им готовенькие формы, как нужно «протестовать». Чтобы не быть голословными, приведем выдержки из приходских приговоров крестьян, совершенно различных губерний. Вот постановление приходского совета Свято-Никольской церкви местечка Дмитриевского-Булаховки, Павлоградского уезда, Екатеринославской губернии:

«1. Мы все, как русские и по вере православные, требуем, чтобы в народных школах с православными учащимися закон божий был бы главным и обязательным предметом обучения и преподавание его обязательно поручать священникам.

2. Учителя других предметов должны быть только православные среди православного населения; только при этом нашем требовании может быть любовь наша к школе и связь с учителями, и без этого школы не будут приняты народом, как противные его воле» [1])... и т. д.

А вот другой приговор граждан села Выдреевки, Семеновского уезда, Нижегородской губернии: «...2. Мы все, как русские и по вере православные требуем, чтобы в народных школах с православным населением закон божий был главным и обязательным предметом обучения и преподавание его поручить священникам; учителями других предметов в народных русских школах с православным населением обязательно должны быть русские и православные; только при этом нашем требовании может быть любовь наша к школе и связь с учителем; без этого школы не будут приняты народом, как противные его воле и желанию...». Чем объяснить почти дословное совпадение постановлений граждан живущих, на расстоянии почти тысячи верст? Тем, что синодские попы посылали на места готовые приговоры, а деревенские попики вместе с церковным миром подписывались, прикладывали печати и слали обратно по начальству.

Так незатейливо фабриковалось «восстание масс» против Государственного комитета в защиту закона божия в школе.

Но это не все. Мы видели, как робки и неуверенны были шаги Государственного комитета только в академическом решении вопроса: признать обязательным или необязательным закон божий в школе, и в конечном итоге вопрос остался нерешенным. А между тем совет Всероссийского Законоучительского союза во главе с синодским протоиереем Чельцовым послал на места сообщение, что Государственный комитет постановил совершенно уничтожить закон божий в школах. Вот препроводительная бумажка Александрийского волисполкома от 7 августа 1917 г. за № 172:

«Александрийский волостной исполнительный комитет, прилагая при сем копии приговора Александрийского сельского схода, имеет честь

[1]) Архив Октябрьской Революции. Ф. 476. Арх. № 4.

сообщить, что уничтожение закона божия в школах внесло смуту среди крестьянского населения и с своей стороны поддерживает постановление сельского схода» [1]).

Нам посчастливилось просмотреть таких приговоров свыше 130 и почти везде имеются заявления о том, что Государственный комитет «уничтожил», или «отменил», «упразднил», «изгнал» и т. д. закон божий из школы.

В заключение нашего очерка в качестве вывода выскажем пародоксальную мысль: святейший синод и законоучительский союз заслуживают самой серьезной благодарности со стороны советской власти за то, что они так организованно и всесторонне подготовили население к действительной отмене закона божия в школах. Когда в 1918 году закон божий был на самом деле упразднен декретом Совнаркома, население уже было готово к этому: оно уже пережило волну реакций и отразило свое отношение в той или иной форме в 1917 году под влиянием агитации духовенства против Временного правительства и Государственного комитета. Вновь поднимать население уже против советской власти за ту же меру—отмену закона божия—было гораздо труднее: религиозная энергия могла выветриться, да, кроме того, являлся законный вопрос: позвольте, батюшка, вы же в 1917 г. писали, что Государственный комитет уничтожил закон божий; когда же вы говорили правду: тогда или теперь?

Так, помимо своей воли синодские иереи облегчили советской власти ликвидацию закона божия в школе.

К. БЕНДРИКОВ.

---

[1]) А. О. Р.—Ф. 476. Арх. № 4.

ПО ПРОСВЕЩЕНСКИМ ЦЕХАМ

КАК ОТНОСЯТСЯ К ВАМ ДЕТИ *).

БОЛЬНОЙ ВОПРОС.

Несколько месяцев назад под этим заголовком «Учительская Газета» провела на своих страницах обширную дискуссию по вопросам школьной дисциплины. Этой дискуссии предшествовал специальный диспут на ту же тему, собравший огромное количество педагогов Москвы и Московской губернии.

И выступления учителей на диспуте, и огромное количество работников, откликнувшихся на дискуссию, и все растущий приток корреспонденций в газету на тему о дисциплине,—все это показывает, что вопросы школьной дисциплины еще не разрешены окончательно, что наша массовая школа еще продолжает искать ответа, еще не уяснила себе окончательно причин болезни и методов лечения.

«Из года в год с наступлением учебного года неизменно вырастает во всю ширь больной вопрос о школьной дисциплине. Шквалом пронесшейся революции поднялась активность масс и одновременно расшатались старые устои. Вихрь революции, конечно, не мог не задеть и всех пор нашего быта, в частности школы. Диконелепая старая дисциплина, казенная муштровка исчезли бесследно и надежд на возвращение ее, конечно, быть не может.

Вопрос о школьной дисциплине—вопрос крайне больной, мучительно-жгучий».

Эту же мысль развивает и тов. Кондаков (Сибкрай):

«За редким исключением в большинстве наших школ дисциплина обещает желать много лучшего. Ненормальностей много. Тут и чересчур товарищеское отношение учеников к учителю, и грубости по адресу последнего, и прочее, и прочее».

Об этом пишут десятки других корреспондентов со всех концов Союза советских республик. Везде вопрос о дисциплине—больной вопрос, повсюду школа страдает этой болезнью, всюду учительская мысль упорно бьется над разрешением этого больного вопроса.

На две части расчленяет учитель этот вопрос. С одной стороны, он стремится уяснить себе те причины, которые создают ненормальную дисциплину, которые иногда приводят к тому, что учитель окончательно теряет голову и начинает бороться методами, недопустимыми в условиях советской школы.

С другой стороны, учитель анализирует различные приемы педагогической практики в борьбе за нормальную дициплину и на основе собственного опыта выявляет и рекомендует для использования те из них, какие дают наилучшие результаты.

---

[1]) По письмам в «Учительскую газету».

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

НАРОДНОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ

ВОПРОСЫ
ПОЛИТИКИ И
ОРГАНИЗАЦИИ
НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ

АВГУСТ—СЕНТЯБРЬ

№ 8—9

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ НАРКОМПРОСА РСФСР

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — 1928 — ЛЕНИНГРАД

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

ДИКТАТУРА ПРОЛЕТАРИАТА И КУЛЬТУРНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ—(из программы Коммунистического интернационала 3

К НОВОМУ УЧЕБНОМУ ГОДУ—*М. Эпштейн* 5

ВОПРОСЫ ВОСПИТАНИЯ В ШКОЛЕ.

М. Эпштейн. Общественно-политическое воспитание 8

П. Кругликов. Культурная революция и первоочередная задача социального воспитания. 23

С. Шабалов. Труд в повышенной школе соцвоса 34

С. Черепанов. Пути развертывания внешкольной работы среди детей в городе 39

И. Лебедева. Дети и школьное кино 51

Д. Данкин. Организация сбережений школьников 52

К ПАРТСОВЕЩАНИЮ.

Н. Казанский. Поход т. Свадковского против единой школы 55

И. Огородников. К вопросу о системе народного образования 58

Баишев. Система народного просвещения в Киргизской АССР 61

ПЛАНИРОВАНИЕ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ.

И. Богданов. Методология определения показателей обеспеченности школьным оборудованием 67

Л. З. Рационализация промышленности и подготовка рабочей силы на Урале. 79

ОБЩЕСТВЕННОСТЬ И ШКОЛА.

Т. Левичев. Секции народного образования горсоветов—двигатели культурной революции 88

УКЛОНЫ В ШКОЛЕ II СТУПЕНИ.

Г. Лурье. Кооперативный уклон в школе II ступени 95

В. Старцев. Индустриальный уклон в школах II ступени 100

ПОВЫШЕНИЕ КВАЛИФИКАЦИИ РАБОТНИКОВ ПРОСВЕЩЕНИЯ.

Э. Дрезен. К вопросу о подготовке и переподготовке квалифицированных работников-рационализаторов 105

В. Васильев. Учет квалификации педагогов и оценка педагогического труда. 110

В. Войтонис. Практикум, как форма повышения квалификации учительства 118

В. Новомирский. Не погоня за модой, а насущное требование жизни о самокритике 128

СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ.

И. Каиров. Состояние учебных хозяйств массовых сельскохозяйственных школ 132

ПРОСВЕЩЕНИЕ НАЦМЕН.

Г. Ульянов. К вопросу о подготовительных работах по всеобщему обучению среди нацмен. 141

А. Розин. Нацменпросвещение в 1928 г. 152

А. Вигдоров. На одном из участков национально-просветительной работы 157

РАЦИОНАЛИЗАЦИЯ В ШКОЛЕ.

Ольга Аникст. Под знаком рационализации педагогического процесса 173

В. Чаплиев. О рационализации учительского труда. 176

Врач Халевская. Приближение к школе на открытом воздухе через рационализацию школьной мебели. 178

СТОЛЕТИЕ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Л. Н. ТОЛСТОГО.

С. Шацкий. Педагогическое и художественное творчество Толстого . . 180

Н. Чехов. Юбилей Л. Н. Толстого в Ясной Поляне 188

НАРКОМПРОС НА ВЫСТАВКЕ СПАРТАКИАДЫ—*Г. Красновская* . . . 194

ЗАПАД И МЫ.

С. Шацкий. Советская школа, ее теория и практика 197

М. Эпштейн. Социальное и правовое положение пролетарского ребенка в Советском Союзе и капиталистических государствах 205

М. Пистрак. Школа и общество 210

СОВЕТСКИЕ ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ВЫСТАВКИ ЗА ГРАНИЦЕЙ.—*А. Подземский* 213

ЗА ГРАНИЦЕЙ.

М. Штейнгауз. Дошкольное строительство в Австрии 221

В. Куфаев. О подготовке работников по охране детства за границей . . 229

Какой же специфический облик мы должны придать этим кассам?

Прежде всего школьные сбережения должны быть делом о б щ е с т в е н н ы м.

Для этого оно должно создаваться самими учащимися, при помощи создаваемых советов содействия школьному сбережению при каждой школе—в составе представителей от у ч а щ и х с я, п е д а г о г и ч е с к о г о п е р с о н а л а и р о д и т е л е й учащихся.

Обслуживание школьной сберкассы производится самими школьниками под контролем Центральной сберегательной кассы; причем комиссионное или какое-либо иное вознаграждение в отношении школьников-сборщиков сбережений—н е д о п у с т и м о, ибо введением оплаты школьных сборщиков мы превратили бы общественную школьную сберкассу в обычную агентскую (посредническую), что является нецелесообразным.

Вкладчиками школьной сберкассы могут быть только учащиеся школы или их родители, вносящие деньги на имя учащегося.

Школьные сберкассы производят лишь вкладную операцию, прием и выдачу вкладов, а также продажу сберегательных сертификатов. Касса может быть открыта, хотя бы полчаса, но ежедневно, в часы занятий.

Прием вкладов должен производиться немедленно, а выдача на следующий операционный день после заявки. Никакой наличности храниться у сборщиков не должно.

Вся отчетность по деятельности школьных сберкасс ведется Центральной сберкассой.

В деятельности школьных сберкасс наибольшее значение должны получить не вклады до востребования, а условные и специального назначения.

Вклады могут быть и н д и в и д у а л ь н ы м и—для покупки велосипеда, книги, радио, или к о л л е к т и в н ы м и, когда школьники собирают деньги на общую цель: поездку в дальнюю экскурсию, пионерлагерь и т. д.

Необходимо, конечно, выработать ряд стандартных условий и назначений школьных сберкнижек.

Организации такой школьной сберкассы должна предшествовать агитационная подготовка, путем информационных докладов для педагогического персонала, учащихся и родителей, путем раздачи специальной агитлитературы.

Это лишь первая попытка поднять этот вопрос, и она не должна заглохнуть. Работники мест должны поделиться своими соображениями по этому поводу, а Главное управление госгрудсберкассами, в лице своих групп, агитационной и операционной техники (рационализации) должны этот вопрос разработать и, в виде опыта, осуществить организацию сети школьных сберкасс при о п ы т н о й ц е н т р а л ь н о й г о с г р у д с б е р к а с с е при Главном управлении.

Начать надо с Москвы и, учитывая московский опыт, создать широкую сеть школьных сберкасс на изложенных в этой статье началах.

Необходимо договориться с Моно и с Наркомпросом, необходимо найти поддержку этому начинанию не только в недрах ведомств и работников мест, но и со стороны широкой советской общественности.

Надо твердо помнить, что дело школьных сбережений—это не вопрос увеличения рентабельности сберегательных касс СССР—это серьезнейший вопрос пропаганды идеи целевых т р у д о в ы х сбережений, это вопрос воспитания подрастающего поколения трудящихся.

ДАВИД ДАНКИН.

К ПАРТСОВЕЩАНИЮ

ПОХОД т. СВАДКОВСКОГО ПРОТИВ ЕДИНОЙ ШКОЛЫ.

В статье «К вопросу о пересмотре школьной системы СССР»[1] т. Свадковский предлагает внести целый ряд изменений в существующую систему народного образования, которые в основном можно характеризовать как поход на е д и н у ю школу.

Исходным пунктом рассуждений т. Свадковского является следующее положение: «надо четко различать две задачи советской власти в области народного просвещения: 1) поднятие общего культурного уровня масс и 2) подготовка рабочей силы для определенных видов специальной работы» (98). «Система школ для удовлетворения первой задачи должна строиться по принципу (очевидно: «исходя из»... *Н.К.*) наличного состава детской массы и имеющихся в стране рессурсов для этой цели. Вторая задача выполняется системой школ, которые должны строиться не по принципу удовлетворения потребностей в образовании, а по принципу полнейшего соответствия количества и качества продукции этих школ нуждам развивающейся и реконструирующейся промышленности и общественности» (101).

Первую задачу, по мнению т. Свадковского, у нас должна выполнять школа I ст. Вторую задачу—профессиональные школы (низшая, средняя и высшая).

Право на поступление в низшую профшколу дает школа I ст. Что же касается остальных типов профшколы (средняя и высшая), то право на поступление в них дают т о л ь к о р а з л и ч н ы е к о н ц е н т р ы ш к о л ы II ст., н и з ш а я ж е и с р е д н я я п р о ф ш к о л а л и ш а ю т о к о н ч и в ш е г о и х п р а в а п о с т у п л е н и я в с т о я щ и е н а д н и м и т и п ы п р о ф ш к о л ы.

Это и есть то н о в о е, что предлагает т. Свадковский, но... «в новизне твоей—старина слышится».

Попросту говоря, т. Свадковский предлагает вернуться к системе «тупиков», столь характерной для буржуазной системы народного образования, когда учащийся, попав в некоторые типы школы, тем самым лишается возможности перейти в школу более высокого типа.

Мотивируется необходимость тупиков следующим образом: «государство на тебя затратило тысячи рублей, оно дало тебе преимущества, выделяя тебя из миллионов кандидатов, желающих учиться, оно дало тебе квалификацию для ответственной работы на производстве, — иди и приложи в работе все, что ты узнал» (94). Правда, дальше говорится: «Если ты хочешь еще более квалифицироваться, пути тебе не заказаны, но продолжай свое образование на работе и для совершенствования работы» (94). Тов. Свадковский, давая такое «поучение», забывает, что одним

---

[1] См. «Народное просвещение» 1928 г., № 6.

из мотивов лишения права окончивших профшколу обучаться в высшей—школе он выдвигает то обстоятельство, что, их «подготовка является прямым тормозом к углубленному научному изучению» (93). Уж если эта подготовка тормозит дальнейшее образование даже при условии систематического руководства со стороны преподавателя в вузе, то как же с такой подготовкой можно «продолжать свое образование на работе».

Здесь т. Свадковский не увязал концы с концами.

То, что подготовка через профшколу обходится дорого,—это, с точки зрения народно-хозяйственной, является важным аргументом в пользу предложения т. Свадковского, но едва ли можно признать этот аргумент достаточным, так как помимо народно-хозяйственной точки зрения мы обязаны руководствоваться еще и классовой точкой зрения.

Что же в этом отношении мы имеем у т. Свадковского?

Для подкрепления своей позиции, что пополнение высшей и средней профшколы должно итти только через различные концентры общеобразовательной школы, он приводит следующее: «История и современное положение дел во всех цивилизованных капиталистических странах дают решительное указание, что командующий класс всегда имеет для себя общеобразовательную среднюю школу, позволяющую ему держать в своих руках университет, и что для рабочих масс была создана другая система ремесленной и технической школы, механически закрывающая перед рабочей молодежью двери университетов. Таким образом, командующий класс вводил пролетарскую молодежь в каналы, по которым она приходила к механической исполнительской работе, командные же высоты организации и управления производством и общественными учреждениями полностью оставались и остаются в руках привелигированных классов» (96).

О чем здесь говорится? О том, что буржуазия создала «тупики», не дающие рабочей молодежи продвигаться к высшей школе, в то время как буржуазная учащаяся молодежь идет по пути общеобразовательной школы прямой дорогой в вуз. И буржуазия действует последовательно. Тов. же Свадковский предлагает для одной части рабочего класса тупики, а для другой прямой путь в вуз, т. е. по существу он становится на путь отрицания единой школы и создания привилегированной школы.

Конечно, всех через вуз не пропустишь, нужно отбирать, но когда и как?

По Свадковскому этот отбор совершается в возрасте 12—13 лет, когда ребята, окончив школу I ступени—либо (меньшинство) направляется в школу II ступени, «обеспечивающей получение высшей квалификации в вузах» или техникумах,—либо (огромное большинство) навсегда лишаются возможности получить доступ в среднюю и высшую профшколу, так как они не попали в разряд тех «самых талантливых», которые были отобраны в школу II ступени.

Спрашивается: можно ли критерий школьной «тала тливости», определяемой в 12—13-летнем возрасте, считать достаточным для отбора кандидатов в школы, готовящие кадры руководителей социалистического строительства. Если к этому добавить, что отобранные таким образом кандидаты будут семь лет (до 19—20 лет) обучаться в школе II ступени, далеко стоящей от производства, а потом 4—5 лет в вузе, т. е. в школах, основной педагогический кадр которых идеологически еще далек от пролетариата, то легко понять, что в таких условиях почти неизбежен отрыв этих будущих руководителей от масс непосредственных производителей.

Да и с точки зрения чисто производственной, отрыв от производства, тсутствие предварительного рабочего стажа понижает эффективность специального обучения в школе. Это прекрасно пониают в «цивилизованных странах», на которые ссылается т. Свадковский. Так, напр. в Германии от поступающих Fachschulen (средняя и низшая профшкола) требуется обязательный производственный стаж от 1 до 4 лет. Об этом почему-то не упомянул т. Свадковский. И если от поступающих в высшую школу там этого стажа не требуется, то только потому, что буржуазии выгодна пропасть, лежащая между руководителями и массой. Тов. Свадковский этого не учитывает и предлагает постепенно свертывать рабфаки, «так как они очень дороги», забывая, что в эпоху обострения классовой борьбы роль рабфаков должна усилиться.

Вообще в основном ошибка т. Свадковского состоит в том, что при решении вопроса о системе народного образования он классовую точку зрения заменяет калькуляцией и бухгалтерией.

Но даже и с этой точки зрения он допустил просчеты.

Так, он устанавливает, что наша II ступень неудовлетворяет вузы в двух отношениях: 1) подготовка оканчивающих недостаточна, и 2) социальный состав учащихся неудовлетворителен.

Для устранения этих недочетов предлагается: 1) увеличить срок обучения на 2 года, 2) обеспечить учащихся детей рабочих и крестьян стипендиями.

Предвидя возражения, что это дорого обойдется и нам не под силу, т. Свадковский начинает калькулировать. «Конечно, говорит он, на каждого отдельного ученика придется истратить больше, чем мы сейчас тратим, но, во-первых, сократите сеть до возможности ее содержать, а, во-вторых, израсходуйте на стипендии второступенцам только лишь те деньги, которые мы тратим для обучения тех, кто десятками тысяч идет на биржу труда и десятками же тысяч не примнимается на ее учет,—и вы получите больше, чем это нужно для начала».

Действительно ли дело обстоит так, как говорит т. Свадковский?

Пополнение высшей школы по его плану должно итти только через школу II ступени. Спрашивается какова же должна быть количественная продукция этой школы, чтобы заполнить вузы. По материалам, которые приведены у т. Свадковского, в 1928 г. в вузы нужно принять около 60 тысяч. А какое количество учится в последних (девятых) группах школы II ступени—59.000 человек («Контр. цифры нар. хоз. на 1927/28 г.». Цитирую по Свадковскому *Н.К.*). Значит, если все из них окончат школу, то и тогда продукция школы II ступени количественно едва удовлетворяет потребности вузов, если же принять во внимание качество и прибавить еще 2 года обучения, как это предлагает т. Свадковский, то ясно, что, принимая во внимание нормальный отсев, количество будет недостаточно.

А это значит, что расчеты т. Свадковского, будто мы можем сократить число учащихся в школах II ступени и за этот счет увеличить количество лет обучения и материально обеспечить оставшихся, не имеют под собой реальной почвы.

«Десятки тысяч идущих на биржу труда», которые смутили т. Свадковского, это—результат не столько обилия у нас школ II ступени, сколько результат ненормального территориального размещения сети, как наследие старого строя. Перераспределение этой сети в смысле приближения ее к обслуживанию социально нужного элемента ребят связано с капитальными вложениями на постройку зданий, оборудование и т. п.,—тут не только стипендиями пахнет.

Таким образом мы видим, что и с точки зрения калькуляции т. Свадковский просчитался.

Н. Г. КАЗАНСКИЙ.

Ленинград.

К ВОПРОСУ О СИСТЕМЕ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ.

(К дискуссии о системе).

ТИП ПОВЫШЕННОЙ ШКОЛЫ СОЦВОСА В ОБЩЕЙ СИСТЕМЕ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ.

Задачи и организация народного образования в своей основе определяются социально-экономическими условиями, переживаемыми в тот или иной период времени. Принципы народного образования, установленные еще в первые годы революции, насквозь диалектичны, они берут свое начало от экономической и социальной формации, складывающейся в данный исторический период времени. В соответствии с задачами и принципами народного образования была определена и система народного образования.

За 10 лет советского строительства вносились некоторые коррективы в намеченную в первые годы революции систему народного образования. В настоящее время, в связи с развивающимся народным хозяйством, потребность в дальнейшем уточнении системы народного образования, приведении ее в бо́льшее соответствие с социально-экономическими условиями и факторами определенно имеется.

Одним из боль ых мест в системе народного образования является недостаточная определенность некоторых моментов школы повышенного типа соцвоса. Во-первых, общеобразовательная средняя школа имеет довольно глубокие корни в прошлом, во-вторых, над общеобразовательной школой имеется целая надстройка профтехнических учебных заведений, и, в-третьих, сама работа по созданию средней политехнической школы очень трудна.

Школа повышенного типа соцвоса имеет ряд неувязок и противоречий как внутри себя, так и по отношению к системе народного образования в целом. Основными из них являются:

I. Фактическая подготовка оканчивающих 1-й и 2-й концентры школы и требования, предъявляемые вузами и другими профтехническими учебными заведениями. Доказывать то, что фактическая подготовка оканчивающих не удовлетворяет профтехнические учебные заведения, нет никакой необходимости, об этом достаточно свидетельствуют данные о приеме в вузы и техникумы. Социалистическое строительство должно развиваться на высоко научной технической базе, которая требует специалиста высокой квалификации, который в свою очередь может быть подготовлен на определенной общеобразовательной основе. Эта неувязка в свою очередь порождает другие нежелательные явления, не увязывающиеся с единой системой народного образования. О них за последнее время очень мало говорят. Здесь имеются в виду проводимые испытания поступающих в вузы и другие профтехнические учебные заведения, установление особых минимумов для поступающих, не всегда достаточно согласуемых с программами школ соцвоса.

Далее нельзя не указать и на такой факт, что введение твердых испытаний при поступлении в профтехнические учебные заведения усложняет регулирование социального состава учащихся. Ведь всем достаточно известно, что в целом лучше будут подготовлены академически наиболее экономически обеспеченные слои поступающих, а это значит, что для бед-

няцкой части поступление более затруднено. Конечно, на это можно возразить, что при одинаковой академической подготовленности предпочтение отдается наиболее желательным слоям, но поскольку мы признали, что одинаковой академической подготовленности быть не может, то, естественно, должны признать и факт усложнения социального регулирования поступающих. Наконец надо иметь в виду и то, что не всегда наиболее приемлемым кандидатом в вуз является тот, который хорошо выдержал испытания. Остается много способных юношей за бортом, несумевших решить задачу на уравнение или ответить, в чем сущность закона Архимеда. Критерий для определения подготовленности к самостоятельной работе крайне ограничен и сам по себе противоречит системе народного образования.

II. Политехнизм школы и имеющаяся связь школы с окружающей трудовой и общественной действительностью. Наблюдения за работой школ II ступени дают определенное основание сказать, что связь школы с окружающей трудовой и общественной действительностью пока еще далеко не осуществлена. По ряду моментов современная школа близка к школе учебы и далека от подлинно-трудовой школы. Несмотря на то, что программа школы построена на производственной основе, на деле школа все же далека от производства, это значит, что она далека и от разрешения на деле принципов политехнизма. Ибо вне сферы конкретной трудовой действительности не может быть сколько нибудь успешно разрешена проблема политехнизма и ряд других, вытекающих отсюда, задач.

III. Профессионализация 2-го концентра и спрос на данную рабочую силу. Те данные, которые имеются в нашем распоряжении, говорят о том, что учащиеся, оканчивающие 2-й концентр школы II ступени, устраиваются на работу в соответствии со специальностью уклона в крайне ограниченном количестве и вряд ли превышают 15—20% к общему количеству оканчивающих. Для остальных 80—85% уклон служит не чем иным, как отягощающим бременем, и в результате получается то, что будущих делопроизводителей, счетоводов готовим в педагоги и, наоборот, будущих педагогов готовим в канцеляристов, страховых агентов и пр. Мало того, что большинству учащихся прививаем специальность ему ненужную, мы еще лишаем их возможности углубиться в общее образование, поскольку вопросы профуклонов на 2-м концентре занимают до 30% всего времени.

Конечно, можно возразить, что данные недостатки порождены неувязкой плана профессионализации 2-х концентров с планами хозяйственного строительства и спросом на рабочую силу. Однако, если подойти к вопросу практически, то должны будем признать: 1) что профиль требуемого специалиста хозяйственными организациями не тот, какой мы в профуклонах даем и можем дать, 2) учащиеся, оканчивающие 1-й концентр, несмотря на отсутствие какого бы то ни было тяготения к данному профуклону 2-го концентра, вынуждены в целях окончания школы II ступени проходить и профуклон. Перевод учащегося в школу с профуклоном, соответствующим его наклонностям, по соображениям материального и территориального порядка, в особенности для малоимущих слоев, совершенно неосуществим.

Разрешая этот вопрос, мы невольно наталкиваемся на другие противоречия, в частности, на неувязку строения вторых концентров с принципами профотбора учащихся и их психотехническими особенностями. В тех школах II ступени, в которых приходилось бывать, везде можно было констатировать такое явление, что преобладающая масса учащихся не имеет никакого тяготения к профуклонам своих школ и остается в них лишь потому, что другого выхода для себя не видит. В результате

всех учащихся стрижем под одну гребенку, и не потому, что этого хотим, а потому, что при существующей системе профессионализации вторых концентров подобные недостатки неизбежны.

IV. Обширность программ, преобладание словесных форм работы и психофизиологические особенности детей возраста школы II ступени. Программа школы для принятого срока ее прохождения, конечно, велика, следствием чего является погоня за количеством, перегрузка учащихся и пр. тогда как психофизиологические особенности данного возраста (период полового созревания, усиленный рост) требуют развития активизации ребенка и самого серьезного подхода к нормализации его работы.

Вот почему при уточнении системы народного образования мы в первую очередь должны уточнить тип повышенной школы соцвоса. Основной путь таков:

1) Необходимо уточнить целевую установку школы повышенного типа. Твердо следует фиксировать, что задачи, стоящие перед школой, как трудовой политехнической школой, должны быть незыблемы и в настоящее время, но в соответствии с развивающимся социалистическим строительством должны быть более конкретно выражены и по содержанию максимально увязаны с окружающей трудовой и общественной действительностью; они должны быть пропитаны общественно-политическим содержанием, дабы учащиеся по выходе из школы становились действительными участниками социалистического строительства, независимо от их производственного положения. Школа II ступени в первую очередь должна подготовить, воспитать гражданина определенной конкретной общественно-экономической формации, ясно сознающего сущность данного этапа социалистического строительства и владеющего такой суммой знаний, которая бы обеспечивала возможность каждому участвовать в социалистическом строительстве и определить свою профессиональную наклонность.

2) Срок обучения должен быть удлинен на один год. Тот спор, который в настоящее время ведется по вопросу о десятом годе обучения, должен быть решен в пользу удлинения на 1 год обучения в школе II ступени. Основанием для этого является данная выше характеристика школы II ступени, в частности, необходимость выпуска для профтехнических учебных заведений более высокой продукции в общеобразовательном отношении, изжитие непомерной нагрузки учащихся, более решительная активизация всей жизни школы. В дополнение к этому нельзя не указать на тот факт, что сторонники удлинения на один год обучения в школе I ступени не учитывают экономической нецелесообразности этого. Всем известно, что школа I ступени в массе пока еще с $2^1/_2$-летним курсом обучения и из поступающих в первую группу до IV группы доходит 15, максимум 20%. Следовательно, первоочередной задачей надо считать выравнивание школы I ступени до нормального 4-летнего курса обучения, что не исключает возможности развертывания в отдельных районах 4-летки в 5-летку, 6-летку и т. д.

Что касается того, где следует увеличить срок обучения в школе II ступени, то этот вопрос надо решить в пользу 1-го концентра. Такое решение оправдывается необходимостью повышения общеобразовательного и возрастного уровня лиц, переходящих в профтехнические учебные заведения типа техникума, что позволит усилить профессиональную устойчивость оканчивающих и сократить время, отводимое в техникумах на подгонку общего образования.

3) Решительный перевод школ II ступени в сельской местности на установку школ крестьянской молодежи, что только и может обеспечить трудовую основу работы школы, увязку ее с жизнью.

4) Учитывая тот факт, что в ближайшее время большинство оканчивающих школы повышенного типа будет стремиться поступить на службу и учиться дальше, наряду с нормальным типом школы, создать в деревне в составе 1-го концентра ШКМ для детей старшего возраста (подростков), взятых непосредственно из хозяйств.

5) Перестройка профуклонов школ II ступени. Если сеть профтехнических учебных заведений, в частности техникумов, в основном может обеспечить потребность в средней квалифицированной силе, школы II ступени на 2-м концентре дают учащимся лишь профориентацию в определенной отрасли труда, в степени, обеспечивающей оканчивающим возможность определить свою профессиональную наклонность.

В тех районах, где профтехнические учебные заведения не в состоянии обеспечить потребности в массовой квалифицированной силе, в соответствии с местными потребностями, вторые концентры должны быть профессионализированы, но подход к профессионализации должен быть несколько иной, чем в настоящее время.

В первую очередь надо обеспечить учащимся, переходящим во второй концентр, условия для выбора специализации. А это можно лишь тогда, когда экономически будет обеспечен переход из одной школы в другую и когда в наиболее крупных школах профессионализация будет проводиться факультативно.

Безусловно необходимо отказаться от профессионализации вторых концентров школ II ступени в обязательном порядке и проводить ее в тех школах, где для этого есть подходящие условия, а главное—экономическая потребность в этом.

Вятка. *И. ОГОРОДНИКОВ.*

СИСТЕМА НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ В КИРГИЗСКОЙ АССР.

Вопросу о системе народного просвещения в национальных республиках Средней Азии до сего времени уделялось очень мало внимания. Каждая республика строила систему народного образования по-своему, хотя в основном она имела очень много общего с системой, принятой НКП РСФСР.

В Киргизии этот вопрос прорабатывался на I Учительском съезде в 1925 г., на республиканских курсах учителей, на конференциях учителей, на совещаниях агитпроработников при Киробкоме в 1927 г. и в коллегии АПО облкома ВКП(б). В Средне-Азиатском масштабе этот вопрос первый раз подвергался обсуждению на совещании агитпроработников Средней Азии при АПО Средне-Азиатского бюро ЦК ВКП(б).

На этом последнем совещании предложенная НКП Кир. АССР система не расходилась с той системой, которую выдвигал в своем докладе зав. АПО Средне-Азиатским бюро ВКП(б) тов. Хансуваров, но, к сожалению, на этом совещании по этому вопросу не было вынесено конкретного постановления.

Мы в Киргизии до сего времени строим свою работу по той системе, которая подверглась обсуждению на этом совещании. Эта система в наших условиях является, по нашему мнению, более приемлемой.

Избирателями по народному образованию было внесено 73 предложения, из них к 1 марта выполнено 62, остальные 11 предложений—о постройке школы в Нов. Деревне, изжитие 2-сменных занятий, о полном оборудовании школ мастерскими, открытии клуба нацмен и т. д.—не выполнены по причине отсутствия средств.

Таковы некоторые итоги деятельности секций народного образования.

Эти итоги показывают, что секции народного образования действительно являются активными помощниками горсоветов по наблюдению за аппаратом народного образования и двигателями культурной революции в городе.

Дальнейшее оживление их работы должно итти по пути ещё большего вовлечения трудящихся масс и по пути теснейшей связи с массами.

Т. Левичев.

УКЛОНЫ В ШКОЛЕ II СТУПЕНИ

КООПЕРАТИВНЫЙ УКЛОН В ШКОЛЕ II СТУПЕНИ.

Начнем раньше всего с цифр, которые должны дать некоторую ориентировку в вопросе о потребности системы потребительской кооперации в работниках. Среднее годовое число платных сотрудников составляло в истекшем 1926—27 году по всей системе потребительской кооперации СССР свыше 358 тысяч чел. Однако, когда мы говорим о школе II ступени, нас может главным образом интересовать число сотрудников в различных предприятиях, т. е. в сельских и городских потребительских обществах. Здесь число сотрудников составляло 304.500 чел., а если взять только тех, которые были заняты в сельской низовой кооперации, то мы получим около 157.000 чел. Проанализируем развитие последнего числа, т. е. числа лиц, занятых в сельских потребительских обществах, так как школа II ступени, по-нашему, может главным образом рассчитывать именно на эту часть системы потребительской кооперации. Число сотрудников в сельских потребительских обществах растет из года в год; в 1924 25 г. оно составляло 127.500, в следующем году—свыше 144.000, в 1926/27 г., как мы говорили, около 157.000, а в 1927/28 г. предполагается, что оно вырастет до 162.600. Такое же постоянное возрастание из года в год предполагается и в дальнейшие годы до 1930/31 включительно. (Цифры взяты из «Перспектив развития потребительской кооперации на 5 лет»).

Но все эти цифры относятся к Союзу ССР в целом; в отношении же школ с коопуклоном РСФСР мы должны взять соответствующие цифры потребительской кооперации. Число служащих по РСФСР составляло в сельских потребительских обществах на 1 октября 1925 года 50.642, а на 1 октября 1926 года—69.542. Сюда следует еще прибавить число лиц выборного состава: членов правления было на 1 октября 1925 г. 77.282, а на 1 октября 1926 г.—80.000, причем процент оплачиваемых членов правлений составлял 69,6% к общему их числу. По городской кооперации мы имеем для РСФСР следующие цифры: на 1 октября 1925 г. было служащих по найму 57.986, а на 1 октября 1926 г.—87.500. Членов правлений было на соответствующие числа—6.300 и 6.000. Интересно, наконец, привести цифры о разделении наемных сотруднивов по специальностям, но эти сведения будут относиться только к городской кооперации и для всего Союза ССР. На 1 октября 1924 г. работники прилавка составляли 75,7% общего числа наемных сотрудников, а канцелярские, конторские и прочие сотрудники—24,3%. На 1 октября 1925 г. процентное соотношение сохранилось то же самое при общем увеличении количества наемных сотрудников на 48,3%. На 1 октяря 1926 г. соотношение изменилось: 80%—работники прилавка и 20%—прочие. На 1 октября 1927 г. соотношение еще более изменилось: 84,2%—работники прилавка и 15,8%—прочие. По контрольным цифрам на 1 октября

1928 года предполагается дальнейшее, правда, незначительное, изменение соотношения в том же направлении.

Таковы цифры о состоянии рабочей силы и ее развитии в течение последних и предстоящих лет. Трудно сказать, какой процент надо взять для определения ежегодной смены работников; если мы ориентировочно примем около 5%, то у нас получится изрядное количество новых работников, которые должны быть подготовлены для кооперации. Однако мы считаем нужным предостеречь против чрезмерных увлечений в этом направлении. Ошибочно было бы только из исчисляемой потребности кооперации в новых работниках исходить при определении того числа, которое должно выпускаться школой II ступени. На местах часто попадают в такую ошибку: созывают совещание кооперативных организаций, выясняют, что в данном районе ежегодно требуется, положим, 200 новых счетных работников и строят соответственно этому школьную систему. Впоследствии же оказывается, однако, что школьные выпуски не поглощаются кооперацией, и начинаются взаимные сетования. Дело, однако, в том, что пополнение кадров работников идет сплошь и рядом не за счет школьных выпусков, и явление это, надо думать, будет еще долго продолжаться. Сельская кооперация пользуется часто трудом лиц, у которых работа в кооперации является подсобным занятием к основному сельскохозяйственному. Городская кооперация имеет в своем распоряжении нередко массу безработных, которых она использовывает для пополнения потребности в работниках. Наконец, и сельская, и городская кооперация получают приток новых сил в виде выдвиженцев из комсомола, рабочих, крестьян, женщин-делегаток, демобилизованных и т. д.. Конечно, надо приложить все усилия в том направлении, чтобы кооперация в максимальной степени удовлетворяла свою потребность за счет работников, выпускаемых школами, так как в их лице она получает, вернее, должна получать при нормальной постановке квалифицированную рабочую силу. Тем не менее практически будет правильно строить школьную систему, исходя максимум из 30—40% исчисленной потребности в работниках.

Когда мы говорим о школах II ступени, надо еще учесть следующий момент: школу кончают в раннем возрасте, примерно 17—19 лет. Люди такого возраста недостаточно импонируют часто низовой кооперации и это еще больше уменьшает их шансы на устройство, особенно, если учесть, что это—молодняк, приходящий со школьной скамьи без всякого почти житейского опыта. Довольно высокий процент женщин в школах с коопуклоном, к сожалению, еще более понижает шансы на устройство их на работе, если учесть бытовые условия нашей деревни и ее предрассудки. Все эти последние моменты должны быть учтены, когда мы переходим к вопросу о целевой установке школ с коопуклоном.

Скажите учащемуся школы с коопуклоном, что его ждет по окончании работа продавца за прилавком или счетовода в низовом кооперативе, и вы большей частью встретитесь с крайним разочарованием; учащийся и нередко преподаватель хотели бы определить целевую установку, как подготовку инструктора, организатора или, по крайней мере, заведующего магазином, а на худший конец—счетовода в крупном городском кооперативе. Какой имеет смысл, рассуждают при этом, учиться 9 лет, чтобы работать с метром за прилавком или корпеть счетоводом где-нибудь в селе. Однако, какой может выйти инструктор или организатор из 19-летнего, в лучшем случае, юноши, который никогда раньше не работал в кооперации и, вообще, не имел отношения к хозяйственной жизни. Если школа с коопуклоном хочет работать не в пустую, а с тем, чтобы учащиеся находили себе непосредственно место в жизни, она должна взять близкую, но верную цель: готовить работника за прилавком или счетовода и то

для низовой кооперации, преимущественно сельской: в городах учащийся коопуклона часто встретит конкуренцию со стороны более квалифицированной и более опытной рабочей силы. А то, что в школе проведено 9 лет, абсолютно не должно смущать: счетовод сельского потребительского общества и продавец далеко не должны являться чисто техническими работниками: они должны выполнять большую общественно-кооперативную роль, они должны являться помощниками членов правления в общем управлении делами кооператива. Конечно 9-летняя, общеобразовательная подготовка не пропадет даром и для самого учащегося, если он только проявит должные способности и активность. Если мы говорим, что школа должна готовить продавца или счетовода, то это относится только к началу жизненного пути учащегося: при способностях и активности он имеет полное основание не только мечтать, но и реально рассчитывать на то, что он впоследствии продвинется гораздо дальше. Если, по выражению Наполеона, плох тот солдат, который не мечтает о маршальском жезле, то и учащийся коопуклона не может не мечтать о работе инструктора, заведующего магазином, члена правления и т. д.

Надо ли, однако, строить учебный план и преподавание в школе в расчете на инструктора и организатора? Это было бы вредно, так как отвлекло бы от подготовки к непосредственной работе по окончании школы. При том недостаточном жизненном опыте, который имеется у учащегося, и при том незначительном количестве времени, которое отводится в школе профессиональной подготовке, надо все внимание уделить приобретению тех знаний и навыков, которые ему понадобятся немедленно по окончании школы. Если целевая установка будет расширена и мы будем готовить инструктора и организатора, то учащийся выйдет из школы неподготовленным к своей непосредственной работе и окажется неконкурентноспособным. Наоборот, подготовка для выполнения счетоводной или торговой работы в низовой кооперации плюс общее образование, природные задатки, общественные склонности и приобретенный житейский опыт дадут полную возможность продвинуться вперед по выполняемой работе. Это тем более верно, что и подготовка счетовода или продавца не сводится только к приобретению узко-специальных навыков; школа преподносит учащемуся теоретические знания по организации и практике и по другим (даже техническим) дисциплинам. Таким образом все делается для того, чтобы выпустить учащегося с относительно широкой общественно-кооперативной подготовкой, вместе с тем специально приспособленного к определенному виду труда.

В интересах достижения такого сочетания широкой подготовки и специализации необходимо отказаться от всякой расплывчатости в отношении целевой установки; школа с коопуклоном должна себе определенно сказать, для какого вида кооперации она готовит работника и для какого вида труда. В доисторический, так сказать, период, когда школы с коопуклоном вырастали и развивались стихийно, они одновременно готовили и счетовода, и продавца, и для потребительской, и для сельскохозяйственной кооперации и т. д. Но вот уж, действительно, где можно сказать: за двумя зайцами погонишься, ни одного не догонишь. Времени так мало, а усвоить надо так много, что необходимо с самого начала сказать себе: мы готовим счетных, скажем, работников для потребительской кооперации.

Опять-таки мы не говорим об узких специалистах, не имеющих понятия о том, что лежит вне их области. Если учащийся готовится по линии потребительской кооперации, то он тем не менее в «Основах кооперации» приобретает определенное представление и о всех других видах кооперации. Таким образом, работая в деревне счетоводом потребительского общества, он тем не менее не будет совершенно безграмотным в обще-коопе-

ративных вопросах и сумеет принимать определенное общественное участие в обще-кооперативной жизни деревни. Готовясь быть счетоводом, учащийся тем не менее изучает в школе и общие основы товароведения, потому что для полного охвата работы в кооперативе ему не должны быть чужды и вопросы торговой деятельности. Обратно, будущий продавец изучает элементарно счетоводство. Вопрос идет только о том, что должно быть выпячено на первый план и что должно являться только дополнением.

Но возражают: такая специализация уменьшает шансы учащегося на практическое устройство, так как нельзя предсказать, куда кинет его жизнь и по какой линии ему придется работать. Может оказаться, что учащийся специализировался на счетоводстве, а ему придется работать по торговле. Мы полагаем, однако, что усвоение, и при том основательное усвоение, определенной отрасли при достаточной общеобразовательной подготовке даст возможность учащемуся быстро приспособиться к жизни, чем знание всего понемногу. Если учащийся готовился по потребительской кооперации, а жизнь его бросит в сельскохозяйственную, то, конечно, ему придется поработать над собою, но приобретенный им заряд по потребительской кооперации значительно облегчит ему предстоящую, так сказать, перемену фронта. Совершенно ненормальным мы считаем такое положение, которое нередко констатировалось в отчетах, что учащиеся по окончании школы по коопуклону пошли для усовершенствования на краткосрочные счетоводные курсы.

Конечно, специализация коопуклона тесно связана с правильной организацией сети школ с коопуклоном и с некоторым профтехническим отбором. Когда школа решает, готовить ли по потребительской или по сельскохозяйственной кооперации, преимущественно ли счетоводных или торговых работников, она должна совместно с кооперацией по возможности точно выяснить, по какой линии есть бо́льшая возможность найти практическое применение силам учащихся. Когда школа принимает то или иное решение, она отнюдь не может строить дело так, что все учащиеся 7-го курса данной школы продолжают именно в ней учиться. Ведь при таких условиях можно дойти до такого абсурда, что школа примет статистический уклон и заставит всех учащихся, перешедших из первого концентра, стать статистиками, хотя у большинства из них, может быть, нет для этого никаких данных. Второй концентр должен быть открыт для всех учащихся, окончивших первый концентр в данном районе и имеющих наклонности к специализации данной школы.

Но можно ли определить 15-летнему юноше свои наклонности? Да, задача эта очень трудная, но ею должны заняться преподаватели еще в первом концентре. Они должны помогать учащимся находить себя, следя за ходом их занятий и способностями. Повторяем, эта задача весьма трудная и здесь неизбежны ошибки, но это искупается тем, что школа с коопуклоном одновременно остается и политехнической; она, следовательно, не прикрепляет человека к данной специальности навсегда, а дает ему возможность переменить направление, если он убедится в ошибочности своего выбора. Но если школа с коопуклоном будет одновременно готовить по всем видам кооперации и по всем специальностям, то здесь даже нельзя будет убедиться, правильно или неправильно был сделан выбор; неудача может вытекать не из неправильного выбора, а из неправильной постановки дела в школе.

Надо остановиться еще на одном вопросе в связи со специализацией: может ли, вообще, школа готовить торговых работников? Указывают на следующее обстоятельство: счетоводству школа еще кое-как может научить, но специальность продавца приобретается только в процессе длительной работы за прилавком. На этом основании школы берут

по преимуществу уклон в сторону счетоводства [1], но, по-нашему, это значит итти по линии наименьшего сопротивления, которая, как известно, далеко не всегда дает более верный эффект. Мы видели из приведенных выше цифр, что, по крайней мере, в городской кооперации торговые работники составляют $^3/_4$—$^4/_5$ и даже больше общего числа наемных сотрудников. Счетоводов же городская кооперация будет чаще черпать из всяких других источников, чем из школ с коопуклоном. В деревне соотношение счетных и торговых работников, особенно, в мелких кооперативах, может быть, более благоприятно для счетных работников, но и там надо бояться пресыщения, если все внимание будет сосредоточено на подготовке счетных работников, а, с другой стороны, для деревни, пожалуй, легче, чем для города, подготовить торгового работника, поскольку мы здесь имеем дело с гораздо менее сложным ассортиментом товаров. Что же касается трудностей подготовки торгового работника, то это сводится к учету их при постановке учебного дела в школе. Школы с кооперативным уклоном по торговой линии должны особое внимание обратить на внешкольную практику, на работу учащихся за прилавком, на житейское ознакомление с сортами товаров, с их хранением и перевозкой. Пожалуй, что и по окончании школы непосредственно учащиеся счетоводного и торгового уклона окажутся не совсем в одинаковом положении: учащиеся счетоводного уклона сумеют скорее стать на более или менее самостоятельную работу, а учащимся торгового отделения придется проходить еще суровую практическую школу за прилавком в течение некоторого времени. Но зато прохождение такой школы при том теоретическом багаже, с которым приходит учащийся девятилетки, создает для него, так сказать, более монопольное положение, так как у нас крайне мало культурных торговых работников, и обещает ему поэтому возможность скорейшего продвижения вперед.

Практика, однако, надо прибавить, и резко практический уклон коопуклона являются непременным условием не только тогда, когда школа готовит торгового работника. Ни на минуту не следует забывать того, что школа с коопуклоном имеет дело с молодым возрастом и с учащимися без житейского опыта; в этом, как мы уже говорили выше, заключается один из крупнейших дефектов этой школы и его надо учесть во всей постановке дела; практика и практический уклон должны занять преобладающее место в школах с коопуклоном. Т о л ь к о в э т о м з а л о г т о г о, ч т о о н и с у м е ю т п о д г о т о в и т ь с в о и х у ч а щ и х с я к п р а к т и ч е с к о й ж и з н и.

Г. ЛУРЬЕ.

---

[1] Точных данных по этому вопросу в нашем распоряжении нет, но вот отрывочные сведения с мест: в Ленинградской (Северо-Западной) области в школах с коопуклоном преобладает специализация по счетоводству; на Северном Кавказе 15 школ (около 2000 учащихся) со счетоводной специализацией и только 4—с торговой (500 учащихся). Любопытно, что из 7 школ с коопуклоном на Сев.-Кавказе, находящихся в станицах, 3 с торговым уклоном и в них обучается 440 чел. из 1240 учащихся всех семи школ. См. «Союз Потреб.»; 1927 г., № 5, стр. 85.

ИНДУСТРИАЛЬНЫЙ УКЛОН В ШКОЛАХ II СТУПЕНИ.

Ближайшей целью настоящей статьи является желание сдвинуть с «мертвой точки» вопрос об организации наиболее целесообразной и продуктивной подготовки к практической деятельности оканчивающих школы II ступени, расположенные в фабрично-заводском окружении.

Дело в том, что те «уклоны» профконцентров, которые узаконены и приняты как совершенно возможные и доступные в пределах короткого времени—для школы II ступени, не всегда удовлетворяют фабрично-заводское население.

Вот конкретный случай: при обследовании в одном заводском районе школы II ступени с педагогическим уклоном, поставленной, надо отдать справедливость коллективу, прекрасно мы встретились с явлением, далеко не оправдывающим назначения этой установки. «Зачем нам педагогический уклон в школе, когда потребности в педагогической силе в районе нет. В другой район оканчивающие не поедут. Не поедут потому, что выросли на заводе, среди чугуна и угля... Спросите самих ребят. Они теперь взрослые. Сами скажут,—куда они хотят итти работать... Поедем учиться дальше, а если не поступим—возвратимся домой и будем работать на заводе»... Это же с жаром доказывал на заседании рика учитель I ступени (он же председатель рика). Ему вторили, совершенно резонно, рабочие: «Реконструируемся мы, машины везде, электричество... Вы готовьте наших ребят—сменить нас. Индустрию им дайте. Вот что», говорили они.

Доля жгучей правды в этих словах рабочих есть.

Характерно их отношение к ФЗУ.

На широком собрании завода рабочие говорили: «что́ фабзавуч, когда в него поступают малограмотные ребята... Ну, научатся они управлять машиной, владеть топором, зубилом, и не плохо владеть, а «сноровки-то» у них мало. Грамоты и то не хватает. Будь они грамотны, да хорошо грамотны,—не то, что наши семилетчики, а побольше... вот тогда и зубило пойдет иначе. Вы в фабзвауч побольше физики, химии да математики дайте...».

Рабочие уже чувствуют необходимость создания ФЗУ на большой общеобразовательной базе.

Приводя выдержки из разговоров с рабочими, мы хотим сказать, что при выборе профустановки вообще, фактор экономический, социальный и бытовой того окружения, в котором находится школа, должен быть учтен самым решительным образом. Если это будет сделано, то мы несомненно столкнемся с необходимостью создания индустриального уклона.

Против этого уклона существует ряд возражений. Говорят: «если вы введете индустриальный уклон, то неминуемо превратите школу в техникум или ФЗУ. Соцвос думает заняться профобровскими делами».

Но соцвос ведь никогда не думал (и теперь не думает) превращать школу II ступени в техникум. Школа II ступени не ставит себе задачи готовить «специалиста», однако, она должна дать подростку такие возможности, которые бы позволили ему по окончании школы быстро ориентироваться в производственной жизни и занять в ней подобающее место—строителя и борца за социализм.

Эта основная цель может быть осуществлена только тогда, когда ученик будет действительно приобщен к окружающей жизни.

Возражая против индустриального уклона, многие опасаются, как бы школа не «уклонила», отвлекла учащихся от подлинной науки...

По смыслу и сути это возражение сводится к требованию—побольше теории, поменьше обследований, что противоречит нашему представлению о советской, политехнической школе, которая должна учащемуся дать возможность полученные знания проверять на опыте, в производственной жизни. Наконец последнее возражение против индустриального уклона. Указывают, что вовсе не требуется согласованности с экономическим окружением, даже не нужно и согласованности с требованием на рабочую силу в данном районе. Вся сила использования оканчивающих заключается вовсе не в том, что они готовятся для данного производства, а в том, что их нужно планово и правильно распределить в масштабе целой губернии, области. Вводить-де можно какой угодно уклон, хотя бы и педагогический.

Безусловно, распределение играет некоторую роль, но только некоторую. Характерно, что сторонники этого вгзляда на профессионализацию, сколько нам приходилось их встречать, не знают школы. Заявления рабочих, приведенные выше, достаточно убедительны и верны и мы не можем с ними не согласиться. Вопрос о полной увязке профустановки с окружающей действительностью должен быть совершенно обязательным.

Как мы ставим вопрос об индустриальном уклоне? Мы прежде всего считаем совершенно необходимым условием, как сказали выше, при организации школы в целом и второго концентра в частности полной увязки с производственной жизнью каждого района.

По существу и смыслу объяснительная записка к программам НКП и сами программы достаточно четко говорят об этой необходимости, но, к нашему сожалению, это не всегда выполняется школами.

Нам приходилось (и очень часто) при посещении школ в фабрично-заводских поселках—в поселках с довольно крупным производством—сталкиваться с таким явлением, когда наполнение программ НКП жизненным практическим материалом совершенно прекращалось, лишь только учащиеся перебирались во второй концентр. Производство затиралось формулами, задачами и исчезало из поля зрения школы.

Такое положение сводило школу к натаскиванию ребят для вуза и отрыву от окружающей жизни. Это в корне не верно. Советская школа не ставит своей задачей «подготовку в вузы». Это все понимают, но тем не менее допускают и допускают только потому, что не видят иного выхода.

Между тем выход здесь должен быть иной. Не отход от практики обследования, изучения промышленности, наоборот, более глубокое практическое уточнение производства.

Само собой разумеется, что производство в целом, производственные специальности школа изучить не может, и мы, вводя индустриальный уклон, думаем лишь ориентировать ребят в одной какой-либо отрасли труда, т. е. мы хотим «подготовить людей к тому, чтобы они на основе специальных знаний, приобретаемых в школе, в наиболее короткий срок и с наименьшей затратой энергии приобрели достаточную для данного образовательного уровня квалификацию». (Программы и методические записки к ним. Выпуск VI).

В этом смысле, по нашему глубокому убеждению, индустриальный уклон в школах II ступени в фабрично-заводском окружении не только возможен, но и необходим. Он вытекает из самой организации всего педагогического процесса в ней. Он является тем завершающим фактором, который присущ индустриальной школе.

Некоторые школы так именно и делают. Они в поисках выхода в завершении среднего образования самотеком стали вводить «уклон инду-

стриальный» и под его флагом организовали подготовку электротехников, монтеров, т. е. работников тех специальностей, которые предусмотрены «номенклатурой специальностей техникумов».

В два года, да еще с ограниченным числом часов (до 4 часов), отводимых на специальные дисциплины, электротехников и монтеров нельзя подготовить. Тем не менее мы знаем, что учащиеся этих школ с успехом выдерживали экзамены в технические вузы и с успехом ставили радио, наводили электропроводку и т. д.

Нам кажется, что ошибка этих школ является ошибкой не их только, но и Главсоцвоса. Главсоцвосу нужно было бы своевременно предусмотреть возможность организации индустриального уклона и обеспечить его программами [1].

В настоящей статье мы делаем первую попытку точнее определить те специальности, которые скрываются под индустриальным уклоном.

Под термином индустриальный уклон мы разумеем следующие уклоны:

1) индустриально-лабораторный—по подготовке учащихся для работы в фабрично-заводских лабораториях: химической, механической и металлографической (лаборанты);

2) индустриально-чертежный—по подготовке цеховых, заводских чертежников;

3) промышленно-экономический—по подготовке счетоводов, статистиков, работников ТНБ и работников по рационализации производства;

4) лесохимический—по подготовке работников терпентинных промыслов (технические работники) [2].

Если анализировать каждый из этих уклонов с точки зрения их общеобразовательного значения, то мы придем к определенному выводу, что все указанные специальности, во-первых, требуют, обязательного общего среднего образования и, во-вторых, являются простым расширением кругозора полученных знаний в школе (и получаемых) и практических навыков в них.

Возьмем для примера один из самых сложных, с нашей точки зрения, уклонов—индустриально-лабораторный, подготовляющий учащихся для работы в лабораториях: химической, технической и металлографической (мы не берем тепловых лабораторий, считая их непосильными), и посмотрим, из каких элементов он складывается.

Само название «индустриальный» предполагает прежде всего выявление значимости индустрии в народном хозяйстве страны.

Этим вопросом всякая школа занимается с самых первых лет обучения. Естественно, что прямая установка изучения промышленности во втором концентре должна быть объединяющей и завершающей ранее полученные по курсам обществоведения сведения, во-первых, во вторых, она должна выявить и обосновать конкретные задачи, выдвинутые перед страной в данный момент (современность).

Поскольку это так, постольку мы даже не предполагаем и не видим особой необходимости во включении специальной дисциплины по изучению форм и организаций промышленности в стране в курс 8-го и 9-го годов обучения. Мы лишь заостряем и подчеркиваем перед школами лишний

---

[1] Редакция считает, что упрек Главсоцвосу автор сделал, будучи, повидимому, недостаточно знакомым с работой Главсоцвоса по этому вопросу. Главсоцвос в последние два года ведет специальную работу по вопросу о фабрично-заводской семилетке и только сейчас, когда основные программно-методические требования к этому типу школ уже более или менее уточнены, Главсоцвос приступил к следующему этапу работы—к вопросу об индустриальном уклоне в девятилетках.

[2] [illegible] № 4 [illegible] номенклатура школ с индустриальным уклоном, принятая Главсоцвосом.

раз значение современности (в данном случае индустриализации) в системе обучения и воспитания будущих строителей социалистического хозяйства.

Все решения партийных съездов, постановления правительства, все кампании и мероприятия, связанные с задачей «индустриализации страны», должны быть не только отражены в программах, но и практически применены в условиях окружающей школу действительности (через учащихся).

В этом колоссальная сила воспитательного эффекта в советской школе.

Кроме того, и в первую очередь, специальная установка профконцентра требует включения специальных дисциплин.

Для разбираемого уклона такими специальными дисциплинами будут примерно следующие: неорганическая химия, технология, количественный и качественный анализ, электротехника, т. е. такие предметы, которые служат продолжением или углублением общеобразовательных дисциплин. При этом необходимо лишь оживить работу во втором концентре приданием ему того практического характера, который предполагает производственная подготовка.

В самом деле изучение минералогии и металлов в школе до сих пор ограничивается изучением пород по чисто внешним признакам. Химический анализ пород слишком редко применяется в школах. Спросите окончившего школу II ступени: «как определить в куске красного железняка процент содержания железа и других металлов»? Он вам расскажет в лучшем случае, но никогда не проделает анализа, хотя бы в его распоряжение и были предоставлены все необходимые препараты.

Таким образом индустриальный уклон со всеми установками, проектируемыми нами, органически сливается с общеобразовательной подготовкой. Введение его открывает широкие перспективы применения, с одной стороны, активных методов работы и, с другой,—осуществление производственно-практической подготовки на самом производстве.

Активные лабораторно-исследовательские методы, несомненно, являются обязательными в индустриальном уклоне. Тут нельзя ограничиваться формулами и решением задач на отвлеченном материале. Здесь требуется практическая поверка этой формулы. Отсюда необходимость иметь при каждой школе свою небольшую повседневную лабораторию, оборудованную соответственно с требованиями заводско-промышленных предприятий к квалификации работника.

Ограничиваться, однако, своей лабораторией будет недостаточно. Необходима и обязательна постоянная связь с заводской лабораторией. Часть работы должна быть перенесена в нее, в порядке осуществления производственной практики на производстве.

Производственная практика школы с индустриальным уклоном, которая по существу строится на общепринятых Главсоцвосом принципах, позволит школе вплотную подойти к промышленной жизни, к рабочему. Она должна иметь место в течение двух лет. А двухлетняя практическая работа в заводской лаборатории, в конторе или фабзавкоме, даст достаточные навыки для работы в производстве оканчивающему школу.

Следовательно индустриальный уклон складывается из трех основных моментов:

а) общеобразовательного круга знаний (средняя школа),

б) специальных дисциплин, углубляющих и расширяющих этот круг,

в) производственной практики, дающей практические навыки для будущей деятельности.

Соотношение времени между этими тремя частями, неразрывно связанными между собою, мы думаем, должно быть таково: 75% времени уделяется общеобразовательным дисциплинам, 11%—специальным и 41%—производственной практике (в среднем по двум годам обучения).

На основе этого распределения нам не трудно определить и тот круг навыков и знаний, который предполагает школа второй ступени с индустриальным уклоном.

Этой школе мы придаем большое значение, ибо считаем, что как-раз, через нее советская школа подходит к разрешению трудовой политехнической задачи (в фабрично-заводском районе). Здесь все направлено в эту сторону, поэтому мы и выдвигаем вопрос об организации таких уклонов.

Кроме того, проектируя индустриальный уклон во второй концентре, мы считаем, что и первый концентр должен быть подчинен индустриализму.

Только в самый последний момент 10-летнего строительства трудовой политехнической школы вопрос разрешается об индустриализации фабрично-заводской семилетки более или менее удовлетворительно. Это, несомненно, оживило бы фабрично-заводскую семилетку. Рабочие, фабзавкомы, заводоуправления, тресты ее приветствуют. Так и со вторым концентром. Он приобретет гораздо бо́льшее значение, если первый концентр будет построен по типу ФЗС.

Изучение производства, его процесса в целом через труд в мастерской ФЗС и изучение той или иной специальности во втором концентре, связанной с тем же производством, даст более прочную практическую подготовку подростку, которая позволит ему быстрее ориентироваться в будущей своей специальности.

Ориентировать учащихся в известной специальности—вот задача второго концентра. Этим наша школа второй ступени отличается от техникума.

Всякий техникум готовит специалиста, школа II ступени не ставит этой задачи перед собой. Она ориентирует учащихся, показывает и приучает их, как нужно работать в той или иной специальности, но не дает квалификации. Подросток только по выходе из школы и вступив на работу по той специальности, которую изучал в школе второй ступени, квалифицируется сам.

Практика двух лет работы профконцентров показала, что школа II ступени с задачей «ориентировать» учащихся несомненно справляется. Мы укажем для примера на индустриальный уклон, существующий в Златоустовской школе II ступени (Урал).

Эта школа по специальному поручению областной конференции школ повышенного типа в гор. Свердловске организовала индустриальный уклон. Первый выпуск (1927 г.) дал Южно-Уральскому горнозаводскому тресту 10 химиков-лаборантов, которые в данный момент работают в заводских лабораториях. Работают они не плохо, хотя и не являются техниками. Отзывы треста, с руководителями которого нам приходилось лично беседовать по этому вопросу, вполне удовлетворительны. Это дает нам определенное право предполагать, что индустриальный уклон оправдывает себя вполне.

Другое дело, как его организовать. Конечно, в организации индустриального уклона мы встретимся с большими затруднениями на местах. Отсутствие педагогов-производственников, недостаточность оборудования—вот наши основные трудности. Но мы уверены в том, что эти трудности будут лишь в первые годы. В дальнейшем, укрепление материальной базы школ, увеличение выпуска специалистов из индустриально-технических вузов и наконец сама производственная переподготовка существующего кадра педагогического персонала в школах повышенного типа, несомненно, будут способствовать осуществлению индустриального уклона. Рабочие, заводские предприятия и их тресты, разделяя наше намерение, в этом нам помогут.

В. С. СТАРЦЕВ.

Свердловск.

ПОВЫШЕНИЕ КВАЛИФИКАЦИИ РАБОТНИКОВ ПРОСВЕЩЕНИЯ

ВОПРОСЫ ПОДГОТОВКИ И ПЕРЕПОДГОТОВКИ КВАЛИФИЦИРОВАННЫХ РАБОТНИКОВ-ОРГАНИЗАТОРОВ.

Требования, предъявляемые к современному руководящему административно-техническому персоналу хозяйственных предприятий и административных учреждений, все время возрастают. Наряду со знаниями техническими и технологическими, наряду с известной суммой знаний экономических он должен также обладать известными знаниями в отношении общей организации, рационализации и управления.

Эти специальные организационные и рационализаторские знания приобретают подчас даже большее значение, чем знания технические и технологические. В этом отношении весьма показателен пример Америки. Проведенная среди 7 000 инженеров-производственников анкета установила, что из этого числа инженеров через пять лет по окончании высшей технической школы свыше 50% оказалось занятыми искючительно, или по преимуществу, административно-организационной работой. Усвоенные ими в инженерных школах технические и технологические знания играли для них второстепенную роль.

Если так обстоит дело в Америке, то совершенно очевидно, что в нашей стране, в которой одним из основных лозунгов дня является индустриализация и рационализация,—удельный вес и значение организационных дисциплин и знаний являются еще большими. Американские учебные заведения отводят в своих программах до 10% общего числа учебных часов на изучение специальных организационных и экономических дисциплин. В отдельных случаях, как, например, в Инженерной школе в Канзасе, изучению этих дисциплин посвящается даже до 25% учебного плана. Статистика говорит, что из 10 000 профессоров и доцентов специальных американских вузов около 1 000 (т. е. 10% всего числа преподавательского состава) заняты преподаванием организационных и экономических дисциплин.

При таком положении дела молодые американские инженеры, кончающие инженерные школы, оказываются достаточно подготовленными не только для узко-технической производственной деятельности, но и для деятельности административной, управленческой.

Иначе дело обстоит у нас. В дореволюционное время наши специальные учебные заведения в своих учебных планах организационным дисциплинам не отводили места. Соответствующие знания могли усваиваться и усваивались молодыми специалистами непосредственно на практике. Конечно, на это уходило известное время, и молодые специалисты становились достаточно подготовленными администраторами не сразу после окончания школы, а только в результате своего собственного более или менее удачливого личного опыта. Если такой порядок был терпим в до-

юных натуралистов исследовательский материал по физическому и психофизическому развитию учащихся и материалы педагогической студии Наркомпроса по исследованию влияния игровых занятий на общее состояние детей.

Выставка была открыта с 13 по 26 августа включительно.

За 14 дней посещаемость выразилась в количестве 11 386 человек. В том числе прошло 96 экскурсий.

Число экскурсантов равно 2 325, т. е. в среднем на каждую экскурсию приходится до 25 человек.

Из общего числа экскурсий прошло 19 иностранных делегаций и 77 советских групп.

В числе иностранных делегаций выставку посетили: чехо-словацких—3 германских—4, швейцарских—2, французских—5, австрийских—3, эстонских—1, норвежских—1.

Остальные 77 экскурсий распределяются таким образом:

Рабочие различных предприятий и клубов—18 экскурсий, железнодорожники—6, физкультурники—23, высший командный состав Красной армии—1, красноармейцы и курсанты—6, клуб физкультурников глухонемых—1, учащиеся школ I и II ступени—10, воспитанники детских домов—2, ребята с детских школьных площадок—6, пионеры с пионерплощадок—4.

Все поименованные экскурсии прошли из следующих губерний: Московской, Ярославской, Владимирской, Тульской, Рязанской, Нижегородской, Воронежской, Саратовской, Татреспублики, Северного района, области Коми, Сибири, Узбекистана, Сев. Кавказа и Закавказья.

Организационным комитетом при ЦИК СССР по организации Всесоюзной Спартакиады выданы Наркомпросу, а также всем представленным в его отделе на выставке учреждениям, аттестаты за участие в выставке.

Отедл НКП на выставке был организован под руководством заведующего музеем-выставкой по народному просвещению А. Я. Подземского, при участии научного сотрудника этого же музея Г. А. Красновской, инспектора-методиста по физическому воспитанию Главсоцвоса Н. И. Петрова, методиста по дошкольному воспитанию Залкинд.

Кроме того в организации выставки участвовали от центральной биостанции юных натуралистов—Л. И. Контляревский, от Ленинградского ОНО—Вабулова, от Брянского ОНО—Е. М. Феоктистова.

Г. КРАСНОВСКАЯ.

ЗАПАД И МЫ

СОВЕТСКАЯ ШКОЛА, ЕЕ ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА[1].

Грандиозная революция, имевшая место в нашей стране, изменила радикальным образом не только экономические, социальные и политические условия жизни Советской России, но совершила огромный переворот также и в педагогическом деле. Переворот этот отразился прежде всего на постановке самой цели воспитания. Мы думаем, что мы должны прежде всего воспитывать советского гражданина—гражданина, призванного для строительства социализма в нашей стране. Эта задача является одной из важнейших задач, которые ставит перед собой революция. Выполнение этих задач означает укрепление советского строя на долгие годы, укрепление всех грандиозных завоеваний, которые революция должна иметь не только для нашей страны, но и для всего мира.

Как же эти цели воспитания советского гражданина осуществляются в нашей педагогической теории и практике?

На основании того опыта, который наша школа проделала за эти десять лет, мы убеждены, что эти цели осуществляются лучше всего в форме единой советской трудовой школы, школы социалистического строительства. Идею трудовой школы мы понимаем существенно различным образом от всех идей, которые доныне распространены за границей. Мы говорим о трудовой школе не только как о школе умственного труда, не только как о школе, которая применяет физический труд как метод преподавания, которая вводит у себя мастерские разнообразного ручного труда, а как о трудовой школе, которая должна изучать трудовую деятельность людей в Советской России и за границей, должна ее оценивать и выводить детей, поскольку они могут разбираться в этих вопросах, в посильное участие в социалистической трудовой деятельности трудящегося населения. Трудовая деятельность людей, свидетелями которой являются дети, весьма разнообразна. Для того чтобы дети могли понять эту деятельность, наша школа должна подобрать подходящий материал, группируя его по годам обучения. Так как народная школа пока является школой четырехлетней, то весь материал группируется по четырем годам обучения.

Для того чтобы наши дети могли принять посильное участие в трудовой деятельности рабочих и крестьян, мы должны прибегнуть к помощи, к содействию самих трудящихся масс. Мы думаем, что осуществление этой задачи возможно только при участии огромных масс трудового населения в работе по строительству школы. Оценка разнообразных форм трудовой деятельности людей приводит нас к принципу политехнизма в нашей школе. Эта оценка и должна дать подрастающему поколению возможность получить то общее образование, которое нужно для страны трудящихся.

[1] Печатаемые в этом разделе статьи т.т. Шацкого, Пистрака и Эпштейна являются материалом, подготовленным в связи с «Международной педагогической неделей» в Лейпциге.

Таким образом, переходя к принципам нашей программы, мы должны указать на то, что мы не только изучаем окружающую нас действительность, но организуем и участие детей в окружающей жизни. Для нас ясно, что всякие суеверия, всякая религиозность в какой бы форме они не проявлялись должны быть отброшены нашей школой. Кроме того мы считаем необходимым вести совместное воспитание мальчиков и девочек в нашей школе. Наша программа, поскольку она в значительной степени зависит от местных условий, должна быть принципиально программой местной. Отсюда—огромные преимущества, которые эта программа создает для наших многочисленных национальных меньшинств разнообразных народностей, примкнувших к великому Советскому союзу.

Мы уже говорили о том, что все явления окружающей жизни должны подвергаться посильной оценке со стороны детей. Чтобы это было возможно, наша программа группирует все явления по трем основным рубрикам: во-первых,—явления природные, во-вторых,—явления человеческой деятельности и, в-третьих,—явления общественного характера. Эти три группы обычно нами формулируются в виде короткого термина: природа, труд, общество. Но дело не только в группировке, но и в том, чтобы воспитать в детях понимание окружающих явлений, для чего нужно обратить внимание на те связи, которые между этими явлениями реально существуют. Поэтому мы ставим во главу этих групп трудовую деятельность людей и стараемся так подобрать материал в программе, чтобы были понятны те связи, которые существуют с одной стороны, между явлениями труда человека и силами природы, а с другой стороны—между явлениями труда человека и общественным устройством. Всякий труд есть овладевание силами природы. Мы должны воспитывать в наших детях мысль о могуществе человеческого ума, человеческих знаний, о могуществе науки. С другой стороны, результатом труда является продукт, и этот продукт может быть направлен или на благосостояние отдельных людей или отдельных групп или на благосостояние всего общества,—труд для себя и труд на пользу всего общества.

Таким образом, мы должны воспитывать в наших детях понимание того, что только при социалистическом укладе общественной жизни может быть достигнуто использование всех сил отдельных людей или групп на общую пользу и что только в этом строе нет места для эксплоатации одного человека другими. Установление связей между основными группами явлений жизни мы и называем принципом комплексности. Но недостаточно еще воспитывать в детях только понимание окружающих их явлений,—мы говорим также и о том, чтобы это понимание отражалось на жизни и деятельности людей. Вот эта связь, так сказать, между теорией и практикой является существенной частью нашего метода. Та или другая ценная мысль,усвоенная ребенком, должна стимулировать его работу в доступной его силам форме. Организованная работа, имеющая свой план и проверку, дает возможность присоединить к прежнему материалу программы новый материал—материал личного опыта ребенка. Этот факт содействует обогащению мыслей ребенка. Следующая ступень сознательности влечет за собой более организованный труд ребенка. Таким образом, чем больше наш ребенок учится в школе, тем больше для него возможностей улучшить свой быт и свою деятельность. Следовательно, диалектический принцип является существенно важным признаком нашей педагогики. Эти соображения приводят нас к установлению следующей схемы нашей программы: постепенное расширение умственного горизонта ученика и возможностей приложения его труда к жизни окружающей среды.

На первом году программа берет материал из условий школьной работы и быта семьи. Задачей школы в этом году является: организовать элементарный уход ребенка за собой, за помещением, где он живет и работает, создать у него привычку быть чистоплотным и аккуратным, приучить его к организованному общению с товарищами, установить контроль школы над его поведением и над жизнью его в семье, а также привлечь семью к совместной работе со школой. В этом году ребенок начинает сопоставлять жизнь семьи с жизнью школы, он приучается смотреть на свою семью, как на некоторую часть общества, с которым он связан.

На втором году программа берет материал не только из жизни школы и семьи—эта работа продолжается, но и из жизни поселка, деревни, городского квартала, большого городского дома, в особенности принадлежащего жилтовариществу, и организует работу детей в этом масштабе. Здесь на втором году у ребенка еще больше возможностей сопоставить жизнь семьи с жизнью деревни, жизнь семьи—с жизнью большого городского дома или того квартала, в котором находится его дом, и понять те зависимости, которые реально отражаются в жизни окружающей ребенка среды; здесь легко сделать сопоставление между трудом того небольшого мирка, в котором ребенок вращается, между теми силами природы, которыми человек овладевает для устройства своей жизни, и между общественными условиями жизни этого небольшого социального организма.

На третьем году материал, который мы даем школе, берется из окружающего школу района, выходящего за пределы того небольшого мирка, в котором ребенок жил и действовал до сих пор. Мы говорим о целой волости и о городе. Этот материал в значительной степени не может быть лично наблюдаем ребенком, а поэтому успех занятий в этом году в сильнейшей степени зависит от того, насколько учитель может иметь в своем распоряжении местный краеведческий материал. Этот материал должен быть обработан для школьных занятий, но к тем соображениям, которые мы высказали выше, надо прибавить, что этот материал, недоступный прямому наблюдению ребенка, должен быть таким материалом, который стимулировал бы деятельность ребенка в непосредственно окружающей его среде. Те явления, которые ребенок наблюдает непосредственно в окружающей жизни, происходят и за пределами того мира, который окружает ребенка. Деятельность людей, которую ребенок непосредственно наблюдает вокруг, должна побуждать его к более осмысленной работе. Таким образом, здесь наша программа преодолевает одно из главнейших препятствий, связанных с даванием отвлеченного материала. Всякий отвлеченный материал неминуемо ведет к словесной школе и весьма сильно отвлекает школу от ее жизненных трудовых задач, которые мы ставим себе, т. е. воспитание будущего советского гражданина, могущего участвовать в социалистическом строительстве. Эта задача требует от нас воспитания активного, действенного отношения к тому материалу, который изучает ребенок.

Те же соображения, но в гораздо большей степени, относятся к материалу четвертого года обучения. Материал этот берется из жизни деятельности всего Советского союза, затрагивая отчасти и материал других стран. Если бы наша программа ограничивалась только отбором тех экономических, географических и бытовых данных, которые в самых элементарных чертах характеризуют жизнь нашего Союза, то это было бы далеко не достаточным для осуществления тех целей, которые мы себе поставили. Мы должны дать нашим детям этот материал в таком виде, чтобы он создал в уме ребенка образ огромной страны, в разнообразных частях своих преследующей различными способами разрешение задач советского строительства. Мы должны говорить с детьми образным, живым, конкретным языком, и если наш ученик почувствует тот великий дух строительства, который охватил нашу страну при всем разнообразии народностей, входящих в ее состав, то тем самым та организованная дея-

тельность ребенка, на которую мы должны употребить огромные усилия, и совместная деятельность школы с массами трудового населения, окружающего школу, должны принять формы теснейшего сотрудничества. Следовательно, материал, недоступный непосредственному наблюдению ребенка, становится весьма нужным стимулом для той общественной деятельности, к которой мы всеми силами привлекаем ребенка.

Мы не скрываем от себя всех трудностей проведения этой программы в жизнь. Мы должны усиленно работать над тем, чтобы эта программа приняла конкретные формы в работе учителя, и мы должны в то же самое время решить целый ряд сложных методических организационных вопросов, которые должны помочь укрепить теорию и практику нашей школы. В проведении нашей программы в жизнь мы наблюдаем такую последовательность. Сначала мы пускаем программу ориентировочно. Мы очерчиваем настолько конкретно, насколько мы это можем, те зазачи, которые должны быть, по нашему мнению, проведены для каждого года обучения. В результате этой первичной программы мы наблюдаем развитие педагогических опытов в педагогической практике, и в особенности мы получаем большую пользу от того материала, который скапливается в наших опытных школах, обладающих более квалифицированным педагогическим персоналом, чем это имеет место в рядовых школах. Результаты опытов нами проверяются и учитываются. Та работа, которая за известный ряд лет проделана массовой школой, с одной стороны, и школами опытными—с другой стороны, является материалом для новой редакции программы, более жизненной, более конкретной, чем прежняя. Параллельно с этим мы опять-таки на основании массового опыта обогащаем нашу программу методическими указаниями по различным разделам работы. Понятно, что каждая новая редакция нашей программы является рассчитанной на более длительный срок, чем предшествующая.

В настоящее время мы создали вторую редакцию наших программ, совершенно не отступая от тех принципов, которые были провозглашены сначала. Мы обращаем главнейшее внимание на помощь, которую должен получить учитель, на создание всякого рода инструктирующего материала и пособий, на подготовку и тренировку педагогического персонала и на создание таких организационных путей строительства нашей массовой школы, которые могут облегчить эту помощь и контроль над школой.

В настоящее время мы перешли к принципу районных школ, работающих среди известной группы школ обычных, но снабженных лучшим подбором преподавателей и более богатых оборудованием. Мы считаем, что при таких условиях учет той практики, того практического опыта, который накапливается в нашей массовой школе, будет для нас в значительной степени облегчен, и для каждого года работы нашей массовой школы мы намечаем те специальные задачи, разрешив которые мы можем сделать дальнейший шаг к улучшению занятий в нашей массовой школе.

МЕТОДЫ РАБОТЫ.

Для того чтобы осуществить те цели, о которых мы говорили раньше, и чтобы проработать основательно ту программу, материал для которой дается окружающей жизнью, мы должны обратить самое серьезное внимание на методы работы нашей школы. Здесь надо отметить, что в огромном большинстве случаев методическая работа наших педагогов за годы войны и годы революции в значительной степени ослабла. Если эти методы работы сравнительно легко установить в области методов обучения техническим навыкам и приемам работы,—а в этом отношении наша старая школа имела известные достижения,—то в области нового подхода к делу,

в области осуществления не только изучения жизни, но и участия в ней мы должны произвести колоссальную работу над теми новыми методами, которые должны войти в жизнь нашей школы. Если раньше наши методы школьной работы главнейшим образом стремились к тому, чтобы дети заучили на память тот материал, который дается им программой, и если раньше применялся в значительной степени метод, так сказать, «натаскивания», догматизма, то сейчас мы должны говорить о проработке; но если мы употребляем слово «проработка», а не только «усвоение», то мы должны говорить о реальных жизненных фактах, о проработке того опыта, который имеется в распоряжении как самих детей, так и школы.

Поэтому мы придаем большое значение тому опыту, который ребенок уже имеет, приходя к нам в школу. Этот опыт должен быть только проанализирован и проработан. В этом опыте есть много ценного, обнаруживающего большую тонкость наблюдения окружающих явлений самими детьми, будь то явления из жизни природы, из трудовой деятельности человека или из области общественных явлений. В этом опыте весьма часто мы видим отражение старых мыслей, суеверий, которыми до сих пор еще полна наша малокультурная среда. Вместе с детьми мы должны сделать оценку этого опыта и сопоставить с ним тот опыт, который мы взяли из наших книг и учебников, сопоставить его с тем опытом, который может быть проведен школой в ее примитивной лаборатории.

Таким образом метод выявления опыта ребенка, сопоставление с ним того опыта, который собрала школа, приводит к возможности произвести со стороны детей понятную оценку целого ряда явлений. Этот метод, сопоставление того, что есть в окружающей жизни, с тем, что дает наука или разумно организованное общество, вырабатывает в ребенке понимание тех явлений, которые его окружают. Но этого, разумеется, мало. Из разработки этого опыта необходимо сделать заключение, что мы считали бы неценным вывод, имеющий только логический характер. Мы должны также организовать и применение результатов этой проработки в жизни ребенка. И вот в нашу методическую схему вводится значительное осложнение, состоящее в изменении поведения ребенка в его быту, в его работе, в его общественной деятельности в зависимости от проработки того материала, который дается школой. Таким путем является путь жизненных проектных методов, и мы связываем воедино процесс умственной работы ребенка с процессом его изменения жизненной работы.

Таким образом вопрос о всяком материале, который должен прорабатываться ребенком, вопрос о всех фактах, которые становятся ребенку известны, мы рассматриваем как вопрос о явлениях, стимулирующих деятельность ребенка. Но мы не должны ставить этот вопрос вообще в общих чертах, мы должны говорить не о всякой действительности, а именно о той, которая развертывается перед взорами ребенка, т. е. о советской действительности. В простых и доступных для ребенка формах мы добиваемся того, чтобы этот материал стимулировал ту деятельность ребенка, которая может быть названа деятельностью социалистического характера.

Вот направление той методической работы, которую мы ставим перед собой и благодаря которой мы хотим достигнуть осуществления наших социалистических задач воспитания.

Рядом с этими основными методами идут методы технического характера, методы, которые требуют значительных упражнений, а также времени, требуют создания навыков хорошо читать, писать, считать, а также наблюдать и регистрировать природные явления. Мы считаем чрезвычайно важным овладевание детьми общими элементарными навыками чтения, письма и счета. Мы создаем новые книги; огромное количество

авторов под нашим руководством занимается созданием той книги, собиранием того материала, который нужен нам для проработки в нашей школе. Но и здесь мы ставим перед собой не только задачи технического обучения,—вопрос о применении техники в жизни ребенка играет для нас также очень большую роль. Мы не можем ограничиться только тем, чтобы ребенок мог считать; для нас небезразлично, если ребенок, получивший в школе умение считать, в дальнейшем начнет применять это свое умение, обсчитывая себе подобных.

Мы должны также приблизить нашу советскую детскую книгу к пониманию и оценке ее нашим населением. Поэтому мы много думаем о том, чтобы культивировать в детях желание прочесть ту или другую школьную книгу в отдельных ее частях своим родным, сделать доклад в общественной организации относительно целого ряда проектов, выдвигаемых школой, словом—применить те технические знания и умения, которые вырабатываются в школе к своей работе в окружающей среде.

Так же мы смотрим и на обучение наших детей некоторым элементарным искусствам: пению, рисованию, драматизации, играм и праздникам; так же мы смотрим на обучение детей элементарным приемам физического труда. Все, что в этой области школа создает для детей, должно быть в той или другой форме общественно использовано. Поэтому наши дети принимают очень большое участие в местных праздниках, выступая там с докладами, пением, своими плакатами и драматическими собственными произведениями: поэтому мы, организуя по известному плану общественную работу детей в окружающей среде, представляем себе отчетливо, каким образом те простейшие навыки физического труда, которые могут получиться в наших примитивных мастерских, могут быть применены в жизни.

Мы уже говорили раньше относительно того значения, которое имеет для нашей школы краеведческий материал. Ясно, что дети не только получают этот краеведческий материал в годовом виде (это разумеется, касается того материала, который недоступен личному наблюдению ребенка), но мы говорим и о детях-краеведах и отводим известное время для детских экскурсий, для организованного наблюдения ими явлений природы, трудовой деятельности людей и общественной жизни.

Таким образом в жизнь нашей школы должны пройти трудовые методы воспитания и образования, заключающиеся в том, что дети в значительной степени научаются самостоятельному наблюдению, проработке, производству выводов и применению этих выводов в жизни.

Пока мы имеем большие затруднения в области организации занятий в школе. Конечно, надо иметь в виду, что та постановка школьной работы, которую мы описали выше, требует значительного количества организационных умений со стороны учителя, большой оборудованности школы пособиями, книгами, приборами, материалами, инструментами, новыми школьными зданиями и очень хорошей подготовки и тренировки учителя. В нашей советской действительности все это далеко от совершенства.

Благодаря тому, что мы не можем удовлетворить тех огромных потребностей в знаниях, которыми охвачены наши трудовые массы, мы стоим еще перед разрешением самых элементарных задач и, разумеется, мы не можем быть удовлетворены той картиной, которая развертывается в настоящее время в нашей массовой школе и которая заставляет нас думать о величайшем терпении. Тем не менее мы все более ясно, более конкретно развертываем нашу работу, которая, будучи поддержана материально, приближает нас к нашим идеалам, дает возможность осуществить их на деле. Эту задачу мы можем выполнить при двух главных условиях: правильной организации школьных занятий, удовлетворяющих нашим принципам, и самого близкого участия нашего трудового населения в жизни и работе нашей школы. Мы должны добиться от наших трудовых масс понимания путей нашей школы и поддержки тех начинаний, которые школа проводит в своей практике; мы должны добиться серьезного привлечения окружающего населения к контролированию нашей школьной работы, ибо мы ставим нашу работу как работу исключительно общественного характера. Мы должны учесть это обстоятельство и сделать из этого учета практические выводы, а именно, что не только школа занимается воспитыванием и образованием молодого поколения страны, но в огромной степени это является и делом самого населения. Поэтому, понимая, что педагогический процесс, процесс воспитания и образования нашей молодежи протекает в окружающей школу среде, мы должны отвести для нашей школы и соответствующее место. Мы весьма напряженно работаем над проблемой среды и школы, разрешение которой даст нам все больше и больше возможностей успешно провести в жизнь наши принципы.

Отсюда можно видеть ту огромную роль проведения детьми принципа общественной работы в окружающей среде, о которой мы говорили выше. Эта общественная работа детей в окружающей среде, это жизненное применение тех знаний, тех навыков, которые получают дети в школе, являются связующим звеном между средой и школой в наших условиях.

Таким образом школа в известной степени является регулятором педагогических процессов в окружающей среде; ее регулирующая роль в специальной области культурного воздействия на быт и работу детей состоит в том, что школа специально вооружает детей соответственными умственными, трудовыми и организационными навыками: она создает план работы школы, связанный с тем планом общественного строительства, который выработан в окружающем районе. Выделяя из этого общего плана некоторые части, которые должны приходиться на долю школы, этот план превращается в ее общественный проект, связанный с программой. При проведении программы в жизнь школа должна весьма серьезно обдумать организационные пути этой работы. Каждый проект, который выдвигается школой, каждая тема, которая прорабатывается ею, должны так или иначе иметь отражение в окружающей среде. Регулирующая роль школы сказывается и на контроле над жизнью и деятельностью детей, которые являются осуществлением проекта создаваемого школой.

Но школа и сама в свою очередь испытывает общественный контроль среды над ее работой. С точки зрения организации самих занятий внутри школы ясно, что школа чрезвычайно заинтересована в том, чтобы дети умели работать и кроме того умели работать самостоятельно. Поэтому намечается проблема перехода от классной системы преподавания к системе индивидуальных заданий, выполняемых учениками, что имеет важное значение для нашей школы, потому что в громадном большинстве случаев на 60%, наша школа является школой однокомплектной, работающей силами одного учителя с несколькими группами учеников. Для того чтобы перейти к этой системе нам нужно произвести очень большую работу по выработке соответственных пособий для учителя и учеников.

В организации занятий мы придаем очень большое значение учету педагогической работы. Разумеется, как и школы всяких других культурных стран, мы вводим учет количественный, статистический, но очень большая работа должна быть нами произведена над методом учета качественного, такого учета, который способствовал бы максимальной успешности работы учеников. В этой области перед нами еще очень большое поле деятельности.

В настоящее время мы весьма заинтересованы в том, чтобы прове-

рить ту работу западноевропейских и американских школ, которую они производят над тестами и применение тестов в русских условиях является нашей серьезнейшей заботой. Мы должны проконтролировать и проверить пригодность их для нашей педагогической работы; с другой стороны, мы должны организовать такой учет, который бы помогал ученикам продвигаться дальше и работать с большим успехом.

Мы полагаем, что меры поощрения, выдвижения лучших учеников, примеру которых должны следовать все прочие, не будут соответствовать нашим целям. Как известно, мы выбросили из наших школ те наказания, к которым прибегают западноевропейские и американские школы. Мы все-таки придерживаемся той мысли, как бы это ни было трудно, что нужно культивировать внутреннюю дисциплину, которая создала бы нам возможности успеха педагогической работы и вполне соответствовала бы нашим задачам. Главнейшая дисциплинирующая мера, которую мы культивируем в нашей школе, это—создание деловой товарищеской атмосферы и воспитание серьезного отношения к тем обязанностям, которые налагает на школу советское государство.

В том плане, который был очерчен выше, школа выполняет свои общественные функции.

Ребенок должен проникнуться сознанием того, что он не только ученик, но и маленький гражданин, по мере своих сил и возможностей привлекающийся к большому общественному делу советского социалистического строительства. Поскольку он регулярно привлекается и поскольку школа на этом привлечении строит план своей работы,—мы считаем, что ученик воспитывается как будущий советский гражданин. Следовательно, создание дисциплинирующей атмосферы, той дисциплины, которая поддерживается не только учителем, но и учениками, является нашей важнейшей задачей.

Отсюда ясно, почему мы так сильно выдвинули в нашей школе вопрос школьного самоуправления, почему мы отводим такое большое место участию наших детей в общем школьном совете и почему мы так настойчиво ставим перед нашим педагогическим персоналом вопрос о роли учителя в классе. Эту роль мы понимаем как роль, организующую жизнь, работу и занятия учеников, как роль опытного разумного и авторитетного товарища, у которого есть общее дело с учениками—это есть дело посильной помощи тому строительству, которое широкой волной разливается по нашей стране, это есть дело воспитания в себе понимания этого строительства, это есть дело той общей ответственности, которую несет на себе каждый гражданин, большой и маленький, в нашей стране, ответственности и за то, что происходит в настоящее время, и за будущую работу нашей великой страны.

Мы чрезвычайно заинтересованы в том, чтобы наше молодое поколение росло здоровым, а отсюда то огромное значение, которое мы придаем вопросу здоровья детей, их гигиеническим навыкам и привычкам. Всю эту работу мы вводим в нашу программу и к этой работе самым настойчивым образом привлекаем население. Но мы не можем ограничиться только тем, что внутри школы создаем те или другие детские организации,—будь то организация санитарная, хозяйственная, садовая, организация по благоустройству города и деревни,—которые создадут возможность участия детей в той или другой общественной работе, но мы также обращаем большое внимание на детские организации, которые создаются вне стен школы, и чем больше скапливается у нас материальных средств, тем больше мы должны культивировать и содействовать широкой организации всевозможных детских кружков и обществ, преследующих те или другие общеполезные практические цели.

Таким образом перед нами стоит вопрос массового кооперирования

детей, в особенности в области производственной кооперации. Мы ставим перед собой задачи, величайшие задачи, которые когда-либо были поставлены в мире, о политических детских организациях, которые могли бы дать новый кадр тех основных работников, благодаря силам которых наша страна пойдет по пути социалистического строительства.

С. Т. ШАЦКИЙ.

СОЦИАЛЬНОЕ И ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ПРОЛЕТАРСКОГО РЕБЕНКА В СССР И КАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ ГОСУДАРСТВАХ.

1. Различие в социальном строе и в общественно-производственных отношениях, существующих в Советском союзе и в капиталистических государствах, предрешает, естественно, различие в них положения пролетарского ребенка.

2. В Советском союзе и законодательство, и практика работы по охране детства государственных и общественных организаций, и общественное положение пролетарского ребенка таковы, что они содействуют делу воспитания его к роли сознательного и активного строителя Советского государства как и борца за коммунистическое общество.

В капиталистических государствах и государственность, и официальная общественность ставят себе задачей подготовить пролетарского ребенка к роли продающего свою рабочую силу и воспринимающего как нечто незыблемое господство эксплоататорских классов.

В современную эпоху, когда классовая борьба проникает с особенной силой во все поры общественной жизни, буржуазия, ставя себе целью подготовить преданных себе солдат для империалистических и гражданских войн, как и штрейбрехеров, прямых пособников имущих классов против революционного движения, пропитывает этой целевой установкой всю свою идейно-воспитательную работу среди трудящейся молодежи (деятельность фашистских детгрупп и школ в Италии, Польше, школьные недели борьбы с коммунизмом в штатах Северной Америки и т. п.).

3. Это различие прежде всего сказывается во всей образовательно-воспитательной системе, принятой в Советском союзе и в буржуазных государствах.

В Советском союзе система народного образования едина. Существует преемственная связь, обеспечивающая единство системы, начиная от первого звена—начальной школы и кончая самым высшим ее звеном—университетом. Ставя себе целью охватить школой все детство, Советское государство в то же время, имея в виду отстранение в прошлом трудящихся от образования, создает ныне условия, наиболее благоприятствующие для детей рабочих и беднейших крестьян с тем, чтобы их в первую очередь обеспечить школой во всех ее звеньях и таким образом подготовить рабоче-крестьянскую интеллигенцию. Дети трудящихся большими массами заполняют среднюю и высшую школу (процент детей рабочих и крестьян в семилетках—60,5%, девятилетке—42,2%, в техникумах—56%, в вузах—50,6%, из них в сельскозозяйственных вузах—62,7%). Школа осуществляет принцип совместного обучения полов, безусловного

интернационализма, полного отказа от наказания и очищена во всем своем образовательном материале от всякого метафизического, религиозного мусора.

Наряду со школой воспитывающим фактором является весь советский строй, вся организованная пролетарская общественность, в том числе и организация детей и подростков (октябрята, пионердвижение и комсомол), преследующие одинаковые со школой цели воспитания.

Все это создает предпосылки для вооружения пролетарской молодежи материалистическим миросозерцанием, для воспитания ее в духе правильно осознанных классовых интересов, а следовательно, подготовляет их к роли борцов за социалистическое общество и его активных строителей.

В буржуазных государствах система народного образования не едина. Одной своей частью—наименее материально обеспеченной, наименее научной и замыкающейся на низовых звеньях—она обращена лицом к трудящейся молодежи, другой своей частью, в которой осуществлен принцип единства системы, наиболее материально обеспеченной, она обращена лицом к детям привилегированных слоев населения, в которых подготовляется командный состав для всех областей государственной и хозяйственной жизни. Дети трудящихся, благодаря этому, только одиночками просачиваются в высшие и в средние учебные заведения. Такие принципы советской школы, как совместное обучение полов, антирелигиозное воспитание, в свое время были провозглашены буржуазнодемократическими революциями. Однако эти обещания ни одним буржуазным государством фактически не выполнены. Однополая школа, преподавание религиозных вероучений в школе являются обязательными в большинстве государств.

И буржуазный строй, и организованная в нем официальная общественность воспитывают, но в соответствии со с в о и м и классовыми интересами, и следовательно, вся эта воспитательная деятельность вступает в резкий конфликт с интересами рабочего класса и с теми целями, которые ставит себе революционная пролетарская общественность и тот педагог и та школа, которые находятся под ее идейным воздействием.

4. Во всем советском законодательстве—в вопросах семьи и брака, в Уголовном и Гражданском кодексах, в вопросах охраны труда превалируют интересы роста и развития пролетарского ребенка. Наиболее обездоленные дети прежде всего обеспечены советскими декретами.

Для иллюстрации перечислим некоторые основные выдержки из советского законодательства, касающиеся охраны и защиты прав детства.

Родительские права в отношении детей по советскому законодательству весьма ограничены, обязанности же их по отношению к детям строго оговорены законом. Невыполнение родительских обязанностей или неправомерное их выполнение влечет за собою лишение родительских прав по суду и даже отобрание детей до суда, если оставление их пагубно. Установлено принудительное взыскание алиментов, причем за неплатеж алиментов установлена уголовная ответственность. Мать уравнена в родительских правах с отцом.

В буржуазном законодательстве сохранилось упоминание о родительской в л а с т и, а об обязанностях родителей законодательство не говорит. Права отца превалируют. В большинстве государств нет ответственности родителей за отказ в содержании детей. В Советском государстве институт внебрачных детей совершенно ликвидирован. В наших законах нет терминов «незаконный» или «внебрачный». В личных документах запрещено всякое упоминание о незаконности или внебрачности рождения, а в то же время отцовство в интересах обеспечения содержания ребенка может быть установлено без суда. Близость матери в период

зачатия с несколькими лицами не освобождает одного из них от судебного признания его отцом и вытекающими отсюда его обязанностями перед ребенком. «Внебрачные» наследуют после отца, получают пенсию, алименты и т. д. в таком же порядке, как и так называемые «брачные» дети.

В буржуазных законодательствах полного равенства брачных и внебрачных не существует. Кодексы буржуазных стран пестрят этими терминами. Даже узаконение, предусмотренное в буржуазных законодательствах, не всегда допускается. В некоторых государствах незаконность рождения обнаруживается из самого текста документа ребенка, который, таким образом, за весь период своей жизни идет с этим «клеймом» внебрачного. В ряде стран отыскание отцовства затруднено или даже запрещено в известных случаях (во Франции). В большинстве государств достаточно доказать, что мать была близка с другим, и в иске об отцовстве отказывают, и, таким образом, вся тяжесть падает на ребенка. В наследовании внебрачных детей установлен ряд ограничений, например, половинные доли законных детей (Швейцария), не наследуют при наличии брачных детей (Бельгия), вовсе на наследуют (Австрия, Англия).

Поскольку буржуазный строй разрушает рабочую семью, оставляет в вынужденно холостом положении громадные кадры трудящихся, такие принципы буржуазного законодательства прежде всего бьют по пролетарскому ребенку.

5. Приведем еще для характеристики охраны прав ребенка те основы уголовного законодательства, которые имеют отношение к так называемой детской преступности.

В Советском союзе разбором правонарушений, совершаемых детьми, заняты комиссии, существующие при органах народного образования, и, таким образом, советское законодательство рассматривает каждого детского правонарушителя как подлежащего не наказанию, а педагогико-медицинскому воздействию. Установлена полная уголовная невменяемость до 14 лет и условная вменяемость от 14 до 16 лет при недействительности мер медико-педагогического воздействия, причем Уголовным кодексом введена пониженная уголовная ответственность для правонарушителей до 18 лет.

В буржуазных государствах правонарушения несовершеннолетних рассматривают суды, принимающие в большинстве случаев репрессивные меры. Даже в тех государствах, где функциями специальных судов для несовершеннолетних являются также меры медико-педагогического воздействия, и там они применяются параллельно с наказаниями репрессивного характера. Так, в Германии до 14 лет применяются меры медико-педагогического воздействия, но суд иногда обязывает несовершеннолетних к выполнению известных действий, а от 14 до 18 лет может быть применено заключение в тюрьме или крепости даже от 1 года до 10 лет. Весь ход расследования и суда над несовершеннолетними совершается во всех буржуазных государствах таким же порядком, как и на любом суде—с обвиняемыми, обвинителями, с публичностью и т. д. И если иметь в виду, что подавляющее большинство правонарушений несовершеннолетних относится к кражам и ко всяким другим правонарушениям против частной собственности, то эта антипедагогичность и жестокость уголовного законодательства по отношению к детям в буржуазных государствах прежде всего направляются против пролетарского ребенка.

6. Самое характерное различие, понятно, имеется в трудовом законодательстве. По Трудовому кодексу советских республик запрещается прием на работу моложе 16 лет. Исключения допускаются для детей от 14 лет с разрешения инспекции труда в городах, после медицинского

освидетельствования и от 14 лет—в крестьянских хозяйствах. Рабочее время установлено для подростков от 16 до 18 лет—6 часов и до 16 лет—4 часа с оплатой за полный рабочий день. Обязательно предоставляется ежегодно месячный отпуск и отдых для недостигших 18 лет. Запрещены для подростков даже 18 лет ночные и подземные работы, как и работы во вредных для здоровья производствах. Имея в виду интересы физического роста и развития подрастающих молодых поколений, советское законодательство установило ряд льгот в отношении предоставления отпусков и помощи по социальному страхованию для беременных женщин трудящихся. (Двухмесячный отпуск до родов и месячный после родов с сохранением содержания, выдача средств на дополнительное питание трудящихся матерей и т. п.).

Но главное в том, что свой труд на производстве рабочий подросток совмещает с большой общественно-политической работой, с образовательной подготовкой, с работой по повышению своей производственной квалификации (участие в заводских организациях, производственных совещаниях, ФЗУ, индивидуально-бригадное ученичество и т. п.), которые все вместе ставят себе целью не только подготовить квалифицированного рабочего, обладателя определенных производственных умений, но и сочлена класса-гегемона, класса-руководителя всей политической, хозяйственной и культурной жизнью страны. В этом между прочим сказывается социалистическая организация труда подростков на производстве.

По буржуазным законодательствам минимальный возраст наемного труда, различный в разных странах, таков: 9 лет—для Британской Индии, 10 лет—в Венгрии и Испании и по некоторым работам в Австрии и Аргентине, 11 лет—для ремесленного труда в Румынии, 12 лет—в Италии и Румынии, 13 лет—во Франции и для мальчиков в Швеции, 14 лет—в Германии, в Австрии (фабрики), Великобритании, Швейцарии, Дании, Швеции, Норвегии, в большинстве штатов Северной Америки и т. д. Почти всюду в буржуазных государствах для детей установлен восьмичасовой рабочий день; ночной труд и подземные работы во многих государствах не ограничены для подростков. Но даже это законодательство не определяет фактического состояния рабочего подростка в буржуазных государствах. Громадные резервы рабочей армии, погоня за дешевым рабочим трудом, слабость, а то и полное отсутствие инспекции по охране труда, а, главное,—отстаивание государственным аппаратом интересов имущих классов приводит к тому, что требования даже имеющегося законодательства не соблюдаются, и фактически детский труд, безудержная его эксплоатация являются массовым явлением в условиях капитализма.

7. Советский союз предоставляет широчайшие возможности пролетарскому ребенку организовать свою детскую общественность. Юношеское движение в лице комсомола (охватывающее до 2 100 000 подростков), детское движение в лице юных пионеров и октябрят (охватывающее до 2 миллионов детей), различные спортивные и другие внешкольные организации, получившие за годы революции широчайший размах в стране, по преимуществу охватывают детей рабочих и беднейших крестьян и служат тем же целям, о которых мы выше говорили. Советская государственность предоставляет по закону широчайшие льготы в целях создания условий роста и развития этой организованной пролетарской общественности.

В буржуазных государствах те организации рабочей молодежи, которые ставят перед собою революционно-классовые цели, преследуются, многие из них загнаны в подполье и поощряются только те из них, которые служат задачам пленения рабочей молодежи буржуазной идеологией.

8. Трудящиеся Советского союза добились уже больших практических результатов в деле культурного и физического роста и развития пролетарского ребенка, как и его общественного и политического положения в стране.

И это несмотря на то, что вся строительная работа Советского союза протекает в исключительно тяжелых условиях. Царизм оставил стране наследство массовой безграмотности населения, жуткой технической отсталости, традиций национального, полового и религиозного насилия. К тому же борьба всего капиталистического мира против Советского союза, борьба, в которой все средства испытываются, вплоть до вооруженных интервенций, не могла не задержать роста достижений в деле улучшения положения пролетарского ребенка. Вот это тяжелое наследие прошлого (царизма, гражданской войны), трудности и противоречия социалистического строительства в условиях капиталистического окружения являются причиной того, что в положении детства имеется ряд отрицательных явлений: а) беспризорность—по причинам громадного перенаселения деревни и еще неизжитой безработицы среди взрослых и подростков в городе; б) безнадзорность, объясняющаяся все еще недостаточной школьной сетью и недостаточными внешкольными формами работы с детьми, как и небольшим уровнем пегагогической подготовки семьи; в) сохранившиеся еще элементы эксплоатации детей, особенно в деревне. Национальная рознь, религиозные влияния, детская преступность,—все это есть результат еще неизжитых мелкобуржуазных влияний, как и тех противоречий строительства, о которых мы выше говорили. Размеры всех этих отрицательных явлений чрезвычайно раздуваются буржуазией, ее печатью, с тем, чтобы лишний раз повредить Советскому союзу и международному рабочему движению. Между тем, несмотря на все трудности строительства в условиях тяжелого наследия мировой и гражданской войны, поволжского голода, все же за последние годы относительно мирной хозяйственной работы Советский союз добился почти полной ликвидации массовой уличной беспризорности, в свое время насчитывавшей миллионные кадры беспризорных детей, увеличил охват школьной сетью на 39% детей больше, чем в дореволюционное время, создал совершенно новые отрасли просветительной работы среди детей, как дошкольная и внешкольная работа, содержит целиком за счет государства в своих детских интернатных учреждениях свыше 200 000 оставшихся без родителей детей. Ярким показателем достижений является процент детской смертности. До революции детская смертность в России была 28 на 100. В некоторых губерниях она доходила до 35—45%. Теперь в Ленинграде детская смертность равна 16%, в Москве—15%. Особенно сильно понизилась смертность среди детей работниц. В царской России у текстильщиц из 100 родившихся детей выживало 66 и 34 умирало. В 1924 г. выживало 83, а умирало 17. Советский союз представляет собою в нашу послевоенную эпоху единственную страну в мире, которая в области народного образования увеличивает из года в год свой бюджет, свою сеть и количественный охват ею (сетью) детей и подростков.

Методы борьбы с детской беспризорностью и безнадзорностью вскрывают принципиальное отличие советской государственности от буржуазной. В капиталистических государствах существуют, и в больших размерах, детская беспризорность и безнадзорность, не говоря уже об эксплоатации детей. Они там только тщательно укрываются, убираются с глаз, с улицы (приюты с решетками, законы против нищенства детей, административная борьба с бродяжничеством и т. п.). И если Советский союз, открыто выявляя все отрицательные стороны жизни детства, борется с ними, с источниками их порождающими, так как в условиях своего социального строя видит залог успешности этой борьбы, то в капитали-

стических государствах, социально-экономические условия которых неминуемо порождают все новые кадры беспризорных и безнадзорных, остается одно—бороться с самими беспризорными детьми, ставя их вне общества или в положение неполноправных его членов.

Советский союз всем своим государственным аппаратом, всей своей общественностью обеспечивает полную возможность культурного, физического и общественно-политического развития пролетарского ребенка. Перед советским педагогом и его организациями, перед всеми трудящимися Советского союза стоит только задача дальнейшей борьбы с теми пережитками прошлого, которые стоят еще на пути правильного классового воспитания пролетарского ребенка, как и задача дальнейшего увеличения вместе с общим хозяйственным ростом страны материально-технической базы под всем делом образования и воспитания детства.

В условиях буржуазного государства задача революционного педагога и его организации заключается прежде всего в том, чтобы убедить рабочий класс, что при власти эксплоататорских классов не могут быть созданы предпосылки для действительного улучшения социального и правового положения пролетарского ребенка. Вот почему необходима решительная борьба с социал-демократией, создающей и здесь иллюзии в рабочем классе о возможности через буржуазную демократию добиться условий нормального роста и развития пролетарского ребенка. Это не значит, что революционный педагог, как и его организация, не должен мобилизовать рабочий класс вокруг отдельных требований, предъявляемых к буржуазной государственности и преследующих цели хотя бы частичного улучшения социального и правового положения пролетарского ребенка.

Революционный педагог и его организация должны поставить себя на службу рабочему классу и его боевым организациям и оторвать остальные слои интеллигенции от руководства буржуазии.

М. ЭПШТЕЙН.

ШКОЛА И ОБЩЕСТВО.

I РАЗДЕЛ.

1. Правильная постановка проблемы «школа и общество» основывается на анализе классовой структуры общества и тенденций его исторического развития.

2. Сейчас существуют две принципиально отличных социальных системы—капиталистическая и советская, в которых отношение школы к обществу и обратно также принципиально различны.

3. Капиталистический строй, с точки зрения господствующих классов,—вечный и незыблемый. Идея коренного переустройства этого строя рассматривается этими классами, как разрушение культуры. Реформирование школы при этих условиях возможно только в определенных пределах, причем принимаются все меры—принудительные и идеологические—к тому, чтобы эти пределы не были перейдены.

4. Буржуазная школа поэтому не может дать целостного мировоззрения. Отсюда безыдейность и эклектизм в понимании общественных отношений и разнонаправленность педагогических усилий общества, государственной школы и учительства.

5. Основное отличие советской системы в том, что она мыслит себя динамичной, переходной к более высокой ступени—к социалистической системе. Отсюда целеустремленность общественных усилий во всех областях жизни в СССР, отсюда борьба с отживающими пережитками прошлого и тщательное выращивание ростков нового.

6. Социальная революция есть скачек из царства необходимости в царство свободы. Капиталистическая система есть царство необходимости, советская же—историческая полоса изживания «царства необходимости» и установления «царства свободы». Это определяет и различие основной социальной постановки проблемы «школа и общество».

II РАЗДЕЛ.

1. В капиталистической системе нет единой школы в классовом смысле слова. Господствующие классы имеют для себя привилегированную школу. Задача же массовой школы для трудящихся—привить гражданственность, удерживающую эти массы в рамках существующего классового общества.

2. В этом деле капиталистической системе помогает религия, которая при любом школьном законодательстве и в любых условиях видимо или невидимо проникает в школу.

3. Буржуазная школа иногда тщательно приспособлена к быту широких масс, но быт этот мыслится как мещанское счастье, с очень узкими или урезанными идеалами личного благополучия и веры, что «божья помощь» установит такое благополучие и для потомства.

4. Воздействие школы на общество и наоборот протекает в узких рамках мещанских идеалов. В школе поэтому не может иметь места раскрытие социальных противоречий и уяснение движущих сил истории, ибо это подвело бы молодежь к ломке существующего строя.

5. В этом причина того, что буржуазная школа перестает воспитывать в широком смысле этого слова и постепенно, но неуклонно, сужает свою задачу до пределов одного образования.

6. Попытки осуществить иные педагогические идеалы, идущие от интеллигенции, которая иногда пытается субъективно быть свободной от буржуазного влияния, находят свое выражение в опытных школах. Неверно, однако думать, что опытные школы «свободны» в своей работе.

Опытные школы в условиях буржуазной страны имеют три пути развития: либо они перерождаются в привилегированные школы для состоятельных классов, либо сужают свои педагогические искания до пределов, допускаемых буржуазным строем, либо впадают в противоречие с существующими социальными отношениями и погибают.

7. Коренная ошибка лучших опытных школ в том, что они идеалистически мечтают о преобразовании общества путем педагогического воздействия на детское население, забывая, что строй капитализма есть «царство необходимости».

Выход из положения—социальная борьба вместо педагогического реформирования.

III РАЗДЕЛ.

1. Иначе в советской системе. Советская школа не затушевывает, а ярко выдвигает классовые противоречия и классовые цели всей системы и школы. Советская школа единая по целям воспитания и социальной направленности, по определенности, революционного мировоззрения, по тенденции превратить революционную теорию в практику в каждом шаге.

2. Приспособление к быту в советской школе не есть приспособление к существующему, а подведение рычага под существующее для уничтожения пережитков и выращивания и укрепления нового.

3. Границы воспитания, суживающиеся в буржуазном обществе, расширяются до невиданных пределов в обществе советском, где фактор идеологического воздействия приобретает все более важное историческое значение.

4. Отсюда важнейший принцип советской школы—общественно-полезная ее работа. Советская школа связана со служением обществу гораздо прочнее, чем всякая иная.

5. Отсюда и особенности опытно-педагогических учреждений в СССР. Они, во-первых, организуются пролетарским государством, во-вторых, среди них нет учреждений разных социальных направленностей. Все они подчинены единому социальному направлению, отличающему самую сущность советской системы, имея вместе с тем огромное поле для педагогического исследования.

IV РАЗДЕЛ.

1. Пока принципиальное разрешение проблемы школы и общества не будет достигнуто в процессе классовой борьбы, необходимо внутри стран с классовым строем бороться за создание в школах с помощью пролетарских организаций (профсоюзы, партия, родительские комитеты, деткоморганизации и т. п.) опорных пунктов социальной борьбы и объединение чисто школьной борьбы с общей борьбой рабочего класса как за частичные требования, так и за конечную цель.

2. Борьба школы против религии имеет важнейшее значение, так как религия, идущая иногда под флагом авторитарного мышления (при формальном отделении школы от религии), разряжает накапливаемое недовольство масс, отводя это недовольство от русла классовой борьбы.

3. Пользуясь тенденцией буржуазной школы к сужению задачи воспитания, необходимо бороться за возможно большее ограничение требований государственной власти к ней, бороться за внутреннюю автономию школы, выполняющей лишь минимум формальных требований государства, бороться за изменение всей школьной системы, бороться в каждой школе за осуществление частичных требований, приближающих достижение этой задачи, доказывающих массам всей практикой их проведения невозможности добиться идеалов трудящихся без свержения господства буржуазии.

М. ПИСТРАК.

СОВЕТСКИЕ ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ВЫСТАВКИ ЗА ГРАНИЦЕЙ.

I. СССР НА ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОЙ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ВЫСТАВКЕ В ЛЕЙПЦИГЕ.

Интернациональная педагогическая выставка в г. Лейпциге (7—22 апреля 1928 г.) была организована социалистическими кругами лейпцигского учительства в связи с состоявшимся в Лейпциге педагогическим конгрессом Интернационала работников просвещения.

В полном смысле «интернациональными» являлись на выставке разделы, посвященные деятельности Интернационала работников просвещения, детской иллюстрированной книге, букварям, задачникам для первых лет обучения и языку эсперанто. В этих разделах был сконцентрирован количественно, правда, очень небольшой, но умело подобранный интересный материал из различных стран. Однако основная часть выставки выявляла работу по народному просвещению лишь в двух странах—в Германии и в Союзе ССР.

С работой немецких просветительных учреждений посетители выставки имели возможность знакомиться по экспонатам лейпцигских школ, дошкольных учреждений и школ для взрослых. Поскольку, однако, незадолго до открытия Интернациональной педагогической выставки, лейпцигские школы принимали широкое участие в происходившей в Хемнитце обще-саксонской выставке по народному просвещению, лейпцигские работники решили, что дублировать уже раз проведенную выставку нецелесообразно и выявили работу своих учреждений в довольно сжатом виде. Наиболее интересно была выявлена охрана здоровья школьников и постановка физкультуры в школах. Заслуживают быть особо отмеченными также экспонаты лейпцигских школ и курсов для взрослых. Внимание посетителей привлекал организованный проф. Кульманом отдел, посвященный пропаганде письма в новом стиле; ознакомившись с этим разделом невольно убеждаешься в необходимости и у нас серьезно проработать вопрос о приобретении учащимися каллиграфических навыков. Интересно для советского работника было посмотреть на выставке материалы, отображающие работу одной из лейпцигских школ по комплексной системе преподавания; преподаватели этой школы много заимствовали из опыта школьной работы в СССР. На выставке были также представлены лейпцигские фирмы, изготовляющие наглядные пособия и оборудование для учебных заведений.

Советский отдел выставки был организован по заданию Центрального комитета профессионального союза работников просвещения СССР Музеем-выставкой по народному просвещению при участии народных комиссариатов просвещения РСФСР, Украинской ССР, Белорусской ССР и Азербайджанской АССР. Выставка выявляла систему народного просвещения СССР, просветительную политику советской власти (в частности национальную проблему в деле народного просвещения), материальную базу народного просвещения, работу единой трудовой школы, школы фабрично-заводского ученичества, дошкольных учреждений и учреждений

НАШИ ДОСТИЖЕНИЯ

ОТВ. РЕД. М. ГОРЬКИЙ.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: НА ГОД (6 КНИГ)—6 р.; НА 3 МЕС.—3 р. 50 к.

ЦЕНА ОТДЕЛЬНОГО НОМЕРА—1 р. 30 к.

ЖУРНАЛ „НАШИ ДОСТИЖЕНИЯ" СТАВИТ ПЕРЕД СОБОЙ ЗАДАЧУ РАЗВЕРНУТЬ ПЕРЕД МАССОВЫМ ЧИТАТЕЛЕМ КАРТИНУ ТОГО БОЛЬШОГО СТРОИТЕЛЬСТВА, КОТОРОЕ ПРОИСХОДИТ В НАШЕМ СОЮЗЕ СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК.

ЖУРНАЛ „НАШИ ДОСТИЖЕНИЯ" ОСВЕЩАЕТ ДОСТИЖЕНИЯ НА ФАБРИКАХ И ЗАВОДАХ, НА ПОЛЯХ, ВО ВСЕХ ОБЛАСТЯХ НАУКИ, ТЕХНИКИ И КУЛЬТУРЫ, В БЫТУ ТРУДЯЩИХСЯ.

ЖУРНАЛ „НАШИ ДОСТИЖЕНИЯ" РАССКАЗЫВАЕТ О НАШИХ ДОСТИЖЕНИЯХ ШИРОКИМ МАССАМ РАБОЧИХ И КРЕСТЬЯН В ЖИВОЙ И ДОСТУПНОЙ ДЛЯ ПОНИМАНИЯ ФОРМЕ.

ОТДЕЛЫ ЖУРНАЛА И РЕДАКТОРЫ ОТДЕЛОВ: НАУКА—ПРОФ. Н. К. КОЛЬЦОВ, (ЗАМ. ОТВЕТСТВЕННОГО РЕДАКТОРА). ТЕХНИКА И ПРОИЗВОДСТВО—А. З. ГОЛЬЦМАН И ПРОФ. Л. К. МАРТЕНС. СЕЛЬСКОЕ ХОЗ.—В. Г. ВИЛЬЯМС И Я. А. ЯКОВЛЕВ. КУЛЬТУРА И БЫТ—С. И. КАНАТЧИКОВ, П. М. КЕРЖЕНЦЕВ, М. Е. КОЛЬЦОВ, Г. И. КРУМИН, М. С. ЭПШТЕЙН, И А. А. ФАДЕЕВ. ИСКУССТВО—А. В. ЛУНАЧАРСКИЙ, А. И. СВИДЕРСКИЙ И В. М. КИРШОН. ХРОНИКА—С. Б. УРИЦКИЙ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: МОСКВА, ЦЕНТР, ИЛЬИНКА, 3, ТЕЛ. 4-87-19; В МАГАЗИНАХ И ОТДЕЛЕНИЯХ ГИЗ'а У УПОЛНОМОЧЕННЫХ СНАБЖЕННЫХ СООТВЕТСТВУЮЩИМИ УДОСТОВЕРЕНИЯМИ; ВО ВСЕХ КИОСКАХ КОНТРАГЕНТСТВА ПЕЧАТИ; В ПОЧТОВО-ТЕЛЕГРАФНЫХ КОНТОРАХ И У ПИСЬМЕНОСЦЕВ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1929 ГОД НА НОВЫЙ ДВУХМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ДОСТИЖЕНИЯ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

НАРОДНОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ

ВОПРОСЫ
ПОЛИТИКИ И
ОРГАНИЗАЦИИ
НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ

ОКТЯБРЬ

№ 10

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ НАРКОМПРОСА РСФСР

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — 1928 — ЛЕНИНГРАД

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
К XI ГОДОВЩИНЕ ОКТЯБРЯ—*М. Эпштейн.*	3
ПРИВЕТ КОМСОМОЛУ—*М. Пистрак*	6
ЮБИЛЯР - (к 60-летию со дня рождения М. Н. Покровского)—*А. Луначарский.*	8
О КУЛЬТПОХОДЕ—*Н. Крупская*	11
К РЕАЛИЗАЦИИ РЕШЕНИЙ XV ПАРТЪСЕЗДА (первые итоги) — *Н. Костромин.*	16
К ПАРТСОВЕЩАНИЮ.	
В. Касаткин.—Как обслуживаются нашей школой дети рабочих	26
С. Н. Полянский.—Система народного просвещения в переходный период	36
Н. Казанский.—К вопросу о политехническом образовании	50
ПЛАНИРОВАНИЕ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ.	
М. Астерман.—К перспективному плану народного просвещения	55
П. Григорьев.—Основные показатели, задачи и бюджет народного образования в СССР	66
И. Заколодкин.—Культурные ножницы	82
Л. Пресс.—Измерение культурной мощности районов	101
И. Богданов.—Динамика народного просвещения в союзных республиках за последнее пятилетие (1923—1928 гг.)	110
ПОВЫШЕНИЕ КВАЛИФИКАЦИИ РАБОТНИКОВ ПРОСВЕЩЕНИЯ.	
А. У. Зеленко.—Заметки о конференции работников летних курсов	121
К. Б.—Там, где еще нет культурной революции	124
Ин-тут пов. квалификации педагогов.—Ответ на статью: «Там, где еще нет культурной революции»	131
ПО ПРОСВЕЩЕНСКИМ ЦЕХАМ.	
А. Муравлевский.—Наши кадры	135
А. Пчелко.—Как строятся школьные здания	145
ЗА ГРАНИЦЕЙ.	
Н. Ильин.—О системе школьного администрирования и инструктирования в САСШ	148

МОСКВА ЛЕНИНГРАД

ГОСИЗДАТ

ЖУРНАЛ ИСТОРИИ И ТЕОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ

ЛИТЕРАТУРА И МАРКСИЗМ

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1929 Г.

ВЫХОДИТ 6 КНИГ В ГОД
ОТВ. РЕДАКТОР В. М. ФРИЧЕ

ЖУРНАЛ РАЗРАБАТЫВАЕТ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ И ТЕОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ МАРКСИСТСКОЙ МЕТОДОЛОГИИ

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: НА ГОД—5 р.; НА 6 МЕС.—3 р.
ЦЕНА ОТДЕЛЬНОГО НОМЕРА ОДИН РУБЛЬ

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ НОВЫЕ КНИГИ

ВТОРАЯ СТУПЕНЬ СОВЕТСКОЙ ТРУДОВОЙ ШКОЛЫ
ОРГАНИЗАЦИЯ. СОДЕРЖАНИЕ. МЕТОДЫ
ПОД РЕД. И. ВЕКСЛЕРА И Р. ХАРИТОНОВОЙ
СТР. 476.—ЦЕНА 3 РУБ.

УЧБЕНЫЕ ПЛАНЫ И ПРОГРАММЫ ТЕХНИКУМОВ
ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ
СТР. 400.—ЦЕНА 5 РУБ.

ПРОДАЖА ВО ВСЕХ МАГАЗИНАХ ГОСИЗДАТА И КИОСКАХ

К XI ГОДОВЩИНЕ ОКТЯБРЯ

Одиннадцатую годовщину Октябрьской революции трудящиеся Советского Союза встречают на пути к новым и новым победам социалистического строительства. Преодолевая все трудности, Советский Союз под руководством коммунистической партии из года в год крепнет, увеличивая свою мощь во всех областях политической, хозяйственной и культурной жизни.

Почва Октябрьской революции оказалась плодороднейшей и для культурных всходов. Освободившись от власти эксплоататорских классов и от «насилия капиталистической культуры», трудящиеся массы открыли для себя широчайшие возможности культурного развития. Эта возможность уже претворилась в реальные достижения нашей текущей культурной стройки.

К одиннадцатилетию Октябрьской революции по всем буквально отраслям народного образования мы шагнули далеко за дореволюционные масштабы. В нашей начальной школе обучается сейчас 11 миллионов детей, т. е. на 4 миллиона больше, чем в дореволюционное время. Сотни тысяч неграмотных взрослых обучаются в ликпунктах, школах для малограмотных, в порядке индивидуально-группового обучения и за 11 лет свыше десяти миллионов человек ликвидировали свою неграмотность. Массовое профобразование выросло более чем на 100%. Общее среднее образование получают сейчас 800 тысяч человек, более чем на 200 000 в дореволюционной России. Для рабочих и крестьян открыт широкий доступ в вузы, где куется рабоче-крестьянская техническая интеллигенция. В 1923/24 г. рабоче-крестьянский сектор в вузах составлял 37,8%, в 1928/29 г.—свыше 55%. Революция вырастила целый ряд совершенно новых типов учреждений народного образования—от избы-читальни до рабфака, которые ныне охватывают своим образовательным воздействием, своим коммунистическим воспитанием миллионы масс населения. С буквально сказочной быстротой растет массовый читатель: один лишь тираж газет вырос с $2^1/_2$ млн. дореволюционного времени до 8 с лишним миллионов.

Одиннадцатилетие Октября совпадает с развертывающейся вширь и вглубь культурной революцией. Стихийная массовая тяга к знаниям, к культуре ныне оформляется в организованное наступление на остатки невежества и темноты, на наследие пьянства, грязи и мещанского быта. Сами массы вступают в решающие бои за грамоту, за культуру. В этой массовой работе на культурном фронте миллионов — верная гарантия дальнейших побед и достижений.

Но достигнутое не должно вскружить голову. Верно то, что завоеваний и в области культурного строительства много. Однако не менее верно и то, что в сравнении с потребностями строющей социализм индустриализирующейся и коллективизирующейся страны, в сравнении с рожденным революцией массовым спросом на культуру, достигнутое—буквально

капля в море. Предстоят еще огромная работа, упорные бои. Даже на элементарных участках, на первых позициях культурного фронта. Еще нет в стране даже всеобщего начального обучения. Еще не ликвидирована массовая неграмотность. Еще до жути велика техническая беспомощность масс. Еще выпиваются ежегодно десятки миллионов ведер водки. Еще 40 тысяч «божьих храмов»—армией в полмиллиона мракобесов всех религиозных мастей—продолжают отравлять сознание народных масс.

Масштабы предстоящей работы обязывают нас прежде всего на каждом шагу проверять свою деятельность, по-революционному вскрывать свои ошибки с тем, чтобы каждое наше усилие не пропадало даром, каждая копейка не тратилась зря.

В процессе этой самопроверки и самокритики юбилей Октябрьской революции выдвигает перед нами ряд новых задач.

Обостряется классовая борьба в стране. Наше форсированное наступление на кулака и нэпмана, на сохранившиеся в стране частнособственнические отношения в хозяйстве, в культуре и быту вызывают контр-наступление классового врага. Оно просигнализировано «хлебной стачкой» кулака, участившимися покушениями на низовых представителей советской общественности в деревне и усилившимися попытками мелкого буржуа идеологически овладеть молодежью. Это обязывает нас к четкой классовой линии на всех участках классового фронта. Быть в классовом отношении более настороженными, чуткими, бдительными, пропитывать классовым содержанием всякую деталь нашей текущей строительной работы, множить «социалистические накопления» в деле народного образования—вот к чему сейчас призывает нас, просвещенцев, рабочий класс и его партия.

Конкретно в нашей работе это потребует много новых «ударений», сдвигов, переключений. Больше внимания уделять вопросам социального состава наших учреждений, закрепления всех звеньев и групп нашей школы в первую очередь за детьми рабочих, батраков и крестьянской бедноты—вопросам обеспечения через специальные мероприятия по поднятию успешности занятий для этих групп населения. Четко ставить классовые цели воспитания на каждом этапе нашей образовательной работы. Внедрять труд в школу—это вернейшее орудие воспитания коллективиста и материалиста. Всячески обеспечить рост таких типов школ, как **ФЗУ, ФЗС, ШКМ**, рабочие университеты, наиболее близко подошедшие к удовлетворению запросов рабочего и батрака. А главное—политически самим квалифицироваться, еще и еще ближе стать к рабочему классу, к компартии, ко всему нашему советскому строительству и эту близость отразить в повседневной своей культурной работе.

Общее состояние дела народного образования в стране, несмотря на осознание значения культурной революции, все еще говорит о чрезвычайном отставании в удовлетворении основных культурных потребностей населения от спроса. Сказалось то обстоятельство, что за последние несколько лет в бюджетах как государственном, так и в местном, происходит постепенная передвижка в пользу промышленности и сельского хозяйства, в значительной степени за счет расходов на народное образование. В свете, однако, того большого общественного «культуртрегерства» в стране, свидетелями которого мы сейчас являемся, и тех материальных

ресурсов, которые население местами выделяет в порядке добровольных отчислений на удовлетворение тех или иных своих культурных запросов (участие населения в постройке школ, кампания за введение горячих завтраков, проведенный комсомолом всесоюзный субботник на создание фонда по ликвидации беспризорности, всесоюзный субботник помощи школе и т. п.)—мы должны со всей определенностью констатировать, что одной из наиболее существенных причин, влияющих на отставание в деле народного образования, является также та обстановка замкнутости, изолированности от окружающей общественности, в которой протекает почти вся работа государственных органов по народному образованию. И в организации аппаратов народного образования, и в структуре нашего бюджета, и, наконец, в значительной степени в работе самих учреждений по народному образованию идея связи с общественностью, с населением чрезвычайно слабо отражена. Как правило органы народного образования не связываются с окружающими их общественными организациями, в лучшем случае ограничиваются «бумажными» согласованиями по отдельным вопросам, организовывают свою работу и строят свои бюджеты, не думая об использовании сил населения, о том, чтобы его вовлечь в текущую культурную работу. Как правило учреждения народного образования не ставят перед собою в центре работы своей связь с населением, задачу втягивания трудящихся в жизнь, в работу своего учреждения, и очень редко идут на то, чтобы подвергнуть широкой общественной критике всю свою деятельноть. Этим и объясняется в значительной степени то обстоятельство, что такие громадные культурные движения, которые сейчас имеют место в стране, как спортивное, анти-алкогольное, различные самодеятельные детские организации, безбожники и т. п., фактически проходят мимо деятельности государственных органов по народному образованию и создается таким образом совершенно недопустимое в условиях советской государственности явление, когда существуют два параллельных и никак между собой не связанных культурных течения: одно по линии общественности, другое по линии государственности. Если немедленно не принять мер к решительному изменению методов и форм работы органов и учреждений народного образования в направлении подведения общественной базы под всю их деятельность, то неминуемо бюрократическое окостенение и углубление того взаимного непонимания между органами народного образования и их учреждениями и общественностью, которое уже имеется.

Вот почему одна из важнейших, первоочередных и центральных задач всей ближайшей работы сводится к тому, чтобы все мероприятия, проводимые органами народного образования, вся работа учреждений народного образования были проводимы в условиях широкой общественной гласности, с максимальным учетом необходимости втягивания в эту работу широчайших кругов населения, с расчетом на дополнение своих сил и средств силами, инициативой и средствами всего населения.

К Октябрьской годовщине мы подсчитываем крупные достижения на культурном фронте. Но она говорит и о трудностях предстоящего еще пути. Она зовет поэтому к работе с удесятиренной энергией на участках культурной революции.

М. ЭПШТЕЙН.

Ю Б И Л Я Р

К 60-летию со дня рождения М. Н. Покровского.

Чествование таких людей, как Михаил Николаевич Покровский, перестает быть личным делом. Революция сама себя чествует в таком своем сыне. Михаил Николаевич Покровский и его работа, это—высокий продукт самой революции. Революционные эпохи вообще и тем более наша величайшая из всех каких-либо бывших революций действительно рождают гигантов, и гиганты эти еще оказываются обладателями чистейшего сердца, необыкновенно благородного характера и неистощимого запаса юмора. Обворожительных людей дала нам революция в лице своих больших героев, и к сонму их должен быть бесспорно отнесен Михаил Николаевич Покровский. Мы знаем его исключительную скромность, мы полагаем, что ему, может быть, даже неприятны все эти юбилейные чествования и все эти хвалы, но пусть он помнит, что все личное отступает у нас далеко на задний план и что мы любуемся в нем великолепным пунктом перекрещения революционных сил.

Достаточно перечислить важнейшие факты жизни Михаила Николаевича, главнейшие его труды, чтобы получить впечатление от этой совершенно исключительной и блестящей личности, являющейся высоким типом марксистского коммунистического интеллигента.

По окончании Московского университета Михаил Николаевич приступил к преподаванию в некоторых средних учебных заведениях Москвы и несколько позднее на педагогических курсах. 90-е годы для многих из нас ознаменовались внутренним переворотом. Рост пролетариата и сделавшийся совершенно очевидным размах капитализации России толкали мысль передовых людей к марксизму. К 1896—97 г. Михаил Николаевич был уже законченным марксистом, твердо убежденным в том, что марксистский метод есть единственно верный для построения исторической науки и вместе с тем и единственно верный компас для общественной деятельности. В 1905 г. Михаил Николаевич становится членом с.-д. партии, и при этом большевиком. Марксистское чутье, историческая подготовка не позволяют ему соскользнуть в меньшевистский полумарксизм. В следующем году мы имеем Михаила Николаевича уже членом Московского Комитета партии. После Лондонского съезда Михаил Николаевич входит в большевистский центр и в редакцию центрального органа с.-д. партии.

Все более и более втягиваясь в партийную работу, Михаил Николаевич создает большие неудобства для себя, как легального лектора и писателя. Ему приходится перейти на нелегальное положение полностью. Михаил Николаевич выезжает в Финляндию и оттуда эмигрирует. Долгие 8 лет он является физически оторванным от своей родины. Вряд ли кто-либо поставит теперь в вину Михаилу Николаевичу, что он одно время принадлежал к той нашей группе «Вперед», в которой работал и я, и которая не смогла сразу ориентироваться в ленинской позиции, приняв ее за слишком быстрый отход от передовых постов революции. Надо отметить, что Михаил Николаевич, разделяя одно время политические убеждения А. А. Богданова, никогда не был сторонником тех его философских воззрений, которые были осуждены Плехановым и Лениным, и всегда оставался в высшей степени выдержанным марксистом. За границей Михаил Николаевич отдается в особенности своей научной работе, которая имеет, конечно, гигантское революционное значение. Здесь написаны им блестящая «Русская история древнейших времен» и «Очерк истории русской культуры». Здесь дана база марксистской истории России для целых поколений исследователей.

Великолепная научная подготовка дала возможность Михаилу Николаевичу с объявлением войны сразу занять самую правильную и чисто ленинскую позицию. Эту позицию он защищал в тогдашних парижских органах антивоенного социализма, в «Нашем голосе» и «Нашем слове».

17-й год вернул Михаила Николаевича в Россию. Вскоре после возвращения его в Москву рабочий класс Москвы удостоил его величайшей чести, избрав председателем Московского Совета Рабочих Депутатов.

Владимир Ильич Ленин, ища вокруг себя людей, которым можно было доверить тончайшее дело переговоров с Германией о мире, вводит в состав первой делегации Михаила Николаевича.

Уже в московской своей работе Михаил Николаевич, естественно, отдает чрезвычайное внимание вопросам народного образования. В мае 1918 года он назначается заместителем народного комиссара по просвещению, и так как в это время по политическим обстоятельствам я оставался в угрожаемом Петрограде, то в сущности первое время после назначения именно Михаил Николаевич выполнял действительную роль наркома по просвещению.

Начинается большая работа по завоеванию и преображению высшей школы, где Михаил Николаевич сыграл совершенно исключительную роль. В Наркомпросе РСФСР работа Михаила Николаевича стоит на самом первом месте, и нет, конечно, другого имени, кроме Н. К. Крупской, которое было бы вписано в историю нашего ведомства такими большими буквами. Вся работа по реформе высшей школы проводится под непосредственным наблюдением Михаила Николаевича. Им создается и им руководится Государственный ученый совет. Он содействует полному преобразованию преподавания общественных наук в вузах и позднее проводит громадную работу по такому же преобразованию преподавания обществоведения в школах, руководя коллективом создавшим, между прочим, учебную базу для нашей книги по обществоведению.

По инициативе Михаила Николаевича создается при Наркомпросе Социалистическая академия наук, нынешняя Коммунистическая академия при ЦИК СССР, причем в течение всего времени Михаил Николаевич принимает руководящее участие в ее судьбах. Приблизительно в то же время или несколько позднее Михаил Николаевич создает Центроархив и ставит дело сохранения наших архивов и опубликования находящихся в них сокровищ на высоту, которой завидуют специалисты Европы.

Одной из бессмертных заслуг М. Н. Покровского является его работа по организации рабфаков. Он является организатором и одной из наших главнейших идеологических сил—Института красной профессуры. Громадный след работы Михаила Николаевича остался в Ассоциации института обществоведения (РАНИОН). Лишь недавно покинул Михаил Николаевич председательское место в этой ассоциации. Прибавьте к этому, что Михаил Николаевич постоянно получает многочисленнейшие и многообразнейшие поручения по советской и партийной линии. Вот и сейчас он состоит членом редакционного комитета по государственному изданию сочинений Толстого. Он руководит юбилейным комитетом по чествованию Чернышевского, работает по государствен-

ному руководству Всесоюзной Академией Наук. А стоит только немножко вникнуть в глубоко-научную работу, которая проделывается при этом, чтобы притти в окончательное изумление. Ведь Михаил Николаевич основал общество историков-марксистов и находит время действительно работать в нем и в его журнале «Историк-марксист». Ведь он все время преподает и в Институте красной профессуры, и в историческом семинарии РАНИОН, и I МГУ, и Свердловке, и спорадически в Ленинграде, и на курсах уездных профессиональных работников, и т. д.

В последнее время начинаются и крупнейшие вылазки Михаила Николаевича за границу. Он является председателем группы русских ученых, посланных на неделю «русской исторической науки» в Берлин, которая проходит поистине блестяще. Оттуда он едет в Осло на съезд историков, в президиум которого он избирается. Имя Михаила Николаевича, глубоко чтимое еще немногочисленными в Европе и Америке историками-марксистами, постепенно получает внутренний вес в глазах всех историков всего мира без различия направления. Как же может быть иначе?

Загруженный всеми этими капитальнейшими работами, Михаил Николаевич доканчивает свой «Очерк истории русской культуры» и создает чудо-книгу в образе своей «Русской истории в самом сжатом очерке».

Из-под пера Михаила Николаевича волшебным образом расцветают, словно цветы художественно-научного порядка, одна блестящая статья за другой. Они печатаются в «Голосе минувшего», в «Летописи», в «Известиях Наркоминдела», в «Печати и революции», в «Пролетарской революции», в «Красной нови», в «Красном архиве», в «Большевике», в «Вестнике Коммунистической академии», в «Историке-марксисте». Статьи Михаила Николаевича мы находим в трудах Института красной профессуры и в Б. С. Э., где он редактирует весь исторический отдел. Почти все сочинения Михаила Николаевича выходят повторными изданиями. Эта огромная работа не могла не найти отражения за границей. «Русская история с древнейших времен» переводится в настоящее время на английский язык. «Русская история в сжатом очерке» имеется на немецком и польском языках.

Отдавая все должное таланту, трудолюбию кипучей жизни Михаила Николаевича, я прямо скажу, что она была бы невозможна вне атмосферы революции. Михаил Николаевич являет собою тип высоко даровитого человека, которого революция возвела на высокую гору, которому революция на высокий лад настроила все его нервы, так что возможно стало это непрерывное и высоко-эффективное напряжение.

Радостно от времени до времени отдаваться такому полному симпатии любованию такой центральной фигурой. От этого становишься бодрее.

А. ЛУНАЧАРСКИЙ.

О КУЛЬТУРНОМ ПОХОДЕ[1]

Я недавно приехала и потому не знаю о начале похода, как предполагается его провести, как налажено дело с организационной стороны. Но, что всем бросается в глаза, это—недостаточная активность масс. Недостаточно того, что где-то в верхах, скажем, в Наркомпросе, в том или другом комвузе говорят по этому поводу. Недостаточно того, что комсомол пошел в атаку на тьму. Но как-то всему этому не придано такого характера, как например, сумели физкультурники придать своему походу. Не ощущается наличия широкой планомерной кампании, которая бы организовала широкие массы. Поэтому мне пришло в голову: не надо ли нам организовать нечто подобное той Спартакиаде, которая прошла у нас в Союзе с таким большим успехом? Я написала статейку о ликбезовской Спартакиаде и теперь смотрю, что из этого дела может выйти? Думаю: не слишком ли сильное брошено слово, которое обязывает к определенным вещам? Но как будто бы дело немного подвигается.

Меня чрезвычайно обрадовал тот номер газеты «Средневолжской коммуны», в котором отмечено, что партработники областных и окружных советских организаций собрались, обсудили на конференции вопрос и решили принять участие в ликбезовской Спартакиаде. Это, по моему, имеет огромное значение, особенно, если принять во внимание особенности Средневолжской области. Это одна из самых тяжелых областей.

Саратовский комвуз объявил, что берется ликвидировать неграмотность в городе и на 10 верст в окружности. Это, конечно, хорошо. Но как быть с деревней? В городах рабочие массы хорошо владеют методами организации. Они умеют проводить собрания, принимать решения. У них за годы революции выработались определенные организационные навыки. Надо, чтобы эти навыки применялись массой и в области культурной работы. Нужно сейчас организовать, влить в определенное русло ту громаднейшую тягу к знанию, которая имеется налицо у масс. Методы работы в городе через массы рабочих перекинутся и в деревню. Ведь так началось у нас и в политической жизни: застрельщиком явился город, а из города перекинулось движение на деревню.

Несколько слов о соревновании. Владимир Ильич писал как-то о необходимости составления черных досок, позорных списков, говорил о необходимости внесения соревнования в дело. И может быть нам, вместе с комсомолом, который поднял эту атаку, нам, просвещенцам, надо действительно начать большого размаха кампанию.

Что мы имеем сейчас на данное число? Имеем чрезвычайно ценное, по моему, постановление работников партийных и культурных Средневолжского района, имеем ценную работу Саратовского комвуза. Из Саратова ректор комвуза прислал телеграмму с просьбой дать маленькую статейку. 3 октября они начинают поход. Академия коммунистического воспитания собирается приступить к работе, ссылаясь на меня, будто бы я их спровоцировала. Академия думает взять Красно-Пресненский район. Если бы раскачать МОНО, он взял бы Замоскворечье, II МГУ—Хамовни-

[1] Доклад на общем собрании сотрудников Наркомпроса.

К РЕАЛИЗАЦИИ РЕШЕНИЙ XV ПАРТСЪЕЗДА

Первые итоги.

Десять месяцев назад XV партсъезд вынес ряд важнейших постановлений по просветительной работе в деревне. Партия и советская общественность в праве будет скоро спросить Наркомпрос и его местные органы о выполнении этих решений. Поэтому своевременно уже теперь, в начале нового операционного года, подвести хотя бы предварительные итоги в этом отношении.

Решения XV партъсъезда вынесены в тот момент (декабрь), когда вся подготовительная работа—планы, сметы, сеть—на 1927/28 г. была закончена. Естественно, что провести коренную перестройку всей деревенской просветительной работы в тот период органам Наркомпроса было почти невозможно. Если планы и содержание работы еще и можно было переделать на ходу, то материальная база осталась той же, что и до XV партсъезда. Искать поэтому эффективности в количественных сетевых и бюджетных показателях за прошлый год неправильно. С гораздо большим правом партия может требовать их в 1928/29 году.

Основная трудность ответить конкретно на вопрос, как реализованы решения XV партсъезда, в данный момент заключается еще и в том, что итоговые материалы с мест (годовой отчет) получены будут лишь к ноябрю—декабрю, а перспективы на 1928/29 г. еще не определились. Поэтому поневоле придется говорить главным образом о работе центрального аппарата по материалам текущего учета.

Держась текстуально резолюции съезда по докладу т. Молотова о работе в деревне и, следовательно, сужая директивы партии до деревенской просветительной работы, все же можно дать следующие итоги.

ОБЩЕОРГАНИЗАЦИОННЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ.

Непосредственно после XV съезда Наркомпросом был составлен перечень практических мероприятий и законодательных актов, которые должны были разработать отдельные управления НКП во исполнение решений XV съезда. Перечень предусматривал все те мероприятия, о которых будет сказано ниже. VI Всероссийский съезд завоно по специальному докладу наркома т. Луначарского определил очередные задачи народного просвещения на предстоящий год в свете решений XV съезда. Резолюции VI съезда завоно легли в основу составления местных производственных планов ОНО, как оперативных на 1928/29 уч. год, так и перспективных на предстоящее пятилетие. На основании их же позднее были даны дополнительные указания местам по частным вопросам. Соответствующие циркуляры были даны через «Еженедельник НКП».

Не меньшую работу в этом отношении развили и местные ОНО. Нет ни одного округа, уезда, губернии и области, где за 1928 г. не было бы проведено специальных съездов работников аппарата и массовых

деревенских просвещенцев с докладами о реализации решений XV съезда. Огромная переподготовочная (курсовая) работа в центре и на местах с привлечением десятков тысяч просвещенцев проведена под тем же углом зрения. Никогда за предыдущие годы местная пресса не посвящала столько внимания и места вопросам народного образования, как за этот год. Гораздо меньше в этом отношении делали центральные газеты. Нельзя, например, обойти молчанием того факта, что работа VI Всероссийского съезда завоно получила очень незначительное освещение на страницах «Правды» и «Известий». Несомненно, главная вина в этом лежит на самом Наркомпросе.

Партия не только дала директивы НКП, но и вплотную взялась за дело народного образования. Широкая пропаганда идеи культурной революции по линии партии и всей советской общественности вместе с ведомственной работой по просвещению за истекший год всколыхнули огромные массы трудящихся. Органы Наркомпроса особенно остро почувствовали это при очередном укомплектовании школ повышенного типа и техникумов. Разливающийся в данное время широкой волной «культурный поход» также несомненно есть результат большого культурного сдвига масс.

По отдельным разделам просветительной работы реализация решений XV съезда партии рисуется в следующем виде:

ВСЕОБЩЕЕ ОБУЧЕНИЕ.

Разработан и проведен через законодательные органы план введения всеобщего обучения, по которому в конечном счете на предстоящее пятилетие (по РСФСР без авт. респ.) картина рисуется в следующем виде:

	1927/28 г.	1932 33 г.	Рост за 5 лет
1) Учащиеся	5 786 000	8 724 000	+ 50%
2) Процент охвата детей 8–11 лет	71,3%	93%	
3) Ассигнования по местному бюджету	143 151 т.	452 342 т.	216%
4) За счет общественной инициативы	13 500 т.	66 000 т.	390%

Поскольку в городах охват детей школьного возраста в данное время достиг 90%, то основной прирост школ идет на деревню.

В апреле 1928 г. было проведено специальное совещание представителей наркомпросов автономных республик по вопросу о плане всеобщего обучения.

Темп фактического развертывания сети школ I ступени по некоторым данным на предстоящий год рисуется в следующем виде:

		1926 г.	1927 г.
ЦЧО предположено открыть новых комплектов	1 275	—	—
Нижн.-волжск. обл. предполож. открыть новых комплектов	650	—	—
Северный Кавказ » » » »	830	375	149
Нижегородская губ. » » » »	238	96	54

Как правило фактическое развертывание сети отстает от плановых предположений. Так, например, за 1927/28 г. по:

б. Сталинградской губ. по сравнению с планом недоразвернуто	66 комплект.
б. Саратовской » » » » » »	173
Уралу » » » » »	387 (46%)
Вятке » » » » »	156 (50%)

Смоленская губ. вместо 276 комплектов по плану развертывает в 1928/29 г.—110 комплектов.

ЦЧО вместо 1 275 комплектов, по всей вероятности, сможет в этом году по недостатку бюджета открыть всего 750 комплектов.

Поскольку общереспубликанского плана всеобщего обучения, утвержденного правительством, до сего времени не было, дать точные указа-

ния о размерах фактического отставания роста школ I ступени от плановых предположений нельзя. По сравнению же с местными планами это отставание за прошлый год определяется от 30 до 60%.

Таким образом в деле всеобщего обучения Наркомпрос констатирует прежде всего недостаточность темпа развертывания сети школ I ступени. Если и в отношении законодательно утвержденного плана всеобщего обучения будет наблюдаться такое же систематическое отставание фактического роста (а без особых чрезвычайных мер это можно предвидеть наверно) от плановых предположений, то решения XV съезда останутся невыполненными.

Причины этого НКП видит прежде всего в слабости местного бюджета, за счет которого и проводится главным образом всеобщее обучение. НКП принимает все меры к тому, чтобы привлечь к этому делу общереспубликанский и союзный бюджет. Пока, однако, без особого успеха.

Могучим подспорьем в деле всеобщего обучения является общественная инициатива. Данная съездом директива об ее использовании на местах еще не получила настоящего выполнения.

В отношении школьного строительства НКП предполагал получить большие ассигнования в 1927/28 г. по манифестному (юбилейной сессии ЦИК) фонду и школьно-ссудному фонду. Между тем ассигнования как по госбюджету, так и по манифестному фонду на эту цель составили лишь 9 800 000 руб. На 1928/29 г. Наркомпрос испрашивал на строительство 25 000 000 руб.; ассигновано же 11 000 000 руб.

ПОМОЩЬ БЕДНЕЙШИМ УЧАЩИМСЯ.

Вопрос о материальной помощи беднейшим учащимся поставлен был НКП с начала 1926/27 г. По этой линии в 1927/28 г. было ассигновано по госбюджету 150 000 руб. Кроме того по местным бюджетам со второй половины года (в результате решений партсъезда) кое-где были выделены для этой цели небольшие суммы (рублей по 10—20 на школу); на 1928/29 г. по госбюджету ассигновано на помощь беднейшим учащимся 250 000 руб. На местах дело обстоит, примерно, так:

ЦЧО—запроектировано:

а) обеспечить стипендиями до 70% учащихся сел.-хоз. школ;

б) обеспечить стипендиями 2% учащихся школ II ступени, главным образом беднейшее крестьянство;

в) ассигновать 200 000 руб. на одежду и обувь в сельской школе I ступени—бедноте.

В прошлом году по ЦЧО только в одной Воронежской губернии на эти цели было дано до 70 000 руб. В остальных же ничего не давалось.

Однако эти мероприятия и на 1928/29 г. стоят по сведениям НКП под угрозой урезки до 70%.

Нижне-волжский край. В бюджете 1928/29 г. предположено ассигнование в 446 000 руб. на все виды помощи бедноте (стипендии, горячие завтраки, одежда, обувь и пр.). При общем росте бюджета края по народному образованию сравнительно с 1927/28 г. на 2 000 000 руб. удовлетворение этой цифры представляется весьма проблематичным.

Северный Кавказ.	Фонд помощи	предположен.	. . . . .	500 000	руб.
Нижний-Новгород	»	»	»	30 000	»
Тверь	»	»	»	80 000	»
Смоленск	»	»	»	50 000	»
Сибирь	»	»	»	1 500 000	»
Владимир	»	»	»	200 000	»
Калуга	»	»	»	25 000	»
Северо-двинск	»	»	»	130 000	»

Обычно норма обеспечения беднейших учащихся по местным бюджетам определяется в 2—3% всех учащихся от 5—10 руб. на человека.

По данным ЦСУ на 1926/27 г. удельный вес бедняцко-батрацких групп в сельской школе представляется в следующем виде:

I	группа	2,0%
II	»	1,8%
III	»	1,6%
IV	»	1,3%

По перспективному плану в виду вовлечения бедноты в школу этот процент возрастает до 3% в среднем на школу.

Таким образом количественный охват бедноты вспомогательными мероприятиями уже в данное время можно считать удовлетворительным. Однако по размерам обеспечения эта помощь еще недостаточна (по плану НКП она должна равняться 35 руб.)

Наркомпрос считает, что и в этом деле далеко не использованы все возможности по привлечению средств населения. Неумелое, неорганизованное использование прошлогодних средств, собранных по самообложению, в нынешнем году, например, по ЦЧО ведет к понижению общественной инициативы.

Также нельзя считать достаточными и бюджетные ассигнования на этот предмет как по государственному, так и местному бюджету.

ШКМ.

За истекший год были разработаны, напечатаны и разосланы программы ШКМ. В этих программах идея коллективизации сельского хозяйства является определяющей.

За это же время составлен пятилетний перспективный план развития и укрепления ШКМ с учетом материальной помощи бедняцко-батрацким группам, что рисуется следующими данными:

	1927 28 г.	1932 33 г.	% роста
а) Учащихся в ШКМ.	50 860	147 200	+ 194%
б) Бюджет ШКМ.	7 900	31 897	+ 340%
в) Материальное обеспечение бедн.-батр. групп учащихся	725 000	5 152 т.	+ 610%

Фактическое положение дела в данное время можно иллюстрировать следующими отдельными данными:

ЦЧО проектирует открыть вновь ШКМ — 31; школ сел.-хоз. ученичества — 4; колхозученичества — 11.

Нижневолжский край. Одногодичных школ при совхозах—9.

Северный Кавказ. Увеличения ШКМ не будет. На стипендии беднейшим учащимся и улучшение оборудования запроектировано 250 000 руб. Открыто в 1926 г.—22, в 1927 г.—17.

Нижегородская губ. Увеличения числа школ и числа стипендий в них не предполагается (в прошлом году открыто 3).

Смоленск. Реорганизуются 6 семилеток в ШКМ, для чего отпускается по 2 000 руб. на школу (в прошлом году открыто 3).

Владимир. Открываются новых ШКМ—2; в 1927/28 г. открыто 3.

Калуга. Открываются новых ШКМ—5; в 1927/28 г. открыто—1.

Сев.-Двинск. Реорганизуются из семилеток—3; в 1927/28 г. открыто 3;

Ярославль. Реорганизуются из семил.—2; в 1927/28 г. открыто 1.

Москва. Реорганизуются из семил.—10; в 1927/28 г. открыто 6.

В отношении ШКМ можно сделать следующие выводы:

ШКМ как тип школы оказался достаточно удачным. Это подтверждается быстрым темпом роста сети ШКМ, которых в данное время насчитывается (за 4—5 лет их существования) до 550 по РСФСР. Однако в то же время в сельских местностях все еще имеется около 1 000 семилеток, не реорганизованных в ШКМ. Очевидно стремление сохранить семи-

летку как общеобразовательную школу в среде некоторой группы учащихся (держащих курс на вуз), в родительской среде и у местных органов достаточно сильно.

Неблагополучно обстоит до последнего времени с социальным составом учащихся ШКМ. Процент батрачества и бедноты к 1925/26 г. даже пал. После наступила относительная стабилизация. Сейчас идет его повышение. Объяснение этого лежит несомненно в недостаточной материальной помощи бедноте и нетвердость ее. Так Например, за 1926/27 учебный год количество стипендий в ШКМ по Сев.-Кавказу, Ленинградской и Брянской губ. было снижено. Особенно надо отметить исключительно слабое участие ККОВ и др. общественно-хозяйственных организаций деревни в материальной помощи ШКМ.

Кроме того ряд ШКМ все еще не обеспечен ни достаточными земельными участками, ни, главное, живым и мертвым инвентарем для их обработки.

Таким образом в деле выполнения решений XV партсъезда в отношении ШКМ решительного перелома также нет.

РАСПРОСТРАНЕНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ.

Работа НКП в этом отношении шла в двух направлениях: пересмотра содержания работы тех существующих профучебных заведений, которые работают на деревню, и изыскания новых форм, через которые наиболее успешно можно было бы осуществить директивы съезда. Практически сделано следующее:

Часть сельскохозяйственных техникумов и низших профшкол распределена в смысле своей целевой установки по отдельным видам сельхозкооперации. Это распределение проведено вместе с Союзом союзов с.-х. кооперации, и имеет целью, путем индустриализации учебных планов, подготовить специалистов-техников для нужд отдельных видов с.-х. кооперации и коллективных хозяйств, как-то:

Льняной	4 техникума, 2 с.-х. школы.
Животноводческо-сырьевой	4 школы.
Молочной	10 техн., 13 школ.
Картофельной	1 школа.
Для коллективных хозяйств	16 техн.
Лесной кооперации	2 »
Плодоовощной	3 техн., 3 школы
Птицеводной	1 школа
Семеноводственной	2 техн., 1 школа
Свеклосевной	2 » 1 »

Для подготовки землеустроителей в 1928/29 г. открывается 20 одногодичных землеустроительных курсов при техникумах и развертываются в Псковском и Красноярском техникумах землеустроительные отделения.

Разработан также план развития на пятилетие сети низших сельскохозяйственных школ и школ сельхозуча, причем рост их рисуется следующим образом:

	1927/28 г.	1932/33 г.
Низших с.-х. школ	84	103
Сельхозуча	11	39

За этот же год разработаны учебные планы и программы школ сельхозуча.

Из новых форм распространения профессиональных знаний среди крестьянства НКП выдвигает, так называемую, зимнюю крестьянскую школу для повышения специально-производственных знаний и умений крестьянства на базе кооперирования и коллективизации. В 1928/29 г. предположено развернуть по республике до 70 таких крестьянских школ при существующих техникумах и сельскохозяйственных школах.

Что касается кустарных мастерских по распространению среди населения ремесл, то в распоряжении НКП в данный момент исчерпывающих сведений о них нет, поскольку этим занимается, главным образом ВСНХ. Фактические данные по тем же территориальным единицам говорят следующее:

ЦЧО	проектирует открыть в 1928/29 г.	4 школы сельхозученичества—11—колхозученичества
Н.-Волжск.	» » » 1928/29 »	9 крест. техн. краткосрочных курсов 9 одногодичных школ при совхозах. 3 учебно-показат. мастерских.
С.-Кавказ	» » » 1928/29 »	5 крест. курсов (было 15).
Н.-Новгород	» » » 1928/29 »	Ничего.
Москва	» » » 1928/29 »	Составлен особый план развития кустарного образования в губернии. Отпущено 150 000 р. на улучшении оборудования школ кустарного образования.
Смоленск	» » » 1928/29 »	3 ремесленных мастерских в сельских местностях.

Основной вывод в отношении распространения профессиональных знаний среди крестьянского населения заключается в том, что старые формы его почти умерли, а новые еще не заняли достаточного места.

Так, в отношении учебно-производственных мастерских вместо 2 000 дореволюционных в 1927/28 г. существовало 206, ремесленных школ вместо 300—в том же году 274.

По контрольным цифрам Госплана сеть учебно-производственных мастерских за пятилетие должна вырасти на 150%. Темп развертывания следующий:

1927/28 г	206
1928/29 »	308
1929/30 »	400
1930/31 »	477
1931/32 »	570

Данных о фактическом росте на 1928/29 г. еще нет.

Кое-что сделано в отношении распространения ремесл и профзнаний через школу I и II ступени. За последние два года НКП провел специальные курсы по трудовой подготовке учителей, снабдил по 1 школе на волость набором столярных инструментов.

Профессионализация второго концентра школ II ступени также способствует распространению профессиональных знаний.

Однако все же это по ряду причин еще далеко недостаточно и ни в какой мере не удовлетворяет НКП.

ПО УКРЕПЛЕНИЮ ПОЛИТПРОСВЕТРАБОТЫ.

В политпросветработе Наркомпрос учитывает те решения XV партсъезда, которые говорят о необходимости укрепления политпросветработы в деревне и о необходимости усиления классовой линии в работе.

Поскольку работа по поднятию культурности масс тормозится отсутствием элементарной технической грамотности, совершенно естественно, что следствием постановления о необходимости усиления культурной революции явилось усиление внимания вопросам ликвидации неграмотности.

В 1927/28 г. намечено было обучить согласно плану 779 000 человек. Такая же цифра была намечена и на 1928/29 г. Учитывая же необходимость усиления этой работы в связи с решениями XV парт-

съезда, Главполитпросветом проделана большая работа по вовлечению в эту работу широкой общественности, так как на существенное усиление темпа работы за счет госбюджета рассчитывать не приходится. В этом отношении достигнута договоренность с комсомолом, Центросоюзом, Всекоопромсоюзом, Колхозцентром, Пуром об их участии в этой работе (циркуляр Центросоюза № 2/35 от 21/VIII), циркуляр Всекопромсоюза № 75/219, циркуляр НКП и Колхозцентра и решение VIII съезда ВЛКСМ). Как следствие поднятой НКП широкой кампании по ликвидации неграмотности, мы имеем интересный опыт Бауманского района Москвы и Саратова, где при поддержке всех звеньев советской общественности предполагается закончить массовую ликвидацию неграмотности в 1928/29 г.

Бюджетные же ассигнования по местному бюджету за последние годы неуклонно снижались.

Так, было потрачено на работу по ликвидации неграмотности (в тысячах):

	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.
По Вологодской губ.	83,0	40,5	29,4
» Ленинградской губ.	694,4	518,2	215,4
» Ивано-вознесенской губ.	107,8	83,7	48,4
» Нижегородской губ.	240,2	214,6	165,9
» Воронежской губ.	251,4	187,2	133,4
» Марийской губ.	44,9	40,9	23,3
» Уралобласти	433,7	336,1	318,2
» Сев.-двинской губ	534	39,6	39,4
» Архангельской губ.	23,8	20,6	нет свед.
» б. Сталинградской губ	170,8	100,1	78,8
» Костромской губ.	60,3	37,2	32,8
» б. Ульяновской губ.	91,4	70,2	52,4

В настоящее время мы наблюдаем некоторый перелом, но в ряде мест положение остается то же. Здесь и в дальнейшем необходим систематический нажим.

Для усиления темпа работы с целью окончания ее к 1933/34 г. (году введения всеобщего обучения) необходимо увеличение ассигнований на эту работу как по местному, так и по государственному бюджету примерно в $1^1/_2$ раза. Всего нужно обучить 8 372 000 неграмотных. При существующих ассигнованиях в год обучается 779 000; для того, чтобы выполнить задание к сроку необходимо обучать в год 1 200 000.

К а д р ы. Поскольку вопрос об укреплении политпросветработы в значительной мере упирается в тяжелое материальное положение и в подбор работников, НКП этой стороне дела уделял в этом году большое внимание.

По вопросу об улучшении материального положения работников было проделано следующее: снова был поставлен вопрос в Совнаркоме об уравнении ставки избача и библиотекаря со ставкой учителя. Однако провести это постановление XIII партсъезда в законодательном порядке не удалось. Наряду с этим в течение года НКП обращался с рядом писем в президиум ВЦИК, местные обл.- губисполкомы и облгубкомы по вопросам улучшения материального положения политпросветработы на местах, сети, штатов и т. д. Было написано до 100 писем. Удалось добиться уравнения ставок по 20 губерниям: ставка избача ниже учительской ставки продолжает оставаться в 11 губерниях, Сибири и Уральской области.

Плохое материальное обеспечение работников очень влияет на подбор работников. Мало-мальски квалифицированный работник не идет на эту работу. Большинство избачей не удовлетворяют возросшим требованиям крестьян. Наряду с этим отмечается необыкновенная текучесть

состава избачей. Вот несколько примеров—Рыбинский район, Уральской области — из 7 избачей сменилось за год 6; в Архангельской— за один год сменилось 233 избача в 101 избе-читальне. Совместно с РКИ в настоящее время подбирается материал, на основании которого будут даны категорические директивы о закреплении работников, так как такая сменяемость сильно отражается на качестве работников и сводит на-нет работу по переподготовке.

Из мероприятий, имеющих целью повышение квалификации политпросветработников и создание кадров последних, нужно отметить следующее:

1) издание положения о требованиях, предъявляемых к работникам просвещения при приеме их на работу;

2) разработка положений об участковой инспектуре;

3) проведение ряда курсов, конференций (примерно до 600 человек прошло через курсы. Программа курсов была построена в развитие решений XV партсъезда, особенно детально были проработаны вопросы работы с беднотой и батрачеством и сезонниками);

4) для Пура была разработана программа по подготовке из демобилизующихся красноармейцев политпросветработников;

5) при Академии коммунистического воспитания создана специальная секция по заочному образованию политпросветработников деревни

6) перед Саратовским комвузом поставлена новая задача—подготовка квалифицированных партийных работников для деревни, в связи с чем в учебный план введены дополнительные курсы;

7) в текущем 1928/29 г. имеется в виду рационализировать работу комуниверситетов и совпартшкол по распределению оканчивающих и направлению большего процента совпартшкольцев на деревенскую работу;

8) в целях повышения качества работы в нацсовпартшколах и улучшения дела подготовки кадров для нацдеревень 16 нац. СПШ реорганизованы в однотипную 3-годичную СПШ. Для них разработаны и разосланы учебные планы, отражающие решение XV партсъезда.

К р а с н ы е у г о л к и. Истекший 1928 г. характеризуется проявлением инициативы со стороны населения к насаждению красных уголков за счет средств самого населения. Так, например, по Ленинградской обл. было за 1928 г. заключено договоров с населением на 751 красный уголок, или на 70% всех уголков Ленинградской губ. Всего на 1/XII 1927 г. имелось 22 972 красных уголка. Последних данных не имеем, но, если принять во внимание, что рост уголков к избам-читальням идет в примерном соотношении 1 к 5, то количество их на 1928/29 г. будет равняться 44 995.

УСИЛЕНИЕ КЛАССОВОЙ ЛИНИИ ПОЛИТПРОСВЕТРАБОТЫ.

Директива съезда об усилении классовой линии в политпросветработе красной нитью проходит через всю работу политпросветучреждений.

По линии ВЧКлб дана четкая директива о классовой линии в работе деревенского ликпункта. Основная установка взята на привлечение к обучению в первую очередь батрачества, бедноты и членов сельхозколлективов. Эта линия неоднократно подчеркивалась во всех руководящих указаниях, даваемых на места.

В правилах приема в комвузы и СПШ, согласованных с АП ЦК, были предусмотрены требования, обеспечивающие повышение качества командируемых в социальном, партийном отношении в связи с проблемой XV съезда о подготовке кадров.

При комплектовании СПШ была дана директива о вовлечении сельхоз. и лесных рабочих и батраков.

Пересмотрены учебные планы для нац. и русских СПШ и включен целый ряд дополнительных вопросов в программы, а также введены новые курсы (основы техники и рационализации сельского хозяйства, радиотехника, кинопередвижка и т. д.).

Пропаганда коллективизации сельского хозяйства развилась после XV партсъезда. По этому вопросу НКП связался с Колхозцентром. С последним намечен целый ряд практических мероприятий на 1928/29 г.:

а) рекомендуется политпросветучреждениям в районах, в которых имеются колхозы, оказывать последним содействие в организации внутри его соответствующими силами культурно-просветительной работы (библиотечной), подбора литературы, отвечающей особенностям колхозов, выпуски стенгазеты, организации громких читок, вечеров вопросов и ответов и т. д.;

б) по линии заочного образования поручено бюро заочного обучения ГПП совместно с Колхозцентром разработат обращение к колхозникам с кратким изложением правил приема на заочные курсы Наркомпроса. Намечена организация курсов деревенских работников по организации культработы в колхозах;

в) по линии школьно-курсовой—намечено совместно с Колхозцентром разработать программу курсов при СПШ для партактива из колхозников. Намечена организация курсов в районах нацменьшинств, намечено издать руководящий материал программно-методического характера для летних курсов русских и нацмен (районных, участковых инспекторов, избачей, библиотекарей, радиокурсов) по колхозстроительству.

Намечены: экскурсии-конференции по пропаганде, коллективизации сельского хозяйства для данных категорий политпросветработников на 60 человек; по культработе для избачей на 40 человек. Одновременно ведется работа по внедрению в программы всех профучебных заведений сведений по коллективизации сельского хозяйства.

Перерабатываются учебники для ликвидации неграмотности, в которые включаются разделы о колхозном строительстве, коллективизации сельского хозяйства. Создается специальная хрестоматия по вопросам колхозного строительства.

За 1927/28 г. НКП неоднократно давал указания местам по работе среди отдельных групп населения (бедноты, батрачества, сезонников и рабочих, живущих в деревне).

Одним из средств усиления классовой линии в политпросветработе является антирелигиозная пропаганда. Было при участии ГПП выпущено несколько сборников по антирелигиозной пропаганде (как, например, Попов, Происхождение земли и мира). Всего 6 брошюр по естественно-научным вопросам. В дополнение к указанным брошюрам издано 3 антирелигиозных плаката, 2 антирелигиозных учебника (один—для города, другой для деревни). Приступлено к ежемесячному изданию антирелигиозных листовок. Изданы по сектантству 4 брошюры. Всего в течение года издано 13 книг, 1 листовка и 3 плаката. Издавались книги вместе с Союзом безбожников. Были проведены одни антирелигиозные курсы на 30 человек губернского антирелигиозного актива.

ПО КИНОРАБОТЕ В ДЕРЕВНЕ.

Разработан и проведен через Совкино диференциальный тариф проката картин. Сеть доведена с 1 418 кинопередвижек и стационарок до 2 821.

Отобран фонд картин для деревни в количестве 300 названий.

ВЫВОДЫ.

Основные выводы в отношении состояния и темпа развертывания политпросветработы заключаются в следующем:

1. Политпросветработа все еще продолжает носить кустарный характер, и темп ее развертывания совершенно недостаточен.

2. Самодеятельность населения, в общем достаточно большая, в области политпросветработы не находит со стороны органов ОНО достаточной поддержки и не организуется должным образом.

3. Работа различных организаций, ведущих политпросветработу в отдельных ее частях (кино, радио, культработа профсоюзов), все еще ведется несогласованно и без достаточного регулирования ее со стороны НКП.

4. Материальная база политпросветработы все еще крайне слаба и укрепление ее идет не в соответствии с темпом, определенным XV партсъездом.

Н. КОСТРОМИН.

К ПАРТСОВЕЩАНИЮ

КАК ОБСЛУЖИВАЮТСЯ НАШЕЙ ШКОЛОЙ ДЕТИ РАБОЧИХ?

(В порядке обсуждения).

Вопрос о том, как обслуживаются дети рабочих нашей школой, без преувеличения говоря, является одним из самых жгучих вопросов современности. Имеем ли мы на этом важнейшем участке нашей работы какие-нибудь достижения, какие именно, каковы причины, до сих пор мешавшие достигнуть решающих сдвигов, и какие меры нужно предпринять для устранения или ослабления этих тормозящих причин—вот ряд вопросов, на которые распадается основной вопрос.

Приступая к анализу этой проблемы, нельзя не выразить сожаления о том, как мало имеем мы материалов для исчерпывающего ее освещения и как много темных мест все еще остается неосвещенными точными статистическими данными. Так например, мы не имеем точных данных для суждения о том, в какой мере та или иная величина радиуса, на котором работают наши соцвосовские и профобровские учреждения, отражается на снижении или повышении процента детей рабочих в школах. В какой степени бытовые условия рабочей семьи влияют на успеваемость учащихся рабочей группы и на их отсев до окончания школы? Всегда ли только материальная база рабочей семьи обусловливает досрочный отзыв ребенка из школы, или имеет место и влияние некультурности и несознательности семьи, не понимающей необходимости довести учебу до конца и из-за этого или из-за временных затруднений прерывающей курс обучения? Эти и ряд других вопросов мы за недостатком цифр не можем пока осветить—это является делом будущего, но самый факт отсутствия в ЦСУ исчерпывающих материалов или запоздание с их разработкой нельзя не отметить, как показатель недостаточного внимания к важнейшему направлению просветительной работы.

Подойти к общему освещению вопроса правильнее всего можно путем установления показателя, характеризующего степень овладения нашей школой детьми различных социальных групп. Такой показатель мы получаем в виде процентного соотношения учащихся той или иной социальной группы ко всему самодеятельному населению той же социальной группы. Этот показатель имеется по РСФСР (с АССР) по школам соцвоса только за 1924/25 г. (за последующие годы данные не разработаны), а по вузам и техникумам он имеется и за 1926/27 г., что дает возможность по этим учреждениям установить не только статику, но и динамику.

За 1924/25 г. картина рисуется в следующем виде (см. табл. 1 на 27 стр.).

Заодно даем и таблицу, рисующую динамику этого показателя по учреждениям профобра (см. табл. 2 на 27 стр.).

Рассматривая первую таблицу, мы видим, что степень овладения нашей школой детьми рабочих еще очень невысока не только абсолютно, что можно объяснить, отчасти, недостаточностью нашей сети, но что она

мала и относительно, так как рабочая группа, в среднем, занимает не первое место, как полагалось бы по ее социальной значимости, а только второе, уступая первое место группе служащих.

Таблица 1

Типы школ	Отношение учащихся к самодеят. населению по социальн. групп (в %%)			
	Рабочих	Крестьян	Служащих	Прочих
1) Детсады и очаги	0,5	0,004	0,4	0,1
2) Школы I ступени	12,6	7,6	9,9	9,1
3) Семилетки	3,8	0,2	4,0	1,9
4) Девятилетки	2,7	0,1	4,8	2,3
5) Школы II ступени	0,9	0,1	3,3	1,7
Всего по соцвосу	20,5	8,0	22,4	15,1
6) Низш. проф.-уч. зав.	1,8	0,07	1,5	0,5
7) Рабфаки	0,5	0,01	—	0,16
8) Техникумы	0,6	0,08	1,4	0,8
9) Вузы	0,6	0,05	1,5	1,3
Всего по профобр	3,5	0,21	4,4	2,7

Таблица 2

Типы школ	Годы	Динамика соотношения к самодеят. населению по социальным группам			
		Рабочих	Крестьян	Служащих	Прочих
1) Вузы	1924/25 г.	0,6	0,05	1,5	1,3
	1926 27 г.	0,7	0,05	1,7	0,5
2) Техникумы	1924/25 г.	0,6	0,08	1,4	0,8
	1926 27 г.	0,7	0,08	1,6	0,8
3) Рабфаки	1924/25 г.	0,5	0,01	—	0,16
	1926/27 г.	0.5	0,02	0,06	0,04

Второй вывод говорит о том, что чем ниже тип просветительного учреждения, тем процент овладения рабочей группой выше, и наоборот—на высших ступенях рабочая группа отодвигается даже на третье место (школы II ступени, вузы). Исключение представляют только низшие профессионально-технические учебные заведения, где рабочая

группа занимает первое место, что объясняется, вероятно, меньшей притягательной силой этих учебных заведений для групп служащих и прочих.

Таблица вторая позволяет сделать вывод о тенденциях к улучшению по профобровским учреждениям, но пока еще очень недостаточных.

Теперь подойдем к анализу проблемы с точки зрения динамики удельного веса учащихся различных социальных групп в общем контингенте всех учащихся. Этот показатель обладал бы большей силой убедительности, если бы контингенты учащихся в разные годы были стабильны, чего на самом деле нет, но и с поправкой на подвижность контингентов этот показатель имеет все же огромное значение, рисуя картину соотношения между различными социальными группами.

По этой линии мы имели в РСФСР (с АССР) в 1924/25 и 1926/27 г. следующую картину:

Таблица 3

Типы школ	Годы	Динамика удельн. веса уч-ся разл. соц. групп (в % ко всему составу учащихся)					
		Рабочих	Батраков	Крестьян	Служащих	Прочих	Всего
1) Школы I ступени	1924/25 г.	10,5	—[1]	77,2	5,9	6,4	100,0
	1926/27 г.	8,2	2,4	78,0	5,7	5,7	100,0
2) Семилетки	1924/25 г.	34,2	—	25,1	26,2	14,5	100,0
	1926/27 г.	33,1	1,3	27,3	26,8	11,5	100,0
3) Девятилетки	1924/25 г.	30,1	—	11,4	37,5	21,0	100,0
	1926/27 г.	28,3	0,6	11,0	42,5	17,6	100,0
4) Школы II ступени	1924/25 г.	15,0	—	25,4	37,2	22,4	100,0
	1926/27 г.	15,6	1,5	29,4	34,5	19,0	100,0

По вузам и техникумам такие же данные имеются за четыре года:

Таблица 4

Типы школ	Годы	Рабочих	Крестьян	Служащих	Прочих	Всего
1) Вузы	1923 24 г.	15,3	22,5	34,4	27,8	100,0
	1926/27 г.	25,3	25,3	37,5	11,9	100,0
2) Техникумы	1923/24 г.	17,7	36,5	31,8	14,0	100,0
	1926/27 г.	22,7	30,9	36,1	10,3	100,0

[1] Батраки в 1924/25 г. отдельно не выделялись.

По отдельным типам вузов динамика удельного веса, конечно, неодинакова, а именно:

Таблица 5

Вузы	Годы	Динамика удельн. веса уч-ся различн. соц. групп по различн. Вузам.	
		Рабочих	Служащих
Индустриальные	1923/24 г.	17,0	34,6
	1926/27 г.	32,4	40,6
Сельскохозяйственные	1923/24 г.	11,6	23,8
	1926/27 г.	20,9	29,0
Педагогические	1923 24 г.	15,7	31,8
	1926 27 г.	18,1	34,5
Медицинские	1923/24 г.	16,4	37,6
	1926/27 г.	20,8	40,1
Соц.-экономические	1923/24 г.	15,4	45,8
	1926/27 г.	27,0	38,7

О чем говорят таблицы 3, 4 и 5 [1]? Прежде всего о том, что удельный вес рабочей группы повысился в школах I и II ступени и в семилетках и упал в школах девятилетках. Не говоря уже о прискорбности факта падения удельного веса хотя бы и в одном типе школ, нужно признать и повышательную тенденцию выраженной совершенно недостаточно (от 0,1 до 2,1%).

В вузах и техникумах повышательная тенденция, в среднем, выражена определеннее, в особенности по вузам (+10,0%), но, во-первых, здесь мы имеем более длительный период для сравнения, чем по школам соцвоса, во-вторых, повышение удельного веса рабочей группы произошло за счет снижения удельного веса группы «прочих» (по вузам на целых 16,0%)

[1] Мы намеренно не привели в тексте статьи данные о динамике социальных групп учащихся по низшим профессионально-техническим учебным заведениям, так как эти данные имеются за другие, более ранние годы, но считаем необходимым привести соответствующие цифры хотя бы в виде подстрочного примечания, как отображающие тенденции понижательного характера для рабочей группы и повышательного для группы слу жащих. Вот что говорят цифры этой т аблички:

Типы школ	Рабочих			Крестьян			Служащих		
	1923/24	1924/25	1925/26	1923/24	1924/25	1925/26	1923/24	1924/35	1925/26
1) Школы рабочих подростков	80,1	79,2	75,8	7,6	8,5	7,4	7,2	9,9	13,0
2) Профшколы	30,1	32,9	29,8	34,7	28,8	31,2	20,4	25,9	28,0
3) Учебн. мастерские	22,4	34,4	29,7	53,6	38,2	25,0	12,0	16,2	16,1

и крестьян (по техникумам на 5,1%) удельный же вес группы служащих и в вузах и в техникумах также повысился (по техникумам, например, на 4,3%).

Если мы вспомним, что как раз по вузам и техникумам мы имеем наибольшие, относительно, достижения по стипендиальному обеспечению [1], то, имея данные таблиц 3-й, 4-й и 5-й, мы сможем неопровержимо установить теснейшую связь между размером стипендиального обеспечения и удельным весом рабочей группы.

Таблица пятая, в частности, выявляет особую тягу рабочей группы в индустриальные и социально-экономические вузы и, относительно, слабую заинтересованность в вузах педагогических и медицинских. Примерно такую же картину, но в несколько ослабленном виде, мы имеем и по техникумам.

Приведенные нами динамические показатели предстанут перед нами в еще более наглядном виде, если мы число учащихся каждой социальной группы примем за 100 для 1924/25 г. (для вузов и техникумов за 100 берется число учащихся в 1923/24 г.) и посмотрим, как изменилась картина к 1926/27 г. (по РСФСР с АССР):

Таблица 6

Типы школ	Рабочих	Крестьян	Служащих	Прочих
1) Школы I ступени	101,0	101,0	96,6	89,1
2) 7-летки	100,6	108,8	102,3	79,3
3) 9-летки	96,0	115,7	113,3	83,8
4) Школы II ступени	114,0	96,5	92,7	84,8
5) Техникумы	128,2	84,7	113,5	73,6
6) Вузы	165,4	112,4	109,0	42,8

Таблица эта, не имея самостоятельного значения, однако показывает, как и предшествующие, что мы имеем очень скромное продвижение по школам I ступени и семилеткам, отступление по девятилеткам, и более существенные успехи по школам II ступени, техникумам и вузам, хотя последние два показателя и снизятся, если за 100 взять данные не 1923/24 г., а 1924/25 г.

Второй вывод говорит о том, что успехи рабочей группы и по семилетке меньше, нежели у группы крестьян и служащих.

Не менее характерна и динамика удельного веса различных социальных групп по годам обучения. В этом отношении мы имеем данные выборочного обследования по школам девятилеткам (по РСФСР без АССР) и семилеткам (с АССР) за 1926/27 г. Данные эти для девятилеток таковы:

[1] Охват стипендиями по годам был таков:

	Вузы	Техникумы
1924/25	26,3%	5,2%
1925 26	41,0%	13,6%
1926 27	42,5%	17,1%

Таблица 7

ДИНАМИКА УДЕЛЬНОГО ВЕСА РАЗЛИЧНЫХ СОЦ. ГРУПП УЧАЩИХСЯ ПО ГОДАМ ОБУЧЕНИЯ.

Годы обучения	Рабочих и батраков	Крестьян	Служащих	Прочих
1 по всей террит.	37,3	13,1	31,8	17,8
города	34,3	4,4	39,1	22,2
фабр.-зав. районы	70,8	2,3	18,4	8,5
сельск. местн.	4,0	87,1	4,9	4,0
2 по всей террит.	36,3	11,4	33,7	18,6
города	32,8	4,4	39,5	23,3
фабр.-зав. районы	64,8	2,3	25,3	7,6
сельск. местн.	5,0	84,2	6,1	4,7
3 по всей террит.	34,9	10,4	38,1	16,6
города	30,1	5,3	44,0	20,6
фабр.-зав. районы	64,3	2,3	27,7	5,7
сельск. местн.	7,0	78,4	8,5	6,1
4 по всей террит.	32,1	10,6	41,4	15,9
города	28,4	6,7	46,4	18,5
фабр.-зав. районы	58,4	2,5	31,2	7,9
сельск. местн.	6,1	74,9	11,7	7,3
5 по всей террит.	29,4	13,3	40,2	17,1
города	23,5	11,0	44,5	21,0
фабр.-зав. районы	57,6	6,5	30,9	5,0
сельск. местн.	5,9	66,3	17,8	10,0
6 по всей террит.	25,5	10,9	46,6	17,0
города	21,0	8,6	51,0	19,4
фабр.-зав. районы	47,9	7,2	36,5	8,4
сельск. местн.	7,2	61,5	18,2	13,1
7 по всей террит.	23,6	9,8	50,5	16,1
города	17,6	8,0	55,9	18,5
фабр.-зав. айоны	51,8	4,1	36,3	7,8
сельск. местн.	6,7	59,4	21,8	12,1
8 по всей террит.	19,6	9,8	53,1	17,5
города	16,1	9,3	55,4	19,2
фабр.-зав. районы	43,6	1,7	46,5	8,2
сельск. местн.	10,2	33,5	37,6	18,8
9 по всей террит.	17,9	9,5	54,2	18,4
города	13,6	9,5	57,2	19,7
фабр.-зав. районы	40,2	1,6	46,5	11,7
сельск. местн.	8,1	36,9	32,5	22,5

Изучая эту таблицу, мы убеждаемся, что рабочая группа от первого к девятому году обучения, в среднем, снижает свой удельный вес с 37,3% до 17,9%, т. е. на 19,4%, и еще резче (на целых 30,6%!) в школах фабрично-заводских районов (с 70,8 до 40,2%). С другой стороны, группа служащих повышает свой удельный вес по всей территории с 31,8 до 54,2%, т. е. на 22,4%, а в школах фабрично-заводских районов даже на 28,1% (с 18,4 до 46,5%).

Второй вывод сводится к тому, что падение удельного веса рабочей группы идет более или менее замедленным темпом за первые четыре года обучения (в школах по всей территории) и очень быстрым, начиная с пятого года. В школах фабрично-заводских районов эта закономерность нарушается уже от первого года ко второму, а седьмой год даже дает повышение в общем падающем ряду показателей. В школах сельских районов удельный вес рабочей группы, с известными колебаниями по годам, обнаруживает даже повышательную тенденцию.

Поскольку на диференцированные по районам данные оказывают большее влияние всякие отклоняющие факторы, мы придаем решающее значение средним показателям по школам всей территории, где влияние отклоняющих факторов взаимно нейтрализуется.

Если принять число учащихся каждой социальной группы в первый год обучения за 100, то для девятого года мы будем иметь (по данным 1926/27 г.) такую картину:

Таблица 8

	Рабочих	Крестьян	Служащих	Прочих	Всего
1-й год обучения	100	100	100	100	100
9-й » »	24,6	37,6	88,4	53,8	51,9
в частности по фабр.-зав. районам:	29,4	35,3	130,7	71,4	51,8
по сельским районам	47,4	9,9	156,5	131,6	23,4

Цифры этой таблицы говорят о том, что коэфициент отсева рабочей группы самый высокий и по сравнению с коэфициентом отсева других групп и по сравнению со средним коэфициентом отсева. Не лишне здесь же отметить, между прочим, крайне низкий коэфициент полезного действия девятилетки вообще и сельской девятилетки в частности и в особенности.

Данные по семилеткам по всей территории таковы:

Таблица 9

Годы обучения	Рабочих	Крестьян	Служащих	Прочих	Всего
1-й.	37,5	31,9	19,7	10,9	100,0
2-й.	38,2	28,7	21,4	11,7	100,0
3-й.	37,8	25,5	24,5	12,2	100,0
4-й.	36,2	23,6	28,9	11,3	100,0
5-й.	31,5	28,2	29,1	11,2	100,0
6-й.	27,6	25,9	33,6	12,9	100,0
7-й.	27,3	23,4	36,4	12,9	100,0

По отношению к первому году, принятому за 100, мы для седьмого года будем иметь:

Таблица 10

Годы обучения	Рабочих	Крестьян	Служащих	Прочих	Всего
1-й	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
7-й	29,1	29,2	73,8	47,4	39,9

Выводы из таблиц 9-й и 10-й идентичны с выводами из таблиц 7-й и 8-й.

Было бы ошибочно принимать данные таблиц 7—10 за показатель отсева от числа принятых в каждом данном году. Обследование дало одновременную фотографию всех учащихся, а не динамики каждого года обучения в отдельности, и из 100 учащихся, поступивших в 1-ю группу, скажем, в 1926/27 г. до 9-й или 7-й группы в свое время дойдет не 24,6 или 29,1 человек, а, вероятно, больше, поскольку улучшаются материальные условия школы и учащихся. Цифры 24,6 или 29,1— показывают, сколько дошло до 9-й и 7-й группы из числа принятых 9—7 лет тому назад, т. е. в самые неблагоприятные годы. Поэтому в этих таблицах решающее значение следует придавать не абсолютному показателю отсева, а показателю соотношений между отдельными социальными группами.

По вузам и техникумам по этой линии косвенным показателем является соотношение между социальными группами состава принятых в данном году и всех учащихся. Данные эти таковы:

Таблица 11

	Вузы				
	1923/24 г.	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.
Рабочих среди принятых. . . .	24,4	35,7	32,5	28,7	34,6
уч-ся	15,3	20.7	24,6	25,3	26,9
Крестьян среди принятых. . . .	25,7	29,8	29,0	22,2	24,4
уч-ся	22,5	24,6	26,2	25,3	24,2
Служащих среди принятых . . .	44,5	23,2	27,1	33,0	25,0
уч-ся	34,4	35,8	36,8	37,5	39,4
Прочих среди принятых. . . .	5,4	11,3	11,4	16,1	16,0
уч-ся	27,8	18,9	13,2	11,9	9,5

Мы видим, что в то время как в составе принятых рабочая группа подняла свой удельый вес на 10,2%, «прочие» на 10,6%, а группы крестьян и служащих дают снижение (—1,3 и—19,5), в составе всех учащихся рабочая группа растет на 11,6%, крестьянская—на 2,7% и служащих на 5,0%, «прочие» же обнаруживают резкое падение. Однако несмотря на очень рез-

кое падение среди принятых удельного веса группы служащих, мы не видим т а к о г о ж е резкого повышения удельного веса рабочих или падения группы служащих среди всех учащихся. Это и обнаруживает (правда, косвенно) наличие довольно сильного отсева рабочей группы в последующие годы обучения.

Таблица 12

Соц. группы	Техникумы			
	1923/24 г.	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.
Рабочих среди принятых	23,1	21,8	21,8	21,8
уч-ся	17,7	19,4	20,8	22,7
Крестьян среди принятых	34,3	36,5	39,6	37,1
уч-ся	36,5	35,9	37,3	30,9
Служащих среди принятых	28,4	37,4	35,3	30,8
уч-ся	31,8	33,7	33,2	36,1
Прочих среди принятых	14,2	4,3	3,3	10,3
уч-ся	14,0	11,0	8,7	10,3

Поскольку среди принятых удельный вес рабочей группы сперва падает, а потом застывает на 21,8%, мы в последующие годы будем иметь неизбежное снижение удельного веса этой группы и среди всех учащихся, хотя пока эта группа в общем числе учащихся и растет (+5%), но, очевидно, за счет прежних приемов. Группы служащих и крестьян в приеме дают повышение удельного веса (+ 2,4 и + 2,8), а служащие и в числе учащихся в темпе, почти равном темпу рабочей группы (+4,3). Резкие скачки по группе «прочие» объясняются, вероятно, разными принципами учета этой очень неопределенной группы в разные годы.

Оканчивая на этом цифровую обрисовку проблемы, мы должны придти к выводу о крайней недостаточности наших достижений в деле вовлечения в школы и, в особенности, удержания в них детей рабочих.

Чем объясняется такое положение? Дефектами ли системы народного образования, ошибками ли наркомпросовского руководства в центре и на местах или какими нибудь иными причинами?

Все приведенные нами цифры, нам кажется, исключают возможность вывода о каких-нибудь серьезных промахах политического порядка, а данные об удельном весе различных социальных групп в вузах и техникумах невольно выдвигают на первый план вопрос о м а т е р и а л ь н о й б а з е как первоисточнике наших затруднений. Неокрепшая еще материальная база рабочей семьи не позволяет родителям долговременно авансировать под будущий (хотя бы и повышенный) заработок учащегося относительно довольно большие средства, и всякие (даже временные) затруднения на этой почве ведут к прекращению учебы и к внедрению учащегося на работу, которую, как правило, совместить с учебой очень трудно, в особенности, для неокрепшего еще организма ребенка или юноши.

С материльными трудностями связывается и вопрос о сроках обучения в наших учебных заведениях, в особенности, профессионально-технических, где сроки обучения за последние три-четыре года все время пересматривались в сторону их увеличения, а чем больше срок обучения,

тем, очевидно, меньше шансов на преодолимость его для недостаточно обеспеченного учащегося из рабочей семьи.

Третьей причиной является недостаточность сети наших школ, вынужденных поэтому работать на очень большом радиусе и из-за отсутствия или недостаточности общежитий отказывающих в приеме довольно большому количеству беднейших учащихся.

Огромное тормозящее значение имеет меньшая учебная подготовленность детей рабочих, которая, в соединении с бытовой обстановкой рабочей семьи, не позволяет даже уже попавшему в школу удержаться в ней, не говоря уже об успешной сдаче приемных конкурсных испытаний. Домашние занятия из-за жилищных условий почти исключены, как и учебно-репетиторская помощь со стороны членов семьи. На плечи учащегося ложится много домашних работ. Учащиеся из рабочей семьи поэтому или проваливаются уже на приемных испытаниях, или остаются на второй год, после чего, как правило, выбывают из школы.

В системе просветительных учреждений отсутствует необходимое звено для детей рабочих, окончивших четырехлетку или семилетку. Оно должно иметь ярко выраженную профессиональную установку при небольшом сроке обучения, представляя из себя нечто вроде дополнительной профессиональной школы. Из этой школы в течение ряда лет выросла бы сеть учреждений для всеобщей ликвидации профессионально-технической неграмотности.

Не все делается нами и со стороны организационной и воспитательной для удержания рабочих элементов в школе. Нет активной борьбы за каждого отсеивающегося, нет попыток убедить и самого ребенка и его родителей не прерывать обучения из-за временных иногда затруднений финансовых или учебных. Нет стремления путем о с о б о й п о м о щ и в течение года предотвратить второгодничество, а, значит, и неизбежный отсев.

Какие же мероприятия необходимы для ослабления этих тормозящих причин?

1) Решительное усиление стипендиальных фондов, особенно по школам соцвоса и низшим и средним профучебным заведениям. Доведение процентов обеспечиваемых стипендиями (разного, конечно, размера, в зависимости от материального положения семьи) хотя бы до 25% (всего состава учащихся), скажем, по повышенным школам соцвоса и до 50% по средним и низшим учебным заведениям профобра дало бы прекрасные результаты, как это видно на примере вузов.

2) Организация сети подготовительных курсов для детей рабочих, желающих поступать в школы, принимающие по конкурсу, и организация репетиторства в самих школах для отстающих. Это мероприятие повысило бы и процент поступающих детей рабочих и их подготовку (а ведь мы сейчас часто вынуждены принимать детей рабочих с очень слабой подготовкой) и снизило бы отсев и второгодничество.

3) Нужно внимательно просмотреть сроки обучения в наших профессиональных учебных заведениях в сторону их возможного снижения.

4) Нужно взять курс на территориальное приближение школы к рабочей массе путем широкого нового строительства. В случаях невозможности нового строительства—прибегать к организации общежитий.

5) Профессиональные уклоны в повышенных школах соцвоса должны быть выражены ярче и давать определенную квалификацию. В этих целях возможна организация даже лишнего года профессионального обучения для детей рабочих, не поступивших ни в вуз, ни в техникум по окончании девятилетки.

6) Необходима организация широкой сети одно- и двухгодичных профкурсов для детей рабочих, окончивших I ступень или семилетку.

7) Нужна широкая общественная кампания за уменьшение отсева и постоянная борьба за каждого ребенка из рабочей семьи, собирающегося покинуть школу. Может быть необходимо даже издание закона, позволяющего брать учащегося из школы до окончания курса только при определенных условиях.

В. КАСАТКИН.

СИСТЕМА НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ В ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД.

(К партсовещанию по народному образованию).

Вопрос о системе народного просвещения является весьма существенным. Неудивительно поэтому, что он привлек внимание многих союзных органов, как например, ВСНХ, Госплан и др.

Предлагаемая система имеет много таких особенностей, мимо которых пройти нельзя. Приходится на них останавливаться, что значительно осложняет изложение системы и вводит дополнительные пояснения не только по вопросам сущности отдельных типов просвещенских учреждений, но и их наименований, поскольку они, являясь дореволюционными, механически приложены к нашим революционным просвещенческим учреждениям и уже давно не отображают их сущности.

РЕФОРМА ИЛИ РЕВОЛЮЦИЯ?

Развитие производственных сил СССР, задачи социалистического строительства и обороны СССР в упор поставили перед советским народным просвещением ряд очень важных вопросов, как например, о «новом человеке», о «подготовке рабочей силы», об «увязке работы наркомпросов с хозяйственными органами» и др.

Выдвинутые вопросы являются очень серьезными и касаются самых основ всех существующих советских систем по просвещению. Кризис просвещенских систем назрел. Для его ликвидации требуется не какая-нибудь частичная переделка систем, а основной пересмотр всех их составных частей сверху и донизу. Здесь должна быть революция, разрушающая и создающая на основе разрушаемого нечто новое, соответствующее задачам переходного периода.

ОДНА ИЛИ НЕСКОЛЬКО СИСТЕМ?

Единая плановость хозяйства СССР предполагает по всему Союзу единство системы народного просвещения, как части хозяйства. Разнообразие систем по союзным и автономным республикам нарушает не только плановость в подготовке «рабочей силы», но и в подготовке строителей социализма и борцов против капитала. Поэтому вся хозяйственная плановость СССР нарушается и затрудняется разнообразием просвещенческих систем.

Должна быть единая система народного просвещения всего СССР, что ни в коем случае не может помешать автономным наркомпросам проводить работу по введению родного языка, бытовых особенностей в программу и пр.

ЦЕЛЕВАЯ УСТАНОВКА СИСТЕМЫ.

Целевая установка народного образования должна полностью отображать целевую установку СССР. Поскольку в этот переходный период СССР имеет целевую установку на строительство социализма и оборону

против капиталистического окружения, то целевой установкой всей системы народного образования должно явиться соответствующее развитие науки и подготовка социально-коммунистической силы. «Социально»—потому, что данная сила должна работать на общую пользу СССР, а коммунистичность определит характер ее работы, в противовес шахтинским вредителям, которые с буржуазной точки зрения ведь тоже выполняли «социальное дело». Нам нужна именно «социально-коммунистическая сила», способная строить социализм и одновременно оборонять свое строительство от наступления капитала. Содержание термина «социально-коммунистическая сила» целиком охватывает и содержание термина—«рабочая сила» (хозяйственники) и содержание термина «нового человека».

О НАРКОМАТЕ.

Исходя из целевой установки новой системы и сущности нашего педагогического процесса, у нас должен быть не «Наркомпрос», а «Народный комиссариат науки и производства социально-коммунистической силы» — «Наркомнаукпроизводсил». «Производства» потому, что педагогический процесс является не только производственным процессом, но и одним из труднейших производственных процессов, поскольку требуется из любого, а тем более беспризорного восьмилетнего Вани получить в дальнейшем «социально-коммунистическую силу». Это не то, чтобы обтесать болванку или нарезать гайку. Производственный процесс идет значительно сложнее. Этот наркомат должен отличаться от Наркомпроса не только по названию, но и по существу всей работы, излагаемой дальше.

СУЩЕСТВУЮЩЕЕ И НОВОЕ ДЕЛЕНИЕ НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ.

В существующей системе имеются три основных деления—социальное воспитание, профессиональное образование и политическое просвещение. Все эти разделы явились в разное время революционной работы. Остановимся на двух последних.

Для строительства социализма и обороны СССР только профессиональных знаний очень и очень мало (хороший урок тому тот же шахтинский процесс). Но в то же время каждый из нас должен быть и строителем и борцом. В новой системе такого «профобрского» деления быть не должно. Все должно быть профобрским, но в то же время только профобрским—ничего. Нужны борцы и строители социализма, способные строить и оборонять СССР. Значит эта социально-экономическая сила поглощает все профобрские знания и без них не может быть мыслима.

«Политпросвет»—заменил собой бывшее «внешкольное образование», как образование «общее», близкое к аполитичному. В свое время такая замена была очень нужна, как определенный перелом во «внешкольном образовании». Но теперь разве можно думать, что в каком-либо типе, просвещенских учреждений (как, например: детсаде, площадке, самом специальном вузе и т. д.) не должно проводиться политическое просвещение? Аполитичных просвещенских учреждений у нас нет и не может быть. Следовательно «политпросвет» распространяется не только на избы-читальни, библиотеки и пр. «свои» учреждения, но в равной и должной мере—на детские площадки, детсады, школы, вузы и т. д., с другой стороны, в политпросветские учреждения все больше и больше просачивается «профобр», так, например, сельское хозяйство через избы-читальни и пр.

учреждения. Самостоятельность «политпросвета» требованиями социалистического строительства нарушена. Политпросвет, охватывая все типы просвещенских учреждений, в то же время испытывает острую нужду в «профобразовании». Все должны быть политпросветским, но не только политпросветским. Итак, в основу существующих советских систем народного просвещения положен историко-механический принцип: работа с детьми (социальное воспитание), массовая в основном не дающая профессионализации работа со взрослыми (политпросвет) и работа по профессиональному образованию взрослых (профобр).

Между тем социальное воспитание, политическое просвещение и профессиональное образование в своей сущности являются не чем-то самостоятельно существующими, но неразрывными частями одного и того же педагогического процесса. Поэтому их надо не разделять, а как можно теснее соединить, чтобы достигнуть максимума в педагогической продукции.

а) Первый принцип. В основу деления новой системы надо положить пригодность педагогической продукции к непосредственному участию в социалистическом строительстве и обороне СССР. Некоторые просвещенские учреждения, как бы они хорошо не были поставлены, не могут выпустить такую продукцию,которая могла бы сразу же принять то или иное участие в нашем строительстве, как, например, детские сады, площадки, школы I ступени. Подобные учреждения выпускают только подготовительную продукцию, которая должна еще пойти в дальнейшее педагогическое производство. Но есть такие учреждения, выпускаемая продукция которых, как бы они плохо не работали, может быть сразу же использована на той или иной работе, как, например, техникумы, школы II ступени, вузы и др.

Таким образом этот принцип делит всю систему народного просвещения на два раздела. В первом разделе должны остаться все учреждения, подготавливающие социально-коммунистическую силу к самому ее производству, а во втором—все учреждения, уже производящие эту силу. Ввиду того, что для социалистического строительства требуется квалифицированная социально-коммунистическая сила, учреждения первого раздела должны проводить предварительную работу по производству этой силы. В основном такая работа должна заключаться в усвоении учащимися минимума общей грамотности (политической, трудовой, технической и общеобразовательной) в объеме существующей школы I ступени (четырехлетки). Это тот общеобразовательный минимум, на основе которого учреждения второго разряда могут в дальнейшем получить из учащегося социально-коммунистическую силу.

б) Второй принцип. Внутри первого раздела учреждения будут разниться по своей программе. Поэтому их целесообразно разделить на учреждения I ступени с самой примитивной программой (дошкольной) и II ступени с программой общей грамотности (чтение, письмо, счет, политминумум, трудовые и организационные навыки и пр.).

Внутри же второго раздела, учреждения которого предназначены для производства социально-коммунистической силы, необходимо применить деление учреждений по разрядам квалификаций выпускаемой продукции. В этот раздел войдут видоизмененные учреждения профобра.

СОСТАВНЫЕ ЧАСТИ СИСТЕМЫ.

Прежде чем излагать самую систему, надо точно определить все ее составные части, начиная с самых мелких, из которых она должна состоять. Существующие учреждения социального воспитания в системе переходного периода по-прежнему должны занять свое место. С них начинается подготовка социально-коммунистической силы. Но в виду такой конкретно выдвинутой задачи перед этими учреждениями, в них надо ввести некоторые изменения. Начнем с «дошкольного воспитания».

а) Место учреждений «соцвоса» в системе, «дошкольное воспитание», «школа» и «учебное производство».

Теоретически признавая первенствующее значение за дошкольным воспитанием в деле воспитания молодого поколения, практически (вернее финансово) такое признание не осуществляется. В результате этого школе приходится иметь дело с уже испорченным улицей и семьей материалом. Она непроизводительно (ибо этого можно избежать) затрачивает много времени и энергии на обтесывание всех его шероховатостей, большинство которых не было бы в детях совершенно, если бы они посещали дошкольные учреждения. Так идет из года в год, как будто по привычке. Начальная школа как при царизме, так и теперь все еще остается основным учреждением в социальном воспитании, в то время как в системе переходного периода роль школы и детского сада необходимо, если не переменить, то полностью и фактически сравнять. Кроме того самый термин «дошкольное воспитание» не соответствует той работе, которая происходит под его вывеской. Нельзя в детском саду только воспитывать. В нем приходится сообщать соответствующие детскому возрасту знания. В старшей же группе дети нередко выучиваются читать и писать через игру и другие доступные для них методы. Фактически в дошкольных учреждениях имеется кроме воспитания известная доля образования. Значит термин «дошкольное воспитание» не охватывает того, что он обозначает. В некоторой степени это способствует укреплению такого представления в сознании широких масс населения о дошкольном воспитании, по которому оно понимается, как воспитание до школы, как воспитание, предшествующее основной школьной «учебе» ребенка, следовательно, как воспитание второстепенное, а отсюда делается вывод, что можно обойтись без него, что оно не нужно. Это психологическое настроение тормозит субсидирование дошкольного воспитания со стороны как неорганизованного, так и организованного населения, со стороны хозяйственников и пр.

Самое название «детский сад» также не дает уверенности рядовому рабочему и крестьянину в том, что это такое учреждение, в котором его ребенок может получить жизненно нужное для него, что это учреждение работает по определенной программе, добивается определенных конкретных задач, нужных ребенку и сейчас и на всю жизнь (а таких задач дошкольное воспитание имеет, пожалуй, не менее, чем любой профобр). В глазах рабоче-крестьянского населения «детский сад» является еще все чем-то бесформенным, не твердо установившимся, хотя и полезным.

Аналогия дошкольного учреждения с «садом», может быть более пригодная для буржуазии в целях его рекламирования как, якобы, аполитичного, к нашим детским учреждениям не подходит. Целевая установка нашего «детского сада» против этой аналогии. Осталась только голая вывеска «детский сад», не только ничего определенного не говорящая ни уму ни сердцу рабочего и крестьянина, но своей пассивностью тормозя-

щая развитие дошкольного воспитания. Поэтому не только нецелесообразно, но политически, экономически и агитационно невыгодно прикрывать сущность дошкольных учреждений никчемной вывеской. «Дошкольное воспитание» и «детский сад» в системе переходного периода, как термины, быть не должны. Первый термин целесообразнее заменить другим, непосредственно вытекающим из целевой установки дошкольного воспитания—«подготовительное учебное производство детской социально-коммунистической силы», а второй—учреждения типа детского сада правильнее наименовать—«подготовительное учебное производство первой ступени».

Именно учебное производство, так как педагогический процесс, как мы уже указали, является сложнейшим производством, и программа дошкольного учреждения не может быть без определенного образовательного материала. Любое дошкольное учреждение принимает характер учебного заведения, хотя и с самой примитивной программой. Это подлинная сущность дошкольного учреждения придает им крепкую устойчивость и право быть таким же основным типом начального образования, как и школа. Именно с этого типа учреждений начинается настоящая культурная революция, подготовка социально-коммунистической силы. Всякий из нас знает, что приобретенное нами в младшем детском возрасте остается памятным на всю жизнь. Поэтому рентабельнее всего начинать проведение культурной революции с этого типа учреждений, включая его в систему не в виде какого-то «привеска», проводящего работу «до школы», а—основного типа учебного производства социально-коммунистической силы первой ступени. С этого типа и надо начинать свою учебно-воспитательную работу каждого ребенка трудовой семьи. Первая ступень должна обслуживать детей с 3—7 лет, ее цель—заложить в детях основу марксистско-ленинского мировоззрения в пределах детского миропонимания, путем последовательного, в зависимости от возраста и окружающей обстановки, ознакомления их с окружающим миром, в доступной форме приучения их к трудовым, организационным, санитарным и др. навыкам, необходимым им в дальнейшем для борьбы и строительства социализма, а также воспитания в них бодрого и жизнерадостного настроения. Выполнение этой цели должно быть сделано с таким расчетом, чтобы выпущенная продукция была вполне пригодна для второй ступени.

Ввиду того, что первая ступень охватывает возраст детей в пять лет, то срок ее обучения должен равняться пяти годам. Ясно, что эта ступень в развернутом виде массовым явлением еще долгое время у нас не может быть. Но ее организация возможна и необходима при крупных фабриках и заводах. Отсюда прежде всего надо черпать резерв социально-коммунистической силы. При этих учреждениях уже имеются детские сады, их надо только реорганизовать в пятилетку. То же самое относится и к остальным детским садам. Разница будет та, что одни скорее достигнут развернутой формы, а другие медленнее. В тех же местах, где нет детсадов, эту первую ступень целесообразнее начать организовывать сверху вниз, т. е. с 5-го класса (для семилетнего возраста) и продолжать ее до первого класса. Эта работа весьма сложная и требующая огромнейших затрат, но также необходимая, как необходима социально-коммунистическая сила. В связи с возрастом детей и годами их обучения, для каждого класса должна быть постепенно усложняющаяся программа, утвержденная Гусом, с соответствующими детскому возрасту методами воспитания и обучения.

Программы же для детей умственно отсталых, слепых, глухих, калек и т. п. должны быть видоизменены в приспособлении к соответствующим анормальностям их организма.

Программный вопрос является весьма существенным. Существующие детские сады, работающие без твердо установленной воспитательно-учебной программы, а особенно по трудовым и организационным навыкам, нередко готовят в школы таких детей, которые по своему качеству являются худшим материалом, чем дети, пришедшие из семьи. Если признать «детский сад» подготовительным учебным производством первой ступени, то обычная начальная школа будет уже второй ступенью.

В деревенских местностях детские сады будут еще не так скоро. Поэтому там придется детям начинать свое учение сразу со второй ступени. Получается противоречие. Надо не бояться его, а диалектически использовать и развить вперед. Это противоречие ясно показывает, что дети поступают неподготовленными в школу, не прошедшими первой ступени. То время, которое они должны были бы быть в первой ступени, они прогуляли во вред себе на улице и т. д. За это противоречие надо ухватиться, чтобы развить на местах соответствующую кампанию за организацию подготовительного учебного производства первой ступени.

Точно так же не отображает настоящего содержания своей работы и названия «школа». Этот термин правильно отражал свое учреждение до революции, когда действительно, «школили», т. е. пороли, драли за уши, сажали на горох, ставили в угол и т. д. У нас же теперь не только нет телесных наказаний, но и самый педагогический процесс стал иным, диалектическим, марксистским. Следовательно термин «школа» также пуст, как, если бы мы вздумали к волсовету прикладывать его прежнюю вывеску «волправление». Сущность дела, конечно, не в вывеске, а в самом содержании работы. Любое учебное заведение в системе переходного периода прежде всего должно быть «учебным производством». Это касается не только названия, но, главное, всего существа работы. Такая постановка вопроса заставляет заострять внимание на известной подготовке педперсонала, оборудовании и методах работы. Педперсонал осознал свое место в учебном производстве и обновляет свои знания. Хуже обстоит с вопросом оборудования. А без оборудования разве может быть производство? Много помогут превращению школы в «учебное производство» и пришкольные земельные участки, мастерские, а еще больше участие учащихся в общественном производстве—совхозах, фабриках, заводах и т. д. Обобществленных хозяйств в СССР много. При проведении системы переходного периода надо постепенно сближать школу с обобществленным производством, имея в виду в дальнейшем уничтожение существующих перегородок между учебным заведением и производством. Такое сближение надо начинать с небольшого—с целесообразных, рентабельных и выполнимых учебным производством заказов, со стороны обобществленных хозяйств—изготовить для производства деревянные или иные вещи в соответствии с программой данного учебного производства, расчистить полисадник, насажать в нем деревья, цветы, сделать изгородь и т. д. Чем сложнее программа учебного производства, тем сложнее должны быть и заказы. Целевая установка школы, как учебного производства, соответственно выработанная

программа, подготовка педперсонала как производственника, наличие оборудования, осознание учащимися целей и ближайших задач педагогического процесса, согласованность, плановость работы школы с окружающими предприятиями,—все это будет способствовать учебному заведению в его приближении к тому типу учреждений, которые именуются—«учебное производство социально-коммунистической силы». Само собой подразумевается, что в программах надо сделать еще большее ударение на приближении их к программам «учебного производства».

Сказанное относится не только к «детскому саду» или к «школе», но ко всем типам и учреждениям народного просвещения системы переходного периода. Здесь же об этом приходится говорить потому, что с «детского сада» и «школы» начинается система. И сразу же нужна определенная договоренность о внутреннем содержании каждого типа учреждений и их терминологии, так как дореволюционная терминология уже изжила свой век.

Целевой установкой всей второй ступени является углубление марксистско-ленинского мировоззрения на основе навыков и знаний общей грамотности (навыки по труду, организованности, санитарии и гигиены, чтению, письму, счету и пр. знания, политминимум, естествознание, география и пр.), необходимых каждому трудящемуся для дальнейшего получения квалификации социально-коммунистической силы первого разряда.

Ввиду того, что программа подготовительного учебного производства второй ступени включит вопросы общей грамотности, то существующая четырехлетка для детей явится основным учебным заведением этой ступени с возрастом учащихся от восьми до двенадцати лет (с трех до восьми в первой ступени). Учебные же производства этой ступени для подростков и взрослых являются временными хотя и длительными, пока не ликвидируется наследие царизма—их неграмотность и малограмотность.

Для подростков подготовительное учебное производство второй ступени должно быть трехгодичным, по программе четырехлетки с приспособлением ее к возрасту подростков.

Если то или иное учебное производство для детей или подростков является интернантного типа, то при нем обязательно должно быть какое-либо хозяйственное предприятие (мастерская, совхоз и пр.) или же учащиеся этих типов производства должны участвовать в том или ином обобществленном хозяйстве.

По различным местным соображениям учебные производства первой и второй ступени можно объединить, особенно, когда будет развертываться первая ступень в деревне.

б) Место учреждений «политпросвета» в системе; основные и вспомогательные учебные производства; какие «политпросветские» учебные заведения должны быть в новой системе?

Вопрос о том, что «политпросвет» не может занимать самостоятельного места в системе, рассмотрен в пункте VI. Учреждения же политпросвета весьма нужны для производства социально-коммунистической силы. Поэтому они должны иметь определенное назначение в системе, подобно тому, как в паровозе имеет свое назначение каждая его часть.

Для определения места политпросветских учреждений в системе надо выяснить ту роль, которую занимает каждое, а не только политпросветское просвещенское учреждение, в производстве социально-коммунистической силы.

При таком анализе отчетливо намечаются два ряда учреждений. Одни из них являются основными, которые систематически проводят свою работу с определенными учащимися самостоятельно, по установленной годовой или многогодичной учебной программе. Это все учебные заведения школьного типа. Другие же учреждения являются вспомогательными, которые хотя ведут и плановую работу, но варьируют ее в зависимости от запросов часто меняющейся клиентуры. Таковы, например, избы-читальни, библиотеки, музеи и пр. учреждения клубного типа.

В результате существующей самостоятельности «политпросвета» возникла оторванность политпросветских учреждений от соцвосовских и профобровских. Эта оторванность может быть ликвидирована, если применить распределение учреждений по принципу основных и вспомотательных внутри каждой ступени и каждого разряда с условием программного соподчинения вспомогательных учреждений основным. Возьмем пример из существующей системы. Школа первой ступени должна быть основным учреждением. Детские клубы, пионерские клубы, зимние и летние площадки для детей, детские уголки и клубные комнаты, детские театры, детскинотеатры, детские библиотеки, детские отделения общих библиотек и прочие детучреждения клубного типа являются вспомогательными. Программа их работ целиком вытекает из программы и целевой установки школы первой ступени. Они не только все должны быть «согласованы», но и крепко увязаны между собою. В вспомогательных учреждениях применение программы находит широкий простор в детском творчестве, играх, всевозможных вариантах и уклонах в сторону самого разнообразного трудового процесса (по дереву, бумаге, металлу, в сельском хозяйстве и пр.). Даже детские чайные и столовые должны быть использованы как вспомогательные учебные производства, так, например, они должны приучать детей к навыкам гигиены, общественности, обращению с посудой и т. д. Те жалобы, которые обычно слышатся со стороны педагогов на большой объем программы, должны находить ответ не в показательном уроке инспектора или в работе «опытной» школы, а в работе этих вспомогательных учреждений (плюс, конечно, режим в педработе, удлинение учебного года, экономное использование времени и пр.).

Но кроме дополнительной проработки программы основного учреждения и ее всевозможного углубления в зависимости от проявляемых детьми интересов, на вспомогательные учреждения первой ступени должна ложиться и вторая задача—в условиях обычной работы детей выявлять и развивать в них те или другие полезные склонности и способности, и прививать им навыки и привычки согласно целевой установке программы первой ступени.

Ясно, что у каждого вспомогательного учреждения должна быть определенная программа, выработанная на основе соподчинения ее программе школы первой ступени и соответственно разветвленная, утвержденная Гусом, как это сделано для школ первой ступени.

Если взять все эти программы, то их общий комплекс более выпукло отобразит всю первоступенскую программу. Сама же школа первой ступени приобретает огромную помощь со стороны вспомогательных учреждений в проведении своей работы. И, в самом деле, у «самостоятельно»

теперь существующих различных детских учреждений имеются «самостоятельные» «целевые установки», в то время, как у всех этих учреждений должна быть одна цель—подготовка борца и строителя социализма, которая отображена в программе школы первой ступени и должна углубляться в остальных детучреждениях этого возраста.

То же самое с учреждениями для взрослых. Вспомогательными учреждениями к школе взрослых первой ступени по существующей системе, как к основному учреждению, должны являться красный уголок, изба-читальня, сельская библиотека и пр. Все они должны иметь свою программу, также утвержденную Гусом, соподчиненную программе школы взрослых первой ступени и вытекающую из нее. При таком распределении учреждений, основной задачей, например библиотеки в подборе книг, является возможно полное обслуживание книгами всех граждан в пределах программы первой ступени. Все вопросы программы подбором книг должны уточняться и углубляться так, чтобы общая первоступенская программа для взрослых в библиотеке получила свое полное выражение в этом книжном комплексе. Клиентами такой библиотеки должны являться не только учащиеся школ взрослых первой ступени, которых в деревнях, например, может и не быть, но все малограмотные граждане, поставившие себе цель—путем самообразования проработать программу школы первой ступени и получить соответствующее общеобразовательное и политическое развитие. Библиотека во многих местах явится самым практичным, близким к бюро самообразования и книжного обслуживания населения в пределах программ первой ступени. Но кроме этого у библиотеки как вспомогательного учреждения должна быть и другая задача—приучение населения к чтению книги и газеты, чтобы оно скорее могло пройти общий культурно-политический уровень первой ступени. Таким образом библиотека, проводящая работу своими библиотечными методами, явится хорошим вспомогательным учреждением при проработке программы первой ступени взрослым населением.

Изба-читальня также должна иметь свою определенную программу, утвержденную Гусом и соподчиненную программе школы первой ступени. Отдельные вопросы школьной программы она детализирует и более применяет к условиям своей местности. Такую работу избе-читальне проводить более удобно, так как она имеет свои особые методы работы (громкое чтение, вечера вопросов и ответов, инсценировки и пр.).

Целевой установки всех этих учреждений касаться не приходится, поскольку она дается им программой первой ступени.

Вот в самых схематичных чертах положения, которые должны занять основные и вспомогательные учреждения в системе переходного периода по роли их участия в самом педагогическом процессе производства социально-коммунистической силы. Это касается не только учреждений, взятых для примера, но и всех остальных. Потребуется очень кропотливая работа над выработкой программы вспомогательных учреждений, так как большинство из них таковых теперь не имеют.

При распределении всех просвещенских учреждений на вспомогательные и основные каждое учреждение политпросвета в системе переходного периода занимает именно свое место с большим программным содержанием, тесно связанным с работой других учреждений, чего в существующей системе нет.

Теперь возникает вопрос, какие учреждения политпросвета отнести к основным, а какие к вспомогательным, а также как их все распределить по разделам системы? Учреждения школьного типа должны быть основными, а клубного типа—вспомогательными. В первый раздел войдут те учреждения политпросвета, которые ведут работу в пределах общей грамотности, а во второй—те, которые или сами выпускают социально-коммунистическую силу данной специальности (совпартшкола), или могут быть для нее в качестве вспомогательных. Все же остальные должны быть реорганизованы в те или иные учебные производства второго раздела. Вот общий принцип, из которого надо исходить.

Прежде чем распределять политпросветские учреждения по новой системе, надо внести в них некоторые коррективы. Так, например, совершенно нецелесообразно существование ликпунктов, вечерних школ I ступени, одногодичных и общеобразовательных курсов, общеобразовательных систем переходного периода, школ повышенного типа и пр. Если ко всем этим учреждениям прибавить профобрские курсы и школы, то получится некий учебный лабиринт, в котором не трудно запутаться даже грамотному рабочему. В системе переходного периода для неграмотных и малограмотных взрослых должно быть одно подготовительное учебное производство второй ступени с двухгодичным курсом в объеме программы детской 4-летки, примененной к взрослым. Двухлетняя продолжительность обучения не помешает открывать это учебное производство и отдельными классами, так, например, в тех местах, где нет неграмотных, оно может функционировать со 2-го класса. Объединяя ликпункт и школу взрослых, подготовительное учебное производство второй ступени для взрослых будет более пригодным для создания резерва социально-коммунистической силы общей грамотности, чем существующие разрозненные учреждения. Такое объединение также выгодно в административном отношении (одно лицо вместо двух, как теперь), в установлении единства программы (вместо существующих двух и требующих большей увязки между собою) и с агитационной стороны, так как окончившие ликпункт обычно считают, что они свое образование закончили и не всегда идут в школу взрослых, в то время как по окончании первого класса у них не будет создаваться впечатления об окончании школы, и они стихийно потянутся за более сознательными товарищами во 2-й класс. Раздробленность учебного заведения для взрослых вначале на 3-месячный ликпункт, затем четырехмесячный, шестимесячный, наконец годовой, отдельную школу взрослых I ступени и пр.,—все это влияние первых годов революционной горячки. В переходный же период нужна планомерная, основная и добротная работа в подготовлении кадров широких слоев населения для пуска их в учебные производства социально-коммунистической силы.

Что же касается одногодичных «общеобразовательных» курсов, «общеобразовательных» школ повышенного типа политпросвета, имеющихся в существующей системе, то в системе переходного периода их быть не должно, так как рабочему и крестьянину нужны прежде всего не знания «общеобразовательные», т. е. говоря откровенным языком—знания непроизводственные, не применимые непосредственно в производстве, хотя и могущие быть использованными где-то и когда-то при случае, именно общие, не конкретные, а знания, дающие на основе общеобразовательного минимума (включая, конечно, и марксистско-ленинский) определенную профессиональную квалификацию или подновляющие существующие. Политпросвет плюс профобр—вот чем надо заменить все эти «общеобразовательные» учреждения политпро-

света. Такие учебные производства различных разрядов по квалификации имеются во 2-ом разделе новой системы. Избы-читальни, библиотеки, клубы и пр. учреждения остаются в системе в качестве вспомогательных к основным учреждениям разных ступеней и разрядов.

в) Место курсов в системе.

Что же касается всевозможных курсов как политпросветских, профобрских, так и других, то в них также надо внести определенную систематизацию. Большей частью различные курсы возникают стихийно и каждый раз со значительно измененной программой. Это непостоянство курсов и текучесть их программы не дает им возможности хорошо наладить работу, точно определить квалификацию продукции на основе общепринятой квалификации и занять им место в системе. Такая курсовая работа, не поддающаяся хозяйственному планированию, в новой системе иметь место не должна. Все курсы надо разбить на две категории (как общеобразовательные, так и специальные)—к первой отнесутся курсы, проработывающие часть того или иного учебного производства (за $^1/_4$, $^1/_2$, $^3/_4$ программы), а ко второй—курсы, обновляющие знания в пределах существующей квалификации работников. Следовательно предстоит большая работа по выработке стандартных программ для курсов по производству социально-коммунистической силы различных специальностей и квалификаций. Курсы должны относиться к той ступени или разряду, частью которого будут являться. Так, например, вместо «воскресных школ для взорслых», могут быть воскресные курсы по концентрам ($^1/_4$ программы подготовительного учебного производства взрослых второй ступени в каждом концентре) и т. д. Так же и по концентрам подготовительного учебного производства второй ступени надо организовывать курсы общей грамотности и для сезонников, чтобы они в несколько сезонов могли пройти всю программу первого раздела. Этот же способ облегчит распределять сезонников по группам, поскольку образовательный уровень их неодинаков.

По отношению же к специальным курсам различных разрядов такое деление курсов и вовсе должно внести определенную планомерность и учет в создании за требуемый короткий период новой квалифицированной силы и в подновлении ее знаний в пределах имеющейся квалификации.

г) Место в системе «бюро заочного обучения», «бюро самообразования» и «экстернат».

Ввиду распределения всего производства социально-коммунистической силы на ступени и разряды, то и все «заочное обучение» должно распределиться так же. Каждое бюро должно быть вспомогательным учреждением, проводящим свою работу по обычной программе соответствующего учебного производства, со своими особыми методами. Что же касается «бюро самообразования», то все его функции надо передать в заочное обучение, которое должно помогать клиентам не только в проработке целой программы, но разных отдельных вопросов как заочно, так и лично. Бюро заочного обучения и самообразования как вспомогательное учреждение должно готовить экстернов за то или иное учебное производство. Такие же экстерны могут быть и в порядке индивидуальной проработки программы того или иного учебного производства.

Массовое появление экстерната будет весьма нужным и полезным, так как это ускорит подготовку социально-коммунистической силы без существенных затрат со стороны государства. Нужно только эту работу влить в правильное русло. Каждый проработавший программу того или иного учебного производства вне стен этого заведения уже является экстерном. В особо отведенный в году срок при учебных производствах должна производиться проверка проработанного материала не в форме «экзамена», а в форме обычных учебных занятий в течение недель двух с участием экстернов в общественной работе и, по возможности, в производстве. При этом должно приниматься во внимание участие в производстве и общественной работе во время самой подготовки в течение последнего года. Такая постановка в корне изменяет экстернат, вносит в него элементы общественности, коллективизма, делает его более привлекательным и доступным для всех тех, кто по разным обстоятельствам не может посещать школу. Примененный в такой форме экстернат дает возможность выйти из учебного производства с определенной квалификацией, не будучи в нем.

Из-за отсутствия достаточного количества школ, служебных, семейных и др. обстоятельств заочное обучение и самообразование, а также и институт экстернов должны получить среди рабоче-крестьянских масс широкое применение и особо важное значение.

д) Место печати в системе.

Подобно политпросветским учреждениям печать не может иметь своего «самостоятельного» места в системе. Она тоже является вспомогательным орудием в производстве социально-коммунистической силы, но орудием одним из главнейших. Как вспомогательное орудие, печать также должна ориентироваться на определенный кадр читателей и программный предел того или иного учебного производства социально-коммунистической силы, но орудием одним из главнейших. В принципе такое деление частично существует («Крестьянская газета», «Правда», «Учительская газета», литература для школ I ступени, II ступени, совпартшкол, вузов и т. п. Но только этот принцип надо углубить и довести его до конца, определенно разграничив всю периодическую и непериодическую печать в соответствии с программой учебных заведений на ступени (первый раздел) и разряды (второй раздел) системы. Учебную литературу второй ступени видно уже по обложке. За ней не потянется вузовец, архитектор, железнодорожный стрелочник, дворник. Она нужна определенному кадру читателей и для него представляет большую ценность. Так же должна быть разбита и вся остальная печать, чтобы на каждой книжке, газете, журнале и пр. было точное обозначение читателя какой ступени или разряда она обслуживает. Это уже будет предполагать и ориентировку данной печатной продукции на основное учебное производство той или иной ступени или разряда. Такое распределение и ориентацию печати на программные задачи, вытекающие из программ определенных учебных заведений, нельзя провести ни в одной стране, кроме советской, так как

государственное планирование возможно только у нас. Для печати такое разграничение должно наметить определенное содержание, определить язык изложения и направление по разным ступеням и разделам, еще больше ее специализировать, предназначить точно определенному кругу читателей, которому она подходит по развитию и интересу, что создаст возможность наибольшего охвата читательской массы.

Ориентация печати на программный предел учебных производств социально-коммунистической силы не только не сузит круг вопросов печати или введет в них сухость, но значительно усилит спрос на соответствующую книжку и газету, а также разломает перегородки, все еще существующие между школой и печатью.

е) Место учреждений «профобра» в системе.

«Профобр» самостоятельного места в системе иметь не может. Существующие же учреждения «профобра» нужны и должны быть. Они входят во второй раздел системы, кроме них в этом разделе нет ничего, поскольку работа всех его учреждений должна быть обращена на производство социально-коммунистической силы различной квалификации.

Самое название «социально-коммунистическая сила» говорит за то, что она должна быть прежде всего социально-коммунистической, но имеющей различные специальности. Значит, термин «профобр» весьма узок и не может отображать сущности учебных производств. Ему так же как и прочим устаревшим терминам нет применения в системе переходного периода.

Существующее деление «профобрских» учреждений является путанным. Имеется несколько типов школ фабрично-заводского, конторско-торгового и пр. ученичества, профессиональных школ, профессионально-технических курсов, бригадных ученичеств, школ крестьянской молодежи и пр. Во всех этих учебных заведениях разобраться очень трудно не только подростку, но и не посвященному взрослому. В новой системе все эти путаницы устраняются. Вместо многочисленных названий вводится одно «учебное производство». Все учебные производства второго раздела делятся на разряды, в зависимости от квалификации выпускаемой продукции. Таких разрядов пять.

Целевой установкой учебных производств второго раздела (всех пяти разрядов) является подготовка на марксистско-ленинских основах социально-коммунистической силы, нужной для строительства социализма и обороны СССР, путем участия учащихся в производстве, общественной работе и приобретения ими соответствующих политических, общеобразовательных и специальных знаний.

Эта целевая установка должна быть ярко отражена не только в программах, но и в работе всех учебных производств.

Целевая установка каждого разряда определяется целевой установкой всего второго раздела и конкретизирует квалификацию выпускаемой учебными производствами продукции.

Предельный возраст для общего образования детей снижен с 17 лет до 16. Следовательно в системе должны быть детские общеобразовательные с политехническим минимумом учебные производства, охватывающие детей, по крайней мере до 16 лет. В зависимости от производственного окружения—заводского или сельскохозяйственного, в программе делается соответствующий уклон, как это частично имеет место теперь. Эти общеобразовательные производства нельзя отнести к первому разряду, так как они значительно расширяют кругозор учащихся и создают в них основы социально-коммунистической силы низшей и средней квалификации.

Общеобразовательная программа этих детских учебных производств должна являться общеобразовательным минимумом для всех учебных производств подростков и взрослых аналогичных разрядов всех специальностей. Так, например, программный минимум детского учебного производства первого разряда (двухлетний курс обучения) должен являться основой для общеобразовательного минимума учебных производств того же разряда всех специальностей низшей квалификации и т. д. При разбивке политического и общеобразовательного программного минимума на курсовые концентры в нем необходимо соблюдать известную законченность, постепенно усложняющуюся в каждом курсовом концентре.

Задачи культурной революции требуют создания не просто «спецов», но борцов и строителей социализма, обладающих, помимо всего прочего, политическими и общеобразовательными знаниями.

«Для того чтобы обеспечить наше существование до следующего военного столкновения между контрреволюционным империалистическим Западом и революционным и националистическим Востоком, между цивилизованнейшими государствами мира и государствами по-восточному отсталыми, которые, однако, составляют большинство,—этому большинству нужно успеть цивилизоваться. Нам тоже не хватает цивилизации для того, чтобы перейти непосредственно к социализму, хотя мы и имеем для этого «политические предпосылки» [1].

Поднятие культурного уровня должно начинаться одновременно с получением специальных знаний. В существующей же системе единый минимум преимущественно выдерживается только в отношении политических дисциплин. Проведение единого политического и общеобразовательного минимума во всех учебных производствах в соответствии со ступенным разрядом весьма сложно и в некоторой мере задержит выпуск продукции учебных производств. Но без нее не подготовить борцов и строителей социализма (конечно, должно быть наличие и других соответствующих факторов). «Лучше меньше, да лучше».

Первый разряд включает в себя такие учебные производства, которые ставят своей задачей охватить организованным обучением, кроме детей, широкую рабоче-крестьянскую массу подростков и взрослого населения, из которой должна создаться в течение двух лет социально-коммунистическая сила первого разряда. Учебные производства этого разряда должны быть таких специальностей, какие нужны в данный момент и потребуются в ближайший период для социалистического строительства всем нашим хозорганам, учреждениям, организациям и пр. Поэтому должен быть точный учет потребности в такой силе, а также переквалификация существующей, чтобы в социалистическом строительстве точность и быстрота выполнения заняли подобающее им место. У нас каменщик-сезонник в день выкладывает 250—300 кирпичей, в то время как американ-

[1] В. И. Ленин, т. XVIII, ч. II, стр. 157.

ский—от 1 700 до 2 000, ясно, что при таком умении работать мы не скоро построим социализм. Эта сила кустарная, не бывшая в учебном производстве. Нам «нужно взять всю науку, технику, все знания, искусство. Без этого мы жизнь коммунистического общества не построим» [1]. Известную долю науки, техники, общих знаний, искусства, должен иметь каждый рядовой строитель социализма, в том числе и каменщик. Его нужно пропустить через учебное производство, чтобы из него получилась социально-коммунистическая сила. Следовательно должен быть чрезвычайно широк охват рабоче-крестьянской массы учебными производствами первого разряда.

В связи с социалистическим строительством должны возникнуть новые учебные заведения разных специальностей, в том числе для взрослых крестьян—«учебное производство советского крестьянина», долженствующее им дать кооперативные с.-х. знания первого разряда, на основе политико-общеобразовательного минимума учебного производства этого разряда.

Отдельные учебные производства разных специальностей должны быть и для подростков (реорганизованные профшколы, курсы и пр.).

Все это в основном касается и остальных разрядов.

Во втором разряде, производящем социально-коммунистическую силу средней квалификации, должно иметься общеобразовательное учебное производство с политехническими навыками и знаниями для детей в возрасте от 14 до 16 лет.

В третьем же разряде такой тип учебного производства массовым явлением пока быть не может (по желанию населения и соответствующих органов). Но все же он нужен для подростков от 16 до 18 лет, так как в дальнейшем временное снижение возраста от 17 до 15 лет для профобразования должно быть отменено. Общеобразовательные учебные производства третьего разряда с политехническими навыками и знаниями будет завершающим все общее образование детей и подростков.

В виду того, что в переходный период особенно остро ощущается нужда в руководителях партработы и разработке вопросов коммунизма, то в системе выделены специальные коммунистические учебные производства для партсостава.

С. Н. ПОЛЯНСКИЙ.

К ВОПРОСУ О ПОЛИТЕХНИЧЕСКОМ ОБРАЗОВАНИИ.

(В порядке обсуждения).

Октябрьская революция выдвинула в деле народного образования идею политехнической школы, а между тем еще до сих пор у нас нет полной ясности в вопросе о том, что же такое политехническое образование.

Для обоснования политехнического образования обычно приводят то место из резолюции Женевского конгресса I Интернационала, где Маркс расшифровывает содержание понятия «образование» (Bildung).

При этом пользуются тем переводом этой резолюции на немецкий язык, который был дан Ф. Беккером в издававшемся им журнале «Vorbote» (№ 10 за 1866 г., стр. 149—151).

[1] В. И. Ленин, т. XVI, стр. 72.

Беккер следующим образом переводит соответствующее место резолюции: «Unter Bildung verstehin wir drei Dinge: Erstens: Geistige Bildung. Zweitens: Körperliche Ausbildung... Drittens: Polytechnische Erzichung...» (стр. 150—151). (Под образованием мы понимаем три вещи: первое—духовное (умственное) образование, второе—физическое развитие, третье—политехническое воспитание).

Однако в книге Eichoff'a «Die Internationale Arbeiterassociation», вышедшей в 1868 г., мы находим несколько иной перевод этого же места; а именно: «Unter Erzichung seien drei. Diuge zu verstehen: Erstens: Ausbildung des Verstandes. Zweitens: Ausbildung des Korpers... Drittens: Technologiche Erziehung... (стр. 25). (Под образованием надо понимать три вещи: первое—развитие ума (умственных способностей), второе—развитие тела, третье—технологическое воспитание.)

В этом переводе говорится уже не о политехническом, а о технологическом воспитании. Тот факт, что Беккер при переводе резолюции с английского на немецкий допустил ошибку подтверждает и Каутский в своей статье «Die «Internationale» und die Schule», напечатанной в № 52 «Die Neue Zeit» от 19 сентября 1894 г.

В этой статье Каутский приводит резолюцию Женевского конгресса, пользуясь, как он говорит, переводом, помещенным в «Vorbote», но «с некоторыми стилистическими изменениями, которые нам кажутся необходимыми. Первоначальный текст был английский, и опубликованный в «Vorbote» перевод не вполне удовлетворителен (mangelhaft) («Die Neue Zeit», стр. 824).

Исправления, которые внес Каутский, касаются и термина «polytechnicshe», который Каутский заменяет термином «technische».

И действительно, ни в одной из работ на немецком языке Маркс не употребляет термина polytechnische в указанном смысле, а употребляет термины «technologische» или «technische». Так, в первом томе Капитала», который Маркс «переписывал начисто» в период Женевской конференции, как он об этом сообщает в письме к Кугельману, он говорит, что «неизбежное завоевание политической власти рабочим классом завоюет надлежащее место в школах рабочих и технологическому обучению как теоретическому, так и практическому (technologische Unterricht, teoretisch und praktisch).

В «Критике Готской программы», написанной в 1875 г., он говорит, что необходимо требовать технического обучения (теоретического и практического) technische Schulen (teoretische und praktische).

Термин же «politechnische» и в резолюции Женевского конгресса, и в первом томе «Капитала» Маркс употребляет для обозначения технической школы с несколькими специальностями, т. е. для обозначения профессиональной школы, как этот термин употребляется и в настоящее время у нас и за границей, когда говорят: «Политехнический институт», «Индустриальный политехникум» и т. п.

Если вспомнить сколько бед наделала нам приставка «п о л и» в истории нашей школы (ср., напр., противопоставление монотехнизма политехнизму, на нелепость которого (противопоставления) указывал Ленин), то быть может было бы целесообразнее отказаться от пользования этим термином.

Но не в термине, конечно, дело. Гораздо важнее то, что в понятие политехнизма у нас вкладывают не то, что вкладывал Маркс в понятие технологического или технического образования.

Наиболее распространенной ошибкой у нас является противопоставление политехнического образования профессиональному. Маркс же не противопоставляет технологического образования профессиональному.

В резолюции Женевского конгресса Маркс, как он об этом пишет

Кугельману, «ограничился намеренно такими пунктами, на которых рабочим можно непосредственно согласиться и действовать совместно и которые дают потребностям классовой борьбы и организации рабочих в класс непосредственный материал и толчок к развитию» (письмо стр. 31).

Резолюция «о женском и детском труде» подчеркивает, что в ней «в данный момент вопрос касается лишь детей рабочего класса», т. е. детей, которые работают в производстве, и резолюция требует, чтобы работа детей допускалась лишь «под условием, чтобы производительный труд был соединен с образованием». «Под образованием же, говорит резолюция, мы понимаем три вещи: 1) умственное развитие, 2) физическое развитие и 3) техническое воспитание...».

Эти мероприятия резолюция считает «абсолютно необходимыми, как противодействие тенденциям системы общественного производства, которая низводит рабочего до роли простого инструмента накопления капитала».

Таким образом резолюция требует, чтобы ребенок, занимаясь производительным трудом, не ограничивался т о л ь к о приобретением тех или иных профессиональных навыков, так как это делает его бессознательным «инструментом накопления капитала», но и получал бы теоретические знания, которые помогли бы ему научно осмыслить процессы производства, научили бы его выполнять не только «детальную функцию», которую он уже сейчас выполняет, участвуя в производстве, но и облегчили бы ему переход на другую работу, если это будет нужно.

Как видим, Маркс не противопоставляет технологическое (политехническое) воспитание профессиональному, но лишь у к а з ы в а е т о п р е д е л е н н о е с о д е р ж а н и е профессионального обучения, которое должно сделать из рабочего не «инструмент накопления капитала», а поднять его «на гораздо более высокий уровень, чем тот, на котором теперь находится средний и высший классы общества». Средством к этому является технологическое (техническое) воспитание.

Это средство Маркс н е в ы д у м ы в а е т, а н а х о д и т, о т к р ы в а е т в з а ч а т к а х у ж е в ш к о л е к а п и т а л и с т и ч е с к о г о о б щ е с т в а. Таков вообще метод Маркса и Энгельса: не выдумывать средств к устранению того или иного явления, а находить их в уже существующих условиях. «Возрастающее понимание того факта,—говорит Энгельс,—что существующие общественные установления неразумны и несправедливы, что разум превратился в безумие, благодеяние—в муку, лишь признак того, что в методах производства и обмена тихо и незаметно произошли перемены, которым уже не соответствует общественный строй, приспособленный к прежним экономическим условиям. Этим в то же время сказано, что и средства к устранению обнаруженных неурядиц также должны—в более или менее развитом состоянии—заключаться в изменившихся производственных отношениях. Средства эти н е в ы д у м ы в а ю т с я из головы, но должны быть посредством головы о т к р ы т ы в наличных материальных условиях производства» (Анти-Дюринг).

Анализируя капиталистическое общество, Маркс действительно о т к р ы л школы, в которых «в более или менее развитом состоянии» осуществлялось то технологическое воспитание, которого требует резолюция Женевского конгресса. Установив, что «сама крупная промышленность делает вопросом жизни и смерти признание перемены труда, а потому и возможно большей многосторонности рабочих за всеобщий закон общественного производства», Маркс продолжает: «одним из моментов этого процесса переворота, стихийно развившемся на основе крупной промышленности, являются polytechnische und agronomische Schulen, другим «ecoles d'ensegnement professionel», в которых дети рабочих получают некоторое знакомство с технологией и практическим применением различных орудий производства».

Мы видим таким образом, что Маркс ссылается на уже существующие в Германии и Франции п р о ф е с с и о н а л ь н ы е школы, и именно в них, в профессиональных школах, видит моменты переворота, так как в этих школах дети получают некоторое знакомство с технологией и с практическим применением различных орудий производства. Задача заключается в том, чтобы расширить это знакомство для «в о з м о ж н о большей многосторонности рабочих».

Необходимо подчеркнуть, что Маркс говорит о «в о з м о ж н о большей многосторонности», в то время как у нас часто полагают, что технологическое (политехническое) воспитание должно охватить в с е отрасли производства или во всяком случае большинство. А между тем и Маркс и Энгельс ш и р и н у охвата ставили в зависимость от потребности общества.

В «Принципах коммунизма» Энгельс, отвечая на вопрос: каковы будут последствия окончательного устранения частной собственности?—между прочим указывает: «воспитание позволит молодым людям быстро знакомиться со всей системой производства, оно позволит им поочередно переходить от одной отрасли производства к другой, в з а в и с и м о с т и о т п о т р е б н о с т е й о б щ е с т в а или собственных склонностей».

Как видим, даже в обществе, где о к о н ч а т е л ь н о уничтожена частная собственность, переход из одной отрасли производства в другую Энгельс обусловливает потребностями общества, которые могут ставить предел этого перехода. Ясно, что, чем дальше общество от о к о н ч а т е л ь н о г о уничтожения частной собственности, тем меньше возможность перехода.

Таким образом М а р к с, в ы д в и г а я и д е ю т е х н о л о г и ч е с к о г о (п о л и т е х н и ч е с к о г о) в о с п и т а н и я, н е п р о т и в о п о с т а в л я е т е г о п р о ф е с с и о н а л ь н о м у о б у ч е н и ю, а, н а о б о р о т, М а р к с и с х о д и т и з п р о ф е с с и о н а л ь н о г о о б р а з о в а н и я, в к л а д ы в а я в н е г о т о с о д е р ж а н и е, к о т о р о е в ы т е к а е т и з т р е б о в а н и й с о в р е м е н н о й т е х н и к и п р о и з в о д с т в а.

Вообще во всяком образовании нужно различать форму и содержание. По форме образование может быть общим и профессиональным. Но когда мы говорим «общее образование» или «профессиональное образование»,—то этим мы ничего еще не говорим о содержании этого образования.

Общее образование может иметь (и имеет в настоящее время) различное содержание: оно может быть классическим и реальным, конфессиональным и светским.

То же относится и к профессиональному образованию.

Содержание образования определяется состоянием производственных сил. Школами, характерными для эпохи крупной индустрии, являются именно школы с технологическим содержанием обучения, о них-то и говорит Маркс, как о «моментах переворота».

Это относится как к школе общей, так и к школе профессиональной.

Так именно и ставит вопрос т. Ленин, когда в статье «О работе Наркомпроса» говорит об общем политехническом и профессионально-политехническом образовании.

Но возникает вопрос: все ли школы должны быть политехническими?

На этот вопрос можно ответить лишь исходя из анализа существующих в настоящее время экономических отношений. А этот анализ показывает, что мы имеем «по меньшей мере пять различных систем или укладов или экономических порядков, и, считая снизу до верху, они оказываются

следующими: первое—партиархальное хозяйство..., второе—мелкое товарное хозяйство..., третье—капиталистическое, четвертое—государственный капитализм и пятое—социализм» (Ленин, т. XVIII, ч. I, стр. 197).

Это обстоятельство говорит о том, что наряду с общеобразовательной и профессиональной политехническими школами должны существовать и школы не с политехническим содержанием.

Каково должно быть содержание этих иных школ—это самостоятельный вопрос, требующий особого детального обсуждения.

Конечно школа с технологическим (политехническим) содержанием как общая, так и профессиональная играет ведущую роль, специфицирует систему образования, но эта ведущая роль приобретается не столько количеством учреждений, сколько качеством этой школы, ибо задача «в относительно минимальный исторический срок нагнать, а затем и превзойти уровень индустриального развития капиталистических стран» (резолюция XV партконференции),—может быть решена только при условии качественного улучшения этого типа школы.

Попытки же сделать в с ю нашу общеобразовательную школу политехнической ведут лишь к распылению сил и средств. Общеобразовательная школа, как и профессиональная, должна иметь фуркации, не нарушающие ее единства.

Ленинград. *Н. Г. КАЗАНСКИЙ.*

ПЛАНИРОВАНИЕ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

К ПЕРСПЕКТИВНОМУ ПЛАНУ НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ[1].

I. ВВЕДЕНИЕ.

Исследование вопросов просветительного строительства под углом зрения народно-хозяйственного плана было поставлено впервые в широких всесоюзных показателях лишь год назад. В своих контрольных цифрах на 1927/28 г. и в первом наброске перспективного пятилетнего плана плановый центр поневоле ограничился лишь общими методологическими установками и общими же цифровыми показателями, в которых был отмечен тяжелый разрыв между двумя сопряженными сторонами социалистического строительства: высоким подъемом народного хозяйства, как такового, и относительно низким состоянием культурного его сектора. Тогда был дан ряд показателей, которые характеризовали диспропорцию в воспроизводстве квалифицированной рабочей силы—как по отношению к народному хозяйству в целом, так и внутри самого культурного сектора.

Минувший год богат целой серией политических актов, выступлений, прямых практических директив по вопросам просвещения. Эти акты и директивы позволяют сделать переход от общих плановых установок к разрешению крупных практических задач:

а) последовавшее за общей декларацией культурной революции решение XV съезда ВКП (б) по вопросам культурной революции выравняло культурный и хозяйственный фронты в одну линию: резкий общий подъем культурного уровня страны и упор школы на практическое разрешение задач народно-хозяйственной реконструкции сделались «большой посылкой» нашего планирования и руководства;

б) после этой общей декларации выступление председателя Госплана СССР, с одной стороны, и ВСНХ СССР—с другой, позволило подытожить наши достижения и конкретнее наметить вехи нового подъемного пути просветительного строительства;

в) за этими выступлениями последовал уже ряд прямых поручений руководящих органов, которые окончательно выводят плановую работу из полосы общих утверждений и общих же плановых наметок на путь постановок конкретно очерченных: решения пленума ЦК по вопросу о подготовке специалистов, постановления союзных правительств по введению всеобщего обучения, поручения СНК СССР по вопросам унификации некоторых специальностей высшей школы, по изучению системы школ для детей рабочих и ряд других частных—все более детали-

[1] Авторизованные выдержки из стенограммы доклада президиуму Госплана СССР.

зируемых по теме—заданий плановым органам, обязывают к внимательному обозначению тех позиций, через овладение которыми мы сделаем наш перспективный план творческим и убедительным.

Замечательная особенность некоторых из этих уже немалочисленных и весьма сложных поручений заключается в том, что в своем содержании они дают (прямо или косвенно) ряд практических указаний, даже количественных лимитов. Внимательное толкование одних этих конкретных указаний дает само по себе вполне достаточный материал для постановки основных, направляющих, проблем перспективного плана по просвещению.

Важнейшими такими направляющими проблемами мы считаем:

а) в области общего поднятия культурного уровня—всеобщее обучение детей и ликвидацию неграмотности взрослых;

б) в области воспроизводства квалифицированной рабочей силы: 1) подготовку специалистов для промышленности, 2) повышение квалификации рабочей массы и крестьянства;

в) в углублении диктатуры пролетариата—степень и характер охвата его детей школой.

Другие весьма важные просветительные формы и соответствующие немаловажные вопросы просветительной политики могли бы быть поставлены наряду с этими. Но в нынешней стадии работ надо в интересах выразительности постановки ограничить начертание основных линий плана этими важнейшими вопросами, разрешение которых, как нам кажется, в значительной мере предопределяет характер анализа и решений по многочисленному ряду других.

II. О КОЛИЧЕСТВЕ И КАЧЕСТВЕ.

Чем глубже вникаешь в разработку отдельных вопросов плана просвещения, тем выпуклее встает труднейший вопрос: как разрешить кажущееся порой очевидным противоречие между количественными и качественными требованиями просветительного строительства? В иных случаях необходимо, чтобы руководящие товарищи директивно разъяснили плановому и оперативному работнику самое понимание темы, авторитетно ответили на ряд недоуменных частных вопросов, ибо нередко самое понимание темы или ответ на тот или иной кажущийся частным вопрос, в сущности, определяют курс, политику осуществления крупнейших заданий.

Такова, например, задача всеобщего обязательного обучения детей. Как понимать это задание?

Вопрос 1-й. Имеется ли в виду полный, обязательный и для населения, охват детей 8-летнего возраста в определенном начальном году (по решению СНК РСФСР—обязательный охват восьмилетних в 1933—1934 г.) с тем, чтобы возрасты 8—11 лет были в течение 4 лет за этим начальным охвачены полностью? Имеется ли в виду обозначение конечного года полного охвата детей определенной группы возрастов с тем, чтобы самый процесс охвата протекал для разных групп различно (например, в первую очередь «уловить» старшие возрастные группы и последовательно более младшие группы)? Как понимать обязательность: обязывают ли родителей отсылать в школу ребенка в течение четырех лет к ряду, независимо от начального возраста, будь то начало в 8 л. лли 10 с половиной, или же с истечением формально названного года (11 лет) прекращается и обязанность, повинность? Вопрос небезразличный, ибо в зависимости от ответа различно группируется сеть и все, что с ней связано, а вместе с этим позникает ряд различно поставленных дополнительных отягчающих тему вопросов.

Обычно план всеобщего обучения понимается в смысле обозначения начального года и возраста охвата: в 1933—1934 г. начать охватом всех восьмилеток и таким образом «естественно» довести через 4 года до охвата всех четырех возрастов от 8—11 лет. При внимательном разборе вопрос оказывается не так прост.

Вопрос 2-й. Как повлияют переростки на осуществление плана? В начальной школе их теперь свыше 25%. Имеется ли в виду, выпустив их из школы в ближайшие годы, резервировать места только для нормальных возрастов? В таком случае, как быть с теми, кому к началу введения исполнилось 9—10 лет? Далее:

Вопрос 3-й. Следует ли понимать всеобщее обучение лишь формально, т. е. в строгих рамках охвата 8—11-летних в определенный период, в данном случае, четырехлетний? Или же надо поставить эту тему шире, как полную ликвидацию неграмотности детей и подростков определенного возраста в определенный срок? Если тема ставится так, то перед нами сложнейшая задача создания наряду с сетью школ всеобщего обучения не менее (если не более) значительной сети школ для переростков, которые в ежегодном «недохвате» начальной школой образуют ежегодно нарастающий, подобно снежному кому, тяжкий осадок неграмотных.

Все эти вопросы не раз вставали перед работниками просвещения. Но разрешить их можно лишь в широком плановом ракурсе, где возможности финансовые, организационные и общесоциальные (ломка быта) были бы внимательно учтены и согласованы.

Но за всеми этими (поневоле упрощенными) вопросами видна только количественная сторона: сколько детей вовлечь в школу. Гораздо сложнее качественная сторона:

а) как гарантировать полный четырехлетний курс обучения? Средний срок обучения в деревне, по нашим подсчетам, фактически сводится к 2,3 года: известно, что в деревне 10-летний ребенок—полуработник в хозяйстве. Здесь огромная задача: ломки деревенского быта, быта—хозяйствования;

б) как обеспечить качество обучения, его эффективность? Это, в основном, вопрос о резком подъеме нормы расходов на одного учащегося—о большом повышении оклада учительству (не менее, чем вдвое), о неслыханном ранее школьном строительстве—едва ли меньше, чем на 1 миллиард в пятилетие, о сильном повышении нормы учебных расходов в бюджете школы...

Каждая из названных двух сторон этого одного вопроса о всеобщем обучении представляется в отдельности разрешимой: можно довести контингент низшей школы к концу пятилетия до 10 с лишним миллионов учащихся, т. е. до той границы, от которой можно бы плавно перейти ко всеобщему обучению, можно, обратно, легко повысить до здоровых, продуктивных, норм расходы на учащегося и тем повысить эффективность. Но как сопрячь то и другое—количество с качеством? Если мыслить финансовую сторону вопроса в привычных объемах последних лет, задача кажется неразрешимой: речь идет не об удвоении расходов на эту школу, а, пожалуй, о 5—6-кратном увеличении бюджета в одной только этой части.

И тем не менее она представляется нам разрешимой. Цена этого решения в резких не столько финансовых, сколько организационных перестройках. Наши предложения—позже.

Рядом с этим должен быть поставлен вопрос о ликвидации неграмотности взрослых. Если в вопросе о всеобщем обучении детей на полноценное разрешение вопроса давили и давят покуда бюджетные тиски, то в вопросе ликвидации неграмотности взрослых

перед нами во весь свой рост встают вопросы организационного порядка. По имеющимся данным расход на одного учащегося школы ликбеза не превышает 10 руб. И при такой жалкой норме ведомства не решаются (в итоге по всему Союзу) ставить в наметку плана цифру охвата выше 2 млн. человек. Не трудно видеть, что в таких ограниченных цифрах: 1) лежит гарантия того, что проблемой ликвидации неграмотности будут заняты, как массовой проблемой и наши потомки, 2) что какой-то тяжкий организационный минимум давит в таком незаконно пессимистическом направлении.

Мы позволяем себе высказать такое на первый взгляд неожиданное мнение: как раз в этой дешевизне обучения взрослых вся причина неудач с ликбезом. Здесь перед нами типический пример незаконной экстенсивности некоторых наших установок. Краткий срок обучения, примитивная программа, несмотря на все старания методистов, превращающая большое хозяйственно-политическое дело в малоэффективное натаскивание,—за всем этим быстрый рецидив неграмотности, а надо всем этим (причина, подоплека неудач)—слабая заинтересованность населения. Вот редкий случай, где качество должно бы перейти в количество. Ограничить возраст вовлекаемых в школы ликбеза активными возрастами, связать «словесную» ликвидацию неграмотности с ликвидацией неграмотности профессиональной, вести дело к тому, чтобы окончание школы ликбеза прямо повысило квалификацию рабочего на одну ступень, подняло бы его заработок на один разряд, чтобы окончание деревенской школы ликбеза повысило урожайность крестьянского поля на 1%—вот путь, какой может вывести эту проблему из очевидного тупика. Не даром из года в год падает в местном бюджете этот относительно малый расход—на ликбез. И, конечно, не в недостатке педагогов, не в недостатке средств причина этой опаснейшей из наших бед. Здесь вся беда, говорим мы, в том организационном минимуме, который мы непростительно допустили, еще допускаем и не смеем допускать впредь.

Организационным по преимуществу и, притом, организационным в узком, почти ведомственном смысле этого слова, представляется нам и другая, близко поставленная к ликбезу задача массового повышения квалификации рабочих. В этом случае перед нами есть прямой адресат, к которому должны быть направлены претензии: это промышленность, как таковая, и наши профсоюзные организации. Острая необходимость во всемерном развитии курсов професссиональной подготовки и переподготовки сознана давно. ВСНХ даже определил процент рабочих, какие должны быть вовлечены в профессиональную подготовку—процент высокий.

Каждодневные самые злые демонстрации наших дефектов в повышении производительности труда достаточно ярко сигнализируют опасность на этом участке социалистического строительства. Наконец, опыты осуществления краткосрочной подготовки, технического воспитания рабочих, проводимые Цитом, прямо обозначают тот организационно-методический путь, по которому надо итти... И тем не менее, до сих пор не удается поставить курсовую подготовку в широком массовом масштабе. Наоборот, проведенный нами анализ строя массовой рабочей силы показал нам, что за последние 2-3 года наплыв неквалифицированного труда захлестывает нашу промышленность, что удельный вес труда квалифицированного падает. Здесь перед нами яркий пример незаконной победы экстенсивного, количественного, начала над качественным. И это перед лицом нашей технической реконструкции на фоне растущих капитальных вложений. На всю страну должно прозвучать резкое предостережение по адресу промышленности (не только промышленности).

В той наметке 5-летнего плана, которую набросал Госплан СССР, предположено довести охват рабочих курсами квалификации до 500 тысяч к концу пятилетия. Спорам об организационных возможностях, жалобам на недостаток учителей мы предлагаем упорно противопоставлять очевидные требования народно-хозяйственной реконструкции, явную опасность разрыва между объемом материальных вложений и человеческих ресурсов, крепкую веру в силу организованной общественности.

Должна быть разработана детальная система курсов подготовки, должен быть разработан и осуществлен четкий и широкий оперативный план. В противном случае мы в ближайшие же годы станем перед бедой, которую не устранят никакие кадры школьных специалистов.

Яркий пример победы узких количественных подсчетов над нашими качественными порывами дает нам исследование всей системы рабочего образования. Мы не говорим уже о системе вечерних рабочих школ. Их у нас ничтожное количество. Даже развитию ФЗУ из года в год кладется жесткий предел практическими расчетами, оперативными балансами промышленности, проводимыми на сегодняшний день. В школе ФЗУ мы видим (хотим видеть) школу будущего. На нее мы возлагаем основные надежды в планах расширенного (качественно и количественно) воспроизводства квалифицированной рабочей силы. А на практике—в особенности, последний год—мы видим тенденцию к снижению. Мотив—текущий хозяйственный расчет. Но не обойдется ли нам эта практическая добродетель слишком дорого в будущем? Не является ли такой узкий практический расчет близорукостью, опасной близорукостью? Мы обращаем внимание на такое любопытное явление: когда мы делаем набросок перспективного плана, мы получаем более или менее высоко подвигающуюся кривую,—когда приступаем к монтировке годовой контрольной цифры перед нами для данного годового отрезка — снижающая кривая. В результате возможный, реальный перспективный план идет по равнодействующей весьма своеобразного параллелограмма сил, которую нельзя характеризовать иначе, как равнодействующую борьбы между необходимыми устремлениями к социалистическому строительству и тяжким торможением текущего оперативного расчета. Законно ли такое положение?

Значение этой нашей жалобы предстанет перед нами тем более серьезным, если будет принято во внимание, что такой своеобразный параллелограмм сил до сих пор характеризовал большинство наших расчетов по просвещению.

Мы не останавливаемся на подробном перечислении многочисленных таких узких мест. Отметим лишь один из опаснейших фронтов—сельскохозяйственный, крестьянский. Лишь недавно в плановых органах был поставлен вопрос: что мог бы дать просветительный сектор в выполнении задачи по удвоению урожая? В ответ на этот вопрос секция труда Госплана СССР дала набросок плана, где попыталась изобразить возможный культурный профиль деревни через 5 лет. В этом наброске были перечислены те специальные усилия, какие должны быть применены для выполнения такой грандиозной задачи. Центральное место в этом случае было отведено системе массовых курсов для крестьян. При этом было показано, что такие ударные мероприятия потребуют немного более 200 млн. руб. сверх тех средств, которые проектированы в минимальном варианте перспективного плана. Вот замечательный случай, где количество легко и дешево переходит в качество. Но дешевизна эта чисто финансовая. Решающее слово—за организационными установками. Что делали и делают Наркомпрос и Наркомзем в этом отношении? Мучительно мало. Как поставлена здесь наша общественность? Слабо.

Фокус сопряжения вопроса количества с качеством снова сосредоточивается на проблеме организационной, не только финансовой. Допустим ли пессимизм в такой постановке вопроса?

ОБ ИНДУСТРИАЛЬНЫХ ВУЗАХ И ТЕХНИКУМАХ.

В этой области нашего плана мы имеем совершенно конкретные указания руководящих органов: удельный вес инженеров должен быть в промышленности удвоен, а число техников относительно инженеров должно быть доведено до полуторного количества.

Помимо того, в директивных решениях даны подробные указания и порядка качественного. Таким образом здесь речь идет о правильном подсчете и о начертании в деталях тех мероприятий, какие дали бы возможность директивные требования выполнить.

Поставленная таким образом задача представляется нам исключительно трудной, требующей совершенно необычного напряжения финансовых и организационных сил. Речь идет о том, чтобы одновременно сломить инерцию самих вузов, воспитанную годами, поставить студенчество (напряжение его работы, материальное положение) совершенно по-новому и, наконец, в корне реформировать учебные планы, программы и самую организацию обучения. Более того, в указаниях директивных органов ясно обозначено резкое изменение самой системы высшего и среднего технического образования. Вот практический случай, где разрешение коллизии между количеством и качеством должно быть произведено в узких рамках пятилетия. А ведь необходимо не забывать, что контингенты вузов уже предопределены наличным приемом этого года. Значит, все силы должны быть устремлены на повышение их продуктивности.

Мы позволяем себе высказать такое опасливое предположение: как ни велики были бы наши усилия, как ни была бы удачна организационная сторона (дела а покуда она далека от удачного), мы не сумеем полностью выполнить задание, если будем толковать требования директивных органов формально. По нашим расчетам, по коэфициентам выпусков, какие практиковались ведомствами до сих пор, мы сумеем выпустить при достаточно сильном нажиме из вузов несколько более 30 тысяч человек. С учетом амортизации наличного контингента инженеров, мы с такой продукцией директивные требования не выполним. Для их выполнения надо бы продуцировать из вузов не менее 42 тыс. инженеров. И эта задача представляется нам в конце концов выполнимой. Но надо прямо сказать: в таком экстенсивном решении количество пойдет за счет качества. А ведь речь идет об инженере полноценном. К счастью, в решении директивных органов впервые показан тот путь, который должен сломить негибкие, формалистские, представления о типе специалиста. Если итти по этому пути, то задача одновременного качественного и количественного удовлетворения представляется нам разрешимой. До настоящего времени в понятие инженера мы вкладывали, если угодно, сословный образ: инженер—всякий инженер любой специальности—человек особого сословия, который обучается непременно определенное число лет и получает равную для всех отраслей хозяйства квалификацию. Уж давно стало ясно, что такое понимание квалификации не соответствует действительным требованиям отдельных отраслей народного хозяйства. В директиве мы находим указание на то, что в целом ряде случаев мы можем продуцировать инженеров и более ускоренными способами—в том числе путем создания особых вузов, приближающих инженера к типу высококвалифицированного техника. С другой тороны, внимательно поставленная система сравнительно краткосрочной переподготовки практиков способна влить в промышленность к концу пятилетия значительные кадры обученных инженеров. Такой порядок позволит устранить панику во втузах, какая могла бы произойти, если бы в законном стремлении сохранить целостность современных втузов мы стали во что бы то ни стало выталкивать из них необходимое количество недоученных инженеров.

Нам представляется, далее, необходимым внимательно пересмотреть заявки ВСНХ. Мы не склонны чрезмерно доверять этим заявкам. Мы вместе с тем покуда не обладаем способами их авторитетной критики. Но и здесь директива дает выход из положения. Четкая увязка работы втузов с самими предприятиями позволит определить потребность куда точнее, и, как нам кажется, в более спокойных показателях.

Эта последняя мысль ведет к одной весьма важной плановой цели. Заключается она в том, чтобы по отношению втузов и самих заявок прекратить нелепые расчеты по обезличенным массам специалистов—по средним цифрам и коэфициентам—и перейти, наконец, к индивидуальному учету не только втузов, но и самих специалистов, имея в виду, что удельный вес этой категории работников в отношении плана может быть поставлен в аналогии с капитальными вложениями.

Много сложнее представляется разрешение заданий по воспроизводству т е х н и к о в. Наследство в этой области у нас ничтожное, и при всех усилиях, какие мы делаем и можем сделать в дальнейшем развитии сети индустриальных техникумов, нельзя ждать крупного результата к концу пятилетия, если мы поймем задание директивных органов в прямом смысле, как воспроизводство техников через нормальную сеть техникумов. Помимо ничтожного количества этих учебных заведений, их невысокой продуктивности, низкого качества, здесь перед нами встанет чисто хозяйственный вопрос: создание техникума обходится дорого, его пропускная способность невелика, кадры педагогов (здесь нужны особенно тонкие специалисты) незначительны. Вместе с тем, во весь свой рост здесь встает вопрос о с и с т е м е этого типа учебных заведений. Всем известен спор, который ведут по этому поводу Украина и РСФСР. Является ли техникум высшим или средним учебным заведением? Вопрос надо поставить поиному: требует ли народное хозяйство во всех своих многочисленных разветвлениях техников одного уровня квалификации? Мы уверенно отвечаем: строение техникумов должно быть чрезвычайно разнообразно, как разнообразно строение отдельных областей промышленности. Мы идем дальше. Нам кажется, что самое понятие «техник» надо уточнить. Можно назвать ряд отраслей промышленности, где роль техника может выполняться и выполняется специалистом, образовательный уровень которого не выше окончившего современную профшколу, а наряду с этим можно назвать специальности техников, где образовательный уровень может достигать высшей школы.

Таким образом ответ на вопрос: можем ли мы выполнить задание руководящих органов относительно громадного подъема в воспроизводстве техников,—зависит от того, как мы в дальнейшем будем строить систему этого воспроизводства.

Один из глубочайших прорывов в нашей просветительной системе может быть заполнен как раз по пути разрешения этой задачи. Мы возвращаемся к вопросу о рабочем образовании. Для нас нет сомнения в том, что будь наша система вечерней рабочей школы развита широко, мы бы уже сейчас были меньше озабочены заполнением этой бреши, покрытием недостатка в техниках. Техник, узкий практический специалист, может быть всего естественнее дан из производственной среды. А если это так, то по чисто хозяйственным мотивам надо систему индустриального образования целиком проверить под углом зрения действительной связи

производства с обучением. Впрочем, как и все наши большие вопросы, этот вопрос не может быть рассматриваем изолированно от общей постановки наших социальных проблем.

III. СОЦИАЛЬНЫЕ ГРУППИРОВКИ В ШКОЛЕ.

Мы попытались в специальной работе изучить такой вопрос: как овладели отдельные социальные группировки нашей школой. Вопрос этот всегда актуальный (и, к сожалению, до сих пор мало разработанный) приобретает для плановых построений особенный интерес в связи с известным заданием—довести удельный вес рабочих в наших индустриальных вузах и техникумах до 65% к концу пятилетия. Что это задание значит, видно из того, что в 1927 г. процент рабочих не достигал в техникумах (всех видов) 21, а в индустриальных вузах—30%. Здесь перед нами исключительно важная коллизия между социальным запросом и хозяйственной обстановкой. Задание, очевидно, надо понимать так, что количественно удельный вес в 65% должен быть сопряжен с качественной гарантией, с достаточной подготовленностью рабочих к поступлению в эти учебные заведения. Довольно указать на экзаменационный опыт текущего года, чтобы увидеть всю сложность проблемы.

Снова перед нами, в анализе цифр, явная победа экстенсивного начала, коллизия между количеством и качеством. Анализируя социальный состав наших учебных заведений,—начиная от низшей школы до высшей,—мы нашли, что рабочий класс занимает одно из первых мест: в процентах к самодеятельному населению данной социальной группы рабочий класс занимает 22%, уступая только служащим (около 25%). Но чем выше мы идем по ступеням обучения, тем менее выгоден этот процент для рабочих. Так, обеспечив себе по удельному весу свыше 11% в школе всеобщего обучения (больше всех других социальных групп), рабочий класс овладел в своей социальной группе лишь полупроцентным удельным весом студенчества высшей школы по отношению ко всей самодеятельной массе класса, уступая в 3 с лишним раза служащим и еще не догнав прочие социальные группы. Мы внимательно разобрались в удельных весах социальных групп по основным специальностям высшей школы. Рабочий класс занимает здесь высокое место—почти 20% всех учащихся, но тем не менее уступает всем другим социальным группам. Если же разобраться в удельных весах по отдельным специальностям, то перед нами ряд пестрых показателей, которые дают основание к выводу о том, что далеко не все командные высоты высшей квалификации заняты рабочими как следует. В частности в области педагогического образования мы имеем за 3 последние года прямое снижение удельного веса рабочих. Общая картина овладения пролетариатом школой такова, что здесь поступательное движение гарантировано, но темп этого движения нельзя признать успокаивающим. Так, например, даже по индустриальным вузам мы имеем за три последние года повышение удельного веса едва ли на 2%.

И тем не менее, все эти выкладки говорят покуда лишь о количественных гарантиях. Относительно качественного овладения мы вынуждены в настоящее время предпочесть пессимистические указания. Мы изучили состав девятилетней школы—этой типической школы подготовки в вузы. При большом удельном весе детей рабочих в первый приемный год обучения он падает в 9-м году больше, чем вдвое. Пятый и шестой год являются в этом отношении роковыми. Вот где сосредоточен критический пункт овладения высшими ступенями обучения для рабочего класса.

В поисках причин такого ослабления социального тонуса мы позволили себе произвести приближенный расчет того, какие материальные

жертвы вызывает в рабочем классе обучение его детей. Мы пришли к выводу, что материальные жертвы, которые несет рабочая семья при обучении своих детей в школе, значительно превышают то, что расходует на тех же детей государство. Расчеты эти приближенные, но вот что они дают. В 1926/27 г. на обучение детей рабочих в школе среднего типа государство израсходовало около 8 400 000 руб. Потери же в рабочем бюджете, обусловленные невольным отказом от участия рабочего ребенка в производстве (попросту—потеря в заработке), достигают в бюджете рабочих семей 20 млн. руб. Если же взять высший тип школ (техникумы и вузы), то при общей затрате государства на детей рабочих несколько выше 20 млн. руб. материальные потери рабочей семьи достигают 45 млн. руб. Не трудно видеть, что на конец пятилетия, когда мы доведем процент рабочих вузов и техникумов до 65%, эта жертвоспособность рабочего бюджета должна быть относительно еще выше. Ясно, если не будут приняты особые меры, которые могли бы стимулировать материальный интерес учащегося-рабочего, его семьи, к обучению, то мы будем стоять перед задачей, чрезвычайно трудно разрешимой.

А вместе с тем совершенно очевидно, что мы не сумеем вести хозяйство нашей школы таким образом, чтобы неуклонно повышать непосредственные расходы на ее содержание и вдобавок компенсировать огромными средствами потери рабочего класса в его потребительском бюджете.

Такая постановка вопроса вплотную подводит нас к вопросу о системе народного образования.

IV. О СИСТЕМЕ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ.

В вопросе о том, на чьей стороне лежит вина в относительно низкой успешности овладения школой—на стороне рабочего или на стороне системы, не может быть двух мнений. Как ни была идеальна система в ее конструкции, она плоха, если не может выполнить свое основное социальное задание. Нельзя утешать себя тем, что это явление временное, что рано или поздно такое овладение произойдет. Время не ждет. И не ждет, прежде всего, народное хозяйство, которое отвечает на недостатки системы, на диспропорцию между воспроизводством квалифицированной рабочей силы и потребностью в ней предложениями в стиле того упрощенства, которые делают товарищи из ВСНХ. В конце концов с их стороны это законная реакция: им некогда ждать.

Всем известны дискуссии между ВСНХ и Наркомпросом, между наркомпросами Украины и РСФСР. Эти давние дискуссии замечательны тем, что каждая из сторон частично права по-своему. И не правы они вместе взятые в негибком ригоризме своих принципиальных установок, лишенных ориентации на практику сегодняшнего дня (в последнее время сближение систем обозначается довольно ясно).

Нам кажется, что именно в процессе построения перспективного плана установки этого плана проложат мост, через который можно будет связать разноречивые взгляды и дать, наконец, единую систему советского просвещения. В условиях этого доклада мы наши предложения не конкретизируем.

По нашему мнению, эта унификация системы просвещения должна учесть:

1) текущие требования народного хозяйства (развитие курсовой системы в первую очередь);

2) требования социального порядка—такую перестройку системы, которая бы обеспечивала вовлечение рабочих во все типы школьного обучения с максимальным сохранением их кадров в производстве (стройная система дополнительного обучения);

3) требования перспективы нашего развития—обеспечение эластичного, углубленного метода обучения, при наличии которого культурный и производственный уровень рабочего класса рос бы неуклонно.

Вопрос об унификации систем должен быть разрешен возможно скорее, ибо если на построение самой системы должны влиять наши общеплановые установки, то начертание конкретного плана без четкой системы просвещения и при том системы единой—немыслимо.

Система народного просвещения, апробированная через план—вот тот путь, на котором коллизия между количеством и качеством может быть рационально разрешена.

V. О ФИНАНСИРОВАНИИ ПРОСВЕЩЕНИЯ.

Мы позволяем себе такое утверждение: тот порядок, который практиковался до сих пор в финансировании народного просвещения, нередко играл по отношению к последнему тормозящую роль. Здесь дело не в том (или не столько в том), сколько давали на народное просвещение, а в том, как давали эти деньги. Мы позволяем себе резко критиковать ту группировку финансирования, какая принята в распределении источников по государственному и местному бюджету. Всем ясно, что передача всей низшей и средней профтехнической школы на местный бюджет не даст необходимых эффектов в воспроизводстве квалифицированной рабочей силы. Необходимо прежде всего иметь в виду различие экономического сотояния отдельных районов, губерний, округов—различие, создающее пестроту в давлении потребностей школы на бюджет, а отсюда—различное состояние школ в том или ином районе. Огромные прорывы, которые мы имеем в воспроизводстве низших и средних квалификаций,—безусловно прямой результат состояния соответствующих школ на местном бюджете. Но этого мало: бюджет профобразования теснит в местном хозяйстве и те учреждения массового образования, которыми оно в первую очередь должно овладеть—школы всеобщего обучения, школы ликбеза и т. д. Мы утверждаем, что всеобщее обучение не будет проведено в мало-мальски рациональной степени, если местный бюджет не будет освобожден от непродуктивного часто содержания профессиональных школ. Ведь так понятно, что местное хозяйство Н-ской губернии или округа не может быть заинтересовано в содержании индустриального техникума, продукция которого обслуживает не эту губернию, или округ, а промышленность в целом. Такое положение дел с местным бюджетом образует гордиев узел, который надо разрубить. Вся профессиональная школа должна быть принята на бюджет народно-хозяйственных органов, как таковых. Только при этом условии профессиональное образование даст крутой подъем, станет эффективным. Косвенное направление такому курсу дает и упомянутая директива, клонящая к практической связи школы с производством. Совершенно понятно, что эта связь должна быть материально закреплена. Иначе она останется лишь благим пожеланием.

VI. ОБ ОРГАНИЗАЦИОННЫХ УСТАНОВКАХ.

Не раз уже отмечено, что перспективный план народного хозяйства есть план организационный по преимуществу. Это замечание в особенности справедливо для плана культурного строительства.

Для нас нет никакого сомнения в том, что в узких рамках формального бюджета мы не разрешим всех тех плановых проблем, какие поставила перед нами культурная революция. Для нас—в наших специальных подсчетах в одной только части воспроизводства квалифицированной рабочей силы—стало ясным, что одна область, покуда неподдающаяся

цифровому подсчету, оставлена нами в недопустимом минимуме. Мы говорим о наших организационных возможностях. Идет ли речь о ликбезе или о высшей школе, в одинаковой мере за скобками наших сухих цифр имеется интуитивно ощущаемый и до сих пор неуловленный коэфициент наших организационных сил.

Когда мы подходим к этой теме практически, мы даем ряд злых критических указаний. Можно долго и много говорить о формалистических дефектах наших ведомств, можно привести не один пример того, как не рационально расходуются наши средства в бедной школе (быть может от бедности и происходит это явление). Все эти дефекты уловлены. Но кажется нам, и эти частные дефекты могут быть разрешены лишь в том случае, если наряду с цировым планом контингентов и бюджетов по народному просвещению мы внимательно построим другой план—план выявления сил нашей организованной общественности, которая единственно способна и поднять материальную базу народного просвещения и компенсировать материальные недостатки силой своего внимания к вопросам культуры.

Цифровые расчеты по перспективному плану народного просвещения должны быть сопряжены с рядом четких организационных установок, без осуществления которых план реконструкции человеческой силы—реконструкции просвещения—немыслим.

1. План массового просвещения—по ликбезу, по массовому профессиональному образованию (курсы) должен быть, так сказать, парцелирован, т. е. сделаться объектом изучения и реализации в мельчайших непосредственно в том заинтересованных общественных объединений—фабзавкомах, сельисполкомах. Соответствующим образом должно быть раздроблено и текущее руководство этими просветительными учреждениями.

2. Планы по профессиональной школе—от низшей до высшей—необходимо сделать органической частью самых хозяйственных планов,—начиная от первых самых детальных проектировок, какие составляет завод, фабрика, всякое другое предприятие.

Общественное движение, вырастающее от непосредственного хозяйственного и бытового интереса, только оно способно дать развитию народного просвещения резкий подъем, скачок вверх: для нас—в анализе цифр и фактов—стало ясным, что, говоря всерьез о заполнении разрыва между культурным и хозяйственным нашим развитием, между требованиями к культурному сектору и его современным состоянием,—поздно говорить о постепенном росте. Здесь речь идет о быстром подъеме, о подлинном скачке.

3. В ближайшее, по возможности, время надо поставить вопрос о специальном займе культуры, примерно, через полгода после реализации второго индустриального займа. Такой заем, помимо его прямого финансового эффекта, должен сыграть исключительную роль в мобилизации общественного мнения вокруг просветительного строительства.

4. На почве таким образом подготовленной, можно будет осуществить реформу самой системы просвещения с наибольшей полнотой.

М. АСТЕРМАН.

ОСНОВНЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ, ЗАДАЧИ И БЮДЖЕТ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В СССР[1].

I. ИТОГИ ИСТЕКШЕГО 10-ЛЕТИЯ.

В кратких чертах развитие и современное положение сети учреждений народного образования в СССР может быть охарактеризовано следующими цифрами.

Число школ I ступени и 7-леток, взятых вместе, и учащихся в них, по данным ЦСУ, за последние 3 года и в сравнении с 1914/15 г. составляет:

Годы.	Число школ		Число учащихся	
	В абсол. цифрах	В %% к 1914/15 г.	В абсол. цифрах	В %% к 1914/15 г.
1914/15	104 610	100,0	7 235 988	100,0
1925/26	101 193	96,7	9 487 110	131,1
1926/27	108 424	103,6	9 903 439	136,9
1927/28	115 098	110,0	10 351 362	143,1

В 1927/28 г. довоенный уровень превзойден в числе школ на 10%, а в числе учащихся—на 43,1%. Если принять во внимание те исключительно неблагоприятные условия, в которых за истекшее десятилетие происходила работа, то придется признать наши достижения в деле начального образования особенно крупными, красноречиво говорящими о совершающемся в стране огромном культурном сдвиге. Однако необходимо отметить, что превышение числа учащихся против 1914/15 г. на 43,1% при увеличении сети всего лишь на 10% свидетельствует о сильном отставании темпа роста числа школ от темпа роста числа учащихся. Поскольку же капитальный ремонт и строительство новых зданий у нас ведется пока еще в крайне недостаточном размере, постольку разница в названных цифрах роста указывает на крайнее переполнение школьных помещений и наличие большого числа случаев занятий в 2 и в 3 смены. Подтверждением этому служат данные о числе отказов в приеме детей в школы по недостатку места: по РСФСР таких отказов зарегистрировано в 1925/26 г. 290 тысяч, а в 1926/27 г.—около 220 тысяч.

Степень обеспеченности детей 8—11-летнего возраста школьными местами на I ступени обучения по данным за 1927/28 г., с поправкой на второгодников и на обучающихся в городах детей сельского населения, достигает (в %%)[2]:

[1] Настоящая статья представляет собою в сокращенном виде статью, помещенную в сборнике Наркомфина СССР

[2] «Народное просвещение» № 5 за 1928 г., стр. 117, доклад И. М. Богданова VI съезду завоно.

По какой территории	РСФСР	УССР	БССР	ЗСФСР	УзССР	ТССР	По всему Союзу
В городах	101,4	97,0	104,1	116,5	68,5	122,6	99,3
В сельских местностях	67,4	77,4	96,8	69,4	18,5	17,4	68,8
В целом	73,8	82,7	99,0	81,3	31,0	33,0	75,1

По этим данным всеобщее начальное обучение в городах на началах добровольного посещения можно считать достигнутым во всех союзных республиках, кроме лишь Узбекской ССР. В сельских местностях процент обеспеченности начальным обучением значительно ниже, особенно в обеих Средне-азиатских республиках. По всей территории—без деления на город и деревню—всеобщее обучение, согласно этим исчислениям, является достигнутым в БССР; в УССР и ЗСФСР процент обеспеченности составляет около 81—83; в РСФСР, где на понижение его оказывают, несомненно, влияние отсталые автономные области и республики, он стоит еще несколько ниже—около 74% и очень незначителен в Узбекской и Туркменской республиках—около 31—33%. Наконец по Союзу в целом показатель обеспеченности равен 75,1%. Довоенный показатель обеспеченности определялся примерно в 50%.

При сравнении этих двух последних показателей следует, однако, иметь в виду, что интенсивный рост числа учащихся совпал за последние годы с общим сокращением количества детей школьного возраста, вследствие пониженной рождаемости их в годы войны и голода,—благодаря этому показатель обеспеченности возрастал несколько быстрее, чем это было бы при нормальной рождаемости детей.

Только что разработанные данные демографической переписи 1926 г., при соответствующих повозрастных передвижках, с учетом новых относительно пониженных против довоенного времени коэфициентов смертности, дают в результате совершенно определенные указания на то, что с ближайших же лет начнется обратный процесс чрезвычайно интенсивного прироста детских контингентов школьного возраста. Такая перспектива, в сочетании с необходимостью в ближайшие же годы начать в большей части Союза переход к массовому проведению обязательности начального обучения, готовит нам исключительные трудности в деле дальнейшего продвижения на этом пути, что в полной мере должно быть учитываемо заблаговременно.

Обратимся далее к другому показателю результатов массовой просветительной работы истекшего десятилетия—к данным о грамотности населения, как она выявлена переписью 1926 г. По материалам этой переписи процент грамотного населения в отдельных союзных республиках и по всему Союзу в целом, для возрастов от 8 лет и старше, составляет (в процентах[1]:

По полу	РСФСР	УССР	БССР	ЗСФСР	УзССР	ТССР	По СССР в целом
Мужчин	67,4	74,5	70,3	45,0	13,2	16,3	65,4
Женщин	37,8	40,6	35,4	27,4	5,7	7,6	36,7
Обоего пола	51,7	56,9	52,3	36,5	11,4	12,3	50,4

[1] См. стр. 73 брошюры—«Шестой Всероссийский съезд заведующих отделами народного образования 20—26 апреля 1928 г.», Гиз, 1928 г.

В общем, как видим, население Союза в возрасте от 8 лет и старше грамотно еще только наполовину, причем мужчины—почти на две трети, а женщины—немного более чем на одну треть. Для правильного понимания этих цифр необходимо, однако, сделать сопоставление их с данными более ранних переписей.

Такое сопоставление для населения всех возрастов мы имеем возможность произвести по данным трех переписей—1897, 1920 и 1926 гг. пока лишь по 8 районам Европейской части РСФСР[1]. Приводим эти данные (в %%)[2]:

	1897 г.	1920 г.	1926 г.
Грамотных мужчин	33,7	47,8	58,2
» женщин	11,7	25,8	34,4

Эти данные позволяют заключить, что за время революции повышение грамотности шло несравненно более высоким темпом, чем раньше, и что диспропорция в грамотности полов довольно быстро уменьшается. Эти достижения—результат совместного действия начальной школы и мероприятий по ликвидации неграмотности.

По сравнению со странами Западной Европы и Америки мы оказываемся по грамотности населения позади главнейших из них. Так, на 100 душ населения насчитывается неграмотных:

В Германии	0,04 чел.	(1911 г.)
» Англии	0,7 »	(1919 »)
» Соед. Штатах	5,9 »	(1920 »)
Во Франции.	8,9 »	(1924 »)
В РСФСР	43,2 »	(1926 »)

Таковы показатели массового низшего образования населения СССР—основы его культуры. Что касается среднего общего образования, то и в этой области довоенный уровень остался далеко позади. За отсутствием в нашем распоряжении данных для сравнения по другим союзным республикам о сети средних учебных заведений дореволюционного времени, соответствующих нынешним школам II ступени и 9-леткам, приводим данные только по РСФСР:

	Число школ:	Число учащихся:
1914/15 г	1 283	398 166
1927/28 »	1 811	569 748 [3]
Увеличение на. . . .	41,1%	43,1%

Для характеристики объема массовой политпросветработы приведем данные о числе учащихся на пунктах ликвидации неграмотности и в школах для малограмотных, по предварительным данным текущей статистики за 1927/28 г.:

	Число учреждений:	Число учащихся:
РСФСР	26 765	654 139
БССР	1 639	43 152
УССР.	9 435	332 257
ЗСФСР	2 110	54 950
УзбССР.	1 466	41 780
ТССР	465	12 682
По СССР в целом. .	41 880	1 138 940

[1] Северный, Ленинградско-Карельский, Западный, Центрально-Промышленный, Центр.-Черноземный, Вятский, Средневолжский и Нижневолжский.

[2] См. стр. 72 брошюра «Шестой Всероссийский Съезд заведующих отделами народного образования 20—26 апреля 1928 г.»

[3] По предварительным подсчетам ЦСУ.

Довоенная сеть школ для взрослых и других аналогичных учреждений была совершенно ничтожна (менее 10% современной).

Теперь осветим другой важнейший участок просветительной работы—развитие сети массовых учреждений по подготовке кадров рабочей силы разной квалификации, т. е. сети низших и средних профессиональных учебных заведений для СССР в целом:

	Число уч. заведений:	Число учащихся:
1914/15 г. [1]	2 877	266 982
1927/28 г. [2]	4 246	533 357
Увеличение на . . .	47,5%	99,8%

Следовательно и здесь мы имеем весьма значительное превышение довоенного уровня: в числе учебных заведений—почти на 50%, а в числе учащихся—почти вдвое.

По отдельным видам профобразования число учащихся за 1927/28 г. распределяется следующим образом:

В техникумах	190 226 чел.	или	35,7%
» профшколах	137 703 »	»	25,7%
» школах фаб.-зав. учен. и рабоч. подростков .	100 159 »	»	18,8%
На долгосрочных профкурсах	105 269 »	»	19,8%
Итого	533 357 чел.,	или	100,0%

Сеть высших учебных заведений СССР насчитывала в 1914/15 г. и насчитывает теперь:

	Число уч. заведений:	Число учащихся:
1914/15 г. [1]	97	109 937 [3]
1927/28 » [2]	131	159 537

Заканчивая на этом наш беглый суммарный обзор достижений в развитии сети основных видов просветительных учреждений за истекшее десятилетие, мы должны остановиться еще на показателях их соотношений. По исчислениям т. М. Л. Астермана, на одного студента высшей школы и одного оканчивающего высшую школу, у нас в СССР в 1926/27 г. приходилось:

	Учащихся:	Оканчивающих курс:
Средней специальной школы. . .	1,4	1,5
Низшей школы	1,5	1,1
Профкурсов.	1,0	3,9
Средней общеобраз. школы . . .	6,7	6,2
Низшей » » . . .	53,5	25,5
Школы для взрослых	44,0	10,1

В С.-А. соединенных штатах на одного студента высшей специальной школы приходилось в 1923/24 г. около 6,8 учащихся средней специальной школы.

[1] Труды ЦСУ СССР, т. XXVIII, вып. 1, М., 1926, стр. 13.

[2] По предварительным данным.

[3] Число учащихся за 1914/15 г. дано только по 81 высшему учебному заведению из 97.

Фактическое распределение рабочей силы в СССР по данным всесоюзной городской переписи 1923 г. выразилось, по исчислению т. Астермана, в следующих показателях на одного работника высшей квалификации:

Работников выше средней	квалификации	. . . .	4,7 чел.
» средней	»	. . . .	33,9 »
» низшей	»	. . . .	87,7 »

Все эти соотношения рисуют перед нами картину острой диспропорции между низшим, средним и высшим специальным образованием. Устранение этой диспропорции—одна из важнейших задач предстоящего десятилетия, к которым мы и переходим.

II. ГЛАВНЕЙШИЕ ОЧЕРЕДНЫЕ ЗАДАЧИ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ.

Оттесненное силою событий—империалистической войны, гражданской борьбы, голода и разрухи—на линию «третьего фронта» дело народного образования и на пороге второго десятилетия продолжает в сущности пребывать на той же линии: в это десятилетие мы вступаем с целым рядом еще неразрешенных прежних и вновь возникающих задач, главным образом задач массового образования.

Однако обстановка меняется, и внимание партии, советской власти, советской общественности и широких масс трудящихся, передвинувшись от боевых задач к задачам «мирного» строительства социалистического хозяйства, за последние годы все более и более сосредоточивается на вопросах культурного строительства. Партией выдвигается лозунг «культурной революции», как целой полосы интенсивной работы в этой области на ряд ближайших десятилетий.

Идея культурной революции в ее просвещенческой части есть по преимуществу идея именно массовой культурной переделки человеческого материала. И чрезвычайно также характерным именно для современного момента является то, что совсем не новые идеи массового образования получают новую специфическую установку, как органической части индустриализации страны и машинизации сельскохозяйственного производства.

Целый ряд обстоятельств в условиях совершающегося социалистического строительства все более и более настойчиво выдвигает такую установку. Сюда относятся: ряд диспропорций между городом и деревней в отношении развития грамотности и всех видов образования, необходимость обеспечения быстро развертывающейся и переоборудовающейся промышленности квалифицированной рабочей силой, потребности скорейшей коллективизации сельского хозяйства, введение 7-часового рабочего дня на предприятиях. В том же направлении действуют и выявившиеся за последнее время факты симптоматического значения: затруднения с хлебозаготовками, рост потребления спиртных напитков, обнаруживающиеся в различных местах явления разложения советского аппарата, шахтинское дело и т. д. Все эти внешне такие разные факты сигнализируют об одном и том же—о крайне еще низком культурном уровне нашей страны, о слабости наших общественных организаций, об отсутствии действенного общественного мнения, о весьма чреватых опасностями признаках разрыва между взятым темпом индустриализации и потребностями нашего хозяйственного развития, с одной стороны, и все еще недостаточным темпом нашего культурного роста—с другой.

Говоря о проблемах массового начального и профтехнического образования, как органической части общей проблемы индустриализации,

обычно совершенно упускают из виду именно эту разницу темпов. А между тем особенностью образовательных процессов является как раз крайняя медленность их: ни одна даже образцово-поставленная школа не может—давать более или менее законченное образование своим учащимся меньше, чем в 3—4 года; если же завершением образовательного процесса считать (что, конечно, будет более правильным) выпуск подростка, последовательно прошедшего начальную, повышенную и затем профессиональную школу, то весь процесс «обработки сырья» занимает не менее 10 лет.

Это показывает, насколько серьезен вопрос о всемерном ускорении темпа роста сети учреждений, имеющих целью поднятие культурного уровня страны и подготовку кадров квалифицированной рабочей силы. Игнорировать этот вопрос, не замечать того, что быстрое увеличение темпа мероприятий по развитию промышленности и сельского хозяйства при данном темпе развития народного образования ведет к увеличению разрыва между экономикой и культурой, к противоречиям в их развитии, — значило бы быть близорукими, совершать тягчайшее преступление против дела строительства социализма, создавая в нем роковые диспропорции. «Осуществление индустриализации и подъем хозяйства в дальнейшем не может происходить без параллельного подъема культурного уровня страны». (Речь А. И. Рыкова на XV партсъезде).

Обстановка, в которой в течение ряда лет могли совершаться в Донбассе вредительские действия, уже дала А. В. Луначарскому повод назвать ошибкой чрезмерное ускорение темпа индустриализации без соответствующих решительных мероприятий по развитию дела народного образования, связываемых с понятием и лозунгом культурной революции. «Надо понять,—говорил А. В. Луначарский,—что безумно одновременно бросать миллиарды на приобретение новых вещей, на постройку корпусов, на машинизацию и в то же время позволять, чтобы учеба всего нашего народа происходила на медные деньги. Это просто глубоко нерасчетливо»[1].

Резолюции, принятые за последние два года по вопросам о всеобщем обучении, о развитии народного образования и о культурной революции III сессией ВЦИК XII созыва, XIII Всесоюзным Съездом Советов и XV партсъездом, несомненно, дают правильную установку этим вопросам. Но... сдвига еще нет, резолюции лишь частично и медленно претворяются в жизнь и дело народного образования, как мы уже указали, фактически продолжает представлять собою попрежнему еще только третий фронт.

Главнейшие задачи культурной революции, как они вырисовываются в настоящее время, вкратце могут быть сведены к следующим:

1. Скорейшее достижение всеобщей грамотности, вернее—всеобщего обязательного начального обучения. Здесь же уместно отметить, что для городов и фабрично-заводских районов, где всеобщее начальное обучение почти уже достигнуто, статистика показывает весьма интенсивный рост школы-7-летки, а, это, несомненно, в самом же ближайшем будущем сделает актуальным и вопрос о всеобщем 7-летнем обучении в означенных местностях.

2. Ликвидация общей политической неграмотности среди подростков и взрослых. Задача эта оказалась значительно более трудной, чем мыслилось первоначально, и не была выполнена к 10-летию Октябрьской революции, как это пред-

[1] Речь А. В. Луначарского на заключительном заседании VI съезда заведующих отделами народного образования совместно с представителями московских общественных организаций, 27 апреля 1928 г.

полагалось. И, несмотря на необходимость сосредоточить максимум сил и средств на проведении основной задачи—всеобщего начального обучения детей, радикально разрешающего в конечном счете и проблему ликвидации неграмотности подростков и взрослых,—интересы производства и советской работы не позволяют ослаблять внимание к этой последней проблеме или отодвигать ее на второй план.

3. Организация нового быта. Сюда входят: дошкольное общественное воспитание детей и рациональная организация общественного питания, освобождающие женщину-работницу для участия в общественно-политической жизни и для строительства новых семейных и бытовых отношений; сюда же следует отнести рационализацию жилищных условий жизни рабочих и крестьян, внедрение в быт необходимого минимума сведений и навыков в отношении соблюдения требований гигиены и санитарии; здесь же следует назвать развитие духа коллективизма в общественно-бытовых отношениях между трудящимися, оздоровление комплекса развлечений, создание новой бытовой морали, вытекающей из новых хозяйственно-экономических отношений. Косность крестьянско-мещанского быта, выросшего на почве отсталых форм хозяйствования и бескультурья, делает эту часть проблемы культурной революции одной из наиболее трудных.

4. Физическое и эмоциональное (в частности художественное) воспитание юношества путем широкой постановки дела физической и художественной культуры как в школе, так и вне школы.

5. Распространение массовой профтехнической грамотности и развитие сети низших профтехнических учебных заведений, как средств квалификации избыточного сельского населения и накопляющихся кадров рабочих подростков.

6. Развитие сети средних профучебных заведений, в целях смягчения существующей в настоящее время диспропорции в подготовке квалифицированной рабочей силы.

7. Подготовка педагогической силы, по своим размерам и качеству обеспечивающей надлежащее выполнение задач массового образования.

8. Усиление капитальных вложений в дело народного образования. По данным государственной статистики РСФСР за 1926/27 г. сеть начальных школ в сельских местностях обеспечена специальными зданиями лишь на 57%, причем из всего числа специальных и приспособленных зданий 82,2% построены еще до 1915 г., т. е. до войны, и капитальный ремонт этой массы зданий, со времени войны производившийся до сих пор еще в довольно скромных размерах, является делом совершенно неотложным. Введение всеобщего обучения потребует, кроме того, в ближайшие же годы возведения новых и расширения существующих школьных зданий на многие сотни миллионов рублей. Большие суммы необходимы на строительство и капитальный ремонт повышенных школ, профшкол, техникумов и вузов. Необходимость восстановления и пополнения оборудования учебных заведений всех типов, в особенности повышенных школ и профессиональных учебных заведений, в свою очередь является чрезвычайно острой и настоятельной. Мы уже не говорим здесь о том, что крайний недостаток средств до сих пор не позволяет сделать нашу начальную советскую школу действительно трудовой, каковой она должна являться в условиях социалистического строительства; придание ей такого характера в свою очередь требует огромных затрат на оборудование сети рабочими помещениями, инвентарем и материалами для занятий по труду.

III. ФИНАНСИРОВАНИЕ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ.

Общий размер расходов на народное образование из государственного и местного бюджетов СССР за последние 4 года по данным НКФ СССР и ежегодный рост их видны из следующей таблицы:

Годы.	Расход на народное образование (в тыс. руб.)			Процент роста		
	По госбюджету (сметы наркомпросов)	По местному бюджету	Итого	По госбюджету (сметы наркомпросов)	По местному бюджету	Итого
1924/25	117 259	228 486	345 745	—	—	—
1925/26	159 483	327 694	487 177	36,0	43,3	40,9
1926/27	184 881	433 905	618 786	15,9	32,4	27,0
1927/28	216 870	531 001	747 871	17,3	22,4	20,9

Приведенной таблицей, однако, не учитываются еще расходы на народное образование по общесоюзной части госбюджета. Эти расходы составляли в 1925/26 г. около 78 800 тыс. р., а в 1926/27 около 93 700 т. р. Но и сверх того, довольно значительные суммы расходуются на народное образование профсоюзами (в 1925/26 г. около 32 700 тыс. руб.), промышленностью (на профтехническое образование в 1925/26 г. около 9 500 тыс. руб.), кооперацией, партийными организациями; расходуются также специальные средства учебных заведений, вакуфные суммы и т. д.; затрачиваются, наконец, значительные средства на народное образование и самим населением, в виде натурального и денежного участия в постройке, ремонте и содержании школ и других просветительных учреждений.

Общая сумма так или иначе учитываемых расходов по данной отрасли составляет для 1925/26 г. около 620 млн. руб., для 1926/27 г.—около 750 млн. руб. и для 1927/28 г.—около 900 млн. руб., против довоенных 381,3 млн. зол. руб. Переводя сумму 900 млн. в довоенные рубли (по коэфициенту 2), получим 450 млн. руб., что составляет по отношению к довоенным расходам 118%. Таким образом в отношении общей суммы расходов на народное образование довоенный уровень остался уже далеко позади.

Точного централизованного учета средств, затрачиваемых на народное просвещение по СССР из всех источников, до сих пор нигде не ведется. Ввиду этого в настоящей части нашей статьи мы вынуждены ограничиться лишь анализом данных о расходах на народное образование по госбюджетам союзных республик (сметы наркомпросов) и по местному бюджету.

Из данных приведенной таблицы видно, что расходы на народное образование как по госбюджету, так и по местному бюджету из года в год неуклонно и значительно увеличиваются, но что в то же время темп ежегодного их роста быстро падает. Замедление темпа роста расходов на народное образование обусловливается, несомненно, общим замедлением темпа роста государственного и местного бюджета в связи с завершением восстановительного периода и вступлением народного хозяйства Союза в период реконструкции.

Сравнение роста расходов по народному образованию с ростом всех расходов государственного и местного бюджета дает следующее:

Годы	Процент роста госбюджета		Процент роста местного бюджета	
	В целом [1]	По народному образованию	В целом [2]	По народному образованию
1925/26	38,5	36,0	39,5	43,8
1926/27	21,5	15,9	32,6	32,4
1927/28	18,0	17,3	12,9	22,4

Рост расходов на народное образование по госбюджету несколько отстает от роста госбюджета в целом, а по местному, наоборот,—опережает рост местного бюджета, особенно для 1927/28 г. Это явление, несомненно, объясняется проводящейся тенденцией переложения целого ряда расходов по отдельным видам учреждений народного образования на местные средства, параллельно формированию и развитию местных бюджетов.

В общем же, для всей массы расходов резкое замедление темпа роста наблюдается как по государственному, так и по местному бюджетам, и, если сравнить между собой годы 1925/26 и 1927/28, то падение темпа роста местного бюджета выступит особенно ярко.

Поскольку основная масса расходов по народному образованию производится за счет местного бюджета, не лишне отметить, что народное образование в отношении темпа роста расходов идет все время позади соцобеса (с охраной труда), сельского хозяйства и путей сообщения, и что с 1926/27 г. первое место среди всех отраслей местного хозяйства по темпу своего роста заняли расходы на местную промышленность, показывающие за 1926/27 г. увеличение на 75,6%, а за 1927/28 г.—на 316%, при абсолютной сумме ассигнований за этот последний год в размере 72 млн. руб. Если взять всю группу культурно-социальных расходов (народное образование, здравоохранение, социальное обеспечение и охрану труда), то и в этом случае по темпу роста группа эта за все три последних года оказывается позади группы расходов производственно-хозяйственных.

Удельный вес расходов на народное образование по сметам наркомпросов и по местному бюджету в общей массе расходов государственного и местного бюджета составят в процентах:

Годы	В едином госбюджете	В местном бюджете-нетто
1924 25	4,4	27,0
1925 26	4,3	27,8
1926/27	4,1	27,8
1927/28	4,1	30,1

И здесь мы видим падение удельного веса расходов по народному образованию в госбюджете и некоторое повышение его в местном бюджете, аналогичное отмеченной выше разнице в темпах роста этих расходов, по сравнению с темпом роста общей их массы.

[1] Без отчислений в местные средства и на образование особого государственного резерва СССР.

[2] Без фондов регулирования и без оборотных сумм по коммунальным предприятиям и спецфондам.

По удельному весу в местном бюджете народное образование среди других отраслей местного хозяйства занимает первое место.

Удельный вес всех расходов на народное образование в местном бюджете и государственном бюджете по СССР в целом теперь выше довоенного: для 1927/28 г. он составляет уже около 12%, против довоенных 8,9%.

Средний расход по народному образованию на душу населения составляет:

	По госбюджету (сметы наркомпросов):		По местному бюджету:		Итого:	
	р.	к.	р.	к.	р.	к.
1924 25 г.	—	85	1	65	2	50
1925/26 »	1	16	2	36	3	52
1926/27 »	1	28	2	99	4	27
1927/28 »	1	47	3	61	5	08

Довоенные расходы по народному образованию на душу населения составляли около 2 р. 18 к. Если принять во внимание, что приведенные выше данные за 1927/28 г. не обнимают расходов других ведомств, кроме наркомпросов, и что вместе с ними расход на душу увеличится, примерно, до 5 р. 75 к., то это составит (при переводе в довоенные рубли по коэфициенту=2) около 132% по отношению к расходам довоенного периода.

Между отдельными отраслями народного образования расходы из местного бюджета по имеющимся у нас данным за 1924/25, 1925/26 и 1926/27 гг. распределяются следующим образом (в процентах к итогу):

Наименование расходов	По СССР в целом		По РСФСР	
	1924/25 г.	1926/27 г.	1925/26 г.	1926/27 г.
1. Содержание отделов народного образования	2,7	5,6	4,1	6,5
2. Профтехническое образование	7,1	5,2	5,8	4,8
3. Социальное воспитание	77,0	76,4	76,6	75,4
4. Полит-просвет. учрежд. и мероприятия	13,1	12,2	12,5	12,0
5. Прочие расходы	0,1	0,6	1,0	1,3
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0

Главную массу расходов из местного бюджета на народное образование как по СССР, так и по РСФСР составляют расходы по социальному воспитанию—около $^3/_4$ всех расходов. Политико-просветительные учреждения и мероприятия занимают второе место—около $^1/_8$ части всех расходов и профтехническое образование—всего около $^1/_{20}$. Сопоставление данных за 1926/27 г. с более ранними показывает увеличение расходов по аппарату, объясняющееся проведением в местном бюджете РСФСР по этому параграфу стипендий учащимся и пособий разным учреждениям, а также учреждением в ряде губерний самостоятельных отделов народного образования (по другим союзным республикам процент расходов на аппарат или стабилен, или даже снизился). Расходы по проф-

техническому образованию и политпросвету несколько снизились, но это объясняется перенесением части их на госбюджет. Расходы по соцвосу также обнаружили некоторое понижение, благодаря относительному уменьшению ассигнований на борьбу с беспризорностью.

Наибольшая часть расходов по соцвосу идет на начальное образование (школы I ступени и I—IV группы школ 7- и 9-леток): для 1926/27 г. удельный вес начального образования в расходах местного бюджета по соцвосу составлял по СССР в целом 76,4%, по РСФСР—75,4%, по УССР—76,1%, БССР—84,8%, ЗСФСР—84,4%, УзбССР—80,7% и ТССР—86,2%. Эти данные показывают, что наиболее отсталые в культурном отношении союзные республики спешат наверстать упущенное и путем усиления ассигнований на начальное образование выравнять исторически сложившуюся диспропорцию.

Средняя стоимость годового содержания одного учащегося составляла: по школам I ступени по СССР в целом в 1925/26 г.—16 р. 45 к. и в 1926/27 г.—19 р. 86 к., а по школам II ступени РСФСР: в 1925/26 г.—38 р. и в 1926/27 г.—49,4 руб.[1]. По другим государствам расходы на содержание одного учащегося в элементарных школах составляли: в Англии (1922/23 г.)—около 97 черв. руб., в Соединенных Штатах (1922/23 г.)—около 100—110 руб., в Н. Зеландии (1925 г.)—около 120 руб., в Дании и Швеции (1923/24 г.) также от 100 до 120 руб., в Японии (1923/24 г.)—около 40—50 руб., в Болгарии (1923/24 г.)—около 30—35 руб. и в Испании (1923/24 г.)—30 руб.[2]

Зарплата учащих школ I и II ступени[1] по данным Цекпроса возрастала за последние три года следующим темпом (месячные ставки в рублях):

Годы	Декретированные ставки по III поясу		Средние фактические ставки			
			В городе		В деревне	
	Руб.	% роста	Руб.	% роста	Руб.	% роста
Школы I ступени:						
1925/26	32,0	14,3	41,02	12,0	33,99	15,3
1926/27	37,0	15,6	46,22	12,7	39,10	15,0
1927/28	44,0	18,9	сведений нет.			
Школы II ступени:						
1925/26	45,0	28,6	50,34	21,3	40,58	26,9
1926/27	55,0	22,2	57,05	13,3	50,00	23,2
1927/28	70,0	27,3	сведений нет.			

Как видим, темп роста ставок довольно значителен, причем ставки учащих школ II ступени возрастают быстрее, чем таковых же I ступени; фактическая средняя зарплата учащих школ I ступени как по городу, так и по деревне выше декретированной; по II ступени аналогичное превышение имеется только в городах, в сельских же местностях наблюдается отставание от декретированных ставок.

[1] «Основные итоги развития местных бюджетов СССР», изд. НКФ СССР, М., 1928 г.

[2] «Вопросы всеобщего обучения», вып. 2-й (5-й), под редакцией М. С. Эпштейна, изд. НКП РСФСР, М., 1927 г.

По сравнению с довоенной ставкой учителя начальной школы (30 р.) ставка учителя школы I ступени за 1927/28 г. в переводе на золотое исчисление (по коэфициенту=2) составляет по III поясу около 73%.

Ставки учебно-воспитательского персонала детдомов и волпитпросветорганизаторов на 1927/28 г. по III поясу установлены в 42 руб.

Особо важное значение, кроме зарплаты, имеют еще расходы на капитальный ремонт и новое строительство школьных зданий. В 1925/26 г. эти расходы составляли 22,9 млн. руб.; в 1926/27 г.—23,7 млн. руб. и сверх того по школьно-строительным фондам РСФСР и УССР—10 млн. руб., а всего 33,7 млн. руб. На 1927/28 г. эти расходы еще несколько увеличились, благодаря ассигнованиям из юбилейного фонда. Большая часть сумм, расходуемых из местного и государственного бюджетов на этот предмет, идет по линии начального обучения: в 1925/26 г.—61,1% и в 1926/27 г.—86,4%[1].

В 1913 г. по данным департамента окладных сборов министерства финансов по 40 земским губерниям было ассигновано на новое школьное строительство и капитальный ремонт около 26 млн. зол. руб., что составляло 28,8% всех земских расходов на народное образование. Ассигнования же из госбюджета в школьно-строительный фонд составляли в 1911 г.—10 млн., в 1912 г.—10 млн. и в 1913 г.—14 млн. зол. рублей[2].

Несомненно материальная база народного образования за последние годы весьма упрочилась; ряд довоенных бюджетных показателей оставлен позади и теперь уже все реже и реже будет фигурировать в качестве критерия наших современных достижений. Темп роста расходов на народное образование по главному их источнику—местному бюджету—сильно замедлился, хотя он пока еще выше темпа роста всего местного бюджета в целом; удельный вес расходов на народное образование из того же основного источника, хотя и медленно, но повышается. Отдельные отрасли дела народного образования заняли внутри местного бюджета народного образования свои определенные места и в своем удельном весе почти стабилизировались.

Однако крайняя слабость двух как раз самых важных участков народного образования—зарплаты и капитальных вложений—бьет в глаза. Совсем не идеальная довоенная норма учительской зарплаты—30 руб. в месяц—пока еще далеко не достигнута (в 1927/28 г.—73%). По капитальным же вложениям как из местного, так и из государственного бюджета мы не достигли и 50% ассигнований 1913 г. Эти два «узких места» в деле народного образования, в сопоставлении с очерченными выше очередными труднейшими проблемами в данной области, каких не знала и не могла ставить себе царская Россия, в корне изменяют картину достигнутого нами относительного успеха и выдвигают проблему финансирования народного образования на предстоящие годы во весь ее рост.

IV. ПУТИ РАЗРЕШЕНИЯ БЮДЖЕТНЫХ ЗАДАЧ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ.

С полной определенностью вопрос о значении культурной революции и о вытекающих отсюда общих выводах бюджетного порядка был поставлен на XV партийном съезде по докладам тт. Рыкова и Куйбышевского о директивах по составлению 5-летнего плана народного хозяйства. В дополнение к сделанной уже нами выше цитате из речи т. Рыкова на этом съезде приведем еще две небольших выдержки из нее: «Я считаю,—говорил т. Рыков,—что при дальнейшем росте нашего бю-

[1] «Основные итоги», стр. 93.

[2] К. Денисов. Всеобщее обучение за 1907—1913 г., СПБ., 1913 г.

джета, наших средств, начиная уже с ближайшего года, мы должны давать на культурное развитие относительно больше, чем даже на восстановление хозяйства. Нельзя отделять хозяйственную революцию от культурной. Ножницы в этой области могут обойтись очень дорого». И далее: «Необходимо, чтобы всем стало абсолютно ясно, что культура на данном этапе нашего развития является для успешного хозяйственного строительства тем же, что и боевое снаряжение во время войны. Без быстрого культурного роста мы не сможем по-настоящему переконструировать наше хозяйство».

Не менее определенно звучала и речь т. Кржижановского: «Тема[1] чрезвычайно велика. Я только позволю себе выставить основной лозунг: не может быть в нашей стране такой диспропорции расходов по капитальному строительству и по культурно-социальному фронту, когда последние расходы составляют 0,025% капитальных затрат. Решающий лозунг таков: мы должны выравнять наш социально-культурный фронт по фронту нашей индустриализации»[2].

Необходимо, наконец, привести еще несколько строк и из доклада на том же съезде т. Молотова о работе в деревне: «Школа и учитель в деревне, вся культурная работа в крестьянских массах являются теперь настолько боевой и неотложной задачей, что за это мы должны взяться больше, чем где бы то ни было, дружно и настойчиво. Об этом мы должны не только много говорить и выносить хорошие резолюции, но приступить немедленно и в отношении государственных и в отношении местных средств к некоторому перераспределению наших средств в интересах усиления широкого культурного строительства».

Резолюция съезда по докладам тт. Рыкова и Кржижановского намечает следующую перспективу: «Пятилетний план в связи с задачами социалистического строительства должен учесть необходимость решительного повышения культурного уровня населения города и деревни, развитие национальных культур народностей СССР и увязать план культурного строительства с индустриализацией страны, как неотъемлемую часть общего плана социалистического строительства СССР. В основу плана культурного строительства должны быть положены те задачи народного образования, которые обеспечивают культурный рост широких масс трудящихся (всеобщее обучение, ликвидация неграмотности, массовое профтехническое образование и т. п.), и задача подготовки квалифицированных специалистов и научных работников».

Итак, основная директива заключается в том, чтобы увязать намеченный резолюцией в своих основах план культурного строительства с индустриализацией страны, как неотъемлемую часть общего плана социалистического строительства СССР. В чем же должна состоять эта увязка неотъемлемой от целого части? Очевидно не только в согласовании направления и объема работы, не только в согласовании сроков, но и в надлежащем разрешении бюджетной стороны вопроса.

Какими же способами можно достичь этой бюджетной увязки, каким образом мы сможем выравнять социально- культурный фронт в его бюджетной части по фронту индустриализации?

[1] Т. е. вопросы культурного строительства (*П. Г.*).
[2] Курсив мой (*П. Г.*).

В речи т. Молотова намечается путь для этого: это—путь перераспределения средств как местного, так и государственного бюджета.

Перераспределение средств может быть двоякого рода: во-первых, перераспределение внутри бюджета народного образования и, во-вторых, перераспределение вне этого бюджета.

Возможно ли такое перераспределение средств внутри нормально растущего бюджета народного образования (как местного, так и государственного бюджета), при котором ежегодно могли бы быть добавочно выделены необходимые на осуществление очередных крупнейших задач сотни миллионов рублей? Это было бы возможно, если бы было возможно отсечь некоторые отрасли народного образования целиком или подвергнуть их самой беспощадной урезке. Но можно ли выкинуть из советской системы просвещения или сильно сократить хоть какой-нибудь вид массового образования, во имя скорейшего осуществления всеобщего обучения или скорейшего развития массового профобразования, например, политпросветработу или повышенную школу, или техникумы, или снизить отпуск стипендий учащимся? Ясно, что дико даже ставить вопрос подобным образом. А между тем ведь наибольшую сумму средств поглощают именно массовые учреждения и такие крупные суммы, как сотни миллионов рублей, могли бы быть получены только за их счет, а не за счет более мелких отраслей и мероприятий. Совершенно очевидно, что перераспределение средств внутри бюджета народного образования (частично, вероятно, возможное, но могущее при всей добросовестности и тщательности поисков дать только весьма мизерные результаты) не является тем путем, на котором следует искать разрешения стоящей перед нами задачи. Более того: стабилизация на ряд лет ныне отпускающихся средств на те или иные отрасли дела народного образования, в целях обращения больших средств на указанные нами первочередные задачи, или даже не стабилизация, а сколько-нибудь резкое снижение темпа их роста, обрекая эти отрасли на застой, неизбежно не только усилили бы имеющиеся в деле народного образования многочисленные болезненные диспропорции, придавая им иногда прямо опасный характер, но и создали бы ряд новых диспропорций, что повело бы, несомненно, только к дезорганизации и без того еще не очень крепко слаженного нашего «третьего фронта».

Перед нами резолюции такого компетентного органа, как состоявшееся в конце марта первое всесоюзное совещание плановых органов по местному хозяйству и бюджету. Вот что говорится в этих резолюциях по культурно-социальному сектору: «Развитие культурной революции встречает значительные препятствия в недостатке средств... Недостаток средств привел к тому, что ассигнования по местному бюджету не удалось рационально согласовать с требованиями культурных органов и отдельных частей этого сложного сектора. Перераспределение средств внутри местного бюджета само по себе не может заполнить разрыв, образовавшийся между потребностями и степенью их удовлетворения. И хотя в дальнейшем возможно некоторое увеличение расходов на социально-культурный сектор в местном бюджете, но помимо этого основного источника следует уже в ближайшие годы сосредоточить внимание на всемерном усилении финансовой базы культурного строительства за счет упорядочения и развития других его весьма значительных, но мало исследованных и развитых источников, как-то: средств хозяйственных организаций, общественной инициативы, специальных средств, оборотных и прочих источников».

Таким образом совещание отрицает возможность радикального разрешения бюджетных затруднений в деле народного образования

даже и путем перераспределения средств местного бюджета вообще. Предложение совещания об упорядочении и развитии внебюджетных источников средств на дело народного образования заслуживает серьезного внимания. Мы уже указывали выше на отсутствие даже сколько-нибудь точного исчерпывающего учета этих средств. В отношении участия в деле народного образования средств хозяйственных организаций необходимо использовать возможности двоякого рода: во-первых, непосредственную заинтересованность нашей промышленности в широкой подготовке рабочей силы разных квалификаций, настолько сильную, что, не удовлетворяясь современной постановкой профобразования, она, в лице ВСНХ, начинает оспаривать у Наркомпроса право на заведывание профучебными заведениями и, во-вторых, обязанность предприятий, осуществляющих строительство рабочих жилищ, согласно постановлению СНК СССР от 22 февраля 1928 г., предусматривать в своих строительных планах и сметах также и возведение школьных зданий, что явится особой формой кредита.

Другой упоминаемый совещанием источник, обещающий стать значительным, это—участие населения в расходах на народное образование, главным образом начальное, путем самообложения. На развитие и целесообразное использование этого источника также необходимо обратить самое серьезное внимание, направив таковое в сторону достижения регулярности ассигнований на некоторые текущие нужды школ, например, на отопление, текущий ремонт, на помощь детям бедноты, подвоз детей, на горячие завтраки и т. д.

Однако следует сказать, что как раз оба главных внебюджетных источника, названных в резолюции совещания и нами отмеченных, участие хозяйственных организаций и участие населения—уже учитываются наркомпросами при составлении перспективных планов введения всеобщего обучения.

Таким образом и указываемый совещанием путь также не решает бюджетной проблемы народного образования. Но, если ни перераспределение средств м е с т н о г о бюджета вообще, ни перечисленные выше внебюджетные источники не разрешают поставленного здесь вопроса, а лишь частично способствуют его разрешению, то нужно остановиться на вопросе о п е р е р а с п р е д е л е н и и с р е д с т в г о с б ю д ж е т а в ц е л о м.

Хотя по конституции нашего Союза дело массового народного образования является внутренним делом каждой отдельной союзной и автономной республики, тем не менее есть все основания к тому, чтобы привлечь на это дело средства общесоюзного бюджета, который, как мы видели, уже тратит довольно значительные средства на содержание высших научных учреждений и учебных заведений общесоюзного значения. И главнейшее из этих оснований, нами с достаточной полнотой уже выявленное,—это неразрывная связь поднятия культурного уровня населения Союза, осуществления задач культурной революции с делом индустриализации и развития сельского хозяйства. Что касается специально задачи введения всеобщего обучения, то эта связь станет еще определеннее, если мы отчетливо уясним, что в распространении начального образования, скажем в Туркестане, на Северном Кавказе, в Донбассе или на Урале заинтересованы не только соответствующие союзные республики, не только туркестанские хлопководы, кубанские хлеборобы, горнорабочие Донбасса или уральские рабочие, но самым кровным и непосредственным образом заинтересован и весь СССР в целом, при централизованно-организованном в нем руководстве крупной промышленностью и при неравномерности естественно-географического распределения различных отраслей промышленности и сельского хозяйства по территории Союза.

Все это дает основание поставить вопрос о помощи делу народного образования из общесоюзных средств. Так уже и поступил, например, Наркомпрос РСФСР, который в докладной записке в СНК РСФСР по вопросу о финансировании дела всеобщего обучения внес предложение войти с ходатайством к правительству СССР о создании всесоюзного школьно-строительного фонда.

Создание такого фонда и ассигнование на его основание, хотя бы 100 млн. руб. с ежегодным достаточно солидным пополнением в течение примерно 5—6 лет, явилось бы уже весьма крупным шагом к разрешению финансовых затруднений в деле народного образования. Эти средства при мощности общесоюзной части госбюджета (в 1927/28 г. около $4^1/_2$ мрд. руб.) могли бы быть в нем найдены путем перераспределения средств и некоторого замедления темпа роста расходов по другим секторам народного хозяйства.

Что касается, наконец, перераспределения средств в пользу народного образования в госбюджетах союзных и автономных республик, то и оно нам представляется возможным. Для выяснения того, за счет каких именно отраслей и в какой мере могли бы быть выделены необходимые суммы, необходимо изучение этого сложного вопроса через особую комиссию по специальному заданию правительств.

Необходимо далее так или иначе разрешить вопрос о специальном займе на нужды народного образования. Этот вопрос в печати и в выступлениях отдельных работников поднимался уже неоднократно, в виде предложений о «школьном займе», «займе культурной революции» и т. п. Несмотря на скептическое отношение многих работников к этой форме изыскания добавочных средств на дело культурного строительства, есть ряд соображений, говорящих в пользу возможности подобного займа. Указывается, между прочим, на то, что придание займу характера помощи деревне на постройку школьных зданий могло бы заинтересовать в нем широкие круги советской общественности. Во всяком случае доводы за и против подобного займа еще не изучены и вопрос в официальном порядке еще не прорабатывался.

В таком же неопределенном положении находится и другой, также не раз выдвигавшийся (между прочим, и т. Молотовым), вопрос о целевом налоге, как источнике добавочных средств на осуществление всеобщего начального обучения. И этот вопрос также необходимо проработать в официальном порядке и так или иначе разрешить.

ВЫВОДЫ.

1. Без чрезвычайных мероприятий по решительному усилению финансирования народного образования стоящие на очереди крупнейшие проблемы в этой области, как-то введение всеобщего начального обучения, ликвидация неграмотности подростков и взрослых, распространение массовой профтехнической грамотности и массового профобразования и целый ряд других задач, выдвигаемых в связи с лозунгом культурной революции, разрешены быть не могут.

2. Разрешение огромных финансовых затруднений, связанных с указанными задачами в области народного образования, может быть найдено не в виде какой-либо одной экстраординарной меры, оно может явиться лишь как результат совокупных мероприятий различного характера.

3. Перераспределение средств внутри бюджета народного образования как местного, так и государственного в ближайший период, пока не изжиты такие явления, как детская беспризорность или материальная необеспеченность учащихся, вызывающие необходимость расходования значительных средств, не может дать сколько-нибудь значительных результатов.

4. Наиболее значительные добавочные суммы могут быть изысканы на дело народного образования путем перераспределения средств между различными отдельными отраслями народного хозяйства, отпускаемых по республиканским и общесоюзному госбюджетам.

5. Вместе с тем значительные средства могли бы быть получены и путем применения таких экстраординарных мероприятий, как заем и целевой налог, в случае если бы осуществление таких мероприятий было признано возможным по финансово-политическим соображениям.

6. Для проработки вопросов о перераспределении средств госбюджета, о возможности специального «займа культурной революции»—как органического дополнения к займам индустриализации и укрепления крестьянского хозяйства, а также о возможности введения особого целевого налога с тех или иных предметов потребления или с каких-либо других объектов, необходимо в ближайшее же время создать, в порядке специального постановления СНК СССР, особую комиссию, результаты работ которой могли бы быть учтены при составлении бюджета на 1928/29 год.

7. Привлечение к делу народного образования средств самого населения в порядке самообложения, а также ассигнований со стороны заинтересованных хозяйственных организаций, использование специальных средств разного рода, дальнейшее упрочение бюджетной дисциплины и т. д., все это является теми дополнительными весьма существенными мерами, которые должны быть проводимы со всей настойчивостью.

8. Необходим исчерпывающий централизованный финансово-статистический учет всех как бюджетных, так и внебюджетных средств, расходуемых на дело народного образования. Организация такого учета должна быть возложена на Наркомфин СССР.

П. ГРИГОРЬЕВ.

КУЛЬТУРНЫЕ НОЖНИЦЫ.

(Опыт общего анализа проблемы).

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ.

Современное состояние просветительной работы обусловлено всем развитием советского строительства и наследием, полученным нами от царского времени. К важнейшим определяющим моментам современного состояния народного образования в республике следует отнести следующие:

а) Основу современной сети просветработы составила количественно и качественно убогая сеть царской России, «свободная» в своем строении от каких-либо научных оснований и отражающая интересы дворянских, буржуазных и клерикальных слоев. Эта основа—и в системе, и в удельном весе отдельных ее звеньев, и в содержании, и в масштабе работы,—естественно, должна была подвергнуться радикальной ломке с наступлением революции.

б) Начальный период революции характеризуется коренным изменением старой системы народного образования и огромным ростом сети просветительных учреждений. При этом расширение масштаба работы носило стихийный характер и развивалось крайне неравномерно по отношению к отдельным разделам народного просвещения и к отдельным районам республики.

в) Эпоха гражданской войны и хозяйственной разрухи внесла новые изменения в сеть просветительных учреждений: наряду с массовым сокращением общего масштаба она привела к иным соотношениям в системе народного образования (дошкольное воспитание, получившее значительное развитие в предшествующий период, было почти сведено на-нет; сеть сельских школ сократилась в большей степени, чем городская; подверглась огромному опустошению сеть профессионального образования, в особенности, по линии низших типов; наряду с этим получила широкое развитие сеть политико-просветительных учреждений, обслуживающая нужды Красной армии).

г) Дальнейший период связан с упорной борьбой за восстановление сети, борьбой за восстановление просветительного фронта в целом. Однако эта борьба, протекавшая в условиях особого внимания к задачам хозяйственного восстановления страны, не могла привести в области народного образования к результатам, которые можно было бы признать удовлетворительными. Постоянный недостаток средств, не покрывающих самых неотложных нужд просветительной работы, и наряду с этим прогрессивно растущие культурные запросы населения (естественный результат улучшения экономического положения страны), затрудняли плановое развитие народного просвещения в соответствии с потребностями народного хозяйства и государственного строительства.

Так, на протяжении ряда лет создалось то явление, которое получило в последнее время название «культурные ножницы».

Этим термином обозначается несоответствие (диспропорция) между объемом и содержанием просветительной работы и потребностями народного хозяйства и культурными запросами трудящихся (внешняя диспропорция); несоответствие между различными отраслями просветработы (внутренняя диспропорция) и, наконец, диспропорция между потребностями и фактическими условиями просветительной работы (качественная диспропорция).

Раствор «культурных ножниц» возможно рассматривать также в направлениях: территориальном (различие в обслуживании просветительной сетью отдельных районов республики), национальном (различие в обеспечении культурных потребностей населяющих республику национальностей), социальном (различие в обслуживании учреждениями народного образования социальных групп населения) и половом (различие в обслуживании просветительной сетью женского и мужского населения). Кроме того в проблеме «культурных ножниц» выделяется, как имеющая чрезвычайное значение, проблема города и деревни.

Диспропорция в области народного просвещения во всех указанных выше разрезах отмечалась и ранее; однако особое значение—научное и практическое—вопрос о «культурных ножницах» приобретает в данный момент, основным лозунгом которого является культурная революция.

Виднейшие представители партии и правительства (А. И. Рыков, Н. И. Бухарин, Г. М. Кржижановский, А. В. Луначарский и др.) в своих выступлениях на тему об очередных задачах строительства в обстановке культурной революции неоднократно обращали внимание на диспропорции, обнаруживающиеся к данному моменту между культурным и хозяйственным сектором.

Вот почему тщательное изучение проблемы диспропорций в области народного просвещения должно составить задачу неотложного значения и объединить коллективный опыт и практиков и теоретиков по просвещению. Этого требуют и методологическая сложность проблемы

и важность ее исследования для практической работы по организации народного просвещения.

В настоящем очерке делается попытка лишь о б щ е г о анализа проблемы; это обусловливается как сложностью вопроса, требующего длительной исследовательской работы целого коллектива, так и крайним недостатком необходимого статистического материала.

По указанным мотивам работу пришлось ограничить следующими конкретными задачами:

1) Выявить по имеющимся материалам несоответствие материальной базы народного образования насущным потребностям просветработы (в сравнении с другими отраслями народного хозяйства и государственного строительства и в сопоставлении с материальными условиями работы в дореволюционный период,—в важнейших показателях).

2) Осветить с возможной ясностью несоответствие существующей сети просветучреждений культурным запросам населения и потребностям народного хозяйства, обратив особое внимание на вопросы обслуживания культурных запросов города и деревни, обслуживания просветительными учреждениями культурно-отсталых народностей и обеспечения по линии просветработы потребностей различных слоев трудового населения республики.

3) Проследить раствор «культурных ножниц» в отношении различных районов республики.

«НОЖНИЦЫ» ПО ЛИНИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ БАЗЫ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ.

1.

Материальная база народного образования, несмотря на ее систематическое укрепление на протяжении последних лет, и абсолютно и относительно все еще остается крайне неудовлетворительной.

Правда, у д е л ь н ы й в е с ассигнований на нужды народного образования в общем бюджете страны (Союза) медленно, но н е у к л о н н о в о з р а с т а е т и в текущем бюджетном году по Союзу составляет уже 10,8%.

В исчислении на 1 душу населения расходы на нужды народного образования, начиная с 1924/25 г., возросли по Союзу с 2,78 черв. руб., до 5,72 черв. руб., т. е. на 105%. Некоторые достижения по линии бюджета народного образования можно отметить и по сравнению с довоенным периодом (1914 г.): относительно (по удельному весу в бюджете) расходы на народное образование в 1927/28 г. превышают довоенный уровень на 1,9%, а в разверстке на 1 душу населения, с переводом в довоенные рубли,—на 48% (2,18 руб.—в 1914 г., 3,24 довоенных рублей в 1927/28 г.) (см. таблицу № 1 на 85 стр.).

Эти сопоставления приводят к мысли о сравнительном благополучии в вопросе обеспечения просветительной работы в Советском Союзе.

Однако такое заключение было бы поспешным. Дополнительный анализ материальных условий народного образования, который мы даем ниже, приводит к другим выводам.

Достаточно сопоставить ассигнования на нужды народного образования в дореволюционный период и ассигнования на просветительные нужды по бюджету 1926/27 г. с масштабом работы 1914 г. и предпоследнего года советской эры, как картина резко меняется.

Таблица 1.

РАСХОДЫ НА НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ ПО ГОСУДАРСТВЕННОМУ И МЕСТНОМУ БЮДЖЕТУ. (ДАННЫЕ ЗА ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ В СРАВНЕНИИ С ДОВОЕННЫМИ—В ОСНОВНЫХ ПОКАЗАТЕЛЯХ).

Годы	Населен. в тысячах	Расходы по Н. О. по бюджету в тыс. руб. (черв. и довоен.)			Доля Н. О. в общем бюджете	Расходы на Н. О., исчислен. в руб. (черв.) с перев. на довоен. р. на 1 душу населения			Сравнен. с довоенными в %
		По госбюджету	По местному бюджету	Всего		По госбюджету	По местному бюджету	Всего	
1914 г.....	175 137	235 695	145 666	381 361	8,9	1,35	0,83	2,18	100
1924/25 г.....	139 754	160 476	228 486	388 962	10,0	1,15	1,63	2,78	—
В дов. р.....	—	88 416	125 777	214 193	—	0,63	0,91	1,54	70
В том числе по смете органов Н.О....	—	142 059	228 486	370 545	9,5	1,01	1,63	2,64	
1925/26 г.....	143 200	225 078	327 694	552 772	10,2	1,57	2,29	3,86	—
В дов. р.....	—	118 755	172 736	291 491	—	0,83	1,20	2,03	93
В т. ч. по смете орг. Н. О....	—	197 831	327 694	525 525	9,8	1,38	2,29	3,67	—
1926/27 г.....	146 989	268 163	432 625	700 788	11,4	1,82	2,94	4,76	—
В дов. р.....	—	147 206	237 576	384 782	—	1,00	1,62	2,62	120
В т. ч. по смете орг. Н. О....	—	234 100	432 625	667 635	9,8	1,55	2,94	4,49	—
1927/28 г.....	149 400	319 270	500 000	819 270	10,8	2,14	3,58	5,72	—
В дов. р.....	—	177 569	307 351	484 492	—	1,18	2,06	3,24	148
В т. ч. по смете орг. Н. О....	—	266 799	500 000	766 799	10,0	1,78	3,58	5,36	—

Примечания:

1. Ассигнования на народное образование в 1914 г. взяты по исчислен. П. Н. Григорьева (см. его статью «Бюджет народного образования в СССР в связи с задачей введения всеоб. обучения» в сб. «Вопр. всеобщ. обуч.», вып. 5).
2. Сумма расходов на народное образование в последние годы взята по бюджетным материалам НКФ Союза ССР, причем по госбюджету учтены наряду с ассигнованиями по сметам НКПросов также ассигнования на народное образование по сметам др. ведомств и Цутранпроса. Местный бюджет за 1927/28 г. взят по контрольным цифрам Госплана СССР.
3. При определении удельного веса расходов на народное образование в 1924/25 г. и в последующие годы, расходы на народное образование сравниваются с расходной частью всего бюджета страны, за исключением переходящих сумм.
4. Перевод в довоенные рубли произведен по общему индексу оптовых цен ЦСУ (б. Госплана), принятому для 1924/25 г. в 1,815, для 1925/26 г.—в 1,817, для 1926/27 г.—в 1,821 и для 1927/28 г.—в 1,798.
5. Расходы по сметам органов народного образования в сумме показаны вместе с расходами по Цутранпросу. При процентировании ко всему бюджету принимались только бюджетные средства на народное образование.

По сравнению с 1914 г. сеть просветительных учреждений сильно возросла, что видно из прилагаемой таблицы.

	1914/15 г.[1]	1926/27 г.[2]	Рост по сравнению с 1914 г.
Сеть высших уч. заведений учр.	97	136	+ 40,2%
учащихся	125 000	168 000	+ 30,4%
Сеть профессион. (спец.) учебн. завед.	2 877 [2]	5 002 [2]	+ 74%
учащихся	266 982	288 000	+102,2%
Сеть общеобр. школ повыш. типа учр.	3 443	7 240 [4]	+ 11,3%
учащихся	675 013	1 233 600	+ 82,6%
Сеть начальн. школ (I ступ.) учр.	102 957	158 200 [5]	+ 53,6%
учащихся	7 015 588	10 825 000	+ 54,3%
Всего { учреждений	109 374	170 578	+ 60,9%
Всего { учащихся	8 082 583	12 814 600	+ 58,5%

В общем (без учета значительной сети школ для взрослых повышенного типа, крестьянских и рабочих курсов, рабочих университетов, школ политграмоты и т. п. учреждений) отмечается рост школьных учреждений по данным 1926/27 г. по Союзу на 60,9%, а в контингентах учащихся — на 58,5%; с учетом же перечисленных учреждений по всем учреждениям школьного типа в 1926/27 г.—на 64%, в 1927/28 г.—на 70%.

Кроме того в революционный период получила большое развитие сеть библиотек, создана количественно мощная сеть изб-читален, клубов и т. п. учреждений, создана бюджетная сеть дошкольных учреждений, и значительно развита сеть интернатных учреждений для детей и подростков. Названные выше новые разделы просветработы, отсутствующие в дореволюционной системе народного образования и не вошедшие в сравнительную таблицу (школы и курсы для взрослых, школы политграмоты, дошкольные учреждения, избы-читальни, клубы и пр.), занимают значительное место в системе советского просвещения, а расходы по ним в местном бюджете РСФСР (без АССР) 1927/28 г. составляют 11,7%.

В условиях крайне ограниченных средств расширение сети просветучреждений к 1927/28 г. в суммарной сводке на 58,5—60,9%, по сравнению с 1914 г., было возможно лишь при снижении норм текущего материального обслуживания учреждений и заработной платы просвещенцев, сравнительно с довоенным уровнем.

Имеющиеся в нашем распоряжении данные о расходах на содержание учреждений народного образования в довоенный период свидетельствуют о значительном превышении современных норм обеспечения просветработы. Табл. 2 (см. 87 стр.) показывает, что обеспечение совре-

[1] Сведения за 1914/15 г. даны в исчислении ЦСУ СССР. Труды, т. XXVIII, вып. 1, изд. 1926 г., стр. 510 и сл.

[2] Число учреждений показано по данным, приведенным в «Итогах десятилетия сов. власти в цифрах», изд. ЦСУ СССР, стр. 80. В итоги не вошла сеть крестьянских и рабочих курсов, школ для взрослых повышенного типа, школ политграмоты.

[3] Данные на 1926/27 г. даны по ««Контр. цифрам Госплана СССР на 1927/28 г.», изд. «Пл. Хоз.», стр. 575 и сл.

[4] Включая рабфаки и ШКМ.

[5] Включая школы для неграмотных и малограмотных.

Таблица 2.

СРАВНИТЕЛЬНЫЕ ДАННЫЕ О РАСХОДАХ НА СОДЕРЖАНИЕ ОДНОГО УЧАЩЕГОСЯ В ГОД В УЧРЕЖДЕНИЯХ РАЗЛИЧНЫХ ТИПОВ

в дореволюционное время и за последние 2 года советского периода [1].

Типы учреждений	Доревол. время: Общий сред. расх. на 1 уч.	Доревол. время: В том числ. из бюджет. источников	1926/27 г.: Общий сред. расх на 1 уч.	1926/27 г.: В том чис. из бюдж. источников	1926/27 г.: Сравнен. с доревол. уровнем в %	1927/28 г.: Общий сред. расх. на 1 уч.	1927/28 г.: В том числ. из бюджет источников	1927/28 г.: Сравнен. с доревол. уровнем в %
Начальные школы:								
(По бюдж. 1915 г.)...	18,8	—	—	—	—	—	—	—
Школы I ступени	—	—	22,4	21,28 [4]	—	27,6	25,6 [4]	—
В довоен. руб.....	—	—	12,3	11,6	65,4	15,8	14,8	84
Мужск. гимназии:								
По Кавк. окр. 1909..	136,7	60,2	—	—	—	—	—	—
» Киев. » 1915..	171,1	—	—	—	—	—	—	—
Реал. училища:								
По Кавк. окр. 1909..	136,4	91,6	—	—	—	—	—	—
» Киев. » 1915..	170,2	—	—	—	—	—	—	—
Женск. гимназии:								
По Кавк. окр. 1909..	90,3	—	—	—	—	—	—	—
» Киев. » 1915..	82,9	—	—	—	—	—	—	—
В среднем.....	120—150	—	—	—	—	—	—	—
Школы II ступени ...	—	—	54,4 [3]	49,4 [3]	—	72,8 [3]	65,5	—
В довоен. руб.....	—	—	30,2	27,1	20—25	41,8	37,6	28—35
Технич. училища:								
По Кавк. окр. 1909..	369	221,4	—	—	—	—	—	—
» Киев. » 1915..	209,5	146,3	—	—	—	—	—	—
Учит. семинарии:								
По Кавк. окр. 1909..	313	250,4	—	—	—	—	—	—
» Киев. » 1915..	435	—	—	—	—	—	—	—
В среднем.....	290—375	—	—	—	—	—	—	—
Техникумы.....	—	—	270 [3]	234	—	314	277	—
В довоен. руб.....	—	—	147,8	128,5	42—50	180,6	159,3	48—65

[1] Без Московской губ. Стоимость обучения 1 учащегося в школах за 1926/27 г. 1927/28 г. исчислена по РСФСР без автономных республик.

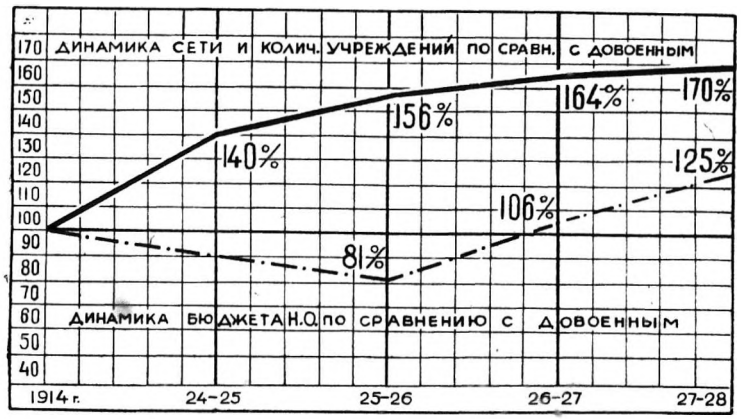
[2] Бюджетные ассигнования увеличены за счет спецсредств (от платности) и общественной инициативы; эти средства приняты для того и другого года в размере 10% бюджета школы II ступени.

[3] Учтены спецсредства, причем процент спецсредств к бюджетным ассигнованиям по госбюджетным техникумам распространен и на местнобюджетные техникумы, для 1927/28 г.—15,4%, для 1927/28 г.—13,4%.

[4] Общественная помощь для школ I ступени в 1926/27 г. принята в размере 5% к бюджетным ассигнованиям, для 1927/28 г. в размере 7%.

менной начальной школы ниже уровня убогой школы царского времени (расходы на содержание 1 учащегося в школе I ст. в 1927/28 г. составляли лишь 84% соответствующих расходов по бюджетам 1915 г.). Обеспечение школы соцвоса повышенного типа в текущем году не превышает 35% того, что тратилось на содержание средней школы в 1909—1915 гг. Расходы на содержание средних учебных заведений профобра в текущем году (в расчете на 1 учащегося) составляли около 50—60% затрат довоенного периода и т. д. Заработная плата, важнейшее слагаемое в сумме расходов на содержание просветучреждений—по I ступени в текущем году составляет около $^2/_3$ (64,3%) довоенной зарплаты учителя начальной школы; по II ступени при уравнении недельных часов на ставку —только 31,9%, а по специальной технической школе и высшим учебным заведениям, относительно, еще ниже.

Графически «ножницы» между ростом сети школьных учреждений на территории Союза ССР и бюджета народного образования на период с 1914 г. по 1927/28 г. можно изобразить так:



Сеть учреждений школьного типа и материальная база народного просвещения.

Ассигнования по местному и гос. бюджетам народного образования в 1914 г. приняты за 100%. Также за 100% принята сеть школьных учреждений 1914 г. Верхняя кривая обозначает рост контингентов учащихся школьных учреждений (включая для советского периода школы по ликвидации неграмотности и малограмотности, совпартшколы, школы и курсы для взрослых, школы политграмоты, рабочие университеты и др. учреждения школьного типа), исчисленный в процентах к 1914 г. Нижняя кривая показывает изменение бюджета народного образования с 1914 г. по 1927/28 г.; показатели за годы советского периода даны в процентах к расходам на народное образование по бюджетам 1914 г., принятым за 100. При сравнении взяты расходы по годам на 1 душу населения. Сумма бюджетных ассигнований для 1914 г. уменьшена на 2 827 000 руб., израсходованных на содержание научных учреждений.

Бюджетные расходы на просветработу в 1925/26 г., по сравнению с показанными в табл. 1, уменьшены на 68 570 тыс. черв. руб., потраченных на содержание научных учреждений (32 524 тыс. руб.) и местнобюджетных учреждений внешкольного типа (дошкольных учреждений изб-читален, библиотек, музеев, клубов и т. п.), причем общий вес этих учреждений в местном бюджете народного образования РСФСР (без

автономных республик—11%—принят за отсутствием в нашем распоряжении точных данных и для других республик Союза.

Бюджетные расходы на народное образование в 1926/27 г. уменьшены на 84 934 тыс. черв. руб., из которых 40 804,8 тыс. руб. ассигновано на научные учреждения и 44 139,2 тыс. руб.—на учреждения внешкольного типа, содержимые за счет местного бюджета (удельный вес расходов на содержание этих учреждений в местных бюджетах РСФСР без автономных республик—10,2%—распространен условно, за отсутствием точных данных, на другие республики Союза).

Из ассигнований по гос. и местному бюджетам на народное образование в 1927/28 г. исключены расходы на содержание научных учреждений (47 355,4 тыс. руб.) и 45 500 тыс. руб., ассигнованные на содержание местнобюджетных учреждений внешкольного характера указанных выше типов.

В результате такого сравнения получается, что сеть (контингент учащихся в учреждениях школьного типа) за период с 1914 г. суммарно выросла на 70%, ассигнования же на народное образование (на содержание учреждений школьного характера) по бюджету увеличились только на 25%.

2.

Слабость материальной базы народного образования, освещенная сопоставлением с материальным обеспечением довоенной школы, представляет собою явление, объясняемое, как в этом убеждает нас последующий анализ, не только общим тяжелым положением народного хозяйства нашей страны. Сравнительная отсталость в деле обеспечения просветработы в известной доле может быть отнесена и за счет недостаточного уяснения значения просвещения в народно-хозяйственной жизни страны. Это непонимание изживается, но медленнее, чем того требуют интересы культурного строительства. Вот почему на протяжении предшествовавших лет и наблюдалось хроническое отставание роста расходов на народное образование по сравнению с расходами на народное хозяйство (промышленность, сельское хозяйство, коммунальное строительство, транспорт, связь и дорожное дело). В то время, как удельный вес расходов на народное образование в общем бюджете страны поднялся только на 0,8%, удельный вес расходов на удовлетворение хозяйственных нужд советского государства повысился с 47,7 до 54,4%, т. е. на 7,3%, а по народному хозяйству без транспорта и связи—на 5,2%. При этом более значительное внимание к нуждам хозяйства, по сравнению с народным образованием, отмечается по линии и государственного и местного бюджета (см. табл. 3 на 90 стр.)

Наглядное изображение раствора «ножниц»—отставания расходов на народное образование от ассигнований по гос. и местному бюджетам на нужды народного хозяйства (без транспорта и связи) за последние 4 года—приводим ниже.

Если ассигнования на нужды народного хозяйства по Союзу за последние 4 года, показанные в относительных показателях на табл. 3, принять по годам за 100%, то по отношению к этим расходам ассигнования на нужды народного образования по годам будут изменяться так:

Годы	Ассигн. на нужды нар. хозяйства	Ассигнования на Н. О.	
		По сравн. с нар.хоз., включая транспорт и связь	По сравн. с нар. хоз. (без. трансп. и связи)
1924 25.	100%	21,0%	52,9%
1925 26.	100%	20,9%	55,1%
1926 27.	100%	19,6%	46,4%
1927 28.	100%	19,9%	44,8%

ДИНАМИКА БЮДЖЕТА НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В СРАВНЕНИИ С БЮДЖЕТОМ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА И ОБЩИМ БЮДЖЕТОМ СТРАНЫ

(Относительные показатели по Союзу) [1]

Таблица 3.

ГОДЫ	Показатели бюджета Н. О.			Показатели бюджета народного хозяйства [2]				
	Уд. в. в общем бюджете страны	В том числе		Уд. в. в общем бюджете	В том числе		Рост по сравнен. с бюджетом пред. года в %%	Рост всего бюдж. страны по сравн. с пред. год. в %%
		По государственному бюджету	По местному бюджету		По государственному бюджету	По местному бюджету		
1924 25.	10,0	5,0	27,0	49	47,7	54,9	28,1	—
1925 26.	10,2	5,2	27,1	41,0	48,7	56,7	28,0	38,7
1926 27.	10,4	4,9	28,3	27,9	52,9	60,7	32,3	39,0
1927 28.	10,8	5,3	27,3	15,4	54,4	61,9	35,5	15,3

ГОДЫ	Удельный вес		%% роста по сравнен. с пред. годом
		В т. ч. по нар. хоз. без трансп. и связи	
1924 25.	18,9	—	—
1925 26.	18,5	32,3	35,6
1926 27.	22,4	59,3	27,9
1927 28.	24,1	16,2	12,2

[1] Таблица составлена по бюджетным данным НКФ СССР, приведенным в «Един. госуд. бюджет Союза ССР» за предыдущие годы, в «Основных итогах местн. бюджетов» и в «Местн. бюджетах СССР к 1927/28 г.».

[2] Включены расходы по промышленности, сельскому хозяйству, коммунальным предприятиям, дорожному делу, транспорту и связи (показаны расходы без содержания административного аппарата).

Аналогичная картина отставания в росте ассигнований на народное образование по сравнению с ассигнованиями на народное хозяйство наблюдается, в частности, и по местным бюджетам РСФСР (см. табл. 4).

Таблица 4.

ДИНАМИКА МЕСТНОГО БЮДЖЕТА НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ПО РАЙОНАМ РСФСР

(Данные о расходах на 1 душу населения, об удельном весе и росте по сравнению с предшествующим годом).

РАЙОНЫ	Расходы на Н. О., исчисл. в р. на 1 душу нас., в местном бюдж. (нетто)			Удел. вес расходов в м. б.			Удел. вес производ.-хоз. расходов в м. б. (нетто)			% роста расходов на Н. О. по сравнен. с пред. год.			% роста всего местн. бюджета в пред. году			% роста производ.-хоз. расходов к пред. году		
	1925/26	1926/27	1927/28	1925/26	1926/27	1927/28	1925/26	1926/27	1927/28	1925/26	1926/27	1927/28	1925/26	1926/27	1927/28	1925/26	1926/27	1927/28
Сев.-Вост.	2,49	2,97	3,79	32,3	29,9	32,7	17,2	25,0	26,6	25,5	20,0	22,8	20,8	29,6	17,5	15,0	89,2	24,5
Сев.-Зап.	4,04	5,81	6,11	25,7	27,5	—	25,2	33,0	—	28,2	47,9	16,6	23,4	38,1	—	5,1	80,7	—
Западный	1,82	3,14	3,16	31,2	32,4	36,1	16,7	22,2	21,7	56,3	77,5	30,2	41,2	70,7	18,6	34,7	113,9	15,7
Центр.-Пром.	4,32	4,76	5,45	23,8	24,1	21,0	23,2	23,7	25,6	38,2	27,1	17,2	49,1	25,0	18,0	1,7	74,3	27,5
Центр.-Черн.	1,42	1,86	2,50	34,2	32,1	34,7	13,0	20,8	23,5	39,4	32,9	35,6	34,5	41,9	—	27,0	137,8	44,6
Вятско-ветл.	2,08	2,58	3,01	35,1	34,3	35,1	17,3	23,5	24,5	53,9	26,2	12,2	54,8	29,0	11,8	61,8	75,8	17,5
Уралобласть	2,26	2,89	3,37	29,9	30,4	33,6	19,6	22,2	22,9	41,6	32,1	19,8	40,8	30,1	19,7	25,0	70,3	23,3
Средневолжский. . . .	1,57	2,01	2,93	29,4	30,0	32,9	21,3	25,2	25,7	53,2	30,5	27,1	45,0	27,7	17,4	29,3	43,5	19,4
Нижневолжский. . . .	2,01	2,52	3,25	26,9	25,8	28,3	18,5	26,5	28,4	31,5	29,1	26,0	34,4	34,9	10,9	17,0	95,3	18,9
Сев.-Кавказский край. .	3,18	3,29	3,60	28,2	24,3	—	21,9	27,2	28,2	32,2	7,0	42,7	42,7	24,2	8,4	54,1	61,1	12,2
Сибирск. край	—	2,24	2,67	—	—	—	—	21,3	23,3	—	56,4	25,1	—	46,6	22,8	—	46,6	34,6
Дальне-Вост. край . . .	2,37	3,29	4,20	22,6	21,9	27,9	27,1	28,6	32,5	31,0	42,9	37,4	47,3	47,0	21,1	51,5	42,7	38,1
Итого по РСФСР(без Авт.Рес)	2,71	3,44	3,80	26,7	26,6	—	21,8	24,1	25,5	37,2	30,0	—	41,5	30,7	17,3	13,3	75,5	24,2

Таблица 5.

КАПИТАЛЬНЫЕ ВЛОЖЕНИЯ В ОСНОВНЫЕ ФОНДЫ

(строения, сооружения и оборудования) народного хозяйства (по всем секторам— госуд., кооперативному и частному—в милл. черв. руб. по ценам 1925/26 г.),

ОБЪЕКТЫ ВЛОЖЕНИЙ	1924/25 год				1925/26 год			1926/27 год				1927/28 год				Раст капит. влож. в 1927/28 г. по срав. с 1924/25 г.
	Фонды к началу года	Износ за год	Капит. вложен. Сумма	Капит. вложен. % отношен. к фондам	Фонды к началу года	Износ за год	Капит. вложен. Сумма	Фонды к началу года	Износ за год	Капит. вложен. Сумма	Капит. вложен. % отношен. к фондам	Фонды к началу года	Износ за год	Капит. вложен. Сумма	Капит. вложен. % отношен. к фондам	
ВСЕГО . . .	48 576,1	2 072,8	2 808,1	5,7	49 311,4	2 090	3 625,5	50 846,9	2 169,2	4 400,5	8,7	5 3078,2	2 263,9	5 292,5	9,9	88
В том числе:																
Капит. влож. в промышлен. (вкл. жил-стр.)	6 648,2	375,9	410,3	6,2	6 681,6	377,4	871,7	7 175,9	392,5	1 095,0	15,2	1 878,4	430	1 370,9	17,4	234
Капит. влож. в район. электрострр. . . .	243,8	12,3	48,6	20,7	271,1	14,2	72,1	329	17,3	162,4	49,3	474,1	24,9	233,5	49,3	380
Капит. влож. в адм. и соц.-культ. строительство	1 374,3	20,6	84,1	6,1	1 437,8	21,6	128,7	1 544,9	23,2	171,9	11,1	1 693,6	25,4	237,0	14,0	170
(Включены: народное образован., здравоохранен. социальн. обеспечение, учрежд. юстиции, милиции и т. п.)																

Примечание. Таблица составлена на основании материала «Контр. цифр Госплана СССР на 1927/28 г.» (стр. 520 и 521); выделить в таблице народное просвещение за отсутствием данных не представлялось возможным.

В то время, как доля народного образования в местном бюджете за последние 3 года остается почти стабильной, удельный вес производственно-хозяйственных расходов растет и превышает для 1927/28 г. удельный вес этих расходов в бюджете 1925/26 г. на 3,7%. Наименьший удельный вес расходов на народное образование фиксируется по бюджетам Северо-Западной и Центрально-Промышленной области, где понижение процента происходит в силу огромных затрат по бюджетам Ленинграда и Москвы на нужды городского благоустройства. Наивысший процент расходов на народное образование в экономически слабых областях (ЦЧО, Западной, Средневолжской и Нижневолжской). Однако, несмотря на высокий удельный вес, расходы на нужды народного образовани в местных бюджетах этих экономически слабых областей являются наименее значительными. Все они попадают в перечень областей, расходы которых по народному образованию в исчислении на 1 человека населения ниже средне-республиканских; к этой последней группе относятся области: Западная, ЦЧО, Вятско-Ветлужская, Уралобласть, Средневолжская, Нижневолжская и Сибирь.

3.

Переходя к составляющим бюджет расходным статьям, не трудно установить отставание народного просвещения и в отношении капитальных вложений, относительный размер которых представляет собою один из важных показателей материального обеспечения работы.

Табл. № 5 (см. 92 и 93 стр.) показывает, что капитальные вложения по государственному, кооперативному и частному сектору в основные фонды промышленности (вместе с раб. жилстроительством и электростроительством) составляли в 1924/25 г. 6,6% к фондам, в 1927/28 г.—19,2%, т. е. выросли за 4 года по отношению к основным фондам на 12,6%, в то время как капитальные вложения по линии административного и соц.-культурного строительства с 6,1% (1924/25 г.) поднялись в 1927/28г. лишь до 14%, т. е. всего на 7,9%. Абсолютно же капитальные вложения в промышленность за 4 года выросли на 250%, а по административному и соц.-культурному строительству—лишь на 170%.

Табл. 6 (см. 95 стр.) освещает интересующий нас вопрос о сравнительных размерах капитальных вложений в народное хозяйство и культурное строительство с другой стороны, а именно со стороны удельного веса этих вложений в бюджете соответствующей отрасли советского строительства. Выясняется, что удельный вес затрат на строительство зданий и сооружений (без оборудования), составлявший во всем бюджете страны в 1924/25 г.—13,5, в 1927/28 г. возрос до 18,8%. Удельный вес затрат на строительство в ассигнованиях по бюджету на нужды народного хозяйства (включая промышленность, электростроительство, сельское хозяйство, транспорт, связь и коммунальное хозяйство) поднят с 24,7% (1924/25 г.) до 29,3% (1927/28 г.); затраты же на строительство зданий для просветительных целей в отношении к бюджету народного образования остались почти стабильными (5,2%—в 1924/25 г., 6,9%—в 1927/28 г., несмотря на то, что по сравнению с довоенным периодом масштаб работы по народному образованию увеличился значительнее, чем по линии промышленности, что видно из следующего сопоставления:

	1914 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	Рост в 1926/27 г. по сравн. с 1914 г.
Нар. образование				
Учебн. завед.	109 374		170 578	+ 60,9
Учащихся	8 082 583		12 814 600	+ 58,5%
Промышленность (цензовая)[1]				
Пром. предпр.	17 729	12 525	—	— 30% для 1925/26 г.
Служ. и рабочих	2 552 011	2 347 907	2 468,6	— 4% » 1926/27 г.
				— 8% » 1925/26 г.

[1] Данные о промышл. предприятиях взяты в сб. «Народ. хозяйство Союза в цифрах на 1925 г.», стр. 468. Сведения даны по территории в границах Союза ССР.

Таблица 6.

ЗАТРАТЫ НА СТРОИТЕЛЬСТВО ЗДАНИЙ И СООРУЖЕНИЙ (БЕЗ ОБОРУДОВАНИЯ)
по источникам финансирования (в милл. черв. руб.).

Отрасли народного хозяйства	1924/25 год						1925/26 год						1926/27 год					
	Всего	В том числе по бюджету			Уд. вес затрат на строит. в бюджете	Расх. на стр. в исч. на 1 ч-ка насел.	Всего	В том числе по бюджету			Уд. вес затрат на строит. в бюджете	Расх. на стр. в исч. на 1 ч. населения	Всего	В том числе по бюджету			Уд. вес затрат на строит. в бюджете	Расх. на стр. в исч. на 1 ч. населения
		Госуд.	Мест.	Всего по бюджету		Всего / В т. ч. по бюд.		Госуд.	Мест.	Всего по бюджету		Всего / В т. ч. по бюд.		Госуд.	Мест.	Всего по бюджету		Всего / В т. ч. по бюдж.
Всего	2 076	381,8	118,3	500,1	13,5	14,9 / 3,6	2 824,8	547,5	208,8	756,3	15,0	19,7 / 5,3	3 311	764	280,4	1 044,4	16,4	22,5 / 7,1
В том числе:													3 703,9	993,5	343,8	1 337,3	18,8	24,8 / 8,9
Народное хозяйство	1 992,1	337,8	92,3	430,1	24,7	14,3 / 3,0	2 682,9	483,2	161,9	645,1	26,8	18,7 / 4,59	3 117,1	659,6	222,0	881,6	26,3	22,20 / 6,0
Народное просвещение	18,9	7,0	11,9	18,9	5,2	0,13 / 0,13	35,1	11,3	23,8	35,1	6,6	0,24 / 0,24	51,8	21,5	30,3	51,8	7,3	0,35 / 0,35

(Продолжение таблицы № 6)

Отрасли народного хозяйства	1926/27 год											
	Всего	В том числе по бюджету			Уд. вес затрат на строит. в бюджете	Расх. на стр. в исч. на 1 ч. населения		В том числе по бюджету			Уд. вес затрат на строит. в бюджете	Расх. на стр. в исч. на 1 ч. населения
		Госуд.	Мест.	Всего по бюджету		Всего	В т. ч. по бюд.	Госуд.	Мест.	Всего по бюджету		Всего / В т. ч. по бюдж.
Всего	3 311	764	280,4	1 044,4	16,4	22,5	7,1	3 703,9	993,5	343,8	1 337,3	18,8	24,8	8,9
В том числе:														
Народное хозяйство	3 117,1	659,6	222,0	881,6	26,3	22,20	6,0	3 466,9	856,4	277,2	1 133,6	29,3	23,20	7,58
Народное просвещение.	51,8	21,5	30,3	51,8	7,3	0,35	0,35	60,0	23,6	36,4	60,0	6,9	0,40	0,40

Рост капитальных вложений, исчисленных в рублях на 1 человека населения, по народному образованию несколько выше, чем по народному хозяйству. Но это явление происходит вследствие того, что в данном случае при сравнении исключены расходы на оборудование, относительно более высокие по линии промышленности, чем по линии народного образования.

В связи с тем, что за отсутствием данных о состоянии основного капитала народного образования пока невозможно установить, каков должен быть нормальный процент капитальных вложений по бюджетам народного образования и в каком отношении этот процент должен находиться к удельному весу капитальных вложений в промышленность, сделанные выше выводы относительно недостаточности капитальных вложений в дело народного образования не могут рассматриваться как абсолютные. Результаты школьной переписи в отношении зданий и оборудования и инвентаризации имущества учреждений народного образования в сравнении с состоянием основного капитала промышленности, возможно, внесут некоторые коррективы в наши выводы. Пока же несомненно лишь то, что капитальные вложения в народное образование заметно отстают от соответствующих вложений в промышленность. Это представляется крайне ненормальным, если учесть слабость основного капитала народного образования в довоенный период, почти полную приостановку строительства школьных зданий при развертывании строительства военизированных промышленных предприятий во время войны и разрушения, произведенные в основном капитале народного образования в период гражданской войны и хозяйственной разрухи.

Что же касается обеспечения школьных учреждений помещениями, то оно видно из следующих сопоставлений.

По нормам министерства народного просвещения на 1 учащегося в начальной школе полагалось в классе не менее 1,14 *кв. м* при внутренней высоте в 3,50 *м* и объеме на 1 учащегося (внутреннем) не менее 4 *куб. м*.

По нормам НКП на 1 учащегося в школе I ст. положено в классе 1,5 *кв. м* при высоте 3,56 *м*; кубатура класса 5,34 *куб. м* на 1 учащеюся[1].

По данным ЦСУ на 1 декабря 1926 г. площадь пола в учебных комнатах школ I ст. (в собственных зданиях) составляла в среднем 1 *кв. м* на ученика с колебанием по районам республики от 0,8 до 1,3 *кв. м*, а кубатура в среднем = 3,2 *куб. м* на 1 ученика, снижаясь в наименее обеспеченных районах (см. табл. 7 на стр. 97) до 2,6 *куб. м*. В наемных помещениях, обслуживающих по статистическим данным 1926 г. 18% школ I ст., средняя площадь пола в учебных комнатах на 1 ученика спускалась до 0,9 *в. м*, ккубатура—до 2,3 *куб. м*. Особенно велика перегрузка школьных помещений в городах и в крупных населенных пунктах, где развитие сети повлекло за собой организацию занятий в 2—3 смены. По выборочному обследованию ЦСУ 1926 г. (по РСФСР) число школ, производивших занятия во вторую смену, определялось:

	В городах	В сельск. местностях
По школам I ступени	23,4%	11,2%
» » 7-леткам	33,6%	18,4%
» » 9 » и II ступени . .	24,2%	20,2% (см. табл. 7).

Положение с обеспечением школ и других просветучреждений помещениями таким образом следует признать тяжелым и требующим самого серьезного внимания, в особенности для последующего периода, так как всякие возможности, которые прежде были по линии уплотнения, разбронирования, восстановления школьных зданий и пр., почти исчерпаны.

[1] Измерители расходов учреждений народного образования, 2-ое изд., НКП, вып. 1, стр. 25.

Таблица 7.

ДАННЫЕ ОБ ОБЕСПЕЧЕНИИ ШКОЛ ЗДАНИЯМИ

(По материалам обследования на 1 декабря 1926 г. и выборочному обследованию ЦСУ).

РАЙОНЫ	Школы I ступени										Школы повышен. типа, школы 7-лет. и 9-лет.	
	% школ, им. соб. здания	% зданий, спец. постр.	% ус. арелых здан., постр. до 1905 г.	% наемных зданий.	Площадь пола в классе на 1 уч.		Кубатура школ. помещ. (в к. м. на уч. 1)		% школ, занят. во 2-ю см.		% школ, занятых в две смены	
					Средняя	В т. ч. в наемн. здан.	Средняя	В т. ч. в наемн. помещ.	В гор.	В сел.	В гор.	В сел.
1. Сев.-восточн.	54,3	67,4	55,6	45,7	1,2	1,1	3,8	2,9	15,5	0,3	—	5,6
2. Сев.-западн.	65,5	61,9	49,0	34,5	1,3	1,0	4,0	2,6	11,7	1,5	3,7—9,9	4,6—8,0
3. Западный	90,7	69,5	42,7	9,3	0,9	0,8	3,0	2,2	23,8	6,4	29,7—29,5	8,7—9,9
4. Центр.-промышленный	89,5	76,5	47,5	10,5	1,1	0,8	3,4	2,3	23,8	10,3	38,4—33,1	25,4—22,3
5. Центр.-черноземной	88,7	81,8	49,6	11,3	0,8	0,6	2,6	1,6	15,5	14,1	22,7—20,2	16,7—24,0
6. Вятский	66,1	75,1	43,9	33,9	1,1	1,0	3,7	2,7	10,3	0,5	8,4—3,0	—
7. Средн.-волжский	85,9	66,5	44,8	14,1	0,9	0,7	2,9	1,8	22,5	10,8	32,3—26,0	13,1—
8. Ниж.-волжский	83,9	70,7	42,4	16,1	0,9	0,7	3,0	2,0	38,5	21,7	27,7—39,4	16,6—30,3
9. Уральск. обл	79,8	64,5	39,5	20,2	1,1	0,9	3,7	2,5	25,0	7,9	28,3—22,6	25,9—31,1
10. Сев.-Кавказск. край	85,3	76,6	33,2	14,7	1,1	0,8	3,8	2,2	35,5	17,7	42,5 35,2	26,0—45,4
11. Сибир. край	82,4	49,4	25,9	17,6	0,9	0,7	2,7	1,9	31,6	14,0	39,7 40,7	17,0—
12. Д.-В. край	90,8	70,6	20,9	9,2	1,1	0,8	3,5	2,2	—	—	—	—
По РСФСР	82,0	69,5	42,8	18,0	1,0	0,9	3,2	2,3	23,4	11,2	33,7—24,2	18,4—20,2

4.

Рассмотрим фактические нормы текущего материального обслуживания просветительных учреждений. Выше было установлено, что средне-годовое обеспечение просветучреждений весьма далеко от довоенного уровня (см. табл. 2). Расходы по текущему содержанию просветительных учреждений не только массовых типов, но также и вузов, лишь в слабой степени покрывают насущнейшие потребности жизни и работы этих учреждений.

Так, средний нормальный расход по текущему содержанию школы I ступени определяется НКП («Измерители расходов учр. народного образования», 2-е изд., вып. II) в 13,34 руб. в год на 1 учащегося (без зарплаты и ремонта школьных зданий). Фактически учебно-хозяйственные расходы по школам I ступени в текущем году в среднем составляли в год лишь 4,19 руб. на учащегося, что составляет 31,4% нормы с колебанием по районам республики от 24,7% (3,30) до 44,7% (5,97 руб.). Общая же стоимость обучения в школах народного образования 1 учащегося в год по бюджетам 1927/28 г. в республике определялась в 25,6 руб., в том числе без капитальных затрат—23,14 руб.; при этом большинство районов (Западный, Центр.-Черноземный, Вятско-Ветлужский, Средне-Волжский, Нижне-Волжский и Сибирь) дают показания ниже средне-республиканского [1].

По школам II ступени средний нормальный расход в год по текущему содержанию (без зарплаты и ремонта зданий) определяется НКП в 27,75 руб. на 1 учащегося, а фактический средний показатель по республике в текущем году 8,84 руб., что составляет 31,8% нормы, с значительным колебанием по районам республики.

Стоимость обучения 1 учащегося школ II ступени в год (включая зарплату, но без капитальных затрат) в текущем году доведена в среднем до 63,13 руб., вместе с капитальными затратами 65,5 руб. стоимость обучения выше среднего по районам: ЦПО, Вятско-Ветлужской обл.[2] и Сибири; в остальных районах показатель ниже средне-республиканского; наихудшее положение, как и во многих других отношениях, в районах ЦЧО, Нижневолжском, Средневолжском и Западном.

Крайне неодинаково обеспечение по бюджетам районов также школ крестьянской молодежи: отмечается колебание от 179,99 руб. (Д. Восток) до 66,8 руб. в год на 1 ученика (Западная область) при средне-республиканском 97,2 руб. в год на 1 ученика. Различие расходов здесь главным образом объясняется неодинаковым размером ассигнований на материальное обеспечение учащихся.

	Факт. расходы	Нормы НКП [3]	% отнош. фактич. расх. к нормальным
Текущие учебн. расходы в руб. на 1 уч. в год:			
По индустр. техн. . . .	13,6	54,8	24,8
» прочим »	11,4	30,0	39
Текущие хозяйств. расх.:			
По индустр.-техн. . . .	25,1	50	50
» прочим »	20,1	36	57

Примечание. Нормальные расходы по «прочим» техникумам взяты как средние между величиной расходов по педтехникумам и с.-х. Фактические расходы исчислены по госбюджету.

[1] Расходы на содержание школ I ст. и др. бюджетных единиц в таб. 8 исчислены без поправки на эффективность затрат.

[2] Повышение дает Коми область.

[3] Измерители расходов учр. Н. О. 2-е изд. НКП, вып. V.

Таблица 8.

СРАВНИТЕЛЬНЫЕ ДАННЫЕ О СОДЕРЖАНИИ БЮДЖЕТНЫХ ЕДИНИЦ ПО ВАЖНЕЙШИМ ТИПАМ МЕСТНОБЮДЖЕТНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ В 1926/27 и 1927/28 гг. (по районам РСФСР).

РАЙОНЫ	Содержание 1 уч. I ст. без кап. затрат		В т. ч. учебн.-хоз. расходы	Содержание 1 уч. в шк. II ст. без капит. затрат		В т. ч. учебн.-хоз. расходы	Содержание 1 уч. в детдоме		Содержание 1 уч. в Ш К М.		Содержание 1 волостной избы-чит.		Содержание в профшк. (без капит. затрат)		Содержание 1 уч. в уч. мастер.	
	26/27	1927 28		26 27	1927 28[1]		26 27	27/28	26 27	27/28	26/27	27/28	26/27	27/28	26/27	27/28
Сев.-Восточный	20,99	24,68	5,10	50,56	63,70	7,42	198,52	214,4	90,48	103,2	—	1 766	138,5	161	69,1	88,2
Сев.-Западный.	26,46	32,23	5,97	47,66	59,85	5,15	294,43	281,5	120,42	119,8	—	1 766	138,5	166,7	72,2	86,5
Западный	16,78	19,41	3,43	39,11	50,41	5,29	217,26	225,8	45,98	66,8	—	—	—	164,9	—	94,5
Центр.-Промышлен	20,40	25,87	4,58	52,76	69,93	12,94	259,09	250,6	85,26	113,1	1 680	2 065	141,8	170,8	81	102
Центр.-Черноземн.	14,94	18,93	3,75	39,25	52,88	6,82	196,15	219,1	62,49	81,0	1 462	1 751	141,8	164,1	79,2	93
Вятск.-Ветлужск	19,64	22,36	4,14	54,00	69,70	7,93	173,15	184,2	67,92	82,7	—	—	—	154,0	—	85,0
Средневолжский.	16,69	19,92	3,30	53,10	65,49	8,65	185,20	202,3	86,41	102,2	1 551	1 921	125	145,5	73,0	82,6
Нижневолжский.	17,31	19,79	3,44	37,39	53,72	5,12	196,39	199,6	59,35	99,5	—	—	124	145,5	75,0	84,6
Уральск. обл.	21,28	23,17	3,69	44,25	58,01	6,84	147,35	157,6	65,73	77,1	—	—	148,5	174,5	84,9	96,1
С.-Кавказск. край	18,67	—	—	43,60	—	—	187,04	—	84,24	—	1 783	2 016	135	150	73,0	85
Сибир. край.	18,43	20,84	3,83	50,19	70,82	7,74	178,27	190,5	95,57	90,0	1 572,8	2 028,6	107,2	123,8	54,8	69,2
Д.-В. край	23,92	26,95	5,90	44,46	62,82	6,39	259,20	320,1	179,99	—	1 212,4	1 916,7	100,3	121,5	77,1	91,0
По РСФСР (без авт. респ.) .	19,38	23,14	4,19	47,47	63,13	8,84	212,85	223,7	99,7	9 ,2	1 786	1 880	146	165,4	79	94,5

Примечание. Показатели по Ц.-П. О. исчислены без учета Московской губернии.
» С.-З. О. » » г. Ленинграда.

Значительные колебания бюджетных норм, как это видно из табл. 8, отмечаются и по другим типам просвет учреждений.

5.

По линии заработной платы просвещенцев за последние годы имеются значительные достижения; однако современный размер зарплаты работников просвещения еще далек от довоенного и значительно отстает от роста зарплаты промышленных рабочих. В то время как ставка рабочего в текущем году (без учета продолжительности рабочего дня) превысила довоенный уровень на 22%, зарплата учителя I ступени ниже довоенной ставки на 35,7% и составляет лишь около 65% среднего обеспечения промышленного рабочего (сравн. приведено в «Основных итогах развития местных бюджетов СССР», изд. НКФ СССР 1928 г., стр. 134).

Таблица 9.

ЗАРАБОТНАЯ ПЛАТА РАБОТНИКОВ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ТРУДА И РАБОЧИХ ДРУГИХ ПРОФЕССИЙ В СРАВНЕНИИ С ДОВОЕННОЙ.

Категории работников	Зарплата в месяц			Уровень зарплаты в 1927/28 г. по сравн. с довоен. в %	Примечания
	1914 г.	1927/28 г.			
		В черв. рубл.	В довоен. рубл		
Учителя I ст.	35	44	22,51	64,3	1. Для перевода взят бюдж. индекс в исчисл. на 1297/28 г,, по контр. цифрам Госплана СССР 1 руб. довоен.=1,95 черв. р.
Учителя II ст.	75 / 112,5	70	35,90	47,9 / 31,9	2. Довоенная ставка для учит. средн. школ исчисл. в 75 руб. за 12 раб. час в неделю и составл. след., 112,5 р. за нынешн. норму 18 нед. часов
Медицинск., ветеринарный и агроном. персонал	100 / 125	90	46,15	46,2 / 36,9	3. Довоенная ставка врача исчисл. в 125 р. по земским губерн. и была несколько ниже в др. район., почему за максимум взято 100 руб.
Промышлен. рабочие (средн. ставка без учета продолжительн. раб. дня)	28,5	67,83	34,8	122	

Общие выводы в отношении материального обеспечения просветработы.

1. Материальная база народного образования, несмотря на значительные достижения по пути ее укрепления за последние годы, остается по сравнению с довоенным уровнем и насущными потребностями просветительной работы весьма слабой.

В то время как по другим отраслям советского строительства нормы материального обеспечения доведены до довоенного уровня или даже превысили его, довоенные нормы материального обслуживания просветучреждений еще не достигнуты.

2. Такое положение на просветительном участке советского строительства находит объяснение в экономическом состоянии республики, обусловливающем (в особенности для предыдущего периода) преимущественное значение хозяйственных задач. Однако этим не исчерпывается вопрос. Современная материальная база народного образования обусловлена также и недостаточной оценкой хозяйственной эффективности просветработы. Отсюда становится понятным систематическое отставание ассигнований на нужды народного образования по сравнению с промышленностью, в частности, отставание расходов на нужды строительства и оборудования просветучреждений.

3. Слабость материальной базы просветработы отмечается как по линии обеспечения помещениями, оборудования и обслуживания текущих нужд, так и в отношении материального обеспечения работников педагогического труда.

4. Фактический уровень обеспечения просветработы при этом является весьма неровным, колеблющимся по различным районам, губерниям и уездам и волостям республики. Амплитуда колебаний нередко достигает значительных размеров и представляет собой результат соотношения сил в борьбе за нормы обеспечения просветработы. Особенно низкий уровень материального обеспечения просветработы наблюдается в культурно (и экономически) отсталых районах республики.

И. ЗАКОЛОДКИН.

(Продолжение следует).

ИЗМЕРЕНИЕ КУЛЬТУРНОЙ МОЩНОСТИ РАЙОНОВ РСФСР.

Проблемы, стоящие перед народным хозяйством, выдвигают перед народным просвещением целый ряд важнейших задач, к каковым в первую очередь нужно отнести вопросы рационального культурного районирования и увязки просветительной работы с особенностями народного хозяйства районов. Но осуществление этой задачи требует планировки просветительной сети, на основе точных данных географического распределения уже имеющихся культурных ценностей. Поэтому культурная география должна в ближайшем будущем занять подобающее место наряду с экономической.

Сравнительное изучение районов требует наличия единого культурного показателя, дающего хотя бы условную возможность сопоставления. Между тем, до сих пор мы имеем по каждому району целый ряд культурных показателей, но что представляют они из себя в в целом, какова их увязка с экономикой района, для нас совершенно неизвестно.

Настоящая работа является попыткой отыскания метода исчисления единого (синтетического) показателя культурной мощности.

Мы постараемся дать сводную количественную характеристику культурного уровня района РСФСР в наиболее характерных показателях. Чтобы ярче выявить местные особенности, мы выразили показатели каждого района в процентах по отношению к средне-республиканскому; принимая средне-республиканское значение за 100% (см. табл. № 1). Таким образом мы можем установить место каждого района в общей цепи по каждому культурному показателю.

При сравнении культурных показателей районов с средне-республиканским мы видим, что некоторые из них превышают его, другие совпадают и, наконец, третьи не доходят до него. Таким образом чем

больше показатели района превышают черную черту диаграммы (среднереспубл. уровень), тем выше культурный уровень данного района.

Соединив на диаграмме верхние концы столбиков, определяющих культурные показатели какого-нибудь района, мы получаем его культурный профиль. Анализируя и сравнивая профили одного района с другим, мы можем сгруппировать их по отдельным показателям. Так, если мы начнем с материальной базы народного просвещения, т. е. с показателя, определяющего облик культурного профиля, то увидим, что все районы по этому признаку делятся на 3 группы: районы с расходами на одну душу населения в пределах 3 р., каковы — Сибирь, Средневолжский район и ЦЧО. Районы с расходами от 3 р. до 4 р.—Западный, Урал, Нижневолжский, Вятский, Северный Кавказ, Северо-Восточный. Свыше 4 р.—ДВК, Центрально-Промышленный район и Ленинградский район. И, действительно, из диаграммы № 1 видно, что в районах, относящихся к первой группе, большинство показателей не достигают черной черты.

Имеющиеся незначительные несовпадения между группировкой районов по их средним культурным показателям и абсолютным размером расходов по народному образованию на душу населения объясняются или различной эффективностью затрат, или случайными привходящими причинами. Но эти отклонения не меняют общего вывода: районы, из года в год имеющие низкий расход на душу населения, занимают последние места среди остальных районов и, наоборот, районы с высокими расходами на душу населения стоят очень высоко по культурной мощности.

Перейдем теперь к исчислению единого показателя. В основу его разработки возьмем балльную систему и, для удобства, количество баллов возьмем равным количеству районов. Дальше, из каждого показателя в отдельности построим вариационный ряд следующим образом.

1. Берем самый высокий и самый низкий показатель (например, расход на душу населения по Ленинградской области на народное образование на 1927/28 г.—6 р. 10 к., а по ЦЧО самый низкий—2 р. 25 к.). Находим амплитуду отклонения, т. е. разность. Обозначив последнюю через X, будем иметь У—Z=X, где У самый большой показатель, Z—самый меньший. Затем берем полученную разность X и делим на условное количесво баллов (в данном случае на 12). Получаем частное, которое обозначаем через Q, и получаем Q=X : E, где E—количество баллов.

2. Затем берем самый низкий показатель Z и прибавляем частное Q, после чего получаем интервал для первой группы от Z—Z+Q. К полученной сумме прибавляем частное Q и получаем интервал 2-й группы (Z+Q)—(Z+Q+O) и т. д. для всех 12 групп.

Таким образом мы получили вариационную таблицу показателей культурного профиля (см. вариационную табл. культ. показателей № 2а).

Имея такую вариационную таблицу показателей, мы сопоставляем ряды показателей районов (см. табл. № 1) с соответственными вариационными рядами (табл. № 2) и принимаем для каждого показателя района балл, равный той группе вариационного ряда, к которой показатель района ближе всего примыкает. Таким образом мы и отыскиваем для каждого района ряд баллов, соответственно количеству культурных показателей. Дальше при помощи среднеарифметических вычислений приводим всю сумму баллов к одному среднему показателю культурной мощности, что видно из таблицы № 3 и соответствующей ей диаграммы № 2.

Ценность приведенных показателей зависит в большей мере как от удачного выбора последних, так и от их количества и от доброкачественности статистического материала.

Нами использованы были и такие культурные показатели, которые не часто применяются в нашей практике, как, например, количество газет на 1 000 душ населения, а также количество изб-читален на 100 школ I ст.

Коэфициент эффективности работы по первой ступени выведен нами на основании 4 показателей (табл. № 1, графы: 13, 14, 15, 16) тем же методом, что и показатель культурной мощности.

Диаграмма № 2.

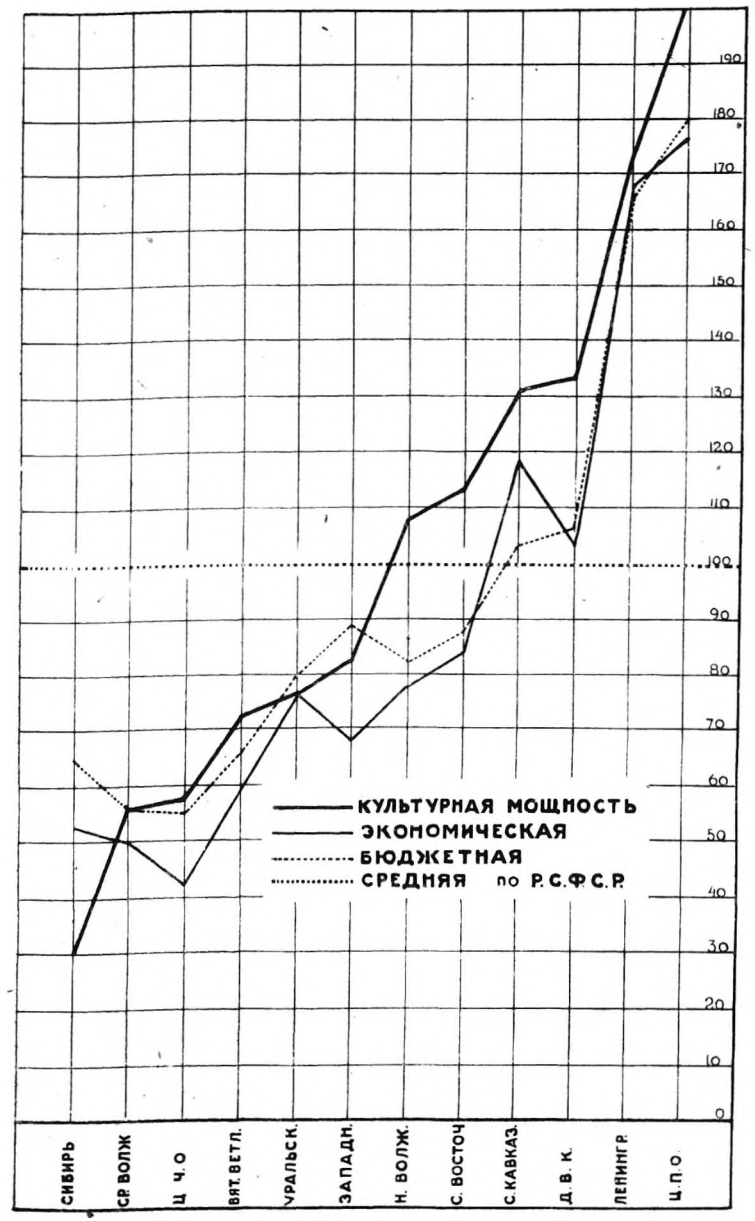
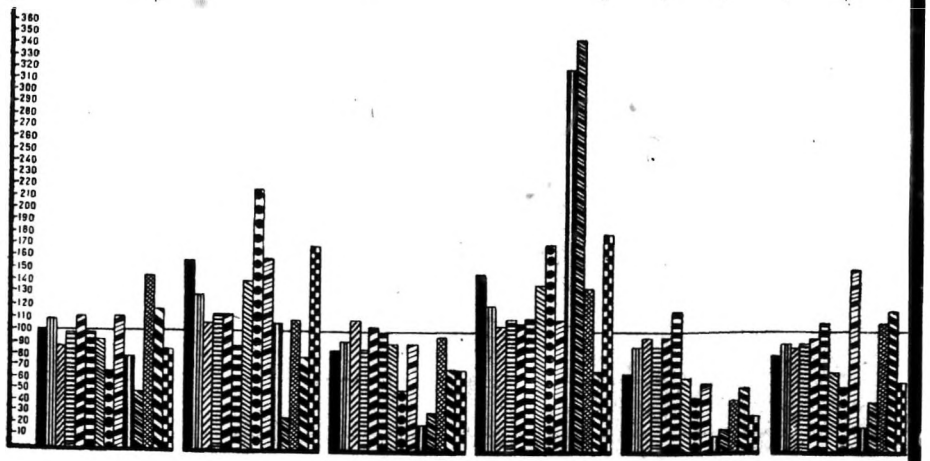
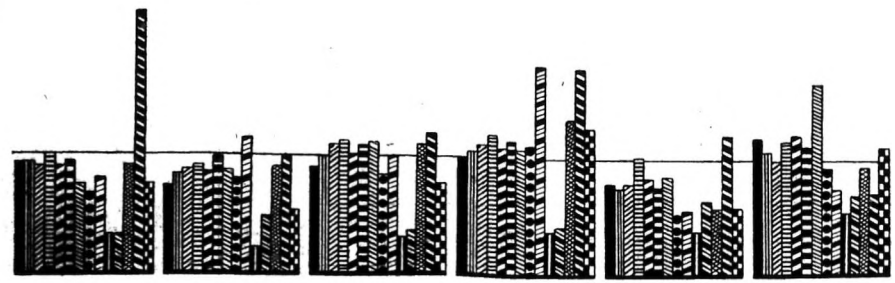


Диаграмма № 1.

Условные знаки показателей	НАИМЕНОВАНИЕ ПОКАЗАТЕЛЕЙ	В среднем по РСФСР без автон. республик.	По районам—к среднему республиканскому, принятому за 100%									Источники показателей
			Северо-Восточный.	Ленинград. область	Западный	Центрально-Промышл.	Центрально-Черноземн.	Вятский	Уральская область	Средне-Волжский	Нижне-Волжский	Северный Кавказ	Сибирский край	ДВО	
	Расход на 1 душу населения	3,8	100,0	160,5	84,2	144,7	65,8	78,9	89,5	68,4	84,2	94,7	71,1	110,5	Местный бюджет 1927/28 г. НКФ РСФСР.
	Грамотность населения на 1000	441	105,2	130,6	90,0	122,0	85,7	89,8	89,1	82,5	96,6	98,0	70,1	99,1	Всесоюзная перепись населения 1926 г.
	Уч-хся 1-го конц. на 1000 дет. 8—11 л.	72,7	88,9	105,9	111,6	161,6	95,4	90,3	88,9	87,4	103,8	108,5	73,5	91,3	Учащ.—15/XII 1927 г. Насел.—1/IV 1928 г. ЦСУ и Госплан.
	% девочек среди уч-хся в шк. I ст.	37,1	95,4	111,1	83,6	108,9	85,4	88,9	100,3	87,9	104,9	112,1	93,8	108,9	На 1/XII 1926 г. ЦСУ РСФСР.
	Продолжит. пребыв. уч-хся в шк. I ст.	2,7	111,1	111,1	103,7	107,4	92,6	92,6	88,9	85,2	96,3	103,7	77,8	111,1	По исчислениям Планов. отд. НКП.
	% спец. построен. зданий для шк. I ст.	69,5	97,0	89,1	100,1	110,1	116,7	108,1	92,8	95,7	101,7	110,2	71,1	101,6	На 1/XII 1926 г. ЦСУ РСФСР.
	Уч-хся 2 и 3 конц. на 1000 населения	10,2	93,1	145,1	92,2	137,3	60,8	63,7	70,6	76,5	105,9	101,0	76,5	154,9	Учащ.—1/XII 1927 г. насел.—1/IV—23 г. ЦСУ и Госплан.
	Уч-хся профобра (без вуз.) на 1000 населения	4,7	68,5	221,3	49,1	172,9	41,9	50,9	61,9	62,3	78,9	103,4	45,9	82,9	
	Уч-хся с.-хоз. спец. (без вуз.) на 1000 кр. хозяйств	1,5	111,5	159,5	86,5	106,8	53,4	48,6	75,7	110,1	93,9	174,3	50,0	66,2	Учащ.—1/XII 1926 г.; кр. хоз. 1927 г. ЦСУ РСФСР.
	Газет на 1000 населения	87	75,8	105,7	20,6	320,7	9,2	17,3	27,6	18,4	27,6	32,2	34,5	48,3	
	Крестьянских газет на 1000 кр-нских хозяйств	112	46,4	26,8	33,9	346,4	15,2	39,3	27,7	43,7	30,4	33,9	58,0	64,3	На 1/IV 1928 г. Главлит.
	Книг на 1000 населения	50,3	148,1	106,2	97,2	138,6	44,5	107,2	89,3	89,9	104,2	124,7	55,5	86,1	
	Изб-читален на 100 школ I ступени	16,5	118,2	79,4	69,1	68,5	49,7	116,4	217,6	98,2	116,4	172,7	113,3	64,8	На 1/XII 1926 г. ЦСУ РСФСР.
	Экономическая мощность	—	0,855	1,726	0,682	1,831	0,409	0,595	0,789	0,531	0,731	1,204	0,526	1,050	



Сев.-Восточный. Ленинград. обл. Западный Центр.-Промышл. Центр.-Черноозем. Вятский.



Уральская обл. Средневолжский. Нижневолжский. Сев.-Кавказский. Сибирский край. Дальне-Восточн.

Таблица № 1.

КУЛЬТУРНЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ ПО РАЙОНАМ РСФСР (БЕЗ АССР)

(по данным 1926/27 и 1927/28 г.г.).

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ РАЙОНЫ	Расход на 1 душу населения в рублях по н. о.	Грамотность населения на 1000 душ	% учащихся 1-го концентра к детск. континг. 8—11 лет	% девочек	% специально ностроенных зданий	На 1000 душ населения учащихся 2-го и 3-го конц.	Число уч-ся в с.-х. уч. зав. Проф. на 1000 крест. хоз.	Книг на 1000 жителей	Газет на 1000 жителей	Крест. газет на 1000 крестьянских хозяйств	На 100 школ I ст. приход. изб-читален	Учащихся профобра (без вузов) на 1000 жителей	Показатели эффективности работы школ I ст.: % отсева	% продукции	Продолжительность курса обучения.	Средняя продолжит. учебного года в деревне.
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17
РСФСР (без автономных республик) гор.	3,8	441	72,7	37,1	69,5	10,2	1,48	50,3	87	112	16,5	4,70	68,8	27,5	2,7	167
1. Северо-Восточный	3,8	464	64,7	35,4	67,4	9,5	1,65	74,5	66	52	19,5	3,22	55,8	38,9	3,0	180
2. Ленинградская обл.	6,1	576	76,4	41,2	61,9	14,8	2,36	53,4	92	30	13,1	10,40	59,5	35,6	3,0	172
3. Западный	3,2	397	81,2	31,0	69,6	9,4	1,28	48,9	18	38	11,4	2,31	64,4	31,4	2,8	168
4. Центарально-Промышленный	5,5	538	117,5	40,4	76,5	13,9	1,58	69,7	279	388	11,3	8,13	62,1	33,4	2,9	177
5. Центр.-Черноземный	2,5	378	69,4	31,7	81,1	6,2	0,79	22,4	8	17	8,2	1,97	75,7	21,4	2,5	160
6. Вятский	3,0	396	65,7	33,0	75,6	6,5	2,20	53,9	15	44	19,2	2,39	70,3	26,2	2,5	167
7. Уральская область	3,4	393	64,7	37,2	64,5	7,2	1,12	44,9	24	31	35,9	2,91	72,5	24,2	2,4	161
8. Средне-Волжский	2,5	364	63,6	32,6	66,5	7,8	1,63	45,2	16	49	16,2	2,93	76,8	20,4	2,3	164
9. Нижне-Волжский	3,2	426	75,5	38,9	70,7	10,8	1,39	52,4	24	34	19,2	3,71	69,6	26,7	2,6	162
10. Северо-Кавказский	3,6	432	78,9	41,6	76,6	10,3	2,58	62,7	42	72	28,5	4,86	63,6	32,0	2,8	175
11. Сибирский Край	2,7	309	53,5	34,8	49,4	8,2	0,74	27,9	28	38	18,7	2,16	81,3	16,4	2,1	140
12. Дальневосточный Край	4,2	437	66,4	40,4	70,6	15,9	0,98	43,3	30	65	10,7	3,90	57,9	37,0	3,0	—

Таблица № 2а.

ВАРИАЦИОННАЯ ТАБЛИЦА КУЛЬТУРНЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ.

№№ баллов	Расход на душу населения по н. о. за 1927/28 г.	Грамотность населения	% учащихся 1 концентра к детскому контингенту 8—11 л.	% девочек на 100 учащихся	Коэффициент эффективности работы по школам I ст.	На 1000 душ населения учащихся 2-го и 3-го концентра школ соцвоса	На 1000 жителей приходится учащихся профобра	% специально построен. зданий	На 1000 жителей приходится газет	На 1000 жителей приходится книг
1	2,5—2,8	30,9—33,1	53,5—58,8	31,0—31,8	1,0—1,9	6,2—7,0	1,9—2,6	49,4 52,0	8—30	22,—26,5
2	2,8—3,1	33,1—35,3	58,8—64,1	31,8—32,6	1,9—2,8	7,0—7,8	2,6—3,3	52,0—54,6	30—52	26,5—30,8
3	3,1—3,4	35,1—37,5	64,1—69,4	32,6—33,4	2,8—3,7	7,8—8,6	3,3—4,0	54,6—57,2	52—74	30,8—35,1
4	3,4—3,7	37,5—39,7	69,4—74,7	33,4—34,2	3,7—4,6	8,6—9,4	4,0—4,7	57,2—59,8	74—96	35,1—39,4
5	3,7—4,0	39,7—41,9	74,4—80,0	34,2—35,0	4,6—5,5	9,4—10,2	4,7—5,4	59,8—62,4	96—118	39,4—43,7
6	4,0—4,3	41,9—44,1	80,0—85,3	35,0—35,8	5,5—6,4	10,2—11,0	5,4—6,1	62,4—65,0	118—140	43,7—48,0
7	4,3—4,6	44,1—46,3	85,3—90,6	35,8—36,6	6,4—7,3	11,0—11,8	6,1—6,8	65,0—67,6	140—162	48,0—52,3
8	4,6—4,9	46,3—48,5	90,6—95,9	36,6—37,4	7,3—8,2	11,8—12,6	6,8—7,5	67,6—70,2	162—184	52,3—56,6
9	4,9—5,2	48,5—50,7	95,9—101,2	37,4—38,2	8,2—9,1	12,6—13,4	7,5—8,2	70,2—74,8	184 206	56,6 60,9
10	5,2—5,5	50,7—52,9	101,2—106,5	38,2—39,0	9,1—10,9	13,4—14,2	8,2—8,9	74,8—77,4	206—228	60,9—65,2
11	5,5—5,8	52,9—55,1	106,5—111,8	39,0—39,8	10,9—11,0	14,2—15,0	8,9—9,6	77,4—80,0	228—250	65,2—69,5
12	5,8—6,1	55,1—57,6	111,8—117,5	39,8—41,6	11,0—12,0	15,0—15,9	9,6—10,4	80,0—81,1	250—271	69,5—74,5

Таблица № 2б.

ВАРИАЦИОННАЯ ТАБЛИЦА ПОКАЗАТЕЛЕЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ РАБОТЫ ПО ШКОЛЕ I СТУПЕНИ.

№№ баллов	Продолжительность курса обучения	№№ баллов	% отсева	№№ баллов	% продукции	№№ баллов	Средняя продолжительность учебного года в деревне
1	2,10—2,17	12	55,8—57,9	1	16,4—18,2	1	140,0—143,3
2	2,17—2,24	11	57,9—60,0	2	18,2—20,0	2	143,3—146,6
3	2,24—2,31	10	60,0—62,1	3	20,0—21,8	3	146,6—149,9
4	2,31—2,38	9	62,1—64,2	4	21,8—23,6	4	149,9—152,2
5	2,38—2,45	8	64,2—66,3	5	23,6—25,4	5	152,2—155,5
6	2,45—2,52	7	66,3—68,4	6	25,4—27,2	6	155,5—158,8
7	2,52—2,59	6	68,4—70,5	7	27,2 29,0	7	158,8—161,1
8	2,59—2,66	5	70,5—72,6	8	29,0—30,8	8	161,1—164,4
9	2,66—2,73	4	72,6—74,7	9	30,8—32,6	9	164,4—167,7
10	2,73—2,80	3	74,7—76,8	10	32,6—34,4	10	167,7—171,0
11	2,80—2,87	2	76,8—78,9	11	34,4—36,2	11	171,0—174,3
12	2,87—3,00	1	78,9—81,3	12	36,2—38,9	12	174,3—180,0

ПРИВЕДЕНИЕ РАЙОНОВ К ОДНОМУ ПОКАЗАТЕЛЮ ЭФФЕКТИВНОСТИ РАБОТЫ ПО ШКОЛЕ I СТУПЕНИ.

РАЙОНЫ	Средняя продолжительность курса обучения	% отсева	% продукции	Средняя продолжительность учебного года в деревне	Средний арифм. коэффициент эффективности работы школ I ступени
1. Северо-Восточный	12	12	12	12	12,00
2. Ленинградский	12	11	11	11	11,25
3. Западный	11	8	9	10	9,50
4. Центр.-Промышленный	12	10	10	12	11,00
5. Центр.-Черноземный	6	3	3	7	4,75
6. Вятский	6	6	6	9	6,75
7. Средне-Волжский	3	3	3	7	4,00
8. Нижне-Волжский	8	6	6	8	7,00
9. Урал	5	5	5	9	6,00
10. Сибирь	1	1	1	1	1,00
11. Северный Кавказ	10	9	9	12	10,00
12. Д. В. К.	12	12	12	12	12

Таблица № 3.

ПРИВЕДЕНИЕ КУЛЬТУРНЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ РАЙОНОВ К ОДНОМУ ЗНАМЕНАТЕЛЮ.

(Среднее арифметическое).

РАЙОНЫ	Расходы по м. б. на народн. образ. на душу населения	% грамотности населения	% учащихся 1-го концентра к детск. контингенту 8—11 лет	% девочек на 100 душ учащихся	Коэффициент эффект. работы по шк. 1 ст.	Учащихся 2-го и 3-го конц. на 1000 душ населения	Учащихся профобра на 1000 душ насел. (без вузов)	% спец. построен. шк. зданий в сельск. местностях	Газет на 1000 жителей	Книг на 1000 жителей	Итого баллов	Средний показатель культурной мощности района. (по всем показ. таблицы)	Средний показатель культ. туры. мощности района. (без показат. №№ 10, 11)
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
1. Северо-Восточный	5	7	3	6	12	5	2	7	3	12	62	6,2	5,8
2. Ленинградский	12	12	5	12	11	11	12	5	4	8	92	9,2	10
3. Западный	3	4	6	1	9	4	1	8	1	7	44	4,4	4,5
4. Центр.-Промышленный	10	11	12	12	11	10	9	10	12	12	109	10,9	10,6
5. Центр.-Черноземный	1	4	3	1	5	1	1	12	1	1	30	3,0	3,6
6. Вятско-Вятский	2	4	2	3	4	1	2	10	1	8	40	4,0	3,9
7. Ср.-Волжский	1	3	6	2	7	6	3	7	1	6	30	3,0	2,8
8. Нижне-Волжский	3	6	5	10	7	6	2	9	1	8	58	5,8	6,1
9. Уральский	3	4	3	8	6	2	2	6	1	6	41	4,1	4,2
10. Северный-Кавказ	4	6	5	12	10	6	5	10	2	10	70	7,0	7,2
11. Сибирский	1	1	1	5	1	3	1	1	1	1	16	1,6	1,7
12. Д.-В.- К.	6	6	3	12	12	12	4	9	2	5	71	7,1	8,0
Итого баллов по показат.	51	69	51	84	95	63	43	94	29	84	—	—	—
Среднее по РСФСР в целом	4,2	5,7	4,1	5,6	7,9	5,2	3,5	7,8	2,4	7,0	53	5,3	5,5

Сопоставим их с показателем экономической мощности (диаграмма № 2 «Культурно-экономическая и бюджетная мощность районов»). Рассматривая диаграмму № 2, мы приходим к следующим выводам. Во-первых, совпадение большинства показателей по всем 3 разрезам доказывает, что наш условный показатель культурной мощности по районам себя оправдывает. Во-вторых, диспропорции, которые выявляются при этом сопоставлении, подчеркивают недооценку данными районами значения дела народного просвещения при распределении бюджетных средств.

Наибольшее расхождение культурно-экономических ножниц мы замечаем по Сибири, в которой низкий культурный показатель можно объяснить только частично более низкой эффективностью затрат по народному образованию, благодаря низкой плотности населения. Такое же заключение мы выводим относительно Западной области. Последнее подтверждается еще и данными Наркомфина за 1927/28 г., по которым Западная область имеет самый низкий показатель норм расходов по I ступени из всех районов РСФСР (19 р. 41 к.).

Что касается ЦЧО, то здесь, наоборот, можно констатировать большое напряжение местного бюджета для удовлетворения нужд народного просвещения.

Приводимый нами анализ показывает, что применяемый нами метод оценки культурной мощности дает возможность сопоставить культурную мощность районов с экономической, причем выявляются имеющиеся в этом отношении диспропорции.

Сопоставление культурной мощности района с средне-республиканскими показателями дает возможность выявить культурно-отсталые районы и относительный размер их отсталости.

Дальнейшая, более углубленная и уточненная разработка показателя культурной мощности таким или другим (может быть, более совершенным) методом даст хорошее орудие для сравнительной оценки состояния народного просвещения в различных районах страны. Такая же проверка состояния народного образования в окружном разрезе даст еще более интересные и ценные результаты.

Л. ПРЕСС.

ДИНАМИКА НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ В СОЮЗНЫХ РЕСПУБЛИКАХ ЗА ПОСЛЕДНЕЕ ПЯТИЛЕТИЕ (1923—28 гг.).

Характеристика поступательного движения в области просвещения, как и в других отраслях народного хозяйства, долгое время делалась на основании сопоставления с довоенным уровнем. Теперь, когда довоенный уровень народного образования оставлен позади, это сопоставление потеряло свою практическую значимость, сохраняя лишь интерес исторической иллюстрации, некоторой общей характеристики нашего современного положения. Но зато приобрело большое практическое значение изучение нашего собственного советского темпа роста просветительной работы, как он определился в годы, так называемого, восстановительного периода. Соответствующие показатели динамики просвещения являются необходимейшим пособием для ориентировки в плановой работе при обосновании темпов дальнейшего роста тех или иных отраслей народного просвещения.

Нижеследующие строки имеют целью выведения этих показателей по союзным республикам по главнейшим отраслям просветительной работы и важнейшим массовым типам учреждений народного образования за пятилетний период, начиная с 1923/24 г., который мы можем считать первым годом восстановительного периода. Для Среднеазиатских республик начальным годом взят 1924/25 г., когда состоялось размежевание этих республик. В некоторых случаях этот год взят и для Белоруссии, в виду того, что к этому времени произошло расширение границ ее до современных пределов.

Показатели динамики исчислены в двух видах: а) в виде процента прироста каждого года к предыдущему и б) в виде процента прироста всех последующих лет к первому, принятому за сто. Общий рост всего пятилетнего периода характеризуется средним процентом прироста за все годы, начиная с 1924/25 г.

1. РАЗВИТИЕ ОТДЕЛЬНЫХ ОТРАСЛЕЙ ШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ.

В качестве общей вводной характеристики о развитии системы школьного образования, приведем данные, сгруппированные в четырех главнейших разделах этого образования, допускающих сравнимость по Союзу в целом: 1) низшее общее образование (школа I ст. и 7-летка), 2) среднее общее образование, 3) профобразование низшее и среднее и 4) высшее образование.

Типы учреждений / Годы		Низшее общее образование		Среднее общее образование		Низшее и среднее проф-образование		Вузы (без рабф. и комвузов)	
		Учрежд.	Уч-ся	Учрежд.	Уч-ся	Учрежд.	Уч-ся	Учрежд.	Уч-ся
В % % к каждому предыдущему году	1923/24 г.	— 0,3	3,9	— 4,8	28,4	11,4	32,1	— 27,9	— 4,0
	1924/25 »	4,4	19,1	— 23,9	— 5,6	— 2,4	8,8	— 9,1	— 19,3
	1925/26 »	11 1	12,5	— 8,6	— 0,5	9,3	17,6	— 16,2	— 2,0
	1926/27 »	7,8	4,5	5,1	12,0	18,2	12,3	— 2,2	— 1,0
	1927/28 »	6,7	6,0	5,0	9,8	17,0	7,6	— 1,5	— 1,8
	Средний прирост.	+ 7,5	+ 9,8	— 5,9	3,9	+ 11,0	+ 11,4	— 7,8	— 6,8

Систематический и до известной степени бесперебойный рост отмечается в отношении двух отраслей а) низшего общего и б) низшего и среднего профессионального образования. Среднее общее образование, где в рассматриваемое пятилетие происходила реорганизация значительной части школ II ст. в школы 9-летки, дает две противоположные тенденции развития—сокращение в первые годы и рост в два последние. Высшее образование систематически свертывалось за все эти годы, согласно специально поставленным Наркомпросом заданиям.

Между ростом (или убылью) сети и клиентуры мы не всегда имеем функциональные зависимости. В отдельные годы развитие шло с извест-

ными толчками. Так, в области низшего общего образования, где в общем за пятилетие средний прирост учащихся был выше роста сети (9,8% и 7,5%), в первые три года шел более значительно рост клиентуры, в два же последние года развертывание сети шло несколько интенсивнее роста клиентуры.

В отношении среднего общего образования в результате 5-летия мы имеем убыль сети и рост учащихся. По низшему и среднему профобразованию за весь рассматриваемый период сеть и клиентура возросли почти в одинаковой степени. По отдельным же годам темпы роста сети и клиентуры значительно расходятся между собой. В отношении свертывания вузовских учреждений и клиентуры, при близких средних числах убыли, темпы погодного сокращения сети резко расходятся с убылью учащихся в первые три «ликвидационные» года.

В наблюдающихся погодных несоответствиях динамики сети и учащихся есть известная законосообразная очередность. Так, например, резкий наплыв учащихся в существующие школы в одном году ведет к необходимости развертывания сети в следующем году. И, наоборот, свертывание сети учебных заведений в одном году ведет к сокращению контингентов учащихся в следующие годы.

Однако отмеченные приведенными цифрами колебания надо считать в значительной своей части выходящими за пределы этих закономерностей. Здесь мы имеем налицо признаки отсутствия надлежащей плановости в развитии отдельных отраслей образования.

2. РАЗВИТИЕ ОТДЕЛЬНЫХ ТИПОВ ШКОЛ СОЦВОСА.

В вышеприведенных цифрах динамики школьного образования отдельные типы школ соцвоса были обобщены в двух разделах: низшего и среднего образования. В первый раздел входили школы I ст. и 7-летки, во второй—школы II ст. и 9-летки.

Приведем данные о развитии школьной сети и учащихся по школам каждого типа в отдельности, выразив его в погодных изменениях сети и учащихся по отношению к начальному году, принятому за 100, и в средних цифрах прироста за все пятилетие.

РОСТ ШКОЛ СОЦВОСА ОТДЕЛЬНЫХ ТИПОВ И УЧАЩИХСЯ В НИХ В %% К 1923—24 гг. В ИТОГАХ ПО СССР.

Типы школ	1923/24 г.—абсолютн. число школ	Рост числа школ в %% к 1923/24 г. 1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.	Средний прирост школ за 5-летие	1923/24 г.—абсолютн. число учащихся	Рост числа учащихся в %% к 1923/24 г. 1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.	Средний прирост учащихся за 5-летие
I ступ. . .	83 540	104,1	115,3	123,6	131,6	7,1	6 004 532	118,8	131,1	134,3	140,8	8,4
7-летка . .	3 718	103,9	117,2	135,9	147,6	10,4	1 071 278	118,8	147,2	167,7	183,0	15,6
II ступ. .	1 455	71,7	63,6	64,1	64,4	—11,2	314 063	86,9	86,9	93,4	99,7	— 0,1
9-летка . .	903	85,4	79,1	87,6	96,8	— 0,9	438 663	100,7	98,9	116,6	126,8	6,4
Шк. Кр. Мол. . .	—	100	215,3	305,7	441,0	53,3	—	100	176,0	256,1	438,0	63,5
Итого .	89 616	103,6	114,7	123,6	131,9	+ 7,2	6 828 536	133,8	149,3	156,7	166,6	+12,3

Рост клиентуры идет быстрее, чем рост сети; клиентура растет даже и тогда, когда сеть стабильна (школы 9-летки). При убыли сети школ (II ст.) клиентура стабильна.

Роль 7-леток в системе школьного образования делается все более значительной—рост школ этого типа и учащихся идет темпом, значительно опережающим рост начального образования в целом. Развертывание сети школ крестьянской молодежи идет с исключительной быстротой: численность их и количество учащихся в них в среднем увеличивается в полтора раза год от года.

Развитие сети школ I ст. и учащихся в них идет из года в год плавным, более или менее равномерным темпом. Однако рисуемая этими цифрами картина роста не дает еще полной характеристики развития начального образования в целом. Начальное образование, кроме того, получается в младших группах школ-7-леток (на Украине и в городах многих частей Союза 7-летки развиваются как основной тип начальной школы) и в 9-летках.

3. РОСТ НАЧАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ.

Поэтому, чтобы судить о развитии начального образования в его чистом виде нужно рассмотреть данные о росте учащихся как в самостоятельных школах I ст., так и в группах I ст. школ 7-и 9-леток.

Приводим соответствующие данные в итогах по Союзу, отдельно для городов и сельских местностей в относительных цифрах (в %%) к первому году рассматриваемого периода и в процентах ежегодного прироста за пятилетие.

РОСТ ЧИСЛА УЧАЩИХСЯ В ШКОЛАХ И ГРУППАХ I СТ. 7- И 9-ЛЕТОК ЗА 5-ЛЕТИЕ ПО СССР В ЦЕЛОМ.

	В %%% к 1923/24 году. 1923/24 г.	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.	%% ежегодного прироста 1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.	Средний годичный прирост
СССР вс:г....	100	117,1	129,3	133,9	140,1	17,1	10,7	3,3	4,7	8,3
Города.....	100	112,4	118,5	117,8	115,3	12,4	5,5	—0,6	—2,2	3,4
Сельск. местн..	100	118,3	132,6	138,1	146,6	18,3	12,0	4,2	6,2	9,5

Две основные черты характеризуют развитие начального образования за эти годы: 1) замедляющийся темп роста в первом трехлетии и 2) более высокий темп роста учащихся в сельских местностях по сравнению с городами, где за последние два года происходит даже сокращение школьных контингентов.

Оба эти вывода надо признать вытекающими из объективного положения вещей. Города имели более высокую степень удовлетворения потребности в начальном образовании в исходные годы рассматриваемого периода и, подойдя к полному стопроцентному охвату детей школой, вошли в полосу пониженной численности детей школьного возраста, явившейся результатом слабой рождаемости и сильной смертности прошлых лет. Действие этого понижающего фактора, очевидно, более сильно, чем действие повышающего фактора в виде роста населения городов.

В сельских местностях, где имеется еще большой неудовлетворенный спрос на школьное обучение, понижение численности детских контингентов нейтрализуется ростом учащихся в силу происходящего увеличения охвата детей вновь открываемыми школами и комплектами. Здесь нет убыли учащихся, но происходит лишь замедление темпа их роста за соответствующие годы. За самый последний год, в связи с усилением на местах работы по всеобщему обучению, темп роста численности школьников дает некоторое увеличение.

Территориально темп прироста колеблется в зависимости от степени запросов к начальному образованию и размаха работ по введению всеобщего обучения. Приводим цифры средних годичных приростов с разделением по городам и сельским местностям в итогах по союзным республикам:

СРЕДНИЙ ПРИРОСТ УЧАЩИХСЯ В ШКОЛАХ И ГРУППАХ I СТУПЕНИ ЗА 5-ЛЕТИЕ 1923—28 ГГ. ПО СОЮЗНЫМ РЕСПУБЛИКАМ.

		СССР	РСФСР	Украинск. ССР	Белор. ССР	Закавк. СФСР	Узбек. ССР	Туркм. ССР
Средний годичный прирост учащихся в школах и группах I ст. за 5-летие 1923—28 г.	Всего	8,3	6,8	9,7	9,6	5,2	23,1	22,7
	Города	3,4	1,1	4,0	4,1	4,2	18,2	8,9
	Сельск. местн.	9,5	8,2	10,7	10,6	5,6	28,8	38,2

По Белоруссии приводимые цифры прироста даны за время с 1924/25 г. после укрупнения этой республики. По Узбекистану и Туркменистану с этого же года, после размежевания этих республик.

Наиболее интенсивный темп прироста дают Средне-Азиатские республики, где происходила советизация существовавших конфессионных школ и шло усиленное развертывание новых школ в первые годы национального строительства этих республик. Далее, выше среднего союзного дает прирост Украина, приступившая в 1924/25 г. к развертыванию школьной сети по плану всеобщего обязательного обучения, для полного осуществления которого эта республика назначила наиболее краткий срок — 1928/29 г. Несколько более выше среднего прирост учащихся в Белоруссии, в связи с введением всеобщего обучения. Закавказье в целом дает самый низкий темп прироста в силу высокого коэфициента охвата школой детей, достигнутого в Грузии и отчасти в Армении. Цифры по этим республикам снизили сравнительно усиленный темп роста учащихся в Азербайджане, отличающемся слабым развитием грамотности среди тюркского населения.

РСФСР в целом имеет темп роста ниже среднего союзного. В частности крайне низок прирост учащихся в городах, где мы имеем положение, близкое к стабилизации. Несомненно, по отдельным территориям РСФСР мы встретим значительные колебания от среднего прироста, не меньше, чем это было по союзным республикам. Основным определяющим моментом пониженного темпа роста надо считать высокую степень обеспеченности школьным обучением центральных промышленных частей республики и городских центров. Кроме того здесь оказало влияние и то обстоятельство, что работа по введению всеобщего обучения в РСФСР еще не вышла из подготовительной фазы и развертывание сети школ и комплектов еще не усилилось надлежащим образом.

4. ДИНАМИКА СЕТИ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ ПРОФОБРА И УЧАЩИХСЯ.

В нижеприводимых таблицах приведены цифры по главным разделам системы профобразования, причем в группу низших проф. учебных заведений включены и долгосрочные курсы.

РОСТ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ ПРОФОБРА И УЧАЩИХСЯ В НИХ ЗА 5-ЛЕТИЕ.

Типы учебн. завед.	1923/24 г., абсол. число уч. завед.	Рост числа уч. завед. в %% к 1923/24 г.				Средний прирост уч. зав. за 5-летие	1923/24 г., абсол. число уч-ся	Рост числа учащихся в %% к 1923/24 г.				Средний прирост уч-ся за 5-летие.
		1924/25 г.	1925 26 г.	1926 27 г.	1927/28 г.			1924 25 г.	1925 26 г.	1926/27 г.	1927 28 г.	
Вузы	176	90,9	76,1	74,4	73,3	—7,2	204 795	80,7	79,1	78,3	77,0	—6,8
Рабфаки	130	86,9	83,1	83,8	93,8	+1,8	45 913	94,4	102,7	99,5	106,3	+1,6
Техникумы	914	100,8	107,1	111,9	113,6	+3,2	153 880	106,9	117,2	117,6	123,9	+5,4
Профшкол., ФЗУ, курсы и пр.	3 152	96,6	106,5	130,1	157,2	+13,2	259 029	109,9	134,5	159,3	173,0	+14,5
Итого	4 372	97,0	104,7	122,7	142,8	+10,1	663 617	99,1	111,2	120,5	127,4	+6,4

Основной тенденцией пятилетнего развития профобра являлось сжатие высшего образования и расширение низшего профобразования. Вследствие этого по высшим учебным заведениям прирост выразился в виде отрицательных величин. По низшим учебным заведениям, мы имеем положительный прирост, размеры которого значительно выше, чем это было по соцвосу. Как и по школам соцвоса, по низшим учебным заведениям профобра рост численности учащихся превышал рост сети. Однако в конечном итоге по всем типам профобра мы имеем цифры прироста учебных заведений относительно более высокие, чем прирост клиентуры.

Такое положение вещей явилось вследствие сокращения контингентов учащихся вузов, которые в силу своего большого удельного веса оказывают влияние более значительно, чем численность учреждений, считающихся единицами.

В результате всех изменений в системе профобра произошла передвижка в пользу низшего образования, размеры которой наиболее наглядно представлены нижеследующей таблицей, где для каждого года исчислен процент клиентуры учащихся в отдельных типах учебных заведений к общей массе учащихся, данного года принятой за сто.

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ УЧАЩИХСЯ В УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ ПРОФОБРА ОТДЕЛЬНЫХ ТИПОВ В %% К ОБЩЕМУ ЧИСЛУ КАЖДОГО ГОДА ЗА 5-ЛЕТИЕ ПО СССР В ЦЕЛОМ.

Типы учебных заведений профобра	Число учащихся				
	1923/24 г.	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.
Вузы	30,9	25,1	22,0	20,1	18,6
Рабфаки	6,9	6,6	6,4	5,7	5,8
Техникумы	23,2	25,0	24,4	22,6	22,5
Профшколы, ФЗУ, курсы и прочие	39,0	43,3	47,2	51,6	53,1
Итого	100	100	100	100	100

В то время, когда в начале рассматриваемого пятилетия доля учащихся вузов по своему удельному весу была немого ниже доли учащихся в низших учебных заведениях, к концу пятилетия положение резко изменилось; доля учащихся низших учебных заведений и курсов почти в три раза превышала долю учащихся вузов. Первые составляли больше половины всей массы учащихся (53,1%), вторые—менее пятой части (18,6%).

По отдельным союзным республикам темп развития профессионального образования был различен. Если взять всю совокупность проф. учебных заведений и учащихся в них по каждой республике и построить таблицу роста учебных заведений и учащихся, подобно предыдущей, мы получим такую картину изменений за пятилетие:

РОСТ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ ПРОФОБРА ВСЕХ ТИПОВ И УЧАЩИХСЯ В НИХ ЗА 1923—28 ГГ. ПО СОЮЗНЫМ РЕСПУБЛИКАМ.

Территория	1923/24 г. абсол. числа учебн. завед.	Рост числа уч. завед. в %%% к 1923 24 г.				Средний прирост уч. завед. за 5-лет.	1923/24 абсол. числа учащихся	Рост числа учащихся в %%% к 1923/24 г.				Средний прирост уч-ся за 5-летие
		1924 25 г.	1925 26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.			1924 25 г.	1925 26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.	
СССР	4 372	97,0	104,7	122,7	142,8	10,1	663 617	99,1	111,2	120,5	127,4	6,4
РСФСР	3 033	96,6	102,3	116,1	131,2	7,5	470 879	98,7	108,8	115,5	118,9	4,5
Белорус. ССР.	69[1]	—	114,5	158,0	184,1	22,6	11 469[1]	—	120,8	148,9	166,3	17,9
Украин. ССР.	1 062	89,4	97,1	123,6	150,6	12,3	134 687	96,3	109,7	127,4	143,5	10,0
Закавк. ССР.	240	92,9	114,6	123,6	161,7	14,3	49 580	81,1	100,3	98,9	108,3	2,2
Узбекск. ССР.	59[1]	—	116,9	157,6	191,5	19,3	10 163[1]	—	118,2	152,5	160,5	16,3
Туркмен. ССР.	11[1]	—	190,9	281,8	327,3	33,8	1 349[1]	—	143,9	213,2	212,8	24.7

[1] Данные за 1924 25 г.

Ниже союзного среднего был рост профобразования в РСФСР, выше—во всех остальных республиках.

Особенностью Закавказья является значительное расхождение между ростом сети и учащихся: в то время, когда сеть дает средний прирост 14,3%, количество учащихся только 2,2%.

5. РОСТ ДОШКОЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ (ДЕТСАДОВ И ОЧАГОВ).

Система учреждений дошкольного воспитания в первые годы после революции, как известно, развернулась очень широко, но затем стала быстро свертываться к концу первого пятилетия. Это свертывание продолжалось и в начале изучаемого пятилетия, но затем в этой отрасли воспитания начался восстановительный период. Детсады и очаги вновь стали быстро развертываться и рост их, как это можно видеть из нижеследующей таблицы, достигал весьма значительного темпа.

РОСТ ЧИСЛА ДОШКОЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ И УЧАЩИХСЯ В НИХ ЗА 5-ЛЕТИЕ 1923—28 гг. ПО СОЮЗНЫМ РЕСПУБЛИКАМ.

Республики	1923/24 г. абсол. числа учрежд.	Рост числа учрежд. в %%% к 1923/24 г.				Средний прирост	1923/24 г. абсол. числа клиентуры	Рост клиентуры в %%% к 1923/24 г.				Средний прирост
		1924 25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.			1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.	
СССР	1 229	92,7	111,4	135,6	169,7	15,9	59 137	101,8	122,9	146,3	175,5	+16,0
РСФСР	941	86,6	107,8	125,5	146,2	11,0	44 511	94,3	117,5	136,5	160,2	+13,4
БССР	31	138,7	138,7	229,0	283,9	30,3	1 288	145,4	146,4	265,8	327,6	+34,6
УССР	158	99,4	104,4	139,9	217,1	26,4	7 463	99,5	116,5	140,4	185,2	+18,7
ЗСФСР	99	106,1	109,1	123,2	194,9	21,6	5 875	124,8	124,5	137,3	166,5	+13,7
Узб. ССР.	11[1]	—	172,7	290,9	418,2	56,5	881[1]	—	132,3	202,0	275,3	+40,4
ТССР	8[1]	—	250,0	487,5	500,0	58,0	707[1]	—	187,3	280,5	316,3	+38,1

Средний прирост за пятилетие по сети учреждений ими по клиентуре близок друг к другу. По отдельным союзным республикам темп роста значительно колеблется. Он ниже среднего по РСФСР и выше по всем остальным республикам. В частности по Средне-Азиатским республикам, где этого рода учреждения стали создаваться почти впервые, рост достигает высших пределов.

6. УЧРЕЖДЕНИЯ СПОН (ДЕТДОМА, ПРИЕМНИКИ И ПР. УЧРЕЖДЕНИЯ).

В отношении этого типа учреждений надо говорить не о темпе роста, а о темпе сокращения, так как политика органов просвещения в это пятилетие была направлена на свертывание сети детских домов и разгрузку их путем передачи детей в патронат, в ученичество и на производства.

По отдельным союзным республикам изменения в численности учреждений Спон шли следующим образом.

[1] Данные за 1924 25 г.

РОСТ ЧИСЛА УЧРЕЖДЕНИЙ СПОН И КЛИЕНТОВ В НИХ ЗА 5-ЛЕТИЕ ПО СОЮЗНЫМ РЕСПУБЛИКАМ.

Территория	1923/24 г. абсол. числа учрежд.	Рост числа учрежд. в %% к 1923/24 г.				Средний прирост	1923/24 г. абсол. числа уч-ся	Рост клиентуры в %% к 1923/24 г.				Средний прирост
		1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.			1924/25 г.	1925 26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.	
СССР.....	5 745	73,3	62,6	53,4	48,7	—17,7	400 754	83,9	72,6	65,0	58,9	—12,8
РСФСР...	4 454	71,4	60,4	50,1	46,1	—19,1	292 007	81,3	69.8	61,2	55,5	-14.2
БССР	63	150,8	117,5	136,5	134,9	+ 6,9	3 332	194,7	135,4	162,2	158,3	+ 9,8
УССР	1 074	69,9	54,4	48,8	42,7	—21,0	81 218	85,1	71,8	64,3	59,2	—12,7
ЗСФСР...	154	83,1	76,0	59,7	53,2	—14,7	24 197	77,8	64,2	60,6	50,3	—17,6
УзбССР...	52[1]	—	165,4	184,6	194,2	+20,9	4 038[1]	—	157,4	174,6	191,9	+21,3
ТССР.	6[1]	—	733,3	633,3	233,3	+ 9,1	390[1]	—	704,6	577,2	181,3	+ 5,9

В общем по Союзу к концу пятилетия осталась половина учреждений Спон, существовавших вначале, и несколько более половины (58,9%) количества клиентов.

Исключением из общего правила является только Узбекская республика, организованная в этом пятилетии и вынужденная развернуть детские дома для ликвидации беспризорности в черте своих государственных границ. Здесь рост учреждений и клиентов идет последовательно за весь период. В Туркменистане же, где эти учреждения считаются единицами, отмечается общая тенденция развития их с понижающимся темпом роста.

7. РОСТ ПУНКТОВ ЛИКВИДАЦИИ НЕГРАМОТНОСТИ, ИЗБ-ЧИТАЛЕН, КЛУБОВ, БИБЛИОТЕК.

Развитие политико-просветительной работы за весь послереволюционный период шло с значительными толчками. Отдельные виды этой работы развивались с необычайной быстротой, затем сокращались и вновь росли (избы-читальни, пункты ликвидации неграмотности). Одни типы учреждений реорганизовывались (народные дома), сокращаясь в силу этого в своей численности, другие создавались вновь (дома крестьянина) и, развиваясь от небольших первоначальных величин, давали очень сильный темп прироста.

Если присоединить к этому затруднительность статистической регистрации многих из политпросветских учреждений вследствие их подвижности, отсутствия установленного ценза (библиотеки, театры, избы-читальни и уголки), невозможность с достаточной полнотой выявить возникающие в порядке низовой общественности инициативы учреждения,—то мы будем иметь все основания сказать, что динамика политико-просветительных учреждений еще не может дать надежных коэфициентов для обоснования темпа плановой работы будущего.

[1] Данные за 1924/25 г.

Приводя в печатаемых сводных таблицах данные о численности политико-просветительной работы всех типов, мы здесь ограничиваемся выводами о 5-летнем развитии лишь некоторых главнейших массовых видов этой работы—пунктов ликбеза, изб-читатен, клубов и библиотек.

РОСТ ЧИСЛА ВНЕШКОЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ ЗА 5-ЛЕТИЕ 1923—28 гг. ПО СССР.

Типы учреждений	1923/24 г. абсолютн. числа учрежд.	Рост числа учреждений по отношению к 1923/24 г. принят. за 100				Средний прирост за 5-летие
		1924/25 г.	1925/26 г.	1926 27 г.	1927/28 г.	
Ликпункты	17 364	255,6	293,3	275,2	242,9	15,5
Избы-читальни. . . .	11 357	189,5	219,5	197,0	192,6	13,1
Клубы	6 107	97,9	98,5	92,9	100,2	0,05
Библиотеки	10 694	96,6	207,2	213,9	214,1	18,5

За исключением клубов, численность которых за все пятилетие была стабильна, мы имеем довольно высокий средний прирост по всем остальным приведенным типам политико-просветительных учреждений. Годовые приросты в отношении первого исходного 1923/24 г. идут, однако, не плавно, а скачкообразно. Работа по ликвидации неграмотности за 1924/25 г. более чем удваивается. Следующий год дает незначительный прирост, затем идет сокращение числа учреждений. Таким образом выведенный средний прирост обязан почти исключительно приросту одного 1924/25 г.

Такое же положение с избами-читальнями, тенденция роста которых почти одинакова с ликпунктами.

Скачок в библиотечной работе относится к 1925/26 г., после которого общая численность за два последние года остается неизменной.

Приведенные типы учреждений, за исключением ликпунктов, не имеют постоянной твердо учитываемой клиентуры. Характеристику развития по этому признаку, следовательно, мы можем сделать в отношении только учащихся на ликпунктах, зарегистрированных по учтенным пунктам на дату учета 1—15 дел.

Цифры приводим в отдельности по городским и сельским местностям, давая в относительных величинах как прирост к 1923/24 г., так и перемещение в соотношении между учащимися города и села.

Территория		1923 24 г. абсолютн. числа учащихся	Рост числа учащихся ликпунктов к 1924 г.				Средний прирост за 5-летие
			1924/25 г.	1925/26 г.	1926 27 г.	1927/28 г.	
СССР	Всего	534 573	261,1	306,7	290,4	246,6	15,3
	Города.....	133 586	153,0	158,0	135,7	122,5	4,1
	Сельск. мест.	400 987	297,2	356,2	342,0	287,9	17,2
		Соотношение учащихся ликпунт. в городах и сельских местностях в %% к итогу					
В городах.....		25,0	14,6	12,9	11,7	12,4	—
» сельских местн.		75,0	84,4	87,1	88,3	87,6	—
Итого.....		100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	—

Характер роста учащихся на ликпунктах и темп этого роста почти совпадают с ростом самой сети ликпунктов, если брать общие итоги по городам и сельским местностям. В отдельности по каждой из этих территорий темп прироста различен—он выше в городах и ниже в сельских местностях. Это вполне естественно, так как главная масса неграмотных сосредоточена в деревне.

Соотношение учащихся города и деревни за первые четыре года изменялось довольно последовательно в пользу деревни. По мере развертывания работы городские кадры неграмотных исчерпываются и доля учащихся в городских ликпунктах в общей массе учащихся из года в год снижается. За последний год вследствие сокращения численности учащихся, имевшего относительно более значительные размеры в сельских местностях по сравнению с городами, эта основная тенденция развития прошлых четырех лет была нарушена и пропорция несколько изменилась в пользу городов.

И. БОГДАНОВ.

ПОПРАВКИ.

Статья И. Богданова, напечатанная в прошлом номере журнала, озаглавлена: «Методология определения показателей обеспеченности школьным оборудованием».

Должно быть: «Методология определения показателей обеспеченности школьным обучением».

Под статьей «Нацменпросвещение в 1928 г.» Розина выпала подпись т. Абрамова.

ПОВЫШЕНИЕ КВАЛИФИКАЦИИ РАБОТНИКОВ ПРОСВЕЩЕНИЯ

ЗАМЕТКИ О КОНФЕРЕНЦИИ РАБОТНИКОВ ЛЕТНИХ КУРСОВ.

Целый ряд курсантов проявил большую инициативу и энергию по введению трудовых процессов в школу и можно сказ ть, что они действительно являются пионерами «трудофикации» школы. Совершенно неожиданно многие из них показали крупные организацинные способности.

Деятельность курсантов на местах протекала в высшей степени разнообразных условиях. Они развили большую кампанию в деревне среди крестьян, организуя мастерские при школах, кружки родителей и артели подростков, связанные со школой, дающие им руководство и инструменты. Многие из курсантов устраивали выставки не только своих работ, но и таких вещей, которые крестьяне могли бы делать сами, поднимая культуру быта; некоторые из них сумели соединять сборища молодежи с рядом культурных развлечений и навыков. У нас на курсах они прошли небольшой курсик по народным танцам, по устройству театра «петрушки» и оформлению сцены и теперь на местах применяют свои знания, организуя праздники; один курсант говорит, что «стоит только приехать в соседнюю деревню, так уж не выпустят до поздней ночи».

Организуя в деревне мастерские, курсанты добивались ассигновок от волсовета или от кооперации, собирали по рублю или по 50 коп. со двора, устраивали сборы пожертвований инструментами; такие набирались, хотя и старенькие. Кроме того курсанты создавали трудовые кружки молодежи, где сами бесплатно занимались; кое-где приходили на помощь избачи, умевшие переплетать книги, столярничать.

Чрезвычайно отрадно, что хорошую и энергичную организаторскую работу проделали не только мужчины, но и женщины.

Другие курсанты работали в городах. Так, в целом ряде городов ими были сорганизованы учительские кружки самообразования по труду, начиная такой кружок у себя в школе. Другие пошли дальше: интересный последовательный путь, например, проделала Кострома. Вначале был устроен трудовой практикум для группы учителей-горожан; затем, курсанты этого практикума разбились на районы и провели самостоятельно трудовой практикум в каком-либо районе города. Многие из них согласились летом поехать в самые глухие уезды Костромской губернии и таким путем в 10 местах были проведены еще краткие курсы-конференции по труду с практикумом около 10 дней.

Несмотря на проделанную большую работу в течение этого лета и на большую усталость от этого, наши организаторы уже торопятся сейчас начать что-то новое, волнуются, как у них это пройдет, досадуют на всякие задержки, а больше всего—на безучастное, а иногда и враждебное, отношение местного служебного аппарата ко всем их начинаниям. Но, конечно, это не везде; во многих местах служебный аппарат относился

Что же, по мнению товарища, является монизмом? Отсутствие у человека реакций? Или отсутствие социальных стимулов? Или полное отрицание каких бы то ни было законов психологии или рефлексологии?

В чем же «монистическое» мировоззрение автора? Это остается загадкой.

Наконец, автора страшно оскорбило «противоестественное скрещивание» мыслей Крупской и Торндайка.

Советуем товарищу не приходить в такой священный ужас и почитать предисловие Надежды Константиновны к книге Паркера, ученика и сотрудника этого самого Торндайка, кредо которого он исповедует.

Вот некоторые мысли т. Крупской:

. . . . «американская педагогика прекрасно знает психологию ребенка и, зная ребенка, умеет владеть, как нельзя лучше, его чувствами и мыслями. Она использует свое уменье, чтоб насквозь пропитать ребенка буржуазным духом и прекрасно умеет достигать цели.

Тот, кто хочет овладеть чувствами и мыслями ребенка, чтобы пропитать его духом коллективизма, должен овладеть их методами, научиться у них познанию ребенка, должен взяться за дело немедля, подняться до современного уровня педагогики».

Может быть, прочтя это предисловие, автор успокоится и простит нам наш «грех».

Еще ужасает автора «схоластичность» нашей работы, что заставило его сделать экскурс в недра средневековой схоластики.

Да, насчет схоластики автор очень искушен: он обнаружил большую осведомленность и, видимо, это е г о область: «курице просо снится».

Если стиль наш труден и курсанты нам об этом скажут, мы его облегчим, исправим. Если есть места слишком отвлеченные, недостаточно конкретизированные, мы в дальнейших уроках осветим и разъясним эти положения на анализе педагогической практики. Если бы товарищ К. Б. потрудился познакомиться с программой всего курса, он узнал бы, что основное содержание курса сугубо п р а к т и ч е с к о е и конкретное: развертывание хода работы по комплексу, отдельные приемы работы учителя и т. д.

Юпитерский гнев нашего критика и его пламенная защита «умученных» нами учителей—неуместны: каждый наш курсант имеет возможность сам за себя говорить и целиком защищать свои интересы.

ИНСТИТУТ ПОВЫШЕНИЯ КВАЛИФИКАЦИИ ПЕДАГОГОВ.

ОТ РЕДАКЦИИ. Редакция не может согласиться с утверждением, что материалы Института могут и не быть выдержанными до конца, поскольку они подвергаются обсуждению и последующему заключению учительства. Эта неправильная точка зрения. Заключение и опыт учительства должны быть, понятно, учтены, но вместе с тем и материалы должны быть даны абсолютно доброкачественные в отношении их научной и марксистской выдержанности. Редакции известно, что уроки, о которых говорит т. К.Б., были самим Институтом признаны не совсем удовлетворительными и по инициативе последнего же вновь подвергнуты серьезной переработке по существу.

Поскольку эта работа ныне проделана, новый текст уроков дан, редакция считает вопрос исчерпанным.

ПО ПРОСВЕЩЕНСКИМ ЦЕХАМ

НАШИ КАДРЫ.

МОЛОДЫЕ И СТАРЫЕ[1].

БЕЗЛИКАЯ МАССА.

Социальная революция не только возвела непроницаемую стену между основными классами—пролетариатом и буржуазией, но вместе с тем она провела глубокие борозды между самими мелкими слоями и прослойками дореволюционного общества. То, что прежде обывательскому взгляду представлялось в виде простой однородной массы, то в действительности оказалось чрезвычайно сложным конгломератом, где каждая частичка, каждая отдельная единица отличалась своими индивидуальными свойствами и качествами.

Но до революции эти индивидуальные отличия стирались. Они не бросались в глаза, не вносили диссонанса в общую мелодию. Тяжелый гнет царского режима объединял до известной степени различные интересы отдельных социальных групп и прослоек, стирал их индивидуальные оттенки и все превращал в серую бесформенную массу.

Революция дала простор этим индивидуальным отличиям. Она уничтожила причины, стиравшие грани между отдельными прослойками, и различие интересов, взглядов и убеждений выступило сразу и чрезвычайно резко наружу.

Особенно наглядно этот процесс диференциации общественных группировок проявился среди работников просвещения.

Кажется, не было до революции ни одной более однообразной, более безликой и бесформенной массы, чем учительство. Совершенно бесправные, загнанные в политический тупик неослабным попечением начальства, материально одинаково необеспеченные учителя никогда не имели возможности проявить различие своих политических, общественных и даже профессиональных особенностей. Все было серо и однообразно.

Даже в период европейской бойни, когда по целому ряду причин в учительскую среду в массе влились новые элементы, совершенно чуждые основным кадрам учительства,—даже в это время учительство внешне казалось однородным по своему составу.

Только революция 17 года и особенно Октябрьская революция внесла сюда расслоение и показала подлинное лицо русского учителя. Оно оказалось чрезвычайно пестрым и разнокалиберным по своему составу.

В ОГНЕ ОЧИЩЕНИЯ.

Всем памятны эти годы великого расслоения. Рухнула причина, невольно связывающая в общий узел интересы различных групп гнет царского режима. Появилась возможность показать себя целиком, не утаивая своих интересов и стремлений. Индивидуальные устремления

[1] По письмам в «Учительскую газету».

отдельных групп и даже отдельных личностей встали в непримиримое противоречие друг с другом и вся казавшаяся однородной и такой прочной масса просвещенцев начала трещать по всем швам и рассыпаться.

Но если социальная революция помогла выявить отдельным группам просвещенцев свои индивидуальные черты и черточки и внесла расслоение в кажущуюся однородной просвещенскую массу, то вместе с тем, она дала толчок и обратному процессу—объединению подлинного советского учительства. Этот процесс еще не завершен. Просвещенская среда еще не очищена от всей шелухи и плевел, внесенных в нее до революции и в первые годы революции. Но он уже подходит к концу, ибо главное сделано.

Прежде всего уже почти нет прямых врагов советской власти. Это как раз те, кто пролезал в школы и другие культурно-просветительные учреждения в период европейской войны и частично в первые годы революции.

В то время учительские кадры значительно поредели. Война оттянула в армию лучшие силы учительства. Частью оно полегло на полях сражения, частью оторвалось от прежних устремлений и сменило школьную работу на другую. Годы гражданской войны, разрухи и голода докончили этот разгром. На местах осталась только незначительная часть старого кадрового учительства.

А спрос на учителей рос. Пробужденные революцией рабочие и крестьянские массы жадно тянулись к знаниям. Самотеком открывались новые школы, библиотеки, избы-читальни и т. д. Культурные работники нужны были дозарезу.

И новые люди затопили союз просвещенцев. Сюда шли все. И те, кто искренне хотел отдать свои силы на служение пробуждающейся стране, на воспитание нового подрастающего поколения советских строителей. И те, кого революция выбила из старой привычной колеи, кому негде было приклонить свою победную голову, кто не способен был иными путями добывать себе паек. Шли также те, кто хотел скрыть свое социальное прошлое от всевидящего ока нового хозяина страны, кто думал под тихой кровлей сельской школы найти защиту от карательной руки революции.

В результате получилась чрезвычайно сложная смесь убеждений, интересов, устремлений и желаний. Любой просвещенский коллектив этого периода представлял из себя такое разнообразие индивидуальных черточек и отличий, какого не было никогда прежде, нет, конечно, и сейчас.

Такое положение создавало особую чрезвычайно напряженную атмосферу вокруг коллектива. Внешне она выражалась в непрерывной борьбе. Лучшая часть учительства чувствовала ненормальность положения и стремилась очистить ряды коллектива от этих пришлых, примазавшихся элементов, отбросить их от себя.

«Я вспоминаю,—пишет т. М. из Московской губ.,—эти первые годы борьбы за советскую школу. Общее собрание коллектива. Обсуждается вопрос о распределении общественной работы среди членов. Решение принято. Распределяются темы докладов и бесед.

Когда доходит очередь до Клавдии К-ой она категорически заявляет, что работать не будет.

Уговариваем, разъясняем, убеждаем.

Клавдия демонстративно подходит к стене, простирает руки и надрывным голосом кричит:

— Расстреляйте, если можете, но работать я не буду.

Смущенное молчание».

Клавдия—дочь видного акцизного чиновника. Отец сумел прекрасно устроиться и в бурную эпоху революции. Терять Клавдии нечего, кроме своего авторитета, кроме тайных желаний, с какими пришла она в школу. Поэтому она идет напролом.

Но коллектив был неумолим. И—

«...прошло немного времени после знаменательного собрания и Клавдию мы выперли. Коллектив не мог мириться с теми, кто шел против него, кто не хотел считаться с суровыми требованиями новой школы, кто не шел открыто и честно за советской властью»,—заканчивает т. М.

БОРЬБА НЕ КОНЧЕНА.

Эта борьба за очищение коллектива не кончена и сейчас. Немало есть еще шкурников, примазавшихся к нашему союзу; есть еще кое-где среди просвещенцев такие типы, которых нужно гнать и из союза и из школы при первой возможности.

Борьба идет и сейчас. Правильная и вполне законная борьба. Но, к сожалению, очень часто лозунги этой борьбы формулируются чрезвычайно примитивно.

В глазах большинства просвещенцев эта борьба является борьбой двух поколений—старого и нового учительства. Все школьные недуги, все трения внутри коллектива, все препятствия, какие встречает советская школа на пути своего развития, все это сводится к формуле:

— Виноваты они—педагоги.

Старые или молодые—это в зависимости от того, кто нападает. Старые обычно ругают молодежь, молодежь негодует на старых.

Интересно проследить, на какой почве чаще всего возникает эта борьба-борьба поколений. Вот наименее характерный случай—командирство молодежи. На это жалуются сравнительно немногие учителя, но, очевидно, оно все-таки имеет место.

«Когда молодые и старые находятся в равных условиях, то между ними нет никакой разницы и часто устанавливаются товарищеские отношения. Но когда молодые являются завами, то картина резко меняется. Молодые стремятся проявить свое «я», показать свое развитие, доказать, что они передовые, что они общественники и т. д. Отсюда—желание командовать товарищами, давать советы, указания.

Но в большинстве случаев молодые не имеют стажа, поэтому часто попадают впросак, не умея применить на деле своих теоретических познаний. А попросить совета у стариков—стесняются—самолюбие не позволяет.

Среди старых находятся иногда смельчаки, которые высмеивают неудачные шаги рьяных завов, результатом чего являются натянутые отношения, а потом—подкопы, придирки к мелочам. И старый летит в отставку или куда-либо в медвежий угол. Молодые гордятся этими подвигами, не замечая, какие чувства они возбуждают в своих товарищах.

Эта категория молодых умеет очень хорошо говорить (верней, болтать), чем достигает благосклонности инспектуры и работников месткома, обеспечивая себе повышение по службе. Это—не работники, а черствые эгоисты и жалкие карьеристы. Нашему союзу следует принять необходимые меры против деятельности таких молодых. Этим мы принесем большую пользу делу просвещения масс». (Див, Сев.-Кавк. край).

Пишет, очевидно, старый работник. Поэтому в его корреспонденции так резко просвечивает недоверие к молодежи. Но в значительной степени, автор, конечно, прав. Такие случаи бывают. Единственная поправка, которую необходимо внести сюда, заключается в том, что таких

эгоистов, карьеристов и вообще негодных товарищей можно найти не меньше и среди старого учительства.

Несколько чаще наблюдаются обратные случаи, когда старые учителя третируют молодежь, придираются к ней, не дают ей ходу.

Вот пара примерчиков на эту тему:

«Первый год я работаю на учительском поприще. Еще нет года, но я так устала!.. Не работа меня истомила, нет—в работе я только забываюсь, с детьми успокаиваюсь от частых скандалов со своими сотрудниками. Если бы я была обеспечена материально и не любила школьного дела, то бросила бы все.

Мои сотрудники имеют 6-годичный стаж, но почти без всякого образования. Считая себя опытными учителями, они придираются ко мне из-за каждой мелочи. На каждом шагу говорят мне, что я еще молода, а они старые и лучше знают дело.

Детских работ у нас в школе нет совершенно. Стала я с детьми рисовать диаграммы и вывешивать на стене—посыпались упреки. Ругали, почему я им не доложила об этом, незаслуженно оскорбили. А глядя на меня через несколько времени другой учитель, который упрекал меня, тоже ввел рисунки и диаграммы.

Теперь вот уоно просит отчет о работе за первое полугодие и производственный план на второе полугодие. Нет его у нас в школе, а составить некогда, да и желания нет. Но в силу необходимости пришлось нам заговорить. Заговорили и—опять поссорились. Учитель отказался перевести мой материал с русского языка на казакский и включить его в общий план школы. И снова оскорбили и изругали меня, как только им хотелось.

Я не знаю, кто из нас прав и кто виноват. Я ли виновата, что действительно молода и не умею в контакте работать; или они, в частности татарин-учитель, который пригрозил меня даже уволить. Я хочу работать, а они меня ругают. Неужели все старые учителя так относятся к начинающим работникам или только меня постиг такой удел?». (Далекая, Ташкент).

А вот еще случай:

«Часть педагогов, членов воронежского ДРП, на собрании при отчетном докладе правления, подняла вопрос: по пути ли им со студенчеством педфака, педтехникума и губпартшколы. По их глубокому убеждению, студенты мешают им работать в ДРП. Педагогу в одном кружке со студентом не место и по заверению одного, выступавшего от целой группы, они выйдут из членов ДРП, если в нем будут студенты». (Кор. № 557).

Нельзя не присоединиться к мнению этого товарища, что такие сумбурные убеждения преступны, что так относиться к нашей смене нельзя и что за это надо хлестать, как следует.

Повторяем, что таких случаев, когда старые просвещенцы издеваются над молодежью, когда молодежь в загоне и подавлено молчит, когда она не получает абсолютно никакой помощи от своих более опытных товарищей,—таких случаев гораздо больше.

Вот еще пример нетактичных взаимоотношений:

«Очень часто в школах устанавливается нездоровое взаимоотношение между учителями молодыми, новыми и старыми, с большим практическим стажем. Вот примеры этих взаимоотношений.

1. Старый педагог заходит в учительскую. Вновь назначенная учительница сидит на стуле. Старый педагог предлагает самым категорическим образом освободить стул «желторотой». А когда учительница не исполняет дерзких требований этого «педагога»,—он стаскивает ее со стула и садится сам.

2. Другой такой же педагог, в целях подрыва авторитета молодого преподавателя немецкого языка, дает ученикам «избранные» вопросы, чтобы срезать преподавателя на уроке. Конечно после подобных мероприятий опытного педагога авторитет преподавателя подрывается и ученики громогласно заявляют—долой немецкий язык или давайте нам опытного преподавателя.

Есть факты и похлестче, но я о них пока говорить не буду. Мне кажется, достаточно приведенных двух, чтобы судить, в какой обстановке зачастую приходится работать молодому учителю.

Наркомпросу и союзу работников просвещения нужно дать по этому вопросу соответствующие указания местам. С опытными педагогами, которые при случае вытаскивают камень из кармана, чтобы убить молодого малоопытного учителя, надо поступать соответствующим образом. Таким работникам в советской школе не место, так как они только разрушают ее». (Учитель. Томск. окр.).

С выводами автора нельзы не согласиться.

Молодежь страдает часто и в другом отношении. Ее не принимают на службу, не хотят дать работу в школе. На это жалуется, например, т. Бугульминец из АТССР.

«Очень скверное положение педагогов из молодежи... Не знаю, во всесоюзном масштабе или только в нашем Бугульминском кантоне. Из ряда примеров создается такое впечатление, что нами всюду пренебрегают. Если имеешь звание учителя, но нет практики, то службы не получишь. Спрашивается, для какой же цели нас экзаменуют и дают звание учителей школы I ст.? Газеты трубят, что мало педагогической силы, что нет желающих поступать в педвузы. Но что же делать? Напрашивается вопрос, случайно мы попадаем за борт или же по предписанию свыше».

Б. Ш. из Псковской губ. жалуется на это же:

«Начинающему преподавателю довольно трудно получить место, хотя бы он окончил даже педвуз. Особенно в губернском городе, где все свободные уроки обычно распределяются между наличным составом работников и новые лица не допускаются».

НЕ НАШИ?

Корреспонденты отмечают часто, что среди просвещенцев попадаются «лица не нашего духа». И обычно опять вопрос ставится так, что «не наши»—это старые, учителя со стажем, пришедшие в школу или до революции или в первые годы революции.

«Появился новый молодой советский учитель, правда, малоопытный, но с большим желанием взяться за социалистическое строительство. Наряду с этим у нас осталась еще часть старого учительства, которое на молодежь смотрит свысока, находя ее мало подготовленной и чрезмерно увлекающейся политикой. Педагогический молодняк подчас при таком отношении своих старших товарищей теряет всякое желание работать и тем более обращаться к ним за советом. Эти учителя смотрят на новую школу сквозь очки старого директора гимназии. Они работают в школе лишь потому, что некуда деться. Общественная работа для таких учителей—тяжелое бремя.

Такие среди нас есть, мы в этом должны сознаться. Не нужно закрывать глаз, стоит только оглянуться и мы их найдем. Это все—поповские дочки, матушки, епархиалки, пропитанные кадильным дымом, старые люди в новом свете, примазавшиеся к школе. Что мы можем ожидать от таких педагогов? Разве могут сделать они что-нибудь хорошее, если сами не верят в это. До тех пор, пока в наших школах будут люди не нашего духа, мы не сумеем выполнить стоящих перед нами труднейших

задач по воспитанию будущего поколения на основе марксизма и ленинизма». (П. Лащенко, Сев.-Кавк. край).

Эти «не наши», эти работнички, пропитанные идеями мещанства, встречаются, конечно, нередко, но попадаются они и среди стариков и среди молодежи одинаково.

«Я не учитель, а человек, окончивший сельскую школу. И мне кажется, что в современных условиях можно больше сделать, чем делают наши учителя. В особенности это относится к учителям сельской школы.

Я знаю десятки учителей (молодых), которые и посейчас не могут усвоить комплексного метода, которые и посейчас программе Гуса предпочитают охоту за дикими гусями. Ну, а о старых и говорить нечего. Моя преподавательница в младшей группе, встретив меня через 16 лет по окончании мною школы, плача, рассказала мне, что она даже боится жить и работать в теперешнее время. О царе она не жалеет: он вогнал в могилу ее жениха и поэтому она в сорок лет оставалась девой; а вот иконы, которые выбросили из школы,—так это выше ее сил и она хранит их у себя под кроватью, каждый вечер вынимает их и на коленях подолгу молится, прося простить ее за то, что она обращается с ними небрежно. А комплекс ей тоже не дается.

Судя вообще по работе в наших школах и по методам этой работы, нужно сказать, что мы по новому пути идем, как бык в новом ярме. Даже учителя современных выпусков, второступенцы, педтехникумцы и им подобные,—и те получают не ту закваску, которая нужна для современной трудовой школы. А поэтому коммунистам, ведущим культурно-просветительную работу, надо приняться за перевоспитание преподавателей». (А. Сотников, Ворон. губ.).

Еще:

«Самый антипатичный тип учителя это—карьеристы (того и другого пола). И раньше они были нежелательными элементами в нашей среде, а теперь тем паче. Дело свое не любят, хотя всем и каждому уши прожужжали, что души в нем не чают. Мечтают о тепленьком местечке, маникируют. В школьном деле бьют на показную сторону и часто этим втирают очки. Раньше это были подлипалы ко всем властям имущим, интриганы и доносчики.

Чувствуя, что учительство их презирает, они ненавидели его всеми фибрами своих мелких душонок, стараясь всячески ему гадить. Сейчас они перекрасились, из кожи лезут, чтобы проявить себя на общественной работе и пролезть в партию. Посещают все собрания, завсегдатаи в ячейке, сельсовете и пр., хотя торчат здесь только для мебели. А если и работают, то сделают на 3 копейки, а натарахтят об этом на 100 руб.

Иногда им удается втереть очки кой-кому и они слывут активнейшими советскими работниками. Школа у них на втором плане. Попав в начальство, они настолько наглеют, что иногда допускают под шумок и рукоприкладство в школе.

Правда, таких фруктов встречается мало, но они есть». (Местный, Ставропольск. окр.).

Или:

«Кажется, очень противна личность мещанина и не педагогу быть похожу на нее. Но как же иначе назвать, как не мещанством, если школьная работница, считающая себя опытным передовым педагогам, заявляет другим старым и молодым:

— Все вы гниль, всех вас на свалку! Я создам новую школу! Я покажу вам, как надо заниматься!

Но когда приехавшие из деревни на конференцию учителя хотят познакомиться с работой ее школы, она гонит их прочь и ни за что не разрешает войти в класс послушать свои уроки. Она такая умная, опытная, заставляет составлять ей план урока старую учительницу, приходящую для этого к ней на квартиру по праздникам. Это ли не мещанство!» (Н.).

НИ СТАРЫХ НИ МОЛОДЫХ.

Таковы факты. Все, о чем сообщают корреспонденты несомненно правильно, но делать отсюда вывод, что нехороши молодые или старые педагоги, в корне неправильно. Отрицательные типы встречаются в обоих слоях просвещенцев, независимо от возраста и от стажа. Поэтому совершенно правильно ставит вопрос т. Родионова (из Воронежской губ.), когда заявляет:

«Везде и всюду слышим—старые и новые учителя. Когда же не будет этого различия? В чем, собственно говоря, эта разница? Если учитель прослужил 15 лет—он старый; год-два—новый. Это различие по времени службы. Но у нас принято делить учителей на старых и новых по их взглядам. У нас много говорят о неподготовленности старых учителей. Это так. Но ведь они идут на переподготовку, они сознают ее важность. Говорят также об учительницах-епархиалках. Разве все они непригодны к работе?

Пора о происхождении учителей забывать. Чуждый элемент уже отошел в сторону в 20—21 гг. Если мы будем продолжать об этом разговоры, то внесем в среду учителей еще больше раздора. А не будет сплоченности, не будет и хорошей работы. Нужно изжить это механическое деление на старых и новых и одной семьей дружно начать работать».

Действительно, нужно подходить к вопросу иначе. И мы знаем, что на местах в очень многих случаях никогда не ставится этого вопроса, никогда нет деления на старых и молодых.

Вот читайте:

«Взаимоотношения между одной и другой группой учительства самые наилучшие: старички, более умудренные педагогическим опытом, не смотрят свысока на молодежь, а охотно делятся с нею результатами своего опыта. С другой стороны, и молодежь чужда мещанского чванства и презрительного взгляда на старичков, как на отставших от века».

Так обстоит дело в Курской губ. Так же и в других районах.

«В прошлом учебном году прислали в наш район двух педтехникумцев. При первой встрече пробежала было чуждая струйка, но затем молодежь и старики слились в единый коллектив, образовав единое живое ядро. Наше учительство как будто освежилось и работа многих значительно облегчилась. Молодые учителя внесли в практику работы много нового.

Никакого разлада нет. Все вопросы нашей трудной педагогической работы разрешаются совместно, общими усилиями. Марка — молодой или старый учитель—у нас не в почете». (Богатырев, Сталинградск г.).

Таких примеров можно привести немало.

ВЫВОДЫ.

Какие выводы можно сделать сейчас по этому вопросу? С кадрами просвещенцев дело у нас обстоит не совсем благополучно. Это верно. Борьба по очищению просвещенских рядов еще не дала окончательных результатов. Чистку надо продолжать и дальше. Но проводить ее под лозунгом «долой старых» или «гони молодых»—нельзя.

Учительство значительно изменило свой дореволюционный лик. Старые кадры просвещенцев перестроились. Правда, иногда наблюдается антагонизм между молодняком и старыми педагогами. Не всегда налицо

единство языка, одинаковое понимание задач советской школы и общественной работы. Нередко наблюдается пренебрежительное отношение к молодежи со стороны старшего поколения. Имеет место и неправильная оценка молодежью опытных педагогов. Но все это явления исключительные и сравнительно редкие. От старого дореволюционного учительства осталось много хорошего. Среди них есть целый ряд искренно преданных делу народного просвещения, работников опытных, хорошо знающих школу. И работа здесь должна пойти в направлении перевоспитания, переподготовки этих старых кадров.

И сейчас, конечно, среди учительства есть различные группы, но резкой грани между старыми и новыми поколениями проводить нельзя.

У нас есть целый ряд хороших, сработавшихся коллективов, где одинаково дружно работают и старые и молодые просвещенцы. У нас много хорошей молодежи, которая очень ценит опыт и знание старых товарищей и умеет использовать этот опыт.

Но у молодежи часто недостает необходимых знаний. Наша молодежь иногда насторена пессимистически и пассивна к работе.

«Нас часто берет сомнение: да куда же мы идем?—спрашивает т. Ам-ков из Тульской губ. Старики поднашиваются, а, кроме того, многие из них не умеют работать в новых условиях. А молодежь? В ней нет искры новой жизни, нет вкуса к работе, нет смелости, и нет исканий».

Может быть это происходит оттого, что слишком тяжело материальное положение молодых педагогов.

«Напрасно я мечтал все годы,
За партой сидя, о лучших днях.
Теперь мои мечты, фантазии, полеты
Запутались в пальто худого лоскутах».

Может быть это происходит оттого, что детские годы нашей молодежи прошли в тяжелый период революции, что не могло не отразиться, конечно, на их настроении.

Но когда молодой учитель-педтехникумец говорит о том, что

«Если в будущем жизнь не согреет—
Разве мало других дорог?!»,—

то это свидетельствует о том, что наша молодежь не имеет крепкой жизненной закалки. И это тем более опасно, что автор приведенных строк, по его собственному замечанию, «выражает настроения, охватившие значительный слой учащихся педтехникума».

Вот этого старые педагоги часто не понимают и не учитывают, и вместо помощи молодежи начинают ее третировать, начинают обвинять ее в различного рода слабостях.

Отсюда необходимо сделать основной вывод: закалять нашу молодежь еще тогда, когда она находится на скамье педвуза и педтехникума. И относиться к ней бережно в коллективе

Это по линии молодежи.

А вообще о взаимоотношениях обеих групп нужно сказать так: есть среди просвещенцев одинаково непригодные и из молодежи и из стариков. Есть молодежь старческая, непригодная к работе, гнилая; и есть старики, полные юношеского задора. Кое-где пахнет метрвечиной. И это мертвое надо ампутировать, вырезать, выбросить, не считаясь с возрастом.

Мы говорим сейчас о новом человеке, мы хотим готовить новых людей, мы развертываем чрезвычайно ответственную работу на всем культурном фронте. Для этой работы нужны хорошие работники и наши просвещенские кадры должны быть улучшены. Этих работников мы должны искать и брать отовсюду, где они только есть—и из гущи нового подрастающего поколения, и из среды старого лучшего учительства.

ВОТ КАКИЕ РАБОТНИКИ НАМ НУЖНЫ.

I.

«Обоим вместе более 100 лет; из них—50 лет педагогической деятельности. Он—слеп, она—плохо слышит. Он—на пенсии, она еще работает в школе, заведуя ею. Начинали работать в развалившейся школе. Сейчас школа выросла из однокомплектной в 3-комплектную. Крестьяне построили второе здание, количество учащихся непрерывно растет, хорошая посещаемость ребят. На днях было родительское собрание, где демонстрировались детские работы. Аккуратные, чистенькие тетрадочки, хорошие рисунки говорили сами за себя. Ребята очень развиты, общительны, работоспособны. Школа не отстает, у ней есть чему поучиться.

Кому из них школа обязана этими результатами? Обоим.

У них—один другого дополняет. Она читает слепому мужу газеты, журналы, детские работы. Вместе обсуждают, советуются.

В классе—тоже вместе. Он хорошо слышит, всех ребят знает по голосу, руководит детским чтением, она—письмом; потом—советуются. Организовали ребят—выписывают детский журнал, газету. У ребят на очереди—организация пионеротряда.

А они мечтают о радио. Он будет слушать, передавать ей, вместе будут делиться мыслями о Москве, о культурной жизни настоящей столицы. Уже подготовка идет: ежемесячно откладывают по нескольку рублей. Близко время, когда сбережений будет достаточно, чтобы уловить одной уцелевшей паре ушей давно ожидаемое:

— Алло!.. Говорит Москва!..

Сколько еще в них бодрости, желания работать! Никаких жалоб. Два милых, умных старика-педагога, умеющих шагать в одну ногу с молодыми, пока...шагается!

II.

В самой захудалой деревеньке всей огромной волости мы не найдем никого, кто бы его не знал. Да и нельзя не знать. Если спросим—нам скажут:

— Костентин Егорыч?.. И у нас бывал: читал лекцию... Как же, знаем!..

О характере прочитанной лекции можно не спрашивать. Она могла быть по любому вопросу: школьному делу, радиопропаганде, корнеплодах, кооперативному движению, силосованию кормов, электротехнике, землеустройству. У него просят совета кузнецы по части ковки лошадей, мужики приходят за разъяснениями и жалобами на новый декрет о разводах, избач—о постановке работы сельскохозяйственнного кружка. Сам крестьянин, с незаконченным агрономическим образованием, он поражает своим знанием деревни и огромной эрудицией в самых разнообразнейших вопросах. Даже кустарь, изготовляющий валенки, норовит на базар в это село привезти лучшую свою продукцию, с «законной» долей купороса; намекая на дядю Костю, ворчит:

— У них не обманешь... Дотошные, черти!..

Никто не знает, когда начинается его рабочий день, когда кончается. Да и трудно это установить. Стоит только его вызвать в какую-нибудь деревню, как он тотчас же является. Читает, беседует, учит... Не было случая, чтобы он отговорился окончанием своего рабочего дня.

Великолепный оратор, собирающий на свои доклады всю деревню. Неутомимый и умелый организатор,—он еще и практический выполнитель. Трудно перечислить все его должности: член сельсовета, член правления и организатор кооператива, молочного товарищества, руководитель с.-х. кружка, школьного кружка пения. Работает в больнице, вет-

пункте, агроучастке. Участвует, организуя, в восстановлении электростанции, мельницы. В прошлом—член уисполкома, заведующий роно. Распространяет, делая сам, за бесценок радиоприемники.

— Где он (мужик) купит-то?.. В город, что-ль, поедет?

Основная работа—в ШКМ. Преподает сельское хозяйство. Имеет и сам образцовое хозяйство. А через школу добился того, чего отродясь в районе не было: корнеплоды мужики перенесли в полевой клин. И в каждого ученика ШКМ сумел вложить свою закваску: все возятся с корнеплодами, навозом, паром, многопольем, опытным кормлением...

В книжке, вышедшей в губернии «Наша деревня»,—его портрет и восторженные отзывы автора, обследовавшего волость:

— Энергичный работник, умелый организатор, умный педагог...

Ему—за 30. В самом расцвете своих сил, своей высоко-полезной деятельности.

III.

Та школа, где он работает,—районная, а он в ней—заведующий. Весь его учительский стаж—второй год. А возраст—20, с небольшим...

На его долю выпал особенный район с особенно сложными и трудными условиями работы: с неоформившимся еще процессом социального расслоения общества, с большим числом кустарных ткацких предприятий, где засели кустари-кулаки, в прошлом—фабриканты, отличающиеся наплевательским отношением к школе: не до нее им...

Школьные помещения не устроены: в квартирах учителей растут грибы. Масса хозяйственных недостатков. Все это его не испугало.

Он умеет бить в точку и, будучи политически совершенно грамотным,—знает где, как и что нужно сделать, исправить и чрез какие рычаги добиться. В школе нет дров, кто-то не распорядился, что-то не сделал,—он не сидит, растерянно ахая над дровяной «проблемой». Все просвещенцы уезда, поэтому, в уездной газете читают едкую статью, направленную против оплошавших с топливом хозяйственников, требующую категорического ответа на острый и больной во всем уезде вопрос:

— В чем дело? Где дрова?

И в «Бедноте» и в губернских газетах,—его статьи с сокращенной подписью: «А. Андр.», где характеризуются и комментируются в культурном и экономическом освещении вопросы работы и быта.

Прекрасный, с большим уже опытом, общественный работник в нем сочетается с неменее работоспособным, умеющим организовать школьное дело педагогом. Школа растет. Методическая работа с учительством района через райшколу, которой он заведует, расширяется, пополняя и его знания.

В работе он учится, накопляя возможности к еще более широкому развертыванию себя. Много отдает, но умеет и пополнять отдаваемое.

Он весь — движение, организующая работа, борьба. Ему — 20, с небольшим, а он уже опытный работник. Учит. Работает. Учится. И опять—работает, работает и работает...

Это не схемы. Это бегло зарисованные портреты с живых людей, извлеченные из наспех сделанных заметок в блок-ноте. Это—лучшие представители 3 основных педагогических «поколений»: старых учителей, у которых—все в школе: они ею дышат, в ней доживают, сохраняя до конца интерес к любимому делу; законченных педагогов, во всю ширь развернувшихся в работе, с жизненным опытом, знанием дела, широкими горизонтмми и—молодежи, только еще начинающей работать, внесшей в школу кипучесть, сочность, нетерпение...

Лучшие представители. Блестки. Огоньки. В. Е-в.

Мы должны поднять нашу школу, мы должны еще шире развернуть общественную работу во всех областях нашего хозяйственного и культурного строительства. А поэтому надо бороться с отдельными искривлениями, какие еще наблюдаются в нашей среде, надо крепить наши кадры.

Без разделения на группы, единой крепкой семьей должны мы участвовать в культурном строительстве!

А. МУРАВЛЕВСКИЙ.

КАК СТРОЯТСЯ ШКОЛЬНЫЕ ЗДАНИЯ

(Путевые заметки по ЦЧО).

Было тихое солнечное утро, сентябрьское утро, когда солнце ласково греет и так свободно дышится свежим воздухом только-что наступившей осени. Сытые риковские лошади, запряженные в потрепанный тарантас, бежали дружной рысью, и молодой кучер Сережа насилу сдерживал их на спусках с крутых гор. Направо и налево от нас тянулись бесконечные ярко-желтые поля с поспевающим подсолнухом, а внизу налево серебряной чешуей сверкал извилистый Дон. Среди разговоров (с ехавшим со мною инспектором П—м) о наших просвещенских делах мы и не заметили, как уже давно въехали в село Костенки—огромное село, разбросанное по косогорам. Нам, северянам, не совсем привычны эти села, насчитывающие у себя до десятка тысяч жителей и тянующиеся обычно намного верст вдоль прямой дороги или извилистой речки.

— Где здесь у вас строится школа? — спрашиваем мы у идущей навстречу нам девочки, по всей видимости школьницы.

— А вот поедете прямо, потом повернете направо и там увидите церковь, а от нее видна школа.

Нам пришлось долго колесить, пока мы увидели школу. Большое стройное здание на повороте сразу глянуло на нас десятками своих больших и частых окон, расположенных на восток. Здание оказалось почти законченным. Оно построено не из нового материала, а перестроено из старого здания б. церковно-приходской школы. 12 лет стояло это здание без употребления, а ребятишкам приходилось бегать в школу за 3-4 версты. Теперь рик ассигновал 3 500 рублей, население помогло разборкой и перевозкой школы и подвозкой материала, и в результате при относительно небольших затратах получилась хорошая школа. В ней есть все необходимые для школы помещения: 2 класса, небольшая рекреация, раздевальня, кухня, помещение для сторожа и две комнаты для учителей. Нет только рабочей комнаты, а то было бы совсем стандартное здание трудовой школы. Санитарно-гигиенические нормы почти выдержаны. Света и простора достаточно. Здание строилось по плану под постоянным присмотром десятника и руководством техника. Был на постройке и инженер из окркомхоза. Может быть приемочная комиссия и обнаружит здесь какие-нибудь мелкие технические недочеты, но они не умалят факта удачного и экономного использования старого здания под школу.

Часа через два мы продолжали наш путь еще дальше в глушь—в деревню Россошки, за 15 верст от Костенок. Россошки—выселки; кругом нет близко деревень, нет ближе 7 верст и школы. Россошинцы долго жили без школы, слишком долго. Уже подрастающее поколение стало выходить неграмотным. Так дальше жить нельзя,—решили Россошинцы, и раздумывая о том, как построить школу, сдали общественный луг в аренду, получили 1 000 рублей, и все эти деньги свезли в отдел народ-

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: НА ГОД — 12 Р.; НА 6 МЕС. — 6 Р.; НА 3 МЕС. — 3 Р. 30 К.
ЦЕНА ОТДЕЛЬНОГО НОМЕРА 1 Р. 10 К.
ЦЕНА ВМЕСТЕ С «ЕЖЕНЕДЕЛЬНИКОМ НИП» НА ГОД—20 Р.; НА 6 М. — 11 Р.; НА 3 М. — 6 Р.

НАРОДНОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ОРГАН НАРКОМПРОСА РСФСР ПО ВОПРОСАМ ПОЛИТИКИ И ОРГАНИЗАЦИИ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

ОТВ. РЕД. М. С. ЭПШТЕЙН

В 1929 ГОДУ ЖУРНАЛ БУДЕТ ОСВЕЩАТЬ: ВОПРОСЫ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В СВЯЗИ С ИНДУСТРИАЛИЗАЦИЕЙ СТРАНЫ, КОЛЛЕКТИВИЗАЦИЕЙ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА И ДРУГИМИ ТЕКУЩИМИ ЗАДАЧАМИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО СТРОИТЕЛЬСТВА. К ПРЕДСТОЯЩЕМУ ПАРТСОВЕЩАНИЮ ПО ВОПРОСАМ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ, ЖУРНАЛ ДАСТ РЯД СТАТЕЙ, В КОТОРЫХ БУДУТ ПОДВЕДЕНЫ ИТОГИ ПРОВЕДЕНИЯ РАЗДЕЛА ПРОГРАММЫ ВКП(б) ПО НАРОДНОМУ ОБРАЗОВАНИЮ ЗА 11 ЛЕТ И, В ЧАСТНОСТИ, ОСОБОЕ ВНИМАНИЕ БУДЕТ УДЕЛЕНО ВОПРОСАМ СИСТЕМЫ НАРОДНОГО ОБРАЗ. РСФСР И СОЮЗНЫХ РЕСПУБЛИК. ЖУРНАЛ ОСВЕТИТ ВОПРОСЫ УВЯЗКИ РАБОТЫ НАРКОМПРОСА Р. С. Ф. С. Р. И ОНО С ОБЩЕСТВЕННЫМИ ОРГАНИЗАЦИЯМИ. □ В ЖУРНАЛЕ БУДЕТ РАЗВЕРНУТ ОТДЕЛ «САМОКРИТИКИ». □ ЖУРНАЛ ШИРОКО ОСВЕТИТ ВОПРОСЫ ПРОСВЕЩЕНИЯ НАЦМЕН. □ В ЖУРНАЛЕ НАЙДУТ ОТРАЖЕНИЕ ОСОБО ВАЖНЫЕ ПРИНЦИПИАЛЬНЫЕ ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПО НАРОДНОМУ ПРОСВЕЩЕНИЮ ПРАВИТЕЛЬСТВА И КОЛЛЕГИИ НАРКОМПРОСА. □ ЖУРНАЛ ОСВЕТИТ ПРАКТИКУ В ОБЛАСТИ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ЗА ГРАНИЦЕЙ. □ ОСОБОЕ ВНИМАНИЕ БУДЕТ УДЕЛЕНО «БИБЛИОГРАФИИ». □ ЖУРНАЛ РАССЧИТАН НА КОМАНДНЫЙ СОСТАВ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ, РАБОТНИКОВ ТЕХ ВЕДОМСТВ, КОТОРЫЕ СОПРИКАСАЮТСЯ В СВОЕЙ РАБОТЕ С ВОПРОСАМИ ПОЛИТИКИ И ОРГАНИЗАЦИИ НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ, ЧЛЕНОВ СЕКЦИЙ ПО НАРОДНОМУ ОБРАЗОВАНИЮ СОВЕТОВ, А ТАКЖЕ НА АКТИВ КУЛЬТУРНЫХ РАБОТНИКОВ ПАРТИЙНЫХ И ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ. □ В ЖУРНАЛЕ ПРИНИМАЮТ УЧАСТИЕ ДЕЯТЕЛИ ЦЕНТРА И МЕСТ, ПЕДАГОГИ И СОТРУДНИКИ НАУЧНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ. □□□□□□□□

ПОДПИСКУ НАПРАВЛЯТЬ: МОСКВА, ЦЕНТР, ИЛЬИНКА 3, ГИЗ, ТЕЛЕФОН 4-87-19; ЛЕНИНГРАД, ПР. 25 ОКТЯБРЯ, 28; В ОТДЕЛЕНИЯ, МАГАЗИНЫ И КИОСКИ ГИЗ, УПОЛНОМОЧЕННЫМ, СНАБЖЕННЫМ СПЕЦ. УДОСТОВ., В ПОЧ.-ТЕЛ. КОНТОРЫ И ПИСЬМОНОСЦАМ.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

НАРОДНОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ

ВОПРОСЫ
ПОЛИТИКИ И
ОРГАНИЗАЦИИ
НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ

НОЯБРЬ

№ 11

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ НАРКОМПРОСА РСФСР

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — 1928 — ЛЕНИНГРАД

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

ПЕРЕВЫБОРЫ СОВЕТОВ — *А. Ширямов*. 3

К ЗАДАЧАМ ЧЕТВЕРТОГО ВСЕРОССИЙСКОГО ДОШКОЛЬНОГО СЪЕЗДА — *М. Эпштейн* 13

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ИДЕИ Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО (к столетию со дня рождения) *Е. Медынский* 15

МАССОВАЯ ДЕРЕВЕНСКАЯ ШКОЛА И ПРОБЛЕМА ПОДНЯТИЯ УРОЖАЙНОСТИ — *В.В. Смиренномудренский* 19

СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ И ЗАДАЧИ ОТДЕЛОВ ПО РАБОТЕ В ДЕРЕВНЕ — *Р.И. Берзин* 31

НА СОВЕЩАНИИ АВАНГАРДА КУЛЬТПОХОДА — *Н. Замков* 40

К ПАРТСОВЕЩАНИЮ.

А. Луначарский.—Проблемы подготовки рабочих кадров 49

Б. Годомарк.—Установка или подготовка 57

П. Каган. — Дискуссионные моменты нашей системы народного образования 67

С. Шабалов. — Политехнизм в современной советской школе 74

ПЛАНИРОВАНИЕ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ.

В Касаткин.—Итоги истекшего года. 81

Зорин.—Контрольные цифры по народному просвещению на 1928/29 г. 90

И. Заколодкин.—Культурные ножницы 103

ВОПРОСЫ ВОСПИТАНИЯ.

П. Кругликов.—Культурная революция и первоочередная задача социального воспитания 111

ОТ РЕДАКЦИИ.—Ответ на ст. Кругликова 126

ПОВЫШЕНИЕ КВАЛИФИКАЦИИ РАБОТНИКОВ ПРОСВЕЩЕНИЯ.

Самокритика ли это?—ответ Института повышения квалификации на ст. Новомирского, ... 131

ПО ПРОСВЕЩЕНСКИМ ЦЕХАМ.

К. Бендриков. — День в деревенской летней школе опытной станции Наркомпроса 135

БИБЛИОГРАФИЯ.

М. Пистрак.—Проблема научной педагогики 150

ПРОСВЕЩЕНСКАЯ ПЕЧАТЬ.

А. П.—Совещание о журнале «Народное просвещение» 152

А. Иоаннисиани. — «Просвещение» 155

О журнале «Наши достижения» 158

ЖИЗНЬ РАБОЧЕЙ ШКОЛЫ

ТРУД В ШКОЛЕ И ДЕТСКОМ ДОМЕ

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1929 ГОД НА ЖУРНАЛЫ:

НА СЕДЬМОМ ГОДУ ИЗДАНИЯ ЖУРНАЛ ПОСВЯЩАЕТ ОСНОВНОЕ ВНИМАНИЕ ВОПРОСАМ: ОРГАНИЗАЦИИ И РУКОВОДСТВА РАБОЧИМ И НИЗШИМ ПРОФТЕХНИЧЕСКИМ ОБРАЗОВАНИЕМ; ПРОГРАММ И МЕТОДОВ ПРОИЗВОДСТВЕННОГО ОБУЧЕНИЯ; ПРОГРАММ И МЕТОДОВ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО ОБУЧЕНИЯ; МЕТОДИКИ И ОРГАНИЗАЦИИ УЧЕТА ШКОЛЬНОЙ УСПЕШНОСТИ; ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ. ЖУРНАЛ ЯВЛЯЕТСЯ ОДНОВРЕМЕННО И ТЕОРЕТИЧЕСКИМ И ПРАКТИЧЕСКИМ ОРГАНОМ ПО ВСЕМ ОСНОВНЫМ ВОПРОСАМ И ПРОБЛЕМАМ РАБОЧЕГО И НИЗШЕГО ПРОФТЕХНИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР
А. Я. ВЫШИНСКИЙ

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:
НА ГОД — 6 руб. 50 коп.;
6 мес. — 3 руб. 50 коп.

ЦЕНА ОТДЕЛЬНОГО НОМЕРА — 75 коп.

ВЫХОДИТ В ГОД ДЕСЯТЬ НОМЕРОВ

ЖУРНАЛ РАССЧИТАН НА РАБОТНИКОВ ПО ТРУДУ В ШКОЛЕ ПОВЫШЕННОГО ТИПА В ДЕТСКОМ ДОМЕ, В РАЙОННЫХ ЦЕНТРАЛЬНЫХ МАСТЕРСКИХ, В ШКОЛЕ I СТУПЕНИ, В ШКОЛЕ ПОДРОСТКОВ, ВО ВНЕШКОЛЬНЫХ ТРУДОВЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ.

ЖУРНАЛ БУДЕТ РАЗРАБАТЫВАТЬ И ОСВЕЩАТЬ: ВОПРОСЫ СИСТЕМЫ ТРУДОВОГО ВОСПИТАНИЯ. ОБЩЕЙ И ЧАСТНОЙ МЕТОДИКИ ТРУДОВЫХ ЗАНЯТИЙ. ВОПРОСЫ ПРИМЕНЕНИЯ ПРОГРАММЫ ПО ТРУДУ НАРКОМПРОСА И СОСТАВЛЕНИЯ РАБОЧЕГО ПЛАНА. ВОПРОСЫ ОРГАНИЗАЦИИ ДЕТЕЙ В ТРУДЕ. В ЖУРНАЛЕ БУДУТ ПОМЕЩАТЬСЯ ОПИСАНИЯ РАБОТЫ МАСТЕРСКИХ, ПРИШКОЛЬНЫХ УЧАСТКОВ, КРУЖКОВ ЮНЫХ ТЕХНИКОВ, МОДЕЛИСТОВ И ПР. В ЖУРНАЛЕ БУДУТ ПОМЕЩАТЬСЯ ПРАКТИЧЕСКИЕ УКАЗАНИЯ ТЕХНИЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА, КАК, НАПРИМЕР, О ТОМ, КАК НАПРАВЛЯТЬ ИНСТРУМЕНТЫ, КАК СОСТАВЛЯТЬ ТАБЛИЦЫ ПО ТЕХНОЛОГИИ И Т. П. В ЖУРНАЛЕ БУДЕТ ОТВЕДЕНО МЕСТО ДЛЯ ОПИСАНИЯ НОВОСТЕЙ ТЕХНИЧЕСКОГО ОБОРУДОВАНИЯ, РАЦИОНАЛЬНЫХ ИНСТРУМЕНТОВ, ПРАВИЛЬНЫХ ПРИЕМОВ РАБОТЫ. ЖУРНАЛ БУДЕТ ПУБЛИКОВАТЬ РЕШЕНИЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА И НАРКОМПРОСА РСФСР В ОБЛАСТИ ПОСТАНОВКИ ТРУДА В ШКОЛЕ, СООБЩЕНИЯ О КОНФЕРЕНЦИЯХ, ИНФОРМАЦИИ О ХОДЕ РАБОТ В НАУЧНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ. В ЖУРНАЛЕ БУДЕТ РАЗДЕЛ ВОПРОСОВ И ОТВЕТОВ.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР М. ПИСТРАК.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА НА ГОД—4 р. 50 к.; 6 мес.—2 р. 50 к.

ЦЕНА ОТДЕЛ. НОМЕРА—55 к. ВЫХОДИТ 10 НОМЕРОВ В ГОД.

ПОДПИСКУ НАПРАВЛЯТЬ: МОСКВА, ЦЕНТР, ИЛЬИНКА 3, ПЕРИОДСЕКТОР ГОСИЗДАТА, ТЕЛ. 4-87-19; В ОТДЕЛЕНИЯ, МАГАЗИНЫ И КИОСКИ ГОСИЗДАТА.

собы к исполнению чувств сердца даются воле представлениями ума и потому надобно также обратить внимание на ту сторону мышления, которая относится к способам иметь влияние на судьбу других людей» [1].

Здесь мы видим: 1) требование, чтобы воспитание было основано на психологии (а мы знаем, что метафизическая старая психология не удовлетворяла Чернышевского, который считал, что она должна быть построена, как точная наука на материалистических основах и 2) требование воспитывать прежде всего целостного человека, развитого (ум), чувствующего добро и деятельного.

Изучайте действительность, жизнь [2]. Принимайте в ней самое деятельное участие. Пусть этой действительностью, будущим участием в ней подрастающего поколения и социалистическими идеалами определяется все воспитание молодого поколения. Пусть различные стороны этого воспитания—физическое, умственное, нравственное и эстетическое—будут слиты в вашей системе воспитания воедино. Таковы главнейшие педагогические заветы Чернышевского.

Крайне ценны указания Чернышевского о подходе к детям. Подходите к детям трезво, серьезно, без фальши, без приторности. Нужно только умеючи приняться за дело, и с детьми можно говорить об истории, об общественных вопросах, о литературе и т. д. Детские книги часто оскорбляют детей недоверчивостью к их уму, отсутствием мысли, приторными сентенциями. «К чему эта преднамеренная пустота, преднамеренное идиотство? Детям очень многое можно объяснить очень легко, лишь бы объясняющий сам понимал ясно предмет, о котором взялся говорить с детьми, и умел говорить человеческим языком» (полн. собр. соч., т. II, стр. 648). Сам Чернышевский, исходя из этих взглядов, написал для детей брошюру «А. С. Пушкин» и мечтал в конце жизни написать для детей несколько сочинений по истории и политической экономии.

По вопросу, чему обучать, Чернышевский говорил—«Изучайте действительность». В эту формулу он вкладывал широкое содержание: прежде всего, конечно, изучайте природу; наряду с нею изучайте общественную жизнь. «Действительность обнимает собою не только мертвую природу, но и человеческую жизнь, не только настоящее, но и прошедшее, насколько оно выразилось делом, и будущее, насколько оно подготовляется настоящим» (полн. собр. соч., т. X, ч. 2, стр. 174).

При изучении истории внимание должно быть обращено не на перечень голых фактов, имен, дат и военных событий, а на понимание исторических явлений и установление связи между ними, на ход развития народов.

При занятиях по родному языку центр тяжести должен лежать в изучении литературы, а не в углублении в тонкости грамматики. Не нужно набивать головы юношей «теориями придыханий, приставок, корнями и суффиксами». Несравненно полезнее употребить годы учения на естествознание, историю и литературу.

Специальных работ по педагогическим вопросам Чернышевский не оставил. Не был он педагогом-специалистом. Педагогические высказывания его разбросаны в виде отдельных замечаний по массе статей. Собранные вместе, они, как видим, являются стройной цепью педагогических мыслей, которые далеко оставили за собой идеалистическую педагогику его времени и осуществляются лишь теперь.

Е. МЕДЫНСКИЙ.

---

[1] Полн. собр. соч., т. VI, стр. 237.

[2] От редакции. Здесь интересно отметить взгляд Чернышевского на педагогическую роль искусства при изучении действительности.—Многие произведения искусства, говорит он, не только показывают жизнь, но и объясняют ее нам. Поэтому они служат «учебниками жизни».

Отсюда взгляд Чернышевского на литературного критика, как на педагога, объясняющего читателям смысл таких «учебников жизни».

МАССОВАЯ ДЕРЕВЕНСКАЯ ШКОЛА И ПРОБЛЕМА ПОДНЯТИЯ УРОЖАЙНОСТИ

Проблема поднятия урожайности является в настоящее время одной из основных актуальнейших задач государственного строительства.

Вокруг вопросов поднятия производительности сельского хозяйства развертывается сейчас мощная общественная кампания.

Особенно большую работу ведут по выяснению путей разрешения этой проблемы органы Наркомзема. К разрешению ее привлечены и научные работники агрономии.

Весьма характерно, однако, что ряд авторитетнейших работников агрономической науки в своих суждениях о путях поднятия производительности сельского хозяйства не обходят молчанием и вопросы народного образования.

«Наши ученые и агрономы,—говорит проф. Е. Ф. Лискун,—находятся на недосягаемых для населения вершинах агрономических знаний, но между учеными и крестьянским населением имеется ничем незаполненная зияющая пропасть. Над заполнением этой пропасти или, по крайней мере, над созданием моста над ней должны трудиться все будущие и настоящие агрономы. Эту работу надо начинать еще на школьной скамье».

«Проблема сельской школы должна быть поставлена на первое место,—говорит проф. Лебедев. Ни достижения наших опытных учреждений, ни мировая сельскохозяйственная наука не могут быть переданы населению без школы. Только массовая народная школа может явиться массовым передатчиком этих знаний. Народная школа не должна быть просто школой грамотности, она... должна знакомить население с тем, над чем люди в данное время работают. Если мы в этом отношении не начнем серьезно думать, если мы еще долго будем собираться, то наша проблема урожайности останется неразрешенной в течение ряда десятилетий».

После этих совершенно правильных и глубоко продуманных суждений, проф. Лебедев высказывает и некоторые конкретные предложения. Он прямо настаивает на том, чтобы народная школа была «профессиональной школой».

«Я хотел бы,—говорит он,—чтобы вопрос о характере сельской школы был подчеркнут в особой резолюции и чтобы ведомство Наркомзема повело на эту тему разговоры с ведомством Наркомпроса. Нужно добиться, чтобы Наркомпрос провел в жизнь реорганизацию народной школы в деревне на профессиональном базисе, а если он не сумеет этого сделать, то это дело нужно взять у него из рук и народную школу в сельских местностях перевести в ведомство Наркомзема».

Резкую противоположность этим суждениям проф. Лебедева представляют мысли проф. Кирсанова. «Как старый земский учитель,—говорит он,—я считаю, что в нашей школе нужно внедрить культ идеи подъема урожая, но не следует загружать этим делом школы. Ведь начальная школа это один из немногих моментов в жизни ребенка, когда он может развиваться в направлении общей культуры и укрепляться в основах

грамоты и общего образования. В ущерб этому нельзя насаждать сельскохозяйственную грамоту. Центр внимания должен быть направлен на послешкольный период, как это делает Америка, создавая детские клубы, на основе самодеятельности и личных склонностей ребенка»[1].

Такие суждения были высказаны профессорами, научными работниками агрономии на состоявшемся в Наркомземе совещании 16—18 июля с. г., посвященном вопросам поднятия урожайности.

Весьма характерно, что сами авторитетные научные работники агрономии делают проблему урожайности проблемой не узко ведомственной и естественно затрогивают вопросы народного образования и, в частности, вопросы массовой народной школы.

Это естественно потому, что проблема урожайности является сложнейшей проблемой, которая безусловно теснейшим образом связана с вопросами культурной революции, в разрешении которых учреждениям народного образования должна принадлежать одна из первых ролей.

Приведенные суждения авторитетных работников агрономической науки не могут и не должны быть обойдены молчанием в среде работников просвещения. Они должны найти отклик и в руководящих кругах Народного комиссариата просвещения и Государственного ученого совета.

Нам думается, что при разрешении вопроса о роли и значении массовой деревенской школы в деле сельскохозяйственного прогресса необходимо учесть опыт истории ее сельскохозяйственных начинаний.

Дело в том, что агрикультурная работа в деревне всегда встречала большие препятствия в некоторой косности и невосприимчивости крестьянских масс.

Крестьянским массам, воспитанным старой школой учебы, той школой, которая заботилась больше не о знаниях, а о борьбе с аграрной революционностью, той школой, которая стремилась подавить самодеятельность и инициативу, прививая чувства верности престолу и страха божия, этим крестьянским массам агрономическая и кооперативная пропаганда была сплошь и рядом непонятна, была подчас чужда и лишь в малой степени достигала своей цели.

Сколь тяжела и нерезультативна была в дореволюционное время работа общественного агронома, свидетельствует следующая сентенция, сложившаяся к началу мировой войны в общественно-агрономических кругах: «Чтобы быть общественным агрономом, надо иметь веру апостола и терпение осла».

И действительно, получив образование и воспитание в сельской школе, которая положительно ничем не была связана с сельским хозяйством, каждый молодой крестьянин формировал свою личность хозяина по науке своих отцов и дедов, уповая в большинстве случаев на волю божью. Всякие пословицы, вроде того, что «севец не угодит, коли бог не уродит», входили в плоть и кровь крестьянина и он постепенно закостеневал в вековых традициях и предрассудках. Воздействовать на такого сложившегося уже крестьянина, конечно, было не легко. Ко всяким новшествам в области хозяйственной жизни он относился недоверчиво, особенно, если агитатор-агроном был, к тому же, молодым человеком.

«Отцы и деды жили, проживу и я»,—если не говорил, то думал он про себя.

Безусловно именно этим в значительной степени объясняется малая продолжительность службы агронома на одном месте.

---

[1] Журнал «Пути сельского хозяйства» № 8 за 1928 г. Научный орган Народного комиссариата земледелия и Сельскохозяйственной академии им. К. А. Тимирязева (стр. 80, 149 и 157).

А. Ф. Дедусенко[1] приводит следующие характерные данные о продолжительности службы агронома на одном месте в дореволюционное время: в Херсонской губернии 2,5 года, в Полтавской—1,8, в Харьковской—1,7 года.

Надо заметить, что это относится к тем губерниям, в которых довоенная агропомощь достигла наибольшего расцвета и результатов. И несмотря на это, мы имели агрономов, которые, как говорили тогда, «приезжали, объезжали и уезжали».

Подобные явления отмечаются агроработниками и в послереволюционное время.

И в наше время справедливы сетования А. Магницкого, который говорит: «Деревня страдает не от недостатка технических знаний у сельских хозяев, но, главным образом, от того обстоятельства, что элементарные, вполне доступные усвоению рядового крестьянина, технические приемы не проводятся в крестьянские хозяйства, от общего непринятия и непонимания населением системы рационального земледения и отсутствия сознательности и культурной самодеятельности»[2].

Примерно то же говорили в свое время земства. Они утверждали, что прежде мер экономического и сельскохозяйственного характера необходимо «самое широкое распространение общего образования и сельскохозяйственных знаний».

Понятно, дальше, что переучивать уже вполне сложившегося хозяина, зрелого крестьянина гораздо труднее, чем учить молодежь и детей-школьников, которые гораздо восприимчивее, гораздо легче и быстрее усваивают всякие новшества.

Именно поэтому, а также и потому, что развитие массового специального сельскохозяйственного образования встречает огромные трудности из-за его дороговизны, за последние 50—70 лет правительства всех стран искали выхода в том, чтобы внедрить изучение элементов сельского хозяйства в массовую начальную общеобразовательную школу.

В Италии, например, первоначально изучение основ сельского хозяйства введено в начальную народную школу в 1870 г. и исходило от министерства земледелия, которое «приложило не мало забот по распространению агрономического обучения в элементарных школах».

«Ввиду дальнейших финансовых затруднений хорошо налаженное дело должно было приостановиться». Лишь в 1899 г. сельскохозяйственные начинания в Италии вновь возрождаются вместе с переходом дела преподавания основ сельского хозяйства из ведения министерства земледелия в министерство народного просвещения. Это совпало с реформой народной школы в Италии.

Задачи этой реформы состояли в следующем: «Не следует навязывать сельской элементарной школе профессиональный характер. Агрономия должна фигурировать в программе нормальной школы только как элемент дидактический и в некотором роде воспитательный. Сведения по сельскому хозяйству должны сообщаться не в сухой форме катехизиса, но учитель должен ими пользоваться для развития наблюдательности у своих учеников, путем соответствующего наглядного обучения»[3]. После этого сельскохозяйственные начинания сельских школ в Италии быстро развились, и в 1900 г. количество школьных полей возросло до 6 000.

---

[1] А. Ф. Дедусенко, «Агрономическая помощь населению Украины «Харьков, 1923 г., стр. 40.

[2] «Сел.-хоз. жизнь», газета Наркомзема и ЦК Всеработземлеса № 19 (118) 1923 г., стр. 7.

[3] В. Шнейдер, «Распространение низшего сельскохозяйственного образования посредством учебных заведений и внешкольным путем в Германии, во Франции, в Италии, в Бельгии и России», 1911 г., стр. 50—52.

Во Франции «обязательное преподавание сельского хозяйства в элементарных школах и одновременно в учительских семинариях было установлено законом от 15 июля 1879 г.» и проделало примерно тот же путь развития, что и в Италии. Из первоначально поставленной задачи «распространения сельскохозяйственных знаний в 1897 г. в специально распубликованной программе преподавания основ сельского хозяйства в элементарных школах, эта задача в корне изменилась и состояла в том, чтобы, как говорит исследователь, «приучать детей к сознательному наблюдению окружающих их предметов, например, растений, животных, машин и орудий, употребляемых в земледелии[1]».

Не повторяя примерно того же цикла развития сельскохозяйственных начинаний сельских школ в Бельгии, весьма интересно, однако, отметить, что в этой культурной стране вообще, и в сельскохозяйственном отношении в особенности, основные положения сельскохозяйственного уклона (будем говорить по нашей терминологии) в 1890 г. сводилось к следующему:

1) Преподавание (сельского хозяйства) должно быть основано на положительных данных естественных наук; 2) оно должно быть наглядным; 3) оно должно опираться в надлежащей мере на опыты и практические работы и пр.[2]

Эти краткие исторические справки приводятся здесь для того, чтобы видеть, как первоначальный чисто утилитарный подход в практических целях распространения сельскохозяйственных знаний постепенно и неуклонно в деле проведения сельскохозяйственного уклона заменялся подходом чисто педагогическим—развитие наблюдательности, сознательного отношения к окружающему, методов наглядного и опытного обучения и пр.

Обращаясь далее к истории сельскохозяйственных начинаний в наших сельских школах, в общем, мы заметим ту же картину. В первый период царствования Александра I (первое десятилетие XIX века) в приходских училищах—говорит И. И. Полянский—было введено объяснительное чтение книги «Краткое наставление о сельском домоводстве, произведениях природы, сложения человеческого тела и, вообще, о средствах к предохранению здоровья». Мотивировалось последнее тем, чтобы «доставить детям земледельческого и других состояний сведения им приличные, дать им точные понятия о явлениях природы и истребить в них суеверия и предрассудки» [3]. В этом можно было видеть первые признаки в русской школе того, что мы называем теперь сельскохозяйственным уклоном. Однако эти благие начинания быстро заглохли вместе с тем, когда в 20 годах было изгнано из школы естествознание. В дальнейшем, как говорится в сборнике материалов по техническому и профессиональному образованию, «возможность распространения сельскохозяйственных знаний через народные школы допускалась в 70 годах, но была предметом сильных возражений как в правительственных, так и в общественных кругах [4]. Как в официальных отчетах министерства народного просвещения, так и в отдельных книгах того времени (Н. Шавров, «К вопросу об участии начальной школы в деле распространения сельскохозяйственных знаний и развития сельского хозяйства»; С. А. Рачинский, «Сборник статей—сельская школа»), сельскохозяйственные начинания рассматривались исключительно с практической утилитарной точки зрения. Лишь в 1900 г. особая комиссия при отделе промышленных училищ министерства народного просвещения, признавая введение преподавания сельского хозяйства в курс начальной школы весьма желательным, полагала, что таковое преподавание должно иметь, главным образом, общеобразовательное значение и заключаться в ознакомлении учащихся с начатками естествознания с некоторым лишь применением сообщаемых сведений к сельскому хозяйству [1].

[1] Ibid, стр. 34.
[2] Ibid, стр. 78—79.
[3] «Природоведение в связи с родиноведением и сельским хозяйством в начальной школе. Из трудов школьного комитета при министерстве земл. »,1917 г., стр. 5.
[4] Министерство нар. просв. Отдел промышленных училищ. Вып. I, 3-е прибавление.

Однако по отзывам Шнейдера, ни в одноклассных, ни в двухклассных училищах сельскохозяйственные начинания у нас в России не привились. Во-первых, учителя вели хозяйства «за свой риск», имея главной целью «получение за свой труд небольшого дохода», а во-вторых, лишь «делались попытки ввести в классное преподавание элементы сельского хозяйства» [2]. Лишь в 1916 г. весьма широко был поставлен вопрос о сельскохозяйственном уклоне на съезде «руководителей, организованных школьным комитетом при министерстве земледелия, курсов по подготовке учителей одноклассных начальных училищ к преподаванию природоведения в применении к местной жизни и к сельскому хозяйству». Труды школьного комитета бывш. министерства земледелия по реформе сельской школы дают весьма ценные указания для разработки вопросов сельскохозяйственного уклона.

Итак, в дореволюционное время идея сельскохозяйственного уклона сельской школы у нас определенно и упорно не привилась. Зато после революции, наряду с общим сдвигом в сторону сельского хозяйства, на путь сельскохозяйственного уклона быстро встали и школы. Возникнув первоначально стихийно и в массовом масштабе под пятой голода, уклон преследовал по преимуществу производственные задания. Вместе с тем сельскохозяйственный уклон подвергся массовым возражениям. Он признавался многими лишь неизбежным злом в наших тяжелых экономических условиях.

Вместе с этим сельскохозяйственный уклон трудовых школ в течение ряда лет весьма быстро эволюционировал и, в частности, объект изучения элементов сельского хозяйства—школьное хозяйство, за короткий срок из подсобного ремесла быстро превратился в ценное учебно-воспитательное пособие, а производственные трудовые процессы в саду, в огороде и в поле предрешали методы школьной работы — лабораторно-исследовательские, иллюстративные и др. В порядке сельскохозяйственных работ все чаще и чаще возникали самые разнообразные вопросы—«почему» и «для чего», которые и служили темами для всевозможных дальнейших проработок. Этот эволюционный путь развития сельскохозяйственного уклона особенно бросался в глаза на различных сельскохозяйственных выставках, где участвовали и трудовые школы. Наряду с экспонатами чисто производственного характера с каждым годом все больше и больше школы представляют всевозможные чертежи, схемы плакаты, диаграммы, отчеты, дневники, модели и пр. чисто учебный материал.

Из этого краткого исторического очерка развития сельскохозяйственных начинаний школ с логической неизбежностью вытекает следующее положение. Подходить к проведению сельскохозяйственного уклона в трудовых школах исключительно с практическими, утилитарными целями нельзя. Ни производственные цели, ни государственные, в смысле распространения сельскохозяйственных знаний через школу, никогда и нигде не способствовали развитию идеи сельскохозяйственного

[1] В. Шнейдер, Распространение низшего сел.-хоз. образования посредством учебных заведений и внешкольным путем, 1911 г., стр. 103.
[2] Ibid, стр. 106.

уклона. Этот путь осужден историей на гибель раз и навсегда. Единственно правильным подходом к проведению сельскохозяйственного уклона в общеобразовательных школах является подход педагогический. И больше того. По мере разработки вопросов этого уклона с педагогической стороны, по мере разработки программ и методов его проведения, он не только начинает процветать в школах, но и естественно выполняет задачи практические—общественно-агрономические и государственные. О том, что этот чисто педагогический, а не утилитарный государственный подход является единственно правильным и целесообразным, свидетельствует и широкий позднейший опыт работы школ в Северо-американских соединенных штатах.

Вот что говорит по этому поводу А. В. Морозов, цитируя одновременно статью М. Вавиловой («Начальное сельскохозяйственное образование в Соединенных штатах»), напечатанную в журнале «На путях к новой школе» № 1: «На путь непосредственного соприкосновения с природой и оригинального исследования ее взамен преподавания агрономии в школах встало уже большинство американских педагогов. По последним отчетам о народном образовании в Соединенных штатах за 1915 г. видно, что «неудачи с введением преподавания агрономии в начальной школе заставили искать новых путей в преподавании. Путь этот найден в так называемом исследовании природы, как наиболее отвечающим запросам детей, их интересам и стремлению к активности»[2].

Именно над резрешением этого вопроса фактически и шел весь спор вокруг идеи сельскохозяйственного уклона. Содействует сельскохозяйственный уклон выполнению основных и конечных целей общего образования—выработке правильного и здорового миропонимания и гармоническому развитию личности ребенка—или мешает?

В разрешении этого вопроса, как мы видим из всех приведенных исторических справок, имело место в сущности говоря единоборство двух основных течений педагогической мысли.

Одно из них резко отрицательное. Приверженцы этого взгляда в общем повторяют мнение германского проф. Рюмкера, который говорил: «Если нет недостатка в разных профессиональных учебных заведениях, к чему, спрашивается, вводить в общеобразовательные учебные заведения профессиональное обучение? Не может ли при распространении такого направления понизиться уровень общего образования народа. Если даже один какой-либо промысел будет поощрен покровительством, то нельзя не сознаться, что выгода будет достигнута слишком дорогой ценой поколебания принципа общего образования.»[1]

Оценивая это направление педагогической мысли, надо признать, что исходит оно из отождествления идеи сельскохозяйственного уклона с профессионализацией общеобразовательной школы, что по мнению сторонников этого направления и не может быть принято, ибо мешает школе выполнить ее основные и высокие задачи общего образования и воспитания.

Другое направление, ведущее свое начало от Т. Мора, Руссо и др., веско требует во всей учебно-воспитательной работе исходить из окружающей действительности. Поскольку сельская школа находится в сельскохозяйственной обстановке—это направление требует во всей учебно-воспитательной работе прежде всего использовать эту сельскохозяйственную обстановку. Отсюда полное признание необходимости проведения сельскохозяйственного уклона не в улитарных и практических целях,

[1] А. В. Морозов, «Школа и сельское хозяйство», 1923 г., стр. 67.

[2] В. Шнейдер, «Распространение низшего сельскохозяйственного образования посредством учебных заведений и внешкольным путем в Германии, Франции, в Бельгии и в России», 1911 г., стр. 36—37.

а ввиду педагогической и методической его ценности. А. Сапожников считает, поэтому, что «удобнее и правильнее говорить вообще не о сельскохозяйственном уклоне в школе, а о школе в сельскохозяйственной обстановке» [1].

Горячими сторонниками этого направления являются официальные органы—Наркомпрос и Государственный ученый совет, которые в соответствии с этими взглядами и разработали новые программы, целиком построенные для сельской школы на основе сельскохозяйственного труда. «Обыкновенные школьные программы отличаются двумя недостатками»—говорится в вводной записке к программе I ступени—«оторванностью их друг от друга и оторванностью всех их от жизни. Эти недостатки пытается преодолеть предлагаемая сейчас программа» [2].

В горниле революции это единоборство закончено полной победой с торжеством принципов производственно- трудовой школы. Отныне идея сельскохозяйственного уклона, идея связи школы с жизнью и участия школы в общем строительстве жизни (что для школы, находящейся в деревенских условиях, равнозначно сельскохозяйственному уклону), признаны окончательно и безповоротно для всех ступеней школы.

Ясно, что этот огромной важности поворот руля народного образования в сторону земли должен быть учтен работниками и руководящими органами агропомощи; они должны оказывать всемерное содействие сельскохозяйственным начинаниям общеобразовательной школы и использовать их силы в своей большой и ответственной работе по поднятию производительности массового крестьянского сельского хозяйства.

И действительно по мере разработки этого вопроса, по мере накопления опыта практической работы школ, вообще, и агрикультурной роли их, в частности, за самое последнее время на сельскохозяйственные начинания массовой школы начинают обращать внимание и практические работники агропомощи и руководящие земельные органы. Центральными и местными органами соввласти издаются соответствующие инструкции и циркуляры о наделении школ земельными участками и о всемерной помощи школам со стороны земорганов и низовых агроработников.

Все чаще и чаще ставится этот вопрос и в общественно-агрономической литературе.

Появляются, наконец, такие книжки, как, например, «Деревенская школа и агрономическая помощь населению» агронома С. Р. Есикова (изд. «Новая деревня», Москва, 1924 г.), «Агроном и обществовед в сельской школе» С. Р. Есикова и В. М. Духовского (изд. «Новая деревня», Москва, 1925 г.), «Учитель, как агроном» под ред. П. Ф. Щелока (изд. «Работник просвещения», Москва, 1927 г.), а в книге Отдела агрономических мероприятий Народного комиссариата земледелия «Агропомощь и агропропаганда в деревне» под общей редакцией П. Я. Лежнева-Финьковского (изд. «Новая деревня», Москва, 1926 г.) имеются уже прямые указания на роль и значение школы с сельскохозяйственным уклоном в системе агропомощи.

В специальном разделе под заглавием «Распространение сельскохозяйственных знаний через сельские трудовые школы, как один из основных путей агрономической грамотности крестьянских масс» говорится: «сельские трудовые школы с сельскохозяйственным уклоном, как и школы, курсы, или ликпункты для взрослых, являются более приспособленными к систематической работе в области сообщения населению общих агрономических знаний, в силу большего постоянства их культурной работы

[1] Журнал «На путях к новой школе», орган Научно-педагогической секции, Гуса № 3 (6), 1923 г., стр. 21—22.

[2] «Новые программы для единой трудовой школы», выпуск I, 1923 г., стр. 30.

и территориальной приближенности к населению, по сравнению с мероприятиями земорганов».

«Сельской трудовой школой должен быть заложен первый краеугольный камень агрономизации деревни. Сохраняя свое общекультурное назначение при сельскохозяйственном уклоне, школа может перенести подробное изучения сельскохозяйственной практики и техники в пришкольные или внешкольные сельскохозяйственные кружки, где под идеологическим руководством комсомола и пионер-организаций будут обслуживаться как школьные дети, так равно и дети того же возраста, почему-либо оставшиеся за пределами школы» [1].

В декабре 1926 г. на тему «Школа и сельское хозяйство» состоялось, наконец, организованное Научно-педагогическим институтом методов школьной работы совместное совещание агрономов и педагогов, на котором присутствовало свыше сотни уездных агрономов.

На съезде были заслушаны следующие доклады: 1) школа и общественно-необходимая работа (В. Н. Шульгин); 2) общественно-необходимая работа в области агрономии (Б. В. Игнатьев); 3) школа крестьянской молодежи и ее общественная работа (П. Руднев); 4) работа пионеров по сельскому хозяйству в Московской губернии (Е. А. Валерьянова) и 5) общественная работа школ Московской губернии по агрономии (т. Александровская).

После обмена мнений совещание в резолюции высказало следующие положения: «Деревенская школа должна дать учащимся практические знания и навыки, общее образование, расширяющее кругозор, и подготовку к общественной деятельности. Школа должна быть тесно увязана с планирующими и советскими органами. Связь школы и агронома должна выразиться в установлении общего плана работы и в определении их работы. Работа школы, стремясь стать общественно-необходимой, выражается в краеведческом изучении, в работе на пришкольных участках, в крестьянском хозяйстве и в общественных организациях. Агроном направляет работу школы, инструктирует, следит за ходом работы и содействует снабжению школы материалами и средствами. Агроном привлекает школу к проведению разных мероприятий, кампаний, к устройству выставок и т. п. Агроном направляет работу сельскохозяйственных кружков и пионеротрядов. Общественнонеобходимая работа должна быть тесно увязана с общей программой работ школы. Необходимо составить методическое письмо, организующее и направляющее весенне-летнюю работу школы» [2].

Заканчивая на этом краткий анализ исторического развития агропомощи и сельскохозяйственных начинаний общеобразовательных школ, легко придти к следующему выводу: 1) первоначально разрозненная и чуждая друг другу работа агропомощи и народного образования в их историческом развитии твердо и неуклонно сближаются; 2) массовая деревенская школа в процессе ее развития все больше и больше становится школой с сельскохозяйственным уклоном, той школой, которая стремится стать культурным центром деревни, вообще, и агрикультурным, в частности; 3) в настоящее время задачи и цели агропомощи и массовой деревенской школы становятся общими и сводятся к тому, чтобы «сделать крестьянина культурным и хозяйственным, а через него сделать культурной и богатой всю нашу страну».

Эти положения все больше и больше начинают осознаваться как работниками агропомощи, так и работниками народного образования.

[1] «Агропомощь и агропропаганда в деревне». Под общей ред. П. Я. Лежнева-Финьковского, изд. «Новая деревня», «Москва, 1926 г., 74 стр.

[2] Ф. Дучинский, «Школа и сельское хозяйство», журнал «На путях к новой школе», орган Научно-педагогической секции Гуса № 3, март 1927 г., стр. 103.

И если справедливо утверждение, что агропомощь в процессе ее исторического развития «приобретала все больше и больше характер улавливания прогрессивной эволюции местного хозяйства и согласования с последней своих агрикультурных мероприятий» [1], то эта последняя эволюция школы и тенденция превращения ее в школу с сельскохозяйственным уклоном, могущей вести и ведущей определенную агрикультурную работу должна быть уловлена с неменьшей тщательностью, с неменьшим вниманием с ней согласованы должны быть и агрикультурные мероприятия.

И действительно, время для проведения подлинного сельскохозяйственного уклона уже пришло. Школа может и должна превратиться в подлинный рассадник культуры, вообще, и агрикультуры, в частности.

Из практики школьной работы можно было бы указать на целый ряд удачных опытов такого рода школьной работы.

Возьмем несколько наиболее ярких примеров.

«С марта начали,—рассказывает учительница Излучьевской школы I ступени Мошковской волости, Гдовского уезда Н. Д. Мальцева,—в ящиках выращивать разную рассаду, высадили семенники, разложили в ящики с землей картофельные головки (верхние половинки) для ранней выгонки. Детям были розданы семена для посадки дома. День посадки, всходов, рост, все изменения записывались в дневниках. Одинаковые растения сажались на разных почвах или при одной почве вели разный уход, вообще, изучали влияние разных условий и тоже записывали. Огородных семян крестьяне сами не выращивали. В округе были специалистки бабы-спекулянтки, торговавшие огородными семенами и по дорогой цене, и неизвестного сорта, а подчас фальсифицированными, с примесями. Выучились школьники выращивать семена на школьном земельном участке, попробовали сделать то же на следующий год дома и теперь уже многие крестьяне выращивают свои огородные семена» [2].

«В 1927 г.,—пишет нам учительница Даймищенской сельской школы I ступени Рождественской волости, Троцкого уезда, Ленинградской губернии Е. М. Горюнова,—ученица 3-й группы Нина Новожилова заложила опыт по «кормовому вопросу». Девочке всего 11 лет и когда она закладывала этот опыт, мать ей говорила: «ишь, какой агроном выискался». Девочка все время обращалась за указаниями к педагогу, с большой любовью ухаживала за своим показательным участком и получила прекрасную кормовую свеклу и морковь».

«Отрадно,—заканчивает учительница,—что крестьяне обращаются теперь в школу за литературой и семенниками».

Весьма интересен опыт общественно-полезной работы, имевший место в сельской школе 4-летке в с. Большие Уторгаши, б. Лужского уезда.

Прорабатывая с учащимися 3-й группы тему «Наша потребительская кооперация», которая является составной частью темы «Деревня и город», учитель этой школы, В. Г. Ермолаев, приурочил ее ко времени перевыборов в сельсовет (в половине февраля).

В процессе работы они обследовали и изучили местный потребительский кооператив, который, кстати сказать, и организован и вырос под непосредственным руководством школы в лице ее учителя.

Обследование было проведено самое детальное. Изучен был рост числа членов по периодам, рост оборотов и движение товаров по меся-

[1] А. Ф. Дедусенко, Агрономическая помощь населению Украины, Харьков, 1923 г., стр. 77.

[2] «Сельский учитель», сборник под ред. З. И. Лилиной, ГИЗ, 1925 г., стр. 53 и «Работа школы среди крестьянства», сборник под ред. З. И. Лилиной, ГИЗ, 1925 г., стр. 10.

цам, потребление товаров по категориям, изменение процента накладных расходов, проценты различных отчислений, в том числе и на культурно-просветительные нужды и пр.

Все это было представлено в диаграммах. Картина жизни и работы кооператива получилась столь ясная и наглядная, что когда правление кооператива делало во время перевыборной кампании отчет о своей работе на общем собрании,—ему было достаточно лишь демонстрировать подобранные школой диаграммы и пояснять их.

И правление кооператива и все граждане остались очень довольны, довольны были, конечно, и дети, гордые сознанием, что они выполнили общественно-полезное дело.

Результат был тем более ошеломляющим, что общее собрание членов кооператива постановило сейчас же отчислить значительную сумму из прибылей на нужды школы».

Таких примеров можно было привести не десятки, а сотни.

Неоспоримый факт, что сельская школа работает над вопросами поднятия местного хозяйства. Она работает над устройством датских кормушек, подводит крестьянство к организации контрольных по молочному хозяйству союзов, пытается улучшать технику выращивания картофеля, работает по улучшению лугов и пр., и т. п.

Есть такие школы, которые выполнили огромную общественно-полезную работу и достигли совершенно поразительных результатов.

Вот, например, работа Ермолинской школы I ступени Смоленской губернии. Эта школа проводила длительную в течение ряда лет работу по птицеводству. Путем отбора лучших несушек школа добилась увеличения дохода от курицы с 5 коп. до 3 рублей. В настоящее время школа подошла к организации птицеводного союза, объединяющего три соседних деревни, и налаживает кооперативный сбыт яиц в Москву [1].

Вряд ли надо говорить о значении такой работы.

Сельское учительство, крестьянство и руководящие надшкольные органы предъявляют в этом отношении определенные требования, ведут немалую работу. Это движение должно быть учтено. В системе агропомощи школа должна найти определенное место, а работа органов агропомощи и школы должна быть согласована, ибо идея сельскохозяйственного уклона имеет огромное и педагогическое и общественно-агрономическое государственное значение, а вместе с тем встречает на местах значительные трудности, а подчас и некоторые кривотолки.

Вот почему каждому агроземработнику необходимо понимать работу современной школы и оказать посильную помощь в укреплении ее сельскохозяйственных начинаний.

Мы не освещаем здесь вопроса о роли в разрешении проблемы поднятия урожайности школы крестьянской молодежи и сельскохозяйственных кружков.

Роль этих деревенских ВСХУЗов и ячеек сельскохозяйственного самообразования громадна.

Работа их так же четко определена, ведется по тем же принципам и дала уже самые положительные результаты.

Если уже сейчас «каждая школа хотя медленно, но неизменно превращается в своеобразный производственно-трудовой коллектив, и это превращение совершается у десятков тысяч школ путем еле заметных молекулярных процессов и сдвигов», то «в итоге своего количественного накопления они дадут, по законам диалектического развития, то новое

[1] «Летняя школа», сборник НКП и Инст. мет. шк. раб. под ред. Б. В Игнатьева, В. Н. Шульгина и М. С. Эпштейна, ГИЗ, 1927 г., стр. 27—28.

качество, которое в ближайшем будущем должно быть присуще нашей советской трудовой школе»[1].

В этом в нашей сельскохозяйственной стране заключается величайшее завоевание революции в деле народного образования и сулит не мало благ для страны как в области материальной, так и духовной культуры, ибо идея сельскохозяйственного уклона массовой деревенской школы является блестящим синтетическим разрешением старого бесплодного спора о том, «потому ли мы бедны, что необразованы, или необразованы потому, что бедны» (проф. Е. Ф. Лискун).

Откликаясь настоящей статьей на поднятый в научно-агрономической среде вопрос о роли и задачах массовой народной школы в деле поднятия урожайности, мы должны категорически высказать суждение, что никакой реорганизации школы быть не должно. Школа уже реорганизована и стоит на правильном пути.

Необходимо только помочь ей осуществить те принципы производственно-трудовой школы, которые не только продуманы, но и блестяще подтверждены уже массовым опытом.

При колоссальности задач реконструкции массового сельского хозяйства, вопросы культурной революции являются вопросами первостепенными по важности.

Среди мер содействия работе школы необходимо отметить следующие:

1) Необходимо наладить плановую переподготовку сельского учительства в сельскохозяйственном отношении. Надо принять все меры к тому, чтобы дать массовому просвещенцу деревни агрономическую грамотность. Органы Наркомзема и Наркомпроса должны предусмотреть в своих сметах ассигнования на устройство различного рода массовых сельскохозяйственных курсов для учителей.

Необходимо обеспечить сельскохозяйственную подготовку в педагогических техникумах и вузах.

2) Необходимо одновременно позаботиться о том, чтобы и все агроземработники имели основную педагогическую грамотность, чтобы они знали содержание и понимали задачи работы школы. Только при этом условии агроземработники сумеют правильно подойти к учителю, сумеют помочь ему в его трудной работе, сумеют и его использовать в системе агропомощи.

3) Необходимо, наконец, позаботиться о том, чтобы ликвидировать нищенское положение наших деревенских школ, чтобы вывести школу из бедственного положения особенно в сельскохозяйственном отношении. В сметах Наркомзема и Наркомпроса необходимо предусмотреть расходы на оборудование школьных земельных участков. Не имея ни изгороди, ни инструментов, ни семян, ни удобрений невозможно вести работу на земельном участке, являющемся главнейшей лабораторией сельской школы.

И тогда не далеко будет то время, когда «грядущие поколения скажут, что наш народный учитель совершил один из величайших подвигов человечества» (Н. Бухарин).

В. В. СМИРЕННОМУДРЕНСКИЙ.

ОТ РЕДАКЦИИ.

Редакция, помещая эту статью, считает, что она далеко не исчерпывает вопроса. Участие школы в разрешении проблемы поднятия урожайности—одна из центральных задач всей нашей школьной политики. Надо всерьез изучить накопленный опыт школы. Надо подвергнуть обя-

[1] Д. А. Авксентьевский, Общественно-полезный труд и метод проектов в школе, изд. «Работник просвещения», Москва, 1926 г., стр. 4.

зательной педагогической и агрономической оценке производственные планы школы, рекомендуемые ОНО, методбюро, на районных учительских конференциях. Надо, наконец, проработать пути увязки школьной практики и работу ОНО с теми задачами по подъему урожайности, которые ставятся сейчас перед каждым в отдельности районом в порядке пятилетнего плана.

Статьей т. Смиренномудренского Редакция ставит этот актуальнейший вопрос с расчетом получить отклик и подвергнуть детальному его обсуждению. Этот отклик должен последовать прежде всего от руководителей и методистов ОНО наших основных земледельческих районов (Поволжье, Центральная Черноземная область, Сев. Кавказ и т. д.).

СЕЛЬСКО-ХОЗЯЙСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ И ЗАДАЧИ ОТДЕЛОВ ПО РАБОТЕ В ДЕРЕВНЕ

О «культурной революции», о поднятии культурного уровня широких крестьянских масс, о ликвидации неграмотности в деревне все говорят, но сплошь и рядом весьма туго идет на местах работа по практическому осуществлению всех этих вопросов «культурной революции». Причин весьма много, но самая главная та, что мы недостаточно уделяем внимания тем действующим факторам, тем органам, которые практически заняты вопросами ликвидации неграмотности (избы-читальни, различные кружки самообразования, кино, радио) или органам, создающим новые кадры работников для деревни (все виды школ, техникумы, вузы и различные курсы). Раскритиковать мы мастера, но помочь наладить их работу, при чрезвычайно тяжелых материальных, жилищных и других условиях, мы сплошь и рядом или не желаем или не умеем.

Чем объяснить это? Причин назвать можно много, но главное все-таки заключалось до сих пор в том, что на местах наши руководящие органы недостаточно уделяли внимания практическим вопросам «культурной революции», не имели соответствующих, знающих дело кадров работников, не имели и организации, координирующей и руководящей всей этой, весьма кропотливой, сложной и ответственной работой. Циркуляром ЦК ВКП(б) от 15/V 1928 г. об организации при всех парторганах отделов по работе в деревне—устраняется основной организационный недостаток, ибо теперь мы будем иметь в руководящих органах как в центре, так и на местах отделы, на которые возложена практическая работа по руководству и организации всей многогранной работы по вопросам «культурной революции».

Не стану останавливаться на всех тех задачах, которые возложены вышеуказанным циркуляром ЦК на отделы по работе в деревне. Нас интересуют только некоторые вопросы, касающиеся подбора и подготовки новых кадров работников для деревни. В пункте 7 циркуляра ЦК говорится, что отделы по работе в деревне должны: «участвовать в изучении, подборе и подготовке руководящих кадров работников в различных областях деревенской работы... Наладить правильную организацию выдвижения растущих кадров крестьянского актива, участвовать в подготовке новых кадров специалистов для деревни через соответствующие с.-х. учебные заведения».

Этот пункт охватывает по существу все с.-х. профтехническое образование—высшее, среднее и низшее, именно все те с.-х. учебные заведения, которые готовят новые кадры с.-х. специалистов по всем отраслям сельского хозяйства.

Если перевести это на язык цифр, то мы только по РСФСР имеем:

Сельскохозяйственных вузов	27	с 20 447 учащимися.
» техникумов	116	» 16 610 »
Низших сельскохозяйственных школ . .	89	» 5 919 »

Эти с.-х. профтехнические учебные заведения в течение ближайших 5 лет должны дать только по линии земорганов:

специалистов с высшим образованием	. . . . .	15 926 чел.
» » средним »	. . . . .	16 266 »
» » низшим »	. . . . .	18 233 » [1]
		50 425 чел.

Здесь не учтена потребность с.-х. кооперации. Но по предварительным данным, для кооперации потребуется до 5 000 чел. только одних специалистов высшей квалификации.

Кроме того мы имеем в школах крестьянской молодежи до 100 000 учащихся. Сюда надо прибавить различные краткосрочные курсы, сельхоз и колхозучи.

Все это показывает, насколько широкое поле деятельности в этой области стоит перед отделами по работе в деревне. Но вместе с тем, задача—весьма сложная и очень ответственная. Тут простым приказом, голым распоряжением ничего не поделаешь. С плеча рубить нельзя, а требуется именно то, что ЦК говорит: «участвовать в изучении», «участвовать в подготовке новых кадров специалистов». А это означает: детально ознакомиться с каждым учебным заведением, его целевой установкой, материальными, жилищными условиями, постановкой учебного дела как в самой школе, так и на учебных хозяйствах, методами преподавания, успеваемостью, социальным составом преподавателей, их квалификацией, руководством как со стороны мест, так и из центра, обеспеченностью лабораториями, кабинетами, оборудованием, учебниками и учебными пособиями, участием с.-х. учебных заведений в общественной работе среди населения, производственной и академической практикой, подготовкой новых преподавателей, и т. д., и т. д., т. е. со всеми сторонами учебного дела, от которых в конечном итоге зависит качество новых выпускаемых кадров с.-х. специалистов—организаторов-руководителей, которых требуют новые условия, новые задачи, стоящие перед сельским хозяйством.

Нам нечего скрывать, что дело с с.-х. профтехническим образованием обстоит далеко неблагополучно. Нечего скрывать, что источники—с.-х. учебные заведения, которые должны давать сельскому хозяйству постоянный приток новых, свежих, хорошо подготовленных кадров работников, весьма и весьма слабы во всех отношениях. В течение 10 лет мы, по весьма многим причинам, не обращали достаточного внимания на вопросы профтехнического образования и не подошли вплотную к нуждам с.-х. профтехнических учебных заведений и, вместе с тем, дни шли по своеобразным путям—зигзагообразным и развивались далеко не всегда в соответствии с теми потребностями, которые предъявляет сельское хозяйство, так, например, мы имеем большую перепродукцию специалистов по ряду отраслей и вместе с тем—большой недобор по другим отраслям. С.-х. учебные заведения то открывались, то закрывались без соответствующего, продуманного и согласованного плана. Ряд техникумов был превращен в вузы, низшие школы превращены в техникумы, не имея для этого достаточно прочной базы, что впоследствии повлекло или закрытие или жалкое существование,—скорее по форме, а не по существу. Материальная сторона, жилищные условия, учебное оборудование и учебные хозяйства и до сих пор остаются весьма тяжелыми. Все это, естественно, должно было отразиться на качестве выпускаемых работников. В свое время много говорили о низкой квалификации молодых специалистов, причем, потребители, конечно, всю вину сваливали только на Наркомпрос по линии Главпрофобра, но эта однобокость далеко неправильна, ибо в этом вопросе громадную роль играет и сам потребитель, от которого в первую очередь требуется ясность в том, какого именно типа специалист ему нужен и сколько. Без этого нельзя построить ни учебные планы, ни развернуть сеть с.-х. учебных заведений. Но именно в этих двух основных вопросах все очень много грешили, в том числе и Наркомпрос. Тут огромную роль сыграли старые традиции и взгляды, унаследованные нами от старого режима. Требование—дать специалиста-универсала—дожило вплоть до 1927 г., и это требование, несомненно, сыграло весьма отрицательную роль в деле развития с.-х. профтехнического образования. И только в прошлом году Наркомзем твердо сказал свое слово и взял крутой поворот против универсализма, против «всезнаек», взял курс на специализацию с.-х. учебных заведений.

[1] Цифра грубо ориентировочная.

Не лучше все время обстояло и, в частности, до сих пор обстоит дело с выявлением необходимого количества специалистов для сельского хозяйства на ближайшее пятилетие. Поскольку не было твердого перспективного плана, поскольку неясен был процент роста по различным отраслям сельского хозяйства, постольку, сплошь и рядом, и установить необходимое количество специалистов для данных отраслей, представлялось очень затруднительным, и тем труднее для Наркомпроса стали вопросы приспособления сети с.-х. учебных заведений.

За последние 2 года Наркомземом и в этом направлении проделана огромная работа и предъявлена Главпрофобру пятилетняя заявка на специалистов высшей и средней квалификации. Уже эта заявка дала возможность теперь приступить к пересмотру структуры вузов, составить план реорганизации с.-х. техникумов и наметить, хотя бы и вчерне, сеть на будущее. Для нас в этом деле огромным тормозом является отсутствие более иди менее детальных заявок из других наркоматов и особенно со стороны с.-х. кооперации, которая до сих пор не могла сказать, каких именно типов, категорий специалистов и по каким отраслям и сколько—потребуется на ближайшее пятилетие. Пока заявка кооперации называет только общее количество, но это совершенно недостаточно для практической и плановой работы с.-х. учебных заведений.

Много еще общих, по моему мнению, бесплодных разговоров вокруг вопроса о подготовке специалистов агрономов-колхозников. Некоторые даже ставили вопрос об организации специальных вузов для подготовки таких специалистов-колхозников. Эта постановка в корне неправильна, это не что иное, как возобновление старого универсализма, восстановление старой общеагрономической школы. Не в этой плоскости должен быть разрешен вопрос, а совершенно в другой. Мы должны резко поставить вопрос о том, что любая с.-х. профтехническая школа должна готовить с.-х. специалиста по данной отрасли не для работы в единоличном крестьянском хозяйстве, а для обслуживания хозяйств обобществленного сектора.

Углубленная специализация по отраслям обязательна, ибо нет никакой возможности в течение 4—5 лет изучить детально и животноводство, и землеустройство, и лесное хозяйство и т. д. Требовать это—бессмыслица и глупость. Что касается кооперативных дисциплин, то от специалиста требуются основы кооперативного строительства в целом, но по своей специальности. Например, специалист по молочному хозяйству должен еще детально знать вопросы, касающиеся организации кооперативной переработки и сбыта молочных продуктов, уметь эту работу организовать и руководить в хозяйствах обобществленного сектора. Специалистов руководителей-организаторов с более глубоким экономическим уклоном для более крупных кооперативных объединений и для

плановых органов должны готовить факультеты с.-х. экономики на соответствующих отделениях. Только такая постановка даст нам возможность все с.-х. профтехническое образование поставить на правильные рельсы, только ясные требования могут быть вложены в учебные планы с.-х. учебных заведений.

Еще раз подчеркиваю, что для нормализации учебных заведений требуется ясная система всего с.-х. образования. Ясность нужна в том: каких типов специалистов нам нужно и сколько именно. Только тогда можно развернуть сеть с.-х. учебных заведений, только тогда можно конкретно разработать все мероприятия учебного и материального характера.

Далее еще надо осветить одно, по моему, неправильное и даже вредное течение. Это—стремление увязать учебные планы низших, средних и высших с.-х. учебных заведений так, чтобы низшая школа подготовляла для поступления в среднее учебное заведение, а средняя—в высшее учебное заведение. Это требование мы, во-первых, практически не в состоянии осуществить, а, во-вторых,—это вредно для самого народного хозяйства.

По всему Союзу мы имеем всего 136 высших учебных заведений с 163 000 учащимися. Кто же готовит в вузы и сколько?

Рабфаки	109 с	46 700	учащимися
9-летки	777 »	493 900	»
Школы II ст.	930 »	291 000	»
		831 600	учащихся.

Если теперь еще прибавить 107 техникумов с 180 400 учащимися и 700 школ крестьянской молодежи с 50 000 учащимися, то еще получим 230 000 чел., итого—1 061 000 учащихся в средних учебных заведениях на 136 вузов с контингентом в 163 000 чел. Значит, только 117-ая часть этого количества может поступить в вузы. И если даже поставить вопрос так, что только кончившие рабфаки (46 700 чел.) и техникумы (180 400 чел.) могут поступать в вузы, то емкость вузов не позволит их всех принять.

Но, с другой стороны, это и для государства невыгодно. Для сельского хозяйства нужны не только специалисты с высшим образованием—агрономы, инженеры, но также и со средним—техники и с низшим—мастера. Работа высококвалифицированного работника стала бы несравненно выше, если бы в его распоряжении имелось достаточное количество знающих исполнителей—техников и мастеров. Но их то нет. У нас теперь существует прямо нелепое соотношение: при нашей бедности на одного агронома имеется один техник и 1 работник, кончивший низшую с.-х. школу. А необходимо иметь, по крайней мере,—на одного агронома или инженера—4 техников, на одного техника—хотя бы 2—3 мастеров. Теперешнее положение дел само собой говорит за то, что необходимо усилить и количественно, и качественно подготовку техников, мастеров по специальностям, а идею увязки низшей и средней профшколы с таким расчетом, чтобы они являлись переходными ступенями для поступления в вузы,—надо как самую нереальную и временую—похоронить.

Вредно и стремление хозяйственников—потребителей квалифицированной рабочей силы замещать те должности, на которых можно использовать техника или мастера, агрономом или инженером. Сплошь и рядом высококвалифицированные работники загружены мелкой технической работой, с которой может справиться не только техник со специальным образованием, но часто и простой делопроизводитель или счетовод. Это неуменье рационально использовать специалистов является просто головотяпством. Проверьте наши центральные аппараты и сейчас же убедитесь, что это так, что абсолютно недопустимо при теперешнем недостатке специалистов.

Стремление потребителя иметь максимум специалистов высшей квалификации—оставило особый отпечаток и на всей системе с.-х. профтехнического образования и на степени обслуживания различных категорий с.-х. учебных заведений.

За все прошедшее время Главпрофобром все внимание было уделено с.-х. вузам, а техникумы и особенно—низшие с.-х. школы были предоставлены сами себе. Только за последние 2 года Главпрофобр начал думать конкретно и о работе и судьбе техникумов, и только в прошлом году начал прорабатывать и вопросы, связанные с низшей с.-х. школой. Но в последнем случае выявляется основной недостаток: Наркомзем и с.-х. кооперация сами не подсчитали, что и сколько им нужно. Даже в новой пятилетке конкретные цифры о потребности специалистов в низшей квалификации не фигурируют. А в результате низшая с.-х. школа вынуждена итти «самотеком». Низшие с.-х. школы открывают и закрывают местные организации по своему усмотрению и по различным причинам. Одним не нравится такой уклон, другим—другой, третьим просто хочется получить помещение школы для «дома отдыха», а четвертые по своему усмотрению забирают живой и мертвый инвентарь учебного заведения для других целей и т. д. И если с низшей с.-х. школой в других местах и не проделывают различных фокусов с открытием и закрытием, то они бывают предоставлены самим себе, «работай и выворачивайся во всех случаях, как хочешь...».

Вот, для примера заключение Уральского областного отдела РКИ, обследовавшего средние и низшие с.-х. школы на Урале:

«а. Существующая сеть и типы средних и низших с.-х. учебных заведений еще не полностью соответствуют потребностям Урала и его отдельных хозяйственных районов.

б. Установка работы низших и средних с.-х. школ на Урале не соответствует требованиям подготовки специалистов общественников, проводников политики государства по переустройству сельского хозяйства на основе коллективизации и кооперирования.

в. Качественность специальной подготовки учащихся в большинстве случаев еще недостаточно удовлетворительна вследствие тяжелого общего материально-финансового состояния учебных заведений, в частности, их учебно-вспомогательных учреждений, недостаточности и устарелости оборудования учебных кабинетов, неудовлетворительного материального положения учащихся и пр.

г. Внимание советских органов (окрисполкомов, окрзу, окроно) к делу с.-х. образования и, в частности, к существующим на их территории с.-х. учебным заведениям совершенно недостаточно, а в ряде случаев отсутствует.

д. Чрезвычайно слабо также руководство Уралоно работой средних и низших с.-х. учебных заведений на Урале и участие в этой работе совета с.-х. образования при облзу».

Урал-то все же интересуется работой с.-х. учебных заведений, зато в другом районе дело обстоит еще хуже. Возьмем хотя бы Сев.-Кавказский край. Привожу выдержку из доклада зав. отделом с.-х. образования С.-Кавказского края т. Жукова:

«Все школы представляют собой, худо ли, хорошо ли, но вполне оформленное учреждение. У них есть программы, учебные планы, приспособленные к местным условиям, построенные на основании запросов местных хозяйств, применены соответствующие современные методы. У нас есть укомплектованный хороший состав учащихся, почти на 100%, укомплектованный преподавательский персонал, который обеспечен зарплатой. В этом отношении тут нельзя указать, как на минусы, тут—плюсы. Зарплату мы довели до нормы участковых агрономов.

статьи В. И. Ленина настаивают на продолжении политехнического воспитания в специальной школе, каковой в настоящее время пока фабзавуч является. Уж на что т. Гастев не переваривает школы ФЗУ, однако, и он вынужден был признать, что легче всего политехническое воспитание ставить в ФЗУ. А в лице ФЗУ мы имеем школу (именно школьную форму) не по установке т. Гастева, а по подготовке рабочей силы. Таким образом «генеральный бой» с фабзавучем, хотите ли вы этого или нет, является боем против идеи политехнизма, в ее наиболее полном (при настоящих условиях) воплощении.

НЕ ФОРМА, А МЕТОД.

Будет ли у нас в ближайшее время политехническая семилетка или вопрос опять будет отложен на продолжительное время? Как бы вопрос не разрешался, необходимо при всех обстоятельствах жирной чертой подчеркнуть, что теоретическая подготовка не может быть по существу чистой пригонкой к производственной подготовке рабочего. Она должна быть шире последней, ибо, в противном случае, производственный процесс не может быть грамотно изучен рабочим. Рабочий, получающий «четко пригнанную теорию», не может сознательно относиться к производственному процессу, так как каждый отдельный производственный процесс включает в себя гораздо более широкую сумму теоретических знаний, друг с другом связанных, чем та или иная операция (а тем более—прием), которой хочет учить т. Гастев и которую он считает о п р е д е л я ю щ е й для теоретической подготовки.

Вот именно поэтому, понимая под установочными цехами, предлагаемыми т. Гастевым, форму подготовки, замыкающейся точной пригонкой теории к практике, точной пригонкой и приспособления рабочего к данному, стабилизованному отрезку работы, необходимо решительно отказаться от установочных цехов как с а м о с т о я т е л ь н о й ф о р м ы подготовки рабочей силы.

Но и более широкая подготовка рабочего, вызываемая требованиями промышленности, не может отказаться от точной пригонки. Разница здесь только в том, что эта пригонка производится уже на основе той широкой подготовительной базы, которую подросток приобрел в семилетке и в фабзавуче. Разница здесь во времени и в месте установочных цехов. Установочные цеха должны приспособить, пригнать к данному отрезку работы у ж е г о т о в у ю к в а л и ф и ц и р о в а н н у ю р а б о ч у ю с и л у. Это значит, что эти цеха строятся либо на базе, либо в связи с фабзавучем. И лишь в случае острой нужды в массовой рабочей силе надлежит использовать установочные цеха, как самостоятельную форму срочной подготовки рабочей силы из взрослых рабочих.

НЕ УСТАНОВКА, А ПОДГОТОВКА.

Высказываясь за подготовку, против гастевской «Установки», приходится возражать и против предложений т. Гастева о формулировке заказа на рабочую силу. Формулировка заказа должна производиться не заведующим производством, не технормировочным бюро и даже не трестом, а основываться на научно-разработанных стандартах-профилях типов рабочих по основным отраслям промышленности. Данное производство или трест могут к этим стандартам присовокупить свои добавления или внести, не выходя из рамок стандарта, свои коррективы, диктуемые специфическими особенностями данного производства.

В общем планирование рабочей силы по каждому данному хозяйственному объединению должно производиться на основе этих стан-

дартов-профилей, ибо в противном случае разные предприятия и даже предприятия одного и того же характера и назначения обладали бы различной по качеству рабочей силой, рабочие же, резко отличаясь друг от друга, не в состоянии были бы в случае необходимости менять место своей работы.

При определении профиля-стандарта рабочего должно быть точно учтено: 1) сумма производственных навыков, 2) сумма технологических навыков и, наконец, 3) сумма культурно-политических навыков. Иначе говоря, подготовка и пригонка рабочего к рабочему месту должна распадаться на две части: 1) переменные признаки квалификации—чисто производственные и 2) постоянные признаки организации—трудовые и культурно-политические.

Лишь при такой постановке дела подготовки рабочей силы, мы будем иметь гарантию, что в конечном итоге перед нами предстанет культурный работник, такой же хороший организатор своего рабочего места, как и организатор производственного процесса; рабочий, принимающий активное участие в предстоящей нам огромной работе по рационализации промышленности, рабочий—строитель нового общества. Только при этой постановке подготовки рабочей силы, мы в лице промышленного пролетариата будем иметь в первую очередь сознательную и дисциплинированную армию, готовую на своих плечах вынести наше социалистическое строительство при всех зигзагах и трудностях нашего исторического пути. Но такая система воспитания и обучения будущего рабочего, которая лишь одна способна обеспечить нам того типа работника, о котором здесь идет речь, ничего общего не имеет с установочной «идеологией» т. Гастева—это именно не «установка», а социалистическая подготовка рабочей силы под общим названием—рабочее образование.

Б. ГОДОМАРК.

ДИСКУССИОННЫЕ МОМЕНТЫ НАШЕЙ СИСТЕМЫ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ.

В своей статье «К вопросу о пересмотре нашей системы народного образования», помещенной в № 1 журнала «Народное просвещение» за текущий год, я указал, что пересмотр должен заключаться не в кардинальной ломке нашей системы, а в некоторых частичных изменениях, направленных к устранению наблюдаемой в настоящее время перегруженности программ и учебных планов школы II ступени и исправлению тех несогласованностей, которые обнаружились между различными профтехническими школами и теми звеньями единой трудовой школы, которые являются подготовительными для этих профшкол.

В настоящее время по этому вопросу высказаны в печати различные мнения, и я ставлю себе целью в настоящей статье разобрать различные предложения, касающиеся пересмотра нашей системы народного образования.

Необходимо сразу отметить, что ни один из выступавших в печати авторов не находит нашу систему в том виде, как она существует в данный момент, вполне удовлетворительной, наоборот, все считают необходимым произвести те или иные изменения, причем как и я предполагал, большинство авторов стоят не за радикальное изменение нашей системы, а только за те или иные частичные изменения.

И только один из этих авторов, а именно автор появившейся без подписи статьи в № 2 журнала «На путях к новой школе» за текущий год, а затем в самые последние дни—официальный докладчик на пленуме ЦК комсомола выступили с предложением решительного преобразования нашей системы, предложением, которое заключается в полной ликвидации школы II ступени, как таковой, и замене 2-го концентра II ступени—техникумом.

Нельзя сказать, чтобы мотивы обоих этих авторов были бы совершенно одинаковы. Автор статьи в журнале «На путях к новой школе», собственно, ничего против 2-го концентра, как такового, не приводит. По его мнению, лишь плохо то, что «школа II ступени в настоящее время служит лишь пропускным коридором в вуз». «Уклон школы II ступени—это специальность, которую можно использовать на случай провала на экзаменах в вуз». И автор думает, что «такие школы II ступени нам не нужны». Но в то же время он полагает, что проходным коридором в вуз должен стать техникум, и для этого «общее образование должно занимать в техникуме серьезное место, объем общеобразовательных знаний должен быть не меньше, чем в теперешней школе II ступени».

Докладчик от комсомола выступает определенно против школы II ступени. Недостатки этой школы, по мнению докладчика, следующие: школа не обслуживает рабочих, с подготовкой кадров в вуз школа справляется очень плохо; никакой трудовой установкой в школах II ступени сейчас и не пахнет; профессиональный уклон не увязан с потребностями и хозяйственными особенностями данного района. Причины этих недочетов докладчик видит в отсутствии твердо отчеканенной политики у Наркомпроса, у которого до сих пор нет определенного и ясного взгляда на школу II ступени; в том, что школа II ступени построена без учета нужд народного хозяйства и запросов подрастающего молодняка. Далее, в плохой материальной базе школы II ступени, которая, между прочим, приводит к очень большому проценту второгодничества и отсеву в школе II ступени вообще и среди детей рабочих в частности. И, наконец, в том, что молодых педагогических кадров в школе II ступени очень мало; мы их безобразно плохо подготовляем и еще хуже используем.

Допустим, что все эти явления и причины указаны правильно, но вытекает ли из них то решение, которое предлагается авторами: превращение 2-го концентра школы II ступени в техникум? К чему повело бы принятие предлагаемых ими крайних мер? Не повлекло ли бы это за собой перенесение всех указанных недостатков и на техникум? Не оказалось ли бы очень скоро резкого расхождения между потребностями народного хозяйства и той огромной продукцией, которую стала бы выбрасывать новая весьма расширенная сеть техникумов? Ведь техникумы готовят работников высокой квалификации, средний командный состав, не получилось ли бы у нас тогда переизбытка командиров при отсутствии достаточных кадров квалифицированных рабочих? Если товарищи думают, что профессиональный уклон должен быть увязан с потребностями и особенностями данного района, то это тем более относится к таким учебным заведениям с резко выраженной специальностью, как техникумы. Просчеты в этом отношении являются особо чувствительными для народного хозяйства. Довольно серьезным предостережением в этом отношении может служить тот факт, что мы в текущем году вынуждены были приступить к ликвидации трех техникумов по тракторной специальности, техникумов, открытых уже после революции.

Школы II ступени не справляются с возложенными на них двумя в известной степени одна другую исключающую, задачами: подготовкой в вузы и подготовкой к профессиональной деятельности. Это верно. С этим приходится согласиться. А справится ли с этими задачами техникум?

В настоящее время он с задачей подготовки в вузы, по имеющимся данным, справляется не лучше, а пожалуй даже хуже, чем школа II ступени. Ни на приемных испытаниях, ни во время прохождения курса в высшем учебном заведении выходцы из техникумов не отличаются от второступенцев, несмотря на то, что и по своему возрасту и по общему развитию они должны были бы превосходить последних. Более того техники не оказывают лучших успехов даже на таких факультетах и в таких вузах, которые соответствуют специальности, пройденной ими в техникуме. Так было раньше до революции, то же самое наблюдается в настоящее время и у нас и за границей. Но зато техникумы значительно лучше, чем профуклоны, готовят к специальной деятельности, лучше, но все-таки недостаточно хорошо. Нельзя сказать, чтобы кончающие курс наших техникумов были бы вполне подготовлены к своей профессии. Достаточно указать хотя бы на кончающих педтехникумы, подготовка которых заставляет желать еще много лучшего.

Что же будет тогда, если на техникум будет возложена в качестве такой же основной задачи подготовка в вуз? Автор статьи в журнале «На путях к новой школе» полагает, что общее образование должно занимать в техникуме серьезное место, объем общеобразовательных знаний должен быть не меньше, чем в теперешней школе. Не следует ли с логической необходимостью отсюда, что техникум, усилив свое внимание к делу подготовки своих учеников для поступления в вузы, не ослабит своей работы в отношении своей основной задачи? Едва ли можно ошибиться, утверждая, что через несколько лет мы услышали бы по отношению к техникуму те же самые обвинения, какие мы слышим сейчас по отношению к школе II ступени.

Материальная база школы II ступени крайне слаба. Вряд ли можно оспаривать это положение. От себя прибавим, что далеко не удовлетворительна и материальная база наших техникумов, особенно техникумов, возникших после революции, не имеющих в большинстве случаев ни соответствующих зданий, ни достаточного оборудования. Но все-таки учащийся техникума в среднем стоит в 5—6 раз больше, чем учащийся школы II ступени, и ясно, что, если у нас не хватает средств для надлежащего обеспечения школы II ступени, то тем резче и болезненней скажется этот недостаток, если мы эти школы захотим превратить в техникумы. Плохо поставленный техникум еще не имеет абсолютно никаких преимуществ даже перед плохо поставленной школой II ступени.

Молодых педагогических сил в школе II ступени очень мало. А имеем ли мы эти силы в техникумах? Факт тот, что с обеспечением техникума преподавательским составом дело обстоит несравненно хуже, чем в школе II ступени. Не этим объясняются отрицательные явления в школе II ступени, таких явлений достаточно и в техникумах. Причины этого совсем иные. Их следует тщательно изучать и принимать решительные меры к устранению и предотвращению подобных явлений в школе.

Детей рабочих в школе II ступени недостаточно. Это верно. Но такими же мерами, какими удается удержать детей рабочих в техникумах до окончания курса, такими же мерами можно сохранить рабочее ядро среди учащихся школ II ступени.

Факты сами по себе указаны правильно; против них спорить не приходится, но причины их лежат не в школе II ступени, как таковой, и поэтому вывод товарища о ликвидации школы II ступени на этих основаниях неправилен, не говоря уже о том, что фактическое проведение этого предложения, если бы оно даже было бы признано правильным, абсолютно невозможно. Во втором концентре II ступени у нас обучается около 125 тысяч человек; при преобразовании их в техникумы и удлине-

нии вследствие этого курса обучения вдвое (с 2 до 4 лет) число учащихся должно дойти до 250 тысяч, т. е. в два раза больше того числа, которое в настоящее время обучается в техникумах, другими словами, число техникумов у нас должно утроиться. Ясно, что ни в настоящее время, ни в ближайший ряд лет такое решение вопроса было бы для нас непосильно, если бы даже оно было бы правильно по существу. На самом же деле оно является неправильным и совершенно неприемлемым с точки зрения интересов народного хозяйства. Техникум, как учебное заведение профессиональное, которое должно готовить людей определенной, резко очерченной специальности, ни в коем случае не может отвлекаться в сторону от своей прямой задачи. Наоборот, интересы правильной постановки преподавания в самом техникуме и интересы соответствующих отраслей народного хозяйства требуют, чтобы учебные планы техникума были по возможности разгружены от лишнего общеобразовательного материала, который должен получаться в общеобразовательной подготовительной школе. Не перегрузка учебного плана техникумов лишним общеобразовательным материалом и удлинение вследствие этого курса техникума, а наоборот, возможное сокращение этого материала, возможное сокращение вообще всякого материала, не примыкающего самым тесным образом к изучаемым в техникуме специальностям, и возможное сокращение курса обучения в техникуме—вот требования, которые настойчиво диктуются и интересами правильного ведения дела в техникуме и задачей быстрой подачи для народного хозяйства необходимого ему вполне подготовленного командного состава.

Таким образом мы можем прийти к заключению, что то радикальное изменение, которое предлагается в нашей системе, не может быть принято, и мы должны перейти к рассмотрению тех частичных изменений, которые различными авторами предлагаются. Сущность этих предложений сводится в основном к необходимости удлинения курса обучения в единой трудовой школе, так как при современном сроке обучения ни с одной из поставленных школе задач она справиться не может. Некоторые товарищи, как, например, М. П., автор статьи «К вопросу о системе общеобразовательной школы», помещенной в № 7—8 журнала «На путях к новой школе» за текущий год, заходит при этом так далеко, что считает, что продолжительность школьного обучения должна быть «не 9 и не 10 лет, а по меньшей мере 12».—«Нет,—говорит автор,—почти ни одной страны в мире, где общеобразовательная школа, из которой молодежь непосредственно идет в вузы, продолжалась бы меньше 11 лет. В среднем в странах Западной Европы и Америки она продолжается 12—13 лет, в Японии даже 14 лет. Можем ли мы иметь школу менее длительную? Принципиально,—заявляет автор,—не можем, так как наша задача заключается в том, чтобы «по культурному уровню масс перерасти буржуазные страны». Этот послёдний мотив как будто бьет мимо цели, так как культурный уровень масс и подготовка той группы лиц, которая переходит в вузы, понятия не совсем совпадающие. Культурный уровень масс несомненно требует удлинения курса массовой школы, которая должна явиться не только доступной, но и обязательной для масс. Интересы же обеспечения вузов достаточно подготовленным материалом еще очень долго смогут ограничиться относительно небольшой сетью специальных «средних школ», которые и по своей программе и по своей постановке могут и должны отличаться от школ массовых. Но в этом заявлении автора мы со своей стороны видим одно очень ценное признание. Тов. М. П., близко стоящий к работе средней школы, поставленной в исключительно благоприятные условия, и в то же время принимающий ближайшее участие в разработке программ нашей школы, находит, что эти программы могут быть проработаны не менее, чем в 12 лет. Какая же

отчаянная перегрузка получается, если мы хотим это большое количество материала уложить в 9 лет! По нашему мнению, этим объясняется не только перегрузка наших школьников, но в значительной степени и дефекты подготовки кончающих нашу школу II ступени. Приходится признать, что здесь количество идет в ущерб качеству. Но переходим к основному вопросу. Правда, западно-европейская школа имеет продолжительность от 11 лет (Франция) до 13 лет (Германия). Но еще не доказано, что при надлежащей разгрузке программ от всего лишнего и не безусловно необходимого, нельзя сократить длительность школьного курса, и требование такого сокращения находит себе очень многих авторитетных сторонников среди представителей западно-евпропейской педагогики. Впрочем и т. М. П. не считает вопроса о 12-летнем сроке обучения в общеобразовательной школе актуальным; он его рассматривает, так сказать, в аспекте генерального плана. Неотложным как он, так и другие считают удлинение срока обучения на один год и превращение нашей школы из 9-ти в 10-летнюю. Но и здесь нет единого мнения. Споры идут вокруг вопроса о том, в каком месте прибавить 10-й год. Таких возможностей и предложений имеется несколько: 1) прибавить год к I ступени, превратив ее таким образом из 4-летки в 5-летку, причем одни предлагают этот лишний год прибавить в начале школьного курса, ввиде, так называемых, нулевых групп, с приемом детей семилетнего возраста; другие находят возможным прибавить лишний год в конце I ступени; 2) прибавить лишний год ко 2-му концентру II ступени, причем структура нашей школы была бы такова: четырехлетка, семилетка и десятилетка и 3) прибавить лишний год к 1-му концентру II ступени с общей структурой школы, ввиде четырехлетки, восьмилетки и дёсятилетки.

Разберем каждое из этих предложений.

Принципиально ничего нельзя возразить против удлинения I ступени на один год, как и было бы правильно передвинуть начало школьного обучения к семилетнему возрасту. Практически же это в ближайшие годы наталкивается почти на непреодолимые препятствия. Наша школа I ступени в настоящее время по РСФСР охватывает в среднем меньше 70% детских школьных контингентов. Это в среднем; в городе больше, а в деревне значительно меньше. И это в настоящее время, в период понижения общей численности детских контингентов. В ближайшие же годы с подходом к школьному возрасту новых, значительно более многочисленных детских групп, этот процент может быть даже снизится, если не будет проведено очень энергичное развитие школьной сети. Задача охвата всех детей школьного возраста даже четырехлетней школой в лучшем случае может быть разрешена нами через 8—10 лет. Мне кажется, что в интересах наиболее скорого и более прочного достижения первого этапа, не следует усложнять его такими предложениями, которые в значительной степени затрудняют проведение всей задачи, и от несвоевременного осуществления которых выиграют одни, более богатые, районы, в частности город, и проиграют другие, в особенности деревня, в которой проведение идеи пятилетней школы связано с чрезвычайно большими затруднениями. Если в настоящее время работает в тяжелых условиях однокомплектная школа, в которой один учитель должен заниматься с тремя группами (к сожалению до настоящего времени еще недостаточно широко применяется прием через год, позволяющий установить в однокомплектной школе работу учителя с двумя группами и значительно повышающий эффективность работы школ), то при установлении пятилетней школы в такие же условия попадает и двухкомплектная школа, а как будет работать однокомплектная, даже трудно себе представить. Неправильно думают некоторые товарищи, что этот вопрос может быть разрешен за счет устройства нулевых групп, для которых, якобы, подготовить учи-

телей легче, чем для какой-либо [1]. Позволю себе указать, что нулевых групп в природе не бывает, как не существует и нуля. Нулевыми группами для школы являются те группы, которые устраиваются в детском саду, и с которыми школа совсем или почти совсем не считается. С момента же введения этой группы в состав школы, она становится не нулевой, а первой, которая занимает определенное место в общей системе школьной работы и должна обслуживаться тем же учителем. Вряд ли автор полагал, что для этих групп в сельской школе может быть особый учитель. Это может иметь место в городской школе. Там эта группа может быть поручена лицу со специальной дошкольной подготовкой. Но подготовка этих работников у нас поставлена так же, как и подготовка школьных учителей, и снижать ее не следовало бы. Проведение же предлагаемой меры только в городских школах привело бы к установлению у нас двух систем народного образования: городской и сельской, но не думаю, чтобы это было возможно.

Нецелесообразно также удлинение курса обучения в школе I ступени до 13-летнего возраста. Процент остающихся в школе 1 ступени до конца, до 12 лет, ничтожно мал. При удлинении же срока обучения до 13 лет этот процент неизбежно понизится, и для огромного большинства учащихся получится не улучшение, а ухудшение современного положения.

Чрезвычайно заманчиво на первый взгляд предложение о прибавлении лишнего года ко второму концентру II ступени. При трехлетнем курсе обучения, вместо существующего двухгодичного, второй концентр II ступени гораздо лучше и без наблюдающейся в настоящее время перегрузки справится и с подготовкой своих учеников в вузы и с проведением профуклона. Кстати мы можем тут же отметить, что мнение докладчика комсомола, будто профуклоны не увязаны с потребностями и хозяйством данного района, не всегда и не во всем правильно.

В частности задача подготовки учителей для школы I ступени, в целях осуществления всеобщего обучения, для нас совершенно непосильна без педуклонов. Определенное значение в общей системе нашего хозяйства несомненно имеют и другие уклоны, как административно-советские, счетно-финансовые и т. д. Кончающие эти профуклоны несомненно гораздо легче находили бы приложение своим силам и знаниям, если бы они решились оставить город и переехать в деревню, которая нуждается в колоссальном количестве интеллигентных сил. Но, к сожалению, наша молодежь избегает не столько профуклонов, как вообще этих профессий, и техникумы с соответствующими специализациями имеют гораздо менее притягательной силы, чем техникумы индустриальные. Если мы признаем нездоровым стремление во что бы то ни стало попасть в вуз, то надо признать таким же нездоровым явлением стремление во чтобы то ни стало попасть в индустриальный техникум. Ведь то же самое наблюдается и относительно профуклонов: при недостатке желающих поступить на педагогические и т. п. профуклоны стремление на индустриальные профуклоны выше всякой возможности их удовлетворить, и это тем более неправильно, что как раз педуклоны могут более или менее удовлетворительно справиться со своей задачей, возможное же использование лиц, кончающих индустриальные профуклоны, которые не являются ни техниками, ни мастерами, ни рабочими, в высокой степени сомнительно.

При трехлетнем курсе обучения может быть явилась бы возможность и эту задачу более или менее разрешить удовлетворительно. Но такое решение вопроса, устранив наблюдающиеся в настоящее время неувязки между школой II ступени и вузом, оставили бы без изменения ненормальности, наблюдаемые в отношении увязки техникума со школой

[1] Смотри указанную выше статью в № 2 журнала «На путях к новой школе».

II ступени. Современная семилетка подготовленного материала для техникума не дает и дать не может, несмотря на колоссальную перегруженность программ семилетки. Необходимо подвести под техникум иную базу, школу с другой продолжительностью курса, чем современная семилетка. Нельзя будет говорить о построении техникума на базе десятилетки, так как это привело бы нас по необходимости к украинизации нашей системы высшего образования, к превращению техникума в вуз узкой специализации и в результате к выпадению из общей системы подготовки квалифицированной рабочей силы того звена, которое готовит средний командный состав. Нельзя также строить техникум на каком то промежуточном году обучения, так как необходимо, чтобы поступающие в техникум получили общее законченное образование. Единственным наиболее правильным выходом из положения является прибавление лишнего года к первому концентру II ступени, превратив таким образом семилетку в восьмилетку. Такое решение вопроса одновременно устранит наблюдаемые ныне неувязки с общеобразовательной подготовительной школой как со стороны вуза, получающего десятилетнюю базу, так и со стороны техникума, получающего базу восьмилетней школы. Старший концентр II ступени, оставаясь двухлетним (9-й и 10-й годы обучения), будучи в известной степени разгружен от лишнего программного материала и получая значительно лучше подготовленных учеников из реорганизованной восьмилетки, несомненно лучше справится с обеими своими задачами.

Но первый концентр II ступени, оставленный единым, ввиде четырехлетки (5—8-й годы обучения), не отвечает потребностям фабзавуча, для которого база четырехлетки несомненно недостаточна. Но нельзя в то же самое время утверждать, что для фабзавуча необходима база ввиде семилетки. Если об этом говорят и этого требуют в настоящее время, то это объясняется тем, что никакого иного законченного типа между школой I ступени и семилеткой не имеется. Стоит только внимательно просмотреть программы семилетки и фабзавуча, чтобы убедиться в том, что программа в объеме семилетки для фабзавуча не является необходимой. Конечно, особой беды в том, что ученик является в фабзавуч с несколько повышенными знаниями нет, но если мы стоим на точке зрения экономии сил ребенка, экономии народных средств и максимальной согласованности между профшколой и подготовляющей к ней ступенью общеобразовательной школы, то такое излишнее требование становится уже с народно-хозяйственной точки зрения вредным. По моему мнению, потребностям фабзавуча могла бы вполне удовлетворить школа с шестилетним курсом обучения, которую кончали бы ученики в возрасте не менее 14 лет, т. е. как раз в том возрасте, в котором подростки по нашему законодательству допускаются на производство. Распределение курса II ступени не на два, как сейчас, а на три законченных концентра с двухгодичным курсом в каждом, с точки зрения педагогической никаких возражений вызывать не может. Таким образом, можно формулировать наши выводы следующим образом:

1. Общая длительность единой трудовой школы должна быть установлена в 10 лет.

2. Школа I ступени должна оставаться на ближайший период времени (до введения всеобщего обязательного начального обучения) четырехлетней и охватывать те же школьные возрасты, что и в настоящее время (8—12 лет).

3. Школа II ступени должна быть шестилетней продолжительности и делиться на три законченных концентра (6, 8, 10 лет).

4. Все профессиональные технические школы получают свою определенную базу:

а) вузы строятся над десятилеткой;
б) техникумы—над восьмилеткой;
в) фабзавуч и профшкола над шестилеткой;
г) учебно-кустарные, а также некоторые фабзавучи и профшколы (особенно обслуживающие деревню)—над четырехлеткой.

Вышеизложенным исчерпывается вопрос о пересмотре структуры нашей школы социального воспитания. Остается еще рассмотреть вопрос о системе нашего профессионального образования, а также сравнительное рассмотрение системы народного образования РСФСР и УССР. Но об этом в другой раз.

П. И. КАГАН.

ПОЛИТЕХНИЗМ В СОВРЕМЕННОЙ СОВЕТСКОЙ ШКОЛЕ.

Система народного образования переживает ответственнейший этап своего развития. Задачи индустриализации страны, задачи культурной революции, переплетаясь одни с другими, друг друга дополняя, поставили на очередь грандиозного значения проблему воспроизводства кадров конкретных строителей социалистической промышленности.

Внимание советской общественности и государственности со всей остротой обратилось к лаборатории этого воспроизводства—к системе народного образования. Обсуждение вопроса вышло уже за пределы ведомств, комиссий, советов. Массовые диспуты, обсуждение на страницах массовой печати, массовые собрания—вот формы развернувшейся дискуссии. Предстоит партийное совещание по вопросам народного просвещения. Там будет сказано решающее слово по этому в конце-концов р е ш а ю щ е м у вопросу нашего дальнейшего хозяйственно-культурного развития.

При этом везде вопросы подготовки рабочей силы глубоко правильно ставятся так, что охватывают не только систему профобразования, но и базу его—общеобразовательную школу.

В отношении этой последней особенно четко выдвинуты вопросы п о л и т е х н и ч е с к о й т р у д о в о й п о д г о т о в к и учащихся. И это, естественно: современная техническая культура требует всесторонне развитого производителя. Поэтому задачи практического овладения молодежью суммой производственных навыков, характерных для типичных производственных процессов, и овладения суммой знаний технологической, технической и социальной сущности производственных процессов еще в школе соцвоса—одни из первоочередных задач.

В этом именно разрезе общеобразовательная школа должна строить дальше свою работу. Быть может, в необходимой мере даже и п е р е с т р о и т ь ее. Мы знаем, что в этом отношении, в массе она пока работает далеко не так как мы хотели бы. Многого нехватает. Многое надо дополнить. Масса школ еще не вышла из трудового небытия. Недостатков уйма. Но 11-летний опыт школы уже привел и к д о с т и ж е н и я м. Говоря о недостатках, п р е ж д е в с е г о и х о б н а ж а я, нельзя, однако, забывать и о достижениях. Не для самоутешения, а для того, чтобы положительные слагаемые работы школы могли быть культивируемы, чтобы дальнейший рост школы шел на основе достигнутого теперь.

Работа предстоящего партсовещания по народному образованию обязывает нас учесть скрупулезно то, что мы у ж е с д е л а л и.

В какой же мере наша школа, школа с е г о д н я ш н е г о дня отвечает требованиям политехнического воспитания? Трудность вопроса в том, что самое п о н я т и е п о л и т е х н и з м а толкуется нами поразному. Нет надобности, однако, углубляться в спор по этому вопросу. Наши позиции в этом отношении можно сформулировать в двух следующих тезисах:

П е р в о е,—практически проблема политехнизма, толкуемого иногда очень расширенно, в нашей школе для текущего периода почти целиком покрывается проблемой п о л и т е х н и ч е с к о й т р у д о в о й п о д г о т о в к и.

В т о р о е,—политехническая школа не есть какая-то особая р а з н о в и д н о с т ь с о в е т с к о й т р у д о в о й ш к о л ы. Вся наша массовая школа двигается по пути к осуществлению политехнического воспитания. Весь массив советской школы имеет ростки политехнизма. Но одна категория школ ушла далеко по лестнице, ведущей к осуществлению подлинной политехнической школы, другая находится в самом начале ее. Одна уже подходит к оформлению этих ростков в определенную с и с т е м у, другая еще не доросла до этого. С т е п е н ь п р о д в и ж е н и я школы в этом направлении находится в прямой зависимости от условий работы школы и от ее сил и средств.

Экономический уклад окружения, та или иная степень богатства трудовой культуры, качество этой технической культуры, материальные ресурсы школы, подготовленность педагога, возраст детей, культурно-бытовое развитие среды—все это оказывает решающее влияние на рост политехнической сущности школы.

В этом смысле различные типы школ: фабрично-заводская семилетка, школа крестьянской молодежи, школа в чисто сельскохозяйственном районе, в кустарно-промысловом районе, школа в городе, не имеющем определенной производственной установки, и другие—обладают неравными возможностями практического осуществления политехнизма. Но каждая из них все же, как указано выше, наращивает его крупицы. Немного их в каждой отдельной школе, но в массе они заметны.

Рассмотрим эти элементы, причем прежде всего возьмем о б щ и е д л я всех типов школы.

ТРУД И ПРОГРАММЫ ОБУЧЕНИЯ.

Мы склонны в критике часто забывать положительное. Так было с первыми схемами программ Гуса. Сейчас мы, после того, как дали рабочие программы, почти не вспоминаем огромнейшую роль схем, уже ими выполненную. Ведь именно эти схемы определили генеральные линии в системе построения всей воспитательно-образовательной работы школы. Ведь именно они отвели стержневое значение в педагогическом процессе осознанию и изучению т р у д о в о й д е я т е л ь н о с т и л ю д е й. Мало того: они определили роль и место непосредсвенного у ч а с т и я детей в труде для всего комплекса педагогической работы. Причем нам не мешает напомнить самим себе, что программы Гуса теперь уже не только «установка» Наркомпроса, уже не «педагогический идеал», а—сама жизнь. Учительство приняло программы, учительство уже сжилось с ними, работает по ним. Вся сплошь школа с р о д н и л а с ь с программами Гуса и этого завоевания у массовой школы уже не отнимешь. А что, это завоевание школы — программы Гуса, ставшие плотью и кровью советской школы, приблизили ли ее к осуществлению идей политехнизма? Несомненно. Что означает переход массовой школы на работу по этим программам? Это значит, что наша школа—прежде всего жизненная школа. Школа, изучающая совокупность жизненных явлений, исходя

из трудовой их основы. Школа, неизбежно сталкивающаяся с многообразием трудовой деятельности людей. Школа, в меру сил и средств участвующая в этом труде. Школа, изучающая трудовое поведение человека, материалы, инструменты, орудия различных видов труда. Изучающая социально-трудовые отношения. Школа, берущая многообразие жизни, ее кажущуюся анархичность, жизненные сдвиги, водовороты, борьбу, приводит детей к диалектическому осознанию закономерностей, устанавливает определяющую роль труда в социальных отношениях. Практически это означает воспитание целеустремленных людей в определенном едином направлении и вместе с тем воспитание единого подхода к различным видам и типам трудовой производительной деятельности.

ШКОЛА—ФАКТОР ПЕРЕУСТРОЙСТВА ЖИЗНИ.

Передо мной описание работы скромной деревенской школы с одной учительницей, с двумя группами, с приемом детей через год. Читаю:

«...Был поставлен опыт с 4 сортами картофеля. Из приводимой таблички виден ясно результат:

№ № сорта	Название сорта	Вес клубней с борозды	Урожай сам
1	Эпикур	3 п. 5 ф.	25
2	Местный	1 » 10 »	10
3	Совхозский	2 » 5 »	17
4	Агрономка	1 » 38 »	15

Школа поставила себе целью размножить «Эпикур». Уже имеются заявки крестьян на получение его»...

Еще выдержка: «...был принят севооборот Дояренко, близость рабочего поселка стимулирует развитие молочного хозяйства. При пропаганде, следовательно, перехода крестьянского хозяйства с трехполки на многополье и нужно было избрать такой севооборот, который давал бы много кормов, в том числе молокогонных».

Третья: «Кустари практиковали трафаретные однообразные формы и рисунки. Школа поставила задачей...» и т. д.

Никого не надо убеждать, что таких фактов можно собрать тысячи, даже десятки тысяч. Об общественном значении этой работы школы—ниже. Сейчас же хочется подчеркнуть другое: принцип локализации работы школы как по труду, так и образовательной.

Отправляясь от местных материалов, оперируя прежде всего с ними, связывая каждый шаг трудовой деятельности учащихся с нуждами своего района, внося в местное производство элементы более высокой трудовой культуры и улучшенные приемы труда, школа связывает свою деятельность с данной хозяйственной обстановкой.

Теперь спросим себя: в какой мере навык ставит себе задачи по улучшению условий и техники труда, навык видоизменять любую окружающую хозяйственную и техническую обстановку в сторону ее улучшения, воспитание единого рационализаторского подхода к любому виду трудовой деятельности, навык способствовать переходу каждого типа производства в русло социалистического строительства, являются элементом политехнической трудовой подготовки будущих производителей? Ответ ясен.

КУЛЬТУРА ТЕХНИКИ—В ДЕТСКИХ МАССАХ.

Шесть-семь тысяч детских писем. Возраст пионерский. О чем они?

«...Прошу выслать мне такие чертежи, как сделать фотоаппарат, противогаз, звонок, самодельный микроскоп, летающую модель самолета, динамомашину, лодку, модель аэроплана, летающий винт. Прошу не отказать в моей просьбе...»

«Я решил сделать моторчик, который мог бы работать сжатым воздухом, но не нашел подходящей литературы... прошу выслать мне как из чего (курсив автора) можно сделать, какой вместимости резервуар нужен для воздуха... имеется автоматический керн... не действует... как исправить?..»

«...Просит вас юный ученик первой ступени , так как я желаю обучиться как сделать самому радиоприем (или радио)... сделал в феврале маленький аэроплан резиною привязал и накрутил он немного пошел. А настоячий (везде сохраняю орфографию. *С. Ш.*) не знаю как его сделать... затем досвидание, прошу не отказать моей просьбы и вашего совета. Я есть Ховалкин, Иван Петрович, вот мой адрес...».

Каждое письмо—поэма о детских технических думах. Запросы в области радио, авио, паротехники, техники быта, автотехники, фото, военной техники, электротехники, шитье, переплет, столярное дело, паяние, техно-химия, техника сельскохозяйственного производства и т. д., и т. п.

И потом: тысячи писем в одной центральной технической станции за 4—5 месяцев работы ее. Местные станции имеют «меньший оборот», но их по республике выросло за год с небольшим около 25. Десятки тысяч детей и подростков обслуживаются ими регулярно. Каждый новый день дает сотни новых клиентов. Рядом с этой работой надо поставить и юнатскую работу. Те же десятки тысяч ребят, тот же бурный рост клиентуры (в 1927 г.—20 тысяч, в 1928 г.—32 тысячи), то же практическое направление работы, наличие организационного центра, руководящего всем движением. И еще не надо забывать технические внешкольные кружки, трудовую работу на площадках, в мастерских при клубах, в детских комнатах и т. д.

Все это представляет из себя уже солидный аппарат по внедрению в детские массы элементов современной технической культуры и интереса к ней. Навыков в различных видах трудовых занятий, причем в тех видах, которые наиболее распространены именно в наших советских условиях. Просмотреть это—значит просмотреть очень большой участок политехнического воспитания.

ОЩЕСТВЕННО-ПРАКТИЧЕСКАЯ РАБОТА.

Факты, приведенные выше, достаточно характеризуют общественно-практическую направленность школьной работы. Это одно из самых крупных завоеваний советской педагогики. Общеизвестно участие школы в проведении общественных кампаний, в ликвидации неграмотности, в налоговых кампаниях, в различных культурных начинаниях (избы-читальни, клубы, праздники). Следующий участок в этом разрезе—борьба за повышение бытовой культуры—борьба с паразитами, борьба за отдельную

чашку за обедом и т. д. Дальше: проведение дня леса, дня птицы, борьба с вредителями, с малярией, с пожарами, с оврагами. Помощь школы непосредственным трудом беднейшему населению, семьям красноармейцев, работа в кооперации.

Интересно, что в письмах детей и подростков с запросами по технике сплошь и рядом встречаются общественные мотивы. Подросток В... работает над механическим приспособлением для снабжения деревенских изб горячей водой, «чтоб не надо было матерям котлов больших в печки ставить». Другой устраивает радио, чтоб соседи «могли просвещение получать». А ведь наши подростки это же продукт нашей школы. Это, — можно сказать, живое достижение нашей педагогики.

Не говоря уже об общевоспитательной ценности и подходя к вопросу только с точки зрения политехнической трудовой подготовки, общественно-практическую работу школы надо отнести, как солидный вклад в трудовой актив школы. Ведь школьная детвора, переходя от одного вида общественного труда к другому, неизбежно приобретает трудовые навыки в них, изучает их технику, условия труда, материалы, инструменты. Все это в значительной мере восполняет недочеты школы по организации политехнического труда внутри ее.

ТЕХНИЧЕСКО-ТРУДОВАЯ БАЗА САМОЙ ШКОЛЫ.

Здесь о достижениях больших масштабов говорить нельзя. Мы прежде всего сами кричим о своих недостатках. Но когда нам говорят, примерно, следующее: «Вы ничего не делаете», «Школа не подумала», «Наркомпрос не подумал», приходится решительно отвести подобную критику. Приходится напомнить и другим и самим себе, что все-таки половина школ крестьянской молодежи имеет мастерские, ни одна ФЗС—в этом году не остается без кредитов на организацию мастерских. Детские дома имеют около двух тысяч мастерских, три тысячи районных школ первой ступени имеют трудовые уголки. А кроме того, когда мы говорим о массовой школе, как о школе не имеющей труда, так это значит, что в ней нет труда так поставленного, как нам хотелось бы. Нашу современную школу уже теперь можно назвать иллюстративно-трудовой школой, но все дело в том, что наши собственные требования гораздо более высоки. Мы хотим производственно-трудовой школы и вот в этой-то части наши достижения скромны. Причин много: материальные недостатки, техническая неграмотность большинства учительства, отсутствие помещений, недооценка (не надо забывать и этого!) многими организаторами и практическими работниками по народному образованию, а также косной частью населения, значения труда в школе для советского строительства. Но что говорит нам практика последнего года? Когда удалось несколько повысить бюджет школы, когда мы более или менее успешно разрешаем вопрос о минимуме грамотности в школе, дело трудовой подготовки учащихся было перемещено в ряд первоочередных задач. За этот год мы уже имеем разработанные формы внедрения труда в школу (в условиях нашей все же нищеты), в простейших доступных школе формах. За этот же год мы провели свыше 125 курсов и практикумов по трудовой подготовке учительства. Поступают сведения о возникновении на местах учительских объединений по труду. Бесконечные письма, запросы, где, что приобрести для трудового оборудования, как вести занятия, запросы на литературу показывают, что дело организации труда в школе теперь с исторической неизбежностью будет развиваться.

ВОСПИТАНИЕ СТРОИТЕЛЕЙ СОВЕТСКОЙ ИНДУСТРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ.

Учет качественных величин работы нашей школы по труду должен интересовать нас не в меньшей степени.

Практика советской школы имеет уже достижения, позволяющие сформулировать основные вехи советской системы политехнической трудовой подготовки, направленной к воспитанию подлинных строителей советского индустриального хозяйства.

Первое,—трудовая деятельность, входя органическим слагаемым в содержание работы всех типов учреждений социального воспитания, начинается с возможно большего количества видов и отраслей труда в детском саду, проходя через обработку основных материалов (дерево, металл, волокно-ткань, бумага-картон) в первой ступени, подходит к небольшому количеству видов труда во второй ступени. Качество труда, технические требования, осознание процесса, объем теоретических сведений соответственно усиливаются.

Второе,—выбор отраслей труда в школе не случаен. Прежде всего обеспечиваются наиболее распространенные (универсальные) в производстве материалы, как дерево, металл. Школа ставит его также в зависимость и от данного производственного окружения. Фабрично-заводская семилетка естественно ориентируется на обработку тех материалов, которые являются основными для производства, с которым она связана, или на наиболее важные по удельному весу вспомогательные материалы. Школа крестьянской молодежи берет естественно сельскохозяйственное производство, в формах социалистического его переустройства (тракторизация, коллективная обработка), и те виды кустарного и отчасти индустриального труда, которые непосредственно обслуживают нужды сельскохозяйственного производства. Школы, не столь тесно связанные с производством, ориентируются на индустриальный труд (дерево и металл) или на культурно-бытовые виды труда (волокно-ткань, бумага-картон).

Третье,—наша школа в труде отражает необходимость воспитания нового типа производителя для индустрии и максимального введения машины в отсталые отрасли промышленности и в быт трудящихся. Она подводит детей и подростков «к производству средств производства», внося в школьный труд выработку орудий труда, инструментов и построение простых механизмов и схематических моделей сложных. Наконец, она дает навыки в управлении механизмами, начиная от простых (клин, рычаг, тачка, ворот) в детском саду, переходя к действующим моделям и ручным станкам (ткацкие механизмы, токарные станки, самодельные электродвигатели, двигатели водяные, паровые, ветряные и т. д.) в первой ступени, подводит учащихся к управлению полузаводскими станками в старших группах второй ступени и к работе на современных индустриальных установках, в процессе фабрично-заводской практики.

Четвертое,—методика работы школы рассчитывается на сочетание овладения техникой труда с выполнением целевых трудовых заданий. При этом наша практика и теория добились способов постепенного наращивания элементов самостоятельного конструирования учащимися предметов производства или их деталей. Это обеспечивает учащимся практические (подлинно политехнические) навыки овладевания современным производственным процессом, имеющим тенденции к непрерывным реконструктивным процессам, к изменяемости форм производства, к поискам нового типа производственных установок. Наконец, к достижениям методики труда надо отнести такую

планировку педагогического трудового процесса, которая позволяет навыки в одном виде труда интегрировать и на другие.

Пятое,—красной чертой в трудовых занятиях в нашей школе проходит привлечение учащихся к организации труда и культуре коллективного труда. Нельзя не привести одного примера. Электромонтажная лаборатория одного из институтов трудового воспитания. Показывают ее руководитель и староста из учащихся. Вижу—в хозяйственных делах староста осведомлен не меньше, чем руководитель, в учебном отношении он—помощник руководителя. У него все ключи, он распоряжается всем решительно имуществом. Спрашиваю—давно ли старостой. «Нет, месяц тому назад очередь подошла». Оказывается, все сплошь ребята по очереди выполняют функции старосты. Производство в условиях советского строительства, ориентируясь в техническом отношении на достижения передовых по технической культуре стран, в организации производства и в деле установления роли в производстве рабочих идет своим особым путем. К этой роли, характеризующейся принципом вовлечения в строительство и управление хозяйством рабочих масс, школа и готовит будущих производителей. В зависимости от сил детей, от их возраста, от степени общественного сознания детей, школа привлекает их к организации трудового коллектива. Начиная от выполнения спорадических общественных заданий в детском саду и в первых группах I ступени, проходя через упразднение отдельными отраслями работы трудовой ячейки в более старших классах, она подводит к полному овладению «механизмом управления» небольшой трудовой ячейки в целом в старших группах II ступени.

Мы указали на основные положительные черты нашей работы теперь. Повторяем не для самоутешения. В деле внедрения политехнизма в школу в связи с культурной революцией нужен основательный еще скачок вперед. Но успех его зависит от того, насколько мы будем в состоянии взрастить ростки наших достижений, а для этого прежде всего их надо уметь видеть в самых малых по внешнему виду делах.

С. ШАБАЛОВ.

ПЛАНИРОВАНИЕ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

ИТОГИ ИСТЕКШЕГО ГОДА.

(ОСНОВНЫЕ ЗАДАЧИ И НАПРАВЛЕНИЕ ПРОСВЕТИТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ. ОРГАНИЗАЦИЯ УПРАВЛЕНИЯ ДЕЛОМ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ И ПЛАНИРОВАНИЕ ПРОСВЕТИТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ).

1927/28 операционный год—первый год, в течение которого просветительная работа вообще и работа НКП и ОНО, в частности, проходила под лозунгами культурной революции, провозглашенными XV съездом ВКП(б). Решения этого съезда о приспособлении всего дела народного образования к потребностям социалистического строительства прокламировали действительное значение просветительной работы и ее место в общем процессе строительства первого в мире пролетарского государства и определили те основные линии, по которым протекала просветительная работа в истекшем году и будет протекать в будущем, поскольку задачи культурной революции не могут быть полностью разрешены в 1-2 года.

Вторым документом огромной принципиальной важности, подытожившим достижения на культурном фронте за 10 лет и наметившим пути дальнейшего развития, явилось постановление юбилейной сессии ЦИК СССР, также отметившей решающее значение культурного строительства для полной победы социализма и выразившей благодарность работникам просвещения и культуры, в самые тяжелые годы революции оставшимся верными своему призванию и сумевшим наладить совместную и дружную работу с пролетариатом.

Решения июльского (1928 г.) пленума ЦК ВКП(б) по вопросам индустриально-технического высшего и среднего образования также отметили первостепенное командное значение определенных отраслей просветительной работы, теснее всего связанных с развитием народного хозяйства, в частности, промышленности (втузов, индустриальных техникумов, рабфаков и школ повышенного типа соцвоса).

Наконец, решения VI Всероссийского съезда заведующих отделами народного образования, построенные с учетом директив XV съезда партии и юбилейной сессии ЦИК СССР, четко наметили практические пути и организационные формы для реализации имеющихся директив правительства и партии, и, в частности, основные задачи для 1928/29 г.

Принятие перечисленных ответственнейших решений по вопросам народного образования именно в 1927/28 г., как и усиление внимания к этим вопросам со стороны советской общественности, отнюдь нельзя считать случайностью.

Пока страна переживала процесс восстановления народного хозяйства на базе старого основного капитала—наличных культурных кадров более или менее хватало, хотя наличие диспропорций по некоторым линиям чувствовалось уже и в те годы. Но с 1926/27 г. Советское государство вступило в реконструктивный период развития народного хозяйства, и при усилившихся капитальных вложениях в индустрию и сель-

ское хозяйство, при довольно решительном проведении процессов рационализации сразу обнаружились и недостаток культурных сил самых различных квалификаций и несоответствие качественной их подготовки предъявляемым требованиям. Диспропорции, особенно с точки зрения перспектив дальнейшего развития, сразу почувствовались довольно остро и вызвали то усиление внимания к вопросам народного образования со стороны партии, правительства и общественности, которое уже отмечалось выше.

Это внимание нашло свое выражение не только в вышеперечисленных документах, но и в постановлениях съезда ВЛКСМ, различных профессиональных союзов (напр., съезда союза металлистов), местных съездов советов, в принципиальных дискуссиях и критике наших недочетов на страницах центральной и местной печати, в многочисленных местных обследованиях некоторых типов просветительных учреждений (в особенности, школ повышенного типа соцвоса) и даже в волне «чисток» учительского персонала (а иногда и учащихся) весною и летом 1928 г. Критика направлялась главным образом на нашу систему народного образования, которую считают недостаточно приспособленной к потребностям народного хозяйства и к запросам широких масс трудящихся; на аппараты, руководящие делом народного образования, как недостаточно гибкие, и, наконец, на недостаточно полное и четкое осуществление классовой линии во всей просветительной работе.

Были ли и есть ли основания для той (зачастую, очень суровой) критики, в огне которой растет и крепнет сейчас просветительная работа? На этот вопрос не обинуясь нужно ответить утвердительно. Если, в основном, наша система народного образования, построенная, так сказать, по заказу Октябрьской революции и имеющая одиннадцатилетнюю давность, безусловно правильна, то никак нельзя отрицать в ней наличия больных мест и брешей, еще и сейчас в порядке творчества снизу заполняемых новыми типами просветительных учреждений (стоит только вспомнить дневные и вечерние школы крестьянской молодежи, вечерние рабочие школы, фабрично-заводские семилетки, рабочие университеты, возникшие сравнительно недавно).

Гибкость наших аппаратов, их близость к просветительным учреждениям и к рабоче-крестьянским и просвещенским массам, уменье чутко улавливать запросы времени и быстро, по революционному, реагировать на них, привлекая к реализации их и ко всему делу культурного строительства миллионные массы трудящихся—несмотря на неоднократные реорганизации все еще оставляют желать многого.

Классовая линия—в смысле удержания пролетарских и бедняцких элементов в школах, борьбы за каждого отсеивающего сына или дочь бедняка крестьянина или рабочего, в смысле первоочередного обслуживания тех классовых групп, которые являются базой советского государства—проводилась, несомненно, не всегда достаточно четко, полно и энергично.

Многое во всех этих случаях зависело от предпосылок, так сказать, субъективного характера, от ошибок руководства и личного состава учреждений. Многое, но не все, и это нужно твердо знать всем, желающим помочь скорейшему изживанию дефектов просветительной работы. Корни имеющихся дефектов, а следовательно, и острого, иногда, недовольства уходят в те многочисленные диспропорции, которые имеются и между развитием культуры и экономики и между развитием отдельных отраслей просветительной работы, и, наконец, между нашим количественным и качественным ростом [1].

[1] Об этих диспропорциях см. статью т. Заколодкина в «Народн. просвещение» № 10.

Стремление приступить к ликвидации диспропорций и уже отмеченные выше директивы партии и правительства, в основном, построенные также на учете этих диспропорций, и определили собою те узловые пункты, те р е ш а ю щ и е направления, на которых сосредоточилось внимание НКПроса и отделов народного образования.

1) Основное внимание НКП, естественно, сосредоточивалось на том типе просветительных учреждений, огромное политическое и экономическое значение которого для миллионных масс трудящихся признано и XV съездом партии и юбилейной сессией ЦИК СССР—н а ш к о л е I с т у п е н и и, в частности, на реализации соответствующей части плана введения обязательного обучения. Это особое внимание начальной школе обусловлено тем, что прививка миллионам будущих граждан даже только элементарной грамотности в огромнейшей степени поднимет энергетические и культурные рессурсы страны и эффективность всех трудовых процессов, в частности, мероприятий, проводимых в отношении деревни. Без элементарной грамотности невозможна глубокая индустриализация страны, в частности, машинизация и коллективизация сельского хозяйства, и лишь индустриализация, помноженная на грамотность, даст нам в руки могучее оружие для действительного строительства социализма и в экономике и в быту.

К сожалению, сознания такого значения всеобщего обучения, видимо, недостает еще многим местным органам власти, вследствие чего, а также и из-за напряженности местного бюджета контингент учащихся в начальной школе в 1927/28 г. вырос только на 3,4%, что дает дальнейшее снижение темпа роста и при надвигающихся повышенных контингентах 8—11-леток и сохранении такого темпа роста сети начальных школ может привести к снижению процента охвата школой I ступени детей этих возрастов, что, конечно, было бы величайшей политической ошибкой.

Несколько большее, но все же недостаточное продвижение мы имеем в части роста расходов на 1 учащегося в начальной школе (на 8,5%), но и оно идет почти целиком по линии роста заработной платы учителей. Есть некоторый сдвиг в части капитальных расходов (рост на 1 уч-ся на 47,1%), но в какой мере он недостаточен видно из того, что и в 1927/28 г. выполнено лишь 42,1% строительно-ремонтной программы по начальной школе.

В 1927/28 г. НКП закончил разработку ориентировочного плана всеобщего обучения, на основе местных планов, и доложил его Совету народных комиссаров и Всероссийскому центральному исполнительному комитету. Правительством принята по этому докладу резолюция, дающая ряд указаний и поручений Госплану, НКП и местным исполкомам по дальнейшему уточнению плана и, в частности, разъясняющая прежнее решение ВЦИК и СНК от 31/VIII 1925 г. в том смысле, что 1933/34 г. надлежит считать не последним, а п е р в ы м годом осуществления обязательности обучения.

Стабилизация программ для начальной школы и перечня учебников, широкая работа по курсовой и заочной переподготовке учительства, введение периодических прибавок к зарплате учителей и повышение самой зарплаты (правда, все еще низкой) на 19%, наряду с хотя и незначительным (на 4,9%) повышнеием норм текущих расходов, несомненно, благоприятно отразились на повышении качества работы начальной школы как в смысле улучшения педагогического процесса, так и в смысле удлинения и уплотнения учебного года и уменьшения процента отсева (на 0,5—1,0%). Но все же отсев продолжает оставаться очень высоким, особенно для деревни, школа которой работает пока почти на 80% менее рентабельно, чем городская.

Неразрывно связана с начальной школой краткосрочная школа для переростков, назначение которой—восполнить недостаток нормальных начальных школ, разгрузить школы I ступени от старших возрастных групп (старше 11—12 лет) и в корне пресечь источник, питающий массу взрослых неграмотных (старше 16 лет). Наркомпрос уже давно сознал все значение проблемы ликвидации неграмотности среди многомиллионной армии подростков и в 1927/28 г. приступил к разработке специального плана ликвидации этого социального бедствия. Но инертность местных органов власти и отделов народного образования в этом вопросе настолько велика, достижения, пока что, столь ничтожны, что НКП пришел к выводу о необходимости обеспечить это первостепенной важности дело таким же актом правительства, какой уже имеется в отношении всеобщего обучения. Исходя из этого, НКП вошел в СНК с проектом декрета об обязательности ликвидации неграмотности среди подростков.

В области начального обучения на 1928/29 г. актуальной задачей является повышение темпа роста контингента, дальнейшее увеличение норм расходов капитальных и текущих, повышение зарплаты учителя, качества и эффективности работы школы и резкий сдвиг в отношении количественного охвата школой переростков.

2) Не меньшее внимание уделялось НКП и ОНО и делу ликвидации неграмотности и малограмотности среди взрослых, кадр которых из-за непрерывного притока неграмотных снизу застабилизировался. В основе работы по этой линии лежало решение СНК по контрольным цифрам плана ликвидации неграмотности на 1927/28 г., наметившее первоочередность этой работы по линии обслуживания районов, наиболее экономически заинтересованных в скорейшей ликвидации безграмотности, и по обслуживанию социально-близких советской власти классовых групп (рабочих, бедняков, батраков, членов колхозов, сельхозработчих и т. п.).

В целях повышения эффективности и качества работы ликпунктов разработан план постепенного перевода ликпунктов на годичный срок обучения. Реализация этого плана должна начаться с 1928/29 г.

Многое сделано для оживления советской общественности и усиления ее роли в деле борьбы с неграмотностью. Решения съезда ВЛКСМ предопределили реализацию идеи «культпохода».

Все это дает основание предполагать, что в 1928/29 г. дело ликвидации неграмотности и малограмотности сдвинется с мертвой точки стабилизации, на которой оно стояло до сих пор.

3) После шахтинского дела в центре особенно пристального и обостренного внимания и партии и правительства встало дело подготовки молодых инженеров и техников, что обусловлено и ведущею ролью промышленности во всем нашем народном хозяйстве и быстрым темпом ее реконструкции. Законная тревога о том, в достаточной ли мере обеспечены интересы этой командной высоты нашего хозяйства с точки зрения интересов завтрашнего ее дня и отвечает ли ее потребностям качество выпускаемых из втузов и индустриальных техникумов, побудили центральные партийные и правительственные органы к принятию целого ряда ответственных решений как в направлении установления типа инженера (с краткой и длительной подготовкой) и лимитов и соотношений между инженерским и техническим составом, так и организационных форм дальнейшего руководства делом подготовки специалистов (передача, в виде опыта, части втуз—ВСНХ и НКПС).

Близко ознакомившись с состоянием этой отрасли просветительной работы, партия и правительство не могли не признать, что решительные сдвиги в этом направлении невозможны без подведения под индустриальное образование соответствующей материальной базы, каковая и усиливается довольно существенно с 1928/29 г. не только за счет республиканского, но и союзного бюджета и отчислений от промышленности.

Одновременно партийные органы должны были признать и большое значение подступов к высшей и средней технической школе—рабфаков и повышенных школ соцвоса.

Под знаком осуществления вышеуказанных решений партийных и правительственных органов проведено комплектование втуз и техникумов осенью 1928 г. и некоторый пересмотр их сети и структуры. Дальнейшие мероприятия будут осуществляться уже в 1928/29 г.

Проблема повышения урожайности, коллективизации сельского хозяйства и создания крупных зерновых хозяйств с неменьшей остротой выдвигает на очередь проблемы сельско-хозяйственного образования, которым пришлось уделить большое внимание уже в 1927/28 г. (открытие ряда краткосрочных курсов для подготовки работников колхозов и совхозов, организация кафедр коллективизации в ряде вузов и т. п.) и придется уделять еще большее внимание в 1928/29 г. В последующие годы это усиленное внимание, несомненно, будет распространено и на другие части профобровского сектора нашей работы.

4) Если партия и правительство по понятным причинам, фиксировали свое внимание на проблемах высшего и среднего технического образования, то не меньшим вниманием со стороны комсомола и советской общественности в 1927/28 г. пользовалась повышенная школа соцвоса, как школа массовая, уже охватывающая довольно значительные кадры рабочей и крестьянской, в частности, комсомольской молодежи.

На этом участке нашей работы мы имеем целый узел труднейших задач. Прежде всего наличной сети этих школ определенно не хватает для обслуживания всех желающих учиться в ней, в частности, для обслуживания детей рабочих и бедняцких и батрацких элементов деревни, что обусловлено дислокацией сети, унаследованной нами от дореволюционного времени, и крайней медленностью нового строительства этих школ в рабочих и деревенских районах, ранее лишенных средней школы. Массовые отказы, наблюдающиеся на этой почве, все более властно выдвигают идею общедоступности по крайней мере семилетки для детей рабочих.

Срок обучения в нашей средней общеобразовательной школе (9 лет) явно недостаточен для прорабатываемого ею программного материала и является самым низким по сравнению с другими странами. Этим и обусловлено требование превращения девятилетки в десятилетку.

Трудность сочетать общеобразовательные знания со знаниями специальными (профуклоны) при все повышающихся требованиях к продукции этих школ со стороны вузов, техникумов и народного хозяйства в условиях существующего срока обучения и оборудования—продолжает создавать почву для всякого рода неправильных уклонов: от требования полной ликвидации профуклонов (так сказать, правый, мелкобуржуазный, вузовский уклон) до требования—превратить все профуклоны в техникумы (что, в сущности, тоже равносильно ликвидации профуклонов и снижению общеобразовательной школы до 7 лет).

Материальное убожество этих школ (25—30% довоенных расходов) не позволяет удержать в этой школе до конца курса детей социально-близких нам групп (из-за недостатка стипендий) и поставить на должную высоту дело обучения (из-за недостатка оборудования) и привлечь в педвузы, а потом и на работу нужный кадр педагогов (в данное время только 40—50% педагогов средней школы имеют высшее образование).

Слабость рабочего и комсомольского ядра среди учащихся школ II ступени и 9-леток и вышеуказанные трудности обусловили наличие ряда болезненных явлений в этих школах (аполитичность, в некоторых случаях даже группировки с контр-революционными оттенками, рост религиозности, антисемитизма и шовинизма, увлеченье половыми вопросами и т. п.), которые и были своевременно отмечены комсомолом и пролетарскою общественностью, но, к сожалению, не учтены своевременно отделами народного образования

Коллегия Наркомпроса уделила исключительное внимание этому важному вопросу и приняла решения, дающие и школам и ОНО четкую линию для дальнейшей работы по улучшению школ повышенного типа.

По этой же линии идет решение НКП унифицировать расросшиеся типы профуклонов и пересмотреть их совместно с плановыми и соответствующими хозорганами.

Усилению квалифицированного ядра педагогов, несомненно, будет способствовать система диференцированных периодических прибавок, введенных в 1927/28 г., и дифференцированной зарплаты (разный размер зарплаты для лиц с высшим образованием и не имеющих такового), которую Наркомпрос и Цекпрос проектировали ввести уже в 1928/29 г., но что, видимо, удастся сделать только с 1929/30 г.

Предрешенное уже правительством введение пенсий для учащих повышенных школ ускорит процесс омоложения педагогических кадров.

Наконец, повышение основной зарплаты педагогам в 1927/28 г. на 27% и расходов на одного учащегося на 50,0%, усиленная работа по повышению квалификации педагогов (курсы, журналы, заочные курсы) и издание программ сыграли также существенную роль в дальнейшем росте качества продукции этих школ, что единодушно было отмечено при приемах в вузы и техникумы осенью 1928 г., хотя одновременно признается, что достижения наши по этой части еще очень недостаточны, что и понятно, если принять во внимание материальную бедность этих школ и тот факт, что сейчас повышенными школами выпускаются учившиеся в самые неблагоприятные годы (приемы 1918/19 гг.).

Задачи для 1928/29 г. по повышенной школе определяются современным ее положением: материальное и идеологическое укрепление существующей сети, развертывание новой сети исключительно в фабрично-заводских районах (в частности, сети ФЗС) и в деревне (ШКМ), увеличение капитальных вложений, стипендиального фонда и зарплаты учительству.

5) В области просвещения нацмен 1927/28 г., как это показало специальное инспекторское обследование, не принес сколько-нибудь существенных сдвигов. Правда, сеть нацменшкол I ступени, ликпунктов и изб-читален растет более быстрым темпом, чем сеть аналогичных русских учреждений, но все же этот темп, упирающийся в недостаток и кадров нацменработников и литературы, остается явно недостаточным. Финансирование нацменработы попрежнему топится в общих расходах, почти нет повышенных норм для нацменучреждений, беспланово идет процесс «онацменивания» сети школ. Почти нет кадра низовой нацменинспектуры.

Коллегия НКП, исходя из итогов этого обследования, вынесла ряд общих решений, направленных к усилению работы на этом участке, и дала ряд конкретных поручений отдельным ОНО, на территории которых имеется значительный процент нацменнаселения. Еще более детальную программу действий на этом участке работы наметил 6 съезд зав. ОНО в резолюции по докладу т. Луначарского (см. «Еженедельник НКП» № 20/21 за 1928 г.).

6) Переходя от обзора важнейших задач в отношении отдельных типов учреждений к обзору отдельных проблем общего для всех отраслей просветработы значения, нужно прежде всего отметить борьбу НКП и ОНО за бюджет и вообще за материальную базу для просветительной работы.

Государственный бюджет на просвещение вырос на 16,0% (от 1926/27 г. к 1927/28 г.), местный—на 20,4%, причем удельный вес народного образования в общем бюджете несколько повысился. Но так как львиная доля этого прироста (от 60 до 80%) была обусловлена повышением зарплаты просвещенцам, на долю количественного роста сети и норм текущих и капитальных расходов осталось очень немного, и целый ряд неотложных нужд остался неудовлетворенным. Мы уже указывали, как упал темп роста сети школ I ступени и как остро чувствуется недостаток школ повышенного типа; к этому можно добавить, что сеть политпросветучреждений и низших профтехнических учебных заведений осталась почти стабильной. Капитальные вложения и стипендиальные фонды по местно-бюджетным учреждениям выросли очень незначительно, сеть школ переростков и крестьянских курсов остается попрежнему забытой областью работы. «Культурные хвосты» у дверей просветительных учреждений не уменьшились, а выросли, и раствор «культурных ножниц» увеличился. Эта обстановка побудила НКП особенно энергично готовиться к бюджетной кампании 1928/29 г. По мнению НКП, 1928/29 г.—первый год культурной революции—должен был стать годом решительного перелома в бюджетной политике и практике в отношении народного образования.

Заблаговременно были разработаны контрольные цифры на 1928/29 г. и разосланы на места. ОНО была дана директива, всеми ими выполненная, добиваться специальных докладов на пленумах и президиумах исполкомов и в партийных комитетах. Ряд ОНО провели специальные съезды по народному образованию (Урал, Ив.-Вознесенск, Нижний-Новгород и др.). Проведен был VI Всероссийский съезд заведующих отделами народного образования. Велась, наконец, ожесточенная борьба за каждую копейку в бюджетных инстанциях. Сделано было все возможное, и все же результаты отнюдь нельзя считать хотя бы сколько-нибудь удовлетворительными. Если госбюджет дал бюджету НКП повышение на 23% (а с союзным бюджетом и отчислениями от промышленности даст рост примерно, на 30%) и повышение удельного веса на 1,2%, если местный бюджет даст рост, вероятно, процентов на 15—18 (и дальнейшее повышение удельного веса на 0,5—1,0%), то львиная доля прироста по госбюджету идет на индустриальное образование, а по местному бюджету—на прирост по зарплате, хотя темп роста последней в 1928/29 г. значительно ниже, чем в 1927/28 г. (8—10%). Таким образом картина, имевшая место в 1927/28 г., будет характерной и для 1928/29 г. Нужно признать, что решительного сдвига мы не получили и для 1928/29 г. и с еще большей энергией продолжать готовиться к бюджетной кампании 1929/30 г., к отвоеванию нужной доли в составляющемся перспективном плане и к реализации всего нашего бюджета до последней копейки (с фактом относительного, а тем более абсолютного недовыполнения нашего бюджета нужно, наконец, покончить), к максимальному использованию средств от закона по самообложению населения и отчислений от займа индустриализации.

7) В поле особенного внимания НКП, ОНО и советской общественности в 1927/28 г. встала проблема обслуживания просветительными учреждениями детей рабочих, батраков и бедняков. Если в учреждениях профобра благодаря довольно широко развитой (хотя все же далеко недостаточной) системе стипендиального обеспечения мы имеем несомненное продвижение впе-

ред, то довольно печальную картину в этом отношении мы продолжаем иметь по учреждениям соцвоса, особенно по повышенным школам. Так, например, по школам 7-леткам в 1926/27 г. удельный вес детей рабочих и батраков с 37,5% в I группе снижается до 27,3% в VII группе, а отсев от I группы к VII для рабоче-батрацкой группы равен 71%. По школам 9-леткам (данные 1926/27 г.) удельный вес рабоче-батрацкой группы падает от I группы к IX с 37,3% до 17,9%, а отсев равен 75%. Слабым утешением является то, что теденции развития ведут к улучшению положения в 7-летках и в школах II ступени, хотя это улучшение пока очень скромно, но в отношении I ступени и 9-леток мы, к сожалению, продолжаем итти назад, а именно, если цифру учащихся детей рабочих и батраков в 1925 г. принять за 100 по всем типам школ соцвоса, то в 1927 г. картина имела следующий вид:

Типы школ	РСФСР (без АССР)
Школы I ступени	95,3
» 7-летки	104,3
» II ступени	114,7
» 9-летки	97,0

Наркомпрос своевременно сигнализировал правительству эту угрозу ухудшения классового состава школ и добился ассигнования по госбюджету 1927/28 г. 150 000 р. на помощь детям бедноты в школх I ступени и некоторого увеличения стипендиального фонда для учащихся в ШКМ и в школах с профуклонами, но, естественно, что эти ассигнования являются каплей в море нужды, а поскольку местный бюджет свои ассигнования на эту цель удержал на совершенно ничтожном уровне—движения вперед в 1927/28 г. по этой линии мы, вероятно, не имели (разработанных данных о социальном составе учащихся за 1927/28 г. еще нет). Решения XV съезда партии несколько подтолкнули места в этом отношении, и фонды бедноты в 1928/29 г., несомненно, возрастут, как возросли и госбюджетные ассигнования на эту цель (на 33%), но поскольку рост идет от очень скромных сумм, имеющиеся достижения отнюдь нельзя переоценивать и нужно усиленно стимулировать в этом направлении общественную инициативу.

8) В связи с подготовкой к намечающемуся партсовещанию по народному образованию НКП и ОНО должны были в 1927/28 г. заняться в о п р о с а м и с и с т е м ы н а р о д н о г о о б р а з о в а н и я в смысле придания ей большей гибкости, большего соответствия потребностям народного хозяйства и широких масс трудящихся. В НКП в этом направлении работают специальные комиссии т. Покровского М. Н. (по системе народного образования в целом) и т. Касаткина (система общего и профессионального образования для детей рабочих). Вопрос о системе народного образования был предметом дискуссии и на VI съезде зав. ОНО и усиленно обсуждается и на местах. Окончательные выводы будут сформулированы только к партсовещанию.

9) Большое внимание уделил НКП а п п а р а т н о й п р о б л е м е, вопросам управления делом народного образования, ставшим в центре внимания и VI съезда зав. ОНО.

В отношении отделов народного образования работа по их реорганизации, в основном, была закончена еще до начала 1927/28 г., поэтому в течение отчетного года по этой линии пришлось ограничиться оформлением в законодательном порядке «Положения» о губ- и край-, облоно и, совместно с РКИ, разработкой типовых штатов для них и окроно. Максимум же внимания пришлось сосредоточить на организации участковой (районной) инспектуры, для каковой было разработаны «Положение» и изданы специальные сборники рукояводящих статей («Методы работы участковой (районной) инспектуры соцвоса» и «Методы работы инспектора политпросвета»). Через ВЦИК и СНК НКП провел закон об установлении для участковой инспектуры пенсий и периодических прибавок и норм построения инспекторской сети (по одному инспектору соцвоса и политпросвета на район в районированных областях и по 1 инспектору политпросвета на 2 волости и по 1 инспектору соцвоса на 60 школ в нерайонированных адм. единицах), но за эти нормы, как и за зарплату и за разъездные, в 1927/28 г. пришлось вести упорную борьбу с местными органами власти, как придется ее продолжать, видимо, и в 1928/29 г.

Для 1928/29 г. намечено специальное углубленное изучение вопроса об участковой инспектуре (инспекторское обследование и анкетирование).

Решениями VI съезда зав. ОНО и коллегии НКП (на основе специального инспекторского обследования) проведено дальнейшее упрощение организационных форм методической работы на местах (см. «Еженедельник НКП» № 20/21 за 1928 г., резолюция по докладу т. Яковлевой).

Во исполнение закона о расширении прав местных органов проводилась децентрализация управления, в смысле передачи ряда функций нижестоящим органам и учреждениям, и ряду учреждений предоставлены права третьестепенных распорядителей кредитов.

Предрешена передача довольно большого количества просветительных учреждений с государственного на местный бюджет (все совпартшколы, инструктивные ликпункты и школы малограмотных, большое количество техникумов краевого и губернского значения, ряд музеев).

В аппарате НКП, в связи с завершением процесса районирования республики, поставлена проблема районирования руководства, что нашло пока свое отражение в накоплении и изучении местного материала (во всех управлениях) и в районировании инспектуры и плановых консультантов Организационно-планового управления.

В аппарате НКП ликвидирован Центросовнацмен, как оперативное управление (с передачей его функций оперативным управлениям), и создан Комитет по содействию просвещению нацмен при коллегии НКП, как орган общественного руководства и контроля.

Вся работа по искусству выделена из управлений, занимавшихся ею, в специальное управление—Главискусство.

Главполитпросвет и Главнаука реорганизованы по типу инспекторских аппаратов, без подразделения на отделы (с учетом опыта реорганизации Главсоцвоса).

Культурная революция предъявляет к аппаратам народного образования чрезвычайно высокие требования и властно требует прежде всего повышения квалификации руководящих работников ОНО. Исходя из этого, коллегия НКП наметила систему мероприятий по повышению квалификации заведывающих отделами народного образования, а именно: научные командировки, консультации и специальные трехмесячные курсы. В 1927/28 г. удалось реализовать только несколько научных командировок, остальные же мероприятия будут проведены в 1928/29 г.

10) В течение 1927/28 г. прочно встала на ноги и окончательно оформилась организационно р а б о т а п о с о с т а в л е н и ю п е р с п е к т и в н о г о п л а н а п р о с в е т и т е л ь н о й р а б о т ы. В аппа-

рате НКП окончательно консолидировалось Организационно-плановое управление с сильным плановым отделом, сосредоточившим у себя, в основном, всю работу по планированию. Во всех краевых, губернских и окружных ОНО имеется оргплановая инспектура.

В течение 1927/28 г. были разработаны контрольные цифры перспективного плана и приступлено к разработке самого плана. Организовано было два совещания плановых работников некоторых ОНО. К разработке перспективного плана привлечены все краевые и некоторые губернские ОНО. Налаживается научно-исследовательская работа в области методологии планирования, выпущены две книги сборника «Вопросы методологии планирования просветительной работы».

Основными препятствиями для разработки перспективного плана является: отсутствие «заказов» со стороны хозорганов, недостаток статистических данных и дефектность (а иногда и полное отсутствие) местных материалов, вследствие чего, а также по причине крайне кратких сроков, отводимых для работы по построению 5-летки, в большей чем следовало бы мере приходится применять метод централизованного планирования и относительно слабо отражать районный, национальный и деревенско-городской разрез.

В. КАСАТКИН.

КОНТРОЛЬНЫЕ ЦИФРЫ ПО НАРОДНОМУ ПРОСВЕЩЕНИЮ НА 1928/29 г.

Область культурного строительства, как и всякая другая отрасль нашего народного хозяйства, имеет свою определенную народно-хозяйственную установку. Эта установка, выявляя место, роль и значение культуры в общей системе социалистического строительства, предъявляет к органам народного образования совершенно конкретное требование—воспроизводства необходимой для хозяйства квалифицированной рабочей силы.

Разумеется, это воспроизводство на различных ступенях народного образования имеет и должно иметь различные фрмы и методы, сводясь в низовых первичных учреждениях к мерам подготовительного характера, и развертываясь на средних и высших ступенях в обширную программу, предполагающую заказы хозяйственных органов на специалистов средней и высшей квалификации.

Однако при огромном внешнем разнообразии, все мероприятия в области народного просвещения могут быть сведены к трем основным:

а) подготовительные мероприятия, имеющие целью создание элементарного общеобразовательного базиса для самой организации воспроизводства квалифицированной рабочей силы, и осуществляемые через низовые звенья культурно-просветительной сети;

б) основные мероприятия, обеспечивающие самую организацию воспроизводства и осуществляемые посредством как общеобразовательных, так и, в особенности, специальных просветительных учреждений;

в) дополнительные мероприятия, содействующие (укрепляя, расширяя и углубляя) организации воспроизводства, осуществляемые через обширную сеть учреждений, так называемого несистематического пользования (избы-читальни, библиотеки, клубы и пр.).

Систему подготовительных мероприятий открывает школа всеобщего обучения, которая, будучи дополнена с одной стороны учреждениями дошкольного воспитания, а с другой—учреждениями СПОН, образует

вместе со школой по ликвидации неграмотности и школой для переростков передовую линию культурно-просветительного фронта. Это массовые учреждения в буквальном смысле этого слова, ибо клиентура их исчисляется по констатации 1927/28 г. в 6 925 тыс., а по контрольным цифрам, проектируемым на 1928/29 г., почти в $7^1/_2$ млн. (7 450 000), или 9% всего населения республики, причем на деревню приходится не менее 82%. И дело тут не только в количестве этих учреждений, а в том особенно, что для подавляющей части наших основных социальных групп рабочих и крестьян они пока являются единственными источниками, удовлетворяющими их культурные запросы. В этом не трудно убедиться, если сравнить продукцию нашей сельской школы (за любой год) с количеством учащихся во всех сельских пятых группах. Окажется, что почти $^2/_3$ окончивших начальную сельскую школу ограничиваются ею, и далее не продолжают образования. Если сюда прибавить, что средний процент грамотности по РСФСР не превышает 45%, то необходимость огромных решительных сдвигов в этом направлении станет очевидной, и наша заявка в контрольных цифрах на 1928/29 г. с удвоенным приростом (575 тыс.) против приростов предыдущих лет (обычно 300 тыс.) должна быть признана нормальной. Но она окажется минимальной, если мы поглубже проанализируем цифровые данные в этой области. В самом деле, если сравнить движение контингентов по школе всеобщего обучения и ликвидации неграмотности, то в глаза бросается непрерывное интенсивное движение вперед первых и почти застой, топтанье на месте вторых. Хуже всего при этом то, что этот внешний застой обозначает собою огромный внутренний кризис в работе по ликвидации неграмотности, ту самую «стабилизацию неграмотности», о которой писала в «Правде» Н. К. Крупская. Причина этого глубоко ненормального явления заключается в том, что школа всеобщего обучения, охватывая до сих пор менее $^3/_4$ детских контингентов школьного возраста (8—11 лет), ежегодно вливает в клиентуру ликбезов огромную армию неграмотных переростков, из которой только ничтожная часть задерживалась в школах для переростков, как это подтверждают цифровые данные по школе переростков.

Естественно, что, несмотря на героические усилия бойцов на фронте ликвидации неграмотности, число неграмотных увеличивалось, а не уменьшалось. Получалось топтанье на месте, образовывался тупик, единственным выходом из которого является резкий сдвиг в темпе роста школ для переростков при одновременном энергичном нажиме по линии всеобщего обучения, что и проектирует Наркмопрос, намечая в 1928/29 г. рост в 308% для школ переростков, одновременно поднимая охват школой всеобщего обучения детского населения с 71,3% до 76,4%.

Переходя от количественных к анализу качественных показателей, мы должны иметь в виду, что учебно-педагогический производственный процесс характеризуется следующими основными моментами:

а) уменьшением отсева учащихся по группам,
б) поднятием удельного веса 4-й (выпускной) группы,
в) увеличением продолжительности учебного года,
г) возрастанием продукции.

Однако эти показатели, взятые в республиканском масштабе, в суммарных итогах по всей сети не могут дать ясного представления о внутренней работе наших школ, и поэтому рассмотрение их должно быть произведено на фоне тех особых специальных проблем, которые отражаются в этих показателях, и каковыми являются:

а) проблема города и деревни,
б) проблема социально-классовая,
в) проблема национальная,
г) проблема финансовая.

В самом деле, трудно привести более яркий пример для иллюстрации «культурных ножниц» между городом и деревней, как нижеприведенные цифры наполнения четвертых выпускных групп в сельской и городской школах (в %% по всему контингенту школ):

Школа	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.
Городская	22,9	24,6	25,0
Сельская	8,3	9,8	10,6

Этот показатель нужно дополнить:

а) показателем отсева по группам (второй при переходе в III и третьей при переходе в IV):

Школа	1926/27 г.		1927/28 г.	
	II группа	III группа	II группа	III группа
Городская	3,6	6,6	3,5	6
Сельская	32,5	47,7	32,5	45,0

б) показателем продолжительности учебного года:

Школа	1925/26 г.	926/27 г.	1927/28 г.
Городская	3,85	3,86	3,87
Сельская	2,4	2,5	2,5

Отсюда—главный и весьма неутешительный вывод: стоимость содержания оканчивающего сельскую школу почти вдвое дороже, чем оканчивающего городскую, хотя стоимость комплекта городской школы, примерно, в $1^1/_2$ раза выше сельской.

Где причина этого явления, и как Наркомпрос реагирует на него в своих контрольных цифрах?

Разумеется, здесь действует целый комплекс причин (бóльшая близость городского населения к школе, лучшая ее организация, лучшее оборудование и пр.), но основная и главная—одна. Она ясна из нижеприводимой таблицы, показывающей, кто же именно в конечном счете, преждевременно бросает школу:

Детей в группах	I	II	III	IV
Рабочих	6,1	7,4	9,8	14,4
Батраков	2	1,8	1,5	1,3
Крестьян	84,6	81,3	75,4	62,4
Служащих	3,2	4,4	6,8	12,5
Лиц свободной профессии	0,3	0,4	0,6	1,1
Ремесленников и кустарей	2,0	2,3	2,7	3,5
Торговцев	0,7	0,9	1,1	1,8
Прочих	1,1	1,5	2,1	3

Таблица показывает, как систематически из года в год падает удельный вес детей батраков и крестьянства (очевидно, его бедняцкой части). Социально-классовая проблема здесь ставится таким образом во весь рост. Выбывает б е д н о т а, т. е. материально наименее обеспеченные, но социально наиболее ценные группы, за счет коих вырастают группы наиболее зажиточные, что в условиях диктатуры пролетариата является недопустимым. Очевидно, что здесь, по этой линии необходимы самые экстренные мероприятия, которые Наркомпрос и предусматривает в своих контрольных цифрах на 1928/29 г. Ставя себе задачей не только остановить отсев батрацкого элемента, но и абсолютно увеличить его, Наркомпрос проектирует на 1928/29 г. такой его удельный вес по группам: I—2,2; II—2; III—19; IV—1,7.

Это в общем итоге составит по республике 104 000 детей, которые объявляются стипендиатами государства, причем размер стипендии на 1928/29 г. устанавливается в 32 руб. на 8 учебных месяцев, что потребует кредита в 3 330 000 руб., и 1 970 000 руб. на уменьшение отсева бедняцкой части крестьянства главным образом по линии отсталых национальностей (см. ниже).

Это мероприятие, как показывает имеющийся небольшой опыт, должно сказаться и на остальных качественных показателях, которые соответственно поднимаются.

Нужно, однако, иметь в виду, что «культурные ножницы» идут не только по линии города и деревни, но также и по линии национальной. Определяющим моментом здесь является культурный уровень. Для школы среди отсталых народностей качественные показатели значительно ниже средне-русских и в отношении отсева, продолжительности учебного года и пр. приближаются к показателям нашей сельской школы, давая для национальной сети в целом еще более низкие показатели. В результате при одинаковых затратах стоимость учащегося в нацменшколе значительно выше русской. Так, в 1926/27 г. стоимость одного ученика татаро-башкирской школы на Урале была 21 руб. 70 коп., Чувашской в Самарской губернии—22 руб. 70 коп. и пр., в то время как средняя стоимость одного учащегося в русской школе равнялась, примерно, 18 руб. Но не только с качественными, а и с количественными показателями для нацменшколы

вопрос обстоит далеко неудовлетворительно. Так, в целом ряде административных единиц удельный вес учащихся в школе I ступени той или другой народности далеко не соответствует удельному весу этой народности в общей массе населения, как это видно из нижеприводимой таблицы:

№№ по пор.	Административные единицы	Народность	Процент этой народности в общей массе населения	Процент учащихся этой народности в школах I ступени
1	Нижегородская губ.	Мордва	3,1	2,8
2	Вятская губ.	Марийцы	2,7	2,0
3	Вотская авт. обл.	Татары	2,3	1,0
4	Пензенская губ.	Мордва	17,1	12,5
5	Калмыцкая авт. обл.	Калмыки	75,6	56,6
6	Сибирь	Белоруссы	3,7	0,8
7	Астраханская губ.	Казаки	9	6,3

Очевидно, что система вспомогательных мероприятий здесь должна найти, как уже отмечено выше, наиболее значительное выражение.

Наконец эффективность работы нашей школы связана и с финансированием учреждений, с наличием определенных учебно-хозяйственных норм.

Выше уже было отмечено влияние внешних условий (организация, оборудование) на продукцию школы. Но помимо этих общих, имеются и более конкретные указания. Так, по тем же статистическим данным, количество учебных дней в школе находится в самой тесной связи с суммой затрат на одного учащегося.

Так, в сельских местностях:

№№ по пор.	Губернии	Учебных дней в школах I ст.	Средняя затрата на 1 учащегося
1	Орловской	155	13 руб.
2	Рязанской	166	14 »
3	Калужской	168	15 »
4	Вятской	172	17 »
5	Владимирской	183	22 »

Таким образом бóльшие затраты, т. е. бóльшие нормы означают бóльшую продуктивность школьной работы, т. е. являются в конечном счете более рентабельными.

Как обстоял вопрос с учебно-хозяйственными нормами начальных школ в довоенный период?

По данным б. Петроградского губернского земства (по специальной анкете о расходах уездных земств по народному образованию) расходовалось на одного учащегося:

	1913 г.	1914 г.
Учебные расходы	1 р. 52 к.	1 р. 52 к.
Хозяйственные расходы	3 » 85 »	4 » 05 »
Итого в зол. рублях . .	5 р. 37 к.	5 р. 57 к.
» черв. » . .	10 » 74 »	11 » 14 »

В сопоставлении с этими данными, наши современные нормы (4 руб. 08 коп.) составляют только 36,6% довоенных, а испрашиваемые нами в контрольных цифрах на 1928/29 г. 5 руб—44,9%.

В тесной связи с вопросом о нормах стоит вопрос о капитальных затратах по линии всеобщего обучения. Современное состояние жилого фонда этой школы характризуется следующими данными:

Процент школ, имеющих собственные здания	Процент школ, имеющих специально построенные здания
82,0	69,5

По времени постройки собственных зданий они распределяются так:

До 1905 г.	1905—15 г.	1915—20 г.	1920—25 г.	После 1925 г.
42,8%	39,4%	5,2%	8,7%	3,9%

При этом в собственных зданиях на 1 учащегося приходилось 1,0 $м^2$ площади и 3,2 $м^3$ воздуха. Значительно хуже обстояло дело в наемных зданиях, где на 1 учащегося приходилось 0,9 $м^2$ площади и 2,3 $м^3$ воздуха.

По ориентировочным данным ценность существующего жилого фонда (по себестоимости постройки) определяется, примерно, в 600 млн. руб. Принимая в среднем амортизацию этого фонда в данное время за 50%, получаем 300 млн. руб., необходимых на восстановление существующего фонда. Предполагая, что в наступающей пятилетке может быть осуществлена ремонтная программа лишь на 25%, получаем 75 млн. на пятилетие, из коих на 1928/29 г. должно быть отнесено не менее 11 250 000.

Что касается нового строительства, то здесь приходится принимать во внимание только 9 900 вновь открываемых комплектов (т. е. исключительно сельскую местность, ибо в городах новых комплектов нет),

для которых необходимо открыть 4 950 двухкомплектных школ. Считая, что 80% их—деревянные, а 20%—каменные и определяя среднюю стоимость деревянной постройки в 14 000 руб. (с учетом бесплатного отпуска древесины), а каменной—в 25 000 руб., получаем на 1928/29 г.:

$$994 \times 25\,000 = 24\,850\,000$$
$$3\,956 \times 14\,000 = 55\,384\,000$$
$$\text{Итого} \ldots 80\,234\,000$$

а вся ремонтно-строительная программа выражается в сумме 91 484 000 руб. Таким образом намечаемая по местному бюджету сумма в 43 161 000 составляет всего 48% потребности, и вопрос об усилении школьно-строительного фонда ставится таким образом в порядок дня наряду с более интенсивным привлечением средств общественной инициативы.

Переходя к характеристике основных мероприятий по воспроизводству квалифицированной рабочей силы, необходимо подчеркнуть одну характерную особенность контрольных цифр по просвещению; те итоги продукции, которые даются нами в контрольным цифрах на 1928/29 г., являются результатом не одного производственного года, а целого ряда лет (4—5). Равным образом и те приемы, которые мы фиксируем в этих же контрольных цифрах, дадут производственный эффект, т. е. вступят в народно-хозяйственный оборот не ранее 4—5 лет. Таким образом наши контрольные цифры, подытоживая работу нескольких лет, одновременно предопределяют таковую на соответствующий же период, и потому при выявлении их мы должны, во избежание просчетов, учитывать хозяйственную перспективу не только предстоящего года, но и ряда ближайших лет.

Но вместе с тем, поскольку мы являемся только поставщиками, поскольку мы работаем (или, по крайней мере, должны работать) на определенный народно-хозяйственный заказ, мы также должны учитывать определенные заявки хозорганов на количество и качество потребной им работы. Отсюда вытекает первое и самое главное требование для контрольных цифр по просвещению: система подготовки специалистов органически должна быть увязана с промышленностью, и целиком приспособлена к требованиям и темпу ее развития. Но помимо этого главного условия, правильная организация подготовки специалистов требует для себя двух дополнительных: а) наличия определенной общеобразовательной базы, и б) укомплектования клиентурой из соответствующих специальных групп. И поскольку эти два последних требования в значительной степени предопределяют качество будущего специалиста, постольку нам необходимо в первую очередь на них остановиться.

Основной общеобразовательной базой для техникумов (в части 2-го концентра) и отчасти для вузов (по 3-му концентру) является повышенная школа. Рост обоих концентров ее ясен из нижеприведенной таблицы:

Годы	2-й концентр		3-й концентр	
	Город	Село	Город	Село
1927/28 г.	9,8	12,8	—3,7	12,0
1928/29 г.	9,6	8,2	+2,5	10,5

Темп роста 2-го концентра, достаточно интенсивный для города, запроектирован почти стабильно на 1928/29 г., при том исключительно в целях развития фабрично-заводских семилеток. Значительное снижение этого темпа в селе объясняется параллельным процессом превращения сельских семилеток в ШКМ.

Обращает на себя внимание значительное изменение в движении городских контингентов 3-го концентра, процесс падения которых Наркомпрос в своей проектировке не только останавливает, но дает определенный рост. Причина этого явления будет вскрыта ниже.

Темп развития далеко отстающей сети 3-го концентра оставлен почти стабильный.

Вообще, как видим, вся проектировка носит достаточно осторожный характер, находящий свое полное обоснование в проектировке распределения продукции семилеток на 1928/29 г. В самом деле, вот как может быть, примерно, распределена при самых благоприятных условиях продукция семилеток выпуска 1927/28 г.

Вся продукция	Проектируемый контингент восьмых групп 1928/29 г.	Приемы в техникумы 1928 г.	Приемы в профшколы, ФЗС и пр.	Свободный остаток
142 905	68 900	34 000	2 355	37 650

Очевидно, что более $^1/_4$ всей продукции семилеток ежегодно выпускаемой в жизнь без сколько-нибудь удовлетворительных профессиональных навыков, и могущей, поэтому, лишь пополнить армию безработных, служит достаточным оправданием общей сдерживающей тенденции Наркомпроса в отношении повышенной школы, тем более, что на местах развертывание сети этих школ иногда действительно шло слишком поспешно, без надлежащей подготовки и даже нередко за счет всеобщего обучения.

Однако отмеченное явление (излишек продукции)—явление слишком симптоматичное, чтобы в отношении его можно было бы ограничиться лишь отмеченной выше мерой.

Поэтому Наркомпрос в качестве действительно профилактического средства в своих контрольных цифрах намечает, во-первых, значительный прирост 3-го концентра в городе (см. выше), имея в виду исключительно развертывание сети так называемых «профуклонов», а, во-вторых, энергично развертывает систему заочного обучения.

Рационализируя таким образом общеобразовательную базу для подготовки квалифицированной рабочей силы, Наркомпрос одновременно намечает в контрольных цифрах ряд мер к улучшению социального состава, идя в этом случае по тому же самому пути, как и в отношении бедняцко-батрацкой массы учащихся, т. е. проектируя специальный стипендиальный фонд на нижеследующих основаниях:

Данные 1926/27 г. дают такую картину удельного веса детей рабочих в повышенной школе без деления на концентры:

а) по семилеткам—35,0%,
б) » девятилеткам—29%,
в) » школам II ст.—13,6%.

Эти данные позволяют предположить, что по всей повышенной школе (т.-е. в группах V—IX)) средне-взвешенный процент рабочих не превышал 15%. Проектируя повышение его на конец пятилетки до 25%, Наркомпрос в контрольных цифрах на 1928/29 г. намечает повышение его до 17%, одновременно повышая контингент получающих стипендию с 10 до 15% общего количества учащихся—детей рабочих.

Эти мероприятия представлены в следующей таблице:

	1927/28 г.	1928/29 г.
Общий контингент повышенной школы . .	694 000	734 208
Контингент рабочих.	104 000	124 000
Контингент обеспечиваемых стипендиями.	10 400	18 600
Размер стипендии	40 р.	40 р.
Потребная сумма	416 000 »	744 000 »

Не ограничиваясь этим, Наркомпрос в целях максимального проведения через общеобразовательную базу основных социальных групп рабочих и крестьян, намечает интенсивное развертывание сети вспомогательных учреждений (по линии политпросвета). Так, контингент рабочих курсов на 1928/29 г. проектируется увеличить на 50%, крестьянских курсов—на 182%, рабочих университетов—на 33,8%, рабочих факультетов—на 8,2%.

Возвращаясь теперь к основному из выдвинутых нами выше положений об организации воспроизводства квалифицированной рабочей силы под углом зрения интересов нашего народного хозяйства и на основе точно выявленной потребности хотя бы в виде заявок-заказов, сделанных нам заинтересованными хозорганами, мы должны со всей откровенностью подчеркнуть, что в настоящее время есть только одна область, где налицо имеются все вышеприведенные условия, и где мы можем совершенно точно подсчитать количество потребной рабочей силы—это область педагогического образования.

В самом деле, вот как мыслится потребность в педагогической рабочей силе на 1928/29 г.

1. По линии дошкольных учреждений на четырехпроцентную амортизацию существовавшего в 1927/28 г. кадра дошкольников в размере 3 900 человек—необходимо 156 человек, и на открытие 675 новых комплектов (из расчета 15 детей на одного воспитателя) небходимо 675 человек, итого 831 человек.

2. По линии СПОН—на четырехпроцентную аммортизацию существующего в 1927/28 г. кадра в 9 136 воспитателей потребуется 365 чел., и на открытие новых 46 комплектов—46 человек, итого 401 чел.

3. По линии всеобщего обучения—на амортизацию существующего в 1927/28 г. кадра в 142 860 потребуется 5 700 работников, и на открытие 9 900 новых комплектов (из расчета 40 чел. на комплект)—9 900 новых учителей, итого 15 600 чел.

А всего таким образом по линии низовой нашей сети потребность (за округлением на школы подростков) выражается в 17 тыс. чел. Таков наш пассив к началу 1928/29 учебного года. Что касается актива, то точные цифры его показаны в продукции 1927/28 г. из педуклонов и педтехникумов (11 640 + 7 518) в общей сумме 19 158 чел. Сальдо в 2 158 чел. получается как будто активное.

Однако это благополучие—чисто внешнее. Оно исходит из предположения, что оканчивающие педуклоны пойдут все полностью на педработу. Жизнь, к сожалению, говорит другое, и если даже взять минимальный отсев, то чрезвычайно тяжелое положение в этом пункте скажется с очевидностью. В течение ближайшего пятилетия этот несомненно назревающий кризис с педагогической рабочей силой, как это ясно обнаружено в нашей пятилетке, потребует от нас экстренных и сверхударных мероприятий в виде срочного открытия целой сети вспомогательных краткосрочных педагогических курсов.

Но совсем катастрофически обстоит вопрос с подготовкой рабочей силы для школы повышенного типа, о чем достаточно ясно говорит нижеприведенная таблица:

Количество учащихся в 1928/29 г.	Количество учащихся в группе	Количество групп	Количество учащих на 1 группу	Всех учащихся
906 308	32	28 300	1½	42 450

Амортизация 4%	Расширение сети	Итого потребно	Выпуск педвузов	Дефицит
1 670	1 800	3 470	2 549	921 чел.

Таким образом здесь кризис уже фактически наступил, и, если мы его пока непосредственно не ощущаем, то только потому, что он пока завуалирован известным количеством безработных.

Другая картина развертывается, когда от области педагогического образования переходим к остальным, и в первую очередь—к индустриально-техническому. Отсутствие сколько-нибудь достаточных сведений о рабочих кадрах, занятых в производстве, а равно—отсутствие заявок хозорганов на квалифицированную рабочую силу приводит к невозможности четко обозначить исходные позиции и выявить надлежащим образом перспективные задания в этой важнейшей для нас области. Приходится, поэтому, при развертывании сети и контингентов в этой области (как, впрочем, и во всех остальных) руководиться «доказательством от противного».

В самом деле даже при самом поверхностном анализе сетевых контингентов по линии профессионально-технического образования совершенно отчетливо выделяется резкая диспропорция между основными его вертикалями, как это видно из нижеследующей таблицы:

Типы учреждений	1926/27 г.			1927/28 г.		
	Контингент	Продукция	Приходится на 1 студента вуза учащихся.	Контингент	Продукция	Приходится на 1 студента вуза учащихся.
Педвуз.	42 452	2 936	1	43 144	4 600	1
Педтехникум.	17 344	3 200	0,42	17 691	3 300	0,4
Низшее профобразование	87 659	12 355	2	84 726	11 610	1,9

Огромный недостаток специалистов средней квалификации, выпускаемых техникумами, бросается в глаза: на одного учащегося техникума приходится 4 студента. Очевидно здесь и находится наиболее уязвимое место нашего профобра. Очевидно по этой линии нужен особо энергичный нажим при стабилизации контингентов втузов и при максимальном форсировании низшего профобразования в соответствии с категорическими на этот счет указаниями наших директивных органов.

Реализуя эту установку, Наркомпрос в своих контрольных цифрах на 1928/29 г. намечает 18% роста контингентов индустриальных техникумов (при общем росте контингентов техникумов на 8,5%), одновременно проектируя 10%-й рост для контингентов учебных мастерских.

Несколько меньший темп роста, принятый в контрольных цифрах, для профшкол, объясняется тем, что по этой линии мы за два последних года в силу целого ряда объективных причин имеем падение контингентов. Это падение Наркомпрос не только приостанавливает, но и дает 3,5% роста на 1928/29 г., сигнализируя таким образом решительный перелом по этой линии.

Само собою разумеется, что все перечисленные мероприятия, при всей их относительной мощности, лишь в самой малой степени продвигают нас (как это видно из нижеприведенной таблицы) по пути изживания отмеченных выше диспропорций, для ликвидации которых нужно, конечно, не одно пятилетие.

Типы учреждений	1928/29 г.		
	Контингент	Продукция	На 1 студента вуза приходится учащихся
Инд. вузы	41 000	5 000	1
Инд. техникумы	20 800	3 500	0,5
Низшее профобразование	89 054	13 190	2,2

Переходя к сельскохозяйственному образованию, нужно отметить, что по данным Наркомтруда на 1 января 1927 г. мы имели агрономов с высшим образованием 7 613, а с средним—4 516. Почти такое же соотношение находим мы и в контингентах учащихся этой специальности, как это подтверждается нижеприводимой таблицей:

Типы учреждений	1926/27 г.		1927/28 г.		1928/29 г	
	Контингент	На 1 студента приходится учащихся	Контингент	На 1 студента приходится учащихся	Контингент	На 1 студента приходится учащихся
С.-х. вузы	20 307	1	20 843	1	19 200	1
С.-х. техникумы . . .	16 720	0,82	18 200	0,87	18 700	0,97
Низш. с.-х. образование	6 015	0,29	6 000	0,28	6 200	0,32

Как видим, со специалистами средней квалификации дело обстоит в этой области несравненно лучше, чем в предыдущей: уже на будущий год мы будем иметь одного учащегося с.-х. техникума на одного студента с.-х. вуза, и в течение ближайшего пятилетия это соотношение еще более приблизится к норме. Некоторое недоумение может, однако, вызвать количественная слабость низшего с.-х. образования. Нужно, однако, иметь в виду, что значительные коррективы в этом направлении могут и должны внести школы крестьянской молодежи.

Положение в области медицинского образования характеризуется нижеследующей таблицей:

Типы учреждений	1926/27 г.		1927/28 г.		1928/29 г.	
	Контингент	На 1 студента приходится учащихся	Контингент	На 1 студента приходится учащихся	Контингент	На 1 студента приходится учащихся
Вузы	19 726	1	16 937	1	15 000	1
Техникумы	11 360	0,57	11 935	0,70	13 205	0,88

Неуклонно проводимая Наркомпросом рационализация медицинских вузов, нормализация приемов при значительных выпусках с одной стороны, достаточно интенсивное развитие (особенно в контрольных цифрах) контингентов медицинских техникумов обеспечивают ликвидацию в течение ближайшего пятилетия существующей пока здесь диспропорции.

Эта же цель преследовалась и при проектировании контингентов в области соц.-экономического и художественного образования.

Общая же картина роста контингентов вузов и техникумов в процентах к предшествующему году за три рассматриваемые года видна из следующей таблицы:

	Вузы	Техникумы
А. Индустриальные.		
1926/27 г.	+ 4,9	—13,5
1927/28 »	+ 1,6	— 0,9
1928/29 »	— 5,0	+18,0
Б. Сельскохозяйственные		
1926/27 г.	+15,3	+19,1
1927/28 »	+ 2,6	+ 8,9
1928/29 »	— 7,9	+ 2,7
В. Педагогические.		
1926/27 г.	—19,1	+ 6,9
1927/28 »	— 1,1	+ 8,7
1928/29 »	— 2,8	+ 8,1
Г. Медицинские.		
1926/27 г.	—14,1	— 3,8
1927/28 »	—14,1	+ 5,1
1928/29 »	—11,4	+10,6
Д. Промышленно-экономические.		
1926/27 г.	+ 7,5	— 3,0
1927/28 »	+11,7	+ 6,6
1928/29 »	— 4,4	+ 7,0
Е. Художественные.		
1926/27 г.	+ 7,2	+ 9,5
1927/28 »	+ 0,9	+ 4,4
1928/29 »	—16,5	+ 2,0

Синтезируя все намеченные выше мероприятия по подготовке квалифицированной рабочей силы по всей сети просветительных учреждений, мы имеем нижеследующие показатели:

Группы	Типы	1926/27 г.		1927/28 г.		1928/29 г.	
		Контингент уч-ся	Продукция	Контингент уч-ся	Продукция	Контингент уч-ся	Продукция
А. Учреждения по подготовке работник. средней квалификации (низш. проф уч. зав. и общеобразоват. ш.к повышенн. типа)	Учебные мастерские ...	13 083	1 700	12 100	1 640	13 300	1 890
	Профшколы ..	43 983	8 130	43 096	7 760	44 200	7 960
	Шк. рабочих подростков .	77 229	9 650	77 300	10 000	81 500	10 600
	Профкурсы низш. типа .	121 000	76 590	133 000	85 100	145 000	94 250
	1-й концентр..	657 848		728 736		786 980	
	Школа II ст. ШКМ	—	164 104	—	191 055	—	219 770
	2-й концентр. II ступень..	116 222		114 828		119 328	
	Шк. повышенного типа для взрослых ...	54 000	5 400	54 800	6 028	58 000	6 950
	Рабоч. и крест. курсы	12 251	8 240	23 224	16 590	46 500	31 520
	Совпартшколы	13 800	6 200	13 415	6 119	13 585	6 178
	Рабоч. факультеты.....	33 411	6 100	33 580	5 600	36 320	6 500
	Рабочие университеты ..	6 170	2 400	11 210	4 400	15 000	6 000
		1 148 997	288 514	1 245 292	334 192	1 359 783	391 618
Б. Учреждения по подготовке рабочих выше средней квалификации.	Техникумы...	93 475	18 745	98 937	20 628	107 257	22 315
В. Учреждения по подготовке работн. высшей квалификации.	Высшие учебн. заведения ..	111 500	12 120	111 500	18 330	112 500	17 450
	Комвузы.	4 800	—	4 975	—	5 370	1 600
	По вузам	116 300	—	116 475	—	117 870	—

И. И. ЗОРИН.

КУЛЬТУРНЫЕ НОЖНИЦЫ[1].

(Опыт общего анализа проблемы).

«НОЖНИЦЫ» ПО ЛИНИИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ КУЛЬТУРНЫХ ЗАПРОСОВ НАСЕЛЕНИЯ И ПОТРЕБНОСТИ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА.

1.

Выше мы отмечали значительный рост сети просветучреждений, превосходящий довоенный масштаб работы более, чем на 50%. Тем не менее существующую сеть нельзя признать достаточно обеспечивающей растущие культурные запросы населения и потребности народного хозяйства.

Всеобщее обязательное начальное обучение далеко от осуществления, хотя предельный срок, установленный правительством для этой работы, близок. Охват школой начального образования (с учетом второгодников и переростков) в текущем году составляет в среднем 71,3%; он ниже среднего (см. табл. 10) в районах: Сев.- Восточном, Центрально-Черноземном, Вятско-Ветлужском, Средне и Нижневолжском, на Урале и в Сибири; максимальный охват детских контингентов школьного возраста достигнут в Центр.-Промышленной и Северо-Западной областях с высоким процентом городского населения. Особенно слабо обеспечены сетью начального образования крестьянские губернии, значительнее—губернии с развитой промышленностью. Усиленное внимание промышленным губерниям по линии обслуживания школой, вообще говоря, понятно, оно имеет под собой все основания и, в частности, увязывается с сравнительно повышенными запросами к школе со стороны рабочего населения. Однако и крестьянское население за последние годы не удовлетворяется существующей сетью и требует ее расширения, так как она не вмещает всех детей, желающих учиться. Процент отказов в зачислении в школу детей по статистике 1926 г. был равен для республики 18,4%, в том числе 8,5% для города, 20%—для деревни. Наивысший процент отказов (главным образом за недостатком мест) падает на Центр.-Черноземную (7,1%—гор., 19,4%—в сел.), Средневолжскую (10%—в гор., 30%—в сел.), Нижневолжскую (19,1%—гор., 22,1%—сел.), Сев.-Кавказский край (11%—гор., 19,9%—сел.) и Сибирь (10,8—гор., 20,2%—сел.); меньший процент отказов в Сев.-Западной, Западной областях, Уралобласти и Вятско-Ветлужском крае.

Наиболее значительный охват стационарными учреждениями детей дошкольного возраста достигается (по данным 1926 г.) в Северо-Западной области (1,3%), ЦПО (1,04%) и Сев.-Кавказском крае (1,2%); наименьшая обеспеченность дошкольными учреждениями—в Западной области (0,2%), ЦЧО (0,2%) и в Сибири (0,3%).

По линии повышенного образования сравнительно развитая сеть (по числу учащихся на 1 000 человек нас.) имеется в областях: Северо-Западной (14,8 учащихся на 1 000 человек нас.), Центрально-Промышленной (12,7) и Сев. Кавказе (10,8) при средне-республиканском показателе (для 1927/28 г.)—10,5; наиболее слабая сеть—в ЦЧО (5,1), Вятско-Ветлужской (6,5), Средневолжской (7,8), Уральской области (7,2) и Сибири (7,8), причем в перечисленных только-что областях также ниже среднего и показатель соотношения контингентов учащихся повышенного образования и начального образования (см. табл. 10).

[1] См. «Народное просвещение» № 10.

СРАВНИТЕЛЬНЫЕ ДАННЫЕ ОБ ОБСЛУЖИВАНИИ СЕТЬЮ ПРОСВЕТУЧРЕ

(п о д а н

Таблица 10.

ЖДЕНИЙ РАЗЛИЧНЫХ РАЙОНОВ РСФСР В 1926/27 и 1927/28 гг.

н ы м Ц С У).

РАЙОНЫ	Общ. показат. образ. на 1 декаб. 1927 г., на 1 000 ч. нас. прих. уч-ся		Грам. нас. по перепи. 1926 г. на 1 000 ч. нас.		Обеспеч. стац. дошк. учр. (% охвата дет. дошк. возр. на 1 дек. 1926 г.)	Обесп. нас. школой (по данным на 1/XII 1926 г. и на 1 дек. 1927 г.)		Обесп. шк. повыш. типа (по данным на 1/XII 1927 г.)	
	По всем учрежд. шк. типа	В т. ч. без ликп. и краткосрочн. профкурсов	Общая	В возрасте 16—34 л. вкл.		% охвата детей в возр. 8—11 л. (с уч. перер. и втор.) на 1 дек. 1926 г.	На 1 000 ч. нас. прих. уч. в шк. нач. обр. на 1 дек. 1927 г.	На 1 000 ч. нас. прих. уч. в школе	Отнош. к континг. нач. образ. в %
1. Сев.-Восточный . . .	80	77	464	763	0,8	71,3	72	9,5	13,1
2. Сев.-Западный (Ленингр. обл.)	95	90	576	864	1,3	85,8	62	14,8	23,6
3. Западный	97	89	397	650	0,2	82,2	75	9,4	11,9
4. Ц.-Промышлен. . . .	102	98	538	819	1,04	91,1	73	13,9	18,1
5. Ц.-Черноземный. . .	79	73	378	610	0,2	65,5	64	6,2	8,2
6. Вятско-Ветлужск. . .	71	68	396	657	0,7	63,5	58	6,5	11,2
7. Средневолжский . . .	80	73	364	577	0,4	62,7	61	7,8	12,6
8. Нижневолжский . . .	89	82	426	628	0,44	72,8	66	10,8	15,3
9. Урал. область. . . .	80	72	393	699	0,9	62,7	62	7,2	11,7
10. Сев.-Кав. край. . . .	97	86	432	660	1,2	77,8	74	10,3	14,5
11. Сибирский край. . .	87	75	309	497	0,3	61,1	63	8,2	12,5
12. Д.-Вост. край. . . .	107	91	437	670	0,53	80,4	—	15,9	—
Средний показат. по РСФСР (без авт. р.) . .	91	[2] 84	[1] 441	[2] 687	0,7	74,4	66	10,2	15,8

ШКМ	Обеспеченность учреждениями профобра								Обеспечен. нас. библ. и книгой по данным на 1 декабря 1926 г.			Обеспеченность сельского населения избами-читальнями по данным на 1 декабря 1927 г.
	На 1000 ч. нас. прих. уч. по данн. на 1 дек. 1927 г.			На 1 000 раб. ценз. пром. прих. уч-ся в инд.-техн. учебн. зав.		На 1 000 кр. хоз-в в с.-х. уч. зав.			На 1 библ. прих.			
На 1 000 чел. сельск. насел. прих. уч-ся (по данным на 1/XII 1927 г.	В техникумах	В профшколах	В учебн. мест.	(по данн. на 1/XII 1926 г.). Всего	В т. ч. без уч-ся вузов	Всего	В т. ч. без уч-ся вузов	Кв. км.	Жителей	На 1 книгу приходится жителей	
1,16	1,51	0,43	0,09	1,90	1,65	81,3	—	1 518	3 294	1,3	3 369
1,11	2,72	1,15	0,2	6,87	2,33	125,2	83,2	282	4 867	1,8	5 851
0,78	0,80	0,42	0,11	1,28	—	75,4	—	262	10 957	2,0	9 437
1,0	1,73	0,76	0,21	3,11	—	61,7	49,9	104	4 755	1,4	5 239
0,52	0,66	0,38	0,10	1,31	0,79	193,0	—	250	14 340	4,5	9 590
0,98	0,99	0,31	0,37	2,20	—	64,5	—	416	9 065	1,9	7 974
0,65	0,82	0,40	0,05	2,79	1,81	179,0	—	272	7 645	2,2	8 171
0,57	1,0	0,58	0,15	2,60	1,38	126,8	—	428	7 134	1,9	5 416
0,76	0,98	0,43	0,01	1,12	—	65,8	—	1 404	5 421	2,2	3 329
0,88	1,1	1,0	0,11	4,20	1,82	186,2	157,1	170	4 848	1,6	5 201
0,97	0,83	0,22	0,04	1,62	0,74	130,5	93,7	5 033	10 783	3,6	6 160
0,76	1,48	0,77	0,04	0,98	—	194,9	169,5	3 859	4 238	2,3	3 468
0,84	1,30	0,66	0,12	2,45	1,49	90,0	73,8	798	6 243	2,0	5 646

[1] Средний показатель выведен по Европ. части РСФСР (с авт. республ.).
[2] » » » » РСФСР (без авт. республик).

Особенно рельефно выделяется диспропорция между количественным объемом работы и потребностью населения и интересами народного хозяйства по линии ШКМ. Та же табл. 10 показывает, что по данным на 1 декабря 1927 г. на 1 000 человек сельского населения в земледельческих губерниях ЦЧО приходилось всего 0,51 учащихся, Средневолжской—0,65 и Нижневолжской — 0,57, при средне-республиканском показателе — 0,84; в то же время показатель обеспечения школой крестьянской молодежи для областей, имеющих относительно меньшее значение в области сельского хозяйства, нередко выше среднего: для ЦПО—1,0, для Северо-Восточной области—1,16.

Большая неравномерность, если оставить в стороне общую недостаточность, отмечается и в обслуживании районов республики книгой. По данным обследования 1926 г. наибольшая доступность библиотек (приравненная нами к числу *кв. км* на 1 учреждение) для населения—в Северо-Западном, Западном, ЦПО, ЦЧО, Средневолжском районе и Сев. Кавказе (см. табл. 10), наиболее слабое обеспечение населения книжным фондом (приравнено к числу жителей на 1 книгу)—у ЦЧО (4,5), на Урале (2,2), Сибири (3,6) и ДВО (2,3).

В отношении обеспечения сельского населения избами-читальнями, как показывают данные на 1 декабря 1927 г., наибольшее неблагополучие отмечается по сельскохозяйственным областям: ЦЧО, Западной, Вятско-Ветлужской, Средневолжской обл. и Сибири; наоборот, сравнительно высокий показатель обеспечения избами-читальнями сельского населения видим по областям с развитой фабрично-заводской деятельностью—по ЦПО и Уралу.

Диспропорции в обслуживании учреждениями профессионального образования могут быть при общем обзоре сведены к следующему:

1) Имеется резкое несоответствие количественных соотношений между категориями рабочей силы по квалификации и соответствующей продукцией учебных заведений.

По данным Госплана СССР, опубликованным в статье М. А. Астермана «Социально-культурное строительство» («План. хозяйство» 1927 г., № 12) и использованным т. Кржижановским в его докладе о задачах культурной революции в связи с реконструкцией народного хозяйства в Коммунистической академии (в апреле 1928 г.), количественное соотношение между категориями рабочей силы по квалификации по городской переписи 1923 г. было следующее: на 1 работника высшей квалификации приходилось работников выше средней квалификации—4,7, работников средней квалификации—33,9 и низшей квалификации—87,7.

Между тем в 1926/27 г. на 1 человека продукции вузов приходилось 1,5 человек продукции техникумов, пополняющих кадры работников выше средней квалификации (по терминологии Госплана СССР), 1,1 человек продукции низшей специальной школы, 3,9 человек курсов профобра и 6,2 средней общеобразовательной школы, всего 11,2 человек продукции по учреждениям, дающим подготовку работников средней квалификации, и 35,6 человек продукции из других учреждений массового характера, дающих производственную квалификацию низшего типа.

Сопоставив эти ряды, получаем явное несоответствие между рабочим составом народного хозяйства и продукцией учебных заведений.

	Высшее	Выше средн.	Средн.	Низшее
По составу раб. силы	1	4,7	33,9	87,7
» » продукции учебных заведений	1	1,5	11,2	35,6

Особый недостаток ощущается по линии подготовки работников средней квалификации: наша низшая специальная школа относительно

(по сравнению с техникумами и вузами) развита весьма слабо. Между тем этот вопрос приобретает исключительное значение в обстановке реконструкции советской деревни.

2) Несоответствие следует констатировать также в отношении обеспечения существующей сетью потребностей в работниках со стороны различных отраслей хозяйства.

Углубить этот чрезвычайно интересный и в практическом строительстве крайне важный вопрос не представляется возможным, так как еще точно неизвестны ни наличные кадры квалифицированной рабочей силы по специальностям и квалификации, ни требования на рабочую силу в перспективе ближайших лет. Дальнейшая проработка этой проблемы может быть проделана только после учета квалифицированного состава хозяйственной армии и составления перспективного плана народного хозяйства.

3) Обслуживание сетью учреждений профобра различных районов республики неравномерно. Наибольшее благополучие по обслуживанию техникумами отмечается, кроме Северо-Западной области, в ЦПО, в областях: Северо-Восточной, Нижневолжской, на Северном Кавказе и Д.-Востоке; наименее развита сеть техникумов в ЦЧО, Средневолжской и Западной области. Слаба сеть низшего профессионального образования в Северо-Восточной, Западной, ЦЧО, Вятско-Ветлужской, Средневолжской, Уралобласти и Сибири.

Кроме того следует отметить следующие характерные особенности в построении сети учреждений профобра по некоторым областям: показатель обслуживания сельскохозяйственными учебными заведениями Северо-Восточной области выше, чем Вятско-Ветлужской области, включающей губернии с более развитым сельским хозяйством; показатель обслуживания сетью индустриальных учебных заведений для Урала ниже соответствующего показателя для Средней и Нижней Волги (см. табл. 10).

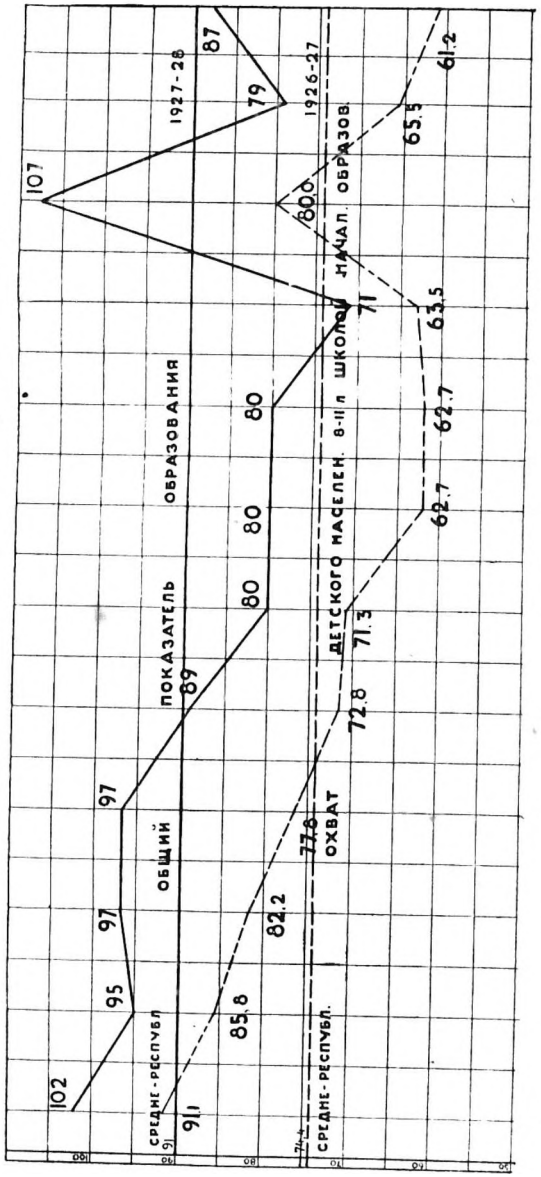
Сопоставление кривой, показывающей охват населения всеми учреждениями школьного типа (включая вузы) с кривой, характеризующей охват детского населения школами начального образования, приводит к заключению о сравнительном совпадении этих кривых, что указывает на то, что начальное образование занимает в системе народного образования определенное место, в общем совпадающее по значению в большинстве районов республики. Отклонение следует все же отметить (см. диагр. IV) на Сев. Кавказе, Урале, Средней Волге, ДВК и в Сибири—в сторону большего расхождения кривых; и в С.-Восточной, С.-Западной, Вятско-Ветлужской и Центрально-Промышленной областях—в сторону меньшего расхождения между показателями образования и охватом детских контингентов в возрасте 8—11 лет школой начального образования.

2.

Раствор «культурных ножниц» по линии города и деревни иллюстрируется табл. 11. Данные за последние 2 года неопровержимо доказывают значительное отставание в обслуживании культурных потребностей деревни, причем это отставание проходит по всем разделам просветительной работы. В особенности резкое расхождение показателей обслуживания устанавливается по линии дошкольного воспитания (по республике 3,5% охвата в городе, 0,2%—в сельских местностях), повышенного общего образования (37,5 учащихся на 1 000 человек населения в гор., 4,2 человека—в сельской местности) и обслуживания населения книгой (в среднем по республике на 1 книгу в 1926/27 г. приходилось 12 человек населения в том числе в сельской местности—5 человек).

Наиболее значительный раствор «культурных ножниц» между городом и деревней отмечаем в экономически и культурно-отсталых районах: ЦЧО, Средневолжском, Уралобласти и в Сибири. Меньшее расхождение в ЦПО, С. Кавказе и в С.-Западн. области.

КОЛЕБАНИЯ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ОХВАТА ШКОЛОЙ НАЧАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ДЕТЕЙ 8–11 ЛЕТ И ОБЩЕГО ПОКАЗАТЕЛЯ ОБРАЗОВАНИЯ ПО РАЙОНАМ РСФСР В 1927/28 ГОДУ.



. . . . . .Сибирь
. . . . . .Ц. Ч. О.
. . . . .Д.-В. край
.. Вятско-Ветлужск.
. . Средн.-Волжск.
. . . . Урал
. . . .С.-Восточный
. . . .Н.-Волжский
. . Сев.-Кавк. край
. . .Западная обл.
. . . Сев.-Зап. обл.
. . . . .Ц. П. обл.

Таблица 11.

ПОКАЗАТЕЛИ ОБСЛУЖИВАНИЯ ПРОСВЕТИТЕЛЬНЫМИ УЧРЕЖДЕНИЯМИ КУЛЬТУРНЫХ ЗАПРОСОВ ГОРОДСКОГО И СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ПО РАЙОНАМ РЕСПУБЛИКИ

(по данным ЦСУ на 1 декабря 1926 и 1927 г.г.).

РАЙОНЫ	Грамотн. насел. в %% по переписи 1926 г.			Грамотн. населения в возр. 16—34 лет. по переп. 1926 г. в %%		Обесп. нас. дошк. учр.[2] (процент охвата дошк. конт.) в 1926/27 г.		Обеспеч. шк. начал. образ. (процент охвата дет. контингента)[3]					
								1926 27 г.			1927 28 г.		
	Средний показат.	В т. ч.		Средний показат.	В т. ч.	Средний показат.	В т. ч.	Средний показат.	В т. ч.		Средний показат.	В т. ч.	
		Гор.	Сел.		Гор.		Гор.	Сел.		Гор.	Сел.		Гор.
1. Сев.-Восточный	46,4	68,7	44,0	76,7	91,3	74,2	0,8	6,9	0,2	71,3	98,5	68,9	—	—	—
2. Сев.-Западный (Лен. обл.)	57,6	75,3	48,2	86,6	94,9	80,1	1,3	4,4	0,3	85,8	109,0	78,3	—	—	—
3. Западный	39,7	67,4	35,9	65,0	80,4	60,5	0,2	2,6	—	82,2	99,4	80,4	—	—	—
4. Ц.-Промышлен.	53,8	71,3	47,7	81,9	92,4	76,9	1,04	4,3	0,21	91,1	105,9	88,4	—	—	—
5. Ц.-Черноземный	37,8	64,8	35,0	61,0	87,1	57,8	0,2	1,9	0,01	65,5	91,3	63,3	—	—	—
6. Вят.-Ветлужский	39,6	67,1	37,6	65,7	89,2	63,5	0,7	8,7	0,2	63,5	97,3	61,4	—	—	—
7. Средневолжский	36,4	63,2	32,9	57,7	84,8	53,1	0,4	3,0	0,3	62,7	98,1	58,7	—	—	—
8. Нижневолжский	42,6	61,9	38,5	62,8	83,8	57,3	0,44	2,5	0,13	72,8	92,1	69,7	—	—	—
9. Уральский	39,3	58,4	34,2	69,9	83,8	65,2	0,9	3,1	0,18	62,7	85,8	53,9	—	—	—
10. Сев.-Кав. край	43,2	63,7	38,1	66,0	86,7	60,1	1,2	3,1	0,84	77,8	103,7	73,2	—	—	—
11. Сибирский край	30,9	59,1	26,7	49,7	80,4	43,9	0,3	2,0	0,13	61,1	93,0	57,3	—	—	—
12. Д.-В. край	43,7	64,5	36,7	67,0	82,9	60,4	0,53	2,8	0,02	80,4	90,9	77,9	—	—	—
Средн. по РСФСР (без авт. республик)	44,1[1]	67,5	38,8	68,7	89,1	62,8	0,7	3,5	0,2	74,4	95,8	71,0	—	—	—

Примечание. Контингенты учащихся взяты с учреждениями Цутранпроса.

[1] Грамотность исчислена только по Европ. части РСФСР с автон. респ. [2] Учтены также дошкольники в подготовительных группах школ. [3] С поправкой на второгодников (процент второгодников взят для всех районов по итоговому для РСФСР без автономных республик учету их в I—IV гр. школ I ст. на 25/26 г.).

Таблица 11 (продолжение).

РАЙОНЫ	Обеспеч. шк. повышен. типа (на 1 000 чел. нас. приход. уч-ся) [4]				Соотношение контингента уч-ся в повыш. и в начальн. школе в %				Обеспечение библ. и книгой по данным на 1/XII 1926 г.							
	1926 27 г.				1926 27 г.				1927 28 г.				На 1 б-ку прих. жит.			На 1 кн. прих. жит.		
	Средний показат.	В т. ч.			Средний показат.	В т. ч.			Средний показат.	В т. ч.			Средний показат.	В т. ч.		Средний показат.	В т. ч.	
		Гор.	Сел.			Гор.	Сел.			Гор.	Сел.			Гор.	Сел.		Гор.	Сел.
1. Сев.-Восточный	8,9	53,4	4,0		9,5	50,7	4,9		14,8	76,5	6,9		14,4	76,0	7,8	3 294	—	3 387	2,3	—	2,3
2. Сев.-Западный	14,1	32,3	4,0		14,8	34,8	3,5		21,9	53,0	5,9		23,8	67,2	5,2	4 867	—	6 528	1,8	—	4,4
3. Западный	8,2	47,8	3,0		9,4	48,5	4,1		11,4	69,2	4,0		12,5	74,6	5,3	10 957	—	9 958	2,0	—	6,7
4. Ц.-Промышленный	12,6	37,5	4,1		13,8	39,2	4,9		16,8	61,4	5,1		19,9	70,2	6,2	4 755	—	5 775	1,4	—	3,2
5. Ц.-Черноземный	5,5	43,2	1,6		6,2	43,9	2,2		8,7	60,5	2,6		9,6	68,5	3,4	14 340	—	18 995	4,5	—	10,2
6. Вят.-Ветлужский	5,8	43,7	3,1		6,4	46,2	3,5		10,9	60,7	5,9		11,1	65,1	6,2	9 065	—	10 277	1,9	—	3,5
7. Средневолжский	6,8	38,8	2,2		7,9	42,2	2,8		11,7	51,4	4,0		12,6	60,0	4,7	7 645	—	8 816	2,2	—	6,2
8. Нижневолжский	9,7	35,1	4,1		10,7	36,9	4,8		14,4	51,9	6,1		16,1	61,9	6,9	7 134	—	9 276	1,9	—	6,3
9. Уральский	6,8	18,6	3,8		7,0	20,4	3,7		11,7	37,4	6,2		11,7	41,6	5,6	5 421	—	5 609	2,2	—	3,6
10. Сев.-Кав. край	9,1	28,9	4,2		10,2	31,6	4,9		12,7	39,2	6,0		14,9	45,4	7,2	4 848	—	6 742	1,6	—	2,9
11. Сибирский край	6,4	34,1	2,3		7,8	39,8	2,9		10,9	44,9	4,1		12,4	53,6	4,9	10 783	—	11 809	3,6	—	7,2
12. Д.-В. край	14,6	39,6	6,2		—	—	—		13,1	51,1	7,5		—	—	—	4 238	—	5 028	2,3	—	10,9
Средн. по РСФСР (без авт. республик)	9,1	35,0	3,2		10,5	37,5	4,2		13.7	54,1	4,8		15,8	63,2	6,1	6 243	—	7 729	2,0	—	5,0

[4] Учтены и контингенты ШКМ.

(*Продолжение следует*). *И. ЗАКОЛОДКИН.*

ВОПРОСЫ ВОСПИТАНИЯ

КУЛЬТУРНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ПЕРВООЧЕРЕДНАЯ ЗАДАЧА СОЦИАЛЬНОГО ВОСПИТАНИЯ[1].

(В порядке самокритики).

II. О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ТЕОРИИ СОЦИАЛЬНОГО ВОСПИТАНИЯ.

Отсутствие в теоретических основах нашего социального воспитания проблемы морально-правового воспитания, и в частности проблемы культивирования честности у молодежи, вызвано прежде всего и больше всего уклоном нашей педагогической теории в сторону идеализации детского коллектива и природы ребенка. Наша система воспитания, стремясь вызвать в детях социальные наклонности, главное ударение делает на воспитании в детях коллективной спаянности, уменья коллективно осуществлять различные начинания. Здесь мы очень часто забываем, что не всякий коллектив и не всякая коллективная спаянность есть явление социальное. Есть коллективы и антисоциальные; например: члены правления и ревизионной комиссии какого-нибудь кооператива, которые с замечательным организационным уменьем, изумительным единодушием и преданностью «общему делу» совершают растрату общественных денег; дружная артель парней-хулиганов; дерзкая шайка бандитов, возглавляемая смелым и даровитым атаманом и т. д. И в детских коллективах, если они самопроизвольно возникают и безо всякого влияния взрослых развиваются, мы в большинстве случаев наблюдаем эти антисоциальные тенденции в той или иной степени, наблюдаем то, что М. В. Крупенина называет «нездоровое товарищество» [2].

Конечно, в самопроизвольно возникающих детских коллективах (а это по преимуществу мальчишеские «дружины») у детей развиваются и хорошие черты: героизм и самоотверженная преданность своей группе, коллективная самодисциплина (добровольное исполнение обычаев группы, законов ее неписанного кодекса), ревностная взаимопомощь. Но пусть эти качества—их кратко можно назвать: героический активизм и коллективизм—не застилают нам глаза на оборотную сторону медали, на те антисоциальные свойства, которые в самопроизвольных детских союзах у детей развиваются вместе с героическим активизмом и коллективизмом. И чем сильнее спаян детский коллектив, чем он дольше развивался в условиях семейной безнадзорности и хронического пребывания на улице, тем эти антисоциальные наклонности резче выявляются. Вот они, эти наклонности: увлечение

[1] Продолжение см. «Народное просвещение» № 8—9.

[2] Доклад на конференции по самоорганизации учащихся. «Учительская газета». 1928 г., 10/11.

НАРОДНОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ОРГАН
НАРОДНОГО КОМИССАРИАТА ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР
По вопросам политики и организации народного образования

Ответственный редактор М. С. ЭПШТЕЙН

В 1929 ГОДУ ЖУРНАЛ БУДЕТ ОСВЕЩАТЬ:

Вопросы народного образования в связи с индустриализацией страны, коллективизацией сельского хозяйства и другими текущими задачами социалистического строительства.

К предстоящему партсовещанию по вопросам народного образования журнал **даст ряд статей,** в которых будут подведены **итоги проведения раздела программы ВКП (б) по народному образованию за 11 лет и,** в частности, **особое внимание журнал уделит вопросам системы народного образования РСФСР и союзных республик.**

Журнал даст ряд статей по вопросам увязки работы Наркомпросса и ОНО с общественными организациями.

В журнале будет развернут отдел „Самокритики".

Журнал широко осветит вопросы просвещения нацмен.

В журнале найдут отражение особо важные принципиальные постановления по народному просвещению Правительства и коллегии Наркомпросса.

Журнал осветит практику в области народного образования за границей.

Особое внимание будет уделено „Библиографии".

Журнал рассчитан на командный состав народного образования, работников тех ведомств, которые соприкасаются в своей работе с вопросами политики и организации народного просвещения, членов секций советов по народному образованию, а также на актив культурных работников, партийных и профсоюзных организаций.

В журнале „Народное Просвещение" принимают активное участие деятели народного образования центра и мест, педагоги и сотрудники научных учреждений.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:

На год—**11** руб., на 6 мес.—**6** руб., на 3 мес.—**3** руб. **30** коп.

Цена отдельного номера 1 руб. 10 коп.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: Периодсектором Госиздата: Москва, центр, Ильинка, 3, тел. 4-87-18; в магазинах, киосках, провинциальных отделениях Госиздата, у уполномоченных, снабженных соответствующими удостоверениями, во всех почтово-телеграфных конторах, во всех киосках Всесоюзного контрагентства печати, а также и в редакции журнала: Москва, центр, Чистопрудный бульвар, 6, Наркомпрос, комната 257, тел. 77-42.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

НАРОДНОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ

ВОПРОСЫ
ПОЛИТИКИ И
ОРГАНИЗАЦИИ
НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ

ДЕКАБРЬ

№ 12

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ НАРКОМПРОСА РСФСР

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — 1928 — ЛЕНИНГРАД

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

ПРОВЕРКА ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ КЛАССОВОЙ ЛИНИИ В ДЕЛЕ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ — *И. Давыдов* 3

К ВОПРОСУ О НОВОМ УСТАВЕ ЕДИНОЙ ТРУДОВОЙ ШКОЛЫ — *К. Бендриков* 9

КАК НУЖНО ПЕРЕСТРОИТЬ НАРКОМПРОС — *В. Касаткин* 17

РОЛЬ ЗЕМЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ В ДЕЛЕ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ — *Р. Берзин* 23

К ПАРТСОВЕЩАНИЮ.

К. Бендриков.—Религиозные, национальные и политические представления детей-школьников 29

П. Каган.—О профессиональных учебных заведениях в системе народного образования РСФСР 48

ПЛАНИРОВАНИЕ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ.

М. Салова.—Расходы на народное образование в бюджетах автономных республик и областей РСФСР за 5 лет 59

И. Заколодкин.—Культурные ножницы 68

В. Васильев.—Инспектура, методическая работа и опытные школы . . . 75

А. Еголин.—К вопросу о методах инспектирования 78

А. Розин.—Молодая инспектура 83

ВОПРОСЫ ВОСПИТАНИЯ.

С. Белоусов.—Организационно-педагогические вопросы и воспитательные задачи школы 91

ПРОСВЕЩЕНСКИЕ КАДРЫ.

С. Фридман.—К вопросу о квалификации педагога 96

Проф. П. И. Люблинский.—О подготовке работников по социально-правовой охране детства 106

ОХРАНА ЗДОРОВЬЯ ДЕТЕЙ И ПОДРОСТКОВ.

Н. Нестюк.—За здоровые детские кадры 116

Е. Радин.—11 лет охраны здоровья детей и подростков и ближайшие перспективы 121

ЧТО ДЕЛАЕТСЯ В НАРКОМПРОСЕ.—*В. Касаткин.* 128

ЗА ГРАНИЦЕЙ.

Н. Ильин.—Организация внешних условий школьной работы в американских школах 133

П. К.—Вопросы политики и организации народного образования за границей 144

ПРОСВЕЩЕНСКАЯ ПЕЧАТЬ.

А. Окуньков.—«Просвещение на Урале» 152

ВНЕШКОЛЬНИК

ВЫХОДИТ 10 НОМЕРОВ В ГОД

ОРГАН ГЛАВСОЦВОСА И ЦК ВЛКСМ

Журнал рассчитан на организаторов внешкольной работы в деревне и в городе (вожатый, пионеротряд, школьный учитель, библиотекарь, культурно-бытовые комиссии жилтовариществ, работники с детьми в рабочих клубах и пр.).

Ответственный редактор Р. МЛИНИК.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:

на год — **4 р. 50 к.**, на 6 мес. — **2 р. 50 к.**

Цена отдельного номера 55 коп.

ДЕТСКИЙ ДОМ

Журнал Главсоцвоса НКП РСФСР

Ответственный редактор журнала П. М. АРТАМОНОВ.

Редколлегия: П. М. Артамонов, М. М. Пистрак, С. Т. Шацкий, А. Б. Залкинд, Е. С. Лившиц, И. И. Данюшевский, В. М. Васильева. А. А. Поселянинова, Н. О. Корст.

Журнал работников детских учреждений охраны детства, работников детской социальной инспекции и работников, руководящих работой по охране детства в целом.

Журнал руководит педагогической практикой детучреждений, выявляет опыт их работы и помогает работникам правильно организовывать и проводить свою работу.

Журнал имеет разделы: Общий; Педагогика детского дома; Практика работы; За рубежом; Страничка работника; Консультация; Хроника; Официальный отдел и Библиография.

Вопросы, освещаемые на страницах журнала: трудовое, общественно-политическое и физическое воспитание детей в дет. учреждениях, изучение ребенка, работа с трудно-воспитуемыми детьми, организация детской среды и детского быта, вопросы организации и руководства работой по охране детства и т. д.

Журнал выходит 10 раз в год.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: на год — **6 р. 50 к.**, на ½ года — **3 р. 50 к.**

Цена отдельного номера 75 коп.

LIBRARY OF CONGRESS
RECEIVED
DEC 7 1929
DOCUMENTS DIVISION

Главлит № А 25376. II. 11. Гиз. № 29915. Тираж 2750 экз.
5-я тип. „Транспечать" НКПС. Москва, Каланчевская ул., Каланчевский туп., д. 3/5.

ПРОВЕРКА ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ КЛАССОВОЙ ЛИНИИ В ДЕЛЕ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

«Съезд считает необходимым в дальнейшем всемерную мобилизацию пролетарских масс и особое усиление борьбы на идеологическом и культурном фронте».

«Приспособление всего народного просвещения к потребностям социалистического строительства» (из резолюции XV съезда ВКП(б).

Вот генеральные линии, указанные XV съездом ВКП(б) для области просвещения. Съезд дал и ряд конкретных директив по всем разделам просвещенской работы. Просмотреть классовые линии это значит ответить на вопрос: как просвещение в целом, на каждой данной территории и каждое отдельное учреждение выполняют программу ВКП(б), директивы XV съезда главным образом, а также и других съездов и конференций и пленумов ЦКК и ЦК ВКП(б).

XV съезд ВКП(б) проходил под флагом усиления классовой борьбы не только потому, что усилилась активность наших классовых врагов, но и главным образом потому, что мы укрепились, стали сильнее во всех областях социалистического строительства. Наше положение дает возможность сектору социалистическому значительно расширяться, сильнее нажимать на частно-капиталистический. Это положение требует особого, как подчеркивает съезд, усиления, заострения идеологической борьбы и борьбы на культурном фроне. Ноябрьский (1928 г.) пленум ЦК ВКП(б) констатировал:

«Переживаемые трудности связаны с обострением классовой борьбы в городе и в особенности в деревне, с возросшим сопротивлением, которое оказывают социалистическому наступлению капиталистические элементы страны, в частности возросшее в условиях НЭП'а кулачество. Обязательным условием успехов партии в деревне является строгое соблюдение четкой классовой линии во всех областях работы».

Активная классовая борьба развертывается шире, она захватывает уже всю массу просветительных учреждений. С каждым годом классовая борьба вокруг школы усиливается и заостряется. Начавшийся 1928/29 учебный год служит яркой тому иллюстрацией. Достаточно вспомнить кампанию по приему в школы повышенного типа, в техникумы и во многих местах и в школы I ступени.

Во исполнение директив XV съезда Наркомпрос дал директиву об улучшении социального состава учащихся, о твердом классовом отборе при приеме в школы в этом году, об особом внимании вовлечению детей рабочих, батраков и бедноты. Это значительно обострило борьбу за школу. С другой стороны, Наркомпросом и VI съездом заведующих отделами народного образования (май 1928 г.) даны директивы об усилении и углублении воспитательной работы школы и необходимости классовой заостренности этой работы. Проведение этих решений в жизнь на местах вызвало обострение классовой борьбы внутри школы, дало обнажение процессов, происходящих внутри школы, всркыло ряд крайних ненор-

мальностей в жизни школы: проявление резких националистических и шовинистических настроений, элементы религиозных влияний, наличие антисоветских организаций учащихся и т. д. Мы являемся свидетелями все повышающегося обострения борьбы за ребенка, подростка и юношу между улицей, семьей и школой, борьбу за обладание молодежью, за влияние на нее. В этой борьбе школе, библиотеке и другим просветительным учреждениям может и должно принадлежать почетное место, передовое, весьма ответственное место. Школа всех типов и другие просветительные учреждения вообще, а в момент обострения идеологической борьбы в особенности, должны быть классово-боевым органом в руках партии, в руках советов, должны крепить наши классовые позиции. Являются ли наши учреждения таковыми? Какое место занимают они в развернувшейся и все усиливающейся борьбе на идеологическом фронте? Не идет ли наша советская школа—к школе учебы? Происходит ли в школе переплавка идеологически не наших кадров в наши? Какова роль учителя в этих процессах? Как он ведет это данное ему пролетариатом классовое боевое орудие? Как кует пролетарскую идеологию, как ведет борьбу с мелко-буржуазными влияниями и с кулаком? Оправдывает ли он доверие рабочего класса первой в мире страны диктатуры пролетариата? Или он сползает с классовых позиций и рассматривает школу, библиотеку и другие просветительные учреждения, как аполитичные учреждения и занимается культурничаньем. Как наши местные органы—отделы народного образования и инспектура—руководят коммунистической направленностью работы просветительных учреждений и работниками? Что они делают и все ли сделали, чтобы превратить школу, библиотеку, театр, кино и др. просветительные учреждения в классово-боевые учреждения? Нет ли у них, а равно и у отдельных учреждений отклонений от верного пути в смысле сползания с рельс политических к простому культурничанью, через выхолащивание политической сущности работы просветительных учреждений?

Наркомпрос и его местные органы осуществляют работу с массой сотен тысяч беспартийных работников просвещения, политическое лицо которых, а равно и их дела вольно и невольно не всегда хороши. Ошибки возможны, они есть. Дело подчас не в злостности, а в непонимании, или неполном, неглубоком понимании в силу слабой подготовленности и прочих причин. Но есть отдельные случаи и худшего порядка, где будет и злостность и вредительство и пр. «прелести».

Наркомпрос сейчас предпринял большое, чрезвычайно ответственное обследование на тему: «Осуществление классовых линий в деле народного образования». Наркомпрос отправил на места, всю инспектуру, обследование которой охватит многие области (края) и губернии. Тем губерниям и областям, куда не поедут центральные инспектора, Наркомпрос предлагает силами местной инспектуры произвести обследование. Таким образом обследование носит массовый характер, будут обследованы сотни учреждений и аппаратов.

Задача обследования заключается в том, чтобы прощупать основные линии развития народного образования на данной теорритории, прощупать классовые линии, выявить коммунистическую направленность работы просветительных учреждений. В то же время надо дать и ответ на вопрос, как просвещение обслуживает нужды социалистического строительства. Это обследование идет под углом проверки выполнения директив XV съезда, проверки того, как живая жизнь отражает решения партии.

Первый вопрос, на который должно дать обследование ответ: кого обслуживают просветительные учреждения с точки зрения социального состава, национального и полового. Под этим углом должны быть просмотрены типы учреждений, их количество и территориальное распределение, насколько они приспособлены к обслуживанию рабочих, батраков, бедняков, беднейших крестьян и их детей. Какие мероприятия проводятся для облегчения доступа перечисленным категориям в школы различных ступеней?

Крайне интересна динамика состава по годам, группам и типам школ, так как она дает представление о происходящих передвижках в составе учащихся, дает возможность вскрыть отсев, его состав и причины. А ведь сплошь и рядом отсеиваются социально дорогие нам массы учащихся,—дети рабочих, бедноты, как наименее обеспеченные. При этом должно быть обращено внимание на обходные движения, каналы, по которым проходят непролетарские слои (договорные группы, различные курсы и пр.).

Выше было отмечено, что прием этого года дал перелом в смысле улучшения социального состава учащихся, но этот состав может оказаться не прочным, он быстро распылится и отсеется, если не будут своевременно приняты меры по закреплению улучшенного состава, путем организации материальной помощи в разнообразных видах (интернаты, снабжение обувью и одеждой, стипендии и пр.).

XV съезд дал прямую директиву по этому вопросу:

...«для чего необходимо создание особого школьного фонда помощи детям бедноты. Принять все меры для обеспечения действительной возможности обучения в школах детей бедноты и особенно малолетних, работающих по найму, приемышей и т. п.».

Четкая классовая линия. Такая же линия дана и относительно количественного признака:

«Необходимо принять все меры по решительному проведению в жизнь всеобщего обязательного первоначального обучения».

При этом подчеркивается:

«Добиться значительного увеличения охвата школой (всех ступеней) детей сельхозрабочих, батраков и бедноты»,

и особо выделяется обслуживание национальностей:

«Усилить культурное, в частности школьное строительство в национальных районах, обратив особое внимание на наиболее отсталые из них».

Идеологическая борьба идет и внутри школы и других просветительных учреждений подчас в мало заметных формах, поэтому крайне важен намеченный просмотр просветительных учреждений и аппаратов народного образования со стороны содержания и методов педагогической работы, коммунистической направленности их работы и направленности работы на разрешение политических и экономических задач момента.

Школа и всякое другое просветительное учреждение—орудие классовое, она должна быть проводником идейных организационных и воспитательных влияний на полупролетарские и непролетарские слои трудящихся в целях перевоспитания, переплавки их в духе пролетариата. Готовит ли она борцов за коммунизм? Так должен быть поставлен вопрос, обращенный к школе при проверке ее классовых позиций, ее классового лица.

Здесь затрогивается группа таких вопросов, как интернациональное воспитание, коллективизм, национальный вопрос и его искривления (шовинизм, антисемитизм), антирелигиозная работа и безрелигиозное воспитание, общественно-полезный труд в школе и связь его с местным хозяйством, участие школы в празднествах, в кампаниях и т. д. Особо будет проведена работа по вскрытию реставрационных попыток, вскры-

тию тяги к старинке (наказания, классное наставничество, взаимоотношения между девочками и мальчиками и пр.). Чрезвычайно важно осветить характер и место ученических организаций и особо роль комсомольских и пионерских организаций.

Большое внимание будет уделено учителю, его соцсоставу, партийности, его роли в жизни общества, отношению к нему со стороны различных органов и организаций, взаимоотношениям учителей и учащихся. При этом надо выявить и влияние молодняка, новых кадров работников на школу, на массу учителей и т. д.

Учитель играет слишком большую роль в жизни ш олы, естественно, что обследование уделит ему значительное внимание. Наркомпрос и его местные органы не сами ведь, не непосредственно ведут просветительную работу, они осуществляют работу руками сотен тысяч беспартийных учителей и других работников просвещения, через них, а не только при помощи них. Политическое лицо огромной армии работников просвещения, а равно и их дела не всегда удовлетворительны, не всегда приемлемы. Вольно и, пожалуй, больше всего (из всех случаев) невольно учитель творит не так, как хотят органы, руководящие делом народного образования, и часто это выходит не злостно, а в силу неполного или неглубокого понимания, недостаточной политической подготовленности. Не надо забывать, что учителя несут тяжесть царского наследия. Они не имели навыков общественной работы, они после революции начали приобретать их. Но кроме того в массе учительства достаточно сильны политически аморфные элементы, которым крайне трудно перестроиться, перевоспитаться и усвоить политическую сущность советской школы, осознать свою политическую роль.

Имеет место среди учительства и тяга к культурничанью, есть и не мало таких учителей, которые рассматривают школу как аполитичное учреждение, а не как классово-боевое. У некоторых групп учителей перелом в сторону улучшения социального состава просветительных учреждений за счет рабочих и бедноты вызывает панику за академическую успеваемость.

Сейчас, когда мы перешли к углублению и расширению воспитательной работы школы, мы чувствуем недостаточность политической и педагогической подготовки учителя. Чувствует это он и сам и стремится различными путями восполнить эти пробелы. И в этой работе не обходится без перегибов—работник делает крен в сторону методической работы за счет общественно-политической. «Учитель отходит», говорят, он уходит в методическую работу, которая де и есть общественная работа, а потому всякая другая не должна возлагаться на учителя.

Все это явления, к которым надо присмотреться, подсчитать, проанализировать и учесть. Все они говорят о настроениях в массе работников просвещения. Какие сдвиги происходят в массе просвещенцев—вопрос первостепенной важности для нас.

Перечисленные вопросы должны быть вскрыты с особой тщательностью, так как именно в области внутренней работы школы наибольшая возможность разного рода ошибок, отклонений и искривлений линии партии, явлений наиболее опасных и подчас наименее заметных. Работа просветительных учреждений должна быть направлена на удовлетворение нужд хозяйства данной территории и таким образом на обслуживание нужд социалистического строительства.

Перед страной Советов стоит колоссальнейшая задача—индустриализация страны, дальнейшее мощное развитие производительных сил страны. Все должно быть подчинено этой основной, главнейшей задаче, все направлено на ее разрешение. Нет и не может быть у просвещения

иных задач, вне задач хозяйственного строительства. Понятны поэтому директивы XV съезда о

«приспособлении всего народного просвещения к потребностям социалистического строительства»

и о том, чтобы

«увязать план культурного строительства с индустриализацией страны, как неотъемлемую часть общего плана социалистического строительства».

Это вполне соответствует основным установкам советской школы, советской педагогики и создает предпосылки для быстрого повышения культурного уровня рабочих масс, сильно растущей активности участия масс в социалистическом строительстве «и, тем самым, укрепляет основную базу пролетарской диктатуры» (из резолюций XV съезда).

Выполнение этих директив требует колоссальной работы просветительных учреждений и органов, руководящих делом народного образования. Просвещение должно ответить, насколько и как оно обслуживает нужды социалистического строительства, насколько и как оно выполнило эту директиву XV съезда. Для этого надо установить соответствие типов просветительных учреждений, количества и содержания и методов их работы нуждам хозяйства данной территории. Надо установить, как просвещение в данный общественный момент способствует и участвует в разрешении основных проблем, например, удвоение урожайности, химизация и др. Как оно приспособляется к удовлетворению нужд момента (введение соответствующих профуклонов в школе II ступени, колхозучи, специальные курсы, работа политпросветучреждений).

«Необходимо обратить особое внимание на развитие профтехнических школ, всякого рода мастерских и постановку обучения нужным в сельском хозяйстве ремеслам при школах» (XV съезд).

Насколько живо и своевременно реагируют просветительные учреждения на общественно-политические явления республиканского и местного масштаба?—Очень показательна в этом отношении проходящая сейчас кампания по перевыборам советов, на ней можно проверить общественную физиономию просветительных учреждений, она лучший рычаг по переводу всей просветительной работы на новые рельсы широкой общественной работы всей массы учреждений. Инспекция должна посмотреть, проверить участие просветительных учреждений в кампании по перевыборам советов.

Какова классовая физиономия школы всех ступеней и других просветительных учрждений,—вот тот волнующий общий, стержневой вопрос, на который обследование должно дать ответ. Выполнение директив XV съезда должно быть не формальным, а активным, действенным. Съезд говорит об особом усилении борьбы на идеологическом и культурном фронте, он говорит о наступлении, а не о простом выполнении, поэтому естественен подход к школе и другому просветительному учреждению, как к учреждению классово-боевому. При этом надо посмотреть являются ли просветительные учреждения, аппараты отделов народного образования и инспектура живыми общественными организмами, играющими руководящую роль в культурной жизни (хотя бы только в просветительной работе) данной территории и отдельных ее участков, или они представляют бездушные аппараты и учреждения, формально выполняющие стоящие перед ними задачи и даваемые задания.

Роль отделов народного образования и инспектуры как руководителей делом народного просвещения должна быть выпячена. Как руко-

водят они, направляют работу просветительных учреждений по коммунистическому пути? Что сделали они и все ли в этом направлении? Нет ли в этой работе ошибок, нет ли здесь тех же поглядываний, если не сказать больше, в сторону культурничанья? Насколько аппараты заботятся о чистоте и четкости классовой линии, насколько зорко наблюдают за просветительными учреждениями в этом отношении. Наконец, как аппараты наши раскачиваются по части изменения методов работы в направлении развертывания и активизации культурной революции, раскачивания широких слоев общественности, масс населения в целях вовлечения их в дело осуществления, реализации культурной революции, которой нам одной не хватает для того, чтобы мы стали вполне социалистической страной.

Являются ли они культурными барометрами и делают ли они культурную погоду? Являются ли они авторитетными органами среди организаций населения, работников просвещения и учащихся? Изолированы ли они? Как связаны с общественностью и как последняя участвует в работе просветительных учреждений и помогает им выполнять поставленные XV съездом задачи? Полное и удовлетворительное выполнение решений XV съезда возможно только при определенных материальных условиях, в обстановке доверия, внимания и самой широкой помощи просветительным учреждениям со стороны как советских органов и партийных организаций, так и со стороны общественности и, в первую очередь, организованной пролетарской общественности.

Насколько активно общественность помогает просветительным учреждениям в борьбе за чистоту классовых линий, насколько она в этих целях влияет на работу просветительных учреждений? Роль секции советов, профсоюзов, ККОВ, ОДН, школьных советов, комсодов? Насколько активно осуществляется представительство различных организаций и учреждений в различного рода советах, коллегиях и в пр. просветительных учреждениях? Выводы из решений XV съезда обязательны не только для отделов народного образования и просветительных учреждений, культурная революция должна осуществляться не только просвещенцами, а решительно всеми, всей страной в целом. Поэтому наряду с проверкой классовых линий в деле народного образования надо ставить вопрос и о проверке того, как другие ведомства, в первую очередь финансовые, способствовали выполнению задач, стоящих перед просвещением. Финансовым органам должен быть поставлен вопрос—как они участвуют в разрешении вопросов культурной революции. Этим вопросом нужно дополнить и повестку предстоящего партсовещания в той части, которая будет просматривать, проверять выполнение директив партии в области народного образования.

Большое, ответственное, своевременное обследование,—оно должно дать богатый материал к партсовещанию.

Просвещенцы и особенно союзные организации должны принять самое близкое и самое активное участие в этой работе. Обследование должно быть проведено с привлечением широкой общественности.

И. ДАВЫДОВ.

К ВОПРОСУ О НОВОМ УСТАВЕ ЕДИНОЙ ТРУДОВОЙ ШКОЛЫ

(БЕГЛЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ).

I.

ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ.

Известно, что три министра народного просвещения при Временном правительстве—Мануйлов, Ольденбург и Салазкин—за 8 месяцев своей «плодотворной» деятельности ничего существенного не сделали для массовой русской школы, даже не успели объединить начальные школы в одном ведомстве.

Попытки Государственного комитета по народному образованию выработать законоположения, объединяющие школьные типы в одну систему, неизменно встречали ревнивое противодействие всех трех министров. Положение о единой общественной общеобразовательной школе, составленное бюро Г. К. в 1917 году, не успело получить правительственного одобрения и осталось историческим памятником педагогических вкусов радикальной учительской интеллигенции в дооктябрьский период. После Октябрьского переворота Наркомпрос застал первозданный хаос в школьном деле.

Первыми законодательными актами были декреты о концентрации всего дела народного просвещения в одном комиссариате, а также серия декретов, очищающих школьную систему от религиозно-монархического мусора.

В заседании от 25 мая 1918 года Большая государственная комиссия по просвещению под председательствованием наркома Луначарского приняла «проект декрета по передаче учебных заведений всех ведомств в ведение Комиссариата народного просвещения» с поправкой М. Н. Покровского: «Кроме специальных учебных заведений морского и военного ведомств, преследующих исключительно технические цели».

Таким образом Наркомпрос этим декретом положил конец поразительной хаотичности и ведомственной раздробленности школьных ступеней российской системы народного образования. Достаточно сказать, что только начальные школы находились в ведении 15 ведомств, а количество отдельных типов начальных школ, согласно сведениям однодневной школьной переписи 18 января 1911 года, равнялось 62 школьным видам I ст. Прибавим, что каждый тип из всего этого необозримого количества школьных видов руководствовался своим уставом, особым управлением и своеобразной организацией.

II.

ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЙ ПРОЕКТ УСТАВА СОВЕТСКОЙ ШКОЛЫ 1918 г.

Собрав школы в одном ведомстве, Наркомпрос приступил к выработке организационных основ, объединяющих все 62 типа начальных школ и множество типов средних учебных заведений в единую трудовую школу с двумя ступенями.

27 мая 1918 г.т. Лепешинский в заседании Большой государственной комиссии по просвещению докладывает от имени Отдела реформы школы проект общих тезисов. Вот первый набросок тезисов будущего «Положения о Единой трудовой школе РСФСР»:

«а) Школа должна быть смешанной, светской, бесплатной, одинаково доступной для всех слоев населения, единой, трудовой.

б) Продолжительность пребывания в школе—9 лет.

В школе устанавливаются 2 ступени: I ступень—с 8 до 13 лет; II ступень—от 14 до 18 лет.

Дети должны принадлежать больше школе, чем семье. Принципы единой школы: 1) единство типа школы, 2) непрерывность прохождения школьного стажа. Задачи единой школы—создание социально-развитой гармонической личности.

Принципы трудовой школы:

1. Школа должна быть технической;
2. Обязателен физический труд: все дети с 9 лет должны принимать участие в производственном труде;
3. В целях развития социальных инстинктов ребенка, школа должна иметь характер трудовой коммуны;
4. Необходима организация умственного труда;
5. Начало школьного самоуправления;
6. Необходимо развитие самодеятельности и инициативы в детях;
7. Всестороннее развитие сил и индивидуальных способностей ребенка и
8. Художественной активности детей.

Методы трудовой школы:

1. Связь умственной работы с производственным трудом;
2. Преподавание должно итти от известного к неизвестному».

Этот первоначальный проект тезисов в конце августа 1918 года Всероссийский съезд по народному образованию развернул и утвердил в виде «Положения о Единой трудовой школе РСФСР», состоящего из двух главных частей: 1) Основные принципы Единой трудовой школы и 2) само Положение о трудовой школе (вернее, устав Единой трудовой школы).

III.

ПОЛОЖЕНИЕ О ЕДИНОЙ ТРУДОВОЙ ШКОЛЕ 1918 г.

Сделаем краткую характеристику этого, несомненно, одного из ценнейших исторических документов первоначальной революционной эпохи и попутно установим, какие требования, выдвинутые условиями борьбы 1918 года, не могли быть выполнены и до настоящего момента.

В «Основных принципах», подписанных А. В. Луначарским, указано, что при нормальных условиях в школе нужно было бы ожидать после Октябрьской революции, как ее выражения, коренной и плодотворной реформы, которая поставила бы русскую школу по ее принципам на первое место в цивилизованном мире.

Но этому мешает плохое оборудование школ, неразработанность планов и враждебное отношение верхов учительства к власти.

Наркомпрос устанавливает следующую цель, к которой он стремится, и уже своими декретами проводит: школьная реформа есть акт борьбы масс за знание, за образованность. Отсюда вывод—нужно разрушить в школе классовые привилегии, сделать ее подлинно народной. Это значит, что школа должна быть единой и трудовой.

Общие обязательные принципы устанавливает НКП; однако, и местным отделам народного образования будет предоставлен широкий простор в самодеятельности. Кроме того сказано: «Частной инициативе будет также предоставлен достаточный простор».

С 14 лет намечается фуракция по группам однородных наук. Кроме того новая школа будет менять свою физиономию в зависимости от местных условий.

Новая школа, сказано в декларации, должна быть трудовой по следующим основаниям: а) психологическим—природа ребенка и б) социально-экономическим—знакомство с методами всех важнейших форм труда.

Дальше подробно излагается содержание, организация и методы работы в детском саду, в школе I и II ступени, в общих очертаниях.

В декларации много говорится о том, что дети должны участвовать в школьном самоуправлении в трех направлениях: 1) участие в руководящих советах школы, 2) самоуправление чисто ученических групп и 3) ученикам должен быть предоставлен широкий простор в деле организации всякого рода кружков и обществ, постоянных или временных.

Много также уделяется места характеристике нового учителя, ибо «создать нового учителя—значит наполовину создать новую школу». Советская власть ни на минуту не забывает о том, что социалистическую трудовую школу может создать и вести только революционный учитель-социалист. Отсюда задача—создать новые учебные заведения из старых для подготовки нового педагогического персонала.

Характерно, что НКП думал все прежние педагогические учебные заведения преобразовать в один тип высших учебных заведений: «Теперь же, в виде переходной меры, мы приступили к преобразованию всех учительских институтов, семинарий и постоянных педагогических курсов в высшие педагогические заведения, которые должны выпускать высоко образованных педагогов, способных преподавать целую группу родственных предметов».

Таково общее содержание первой части Положения о Единой трудовой школе 1918 г.

Не меньший интерес представляет вторая часть—само Положение о Единой трудовой школе. Эта часть содержит в себе школьный устав. Положение состоит из пяти разделов: 1-ый раздел—общие положения о Единой трудовой школе, 2-й — основные начала школьной работы, 3-й—порядок и условия школьной работы, 4-й—основные принципы самоуправления Единой трудовой школы, 5-й — меры к проведению плана преобразования школ в жизнь. Во всех разделах—32 статьи. Декрет подписан тт. Свердловым, Покровским и Енукидзе.

Так как Положение о Единой школе составлялось очень скоро после Октябрьской революции, поэтому в нем содержится много идеальных требований, которые не проведены в жизнь и в настоящее время, но которые представляли педагогические выводы из политической программы партии революционного пролетариата.

Для примера приведу несколько статей из Положения, особенно ярко отражающих широту замыслов руководителей Наркомпроса в 1918 г.

«Статья 2. Единая школа разделяется на 2 ступени: I—для детей от 8 до 13 лет (5-летний курс) и II—от 13 до 17 лет (четырехлетний курс)». А к этой статье прибавлено интересное замечание: «К единой школе присоединяется детский сад для детей от 6 до 8-летнего возраста». Известно, что только теперь поднят вопрос об открытии при школах нулевых групп для детей семилеток.

«Статья 3. Обучение в школе I и II ступени бесплатное».

«Статья 4. Посещение школы I и II ступени обязательно для всех детей школьного возраста».

К сожалению, даже к одиннадцатой годовщине Октябрьской революции, мы не имеем возможности сделать обязательной I ступень, а не только II.

Так как тогда техническое самообслуживание считалось первым шагом трудовой школы, то приглашение технических служащих по найму разрешалось только «в случае невозможности удовлетворить хозяйственные нужды школы силами школьного коллектива» (ст. 8, прим. 2).

В статье 9 говорится, что при НКП и ОНО учреждаются должности инструкторов, на обязанности которых лежит периодическое посещение школ для поддержания живой связи их с соответствующими отделами народного образования и в целях оказания помощи преподавателям в их педагогической работе.

Впоследствии, кажется в 1921 году, должность инструкторов как педагогических консультантов была уничтожена и введена должность инспектора,—лицо с организационно-контрольными функциями и административными правами.

Современное состояние школ уже позволяет снова иметь наравне с инспектором-администратором инструктора-консультанта по педагогическим вопросам.

Большой интерес представляет ст. 2: «Настоящее Положение распространяется и на все школы, возникающие по частной инициативе. Этим последним может быть оказано государственная поддержка при условии признания ценности данной школы местным отделом народного образования».

Следовательно, по Уставу 1918 года признавалась частная школа, и ей могла быть оказана денежная помощь из государственной казны.

Еще обращаем внимание на целый ряд статей, которые теперь основательно забыты:

«Статья 15. Школы открыты для учащихся в течение 7 дней в неделю. Статья 17. Задание обязательных уроков и работ на дом не допускается. Статья 19. Все экзамены вступительные, переходные, и выпускные отменяются». Хорошо известно, что в школах (даже московских) задают обязательные уроки на дом, установлена целая система зачетов и вступительных испытаний для учащихся, переходящих из первой ступени во вторую. Жестокие зачеты проходят также по всем классам II ступени.

Вот еще целый ряд статей, забытых вследствие слабости материальными ресурсами бюджетов НКП и местных ОНО: «Статья 21. Во всех школах всех типов вводятся обязательные горячие завтраки бесплатно, согласно раскладкам гигиенических норм для детей соответствующего возраста. Статья 22. Все школы как I, так и II ступени должны состоять под регулярным наблюдением врачей. Статья 23. При поступлении ребенка в школу, необходим тщательный осмотр для определения состояния его физического и психического здоровья».

Как правило, последние три статьи в массовой школе очень плохо, или вовсе не проводятся.

Вот главнейшие черты этого во всех отношениях замечательного документа. Он насыщен волнующим революционным пафосом, содержит в себе большую сумму великих педагогических идей и дышит величайшим вниманием и нежнейшей заботой к детям. Мы еще будем возвращаться к нему при обзоре уставов 1925 и 1928 гг.

Один существенный упрек можно поставить Положению о Единой трудовой школе 1918 года: в нем очень слабо оттенены классовые моменты нашей советской школы.

IV.

УСТАВ 1925 ГОДА.

В Уставе 1925 года классовый принцип нашей советской школы выражен резче:

«1. Единая трудовая школа имеет целью дать детям возможность приобрести знания и навыки, необходимые для разумной организации как своей личной жизни, так и жизни в обществе трудящихся».

Интересно сопоставить формулировки цели воспитания школы царского периода. Вот как сказано в законе 1874 года:

«Начальное народное училище имеет целью утверждать в народе религиозные и нравственные понятия и распространять первоначальные полезные знания».

Третья буржуазно-помещичья Государственная дума в своих формулировках недалеко ушла от бюрократии самодержавного царя:

«Начальные училища имеют целью дать учащимся религиозно-нравственное воспитание, развить в них любовь к России, сообщить им необходимые первоначальные знания и способствовать их умственному разитию.

Достижению этой цели всемерно содействуют все учащие и лица, которым принадлежит руководство учебно-воспитательным делом». (Взято из текста законопроекта, принятого в 1911 году Гос. думой).

Продолжим дальше разбор Устава 1925 года.

«7. Школы I и II ступени являются школами государственными; существование частных школ не допускается». Напомним, что по Уставу 1918 года частная школа разрешалась и ей могла быть оказана помощь из государственной казны.

«10. Управление школой. Ответственное руководство педагогической, хозяйственной и административной частью каждой школы возлагается на заведующего школой, который председательствует на школьном совете».

Любопытно отметить, что в Положении 1918 года о заведующем школой даже не упоминается. Ответственным органом школьного управления являлся школьный совет. Наоборот, по Уставу 1925 года школьному совету присвоены больше совещательные функции учебно-хозяйственного, а не административного характера.

В Уставе 1925 года также имеются пункты, которые оказались невыполненными на практике: «30. Как при поступлении в школу, так и в течение учебного года учащиеся подвергаются тщательному медицинскому осмотру для определения состояния и изменения их физического и психического здоровья». Эта прекрасная статья остается благим пожеланием в условиях деревенской массовой школы.

В Уставе 1925 года также не совсем отчетливо проводятся классовые принципы нашей советской школы. Единственным ярко выраженным местом Устава является статья 35: «Вся работа в школе и весь строй ее должны способствовать выработке в учащихся классового-пролетарского самосознания и инстинктов, осознанию солидарности всех трудящихся в борьбе с капиталом, а равно подготовке полезной производительной и общественной политической деятельности».

V.

ПРОЕКТ УСТАВА 1928 ГОДА.

Переходя к проекту Устава 1928 года, мы можем отметить большой прогресс в ясности идеологических требований пролетарской школы.

«§ 1. Советская школа имеет своей целью воспитать подрастающее поколение в духе коммунизма, подготовить из него активных участников

в социалистическом строительстве и в классовой борьбе международного пролетариата». Дальше идет параграф, целиком взятый из программы ВКП(б), относящийся к определению задач школы в период диктатуры пролетариата.

В следующих семи параграфах изложены идеологические основы Единой трудовой политехнической школы. Укажем на объяснение термина трудовая школа. В Уставе 1925 года говорится: «В основу работы школы кладется всестороннее теоретическое и практическое изучение трудовой деятельности людей и ее организации». В проекте Устава 1928 года определение трудовой школы несомненно ближе к истине: «Советская трудовая школа должна быть трудовой, т. е. проводящей тесную связь обучения с общественно-производительным трудом, и политехнической, т. е. знакомящей в теории и на практике со всеми главными отраслями производства».

Очень много места, и совершенно законно, уделено воспитательной роли школы.

«§ 7. Весь строй школьной жизни и работы должен преследовать задачу—воспитать: а) ясное сознание задач социалистического строительства, умение разбираться в сложности окружающей обстановки, в противоречивой борьбе социалистических и капиталистических элементов; б) товарищество, солидарность и взаимопомощь не только в близком кругу знакомых, но и по отношению ко всему классу, ко всем трудящимся, без различия рас и наций (интернационализм); в) коллективизм в работе и быту; г) сознательное отношение к своему труду, стремление поднять его производительность, усилить темп работы, добиться наилучших результатов с наименьшей затратой сил, хозяйское отношение к общественному делу и имуществу, преданность делу и энтузиазм в работе, стремление к самокритике и самопроверке; д) ненависть ко всем пережиткам старого, ко всяким явлениям, подрывающим социалистическое строительство, путем использования трудностей его и противоречия нашего быта (антисемитизм, хулиганство, мелкособственничество и т. п.), стремление активно с ними бороться».

Полностью соглашаясь с программой воспитательных навыков для 9-летки, думаем, что следовало бы разделить эту программу навыков на две части: для школ I ст. и школ II ст. Есть опасность, чтобы учителя I ст. не увлеклись заманчивым желанием привить детям 8—12 лет «ясное сознание задач социалистического строительства».

Недавно проведенные анкеты в московских школах показали, что из 342 детей 4-ой группы I ступени—только у 120 есть некоторое, общее, очень приблизительное представление о социализме 125 детей—совсем не знают этого слова, 77—смешивают социализм с царизмом, с чем угодно.

Само собой разумеется, что Устав пишется для учителей, однако и для них нужно разграничить программу навыков, какие они должны привить детям каждой ступени.

Нельзя согласиться с § 14, которым устанавливается бесплатное лечение только тех детей, с которых не взимается плата за обучение.

Если здесь преследуются экономические выгоды, то они будут ничтожны, а если—политические, то тем хуже; за обучение платят и рабочие, члены профсоюзов, получающие более повышенную ставку. Этот параграф ударит сильнее всего по детям, которых родители вообще не любят лечить.

На основании § 16 для поступления в школу «достаточно письменного заявления родителей, опекунов, или учащихся».

Подача письменного заявления—совершенно излишняя формальность для детей 1-й группы I ступени. Это создаст в деревне лишние преграды для ребенка. Достатоно устного заявления. Необходимо внести примечание—для первой группы I ступени.

Параграфом 21 устанавливается возраст для поступающих в школы. Для 1-й группы I ступени 7—9 лет. С этими нормами нельзя согласиться. Опыт детских садов показал, что дети-семилетки ближе по своим интересам к детям сада, чем к детям школы. Семилетки в школе будут затерты, смяты старшими. Наиболее правильный выход—организация нулевых групп при школах, под руководством дошкольниц. Об этом ничего не сказано в проекте Устава.

Заслуживает большого внимания следующий абзац из § 25:

«Учащиеся, не усвоившие более двух основных предметов настолько, что при добавочной летней работе они не в состоянии подравняться под общий уровень группы, оставляются на 2-й год».

Деление предметов школьной программы на основные и неосновные—не имеет никаких разумных оснований. Это—возврат к старой дореволюционной практике. Тогда нужно делить и преподавателей на основных и неосновных. В дореволюционной школе так и было: преподаватели пения, рисования и ручного труда не могли быть членами педагогического совета средней школы.

Большую дозу ядовитого сомнения возбуждает требование, чтобы дети, не усвоившие более двух основных предметов, оставлялись на второй год. Такое формальное и огульное решение вопроса о второгодничестве для I ступени, семилетки и девятилетки совершенно не пригодно.

Более двух основных предметов для I ступени—это один смысл, а для II ступени это имеет совершенно другой вес и смысл.

Это требование для I ступени губительно; оно убивает комплексную систему и очень поощрит сторонников школы-учебы. Комплексные темы, связь с жизнью исчезнут в предметах арифметики, чтении и письме. А это противоречит § 3 проекта Устава, где сказано, что «Советская школа должна быть трудовой, т. е. проводящей тесную связь обучения с общественно-производительным трудом».

Категорическое требование—ни в одной группе не допускать оставления детей на третий год—направлено острием против детей. Следует внести поправку в том смысле, что разрешается в исключительных случаях оставлять на третий год.

В разделе «Управление школой» обращает на себя внимание § 29, где говорится о заведующем школой.

В этом параграфе сказано:

«Полная ответственность и руководство всей учебной, педагогической, воспитательной, административной и хозяйственной жизнью школы возлагается на заведующего школой».

Напомним, что в Уставе 1918 года о заведующем совсем не упоминается. То была реакция против директоров прежних средних школ.

В Уставе 1925 года «ответственное руководство возлагается уже на заведующего, а в проекте Устава 1928 года еще резче: «Полная ответственность и руководство... возлагается на заведующих школой».

Облекая заведующих такими полномочиями, Устав оттесняет на второй план участие союза Рабпроса в подборе кандидатов:

«Кандидатура на должность заведующего может выдвигаться школьным советом, профессиональными и партийными организациями». Можно предложить такую формулировку: «Кандидатуры на должность заведующего выдвигаются ОНО по соглашению с профсоюзной организацией работников просвещения». Кажется во всех производствах принят такой порядок при назначении заведующих учреждениями.

Следует возражать также против § 30, где сказано, что школьные работники назначаются, перемещаются и увольняются ОНО по представлению или предварительному согласованию с заведующим школой.

Почему же только с заведующим, почему опять союзная организация работников просвещения устранена от подачи голоса в выборе или устранении школьного работника?—Это совсем непонятно.

Кажется совсем новым разделом в проекте Устава 1928 года может показаться такой раздел:

«Участие трудящихся в работе школы»—а между тем нового в нем почти ничего нет. В нем говорится о составе и компетенции школьного совета. Поэтому нам кажется, что заглавие раздела неправильно. Этот раздел нужно озаглавить гораздо проще—«Школьный совет, его состав и функции». Кстати заметим, состав его совсем не изменился по сравнению с составом совета по Уставу 1925 года, кроме числа учащихся.

Совершенно правильно принято решение авторами проекта усилить совет представителями от детей.

В совет входят дети от третьей и четвертой группы, а также от учкома. По Уставу 1925 года в совет дети входили только от четвертой группы.

Действительно новым разделом в Уставе можно считать «Родительские собрания и Комитеты содействия».

Эти организации доказали свою жизненность. Поэтому, естественно, если их состав и задачи будут внесены в новый Устав.

Очень интересным пунктом Устава нужно считать—«Отчетность школы перед общественными организациями и населением». Эта мера приблизит школу и его коллектив к населению и побудит широкие круги рабоче-крестьянского населения больше интересоваться школьной жизнью и чутче относиться к нуждам советской школы.

VI.

ОБЩИЕ ИТОГИ И ВЫВОДЫ.

Подведя итоги сказанному, можно сделать следующие выводы:

1. Начиная с 1918 г., организационные формы школьной конституции приобретают все большую стройность и идеологическую ясность целей, поставленных новой государственной системой воспитания.

2. Организационные принципы школы совершили эволюцию от общечеловеческих внеклассовых целей воспитания к резко выраженным боевым требованиям рабочего класса СССР, который во враждебном окружении совершает колоссальную работу реорганизации хозяйства огромной страны.

3. Вначале слишком общее, весьма отвлеченное толкование понятия «трудовая школа» постепенно пополняется реальным содержанием, органически связанным с очередными проблемами живой действительности.

4. Формы управления школой проделали интересную эволюцию от полной коллективности (Устав 1918 г.) к полному единоначалию в руководстве и ответственности за состояние школы (Устав 1928 г.).

5. Проект Устава 1928 года в общем полнее классовыми идеологическими принципами, богаче организующими школьный коллектив моментами, чем уставы предшествующих лет. Проект Устава сближает школу с населением, живее заинтересовывает родителей в процветании школы, в правильной организации как воспитательного процесса, так и хозяйственной жизни детского учреждения.

Однако проект Устава имеет несколько ненужных и вредных для детей формальных пунктов, которые могут повести к искажению программ Гуса и к стеснению детской жизни в школе.

Эти моменты нами отмечены в тексте статьи с указанием соответствующих параграфов проекта Устава.

К. БЕНДРИКОВ.

КАК НУЖНО ПЕРЕСТРОИТЬ НАРКОМПРОС[1]

Капитальная реорганизация НКП имела место в 1922 г., но и после нее в НКП ежегодно происходили частичные реорганизации, обусловленные отчасти давлением изменившейся обстановки (реорганизация АОУ, организация Главискусства, ликвидация Совнацмена, как особого управления, назревающая реорганизация Гуса), отчасти реорганизацией низового аппарата (переход на инспекторскую структуру с упразднением отделов и п/отделов), отчасти, наконец, требованиями режима экономии (все реорганизации до 1927/28 г., с частичным упразднением некоторых отделов, с сокращением штатов). Характерно, что реорганизации, так сказать, принципиального характера начинаются именно с 1927/28 г., когда политические директивы и властные требования жизни поставили НКП и просветительную работу в центре обостренного внимания партии и советской общественности. Реорганизации же, имевшие место до этого времени, носили ярко выраженный механический характер с ампутацией тех или иных частей из-за требований чисто бюджетного характера. Но и реорганизации 1927/28 и 1928/29 гг., и, тем более, все предшествующие, протекали под давлением конъюнктурных требований данного момента, без ясно осознанной конечной цели, только ступенями к которой и могли быть эти частичные реорганизации. Этой цели нет в сознании наших кадровых работников и сейчас ни в отношении аппарата НКП, ни, тем более, в отношении всей аппаратной проблемы в целом, как нет и того принципиального критерия, исходя из которого нужно измерять недостатки современного аппарата и строить новую систему органов управления.

О беспринципности проведенных реорганизаций лучше всего говорит самая их многочисленность: аппарат дергается ежегодно, и работники, не видя цели всех этих многочисленных перестроек, дезорганизуются, теряют веру в целесообразность рационализаторской работы, а кое-кто проникаются даже чисто паническими настроениями.

Видимо, пора произвести генеральную проверку тех принципов, на которых строился НКП в 1922 г., тех поправок, которые были внесены в его структуру с тех пор, и причин, обусловивших необходимость таких именно, а не иных поправок; нужно отчетливо осознать, куда растет вся система народного образования и отдельные ее составные части и, наконец, сознательно наметить цель и отдельные этапы дальнейших перестроек и дать в этом направлении всем нашим аппаратным работникам отчетливую перспективу. В полном объеме такая работа по силам только всему коллективу работников ОНО и НКП с участием советской общественности, поэтому настоящую статью надлежит рассматривать, только как попытку наметить главные линии

---

[1] В дискуссионном порядке.

нашего дальнейшего развития, хотя бы в самых общих чертах, и дать толчек дальнейшей работе в этом направлении на некоторой новой принципиальной основе.

Литкенсовская реформа построила (или перестроила) управления НКП по типам учреждений, сгруппированных по возрастному принципу, отнеся к Главсоцвосу все типы школ с клиентурой в возрасте от 3 до 17 лет, к Главпрофобру—учреждения с узко-профессиональной установкой и клиентурой после-соцвосовского возраста и к Главполитпросвету—учреждения с взрослой клиентурой.

Отступлением от этого принципа являлось: 1) включение в профобровскую систему рабфаков, которые должны бы значиться в системе политпросветучреждений; 2) некоторое перекрещивание возрастов между ГПФ и ГСВ, что было неизбежно из-за нарушения принципа построения профобровской школы над девятилеткой (после 17 лет); 3) передача работы по ликвидации неграмотности среди переростков (до 16 л.) в ГПП, что было, впрочем, исправлено в 1926/27 г., когда переростки переданы в ГСВ, и 4) образование двух управлений—Административно-организационного и Совнацмена—проблемного характера. В остальном возрастной принцип был выдержан довольно строго.

Для своего времени, когда иные принципы построения аппарата были неясны, комбинирование учреждений в управлениях по возрастному принципу было неизбежным. Но эта неизбежность была таковою только для определенного ограниченного отрезка времени и ее отнюдь нельзя рассматривать, как это делает ряд товарищей, как нечто вечное.

Сугубая относительность возрастного принципа лучше всего была доказана жизнью в последующие за реформой Наркомпроса годы, и сейчас, когда налицо ряд новых (тогда отсутствовавших) типов учреждений и когда прежние типы учреждений существенно изменили свою целевую установку, мы имеем резкие отклонения от этого принципа и величайшую чересполосицу.

Например, почему в ГПФ находятся рабфаки и курсы подготовки в вузы? По целевой установке их место в системе совцвоса, по возрастному принципу—в системе политпросветучеждений. Возникающие вечерние ШКМ по возрастному принципу (16—22 л.) должны находиться в системе ГПП, а их относят к ГСВ, так как там уже находятся дневные ШКМ. Профуклоны находятся в ГСВ, тогда как по целевой установке и по роли их в подготовке рабсилы их место в системе профобра. Ряд комвузов имеющих ярко выраженную профессиональную целевую установку (АКВ, ГИЖ, п/просветинститут), должен находиться в ведении ГПФ, а они находятся в системе ГПП. Число этих примеров можно бы умножить, но я думаю, что достаточно и этих, как наиболее характерных.

С другой стороны, старые «возрастные» управления попрежнему пересекаются управлениями «проблемного» характера, как ОПУ, Гус и Главискусство, причем эти проблемные управления, в особенности ОПУ, приобретают все большее значение, стягивая к себе функции (плановые, финансовые, организационные), ранее выполнявшиеся возрастными управлениями.

Все это говорит, по моему, о том, что аппарат НКП в данное время уже не может строиться на возрастном принципе, законном в свое время, пока не было столь отчетливо осознано хозяйственно-экономическое, энергетическое значение просветительной работы. Сейчас это значение является основным, по этому камертону перестраиваются все наши школы, и напрасно некоторые товарищи говорят об этом значении, об этой установке, как о скоропроходящей моде. Что это не мода, видно из того, что и генеральная установка, данная для всей просветительной работы XV съездом ВКП(б), также говорит «о приспособлении всего народного образования к потребностям социалистического строительства», а эти последние требуют в первую очередь мощного усиления энергетических ресурсов страны, в которых человеческая сила, в особенности сила в той или иной степени квалифицированная, играет решающую роль, способствуя расширению энергетических рессурсов и организуя их использование.

Правильно ли сводить, в основном, значение просветительной работы к ее роли в воспроизводстве квалифицированной рабочей силы? Не означает ли это сужение ее размаха, как думают и опасаются некоторые, даже не отрицающие основной роли энергетики?

Для того чтобы ответить на этот вопрос, нужно условиться о правильном понимании термина квалификация в применении к тому, о чем я говорю. Обычно, квалифицированная рабочая сила отождествляется с понятием индустриального рабочего определенной квалификации, находящей свое отражение в оплате его по тому или иному разряду тарифной сетки. Говоря о том, что наши просветительные учреждения квалифицируют человеческую силу, я имею в виду не это, так сказать, наркомтрудовское понятие. Ему действительно соответствуют только специальные профтехнические учебные заведения. Я имею в виду квалификацию самых разнообразных оттенков и ступеней, дающую человеку те или иные знания, уменья и навыки, позволяющие ему безболезненно или с минимальными трениями включиться в практическую жизнь на том или ином ее участке. Этому народно-хозяйственному пониманию квалификации корреспондируют почти все наши просветительные учреждения и в этом именно направлении они эволюционируют.

Оставим без рассмотрения, как бесспорные, профтехнические учебные заведения. Но разве, скажем, школы крестьянской молодежи не дают определенной трудовой квалификации? Разве через них мы не стремимся не только дать учащимся общие знания и политическое развитие, но, и это основное, качественно изменить крестьянский труд, а через него и сельское хозяйство? Ведь без этой предпосылки ШКМ и огромные затраты на них теряют всякий смысл. И это в равной мере относится к ШКМ дневным и вечерним, и возраст учащихся играет здесь совершенно подчиненную роль.

Но разве все сказанное, в еще большей мере, не применено к детдомам, фабрично-заводским семилеткам (ФЗС) и профессионализированным (уклоновым,) школам II ступени и девятилеткам?—Ведь именно потому, что жизнь властно выдвигает энергетическую установку для просветительной работы, как основную, и появились профуклоны в повышенной школе и началось преобразование общеобразовательных семилеток в ШКМ и ФЗС. И чем дальше будет итти этот преобразовательный процесс, чем лучше будут оборудоваться наши школы повышенного типа, тем ярче будет выступать их значение как мастерских для подготовки рабочей силы самых различных квалификаций для самых разнообразных секторов народного хозяйства (от сельского хозяйства до советского аппарата включительно). Я взял эти именно примеры потому, что на них процесс «объэнергичивания» (если можно пустить в оборот такое довольно неуклюжее слово) нашей общеобразовательной школы зашел настолько далеко и выражен настолько ярко, что отрицать его просто невозможно.

Но ведь такие же тенденции намечаются и в общеобразовательных школах низших ступеней. В связи с проблемой профтехграмотности приходится всерьез ставить вопрос о некоторой профессионализации школ I ступени, школ для переростков и ликпунктов. Но даже и без такой нарочитой, ярко выраженной профессионализации, заметно даже для невооруженного глаза квалифицирующей обучающегося в трудовом отноше-

нии, разве не ясно, что окончание даже обычной школы I ступени повышает трудовую квалификацию окончившего как будущего рабочего?—Оспаривать это после блестящей работы т. Струмилина («Эффективность всеобщего обучения») как-то странно.

Этот же процесс захватывает и комвузы и совпартшколы, усваивающие себе определенные профустановки (АКВ, ГИЖ, Политпросветинститут, установка СПШ на подготовку низового политпросветчика).

Остаются еще учреждения несистематического пользования: избы-читальни, клубы, библиотеки, музеи и т. п. Убеждение, что эти учреждения не имеют квалифицирующего значения в вышеуказанном смысле опирается не только на суженное понимание квалификации, но и на наше неуменье (пока) улавливать те бесконечно малые величины, на которое квалифицируется человеческая сила, обрабатываемая учреждениями несистематического пользования, и именно потому, что она пользуется этими учреждениями несистематически. А что такое повышение квалификации и в этом случае имеет место, становится очевидным, если читатель библиотеки или клиент клуба и избы-читальни пользуется ими систематически (работает, например, в организованных при них технических или сельскохозяйственных кружках и т. п.).

Исключает ли энергетическая установка всякое иное значение просветительной работы—политическое, общеобразовательное, воспитательное? Из вышеизложенного ясно, что не только не исключает, а, наоборот, предполагает наличие этих других установок, и те, кто пытаются не видеть этого, исходят, опять-таки, из неправильного понимания квалификации. Они знают исключительно цеховую, техническую квалификацию, превращающую человека в простой придаток машины, тогда как в понятие «квалифицированная рабочая сила» нужно вкладывать гораздо более широкое содержание, ибо рабочая сила не является вполне квалифицированной, если ее технические знания, навыки и умения не опираются на политическое развитие, на достаточно широкую базу общеобразовательных знаний, на развитие всех тех способностей, которые заложены в человеке.

Можно сказать: все это так, тенденции развития системы народного образования уловлены правильно, но какое значение имеет это для построения аппарата НКП? Не все ли равно, какие управления какими учреждениями ведают? Что это не так, видно из того, что и в 1922 г. НКП строился, хотя и с известными отступлениями, по определенному принципу, и именно наличие этой принципиальной базы и позволяет теперешней структуре держаться даже под сильными ударами извне.

Группировка учреждений, пока хотя бы школьного типа, по признаку даваемой ими трудовой квалификации,—во-первых, сделает основной именно эту установку, соподчиняя ей все остальные (соподчиняя, а не устраняя!), во-вторых, ускорит этот процесс, пока протекающий в значительной степени стихийно, а иногда и с значительными трениями, в-третьих, усилит связь школы с народным хозяйством и позволит лучше удовлетворять требования как его, так и широких масс трудящихся, не без основания жалующихся на некоторую аморфность, безличность наших школ; в-четвертых, сделает систему народного образования действительно единой, способствуя уничтожению существующих программных и возрастных разрывов.

Разумеется, все это будет делаться и при современной структуре, но с большими трениями, с большой добавочной энергией на преодоление сопротивления аппарата, построенного по возрастному (биологическому) принципу. Наша задача, задача организаторов просветительной работы, предвидя это, во-время сменить аппаратный костюм, из которого просветительная работа уже выросла.

Исходя из общепринятой группировки рабочей силы по квалификациям, просветительные учреждения нужно сгруппировать в НКП по следующим секторам: 1) сектор начального образования, 2) сектор повышенного образования, 3) сектор высшего образования и науки, 4) сектор внешкольного образования. Кроме того должен существовать мощный организационно-плановый сектор, Главлит и, на правах комиссии при коллегии НКП, Государственный ученый совет.

Сектор начального образования должен объединять: дошкольные учреждения, школы I ступени, школы переростков, детдома, ликпункты, школы малограмотных и школы взрослых повышенного типа, рабочие и крестьянские курсы и все низшие профессионально-технические учебные заведения.

Сектор повышенного (или среднего) образования должен объединять: все повышенные школы соцвоса (7-и 9-летки, II ступень, ШКМ, ФЗС), совпартшколы, рабфаки, курсы по подготовке в вузы, рабочие и крестьянские университеты и техникумы нормального типа.

Сектор высшего образования и науки должен объединять вузы, квузы, научные учреждения, подготовку аспирантуры и техникумы повышенного типа (или вузы пониженного типа).

Сектор внешкольногоо бразования должен объединять: музеи, массовые библиотеки, избы-читальни, киноработу, театры, и быть организационным центром заочного обучения и самообразовательной работы, а также центром по ведению таких работ, как антирелигиозная, антиалкогольная и др.

О функциях Организационно-планового сектора говорить не приходится, так как, в основном, они уже и сейчас определены с достаточной четкостью.

Что можно возразить против объединения в одном управлении, скажем, СПШ и ФЗС? Только то, что нивеллировка этих учреждений под один энергетический уровень пока еще довольно условна, но это—результат прошлой нашей работы, и нужно иметь в виду, что нивеллирующее влияние экономики дальше будет действовать еще сильнее, чем сейчас. Второе возражение: такая комбинация учреждений страшно осложнит методическую работу, которую легче вести для более узкого раствора возрастов, но, с моей точки зрения, методические трудности в теперешнем, скажем, ГСВ и ГПП не меньшие: ведь амплитуда между начальной школой и учреждением для трудно-воспитуемых или между ликпунктом и квузом также достаточно велика.

Можно ли сразу осуществить такую реформу? Думаю, что это будет очень трудно. Нужно пройти через некоторый промежуточный этап, когда учреждения будут комбинироваться примерно следующим образом:

1) Организационно-плановое (или Эконом.-плановое) управление, ведающее всей организационной, финансовой и плановой работой (при отсечении от всех управлений теперешних оргчастей); 2) Управление общего начального образования, ведающее учреждениями, дающими начальную трудовую и образовательную квалификацию (дошкольные, школы переростков; ликпункты, школы малограмотных, рабочие и крестьянские курсы, школы взрослых повышенного типа, детдома и т. п.); 3) Управление общего повышенного образования, ведающее учреждениями, дающими трудовую и образовательную подготовку, примерно, средней квалификации (школы 7-и 9-летки, школы II ступени, ФЗС—ШКМ, рабфаки, СПШ, курсы подготовки в вузы, рабочие и крестьянские университеты и т. п.); 4) Управление профессионально-технического образования

в современном его виде с добавкой квуз, научных учреждений и аспирантуры и с вычетом рабфаков и курсов подготовки в вуз; 5) Управление внешкольных мероприятий (музеи, избы-читальни, библиотеки, и т. п.); 6) Главлит и 7) Гус.

Сколько времени можно прожить в рамках этой структуры сказать трудно, и зависеть это будет от очень многих причин. Но отступление от принципа в чистом виде, поскольку оно носит осознанный временный характер, не должно нас пугать.

Понятно, что распределение учреждений по новым управлениям, намечаемое мною, очень условно, и, лично у меня, есть, например, сомнения в необходимости уже сейчас оставлять низшие профучебные заведения в управлении профессионального образования. Но—это детали. Важна же оценка основного принципа, исходя из которого должен перестраиваться аппарат.

Аппарат НКП должен быть составлен из действительно высококвалифицированных во всех отношениях лиц (лучше меньше, да лучше) с высокой оплатой, обладать достаточными средствами для длительных командировок и решительно разгрузиться от всякой вермишельной работы, став действительно штабом культурной революции, органом директивным по вопросам политическим, организационным, плановым и методическим.—Максимум текущей оперативной работы должен быть передан в краевые ОНО, аппарат которых должен быть количественно значительно усилен. В непосредственном ведении крайоно должны находиться высшие учебные заведения, научные учреждения и все учреждения повышенного типа (последние преимущественно в методическом отношении). Инспектура крайоно должна быть построена по тому типу, как это имеет место сейчас на Северном Кавказе (функционально-методическая, а не типовая инспектура [1].

Округа в процессе дальнейшего упрощения административного деления, очевидно, будут отмирать, поэтому и по линии НКП в округах может быть оставлен лишь небольшой инспекторский аппарат исключительно для бюджетных целей и для инспектирования как всех просветительных учреждений повышенного типа в административно-организационном отношении, так и районо.

Два районных инспектора в каждом районе должны быть инспекторами интегральными. Это обусловлено не только уничтожением отдельной системы политпросвета, но и необходимостью дать равномерную нагрузку инспекторам. Вместе с членом рика, ведающим вопросами народного образования, инспектора составляют районо, непосредственно ведающее всеми учреждениями, подчиненными управлению начального обучения.

В целях постоянной и организованной связи с советской общественностью и в НКП и в крайоно должны быть созданы авторитетные советы народного образования из представителей партии, комсомола, крупных профсоюзов, хозорганов, заводов и фабрик, групп бедноты и виднейших педагогов и ученых.

Мне кажется, что реорганизуясь именно по этому направлению, НКП лучше всего осуществит большие задачи, поставленные перед ним партией и реконструкцией народного хозяйства. И, наоборот, всякая попытка продлить существующее положение или реставрировать в первобытной чистоте возрастный принцип, как это предлагают некоторые товарищи, будет тормозить выполнение этих задач, создавать на пути их разрешения лишние организационные барьеры.

В. КАСАТКИН.

[1] Подробнее см. об этом типе инспектуры мою статью «Организационные вопросы» в № 2 журнала «Народное просвещение» за 1928 г.

РОЛЬ ЗЕМЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ В ДЕЛЕ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Вопросам сельскохозяйственного образования Народный комиссариат земледелия за последнее время уделил особое внимание. В коллегии Наркомзема был заслушан ряд докладов, освещающих состояние и перспективы наших сельскохозяйственных учебных заведений, выявлены их пропускная способность, оборудованность, материальное состояние и постановка учебного дела, как равно и освещены вопросы сельскохозяйственного образования и пропаганды внешкольного характера, т. е. работа среди самого крестьянского населения по распространению сельскохозяйственных профтехнических знаний. Подведенные итоги в этих областях далеко неутешительны и они говорят о том, что перед нами, перед органами Наркомпроса, Наркомзема и перед всей общественностью стоит огромнейшая работа, которую еще нужно организовать и поставить на широкую ногу; они говорят о том, что вопросу о подготовке новых кадров специалистов для сельского хозяйства еще до сих пор не уделено надлежащее внимание, что темп работы в этой области резко отстает от темпа развития сельского хозяйства и тем самым не может удовлетворять быстро растущие нужды всех отраслей сельского хозяйства. Здесь имеется огромный разрыв, который изо дня в день все расширяется и требуются особые усилия, особая внимательность, чтобы этот разрыв, если и не сразу ликвидировать, то сузить его постепенно и систематически.

Коллегия Наркомзема не только указывала основные недочеты и пробелы по вопросам сельскохозяйственного образования, но также указала на целый ряд практических мероприятий, указала тот путь, по которому в дальнейшем должна итти вся работа. Здесь не стану останавливаться на всех решениях коллегии Наркомзема по вопросам сельскохозяйственного образования, ибо это потребовало бы очень много времени, да это и не цель данной статьи.

Мы остановимся только на одном весьма важном вопросе: об участии и роли земельных органов в деле сельскохозяйственного образования. Как ни печально, но до сих пор на местах земельные органы не уделяют должного внимания вопросам сельскохозяйственного образования и сельскохозяйственной пропаганды. Сплошь да рядом мы видим кричащие недочеты, но земорганы в лучшем случае покритикуют, поговорят о слабой подготовке сельскохозяйственных специалистов и о их недостаточности, а в целом, в смысле помощи, придерживаются деревенской мудрости во время пожара: «моя хата с краю». Мало того, было немало и таких случаев, где действия земельных органов приносили прямо вред сельскохозяйственным учебным заведениям (отобрание учебных хозяйств, земли, леса, распродажа живого и мертвого инвентаря и т. д.). Это несомненно последствия еще до сих пор царствующих узковедомственных взглядов на дело сельскохозяйственного образования. «Мы, земорганы, потребители, а Наркомпрос должен дать все, что нам необходимо и сколько необходимо. Обо всем остальном нам и дела нет». Но эти взгляды не только неправильны, они прямо вредны и преступны во всех отноше-

о месте в системе нашего народного образования так называемых низших профтехнических школ или школ рабочего образования: школ фабзавуча, профшкол, индивидуально-бригадного ученичества, учебно-производственных мастерских и т. д.

Мы останавливаемся на этом вопросе кратко не потому, чтобы мы считали его менее важным по сравнению с высшими и средними техническими учебными заведениями. Наоборот, в наших условиях мы считаем, что низшее массовое профтехническое образование должно иметь и будет иметь значительно большее развитие и не меньшее значение, чем высшие ветви профобразования, но подробное рассмотрение этого вопроса требует посвящения ему особой статьи.

Пока же мы позволим себе вкратце формулировать некоторые основные положения. Прежде всего, мы считаем необходимым устранить, при рассмотрении основного вопроса о построении системы народного образования, вопрос о подготовке рабочих разного рода ускоренными методами (курсы ЦИТ и т. п.).

В то время, когда производство предъявляет требования о подготовке в наиболее краткий срок большого количества рабочей силы, получившей хотя бы элементарные навыки работы в производстве, приходится прибегать,—и это совершенно правильно,—ко всякого рода мерам, хотя бы и к явным суррогатам. Но в системе народного образования мы должны предусмотреть постоянные и нормальные типы учебных заведений и такую форму подготовки квалифицированной рабочей силы, которая бы отвечала основным условиям советского строительства—подготовки не автомата, могущего выполнять те или иные манипуляции, а технически и политически грамотного рабочего, сознательно относящегося к производимой им работе и понимающего значение предприятия или производства в общей системе социалистического строительства.

С этой точки зрения наиболее правильным типом являются учебные заведения с более или менее длительным курсом обучения—школа фабзавуча, профшкола и т. д.—на образовательной базе не ниже школы I ступени.

Соответственно высказанным нами общим положениям и эти учебные заведения не должны строиться по одному шаблону, а допускают различные модификации: учебные заведения с 2—3—4-летним курсом на базе 4-летки и 6-летки,—все это в зависимости от условий производства, требований, предъявляемых этим производством к рабочим различной квалификации, и предопределяемой этими основными условиями общеобразовательной и общетехнической подготовки. Принцип индивидуализации и дифференциации особо должен быть выдержан по отношению к учебно-производственным и кустарным мастерским, призванным обслуживать деревню. Ко всем остальным условиям здесь необходимо прибавить еще простоту организации и максимальную дешевизну самого учебного заведения, так как иначе оно оказывается совершенно непосильным для бюджета низовых советских органов (рика, сельсовета), наиболее заинтересованных в организации подобных учебных заведений и—минимальную продолжительность курса, так как в противном случае длительный отрыв от семьи и длительное содержание подростка в этих учебных заведениях фактически делает их посещение недоступным для массы крестьянских детей.

П. И. КАГАН.

ПЛАНИРОВАНИЕ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

РАСХОДЫ НА НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В БЮДЖЕТАХ АВТОНОМНЫХ РЕСПУБЛИК И ОБЛАСТЕЙ РСФСР ЗА 5 ЛЕТ.

Наступивший 1928/29 бюджетный год является первым годом проведения в жизнь нового «Положения о бюджетных правах АССР».

По этому положению за бюджетами АССР закрепляются все территориальные поступления от государственных налогов и неналоговых доходов государственного значения, что должно повести к значительному укреплению финансовой базы АССР и обеспечить возможность дальнейшего развития культуры и хозяйства АССР.

На пороге проведения в жизнь нового закона представляется интересным подвести итоги достигнутых результатов в области одной из главнейших отраслей культурной работы—народного образования.

Но характеризуя состояние народного образования в автономных республиках РСФСР и достигнутые в этой области за 5 лет результаты, нельзя обойти молчанием и состояние народного образования в автономных областях [1].

Развитие хозяйства и культуры как в автономных республиках, так и в автономных областях в силу ряда географических и экономических особенностей протекало в чрезвычайно тяжелых условиях.

Малая плотность населения, наличие громадных необжитых пространств при почти полном отсутствии дорог, отсутствие помещений под школы, квартиры для педагогического персонала и ряд других условий требовали не только громадных вложений в дело культурного строительства национальных окраин, но и значительно понижали эффективность производимых затрат, так как стоимость содержания учреждения в виду указанных выше причин значительно повышалась.

На протяжении всего пятилетия с 1923/24 по 1927/28 бюджетный год культурно-социальные расходы по бюджетам автономных республик и областей поглощали около половины всех бюджетных ассигнований; в числе их наибольший удельный вес имели расходы на народное образование, составлявшие в 1927/28 г.—29,6% всех расходов бюджета.

Общая сумма расходов по бюджетам АССР [2] и автономных областей за 5 лет и роль в них расходов на народное образование характеризуется следующими данными:

---

[1] Данные приводятся по автономным областям, не вошедшим в краевые объединения.

[2] Расходы по АССР показаны по государственным и местным бюджетам АССР; по автономным областям—только по местным бюджетам.

Таблица 1.

	Данные по исполнению				Назначение
	1923/24 г.	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.
Всего расходов.					
По АССР и авт. областям . .	60 377, 6	94 406, 9	152 947, 4	210 488, 8	241 045, 5
Процент роста	—	56, 4	62, 0	37, 6	14, 5
На душу населения	3 р. 46 к.	5 р. 31 к.	3 р. 43 к.	11 р. 47 к.	12 р. 83 к.
В том числе:					
I. Культ.-соц. расходы.	26 556, 3	42 112, 3	61 216, 8	82 838. 4	106 068. 0
Процент роста	—	58, 5	45, 3	35, 3	28, 0
На душу населения	1 р. 51 к.	2 р. 36 к.	3 р. 36 к.	4 р. 51 к.	5 р. 64 к.
Удельный вес в общей сумме расходов	43, 9%	44, 6%	40, 2%	34, 1%	44, 0%
а) Расходы на народное образование	17 281, 2	28 284, 7	41 142, 1	55 621, 4	71 684, 9
Процент роста	—	63, 7	45, 4	35, 2	28, 9
На душу населения	0 р. 98 к.	1 р. 58 к.	2 р. 26 к.	3 р. 03 к.	3 р. 81 к.
Удельный вес.					
1) В общей сумме расходов . .	28, 6	29, 9	26, 8	26, 4	29, 6
2) В сумме культур.-соц. расходов	65, 0	67, 1	67, 2	67, 1	67, 5

При росте расходной части бюджета автономных республик и областей за 5 лет на 299,2% расходы на народное образование возросли на 314,2%, в то же время расходы по всей группе культурно-социальной возросли в меру роста бюджета—на 299,4%. В результате удельный вес в бюджете расходов на народное образование за 5-летие увеличился с 28,6% в 1923/24 г. до 29,6% в 1927/28 г., в то время как удельный вес в бюджете всей группы культурно-социальных расходов остался в 1927/28 г. стабильным по сравнению с 1923/24 г.

Наибольшего удельного веса в бюджете культурно-социальные расходы и расходы на народное образование имели в 1924/25 г., когда первые поглощали 44,6% всех средств бюджета, а вторые—29,9%; в течение двух последующих лет, в результате напряжения всех средств на дело индустриализации страны, культурно-социальные расходы и в частности расходы на народное образование возрастают в меньшем проценте, чем объем бюджета в целом, и значительно снижают свой удельный вес в бюджете.

Лозунг культурной революции, брошенный в 1927/28 г., вызвал вновь значительный приток средств на культурно-социальные потребности и, в частности на народное образование; в результате чего удельный вес в бюджете всех культурно-социальных расходов повысился до 44%, а расходов на народное образование до—29,6%.

Если в отношении общей суммы бюджета удельный вес расходов на народное образование испытывал указанные выше изменения, то в группе культурно-социальных расходов удельный вес расходов на народное образование на протяжении всего пятилетия оставался стабильным—67 с десятыми процента.

Значение в бюджетах АССР и в бюджетах автономных областей расходов на народное образование неодинаково. Удельный вес этих расходов значительно выше в бюджетах автономных областей, что видно из следующих данных:

Удельный вес в бюджете	1923/24 г.		1924/25 г.		1925/26 г.		1926/27 г.		1927/28 г.	
	АССР	АО	АССР	АО	АССР	АО	АССР	АО	АССР	АО
а) Культ. - соц. расходов . .	43,9	44,1	44,4	46,1	39,2	49,0	38,5	48,7	43,3	51,8
б) Расх. на нар. образование..	29,1	31,2	29,6	32,9	26,1	35,0	25,2	34,3	29,2	35,2

При росте расходной части бюджетов автономных областей за 5 лет на 283,8 %, расходы на народное образование возросли на 332,2%, а расходы всей культурно-социальной группы—на 351,8%. По бюджетам АССР, при увеличении объема бюджета на 300,6% культурно-социальные расходы увеличились в объеме на 294,5%, а расходы на народное образование на 301,8% (см. прилож. № 1 и 2 на 66 стр.).

В связи с таким направлением средств по бюджетам АССР и автономных областей средний подушевой расход по линии народного образования выше в автономных областях, чем в АССР.

	1923/24 г.	1924/25 г	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.
Подушевой расход на народное образование:					
1) По бюджету АССР	0 р. 06 к.	1 р. 56 к.	2 р. 21 к.	2 р. 98 к.	3 р. 77 к.
2) » » авт. областей. .	1 „ 96 „	1 „ 73 „	2 „ 87 „	3 „ 47 „	4 „ 24 „

За пятилетие расходы на народное образование по бюджетам АССР увеличились на душу населения с 96 коп. в 1923/24 г. до 3 р. 77 коп. или на 2 р. 81 коп.; за то же время расходы на душу населения по автономным областям возросли с 1 р. 06 коп. в 1923/24 г. до 4 р. 24 коп. или на 3 р. 18 коп. (прилож. № 1 и 2).

Говоря о расходах на народное образование по бюджетам АССР, надо иметь в виду, что приведенные выше данные являются суммой фактически произведенных расходов по государственному и местным бюджетам АССР, в то время как по автономным областям расходы на народное образование проходят только по местному бюджету, поэтому предста-

вляется интересным проследить в отношении автономных республик рост расходов на народное образование отдельно по государственному и отдельно по местным бюджетам (см. прилож. № 3).

Рост расходов на народное образование и их удельный вес в государственном и местном бюджетах АССР характеризуется следующими данными:

Расходы на народное образование по АССР	1923/24 г.		1924/25 г.		1925/26 г.		1926/27 г.		1927/28 г.	
	Уд.в.[1]	% роста	Уд. в.	% роста	Уд. в.	% роста	Уд. в.	% роста	Уд. в.	% роста
а) По госбюджету	32,1	—	31,6	52,6	22,3	37,6	23,2	33,4	25,7	16,7
б) По местному бюджету	27,7	—	28,9	62,0	28,5	46,2	27,3	43,0	31,2	35,1

Темп роста расходов на народное образование по местным бюджетам АССР значительно превышал не только темп роста этих расходов по госбюджету, но и темп роста всего объема местных бюджетов АССР, в результате чего удельный вес расходов на народное образование по местным бюджетам АССР повысился с 27,7% в 1923/24 г. до 35,1% в 1927/28 г.; по государственному бюджету имеет место обратное явление—снижение удельного веса расходов на народное образование с 32,1% в 1923/24 г. до 25,7% в 1927/28 г. Это явление имело место как в результате передачи части учреждений народного образования с государственного на местный бюджет, так и в результате обращения, начиная с 1925/26 г., значительной части средств, выделяемых по госбюджету на нужды хозяйственно-производственного значения.

Распределение средств внутри сметы народного образования указывает, что основное внимание было уделено вопросам развития социального воспитания, профобра и политпросвета, что видно из следующих данных:

По бюджетам АССР и авт. обл.	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.
Всего расходов на народное образование.	28 284,7	41 142,1	55 621,4	71 684,9
Процент роста	—	45,4	35,2	28,9
В том числе:				
а) Соцвос	16 217,3	23 883,9	32 680,3	43 513,8
Процент роста	—	47,2	36,9	33,1
Удельный вес в разделе	57,3%	58,0%	58,8%	60,7%
б) Политпросвет	2 795,3	3 673,6	4 460,7	6 332,1
Процент роста	—	31,4	21,4	41,9
Удельный вес в разделе	9,8%	9,0%	8,1%	8,8%
в) Профобр	3 786,2	5 079,7	6 752,7	8 733,3
Процент роста	—	34,1	32,9	29,3
Удельный вес в разделе	13,4%	12,3%	12,1%	12,2%

[1] Удельный вес в бюджете.

Перечисленные в этой таблице три группы расходов поглощают в 1927/28 г.—81,7% всех средств, выделенных по бюджетам АССР и автономным областям на народное образование, против 80,5% в 1924/25 г.

Основное значение в смете народного образования имеют расходы на социальное воспитание; удельный вес их повысился в 1927/28 г. до 60,7% против 57,3% в 1924/25 г.

Распределение средств по смете социального воспитания характеризуется следующими данными:

Расходы на соц. воспитание	1924/25 г.	1925 26 г.	1926/27 г.	1927 28 г.
I. Всего расходов на соцвос по бюджетам АССР (государственному и местному) и бюджетам авт. обл.	16 217,3	23 883,9	32 680,3	43 513,8
Процент роста		47,2	36,9	33,1
Удельный вес	100%	100%	100%	100%
II. Всего расходов на соцвос по местному бюджету АССР и авт. обл.	14 933,4	21 941,1	29 857,8	40 019,4
Процент роста	—	46,8	36,7	34,0
В том числе:				
а) Школы I ступени	8 837,3	14 261,8	19 945,4	26 965,3
Процент роста	—	61,4	39,8	35,1
Удельный вес	54,5%	59,7%	61,0%	61,9%
б) Школы II ступени	904,2	1 206,2	1 844,3	2 737,7
Процент роста	—	33,4	52,9	48,4
Удельный вес	5,6	5,0	5,6	6,2
в) Школы 7- и 9-летки	790,9	1 717,9	3 007,5	4 468,6
Процент роста	—	117,4%	75,0%	48,5%
Удельный вес	4,9	7,1	9,2	10,3
г) Школы крестмола	—	565,0	656,3	1 256,4
Процент роста	—	—	16,1	91,5
Удельный вес	—	2,3	2,0	2,9
д) Прочие [1]	5 684,9	6 153,0	7 226,8	8 085,8
Процент роста	—	8,2	17,4	11,8%
Удельный вес	35,0	25,9	22,2	18,7

Расходы на школы I ст. в 1927/28 г. выразились в сумме 26 965,3 т. р. против 8 837,3 т. р. в 1924/25 г., т. е. возросли за 4 года на 205,1%

[1] В числе прочих показаны расходы на детсады, очаги, беспризорность, детдома и не поддающаяся распределению на виды часть расходов по госбюджету.

и увеличили свой удельный вес в смете соцвоса с 54,5% в 1924/25 г. до 61,9% в 1927/28 г. Наряду с этим значительно возросли расходы на школы 7- и 9-летки: с 790,9 т. р. в 1924/25 г. до 4 468,6 т. р. в 1927/28 г. или на 465,6%; на школы II ступени—с 904,2 т. р. в 1924/25 г. до 2 737,7 т. р. в 1927/28 г.

В 1925/26 г. в бюджетах АССР и автономных областей впервые получают отражение расходы на школы крестмола. Особенно значительный рост—на 91,5% эти расходы имеют в 1927/28 г.

Из остальных расходов по смете народного образования надо отметить управленческие расходы. Расходы на содержание аппарата за последние два года значительно снизились, что видно из следующей таблицы:

Расходы	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.
Содержание отд. наробраза. .	1 143,1	2 572,3	2 302,4	1 956,4
Процент роста	—	125,1	— 11,0	— 15,1
Удельный вес в сумме расходов на народное образование.	4,1	6,3	4,2	2,7

Если в 1924/25 г. содержание аппарата обходилось в 4,1% от общей суммы расходов на народное образование, а в 1925/26 г. эти расходы увеличились до 6,3%, то за последние два года достигнуто большое снижение управленческих расходов: в 1927/28 г. они составляли 2,7% от общей суммы расходов на народное образование.

Результаты, достигнутые в деле народного образования за истекшее пятилетие, характеризуются цифрами роста массовых учреждений народного просвещения и, прежде всего, школ I ступени [1].

За последние три года рост сети учреждений соцвоса характеризуется следующими цифрами:

	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.	Процент роста за 3 года
Школ I ступени	12 232	12 383	14 414	47,8%
В них:				
Педагогов	20 796	22 650	24 533	13,1%
Учащихся	782 584	854 825	949 173	21,3
Школ 7- и 9-леток. . .	201	249	27,3	35,8
В них учащихся	43 295	62 474	72 068	66,4
В том числе:				
а) Учащ. в мл. группах . . .	28 143	30 384	37 349	32,8
Школ II ступени	182	189	201	10 4
В них учащихся	36 199	38 610	45 385	25 4
Школ крестмола	67	86	119	77,6
В них учащихся	4 685	5 934	9 606	105,0

[1] Сведения о сети учреждений приводятся по бюджетным данным, которые несколько расходятся с данными НКП.

По линии начального обучения, считая в том числе школы I ст. и мл. группы 7- и 9-леток, число учащихся возросло с 810 726 человек в 1925/26 г. до 986 522 человек в 1927/28 г. или на 21,6%. Количество учащихся II ст. и старших групп 7- и 9-леток увеличилось с 51 351 в 1925/26 г. до 80 104 в 1927/28 г. или на 55,7%.

Обеспеченность школьными местами детей от 8 до 11 лет в среднем по автономным республикам и областям составляла—46,1% в 1925/26 г., 51,2% в 1926/27 г. и около 60% в 1927/28 г.

Процент обеспеченности школьными местами детей школьного возраста в автономных областях выше, чем в АССР, что видно из следующей таблицы:

ОБЕСПЕЧЕННОСТЬ ШКОЛЬНЫМИ МЕСТАМИ ДЕТЕЙ В ВОЗРАСТЕ ОТ 8 ДО 11 ЛЕТ.

	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.
По АССР	42,0	45,5	50,0
По авт. областям	64,2%	65,6%	67,3%

В результате ежегодного увеличения бюджетных ассигнований на дело народного образования достигнуто не только расширение сети учреждений и повышение обеспечения детей школьными местами, но и увеличены расходы на оперативные нужды школы и повышена заработная плата педагога.

Увеличение заработной платы и качественное улучшение школы находят свое отражение прежде всего в нормах годовой стоимости ученика, принятой по бюджетам.

За последние три года динамика годовой стоимости содержания ученика характеризуется следующими цифрами:

СТОИМОСТЬ УЧЕНИКА ШКОЛЫ I СТУПЕНИ (В РУБЛЯХ И КОП.)

(без капитального ремонта и нового строительства).

	1925/26 г.		1926/27 г.		1927/28 г.	
	Всего	В том числе зарплата	Всего	В том числе зарплата	Всего	В том числе зарплата
По госбюджету АССР.	151,27	63,92	170,14	72,48	182,07	75,44
По местному бюджету АССР	16,03	12,90	19,52	15,52	24,17	19,30
По местному бюджету авт. областей. . .	19,25	13,87	23,02	16,70	27,96	20,92

Приложение 1.

РОЛЬ РАСХОДОВ НА НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В БЮДЖЕТАХ АВТОНОМНЫХ ОБЛАСТЕЙ.

Расходы	1923/24 г.	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.
По местн. бюдж. авт. обл.					
Всего	5 134,4	8 185,5	12 781,1	16 195,6	19 700,2
Процент роста	—	59,4	56,1	26,7	21,6
На душу населения	3,40	5,34	8,20	10,13	12,05
В том числе:					
1) Культ.-социальн. расходы	2 261,7	3 773,3	6 263,6	7 895,1	10 197,1
Процент роста	—	66,8	66,0	26,0	29,2
На душу населения	1,50	2,46	2,02	4,94	6,24
Удельный вес в общей сумме расходов	44,1	46,1	49,0	48,7	51,8
а) Народное образование	1 605,9	2 698,4	4 473,6	5 563,0	6 940,5
Процент роста	—	68,1	65,8	24,3	24,7
На душу населения	1,06	1,73	2,87	3,47	4,24
Удельный вес.					
1) В общей сумме расходов	31,2	32,10	35,0	34,3	35,2
2) В сумме культ.-соц. расходов.	70,9	71,5	71,4	70,4	68,0

Приложение 2.

РОЛЬ РАСХОДОВ НА НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В БЮДЖЕТАХ АССР

	1923/24 г.	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.
Всего расходов по бюджету АССР.	55 243,2	86 221,4	140 166,3	194 293,2	221 345,3
Процент роста	—	56,0	62,5	38,6	13,9
На душу населения	3,46	5,30	8,45	11,56	12,91
В том числе:					
Культ.-социальн. расходы	24 294,6	38 339,0	54 953,2	74 943,3	95 870,9
Процент роста	—	57,7	43,3	36,3	27,8
На душу населения	1,52	2,35	3,31	4,47	5,59
Удельный вес в общей сумме расходов.					
а) Расходы на народн. образов.	16 112,6	25 586,3	36 668,5	50 058,4	64 744,4
Процент роста	—	58,7	43,3	36,5	29,3
На душу населения	0,96	1,56	2,21	2,98	3,77
Удельный вес.					
1) В общей сумме расходов	29,1	29,6	26,1	25,2	29,2
2) В сумме культурно-соц. расходов	66,3	66,7	66,7	66,9	67,5

Приложение 3

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ И МЕСТНЫЙ БЮДЖЕТ АССР И ЗНАЧЕНИЕ В НИХ РАСХОДОВ НА НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ.

Расходы	1923/24 г.		1924/25 г.		1925/26 г.		1926/27 г.		1927/28 г.	
	Гос. бюджет	Местный бюджет	Гос. бюджет	Местный бюджет	Гос. бюджет	Местный бюджет	Госуд. бюджет	Местный бюджет	Гос. бюджет	Местный бюджет
Всего	17 747,7	37 495,5	27 508,6	58 712,8	53 641,4	86 524,9	68 881,4	125 411,8	73 416,7	147 928,6
Процент роста	—	—	55,0	56,6	95,0	47,4	28,4	44,9	6,5	17,9
В том числе:										
Культ.-социальн. расходы	8 407,0	15 887,6	12 931,7	25 407,3	17 869,3	37 083,9	23 369,1	51 573,9	27 077,4	68 793,5
Процент роста	—	—	53,8	59,9	38,1	42,0	30,8	39,0	15,8	13,9
Удельный вес в общей сумме расходов	47,3	42,3	47,0	43,2	33,3	42,8	33,9	41,1	36,8	46,5
Народное образование	5 702,1	10 410,5	8 711,7	16 874,6	11 995,3	24 673,2	16 009,2	34 302,7	18 885,4	46 347,5
Процент роста	—	—	52,6	62,0	37,6	46,2	33,4	43,0	16,7	35,1
Удельный вес:										
1) В общей сумме расходов	32,1	27,7	31,6	28,9	22,3	28,5	23,2	27,3	25,7	31,2
2) В сумме культ.-соц. расходов	67,8	65,5	67,3	66,4	67,1	66,5	67,1	66,4	69,7	67,4

Громадное расхождение в нормах стоимости по госбюджету АССР и местным бюджетам объясняется тем, что по госбюджету содержались преимущественно школы опытно-показательные и школы интернаты, требующие значительно больших расходов.

Для характеристики динамики норм стоимости ученика I ступени более показательны расходы местного бюджета. Анализ этих расходов указывает, что прирост средств направлялся преимущественно по линии увеличения зарплаты. За три года в общей стоимости годового содержания ученика расходы на заработную плату повысились по АССР с 12 р. 90 к. в 1925/26 г. до 19 р. 30 к. в 1927/28 г. или на 6 р. 40 к., в то время как вся стоимость ученика увеличилась только на 8 р. 14 к., следовательно, на качественное улучшение школы из прироста средств за три года было обращено только 1 р. 74 к.

Примерно то же явление имеет место и по бюджетам автономных областей. При увеличении годовой стоимости ученика за три года на 8 р. 71 к. расходы по зарплате увеличены на 7 р. 05 к., а на качественное улучшение обращено из прироста средств только 1 р. 66 к.

Все приведенные выше сведения говорят о том, что, несмотря на имеющиеся достижения в деле народного образования автономных республик и областей, все же требуется еще много труда и средств, чтобы изжить культурную отсталость национальных окраин.

М. САЛОВА.

КУЛЬТУРНЫЕ НОЖНИЦЫ.

(Окончание) [1].

3.

Далее представляет большое практическое значение изучение раствора «культурных ножниц» в отношении обслуживания отдельных населяющих республику национальностей.

В табл. 12 (стр. 69) сделана попытка систематизировать скудный материал, имеющийся по этому важному вопросу. Выясняется следующее:

а) грамотность населения по национальностям колеблется от 79,4 латыши) и 58,9% (немцы) до 2,9% (чеченцы) при среднем показателе для Европ. части РСФСР (с автоном. республиками) в 44,1%, причем особенно низка грамотность женского населения;

б) обеспечение начальной школы преподаванием на родном языке колеблется от 995,7 на 1 000 учащихся (русские) до 9 человек (чеченцы);

в) относительный показатель обеспечения начальной школой, представляющий частное от деления относит. показателя количества учащихся данной национальности в республике (на 10000 человек учащихся приходится человек данной национальности) на относительный показатель населения данной национальности (на 10 000 человек населения приходится человек данной национальности), падает от 1,1 (для русских) до 0,06 (для киргиз);

г) процент охвата детского населения в возрасте 8—11 лет национальной школой варьирует по национальностям от 60% (для эстонцев) и 58% (для немцев) до 7,3% (для белоруссов) и 12% (для украинцев).

4.

Еще слабее отражен в имеющейся литературе вопрос об обеспечении просветительными учреждениями мужского и женского населения (мальчиков и девочек).

[1] См. Народное просвещение №№ 10 и 11.

Таблица 12.

СРАВНИТЕЛЬНЫЕ ДАННЫЕ ОБ ОБЕСПЕЧЕНИИ КУЛЬТУРНЫХ ПОТРЕБНОСТЕЙ НАСЕЛЕНИЯ РСФСР ПРОСВЕТИТЕЛЬНЫМИ УЧРЕЖДЕНИЯМИ ПО НАЦИОНАЛЬНОСТЯМ

(на 1 декабря 1926 г.)

НАЦИОНАЛЬНОСТИ	Грам. нас. по пер. 1926 г. (грам. на 1000 ч. нас.)		На 1 000 ч. учащихся обуч.		На 10000 чел. нас. приход. данной национальности	На 10000 чел. уч. в I ст. прих. уч-ся данн. национальности	Относит. показ. обеспеченности	% охвата дет. нас. в возр. 8—11 лет нац. школой
	Общая	В т. ч. женщин	На родном языке	На русском языке				
Средн. по РСФСР	441	332	—	—	—	—	—	—
Русские	461	349	995,7	995,7	7 370	8 138	1,1	—
Чуваши	324	178	933,0	55,0	110	122	1,1	42,0
Татары	329	258	931,0	56,0	283	413	1,4	40,0
Немцы	589	580	930	66	80	100	1,2	58
Зыряне	391	259	916	67,0	22	29	1,3	—
Осетины	259	144	874	110	15	16	1,0	32
Мари	266	100	865	128	42	39	0,9	31
Удмурты	255	116	807	125	48	46	0,9	36
Пермяки	263	129	802,6	178	15	13	0,8	—
Казаки	122	31	790	50	382	60	0,1	36
Турки	—	—	778	62	3	4	1,3	—
Армяне	501	414	656	295	19	26	1,4	40
Мордва	227	84	607	386	138	104	0,8	36
Башкиры	242	148	549	23	70	67	0,9	40
Эстонцы	760	748	498	456	15	16	1,0	60
Калмыки	111	—	397	32	9	9	1,0	—
Буряты	—	—	372	433	23	19	0,8	25
Украинцы	433	306	245	752	781	478	0,6	12
Киргизы	—	—	231	171	67	4	0,06	—
Латыши	794	766	201	560	11	7	0,6	40
Евреи	819	800	146	821	56	31	0,5	20
Белоруссы	547	399	77	873	63	16	0,25	7,3
Чеченцы	29	3	9	23	31	8	0,26	20

Таблица 13 на 71 стр. дает показатели грамотности мужского и женского населения. Наиболее резкие расхождения в показателях для мужчин женщин отмечаются в отношении грамотности населения в возрасте 16—34 лет, причем наибольший раствор «ножниц» для этих возрастов устанавливаем для обл. Западной (муж.—86,9%, жен.—45,9%), ЦЧО (муж.—81,8% жен.—43,1%), Сред.-Волжск. (муж.—78,5%, жен.—40,2%), Сибири (муж.—68,8%, жен.—32%) и Вятско-Ветлужск. обл.(муж.—86,1%, жен.—49,3%).

Обеспечение женского населения школами профобра характеризуется следующими выборками, сделанными по материалам НКП на 1/VI 1927г., и данными ЦСУ на 1 декабря 1926 г. (в отношении вузов):

Типы и специальн. учрежд. профобра	% женщин к общему чис. уч-ся	% оконч. к числу уч-ся на конец уч. года всего	женщин
1. Профшколы	30,9	16,0	15,4
в т. ч. медиц.	100	30,5	30,5
» » » инд	18,7	18,1	21,6
» » » сел.-хоз.	19,2	22,5	23,0
2. Учебн. мастерск.	22,0	13,0	15,0
3. ФЗУ	31,3	22,7	22,1
в т. ч. швейн.	67,5	31,5	32,3
» » » строит.	4,0	13,8	24,1
4. Вузы	30,8		
в т. ч. педаг.	59,0		
» » » медиц.	56,1		
» » » сел.-хоз.	16,3		
» » » инд.	7,0		
» » » экон.	16,4		
» » » худож.	34,0		

Эти данные показывают, что профессиональная школа всех ступеней в значительном проценте используется женской молодежью; по некоторым специальностям (медицинская, педагогическая, швейное дело) процент женщин даже превышает процент мужской области. Но все же по линии продвижения женской части населения в профессиональную школу требуется еще весьма значительная работа.

Наименьший процент женщин зарегистрирован в индустриально-технических учебных заведениях, несколько выше в сельскохозяйственных и экономических.

Процент женщин, обучающихся на ликпунктах, даже несколько превышает процент мужчин: процент женщин в городах РСФСР (с АССР) 57,9, в сельских местностях—43,6, в среднем свыше 50%. Меньший охват женщин ликпунктами в сельских местностях отмечается на Урале (38,9%), в Средне-Волжск. обл. (37,3%), в Нижне-Волжск. (32,8%), в Сибири (25,8%).

Использование клубов советской женщиной ниже, чем со стороны мужского населения,—33,5% к числу членов клуба.

Сравнительный показатель грамотности женщин и мужчин отмечает значительное отставание в культурном отношении женского населения, в особенности в нацменобластях. Это тяжелое наследие дореволюционного времени в советский период начинает изживаться, однако диспропорция еще далеко не устранена.

5.

Вопрос об обеспечении просветительными учреждениями отдельных социальных слоев населения до опубликования полных результатов демографической переписи 1926 г. не может быть

Таблица 13

СРАВНИТЕЛЬНЫЕ ДАННЫЕ ОБ ОБЕСПЕЧЕНИИ ПРОСВЕТ. УЧРЕЖДЕНИЯМИ ПОТРЕБНОСТЕЙ МУЖСКОГО И ЖЕНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ

(по данным на 1 декабря 1926 года).

РАЙОНЫ	Грамотность мужск. и женск. нас. по переписи 1926 г. в %%						На 1 000 ч. окончивших школу приход. девочек по данным ЦСУ на 1 декабря 1926 г.		
	Общий показатель			Грамотн. насел. в возр. 16—34 л.					
	Средн. показ.	В т. ч. мужчин	В т. ч. женщин	Средн. показ.	В т. ч. мужчин	В т. ч. женщин	В шк. 1 ст.	В шк. 7-л.	В шк. 9-л.
1. Сев.-Вост.	46,4	59,8	34,6	76,3	91,6	63,2	гор. 45,5	49,0	55,8
В т. ч. сел.	—	—	—	74,2	90,7	60,2	сел. 24,6	40,0	46,6
2. Сев.-Зап. (Ленин. обл.)	57,6	66,9	48,9	86,6	94,9	78,7	гор. 50,0	57,7	60,2
В т. ч. сел.		—	—	80,1	92,4	69,4	сел. 30,1	48,0	53,7
3. Западный	39,7	54,9	25,8	65,0	86,9	45,9	гор. 49,7	50,7	53,0
В т. ч. сел.	—	—	—	60,5	85,3	39,7	сел. 20,6	35,0	47,0
4. Центр.-Промышл.	53,8	65,2	43,9	81,9	93,5	72,1	гор. 49,8	55,0	57,2
В т. ч. сел.	—	—	—	76,9	91,6	65,1	сел. 28,7	44,9	50,3
5. Центр.-Черн.	37,8	52,3	24,7	61,0	81,8	43,1	гор. 49,4	57,2	53,3
В т. ч. сел.	—	—	—	57,8	80,4	38,6	сел. 21,6	47,2	58,5
6. Вят.-Ветл.	39,6	53,6	27,6	65,7	86,1	49,3	гор. 48,8	61,4	62,1
В т. ч. сел.	—	—	—	63,5	85,1	46,5	сел. 22,9	42,6	62,6
7. Ср.-Волжск.	36,4	49,8	24,5	57,7	78,5	40,2	гор. 49,5	56,0	55,8
В т. ч. сел.	—	—	—	53,1	76,0	34,1	сел. 22,8	43,5	51,9
8. Нижн.-Волжск.	42,6	54,9	31,4	62,8	80,1	47,7	гор. 51,0	56,1	57,9
В т. ч. сел.	—	—	—	57,3	77,3	39,9	сел. 37,5	51,2	54,9
9. Урал.	39,3	51,7	28,4	69,9	81,5	57,4	гор. 49,1	57,5	67,6
В т. ч. сел.	—	—	—	65,2	77,6	52,2	сел. 33,1	56,6	72,7
10. Сев.-Кавк.	43,2	54,2	33,0	66,0	79,4	53,9	гор. 49,9	53,2	58,5
В т. ч. сел.	—	—	—	60,1	74,4	47,3	сел. 78.7	50,3	51,6
11. Сибирь	30,9	43,3	18,8	49,7	68,8	32	гор. 51,5	55,2	57,7
В т. ч. сел.	—	—	—	43,9	64,9	24,7	сел. 30,0	41,7	60,4
12. Дальн.-Восточн.	43,7	53,9	32,1	67,0	79,4	52	гор. 51,0	66.6	66,7
В т. ч. сел.	—	—	—	60,4	76,8	42,6	сел. 33,5	43,3	58,0
Средн. по РСФСР.[1]	44,1	56,4	33,2	68,7	74,2	55,1	вс. 33,2	52,3	57,6
				62,8	70,8	47,2	гор. 43,2	55	58,2
В т. ч. сел.	—	—	—	—	—	—	сел. 28,5	45,7	53,4

[1] Грамотность только по Европейской части РСФСР с авт. республиками.

освещен точно. Для сопоставления с социальным составом школьных учреждений мы располагаем лишь предварительными данными о социальном составе самодеятельного населения РСФСР (без Тунуханского округа и северных округов Якутской ССР) [1]. Исключив из общей массы зарегистрированного в РСФСР самодеятельного населения членов семейств, принимающих участие в занятиях главы семьи (составляют 59,22% самодеятельного населения), определяем в результате процентирования к остальной массе самодеятельного населения, что:

Рабочие и батраки составляют	17%	самодеят. населения (без членов семейства)
Служащие составляют	12,3%	»
Лица свободных профессий составляют	0,4%	»
Лица, заним. с.-х., составляют	64,4%	»
Лица, заним. торговлей, и владельцы пром. предпр. составляют	0,9%	»
Ремесленники и кустари составляют	3,8%	»
Прочие составляют	1,2%	»

Сопоставление социального состава учащихся с социальным составом самодеятельного населения приводит к следующим выводам:

Таблица 14.

СВЕДЕНИЯ О СОЦИАЛЬНОМ СОСТАВЕ УЧАЩИХСЯ

по данным ЦСУ на 1/XII 1926 года.

	Раб. и дет. р.	Батр. и их детей	Служ. и их детей	Своб. проф.	Лиц. зан. сельск. хоз.	Нетруд. элем.	Рем. кустари	Прочих
Вузы	23,7	1,6	39,3	4,6	24,7	0,7	3,0	2,4
Рабфаки	53,4	3,5	5,4	—	35,3	—	—	2,4
Техникумы	20,8	0,9	34,7	0,9	33,6	0,7	2,5	5,9
Профшколы	28,3	1,0	27,9	0,9	32,2	0,8	2,5	6,4
Шк. I ступени	8,4	1,7	5,5	0,5	78,9	0,9	2,4	1,7
Шк. 7-летки	35,3	—	26,5	—	25,8	—	—	12,4[2]
Шк. II ступени	13,6	—	34,0	—	30,7	—	—	21,7[2]
Соцсостав. самод. населения	17	12,3	12,3	0,4	64,4	0,9	3,8	1,2

Сравнительно высокий процент обеспечения учреждениями школьного типа отмечается в отношении служащих, несколько ниже—в отношении рабочих. Наиболее низкий показатель обеспечения учреждениями школьного типа отмечается в отношении сельскохозяйственного населения (крестьян).

Анализ социального состава учащихся школьных учреждений, безотносительно к социальному составу населения, дает возможность сделать следующие заключения:

[1] Ходос М., Предварит. данные о социальн. составе самодеятельного населения СССР и т. д. «Стат. обозрение» 1928 г. № 5.

[2] В отношении школ 7-леток и школ II ст. в группу «прочие» отнесены все остальные, за исключением детей рабочих и служащих и лиц, занимающихся сельским хозяйством.

1) Социальный состав учащихся вузов за последние 4 года систематически улучшается. По отдельным годам рисуется это в следующем виде: [1]

	Рабочих	Крестьян	Служащих	Прочих
1923/24 г.	15,3	22,5	34,4	27,8
1924/25 »	20,7	24,5	35,8	18,9
1925/26 »	24,6	26,2	36,0	13,2
1926/27 »	25,3	25,3	37,5	11,9

По среднему профессиональному образованию наблюдается та же картина. Но по низшему профобразованию заметно уменьшение рабоче-крестьянского состава учащихся.

Таблица 15.

	1923/24 г.			1926/27 г.		
	Рабочих	Крестьян	Всего	Рабочих	Крестьян	Всего
Школы раб. подр.	80,1	7,6	87,7	75,8	7,4	83,2
Профшколы	30,1	34,7	64,8	29,8	31,2	61,0
Учебн. маст.	22,4	53,6	76,0	29,7	35,0	64,7
Профкурсы	54,3	34,1	88,4	57,7	27,2	89,4

2) Следующая таблица показывает отсев учащихся по отдельным социальным группам. По данным ЦСУ на 1/XII 1926 г. социальные передвижки в составе учащихся школ I ступени рисуются в следующем виде:

Таблица 16.

СОЦИАЛЬНЫЕ ПЕРЕДВИЖКИ В СОСТАВЕ УЧАЩИХСЯ ШКОЛ I СТУПЕНИ

ГРУППЫ	Детей рабочих	Батраков	Зан. в с.-х.	Служащих.	Рем. и кустар.	Прочих
Первая	6,1	3,0	83,2	3,4	2,0	2,3
Вторая	7,3	2,5	80,4	4,6	2,3	2,9
Третья	9,7	1,9	74,5	7,1	2,7	4,1
Четвертая	14,2	1,5	61,8	13,1	3,5	5,9
Пятая	17,6	1,6	53,3	17,5	3,6	6,4
В среднем	8,2	2,4	78,1	5,7	2,4	3,2

Наибольшая устойчивость наблюдается в группе служащих: процент детей служащих в V группе возрастает с 3,4 до 17,5% к составу учащихся в школьной группе.

Менее устойчивым является процент детей лиц, занятых в сельском хозяйстве (с 83,2% падает к V группе до 53,3%).

[1] «Народное просвещение в РСФСР», Стат. сборн. НКП, 1928 г., стр. 178 и 179.

Процент детей рабочих в последней группе возрастает, но слабее, чем процент детей служащих. По школам 7- и 9-леткам процент детей рабочих к VII группе падает с 35,8% (I гр.) до 27,2%, к IX группе— до 17,5%.

Причина понижения процента детей крестьян и батраков в школах соцвоса по сравнению с процентом детей других социальных слоев к концу обучения и ослабления рабоче-крестьянского состава школ профобра, несомненно, материального характера. Менее обеспеченное население принуждено брать своих детей из школы нередко задолго до окончания курса. Относительно высокий процент детей рабочих и крестьян в вузах является результатом усиленной материальной помощи учащимся по линии бюджета.

О б щ и е в ы в о д ы в отношении обеспечения культурных потребностей населения и народного хозяйства существующей сетью:

1) Революция вызвала к жизни огромный рост сети просветительных учреждений, так что за последние годы не только восстановлена разрушенная в эпоху гражданской войны и хозяйственной разрухи сеть учреждений, но достигнуто значительное повышение довоенного масштаба просветработы.

Тем не менее существующую сеть следует признать крайне недостаточной, в особенности по линии массового общего и профессионального образования. Математически доказать это положение пока невозможно, поскольку не выведены коэффициенты хозяйственной эффективности просветработы. Объективным критерием в данном направлении являются директивы правительства о сроках завершения работы по введению всеобщего начального обучения и ликвидации неграмотности. Можно определенно сказать, что при «нормальном», имеющем место в предшествующие годы, темпе развития сети эти директивы осуществить невозможно. Потребуется форсированное развертывание сети массового общего образования, что может быть выполнено лишь в случае чрезвычайных ассигнований на дело народного образования.

2) Вторым моментом, останавливающим на себе внимание, является раствор «культурных ножниц» по обслуживанию просветсетью различных районов республики. В данном отношении следует отметить, в качестве наиболее слабого места, крайне низкий уровень грамотности и охвата населения просветсетью ЦЧО, Урала и Сибири, на которые в перспективе ближайших лет возлагаются грандиозные хозяйственные задачи.

3) Современная система просветучреждений и мероприятий в ее количественном выражении нуждается в существенных коррективах. В частности требуется напряженная работа по подтягиванию сети массового профессионального образования с тем, чтобы обеспечить народное хозяйство рабочей силой низшей и средней квалификации необходимых специальностей.

4) Задачи реконструкции на началах коллективизации и интенсификации сельского хозяйства выдвигают в качестве весьма важной задачи—поднятие культурного уровня советской деревни. Между тем анализ современного состояния народного образования приводит к выводам, неблагоприятным в отношении деревни. Постепенное ослабление диспропорции в обслуживании города и деревни—насущная задача ближайшего пятилетия.

5) Беглый обзор состояния работы по обслуживанию культурных потребностей населяющих республику национальностей, приведенный выше, является достаточным для утверждения о наличии огромного раствора «культурных ножниц» и в национальном разрезе.

6) Проблема обеспечения просветучреждениями женского населения, получившая крупный сдвиг за период революции, по ряду направлений уже утратила свою остроту. Однако и здесь предстоит еще большая работа.

7) Наконец, одним из важнейших выводов является вопрос о социальном составе учащихся по типам и группам учреждений. Борьба за качественное улучшение социального состава невозможна без усиления мероприятий по материальному обеспечению учащихся—детей рабочих, батраков и беднейшего крестьянства.

По мотивам, отмеченным выше, мы принуждены были значительно ограничить охват интересующей нас проблемы и потому оставили в тени, без всякого освещения, ряд чрезвычайно важных направлений. В частности, мы не затронули в настоящем очерке следующие вопросы, имеющие непосредственное отношение к проблеме «культурных ножниц»!

а) каково различие материальной базы народного образования Советского Союза и буржуазных стран;

б) каково соответствие между количественным масштабом и качеством (внутренним содержанием) просветительной работы (проблема, тесно увязанная с другой важнейшей проблемой народного просвещения, проблемой эффективности работы просветучреждений).

Посильный анализ этих вопросов, равно как и более конкретная проработка затронутых выше (по необходимости бегло) вопросов, составит задачу нашей дальнейшей работы.

И. ЗАКОЛОДКИН.

ИНСПЕКТУРА, МЕТОДИЧЕСКАЯ РАБОТА И ОПЫТНЫЕ ШКОЛЫ.

Постепенно эволюционировавшие формы работы ОНО в настоящее время существенно отличаются от таковых же в недалеком прошлом (напр. в 1923/24 г.).

На первый план, как известно, теперь выдвигается задача организации и руководства методической работой, усиление этой работы.

Естественно, что с изменением роли ОНО, с изменением его функций меняются и требования к работникам, руководящим делом народного просвещения.

Если в период ломки старой школы и очищения ее от грязи и мерзостей, оставшихся в наследство от церковно-буржуазного владычества, а также в период ожесточенной борьбы за материальную базу для обеспечения хотя бы самого скромного существования просветительных и воспитательных учреждений, работник ОНО должен был прежде всего обладать качествами твердого администратора-организатора, то в новый период—период отделки уже сооруженного начерно здания советской трудовой школы—требуется уже хороший мастер педагогического дела: организатор-методист.

Изменение основной установки в деятельности руководящих органов народного образования вызвало потребность в реконструкции аппаратов ОНО, и в настоящее время вместо различных отделов ОНО мы имеем инспектуру. Однако обследование со стороны НКП ряда ОНО показало, что реорганизованные аппараты еще далеко не справляются с своими новыми задачами, что во многих случаях на рельсы инспекторской работы наробразы не перешли, и дело, в сущности, ограничивается переменой названий. Одновременно выясняется и другое. Инспектора (различных масштабов), при наличии достаточно широкого общего кругозора и организаторских способностей в деталях процесса школьной работы, в большинстве случаев, менее компетентны, чем практические работники школ. Это,

между прочим, было признано на центральных курсах инспектуры в феврале текущего года.

Вследствие быстрого темпа жизни в революционную эпоху и в связи с интенсивным строительством новой школы отрыв от непосредственной педагогической работы обрекает на неизбежное отставание, и инспектора, вынужденные до настоящего времени выполнять большую работу в аппарате ОНО, через 3—4 года после ухода из школы чувствуют недостаток практического опыта, даже в тех случаях, когда они имеют значительный учительский стаж.

Возьмем такой пример: инспектор, прочитавший новые программы Гуса хотя бы и неоднократно, не может знать их так же хорошо, как учитель, ведущий по этим программам работу в школе, а потому глубоко их продумавший, прочувствовавший и усвоивший. То же и в других вопросах.

Отрыв инспектора от непосредственного участия в процессе педагогического производства и ограничение его роли заботами о направлении и исправлении чужой работы (контроль, советы, указания...) чаще всего исключительно словесными средствами без возможностей эксперимента и показа, очень нередко тяготит его и вызывает стремление вернуться в школу—к живой творческой работе.

Такое неблагоприятное для инспектора положение крайне невыгодно и для дела. Ведь в инспектуру привлекаются лучшие из педагогов (а мы так бедны хорошими педагогическими силами), педагогический опыт которых, может быть весьма ценный и продуктивный, возможный в школе, в условиях инспекторской, преимущественно аппаратной и контрольной работы теряется. Качества же руководящего состава ОНО в этих условиях ухудшаются. Работники учреждений, руководство которыми должна осуществлять инспектура, благодаря характеру своей работы эволюционируют быстрее, чем сами руководители (инспектора).

Поэтому вполне понятно, что вопросы о средствах и способах повышения квалификации являются для инспектуры наиболее больными и волнующими. Но, к сожалению, вопросы эти продолжают оставаться неразрешенными. Главный пробел, создающийся в условиях инспекторской работы, заключается в том, что у инспектора не происходит накопления практического опыта по работе в новой школе в то время, как у учителя такой опыт накапливается.

Возможно ли этот пробел устранить?

Да, возможно. Выход из существующего положения имеется, и он не нов. Уже давно, как на одну из форм повышения квалификации руководящих работников ОНО, указывалось на прикрепление их к учреждениям народного образования, ведущим учебно-воспитательную работу. Это почти нигде не осуществленное указание, необходимо практически провести в жизнь. В связи с этим встает вопрос, к каким именно учреждениям инспектору лучше прикрепиться, какова должна быть степень его участия в деятельности избранного учреждения?—Можно выбрать одну из ближайших школ, посещать, когда есть время, заседания школьного совета, педагогических совещаний.

Это, разумеется, уже лучше, чем ничего, но это еще далеко не все, что надо. Для достижения более серьезных результатов вопрос надо расширить и углубить. Лучше всего, если инспектор, прикрепившись к одной из хороших школ, возьмет на себя, так сказать, верховное методическое руководство ею. При этом школе вполне целесообразно присвоить значение о п ы т н о й (или опорной: дело не в названии).

Здесь кстати будет коснуться вопроса об опытных школах вообще. Оформление таких школ было затруднено высокими требованиями, которые предъявляются к опытным школам согласно директивам НКП. Это—с одной стороны, а с другой стороны, места не уделяли опытным

учреждениям должного внимания. Поэтому существующее в настоящее время положение таково, что НКП имеет свои опытные школы, в районах и волостях имеются свои опытные школы, роль которых, правда, главным образом организационная. А губернские, окружные и уездные наробразы своих опытных школ местного значения или не имеют или, если имеют, то не используют их в нужной мере: роль таких школ часто бывает неопределенна и работа их мало отличается от рядовых школ.

Как же при этих условиях протекает методическая работа ОНО?

Методические бюро состоят из работников аппарата ОНО, обычно перегруженных и, как упоминалось выше, в практической работе учебно-педагогических учреждений не участвующих, и из педагогов-практиков. Первые не в состоянии предварительно подготовить должным образом подлежащие рассмотрению вопросы, вторые также с этими вопросами заранее не ознакомлены, являются на заседание второпях и смотрят на свои обязанности, как на отбывание повинности, далеко не всегда приятной (оплаты за работу в методбюро они в большинстве случаев не получают). Поэтому заседания чаще всего носят формальный характер. Главная их цель—выполнение производственного плана. А роль методбюро, как равно и роль отдела народного образования в области методической работы, органичивается передачей выдвигаемых центром лозунгов и заданий в массовые учреждения, иногда с незначительными комментариями, а нередко и без всяких пояснений. Проверки возможностей реализации тех или иных методических задач при данных конкретных условиях, учета трудностей и препятствий, намечения способов их преодоления, детализации и конкретизации педагогических приемов и методов работы, всего этого ОНО и их методорганы не делают. Их работа носит по преимуществу агитационный характер. Для созидания же новой школы нужна углубленная пропаганда, нужен пример, показ, нужна помощь массовым учреждениям в разрешении практических вопросов в области обучения и воспитания, в соответствии с задачами советской трудовой школы.

В проведении этой работы громадную роль должны играть опытные школы как базис методической работы ОНО. На те же школы можно будет опираться при организации разного рода курсов и конференций (демонстрация достижений) и методов работы, что в настоящее время, к сожалению, практикуется довольно редко.

Условиями, которые должны быть обеспечены для опытных школ как минимум, надо считать следующие:

1) Соответствующий подбор педагогического коллектива.

2) Снабжение необходимыми пособиями и принадлежностями и вообще создание сносной обстановки, в первую очередь по тем видам работы, над которыми школа экспериментирует. Например для введения труда—оборудование рабочей комнаты или трудового уголка, для постановки работ на школьном участке—снабжение необходимым инвентарем и т. д.

3) Повышенная оплата учительского персонала опытных школ: за квалификацию и дополнительную работу.

Перечисленные здесь элементарные условия в существующих опытных школах далеко не всегда выполняются, что, конечно, не благоприятствует их деятельности.

Кратко суммируя все вышесказанное, можно сделать такие выводы:

Для усиления методической работы ОНО, оживления и интенсификации процесса искания новых путей в педагогике, для действенной пропаганды и лучшей реализации идущих из центра идей и лозунгов ОНО от областных до уездных включительно—должны иметь свои педагогические лаборатории—опытные школы. Там, где их нет, надо создать;

а где имеются, но не вполне соответствуют своему назначению,—надлежащим образом оформить и дать правильное направление в работе.

Для поднятия на должную высоту работы опытных школ, с одной стороны, и для повышения квалификации инспекторов ОНО путем обогащения их практическим опытом, с другой стороны, необходима тесная систематическая связь между опытными учреждениями и работниками методистами отделов народного образования. Такая связь и непосредственное участие инспектуры в жизни и деятельности педагогических учреждений и одновременное участие опытных школ в деятельности методических бюро явятся лучшими формами работы, гарантирующими наиболее плодотворные результаты.

В. ВАСИЛЬЕВ.

г. Псков.

К ВОПРОСУ О МЕТОДАХ ИНСПЕКТИРОВАНИЯ.

ЗАДАЧИ ИНСПЕКТУРЫ ПОЛИТПРОСВЕТА.

XV съезд ВКП (б) основным лозунгом политико-просветительной работы в деревне выставил повышение качества работы и внедрение ее в широкие рабоче-крестьянские массы. В резолюции съезда о политико-просветительной работе сказано: «Укрепить политпросветработу в деревне, повысить ее качество. Особое внимание обратить на развитие дела деревенских радиоустановок, кино, усиление сети библиотек и т. п.». В связи с этим непосредственное изучение и обследование работы, направленной на удовлетворение культурных запросов рабочих и крестьянских масс, приобретает особое значение.

В работе по поднятию качественной стороны дела важнейшее место принадлежит инспекции. Именно инспектор, опираясь на углубленное знание обследуемого района, организует советскую общественность в направлении обслуживания политико-просветительной работой населения вообще и отдельных его групп в особенности. Первейшей задачей инспектора является его активная работа по проведению в жизнь мероприятий, выражающих классовую линию и качественно улучшающих работу политико-просветительных учреждений.

Спор о том, должен ли быть инспектор методистом или организатором, мы считаем практически бесплодным: обстановка работы низового инспектора такова, что немыслимо представить руководителя политпросвета в районе, занимающегося только методикой или только организацией,—инспектор неизбежно будет разрешать вопросы и методические и организационные.

Правилом в работе всякого инспектора должно быть одновременное с обследованием политико-просветительных учреждений ознакомление со всей в селении (или волости) общественной и культурной жизнью. Инспектор, приехав в пункт обследований политико-просветительных учреждений, обязан побывать в сельсовете, в ячейке партии и комсомола, а также в других общественных организациях.

Крайне желательно, но, к сожалению, это бывает не всегда возможно по условиям работы, побывать инспектору на собраниях крестьян (сельских сходах), на собраниях членов кооператива, на собраниях делегаток и т. п.

Эти собрания помогут уяснить инспектору, какие практические вопросы интересуют местных крестьян, как они подходят к их разрешению

и какую роль играет или может играть политико-просветительное учреждение.

Только на фоне работы общественных и культурных организаций можно будет установить, насколько изживается один из главнейших недостатков деревенской политпросветработы, отмеченный IV съездом политпросветов: «Не совсем достаточное наполнение работы политическим содержанием в том смысле, что она слабо увязана с практическими задачами партии и советской власти. Отсутствие четкой линии в деле обслуживания основной массы крестьянства—бедноты и середняков, а также батрачества».

ОСНОВНЫЕ МОМЕНТЫ ПРОЦЕССА ИНСПЕКТИРОВАНИЯ.

Основные моменты процесса инспектирования учреждений политпросвета те же, что и при инспектировании других просветительных учреждений. Поэтому мы лишь бегло коснемся общих вопросов инспектирования, а главное внимание в статье сосредоточим на особенностях инспектирования учреждений политпросвета от других. Инспектирование слагается из таких элементов: а) подготовка к проведению инспектирования; б) обследование учреждения; в) инструктирование; г) обработка материалов и выявление результатов; д) доклады в руководящих органах, учреждениях и населению. Подготовка к командировке по инспектированию должна иметь место в работе каждого инспектора как начинающего, так и опытного, инспектирующего политикопросветительные учреждения данного района. Разница будет в степени подготовки. Инспектору, проработавшему в данном районе 2-3 года, нужно будет привлекать для ознакомления перед выездом не вообще материал по району, а лишь тот, который может дать новые данные для характеристики работы учреждений в изменившихся условиях, при другой обстановке.

Очень большая подготовка будет нужна инспектору, мало знающему район, посещающему политпросветучреждения участка в первый раз.

Характер подготовки будет изменяться в зависимости от целевой установки командировки: намечается ли обследование углубленное или общее, комиссионное или индивидуальное.

Возможна ли подготовительная работа при тех условиях, при которых в настоящее время протекает работа инспектора политпросвета? Практика показывает, что подготовительная к обследованию работа часто «выпадает», — как правило, инспектора едут на инспектирование, не подготовившись.

Это большой недостаток инспекторской работы. Инспектора, проработавшие несколько лет, знают цену предвыездной подготовке. Конференция инспекторов соцвоса и политпросвета Центрально-промышленной области, работавшая летом 1927 г. в Нижнем-Новгороде, постановила: «Ввиду того, что момент подготовки к обследованию в практике работы низового инспектора выпадает, признать необходимым оформить обязательность подготовки к каждому обследованию соответствующим циркулярным распоряжением органов народного образования.

Цель всякого обследования определить: как ведется работа, в какой мере планы реализуются в жизни, каковы практические результаты для деревни от работы данного политико-просветительного учреждения. Необходимо прибегать к способу сравнения настоящей работы, с той, которая велась год-два тому назад, чтобы оценить деятельность учреждения в динамике.

Не только при осуществлении контрольных функций, но и при всяком указании-совете инспектор должен во всей полноте учитывать обста-

новку и условия, в которых протекает работа того или иного политико-просветительного учреждения.

Бесспорным условием успешного обследования учреждения в процессе его работы является внимательное наблюдение, всматривание во все происходящее. При этом важно, чтобы занятия были показаны инспектору во всей их будничной обстановке.

Вмешательство инспектора в практическую работу учреждения допустимо при условии, если оно будет тактичным и не будет нарушать естественного хода занятий. Недопустимо своим обследованием срывать работу учреждения.

Однако полное устранение инспектора от участия в ведущейся работе было бы нецелесообразно. Иногда вмешательство инспектора вызывается необходимостью продемонстрировать тот или иной прием работы политпросветчикам обследуемого учреждения.

Но во всех случаях беседа инспектора со взрослыми крестьянами или рабочими, являющимися членами кружка или слушателями курсов, должна быть лишена официальности. Из этого общения особенно важно узнать: какие требования предъявляет население к политико-просветительному учреждению; насколько последнее эти требования выполняет; какие мероприятия политпросветучреждение провело наиболее успешно и т. п.

О некоторых видах инструктажа. Инструктирование составляет неотъемлемую и важнейшую часть процесса инспектирования.

Бесспорно, наиболее существенным видом инструктажа является практическая помощь инспектора при даче отдельных указаний. Положим, в обследованной избе-читальне нет плана, и избач, новый работник, не знает, как его составить; в этом случае, одних теоретических указаний будет недостаточно, надо проработать инспектору совместно с избачом несколько пунктов, чтобы научить его, как составить план избы-читальни.

Самый трудный метод инструктирования—показательная работа инспектора. Целесообразнее—и с точки зрения экономии времени инспектора и с точки зрения полноты охвата работников—проводить показательные занятия в волостном центре, при волостной избе-читальне. Присутствовать на таких занятиях могут многие политпросветчики—избачи, красноугольцы, руководители кружков и т. д.

При устройстве показательных занятий инспектору надо учесть следующее: выступать с такой темой и в той области политико-просветительной работы, где он чувствует себя достаточно подготовленным.

В противном случае, инспектор может и должен выступить организатором показательных занятий. Надо уметь привлечь к этому делу лучшего методиста из своего района или из уездного (окружного) центра.

В инструктивных целях надо широко использовать всякий положительный опыт района. В этом отношении, как опорный пункт волости, особое место должна занимать волостная изба-читальня.

Инспектирование может считаться тогда законченным, когда целевое назначение выполнено: приняты меры к устранению отмеченных обследованием недостатков. Инспектор по основным вопросам делает доклады: а) совету инструктированного учреждения (совету избы-читальни, школы взрослых и т. п.); б) местным партийным, советским и профессиональным организациям; в) населению; г) командирующему органу (ОНО или рику) [1].

[1] Подробнее см. в книжке автора: «Методы работы инспектора политпросвета», изд. Моск. политико-просветительного института, 1928 г., главы II и III.

УЧАСТИЕ ОРГАНИЗАЦИЙ И НАСЕЛЕНИЯ В ОБСЛЕДОВАНИЯХ.

Обследование может быть интереснейшим видом по вовлечению актива общественных организаций и населения в политико-просветительную работу. Теснейшее общение с активистами-крестьянами во время обследования даст возможность ближе узнать требования населения к политико-просветительной работе и наметить наиболее конкретные способы их удовлетворения.

Инспектор, участвуя в заседаниях организаций и на собраниях граждан, всегда сумеет учесть, какие организации могут быть полезны при проведении инспектирования тех или иных учреждений обслуживаемого им района.

Комиссионное инспектирование соответствует задачам момента: оно отвечает на все растущий интерес широких кругов советской общественности к делу народного образования.

Обследования проводятся часто секциями народного образования советов, профсоюзами, парторганами, женотделами, комсомольскими организациями и др. Н. К. Крупская в докладе «Проблемы народного образования», читанном ею в Коммунистической академии 28 апреля с. г., говорила: «С их (секций народного образования) помощью налаживается школьный инструктаж, который становится мощным орудием, когда в нем принимает участие активная часть самого населения».

Комиссионное обследование вызывает большой интерес к просветительной работе со стороны местных общественных организаций: последние не только слушают человека со стороны, спеца от просвещения, но и сами активно участвуют в изучении жизни политпросветительных учреждений своего района. При таком общественном обследовании доклады инспектора должны ставиться не только в советских и партийных органах, но и перед населением—на рабочих и крестьянских собраниях. Важно к выступлению с докладами перед населением (в виде содокладов) привлечь членов комиссии, представителей общественных организаций.

Конечно не во всех обследованиях могут участвовать общественные организации. Бывают обследования узко-ведомственные, не представляющие большого интереса для местной общественности. Например, проводится обследование библиотеки в волостном центре с целью налаживания техники библиотечного дела. Этот вопрос вызывает необходимость привлечения специалиста; инструктирование будет также касаться узко-специальных вопросов.

Каковы трудности комиссионной работы?

Трудности есть и довольно большие. Занятость товарищей, выделенных на инспектирование, делает их неработоспособными, почему инспектирующая комиссия часто превращается в комиссию для заслушивания сообщений инспектора о проведенной им работе. Надо избегать громоздких комиссий по составу. В комиссию могут входить: а) инспектор политпросвета, б) представитель секции народного образования совета, в) представитель ВКП(б), г) представитель ВЛКСМ, д) представитель от месткома рабпрос, е) от актива рабочих или крестьян (в зависимости от характера обследуемого района), ж) специалисты по отдельным вопросам обследования.

В инструктировании очень редко участвуют члены комиссии, представители организаций. Таким образом комиссионная работа проводится по преимуществу в части обследования. Но и такое участие общественных организаций может иметь большое значение, так как их представители, местные работники, могут дать ценный фактический материал, который

углубит и расширит всю работу по инспектированию того или иного политико-просветительного учреждения.

Надо организовать работу комиссии так, чтобы получилось наиболее целесообразное использование сил членов комиссии.

ИНСПЕКТИРОВАНИЕ ИЗБЫ-ЧИТАЛЬНИ.

Говоря об инспектировании избы-читальни, как центральном учреждении политпросветработы всей волости, надо исходить из очередных задач ее работы и учитывать всю обстановку работы в настоящих конкретных условиях.

Содержание работы избы-читальни, отраженное в массовой, кружковой, справочной и других формах работы, может быть разделено на следующие 4 основные раздела: 1. Общественно-политическая работа. 2. Производственно-кооперативная работа. 3. Культурно-бытовая. 4. Работа с различными группами населения (с беднотой, батрачеством, женщинами, сезонниками, с детьми и молодежью, с допризывниками, призывниками и переменниками).

В резолюциях XV съезда ВКП(б) и в речах наших вождей были выдвинуты две важнейшие по отношению к работе в деревне задачи: назревшая необходимость перехода к крупному коллективному хозяйству и необходимость более высокого культурного уровня крестьянства («Без быстрого культурного роста мы не можем переконструировать наше хозяйство»—Рыков).

Реконструктивный период хозяйства носит плановый характер. Вопросы культурного строительства должны также получить плановое руководство. План политико-просветительных учреждений следует строить на основе планов местных органов, в первую очередь в тесной увязке с работой вика и сельсоветов.

Особенно остро стоит перед участковым (районным) инспектором, который ближайшим образом призван осуществлять всестороннее руководство в районе, задача планирования политико-просветительной работы. Можно с полной уверенностью сказать, что составление плана политико-просветительной работы в волости будет первейшей работой участкового инспектора.

Как инспектировать избу-читальню в части ее плановой работы? Если у избы-читальни план более или менее, с точки зрения инспектора, удовлетворительный, он может ограничиться внесением некоторых поправок.

В более затруднительное положение попадает инспектор, когда план избы-читальни плохой, когда он не содержит вовсе конкретных указаний по работе на предстоящий период.

В таком случае надо проработать план. Обязательным правилом для инспектора в работе по изменению плана является учет всех данных, полученных как путем обследования, так и другими способами.

Работу надо вести совместно с работниками волости. Инструктору следует к каждому соображению местных работников прислушиваться самым внимательным образом, памятуя, что, как бы ни был он (инспектор) опытен в этом деле, известный отрыв, отвлечение с его стороны от местных нужд всегда возможны. К тому еще, часто избач не может написать удовлетворительного плана не потому, что он не знает местных нужд или мероприятий местных органов, а потому, что не умеет их увязать с задачами политико-просветительной работы.

Волостная (районная) изба-читальня должна обеспечить своей работой проведение классовой линии в применении к каждому политико-просветительному учреждению волости. Она должна вести учет классового состава обслуживаемых слоев населения.

Инспектирование останавливает свое внимание на выявлении эффективности работы политпросветительных учреждений: конкретные результаты в отношении подъема крестьянского хозяйства, количество обученных, качество проведенных кампаний и т. д.

Важнейший вопрос для волостного центра: как осуществляется руководство сетью красных уголков?

На первый план выступает работа в совхозах, колхозах и артелях. Инспектирование должно содействовать избе-читальне в проведении мероприятий по пропаганде коллективизации сельского хозяйства: устройство выставок, организация бесед, организация громких читок газет, брошюр и т. п.

В обращении ЦК ВКП(б) «Ко всем членам партии, ко всем рабочим», помещенном в «Правде» от 3 июня с. г., читаем: «Партийные ячейки должны работать не только на фабрике и заводе, но и в рабочей казарме, в рабочих квартирах и общежитиях, в столовых и клубах». Политико-просветительные учреждения как рабочие аппараты партии должны полностью принять к руководству эту партийную директиву. Надо пробудить интерес к культурной работе в самых отсталых слоях крестьянского населения. Втягивать в самообразовательную работу, заочное обучение, привлекать к участию в кружковой работе, с большей тщательностью подходить к удовлетворению запросов рабочих и т. д.—вот круг вопросов, на которых изба-читальня должна особо заострить свое внимание.

В заключение о методах инструктажа избы-читальни. Общей установкой при инструктировании является—дать не только указание, но и показать, как его провести в жизнь.

Например, надо инструктировать работу избы-читальни в области постановки дела с газетой и книгой. После детального ознакомления с фактическим положением работы избы-читальни с газетой и книгой инспектор сам устраивает читку и после нее проводит беседу. Удачно проведенная примерная читка с беседой покажет избачу (и другим политпросветработникам, если они присутствуют), как надо вести эту работу и каких результатов можно достигнуть при надлежащей постановке дела.

Или, положим, надо инструктировать работу по стенгазете. Инспектор, внимательно просмотрев вышедшие номера стенгазет, устанавливает их недостатки; затем он собирает редколлегию и кружок стенкоров и выявляет перед ними, с одной стороны, все замеченные им при обследовании недостатки газеты, а с другой—указывает, какими способами эти недостатки изжить. Хорошо бы инспектору свои указания сопроводить демонстрацией лучших стенгазет своего района; инструктирование через показ лучшего образца—мы по опыту знаем—окажет самое сильное влияние, особенно на стенкоров малоопытных, начинающих.

В следующей статье мы осветим методы инспектирования применительно к библиотеке, школе взрослых, ликбеза и красному уголку.

А. ЕГОЛИН.

МОЛОДАЯ ИНСПЕКТУРА.

(Письмо из Рязани).

В поисках новых методов руководства массовым просвещением мы упираемся в первичного исполнителя—в низовую инспектуру. Можно с этой точки зрения считать «Положение» от 31 декабря 1927 года (об участковой инспектуре) гранью между добрыми пожеланиями о контроле, помощи просветительной работе и подлинным ее охватом органами НКП.

Вместе с тем уже упомянутое «Положение» является предвидением особо широких и сложных задач, которые ставит культурной работе

XV съезд партии. Не будет преувеличением, если назовем «Положение» одной из организационных посылок планомерного руководства культурным движением деревни.

Однако, прошел год со времени издания «Положения», а его нормы и требования не выполняются во многих районах РСФСР. Места путаются с простым вопросом: как совместить учреждение нового штата инспектуры с линией на сокращение административных расходов. А там, где это мнимое противоречие преодолено и где новый инспектор появился, его «с места в карьер» загрузили общесоветской работой, а к своей основной еще не подпускают.

Отрадным и чуть ли не единственным исключением из очерченного положения с участковой инспектурой является Рязанская губерния.

Уже с января 1928 года губерния получила штат инспекторов политпросвета в 28 человек. Правда, большинству новых инспекторов пришлось работать по хлебозаготовкам, налоговой кампании, займу и т. д. Но даже это использование не по прямому назначению участковой инспектуры не могло изменить факта ее введения, признания местами ее крайней необходимости.

За этим первым успехом последовала борьба губоно за школьную инспектуру. Ее введение заблаговременно, до конца 1927/28 рабочего года, не удалось. Это затруднило набор инспектуры из лучших учителей, а также изыскание средств на инспекторские курсы, хотя эти мероприятия—набор и курсы—было намечено провести до начала нового учебного года (резолюции 3-го пленума Рязанского губкома ВКП(б) 10—12 мая 1928 г.). Таким образом уоно вели спешные переговоры с кандидатами в инспектуру непосредственно перед их посылкой на курсы, т. е. преимущественно в сентябре. В результате такой затяжки новые инспектора соцвоса попали с курсов на места только в самом конце октября; без их участия прошла в основном бюджетная работа и такая важная местная кампания, как «Двухнедельник просвещения» (с 23 сентября по 5 октября).

Тем не менее надо считать, что Рязанская губерния идет впереди других губерний и некоторых областей РСФСР, укомплектовав низовую инспектуру, материально ее обеспечив и, хоть с опозданием, дав ей первоначальную подготовку.

Будет ли новая инспектура авторитетной и работоспособной, видно из основных данных об их выдвижении, подготовке и т. д. Данные эти получены на месячных курсах инспектуры, которые прошли в октябре с. г.

Из 25 инспекторов политпросвета (всех 28) 13 выдвинуто уездными комитетами ВКП(б), 1—волкомом той же партии, 1—губкомом ВЛКСМ и 10 назначено уоно по согласованию с парторганами.

Из 32 инспекторов соцвоса 7 выдвинуты партийными организациями, 8—профсоюзными, 1—виком и 16 назначены уоно при большем или меньшем интересе к этим назначениям упомянутых организаций.

Следовательно, обе группы инспекторов—либо ставленники партийных и других организаций, либо последним хорошо известны и с ними связаны.

Инспектора политпросвета—все члены партии или ее кандидаты (4 кандидата и 1 комсомолец). Среди инспекторов соцвоса только 4 коммуниста, 4 кандидата, 1 комсомолец и 23 беспартийных. Таким образом больше четверти школьных инспекторов—настоящие или будущие члены партии.

Политпросветские инспектора все мужчины; из 32 соцвосовских—7 женщин. При общем курсе на выдвижение женщин в Рязанской губ. (2 женщины из 7 завуоно, женщины—союзные руководители и т. д.) участковая инспектура имеет плохой половой состав.

Из всех 60 инспекторов—8 моложе 23 лет и 19—в возрасте 23—28 лет. У первой, младшей, из этих групп нормальная подготовка (педтехникум и пр.), но совершенный недостаток стажа. Вторая же группа представляет собою, как показали занятия на курсах и обследовательский практикум, вдумчивых работников, хороших или даже выдающихся представителей уже поработавшего младшего поколения учителей и политпросветчиков. Остальные 33 инспектора по возрасту разбиваются следующим образом:

Год рождения	Политпросвет	Соцвос
1885—90	2	4
1890—900	9	15

Значит не только инспектура соцвоса, но и политпросвета включает в свой состав около половины вполне зрелых работников со значительным стажем.

Однако стаж этот не однороден. Из 60 инспекторов 18 не имеют иного стажа, кроме просветительного, а именно—не работало ни в сельском хозяйстве, ни в ремесле, ни в крупном производстве 14 школьных инспекторов, и только 4 политпросветских. В Красной армии перебывало больше трети инспекторов политпросвета и только четверть инспекторов соцсова. Зато у последних лучше стаж педагогический и общее образование, что видно из следующего:

ОБРАЗОВАНИЕ ИНСПЕКТОРОВ

Политпросвета	Число	Соцвоса	Число
Подтехникум	2	Уч. институт	4
С. П. Ш. II ступени	3	Педтехникум	6
Школа II ступени	4	Учительская семинария	12
Сельская и городская начальная школа	19	Гимназия	3
		Школа II ступени	5
		Духовная семинария	2
Всего	28	Всего	32
Из 28 на разных краткосрочных курсах перебывало	20	Прошли курсы переподготовки	29
		Другие курсы	3

ВИДЫ ПРОСВЕТИТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ

Политпросвет	Число	Соцвос	Число
Избачи	6	Во всех группах I ступени	23
Вол. П/П организатор	1	Только в 1 и 2 группах	3
Агит.-пропаганд. работники	4	» » 1 группе	1
Обществовед	3	» » 2 »	1
Все группы I ступени	4	Обществовед	1
Не были на просвет. работе	10		
Всего	28	Всего	32
		Большая часть работала в опорных школах, часть ими заведывала.	

Таким образом при хорошем трудовом и общественном стаже большинству политпросветинспекторов не хватает общего среднего и даже повышенного низшего образования, а 10 из них—стажа просветительной работы. Этот стаж у остальных 18 не однороден, а низовой стаж деревенского политпросветчика имеют лишь 7 человек. Надо добавить, что только 2 политпросветинспектора начали просветительную работу до 1917 года и 3—в период с 1918 по 1924 год.

По сравнению с политпросветчиками молодая инспектура соцвоса оказывается нормально обученной и стажированной. Школьные инспектора—типичные производственники, судя по длительности их педагогической работы:

В школе	начали	работу	с 1905	по 1910	г.	4
»	»	»	» 1911	» 1916	»	8
»	»	»	» 1918	» 1924	»	16
»	»	»	» 1926	и 1927	»	4
					Всего	32

Но эти инспектора из стажированных учителей рано оторвались от сельского хозяйства, либо никогда с ним не были связаны; не имеют они и рабочего стажа; это типичные интеллигенты деревни.

Работа на курсах обнаружила глубокий интерес новой инспектуры к предстоящей деятельности. Большинство считает для себя желательным 2—4-летний срок беспрерывной инспекторской работы, а основным условием закрепления на этой работе выставляются разные виды повышения квалификации инспектора.

Как выяснилось, условия работы участкового инспектора в Рязанской губернии будут таковы:

Нагрузка на инспектора не будет превышать 90 учреждений; но преобладать будут участки в 2—3 волости, с 60—70 учреждениями и 100—150 работниками.

Радиус участка 46 инспекторов колеблется между 20 и 35 верстами. У остальных он не превышает 50—60 верст (самые дальние пункты участка).

Разъездные (на месяц) установлены в 20 руб. и в 30 р.

Жалованье—75 рублей.

Прозодежды большинство инспекторов не получит.

На курсах прорабатывался вопрос о плане работы инспектора. Постановление президиума губисполкома (от 26 октября) позволяет расчитывать на выполнении без помехи инспектурой своих рабочих планов.

В настоящем году, по предположениям секретаря губкома т. Тимофеева, инспектура может быть втянута только в две кампании: по перевыборам советов и по самообложению. Но участие инспекторов в этих кампаниях не может включаться никаким планом и только желательно.

Между взглядом губернского и местного руководства на использование инспектуры расхождений нет. Так, расширенный президиум Гиблицкого волисполкома обсуждал со мной вопрос об использовании участковой инспектуры и обещал ей полную самостоятельность и поддержку. Такое же отношение к инспектуре обнаруживали отдельные из заведующих социально-культурными частями виков во время губернского совещания по народному образованию.

Совещание это приняло для инспектора 2 дня в месяц на самообразовательную работу.

Курсовая анкета выяснила, что условия для чтения на дому и на службе у большинства инспекторов сносны. Все указанные обстоятельства в основном должны способствовать закреплению нового инспектора и его росту.

Однако, ему нужно постоянное руководство. Младшей возрастной группе необходима надежная перспектива продолжения образования, а старшей—достаточно продолжительные курсы и учебно-научные командировки. Губоно и губисполком учитывают важность нового института. В план губоно включено тщательное изучение первых шагов участковой инспектуры и дальнейшее наблюдение за работой для оказания ей нужной помощи. Что касается заочного курса инспектирования начальной школы (Института повышения квалификации), то он уже известен рязанским участковым инспекторам соцвоса, а на курсах использованы первые уроки этого курса. Рязанцы таким образом положили начало проверке курса. К концу 1928/29 года необходимо будет организовать коллективную оценку (по РСФСР) курса под руководством НКП.

Что же касается организационно-методических выводов из работы рязанских инспекторских курсов, то их краткая формулировка будет небезынтересна для наших читателей. Вот эти выводы:

Вопросы специальные должны занимать на таких курсах около двух третей рабочего времени. Между тем на рязанских курсах «формы и методы инспектирования» и практикум составили меньше половины занятий курсов.

Курсы всей участковой инспектуры, соцвоса и политпросвета вполне себя оправдали. В Рязани, правда, были шероховатости, вызванные частичным несовпадением интересов, запросов и подготовленности двух инспекторских групп. Однако, эти группы уже во время учения спаялись, вырабатывали единый план дей-

ствий на участке, взаимно нивеллировали недостатки своего стажа и подготовки. А секционная работа достаточно углубляла вопросы руководства и инспектирования особо для каждой из двух инспекторских групп. Таким образом только «совместное обучение» может обеспечить дружную работу на участке обоих инспекторов.

Практикум, как показал рязанский опыт, не может ограничиваться работой больших полусамостоятельных групп. В согласии с курсантами и работниками губоно намечены такие ступени практикума:

а) большие группы обследователей во главе с руководителем—разработка дробных тем и их объединение в общем докладе;

б) самостоятельные группы в 2—3 человека—укрупнение тем обследования;

в) обследование в одиночку, фронтальное и тематическое.

Таким образом практикум (10—15 дней) заканчивался бы обследованием, обычным для участкового инспектора. Уйти от указанной организации опытного обследования на курсах совершенно невозможно. Трудность построения такой практики должна вполне окупаться результатами подготовки обследователя и широким изучением подгородных районов (обычно запущенных, своеобразно «трудных») и расположенных за ними типичных сельских районов уезда, где происходят курсы.

Таков деловой почин и опыт Рязани. Намеченное обследование низовой инспектуры со стороны НКП не за горами. И по Рязани и по другим губерниям и краям надо это обследование превратить в новый смотр по существу обновленной инспектуры, если она, наконец, введена.

Там же, где инспектуры на участке еще нет, или где она сиднем сидит в аппаратах, или разъезжает усердно, но никак не попадет в культучреждения,—там надо немедленно, а во время обследования инспектуры в особенности, мобилизовать мнение масс, в том числе и просвещенских, под лозунгом: «инспектора на участок».

А. РОЗИН.

Рязань

ВОПРОСЫ ВОСПИТАНИЯ

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ И ВОСПИТАТЕЛЬНЫЕ ЗАДАЧИ ШКОЛЫ.

Усиление и улучшение воспитательного влияния школы повышенного типа на учащихся—основная и наиболее актуальная и злободневная задача в строительстве этой школы. Мы слишком долго этой задаче не уделяли того внимания, которого она заслуживает. В результате в развитии школы обнаружились болезненные искривления, которые многих очень сильно беспокоят. Чтобы выпрямить эти искривления, теперь уже недостаточно в школе довести воспитательную работу до нормального уровня. Теперь ее необходимо поднять выше того уровня, на котором она должна стоять при нормальных условиях.

Проблема воспитательного влияния школы повышенного типа на учащихся должна стать в центре внимания и самой школы, и руководящих ею органов народного образования, и общественных организаций, она должна занять господствующее, доминирующее положение среди других важнейших проблем строительства этой школы.

Нечего бояться, что такая установка неблагоприятно отразится на учебной работе школы. Наоборот. Недостаточность воспитательной работы почти всегда влечет за собой падение общей и рабочей дисциплины учащихся и ухудшение рабочей атмосферы учреждения. Поднимая на высокий уровень воспитательную работу в школе, мы тем самым будем вносить оздоровление и в ее учебную работу.

Воспитательная работа должна захватывать в сферу своего влияния не только учебные занятия и работу ученических организаций. Нет, нам необходимо выработать такую систему воспитательных мероприятий,—которая бы всесторонне охватывала всю жизнь и работу учащихся в школе и распространяла бы свое влияние и за пределы школы.

Под этим углом зрения должен быть пересмотрен весь педагогический процесс школы повышенного типа.

Остановимся прежде всего на организационно-педагогических вопросах. Многим казалось и продолжает казаться до сих пор, что эта область не имеет никакого отношения к воспитательным проблемам. Посмотрим, так ли это на самом деле.

Начинается учебный год. На первом педсовещании или заседании школьного совета происходит распределение предметов курса между педагогами. Во многих городских школах повышенного типа установилась такая традиция: педагоги в целях облегчения своей работы из года в год преподают в одном классе, не переходя с учащимися в старшие классы. Например, во втором концентре школы-семилетки имеется три преподавателя математики, три—родного языка, три—обществоведения

ПРОСВЕЩЕНСКИЕ КАДРЫ

К ВОПРОСУ О КВАЛИФИКАЦИИ ПЕДАГОГА.

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КВАЛИФИКАЦИИ В РАЗЛИЧНЫХ ОБЛАСТЯХ ТРУДА.

Обычно, когда говорят о квалификации современного педагога, имеют в виду главным образом его неподготовленность в области знаний. Говорят о том, что он неграмотен, что у него нет политического образования, нет познаний в области точных наук и т. д. При этом совершенно забывают основное, именно, что образование педагога является лишь только необходимой предпосылкой для его квалификации.

Для того чтобы пояснить эту мысь, необходимо остановиться на сравнительной характеристике квалификации различных отраслей труда.

В области индустриального труда вопрос о приспособленности рабочей силы, вопрос о том, насколько данная рабочая сила в состоянии выполнить производственную программу с надлежащим качеством, имеет решающее значение. Если в последнее время, примерно за последние 20 лет, в центре внимания всей промышленности не только нашей страны, но и всего мира стояли и стоят именно вопросы рационализации и организации рабочей силы, то это не случайно, и если в предыдущие годы, в конце XIX и начале XX века такие вопросы, как вопрос о повышении производительности труда, об удешевлении стоимости товаров, о превращении дорогих товаров, путем их удешевления, в массовые, обусловливались главным образом совершенствованием техники, то в настоящий момент на первый план выдвигаются не столько технические проблемы, сколько организационные.

Тейлор, основоположник НОТ, в одном из своих произведений говорит: «Если бы меня спросили, что лучше—обычная фабрика с обычным оборудованием, но с научной постановкой дела или же фабрика, оборудованная по последнему слову техники, но без научной организации труда, я бы сказал, что первая, ибо она даст сравнительно большую производительность, чем вторая». Важно не только то, чтобы иметь условия, при которых можно было производить, но и то, как использовать эти условия, как добиться максимального эффекта от их использования. Поэтому, повторяю, не случайным является то, что в настоящий момент в центре внимания всей индустрии стоят вопросы организации рабочей силы, а не только вопросы техники, ибо определяющим началом в последнее время является не столько техника, сколько организация использования тех достижений техники, которые имеются в распоряжении современного хозяйства.

В порядке определения условий различных видов труда, необходимо отметить, что работники индустриального труда находятся в значительно более благоприятных условиях, чем работники других отраслей труда. В этой области машина сама определяет поведение работника в его работе. Совершение той или иной операции зависит не столько от индивидуальной воли работника или, вернее, почти не зависит от нее, а зависит от того механизма, который регулирует его труд, т. е. от машины, при помощи которой он работает. Отсюда вытекает, что в области индустриального труда сразу может почувствоваться неподготовленность, неквалифицированность того или иного работника, так как автоматически получается немедленная реакция. Если тот или иной рабочий не в состоянии управлять данной машиной или определенной частью ее, то машина сразу реагирует на это—либо останавливается, либо дает меньше продукции, и это доказывает, что данный рабочий не обладает нужной для работы квалификацией.

Совершенно в ином положении находятся работники других отраслей труда. Там такой немедленной автоматической реакции не получается. Реакция наступает сравнительно позднее, уже после того, как обнаружились некоторые тормозы в работе.

Возьмем для примера конторский труд, скажем, труд экспедитора. Если экспедитор совершил ошибку в своей работе и отправил одно письмо по неправильному адресу, то тот, кто должен получить это письмо, его не получит, и ошибка, как видим, обнаружится лишь через некоторое время. Автоматической реакции тут уже нет, а есть реакция, требующая для своего выявления более или менее продолжительный период времени.

Если мы перейдем к педагогическому труду, то здесь время, потраченное на выявление реакции, окажется еще более длительным.

Но прежде чем перейти к разрешению вопроса о времени наступления реакции, выявляющей неподготовленность педагога, необходимо установить критерий для измерения продуктивности и эффективности педагогического труда. Можно без особой погрешности сказать, что продуктивность и эффективность педагогического труда определяются суммою тех знаний молодого поколения, какие оно получит и какие необходимы ему для социалистического строительства, а также основательным усвоением этих знаний и сознательным применением их в трудовой деятельности. Возникает вопрос—когда же могут обнаружиться продуктивность и эффективность педагогического труда? Опыт показывает, что знания, даваемые школой II ступени, обнаруживаются при поступлении в вузы. Отсюда видно, что если бы были экзамены из I ступени во II, то на них обнаружились бы знания, даваемые I ступенью, и если бы были экзамены из дошкольных учреждений в I ступень, то обнаруживались бы знания, даваемые дошкольными учреждениями. Таким образом мы видим, что в области педагогического труда реакция на неправильную постановку дела отодвигается на еще более длительный срок.

В этом отличие педагогического труда от любой другой отрасли труда.

Вот почему на фабрике, на заводе, даже в области конторского труда очень легко определить пригодность того или иного работника в данной профессии, очень легко сказать, насколько он квалифицирован.

Кроме того не следует забывать, что в этой области труда есть норма выработки, есть определенный минимум требований, предъявляемых к качеству этой выработки: требуется в день выработать столько-то, такого-то качества, в таких-то условиях. Следовательно, если в день рабочий дает больше нормы, можно сделать вывод, что его квалификация значительно выше квалификации среднего рабочего. Если же в день он вырабатывает меньше нормы, значит его квалификация ниже нормы. Степень отклонения от той или другой нормы, т. е. высшая или низшая квалификация—определяется очень легко, так как есть качественные и количественные нормы выработки. В области же педагогического труда таких норм выработки нет; поэтому, когда мы говорим, что данный педагог обладает

высокой или низкой квалификацией, мы определяем это исключительно на глазомер. Никакой определенной нормы педагогического труда, повторяю, нет, в то время, как имеются нормы слесарного, токарного, конторского и других видов труда. Естественно возникает вопрос, почему нет нормы квалификации педагогического труда. Надо полагать потому, что нет нормы выработки педагогического труда, а нормы выработки педагогического труда нет потому, что педагогический труд находится в совершенно иных условиях, чем любой другой труд. В самом деле от чего зависит производственный процесс на фабрике? От качества сырья, от качества машин, от качества инструментов и, наконец, от степени квалификации данного рабочего—вот 4 элемента, определяющих успешность производства фабрики. Если, скажем, при хорошем качестве сырья выработка у рабочего получается меньше нормы, то вполне понятно, что в данном случае его квалификация недостаточна. Вообще же качество выработки должно соответствовать качеству сырья, техники, обстановки и т. п., и если меняется качество этих условий, то и качество выработки пропорционально изменится.

И в области педагогического труда производственный процесс зависит от качества сырья, под которым я подразумеваю детскую аудиторию, но не зависит от качества машин и инструментов, ибо таковые в производственном процессе учителя не фигурируют в такой степени и пропорции. Здесь процесс определяется главным образом качеством сырья и качеством квалификации. Все остальное не имеет такого решающего значения в налаживании и качестве педагогического процесса. Бывают, ведь, такие случаи, когда в школе имеется прекрасно оборудованный физический кабинет, а ребята в физике ни звука не понимают. Особенно это характерно было для старой гимназии, а также для старого реального училища, где физический кабинет всегда был очень хорошо оборудован, а ученики ни чего в области физики не знали.

Далее, можно иметь и прекрасные орудия, инструменты, но эффект будет очень незначительным . И в то же время можно при помощи самодельных приборов с успехом обучать детей тем или иным приемам и добиваться максимальной подготовленности ребят.

Это не значит, что я всецело исключаю условия, в которых должна производиться работа, ибо, если вы будете заниматься зимой под открытым небом, то, понятно, результаты получатся иные, чем при обучении в теплом и оборудованном помещении. Но мы говорим: «если на фабрике и на заводе р е ш а ю щ е е значение имеет качество машины и инструмента, то для педагогического процесса не это является определяющим моментом. Если инструмент у рабочего совершенно испрочен, то каким бы квалифицированным он не был, все равно у него ничего не получится. Если же у педагога инструмент, или, вернее, прибор, совсем не действует, то он, при достаточной квалификации, сможет компенсировать отсутствие инструмента чем-нибудь другим. В этом-то и заключается основное отличие. Конечно, условия работы имеют значение, но это уже второстепенный фактор. Ведь если педагог голоден, то от этого педагогический процесс его тоже пострадает, но мы здесь не говорим об этих факторах. Мы имеем в виду удельный вес качества инструментов в отношении фабрики и в отношении школы.

Может возникнуть вопрос—почему условия работы в школе должны быть отнесены к группе факторов второстепенного порядка. Потому, что на фабрике существует принцип разделения труда: один и тот же фабрикат обрабатывается целым звеном работников; в школе же I ступени руководитель детской аудитории объединяет в себе весь производственный процесс. Во II ступени преподаватель русского языка в процессе своей работы тоже должен добиваться известного эффекта совершенно единолично. Никто ему не помогает. Другое дело, если бы один человек проверял для него тетради, другой—подготовлял ребят к тому, чтобы они поняли предмет преподавания, третий—настраивал ребят так, чтобы они были способны воспринять учение и т. д. Как известно, ничего этого нет, учитель делает все сам, весь учебный процесс в целом находится в его руках.

Вот пример: чем больше на фабрике и заводе совершенствуются машины, тем ниже может быть квалификация рабочего. В школе же наоборот—чем больше совершенствуется педагогический процесс, тем более высокая квалификация требуется для педагога. Здесь соотношение частей в профессиях меняется. Если на фабрике устанавливается конвейер, то нужно, чтобы каждый рабочий специализировался по своей части работы, а специализироваться по одной части несравненно легче, чем специализироваться по всему процессу в целом. Обстановка педагогического труда совершенно другая: чем больше достижений имеется в педагогической области, тем более сложной и ответственной становится работа учителя, тем, следовательно, выше должна быть его квалификация. Больше того: если сейчас для преподавателя в школе I ступени требуется подготовка в объеме педагогического техникума, то лет через 15 подготовка потребуется уже значительно более высокая. И, наоборот,—чем больше развивается техника на фабрике и заводе, тем меньше нужно тратить времени и средств для подготовки квалифицированного работника по тому или другому разделу работы. Здесь мы наблюдаем другой процесс—сокращение количества рядовых работников и увеличение количества руководителей машин. Тот рабочий, который должен стать во главе производства той или другой машины, и должен быть р у к о в о д и т е л е м процесса, а не его и с п о л н и т е л е м. Педагог при более развитой педагогике должен будет обладать значительно более высокой квалификацией, потому что он должен будет объединять в себе руководство не одной только частью процесса, а всем процессом в целом.

Вот почему вопрос о соотношении между отдельными элементами в любой отрасли труда и в области педагогического труда приобретает особое значение, когда мы пытаемся разрешить вопрос о повышении квалификации.

Чем определяется квалификация любого работника, в том числе и педагога? Прежде всего точностью выполнения задания и количеством времени, затрачиваемым на выполнение этого задания, т. е. качественными и количественными признаками. Эти же признаки сохраняют свое значение и для педагогического труда, но тут есть некоторая разница, заключающаяся в следующем.

Квалификация любого работника определяется тремя признаками: образованием этого работника (мы не говорим о размере этого образования), природной пригодностью его к своей профессии и, наконец, его стажем. Эти же признаки действуют и в области педагогического труда. Но разница между педагогом и работником любой другой профессии заключается в том, что для слесаря, например, образование является только предпосылкой для его работы. Если, предположим, он знает черчение, он легче может ориентироваться в чертеже, лучше работать по чертежу и т. д., но основная его квалификация заключается в том, чтобы уметь обращаться с инструментами, которыми он работает, и с металлами, над которыми работает. А для педагога? Педагог должен уметь прежде всего обращаться с тем образованием, с теми знаниями, которые он передает детям. Следовательно, образование в руках педагога приобретает такое же значение, какое имеет инструмент в руках слесаря. Слесарь с помощью инструмента добивается обработки металла; педагог с помощью

знаний, образования должен добиваться соответствующей обработки поведения, развития знаний, умений детей.

Для иллюстрации этого укажем несколько типов труда. Первый тип—труд автоматический, рефлекторный. К этому типу труда относится труд работника ручной мельницы и т. п., т. е. труд человека, который своими руками заменяет двигатель, человека, выполняющего функции двигателя. Из каких элементов складывается его работа? Задания и приемы работы неизменны, движения однообразны, ритм монотонный, работа может совершаться без всякого участия сознания, волевые импульсы рефлекторны, никакого выбора нет.

Второй тип—полуавтоматический привычный труд. Сюда относится труд телеграфиста, машинистки и т. д. Задания и приемы однообразны, но ритм переменный. Необходимы в работе — внимание, память моторная, воля пассивная.

Третий тип—шаблонный исполнительский труд по указке (токарь, слесарь и т. д.). Задания и приемы многообразны, но заранее заучены и строго определены инструкциями, моделями и т. д. Необходимы внимание и хорошая память. Самостоятельно комбинировать не приходится. Выбор применяющихся приемов ограничен, воля мало активна.

Четвертый тип—самостоятельный труд в пределах задания. Сюда относится труд учителя, врача, инженера, литератора. Здесь задания определяются в общем виде, дается лишь цель, идея, программа; выбор же путей и приемов выполнения свободен. Требуется способность самостоятельно модифицировать известные приемы труда и навыки, в соответствии с изменяющимися условиями. Требуется внимание, память, способность суждения. Воля очень активна [1].

Если мы возьмем первые три типа и сравним их с четвертым типом труда, то увидим, что в одних память и внимание отсутствуют, нет помощи со стороны механического двигателя и т. п.

В других типах труда нет необходимости активной воли, конструктивизма и т. п. со стороны рабочего. Все эти элементы даются при помощи соответствующей машины. В области же педагогического труда необходимо, чтобы работник обладал активной волей, конструктивизмом и т. п., т. е. тем, что не может быть заменено машиной.

Вот, что нам дает психотехнический анализ особенностей каждой профессии и тех реакций, которые происходят при выполнении той или другой работы. И вот, на основе анализа, мы видим, что в области педагогического труда инструменты заменяются исключительно квалификацией учителя. Необходимо отметить, что разница между элементами педагогической профессии и других профессий определяется прежде всего особенностями производственного процесса, а в области педагогического труда качество продукции зависит от качества педагога в гораздо большей степени, чем качество продукции зависит от качества квалификации работника в любой другой отрасли хозяйственного или индустриального труда.

ПОКАЗАТЕЛИ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ КВАЛИФИКАЦИИ.

Переходя к вопросу о том, из чего конкретно складывается профессиональный подход педагога, необходимо остановиться на следующем.

Поскольку качество продукции тесно связано с качеством педагога, постольку вопрос создания такой школы, в которой нуждается современное общество, есть прежде всего вопрос создания советской просвещенской армии, соответствующей требованиям нашей советской педагогики.

[1] Струмулин, «К вопросу о классификации труда».

Однако далеко не в одном этом заключается вся проблема построения новой школы. Качество продукции не зависит исключительно от педагога. Мы знаем, что педагог действует в пределах определенных заданий. Отсюда ясно, что если задание страдает некоторыми недостатками, то недостатки отразятся и на качестве продукции. Оговорюсь, что под заданиями я понимаю сейчас программы и методы преподавания. Следовательно, качество продукции зависит не только от педагогического процесса, но и от всех тех условий, на фоне которых складывается педагогический процесс. Каковы эти условия? Прежде всего—качество детской аудитории и качество руководства. Далее следует качество квалификации учителя. Сейчас мы остановимся именно на качестве квалификации. Итак, мы установили, что инструментом в руках педагога является его образование. Следовательно, если есть дефекты, в области образования, если у педагога не хватает минимума подготовки по тем или другим отраслям, то качество продукции будет страдать. Как бы хорошо данный работник ни знал все приемы и методы, как бы хорошо он не умел ставить опыты в области физики, скажем, но если он не имеет достаточных знаний для того, чтобы сделать физику послушным инструментом в своих руках, то вся его педагогическая подготовка потеряет свое значение. Следовательно, образовательная подготовка является одним из самых решающих моментов в квалификации учителя. Но образование должно быть именно такого рода, чтобы оно действительно могло играть роль инструмента в руках учителя; нет никакого смысла в образовании, если оно как бы заключено в несгораемый шкаф, в котором заперты знания, а это бывает в тех случаях, когда учитель не обладает достаточной инициативой и умением использовать свое образование для наиболее эффективного выполнения задания.

Проблема образования педагога характерна не только для советской трудовой школы, но и для любой школы за границей. Если здесь есть различие, то оно заключается в самом содержании образования; образование же, как таковое, необходимо учителю всякой школы. Образование американского педагога, например, должно состоять из таких-то и таких-то элементов, а образование советского учителя—из совершенно других элементов, по крайней мере, в смысле методологии, но в общем образование педагога является основным стержнем его работы.

Что мы имеем в наших условиях в области образования педагога? С одной стороны, образование педагога строилось на основании требований старой школы, т. е.—дореволюционное образование, среднее или высшее. С другой стороны, мы имеем образование послереволюционное, среднее и высшее, которое строилось в несовсем еще организованной средней или высшей школе советского периода.

Что касается образования дореволюционного периода, то оно страдает следующими недостатками: старое образование строилось на основании совершенно иного миросозерцания, оно было построено на основе разрыва теории и практики, а не на основах единства между ними. Раньше техника и труд рассматривались как специальные предметы, а не как общеобразовательные предметы, необходимые для современного образованного человека. Надо заметить, что в Америке, в Германии и др. странах для педагога считается гражданской необходимостью быть знакомым с трудом и техникой. Следовательно, педагог, окончивший дореволюционную среднюю или высшую школу, имел пробел по тем предметам, которые считались лишними в старой школе. Сюда относятся—техника, экономика и труд. Таким образом тот педагог, который окончил старую школу и за эти десять лет не пополнил путем переподготовки дефицит в своем образовании, должен теперь позаботиться о заполнении пробелов, чтобы образовательная часть его профессии была обеспечена.

Что же касается педагога, который окончил послереволюционную школу, то у него, конечно, не должно быть дефицита в отношении методологии и миросозерцания, но в отношении фактических знаний, в отношении овладения знаниями он находится в таком же, если не в худшем положении, чем педагог, окончивший старую школу. Следовательно, вопрос о пополнении образовательного дефицита есть один из решающих вопросов в деле создания более или менее нормального соотношения между всеми элементами педагогической квалификации работника.

ПУТИ СОЗДАНИЯ КВАЛИФИЦИРОВАННОГО ПЕДАГОГА.

Основной вопрос, который мы должны разрешить по линии квалификации педагога—это вопрос о типе и характере нового педагога.

Обычно, когда говорят о повышении квалификации, предполагают, что у человека низкая квалификация, которую нужно повысить. Но возникает вопрос, как будет обстоять дело с повышением квалификации, когда у всех будет достаточно высокий уровень ее? Мы отвечаем на этот вопрос следующим образом. Так же, как происходит процесс амортизации во всех областях, происходит он и по линии использования педагогической рабочей силы. Человек, который получил самую нормальную подготовку, после того, как он проработал несколько лет, естественно, начинает отставать по целому ряду вопросов, по которым он в течение этого времени не занимался. В результате практической работы в течение нескольких лет у него образуются такие пробелы, которые необходимо заполнить.

Если мы проанализируем калькуляции любой фабрики, любого завода и любого треста, мы увидим по ним, что вопрос амортизации рабочей силы имеет огромное значение для производства. У нас это не проявляется так ясно, наглядно и четко, потому что у нас имеется один государственный орган (Главпрофобр), который занимается вопросами подготовки рабочей силы, и те суммы, которые он получает, получаются им именно из расчета, во-первых, создать новые кадры рабочей силы, потому что часть старых теряется (воспроизводство), и, во-вторых, из расчета на то, чтобы произвести ремонт существующей рабочей силы. Но если посмотреть, что делается в капиталистических странах, то мы увидим, что там каждый завод, каждая фабрика заботятся о том, чтобы покрыть амортизацию рабочей силы. Они создают специальные курсы, школы, и характерно, что тот завод, который больше тратит на воспроизводство рабочей силы, имеет лучшее качество продукции.

В области педагогического труда, так же как и в любой другой отрасли труда, нельзя говорить о том, что квалификация того или иного работника должна оставаться неизменной. С ростом и развитием педагогической теории и практики повышаются и требования к педагогической квалификации. Человек, который окончил педагогический техникум или педагогический вуз в определенном году, через 5 лет, когда дело педагогического образования, педагогическая теория и практика пойдут вперед, окажется отсталым. Поэтому, очевидно, что вопрос о беспрерывном перманентном повышении квалификации есть один из важнейших вопросов для педагогического труда, так же как и для любой отрасли труда такого типа, который требует активного и сознательного волевого вмешательства самого работника. Не случайным поэтому является декрет Совнаркома о том, что работники сельских школ (пока только сельских) имеют право на посылку на курсы по переподготовке раз в 5 лет. Это право предоставлено им на основании учета именно приведенных выше соображений.

Вопрос о повышении квалификации педагога можно рассматривать и с другой стороны. Мы можем повышение квалификации педагога сравнивать с ремонтом паровоза в паровозном депо. Паровоз, проработавший несколько времени, возвращается в депо и там восстанавливается таким, каким он был раньше. А с педагогом как нужно поступать? Можно ли, сделать так, чтобы он был таким, каким он был раньше, когда он оканчивал педтехникум или педвуз? Нет, этого сделать нельзя. Педагогический стаж имеет огромное значение. Человек, который проработал несколько лет, приобрел определенный опыт в области своей профессии и стал значительно сильнее, чем он был. Разница между ремонтом паровоза в депо и ремонтом педагогического персонала заключается в том, что в то время, как паровоз, который проработал 2-3 года ухудшился, педагог, проработавший несколько лет, улучшился.

Поэтому вопрос о повышении квалификации есть вопрос не восстановления его знаний, а вопрос догонки того, в чем он отстал в области теории и практики. Повышение квалификации нельзя рассматривать, как какое-то случайное явление, как помощь тем несчастным, которые обладают низкой квалификацией, а нужно рассматривать, как беспрерывный поступательный процесс в след и в темп за прогрессивным движением и развитием науки, техники, педагогической мысли и т. п.

Больше того. Прорабатывается, например, в настоящее время курс педологии. Надо сказать, что через год-два в области педологии появятся, несомненно, новые данные, потому, что педология как наука находится лишь в стадии создания. Она еще не имеет законченных и стабилизированных научных приемов и принципов, какие имеют другие науки, как физика, биология и т. п. Педология находится еще только в стадии роста. Это еще только младенец. То, что вы получаете сегодня, быть может, представляет собой весь багаж сегодняшнего профессора, но завтра в этой области могут появиться новые данные, новые законы и т. д.

Отсюда ясно, какое значение имеет повышение квалификации для педагогического персонала. Если принять первое положение, что образование есть инструмент в руках педагога и что это самое образование в виде отдельных отраслей науки достаточно развивается, то, очевидно, что вопрос о повышении квалификации не есть вопрос о выравнивании, о нивеллировке педагогического персонала, а есть вопрос о беспрерывном усвоении достижений современной науки.

Поэтому, когда мы говорим о повышении квалификации в области физики или техники по отношению к людям, которые обладают первоначальным образованием в этих областях, то мы имеем в виду совершенно естественный процесс нормального пополнения того, что они не успели сделать при проведении своей практической работы. Это одна группа задач, относящихся к той части педагогов, которая имеет первоначальную фундаментальную подготовку. Но у нас имеется целая группа таких педагогов, у которых не хватает нормального минимума знаний, скажем, в области биологии, естествознания, физики, техники. Эти педагоги должны дополучить то, чего они не получили в свое время, т. е. они должны ликвидировать свой дефицит. Это вторая группа педагогов. И, наконец, имеется третья группа, которая в процессе работы по повышению квалификации должна получить заново то, что не было получено в стенах старой школы или даже в современной новой школе. Тут речь идет прежде всего о трудовой подготовке, о педологической подготовке и т. д.

Совершенно ясно, что между всеми отраслями знания имеется тесная связь, и неподготовка по одной линии моментально отражается на другой линии. Если, например, имеется недоподготовка по линии общего образования, то и по линии естествознания будет чувствоваться некоторый тормоз. Следовательно, если мы начнем проводить трудовую подготовку с данной группой и обнаружится, что она имеет одинаковый минимум подготовки и по общеобразовательной линии, и по линии экономических

дисциплин, и по линии точных наук, то эффект от трудовой подготовки получится совершенно иной и гораздо больший, чем если бы данная группа состояла из различных элементов, обладающих неодинаковой подготовкой. В этом и заключается главная трудность нашей работы.

К учительскому персоналу невозможно подходить с теми же мерками, с какими мы подходим к какому-либо иному объекту, который хотим классифицировать. Дело в том, что здесь ни один показатель не является подходящим. Можем ли мы судить по тому или иному признаку, какое образование получил данный педагог—высшее или среднее.—Нет, не можем. Вовсе это не обязательно, чтобы человек, получивший высшее образование, имел больше знаний, чем человек, получивший среднее образование.

Вопрос о классификации и группировке педагогического персонала—очень сложный вопрос, но им необходимо заняться, так как проводить переподготовку с неклассифицированным материалом—это значит заставлять более подготовленных терять время на повторение того, что им уж известно, или, наоборот—заставлять менее подготовленных слушать то, что ими еще не может быть понято. И то и другое одинаково нецелесообразно.

Еще раз подчеркиваем, что вопрос о группировке и диференциации является одним из решающих вопросов в деле повышения эффективности нашей работы.

Осуществление классификации намечается нами следующим образом.

Сейчас на заочных курсах обучается большая армия в 15 тысяч человек. Известно, что заочные курсы отличаются от живых именно тем, что здесь каждый человек представляет из себя целую аудиторию, и ему одному уделяется столько внимания, сколько на живых курсах уделяется всей аудитории в совокупности. Изучая состав аудитории заочных курсов и результаты предварительной работы с ней, мы еще раз убеждаемся, что классификация—дело очень сложное, к которому нужно подходить с особой осторожностью. Чрезвычайно трудно установить степень отклонения данного педагога от средней нормы. Повидимому, трудовая переподготовка в ближайшие годы будет основываться именно на естественном отборе более или менее подготовленных педагогов в процессе самой работы по переподготовке как на курсах, так и на конференциях и семинариях.

На этом вопросе останавливаемся только между прочим, просто, чтобы указать на трудности в работе, которые иной раз даже приводят к невозможности осуществить ее, как следует.

Сейчас мы во что бы то ни стало должны добиваться повышения производительности педагогического труда в школе. Производительность труда нужно поставить на такую высоту, чтобы мы могли из первой же ступени школы выпускать материал, успешно обеспечивающий нашу страну строителями социализма. Мы прекрасно знаем, что, если производительность педагогического труда не будет стоять на высоте, то эффективность работы школы первой ступени тоже не будет достаточно высокой, а это отразится и на второй ступени и, наконец, на тех работниках, которых мы должны подготовить для нашей страны.

Для того чтобы повысить производительность труда, необходимо, прежде всего, установить определенную норму выработки и обеспечить такую квалификацию педагогического персонала, которая давала бы возможность осуществить на деле эту норму. Педагог первой ступени должен работать 24 часа в неделю. Является ли это нормой выработки, о которой мы говорим сейчас? Нет, это только у с л о в и е для выработки, потому что 24 часа работы должны дать какой-то эффект, какой-то минимум результатов, а иногда мы этих результатов не видим. С другой стороны, если педагог вырабатывает меньше нормы в 24 часа, то это еще

не значит, что он не годится для своего дела. Если бы вопрос стоял так, то вообще невозможно было бы осуществлять преподавание, и не только у нас, но и в более богатых странах. Если же учитель в течение 24 час. дает хорошую выработку, то что это означает? Это означает, что у него есть такие-то и такие-то положительные качества. Как же добиться того, чтобы эти качества были решительно у всех преподавателей. Педагог работает так, как можно работать в современных условиях. Нужно только добиваться максимальной производительности труда при помощи выявления и развития у возможно большего количества педагогов таких положительных качеств, которые позволяют дать хорошую выработку в 24 часа. Вот к чему сводится основная задача наша в этой области.

ТРУДОВАЯ ПОДГОТОВКА.

Стержнем работы для этого на ближайший период времени является трудовая переподготовка. Почему? Причина ясна: если современный педагог в области естествознания, математики, в области языка, литературы и т. д. является еще более или менее подготовленным, то в области труда (мы имеем в виду основную массу педагогов) он совершенно неподготовлен.

А между тем, если мы требуем от педагога I ступени определенных знаний в области математики, естествознания и т. д. и говорим, что наша школа является школой трудовой, то как не требовать от этого педагога определенных знаний в области труда.

Но требовать мало. Надо помочь ему эти знания приобрести. Поэтому ближайшей задачей в этой области является обеспечение педагогического персонала такими условиями, при которых он мог бы получить трудовую подготовку.

Прежде всего нужно покончить с той точкой зрения, которая существует в настоящее время и которая сводится к тому, что труд, это—дело инструктора. С таким же успехом можно говорить, что математика в первой ступени есть дело математика, а обществоведение во второй—дело обществоведа. Между тем мы требуем знания этих предметов и от других преподавателей, так как из них слагается обще-культурный уровень наших педагогов. Поскольку, в условиях трудовой школы труд занимает такое же гражданское место, как и другие предметы, независимо от того, что имеется инструктор по труду, каждый педагог должен иметь определенные знания в этой области. Разговоры о том, что для постановки труда в школе, нужно подготовить инструкторов труда, а педагоги тут не при чем, должны быть изжиты. Основное расхождение между нашей точкой зрения на образование и точкой зрения капиталистических стран заключается именно в том, что мы отстаиваем единство теории и практики и считаем, что труд есть такой же общеобразовательный предмет, как и другие школьные дисциплины. Как известно, мы внесли изменения в систему конструирования учебных планов и в понятие общего образования мы включаем и труд.

Дальше. Если мы требуем от наших учащихся, от будущих граждан знания трудовых процессов, то как же не требовать этого от нашего педагогического персонала. Как бы это ни было трудно, но вопрос должен быть разрешен совершенно определенно в том смысле, что нам нужна переподготовка по труду так же, как и по другим предметам.

Как поставить эту работу?

У нас имеется огромная армия педагогов, которые нуждаются в трудовой переподготовке. Дело это огромной трудности и каждый, кто займется им и укажет пути скорейшего проведения этой задачи в жизнь, должен, по-моему, получить по крайней мере орден «Красного знамени».

Какие у нас имеются соображения по этому вопросу и как мы представляем себе разрешение этой проблемы? Мы думаем, что нужно сделать большую передвижку по линии организации наших курсов. Мы считаем, что те летние курсы, которые мы ежегодно проводим, должны стать курсами трудовой переподготовки и думаем в течение ближайших лет уже приступить реально к разрешению этой задачи—задачи трудофикации летних курсов.

Но для этого необходимо, прежде всего, создать соответствующие кадры людей, при помощи которых можно было бы на этих летних курсах поставить обучение труду, мало того, что у нас педагогический персонал нуждается в трудовой переподготовке, у нас нет людей, которые могли бы эту трудовую переподготовку реализовать среди педагогов. Таким образом необходимо, прежде всего, создать кадр работников, которые должны помочь провести эту переподготовку на местах.

С. ФРИДМАН.

О ПОДГОТОВКЕ РАБОТНИКОВ ПО СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЕ ДЕТСТВА.

I.

Состоявшийся в апреле 1927 г. XIII Всероссийский съезд советов в своей резолюции по вопросу о состоянии народного просвещения в РСФСР отмечает, что «детская беспризорность требует и теперь самых энергичных усилий в борьбе против этого общественного зла» и что «хозяйственный подъем позволяет ныне поставить перед страной задачу полной ликвидации детской беспризорности, а также задачу создания условий, которые препятствовали бы ее дальнейшему возникновению». В дальнейшем, по указанию съезда, необходимо «неуклонно вести эту борьбу, усиливая плановое начало в этом деле и широко привлекая к нему содействие местной власти и общественных организаций». Съезд таким образом вполне одобрил ту линию плановых мероприятий правительства, которые, видя в борьбе с детской беспризорностью «задачу, имеющую крупное государственное и общественное значение» (введение к постановлению ЦИК и СНК СССР от 13 августа 1926 г.), наметили постепенный план ее изживания в Союзе (см. утвержденный ВЦИК и СНК РСФСР трехлетний план борьбы с детской беспризорностью от 20 июня 1927 г.).

В числе плановых мероприятий в этой области, несомненно, должна быть указана подготовка достаточно квалифицированных организаторов и работников по охране детства. Ни в одной области народного просвещения не требуется от работников проявления такой творческой инициативы, уменья организовать общественность, знания особенностей детского и юношеского возраста, как в области борьбы с беспризорностью. Значительные материальные средства, затрачиваемые государством и обществом на эту цель, смогут привести к желаемым результатам только тогда, когда они будут использованы с максимальной целесообразностью и производительностью. А это будет возможно лишь при создании кадра вполне подготовленных организаторов и выполнителей этого дела.

Потребность в подготовке таких работников проявилась у нас с самого возникновения в составе органов народного образования особых отделений социально-правовой охраны несовершеннолетних (или правовой защиты несовершеннолетних, как они назывались раньше). Начиная с 1920 г., Наркомпрос поставил перед собою эту задачу, но первые попытки в этом направлении неизбежно носили характер некоторого кустарничества. Краткосрочные курсы для подготовки работников учреждений Спон, обследователей-воспитателей, председателей комиссий по делам о несовершеннолетних, детских социальных инспекторов, устраивавшиеся в течение 1921—22 гг. в Москве и некоторых других городах, не могли создать кадра достаточно подготовленных работников в виду краткости срока обучения, отсутствия необходимых программ и пособий, отсутствия расширенной общеобразовательной базы. В лучшем случае они могли заронить в слушателях интерес к отдельным вопросам или помочь им несколько оформить их практические знания. Когда с 1922 г., с переходом к революционной законности, стало отливаться в новые правовые формы и детское право, кроме педагогических знаний и навыков, от работника Спон потребовалось и достаточное знакомство с различными областями советского права. Привлечение советской общественности к делу охраны детства и борьбы с беспризорностью создало новые формы работы, дав ей резко выраженный социальный уклон.

Все эти обстоятельства создали потребность в работниках нового типа, обладающих наряду с педагогической подготовкой, необходимой для правильного подхода к особенностям детского и переходного возраста, также достаточно широким социальным кругозором и опытом и надлежащими юридическими познаниями. Правовые отделения университетов, сосредоточившие свое внимание на подготовке практических судебных работников и администраторов, не могли удовлетворить этой потребности. Ощущалась потребность выработки необходимого кадра из недр педагогов, специализировавшихся в области вопросов охраны детства.

Первые шаги в этом направлении были предприняты Ленинградским институтом социального воспитания в 1922 г. В составе существовавшего здесь дефектологического факультета было образовано особое отделение социальньо-правовой охраны несовершеннолетних, поставившее своей задачей подготовку работников комонес, заведующих отделами Спон, работников по опеке, руководителей детских юридических консультаций и, наконец, педагогов-воспитателей и руководителей в учреждениях для трудно-воспитуемых детей. Тогда же некоторые шаги в сторону введения курсов по охране детства были сделаны и в Московском институте детской дефективности.

Уже опыт первого года показал, что специализация, приобретаемая в течение последнего года пребывания в вузе, как это было принято в начале, недостаточна. С другой стороны, существование отделения в недрах дефектологического факультета, изучавшего особенности детей умственно-отсталых, слепых, глухонемых и детей психопатических, не соответствовало основному подходу к беспризорному и трудному детству, которое в целом представляет собою нормальных, но социально-запущенных благодаря неблагоприятной окружающей обстановке детей. Возникла также потребность в объединении и согласовании опыта двух институтов, Московского и Ленинградского, в этой новой области педагогического образования. На совещании представителей этих двух вузов, с участием представителей Главпрофобра, состоявшемся в Москве весною 1924 г., программы нового отделения были пересмотрены и расширены. Оба института были переименованы в институты педологии и дефектологии, и в составе их отделения Спон заняли более самостоятельное место. Специализация должна была начинаться с третьего курса, и охватывать таким образом два года, причем в течение последнего года отводилось значительное место практике по специальности.

ряд сложнейших явлений психической жизни ребенка и тончайших моментов педагогического процесса никаким точным измерениям не поддается и что было бы вредным заблуждением придавать чрезмерное, исчерпывающее значение тестам.

Американцы понимают и учитывают, насколько ответственна роль тестирования и классификации учащихся и насколько опасны в этом деле ошибки; поэтому в сильнейших педагогических колледжах сильнейшими профессорами-специалистами для будущих педагогов, особенно же для будущих заведующих школами и школьных инструкторов, читаются обстоятельные курсы по тестированию и проводится соответствующая практика.

Безусловно, неумелое безграмотное тестирование может не только не сократить второгодничества, а его увеличить, увеличить нервную трепку учащихся и педагогов и привести к весьма печальным результатам. Результаты могут получиться хуже, чем у мартышки с очками. Вот почему, как бы ни было соблазнительно и выгодно во многих отношениях это средство,—выгодным и целесообразным оно может быть только при надлежащих условиях—безусловном наличии хорошо грамотных в области тестирования педагогов, подготовке надлежащих условий (целесообразно составленных бланок, руководств и т. п.) и в больших школах, при наличии нескольких параллельных групп одного и того же класса.

Это одно из крупнейших достижений американской школы в ее стремлении поставить педагогический процесс на научные рельсы.

Н. Н. ИЛЬИН.

ВОПРОСЫ ПОЛИТИКИ И ОРГАНИЗАЦИИ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ЗА ГРАНИЦЕЙ.

ГЕРМАНИЯ.

1. НОВЫЕ ПАРЛАМЕНТЫ, ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ и ШКОЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В ГЕРМАНИИ.

Как уже читателю нашего журнала известно,—провал школьного закона в германском рейхстаге явился ближайшим поводом к распаду правительственной коалиции и к роспуску рейхстага.

Прошедшие в мае месяце с. г. выборы в рейхстаг значительно изменили соотношение политических партий в рейхстаге. Как уже известно из общей прессы, правая коалиция в германском рейхстаге заменилась так называемой большой коалицией, т. е. коалицией социал-демократов, демократической партии, партии католического центра и народной партии.

Как может отразиться изменение в составе правительства на направлении школьной политики в Германии и на положении школы вообще? Будет ли иметь какое-нибудь действительное значение замена преобладающего влияния националистов влиянием социал-демократов?

В этом отношении будет интересна справка о том, как составлялся германский рейхстаг в годы после революции, и каково в нем было соотношение политических партий.

Ответ мы находим в нижеследующей таблице:

ССТАВ ГЕРМАНСКОГО РЕЙХСТАГА В ГОДЫ ПОСЛЕ РЕВОЛЮЦИИ.

Название партий.	Депутаты по их партийной принадлежности.				
		Рейхстага.			
	Национ. собран. 19 января 1919 г.	I созыв. 1920/22 г.	II созыв 4 мая 1924 г.	III созыв 7 ноября 1924 г.	VI созыв 20 мая 1928 г.
Общее число всех депутатов .	421	459	472	493	491
1. Германская национальная народная партия	44	71	95	103	73
2. Германская народная партия	19	65	45	51	45
3. Центр	91	64	65	69	62
4 Германская демократическая партия	75	39	28	32	25
5. Социал-демократическая партия	163	102	100	131	153
6. Коммунистическая партия . .	—	4	62	45	54
7. Баварская народная партия .	—	21	16	19	16
8. Хозяйственная партия . . .	4	4	10	17	23
9. Другие партии	3	5	51	26	40
10. Независимая социал-демократическая партия.	22	84	—	—	—

Как видно из этой таблицы, в германском рейхстаге представлено шесть больших политических партий: партия крайних правых—германская национальная народная партия (сокращенно—националисты)—это партия откровенных монархистов и неприкрытых врагов республики; германская народная партия (либералов), представляющая интересы крупного промышленного капитала; партия центра—партия ортодоксальных католиков; германская демократическая партия, социал-демократическая партия и коммунистическая партия.

Последние две партии все время численно увеличиваются, но все же они вместе пока имеют меньше половины членов рейхстага. Кроме того коммунистическая партия, конечно, ни на какие компромиссы с буржуазными партиями не идет, ни в каких правительственных коалициях не участвует и представляет собой непримиримую оппозицию блоку буржуазных партий. Остальные партии находятся в таком отношении, что

только при помощи коалиции целого ряда партий могут получить более или менее значительное большинство, необходимое для формирования правительства.

Характерным является по интересующему нас вопросу программное заявление социал-демократического канцлера Германа Мюллера в рейхстаге: «В области школьной политики правительство будет стремиться к разрешению столь важной проблемы—государственного школьного закона в смысле поднятия и улучшения высокоценного немецкого народного образования. При этом будет сохранено и положение школы, как состоящего под государственным суверенитетом организма, развитие и расчленение которого основывается на постановлениях конституции и на праве религиозных сообществ в отношении преподавания религии и на предусмотренной конституцией свободе совести при соблюдении прав родителей.

Заботы о физическом, умственном и нравственном благосостоянии немецкого народа будут составлять и впредь, как и раньше, особую заботу правительства. Сюда включается также и развитие физкультуры.

Должны быть также приняты меры к развитию техники, исследований, науки и искусства при помощи облегчения материальной нужды, в которой они находились до сих пор».

Совершенно ясно, что правительство, руководимое социал-демократами, ставит своей основной задачей поддержание и развитие преподавания религии в школе. Канцлер обещает разработку нового школьного закона, но в каком направлении он сможет прийти к выполнению этого обещания?

Влиятельные представители партий католического центра неоднократно недвусмысленно заявляли, что в области школы для них является решающим то, что требует церковь. А так как католическая церковь рассматривает вопрос о школе, как искони подлежащий ее исключительному влиянию,—то здесь со стороны центра не может итти речь о принципиальных уступках, а можно говорить лишь о тех или иных второстепенных компромиссах. Между тем националисты со своей стороны сделали дерзкий шахматный ход. И, несмотря на то, что они находятся в оппозиции, внесли в рейхстаг проект нового школьного закона. Этот проект в общем и целом повторяет неудачный проект Кейделя, отвергнутый предшествующим рейхстагом еще в стадии комиссионного рассмотрения, но ухудшает его еще в том отношении, что воспроизводит все поправки, сделанные в комиссии рейхстага представителями правых партий, и отвергает все те поправки, которые приняты в комиссии голосами бывшей оппозиции.

Но этот шаг националистов еще раз ясно дает понять центру, что только в коалиции с правыми они могут получить тот школьный закон, которого они так настойчиво добиваются. Но, с другой стороны, партия центра может рассчитывать при помощи социал-демократов провести конкордат как в Пруссии, так и во всей Германии (о конкордате смотри ниже), в то время как националисты являются противниками конкордата.

Положение в области школьного дела, как видно из изложенного, является до сих пор невыясненным, но, во всяком случае, сулит мало хорошего немецкой народной школе.

Из отдельных стран, входящих в состав Германии, новые выборы законодательных палат (ландтагов в 1928 г.) проходили в Пруссии, Баварии, Вюртемберге, Ангальте, Ольденбурге и Шаумбург-Липпе.

Везде можно отметить некоторое полевение, но практического значения в области школьной политики, насколько можно предвидеть,—это иметь не будет.

В общем и целом можно сказать, что той поддержки, которую правые партии искали во всенародном голосовании, надеясь получить решительное преобладание в рейхстаге и в ландтагах для проведения своей реакционной школьной политики,—они не нашли. Но, с другой стороны, никакой силы для решительного перелома существовавшего до сих пор положения также не создано.

2. В ОЖИДАНИИ КОНКОРДАТА.

Общая политическая и специальная педагогическая периодическая литература в Германии полна тревожных слухов о готовящемся конкордате между Пруссией и папской курией, за которым может последовать и конкордат между Германией и папой. Прусское правительство хранит по этому вопросу глубокое молчание, но слухи упорно говорят о том, что министр-президент Пруссии—социал-демократ Браун и министр народного просвещения—проф. Беккер являются сторонниками такого конкордата.

Что же из себя представляет по существу конкордат и что он сулит немецкой школе?

С точки зрения международного права конкордат—это договор между государством и папой, как главой католической церкви, который в данном случае рассматривается договаривающейся стороной, как суверенный монарх. Этот договор по существу ограничивает договаривающееся государство на его собственной территории, так как вопросы, по которым заключено соглашение, уже не могут впредь разрешаться самостоятельным законодательством государства, а должны регулироваться соглашениями с папской курией. Следовательно, и с этой точки зрения конкордат тоже означает умаление суверенитета государства и признание верховенства католической церкви, которая по существу никаких обязательств на себя не принимает.

Для практического понимания значения конкордата приведем некоторые пункты из конкордата, заключенного Баварией с римской церковью:

1. Назначение профессоров и доцентов богословских факультетов университетов и других высших учебных заведений, а также законоучителей в средних учебных заведениях может последовать лишь с согласия соответствующего епархиального епископа; по требованию этого же епископа вышеуказанные преподаватели должны удаляться со своих должностей.

2. В составе философских факультетов Мюнхена и Вюрцбурга должно быть, по крайней мере, по одному профессору философии и истории, против которых нет возражений со стороны католической церкви.

3. Обучение и воспитание детей в католических народных школах будет поручаться только таким учителям, которые способны и согласны преподавать католическую религию в духе церкви и воспитывать детей в согласии с католическим мировоззрением.

4. Учителя и учительницы, которые желают получить должность в католических народных школах, должны предварительно доказать, что они получили образование, соответствующее характеру этих школ, причем это условие распространяется не только на преподавание религии, но также и на те предметы, в отношении которых имеет значение мировоззрение и нравственные взгляды кандидата. Для преподавания религии требуется церковное благословение (Missio Canonica) соответствующего епископа.

5. При реорганизации дела подготовки учителей государство должно будет обеспечить подготовку учителей для католических народных школ в духе вышеуказанных положений.

6. Во всех испытательных комиссиях на учительские звания для католических народных школ должны участвовать с правом голоса, по крайней мере, в отношении обучения религии—представители церковных властей. Во всех общинах должны открываться по требованию родителей католические народные школы, если число учеников достаточно хотя бы для одноклассной школы.

7. Объем программ по преподаванию религии устанавливается в согласии с представителями церкви, и во всех школах—народных, повышенного типа и средних, находится под надзором и управлением церкви.

8. Монашеские ордена и религиозные конгрегации пользуются особыми правами по учреждению и управлению частных школ.

Достаточно знакомства с вышеперечисленными пунктами конкордата, чтобы представить себе, каково должно быть направление школы при таком, почти неограниченном, влиянии церкви.

Тайна, окружающая переговоры по этому вопросу, внушает представителям германской школы и учительству небезосновательную тревогу. Дальновидные люди говорят, что конкордат придет «как тать в нощи».

3. СОЦИАЛЬНЫЙ СОСТАВ УЧАЩИХСЯ В ГЕРМАНСКОЙ СРЕДНЕЙ ШКОЛЕ.

По последнему опубликованному обследованию социального состава учащихся в мужских средних учебных заведениях Пруссии учащиеся по профессии отца делились следующим образом: детей высших чиновников 6,2%; средних чиновников—23,1%; низших чиновников—4,4%, представителей свободных профессий с академическим образованием—3,1%; представителей свободных профессий без университетского образования—1,3%; офицеров и высших военных чиновников—1,2%; других военных—0,3%; крупных помещиков—1,8%; мелких сельских хозяев—4,1%; торговцев и промышленников—31,0%; частных служащих на руководящих постах—4,4%; других частных служащих—12,5%; рабочих—5,4%; других профессий—0,4% и без указания профессий—0,8%.

По мнению немецкого исследователя эти цифры дают достаточный материал для опровержения упрека, бросаемого средней школе,—в том, что она является школой классовой.

«Число детей рабочих почти так же велико, как высших чиновников»... (sic!.).

Еще хуже данные по социальной статистике относительно Бадена. Детей с.-х. служащих и рабочих было 3,8%; детей индустриальных рабочих—0,6%; детей рабочих в торговле и промышленности—1%.

АВСТРИЯ.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ И ШКОЛА.

Маленькая Австрия представляет собою федеративное государство и, несмотря на свою небольшую территорию и небольшое количество населения, имеет союзное правительство и 9 правительств отдельных стран, имеет общий национальный Совет и 9 ландтагов.

В общем и целом Австрия имеет 64 министра и 560 депутатов. Между этими правительствами сплошь и рядом происходят весьма серьезные трения на политической почве, которые отражаются в особенности на школьном деле. Весьма характерным является положение в Вене с открытием среднего учебного заведения для рабочих.

По новому закону о средних учебных заведениях, принятому австрийским ландтагом в августе 1927 года, министру народного просвещения предоставляется в виде опыта открывать средние учебные заведения для рабочих (типа наших вечерних рабфаков). Такая школа должна была быть открыта с начала текущего года в Вене. Уже был назначен директор этой школы и был объявлен прием слушателей. Но тут возникли трения между министром Шмицом и руководителем школьного дела в Вене—Глэкелем. Последний—социал-демократ настаивал на назначении учителями в это учебное заведение социал-демократов, в то время, как министр, будучи христианским социалистом, желает назначить в эту школу христианских социалистов. Ни та, ни другая сторона не уступает, и в результате школа не открывается и слушателям предложено взять обратно свои документы... Их утешают тем, что, может быть, в начале 2-го полугодия школу удастся открыть.

ФРАНЦИЯ.

Происходивший недавно в Ренне съезд французского учительского союза (Syndicat National), главным образом, занимался вопросом о национализации системы воспитания. Как известно, во Франции государственная школа—светская, или вернее,—нейтральная в вопросах религиозных. Рядом с ней существуют всевозможные частные школы, находящиеся в преобладающем своем большинстве под влиянием церкви, хотя преподавателями в них состоят недуховные лица. Между этими частными школами и государственными идет постоянная борьба. Формально посылка детей в частные школы предоставляется свободному желанию родителей. Фактически же лица, находящиеся в той или иной зависимости от церкви, от работодателей или даже от определенной клиентуры,—вынуждены пользоваться этими частными школами.

Учительский союз принял следующее постановление:

1. Все учебные заведения должны быть государственными; не должно быть частных школ, существующих на особых от государственных школ основаниях;

2. Учебники и учащий персонал всех учебных заведений должны быть светскими; ни в коем случае не должно быть предоставлено право каким-либо школьным организациям обходить эту светскость.

3. Преподавание религии, которое не может быть взято на себя национальной школой, должно проводиться вне школы в часы, свободные от школьных занятий, и предоставлено семье и религиозным сообществам.

В отношении общего вопроса об управлении всем школьным делом учительский союз выставил требование, чтобы все учебные заведения, которые в настоящее время еще распылены между различными министерствами,—были бы переданы в ведение министерства народного просвещения. По мнению союза, при этом министерстве должен быть образован Совет, в котором должны быть в равном числе представлены политические партии, представители заинтересованных в школьном деле органов самоуправления и учительства. Этот верховный Совет должен состоять из 3 отделений по трем ступеням школы соответственно принципам деления единой школы. При этом Совете должны быть учреждены компетентные органы: один—по вопросам психолого-педагогическим, другой—по вопросам физического воспитания и третий—по вопросам отбора одаренных в пределах данной школы.

Наконец, учительский союз выставил требование удлинения срока школьного обучения (в настоящее время курс народной школы продолжается 7 лет) и введения всеобщего обязательного обучения в дополнительной школе.

ЮГО-СЛАВИЯ.

НАЦИОНАЛЬНЫЕ МЕНЬШИНСТВА И ШКОЛЫ.

Еще очень недавно министр народного просвещения Гролл издал распоряжение, в котором министр взял обратно все уступки, сделанные национальным меньшинствам. Согласно новому распоряжению в тех местах, где нет каких-нибудь школ для национальных меньшинств,—все дети, принадлежащие к этим национальностям, обязаны посещать исключительно государственную школу. Если, напр., в какой-нибудь общине имеется 20 немецких детей, но не существует немецкой или иной национальной школы, то они обязаны посещать государственную школу. Дальше право выбора между теми или другими отделениями, напр., немецким или венгерским, родители имеют только при записи их детей в I класс. Переводить же детей впоследствии из одного национального отделения в другое они права не имеют.

Если встречаются затруднения в определении национальности детей, то надо обратить внимание на то, на каком языке говорят с детьми родители. Дети, которые имеют славянские фамилии на «ич» или «вич»,—ни в коем случае не могут допускаться в школы национальных меньшинств, а должны обязательно посещать государственную школу.

Тем же министром подготовляется к внесению в скупщину законопроект, в котором закрепляется вышеуказанное положение школы нацменьшинств.

СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ СЕВЕРНОЙ АМЕРИКИ.

По последним статистическим данным, общее количество учащихся в американских школах превышает 30 млн. человек. Из них 23 млн. человек в начальных школах; 4,5 млн. в среднх учебных заведениях; 1 млн.—в высших учебных заведениях и остальные в разного рода профессиональных школах. Общее количество учащих в 1925 г. превышало 1 млн. человек (1 млн. 21 т.), и по количеству служащих ведомства народного просвещения превышало все остальные.

Расходы по народному просвещению достигали в круглых цифрах 3 миллиардов долларов.

В 1927 г. количество учащих возросло на 2%, что объясняется повсеместным введением новых должностей—преподавателей физкультуры. Соответственно с этим расходы по народному образованию возросли на 250 млн. долларов.

ШВЕЦИЯ.

ШКОЛА И АЛКОГОЛЬ.

В середине минувшего столетия в Скандинавских странах был настолько распространен алкоголизм, что это обстоятельство серьезно угрожало самому существованию этих народов.

Для борьбы с этим явлением образовались специальные общества, которые из года в год вырастали количественно и, вместе с тем,—усиливалось их влияние.

В настоящее время по всей Швеции разбросана целая сеть союзов, члены которых проводят строгое воздержание от какого бы то ни было алкоголя. Учителя весьма широко представлены в этих союзах и во многих местах занимают руководящее положение.

Последним распоряжением министра народного просвещения учение о вреде алкоголя как для отдельного индивидуума, так и для всего общества вводится как обязательная часть школьного обучения и излагается на всех ступенях школы, соответственно развитию детей. На младшей ступени обучения это объединяется с естествоведением, краеведением, религией и историей; на средней и старшей ступенях—с биологией, гигиеной, историей, гражданствоведением и обществоведением; в профессиональных учебных заведениях преподается в соединении с промышленной экономией и гигиеной.

Учительские семинарии должны дать будущим учителям достаточную для этого преподавания подготовку. На обязанности школьных администраторов лежит наблюдение за этим преподаванием и обеспечение его необходимыми учебными пособиями. На учительских конгрессах и собраниях должно иметь место обсуждение вопросов антиалкоголизма.

Попутно детям должно разъясняться также влияние кофе и табака.

П. К.